
3 1761 07151417 8

Иванъ Геназиевъ. 1913.

ИСТОРІЯ БОЛГАРЪ.

СОЧИНЕНІЕ

профессора Пражскаго университета
Д-ра КОНСТ. ІОС. ИРЕЧКА.

ПЕРЕВОДЪ

Заслуженнаго профессора Новороссійскаго университета **Ф. К. Бруна**
и магистранта того-же университета **В. Н. Палаузова.**

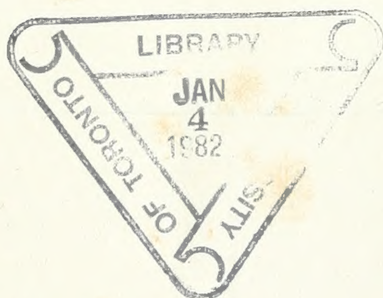

Изданіе душеприкащиковъ Болгарина В. Е. Априлова, исправленное и дополненное прибавленіями самого автора и снабженное историческою картою.

ОДЕССА.
Типографія Л. Нитче.
1878.

Дозволено цензурою. Одесса, 10-го іюля 1878 г. — Тип. Л. Нитче, Полицейская улица, № 30.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Изданіе на русскомъ языкѣ сочиненія основательно знакомящаго съ исторіей болгарскаго народа едва-ли нужно оправдывать въ настоящій моментъ, когда Россія устраиваетъ судьбу этого народа, къ сожалѣнію, такъ мало извѣстнаго русской публикѣ. Въ русской литературѣ, какъ извѣстно, кромѣ сочиненій Ю. Ив. Венелина, В. Е. Априлова, С. Н. Палаузова, А. Гильфердинга и М. С. Дринова, нѣтъ книгъ, подробно излагающихъ исторію Болгаръ. Да и сочиненія только что названныхъ авторовъ, во 1-хъ, не обнимаютъ всей жизни народа отъ его появленія на поприщѣ исторіи до нашихъ дней, а, во 2-хъ, были изданы слишкомъ давно, чтобы, при самой новизнѣ предмета, удовлетворять современнымъ требованіямъ исторической критики. Къ тому-же многія изъ нихъ стали библіографической рѣдкостью.

Въ виду этого душеприкащики извѣстнаго патріота болгарскаго Василія Евстафьевича Априлова, всю жизнь свою мечтавшаго о цѣлой исторіи своего народа и завѣщавшаго на изданіе ея нѣкоторую сумму денегъ, сочли прямымъ своимъ долгомъ принять предложеніе заслуженнаго профессора Новороссійскаго университета Ф. К. Бруна и магистранта

того-же университета В. Н. Палаузова, изъявившихъ желаніе перевести на русскій языкъ сочиненіе профессора Пражскаго университета д-ра К. І. Иречка, вышедшее почти одновременно на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ (Geschichte der Bulgaren, Prag 1876. — Dějiny naroda bulharského, V Praze 1876). Сочиненіе это повсюду было встрѣчено сочувственно. Не только славянскіе, но и нѣмецкіе и другіе западно-европейскіе критики отнеслись къ этой книгѣ съ заслуженными похвалами, а Болгарами она встрѣчена съ энтузіазмомъ *), какъ первый опытъ цѣльнаго изложенія всей исторіи Болгаръ, какъ во время, когда они составляли самостоятельное царство, такъ и подъ ихъ тяжкимъ пятивѣковымъ игомъ, къ счастію, теперь сверженнымъ Россіею.

Въ то время, когда переводъ былъ почти оконченъ и готовился къ печати, вышелъ 1-й выпускъ перевода этой-же книги г. Яковлева (Варшава, 1877 г.). Тѣмъ не менѣе душеприкащики Априлова не оставили своей мысли по слѣдующимъ причинамъ. Послѣ изданія книги г. Иречка на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ прошло уже достаточно много времени; неутомимый ученый авторъ ея въ этотъ промежутокъ успѣлъ сдѣлать много изслѣдованій, значительно измѣнившихъ не только мелкія подробности, но даже и цѣлыя главы его труда. Лѣтомъ 1877 г. онъ издалъ новое географическо-историческое изслѣдованіе подъ заглавіемъ

*) Одесскіе Болгаре, въ благодарность автору за его исторію Болгаръ, послали ему, чрезъ ректора Пражскаго университета, гдѣ г. Иречекъ состоитъ профессоромъ, адресъ. На этотъ адресъ, написанный на болгарскомъ языкѣ, г. Иречекъ отвѣчалъ по болгарски-же письмомъ къ Одесскимъ Болгарамъ. Русскій переводъ адреса и отвѣта г. Иречка см. въ Од. Вѣстн. 24 ноября 1877 и № 1 1878 г.

«Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe» (Дорога изъ Бѣлграда въ Константинополь и балканскіе проходы). Въ это-же время вышелъ въ свѣтъ 2-й томъ Каницевой «Donau-Bulgarien und der Balkan». Наконецъ, около того-же времени были изданы и монографіи другаго извѣстнаго болгарскаго историка М. Дринова. Всѣ эти труды, какъ автора «Исторіи Болгаръ», такъ и другихъ ученыхъ, сдѣлали необходимымъ измѣнить многія главы книги, не говоря уже о деталяхъ. Г. Иречекъ былъ такъ снисходителенъ, что сдѣлалъ соотвѣтствующія дополненія и перемѣны въ настоящемъ русскомъ переводѣ, въ особенности въ главахъ, касающихся исторіи Болгаръ въ X, XII, XIII и XVII столѣтіяхъ. Наконецъ и переводчики своими замѣтками, сообщенными автору, содѣйствовали тому, что настоящій русскій переводъ имѣетъ характеръ *новаго* изданія сочиненія. Кромѣ того, г. Иречекъ, по желанію душеприкащиковъ, приложилъ къ книгѣ историческую карту, любезно предложивъ для этого имъ самимъ составленную, гравированіе которой въ Вѣнѣ производилось подъ его наблюденіемъ.

За всѣ труды, предпринятые авторомъ для настоящаго изданія, душеприкащики считаютъ священною своею обязанностью глубоко благодарить ученаго историографа болгарскаго.

Издателямъ остается еще сказать, что выручка, которая будетъ получена отъ продажи книги, поступитъ на пополненіе затраченнаго капитала, оставленнаго покойнымъ В. Е. Априловымъ для напечатанія исторіи, при чемъ душеприкащики имѣютъ намѣреніе ходатайствовать о разрѣшеніи имъ

учредить Априловскую премію для награжденія авторовъ хорошихъ монографій и трактатовъ по болгарской исторіи, послѣ одобренія ихъ компетентными лицами или учрежденіемъ.

Одесса.
Іюнь 1878 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Стр.

Глава I.

Географическое обозрѣніе.

Характеръ и культура, нравы и обычаи, возвышеніе и упадокъ, словомъ все умственное развитіе каждаго народа главнымъ образомъ обусловливается видомъ и особенностями почвы, на которой живетъ этотъ народъ. Изложенію судебъ Болгарскаго народа мы поэтому должны предпослать краткій географическій обзоръ тѣхъ странъ, которыя нѣкогда были поприщемъ его исторіи, или нынѣ составляютъ его родину. При этомъ иногда прійдется переступать границы этнографическаго распространенія болгарскаго народа, такъ какъ исторія и географія отдѣльныхъ мѣстностей юговосточнаго полуострова, составляющаго какъ бы замкнутый міръ, останутся весьма неясными, если при описаніи не имѣть въ виду сосѣднія страны.

Юговосточный полуостровъ, который мы называемъ, слѣдуя общепринятому обыкновенію, *Балканскимъ полуостровомъ*, наименѣе извѣстенъ изъ всѣхъ странъ Европы. До начала нынѣшняго столѣтія наполняли его какими то фантастическими горными цѣпями, рѣчными потоками, озерами и городами: о научномъ изслѣдованіи этихъ странъ нельзя было и помышлять. Только послѣ Адріанопольскаго мира начали выясняться вопросы географіи греческихъ и южнославянскихъ странъ. Всѣмъ, что мы о нихъ знаемъ, обязаны мы не трудамъ турецкаго правительства, а неутомимому усердію отдѣльныхъ путешественниковъ, которые, ра-

зумѣется, могли сообщить достовѣрнаго только то, что они сами видѣли. Систематическаго изслѣдованія этихъ замѣчательныхъ странъ нѣтъ еще и доселѣ. „Только тотъ, кто самъ путешествовалъ по этой странѣ и при этомъ могъ пользоваться достойными упоминанія картами Турціи, можетъ повѣрить, что въ Европѣ еще есть большія населенныя области, съ значительными горами, плодородными равнинами и большими рѣками, столь-же мало извѣстныя, какъ внутренняя Африка или Австралія“ [1]).

Кромѣ извѣстій западно-европейскихъ путешественниковъ, Англичанъ, Французовъ и Нѣмцевъ, мы пользуемся въ нашемъ изложеніи еще множествомъ письменныхъ и устныхъ сообщеній отъ туземцевъ. Имъ въ особенности мы обязаны возможностью писать по большей части правильно туземныя имена, передаваемыя иностранцами очень часто невѣрно.

А. ОРОГРАФІЯ.

Съ незапамятныхъ временъ существовало мнѣніе, что Балканскій полуостровъ пересѣченъ отъ Адріатическаго до Чернаго моря высокимъ, неприступнымъ горнымъ кряжемъ, безпрерывной альпійской центральной цѣпью, тянущейся почти по прямому направленію отъ запада на востокъ и образующей водораздѣлъ бассейновъ Эгейскаго и Чернаго морей (т. е. Дуная). Уже у Страбона [2]) встрѣчаемъ взглядъ, что иллирійскія, пеонскія и ѳракійскія горы, составляя почти прямую линію, тянутся параллельно Дунаю отъ Адріа-

[1]) Prof. Dr. F. v. Hochstetter, въ Mittheil. der k. k. geogr. Gesellschaft in Wien 1870, 19.

[2]) Strabo VII, p. 313: Τρόπον γάρ τινα τῷ Ἴστρῳ παράλληλά ἐστι τά τε Ἰλλυρικὰ καὶ τὰ Παιονικὰ καὶ τὰ Θρᾴκια ὄρη, μίαν πως γραμμὴν ἀποτελοῦντα, διήκουσαν ἀπὸ τοῦ Ἀδρίου μέχρι πρὸς τὸν Πόντον. Frg. VII. 1. 10: ἡ Μακεδονία περιορίζεται ἐκ βορρᾶ τῇ νοουμένῃ εὐθείᾳ γραμμῇ τῇ διὰ Βερτίσκου ὄρους καὶ Σκάρδου καὶ Ὀρβήλου καὶ

тическаго моря до Понта. Ошибку эту унаслѣдовали географы древности, среднихъ вѣковъ и новаго времени. Изъ средневѣковыхъ мы укажемъ только на свидѣтельство Византійца Никифора Григоры: онъ говоритъ о непрерывной цѣпи, тянущейся вдоль сѣверныхъ границъ Македоніи и Ѳракіи, отъ Понта Евксинскаго до самаго Іонійскаго моря, откуда берутъ начало Стримонъ и Аксій [3]). Подобный же взглядъ встрѣчается и у Анны Комнины [4]). На устарѣвшихъ картахъ новаго времени, начиная съ Меркатора, постоянно изображался альпо-образный горный хребетъ, безпрерывная горная цѣпь Скарда, Орбела и Гема (**Scardus, Orbelus, Haemus**), составляющая какъ бы продолженіе Альпъ до самаго берега Чернаго моря. Ученый архіепископъ Веранціусъ (собственно Вранчичъ), путешествовавшій въ качествѣ императорскаго посла въ Константинополь въ 1553 г., полагалъ, что отъ Пиренеевъ до самой Месемвріи на Черномъ морѣ тянется безъ перерыва высокая горная цѣпь (**catena mundi**). Вопросъ разрѣшенъ былъ только въ 1840 г. путешественниками Буэ и Гризебахомъ [5]). Устраненіемъ этой центральной цѣпи на новѣйшихъ картахъ мы обязаны Киперту, представившему впервые въ 1853 году въ истинномъ видѣ устройство поверхности Балканскаго полуострова.

Ῥοδόπης καὶ Αἵμου τα γὰρ ὄρη ταῦτα, ἀρχόμενα ἀπὸ τοῦ Ἀδρίου, διήκει κατὰ εὐθεῖαν γραμμὴν ἕως τοῦ Εὐξείνου. Ср. Anonymi Periplus Ponti Eux. въ Сборн. Hoffmann'a. Leipz. 1842 стр. 197.

[3]) Nikephoros Gregoras ed. Bonn. I, 375: Τὰ ὑπερκείμενα μέγιστα ὄρη, ὃ κατὰ τὸ συνεχὲς παρατείνει μέχρι τοῦ Ἰονίου πελάγους ἐκ τοῦ πόντου ἀρξάμενα τοῦ Εὐξείνου, ὁρίζοντα μὲν πρὸς μεσημβρίαν κα νότον ἄνεμον Θράκην καὶ Μακεδονίαν, πρὸς δ'ἄρκτους τάς τε Μυσῶν χώρας καὶ ποταμὸν τὸν Ἴστρον.

[4]) **Anna Komnena ed. Par. 451.**

[5]) A. Boué. La Turquie d'Europe. Paris 1840. I 217. Grisebach. Reise durch Rumelien. Göttingen 1841. II 110. A. Boué, Ueber die sogenannte Centralkette der europ. Türkei. Sitzber. d. W. Akad. LIII (1866). Ср. объ этомъ вопросѣ Dr. Const. Jos. Jireček, Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. Prag 1877 стр. 139—140.

Горы Балканскаго полуострова въ двухъ мѣстахъ соприкасаются съ горными системами средней Европы, на западѣ—съ Альпами, на востокѣ—съ Карпатами. Отроги Альпъ, начинаясь съ Карста, покрываютъ всю Боснію и Герцеговину многочисленными, параллельными адріатическому побережью, горными цѣпями, оканчивающимися сѣверо-албанскимъ горнымъ узломъ у глубокаго русла Дрима. По ту сторону Дрима поднимаются албанскія цѣпи, расходясь многочисленными хребтами. Долиной Чернаго Дрима, тянущейся съ юга на сѣверъ, отдѣляется отъ нихъ *Шаръ* (Scardus), идущій съ ЮЗ. на СВ. Къ нему на югѣ примыкаетъ *Пиндъ*, простирающійся до самой Эллады. На востокъ отъ Шара вдоль по водораздѣлу Дуная и Эгейскаго моря тянется прерываемый широкими долинами рядъ болѣе или менѣе изолированныхъ горъ до втораго горнаго узла, возвышающагося въ центрѣ около *Витоша* и *Рыла* (Scomius). Отъ Рыла идетъ въ юговосточномъ направленіи вѣтвистая горная система *Родопа*. На востокъ отъ Рыла отдѣляется *Срѣдна-гора*, служащая границей между софійскою котловиною и ѳракійской равниной, и примыкающая далѣе параллельной цѣпью къ южному склону Балкана. Самый *Балканъ* является естественнымъ продолженіемъ банатскихъ Карпатовъ. Отдѣленный отъ Карпатовъ Дунайскимъ ущельемъ, онъ тянется дугою съ З. на В. къ самому Черному морю.

Долины Моравы и Вардара, соединяясь низменною сѣдловиною между Черной Горой (Кара-Дагъ) и Рудномъ, раздѣляютъ полуостровъ на двѣ половины. Въ западной половинѣ горы тянутся съ сѣвера на югъ, или съ СЗ. на ЮВ., между тѣмъ какъ въ восточной половинѣ преобладаетъ направленіе съ З. на В. Сначала мы займемся восточной половиной.

I. **Балканъ** (Стара Планина).

1. ***Сербскія предгорья.*** На правомъ берегу Дунайскаго ущелья у Орсовы поднимаются крутыя горы Сербіи. Оттуда

тянется нѣсколько горныхъ цѣпей къ югу: они граничатъ на З. долиной Моравы, на В. бассейномъ рѣки Тимока. Здѣсь въ особенности слѣдуетъ указать на богатую рудой горную страну по рѣкѣ Пекѣ и высокія обнаженныя скалы *Мироча*. Къ нимъ примыкаютъ горы *Омолье*, южныя продолженія которыхъ называются *Малиникъ* и *Саманяцъ*. Южнѣе ихъ поднимается *Ртань* (болгар. Хъртенъ), изолированная пирамидальная гора въ 1300 метр. высоты, видимая со всѣхъ сторонъ на большомъ разстояніи. Югозападный склонъ Ртани покрытъ прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ, сѣверовосточный же склонъ очень крутъ. Съ вершины его, на которую можно взобраться и верхомъ, видны: весь бассейнъ рѣки Тимока, отдаленныя воды Дуная, необозримыя равнины Валахіи, подымающаяся къ небу стѣна Балкана, Суха Планина и Ястребацъ, за которымъ показывается Копаоникъ; далѣе виднѣются: долина Моравы, лѣсистая Шумадія, а на дальнемъ сѣверѣ равнины Баната и отроги Карпатовъ [6]). Южнѣе Ртани, за рѣчкой Моравицей, поднимается, надъ сербскимъ пограничнымъ городомъ Алексинцемъ—*Озрѣнъ*. Отъ него тянутся въ юговосточномъ направленіи до самаго Балкана известковыя горы, не выше 300 метровъ: они отдѣляютъ притоки Нишавы и Тимока.

Западную границу тимокской долины образуютъ названныя горы Мирочъ и Ртань съ ихъ отрогами; восточная сторона долины примыкаетъ къ Балканамъ. Противъ горы *Столъ*, по ту сторону Тимока поднимаются предгорья Балкана, восточныя пограничныя горы Сербіи, известковыя высоты почти вездѣ покрытыя буковыми лѣсами. У мѣста, назыв. *Кадиболазъ* шла, недавно открытая Ф. Каницомъ, римская дорога изъ тимокской долины къ рѣкѣ Арчару, сос-

---

[6]) F. Kanitz, Reise in Süd-Serbien und Nord-Bulgarien. Wien 1868, 31. — М. Б. Милићевић. Кнежевина Србија. Београд 1876, стр. 776.

динявшая Naissus (Нишъ), на древней дорогѣ отъ Бѣлграда къ Константинополю, съ Ratiaria (Арчаръ) на Дунаѣ. Нынѣ путь этотъ замкнутъ сербской границей; проходъ изъ тимокской долины къ Видину находится теперь далѣе къ сѣверу у вершины *Вршка Чука*. Съ вершинъ этихъ горъ (напр. Бабинъ Носъ) представляются обширные виды Болгаріи и Валахіи. Верхняя часть тимокской области также известковой формаціи, безлѣсна и покрыта крутыми высокими скалами. Здѣсь много пещеръ, въ особенности же ледяныхъ, и множество воронко-образныхъ пропастей, называемыхъ по сербски *Вртаче;* гулъ отъ брошеннаго камня раздается въ нихъ за долго до того, какъ камень достигнетъ дна. Медвѣди и кабаны приходятъ сюда съ Балкановъ; также попадаются иногда тетерева [7]).

2. *Характеръ Балкана.* На вершинѣ Иванова Ливада (Ивановъ лугъ), на пересѣченіи трехъ границъ, сербской и пашалыковъ Нишскаго и Видинскаго, стоитъ сербскій караулъ (пограничная стража). Тамъ начинается *Балканъ* собственно. Имя Балканъ—турецкое и означаетъ просто гору. Въ древности эта горная цѣпь называлась Haemus (Αἶμος) [8]). Въ средніе вѣка по славянски носила также названіе *Каменица.* Болгаре называютъ Балканы вездѣ отъ Тимока до самаго моря *Стара Планина* (старая гора) [9]), а Турки *Ходжа Балканъ* (главныя горы).

---

[7]) Мачан. Описаніе Княжевацкаго округа, въ Гласникѣ српског учено г друштва (1866) XIX.

[8]) Это имя пытались объяснить древнебактрис имъ aesma — лѣсъ. Tomaschek. Rosalia und Brumalia, Sitzber. der W. Akad. 1869. 393.

[9]) На нѣкоторыхъ картахъ это имя ошибочно помѣщено въ западномъ Балканѣ. Первое упоминаніе этого имени мы нашли у дубровницкаго поэта Гундулича († 1638) въ поэмѣ Османъ III, 53. Имя Ходжа-Балканъ примѣнялось до сихъ поръ одинаково то западной, то центральной части. См. о Каменицѣ: Schweigger, Reise (Nürnberg 1608) 47. Iac. Pejačević, Veteris et novae geographiae congeries (Zagrabiae 1714) у Schwandtner, Scriptores rerum ung. 3. 750.

На сѣверъ Балканъ постепенно спускается къ Дунаю, представляя частью низкія гряды горъ, частью террасовидныя площади или же наклонныя плоскости. Южный склонъ, напротивъ, крутъ и обнаженъ и, отъ прорыва рѣки Искра до Месемвріи, представляетъ сплошную стѣну длиною около 50 миль. Только въ трехъ мѣстахъ прерывается онъ впадинами, соединяющими его съ параллельно идущей средней горной цѣпью. Этотъ отвѣсный южный склонъ произошелъ отъ дислокаціонной трещины, причемъ горы къ югу, за немногими исключеніями (Срѣдна Гора) совершенно погрузились. У подошвы этой гигантской скалистой стѣны есть много теплыхъ ключей и разнородныхъ вулканическихъ горныхъ породъ [10]). Такимъ своимъ образованіемъ Балканъ очень походитъ на богемскія Рудныя горы. Съ южной стороны онъ представляетъ величественное зрѣлище: съ сѣверной же иногда онъ совсѣмъ не поражаетъ. Надъ высокимъ хребтомъ изрѣдка возвышаются отдѣльныя значительныя вершины. Болѣе же крутой склонъ сѣверной стороны хребта напротивъ того, къ западу отъ Искра до Тимока около 17 миль въ длину [11]). Ущелье Искра дѣлитъ Балканъ на двѣ части, западную и восточную. Въ нашемъ описаніи мы будемъ слѣдовать съ запада на востокъ. Западная часть еще мало извѣстна. Въ послѣдніе годы обратили на нее особенное вниманіе, къ сожалѣнію рано умершій Лежанъ и въ особенности Каницъ [12]).

3. ***Западный Балканъ.*** Неподалеку отъ Ивановой Ливады, чрезъ проходъ Св. Николая (1384 м.) ведетъ, построенная въ 1863 году съ стратегическою цѣлью по при-

[10]) Dr. F. von Hochstetter, Reise durch Rumelien. Mittheil. der k. k. geogr. Gesellschaft. XIII. 1870. 598.

[11]) Kanitz, Donau- Bulgarien. II, 317.

[12]) F. Kanitz, Donau-Bulgarien und der Balkan. Historisch-geographische Reisestudien. I Bd. Lpzg. 1875. II Bd. Lpzg. 1877.

казанію Митхада-паши, дорога отъ Нишавы въ долину р. Лома; прежде не было никакого сообщенія на турецкой почвѣ между Нишомъ и Видиномъ, такъ какъ старая дорога, со времени сербской революціи, находится въ чужихъ рукахъ. Ф. Каницъ, которому мы обязаны изслѣдованіемъ и какъ бы открытіемъ западнаго Балкана, называетъ западную часть *Свети-Никола-Балканъ*. Далѣе поднимаются горы *Бабинъ Зубъ*, потомъ *Три Чуки*, между городами Пиротомъ, Берковицей и Бѣлградчикомъ. Съ вершины горы Три Чуки видны: Дунай съ прилегающими городами Видиномъ, Арчаромъ и Орѣховомъ [13]), Суха Планина, Ртань, Софія, Витошъ и горы у Самокова [14]). Чрезъ главную цѣпь, состоящую изъ известняка и песчаника, частью представляющую обнаженныя скалы, частью же покрытую красивыми буковыми лѣсами, ведутъ изъ Пирота въ дунайскую область два прохода, доступные только для вьючныхъ лошадей: по одному (1897 метр.) достигаешь *Чипровца*, который еще 200 лѣтъ тому назадъ имѣлъ семь серебряныхъ рудъ и былъ большимъ городомъ; по другому (1919 метр.) — Берковицы. По имени этого города называется и продолженіе цѣпи, *Берковишке Планина*, такъ какъ вообще части Балкана носятъ часто названія близлежащихъ городовъ. Эта часть Балкановъ обнажена до самой вершины и поднимается до высоты 2000 метр.; въ богатой снѣгами мѣстности, чрезъ которую пролегаетъ защищенная четырьмя караулами дорога изъ Берковицы въ Софію, она очень напоминаетъ швейцарскіе ландшафты. Далѣе на востокъ по хребту достигаешь почти недоступнаго мѣста, гдѣ проби-

[13]) Болгарскій звукъ ѣ произносится, смотря по діалекту, различно: ea, é, ja, a. Орѣхово или Оряхово (Рахово, Ореово на картахъ).

[14]) См. записки болгарскаго воеводы Панаіота Хитова, часто странствовавшаго по всему Балкану отъ Чернаго моря до Сербіи, Моето пѫтуванне по Стара планина. Букурештъ 1872, 151.

вается рѣка Искеръ, проложившая себѣ путь въ глубокой пропасти изъ высоко-расположенной котловины Софіи къ Дунаю.

Не только къ этой части, но и ко всему Балкану съ сѣвера примыкаютъ параллельно идущія известковыя горы по большей части покрытыя лѣсомъ и прорѣзываемыя верхними теченіями притоковъ Дуная: Лома, Цибры, Огуста и др.: всѣ они берутъ начало въ главной цѣпи. Крайнюю западную часть этихъ предгорій составляютъ горы *Столови*, между Арчаромъ и Ломомъ. Между ними и Балканомъ находится прелестная скалистая мѣстность, въ которой расположена маленькая крѣпость Бѣлградчикъ. Гигантскіе столбы изъ темно-краснаго песчаника, украшенные на вершинахъ группами деревьевъ, поднимаются въ самыхъ фантастическихъ фигурахъ болѣе чѣмъ на 200 метр.; отдѣленные другъ отъ друга потоками и окруженные роскошною зеленью, они образуютъ удивительныя группы и аллеи, будто окаменѣлый городъ съ башнями, укрѣпленіями, домами, мостами, обелисками и кораблями, людьми и животными. Этотъ міръ чудесъ былъ открытъ Каницомъ [15]). До него эту мѣстность видалъ только Бланки [16]), описывающій ее съ восхищеніемъ: „Ни тѣснины Оліулы въ Провансѣ, ни ущелье Панкорбо въ Испаніи, ни Альпы, ни Пиренеи, ни самыя дикія горы Тироля и Швейцаріи, не могутъ сравниться съ этой мѣстностью". Далѣе къ востоку часть этихъ предгорій называется *Врачанска Планина*. Враца, довольно значительный городъ, расположенъ въ необыкновенно живописной мѣстности. Приближающемуся къ нему съ сѣвера видны за городомъ огромныя известковыя массы, бѣлыя какъ снѣгъ и обнаженныя, громоздящіяся столбами

[15]) Kanitz, Donau-Bulgarien I 260—266 (съ изображ.).

[16]) M. Blanqui. Voyage en Bulgarie. Paris 1843, 150.

и зубцами: рѣка Лева прорывается тамъ изъ прекрасной разсѣлины [17]).

4. ***Восточный Балканъ.*** За ущельемъ Искера поднимается, часто воспѣваемая въ болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ *Мургашъ Планина*, съ вершины которой видны: глубоко внизу Искеръ, далѣе Софія со всей котловиной, Рылъ, Родопа, а къ сѣверу—Пиротъ, Враца, Плевенъ. Отъ Мургаша на востокъ есть проходъ (1050 метр.), чрезъ который пролегаетъ дорога и телеграфъ; это новая дорога отъ Софіи къ недавно основанному Турками въ Балканахъ Орханіе. Далѣе части хребта называются: *Буновска* или *Этропольска Планина*, съ которой видны Софія, Витошъ и Родопа; *Мирковска Планина*, соединенная сѣдловиной съ Ихтиманскимъ Среднимъ хребтомъ; *Златишка Планина* надъ городомъ Златицей, лежащимъ на южномъ склонѣ въ плодородной и густо населенной долинѣ и *Лъженска Планина*. Сѣверный склонъ здѣсь покрытъ большими дубовыми и буковыми лѣсами. Далѣе слѣдуетъ *Клисурска Планина*, съ истоками Вида; къ южному ея склону примыкаетъ центральная Срѣдна Гора. Еще далѣе къ востоку надъ истоками Осмы, возвышается *Сопотска* или *Троянска Планина* [18]), въ 2000 метр. высоты и съ залежами мѣди и серебра. Въ этомъ мѣстѣ переходъ чрезъ Балканъ изъ Трояна въ Сопотъ въ восемь часовъ, по горной тропинкѣ, называемой *Троянска-та пътека*; здѣсь нѣкогда шла одна изъ самыхъ оживленныхъ римскихъ дорогъ, соединявшая почти въ прямомъ направленіи Филиппополь съ колоніями Novae (Стакленъ у Свиштова) и Oescus у устьевъ Искра [19]). Южный

[17]) G. Lejean, Voyage en Bulgarie, Le Tour du Monde XIII 1873, 146. E. Rockstroh, Ueber den Balkan. Mittheil. der k. k. geogr. Gesell. 1874. 115. Kanitz II, 324 (съ изображ.).

[18]) Мѣстности Этрополь и Троянъ лежатъ у сѣверной стороны, а Мирково, Буново, Лъжена, Клисура и Сопотъ у южной.

[19]) Dr. Const. Jireček, die Heerstrasse etc. стр. 156 сл. Въ этой книгѣ можно найдти исторію всѣхъ проходовъ.

склонъ (изъ слюдянаго сланца и первороднаго глинистаго сланца) вездѣ грандіозно крутъ и безжизненъ; подошва его совершенно пряма; у выходовъ не длинныхъ, но глубокихъ, подобныхъ ущельямъ поперечныхъ долинъ, расположены селенія.

За мѣстомъ, гдѣ Балканъ соединяется гранитнымъ хребтомъ съ восточной частью Срѣдней горы (Караджа-Дагъ), находятся двѣ вершины, на которыхъ снѣгъ еще держится въ Іюнѣ. Это *Кадимлія* у Калофера и въ особенности *Мара-Гедикъ* у Карлова, самая высокая вершина на Балканѣ (до 2400 метр.), необыкновенно крутой и прямой пикъ съ многочисленными зубцами, который вблизи оставляетъ глубокое и даже тяжелое впечатлѣніе [20]). У основанія Мара Гедика находится надъ истоками Тунджи, въ дикой и прекрасной, изобилующей водопадами скалистой мѣстности, самый высокій проходъ въ Балканахъ, Розалита (1930 метр.). Къ сѣверу отъ Казанлыка, расположеннаго въ прекрасной мѣстности, между громадными горными цѣпями и обширными полями покрытыми розами, открывается у деревни Шипки (572 метр.) главный проходъ чрезъ Балканы (1446 метр.), ведущій изъ долины Тунджи къ рѣкѣ Янтрѣ. Называютъ его также *Оазанъ*; два караула стерегутъ его. Здѣсь была построена въ 1837 году дорога для султана Махмуда II, вскорѣ, впрочемъ, испортившаяся, такъ что въ 1855 году султанъ Абдулъ-Меджидъ долженъ былъ устроить новую, которая теперь также безслѣдно исчезла.

Тутъ начинаются дѣвственные балканскіе лѣса, скрытые въ мрачныхъ ущельяхъ и почти неприступныхъ высокихъ долинахъ. Эта часть Балкановъ состоитъ изъ гранита и гнейса. Самая дикая часть Балкановъ находится здѣсь между Шипкой и проходомъ Сливенскимъ, приблизительно

[20]) Kanitz. II. 247. съ изображ.

въ 15 миль длины. Обнаженный скалистый хребетъ высоко выступаетъ надъ густыми буковыми лѣсами нижележащихъ мѣстностей. Этотъ непроходимый горный хребетъ въ теченіи столѣтій служитъ любимымъ мѣстомъ пребыванія болгарскихъ гайдуковъ (клефтовъ): каждая гора, ущелье и ручей имѣютъ у нихъ свое имя, преданіе и пѣсни. Но жить на этихъ высотахъ возможно только лѣтомъ. Зимнюю картину этой мѣстности лучше всего можно представить себѣ изъ замѣчательнаго описанія воеводы гайдуковъ Панаіота Хитова: „Какъ бѣшенный бушевалъ вѣтеръ, ослѣпительно блисталъ снѣгъ, рѣки и потоки жалобно ревѣли, волки выли въ горахъ, да каркало нѣсколько зимнихъ птицъ—больше ничего не было ни видно, ни слышно. Страшно трудно было подвигаться впередъ; время отъ времени мы совершенно погружались въ снѣгъ. Въ эту ночь мы едва подвинулись на 300 шаговъ; вѣтеръ насъ бросалъ то въ одну, то въ другую сторону и даже опрокидывалъ насъ“. [21]).

Надъ деревней Твердицей, у подошвы южнаго склона, куда ведетъ черезъ Балканъ изъ Елены тропинка, которую начали недавно передѣлывать въ дорогу, возвышается *Твърдишка Планина (или Чемерна)*, украшенная средневѣковыми развалинами. „Съ этого мѣста“, говоритъ Панаіотъ, „видны Сакаръ Планина, Адріанополь, Филиппополь и даже Доспатъ (Родопа). Повернись на право — тогда увидишь Елену, Беброво, Трново, Габрово и Плевенъ. Съ этой вершины видна также рѣка Тунджа съ полями розъ по ея берегамъ. Если посмотришь на югъ, то увидишь равнину съ множествомъ рѣкъ, а если обернешься къ Дунаю, то увидишь холмистую страну и рощи: лѣса освѣщены лучами болгарскаго солнца: мелькаютъ красные керемиды (черепицы на крышахъ) среди зеленыхъ полей: бѣлые домики

[21]) Записки Панаіота Хитова 40; 149.

прячутся подъ орѣшниками, грушами, вишнями и сливами: а рѣки блестятъ на солнцѣ, какъ серебряные пояса".

Далѣе находятся тѣснины (1104 метр.), называемыя по турецки *Демиръ-Капу* (желѣзныя ворота), по болгарски *Вратникъ*, чрезъ которыя идетъ дорога изъ Сливна чрезъ Стару Рѣку въ Трново. Къ СВ. отъ Сливна подымается прямо среди равнины *Чаталка* (турецк. *Чаталъ-Дагъ*), огромная крутая скала изъ кварцоваго порфира, съ вершиной дико изрѣзанной зубцами (1054 метр.) [22]).

Съ этого мѣста Балканъ широко раздвигается и развѣтвляется на три цѣпи. Сѣверная цѣпь (на картахъ *Малый* или *Кучукъ Балканъ*) тянется до Великой Камчіи: съ сѣвера къ ней примыкаетъ *Бинаръ-Дагъ* у Османъ-Пазара и высоты у Шумена, за которыми расширяется равнина *Дели-Орманъ* (по турецки: роща глупцовъ). Средняя цѣпь, обыкновенно называемая *Стара Планина*, тянется къ востоку до мѣста соединенія обѣихъ Камчій. Южная цѣпь отдѣляетъ долину Малой Камчіи отъ ѳракійской равнины до самаго моря: на СВ. отъ Сливна она называется *Матейска Планина* [23]).

Камчія составляется изъ двухъ рѣкъ: изъ всѣхъ рѣкъ, берущихъ начало въ Балканѣ, она одна только не течетъ вертикально къ цѣпи съ юга на сѣверъ, а горизонтально— съ запада на востокъ. *Голѣма Камчія* (великая, тур. Бюкъ или Акали Камчикъ), беретъ начало у Тичи (тур. Читакъ), подъ Малымъ Балканомъ и течетъ мимо древне-болгарскаго города Прѣслава (Эски Стамбулъ), дугою къ сѣверу въ море. *Малка* или *Луда Камчія* (Кучукъ или Дели Камчикъ, малая или бѣшенная) беретъ начало между сред-

[22]) Высота означена по Boué, Turquie d'Europe I. 92. Ср. Kanitz l. c. 588.

[23]) Водо-Балканъ на нашихъ картахъ.

ней и южной цѣпями, у Ракова. У деревни Сандукли обѣ Камчіи соединяются и направляются прямо на востокъ къ морю.

Эта часть Балкана, состоящая изъ мѣловыхъ пластовъ съ выступами порфира, большею частью покрыта буковыми, дубовыми и грабовыми лѣсами. Въ нихъ водятся медвѣди, волки, лисицы, дикія козы, олени и зайцы. Въ этой мѣстности есть три важныхъ прохода. Самый западный, доступный только вьючнымъ животнымъ, ведетъ изъ Сливна чрезъ Матейску Планину въ деревню Ичеру (тур. Вечера); далѣе, чрезъ Луду Камчію и городокъ Жеравну (Башкіой), приводитъ въ городъ Котелъ (тур. Казанъ) по ту сторону средней цѣпи; оттуда можно достигнуть чрезъ проходъ (624 метр.) Тичи на Голѣмой Камчіи. Оба другіе прохода начинаются въ Карнабадѣ (210 метр.). Изъ нихъ западный ведетъ чрезъ сѣдловину въ южной цѣпи къ Лудѣ Камчіи и далѣе чрезъ тѣснины *Котленски Буазъ* въ Котелъ, гдѣ соединяется съ предъидущимъ. Восточный проходъ (Πύλαι Σιδηραῖ Византійцевъ) [24], съ дорогой построенной султаномъ Махмудомъ, пролегаетъ чрезъ Комарово у водораздѣла Тунджи и Луды Камчіи (300 метр.), за этой рѣкой поднимается у Чалыкавака на среднюю цѣпь Балкана (402 метр.), затѣмъ спускается къ Голѣмѣ Камчіи и ведетъ далѣе къ Шумену (257 метр.).

Самая восточная часть Балкана *Эмине Балканъ* (около 1000 метр.), заканчивается у Чернаго моря мысомъ Эмине (въ средн. вѣка Cavo di l'Emano) [25], гдѣ расположенъ также городъ того же имени, средневѣков. Эммона [26]. У

[24]) Никита Хоніатъ въ письмѣ отъ 1187 г. C. Sathas. Bibl. graeca medii aevi I, 78. Ср. Jireček, Heerstrasse etc. стр. 150. Въ средніе вѣка былъ главнымъ проходомъ.

[25]) Canale, Della Crimea. Genova 1855. II. 362.

[26]) Miklosich et Müller, Acta patriarchatus Cpol. I 1,367.

Айтоса во Өракіи (143 метр.) находятся самые восточные проходы Балкана, изъ которыхъ одинъ (*Надиръ Дербендъ*) ведетъ въ долину Малки Камчіи, съ дорогою въ Шуменъ; другой отъ Айтоса же, чрезъ долину Кыркъ Гечидъ (сорокъ проходовъ чрезъ Делидже-дере) прямо къ сѣверу въ Провадъ (здѣсь слѣды римской дороги); наконецъ третій, побережный проходъ, чрезъ который прошли Русскіе въ 1829 году, ведетъ по берегу моря отъ Месемвріи и Анхіала въ Варну.

5. ***Добруджа.*** Къ сѣверу отъ восточной части Балкана лежитъ Добруджа (Scythia minor древнихъ), плоская возвышенность (100—200 метр.) съ крутыми краями какъ къ Дунаю, такъ и къ морю. Вблизи устьевъ Дуная, Добруджа, образуя какъ бы полуостровъ между моремъ и Дунаемъ, представляетъ лѣсистую горную группу, въ которой возвышается у Бабадага *Сакаръ Баиръ* (515 метр.). Добруджа, напоминающая собою венгерскую низменность, большею частью безлѣсная степь, покрытая роскошною травою; здѣсь мѣстопребываніе кочующихъ пастуховъ, которые пригоняютъ сюда стада овецъ и козъ даже изъ Трансильваніи (Мокканы); только кое гдѣ около деревень воздѣлывается она подъ поля и сады. Имя Добруджа — конца XIV столѣтія; названа она такъ по имени болгарскаго князя Добротича [27]).

2. Странджа.

Восточная часть Өракіи, Понтійское побережье, заключена горною цѣпью, которую обыкновенно называютъ *Странджа* [28]). Горы эти отдѣлены отъ Балкана вулканиче-

[27]) K. F. Peters, Reisebriefe eines deutschen Naturforschers aus der Dobrudscha. Oest. Revue 1865. IV—VII. 1866 VIII—X. XII. Гунмуличъ также описываетъ Добруджу (III 63 сл.). О Добротичѣ см. гл. XXII.

[28]) Имя Странджи (отъ византійскаго города Σ[illegible], нын. Истранджа.

скимъ плоскогорьемъ, простирающимся отъ Тунджи до самаго моря и усѣяннымъ многочисленными правильными конусообразными возвышеніями (Кучукъ Бакаджикъ, около 700 метр.). У самой подошвы Балкана лежитъ плодородная, отчасти болотистая равнина. Эти известковыя горы Странджи, до сихъ поръ мало изслѣдованныя, круто спускаются къ морю и отлого къ ѳракійской равнинѣ. Онѣ покрыты лѣсами, прорѣзаны многими скалистыми долинами и изобилуютъ пещерами, которыя по народнымъ сказаніямъ сообщаются подъ Балканомъ съ Дунаемъ. Лѣсистыя возвышенности достигаютъ 1000 метр. высоты. Здѣсь много обширныхъ дубовыхъ лѣсовъ, по которымъ болгарскіе гайдуки доходятъ почти до Константинополя. Эта горная цѣпь переходитъ у Босфора въ византійскій полуостровъ.

Въ углу между Тунджей и Марицей, на день пути къ сѣверу отъ Адріанополя, возвышается *Сакаръ Планина*, отдѣльно стоящая гранитная гора, покрытая дубовыми лѣсами (около 900 метр.), видимая со всѣхъ сторонъ на далекое разстояніе. Въ средніе вѣка она называлась по гречески *Параорія*, по славянски *Скрытная*. На западъ отъ нея, по ту сторону Марицы у Харманли, начинаются гранитныя предгорья Родопы; на востокъ за ущельемъ Тунджи, длиною въ 6 часовъ пути, лежатъ предгорья Странджи.

Вдоль по западному берегу Пропонтиды тянется на юго-западъ отъ Странджи низкій хребетъ, называемый *Текиръ-Дагъ*. У залива Сароса онъ раздѣляется на двое. Юго-западная вѣтвь занимаетъ Ѳракійскій Херсонесъ, западная же (*Куру-Дагъ*) направляется вдоль по берегу до устьевъ Марицы, гдѣ у Эноса выступаетъ *Чаталъ-Тепе* (396 метр.), съ котораго прекрасный видъ на море и на острова.

(Ср. Jireček, Heerstrasse, 102) принадлежитъ собственно небольшой части около Истранджи вблизи Сарая. Вообще на полуостровѣ довольно рѣдко имѣются общія названія для ряда высотъ.

Между Родопою, Сакаръ-Планиной, Странджей, Текиръ-Дагомъ и Куру-Дагомъ находится обширная равнина на 150—200 метр. надъ уровнемъ моря, орошаемая Марицей и Эргиной съ ихъ притоками. Эта однообразная ѳракійская степь гладка какъ море, — ни дерева, ни горы; почва ея частью песчаная и глинистая, частью черноземная, но необработанная: только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ покрыта она мелкимъ дубнякомъ. Большая же часть ея представляетъ безотрадную степь, гдѣ впрочемъ болѣе репейника, мальвъ и ромашекъ, чѣмъ травы. Лѣтомъ она превращается отъ жгучихъ лучей солнца въ пустыню. Рѣдко попадаются тамъ стада; за то стаями водятся аисты, стервятники и галки, а въ оврагахъ множество черепахъ.

3. Срѣдна гора. (Румелійскія среднія горы).

Вдоль южнаго склона Балкановъ, отъ Софіи до Сливна, тянется параллельная имъ цѣпь, которая только недавно изслѣдована Гохштеттеромъ и имъ названа *Румелійской средней цѣпью* [29]). Прежде обыкновенно смѣшивали ее съ Балканами. Стрѣма и Топольница, притоки Марицы, раздѣляютъ ее на три части, которыя Гохштеттеръ называетъ Караджа Дагъ, Срѣдна гора и Ихтиманскій средній хребетъ. Болгаре же называютъ всю вообще горную цѣпь, начиная отъ истоковъ Марицы до Ямболя, *Срѣдна Гора* (или Срядна, Средня г.) т. е. среднія горы.

Восточная *Срѣдна гора* (тур. *Караджа-Дагъ*) возвышается у Ямболя и тянется съ востока на западъ параллельно Балканамъ до мѣста истоковъ Тунджи. Ея круглыя, лѣси-

---

[29]) Hochstetter l. c., 600 сл. Boué, La Turquie I 94, упоминаетъ только о Караджа-Дагѣ. Уже на картѣ епархіи Филиппополя въ соч. свящ. Константина Ἐγχειρίδιον τῆς ἐπαρχίας Φιλιπποπόλεως (Вѣна 1819) Срѣдна Гора, Караджа-Дагъ и Гемусъ обозначены правильно.

стыя вершины достигають высоты 1000 метр. Между этой цѣпью и Балканами лежитъ верхняя котловина Тунджи, принадлежащая съ своими полями розъ, заключенными между двумя громадными горными хребтами, къ прекраснѣйшимъ мѣстамъ въ свѣтѣ; тамъ лежатъ города Калоферъ (650 метр.) [30]) и Казанлыкъ (442 метр.). Южный склонъ Караджа-Дага безлѣсенъ и обсаженъ виноградниками. У его подошвы начинается необозримая равнина верхней Ѳракіи, которая своимъ глубокимъ черноземомъ стала настоящей житницей Турціи. Въ сумрачной дали видны очертанія Родопскихъ горъ. На южномъ склонѣ вьются лентой фруктовые сады, въ которыхъ скрываются многочисленныя деревни. Болгарскій городъ Стара Загора или Желѣзникъ (234 метр.) лежитъ въ настоящемъ саду, а также далѣе къ востоку — Ени Загора (158 метр.).

Собственно центральная *Срѣдна Гора* (новогреч. Μέσον ὄρος, тур. Орта Дагъ), самая высокая во всей румелійской цѣпи, представляетъ естественно ограниченное цѣлое. Это параллельный Балканамъ плоскій горный хребетъ около 1700 метр. высоты. На востокѣ онъ отдѣленъ отъ Караджа Дага Стрѣмой, на западѣ Топольницей отъ Ихтиманскихъ горъ. Въ долинѣ между Срѣдна Гора и Балканами течетъ Гьопца на востокъ (въ Стрѣму) и Топольница на западъ; между источниками обѣихъ находится низкая сѣдловина, гдѣ черезъ ущелье *Проходъ* можно пробраться изъ Клисуры въ Златицу. Обращенный къ Балканамъ склонъ этихъ еще мало извѣстныхъ горъ крутъ. На югъ спускаются онѣ довольно отлого; здѣсь у вершинъ онѣ покрыты лѣсомъ, а ниже засажены виноградной лозой и густо населены. Важнѣйшія мѣста на Срѣдна Гора болгарскіе небольшие города Копривштица и Панагюриште.

———

[30]) Имя города Калоферъ отъ растенія *калоферъ* (Tanacetum Balsamita).

Ихтиманскій средній хребетъ, отдѣленный отъ предъидущаго глубокимъ ущельемъ Топольницы, соединяетъ Балканы съ Рыльскими и Родопскими, а такимъ образомъ и съ остальными горами полуострова. Онъ образуетъ также водораздѣлъ между ѳракійской равниной и котловиной Софіи, слѣдовательно между притоками Марицы и Дуная. Къ Балканамъ примыкаетъ онъ низменной сѣдловиной (835 метр.), гдѣ находится переходъ изъ Златицы въ Софію. У мѣста, гдѣ онъ отдѣляется отъ Рыльскихъ горъ, находятся истоки Марицы и у нихъ проходъ (1037 метр.), чрезъ который шелъ когда то весь торгъ между Рагузой, Сербіей, Албаніей и Константинополемъ. Марица немного на востокъ отъ своихъ истоковъ проходитъ чрезъ *Момину Клисуру* (тур. Кызъ Дербендъ) между Ихтиманскимъ хребтомъ и Родопой, и течетъ въ ѳракійскую равнину. Нынѣ чрезъ оба эти прохода ведетъ дорога изъ Самокова въ Т.-Пазарджикъ. Чрезъ Ихтиманскій хребетъ проходитъ самая важная дорога полуострова — изъ Константинополя въ Бѣлградъ. Ѣдущій изъ Ѳракіи проѣзжаетъ сначала за мѣстечкомъ Вѣтренъ (Хиссарджикъ) чрезъ ущелье, длиною въ 3 часа пути. *Succi* Римлянъ, нынѣ называемое *Троянова врата* или *Капуджикъ* (809 метровъ). Этимъ именемъ проходъ названъ по знаменитымъ римскимъ воротамъ при древнихъ укрѣпленіяхъ (башни и поперечныя стѣны) у самой вершины: Турки уничтожили этотъ памятникъ древности въ 1835 году [31]). Около 5-ти километровъ далѣе къ западу можно обойти Троянова врата проходомъ чрезъ *Сулу-Дербендъ* (тур. Водяной проходъ), находящимся на 126 метровъ ниже у горы называемой по болгарски *Василика*. Здѣсь начата нѣсколько лѣтъ тому назадъ постройка желѣзной дороги отъ Т.-Пазарджика въ Софію, остав-

---

[31]) Подробно объ этомъ см. Heerstrasse стр. 30—31.

шейся неоконченною. Затѣмъ дорога спускается въ красивую котловину, гдѣ лежитъ городокъ Ихтиманъ (610 метровъ) на Мътивирѣ, притокѣ Топольницы, который ошибочно означался на устарѣвшихъ картахъ забалканскимъ Видомъ и направлялся чрезъ воображаемыя тѣснины Балкана въ Дунай. Далѣе дорога пересѣкаетъ водораздѣлъ Марицы и Искра (840 метровъ) и спускается въ большую котловину къ городу Софіи (болгар. Срѣдецъ).

4. **Витошъ и Рылъ** (Scomius).

Громадный горный узелъ возвышается въ центрѣ полуострова, надъ истоками Марицы, Искра, Струмы и Нишавы, между котловинами Срѣдеца, Кюстендиля и долиной Моравы; это *Скомбросъ* Өукидида, при которомъ аөинскій историкъ предполагалъ истоки четырехъ рѣкъ: Стримонъ (Струма), Нестосъ (Места), Гебросъ (Марица) и Оскіосъ (Искеръ). До нашего времени эта мѣстность была terra incognita. Только чрезъ топографическія изысканія для проложенія желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Турціи былъ открытъ этотъ невѣдомый лабиринтъ горныхъ цѣпей, въ особенности же благодаря работамъ Гохштеттера [32]). Высочайшія вершины здѣсь *Витошъ* и *Рылъ*. Ихъ соединяетъ горная цѣпь *Верила-Планина*, у водораздѣла Искра и Струмы. Отъ Верилы на западъ тянется плоская террасовидная возвышенность *Конявo* и *Врбина-Планина*; отъ Витоша же идутъ: на западъ безлѣсная площадь *Голо-Брдо*, на сѣверъ *Люлинъ-Планина*, къ которой примыкаетъ, между Нишавой и Моравой, широкая горная масса. Въ этомъ узлѣ горныхъ цѣпей

[32]) Hochstetter, Das Vitoš-Gebiet in der Central-Türkei. (Petermann's Geogr. Mitth. 1872 I).

находятся котловины прежнихъ озеръ *Радомира* и *Дупницы*[33]), и у Самокова глубокая долина Искра. Эта мѣстность населена болгарскимъ племенемъ Шоповъ.

Витошъ[34]) (можетъ быть Δοῦναξ, Donuca древнихъ). — громадная сіенитная масса, представляющая со всѣхъ сторонъ величественный видъ своимъ почти округлымъ основаніемъ и конусообразной вершиной, достигающей 2300 метровъ надъ уровнемъ моря.

Южный склонъ покрытъ горными пастбищами, сѣверный — лѣсами, въ которыхъ водятся много медвѣдей. У вершины, среди скалистой и болотистой площади, поднимается огромная пирамидальная скала. Съ вершины видны: у подошвы на ужасной глубинѣ городъ Софія (535 метр.), далѣе Балканъ, который значительно ниже Витоша, громадные скалистые колоссы Рылъ и Родопа и весь малоизвѣстный лабиринтъ въ центрѣ полуострова. „Я уже воображаю“, говоритъ Буэ, „что, когда будутъ проложены турецкія желѣзныя дороги, члены Альпійскаго клуба и толпы туристовъ поспѣшатъ на Витошъ. Тамъ будетъ гостинница, какъ на Риги-кульмѣ, а нижней станціей будетъ Радомиръ, Самоковъ или Софія. Темпе у высокаго Олимпа романтически прекрасна, Водена въ Македоніи прелестна, но видъ съ Витоша превосходитъ все. Найдется ли на свѣтѣ хоть одна такая легкодоступная вершина, съ которой бы открывалось столько разнообразныхъ видовъ?“ Софія и Витошъ

[33]) Ошибочно правописаніе Дубница: это имя не происходитъ отъ дубъ, но отъ старославянскаго дупль - пустой, дупина, дупка - пещера.

[34]) Нѣкоторые пишутъ Вытошъ. Древнѣйшее упоминаніе этого имени я нашелъ въ грамотѣ болгарскаго царя Шишмана III (1365 -- 1393), данной монастырю Божьей Матери, «иже есть въ Витоши». Šafařik, Památky dřevniho pisemnictvi Jihoslovanuv. 2 изд. Прага, 1873, 108. Гундуличъ (Османъ III, 52) упоминаетъ о Витошѣ, котораго «вершина выступаетъ изъ дубоваго лѣса, проростающаго во льду». О Дунаксѣ ср. Livius 40.58, Strabo 4. 6, 12 стр. 208, Jireček, Heerstrasse, стр. 25.

нераздѣльны, какъ Неаполь и Везувій, какъ Капштадтъ и Столовая гора. Лѣтомъ на вершинѣ собираются черныя грозовыя облака, разражающіяся бурями надъ зеленѣющей равниной. Когда же вершина покрывается снѣгомъ, тогда наступаетъ зима и страшные ураганы свирѣпствуютъ въ низменности [35]).

Между Болгарской Моравой и Нишавой возвышаются три высокія горныя цѣпи, еще мало изслѣдованныя; съ одной стороны онѣ примыкаютъ къ Витошу, съ другой къ горамъ, идущимъ къ Шару. Гохштеттеръ назвалъ эту группу ***Верхне-Мизійскими*** горами.

Крайнюю восточную цѣпь образуетъ кряжъ изъ мелафира *Лилинъ* или *Ълинъ-Планина*, начинающійся у Витоша и направляющійся на сѣверо-западъ до самаго Пирота длиннымъ рядомъ конусообразныхъ вершинъ и близко прилегающими другъ къ другу кряжами. На западъ оттуда тянется известковый кряжъ альпійскаго характера (часть называется *Парамунъ-Планина*) съ крутыми конусами, прорѣзанными страшно дикими ущельями, которыхъ отвѣсныя стороны поднимаются на 400 метровъ надъ источниками притоковъ Сукавы, впадающей въ Нишаву.

Здѣсь въ романтической котловинѣ лежитъ городокъ Трънъ (612 метровъ); на СЗ. отъ Трна одна гора вмѣстѣ съ окрестностями называется *Снѣгополье* (болгарск. Снѣжное поле; турецк. Иснеболъ). Направляясь къ западу отъ Трна, приходишь къ горамъ ***Власина***, изъ слюдянаго сланца, у рѣки Власины, тянущимся на сѣверъ отъ Струмы до самаго Ниша и спускающимся къ Моравѣ страшно крутымъ склономъ [36]). Изрѣзанныя внизу дикими лѣсистыми и без-

[35]) **Hochstetter, Das Vitoš-Gebiet**, стр. 88.

[36]) На старѣйшихъ картахъ встрѣчается на этомъ мѣстѣ Курбетска Планина. Это названіе не слышалъ никто изъ новѣйшихъ путешественниковъ; оно вѣроятно произошло вслѣдствіе недоразумѣнія: курбет по албански чужой.—ните нде курбет—на чужбинѣ.

лѣсными ущельями, горы эти подымаются плоскимъ безлѣснымъ хребтомъ, на которомъ возвышаются многочисленныя вершины, достигающія 190 метровъ высоты. Эта горная страна населена веселыми, гостепріимными Болгарами. Въ долинахъ воздѣлывается маисъ и конопля: до высоты 1250 метровъ сѣютъ овесъ, просо и ячмень. На тучныхъ альпійскихъ лугахъ выстроены мызы и пасутся стада лошадей, скота и овецъ [37]). Сѣверную часть этихъ горъ составляетъ *Суха-Планина* у Ниша (1250 метровъ) съ обнаженными свѣтло-сѣрыми вершинами: Нишава отдѣляетъ ее отъ Балкановъ.

На западъ отъ Власины тянутся многочисленныя возвышенности до большой впадины соединяющей долины Моравы и Вардара. Онѣ оканчиваются конусообразнымъ съ плоской вершиной *Руяномъ* (935 метровъ). Къ западу отъ Руяна, за упомянутой выше впадиной, виднѣется *Чрна-Гора* (Кара-Дагъ). Но возвратимся опять къ востоку.

Рылъ или *Рыла - Планина* (Рило - Дагъ) возвышается около 4 миль южнѣе Витоша съ громадной скалистой, конусообразной вершиной (около 2750 метровъ), отъ которой расходятся на сѣверъ и югъ крутые, зубчатые, скалистые хребты. На востокъ отъ вершины пролегаетъ горная тропинка, ведущая изъ Самокова въ Рыльскій монастырь. Самоковъ на Искрѣ (912 метровъ), извѣстный своими желѣзными издѣліями (самоковъ по болгарски желѣзный молотъ), отличается горнымъ климатомъ: еще въ началѣ Іюня падаетъ здѣсь снѣгъ. Сосѣдніе склоны голы, совершенно вывѣтрены, изборождены многочисленными водяными разсѣлинами и издали кажутся чудовищными потоками ила. Желѣзо (магнитное желѣзо) вымывается изъ рудоносныхъ песковъ горныхъ ручьевъ. У Витоша добывается немного зо-

---

[37]) Hochstetter, Das Vitoš-Gebiet, 95 и сл.

лота. Названная дорога отъ Самокова къ Рыльскому монастырю ведетъ сначала вдоль Чернаго Искра, чрезъ дикую горную мѣстность, къ самой водораздѣльной чертѣ бассейновъ Чернаго и Эгейскаго морей (2184 метра). У дороги видно маленькое озеро безъ истоковъ; по новѣйшимъ изслѣдованіямъ оно не единственное [38]). Рокштро слѣдовалъ далѣе на востокъ по теченію двухъ ручьевъ, отъ соединенія которыхъ образуется Черный Искеръ, и съ удивленіемъ замѣтилъ, что каждый изъ нихъ вытекаетъ изъ пяти темнозеленыхъ горныхъ озеръ, расположенныхъ одно надъ другимъ въ величественныхъ долинахъ между скуднымъ кустарникомъ. За озерами путешественникъ спускается чрезъ сѣдловину къ Кривой рѣкѣ или Рылѣ, которая впадаетъ въ Струму и слѣдовательно принадлежитъ къ бассейну Эгейскаго моря. Основаніе долины, надъ которой высятся отвѣсные склоны горъ болѣе чѣмъ на 1000 метровъ, покрыто дѣвственнымъ лѣсомъ высокихъ сосенъ, елей и буковъ. Рыла также беретъ начало изъ шести озеръ, темносинія, спокойныя воды которыхъ, заключенныя среди дико изорванныхъ, сѣрожелтыхъ, скалистыхъ береговъ, изливаются шумными водопадами въ темное лѣсное ущелье.

Смутныя свѣдѣнія объ этихъ горныхъ озерахъ служили основаніемъ древнихъ извѣстій о семи озерахъ, чрезъ которыя протекаетъ Стримонъ вблизи своихъ источниковъ. Недалеко отъ этой прекрасной мѣстности на полянѣ, среди дѣвственныхъ лѣсовъ и горныхъ массъ, красуется огромное зданіе древне-болгарскаго Рыльскаго монастыря (1180 метровъ). Путешественники утверждаютъ, что эта мѣстность во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ верхніе Карпаты. Въ безлюдныхъ окрестностяхъ Рыльскихъ озеръ, походя-

[38]) Erwin Rockstroh, Die Quellseen des Kara Jskra und der Kriva Rjeka im Rilo Dagh. Mittheil. der k. k. geogr. Gesellschaft XVII 1874. 481.

щихъ на „морскія очи“ Татры, водятся медвѣди и рыси: на вершинахъ живутъ дикія козы: въ лѣсахъ попадаются олени, лани и кабаны; орлы и стервятники парятъ надъ скалистыми зубцами вершинъ.

5. Родопа.

У Рыла начинается горная система *Родопы* (ἡ Ῥοδόπη, болгарск. Рудопа), еще 30 лѣтъ тому назадъ совершенно неизвѣстная и недавно только изслѣдованная путешественникомъ Авг. Викенелемъ (Aug. Viquesnel). Эти горы раздѣляются на двое долиной рѣки Месты. Одна цѣпь, собственно *Родопа*, или *Доспатъ-Планина* (Деспото Дагъ) тянется на юго-востокъ по водораздѣльной чертѣ верхней Марицы и Эгейскаго моря: сначала вдоль лѣвой стороны долины Месты, и затѣмъ далѣе, охватывая съ сѣвера плодородную прибрежную равнину Гюмурджины, до устьевъ Марицы. Съ Родопскихъ горъ текутъ въ Марицу большіе притоки Елидере, Стара-рѣка, Кричимска-рѣка, Чепелари и значительная рѣка Арда. Между этими рѣками высокіе отроги Родопскихъ горъ выдвигаются далеко въ ѳракійскую долину.

Родопа состоитъ изъ гранита, гнейса и слюдянаго сланца, къ которымъ кое-гдѣ присоединяется известнякъ. У подошвы Родопа покрыта дубовыми и еловыми лѣсами. а выше начинается темный сосновый боръ; еще выше сосенъ зеленѣютъ горныя пастбища, среди которыхъ поднимаются красивые, сѣрые зубцы и высокія скалистыя пирамиды, покрытыя снѣгомъ. Въ Родопскихъ горахъ водятся медвѣди, кабаны и серны.

Болгаре считаютъ границей Рыла и Родопы Стару-рѣку у Пештеры. Описаніе наше мы начнемъ отъ прохода, называемаго по болгарски *Желѣзна врата*, расположеннаго на юго-западъ отъ Татаръ-Пазарджика и ведущаго изъ Ѳра-

кіи въ городъ Мехомію, въ области *Разлогъ*. Къ западу отъ этого прохода возвышается *Балабаница* на 2300 метровъ, съ прекраснымъ видомъ на Срѣдну-гору, Балканы, ѳракійскую равнину, Родопскую цѣпь и Рыльскій горный узелъ. У ея подножія къ востоку лежитъ интересная, часто упоминаемая въ исторіи, мѣстность *Цѣпина* — болотистая котловина, окруженная горами. Въ срединѣ ея, вблизи города того-же имени, лежитъ озеро Батакъ, *Баташко езеро*, по болгарски также *Трѣсавище*, полтора часа пути въ длину и полчаса въ ширину, окруженное бездонными болотами, которыя, походя съ виду на роскошные луга, поглотили уже многихъ несчастныхъ. На берегахъ этого изобилующаго рыбой болотистаго озера водятся не только журавли, дикія гуси и другія водныя птицы, но и волки, лисицы и зайцы. Изливается оно въ *Елидере*, которая, усиленная тремя другими ручьями, (Быстрица, Ягодинка, Алабакъ), врывается въ ѳракійскую равнину сквозь узкую разсѣлину, въ которой каждую ночь съ вечера дуетъ южный вѣтеръ, называемый „вечерникъ“. Цѣпина изобилуетъ обширными пещерами и горячими ключами. По мѣстному древнему преданію вся эта страна когда то была покрыта горнымъ озеромъ, пока во время одного землетрясенія воды его не прорвали себѣ выхода чрезъ нынѣшнее ущелье Елидере, унося съ собою чудовищную рыбу, которая въ равнинѣ у „Песье поле“ сдѣлалась добычею собакъ. Подобно тому какъ китъ называется по ново-гречески „хархарія“, сѣверный край Цѣпины получилъ названіе *Каркарія*. Слѣдовательно здѣсь мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ полу-геологическаго и полу-этимологическаго содержанія [39]).

У вершины *Карлыкъ* (2100 метровъ) беретъ начало

[39]) О Цѣпинѣ подробно говоритъ Стефанъ Захаріевъ, Географико-историко-статистическо описаніе на Татаръ-Пазарджишкѫ-тѫ каазѫ. Вѣна 1870. Названіе Трѣсавище ср. съ польск. trzęsawiszcze (торфяное болото).

Стара-рѣка, притокъ Марицы, протекающій у высоко расположеннаго города Батака (1062 метра), гдѣ зима продолжается восемь мѣсяцевъ и плоды никогда не созрѣваютъ. Немного ниже лежитъ, въ мѣстности изобилующей ледяными пещерами и горными озерами, городъ Пештера. Надъ истоками Арды возвышается *Крушова* (2300 метровъ), важный горный узелъ, отъ котораго тянется, украшенная высокими вершинами, между Ардой и Марицей до Адріанополя, побочная вѣтвь, на сѣверномъ склонѣ которой воздѣлывается виноградъ. Главный хребетъ, съ вершинами въ 2000 метровъ высоты, проходитъ отъ истоковъ Арды на востокъ до области устьевъ Марицы. Въ области Арды лежатъ мало извѣстныя горныя страны *Ахыръ-Челиби* и *Султанъ-Ери*, называвшійся въ средніе вѣка *Ахридо́* или *Морра*.

Западная Родопская цѣпь тянется между Струмой и Местой на югъ къ самому морю. У города Джумая величественно поднимается обнаженная вершина *Арисваница* и *Крешна-Планина*. Надъ горнымъ замкомъ Мельникомъ (греч. Μελένικος, 400 метровъ), возвышается, состоящая изъ гнейса и гранита, долго покрытая снѣгомъ *Перинъ-Планина* (турец.Перимъ Дагъ), у древнихъ *Орбелосъ* (2700 метровъ). Далѣе къ югу находятся у Сереса лѣсистый *Меникіонъ*, а за нимъ *Босъ Дагъ*. Эта часть Родопы, охватывая обширную котловину городовъ Драмы и Зихны, оканчивается у устья Струмы крутой, доломитной горой *Пернаромъ*, у древнихъ *Пангаіонъ* (турец. *Пилавъ-Тепе*, 1875 метровъ).

6. Горныя цѣпи между Струмой и Вардаромъ.

Область между Струмой и Вардаромъ занимаютъ три еще малоизвѣстныя, параллельныя цѣпи, идущія въ главномъ направленіи съ запада на востокъ. Сѣверную изъ нихъ составляетъ еще неизслѣдованный *Осоговъ* [40]); это кру-

---

[40]) На картахъ Дованица пл., у Гохштеттера также Осего-Балканъ. Въ

тая гнейсовая цѣпь, соединяющаяся на сѣверѣ высокимъ водораздѣломъ (1180 метр.) между Кюстендилемъ и Эгри-Паланкой съ горами Власины: на востокъ отъ ней долина Струмы, за которой высится Рылъ, на западъ — равнина Овче-поле, на югъ—котловина Брѣгальница. На западномъ концѣ ея находятся у Кратова извѣстные въ средніе вѣка золотые и серебряные рудники.

Вторая параллельная цѣпь между долинами Брѣгальницы и Струмицы начинается *Плачкавицей* у Штипа и оканчивается у Струмы покрытой лѣсомъ *Малешовской Планиной* (до 1600 метр.), при которой лежитъ мѣстность Малешово, населенная полусвободной болгарской общиной.

Третья цѣпь, пролегающая между долиною Струмицы и прибрежной салоникской равниной, возвышается у тѣснинъ Вардара. Это столь часто воспѣваемая въ болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ *Бѣласица* или *Бѣличъ* (до 1300 метр.) [41]). Отъ нея къ югу, между равнинами Сереса и Солуня, тянутся широкіе отроги къ самому берегу моря.

Изъ лѣсистыхъ, изобилующихъ рудою горъ полуострова *Халкидики*, отдѣленнаго на сѣверѣ отъ материка широкою низменностью съ озерами *Св. Василія* и *Базарія* (Бешикъ), слѣдуетъ назвать *Хортіачъ* (въ средніе вѣка Chortaites, 1186 метр.) и *Холомонда*. Окрестности озера Св. Василія называются по болгарски *Лагодинско Поле*. Халкидики выступаетъ тремя полуостровами: Кассандра, Лонгосъ или Сикія и Аѳонъ. Восточный изъ нихъ *Аѳонъ*, или по славянски *Света Гора* (Ἅγιον ὄρος, свят. гора) соединяется съ материкомъ перешейкомъ, называемымъ въ древне-славянскихъ

одной старосербской легендѣ упоминается «Гора Осоговская» (Гласник Т. 22, 246), въ грамотѣ 1347 г. «на Осогову» (Гласник Т. 27, 291).

[41]) См. сочиненіе покойнаго В. И. Григоровича, бывш. профессора Новороссійскаго Университета въ Одессѣ, Очеркъ ученаго путешествія по Европейской Турціи. Казань 1848 (Записки Казан. Унив. III) стр. 142. 146.

грамотахъ *Прьвлака*, нынѣ по гречески — Πρόβλακας. Внутри полуострова проходитъ лѣсистый горный кряжъ, частью покрытый непроницаемымъ, переплетеннымъ ліанами, вѣчно зеленымъ лѣсомъ, частью изрѣзанный великолѣпными лѣсными лощинами. На берегу моря красуются стѣны издревле знаменитаго Аѳонскаго монастыря. Здѣсь царство монаховъ, святая земля; съ незапамятныхъ временъ ни одна женщина не смѣетъ ступить на перешеекъ. У южной оконечности, прямо изъ моря, поднимается ярко-бѣлый мраморный конусъ подъ самыя облака, съ трехъ сторонъ круто спускающійся въ бурунъ, и только съ четвертой соединенный съ материкомъ. Съ вершины, которая снизу кажется совершенно неприступной, видны свѣтло-голубое Эгейское море, острова Лемносъ, Ѳасосъ, Самоѳраки, Тенедосъ, Скопелосъ, Эвбея, отдаленныя вершины Олимпа, Осса, Пеліонъ, Солуньское побережье до Херсонеса, Троада и горныя массы Малой Азіи [42]).

7. Шаръ Планина.

На западъ отъ Руяна возвышается *Црна Гора* [43]), называемая по турецки *Кара-Дагъ*, отдѣльно стоящія, непривлекательныя горы (до 1200 метр.), съ обнаженными темносѣрыми склонами и острымъ хребтомъ. Онѣ отдѣлены отъ Руяна широкой, безлѣсной долиной (432 метр.) съ водораздѣломъ Моравы и Вардара. Любимой мечтой досточтеннаго австрійскаго путешественника Георгія фонъ-

[42]) Хорошее описаніе Аѳона см. у Griesebach I 227 до 345. Fallmerayer, Fragmente aus dem Orient II Bd. Stuttg. 1845. M. A. Proust. Voyage au Mont Athos, въ Tour du Monde 1860. 103 съ многими хорошими рисунками.

[43]) Въ одной грамотѣ болгарскаго царя Константина Асѣня (1259 — 1277) — Чрьногора (Šafařik, Památky 24). Чрна гора у Жеглигова 1469 (Starine Загребской Академіи I 49; Гласник, 22, 218).

Гана было проложеніе по этой низменности желѣзной дороги отъ Бѣлграда въ Солунь.

На западѣ Црна гора отдѣлена отъ Шара проходомъ Качаникскимъ, соединяющимъ Косово-поле съ долиной Вардара. Чрезъ этотъ проходъ, рядомъ съ новой желѣзной дорогой изъ Солуня въ Боснію, ведетъ древняя дорога съ небольшимъ туннелемъ и двумя деревянными галереями, прикрѣпленными къ крутымъ склонамъ надъ пропастями; выстроена она въ 1794 году наслѣдственнымъ пашею въ Скопье [44]). Къ западу отъ прохода Качаникскаго подымается подъ облака великолѣпная пирамида *Люботрънъ*, начало *Шара*.

Шаръ-Планина (также Шара План., турецк. Шаръ-Дагъ, древн. Scardus), не представляется развѣтвляющимися горами, но узкой сіеррой, обнаженнымъ хребтомъ незначительной ширины, съ отдѣльно стоящими конусообразными вершинами. Тянется онъ съ СВ. на ЮЗ., приблизительно на 13 миль. Склоны его круты, съ сѣверной стороны обнажены, а съ южной покрыты кустарниками и лѣсомъ; ручьи его весною превращаются въ сильные потоки и причиняютъ большія опустошенія. Кромѣ Люботръна слѣдуетъ назвать еще слѣдующія вершины: *Кобилицу*, утесистую и покрытую снѣгомъ *Кривошію* (тур. Эгрибоюръ), *Бабашаницу* и гигантскую — *Корабъ*. О высотѣ ихъ надъ уровнемъ моря нѣтъ точныхъ данныхъ: нѣкоторыя изъ нихъ навѣрное превышаютъ 2500 метр. Корабъ, надъ истоками Лумы и Радики — важный горный узелъ; на СЗ. тянется между Чернымъ Дримомъ и Лумой скалистый гребень *Гялиште* (или Ялица), до соединенія обоихъ Дримъ; на ЮЗ. между Чернымъ Дримомъ и Радикой проходитъ обработываемый почти до самой вершины *Дешатъ;* за нимъ покрытый темными лѣсами

---

[44]) G. v. Hahn, Reise von Belgrad nach Salonik. 2. Ausg, Wien. 1868, 112.

Галичникъ высится надъ городомъ Диброй; на югъ идетъ немалозначительная цѣпь (съ вершинами Баричъ, Яма и Карчинъ [45]), къ самому Охридскому озеру. Единственный проходъ, длиною въ 8 часовъ пути, ведетъ чрезъ собственный Шаръ изъ Призрена въ Тетово (2080 метр.). Мы сообщимъ нѣкоторыя подробности о трехъ вершинахъ Шара.

Люботрънъ (албанск. Льюбетэнъ) снизу кажется колоссальнымъ, покрытымъ дерномъ склономъ, надъ которымъ сверху высятся бѣлые утѣсистые гребни. Онъ состоитъ изъ слюдянаго сланца и синевато-бѣлаго известняка. Только съ южной стороны на него можно взойти по узкому гребню, спускающемуся безъ всякихъ скалъ и ущелій между страшными пропастями. У подножія расположены многочисленныя болгарскія мызы (мандра), охраняемыя полудикими собаками. Подъ сѣвернымъ склономъ скрывается маленькое озеро, уединенныя воды котораго во время сильныхъ засухъ освящаются попами изъ Тетово, для того чтобы испросить дождь; въ дни св. Иліи и св. Георгія, Сербы, христіане и магометане, убиваютъ тамъ овецъ и кровь ихъ выпускаютъ въ озеро [46]). Воды этого прославленнаго преданіями горнаго озера изливаются въ ущелье по направленію къ Призрену. До сихъ поръ на Люботрънъ изъ европейскихъ путешественниковъ взошелъ только Гризебахъ въ 1838 г. [47]). Внизу горы растутъ дубовые лѣса, выше —

---

[45]) Степ. Верковичъ, Описаніе быта Болгаръ населяющихъ Македонію. Москва 1868, 6. E. Rockstroh, Reiseskizzen aus Dardanien und Albanien 1874 (XII Jahresbericht des Vereins für Erdkunde zu Dresden. Dresden 1875) Чешскій переводъ К. І. Иречка въ Свѣтозорѣ 1876. Май.

[46]) М. С. Милоевичъ, Путопис дела Праве Старе Србије. Бѣлградъ 1871. I 181.

[47]) Grisebach II. 270 сл. Онъ опредѣляетъ высоту въ 7900 фут.; Буэ считаетъ всего 6400 фут. Измѣренія Гризебаха нерѣдко неудовлетворительны, такъ какъ онъ, потерявъ свой барометръ, долженъ былъ ограничиться къ сожалѣнію опредѣленіемъ точки кипѣнія.

буковые, еще выше альпійская флора: хвойныхъ деревьевъ нѣтъ: вершина ея представляетъ заросшую травой площадь въ 10 фут. длины и 5 ф. ширины, на которой находятся двѣ гробницы загадочнаго происхожденія. Обширный видъ, открывающійся оттуда, охватываетъ весь Шаръ, около 8-ми снѣжныхъ вершинъ, въ числѣ которыхъ на послѣднемъ планѣ колоссальный Корабъ, далѣе горныя массы сѣверной Албаніи, затѣмъ въ страшной дали—обѣ равнины, Косово-поле и Метохія, отдѣленныя кряжемъ, направляющимся къ сѣверу отъ Люботрьна и оканчивающимся заросшимъ травою, безлѣснымъ, конусовиднымъ Голешомъ (900 метровъ). Далѣе видны городъ Приштина, Копаоникъ съ сербскими горами, область Моравы, Кара-Дагъ, горная страна у Власины, Перистери. У подошвы ея къ югу виднѣется прекрасная котловина верхняго Вардара. Города Призренъ и Качаникъ остаются скрытыми.

Гризебахъ взошелъ также на *Кобилицу* [48], крутой, совершенно гладкій, правильный конусъ, до самой вершины покрытый дерномъ. Видъ съ ея вершины хотя и охватываетъ величественный горный ландшафтъ, но онъ не столь значительный, какъ съ вершины Люботрьна, такъ какъ окружающія вершины ограничиваютъ его.

Корабъ (Албанцы и Болгаре говорятъ также *Кора́къ)*, громадная доломитовая остроконечная гора, свѣтлаго сѣро-желтаго цвѣта, оканчивается тремя вершинами, изъ которыхъ самая высшая поднимается замѣчательно крутой и острой иглой. Съ западной стороны гора производитъ дѣйствительно сильное впечатлѣніе. На самую высокую оконечность нужно ползти цѣлый часъ. Только немногіе были на вершинѣ: изъ ученыхъ же путешественниковъ никто не былъ и у подошвы горы. На нижнихъ склонахъ горы ра-

---

[48]) По Гризебаху—7076 фут., по Буэ, Itinéraires I 308—7389 фут.

стутъ дѣвственные лѣса; на высотахъ пасутся стада сернъ, которыя на неприступномъ колоссѣ совершенно безопасны отъ нападенія людей и хищныхъ звѣрей [49]).

8. Горная страна западной Македоніи.

Объ устройствѣ поверхности западной Македоніи Гризебахъ высказалъ взглядъ, который хотя и не можетъ считаться совершенно вѣрнымъ, но все таки остается весьма остроумнымъ [50]). Выдающейся особенностью этой горной страны онъ находитъ четыре круглыя котловины, лежащія у восточнаго склона Шара и Пинда. Особенность же этихъ котловинъ заключается въ томъ, что каждая изъ нихъ окружена горною цѣпью и орошена рѣкой, берущей начало въ одной изъ двухъ главныхъ горныхъ цѣпей и вытекающей изъ котловины чрезъ глубокія тѣснины на востокъ. Эти котловины слѣдующія: маленькая круглая котловина Тетово у истоковъ Вардара, большая долина Черной съ городами Прилѣпомъ и Битолемъ, котловина Гревено у Быстрицы (Haliakmon) и большая равнина Ѳессаліи съ Саламбріей (Peneios). Котловина Трѣски осталась неизвѣстной Гризебаху.

Противъ Люботрына возвышается горная цѣпь, идущая по большей части въ юго-восточномъ направленіи, между Вардаромъ и упомянутой верхней котловиной. Одна изъ вершинъ этой цѣпи у Скопье называется *Каршіакъ;* далѣе слѣдуетъ *Бабуна* [51]) съ сѣрыми слюдяными склонами и значительными конусами и вершинами. Между притоками Вардара тянутся побочныя вѣтви этой цѣпи — *Салкова*, *Голешница* и *Глѣбъ.* Изъ города Прилѣпа (624 метра) прекрасная

[49]) G. v. Hahn. Reise durch die Gebiete des Drin und Vardar. Wien 1869, 87, 226.

[50]) Grisebach II, 125 сл.

[51]) О происхожденіи имени см. гл. XIII.

дорога ведетъ высокимъ переваломъ (1105 метровъ) чрезъ Бабуну въ Велесъ на Вардарѣ (170 метровъ). Далѣе на югъ горная цѣпь прорывается Черной.

Къ югу отъ длиннаго ущелья Черны, скрывающаго мѣстность *Моριцово*, возвышается величественный *Нидже* или *Ница* (1950 метр.), по турецки *Каймакъ-Золанъ* (вершина сливокъ), состоящій изъ мрамора и слюдянаго сланца, съ бѣлоснѣжными отрогами, часто дѣйствительно покрытыми снѣгомъ [52]). Съ крутой вершины открывается видъ на западную Македонію, на зеленыя, повсюду обработанныя безлѣсныя поля котловины Битоля и Прилѣпа, украшенной 170 селами: на заднемъ планѣ красуются величественный Перистери и вершины покрытаго снѣгомъ Шара. Отсюда можно обозрѣть область Касторіи, Островское озеро, долину Вардара и горную мѣстность Моглены. У Нидже граница вѣчнозеленой растительности, такъ роскошно произрастающей на македонскихъ прибрежьяхъ: у западной подошвы горы въ долинѣ Черной, нѣтъ ни платановъ, ни кипарисовъ.

Отъ Нидже на СВ., къ тѣснинамъ Вардара, проходитъ крутой и зубчатый какъ пила гребень, на которомъ возвышается отвѣсная стѣна *Кожухъ-* (Кожовъ) *Планина*; оканчивается онъ красивымъ *Паякомъ*. Этотъ кряжъ охватываетъ съ С. и В. интересную маленькую страну *Моглены* (говорятъ также Меглинó, тур. Караджова), отдѣленную съ юга отъ прибрежной низменности холмистой грядой. Моглена, нѣкогда опасный притонъ разбойниковъ, за 20 лѣтъ назадъ была, также какъ и Дибра, совершенно неприступной и неизвѣстной. Здѣсь, въ 54 селахъ живутъ Болгаре, Македоно-Румыны и Турки, почти всѣ фанатическіе магометане. Плодородіе почвы—необыкновенное; многія поля даютъ по три жатвы въ годъ. Кромѣ прелести мѣстоположенія,

---

[52]) Grisebach II 144.

здѣсь пріятный свѣжій горный воздухъ. Безчисленные протоки воды образуютъ ручьи, соединяющіеся съ Могленицей, которая впадаетъ въ Колудей.

Къ югу отъ Нидже, въ широкой котловинѣ лежитъ озеро *Островское* (390 метр.), со всѣхъ сторонъ защищенное горами, безъ видимаго стока. На его восточномъ берегу стоитъ остроконечная гора *Турла*, у подошвы которой расположенъ въ прибрежной равнинѣ городъ *Нѣгушъ* (или Негушъ) [53]; недалеко оттуда высокая гора *Докса*. Съ западной стороны озера начинается горный кряжъ, дугою охватывающій съ запада котловину Битоля и не имѣющій общаго названія; только южная часть его называется *Нерѣчка-Планина*. Это высокій, крутой и безлѣсный гребень, вершины котораго мало возвышаются надъ хребтомъ; его долины и ущелья почти исключительно населены Македоно-Румынами. Между Битолемъ и Преспанскимъ озеромъ возвышается трехвершинный великанъ *Перистери*, по албански *Буренъ* (2350 метр.), состоящій изъ гранита и слюдянаго сланца [54]. Необозримая чаща папоротниковъ, пріятно зеленѣющая издали, вблизи же мрачная и пустынная, покрываетъ его склоны; кое-гдѣ разбросаны пастбища. На вершинѣ же можно найти альпійскую флору и снѣгъ даже лѣтомъ. Изъ одной поперечной долины восточнаго склона беретъ начало Драгоръ, вверху котораго находится румынское поселеніе Магарово, а ниже у самой подошвы горы большой городъ Битоль или Толи-Монастырь (595 метр.). По дорогѣ на вершину нужно пробираться черезъ массы гранитныхъ блоковъ; сверху видны съ одной стороны вся котловина Битоля, съ другой мѣстность Преспа съ озеромъ, вдали цѣпь

[53]) На картахъ Njagusta. Niáusta.

[54]) Первое упоминаніе о Перистери я нашелъ въ запискахъ албанскаго князя Іоанна Мусаки (1510): «in un loco, nomine la montagna de Peristeri e li ve una fontana nominata Dobrida e la se devide l'Albania dalla Bulgaria». Rad jugoslavenske Akademije 1868, V. 174.

Шара. Бабуна. Нидже. Турла. Олимпъ и Пиндъ [55]). Къ сѣверу отъ Перистери есть проходъ, ведущій изъ Битоля въ Преспу. Далѣе къ сѣверу тянется низкая гряда (300 метровъ надъ уровнемъ котловины) до Бабуны. Котловины Прилѣпа и Битоля отдѣляются только незначительными холмами.

На сѣверъ отъ озеръ Охридскаго и Преспанскаго простирается съ одной стороны къ Шару, съ другой къ Перистери. малоизвѣстная лѣсистая горная страна. Озера отдѣлены высокими обнаженными известковыми горами съ вершиною *Галичица*. Значительныя горы. находящіяся къ югу отъ обоихъ озеръ, отдѣляются отъ Пинда проходомъ Зангонскимъ, чрезъ который протекаетъ Дѣволъ.

Котловина Быстрицы отдѣляется на сѣверѣ отъ долины Черной кряжемъ Перистери. а на югѣ отъ Θессаліи горами, обыкновенно называемыми древнимъ именемъ *Камбунскихъ горъ* и оканчивающимися *Олимпомъ* (2973 метр.).

9. Горы Албаніи и Сербіи.

Намъ остается еще дополнить представленное здѣсь очертаніе устройства поверхности Болгарской страны нѣсколькими словами о сосѣднихъ горныхъ цѣпяхъ сѣверной Албаніи и западной Сербіи.

Главная цѣпь Албанскихъ горъ тянется съ юга на сѣверъ до пороговъ соединеннаго Дрима. Отъ нея къ морю проходятъ многочисленные. негостепріимные отроги. между которыми пролагаютъ себѣ путь въ прибрежную равнину рѣки Шкумби. Арзенъ. Ишми. Мати и др. На этихъ неприступныхъ утесахъ живутъ полудикія независимыя Албанскія племена Дукаджиновъ. Мирединтовъ и Матьяновъ. Сѣ-

[55]) Grisebach II 194.

верную часть главнаго хребта покрываютъ на нѣсколько дней пути дѣвственные лѣса: внизу дубовые, немного выше буковые и на высотахъ сосновые и еловые. Часть хребта между мѣстностью Матья и Чернымъ Дримомъ представляетъ крутую лишенную растительности скалистую стѣну съ величественно вырѣзанными контурами (до 1300 метр.), и называется по албански ***Малиси*** (Черная гора).

Глубокое ущелье соединеннаго Дрима отдѣляетъ эту горную страну отъ громаднаго альпійскаго горнаго узла, находящагося между равниной Скутари (албанск. Скодра) и Метохіей и называемаго нѣкоторыми ***Албанскими Альпами*** (древн. Bertiscus). Большая часть вершинъ этого малоизвѣстнаго горнаго кряжа совершенно неприступны и значительной высоты (Виситоръ, Глѣбъ, Проклетія и др.). Надъ мѣстомъ соединенія обоихъ Дримъ возвышается отлогій, поросшій лѣсомъ конусъ ***Биштрикъ***. Ѣдущій изъ Призрена въ Скодру видитъ по правую руку, за бездоннымъ ущельемъ Дрима, величественный рядъ около 50-ти ярко свѣтлыхъ иглообразныхъ вершинъ, частью состоящихъ изъ бѣлоснѣжнаго известняка, частью же дѣйствительно покрытыхъ снѣгомъ и даже вмѣщающихъ ледники въ своихъ разсѣлинахъ. Трудно найти болѣе величественный видъ даже въ центрѣ Альпъ [56]). Обитатели этихъ горъ или полудикіе Албанцы, или бурые медвѣди, волки и серны.

Боснія наполнена горными цѣпями, которыя по ихъ особенностямъ можно сравнить съ Карстомъ. На правомъ берегу Дрины начинаются разнообразныя горныя группы Сербіи. Въ срединѣ княжества лежатъ Рудникскія горы (Штурацъ 1054 метр.). Отъ нихъ къ сѣверу чрезъ мѣстность ***Шумадію*** проходитъ лѣсистый кряжъ съ низкими вершинами (Венчацъ, Букольа, Космай) къ Дунаю, гдѣ онъ

---

[56]) См. прекрасное описаніе у Гризебаха II 351.

оканчивается Авалой у Бѣлграда. Въ южной части Сербіи громоздятся исполинскія скалистыя массы, среди которыхъ возвышается *Копаоникъ* (1945 метр.): съ его вершины прелестный видъ на Косово-поле, Шаръ-Планину, горы сѣв. Албаніи и область Моравы. Отъ Копаоника тянутся на ЮВ., по водораздѣлу между Косовымъ полемъ и долиной Моравы, малоизвѣстные горные кряжи къ самому Кара-Дагу. Къ востоку отъ Копаоника направляется крутая стѣна *Ястребацъ* (до 1000 метр.) до болгарской Моравы, за которой виднѣются упомянутые выше Ртань и Озрѣнъ.

Мы покончили теперь описаніе горныхъ цѣпей полуострова, насколько оно необходимо для нашей цѣли. Вершины этой горной системы нигдѣ не превышаютъ 3000 метровъ. Большая часть горъ не покрыта лѣсами. Лѣса какъ на вершинахъ, такъ и въ долинахъ въ жалкомъ состояніи: высокій густой дѣвственный лѣсъ составляетъ теперь большую рѣдкость на Балканскомъ полуостровѣ. Правда, путешественникъ рѣдко лишенъ вида большихъ равнинъ, покрытыхъ буковыми и дубовыми деревьями; но, что это за лѣсъ! Отъ Бѣлграда до Спарты лѣса вездѣ страшно опустошены, не для надобностей построекъ (въ Турціи сверхъ того запрещенъ вывозъ строительнаго лѣса), но ненасытными стадами козъ, пожирающихъ всѣ молодые побѣги и кочующими пастухами, сжигающими для своихъ нуждъ цѣлыя деревья, а иногда также хладнокровно и цѣлые обширные лѣса. Странствовавшій по лѣсамъ Сербіи знаетъ тяжелое впечатлѣніе, производимое торчащими изъ земли обгорѣлыми пнями, которые тамъ ежедневно попадаются сотнями. Въ средніе вѣка большія пространства были покрыты дѣвственными лѣсами; истребленіе ихъ начинается лишь со времени турецкаго господства.

Горы полуострова имѣютъ богатые рудники еще мало обработанные; нынѣ же горное дѣло въ совершенномъ упадкѣ.

Приступаемъ теперь къ задачѣ прослѣдить многочисленныя рѣки, орошающія долины болгарскихъ странъ, отъ истоковъ до самыхъ устьевъ, а затѣмъ еще бросить взглядъ на озера верхней Македоніи.

В. ГИДРОГРАФІЯ.

1. Бассейнъ Чернаго моря.

Дунай (Danuvius, Ἴστρος, визант. Δάνουβις, болг. и серб. Дунавъ) [57]) на всемъ протяженіи своего нижняго теченія, отъ устья Тимока до впаденія въ море, орошаетъ границы Болгаріи. Здѣсь онъ не быстротекущій, прекрасный синій Дунай верхнихъ странъ, а блѣдная, медленно подвигающаяся рѣка, — „бѣли Дунавъ“ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ,—похожее на рѣку, „море прѣсной воды“ Византійцевъ [58]). Вдоль валашскаго берега Дуная тянутся неизмѣримыя пущи и болота, въ которыхъ водятся безчисленныя стаи водныхъ птицъ. Болгарскій же берегъ имѣетъ склонъ иногда до 60 метровъ высоты, который мѣстами живописенъ; слѣдовательно дунайская Болгарія не низменность, а плоская возвышенность. Валашскій берегъ, возвышающійся только отъ 1 до 12 метровъ, оставляетъ грустное впечатлѣніе, если смотрѣть на него съ парохода; если же смотрѣть на румынскую сторону съ возвышенностей болгарскаго берега (напр. у Никополя), то виднѣются, на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, красивые сады и поля съ веселыми

---

[57]) См. изслѣдованія К. Мюлленгофа «Donau, Dunavъ, Dunaj» и В. Ягича «Dunav—Dunaj in der slav. Volkspoesie», оба въ Archiv f. slav. Philologie I. 2. 290—333 (Berlin 1876). Мюлленгофъ объясняетъ кельт. и латинск. Danuvius отъ кельт. dânu, fortis.

[58]) Τὴν ἐν ποταμοῖς γλυκεῖαν θάλασσαν Δάνουβιν, пишетъ Византіецъ Никита Хоніатъ въ одномъ изъ своихъ писемъ 1187 г., C. Sathas, Bibl. graeca medii aevi. Venetiis 1872, 70.

рощами, прорѣзанныя широкими дорогами и усѣянныя ярко-бѣлыми мызами и деревнями. На нижнемъ Дунаѣ болѣе значительные города расположены большею частью по-парно, одинъ на болгарскомъ, другой на румынскомъ берегу. Видинъ и Калафатъ, Никополь и Турну-Магурели, Свиштовъ, и Зимница, Рущукъ и Журжево, Тутраканъ и Ольтеница, Силистрія и Калараш и т. д. [59]). При полноводьи морскіе пароходы могутъ доходить до устьевъ Искра, если еще не выше. У Расовы Дунай поворачиваетъ къ сѣверу, у Галаца къ востоку и такимъ образомъ достигаетъ моря, дѣлая большой кругъ, который путешественники обыкновенно сокращаютъ посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, изъ Рущука въ Варну или изъ Чернаводы въ Кюстенджи. Берега самаго нижняго Дуная очень однообразны и лѣтомъ часто напоминаютъ палимую солнцемъ африканскую пустыню, такъ напр. у Хърсова (Гирсова).

Дунай, дельта котораго представляетъ необозримое зеленое поле камыша, съ безчисленными притоками и болотами въ 130 квадратныхъ миль, имѣетъ три главныя устья. У Исакчи онъ впервые раздѣляется. Лѣвый рукавъ Килійскій, называвшійся въ средніе вѣка Λυκοστόμιον „волчье устье", о чемъ напоминаетъ лежащій недалеко отъ устьевъ нынѣшній городокъ Вильковъ (wilk, по польски волкъ),— впадаетъ въ море, протекая мимо Измаила и Киліи. Правый рукавъ передъ Тульчей снова раздѣляется на рукава Сулинскій и Св. Георгія. Сулинскій рукавъ узокъ, извилистъ и у устья имѣетъ опасную мель; у впаденія его въ море лежитъ городокъ Сулина. Рукавъ Св. Георгія (древній Ἱερὸν στόμα, въ средніе вѣка St. Georgi) держится высотъ Добруджи, и не смотря на свои извилины самый глубокій; рукавомъ Дунавецъ онъ соединяется съ огромнымъ лиманомъ

---

[59]) О переходахъ чрезъ Дунай см. C. I. Jireček, Heerstrasse и пр. стр. 160.

Разимъ (въ древности Halmyris). Прежде все дунайское судоходство направлялось по Георгіевскому гирлу, которое теперь почти совершенно оставлено. Позднѣе Русскіе направили всѣ сообщенія въ Килійскій рукавъ (1829—1854 г.). Нынѣ же всѣ суда пользуются Сулинскимъ рукавомъ, регулированіе котораго стоитъ большія деньги.

Морава (въ древности Margus), самый большой притокъ Дуная на полуостровѣ, образуется изъ Болгарской и Сербской Моравы; имя ея значитъ „синяя" [60]).

Болгарская Морава или *Бинчъ Морава* [61]) беретъ начало у Кара-Дага (Црна Гора); она образуется отъ сліянія ручьевъ Бинча и Бучива подъ Бинча Планиной. Сначала она течетъ на сѣверъ, далѣе поворачиваетъ на СВ. (у Клокота, 475 метровъ), протекаетъ мимо города Враньи (415 метровъ) и тѣснины Мазурицы (284 метра), и направляется чрезъ широкую и плодородную долину на СЗ. къ сербской границѣ. На этомъ протяженіи справа въ нее впадаетъ *Моравица* и *Власина*; съ лѣвой стороны въ нее впадаютъ, текущая изъ лѣсистыхъ холмовъ древней Дарданіи, *Ветерница* (устья 186 метровъ), на которой лежитъ Лесковацъ, и могучая рѣка *Топлица* (устья 160 метровъ), берущая начало у подошвы Копаоника и омывающая стѣны городовъ Куршумлье и Прокупье. Немного ниже вливается справа *Нишава* (устья 140 метровъ). Этотъ притокъ начинается на константинопольской дорогѣ, недалеко отъ Драгомана (водораздѣлъ 726 метровъ), далѣе, увеличенная многочисленными ручьями, впадающими слѣва изъ Лилинъ и Сухой Планины (въ особенности Сукава), справа — балкан-

60) Морав по болг. — синій. морава — дернъ. «Кумови кола цървени. Стари сватове въ зелени, я деверови морави» (народная пѣснь) Болг. журналъ Общъ Трудъ, Болградъ 1868, II 88. Ср. сербск. *мóр* долама—темносиняя.

61) «На Бинъчѣ Моравѣ» въ грамотѣ конца XIV ст., Miklosich. Monumenta Serbica. Viennae 1858 стр. 263.

скими, протекаетъ маленькую котловину Пирота; у Тамьяницы прорывается чрезъ глубокое ущелье съ высокими крутыми стѣнами (Куновица средн. вѣковъ), между Сухой Планиной и отрогами Балкановъ, и далѣе течетъ у города Ниша, гдѣ она при незначительной глубинѣ достигаетъ 120 метровъ ширины. У слiянiя Моравы, Нишавы и Топлицы расположена небольшая равнина, огражденная Сухой Планиной, Ястребцомъ и отрогами Балкановъ, составлявшая когда-то дно озера съ черноземной необработанной почвой, заросшей густыми кустами пальуруса. Западная часть этой равнины, поднимающаяся террасами надъ Моравой, называется Добрича [62]). Далѣе Болгарская Морава протекаетъ чрезъ сербскую границу, прорывается сквозь скалистыя ущелья и, у развалинъ старосербскаго замка Сталачья, соединяется съ Сербской Моравой (слiянiе 113 метровъ).

Сербская Морава беретъ начало въ Сербiи въ округѣ Ужица, быстро течетъ сначала на сѣверъ, а потомъ на ЮВ. У Карановца она усиливается Ибаромъ. *Ибаръ* беретъ начало къ сѣверу отъ равнины Метохiи, течетъ сначала на востокъ, а у Митровицы, гдѣ въ него впадаетъ справа *Ситница*, поворачиваетъ на сѣверъ, затѣмъ пересѣкаетъ сербскую границу и течетъ чрезъ дикiя узкiя долины, среди живописныхъ скалъ, въ Мораву.

Ситница орошаетъ *Косово поле* (средняя высота около 550 метровъ), представляющее продолговатую аллювiальную котловину въ 10 часовъ пути длины и 4 часа ширины, ограниченную съ юга Шаромъ и Люботърномъ, съ востока горной цѣпью, идущею отъ Кара-Дага (Црна Гора) къ Копаонику, съ сѣвера холмистой грядою тянущейся по бере-

---

[62]) Въ старосербск. хроникѣ архiепископа Данiила († 1338 г.), изд. Даничича (Загребъ 1866), находимъ на стр. 180: «полье глагольемое Добриче; то бо поле дивьно есть и велико въ мѣстѣ рекомѣмь Топлицы, прилежа бо къ рѣцѣ Моравѣ».

гамъ Ибара: на западѣ Косово поле отдѣляется невысокимъ кряжемъ съ горою Голешомъ отъ глубокой равнины Метохіи (или Метоя), принадлежащей къ бассейну Адріатическаго моря. Во времена старо-сербскаго царства здѣсь были роскошныя поля, веселыя деревни, монастыри и замки; нынѣ все пустынно. Нѣтъ сомнѣнія, что Косово поле было нѣкогда дномъ озера. Еще нынѣ на южномъ концѣ его находится маленькое озеро *Робовачко-Блато*, длиною въ 2 часа пути, а шириною въ 1 1/2 часа: въ него изливаются пять ручьевъ: все оно заросло ситникомъ и по причинѣ болотистыхъ береговъ недоступно. Изъ него вытекаетъ Ситница (отъ старо-славянскаго ситіе — камышъ); въ нее впадаетъ множество ручьевъ, въ томъ числѣ (съ правой стороны) *Лабъ*, на берегахъ котораго происходило извѣстное сраженіе 1389 года. Немного выше Робовачкаго озера находится другое, у деревни Сазли, *Сазлиско-блато*, въ 2 часа пути длины и 1 часъ ширины. Замѣчательнымъ явленіемъ природы на Косовомъ полѣ представляется такое же раздвоеніе рѣки, какое въ большихъ размѣрахъ находится на Кассиквіарѣ въ южной Америкѣ. Именно рѣка *Нередимка*, берущая начало у подошвы Люботрьна, развѣтвляется у деревни Вате. Лѣвый ея рукавъ течетъ чрезъ оба вышеназванныя болотистыя озера въ Ситницу и слѣдовательно принадлежитъ къ бассейну Чернаго моря. Правый же рукавъ впадаетъ въ Лепенацъ, притокъ Вардара и такимъ образомъ принадлежитъ къ бассейну Эгейскаго моря [63]). Косово поле перерѣзывается нынѣ поперекъ желѣзной дорогой изъ Солуня въ Боснію, которая проходитъ мимо Робовце и Приштины и оканчивается у Митровицы.

Соединенная Морава, имѣющая мѣстами до 300 мет-

[63]) Это раздвоеніе открыли въ 1858 г. Ганъ и Нахъ. Hahn, Reise von Belgrad nach Salonik, 129. Ср. также Гильфердингъ. Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. Спб. 1859 стр. 222; Милоевичъ. Путопис. I, 184.

ровъ ширины, направляется отъ Сталачья къ сѣверу и между Смедеревомъ и Пожаревцемъ впадаетъ въ Дунай. Судоходство по этой значительной рѣкѣ нынѣ совершенно оставлено: еще въ 1669 году англійскій путешественникъ Браунъ видѣлъ здѣсь суда, перевозившія соль и другіе товары изъ Дуная внутрь Сербіи.

Тимокъ (Timacus) составляется изъ двухъ рѣкъ, берущихъ начало подъ Балканами на турецкой почвѣ, недалеко отъ сербскихъ границъ. Истоки восточнаго, *Тріовишки* или *Велики-Тимокъ*, находятся у деревни Равно-Бучье подъ проходомъ Св. Николая, на $2^1/_2$ часа пути отъ границы. Западный, *Пандиральски*, *Сврльички* или *Мали-Тимокъ* начинается подъ горой Бабина-глава. У карантина Пандирало онъ переходитъ сербскую границу, послѣ чего протекаетъ около 600 метровъ въ подземной пещерѣ. Далѣе на его берегахъ расположенъ городокъ *Нишевце*. Подъ замкомъ Сврльичомъ, высоко прилѣпленномъ къ скаламъ какъ орлиное гнѣздо, въ непреступномъ ущельи (около 150 метровъ глубины) бушуетъ Тимокъ между отвѣсными скалами надъ многочисленными водопадами. Обѣ рѣки соединяются на плодородной, хорошо обработанной высокой равнинѣ у города Княжевца, называвшагося до 1859 года Гургусовцемъ, а потомъ по приказу князя Милоша переименованнаго. Далѣе Тимокъ прокладываетъ себѣ дорогу чрезъ проходъ *Вратарницу*, между Балканами и горами восточной Сербіи: этотъ проходъ былъ извѣстенъ въ прошломъ столѣтіи подъ именемъ *Passo Augusto*. У Зайчара течетъ слѣва *Црна-Рѣка* или *Кривовирски-Тимокъ*, выступающій изъ скалистой разсѣлины водопадомъ въ 4 метра высоты и омывающій подошву пирамиды *Ртанъ*: послѣ десятичасоваго пути онъ впадаетъ въ главную рѣку. Въ его притокахъ промывается золото. Глубокое русло Тимока на разстояніи 13 часовъ пути служитъ границей между Сербіей и Турціей. У Радуевца воды его соединяются

съ Дунаемъ. Тимокъ изобилуетъ рыбой, въ особенности много водится большихъ сомовъ [64]).

Съ восточнаго Балкана текутъ въ Дунай: *Тополовица* (устье у Видина). *Видболь* (устье у деревни Видболь). *Арчеръ* (устье у города Арчера), *Скомлія*, *Ломъ* (древній Almus: впадаетъ у города Лома), *Джибра* или *Цибрица* (Cebrus, Κίαμβρος; впадаетъ у Джибры Паланки). *Огустъ* (притоки: Брзя, Шуговица и Ботунья со стороны Врацы), *Скитъ* [65]). Область ихъ истоковъ, изслѣдованная только недавно путешественникомъ Каницемъ, лежитъ въ главной цѣпи Балкановъ; всѣ эти рѣки прокладываютъ себѣ дорогу чрезъ известковыя горы, расположенныя передъ Балканами, далѣе орошаютъ густо населенную холмистую полосу, за которой слѣдуетъ къ Дунаю безотрадная равнина, поросшая мелкимъ дубнякомъ, орѣшникомъ, ежевикой и красильной резедой, между которыми рѣдко попадаются виноградники, пастбища и поля. Дунайскій же берегъ плодороденъ и обработанъ.

Искеръ (также Искаръ, древній Ὄσκιος, Oescus) начинается у Рыла. Онъ составляется изъ двухъ ручьевъ, Чернаго и Бѣлаго Искра, изъ которыхъ Черный составляетъ стокъ воды десяти вышеупомянутыхъ горныхъ озеръ. Пѣнясь несется Искеръ сквозь таинственное, глубокое скалистое ущелье къ городу Самокову, далѣе протекаетъ по направленію съ юга на сѣверъ самоковскую долину, гдѣ въ его притокахъ добывается желѣзо. Затѣмъ сквозь тѣснины течетъ онъ въ безлѣсную зеленую котловину Софіи, въ *Софійско-поле*, дно прежняго озера съ наносной почвой, гдѣ

---

[64]) Kanitz, Reise in Süd-Serbien und Nord-Bulgarien; Дръ Мачай въ Гласникѣ T. XIX; М. Б. Миличевичъ, Србија.

[65]) На картахъ встрѣчается также Ogustul и Skitul; но окончаніе *ul* слышится только въ румынскихъ селеніяхъ при устьяхъ этихъ рѣкъ. Имя Огустъ рѣка получила отъ римской колоніи Augusta при ея истокахъ. Mannert, Geogr. der Griechen und Roemer, VII. 88.

еще нынѣ въ двухъ мѣстахъ существуютъ болота; подъ склонами горъ много горячихъ ключей. На милю отъ Искра лежитъ важный городъ Софія (болгарск. Срѣдецъ, древн. Serdica), изъ котораго расходятся дороги во всѣ стороны, въ Бѣлградъ, Берковицу, Рущукъ, Константинополь и Самоковъ [66]). Изъ этой котловины Искеръ проложилъ себѣ длинный проходъ чрезъ Балканы, въ которомъ воды его съ быстротой стрѣлы несутся между недосягаемо высокими стѣнами, подрывая крутые утесы и съ страшнымъ шумомъ загромоздая песчаныя отмели принесенными теченіемъ деревьями. Многочисленныя деревни расположены въ этомъ проходѣ Искра, единственномъ рѣчномъ ущельи во всѣхъ Балканскихъ горахъ, чрезъ которое пролегала также римская дорога [67]). Въ тѣснинахъ слѣва впадаетъ *Искрецъ*, справа *Малый Искръ*, а въ равнинѣ по ту сторону тѣснинъ справа впадаетъ *Панига*. Въ Дунай Искеръ изливается у деревни *Гигенъ*.

Видъ (Utus) [68]), составленный сліяніемъ Бѣлаго и Чернаго Вида у сѣвернаго склона Балкана, течетъ мимо го-

[66]) «Si la Sierra Nevada embellit l'horizon du bassin de Grenade, le pendant sur une autre échelle ne s'en trouve-t-il dans la superbe cavité de Sophie, dominée au sud par la neige du Rilodagh et à l'ouest par le haut et rocailleux Vitosch d'au moins 4500 pieds? Vis-à-vis de ce dernier règne une série de plus basses montagnes boisées, tandis que entre eux s'étend cette vaste plaine verdoyante, dont les nombreux tumulus coniques d'Avares forment les seules éminences et qui est arrosée par l'Isker et ses affluents». A. Boué, Sur l'établissement de bonnes routes et surtout de chemins de fer dans la Turquie d'Europe. Vienne, Braumüller 1852. 43. (На эту книжку къ сожалѣнію мало обратили вниманія).

[67]) E. Rockstroh, въ Mittheil. der k. k. geogr. Gesell. 1874, 449. Prof. Dr. Fr. Toula (Ueber den Berkovica-Balkan und durch die Iskerschluchten nach Sofia. ib. 1876. 252) полагаетъ, что проложеніе желѣзнодорожнаго пути чрезъ ущелье Искра, несмотря на значительныя затрудненія, все таки возможно. Kanitz, Donau-Bulgarien II, 328 (съ изображ.).

[68]) По болг. также *Вита*. Въ одной народной пѣсни говорится, что Стоянъ съ соколами ловилъ по Витѫ и по Искарѫ. Общъ Трудъ. Бѣлградъ 1868. 2, 79. «Вита река» въ Географіи Неофита Хиландарца (Крагуевацъ 1835).

рода Тетевена и впадаетъ въ Дунай къ сѣверу отъ Никополя. Какъ истоки, такъ и верхнее теченіе его, были означаемы на картахъ до 1870 года совершенно ошибочно. Эта ошибка тѣмъ болѣе замѣчательна, что чрезъ верхнее теченіе соединеннаго Вида проходитъ столбовая константинопольская дорога. Именно началомъ Вида считали ручей Мътивиръ у Ихтимана и направляли его большой рѣкою мимо города Златицы, чрезъ проходъ въ Балканахъ, къ Дунаю. Между тѣмъ Мътивиръ течетъ не на сѣверъ къ Дунаю, а на востокъ чрезъ дикое и скалистое ущелье въ Топольницу, которая на югъ отъ Балкана впадаетъ въ Марицу; Златица же лежитъ также не на сѣверной сторонѣ, какъ обыкновенно означали, но у южнаго склона Балканской стѣны, которая, за исключеніемъ ущелья Искра, нигдѣ не прорывается рѣкой. Французскому путешественнику Лежану принадлежитъ заслуга въ открытіи истины, чѣмъ значительная мѣстность бассейна Чернаго моря была отнесена къ бассейну Эгейскаго моря [69]). Болгаре же уже давно замѣтили эту ошибку въ географическихъ картахъ; уже въ 1860 году писалъ объ этомъ Христо Пульяковъ [70]).

Осма (Asamus, виз. Ὄσμος, старо-болгар. и турецк. Осма, ново-болгар. Осемъ) составляется въ Балканахъ изъ Черной и Бѣлой Осмы и впадаетъ въ Дунай напротивъ устья Алуты. На Осмѣ лежатъ города Троянъ и Ловечъ.

---

[69]) См. Hochstetter, Das Becken von Ichtiman und der falsche Vid. Mittheil. der k. k. geogr. Ges. 1870, 289.

[70]) Христо В. Пульяковъ говоритъ въ своей монографіи о городѣ Копривштицѣ (въ литературномъ журналѣ Български книжици. Константинополь 1860. II. 262), что совершенно неправильно помѣщаютъ Златицу подъ сѣвернымъ склономъ Балкановъ, и ошибочно направляютъ воды изъ мѣстности Ихтимана мимо Златицы чрезъ Балканы къ Дунаю, такъ какъ кромѣ Искра никакая рѣка не прорывается чрезъ Балканы. Также на болгарской картѣ Европейской Турціи Данова (Вѣна 1863. 4 листа) области Вида и Топольницы означены правильно.

Янтра (Ἄθρυς у Геродота. Iatrus у Римлянъ), туземное имя которой чаще произносится Етра, начинается подъ проходомъ Шипки, протекаетъ чрезъ городъ Габрово и, живописно извиваясь межъ скалистыхъ береговъ, мимо старо-болгарской столицы Трново, далѣе къ сѣверу впадаетъ въ Дунай. Слѣва въ нее впадаетъ большая рѣка *Русица* (въ средніе вѣка Росита [71]), проходящая у Севліово и Никюпа, а справа *Трѣвна, Златарица* и *Бебровска-рѣка*. У Рущука въ Дунай впадаетъ второй *Ломъ*, составляющійся изъ Бѣлаго и Чернаго Лома и текущій чрезъ холмистую страну по очень извилистой интересной известковой промоинѣ.

Къ востоку отъ Рущука въ Дунай впадаетъ единственная незначительная рѣка *Демиръ-Бабу-Дервишъ-Су*; остальныя русла рѣкъ безводны [72]).

У Разграда начинается водораздѣлъ между Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Вдоль Понтійскаго берега тянется рядъ лимановъ, изъ которыхъ замѣчателенъ *Девно* у Варны.

Камчія (древній Panyssos, старо-болгарск. Тича [73]), тур. Камчикъ — бичъ) достаточно была описана выше.

2. Бассейнъ Эгейскаго моря.

Въ Эгейское или какъ его называютъ Греки, Турки и Болгаре, Бѣлое море (болгар. Бѣло-море) впадаютъ изъ болгарскихъ странъ, кромѣ небольшихъ рѣчекъ, три значительныя рѣки: Марица, Струма и Вардаръ.

---

[71]) До нѣкые рѣкы, иже наричеть се тѣми людьми Росита 1369: Гласник 22, 294 (ib. 296 до рѣкы глаголемые Осма). На рѣцѣ Роситѣ у Никополю читается въ одной рукописи старосербск. (Чтенія Общ. Ист. Москва 1859 II. 29).

[72]) Kanitz, въ Mittheil. der k. k. geogr. Ges. 1874, 472.

[73]) О Тичѣ ср. Шафарикъ. Древности § 30. Bujak Kangik ou Titza: Marsigli, Le Danube. La Haye 1744, 2, 52. И теперь болг. село Тича (тур. Чиакъ) у истоковъ Вел. Камчіи.

Марица (Hebrus древнихъ, турец. Мериджe-су) беретъ начало въ Рыльскомъ хребтѣ выше деревни Радоила, далѣе течетъ на востокъ мимо Баньи (600 метр.) и вступаетъ у Бѣлово, гдѣ нынѣ кончается румелійская желѣзная дорога, въ обширную ѳракійскую равнину (болг. поле-то), которую она пересѣкаетъ въ самой серединѣ до Адріанополя. Равнина эта при необыкновенномъ плодородіи отличается нездоровымъ климатомъ, такъ какъ для воздѣлыванія риса часто заливаютъ ее водой, вслѣдствіе чего она мѣстами болотиста. Сдѣланныя для этихъ орошеній запруды (болгарск. бентъ) мѣшаютъ судоходству на верхнемъ теченіи ея. Лѣсовъ въ равнинѣ нѣтъ совершенно; для печенія хлѣба во многихъ мѣстахъ употребляютъ солому, за недостаткомъ дровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ низменности зеленѣютъ небольшіе лѣса и освященныя преданіемъ рощи, въ которыхъ крестьяне справляютъ празднества и пирушки. У Татаръ-Пазарджика (192 метр.) вливается слѣва въ Марицу золотоносная *Топольница* или *Тополька* (турец. Кузлудере), истоки которой находятся у Копривштицы, между Балканомъ и Срѣдней-горой; она течетъ сначала чрезъ округъ Златицы на востокъ, затѣмъ мимо Петрича (413 метр.) быстро несется сквозь скалистое ущелье къ югу. Справа впадаютъ въ Топольницу текущій сквозь непроходимыя ущелья изъ котловины ихтиманской *Мътивиръ*, а у Цѣрова—*Яворица* изъ окрестностей Трояновыхъ воротъ. Далѣе въ Марицу впадаетъ слѣва *Луда-Яна*, которая мимо города Панагюриште вытекаетъ изъ Срѣдней горы, а немного ниже — *Стрѣма*, образующаяся въ прекрасной, покрытой розами высокой долинѣ, между Балканомъ и Срѣдней горой, сліяніемъ Гьопцы, Карловски-рѣки и Акдере. Слѣва *Елидере* несетъ въ Марицу воды цѣпинской котловины; *Стара-рѣка* (Карлыкъ-Дереси) стремится изъ Батака; параллельно ей течетъ *Вѣчья* (Чія) или *Кричимска-рѣка*. Недалеко отъ устья Вѣчьи на правомъ берегу Марицы расположенъ Филиппополь (болг.

Пловдивъ, турец. Филибе: надъ уровнемъ моря 163 метра). Немного выше Филиппополя у Папатово начинается судоходство; на плотахъ (болг. салови) сколоченныхъ изъ огромныхъ деревьевъ Рыльскихъ и Родопскихъ горъ сплавляютъ къ морю рисъ и разный зерновой хлѣбъ. У Адріанополя (надъ уровнемъ моря 30 метр.) сходятся три значительныя рѣки: Марица принимаетъ здѣсь слѣва *Тунджу*, справа *Арду*, бассейнъ которой въ Родопѣ довольно значительный. За Адріанополемъ Марица протекаетъ нижнюю часть ѳракійской равнины, отдѣленную отъ верхней отрогами Родопы и Сакаръ-Планины. У Кулели-Бургаса чрезъ нее проходитъ румелійская желѣзная дорога по большому мосту. Далѣе рѣка протекаетъ съ незначительнымъ паденіемъ у Демотики (визант. Дидимотихонъ), въ югозападномъ направленіи, чрезъ приморскую равнину; въ нее впадаетъ здѣсь послѣдній значительный притокъ *Эркене* (Ἀγριάνης, Erginus древнихъ, Ригина Византійцевъ), берущій начало въ горахъ Странджи. Вдоль праваго берега проходитъ желѣзная дорога отъ Кулели-Бургаса въ Деде-Агачъ къ морю. Устья Марицы у древней греческой колоніи Эносъ представляютъ обширную болотистую дельту, со многими островами, отдѣленными узкими каналами, поросшими камышемъ: нѣкогда оживленная гавань Эноса нынѣ превратилась въ болото.

Самый большой притокъ Марицы, *Тунджа* (Τοῦνζα Визант., Tonzus Римлянъ) [74], беретъ начало въ Балканѣ, на 2 часа пути выше Калофера (650 метр.). Сначала она,

[74]) Taenarus въ лат. переводѣ Халкокондилы ошибка: въ подлинникѣ читается Τέαρος: это Τέαρος Геродота 4. 89—91. Халкокондилъ вообще сильно подражаетъ Геродоту. Ошибку эту открылъ Тафель. Constantinus Porphyrogenitus de provinciis regni Byz. Tubingae 1846. 28. Теаросъ Геродота ни Тунджа, ни Марица, а нынѣшній Буюкъ-Дере орошающій Бунаръ-Гисаръ (ср. Jireček, Heerstrasse 49).

направляясь на востокъ, орошаетъ прекрасную долину Казанлыка, т. н. *Туловско-поле*, между Балканомъ и Караджа-Дагомъ. Самъ Казанлыкъ (442 метра) представляется украшеннымъ куполами и минаретами паркомъ орѣховыхъ и каштановыхъ рощъ. Окрестныя селенія скрываются въ фруктовыхъ садахъ: вокругъ на обширныхъ поляхъ разводятся виноградная лоза, табакъ, маисъ и въ особенности розы, для приготовленія розоваго масла. Въ другой низменной котловинѣ, гдѣ Тунджа поворачиваетъ къ югу, расположены Сливенъ и Ямболь (130 метр.). Немного выше Адріанополя Тунджа прорывается чрезъ Сакаръ-Планину.

Места (Nestus, тур. Карасу), течетъ изъ котловины Разлога въ восточной Родопѣ, мимо Неврокопа и впадаетъ въ море противъ острова Өасоса.

Струма (Strymon у древнихъ и у Грековъ, турец. также Карасу) [75], начинается у Витоша. Своимъ узкимъ извилистымъ верхнимъ теченіемъ она сначала направляется на сѣверъ, по плодородной густо населенной долинѣ между Витошемъ, Голо-Брдомъ и Лилиномъ, въ которомъ найдены залежи бураго угля. Затѣмъ она поварачиваетъ на западъ и немного ниже замка Перника, чрезъ живописное ущелье, (660 метр.) между отвѣсными въ 100 метр. высоты скалами краснаго известняка, вступаетъ въ болотистые луга радомирской котловины. Далѣе, у развалинъ средневѣковаго замка Землънъ, она протекаетъ чрезъ неприступное, дикое ущелье (513 метр.). Вырвавшись изъ этихъ тѣснинъ, Струма течетъ къ ЮВ., по дилювіальной равнинѣ Кюстендиля (въ средніе вѣка Вельбуждъ). Знаменитый своими цѣлебными источниками Кюстендилъ лежитъ къ западу отъ Струмы на одинъ часъ разстоянія: долина покрыта роскош-

---

[75]) Какъ бѣдны были языкъ и понятія турецкихъ завоевателей, если въ Македоніи четыре большія рѣки названы однимъ именемъ Карасу, черная рѣка — Nestos, Strymon, Erigon, Haliacmon!

ными лугами и плантаціями табака и кукурузы, а склоны окрестныхъ горъ — виноградниками и плодовыми садами; а надъ ними высятся то крутые гребни, то зубцы известковыхъ утесовъ, на которыхъ гнѣздятся орлы и ягнятники. Потомъ рѣка снова извивается въ длинныхъ скалистыхъ тѣснинахъ (402 метр.) и принимаетъ слѣва *Джерменъ* (въ средн. вѣка Гѣрманъ [76]), текущій изъ котловины Дупницы, и *Рылу*. Съ этого мѣста Струма течетъ на югъ. Сначала она пересѣкаетъ прекрасную долину Джумайи, затѣмъ вступаетъ чрезъ дикое въ три часа пути ущелье (у Кресны) въ красивую котловину, на восточной сторонѣ которой у Перинъ-Планины замѣчательно красиво расположенъ городъ Мельникъ. Здѣсь слѣва принимаетъ она значительную рѣку *Струмицу*, въ плодородной долинѣ которой лежатъ города Радовиштъ, Струмица и Петричъ. Далѣе Струма течетъ чрезъ ущелье длиною въ три часа пути, называвшееся въ средніе вѣка *Рупеліонъ* [77]). Среди этихъ тѣснинъ слѣва лежитъ городъ Валовишта (Демир-гиссаръ); съ правой стороны стекаютъ воды маленькаго озера *Будково*, расположеннаго въ области болгарскаго племени Сираковцевъ. За Валовиштой начинается обширная, очень плодородная прибрежная равнина Сереса (слав. Сѣръ), съ черной торфяной почвой; здѣсь лежатъ города Середъ, Зихна, Ангиста, Драма и др. Струма протекаетъ чрезъ большое озеро *Тахиносъ* (древній Прасіасъ или Керкинитисъ) и вблизи развалинъ Амфиполиса изливается въ море.

[76]) Село Германиштица въ одной грамотѣ 1378 г., Šafařik Pam. 106. Рѣка Гѣрманъ 1469 г., Гласникъ 22, 198. О долинѣ Струмы ср. любопытное описаніе у E. Rockstroh, Bericht über eine Reise von Samakof nach Melnik, XI Jahresbericht des Vereins für Erdkunde in Dresden (1874). Объ историческихъ воспоминаніяхъ о Германіи, мѣсторожденія Велисарія (еще теперь это имя сохранилось въ названіи деревни Джерменъ) см. Jireček, Heerstrasse 28.

[77]) Еще нынѣ въ этой мѣстности есть село Рупелъ. Григоровичъ. Очеркъ путеш. 142.

Вардаръ [78] (Ἄξιος) беретъ начало въ лѣсистыхъ и мало населенныхъ отрогахъ Шара, выше болгарскаго городка Костово или Гостиваръ [79] (460 метр.). До Костова онъ носитъ названіе *Подгаришка-рѣка* [80]. Усиленный многими горными ручьями, онъ протекаетъ алловіальную долину, нынѣ называемую Тетово, 10 часовъ длиною и 3 часа шириною. Въ средніе вѣка мѣстность эта, какъ изрѣдка и теперь, слыла подъ именемъ *Полога;* Верхній Пологъ былъ у верховьевъ Вардара, Нижній — около Лѣшскаго Монастыря [81]). На горномъ ручьѣ, стекающемъ съ Шара, лежитъ городъ, прежде называемый Славянами *Хтѣтово*, нынѣ *Тетово*, а Турками *Калканделенъ*. Эта прекрасная горная долина покрыта множествомъ болгарскихъ селеній. Въ долинѣ созрѣваютъ хлѣба и овощи, также растетъ множество орѣшниковъ и вишенъ, а на нижнихъ склонахъ Шара, круто поднимающагося на 2000 метровъ среди равнины, каштановые лѣса. На высотахъ живутъ полудикіе албанскіе пастухи.

[78]) По Шафарику (Sebrané spisy II. 240) Вардаръ былъ названъ по турецкимъ Вардаріотамъ, которые здѣсь были поселены въ XI ст. (dar-der, — dere по тур. вода) и у Славянъ назывался *Велика*. Имя *Вардаръ* встрѣчается у старосербск. писателя Доментіана XIII стол. (изд. Даничича 1860. 105) и въ одной грамотѣ царя Душана 1348 г.: на Вардарѣ св. Георгіе (Šafařik, Pam. 102). Мѣста, въ которыхъ упоминается *Велика* (Хроника Даніила 44, грамоты въ Pam. 25 и въ Гласник. 13. 273), вовсе не таковы, чтобы безъ всякаго сомнѣнія можно было утверждать, что это верхній Вардаръ: можно принять ее за Трѣску, которой верхнее теченіе еще теперь называется Велика.

[79]) Гостиваръ въ одномъ старосербск. памятникѣ отъ начала XIV ст. Šafařik Pam. 55. Ср. Hostivar въ Чехіи.

[80]) Буэ о картѣ Гана. Sitzber. der Wien. Akad. 1869. LX. Тетово посѣтили и описали Гризебахъ и Рокштро (Reiseskizzen aus Dardanien und Albanien).

[81]) Что Пологъ не Pelagonia, какъ нѣкоторые догадываются, а Тетово, въ томъ я убѣдился изъ расположенія мѣстностей означенныхъ въ старыхъ грамотахъ. Мнѣніе это подтверждаетъ Boué, Itinéraire I 309, гдѣ расположенія обоихъ Пологовъ ясно обозначены.

Подъ Люботрьномъ Вардаръ вступаетъ въ котловину Скопьскую (254 метра), откуда принимаетъ юговосточное направленіе. Быстрое теченіе его между высокими берегами, въ глубоко-вырытомъ скалистомъ руслѣ, замѣтно только въ самой близи. Выше Скопье справа въ него впадаетъ полноводная *Трѣска*, называемая въ своемъ верхнемъ теченіи *Велика-рѣка* и которая, протекая отъ города Кичево (тур. Кричово) по мѣстности уже въ средніе вѣка называвшейся *Порѣчь*, быстрымъ теченіемъ пролагаетъ себѣ дорогу къ Вардару среди красныхъ скалъ. Слѣва впадаетъ изъ прохода Качаникскаго *Лепенацъ*, притокъ котораго *Нередимка* замѣчателенъ вышеупомянутымъ раздвоеніемъ. Пониже Скопье справа впадаетъ *Маркова-рѣка*, у которой стоитъ монастырь краля Марка [82]). Вытекаетъ она изъ озера, имѣющаго, по народнымъ преданіямъ, подземное сообщеніе съ оз. Охридскимъ. Далѣе по лѣвому берегу тянется плоскогорье *Овче-поле* (турец. Мустафа-Овази), до 30 квадр. миль, заключенное между Карадагомъ, Вардаромъ и Плашкавицей, — пустынная холмистая страна, покрытая мелкимъ дубнякомъ и колючимъ боярышникомъ. Ниже Скопье на лѣвомъ берегу лежатъ болота, изъ которыхъ Цыгане добываютъ селитру, и тамъ же покрытое камышемъ озеро (въ средніе вѣка *Блатно-езеро* [83]), на одинъ часъ пути въ длину и на столько же въ ширину, которое служитъ мѣстопребываніемъ болотныхъ птицъ и заражаетъ воздухъ вредными міазмами; лѣтомъ озеро періодически высыхаетъ. Чрезъ эту мѣстность течетъ въ Вардаръ *Пчиня*. У ея верховьевъ расположенъ извѣстный монастырь Св. Прохора; главные ея притоки слѣва *Крива-рѣка* (Эгрису), а справа *Голѣма-рѣка*, на которой лежитъ Куманово (средневѣковое Жеглигово). Ниже торговаго города Велеса (турец. Кюприли, 170 метр.)

[82]) См. главу XXII.

[83]) Šafařik Pam. 25 (грамота XIII ст.).

впадаютъ справа, вытекающія изъ дикихъ скалистыхъ разсѣлинъ, меньшія рѣки *Топола* и *Бабуна* (съ Десной). Далѣе изливается *Брѣгальница*, текущая отъ Штипа и получающая свои воды изъ большой котловины между Плашкавицей и Бѣласицей; слѣва она принимаетъ *Злетовску-рѣку*. У истоковъ Брѣгальницы расположена область *Піянецъ*, въ которой находятся поселенія болгарскаго племени Піянцевъ. Мѣстность эта еще не изслѣдована. На часъ ниже устьевъ Брѣгальницы, у развалинъ древняго Стоби, впадаетъ въ Вардаръ самый большой его притокъ *Черна*.

Черна или *Црна* (древній Эригонъ, турец. Карасу) беретъ начало въ глубокой пещерѣ у деревни Ильино, близъ Желѣзнеца (Демиръ-гиссаръ), и при вступленіи въ котловину Битоля принимаетъ слѣва воды *Блато-рѣки*, текущей изъ окрестности Прилѣпа. Далѣе она течетъ на югъ и такъ медленно, что воды ея образуютъ въ долинѣ обширныя болота. Съ горы Перистери течетъ въ Черну съ правой стороны *Драгоръ*, на которомъ расположенъ Битоль, и *Елешка*, протекающая мимо Флорины или Лерина (старо-слав. Хлѣринъ). Затѣмъ она протекаетъ въ сѣверо-западномъ направленіи по гористой странѣ чрезъ мѣстность, еще недавно почти совершенно неизвѣстную, *Мориховo* или *Маріово*, гдѣ среди хвойныхъ лѣсовъ расположено восемнадцать болгарскихъ селъ, населенныхъ плотниками и сплавщиками. Съ незапамятныхъ временъ по Вардару и нижней Чернѣ сплавляютъ лѣсъ.

Ниже устья Черны Вардаръ вступаетъ въ тѣснины *Желѣзна-врата* (Демиркапу), длиною въ 550 метровъ, въ которыхъ онъ протекаетъ между огромными красноватыми скалами, имѣя въ ширину 52 метра. Лѣвый берегъ совершенно отвѣсный; на правомъ же берегу ведетъ древняя искуственная дорога, сооруженная по народнымъ преданіямъ кралемъ Марко. На правомъ берегу также пролегаетъ желѣзная дорога изъ Солуня въ Боснію. Далѣе слѣдуютъ

небольшія ущелья. Отъ Градеца до Хидова желѣзная дорога проходитъ около одной мили по лѣвому берегу, гдѣ лежитъ плодородная область Боемія [84]) съ рѣчкой того же имени. Далѣе слѣдуетъ Цыганскій проходъ (Чингене-дервендъ) на два часа пути въ длину, необыкновенно пустынный, за которымъ солуньская дорога переходитъ на лѣвый берегъ. Оттуда Вардаръ течетъ среди пущъ, обитаемыхъ безчисленнымъ множествомъ птицъ, по солуньской прибрежной равнинѣ называемой обыкновенно *Вардарія*. Слѣва у деревни Аматово (32 метра), изъ которой вдали виднѣется Олимпъ, впадаетъ *Арджанъ*, вытекающій изъ озера у *Поляны* (Дойранъ) и пересѣкающій маленькое Рзанское озеро. Далѣе къ югу проходитъ большой мостъ надъ Вардаромъ, по дорогѣ изъ Солуня въ Битоль, имѣющій въ длину около 750 шаговъ. Недалеко отъ устьевъ своихъ Вардаръ принимаетъ съ правой стороны ***Колудей***, также ***Колодей*** или ***Кромено***, турец. ***Каразмакъ***, греческ. ***Мавронери*** (древній Лидій), который, по впаденіи въ него ***Могленицы***, пересѣкаетъ болотистое озеро, вблизи котораго расположены городъ Енидже и развалины древней Пеллы. У устьевъ Вардаръ образуетъ болотистую дельту.

Колудей беретъ начало у подножія ***Нидже***, пересѣкаетъ болотистое ***Нисійско-блато*** и подходитъ къ городу Водену (древняя Эдесса), прославляемому всѣми путешественниками за свое прекрасное мѣстоположеніе. Многими рукавами пересѣкаетъ онъ городъ, и затѣмъ ниспадаетъ съ террасы въ 100 метровъ высоты большими водопадами и далѣе быстро несется къ морю. Изъ домовъ Водена на краю террасы видны вся приморская равнина, вдали бѣлый Солунь, горы Халкидикскія и море. Склоны ниже города покрыты гранатовыми деревьями и различными, перевитыми

[84]) Уже въ XIV стол. Бонмія (грамота въ Гласникѣ 24, 235). Βοΐμί у Кантакузина 1337, ed. Bonn. I 475.

роскошными ліанами, кустарниками: въ ея туфѣ находятся безчисленныя, теперь совершенно высохшія сталактитовыя пещеры, изъ которыхъ нѣкоторыя тянутся безконечно. Онѣ доказываютъ большіе перевороты, объяснить которые исторія должна съ помощью геологіи. Заслуга изслѣдованія этого интереснаго явленія принадлежитъ нѣмецкому путешественнику Гризебаху [85]).

По разсказу Кедрина въ XI столѣтіи рѣка исчезла въ промоину выше города и протекала подъ нимъ въ подземныхъ каналахъ, затѣмъ выходила снова на поверхность подъ упомянутой террасой въ сталактитовыхъ пещерахъ. Слѣдовательно тогда не было водопада у домовъ Водена. Недоходя города, еще теперь видны слѣды древняго русла, исчезающаго вблизи строеній. Мало по малу промоины наполнялись туфомъ, чрезъ который рѣка только съ трудомъ могла пролагать себѣ дорогу, и образовала у города озеро. И дѣйствительно, Кантакузинъ разсказываетъ, что въ XIV столѣтіи городъ Воденъ былъ защищенъ съ одной стороны стѣнами и обрывами, а съ другой—озеромъ. Позднѣе промоины совершенно засорились, а постоянно возрастающія воды озера проложили себѣ путь чрезъ городъ и такимъ образомъ образовался нынѣшній Воденскій водопадъ.

Быстрица (Ἀλιάκμων, турец. Индже-Карасу) течетъ изъ отроговъ Пинда, гдѣ область ея истоковъ отдѣляется низкимъ водораздѣломъ отъ рѣки Дѣвола. Слѣва она принимаетъ воды живописнаго, кратерообразнаго, окруженнаго виноградниками озера ***Касторіи***, въ которомъ на полуостровѣ расположенъ городъ Касторія (древній Celetrum, позднѣе Diocletianopolis, визант. и ново-греч. **Καστορία**, болгарск. Костуръ). Орошая широкую красивую долину, Быстрица у Берреи (болгарск. Беръ) вытекаетъ въ приморскую равнину

---

85) Grisebach II 91 — **104**.

изъ узкаго ущелья, надъ которымъ съ правой стороны высятся предгорья Олимпа.

3. Бассейнъ Адріатическаго моря.

Среди горныхъ возвышенностей западной Македоніи, на одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ морей, лежатъ прекрасныя озера Охридское и Преспанское, отдѣленныя одно отъ другаго высокими горами (водораздѣлъ у прохода около 900 метр. надъ уровнемъ Охридскаго озера). Излишекъ своихъ водъ они изливаютъ въ Адріатическое море.

Преспанское озеро (около 845 метровъ) собственно состоитъ изъ двухъ озеръ, отдѣленныхъ узкой, плоской косой. Такъ какъ ни одно изъ нихъ не имѣетъ стока на поверхности земли, то ихъ уровень мѣняется по перемѣнамъ, происходящимъ въ подземныхъ водостокахъ, и нерѣдко оба эти озера соединяются въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ одно озеро. Для плаванія употребляются (μονοξύλα, болг. *члнъ*), длинныя, узкія, неустойчивыя лодки, выдолбленныя изъ древесныхъ стволовъ. Города Пресны болѣе не существуетъ: этимъ именемъ называется вся озерная долина, необыкновенно плодородная и густо населенная: различаютъ верхнюю и нижнюю Преспу. Большое сѣверное озеро, по болгарски *Преспонско* или *Голѣмо езеро* (большое озеро), кругло и украшено двумя скалистыми островами. *Градомъ* съ древнеболгарскими развалинами и *Малымъ Градомъ*. У западнаго берега указываютъ мѣсто, гдѣ вода будто вытекаетъ подъ Галичицей въ Охридское озеро: говорятъ, что еслибы этотъ каналъ засорился, то вся преспанская долина была бы затоплена [86]). Ниже расположене южное озеро, *Мало-езеро* или *Вентрокъ*, въ сѣверной расширенной части котораго лежатъ

[86]) К. и Д. Миладиновъ. Бжлгарски народни пѣсни. Загребъ 1861, 527.

островки *Ахиль* и *Видринецъ*. Къ югу оно все съуживается до того, что между лѣсистыми берегами походитъ на рѣку. Въ крайнемъ углу этого залива возвышается крутая двухвершинная гора, подъ которой проходитъ подземный каналъ. По ту сторону горы у деревни Трнъ изъ пещеры вытекаетъ полноводный ручей, который вскорѣ впадаетъ въ Дѣволъ. Отсюда въ получасовомъ разстояніи къ востоку по всей горѣ до самой подошвы ея проходитъ отвѣсная темная разсѣлина, нынѣ совершенно сухая, ширина которой едва достигаетъ семи шаговъ. По албански она называется шпиль-е-ужкутъ (волчье ущелье). Вѣроятно когда уровень озера былъ выше, здѣсь былъ стокъ его въ Дѣволъ [87]).

Истоки *Дѣвола* находятся въ почти неизвѣстной мѣстности на восточномъ склонѣ Пинда. Сначала онъ течетъ по плодородной равнинѣ на сѣверъ и прорывается, усиленный водами Преспанскаго озера, чрезъ узкій Зангонскій проходъ между отрогами горныхъ системъ Шара и Пинда. Далѣе онъ поворачиваетъ на западъ и орошаетъ украшенную озерами котловину Корчанскую (болг. Корчанско-поле), имѣющую 4 мили длины и 2 ширины и населенную Болгарами, Албанцами и Македоно-Румынами. Тамъ Дѣволъ протекаетъ окруженное болотистыми лугами озеро *Свирино* (или Совьяни) и озеро *Малики*, представляющее собственно болотистую рѣку. У ручья впадающаго въ Малики, лежитъ городъ *Корча* или *Гьорджа* (греч. Κορυτζᾶ): къ западу оттуда виднѣются на высотахъ развалины румынскаго рынка Москополиса. Въ средніе вѣка верхняя долина Дѣвола до прохода Зангонскаго называлась *Малый Дѣволъ*, а котловина Корчи *Великій Дѣволъ* [88]).

[87]) Преспанское озеро описали Григоровичъ и Ганъ, оба они посѣтили только сѣверный его берегъ. До нынѣ ни одинъ ученый путешественникъ не ѣздилъ по самому озеру и не обошелъ его кругомъ.

[88]) Hahn, Reise durch die Gebiete des Drin и пр. 292.

Охридское озеро (Lychnitis lacus, уровень 692 метра) по словамъ Буэ [89], представляется своей свѣтлолазуревой поверхностью, какъ Рона у Женевы, драгоцѣннымъ камнемъ Турціи, для котораго нужна только другая оправа, не похожая на окрестности его, опустошенныя турецкою распущенностью и албанскимъ хищничествомъ [90]). Озеро имѣетъ форму эллипсиса, длиною въ 8 часовъ пути и шириною въ 3 часа; найбольшая глубина его около 200 метровъ. Поверхность его синяя, какъ въ ломбардскихъ и швейцарскихъ озерахъ; его прозрачныя какъ чистый кристалъ воды становятся мутными только при южномъ вѣтрѣ или бурѣ. Острововъ на озерѣ нѣтъ, камышу совсѣмъ мало; на глубинѣ безчисленное множество рыбъ [91]). Плаваютъ на немъ въ первобытныхъ баркахъ (болг. чунъ) съ совершенно плоскимъ дномъ; чтобы умѣрить качку ихъ, прикрѣпляютъ снаружи къ обоимъ бортамъ широкія и толстыя бревна, какъ это дѣлаютъ Полинезійцы у своихъ лодокъ. Надъ южнымъ берегомъ высится крутой „Камень". На юго-восточномъ берегу, въ прекрасномъ мѣстоположеніи стоитъ монастырь св. Наума, у котораго, изъ настоящаго ключеваго гнѣзда, вытекаетъ быстрый ручей, окруженный ивами и ольхами, вязами и тополями, по преданіямъ Болгаръ — стокъ выше расположеннаго Преспанскаго озера. Недалеко оттуда виднѣнъ другой монастырь св. Наума. На восточномъ берегу поднимаются обнаженныя горы и между ними Галичица. Сѣверную сторону охватываютъ двѣ равнины, изъ которыхъ меньшая расположена вокругъ издревле-знамени-

[89]) Boué. Itinéraire I, 97—101. [illegible] Объ озерахъ Охридѣ, Малики, Касторія и пр. ср. Mary Adelaide Walker. Through Macedonia to the Albanian Lakes. London 1864 (съ изобр.).

[90]) Въ окрестностяхъ Охриды ежегодно совершается среднимъ числомъ 150 убійствъ.

[91]) Ганъ называетъ 13 породъ (Reise durch die Gebiete des Drin и пр. 100).

таго города Охриды (слав. Охридъ, ἡ Ἀχρίς, древній Lychnidus), лежащаго въ прекрасномъ мѣстоположеніи на берегу озера вблизи двухъ замковъ. Большая равнина (Стружкополе) имѣетъ ширину въ 4 часа пути и густо населена; повидимому она прежде была дномъ озера; она совершенно плоская и каменистая; въ ней среди болотъ и камыша начинается Черный Дримъ, шириною въ 30 метровъ, протекающій здѣсь болгарскій городокъ Стругу, часть домовъ котораго построена на сваяхъ среди рѣки. Западный берегъ озера представляетъ низкую отвѣсную скалистую площадь, на которой среди каштановыхъ лѣсовъ у самаго берега лежитъ монастырь Калиште; далѣе вверхъ расположены неизвѣстныя мѣстности разбойничьихъ Албанцевъ. Изъ впадающихъ въ озеро рѣкъ, важнѣйшей прежде была Сатеска (собственно Сътѣска, тѣснины), которая, начинаясь въ горной мѣстности Дебрцѣ [92]), впадала между Стругой и Охридой, пока, вслѣдствіе ея частыхъ наводненій, не была отведена недавно Струганцами посредствомъ канала въ Дримъ.

Дримъ (слав. Дримъ, албан. Дринъ, древній Δρίλων), составляется сліяніемъ двухъ большихъ рѣкъ — Чернаго и Бѣлаго Дрима. *Черный Дримъ* вытекаетъ изъ Охридскаго озера, и въ сѣверномъ направленіи пересѣкаетъ *Дибру* или *Дебру* (древн.-слав. дьбръ, ущелье), полунезависимую горную страну, около 10 миль въ длину. Дебра извѣстна какъ красотою своихъ горъ, своими теплицами и многочисленными видами средневѣковыхъ замковъ и городовъ, такъ и средневѣковой дикостью обитателей — „Господи! брани отъ голи Дебрани“, говорятъ македонскіе Болгаре.

Въ верхней Дибрѣ живутъ Болгаре, какъ христіане, такъ и магометане, въ нижней магометане Албанцы. Тамошніе магометане, около 60,000 человѣкъ способныхъ

---

92) О Дебрцѣ сравни Григоровича. Очеркъ путеш. 123 — 127

носить оружіе, считають себя краеугольнымъ камнемъ всего мусульманскаго міра. Здѣсь еще и теперь господствуетъ право сильнаго, здѣсь еще въ ходу соколиная охота. Христіанъ здѣсь не видно [93]). Дримъ пролагаетъ себѣ дорогу въ Дибрѣ чрезъ многочисленные скалистые каналы между отрогами Малиси и Шара. Съ правой стороны въ него впадаетъ здѣсь *Радика*, начинающаяся на Корабѣ и орошающая долину около семи миль въ длину, мѣстожительство болгарскаго племени Міяковъ. Слѣва изъ полныхъ дикой прелести темныхъ овраговъ вытекаетъ *Лурья*, берущая начало въ воронкообразныхъ и необыкновенно глубокихъ албанскихъ „морскихъ очахъ" (горныя озера); лурійскіе Албанцы, католики и мусульмане—независимое горное племя.

Бѣлый Дримъ вытекаетъ изъ колодцообразной пещеры у Жлѣба въ сѣверо-албанскихъ Альпахъ и течетъ сначала на востокъ чрезъ Метою, широкую равнину со многими древне-сербскими городами и граничащую съ Косовымъ полемъ. Повернувъ между Шаромъ и Биштрикомъ къ юго-западу, онъ принимаетъ слѣва дикій ручей *Луми*, низвергающійся съ Кораба чрезъ громадныя скалистыя ворота, которыя по албанскому преданію, также какъ „Brèche de Roland" въ Пиренеяхъ, были разсѣчены мечемъ миѳическаго героя.

У деревни Брутъ или Руговой въ величественной мѣстности сливаются оба Дрима. Среди громадныхъ горъ и глубокихъ лѣсистыхъ ущелій зеленѣетъ маленькая равнина, покрытая лугами и полями маиса (220 метровъ). Къ югу видны тѣснины, изъ которыхъ вытекаетъ Черный Дримъ:

[93]) Первый ученый путешественникъ, проникшій въ Дибру былъ докторъ І. Мюллеръ изъ Праги. См. Dr. Ios. Müller, Albanien, Rumelien und die oesterreichisch-montenegrische Grenze. Prag, Calve 1844, съ предисловіемъ П. І. Шафарика. Ср. Hahn, Reise durch die Gebiete des Drin и пр. 81 — 100. Рокштро (см. Reiseskizzen aus Dardanien и пр.) при посѣщеніи города Дибры въ 1874 г. едва спасъ свою жизнь.

къ сѣверо-востоку находится глубокая разсѣлина, въ которой протекаетъ Бѣлый Дримъ; на западѣ открывается проходъ, чрезъ который вытекаютъ соединенныя воды обѣихъ рѣкъ. Дорога изъ Призрена въ Скодру проходитъ въ этихъ темныхъ пустынныхъ долинахъ чрезъ три замѣчательныхъ каменныхъ моста. Сначала переходишь Луму, четверть часа дальше Бѣлый Дримъ, затѣмъ чрезъ полчаса видишь слѣва сліяніе обоихъ Дримовъ и еще чрезъ часъ далѣе переходишь по большому мосту у Везирхана чрезъ соединенный Дримъ [94]). Далѣе съ дороги Дримъ видѣнъ только въ приморской равнинѣ, такъ какъ дорога, оставляя рѣку вправо въ глубокой пропасти, идетъ высоко по горамъ. „Ни одна дорога не проходитъ чрезъ эту глушь, ни одинъ челнокъ не проплывалъ тамъ. Никто не можетъ сказать, есть ли тамъ водопады или пороги. Какъ важна и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ смѣла была бы поѣздка изслѣдователя по этимъ пропастямъ южнаго склона Альпъ". Такъ писалъ Гризебахъ въ 1841 году. Буэ также предлагалъ попытаться проѣхать по Дриму или внизъ отъ Охридскаго озера, или вверхъ отъ Скодры на маленькомъ пароходѣ [95]). Это путешествіе предпринялъ австрійскій консулъ Ганъ въ 1863 году, на двухъ весельныхъ лодкахъ изъ Скодры; но пороги вскорѣ принудили его возвратиться. Тѣснины Дрима имѣютъ въ длину около 20 миль. Волны мчатся съ страшнымъ шумомъ меж-

---

[94]) Эти мосты описаны Гризебахомъ, Ганомъ, Тозеромъ и въ особенности Буэ въ Sitzber. der Wien. Akad. T. 37, 1859 г. 128; T. 53, 1866 г. 10; T. 60, 1869 съ изобр.; T. 61, 1870, 5. Въ отчетѣ о нѣмецкомъ изданіи настоящей книги (Sitzber. d. Wien. Akad. 10 Febr. 1876) Буэ снова говоритъ: «Я настаиваю все еще на возможности, посредствомъ небольшаго плоскодоннаго парохода, въ особенности во время полноводія, проѣхать изъ Скодры по соединенному Дриму и по горному Дриму до Охридскаго озера». Но Рокстро (op. cit. 56) видѣлъ между Стругой и Диброй (городомъ) на Дримѣ много пороговъ, которые дѣлаютъ невозможнымъ плаваніе по этой рѣкѣ.

[95]) Grisebach II 344. Boué, Routes 29.

ду громадными обнаженными скалистыми стѣнами сѣраго цвѣта, мѣстами совершенно отполированными паденіемъ льда. Во многихъ мѣстахъ скалы отвѣсно спускаются прямо въ рѣку, такъ что небо виднѣется только узкой полосой. Эхо отражается въ продолженіи многихъ секундъ между дикими скалами. Водопадовъ здѣсь нѣтъ, но зато много пороговъ. Надъ высокими стѣнами долины расположены албанскія селенія, жители которыхъ спускаются внизъ по теченію на наполненныхъ воздухомъ козьихъ шкурахъ. На лѣво вверху лежитъ мѣстность Дукаджинъ, на право Хасси, Грасничъ и Пулати (средновѣков. Пилотъ).

Въ приморскую равнину Дримъ вступаетъ чрезъ большія скалистыя ворота и медленно тянется къ морю; параллельно къ нему течетъ изъ Скодрскаго озера *Бояна*. Зимою съ 1858 на 1859 годъ Дримъ прорылъ себѣ новое русло къ Боянѣ, такъ что онъ теперь впадаетъ въ море въ двухъ мѣстахъ: у города Леша и посредствомъ Бояны. Это не первая перемѣна русла, что доказываетъ не только геологическое строеніе равнины, но и означеніе стараго русла на картѣ Коронелли (1688 г.) и одно мѣсто у Ливія [96].

Таково устройство поверхности страны, которая была поприщемъ столь разнообразно смѣнявшихся состояній культуры и столь многоразличныхъ событій, описанію которыхъ посвящены слѣдующія страницы.

---

[96]) Hahn, Reise durch die Gebiete des Drin и пр. 36. Livius 44. 31. Гризебахъ, II 117, приписываетъ Ливію ошибку; дѣло разъяснилъ Lejean, Tour du Monde 1860. I 74

Глава II.

Ѳрако-Иллирійцы и Римляне.

Первобытныя времена полуострова. Могилы. Ѳрако-Иллирійцы, ихъ колѣна, языкъ, нравы и судьбы. Римское владычество. Романизація первобытнаго населенія. Можно-ли считать Славянъ первобытными обитателями полуострова?

Первобытныя времена Балканскаго полуострова покрыты глубокимъ непроницаемымъ мракомъ. Какой народъ первый пасъ стада свои на равнинахъ Ѳракіи, на лугахъ Косово-поля, звуки какого языка впервые раздавались въ скалистыхъ ущельяхъ Балкана, Шара и Пинда—объ этомъ исторія молчитъ. Ни одно преданіе, ни одна сага не разсказываетъ намъ о древнѣйшемъ переселеніи рода человѣческаго въ эти страны; но кажется, что древнѣйшее извѣстное намъ населеніе полуострова, при своемъ прибытіи, не застало тамъ предшественниковъ.

Въ послѣднее время могильные холмы (tumuli), въ замѣчательномъ количествѣ разсѣянные по всему полуострову, обратили на себя вниманіе изслѣдователей, какъ несомнѣнные памятники глубокой древности [1]). Это конусообразные холмы различной высоты, самые большіе до 50 футовъ. Мало есть мѣстностей, въ которыхъ они не пред-

[1]) См. въ Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien (1871) статьи Hochstetter'a (93—100) и Boué (156 158).

ставлялись бы глазу путешественника. Въ наибольшемъ числѣ находятся они во Ѳракіи, въ особенности въ окрестностяхъ Филиппополя (болг. Плодвивъ), гдѣ они встрѣчаются вдоль по рѣкѣ Марицѣ. Въ этихъ мѣстахъ они съ давнихъ поръ обращали на себя вниманіе всѣхъ путешественниковъ: Verantius, Dernschwamm, Busbeck (всѣ 1533 г.). Gerlach (1573 г.), Вратиславъ (1591 г.), Blunt (1634 г.). Riccaut (1665 г.) и многіе другіе ихъ упоминаютъ; обыкновенно видѣли въ нихъ гробницы; немногіе только авторы полагали, что они насыпались для указанія пути въ зимнее время. Вокругъ Адріанополя и по южной Марицѣ, также какъ и на берегахъ Пропонтиды, такого рода могилы не рѣдки. Очень много встрѣчаетъ ихъ путешественникъ по рѣкѣ Тунджѣ и на южномъ склонѣ Балкана въ поросшей розами котловинѣ Казанлыка, въ долинѣ Шипки, въ фруктовыхъ садахъ Загоры (Желѣзникъ). На сѣверъ отъ Балкана встрѣчается ихъ нѣсколько по дорогѣ отъ Трново къ Рущуку, потомъ у Шумена и между Ловчемъ и Плевномъ. Интересно, что въ XI столѣтіи какая то область въ низменности между Дунаемъ, Балканомъ и моремъ называлась „Ста-холмами“ [2]). Вдоль по берегу Дуная тянутся рядами конусообразныя возвышенія на одинаковомъ разстояніи одно отъ другаго. Также на валашскомъ берегу возвышаются подобные, но болѣе низкіе холмы. Нѣсколько группъ ихъ встрѣчается въ котловинѣ Софіи, по рѣкѣ Рылѣ у деревни Стоба и у Струмы, вблизи Кюстендиля; многочисленны они въ равнинахъ Македоніи у нижняго Вардара, гдѣ разсѣянные въ окрестностяхъ Водена и Солуня особенно замѣтны своимъ громаднымъ размѣромъ. Тоже самое въ Ѳессаліи. Даже въ Герцеговинѣ найдено ихъ нѣсколько. Въ Албаніи и въ княжествѣ Сербіи они очень

---

[2]) Кедринъ 2, 594 (Ἑκατὸν βουνοί).

рѣдки: на Косовомъ же полѣ, въ горахъ западной Македоніи, сколько извѣстно, ихъ вовсе нѣтъ; въ голыхъ известковыхъ скалахъ адріатическихъ, гдѣ плодородная почва принадлежитъ къ драгоцѣннѣйшимъ дарамъ природы, эти земляныя насыпи замѣняются огромными камнями съ различными знаками, которые весьма часто встрѣчаются въ Герцеговинѣ, Босніи и Далмаціи.

Было-бы однако неосновательнымъ утверждать, что всѣ эти могилы относятся къ одному и тому же періоду, именно къ періоду глубокой древности. Вѣроятно онѣ были насыпаны различными народами, въ различное время тамъ обитавшими. Бо́льшая часть принадлежитъ безъ сомнѣнія Ѳракійцамъ, погребальныя церемоніи которыхъ Геродотъ наглядн ымъ образомъ описываетъ. Когда умиралъ знатный Ѳракіецъ, трупъ его былъ выставляемъ въ теченіе трехъ сутокъ; при этомъ приносили въ жертву разныхъ животныхъ, которыхъ съѣдали послѣ обильной слезами скорби объ усопшемъ. Затѣмъ мертвецъ былъ или сожигаемъ до тла, или же просто хороненъ (оба рода похоронъ были въ употребленіи): надъ гробницею была насыпаема могила (χῶμα), при которой праздновались боевыя игры въ честь покойнаго [3]). Римская императорская монета, найденная докторомъ Вейзеромъ въ одной могилѣ подъ черепомъ, свидѣтельствуетъ, что этотъ обычай весьма долго сохранялся [4]).

Впрочемъ не всѣ могилы относятся къ Ѳракійцамъ. Кельты и Славяне погребали умершихъ подъ подобными памятниками. Болгаре обозначаютъ ихъ особенными именами и разсказываютъ о нихъ преданія, которыя не нашли до сихъ поръ своего собирателя. Во время постройки же-

---

[3]) Геродотъ 5, 8. Мѣсто донынѣ не замѣченное, но весьма важное для исторіи могилъ.

[4]) Къ сожалѣнію нельзя болѣе разобрать надпись (Mittheil. der anthrop. Gesellsch. in Wien, II, 96).

лѣзной дороги въ 1871 г., извѣстное число могилъ были раскрыты д-ромъ Вейзеромъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находились сложенныя изъ крѣпкихъ кирпичей склепы, закрытые сверху сланцовыми плитами и содержавшіе части скелетовъ, глиняные и стеклянные черепки и заржавѣвшіеся металлическіе предметы; многіе однако оказались съ давнихъ поръ расхищенными искателями кладовъ [5]). Вблизи Шипки нашли внутри одной могилы каменный склепъ, въ которомъ находился скелетъ и при немъ лукъ и стрѣлы. Небольшіе холмы, между прочимъ, служили съ незапамятныхъ временъ, также какъ и въ наше время у Филиппополя, для обозначенія границъ и весьма правдоподобно, что и въ первобытныя времена они сооружались для этой же цѣли. Въ древнихъ сербскихъ и болгарскихъ грамотахъ XIII и XIV столѣтій часто упоминается о могилахъ; такъ въ области Браничево на Дунаѣ, у Призрена, у Скопье и Штипа [6]).

Вообще почва всего полуострова, такъ сказать, покрыта археологическими памятниками всѣхъ періодовъ. О существованіи ихъ въ греческихъ областяхъ излишне распространяться. Въ Сербіи встрѣчаются деревенскія хижины, въ которыхъ полъ вымощенъ римскими кирпичами; на дворахъ и площадяхъ сербскихъ и болгарскихъ городовъ очень часто попадаются могильные камни и капители колоннъ. Даже при поверхностномъ взглядѣ на коллекціи бѣлград-

[5]) Dr. M. E. Weiser, Thracien und seine Tumuli, ibid.; ср. ст. Hochstetter'a и Boué, l. c.

[6]) Даничичъ, Рјечник из књижевних старина српских, подъ сл. могила. Граница деревни Купѣльникъ у Призрена пролегала въ 1348 году «у Теклину могилу» и «мегю бѣле могиле», а въ 1381 году граница деревни Ленитковце въ Браничевѣ доходила до урочища «на могиле». Въ грамотѣ болгарскаго царя Константина (1258—1277) упоминается могила при Скопье (Šafařík, Památky, 2 изд. 24). Въ грамотѣ же господаря Константина (1388) приводится «могила код друма» и граница «до могиле која је мегю оба пута» у Штипа (Гласник, 24, 268).

скаго музея можно замѣтить громадныя археологическія богатства этихъ странъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе невѣжества и корыстолюбія постепенно пропадаютъ безчисленныя драгоцѣнныя древности; сколько древнихъ издѣлій уничтожается цинцарскими „Колунджіями“ (серебрениками) съ цѣлью добыть матеріалъ для филиграновыхъ работъ! Европейскій путешественникъ не можетъ узнать о найденныхъ древностяхъ, такъ какъ обыкновенно остается въ одномъ и томъ же мѣстѣ не болѣе одного или двухъ дней; здѣсь наука должна разсчитывать на помощь туземцевъ. О многихъ находкахъ упоминаетъ Стефанъ Захаріевъ въ своемъ весьма добросовѣстномъ описаніи небольшой области Татаръ-Пазарджика [7]). Приведемъ только одинъ примѣръ: Захаріевъ описываетъ замѣчательное мѣсто, служившее для жертвоприношеній при деревнѣ Балдьово у Срѣдней-горы. Тамъ, на право, на вулканическомъ конусѣ, стоятъ развалины „Гюргева града“, и подъ ними открывается входъ въ большую пещеру; на лѣво поднимается высокая „Сънлива-могила“. Между обѣими возвышенностями, въ узкой долинѣ протекаетъ ручей, у котораго лежитъ мраморный шаръ, вѣсомъ приблизительно въ три центнера, на которомъ высѣчена въ двухъ мѣстахъ рука съ растопыренными пальцами. Вблизи зеленѣетъ роща, въ тѣни которой растетъ, посвященный самодивамъ, пріятно пахнущій голубой цвѣтокъ (росенъ). Тамъ, ежегодно, во время праздника Росаліи (троица) множество больныхъ проводятъ безсонную ночь, покоясь на чудесныхъ цвѣтахъ, подъ открытымъ небомъ, чтобы услышать приговоръ самодивъ о своемъ здоровьи. И такихъ священныхъ урочищъ есть весьма много.

---

[7]) Стеф. Захаріевъ, Географико-историко-статистическо описаніе на Татаръ-Пазарджишкѫ-тѫ каазѫ. Віенна 1870.

Послѣ этихъ указаній на древнѣйшіе археологическіе памятники, постараемся сообщить о первобытномъ населеніи покрайней мѣрѣ то, что уже достовѣрно извѣстно.

Древнѣйшіе обитатели нынѣшней болгарской страны принадлежали къ *Ѳрако-Иллирійскому* семейству и раздѣлялись на два племени: на восточное и западное, Ѳракійское и Иллирійское. Къ восточному племени принадлежали *Ѳракійцы*, а также, можетъ быть, *Македоняне*, которые, вѣроятнѣе всего, какъ въ наше время албанскіе выходцы въ Элладѣ, очень рано подчинились греческому вліянію; можно, не ошибаясь, предположить, что и *Пелазги* были ихъ соплеменниками. *Иллирійцы* и *Эпироты* составляли западное племя. Иллирійцы часеляли берега Адріатическаго моря, отъ устьевъ рѣки По до рѣки Генуса (Шкумби) въ Албаніи; страна же къ югу оттуда до границъ эллинскихъ Этольцевъ составляла мѣстожительство Эпиротовъ. Между Ѳракійцами и Иллирійцами существовало такое же родовое отношеніе, какъ между Славянами и Литовцами, или Нѣмцами и Скандинавами [8]).

Ѳракійцы въ настоящее время совершенно исчезли; ихъ романизованные потомки—нынѣшніе Румыны. Отъ Илли-

[8]) Dr. F. Müller, Allgemeine Ethnographie. Wien 1873, 60. Въ новѣйшее время Dr. Fligier, Zur praehistorischen Ethnologie der Balkanhalbinsel (Wien, Hoelder, 1877, 65 стр.) разбираетъ древнѣйшую этнографію Балканскаго полуострова. Онъ заключаетъ, что Иллирійцы, по своему происхожденію, рѣзко различались отъ Ѳракійцевъ. Первые, будучи вытѣснены Ѳракійцами изъ восточной части полуострова, переселились въ Италію, гдѣ потомки ихъ впослѣдствіи являются подъ названіемъ Япиговъ и Венетовъ. Ѳракійцы же, по мнѣнію Флигіера, принадлежали къ семьѣ Ѳрако-фригійской, къ которой относились многіе обитатели Малой Азіи: Фригійцы, Лидійцы, Каппадоки и проч.; нынѣ изъ всѣхъ вѣтвей этой семьи остаются одни только Армяне. Авторъ входитъ въ большія подробности, когда говоритъ о Греціи; разбирая мѣстныя, личныя и миѳологическія имена различныхъ областей, онъ приходитъ къ выводу, что до-эллинскіе ихъ обитатели были частью иллирійскаго происхожденія, частью ѳрако-фригійскаго (см. рецензію К. І. Иречка въ Časopis'ѣ Českého musea, 1877, 408).

рійцевъ и Эпиротовъ остался только дикій коренной народъ *Албанцевъ* или *Арнаутовъ* (слав. *Арбанаси*), числомъ 1,300,000 душъ. По изслѣдованіямъ Гана, отъ Иллирійцевъ собственно ведутъ свой родъ *Геги* въ сѣверной Албаніи, а отъ Эпиротовъ — *Тоски* въ южной [9]). Древняя пограничная рѣка Иллирійцевъ и Эпиротовъ Шкумби отдѣляетъ и теперь еще ихъ потомковъ, Геговъ отъ Тосковъ. Разница, существующая между діалектами обоихъ колѣнъ Албанцевъ, значительна, и кромѣ того замѣчательно то обоюдное отвращеніе, съ какимъ встрѣчаются Албанцы сѣвера и юга.

По мнѣнію д-ра Фридриха Мюллера (см. выше) Ѳрако-Иллирійцы первые отдѣлились отъ общаго индо-германскаго корня и, вышедши изъ армянской нагорной страны, заняли Балканскій полуостровъ. Итакъ Албанцы древнѣйшій, послѣ Басковъ, народъ въ Европѣ. Уже въ позднѣйшее время направились Кельты на западъ: за ними слѣдовали Италійцы съ Греками, потомъ Германцы и наконецъ Славяне, которые, по Фр. Мюллеру, послѣдніе отдѣлились отъ Арійцевъ.

Границы жилищъ Ѳракійцевъ были: на западѣ Дрина, среднее теченіе болгарской Моравы и верхняя Струма; на югѣ — Эгейское море; на сѣверѣ же она доходила до Дуная, а на востокѣ до Чернаго моря. Изъ многочисленныхъ ѳракійскихъ колѣнъ *Геты*, со временъ Геродота, жили по сѣверную сторону Балкана, ближе къ морю; въ IV столѣтіи до Р. Х. они частью перешли Дунай и основали тамъ могущественное государство. Западнѣе Гетовъ, на рѣкахъ Артанѣ и Ноѣ (Видъ и Осма) жили *Кробизы*: затѣмъ они двинулись далѣе къ востоку. Небольшое колѣно *Мисовъ* расположено было по рѣкѣ Кебру или Кіамбру (нынѣ Джибра). Далѣе къ западу, страну отъ верхняго Искра до

[9]) G. v. Hahn, Albanesische Studien, I, 218.

Дрины занимали *Трибаллы*. Позднѣе ученые Византійцы перенесли ихъ имя на Сербовъ. Во времена Римлянъ упоминаются еще мелкіе народы: *Тимахи* на Тимокѣ и *Пиценсы* на Пекѣ въ нынѣшней Сербіи.

Между ѳракійскими колѣнами, обитавшими къ югу отъ Балкана, особенно выдавался воинственный и независимый горный народъ въ Родопѣ, который у Геродота называется *Сатрами* (алб. satъr, мечъ), а у Ѳукидида меченосными *Діами* (μαχαιροφόροι) [10]). На высочайшихъ горахъ они имѣли прорицалище Діониса съ пророками, бессами (βησσοί) и съ жрицей, какъ въ Дельфахъ. По албански bessъa значитъ вѣра, вѣрность; этимъ объясняется названіе и народность этихъ жрецовъ. Еще и теперь возвышаются на Гіозъ-тепе, одной изъ вершинъ Родопы, вблизи деревни Наипліе, развалины большихъ каменныхъ зданій съ мозаичнымъ поломъ и надписями на стѣнахъ; по близости находятся также гробницы съ надписями, въ которыхъ горцы находили бронзовые склепы, щиты, копья и серебряныя монеты [11]). Эту святыню Бессовъ посѣтилъ Александръ Великій на переходѣ къ Дунаю; она упоминается еще во время Августа. Названіе жрецовъ *бессы* перенесено было затѣмъ на весь народъ Сатровъ. Бессы дольше всѣхъ Ѳракійцевъ сохранили свою народность. Сохранилась двухъязычная, греческая и латинская, надпись временъ Траяна, найденная на часъ пути къ западу отъ Татаръ-Пазарджика, въ которой упоминается „Vessi“ и по гречески „Βήσσοι“ [12]). Около 400 года епископъ Никита Ремесіанскій (Бѣла-Паланка между

---

[10]) Herodot. VII. 111; Thuc. II, 96. Hahn, Alb. Stud. I, 242. М. Дриновъ, Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами, Москва 1873, 8, 4. W. Tomaschek, Ueber Brumalia und Rosalia nebst Bemerkungen über die Bessischen Volksstämme (см. Dr. Konst. Jireček, Heerstrasse etc p. 39).

[11]) Захаріевъ, 72, по устнымъ преданіямъ, самъ онъ не былъ на мѣстѣ.

[12]) Онъ-же 78 и на таблицѣ № 15. Сильно повреждена.

Нишомъ и Пиротомъ) проповѣдывалъ имъ евангеліе, а еще въ V столѣтіи, когда прочія ѳракійскія племена были, по большей части, романизованы, у Бессовъ христіанское богослуженіе шло на родномъ языкѣ. Еще при Юстиніанѣ Бессы принадлежали, вмѣстѣ съ германскими наемниками и мало-азіатскими Исаврами, къ отборному войску Византійцевъ. Главный ихъ городъ назывался *Бессапара*, т. е. городъ Бессовъ. Мѣсто его занимаетъ нынѣ горный городокъ Баткунъ, къ югу отъ Татаръ-Пазарджика. Далѣе къ западу встрѣчаются другія древнія развалины у Мало-Бѣлова, недалеко отъ источниковъ Марицы, гдѣ въ настоящее время кончается румелійская желѣзная дорога: эта мѣстность, называемая *Старо-Градиште*, была прежде покрыта развалинами. Захаріевъ, который извѣстенъ какъ безпристрастный наблюдатель, сообщаетъ, что между тамошними Болгарами существуетъ преданіе, гласящее, что древніе обитатели этого города назывались *Бешяфарами*; это же слово не имѣетъ другаго значенія какъ: „родъ Бешевъ“; фара на болгарскомъ языкѣ, равно какъ и на македоно-румынскомъ и на албанскомъ, значитъ—родъ [13]). Остатки же не только Бессовъ, но и другихъ ѳракійскихъ племенъ пережили еще много столѣтій славянскую колонизацію полуострова.

Самымъ выдающимся и могущественнымъ племенемъ Ѳракійцевъ были *Одрисы*, смертельные враги Бессовъ, въ бассейнѣ Марицы. Главные ихъ города были Ускудама (н. Адріанополь) и Друзипара (теперь Карыштиранъ). Достойны упоминанія также *Сапеи*, которые обитали по побережью

---

[13]) О горномъ дѣлѣ у Бессовъ, см. Heerstrasse p. 39, о мѣстоположеніи Бессапары см. обширное мое разсужденіе тамъ же, p. 37; Бешяфара: Захаріевъ 56; ср. Дриновъ, Заселеніе 30. *Пара* соотвѣтствуетъ санскритскому *purî* (городъ) и греческому πόλις. О *fara* ср. Miklosich, Alb. Forschungen. II 25 (Wien 1871).

Эгейскаго моря противъ острова Θазоса, около устья Месты. Въ долинѣ Струмы простирались жилища *Деноелетовъ* около нынѣшняго Кюстендиля. *Медовъ* (Μαίδοι) въ окрестностяхъ Мельника и *Одомантовъ* недалеко отъ города Сѣра (Сереза). *Кораллы* обитали къ востоку отъ Бессовъ. *Долонки* въ Θракійскомъ Херсонесѣ.

Въ верхней Македоніи, въ области источниковъ Вардара и Струмицы, жили *Пэоны*, поселенія которыхъ въ V столѣтіи простирались до моря у устья Струмы. На Прасійскомъ озерѣ, чрезъ которое протекаетъ Струма предъ впаденіемъ въ море, они жили въ постройкахъ на сваяхъ: существованіе этихъ построекъ исторически доказано. У Геродота именно встрѣчается слѣдующее весьма интересное описаніе этихъ оригинальныхъ жилищъ [14]): „Посреди озера на высокихъ сваяхъ положены деревянные сколоченные помосты, на которые съ твердой земли ведетъ только одинъ узкій мостъ. Сначала всѣ граждане сообща доставляли основные столбы для этихъ помостовъ; потомъ они ввели обычай слѣдующимъ образомъ доставлять ихъ: каждый гражданинъ, собираясь жениться, долженъ былъ доставить три столба. Добывались же они въ горной цѣпи Орбелосъ. Но каждый беретъ много женъ. Итакъ они живутъ слѣдующимъ образомъ: каждый имѣетъ на помостахъ свою собственную хижину, въ которой онъ живетъ, и опускную дверь, ведущую съ помостовъ въ озеро. Дѣтей своихъ они привязываютъ веревкой за ногу изъ боязни, чтобы они не свалились въ воду. Лошадей же и рабочій скотъ кормятъ они рыбой; ея же такъ много, что каждый, отворивъ свою дверь и опустивъ на веревкѣ корзину, не долго ждетъ и вытаскиваетъ ее наполненную рыбой“. Остатки этихъ озерныхъ жилищъ на Стримонѣ открылъ въ 1863 году молодой французскій археологъ Deville. Но не только на Пра-

[14]) Herodot. V, 16.

сійскомъ лиманѣ, но и внутри края, древніе Ѳрако-Иллирійцы, именно племя *Скиртоновъ*, занимались рыбною ловлею въ надъозерныхъ своихъ жилищахъ. Даже Славяне, сюда переселившіеся, застали не только этотъ образъ жизни у туземцевъ, но и сами послѣдовали ихъ примѣру. На восточномъ берегу большаго Преспанскаго озера находится деревня *Накольцы* или *Наколецъ*, которая упоминается еще подъ 1334 годомъ, какъ принадлежность Трѣскавецкаго монастыря (близъ Прилѣпа). *Накольцы* безъ сомнѣнія обитатели жилищъ, построенныхъ на сваяхъ или колахъ; кажется, подобнаго рода постройки по славянски назывались *накольемъ*. Достойно вниманія, что уровень озера значительно измѣняется, смотря по подземнымъ отливамъ: въ древности и средніе вѣка, когда отлогости сосѣднихъ высотъ были покрыты густымъ лѣсомъ, озеро было обширнѣе и могло покрывать пространство, гдѣ нынѣ находятся прибрежныя селенія. Впрочемъ, въ болгарскомъ городкѣ Стругѣ, гдѣ Черный Дримъ вытекаетъ изъ озера Охридскаго, до сихъ поръ много домовъ построены на сваяхъ въ рѣкѣ: французскій же путешественникъ Dumont недавно замѣтилъ на ѳессалійскихъ озерахъ подъ Оссою и Пеліономъ дома, построенные на сваяхъ и служащіе обыкновенно ночлегомъ для пастуховъ [15]). Сербскій писатель Верковичъ разсказываетъ, что у болгарскаго племени *Піянцевъ* (уже въ среднихъ вѣкахъ упоминается область *Пияньць* Πιάνιτσα), обитающаго въ древней Пэоніи между горной Струмой и Брѣгальницею, сохранилось преданіе, что предки ихъ были преслѣдуемы морскими Вилами и великими водами, и что они „строили хаты на водѣ, въ которыхъ спали".

[15]) См. ст. Иречка «Jezerní osady v starém Bulharsku, въ Časopis Čes. musea, 1875, p. 137 и извѣстіе A. Dumont'а въ Revue archéol. 1868 (Déc. p. 412). Верковичъ, Описаніе быта македонскихъ Болгаръ. Москва 1868, стр. 21.

Между Иллирійцами замѣчательны верхне-италійскіе *Венеты* [16]) и многочисленныя племена морскихъ разбойниковъ въ Далмаціи: *Истры*, *Яподы*, *Либурны*, *Далматы*, *Ардіеи* и предъ прочими *Автаріаты* на Боянѣ и Косовомъ полѣ, самое храброе и многочисленное иллирійское племя: имя ихъ сохранилось въ названіи герцеговинской рѣки Тары. Къ востоку отъ Автаріатовъ, по болгарской Моравѣ, обитали *Дарданы*. Около озера Охридскаго и въ горныхъ долинахъ Дибры жили *Дассареты*, о которыхъ говорится у Страбона, что они до такой степени истреблены были кельтскими Скордисками, что страна ихъ покрылась неизмѣримыми лѣсами; Ганъ же открылъ въ Охридѣ надпись, изъ которой явствуетъ, что Дассареты жили въ этой мѣстности еще во времена Римской имперіи [17]). Нѣкоторые думаютъ, что отъ имени древнихъ Дассаретовъ слѣдуетъ производить названіе настоящаго румынскаго племени Месаретовъ въ Пиндѣ.

Изъ эпирскихъ и македонскихъ племенъ упомянемъ только *Долоповъ* въ Пиндѣ и *Линкестовъ* въ западной Македоніи. Македоняне и Эпироты рано слились съ Греками, которые съ давнихъ временъ окружили берега полуострова непрерывной почти цѣпью цвѣтущихъ колоній.

Древнѣйшее и важнѣйшее свидѣтельство о характерѣ и образѣ жизни Ѳракійцевъ находимъ мы у Геродота [18]): „Ѳракійскій народъ самый многочисленный изъ всѣхъ, по крайней мѣрѣ послѣ Индійцевъ; по моему мнѣнію, если бы онъ имѣлъ одного повелителя, то былъ бы непобѣдимъ

---

[16]) Fr. Müller, op. cit. 170.

[17]) Hahn. Reise durch die Gebiete des Drin и пр. 350.

[18]) Herodot. V, 3.

и несравненно сильнѣе всѣхъ остальныхъ народовъ. Но такъ какъ нѣтъ никакой возможности, чтобы это когда нибудь случилось, то они остаются слабы". Они жили въ городахъ и селахъ, занимались земледѣліемъ и также горнымъ дѣломъ; но, какъ храбрый и воинственный народъ, болѣе всего любили войну и грабежъ. Почти у всѣхъ племенъ можно было встрѣтить одни и тѣ же нравы. Каждый Өракіецъ имѣлъ много женъ; у нѣкоторыхъ наиболѣе любимая приносилась въ жертву на смертномъ одрѣ мужа, и погребалась вмѣстѣ съ нимъ. Дѣвушкамъ многое позволялось, женщинъ же, которыхъ пріобрѣтали покупкою, очень строго стерегли. Когда рождалось дитя, всѣ родственники, собравшись, оплакивали его, причемъ припоминали всѣ людскія напасти; обычай этотъ встрѣчается и теперь еще у македонскихъ Румыновъ. Если кто нибудь умиралъ, то его хоронили съ радостью и ликованіемъ, и говорили, что онъ теперь пользуется полнымъ блаженствомъ, такъ какъ освободился отъ всѣхъ невзгодъ. Они вѣрили въ безсмертіе души. Мертвые иногда сожигались, иногда погребались; когда могила была воздвигнута, въ честь умершаго производились военныя игры и поединки. Народъ почиталъ Ареса, Діониса и Артемиду; цари-же — Гермеса; такъ покрайней мѣрѣ туземные боги были называемы Греками. Праздникъ Артемиды, которая по өракійски называлась Котисъ, Котитто или Бендисъ, ознаменовывался необузданными танцами и игрой. Өракійцы любили праздность и отличались искусствомъ пить вино. У Өракійцевъ и Иллирійцевъ былъ очень распространенъ обычай татуированія; даже и въ наше время албанскій воинъ украшаетъ себѣ руки, а иногда и грудь, подобнымъ образомъ [19]).

---

[19]) Объ образѣ жизни Өракійцевъ ср. Roesler, Romänische Studien (Leipzig 1871) 53 сл. и Forbiger у Pauly, Realencyclopaedie, VI, 2 стр. 1892.

Отъ ѳрако-иллирійскаго языка сохранились незначительные остатки у древнихъ писателей; недостатокъ этотъ не пополняется даже громаднымъ числомъ сохранившихся личныхъ и мѣстныхъ именъ. Гану удалось объяснить многія древнія названія съ помощью албанскаго, чѣмъ и доказывается какъ происхожденіе Албанцевъ отъ Ѳрако-Иллирійцевъ, такъ и родство Ѳракійцевъ и Иллирійцевъ. Выше было уже говорено о значеніи именъ Сатровъ и Бессовъ. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ: *Далмація* или *Делмація* — страна пастуховъ (де́льея — овца, дълмуар — овечій пастухъ), *Delminium* — овечье пастбище (дельминъа). *Dardania* — страна грушъ (дардъа, множеств. дардене — груша) и дѣйствительно эта страна изобилуетъ дикими грушами; *Codrio* — холмъ (кодръа, отсюда тоже названіе города Скодра), *Dimallon* — двѣ горы (ди, маль); гора *Бора* въ Македоніи, боръа — снѣгъ (еще теперь въ Албаніи горы, носящія это названіе). Къ примѣрамъ Гана мы можемъ прибавить одинъ новый: названіе боснійской рѣки *Лим* кажется соотвѣтствуетъ албанскому люмъ-и—рѣка.

Еще можно упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ попыткахъ древнихъ Ѳракійцевъ въ области искусствъ. Точнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ къ сожалѣнію привести не возможно, потому что до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, не существуетъ никакихъ снимковъ. Путешественники Ганъ и Цахъ нашли въ 1858 году на труднодоступной скалѣ Прилѣпа, въ знаменитомъ замкѣ Марка Кралевича, грубыя и неумѣлыя изображенія всадниковъ съ опущенными копьями, быковъ, оленей и различные іероглифическіе знаки, которые были высѣчены въ стѣнахъ многихъ пещеръ [20]). Подобныя же изображенія Вилькинсонъ встрѣчалъ и въ разныхъ мѣ-

[20]) Hahn. Reise von Belgrad nach Salonik. 2 изд. 177.

стахъ въ Герцеговинѣ. Также на вершинахъ Балкана коегдѣ попадаются изображенія змѣй, медвѣдей и другихъ животныхъ. Въ Родопѣ находятся, вблизи деревни Планджи, въ пустынномъ мѣстѣ называемомъ Търло, оригинальныя письмена, начертанныя на двухъ параллельныхъ, недалеко другъ отъ друга отстоящихъ, скалистыхъ стѣнахъ, вблизи древняго кладбища [21]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти грубые памятники въ Македоніи, Герцеговинѣ, на Балканѣ и Родопѣ суть произведенія древнѣйшихъ обитателей этихъ странъ; они, во всякомъ случаѣ, древнѣе времени господства Римлянъ и славянской колонизаціи, и вообще относятся къ дохристіанскому періоду.

Единственная попытка соединить разъединенныя ѳракійскія области въ одно государство была сдѣлана Одрисами. Одрисскій князь *Тересъ* соединилъ около 450 года до Р. Х. большую часть племенъ въ одно обширное государство, которое передалъ сыну своему *Ситалку*, хорошо извѣстному изъ греческой исторіи. *Севѳесъ*, преемникъ Ситалка, повелѣвалъ надъ всею страною отъ Дуная до Эгейскаго моря и отъ Воспора до окрестностей Софіи; надъ другими колѣнами, обитавшими далѣе къ западу, преобладали тогда Трибаллы. Но послѣ его смерти государство распалось, и отдѣльныя области возвратили себѣ прежнюю свободу, чтобы взаимно уничтожать другъ друга въ отчаянныхъ племенныхъ распряхъ. *Филиппъ II* македонскій, послѣ кровопро-

---

[21]) Захаріевъ. 72. Нѣкоторые изъ этихъ знаковъ ibid. на табл. №№ 11, 12. По Захаріеву (60) въ Баткунскомъ монастырѣ выкопали каменныя плиты съ ваяніями, изображающими безоруженныхъ всадниковъ въ шапкахъ, похожихъ на болгарскія, на голыхъ лошадяхъ. На нѣкоторыхъ видны слѣды греческихъ надписей, на одной .....νος ὁ Κότυος; на другой πολυ χπο... . . . Βεσσοι.... Имена Котисъ и Бессы свидѣтельствуютъ о древности этихъ скульптуръ. Намъ неизвѣстно походятъ ли онѣ на изображенія высѣченныя на скалахъ.

литной борьбы, покорилъ Иллирійцевъ и Ѳракійцевъ до Дуная и основалъ извѣстное число македонскихъ колоній въ Бессапарѣ (Баткунъ), Филиппополѣ (Пловдивъ), Кабилѣ (Ямболь) и пр. Значительную часть войскъ *Александра Великаго* составляли Ѳрако-Иллирійцы. Во время борьбы Діадоховъ снова возобновились племенныя распри. Одрисы боролись не только съ Бессами, закоренѣлыми ихъ врагами, но также съ Гетами: Иллирійцы и Дарданы безпрерывно дѣлали набѣги на Македонію, а Автаріаты вытѣснили часть Трибалловъ за Дунай. Въ III столѣтіи до Р. Х. появились въ нынѣшней Босніи *Кельты*; имъ, конечно, не трудно было опустошить и совершенно ограбить сильно ослабѣвшій по винѣ самихъ туземцевъ полуостровъ. На южномъ склонѣ Гема, въ долинѣ розъ Казанлыка, между Балканомъ и Срѣднею горою ими было основано могущественное государство, съ главнымъ городомъ *Тыле*: имя его понынѣ сохранилось въ названіи *Туловско поле*, примѣняемомъ къ котловинѣ, въ которой лежитъ Казанлыкъ. Изъ Тыле они въ теченіе 66 лѣтъ (279—213) безпокоили ѳракійскихъ горцевъ между Дунаемъ и Эгейскимъ моремъ, равно какъ и эллинскія торговыя республики при Понтѣ и Пропонтидѣ [22]). Долѣе чѣмъ въ Тыле продолжалось господство кельтскихъ *Скордисковъ* въ Босніи. Множество туземныхъ племенъ было совершенно истреблено этими пришельцами. Въ началѣ II столѣтія до Р. Х. показались въ низовьяхъ Дуная *Бастарны*, (по Цейсу народъ германскаго происхожденія), призванные Филиппомъ III македонскимъ противъ Римлянъ: они перешли Дунай и вели жестокія войны съ Ѳракійцами и Дарданами. Въ тоже время перешли Дунай нѣкоторыя племена *Скиѳовъ* и расположились въ равнинахъ восточной Болгаріи.

[22]) О мѣстоположеніи древняго Тыле см. мою ст. «Туловско поле»: въ нѣмецкомъ въ Sitzungsberichte d. Kgl. boehm. Gesellsch. der Wissenschaften, 4 дек. 1876 и Heerstrasse etc. p. 152.

Ни Геродотъ, ни Өукидидъ ничего не говорятъ о существованіи ихъ въ этихъ мѣстахъ: только Страбонъ упоминаетъ о пребываніи ихъ по сю сторону Дуная.

Во время второй пунической войны на полуостровѣ являются *Римляне*. Два съ половиною столѣтія должны были они бороться, чтобы овладѣть өракo-иллирійскими землями. Отчаянное было сопротивленіе Иллирійцевъ, Скордисковъ, Паннонцевъ: много крови было пролито, пока өракійскія племена подчинились римскому игу. Дарданы и Өракійцы были покорены послѣ восьмилѣтней борьбы (78—71 до Р. Х.). Въ этой войнѣ палъ Аппій Клавдій въ Родопѣ: Кай Скрибоній Куріонъ проникъ до Дуная и послѣ трехлѣтней борьбы былъ удостоенъ тріумфа: М. Лукуллъ поразилъ Бессовъ въ ихъ горахъ, завоевалъ городъ Ускудаму, впослѣдствіи Адріанополь, покорилъ греческія колоніи при Черномъ морѣ и тріумфомъ закончилъ войну [23]). Могущественнѣйшій изъ өракійскихъ князей Котисъ, повелитель Одрисовъ, былъ причисленъ къ подвластнымъ римскимъ владѣтелямъ. Но этимъ далеко не была закончена горная война въ Гемѣ и Родопѣ. Между тѣмъ какъ въ собственной Өракіи оставленъ былъ туземный князь, обязанный платить дань, страна между Дунаемъ и Гемомъ была покорена М. Крассомъ и превращена въ римскую провинцію (29 до Р. Х.), которая была названа „Moesia", по имени племени Мэзовъ (Мисовъ) въ ней обитавшихъ, которые послѣ ослабленія Трибалловъ стояли во главѣ западныхъ Өракійцевъ. *Өракія* только при императорѣ Клавдіѣ (въ 46 году) была превращена въ римскую провинцію: но и тогда прежнія постановленія не были отмѣнены у горцевъ Гема и Родопы [24]).

[23]) Eutropius VI, 2 и 10; ср. Mommsen. Röm. Gesch. (2 изд.) III. 284.

[24]) Списокъ прокураторамъ и легатамъ pro praetore Өракіи, у Albert Dumont. Inscriptions et monuments figurés de la Thrace. Paris 1877. 72—76.

Границы и объемъ новыхъ провинцій не были всегда одинаковы. *Moesia* простиралась вдоль по нижней Савѣ и Дунаю отъ Дрины до моря и достигала внутри края къ западу Шара, къ востоку же — подошвы Гема. Часть къ западу отъ Кіабра (Kiabros или Cebrus), нынѣ Джибра, называлась *Moesia superior* и заключала въ себѣ материковую Дарданію съ городами Naissus (Нишъ) и Ulpiana (Липлянъ, на Косовомъ полѣ); восточная же часть — *Moesia inferior*. Послѣ потери Трояновой Дакіи въ Трансильваніи и Валахіи, новая Дакія была устроена въ Мизіи къ концу III столѣтія.

Thracia простиралась отъ Понта до Неста (Mesta) и отъ Эгейскаго моря до сѣверной подошвы Гема [25]); первоначально къ ней также относилась софійская котловина.

По новому раздѣленію имперіи Діоклеціаномъ (297) полуостровъ распадалъ на двѣ діэцезы. Dioecesis Thraciae заключала въ себѣ шесть провинцій: 1) *Thracia*, съ городами Philippopolis и Berrhoea (Эски-Загра); 2) *Haemimontus* съ г. Hadrianopolis и Anchialos; 3) *Europa* съ г. Heraclea (Perinthos), Selymbria и Callipolis; 4) *Rhodope* съ гг. Aenos, Trajanopolis (живописныя развалины у Деде-Агача) Maximianopolis (остатки у Гюмурджины), и за Гемомъ 5) *Moesia inferior* съ гг. Marcianopolis (развалины у Девно близъ Варны) Nicopolis ad Haemum (Никюп у Трнова), Novae (у Свиштова) и Durostorum (Силистрія); 6) *Scythia*, нынѣшняя Добруджа, съ городами Tomi (подлѣ Кюстенджи), Noviodunum (Исакча) и Troesmis (развалины въ Иглицѣ, у Мачина).

[25]) Во время Адріана граница между Мизіею и Ѳракіею была при деревнѣ Хотница или Охотница, 2 часа къ СВ. отъ Трново, какъ свѣтвуетъ изъ интересной надписи 136 года по Р. Х., которая тамъ была найдена и теперь перенесена въ монастырь св. Троицы при Янтрѣ. Напечаталъ г. Славейковъ въ болгарскомъ журналѣ Българскы книжици, Константинополь 1859, 414; также у Mommsen'a, Corpus inscr. lat. III стр. 992 (ср. стр. 141).

Вторая діэцеза называлась при Діоклеціанѣ *Dioecesis Moesiarum*, при Константинѣ *Dioecesis Daciae* и заключала въ себѣ въ IV столѣтіи слѣдующія провинціи: 1) *Moesia superior Margensis*, въ нынѣшней Сербіи съ городами Viminacium (развалины у Костольца) и Singidunum (Бѣлградъ); 2) *Dacia ripensis* отъ Тимока до Вида, съ гл. гор. Ratiaria (нынѣ Арчаръ у Видина); 3) *Dacia mediterranea* съ городами Serdica (Срѣдецъ или Софія), Naissus (Нишъ) и Pautalia (Кюстендилъ); 4) *Dardania* съ гг. Scupi (Скопье) и Ulpiana; 5) *Macedonia*; 6) *Thessalia*; 7) *Achaia* (древняя Греція); 8) *Praevalis* въ Албаніи, съ г. Scodra (Скутари); 9) *Epirus nova* (сѣверная часть); 10) *Epirus vetus* (южная); 11) *Creta*. Первая діэцеза находилась подъ вѣдомствомъ префекта praetorio Orientis, другая подъ префектомъ praetorio Illyrici. Границею между востокомъ и западомъ служили тогда рѣка Честъ, Рыльскій хребетъ, „Succi" (Врата Траянова) и Видъ [26]. Впослѣдствіи различныя перемѣны происходили въ этомъ провинціальномъ устройствѣ; такъ напр. отъ Македоніи была отдѣлена новая провинція *Macedonia salutaris*, съ гл. гор. Stobi, коего развалины видны при впаденіи Черны въ Вардаръ. Но вообще говоря, границы не измѣнялись до VI столѣтія.

Совершенно ясно, что безпрерывныя войны чрезвычайно обезлюдили всю сѣверную часть полуострова. По малочисленности населенія она, безъ сомнѣнія, походила на опустошенную при Римлянахъ Грецію. Римляне основали тамъ много колоній, напр. въ Мизіи: Ulpia Ratiaria, Ulpia Oescus (при устьѣ Искра), Novae, Nicopolis ad Jatrum, Troesmis; въ Македоніи: Colonia Augusta Julia Philippi (у Сереса), Byllis въ Эпирѣ, Nicopolis ad Nestum (Неврокопъ, въ Ро-

[26]) Th. Mommsen, Mém. sur les prov. Rom. jusq. V siecle въ Revue archéol. 1866. 67.

лонѣ), Develtum (у Бургаса). Туземный элементъ уступилъ мѣсто чужестранному. Вскорѣ на полуостровѣ столкнулись два главные языка римской имперіи: латинскій и греческій: здѣсь была граница между востокомъ и западомъ. Латинскій языкъ пріобрѣлъ право гражданства въ сѣверныхъ областяхъ: въ дунайской Болгаріи, Сербіи и Босніи, а на югѣ, въ особенности въ восточной Ѳракіи и южной Македоніи, употреблялся греческій языкъ, какъ это явствуетъ изъ надписей. Романизованіе туземцевъ пошло быстро. Въ IV столѣтіи Никита, епископъ ремесіанскій, писалъ по латински. Епископы Марціанополя употребляли латинскій языкъ въ перепискѣ съ Халкедонскимъ соборомъ и съ византійскими императорами. Изъ донесенія грека Приска, который въ V столѣтіи прошелъ чрезъ весь полуостровъ, явствуетъ, что повсюду оффиціальнымъ и обыденнымъ языкомъ былъ латинскій [27]. Въ VI столѣтіи мы встрѣчаемъ внутри края много мѣстностей съ романскими названіями: Lupifontana, Spelunca, Gemelli munte, Ferraria, Julio Valle, Mauro Valle и даже вершину Балкана Calvomunte [28]. Чрезъ смѣшеніе латинскаго языка съ туземными элементами образовался мало по малу новый языкъ—румынскій, который много заимствовалъ изъ ѳрако-иллирійскаго, въ особенности члены на концѣ именъ.

На полуостровѣ находится богатый матерьялъ для изображенія гражданской жизни въ Мизіи, Ѳракіи, Македоніи и Иллиріи во время римскаго владычества: развалины большихъ городовъ, слѣды большихъ дорогъ, безчисленныя надписи и богатыя археологическія находки, краснорѣчиво свидѣтельствующія о значительномъ развитіи туземной промышленности и торговли; къ сожалѣнію большая часть всего этого еще не описана и рѣшительно неизвѣстна.

---

27) Priscus ed. Bonn. 190.

28) Procopius. De aedif. [illegible] IV [illegible]. Theophylactus Simocatta 98.

Ѳрако-иллирійская раса всегда отличалась необыкновенной энергіею и безпокойной страстью къ войнѣ, и большею частью была на службѣ у другихъ, и скорѣй дѣйствовала въ интересахъ слабѣйшихъ сосѣдей, чѣмъ для упроченія собственнаго могущества. Служа подъ знаменами Александра Великаго, Ѳрако-Иллирійскіе горцы покорили Азію для Грековъ. Во времена Римлянъ отважные Иллирійцы неоднократно достигали, послѣ блестящихъ военныхъ подвиговъ, римскаго престола. И въ новое время лучшій оплотъ слабой Порты—паши и солдаты изъ Албанцевъ, соплеменниковъ и потомковъ тѣхъ иллирійскихъ и эпирскихъ воиновъ, во главѣ которыхъ Александръ завоевалъ Персидское царство; тѣхъ же воиновъ, съ которыми любившій приключенія эпирскій царь Пирръ хотѣлъ отнять Италію у Римлянъ и Карѳагенянъ; тѣхъ самыхъ воиновъ, изъ числа которыхъ простые ратники отважно пролагали себѣ дорогу къ престолу римской всемірной монархіи.

Наконецъ коснемся спорнаго вопроса: были-ли Славяне первобытными обитателями полуострова? Ученіе объ автохтоніи южныхъ Славянъ до сихъ поръ еще не исчезло совершенно; но сторонники его не согласны между собою. Поляки Лелевель и Бѣловскій считаютъ Славянами всѣ ѳракійскія племена; Русскіе Бутковъ, Савельевъ-Ростиславичъ, Чертковъ полагаютъ, что первобытные обитатели полуострова были только частью Славяне; архіепископъ Филаретъ, архимандритъ Леонидъ и нѣмецкій изслѣдователь Куно [29]) утверждаютъ, что Славяне искони тамъ жили, но смѣшанные съ другими расами. Павелъ Іосифъ Шафарикъ предполагаетъ въ своемъ сочиненіи „Ueber die Abkunft der Slaven" (1828), что Славяне вмѣстѣ съ Ѳракійцами и Эпиро-

[29]) J. Cuno. Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. I. Die Skythen. Berlin 1871.

тами населяли полуостровъ съ незапамятныхъ временъ. Въ главномъ же сочиненіи своемъ „Slovanské Starožitnosti“ (1837) онъ считаетъ возможнымъ, что, по изгнаніи Славянъ изъ Венгріи, нѣкоторые роды удалились въ горныя области Илиріи и Ѳракіи [30]), но при этомъ замѣчаетъ, что одно только сходство названій (другихъ доказательствъ въ пользу славизма Ѳракійцевъ нѣтъ) никогда не можетъ быть вѣскимъ доказательствомъ кровнаго родства народовъ; такъ напримѣръ онъ оспариваетъ всякую связь между ѳракійскими Кробизами и русскими Кривичами [31]). Изъ южнославянскихъ писателей защищаютъ первобытность славянскаго народа: Болгаре Беронъ, Раковскій, Захаріевъ и Сербы Хаджичъ, Верковичъ, Милоевичъ и другіе. Они дѣлаютъ это съ такимъ усердіемъ, какъ будто опровержевіе ихъ ученія имѣло бы послѣдствіемъ прекращеніе всего существованія и уничтоженіе народныхъ правъ южныхъ Славянъ. Если-бы народная честь и народная слава зависѣли только отъ того, имѣлъ ли народъ въ своемъ отечествѣ предшественниковъ, говорившихъ на другомъ языкѣ, или нѣтъ, тогда-бы, напримѣръ, сѣверо-американскіе ученые первые должны были-бы торжественно провозгласить Индійцевъ праотцами Англо-Американцевъ!

Удачнѣе всѣхъ разбиралъ этотъ вопросъ болгарскій ученый Маринъ Дриновъ, профессоръ харьковскаго университета, въ своемъ изслѣдованіи на русскомъ языкѣ о заселеніи Балканскаго полуострова Славянами [32]).

Разберемъ теперь доказательства ѳрако-славянской теоріи. Мѣстныя названія Mila reka, Vratzista, Verzana и проч. слѣдуетъ заранѣе устранить, такъ какъ они явились

[30]) Šafařík, Sebrané spisy I, 288.

[31]) ibid. I, [illegible].

[32]) Op. cit. 26—40, гдѣ также собрана вся литература по этому вопросу.

только въ VI столѣтіи, когда этнографическія отношенія полуострова потерпѣли уже значительныя измѣненія. Прочіе же аргументы основываются на смѣшномъ извращеніи географическихъ именъ. Ѳракійскіе Кробизы считаются Кривичами, Кораллы Горалами, Бессы Бѣсами, Пелагонцы Полянами, Одрисы Оботритами, Долонки Доленцами (обитатели долинъ), Мизы Мужами и даже Мазовіями, Линкесты Ляхитами [23]) и наконецъ Трибаллы—Древлянами. Названія рѣкъ: Стримонъ производятъ отъ польскаго strumień (ручей), Баргъ отъ славянскаго брѣгъ; Нестосъ сравнивали съ названіемъ русской Мсты. Названія городовъ: Doberos производили отъ древнеславянскаго дьбръ (долина, ущелье); Билазора объясняется какъ Бѣла-зора (бѣлая заря); Ускудама какъ Узко-домъ.

При такомъ странномъ искаженіи много именъ получаютъ повидимому славянское значеніе, но способъ этотъ неизмѣримо далекъ отъ критической филологіи.

Защитники ѳрако-славянской теоріи выдумали, что Кробизы будто бы перешли на сѣверную сторону Дуная съ тѣмъ, чтобы поселиться на далекомъ сѣверѣ Россіи подъ названіемъ Кривичей; о такомъ переселеніи, конечно, ни слова не говорится въ источникахъ. О настоящемъ значеніи имени Бессовъ мы упоминали выше. Нѣкоторые пытались производить его отъ славянскаго бѣсъ, а Филаретъ и Леонидъ даже утверждали, на основаніи извѣстій о христіанствѣ Бессовъ, что Славяне были уже христіанами въ V столѣтіи и писали на своемъ языкѣ. Касательно названій рѣкъ слѣдуетъ не упускать изъ виду, что Славяне.

[23]) Авг. Бѣловскій, писатель заслуживающій уваженія, открылъ (Wstęp krytyczny do dziejów Polski. Lwów 1850) первобытную родину Поляковъ при Охридскомъ озерѣ. Онъ полагалъ, что Ляхиты (Линкесты) были изгнаны въ III столѣтіи Кельтами за Дунай, и тамъ основали дакійское государство: въ царѣ Биребистѣ онъ узнавалъ Лешка II; въ Децебалѣ Семовита и т. п.

куда не приходили, вездѣ замѣняли чужія имена своими, подобно звучащими: тоже случилось съ именами Месты и Струмы. Впрочемъ корень *sru* общій всѣмъ Индо-Германцамъ [34]).

Неосновательность этой теоріи лучше всего обнаруживается въ имени Bylazora (Βυλάζωρα). Городъ этотъ лежалъ въ верхней Македоніи, на Вардарѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Велеса и впервые упоминается около 216 года до Р. Х. [35]). Полагаютъ, что названіе это должно быть чисто славянское: бѣлая заря. Странное, по истинѣ, названіе! По нашему мнѣнію, положительно непонятно, какимъ образомъ могла явиться мысль дать городу такое поэтическое названіе. Притомъ, обыкновенно заря бываетъ только красная. Прибавимъ еще важный филологическій аргументъ: по болгарски, съ незапамятныхъ временъ, говорилось только бѣла-зора, а не была-зора. Настоящее значеніе слова нужно искать въ албанскомъ. На этомъ языкѣ *ura*, *ure* явно вторая составная часть слова Bylaz-ora, т. е. мостъ; и Ганъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что повидимому сама природа назначила мѣсто нынѣшняго Велеса для моста чрезъ быстро текущій Вардаръ, и что таковой долженъ былъ тамъ существовать съ того времени, какъ человѣкъ началъ строить мосты. Византійцы и Новогреки называютъ Велесъ, алб. Вѣлѣс — Βελεσσός, у Турокъ онъ просто означается именемъ Кюпрюлю, отъ кюпрю—мостъ [36]).

---

[34]) Miklosich, Lexicon palaeoslovenicum подъ сл. струя: санск. sru fluere, греч. ῥυ (ῥέω), лат. rivus, кельт. sruth, древне-нѣмец. stroum, литовск. srava и пр. Оттуда на полуостровѣ названія: Sirmium, Sermius, нынѣшняя р. Срѣма у Пловдива и др. Отъ этого корня слово *струга*.

[35]) Polybius. V. 97.

[36]) Hahn. Reise von Belgrad nach Salonik, 2 изд. стр. 166. Я не берусь рѣшить происходитъ-ли славянское Велесъ отъ первой части имени Βυλάζ-ωρα (была).

Въ средніе вѣка южныхъ Славянъ принимали часто за аборигеновъ; но это недоразумѣніе, происходившее при чтеніи древнихъ писателей вслѣдствіе незнанія исторіи. Напримѣръ древне-славянскій переводчикъ Зонары называетъ Даковъ — Сербами; въ византійской же хроникѣ Малалы читается, что народъ Ахиллеса назывался тогда Мирмидонами, а въ это время Болгарами [37]).

[37]) Τῶν λεγομένων Μυρμιδόνων τότε, νυνὶ δὲ Βουλγάρων (Malalas, ed. Bonn 97). Въ древне-болгарскомъ переводѣ «тогда Мурмидонесъ, нынѣ Блъгаре». Дриновъ (Засел., 36, 1. 4) не замѣтилъ, что слова эти находятся и въ подлинникѣ. Малала жилъ въ 474—527 гг.; но хроника его дошла до насъ въ весьма искаженномъ видѣ.

Глава III.

Заселеніе Славянами Балканскаго полуострова.

Переселеніе Славянъ въ III—IV столѣтіяхъ.—Господство Римлянъ въ Дакіи и столкновеніе Славянъ съ Римлянами. — Первые слѣды славянской колонизаціи на полуостровѣ. — Гунны. Готы. Болгаре. — Императоръ Юстиніанъ (527—565). Славяне и Анты въ Дакіи въ VI и VII столѣтіяхъ. — Авары. Паденіе Аварскаго и Византійскаго царствъ и воинственное движеніе славянскихъ племенъ къ самому Пелопонезу.

Новый порядокъ вещей начался на Балканскомъ полуостровѣ вслѣдствіе переселенія туда Славянъ. Когда всемірная римская монархія ослабѣла, стала упадать и изнемогала, тогда сосѣдніе народы, ворвавшись въ сѣверные предѣлы оной, положили конецъ римскому владычеству, проникли до береговъ Средиземнаго моря и водворились въ провинціяхъ имперіи. Германцы заняли оба западные полуострова; Славяне же покрыли своими поселеніями восточный полуостровъ отъ Дуная до Спарты. Но въ Испаніи, Галліи и Италіи Германцы смѣшивались съ туземцами или были покорены другими народами, а посему самому въ этихъ странахъ германскій элементъ въ теченіи времени исчезъ. Славяне, напротивъ того, и нынѣ занимаютъ большую часть Балканскаго полуострова, на которомъ они, подъ домашнимъ или чужимъ владычествомъ, до такой сте-

пени ужились, какъ будто бы они на немъ обитали тысячелѣтія.

О времени и образѣ заселенія Балканскаго полуострова Славянами учеными были высказаны различныя мнѣнія, и до сихъ поръ этотъ важный вопросъ не настолько выясненъ, чтобы дальнѣйшее его разслѣдованіе могло считаться лишнимъ. Изслѣдователи полагали это событіе въ періодъ великаго переселенія народовъ, ограничивая продолжительность его на весьма небольшое число лѣтъ. Изъ мнѣній объ этомъ предметѣ мы здѣсь приведемъ три.

Польскій историкъ Суровецкій былъ того мнѣнія, что Славяне приблизились къ нижнему Дунаю только послѣ паденія Гунновъ и при этомъ утверждалъ, что переходъ ихъ на правый берегъ этой рѣки произошелъ не раньше послѣдней четверти V столѣтія. Этого же взгляда держался и Шафарикъ: по его словамъ мирное и спокойное переселеніе славянскихъ семействъ и утвержденіе ихъ на пустынныхъ равнинахъ обѣихъ Мизій началось въ концѣ V столѣтія и продолжалось все VI столѣтіе. Начало этимъ переселеніямъ положило нашествіе азіатскихъ племенъ [1]). Хорватскій изслѣдователь д-ръ Ф. Рачки [2]) относитъ появленіе Славянъ на Дунаѣ къ времени господства Гунновъ. Русскій писатель Гильфердингъ полагаетъ, что Славяне совершили два перехода: сначала нѣкоторые Славяне послѣдовали за Готами, когда эти послѣдніе, уходя (ок. 375 г.) отъ Гунновъ, перешли за Дунай: затѣмъ набѣги Аттилы указали Славянамъ дорогу въ Византію [3]).

Недавно болгарскій ученый Дриновъ, въ вышеприведенномъ разсужденіи, вновь совершенно переработалъ этотъ

[1]) Šafarik. Sebrane Spisy II. 169.
[2]) Въ Arkiv za poviestnicu jugoslavensku IV. 241.
[3]) Гильфердингъ. Собр. соч. С.-П. 1867. I. 6.

вопросъ [4]. Самостоятельныя изслѣдованiя привели его къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. Между тѣмъ какъ вышеприведенные четыре изслѣдователя относятъ заселенiе Балканскаго полуострова Славянами къ времени великаго переселенiя народовъ и полагаютъ, что оно произошло въ теченiи краткаго промежутка времени (не болѣе 50 лѣтъ), Дриновъ утверждаетъ, что колонизацiя эта произошла не вдругъ, но исподоволь и именно въ теченiи 300 лѣтъ по меньшей мѣрѣ, такъ какъ началась она въ III столѣтiи, слѣдовательно до великаго переселенiя народовъ, и кончилась въ VII столѣтiи. Этотъ взглядъ также и намъ кажется болѣе вѣрнымъ, хотя вопросъ этотъ нельзя еще считать рѣшеннымъ.

Въ I столѣтiи до Р. Х. въ нынѣшней Трансильванiи образовалось могущественное государство, грозное даже для Римлянъ. Народъ назывался Даками; такъ звали его и Римляне. Сохранившiеся остатки дакiйскаго языка [5], хотя слишкомъ скудные, тѣмъ не менѣе заставляютъ думать, что этотъ могущественный народъ принадлежалъ къ ѳракiйскому племени. Кажется однако, что государство царя Децебала, простиравшееся отъ Тисы до Днѣстра и отъ Дуная вглубь Карпатовъ, было населено не исключительно Даками, но и различными другими племенами; и, можетъ быть, населенiе восточныхъ и сѣверныхъ пограничныхъ про-

---

[4]) Дриновъ. Заселенiе Балканскаго полуострова Славянами. Москва 1873 г. стр. 175. Ср. мою рецензiю въ Časopis Českého Musea. 1874, стр. 501 и сл. Robert Roesler (Ueber den Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der untern Donau, въ Sitzungsberichte der Wiener Akad. Bd. 73)—полагаетъ, что Славяне переселились на полуостровъ лишь въ VII столѣтiи; ср. однако критику доктора Jos. Kalousek'a въ Památky archaeologické. díl X (Praha 1874) 190.

[5]) [illegible] около 30 названiй растенiй, сохранившихся у Дiоскорида и Псевдо-Апулея (напеч. R. Roesler'омъ въ Sitz-ber. der Wiener Akad. 1866. Mai).

винцій состояло изъ Славянъ [6]). Существуютъ же нѣкоторые слѣды, доказывающіе, что Славяне жили въ Венгріи во времена господства Римлянъ [7]). Траянъ, поразившій войска Децебала въ 107 году, присоединилъ Дакію къ имперіи. Въ новую провинцію перемѣщены были въ громадныхъ размѣрахъ колонисты изъ всего римскаго міра, преимущественно изъ Италіи, Малой Азіи и Далмаціи. Но въ странахъ на сѣверъ отъ Дуная, постоянно тревожимыхъ непріязненными сосѣдями, римское господство не могло такъ укрѣпиться, какъ въ Испаніи или Африкѣ. Уже Адріанъ, боясь варваровъ, велѣлъ разрушить великолѣпный Трояновъ мостъ. Въ III столѣтіи, при Галліенѣ, Дакія была потеряна; Авреліанъ же въ 271 году совершенно уступилъ провинцію варварамъ и остатки римскихъ колонистовъ перевелъ изъ городовъ и полей Дакіи въ Мизію. Высшіе классы туземцевъ, смѣшавшись съ завоевателями, вмѣстѣ съ колонистами переселились на полуостровъ; простой народъ, который въ теченіи 166 лѣтняго владычества Римлянъ присвоилъ себѣ ихъ языкъ, остался и въ теченіи столѣтій продолжалъ вести мирную пастушескую жизнь на высотахъ Карпатовъ подъ властью другихъ народовъ, точно такъ какъ романизованные Ретійцы на тирольскихъ Альпахъ [8]).

Римское господство въ Дакіи имѣло вліяніе какъ на жившихъ въ сосѣдствѣ, такъ и на обитавшихъ, можетъ быть, въ самой Дакіи Славянъ. Имя побѣдителя Даковъ

[6]) На Трояновой колоннѣ видимъ у Даковъ разнообразное вооруженіе и одежда, изъ чего можно заключить о различіи племенъ.

[7]) Šafařik, op. cit., 255 — 302; Дриновъ, op. cit. 60 съ сл. Балатонское озеро называлось *Pelso*, слав. плесо, озеро; городъ *Tsierna* лежалъ на валахо-венгерской границѣ, при рѣкѣ еще нынѣ называемой Черна и т. д. Ср. Jung. Roemer und Romanen in den Donaulaendern. Innsbruck 1877. 262 — 265.

[8]) Изображеніе культурнаго состоянія Дакіи при Римлянахъ по надписямъ и археологическимъ находкамъ см. у Jung'а op. cit. 88—107.

пріобрѣло такую громкую извѣстность среди Славянъ, что оно встрѣчается до сихъ поръ еще въ сказаніяхъ и пѣсняхъ Малороссовъ, Сербовъ и Болгаръ. Троянъ былъ даже причисленъ къ славянскимъ богамъ. Въ „Хожденіи Богородицы по мукамъ", фантастическомъ апокрифѣ греческаго происхожденія, который былъ переведенъ на болгарскій языкъ до XII столѣтія, встрѣчается важная вставка переводчика, именно: что язычники въ числѣ боговъ считаютъ и людей, какъ *Трояна*, Хърса, Велеса и Перуна. Въ другомъ апокрифѣ, апокалипсисѣ св. Апостоловъ (рукопись XVI столѣтія), также переведенномъ въ Болгаріи на славянскій языкъ, сказано, что прежде поклонялись Перуну, Хорсу, Дію (Ζεύς), *Трояну* и другимъ, какъ богамъ, и при этомъ замѣчаніе, что Троянъ былъ „царь" въ Римѣ. Въ древнерусскомъ эпосѣ „Слово о полку Игоревѣ" (въ началѣ XIII ст.) Троянъ упоминается четыре раза. Совершенно неосновательны попытки Тихонравова и Эрбена замѣнить въ этой поэмѣ Трояна — Бояномъ. Тамъ упоминается о „тропѣ Трояна", т. е. о знаменитомъ Траяновомъ валѣ въ Кіевской губерніи, который, конечно, составлялъ удивительное для народа явленіе въ южно-русской плоской равнинѣ; тамъ же говорится о странѣ Трояна по ту сторону вала, именно о Дакіи; времена Трояна относятся къ глубокой древности, далеко до Ярослава или до правленія Олега Святославича. Съ помянутымъ валомъ связаны у Малороссовъ различныя сказанія о Троянѣ, царѣ „Ермаланскомъ". Болгарскія пѣсни нынѣ еще воспѣваютъ „царя Трояна", обладателя неисчерпаемыхъ сокровищъ, у котораго 70 ключей бьютъ раскаленнымъ золотомъ и чистымъ серебромъ. У подошвы Балкана расположенъ городъ *Троянъ* съ монастыремъ; у Татаръ-Пазарджика чрезъ Топольницу ведетъ Трояновъ мостъ; недалеко оттуда находятся развалины, называемыя крестьянами „Трояновъ градъ" и проходъ — „Троянова вра-

га" (Капуджикъ). Мостъ надъ Нарентою въ Мостарѣ называется мостомъ Траяновымъ; къ развалинамъ римскаго Бурнума въ Далмаціи примѣняютъ названіе Траянскій градъ, подобно тому какъ именемъ римскаго императора означаются развалины древне-сербскаго замка у Новаго Пазара. Ученый архіепископъ Врангичъ (латиниз. Verantius), родомъ изъ Далмаціи, отправившійся въ 1553 году какъ имперскій посланникъ къ Солиману I, съ удивленіемъ слышалъ, что вся дорога отъ Бѣлграда въ Константинополь (пролегавшая тогда отчасти по римской мостовой) называлась „Траяновой". Въ XI столѣтіи болгарскій царевичъ, сынъ великаго царя Самуила, назывался Троянъ. Собственное имя Троянъ (уменьшительное Трайко [9]) общеупотребительно и нынѣ какъ въ Болгаріи, такъ и между Македоно-Румынами (Цинцарами). Въ Трансильваніи [10]) есть поле „prat de la Traian", по мадьярски — „Keresztesmezö". Въ особенности живо сохранилась память о римскомъ императорѣ въ мѣстности у Желѣзныхъ Воротъ на Дунаѣ, гдѣ находились его мостъ и дорога. Въ Сербіи, въ лѣсу у Шабца, находятся развалины „Троянова града"; но ихъ относятъ къ средневѣковымъ. Въ сербскихъ народныхъ сказаніяхъ Троянъ является то о трехъ головахъ и съ восковыми крыльями, то съ козлиными ушами; въ третьемъ же сказаніи—какъ ночное существо, боящееся дневнаго свѣта, чтобы не растаять [11]). По примѣру жителей римскихъ провинцій пересе-

[9]) Удареніе на первомъ слогѣ Тра́янъ. Народная этимологія производитъ имя это отъ *траямъ*, duro, persevero, къ чему-же относится и болгарская поговорка.

[10]) Büsching. Grosse Erdbeschreibung. Troppau 1785, VI, 271.

[11]) На слѣды Траяна у Славянъ первый обратилъ вниманіе Котляревскій въ «Древностяхъ Моск. Археол. Общ.» I, 1865 г., матеріалы для археол. словаря стр. 13; ср. Kanitz. Trojanov grad und die serb. Trojanssage въ Mitth. d. Centralcommission. Wien 1875. Х. Дриновъ. Заселеніе. 76—81; Ji

лившіеся Славяне приписывали Траяну сооруженіе многихъ построекъ на Балканскомъ полуостровѣ. Провинціалы виновникомъ всѣхъ значительныхъ зданій полагали того императора, который числомъ своихъ построекъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ и такъ часто повсюду былъ упоминаемъ на стѣнахъ, памятникахъ и камняхъ, что, по свидѣтельству Аммiана Марцеллина, его называли шутя „лишаемъ“ (herba parietina). Еще въ VI столѣтіи проходъ чрезъ Балканъ у Трояна назывался „τρίβος Τραιανοῦ“ (тропа Траяна), нынѣшняя „Троянската пѫтѣка“. Что Славяне впрочемъ съ именемъ славнаго римскаго императора познакомились не только этимъ путемъ, видно изъ того, что оно встрѣчается и у тѣхъ славянскихъ народовъ, которые никогда не приходили въ столкновеніе съ римскими провинціалами и никогда не обитали въ странахъ прежде подвластныхъ Римлянамъ. Личное имя Троянъ не рѣдко встрѣчается и въ чешскихъ и моравскихъ грамотахъ XII и XIII столѣтій; въ Чехіи нынѣ еще существуютъ мѣстности, именуемыя Троянъ или Трояновъ. Подобнымъ образомъ личное имя Троянъ съ 1065 года встрѣчается повсюду въ Польшѣ.

Названіе древне-славянскаго языческаго праздника *Коледа*, котораго славянское происхожденіе необъяснимо, произведено изъ латинск. *Calendae*. Оно встрѣчается почти у всѣхъ славянскихъ народовъ (древне-славянское — колѧда, болгарск. — коледа, сербск. — коледа, русск.—коляда, польск.—kolęda, чешск.—koleda). Трулльскій соборъ (691 г.) запретилъ христіанамъ праздновать не только римскія Vota и Brumalia, но также и Καλάνδας.

reeck. Heerstrasse и пр. 5—7. 158. Троянъ, сынъ царя Самуила. Niceph. Bryennios, 106. Τρίβος Τραιανοῦ: Theophylactus Simocatta 320. Verantii Opera, Budapest 1857 sq I p. 305 sq. Имя Троянъ въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ: Erben, Regesta Bohemiae et Moraviae vol. 1 (перечень), Бодуэнъ де Куртенэ, О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Лейпцигъ 1870, словарь 46.

Вѣроятно названіе римскихъ январьскихъ календъ было перенесено на какой-нибудь славянскій туземный праздникъ. Заимствованіе этого слова указываетъ на непосредственныя сношенія Славянъ съ Римлянами еще въ то время, когда первые не предпринимали своихъ переселеній на западъ и югъ; единственный вѣроятный пунктъ для такого столкновенія была Дакія во времена римскаго владычества. Конечно никто не будетъ утверждать, что коледа впервые занесена ко всѣмъ славянскимъ племенамъ христіанскими миссіонерами.

Первоначальная русская лѣтопись (ок. 1115 г.) разсказываетъ, что Славяне сначала жили тамъ, гдѣ, въ то время, лежали земли Угровъ и Болгаръ; оттуда они разошлись. „Влахомъ бо нашьдъшемъ на Словѣны на дунайскыя, и сѣдъшемъ въ нихъ и насиляющемъ имъ“ [12]). Эти Волохи во всякомъ случаѣ не Кельты, какъ предполагалъ Шафарикъ, но Римляне, завоеватели Дакіи. Влохомъ Славяне называютъ повсюду человѣка романскаго происхожденія или Румына, какъ Русскіе, Болгаре и Сербы, или же Итальянца, какъ Хорваты, Словены, Чехи и Поляки. Появленіе римскихъ легіоновъ въ долинахъ Карпатовъ должно было произвести глубокое впечатлѣніе не только на населеніе карпатскихъ странъ, но и на жителей обширныхъ равнинъ, примыкающихъ къ нимъ съ сѣвера и востока. Начавшееся движеніе въ карпатской области, вѣроятно, дало первый толчекъ, побудившій Славянъ передвигаться на югъ [13]).

Между народами, которые боролись во II и III столѣтіяхъ съ Римлянами за обладаніе дунайскихъ странъ и Балканскаго полуострова, въ особенности замѣчательны

---

[12]) Nestor, ed. Miklosich. Vindobonae 1860. cap. III.

[13]) Дриновъ, Заселеніе, 81—83.

Карпы [14]), отъ которыхъ получили свое имя Карпаты, и *Костобоки*: Шафарикъ показалъ вѣроятность ихъ славянскаго происхожденія. Въ войнѣ противъ Марка Аврелія (161—180), въ которой, кромѣ германскихъ племенъ, участвовали Даки, Костобоки, Аланы, Роксаланы и Язиги, Костобоки грабили весь край до Элатеи въ Элладѣ [15]). По окончаніи войны много варваровъ поселены были въ Панноніи, Мизіи и верхней Италіи. Въ III столѣтіи борьба на Дунаѣ свирѣпствовала почти безпрерывно. Въ числѣ нападавшихъ сѣверныхъ жителей въ первомъ ряду, вмѣстѣ съ Готами, стояли Карпы. Императоръ Авреліанъ, уроженецъ Мизіи, по заключеніи мира съ Готами въ 271 году, совершенно уступилъ имъ Дакію, уже давно предъ тѣмъ невозвратно потерянную. Чтобы, покрайней мѣрѣ, сохранить прежнее названіе, онъ основалъ въ Мизіи новую провинцію и назвалъ ее Dacia ripensis. Однако Готы, повидимому, заняли не всю Дакію, такъ какъ позже изъ этой оставленной провинціи независимыя „сарматскія" племена производили часто набѣги на Римскую имперію [16]). Уже въ 273 году Авреліанъ, возвратившійся изъ Пальмиры побѣдителемъ, долженъ былъ отражать Карповъ. Императоръ Каръ, послѣ блестящей побѣды, захватилъ въ плѣнъ 200,000 варваровъ и поселилъ ихъ на Балканскомъ полуостровѣ. Энергичный Далматинецъ Діоклеціанъ даровалъ въ 292 году провинціямъ полуострова отдѣльное управленіе съ главнымъ городомъ Сирміумъ, развалины котораго видны еще и теперь у Митровицы, въ Сирміи. Его соправитель Галерій, уроженецъ окрестностей Сердики (Софіи), разбилъ Сарматовъ;

---

[14]) Καρποδάκαι у Зосимы—жившіе въ Дакіи остатки этого народа, тогда какъ онъ по большей части уже сто лѣтъ обиталъ на полуостровѣ. Дриновъ. Заселеніе 62.

[15]) Pausanias. IX, 34.

[16]) Подробности у Дринова. 53.

побѣжденные имъ Карпы и Бастарны всѣ вмѣстѣ были переселены въ огромномъ количествѣ въ дунайскія провинціи (298 г.): первымъ для жительства назначены были Мизія, Ѳракія и Паннонія. Во время дальнѣйшихъ войнъ Константинъ Великій переселилъ въ имперію болѣе 300,000 „Сарматовъ“ и назначилъ имъ мѣсто для жительства въ Скиѳіи (Добруджа), Ѳракіи, Македоніи и Италіи [17]). Вслѣдствіе такой насильственной колонизаціи внесены были новые элементы на полуостровъ, сѣверная часть котораго была болѣе романская, южная—греческая, а гористая—еще ѳракоиллирійская. Между сотнями тысячъ военно-плѣнныхъ задунайскихъ сосѣдей, превратившихся теперь въ колоновъ, по мнѣнію Дринова, было значительное число Славянъ, напр. цѣлое племя Карповъ. Это было началомъ славянской колонизаціи на Балканскомъ полуостровѣ. Слѣдовательно началась она гораздо раньше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Сначала въ продолженіи 200 лѣтъ Славяне жили, какъ римскіе колоны, въ Мизіи, Ѳракіи, Дарданіи и Македоніи, хотя, конечно, разрозненно: потомъ только (ок. 500 г.) начались самостоятельные ихъ походы, съ цѣлью добыть себѣ новыя мѣстожительства съ оружіемъ въ рукахъ.

Дриновъ указываетъ на нѣкоторые слѣды славянскихъ колоній во Ѳракіи, сохранившіеся въ двухъ описаніяхъ дорогъ отъ половины IV столѣтія, въ Itinerarium Hierosolymitanum и въ Itinerarium Antonini: Zernae, теперь Черна на Марицѣ (Zirinae Tab. Peut., Ζερβία у Stephanus Byz.), Cosintus на рѣкѣ Cossinites (срав. Косаница, Косница въ Сербіи) и т. д. Если и эти доказательства мы не сочтемъ неопровержимыми, то можемъ найти у Прокопія цѣлый рядъ другихъ славянскихъ названій городовъ и замковъ, которые были уже въ развалинахъ во время восшествія на

---

[17]) ibidem, 19, съ сл.

престолъ императора Юстиніана (527). напр. Лабуца. Мила рѣка. Врзана. Клештевица. Дебре. Врачишта. Стреденъ. Кавеца и т. д. [18]).

Уже съ начала V столѣтія встрѣчаемъ мы славянскія собственныя имена среди высшихъ сановниковъ Византійской имперіи. Носившіе эти имена вовсе не были пришельцами или чужестранными наемниками. но людьми. родившимися на римской почвѣ. отцы которыхъ уже отличались въ римской военной службѣ. Въ 469 г. начальники войскъ. расположенныхъ во Ѳракіи назывались *Оногостъ* (Ἀνάγαστος) и *Острый* (Ὀστρούς). Изъ полководцевъ великаго Юстиніана большинство были Славяне, родившіеся по большей части во второй половинѣ V столѣтія. Доброгостъ (Δαβραγέζας Ἄντης ἀνήρ). Всеградъ (Οὐσίγαρδος [19]) и Сварунъ (Σουαρούνας Σκλάβος ἀνήρ) отличились въ 555 году въ персидской войнѣ. Мы впрочемъ не осмѣлимся объявить Славяниномъ Велисарія. родившагося около 490 года въ Дарданіи. вблизи крѣпостцы Скаплицы (Σκαπλίζω).

Нѣкоторые ученые полагаютъ, что императоръ Юстинъ I (518—527) и его племянникъ Юстиніанъ (527—565) также были Славяне по происхожденію. Мѣстомъ ихъ рожденія была деревня Ведеріана (Βεδεριάνα). вблизи замка Тавресіума въ верхней Македоніи [20]). Жена Юстина. рабыня варварская. называлась *Lupicina*. т. е. именемъ. ко-

---

[18]) Procopius. De aedif. ed. Ven. p. 437.

[19]) Agathias ed. Bonn. 150. 186. 249.

[20]) Hahn. Reise von Belgrad nach Salonik. 2 изд. 156. думаетъ. по примѣру генеральнаго консула А. фонъ-Михановича, что Ведеріана и Тавресіумъ нынѣшнія деревни Бадеръ и Тауръ. въ 4 час. пути къ югу отъ Скопье на Вардарѣ. Кстати замѣтимъ. что въ грамотѣ болгарскаго царя Константина Асѣня (1258 — 1277), дарованной монастырю св. Георгія въ Скопье, читается: «село Таворъ и съ полемъ. съ ливадами. съ езеромъ Елатинъ» (Šafařík. Památky. 25)

торое въ мужеской формѣ Lupicinus не рѣдко встрѣчается въ исторіи и въ надписяхъ временъ римской имперіи: оно уменьшительное отъ Lupus. Мать Юстиніана, сестра Юстина, называлась *Vigilantia*, отецъ его *Sabbatios*. Такъ звучатъ эти имена по достовѣрнымъ и современнымъ источникамъ. Въ новѣйшее время узнавали однако въ латинскомъ Lupicina славянское Любькыни, въ латинскомъ же Vigilantia — Виленицу. Ссылаясь на авторитетъ писателей, отдѣленныхъ отъ насъ немногими только столѣтіями, называли отца Юстина *Истокъ* и думали также знать туземное имя Юстиніана — *Управда*, которое Гиббонъ, считая это имя германскимъ, сравнивалъ съ англійскимъ upright, прямой, тогда какъ Шафарикъ выводитъ оное изъ древне-славянскаго правда = justitia; но именамъ этимъ недостаетъ историческаго основанія [21]).

Итакъ въ провинціяхъ полуострова въ VI столѣтіи Славяне были не только извѣстны, но уже довольно многочисленны и имѣли извѣстное вліяніе, хотя, по видимому, ихъ поселенія были довольно рѣдки. Не должно насъ удивлять, что современники не упоминаютъ объ этой постепенной колонизаціи. Аналогичный этому примѣръ изъ новѣйшихъ временъ представляетъ переселеніе въ XVII столѣтіи сотней

[21]) Имена Истокъ и Управда впервые встрѣчаются у Луккари (Лукаричъ), Annali di Ragusa (Venezia 1605). Онъ ссылается на древнюю рукопись, которую ему случилось видѣть въ Болгаріи; вѣроятно одну изъ древне-славянскихъ хронографій, заключавшихъ въ себѣ переводы съ греческихъ хроникъ. Изъ книги Луккари имена эти заимствовалъ Nicolo Alemanni, приводя ихъ въ примѣчаніяхъ къ своему изданію «Historia arcana» Прокопія Lugduni 1624, перепечатанныхъ въ парижскомъ изданіи Византійцевъ. Онъ при этомъ довольно неяснымъ образомъ сослался на болѣе никому неизвѣстную «Vita Justiniani» Өеофила: ср. Gibbon, History of the decline and fall of the roman empire, chap. XL, прим. 6; Šafařík II, 137. Дриновъ, Заселеніе и проч, 47; ср. W. Tomaschek, Miscellen aus der alten Geographie, въ Oestr. Gymnasialzeitschrift, 1874, 658. Этотъ любопытный вопросъ заслуживаетъ подробнѣйшаго разбора.

тысячъ Сербовъ съ Косоваго поля и Старой Сербіи въ Банатъ и южную Россію; а въ нашемъ столѣтіи—сотни тысячъ Болгаръ переселились изъ своего отечества въ Сербію, Валахію, Молдавію и Бессарабію: между тѣмъ европейскіе статистики и историки не собирали объ этомъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Да и въ наше время въ Турціи толпы христіанъ мѣняютъ свое мѣстожительство, и притомъ не кочующіе пастухи, а осѣдлые поселяне, а между тѣмъ нигдѣ объ этомъ не пишутъ.

Въ теченіе ста лѣтъ великое переселеніе народовъ нарушало всѣ существовавшіе порядки на полуостровѣ. По свидѣтельству современника Эвнапія, Ѳракія, Македонія и Ѳессалія были еще въ IV столѣтіи цвѣтущими странами съ многочисленнымъ, дѣятельнымъ и богатымъ народонаселеніемъ. Вслѣдствіе колонизаціи огромнаго количества трудолюбивыхъ и полныхъ жизни „варваровъ", рѣзко выдѣлявшихся среди изнѣженныхъ Римлянъ и Ѳрако-Иллирійцевъ, обезлюденныя страны получили новыя, производительныя силы. Но это именно возрожденіе и подстрекнуло „варваровъ" къ возобновленію набѣговъ. Готы и Гунны снова превратили все въ пустыню.

Вестготы, тѣснимые Гуннами, завоевали себѣ жилища въ Мизіи (376 г.). Послѣ страшнаго сраженія при Адріанополѣ (378 г.), они опустошили все отъ Константинополя до Альпъ. Когда они наконецъ въ 402 году удалились въ Италію, ихъ смѣнили Гунны. Въ продолженіи пяти лѣтъ (442—447 г.) гуннскія орды грабили Восточную имперію, разрушили 70 городовъ и возвратились восвояси только, когда имъ обѣщана была ежегодная дань. Вскорѣ по смерти Аттилы (453 г.) распалось быстро царство Гунновъ. Множество мелкихъ племенъ, подчиненныхъ прежде Гуннамъ, наводнило дунайскія провинціи. Сарматы утвердились въ Иллиріи, Гунны въ прибрежной Дакіи и въ крайнемъ

углу Добруджи, Скиры, Сатаги и Аланы—въ Нижней Мизіи. Но хуже всѣхъ названныхъ народовъ хозяйничали Остготы, проходя (474 г.) чрезъ Дарданію, Мизію и Македонію: подъ ихъ мечами исчезло во Өракіи все сельское населеніе. Правительство платило дань всѣмъ этимъ пришельцамъ, дабы ихъ успокоить: но достаточно было малѣйшаго противорѣчія ихъ желаніямъ, чтобы ихъ побудить взяться за оружіе. Народность этихъ переселенцевъ отчасти неизвѣстна. По Шафарику Сатаги были Славяне; еще нынѣ носятъ ихъ имя славянскіе Сотаки въ сѣверной Венгріи [22]).

Когда же и Остготы ушли въ Италію (488 г.), тогда между Славянами, по ту сторону Дуная, началось серьезное движеніе. Затѣмъ они продолжали свои набѣги до тѣхъ поръ, пока не заняли весь полуостровъ отъ Истріи и устьевъ Дуная до скалистаго Тайгетскаго хребта. Сначала напали они на Нижнюю Мизію (493 г.), гдѣ римскій полководецъ Юліанъ палъ въ ночномъ съ ними сраженіи. Болѣе неудержимымъ былъ слѣдующій набѣгъ въ 517 г. Жестоко опустошили они Македонію, Эпиръ и Өессалію до Өермопилъ [23]). Вмѣстѣ съ Славянами явились на Дунаѣ неславянскіе *Болгаре*, финнскіе или тюркскіе номады, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ нынѣшними Болгарами. Хотя ихъ считали непобѣдимыми, но, будучи призваны въ 482 году императоромъ Зенономъ противъ Готовъ, они были совершенно разбиты королемъ Теодорихомъ (487 — 526)

[22]) Šafařik, op. cit. I. 287.

[23]) Дриновъ. 92. Тунманнъ, Энгель, Шафарикъ и Гопфъ приписывали эти набѣги угорскимъ Болгарамъ. Но у современника Марцеллина (писалъ въ 584 г.) Славяне называются Гетами, а Болгаре — Болгарами. Что подъ Гетами здѣсь разумѣются Славяне, видно изъ словъ другаго современника — Өеофилакта (см. слѣд. прим.). Ихъ набѣги случались въ 493, 499 и 502 годахъ, по источникамъ, на Өракію, подъ которой здѣсь должно разумѣть провинціи Moesia inferior и Scythia (Добруджа), входившіе въ составъ Dioecesis Thraciae (Heerstrasse nach Const. 59).

гдѣ-то на Дунаѣ. Вскорѣ спустя Болгаре отказались отъ союза, разбили римское войско на крутыхъ берегахъ рѣки Зурты и два раза грабили Нижнюю Мизію, никѣмъ болѣе не защищаемую (499 и 502).

Исходнымъ пунктомъ славянскихъ набѣговъ въ VI ст. была древняя Дакія, нынѣшняя Трансильванія съ Валахіею и Молдавіею. Это и было причиной того, что византійскіе современники, избѣгая употребленія обыкновенныхъ именъ, чтобы имѣть возможность блеснуть знаніемъ древней исторіи, называютъ Славянъ—Гетами [24]. Эти дакійскіе Славяне въ VI столѣтіи дѣлились на два племени: меньшее, восточное колѣно называлось Антами, большее, западное—Словѣнами. Ихъ границей были верховья Днѣстра: Анты же жили по ту сторону низовьевъ его и по лѣвому берегу Дуная до устьевъ Алуты. Вообще вся древняя Дакія, какъ нагорная страна нынѣшней Трансильваніи, такъ и низменность была усѣяна славянскими поселеніями. Въ Трансильваніи и теперь еще попадаются деревни, носящія хорошо извѣстныя имена, повторяющіяся во всѣхъ славянскихъ земляхъ: Топлица, Бистра, Букова, Добра, Глимбока (глѫбока), Глоговица, Ковашна (Квасна), Поноръ, Залатна (Златна), Пояна (Поляна), Пресѣка, Прислопъ, Рыбнице, Ровина, Руда, Островъ, Лунка-Черна (др.-слав. лѫка, черный лугъ) и пр. Тамъ же встрѣчаются рѣки: Стрѣла, Черна, Бистрица, Плова, Красна; рѣка Кокель Саксовъ по румынски — Тирнава. Пограничная область Бихаръ носитъ славянское названіе (ср. чешск. Běchory, сербск. Бијоръ). Названія горъ также по большей части славянскія: Верву (врѣхъ), Деалу (дѣл—гора), Стина (стѣна), Магура (97 разъ въ Трансильваніи) и т. д. Такимъ же образомъ и въ нынѣшней Румы-

---

[24]) Τοῖς Γέταις, τοῦτο γὰρ τοῖς βαρβάροις (sc. τοῖς Σκλαβηνοῖς) τὸ πρεσβύτερον ὄνομα. Theophylactus Simocatta, VII. 2.

ніи большинство мѣстныхъ именъ — славянскія, а именно названія рѣкъ: Лжгава, Джбовица, Сушица и безчисленныя другія славянскія названія. Нынѣ Словѣне совершенно исчезли изъ этихъ мѣстъ. Они смѣшались съ выступившими изъ полуострова, романизованными Ѳракійцами—Румынами. Румынскій народъ росъ такимъ образомъ, поглощая мало по малу Славянъ. Еще сто лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ семиградскихъ деревняхъ слышался славянскій языкъ [25]); теперь онъ тамъ совершенно вышелъ изъ употребленія. Румынскій языкъ заимствовалъ много элементовъ изъ славянскаго, подобно тому, какъ англійскій изъ романскаго. Румыны переняли у Словѣнъ терминологію домостроя, гражданской жизни и христіанства.

Итакъ изъ Дакіи Словѣне перешли на Балканскій полуостровъ, а также въ венгерскія равнины, и скоро наступило время, когда на разнообразныхъ нарѣчіяхъ ихъ языка говорили отъ долинъ Аркадіи до карпатскихъ ущелій Буковины и отъ береговъ Балатонскаго озера и Баконскаго лѣса до Пропонтиды. Тогда они населяли Венгрію, Трансильванію, Валахію, а на югѣ отъ Дуная, Мизію, Ѳракію, Македонію и многія другія области, сдѣлавшіяся потомъ снова греческими или албанскими. Сѣверные Словѣне исчезли среди Мадьяръ и Румыновъ, южные и теперь еще живутъ подъ (неславянскимъ) именемъ Болгаръ.

Въ концѣ V столѣтія въ Византіи господствовала тогда такая вялость, что внутренняя часть полуострова оставалась совершенно беззащитною отъ враговъ. Чтобы имѣть возможность уплачивать дань варварамъ, византійскіе императоры имѣли обыкновеніе формально продавать богатѣйшія провинціи при Средиземномъ морѣ намѣстникамъ, ко-

[25]) См. Miklosich, Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen. Другіе считаютъ этихъ трансильванскихъ Славянъ позднѣйшими переселенцами въ турецкія времена.

торые затѣмъ раззоряли ихъ хуже турецкихъ пашей: императорскій же дворъ заботился болѣе о роскошныхъ охотахъ, о монашескихъ спорахъ и соборахъ.

На морѣ свирѣпствовали Вандалы, жертвою которыхъ была Эллада. Никто не думалъ о серьезномъ сопротивленіи со всѣхъ сторонъ нападающему врагу. Для спасенія Константинополя въ 512 г., при императорѣ Анастасіѣ, построена была большая стѣна отъ Селимвріи на Пропонтидѣ до Деркона на Понтѣ, длиною 280 стадій, „знакъ безсилія, памятникъ трусости". Ко всѣмъ бѣдствіямъ присоединились страшныя землетрясенія, разрушившія Коринѳъ, Дирраховъ и дарданскіе замки. Анастасію въ 518 г. наслѣдовалъ Юстинъ I, энергія котораго могла проявиться только во внутреннихъ спорахъ. Легко могло статься, что при Анастасіѣ и Юстинѣ на пустынномъ полуостровѣ Славяне не только грабили, но и поселились [26]).

Въ 527 году на престолъ Константина Великаго вступилъ Юстиніанъ I. Его правленіе ознаменовалось военными подвигами, изданіемъ свода законовъ и постройкой величественныхъ зданій. Въ первомъ же году его царствованія слава римскаго оружія была возстановлена на полуостровѣ; полководецъ Германъ разбилъ полчища Антовъ, перешедшія Дунай. Вдоль по берегу Дуная было отчасти построено, отчасти исправлено 80 крѣпостей и сторожевыхъ башенъ, а командующимъ дунайскими войсками былъ назначенъ Хильвудъ, который, послѣ трехлѣтней счастливой

[26]) См. Karl Hopf. Gesch. Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit, въ Ersch-Gruber's Encyclop. T. 85 и 86 — превосходный трудъ, основанный на многолѣтнемъ изученіи источниковъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что Славяне переселились массами при Анастасіѣ: при этомъ они основываются на вставку въ древне-болгарскомъ переводѣ хроники Манассія (ок. 1340): «При Анастаси цари начаша Блъгаре поемати земѧ сиѧ». Это однако не древне-болгарское преданіе, но извѣстіе это заимствовано изъ исторіи Зонары, который въ свою очередь нашелъ оное у Ѳеофана (IX ст.).

войны, лишился жизни въ необдуманномъ походѣ въ задунайскую славянскую землю. Тогда же начата война съ Славянами, уже осѣдло жившими на полуостровѣ: полководецъ Мундо въ 529 году разбилъ Славянъ въ Иллиріи и Болгаръ въ Ѳракіи. Что на полуостровѣ уже было множество независимыхъ славянскихъ общинъ, явствуетъ также изъ распоряженій этого императора. Для какой другой цѣли, какъ не для господства надъ Славянами полуострова, построилъ онъ, кромѣ дунайскихъ крѣпостей, еще 600 укрѣпленныхъ мѣстъ въ самой странѣ, въ Авреліановой Дакіи, въ Македоніи, Ѳессаліи и Эпирѣ? А если и это не доказательство, то слѣдуетъ обратить вниманіе на, указанныя Дриновымъ, слова Прокопія: „что исчезло и пришло въ упадокъ въ Филиппополѣ и Плотинополѣ, то онъ (Юстиніанъ) поспѣшно выстроилъ, такъ какъ оказалось, что очень легко можно было взять эти города, хотя они лежали въ сосѣдствѣ съ множествомъ варварскихъ народовъ“ [27]). Крѣпость Адина, вблизи *Пальматиды* въ Мизіи, была поставлена на военную ногу, такъ какъ въ окрестностяхъ Σκλαβηνοί βάρβαροι нападали на путешественниковъ и дѣлали страну небезопасной [28]). На своей родинѣ императоръ основалъ новый городъ *Justiniana Prima*. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, онъ лежалъ у Кюстендиля, по другимъ—у Скопье: во всякомъ случаѣ въ центрѣ полуострова, или въ провинціи Dacia mediterranea, или въ Дарданіи, но ни въ какомъ случаѣ близь Охриды. Архіепископство, учрежденное имъ тамъ, въ составъ котораго входила страна отъ Дуная до Скодры, безслѣдно исчезло сто лѣтъ спустя среди ожесточенныхъ войнъ.

---

[27]) Φιλιππουπόλεως τε καὶ Πλωτινοπόλεως τα τε ἐνδέοντα καὶ καταπεπονηκότα σπουδῇ τῇ πάσῃ ᾠκοδομήσατο, ἐπεί αὐτας ἐπιμαχωτατας ξυνέβαινεν εἶναι, καίπερ ἔθνεσι γειτονούσας βαρβάρων πολλοῖς; Procopius, De aedif. IV, 11, ed. Bonn. p. 304.

[28]) ibid. IV. 7 p. 293.

Всѣ эти предуготовленія не достигли цѣли. Между тѣмъ какъ Юстиніанъ съ успѣхомъ боролся въ отдаленныхъ провинціяхъ: на востокѣ противъ Персовъ, въ Африкѣ противъ Вандаловъ, въ Италіи противъ Готовъ, Балканскій полуостровъ до самыхъ воротъ столицы сдѣлался добычею Славянъ. Ежегодно дѣлали они набѣги до самой Эллады; ни гора, ни пещера, ни одинъ уголокъ римской земли не былъ пощаженъ. При каждомъ набѣгѣ около 200,000 римскихъ подданныхъ были изрублены или уведены. Нѣкоторыя неполныя свѣдѣнія объ этихъ набѣгахъ находятся въ описаніи Готской войны Прокопія Кесарійскаго; но такъ какъ онъ, начиная съ 527 г. въ теченіе 20 лѣтъ, находился въ лагерѣ Велисарія, на чужбинѣ, то свѣдѣнія о происшествіяхъ на полуостровѣ онъ скорѣе почерпалъ по слухамъ, чѣмъ изъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ.

Подробное описаніе этихъ войнъ завело бы насъ далеко; постараемся упомянуть самое важное.

Въ 533 году Анты разграбили Ѳракію; нѣсколько позже Юстиніанъ велъ съ ними переговоры съ намѣреніемъ уступить имъ городъ Турисъ на лѣвомъ берегу Дуная (быть можетъ Турну-Магурель при устьѣ Алуты), если-бы они обязались помогать ему противъ другихъ враговъ имперіи. Въ 548 году Славяне безпрепятственно проникли до самаго Диррахіона. Въ 551 г. толпа Славянъ въ 3000 человѣкъ перешла Дунай и, раздѣленная на два отряда, опустошила Иллирикъ и всю Ѳракію, гдѣ ими разрушенъ былъ лежащій на берегу Эгейскаго моря городъ Топиросъ. Въ слѣдующемъ году огромныя массы задунайскихъ Славянъ двинулись къ Солуни. Когда же они узнали въ Нишѣ, что римское войско стоитъ въ Сердикѣ, то повернули къ западу и тремя отрядами опустошили большую часть полуострова, проникая до длинной стѣны Анастасія. Въ 558 г. много потерпѣвшій полуостровъ былъ наводненъ цѣлымъ

потокомъ Славянъ и не Славянъ, одна часть которыхъ достигла самыхъ Ѳермопилъ, а другая была отброшена назадъ подъ Константинополемъ старцемъ Велисаріемъ [29]).

Къ концу правленія Юстиніана въ сосѣдствѣ Римлянъ явился врагъ гораздо болѣе опасный, чѣмъ Славяне. Новый степной народъ, *Авары*, поселился въ равнинахъ Панноніи, чтобы оттуда производить во всѣ стороны свои грабительскіе набѣги. Славяне называли ихъ *Обрами*, что впослѣдствіи обозначало просто великанъ (чешск. obr. сербск.-лужицк. hobr, польск. olbrzym). Около половины V столѣтія Авары хозяйничали еще между Каспійскимъ и Азовскимъ морями; сто лѣтъ позже боролись они съ родственными имъ племенами въ южно-русскихъ степяхъ. Подчинивъ себѣ Антовъ, они покорили Дулѣбовъ, русское племя, жившее между Бугомъ и Стыромъ, и обращались съ ними съ страшною жестокостью, какъ напр.: впрягали дулѣбскихъ женщинъ вмѣсто воловъ въ повозки. Оттуда переселились они въ 568 г. въ равнины Тисы и Дуная, въ Венгріи. Два съ половиною столѣтія держалось тамъ ихъ разбойничье государство. Потомъ они безслѣдно исчезли, что произвело глубокое впечатлѣніе на современниковъ: въ Россіи еще въ XI столѣтіи была въ ходу поговорка: „погибоша, аки Обре" [30]).

Часто повторялось мнѣніе Гиббона, что царство Аваровъ распространялось отъ Волги до Эльбы, отъ нижняго Дуная почти до Балтійскаго моря. На дѣлѣ же господство Аваровъ едва-ли переходило границы венгерской равнины: на сосѣднія земли они дѣлали хищническіе набѣги, не овла-

[29]) Šafařík II. 161—163; Дриновъ 93—101.

[30]) Nestor ed. Miklosich. гл. VIII. Обринъ также встрѣчается въ златоструѣ царя Симеона († 927) и въ житіи св. Константина (Кирилла). ср. Miklosich. Lex. palaeoslov.

дѣвая ими [31]). Дакійскіе Славяне были совершенно независимы отъ нихъ. Правда позднѣйшіе византійскіе лѣтописцы желали видѣть въ каждомъ движеніи Славянъ вліяніе Аваровъ, считая всѣхъ Славянъ аварскими подданными и даже нерѣдко отождествляя Аваровъ и Славянъ. Но разбирая сочиненія непосредственныхъ современниковъ, а именно такими долженъ пользоваться прежде всего историкъ, можно тотчасъ же увидѣть, какое значеніе имѣло обязательство Славянъ платить дань Аварамъ. Конечно нельзя нисколько сомнѣваться въ томъ, что въ Панноніи Славяне были подданными Аваровъ, для которыхъ они должны были строить мосты и суда для перехода черезъ Дунай и Саву (напр. 579. 592 гг.). Дакійскія Славянскія племена тѣмъ не менѣе сохранили полнѣйшую независимость и свободу. Очень интересное извѣстіе сохранилъ намъ современникъ, грекъ Менандръ [32]). Послѣ покоренія Панноніи, Аварскій ханъ велѣлъ объявить воеводѣ Добренту (Δαυρέντιος, Δαυρίτας [33]) и славянскимъ старшинамъ, чтобы они покорились Аварамъ и платили имъ подать. Но Добрента и старшины отвѣтили властолюбивымъ чужеземцамъ: „Кто изъ всѣхъ людей, согреваемыхъ лучами солнца, могъ бы подчинить насъ своей власти? Мы привыкли пріобрѣтать господство надъ другими, но не подчиняться другимъ. И останемся мы при этомъ, пока существуютъ — война и мечи!“ Аварскіе послы, раздраженные этимъ отвѣтомъ, стали обращаться такъ повелительно и надменно, что произошло столкновеніе, кончившееся ихъ убіеніемъ. Тѣмъ не менѣе ханъ не осмѣлился мстить и долженъ былъ оставить дакійскихъ Славянъ на долгое время въ покоѣ.

---

[31]) Доказательство сказаннаго у Дринова.

[32]) Menander, ed. Bonn. 406.

[33]) Δαυρίτας неправильное чтеніе въ парижскомъ изданіи. См. замѣтку Нибура въ боннскомъ изданіи Менандра стр. 406.

Набѣги на византійскую имперію Авары начали въ 575 г. Между тѣмъ и Славяне не прекращали военныхъ посѣщеній во Ѳракію. Въ 578 г., когда Римляне только-что заключили миръ съ Аварами, Славяне предприняли въ числѣ 100.000 человѣкъ большой походъ до самой Эллады и потомъ остались въ занятой ими странѣ. Сирійскій современный хронистъ, Іоаннъ Эфесскій (писалъ въ 584 г.), разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: „На третій годъ послѣ смерти Юстиніана и по вступленіи на престолъ Тиверія Побѣдоноснаго, проклятый Славянскій народъ явился и занялъ всю Элладу, окрестности Ѳессалоники и всю Ѳракію. Они завоевали многіе города и крѣпости, огнемъ и мечемъ опустошали и грабили страну и господствовали тамъ совершенно свободно, какъ у себя на родинѣ. Это продолжалось четыре года, пока императоръ воевалъ съ Персами; вслѣдствіе этого они распоряжались въ странѣ, пока Богъ ихъ оттуда не выгналъ. Ихъ грабежи распространились до самой внѣшней стѣны: всѣ императорскія стада сдѣлались ихъ добычей. По нынѣ живутъ они беззаботно и безъ страха въ римскихъ провинціяхъ, грабя, убивая и сожигая; они разбогатѣли, имѣютъ золото и серебро, табуны лошадей и множество оружія; выучились они вести войну лучше Римлянъ“ [34]). Тиверій призвалъ на помощь противъ нихъ Аваровъ, охотно воспользовавшихся случаемъ, чтобы отомстить за поступокъ Добренты. На древней римской дунайской дорогѣ, пролегавшей на правомъ берегу рѣки, отъ Сингидунума (Бѣлградъ) до устья, перешли они въ Добруджу, переправились чрезъ Дунай, разграбили села и возвратились домой, освободивши множество плѣнныхъ Рим-

[34]) Iohannes von Ephesus, Kirchengeschichte. Aus dem Syrischen von Schönfelder. München 1862. Св. Іоаннъ жилъ съ 558 г. по 575 г. въ Константинополѣ.

лянъ. Не смотря на это, дакійскіе Славяне остались свободными и самостоятельными.

Въ 582 — 602 годахъ въ Византіи правилъ императоръ Маврикій, прекрасный характеромъ, но недальновидный государственный человѣкъ: полководецъ—какъ теорикъ отлично подготовленный, но въ практикѣ совершенно неопытный. Его интересное сочиненіе о стратегіи сохранилось до нашего времени. Съ Славянами велъ онъ безпрерывныя войны, также какъ и съ Аварами, которые послѣ занятія Сирміума, опустошили всю дунайскую область. Въ 583 г. Славяне были два раза разбиты въ восточной Ѳракіи: у рѣки Эргина и у замка Энсины, недалеко отъ Адріанополя [35]). Не смотря на это въ 587 г. вторгнулись они въ Элладу, утвердились тамъ и въ продолженіи 218 лѣтъ удержались въ этой, издревле знаменитой странѣ, независимо отъ Византіи.

Послѣ окончанія персидской войны, Маврикій утолилъ жажду денегъ Аваровъ, платя имъ ежегодную дань, а всю свою дѣятельность обратилъ противъ дакійскихъ Славянъ. Онъ надѣялся положить конецъ набѣгамъ покореніемъ славянской родины въ древней Дакіи. Подъ предводительствомъ опытнаго Приска, войско его перешло чрезъ Дунай (593 г.), разбило въ ночномъ сраженіи прибрежнаго владѣтеля Радгоста и опустошило его владѣнія. Плѣнные были посланы къ императору съ конвоемъ, подъ начальствомъ Славянина Татиміра, состоявшаго на греческой службѣ; на шестой день перехода отъ Дуная къ Константинополю на этотъ отрядъ, гдѣ-то въ Балканахъ, напали Славяне, которые, безъ сомнѣнія, жили тамъ осѣдло; Татимиръ съ трудомъ

[35]) По Ѳеофилакту этотъ набѣгъ случился по подстрекательству Аваровъ. Но Менандръ разсказываетъ, что Авары тогда снова чрезъ Мизію хотѣли напасть на Славянъ, и слѣдовательно съ ними тогда не были въ мирѣ. Дриновъ 108.

только успѣлъ спастись. Между тѣмъ Прискъ, котораго одинъ Гепидъ провелъ чрезъ обширные лѣса и болота, проникъ за рѣку Паспирій (быть можетъ Бузео) во владѣнія князя Манжука [36]), напалъ на него темною ночью въ то время, когда Манжукъ праздновалъ тризну съ пѣснями и виномъ по умершемъ братѣ, и послѣ ужасной рѣзни взялъ его въ плѣнъ. Тогда Маврикій, ободренный этимъ успѣхомъ, приказалъ, чтобы войско перезимовало по той сторонѣ Дуная. Но войска Маврикія не были способны слѣдовать примѣру древне-римскихъ легіоновъ; они возмутились и возвратились на южный берегъ. Императоръ тогда отозвалъ Priска и назначилъ главнокомандующимъ брата своего Петра. Послѣдній уже на пути къ Дунаю, у Марціанополя на Камчіи, встрѣтилъ шайку грабившихъ Славянъ, которые окружили свой лагерь обозомъ и были побѣждены только послѣ отчаяннаго сопротивленія. На дальнѣйшемъ пути онъ получилъ извѣстіе, что Константинополю угрожали Славяне; повидимому полчища эти были изъ полуострова, а не изъ Дакіи. Тѣмъ не менѣе Петръ шелъ далѣе и, достигши Дуная, перешелъ эту рѣку у устья Осмы, только съ громадною потерею, послѣ того, когда палъ непріятельскій вождь Пирогостъ (597 г.). Далѣе война продолжалась очень несчастливо для Византійцевъ. Между тѣмъ во Ѳракіи и Далмаціи имъ пришлось бороться также и съ Аварами, покуда послѣдніе, разбитые и пострадавшіе много отъ заразы, не заключили мира (600 г.), по которому границу для обѣихъ сторонъ долженъ былъ составлять Дунай; Римлянамъ, впрочемъ, дозволялось, въ случаѣ войны съ Славянами, переходить рѣку. Изъ этого видно, что Авары не менѣе Римлянъ опасались дакійскихъ

[36]) Μουσώκιος, var. Μουσούκιος, Μουνσούγιος, Μουνσούκιος. Stritter II. 59; Дриновъ 111. Суффиксъ — укъ у Русскихъ въ Галиціи и Буковинѣ весьма часто встрѣчается, напр. Томащукъ, Дроньукъ

Славянъ. Въ 601 г. Гудуинъ, помощникъ Петра, ограбилъ страну задунайскихъ Славянъ. Войско вторично не хотѣло повиноваться повелѣнію императора перезимовать въ непріятельской землѣ: оно даже взбунтовалось и подъ предводительствомъ центуріона Фоки двинулось на Константинополь. Маврикій былъ низверженъ и Фока провозглашенъ императоромъ [37]).

Въ это-же время поднялись Славяне въ Македоніи. Еще до 597 года 5000 Славянъ неожиданно появились у Солуня, но скоро отступили. Вскорѣ однако они снова явились предъ городомъ съ большими военными силами и начали приступъ съ желѣзными таранами, съ искусно сдѣланными пращами и разными другими метательными снарядами: но стѣны города устояли. Почти невозможно, чтобы осаждавшіе Солунь пришли изъ Дакіи. Вѣроятнѣе, что они пришли изъ Македоніи и принадлежали къ тѣмъ племенамъ, о которыхъ говоритъ Іоаннъ Эфесскій, что они живутъ въ римскихъ владѣніяхъ и военное искусство знаютъ лучше Римлянъ.

Восьмилѣтнее правленіе жестокаго узурпатора Фоки было въ высшей степени несчастно. Персы наводняли Малую Азію и стояли предъ Константинополемъ; Авары и Славяне свирѣпствовали въ Европѣ; къ этому присоединились голодъ и чума. Преемникъ Фоки, благородный Гераклій (610—641), хотѣлъ уже перенести столицу потрясеннаго государства въ отдаленный Карѳагенъ. Время своего правленія провелъ онъ въ походахъ противъ Персовъ и Арабовъ, между тѣмъ какъ, по свидѣтельству современника Исидора Севильскаго, европейскія провинціи были заняты Славянами въ 615 г. [38]). Славянскіе переселенцы

[37]) Šafařik II. 164; Дриновъ 103 сл. сл.

[38]) Roncalli Vetust. lat. script. chron. II, 460.

выучились необыкновенно скоро мореплаванію и посѣтили уже въ 623 г. Критъ и прочіе острова [39]).

Въ 626 г. Константинополь былъ подверженъ большой опасности: Авары явились изъ Панноніи, а Славяне полуострова присоединились къ нимъ. Пока Авары нападали съ суши на столицу, Славяне на ладьяхъ, сдѣланныхъ изъ выдолбленныхъ стволовъ деревьевъ (μονόξυλα), приступили къ ней съ моря. Но они не выдержали неравную борьбу съ византійскими кораблями и были истреблены. Властолюбіе Аваровъ разстроило союзъ. Славяне отступили и Авары, предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, должны были сдѣлать тоже самое. Между павшими подъ Константинополемъ Византійцы нашли также много славянскихъ женщинъ.

Неудача подъ Константинополемъ нанесла тяжелый ударъ господству Аваровъ. Вскорѣ поднялись Славяне въ Иллирикѣ и въ альпійскихъ странахъ. Въ 600 г. они начали сильно нападать на Далмацію, на которую они дѣлали уже нападенія при Юстиніанѣ, и оттѣснили сильно ослабленный Аварами римскій элементъ въ прибрежные города и острова. Недолго спустя на западѣ возникло первое большое славянское государство: Само соединилъ подъ своей властью Чеховъ, Словѣнъ альпійскихъ странъ и часть эльбскихъ Славянъ и поражалъ какъ Аваровъ, такъ и Франковъ.

Около половины VII столѣтія славянское заселеніе Балканскаго полуострова было окончено. Съ этого времени болѣе не слышно о набѣгахъ Славянъ изъ за Дуная и Савы; почти каждый уголокъ на полуостровѣ былъ занятъ ими.

---

[39]) Сирійская хроника пресвитера Өомы, у Gutschmid'a Рецензія Ист. Греціи Hopf'a, Leipziger Centralblatt 1868, стр. 641.

Въ бассейнѣ рѣки Савы и по берегу Адріи въ глубь до Албаніи жили Словѣне, позже называемые Болгарами. Издревле обитавшій тамъ романскій и ѳрако-иллирійскій народъ или былъ оттѣсненъ въ горы, или-же въ низменности и подчинился Славянамъ. Исподоволь сливались туземцы съ послѣдними и еще теперь сохранились въ языкѣ явные слѣды сего процесса. Греки удалились на острова и побережье. Города ихъ внутри края, большею частью, опустѣли, жители искали и находили убѣжища въ приморскихъ городахъ.

Вскорѣ славянскіе переселенцы не захотѣли довольствоваться материкомъ. Выучившись мореходству, они предпринимали грабительскіе поиски въ открытое море. Въ 641 году Славяне, вѣроятно изъ Эпира, высадились на италіанскомъ берегу у Сипонта и разграбили Апулію. Аіонъ, герцогъ беневентскій, палъ въ борьбѣ съ ними [10]. При императорѣ Константинѣ Погонатѣ (668—685) славянскіе пираты посѣщали на шаткихъ моноксилахъ, походившихъ на „однодеревки" позднѣйшихъ черноморскихъ казаковъ, Іонійское и Эгейское моря, опустошая Эпиръ, Ахаію, Ѳессалію и даже Киклады и берега Малой Азіи. Одинъ изъ древнѣйшихъ арабскихъ лѣтописцевъ (второй половины VII столѣтія) упоминаетъ уже о русыхъ Славянахъ, какъ о народѣ хорошо знакомомъ его читателямъ.

Главная борьба Славянъ съ Византійцами сосредоточилась къ концу VII столѣтія подъ стѣнами Ѳессалоники. Величайшимъ желаніемъ македонскихъ Славянъ было подчинить своей власти этотъ прекрасный, издревле знаменитый городъ. Первое неудачное нападеніе сдѣлали они, какъ было сказано, при Маврикіѣ. Во второй разъ они явились въ 676 году. Во время четвертой осады Константинополя

[10]) Не въ 662, а въ 641 году; ср. Дриновъ 131.

Арабами огромная масса македонскихъ Сагудатовъ, Дреговичей, Брсяковъ, Өессалійскихъ Велегостичей и эпирскихъ Войничей окружили Солунь съ моря и съ суши. Они пришли съ семействами и съ хозяйствомъ, чтобы тотчасъ, по занятіи города, въ немъ поселиться; но, не достигнувъ цѣли, должны были удалиться. Два года спустя Славяне въ третій разъ расположились предъ вратами Өессалоники, но, послѣ 30 сутокъ, дарами склонили ихъ отступить. Съ 685—687 г. городъ былъ осажденъ въ четвертый разъ Сагудатами, Рунхинами, Дреговичами и стримонскими Славянами; Велегостичи въ этотъ разъ были на сторонѣ Византійцевъ. Поводомъ къ этому послѣднему нападенію была казнь князя Рунхиновъ Пребжда, который, оклеветанный Греками, по приказанію императора, былъ приговоренъ къ смерти въ Константинополѣ. Не будучи въ состояніи взять городъ, союзники мстили, совершая разбойничіе набѣги даже до Пропонтиды [41]). Тогда императоръ Юстиніанъ II Ринотметъ, чтобы спасти Өессалонику, двинулся съ огромнымъ войскомъ въ *Славинію*, какъ называлась уже вся страна отъ Адріи до Родопы. Это была не первая экспедиція сего рода. Уже въ 657 г. Константинъ II отправился κατὰ Σκλαβινίας, захватилъ много плѣнныхъ и подчинилъ страну по-крайней мѣрѣ по имени. Въ 687 году Юстиніанъ II, въ переходѣ своемъ, проникъ до окрестностей Өессалоники, но не могъ войти въ городъ, такъ какъ стримонскіе Славяне завалили всѣ проходы засѣками и призвали на помощь сосѣдей. Въ окрестностяхъ города императору удалось частью силою, частью переговорами, примириться съ Славянами, причемъ многіе изъ нихъ имъ были переселены въ небольшую область Опсикіонъ (Obsequium) въ Малой Азіи, у Пропонтиды. Византійцы называли этихъ колонистовъ Славесі-

[41]) Šafařik II, 206; Дриновъ 131, 151.

анами (Σκλαβησιανοί): императоры создали себѣ изъ нихъ отборное тридцатитысячное войско. Когда же вскорѣ спустя, въ войнѣ съ Арабами (692 г.) двѣ трети этого войска перешли на сторону магометанъ, остальная треть вмѣстѣ съ женами и дѣтьми безчеловѣчно была истреблена Греками.

Въ Опсикіонѣ Славяне жили еще въ X столѣтіи. Болгаре же, живущіе теперь въ Виѳиніи, вовсе не потомки Славясіановъ, а колонисты, переселенные туда въ новѣйшее время [42]). Въ 679 году случилось событіе, измѣнившее снова судьбы полуострова. Полчища неславянскихъ Болгаръ перешли Дунай и, соединивши различныя племена Мизіи въ одно государство, внесли въ разъединенныя славянскія области элементъ, котораго дотолѣ имъ недоставало—единство.

Взглянемъ теперь назадъ: славянская колонизація началась въ III столѣтіи и продолжалась почти 400 лѣтъ. Пятидесяти или даже столѣтнія переселенія едва ли были бы достаточными, чтобы произвести столь существенное измѣненіе всѣхъ этнографическихъ отношеній. Славяне являлись сюда постепенно. Сначала они поселились какъ колоны среди Ѳрако-Иллирійцевъ, Румыновъ и Грековъ, привыкли къ римской общественной жизни и дали Византійцамъ отличныхъ полководцевъ. Въ концѣ V столѣтія началось переселеніе большими массами съ оружіемъ въ рукахъ. Шафарикъ ошибся, полагая, что славянскія семейства никогда не вторгались вооруженными массами въ Мизію и въ смежныя съ ней страны, но являлись всегда разъединенно и въ мирѣ, желая лишь найти удобныя для обработыванія земли и прибѣгая къ оружію только для соб-

[42]) Šafařik II. 207. 248; Дриновъ 104.

ственной защиты. Это воззрѣніе слишкомъ идиллично. На самомъ дѣлѣ Славяне, занимая поля во Ѳракіи, Македоніи, Мизіи и Иллиріи, были тѣмъ же самымъ воинственнымъ народомъ, который въ теченіи среднихъ вѣковъ безпрерывно боролся съ Византійцами и въ наше время неоднократно заставлялъ Турокъ предъ нимъ трепетать. Такой же характеръ высказывался у переселенцевъ, въ приступахъ ихъ на Солунь, грабительскихъ походахъ по Средиземному морю и въ сотняхъ битвъ съ Греками [43].

[43]) Дриновъ. Заселеніе 35. 149; Šafařík II. 21, 171.

Глава IV.

Образъ жизни, нравы, поселенія, племена переселившихся Славянъ и сношенія ихъ съ туземцами.

А. **Образъ жизни Славянъ.**

Описывать образъ жизни Славянъ въ первобытной ихъ родинѣ, до переселенія на западъ и югъ, не наша задача: достаточно указать на богатую литературу, существующую по этому предмету [1]. О племенахъ, поселившихся въ VI и VII столѣтіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, мы имѣемъ одновременныя извѣстія Грековъ Прокопія и Маврикія и затѣмъ Сирійца Іоанна Эфесскаго.

По Прокопію всѣ Славяне были высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія. Ихъ волосы были ни слишкомъ свѣтлы, ни слишкомъ темны, а скорѣе русые (ὑπέρυθροι). У нынѣшнихъ ихъ потомковъ не рѣдко встрѣчается черный цвѣтъ волосъ. Нравъ древнихъ Славянъ, по свидѣтельству Маврикія, чуждъ злобы и коварства, но скорѣе добрый и открытый: много хвалитъ онъ ихъ гостепріимство. Гостя провожали съ мѣста на мѣсто и если съ чужестранцемъ

[1] Dr. G. Krek. Einleitung in die slav. Literaturgesch. I. Graz 1874, книга очень достойная вниманія. Jos. und Herm. Jireček, Oesterr. Geschichte 500–1000, Wien 1865; I. E. Wocel, Pravěk země české. Praha 1868 (русск. перев. Задерацкаго, Кіевъ 1875). Dr. Hermenegild Jireček, Slovanské právo Praha 1863. V. Bogišić, Pravni običaji kod Slovena. Zagreb 1867.

что нибудь случалось по небрежности хозяина дома, то ближайшій сосѣдъ долженъ былъ отомстить за него.

Семейное родство было у южныхъ и сѣверныхъ Славянъ основой общественной и государственной жизни. Такое учрежденіе до сихъ поръ сохранилось въ первобытнѣйшемъ видѣ у Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ. Въ чемъ же состоитъ этотъ семейный союзъ, задруга? Это общество, въ которомъ нѣсколько человѣкъ, одинаковаго родоваго происхожденія, или нѣсколько семействъ, связанныхъ близкимъ кровнымъ родствомъ, живутъ вмѣстѣ и сообща работаютъ и хозяйничаютъ подъ управленіемъ избраннаго старшины (сербск. старѣшина, древне-чешск. староста, владыка, болг. дьядо, домакинъ). Бываютъ „задруги", состоящія изъ 60 членовъ. Старшиною обыкновенно бываетъ или отецъ, или старшій братъ. Онъ управляетъ домомъ и общественнымъ имуществомъ, раздѣляетъ работы между мужскими членами общины и работниками и производитъ продажу и покупку, соблюдая интересы всего рода. Въ языческія времена онъ совершалъ богослуженіе, также какъ въ наше время на его обязанности лежитъ устройство празднествъ. Онъ же былъ представителемъ своего рода на общихъ собраніяхъ, въ которыхъ обсуждались родовые и народные вопросы. Между членами общины господствовала полнѣйшая равноправность. Земля, на которой живетъ семья, есть общинное имущество, которымъ всѣ члены общины равно могли пользоваться. При такомъ учрежденіи не могло быть бѣдныхъ: каждый былъ членомъ какой-нибудь семьи, которая во всякомъ случаѣ обезпечивала его существованіе. Только лица, въ наказаніе исключенныя изъ семейнаго союза, были бѣдны: оттуда и тождество понятій: бѣдности и порочности (худъ). Положеніе женщинъ въ семейной общинѣ было почетное. Старѣйшая изъ семейства (сербск. домачица, болг. домовница, стопаница) управляетъ всѣми женщинами семейства

и раздѣляетъ между ними работу: въ болгарскихъ общинахъ, когда мужчины внѣ дома на работѣ, наступало женское междуцарствіе.

Государственный строй Славянъ былъ демократическій. Прокопій разсказываетъ, что они „не управлялись однимъ человѣкомъ, но издревле существовало у нихъ господство народа (δημοκρατία): и какъ при мирномъ, такъ и при тревожномъ положеніи дѣлъ всѣ обстоятельства подвергаются общему обсужденію“.

Нѣсколько родственныхъ семействъ, живущихъ въ отдѣльныхъ деревенскихъ поселеніяхъ, составляли племя, а земля занятая племенемъ называлась *жупа*. Центръ жупы составлялъ *градъ* — укрѣпленіе жупы. Славяне обыкновенно строили это укрѣпленіе или посреди болотъ, или на полуостровo-образномъ возвышеніи, которое съ той стороны, гдѣ оно соединялось съ окрестными возвышенностями, было защищено валомъ и рвомъ, а съ другихъ сторонъ крутыми склонами. Каждой жупой управлялъ старшина, который всегда былъ избираемъ изъ одной опредѣленной семьи: изъ этихъ-то привилегированныхъ семействъ развилось славянское дворянство, которое съ западноевропейскимъ феодальнымъ дворянствомъ сначала имѣло общаго только наслѣдственность. Общіе дѣла жупы рѣшались въ собраніи всѣхъ старшинъ семействъ.

Славяне ненавидѣли господство одного какого-либо лица. „Господина они не терпятъ и живутъ между собой въ несогласіи“, говоритъ Маврикій. Только во время опасности соединялись племена для общей защиты или нападенія: но едва миновала опасность, каждый заботился только о касающемся его самаго. Эта чрезмѣрная любовь къ свободѣ была причиной того, что Славяне такъ часто были покоряемы лучше организованными иноземцами. „Болѣе всего любятъ они независимость и ни за что не дозволятъ об-

ратить себя въ подданство и зависимость. Въ своей родинѣ проявляютъ они большую храбрость и терпѣніе, перенося очень легко жару и холодъ, недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ.

У Славянъ, также какъ и у Германцевъ и Кельтовъ, не было укрѣпленныхъ городовъ. Находящіеся на славянской землѣ города большею частью римскаго или греческаго происхожденія, или же развившіеся изъ пригородовъ (поселеніе вокругъ жупныхъ укрѣпленій). Византійцы разсказываютъ о Славянахъ VI столѣтія, что они жили въ бѣдныхъ и далеко отстоящихъ одна отъ другой хижинахъ, которыя они строили среди лѣсовъ, у рѣкъ, болотъ и озеръ. Каждый домъ былъ снабженъ, на случай внезапной опасности, нѣсколькими выходами. Лучшее свое имущество прятали они подъ землею. Это происходило вслѣдствіе ихъ неосѣдлости и послѣ того какъ они утвердились совершенно на полуостровѣ. Разбросанныя поселенія, о которыхъ говоритъ Прокопій, еще и теперь напоминаются путешественнику въ Сербіи и Далмаціи дворами отдѣльныхъ задругъ, хотя и соединенныхъ въ одну сельскую общину, но разбросанныхъ по лѣсамъ и горамъ.

Съ незапамятныхъ временъ занимались Славяне не только скотоводствомъ, но и земледѣліемъ. По Маврикію они имѣли „въ изобиліи скотъ и злаки, въ особенности просо и рожь (μάλιστα κέγχρον καὶ ἔλυμον), которыя они ссыпали въ кучи. Что просо было любимѣйшимъ злакомъ Славянъ, говоритъ и Прискъ (448), о Славянахъ на Тисѣ, и Арабъ Ибнъ-Даста.

Довольно много свидѣтельствъ о домашнемъ образѣ жизни Славянъ представляетъ самъ языкъ. Вещи, имена которыхъ одинаково звучатъ на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, безъ сомнѣнія были имъ извѣстны до ихъ раздѣленія на различныя народности: не могли же они переио-

ситься въ позднѣйшія времена отъ Тріеста до Волги, отъ Шумавы до Олимпа [2]).

Императоръ Маврикій даетъ намъ самыя обширныя свѣдѣнія объ особенностяхъ военнаго быта южныхъ Славянъ. Сражались они чаще всего пѣшіе, не рѣдко до пояса почти нагіе, прикрываясь крѣпкимъ и тяжелымъ щитомъ; многіе же сражались и безъ щита. Кромѣ того они употребляли деревяный лукъ и маленькія, напитанныя сильнымъ ядомъ, стрѣлы. Въ схваткахъ они употребляли молоты, топоры и палицы. Они не умѣли сражаться въ открытомъ полѣ, но зато въ маленькихъ стычкахъ они отлично пользовались выгодами мѣстности, въ узкихъ и неудобно проходимыхъ мѣстахъ, въ лѣсахъ и болотахъ. Внезапныя нападенія и скрытыя засады составляли ихъ любимую тактику, чѣмъ они и заставляли врага быть всегда бдительнымъ. Они въ особенности были ловки и находчивы во всѣхъ военныхъ хитростяхъ. Часто оставляли они добычу, повидимому беззащитной, и уходили въ лѣсъ; но какъ только непріятель неосмотрительно приближался, они поражали его съ стремительной быстротой. Поэтому Маврикій совѣтуетъ въ своей стратегіи сражаться съ Славянами только

[2]) Названія злаковъ ныне одинаковы у всѣхъ славянскихъ народовъ: рожь, пшеница, ячмень, просо, также горохъ, макъ. Общи также всѣмъ Славянамъ названія земледѣльческихъ орудій: плугъ, коса, серпъ, мотыка, лопата и т. д. Изъ домашнихъ животныхъ имѣли они рогатый скотъ (говядо, быкъ, волъ, корова, теля, буволъ), овца, коза, песъ, гусь. Въ садахъ разводили: яблоки, груши, черешни, вишни, сливы, орѣхи. Пчеловодство было очень распространено: изъ меду дѣлали они любимый свой крѣпкій напитокъ. Желѣзо, мѣдь, золото и серебро были имъ извѣстны, также какъ изъ орудій—клещи, сѣкира, ножъ, долото, пила и т. п. Слово ремесло встрѣчается во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, также какъ слова коваръ, гончаръ, ткачъ. Славяне воздѣлывали вино, гроздье въ виноградахъ. Полотно, сукно, плащь, риза—слова общія всѣмъ Славянамъ, также какъ и печать, перстень, торгъ, мѣра, локоть. Изъ оружій всѣмъ были равномѣрно извѣстны: копье, мечъ, сулица, стрѣла, щитъ, пращь; въ войнѣ употребляли бубны, трубы, рога и хоругви. Ср. Воцеля гл. II.

зимой, когда деревья безъ листьевъ и лѣса не такъ темны, когда на снѣгу легко замѣтны слѣды бѣжавшихъ, а покрытыя льдомъ рѣки легко переходимы. Древніе южные Славяне умѣли искусно нырять въ рѣкахъ, какъ и въ прошедшемъ столѣтіи Гайдамаки, во время борьбы съ Поляками, умѣли отлично прятаться въ воды Днѣпра. Если на нихъ нападали неожиданно въ ихъ жилищахъ, Славяне тотчасъ кидались въ воду, ложились на днѣ на спину, брали длинный, выходящій надъ поверхностью воды, тростникъ и дышали посредствомъ его. Неопытный непріятель не замѣчалъ этихъ камышей, опытный же спѣшилъ прокалывать или ротъ погруженныхъ въ воду, или, вытаскивая тростники, заставлялъ выходить спрятавшихся изъ ихъ мокраго убѣжища.

Съ теченіемъ времени Славяне очень многому выучились у Римлянъ и Византійцевъ. Описаніе осадныхъ машинъ, которыя они употребляли при осадѣ Солуня, показываетъ съ ихъ стороны большое искусство. Тамъ читаемъ мы о желѣзныхъ таранахъ, большихъ метательныхъ машинахъ, которыя сооружены были для бросанія большихъ камней и прикрыты крышей, о штурмовыхъ крышахъ, покрывавшихся свѣжими шкурами быковъ и верблюдовъ, для защиты противъ сожженія зажигательными вѣнками.

„Военно-плѣнныхъ", разсказываетъ Маврикій, „Славяне не держали въ вѣчномъ рабствѣ, какъ другіе народы, а только извѣстное время, потомъ они имъ предлагали или выкупиться и возвратиться къ своимъ, или оставаться между ними на свободѣ и въ дружбѣ".

Труднѣйшая часть изученія славянскихъ древностей — ихъ миѳологія. Отчасти по недостатку и неясности источниковъ, отчасти вслѣдствіе безсмысленнѣйшихъ соображеній новѣйшихъ писателей, миѳологія Славянъ превратилась въ хаосъ, который долженъ былъ охладить интересъ, возбуж-

лаемый этимъ вопросомъ. Только въ послѣдніе годы безпристрастная критика проложила себѣ и здѣсь дорогу. Прежде нѣкоторые безъ разбора собрали все то, что нашли у разныхъ Славянскихъ народовъ, въ разные періоды исторіи, и это все вмѣстѣ приписывали равномѣрно всѣмъ Славянамъ всѣхъ временъ; другіе блуждали въ безпредѣльныхъ лѣсахъ арійскихъ миѳовъ и дали волю расходившейся фантазіи для смѣлыхъ комбинацій. Самыя положительныя свѣдѣнія имѣемъ мы о Полабскихъ Славянахъ, которые дольше другихъ оставались язычниками; о южныхъ Славянахъ, у которыхъ постепенное обращеніе въ христіанство началось рано, существуетъ менѣе всего извѣстій. Число источниковъ ничтожно; многое могло-бы быть выяснено критическимъ изслѣдованіемъ нынѣшнихъ сказокъ и пѣсенъ, повѣрій и обычаевъ. Здѣсь мы скажемъ только то, что внѣ всякаго сомнѣнія [1]).

Древнѣйшее извѣстіе о религіи Славянъ находимъ мы у Прокопія: „они признаютъ, какъ единаго творца всѣхъ вещей, одного бога, молніеносца, которому приносятъ въ жертву быковъ и другихъ жертвенныхъ животныхъ". И далѣе: „они также почитаютъ рѣки, нимфъ и другія божественныя существа (*δαιμόνια*), которымъ и приносятъ жертвы, причемъ и производятъ предсказанія (*μαντείας*)".

Всю природу представляли они себѣ оживленною существами, подчиненными высшему богу. Они различали *боговъ* отъ *бѣсовъ*; первые были благосклонны къ человѣку, вторые напротивъ. Славяне не имѣли идоловъ, какъ Римляне и Греки, столь же мало какъ и жрецовъ и храмовъ. Христіанскіе проповѣдники застали идоловъ только у Полабскихъ Славянъ и у Русскихъ. Каста же жрецовъ выра-

1) Ср. Jos. Jireček, Studie z mythologie české, въ Časopis česk. Musea, 1863.

боталась единственно только у Полабскихъ Славянъ. Высшее божество называлось *Сварогъ* (ср. санскр. svarga: coelum Indri, aether, svar—небо). Его сыновья были солнце и огонь. Въ болгарской народной пѣснѣ, которую и нынѣ еще можно слышать въ разныхъ мѣстностяхъ, о бракѣ солнца съ Денницою, братъ солнца называется Огнѣнъ [4]. Солнце называлось также *Даждьбогъ* или *Хръсъ* [5]). О поклоненіи *Святовиту*, столь важномъ у Полабскихъ Славянъ, равно какъ и *Триглаву* у южныхъ Славянъ нѣтъ никакого слѣда. О поклоненіи богу грома *Перуну*, столь высоко чтимому Русскими, на Балканскомъ полуостровѣ другихъ слѣдовъ не сохранилось, кромѣ названія растенія *перуника* (ирисъ) и горы *Перуновой* въ Родопѣ у Пештеры [6]).

Выше мы привели два мѣста изъ апокрифовъ болгарскаго происхожденія, сохранившихся въ русскихъ рукописяхъ. Въ одномъ изъ нихъ говорится о почитаніи Трояна, Хръса, Велеса, Перуна, въ другомъ — Перуна, Хръса, Дія (Ζεύς) и Трояна. Существовали ли эти мѣста въ болгарскомъ оригиналѣ или ихъ вставилъ русскій переписчикъ — вопросъ не рѣшенный. Велесъ, богъ скотоводства, извѣстенъ былъ Русскимъ и Чехамъ; также и между южными Славянами встрѣчаются нѣкоторые слѣды поклоненія ему [7]).

Славянинъ молился богамъ подъ открытымъ небомъ.

---

[4]) Женитьба на Солнцето, издали: Раковски, Dozon, Верковичъ, критически (изъ Панагюрище) Дриновъ въ Періодическомъ Списаніи Браилскаго болг. книж. дружества, 12, 153. Огнѣнъ какъ личное имя встрѣчается въ Дебрахъ: братъ покойнаго епископа Партенія назывался Огненъ.

[5]) Въ древне-сербскихъ грамотахъ XIV столѣтія встрѣчаются собственныя имена Хрсъ, Хрсовичъ (Даничичъ Рјечник). При Дунаѣ есть городъ Хрсово (Гирсова картъ).

[6]) Захаріевъ 63. Албанское *Перендія* Богъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ *Перунъ* (громъ), такъ какъ первое относится къ солнцу: perndóje я иду внизъ: perndón, заходъ солнца, западъ. Таково и значеніе имени Ниринъ-планина.

[7]) Jos. Jireček, O slovanském bohu Velesu, въ Časopis českého musea, 1875. 405—416.

въ кустахъ, подъ тѣнью деревьевъ, на скалахъ и возвышенностяхъ. При жертвоприношеніяхъ пѣли. Перемѣны временъ года, имѣющія такое важное значеніе для земледѣльческаго народа, ознаменовывались всегда веселыми празднествами, обычай удержавшійся въ продолженіи среднихъ вѣковъ и до нашего времени на Балканскомъ полуостровѣ. Древне-славянское *обѣть* означало данное богамъ обѣщаніе; жрътва (литовск. гирти—laudare) хвалебное или благодарственное приношеніе [8]. Слова вѣштьсь — знающій (кор. вѣд—scire), влъхвъ (magus), жрець (ср. жрьтва), общи у всѣхъ Славянъ; конечно изъ этихъ авгуровъ современемъ могла бы выработаться каста жрецовъ.

Относительно космогоніи всѣ Славяне думали, что міръ произошелъ изъ морскаго песку, который богъ взялъ изъ глубины и разсыпалъ на поверхности моря, чтобы изъ этого сотворить землю. Слѣдовательно Славяне представляли себѣ землю плавающей на поверхности моря [9]).

Что Славяне не были фаталистами, доказываютъ слова Прокопія. „Они вовсе не имѣютъ понятія о рокѣ (εἱμαρμένη) и не приписываютъ ему никакой власти надъ людьми. Но когда въ сраженіи или болѣзни они чувствуютъ приближеніе смерти, то обѣщаютъ богу, если онъ ихъ спасетъ, принести благодарственную жертву (θυσίαν). Спасенные, они приносятъ обѣщанную жертву, полагая, что они выпросили спасеніе этой жертвой".

Славянамъ не было чуждо вѣрованіе, что боги властвуютъ надъ людьми съ самаго ихъ рожденія; это доказываютъ чешскія сказки о *судичкахъ* (парки, Μοῖραι), называемыхъ по русски рожаницами, по сербски и хорватски ро-

---

8) idem въ Č. č. musea. 1873. 98.

9) K. I. Erben. Báje slovanská o stvoření světa. Č. č. musea. 1866. Преданіе это сохранилось въ сказкахъ въ Галиціи, южной Россіи, Краинѣ, Черногоріи и у Болгаръ.

дjеницами или судjеницами, по болгарски наръчницами и въ иныхъ мѣстахъ орисницами (ὁρίζω, аор. ὥρισα).

Къ остаткамъ язычества принадлежатъ также празднество *русалья* и вѣра въ *русалокъ*, которыя мы встрѣчаемъ у Болгаръ, Сербовъ, Словенцевъ, Словаковъ, Великороссіянъ и Малороссіянъ. Названіе *русалья* перенесено было позднѣе на праздникъ Св. Тройцы. Шафарикъ видитъ въ русалкахъ богинь водъ, рѣчныхъ и ключевыхъ нимфъ; Миклошичъ же утверждаетъ, что имя это взято изъ византійскаго ῥουσάλια (романск. pascha rosarum), т. е. будто христіанскій терминъ былъ перенесенъ въ языческое богослуженіе [10]).

Лѣса, рѣки и ручьи были мѣстомъ пребыванія женскихъ существъ, называвшихся у древне-Русскихъ, а у Сербовъ и нынѣ называемыхъ, *вилы* (един. вила). Въ одной грамотѣ болгарскаго царя Константина (1258—1277), въ мѣстности у Прилѣпа упомянутъ источникъ „Вилски кладезь“ [11]). У Болгаръ и теперь еще сильно держится вѣра въ самовилъ. Эти самовилы (во Ѳракіи — самодивы) живутъ въ горахъ, на вершинахъ которыхъ онѣ охотно пляшутъ большой толпой. Быстро проносятся онѣ въ воздухѣ; по землѣ ѣздятъ онѣ на оленяхъ, причемъ дикіе ужи служатъ имъ уздою, а желтыя змѣи (смока)—хлыстомъ. Ихъ волосы свѣтло-русые. Къ людямъ вообще онѣ не благосклонны, охотно ихъ ослѣпляютъ и выпиваютъ у нихъ черные глаза: кто осмѣливается работать въ праздникъ, въ особенности въ Свѣтлое Воскресеніе, тотъ подвергается наказанію самовилъ. Но онѣ дружны съ героями, какъ напримѣръ, съ

[10]) Šafařik. O rusalkach. Sebr. spisy III, 81—95; Miklosich, Die Rusalien. Wien 1864 (Sitz-Ber. d. W. Ak. XLVI): строгая критика А. Афанасьева, въ Москов. Древностяхъ I. Новые труды, стр. 35. Болг.: «сѣка пролѣт през *Росальа*». Захаріевъ, 78. На Бѣломъ Дримѣ 1330 межа: «од *Русаліи* у локву», Miklosich, Mon. serb. 92.

[11]) Šafařik. Památky 25.

кралемъ Маркомъ, спасають ихъ отъ смерти и живутъ съ ними, по южно-славянскому обычаю, въ побратимствѣ, въ дружескихъ отношеніяхъ, какъ посестримы. Есть и морскія самовилы: многія живуть въ рощахъ или подъ мостами. Нѣкоторые голубые и желтые цвѣты посвящены имъ. Съ самовилами сходны *юды* (единств. юда), извѣстныя только въ Македоніи, въ окрестностяхъ Охриды, Прилѣпа, Солуня, въ Дибрѣ и въ Родопскихъ горахъ. Во многихъ пѣсняхъ юды и самовилы одно и тоже [12]). Это также женщины-нимфы съ длинными волосами, живущія въ глубинѣ и въ водоворотахъ озеръ и рѣкъ. Кого они увидятъ въ водѣ, того опутываютъ своими распущенными косами и тащатъ на дно. Часто причесываютъ онѣ свои волосы на берегу. Юды также любятъ танцы: но горе тому, кто попадетъ въ „Юдинско село" и долженъ танцовать съ ними „Юдинско хоро" [13]).

Древнѣйшее извѣстіе о самовилахъ находится въ сербскомъ пергаментномъ кодексѣ у Григоровича: тамъ читаемъ, что въ Болгаріи господствуютъ повѣрья въ *бродницъ* (волшебницъ) и самовилъ. Другое извѣстіе находится въ сербской рукописи конца XIV ст. [14]).

Въ 1756 году одинъ монахъ въ Габровѣ на Балканѣ списалъ житіе св. Іоанна Рыльскаго, чтобы прочесть его женщинамъ: поводомъ къ этому были чертовщины (враговщини) старухъ, самовилъ и бродницъ [15]). До сихъ поръ намъ не посчастливилось найти древнія извѣстія о юдахъ [16]).

Стіи, которыя нынѣ являются вмѣстѣ съ юдами въ народныхъ вѣрованіяхъ жителей Македоніи, ничто иное какъ

---

[12]) Апострофы: Юдо Самовило! Стара Юда Самовила!

[13]) К. и Д. Миладиновы, Бѫлгарски народни пѣсни. Загребъ 1861.

[14]) Изъ млада пострадаеть зли другъ, будеть Самовили брать. Cod. Chodor (въ Пражск. муз.) 134 (Miklosich, Lex. palaeoslov.).

[15]) Соч. Гильфердинга I. 131 примѣч.

[16]) Само-вила, ср. греч. [illegible] (санскр. sama [illegible]).

греческія *στοιχεῖα* (стихіи). *Віюлицы* — невидимыя существа, обладающія громадной тѣлесной силой, могущія переносить людей по своему желанію: вслѣдствіе этого Македонцы отплевываются въ опасныхъ мѣстахъ. Ихъ часто смѣшиваютъ съ самовилами. *Духове* бѣснуются ночью, зазывая людей и заманивая ихъ такимъ образомъ въ рѣки и пропасти.

Искони существовала у всѣхъ Славянъ вѣра въ вампировъ (влколак). Отъ Болгаръ (влъколак, връколак) вампиръ перенятъ Албанцами (vurvolak), Румынами (vъrkolak) и Новогреками (*βρουκόλακας*). Въ древне-сербскомъ номоканонѣ (1262) читается слѣдующее толкованіе: „Облакы гонещеи влькодлаци нарицають се. Да егда убо погибнеть луна и сльнце, глаголють: влькодлаци луну изѣдоше или сльнце. Си же вьса басни и льжа суть“ [17]).

По мнѣнію Славянъ-язычниковъ душа была существомъ совершенно различнымъ и отдѣльнымъ отъ тѣла, живущимъ въ груди и проявляющимся въ дыханіи. Они вѣрили въ загробную жизнь. Слова *небо* и *рай* общи всѣмъ Славянамъ.

В. Славянская колонизація. Мѣстныя имена.

При разсмотрѣніи мѣстныхъ именъ Балканскаго полуострова насъ поражаетъ ихъ богатое разнообразіе. Въ этомъ видны слѣды преобладавшихъ здѣсь поочередно народностей. Между древнѣйшими ѳрако-иллирійскими и древне-эллинскими именами появляются романскія, албанскія, новогреческія и безчисленныя славянскія наименованія въ пестрыхъ, смѣнявшихся формахъ. Въ теченіи послѣднихъ четырехъ столѣтій прибавилась новая группа турецкихъ, а иногда и татарскихъ названій.

---

[17]) Обнародовано Ягичемъ въ «Starine» загребской академіи VI (1874) 83.

Когда Славяне пришли въ эти страны, то они частью сохранили прежнія имена горъ, рѣкъ и городовъ, измѣнивъ ихъ по звуковымъ законамъ своего языка, частью же замѣнили ихъ своими сходно-звучащими названіями. Такъ передѣланы по берегу Адріатическаго моря: Scodra въ Скадаръ, Lissus — Лѣшъ, Salona — Солинъ, Albona — Лабинъ, Nona — Нинъ, Scardona — Скрадинъ (вообще романск. *ona* слав. *ин*, ср. Roma — Римъ). Въ Болгаріи Bononia переименована въ *Бдинъ* (ср. Colonia, по чешски *Kolín*). Ratiaria въ Арчаръ, Almus въ Ломъ, Durostorum въ Дерстръ, Naissus въ Нишъ, Astapus въ Штипъ, Scupi въ Скопье, Sirrae въ Сѣръ, Debolia въ Дѣволъ. Nicopolis сохранилъ свое имя. Serdica, названная такъ по имени ѳракійскаго племени Сердовъ, получила названіе Срѣдецъ, передѣланное Византійцами въ Triaditza. Thessalonica называлась Солунь, Hadrianopolis — Одринъ, Dydimoteichos — Димотика.

Интересно названіе Пловдивъ, которымъ Сербы и Болгаре называютъ городъ Филиппополь. Безсмысленно обыкновенное объясненіе этого слова болгарскимъ „плоденъ“ (плодородный) или „пладне“ (полдень, югъ). Въ древнѣйшихъ памятникахъ мы вездѣ читаемъ Пловдинъ [1]). Независимо одинъ отъ другаго, Венеціанецъ Доменико Негри (1567), Новогрекъ Георгій Цукаласъ (1851) и болгарскій историкъ Дриновъ указали на древній Плотинополь, къ югу отъ Адріанополя на разстояніи дня ѣзды. Имя близко подходитъ, но разстояніе слишкомъ далекое [2]).

[1]) Даничичъ, Рјечник, 1864, 3 тома; Kukuljević, Monumenta hist. Slavorum meridionalium I, Загребъ 1863, 234 (глагол. письмо, 1529. Также въ старо-чешскихъ сочиненіяхъ, напримѣръ у Hájek'a и у другихъ читается Plovdin).

[2]) Dom. Nigri, Geographia, Basiliae 1567, 270; Tsukalas, Ἱστοριογεωγραφικὴ περιγραφὴ τῆς ἐπαρχίας Φιλιππουπόλεως, Вѣна 1851; Дриновъ, Заселеніе, 24, прим. 112; ср. Jireček, Die Heerstrasse etc. 97.

Изъ названій горъ сохранились важнѣйшія Scardus (Шаръ) и Rhodope (Родопа). Въ большемъ количествѣ остались древнія названія рѣкъ, конечно, не безъ значительныхъ звуковыхъ измѣненій: Naro—Неретва, Drilon—Дримъ, Drinus—Дрина, Margus—Морава, Timacus—Тимокъ, Cebrus Цибрица, Oescus — Искеръ, Utus — Видъ, Iatrus — Янтра, Strymon — Струма и т. п. По побережьямъ еще и теперь въ употребленіи множество неизмѣненныхъ древне-греческихъ мѣстныхъ именъ: Месемврія (древне-болг. Несебръ), Анхіалъ, Каллиполисъ и т. д. Византійцы употребляли до XV столѣтія древнія мѣстныя имена даже въ мѣстностяхъ уже совершенно ославянившихся, между тѣмъ какъ въ устахъ народа имена эти давно уже уступили мѣсто славянскимъ названіямъ.

Славянская колонизація шла вверхъ по рѣкамъ до ихъ истоковъ. Населялись удобныя для хлѣбопашества равнины и плодородныя долины. Высоты же оставлялись Ѳракійцамъ, Румынамъ и Албанцамъ, которые по большей части съ теченіемъ времени ославянились.

Славянское поселеніе первоначально не носило мѣстнаго имени, но называлось по имени населявшаго его рода. Поэтому еще и теперь большинство мѣстъ въ славянскихъ земляхъ носятъ собирательныя или фамильныя имена (множеств.); ихъ окончаніе на чешск. и польск. *ici*; нынѣ чаще *ice*; на сербскомъ и хорватскомъ—*ићи*, въ средніе вѣка—*ики*, на словенск. и русскомъ—*ичи*, старо-болгарскомъ—*иштu*, ново-болг.—*овци*, *евци* [3]).

У Сербовъ и Хорватовъ преобладаютъ такого рода названія: Лазаричи, Драговичи, Богдановичи, Момушичи и т. д.

[3]) Šafařík, Sebr. spisy III, 438. Объ образованіи мѣстныхъ именъ на слав. яз. ср. Jos. Jireček, Nakres mluvnice staročeské, Praha 1870 и статья Миклошича о славянскихъ мѣстныхъ именахъ.

Въ Болгаріи: Драгомирци, Филиповци, Николичевци, Владимировци, Страшимировци, Беркелавци, Голубовци, Стояновци и т. д. [4]).

Замѣчательно, что во Өракіи, покрайней мѣрѣ по нашимъ спискамъ, такія фамильныя имена встрѣчаются очень рѣдко. Въ болгарскихъ странахъ теперь совершенно исчезли имена на *ишти*: Воевишти 1348: зато они очень часты въ романизованныхъ странахъ: Владимирештъ, Богданешти, Татомирештъ, Драгомирештъ (въ Валахіи). Между тѣмъ часто смѣшивали *ишти* съ окончаніемъ *иште* (множ. *ишта*), тогда какъ послѣднія означаютъ мѣсто какого-нибудь дѣйствія: трговиште (мѣсто рынка), стражиште (мѣсто стражи) и т. д.

Другія фамильныя имена обозначаютъ характеръ обитаемой мѣстности и имѣютъ окончаніе множественнаго числа *ане* (единств. *анинъ*): Езерѣне, Трстеничане, Могилѣне и т. д. [5])

Многочисленны мягко звучащія въ концѣ, первоначально прилагательныя имена, для объясненія которыхъ слѣдуетъ подразумѣвать *градъ* или *дворъ*. Въ нихъ именно кроется имя основателя или перваго владѣтеля. У Сербовъ: Будимль, Оногоштъ (имя собств. Оногостъ). У Болгаръ: Прѣславъ, Радомиръ, Добричъ, Ловьчъ, Войнежъ (имя соб. Войнѣгъ). Ср. русское Ярославль, чешск. Болеславъ.

Менѣе древни приведенныхъ мѣстныя имена (сперва прилагательныя притяжательныя) на *овъ, ова, ово*. У Болгаръ они встрѣчаются массами: Райково (село Райка),

---

[4]) Наши примѣры взяты частью изъ сербскихъ и болгарскихъ памятниковъ XIII и XIV столѣтій (Даничичъ, Pjечник: Šafařík, Památky, 2 изд.), частью-же изъ новѣйшихъ картъ и списковъ мѣстностямъ.

[5]) Другіе примѣры: Лужене, Плачинц, Мраморѣне, Забрдене, Мокране, Търстеничане, Дубляне, Дъбене, Храштане, Грмлене (грмье по серб. кустъ), Глажене, Трничане.

Борисово, Калояново, Новаково, Попово, Бегово, Марково, Карлово и т. д.

Изъ другихъ важныхъ окончаній—*никъ:* Мельникъ, Перникъ, Рудникъ; болг. *ецъ*, старо-словенск. *ьцъ*, сербск. *ицъ*—Буковецъ, Орѣшецъ, Лѣсковецъ. Рѣже встрѣчается на полуостровѣ *ско*—Гацко (отъ Гадско).

Отъ собственныхъ именъ на *а, я* произведены также, первоначально прилагательныя, мѣстныя имена на *инъ:* Колашинъ (собств. имя Колаша), Неготинъ (отъ Негота), Гневотинъ. Чаще встрѣчаются среднія на *ино:* Ильино (Илья), Петрино (Петръ).

Положеніе мѣстности выражается окончаніемъ на *іе:* Подградіе (suburbium, чешск. podhradie), Подстѣніе, Бучіе (отъ букъ) и т. д.

Очень интересно безчисленное множество мѣстныхъ именъ, указывающихъ на преобладающій въ окрестностяхъ родъ растеній: это имена на *ица*, окончаніе свойственное въ особенности названіямъ рѣкъ. Названія эти производятся не только отъ лѣсныхъ деревьевъ, какъ Буковица, Липовица, Габрово, Дъбово или Борово, но и отъ плодовыхъ: Ябланица, Крушевица, Сливово, Орѣхово, Смоквица, Гдунье, Вишница, Чрешньевъцъ, Виница, Лозница, и даже отъ стручково-плодовыхъ [6]).

Также встрѣчаются имена животныхъ: Медвѣдьцъ, Мечка (по болг. медвѣдь), Беброво, Вълчи търнъ, Вълчи лугъ, Турово, Турани, Ястребница, Штръково (штрькъ, болгар. аистъ), Раковица, Гуштерица (гуштеръ по болг. ящерица).

Очень многія имена городовъ и селъ указываютъ на расположеніе и свойство мѣстности, напримѣръ: Проходъ,

[6]) Топольница, Врбица, Врбовецъ, Яворово, Брестовецъ, Буковица, Липовица, Чесвяница, Смърково, Ельшевица, Брѣзово, Брежница, Бъзово, Дрьново, Лѣсково, Глоговица, Шипка, Конопните, Граховщита, Копривштица, Търстивница, Търстѣникъ, Трнсвица.

Просѣкъ, Сутѣска, Котелъ, Пештера, Вртопъ, Леденица, Дебрь, Рьвеница, Струга, Сопотъ, Пѣшчаница и Каменица.

Въ славянскихъ земляхъ обильны имена, по которымъ можно предположить болотистую почву [7]). Другія названія касаются теченія рѣкъ, какъ Ушче и весьма часто встрѣчающееся Изворъ (источникъ). Также въ именахъ указаны иногда залежи руды. Какъ вездѣ, такъ и у балканскихъ Славянъ, обыкновенны имена, выражающія качества почвы, наприм. мокрое поле, широкій лугъ, сухая долина и т. д. [8]).

Нѣкоторыя имена указываютъ на занятія населенія: Свиньяры, Говедары (пастухи скота), Коньюси (пастухи лошадей), Рудари (горнорабочіе), Рибари, Ульяры (пчеловоды), Лукари, Смольяри, Златари, Коньяри, Соколаре, Паничаре (паница — цистерна), Селларево, Дрѣводелья, Гричарево, Кладо-рубы (плотники, срав. чешск. Kladruby), Сѣножештани, Плоторѣжци.

Многія имена селъ получили также названіе по внѣшнему виду и нравственности жителей: часто эти названія — прозвища или насмѣшки. Въ Чехіи встрѣчаемъ: Mokro-psy, Hrdlo-řezy, Kosmo-nosy и т. д.; въ Польшѣ: Wiełogłowy и др. Въ слѣдующихъ примѣрахъ обнаруживается народный юморъ на Балканскомъ полуостровѣ: Мокро-сѣки, Льюте-бойци, Зло-кучене, Ядо-варци, Льюто-главци, Древо-грижци, Вълко-деры, Свилно-капе (шелковыя ткани), Кокоши-главци

[7]) Млачно, Млачице (млака — тина), Лужьцъ, Лучина, Локвица, Мокрине, Калиште (глубокое болото), Ливадье, Блатечница, Ракитово, Ракыти, Черно-Брнье, Слатина.

[8]) Другіе примѣры: Црвена водица, Быстрица, Рыбница. Руды: Златица, Сребрница, Желѣзньцъ, Олово.—Длъгополѣна (рум. Kimpolung, греческ. Макроливада), Мокра поляна, Добрилъгъ, Широка лъка, Добра лъка, Ягодно полье, Мкрый долъ, Сухидолъ или Суводолъ, Бѣло-полье, Чрнидолъ, Чртовъ долъ, Чрвени брегъ, Врани долъ (черная долина), Златый трапъ (ровъ), Остра могила.

(пѣтушьи головы), Бѣло-главци, Мокро-нози, Криво-гаштане и мн. др. [9]).

Весьма понятны тѣ названія, которыя указываютъ на народность жителей [10]).

C. Отношенія Славянъ къ туземцамъ.

Когда Славяне переселились на полуостровъ, то нашли его хотя и пустыннымъ, но не безлюднымъ. Нигдѣ въ мірѣ не случалось, чтобы покоренный народъ совершенно исчезалъ, не оставивъ ни капли крови и ни слова въ языкѣ завоевателей.

Отъ ѳрако-иллирійскаго кореннаго населенія остались теперь только Албанцы, въ числѣ 1,300,000 душъ. Во времена переселенія Славянъ большая часть Ѳракійцевъ была уже романизована; только горцы оставались еще при своихъ прежнихъ обычаяхъ и языкѣ.

Въ западной Родопѣ тогда еще жили *Бессы*, которые даже христіанское богослуженіе совершали на своемъ языкѣ. Никто не оставилъ указаній въ варварскія времена, какъ долго сохранилъ между Славянами свою индивидуальность родъ Бессовъ и когда умолкли послѣдніе звуки языка, на которомъ жрецы объявляли волю боговъ на вершинѣ Гьозтепе.

Сапеи, по мнѣнію Шафарика, также выдержали нашествіе славянскихъ полчищъ. При верхней Струмѣ, около Нишавы, Софіи, Самокова и Кратова живетъ нынѣ племя, называемое Шопи и отличающееся отъ остальныхъ Болгаръ какъ характеромъ и нарѣчіемъ, такъ и одеждою и права-

[9]) Также въ Албаніи: Bythakykje, имѣть красное сѣдалище.

[10]) Куманово, Печенѣга, Арбанаси, Арменица, Сербенина, Харвати Маджаре, Гркиште, Грци-ти, Българино, Влашко село и проч.

ми. Вообще Болгаре считаютъ Шоповъ простоватымъ, глупымъ народомъ: сами-же Шопи носятъ свое имя съ нѣкоторой гордостью [1]). Но едва ли Шафарикъ тутъ не ошибается. Древніе Сапеи обитали въ поморьѣ, при нижней Местѣ, тогда какъ жилища Шоповъ съ южной стороны доходятъ не далѣе Кратова и Самокова.

У истоковъ Брѣгальницы въ сѣверной Македоніи, въ мѣстности и нынѣ еще мало извѣстной и слывшей еще въ средніе вѣка подъ именемъ *Піянецъ* (Πιάνιτζα), живутъ болгарскіе *Піянцы*. Въ этой же мѣстности жили нѣкогда *Пэоны*. Вѣроятно между обоими существуетъ родственная связь [2]).

Небезъинтересно также, что у Болгаръ западной Македоніи встрѣчаются личныя имена *Дарданъ* и *Дардана*, напоминающія намъ древнихъ Дардановъ [3]).

На озерѣ Преспанскомъ обитали еще древніе *Скиртоны* въ хатахъ построенныхъ надъ водою. Частью они ославянились; частью же Славяне, поселившись въ ихъ сосѣдствѣ, подражали ихъ примѣру и такимъ образомъ здѣсь жили еще долго въ среднихъ вѣкахъ *Наколци—на наколію*, подобно Пэонамъ временъ Геродота. Эти интересные слѣ-

---

[1]) См. разсужденіе Шафарика, III, 74. По мнѣнію этого автора (I, 513) рудокопы, называвшіеся *Норонами*, обитали въ древности при верхнемъ Вардарѣ и еще въ средніе вѣка имя ихъ долго отзывалось въ словѣ мѣропьхъ или неропьхъ, означавшемъ классъ подданныхъ въ старо-сербскомъ государствѣ. Но древніе географы вовсе не упоминаютъ о Норопахъ Балканскаго полуострова. Имя это впервые встрѣчается у Климента Александрійскаго, но въ пэоескихъ Хогорев, приведеныхъ имъ для объясненія гомеровáго νώροπα χαλκόν, легко открываются альпійскіе *Норики*, обитавшіе въ сосѣдствѣ Паннонін.

[2]) Мнѣніе что *Піянцы* потомки Пэоновъ было впервые высказано авторомъ въ Časopis č. m. 1875, 139. Простонародная этимологія выводитъ это имя отъ пива (пей). Само имя древне: Πιάνιτζα 1020 (грамота у Голубинскаго, 260, Пиянець у сербскаго архіепископа Данінла († 1338), 109.

[3]) Списокъ наличнымъ именамъ у Миладиновыхъ. Бълг. народни пѣсни 529, 531; ср. позди. Куманъ, Печенѣжичъ и проч.

ды, равно какъ и явные остатки въ болгарскомъ языкѣ, о которыхъ скажемъ ниже, и наконецъ множество весьма древнихъ названій горъ, рѣкъ и урочищъ сохранившихся по нынѣ, свидѣтельствуютъ, что встрѣча туземцевъ съ пришельцами не была недружелюбна. Во нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Славяне частью вытѣсняли прежнихъ жителей въ горы, частью же ихъ себѣ подчиняли силою оружія и взирали на нихъ какъ на рабовъ, или какъ на презрѣнныхъ инородцевъ.

Многочисленнѣе разрозненныхъ остатковъ Ѳракійцевъ были *Румыны*, извѣстные у Славянъ подъ именемъ *Влаховъ*. По Приску (448 г.) латинскій языкъ употреблялся между Адріатическимъ, Эгейскимъ и Чернымъ морями какъ въ общественной, такъ и въ домашней жизни. Первые слѣды румынскаго языка являются въ 587 году. Тогда большую часть византійскаго войска, посланнаго во Ѳракію противъ Аваровъ, составляли солдаты говорившіе на румынскомъ языкѣ. Во время похода упалъ вьюкъ съ одного животнаго; солдатъ, желая обратить на это вниманіе погонщика, закричалъ ему на родномъ нарѣчіи: „Torna, torna, fratre!" Погонщикъ этого не услышалъ, зато другіе услышали и, думая что вблизи непріятель, разбѣжались въ разныя стороны, крича изъ всѣхъ силъ: „Torna, torna" [4]).

Далѣе, въ теченіи четырехъ сотъ лѣтъ, въ источникахъ ничего нѣтъ о Румынахъ. Только съ X столѣтія встрѣчаются снова извѣстія объ этомъ народѣ.

Сначала Румыны жили совершенно осѣдло въ городахъ и селахъ, но частыя переселенія народовъ сдѣлали покрайней мѣрѣ часть ихъ кочующими пастухами. Въ исторіи они на долгое время были совершенно преданы забве-

---

[4]) Theophylactus Simocatta 93; Theophanes ed. Bonn 1, 397: Македорум. turna, Дакорум. inturna.

нію. Нынѣ различаютъ двѣ вѣтви Румыновъ, именно *Дако-Румыны* (около 8 милл.), сплошными массами населяющіе Трансильванію, Румынію, Буковину, Банатъ и Бессарабію и *Македоно-Румыны* (приблизительно 200.000), живущіе въ различныхъ мѣстахъ Балканскаго полуострова.

Славяне называютъ Македоно-Румыновъ Влахами или Цинцарами, Новогреки—Куцовлахами. Мѣста ихъ жительства расположены въ Пиндѣ, въ Ѳессаліи, у Касторіи, на Дѣволѣ, подъ Перистери, въ Крушевѣ, у Прилѣпа, въ Мoгленѣ и по отрогамъ Родопы. Большая часть ихъ пастухи. Другіе же, благодаря изумительному знанію языковъ и неутомимой предпріимчивости, странствуютъ съ торговой цѣлью по всему полуострову, содержатъ почти всѣ постоялые дворы (ханы) на дорогахъ и занимаются разными ремеслами, наприм. каменною работою и золотыхъ дѣлъ мастерствомъ по унаслѣдованному первобытному способу. Физіономія ихъ римскаго типа. Замѣчательна живучесть этого народа: будучи разрозненнымъ и презираемымъ, онъ всетаки сохраняетъ свою національность и языкъ. Впрочемъ немалая часть поглотилась греческимъ и славянскимъ элементами.

Очень долго считали дунайскихъ и карпатскихъ Румыновъ потомками смѣшавшихся съ Даками римскихъ колоновъ Трояна: праотцами же македонскихъ Румыновъ—обратно переселенныхъ Авреліаномъ поселенцевъ Дакіи. Профес. Грацкаго университета Робертъ Рёслеръ († 1874) недавно началъ опровергать этотъ взглядъ и старался доказать въ многочисленныхъ разсужденіяхъ, въ особенности же въ своихъ „Romänische Studien" (1871 г.), что Румыны никакимъ образомъ не происходятъ отъ романизованныхъ Даковъ, но пришли въ нынѣшнюю Румынію и Трансильванію, возвращаясь чрезъ Дунай съ полуострова, вѣроятно въ началѣ XIII столѣтія. Это мнѣніе не ново. Уже Энгель (1804 г.), Копитаръ и Миклошичъ высказывали та-

кое же мнѣніе объ обратномъ переселеніи, хотя съ другими подробностями. Теорія Рёслера нашла сначала много приверженцевъ въ ученомъ мірѣ; но затѣмъ была оспариваема не только учеными Румынами, но недавно и Ю. Юнгомъ [5]).

Во всѣхъ языкахъ полуострова встрѣчаются филологическія особенности ни греческаго, ни романскаго, ни славянскаго происхожденія; только въ албанскомъ языкѣ кажутся онѣ незаимствованными, и такъ какъ это древнѣйшій языкъ на полуостровѣ, то мы вправѣ сдѣлать заключеніе, что эти особенности безспорно происходятъ отъ родственнаго ему элемента, т. е. отъ искони кореннаго, а теперь исчезнувшаго, ѳрако-иллирійскаго языка. Ѳрако-иллирійскій языкъ есть основаніе, которымъ ложившіеся надъ нимъ слои языковъ равнымъ образомъ были измѣнены.

Къ такимъ особенностямъ принадлежатъ прежде всего замѣчательное образованіе будущаго времени, недостатокъ и перифраза неопредѣленнаго наклоненія, членъ замѣняющій склоненіе и стоящій послѣ существительнаго въ албанскомъ, румынскомъ и болгарскомъ, и преобладаніе глухой гласной ъ въ трехъ упомянутыхъ языкахъ [6]).

[5]) Tomaschek'a рецензія соч. Roesler'a «Rom. Studien» въ Oestr. Gymnasialzeitschrift. 1872 (T. 23) 141—157; Dr. Julius Jung, Die Anfänge der Romänen. Wien 1876 (тамъ-же) и его-же Römer und Romanen in den Donaulaendern, Innsbruck 1877.

[6]) Ср. Miklosich. Die slaw. Elemente im Rumunischen, Wien 1861. 6 съ сл. 1) Образованіе будущаго чрезъ соединеніе дѣйствительнаго глагола съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ (алб., румын., новогр., болг. štъ da pišъ, по серб. pisatću); 2) недостатокъ неопредѣленнаго наклоненія въ алб., болг., новогреческомъ, иногда также въ румын. и серб.; 3) означеніе родительнаго и дательнаго падежей одной и той-же формой (албан., румын., болг.); 4) членъ приставляемый съ конца, алб. опредѣленный мужескій *i*, женскій *e*, неопредѣленный *tъ*, рум. муж. *l*, *e*, женскій *a*, *oa*, болг. *tъ*, *ta*, *to*; 5) частое ъ въ алб., болг., рум. почти каждое *a* безъ ударенія замѣняется имъ; 6) частое смѣшеніе *л* и *р*, алб., рум., новогр., рѣдко въ болгар.; 7) измѣненіе *o* въ *y* въ сло-

Еще болѣе сходныхъ чертъ находимъ мы между албанскимъ и румынскимъ [7].

Ѳракійцы и Иллирійцы были родственными народами. Потомки Иллирійцевъ — Албанцы: отъ Ѳракійцевъ происходятъ Румыны. Миклошичъ приводитъ около 50 словъ, частью общихъ албанскому и румынскому, частью имѣющихъ особую форму и значеніе на обоихъ языкахъ. Достойно вниманія, что у Албанцевъ Болгаре извѣстны подъ именемъ *Шкяу* (Болгарія — *Шкъенія*), а у Румыновъ очень сходно съ этимъ — *Шкіеи* [8].

Чрезъ столкновенія съ Румынами перешло не только въ болгарскій языкъ, но и во всѣ языки полуострова значительное число латинскихъ словъ, наприм. pullus, furca, clausura, furnus, campana, maturus, vigilia и т. д. [9].

вахъ безъ удареніи въ алб., рум. и въ нарѣчіяхъ въ особенности восточныхъ Болгаръ. Къ тому еще прибавляются синтаксическія явленія.

[7]) Богатство удвоенныхъ звуковъ и долгихъ гласныхъ (еа, оа. аu. алб. иa, au), часто встрѣчающіеся носовой начальный звукъ, выпаденіе *l* предъ *i*, смѣшеніе *n* и *r*.

[8]) Копитаръ впервые указалъ на эти замѣчательныя явленія. Уже Тунманъ замѣтилъ нѣкоторыя точки прикосновенія румынскаго съ албанскимъ, подобно тому какъ онъ доказывалъ автохтонію Албанцевъ (Untersuchungen ueber die Geschichte der oestl. eur. Völker. Leipzig 1774).

[9]) Болг. серб. пуле (pullus asini), пиле (pullus gallinae алб. pülja. ср. рум. púlju). болг. церъ (quercus cerrus), бакълъ (poculum). фурка (furca. такъ же алб.) фурна (сербск. фуруна, албан. furrьa, новогреч. φοῦρνος): *фортуна*. въ значеніи *буря* встрѣчается у Далматинцевъ, у горцевъ внутренней Босніи и въ Балканахъ, вблизи Чернаго моря; болг., серб., греч. клисура, ущелье (clausura). болг. згрекъ (стойло. ср. grex), турло (стадо, рум. turla. латин. turma), камбан (campana, также алб., греч.); старо-болг., ново-болг., новогр., алб.: тента (tentorium), болг. рака (гробъ, arca), оцътъ (acetum), старо-болг. цѣсарь, позже царь (отъ caesar, но не отъ καῖσαρ): ново-болг. каптисвамъ (capio), патњ (patior), варењ (vireo, вирѣе и зеленѣе. въ народной пѣсни). старо-болг. комъкати (communicare), ново-болг. маторъ (maturus: триста овни се матори): Народная пѣснь въ Общ. Трудъ. 1868, IV. 64, ср. старо-серб. воли стари воли заматорѣли въ образѣ Typicon S. Savae ed. Konst. Jireček. XV, 1874. 140. Ср. Дриновъ. Заселеніе 146.

Кромѣ Румыновъ Славяне застали на полуостровѣ значительное число Грековъ, также называвшихъ себя Римлянами—Ρωμαῖος. Нынѣ между Болгарами существуетъ только мало отдѣльныхъ греческихъ поселеній, какъ Станимака у Филиппополя. Вліяніе греческаго языка на средневѣковый и новѣйшій болгарскій языкъ было очень значительно. Церковь и литература, торговыя сношенія, пристрастіе славянскихъ князей къ византинизму, господство Византіи во Θракіи и Македоніи и фанаріотское церковное управленіе во времена Турокъ—все это вмѣстѣ способствовало въ теченіи тысячи лѣтъ безпрерывнымъ сношеніямъ Болгаръ съ Греками. Болгаре переняли греческіе глаголы въ формѣ аориста (наприм. κάλεσα—калесвамъ, ἔφθασα—фтасвамъ); тоже явленіе находимъ въ сербскомъ, румынскомъ и албанскомъ языкахъ [10]).

Также *германскія* племена время отъ времени располагались на полуостровѣ, какъ Бастарны, Готы, Герулы и др. Подобно тому какъ въ Крыму, остатки Готовъ также еще долго удержались въ Болгаріи. Во времена Іорнанда (551) небольшая часть ихъ жила у Никополя. Въ IX ст. Готы около Томи при Понтѣ служили кажется обѣдню на своемъ языкѣ [11]). При императорѣ Анастасіѣ упоминаются, при сліяніи Савы и Дуная, Герулы, а при Маврикіѣ—три деревни Гепидовъ, между Словѣнами Валахіи. Всѣ эти остатки превратились въ Славянъ. Шафарикъ указалъ нѣкоторые слѣды готскаго языка въ старо-словѣнскомъ и ново-болгарскомъ [12]).

---

[10]) Miklosich, Die Fremdwörter in den slav. Sprachen. Wien 1867 ad *vresa*.

[11]) Iornandes. c. 51; W. Strabo, De rebus eccles. 7; Дриновъ 143.

[12]) Старо-слов. усерязъ, гот. ausahriggs (inauris), гонъзнѫ, гот. ganizan (sanari). Ново-болг. друсамъ (quasso), раздрусанъ (conquassatus), гот. drus (ruina), сетнѣ (serius), сетнина (consecuti), гот. seithu seiths (serum, sero), сакамъ,

По смерти Аттилы на полуостровѣ явились также *Гунны*, но въ небольшомъ числѣ. По Константину Багрянородному въ Хорватіи были еще въ X столѣтіи остатки Аваровъ [13]). Отношенія этихъ азіатовъ къ Славянамъ едвали не были такія же, какъ отношенія нынѣшнихъ Черкесовъ къ Болгарамъ.

9. Происхожденіе и племена Славянъ на полуостровѣ. Славяне въ Греціи.

Описавъ нравы и обычаи древнихъ Славянъ, образъ ихъ колонизаціи и ихъ отношенія къ коренному населенію, мы обратимся къ вопросу, *откуда* пришли славянскіе переселенцы на полуостровъ и гдѣ было первобытное ихъ мѣстожительство. Объ этомъ высказано три мнѣнія. Шафарикъ [1]) защищаетъ мнѣніе, что большинство (конечно за исключеніемъ Сербо-Хорватовъ) пришло изъ страны въ окрестностяхъ озера Ильменя и орошаемой рѣками Двиною, Днѣпромъ и Окою. Въ доказательство онъ приводитъ многочисленныя мѣстныя имена, встрѣчающіяся какъ у болгарскихъ Славянъ, такъ и въ сѣверо-восточной Россіи; при этомъ онъ указываетъ также на финскія слова въ болгарскомъ языкѣ, которыя могли быть заимствованы только на дальнемъ сѣверѣ.

Копитаръ [2]) думаетъ, что все пространство отъ источниковъ Савы до Дравы и Чернаго моря занято было однимъ

(quero), гот. sokian, варда (custodia), гот. vardia, ср. ново-болг. штрък, аистъ; Šafařik, I. 469, 470, прим. 130.

[13]) Const. Porph., De adm. imp., стр. 30.

[1]) Šafařik, op. cit. II. 250 съ сл.

[2]) Glagolita Clozianus, prolegomena XXX.

народомъ, раздѣленнымъ въ VII столѣтіи, вслѣдствіе вторженія Сербо-Хорватовъ, на два народа — на Словѣнъ и Болгаръ.

Дриновъ [3]), основываясь на множествѣ различныхъ болгарскихъ діалектовъ, утверждаетъ, что Славяне полуострова составляли нѣсколько различныхъ славянскихъ племенъ: въ разныя времена, говоритъ онъ, различныя племена какъ сѣверныхъ, такъ и западныхъ Славянъ, высылали избытокъ своего населенія въ провинціи клонящейся къ упадку Римской имперіи.

Какъ-бы то ни было, преобладающимъ туземнымъ именемъ тѣхъ Славянъ, которые теперь вездѣ извѣстны подъ именемъ *Болгаръ*, въ началѣ среднихъ вѣковъ было *Словѣнинъ* въ единственномъ числѣ и *Словѣне* во множественномъ числѣ.

Языкъ свой они называли *словѣньскъ ѩзыкъ*. Греки называли ихъ *Σκλαβηνοί, Σθλαβηνοί, Σκλάβοι, Σθλοβενοι, Σκλαβησιανοί*, а Римляне (у Іорнанда) Sclaveni. Прежде всѣхъ славянскихъ племенъ Римлянамъ и Грекамъ были извѣстны Словѣне. Очень вѣроятно, что имя „Словѣне" мало по малу перешло какъ у чужеземцевъ, такъ и у самихъ Славянъ, съ обозначенія сначала различно называвшихся славянскихъ племенъ на цѣлый славянскій народъ [4]).

Между самими Славянами распространенію этого имени могли содѣйствовать церковныя книги, переведенныя въ

[3]) Дриновъ. Заселеніе. 145—149.

[4]) «Къ словѣнскому племени принадлежали также болгарскіе Славяне, подобно дакійскимъ, остатки которыхъ въ новѣйшее только время исчезли среди Румыновъ Трансильваніи, равно какъ и паннонскимъ и карантанскимъ. Всѣ они потомки того славянскаго народа, который былъ извѣстенъ Іорнанду и Прокопію подъ названіемъ Sclaveni и Σκλαβηνοί, перенесеннымъ Греками и Римлянами и наконецъ самими Славянами на всѣ славянскіе народы» (Miklosich. Altslov. Formenlehre in Paradigmen. Wien 1874, стр. XI).

Панноніи въ IX столѣтіи на словѣнскій языкъ, а оттуда распространенныя въ Болгаріи, нижней Дакіи, Сербіи, Хорватіи, Россіи и проникшія даже къ Полякамъ на Вислу [5]).

Вышеприведенное имя *Антовъ* исчезло вскорѣ безслѣдно.

Нѣкоторыя названія словѣнскихъ племенъ существуютъ и теперь еще. Съ среднихъ вѣковъ мы имѣемъ извѣстія о нѣкоторыхъ племенахъ, обитавшихъ недалеко отъ берега морскаго; большинство же жившихъ внутри края неизвѣстно, такъ какъ они не сталкивались ни съ Греками, ни съ Франками. Болѣе извѣстій чѣмъ о славянскихъ (или болгарскихъ) племенахъ, имѣемъ мы о сербо-хорватскихъ, при Адріи; но исторія ихъ не входитъ въ предѣлы нашей задачи. О болгарскихъ племенахъ мы будемъ говорить сначала о дунайскихъ, потомъ о македонскихъ [6]).

Сѣверцы или *Сѣверане* (Σεβέρεις) жили предъ балканскимъ проходомъ Берегавскимъ, вѣроятно тождественнымъ съ нынѣшнимъ проходомъ Чалыкавакъ (на пути изъ Шумена въ Карнабадъ), гдѣ они были покорены въ 679 году Болгарами Исперихa и переселены далѣе на востокъ до морскаго берега. Другіе Сѣверане обитали въ западной Валахіи, гдѣ позднѣе былъ Сѣверинскій Банатъ [7]).

Семь славянскихъ племенъ, обитавшихъ въ нижней Мизіи, также были покорены Исперихомъ. О нихъ упоминаетъ уже армянская географія Моисея Хоренскаго († 493 г.).

[5]) Объ имени Словѣне, ср. Šafařík II, 29–52.

[6]) Подробности у Шафарика и Дринова 152 съ сл.

[7]) Шафарикъ I, 369, отождествлялъ Сѣверанъ съ финнскими Сабирами (Σάβειροι), переселеніе которыхъ съ Кавказа къ Дунаю не доказано. Также названіе *себри*, означавшее родъ крѣпостныхъ въ старой Сербіи (и нынѣ въ Сербіи и Далмаціи — себаръ, ципоръ, крестьянинъ) производилъ онъ отъ Сабировъ. Однако *сиберъ* въ Россіи встрѣчается не только въ средневѣковыхъ памятникахъ, но и въ нынѣшнемъ языкѣ (ср. Зигеля изданіе свода законовъ царя Душана, С.-П. I, стр. 35, прим.).

Дриновъ приписываетъ это извѣстіе самому Моисею. Шафарикъ же считаетъ его вставкой X столѣтія. Имена этихъ племенъ неизвѣстны.

Тимочане (Timociani), на рѣкѣ Тимокѣ, упоминаются подъ 818 годомъ Эйнгардомъ; о нихъ еще говорится въ XVII столѣтіи; даже нынѣ обитатели уѣзда Княжевацкаго (сербизованные Болгаре) называются *Тимочанами*. Интересно, что Плиній въ эту же область помѣщаетъ ѳракійскій народецъ *Тимаховъ* [8]).

Моравaне, по сербской и болгарской Моравѣ, имѣли по свидѣтельству баварскаго географа (IX ст.) 30 замковъ. Арабъ Аль-Масуди (X ст.) разсказываетъ, что по ту сторону Сарбиновъ обитало племя, называемое Морава, за которымъ жили Хорваты; что Морава жили при рѣкѣ Балава, имѣющей три мили ширины и впадающей въ Понтъ, т. е. при Дунаѣ. На соборѣ 879 года засѣдали архіепископъ Агаѳонъ Моравскій (Μωράβων). Во всякомъ случаѣ этихъ южныхъ Моравaнъ не слѣдуетъ смѣшивать съ сѣверными Моравaнами Святополка [9]).

Изъ македонскихъ племенъ замѣчательны *Бѣрсяки*. Въ приступѣ на Солунь въ 676 году принимали также участіе Βερζῆται. Болгарскій князь Церигъ послалъ въ 774 году 12,000 человѣкъ въ Берзитію, чтобы переселить тамошній

[8]) Šafařik II. 223; Дриновъ 154. Ср. Timozani у Ioannes Lucius, De Regno Dalmatiae et Croatiae, Schwandtner, Scriptores rerum Hungaricarum. 3. 85; Миличевичъ, Кнежевина Србија, 847 съ сл.

[9]) Шафарикъ (II. 227—232) относитъ къ Моравѣ также Предененцентовъ и Гудускановъ Эйнгарда, узнавши въ нихъ нынѣ еще хорошо извѣстныхъ Браничевцевъ и Кучановъ при Моравѣ и устьѣ Млавы въ Сербіи; Дриновъ же, 155—156, считаетъ это объясненіе слишкомъ искуственнымъ, замѣчая, что Эйнгардъ помѣщаетъ Преденецентовъ (824) въ Дакію и (822) называетъ ихъ сосѣдями Моравaнъ, и что, поэтому, они не обитали на полуостровѣ. Гудусканы же, подвластные князю далматинскому, должны были обитать скорѣе поближе къ Адріи, у рѣки Гацкы въ хорватскомъ приморіи

народъ въ Болгарію. Еще нынѣ живутъ въ Македоніи Бързаци или Бърсяци около Прилѣпа, Велеса, Битоля и въ области Тиквешъ [10]).

Сосѣдями Брсяковъ съ востока были Славяне, жившіе на Струмѣ и Струмицѣ. Они осаждали Солунь въ 685—687 гг. въ сообществѣ съ Рунхинами и Сагудатами. Въ 689 году ограбили они, вмѣстѣ съ Сагудатами, шедшія въ Константинополь нагруженныя хлѣбомъ суда и даже показались около самой столицы. Въ 687 году они защищались противъ Юстиніана II засѣками въ ущельяхъ.

Смоляне жили въ неприступной области по среднему теченію Месты, въ Родопѣ. Никита Хоніатъ упоминаетъ въ 1200 г. провинцію τὸ θέμα τῶν Σμολένων. Въ концѣ XI столѣтія греческій отшельникъ Филиппъ, сочинитель переведенной и на болгарскій языкъ Діоптры, жилъ εἰς μέσῳ τῶν Σμολένων [11]).

Рунхины, обитавшіе у Рендинскаго залива, занимались морскими разбоями и принимали участіе въ нападеніяхъ на Солунь. Ихъ мѣстожительство и этимологія ихъ имени сомнительны. Тафель указывалъ на городокъ Рендину; Гильфердингъ объяснялъ ихъ имя происхожденіемъ отъ Ржждане (ржд҄ъ); Шафарикъ отъ Ржчане (русск. ручей, древнеславян. ржчей); Дриновъ обращалъ вниманіе на рѣчку Ῥήγιος, вытекающую изъ озера Бешика въ Рендинскій заливъ. Уже нѣсколько столѣтій, какъ эта мѣстность грецизована.

Сагудаты также участвовали въ приступѣ на Солунь въ 676 году. По Іоанну Каменіату (писалъ 905 г.), въ мѣстности между Солунью и Верріею жили Сагудаты и

[10]) Šafařik II. 237. III. 76; Дриновъ 163.

[11]) Šafařik. ibid. Дриновъ 165. Сербскій царь Душанъ подарилъ въ 1345 году монастырю на горѣ Меникіонъ, близъ Сереса, ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τοῦ Σφόλου (вмѣсто Σμ.) [illegible] τεσσαράκοντα [illegible] (Гласник 26. 23).

Драговичи, отличные стрѣлки изъ лука. Въ 904 году они помогали защищать Солунь противъ Сарацинъ.

Драговичи (Δραγοβῖται, Δρουγοβῖται) также стояли въ 676 году подъ Солунью, ближайшими сосѣдями которой они были и обитали, какъ должно думать, на западной сторонѣ вардарской долины; восточную же часть занимали Сагудаты. Подъ 1204 годомъ упоминается „Драгабитія“ близъ Верріи. Епископство Δρογουβιτίου было подчинено солунскому. Другіе Драговичи обитали въ западной Родопѣ, гдѣ и теперь нѣсколько мѣстныхъ именъ о нихъ напоминаютъ: недалеко отъ Кричимскаго монастыря есть рѣчка Драговица; на крутомъ правомъ берегу Кричмы—городище Драговетъ съ старинными стѣнами, а къ юго-востоку отъ Филиппополя возвышается вершина Драговина [12]. По нимъ митрополитъ филиппопольскій имѣлъ титулъ экзарха. Θράκης Δρογοβιτίας (у Кодина Δραγοβιντίας). Драговичи пріобрѣли большое значеніе въ исторіи Богомиловъ. Другіе Драговичи были въ Россіи, а также между Полабскими Славянами.

Въ Θессаліи жили *Велесичи* или *Велеюстичи* (Βελεγεζῆται) у Пагазійскаго залива. Въ приступахъ Славянъ на Солунь въ VII столѣтіи они также участвовали въ 676 г.; а въ 685 г. были союзниками осажденныхъ. Въ 799 г. славянскій князь τῆς Βελζητίας, Акамиръ, пытался, хотя напрасно, возвести на престолъ сыновей императора Константина, живишхъ въ Аѳинахъ. Шафарикъ искалъ княжество Акамира въ странѣ Брсяковъ, Дриновъ—въ Θессаліи. Въ договорѣ Алексѣя III съ Венеціанцами 1199 года названа вблизи Влахіи (Θессаліи) и Деметріады „provincia Belege-

[12]) Šafařík II, 235—239; Дриновъ 168, 169. Слѣды Драговета и Драговину открылъ чешскій инженеръ Пелцъ (ср. его статью въ Památky archaeologické на 1877 годъ).

zitiae": тоже самое находимъ въ актѣ о раздѣлѣ имперіи 1204 года. И нынѣ еще тамъ есть городъ Велестино [13].

Безъ сомнѣнія въ Өессаліи было „княженіе словѣнско", управляемое подъ верховною властью Византіи славянскимъ апостоломъ Меөодіемъ, до его поступленія въ Олимпійскій монастырь [14]. Нынѣ же въ Пенеѣ нѣтъ больше Славянъ.

Эпиръ былъ весь усѣянъ славянскими поселеніями [15]. Макушевъ высчиталъ, что изъ числа 1539 мѣстныхъ именъ нынѣшняго Эпира 717 славянскихъ. Албанскій языкъ полонъ славянскихъ словъ; они собраны Миклошичемъ. Изъ тамошнихъ племенъ упомянуты только Войничи (Βαιουνῆται), которые въ 676 году тоже тревожили Солунь. Нормандійскій князь Боемундъ въ 1082 г. шелъ διὰ τῆς Βαγενητίας къ Янинѣ.

Малатерра (XI ст.) называетъ Эпиротовъ Болгарами, Арту — болгарскимъ городомъ. Въ упомянутомъ договорѣ Алексѣя III и въ другихъ современныхъ грамотахъ, рядомъ съ провинціями Янины и Главиницы, названа одна: Вагенеція или Вагненія. Грамота Симеона, брата сербскаго царя Душана, данная въ 1361 году эпирскому боляру, исчисляетъ множество мѣстностей ἐν τῷ θέματι τῆς Βαγενετίας, которыя всѣ лежали къ сѣверу отъ Артскаго залива [16]. „Homines Vageniti" назывались въ XIV столѣтіи Греки переселившіеся съ материка на островъ Корфу и сдѣлавшіеся васалами бароновъ и гражданъ [17].

[13]) Šafařik II. 242; Дриновъ 173. Ср. Tafel, Symbolarum criticarum geographiam byzantinam spectantium partes duae, Abhandl. d. k. bayer. Akademie d. Wiss. V, 2 отд. 1849. S. 67; его же De Thessalonica ejusque agro. Berol. 1839 p. LXXVII.

[14]) Život sv. Methodia ed. Šafařik, Památky jihoslav. Akad. II, III.

[15]) Miklosich, Alb. Forschungen I. Die slaw. Elemente im Albanischen (въ Запискахъ Вѣнской Академіи). Wien 1870. Макушевъ, Истор. разысканія о Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка. Варшава 1871. 153.

[16]) Tafel. Symb. crit. geogr. Byz. 2. 6. Шафарикъ III. 77; Дриновъ 172.

[17]) Hopf. въ Ersch'i. Gruber'a T. 85. стр. 33

Не только Эпиръ и Өессалія, но и Эллада, древнія знаменитыя поля Пелопоннеза, Аттики и Бэотіи покрыты славянскими названіями мѣстностей. Три четверти мѣстныхъ названій краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ исчезнувшихъ славянскихъ колоніяхъ. Геликонъ носитъ названіе Загора, возлѣ Мараѳона есть деревня Врана. Мы находимъ здѣсь гору Хелмосъ (хлъмъ) и хорошо извѣстныя имена селеній: Бистрица, Буковина, Горица, Граница, Каменица, Нивица, Подагора, Церница и т. п. Вскорѣ послѣ греческой революціи, когда еще всѣ Европейцы были филэллинами, выступилъ Фальмерайеръ (1830 г.), одинъ изъ лучшихъ знатоковъ восточной и византійской жизни, и смѣло заявилъ, что Новогрековъ ни коимъ образомъ нельзя считать потомками побѣдителей при Мараѳонѣ и Саламинѣ, что въ ихъ жилахъ нѣтъ ни капли древне-эллинской крови, но что они просто грецизованные Славяне. Этотъ взглядъ, такъ неожиданно и такъ положительно высказанный, вызвалъ страшную бурю не только въ Элладѣ, но и во всей Европѣ. Цѣлая литература возникла по этому вопросу. Вскорѣ славянская теорія Фальмерайера пріобрѣла значительное число приверженцевъ [18]). Только недавно удалось Карлу Гопфу, профессору Кенигсбергскаго университета, въ его исторіи средневѣковой Греціи опровергнуть доказательства Фальмерайера (1867 г.) [19]). Но и онъ подтверждаетъ неопровержимую истину, что въ Пелопоннезѣ долгое время оби-

[18]) Шафарикъ (II, 234—247) не увлекался авторитетомъ Фальмерайера, что и было признано Гопфомъ, такъ какъ онъ говоритъ, что строго-научные изслѣдователи исторіи, подобно безпристрастному Шафарику, только съ большою осторожностью пользовались добытыми новыми результатами. Древности Шафарика Гопфъ на 102 стр., называетъ «ein classisches, von mir vielfach benütztes Werk».

[19]) Hopf. Gesch. Griechenlands vom Beginn des Mittelalters и проч. Ersch и Gruber. LXXXV p. 100—119.

тали Славяне, и оспариваетъ только то, что Аѳины были совершенно безлюдны, что древніе Эллины исчезли и что Новогреки одинаково только ославяненные, смѣсь находят-ся съ ними въ родствѣ. Мнѣнія Гопфа получили сильную поддержку въ филологическихъ изслѣдованіяхъ Миклошича [*].

Славяне наводнили Пелопоннесъ въ 587 г. и въ теченіи 218 лѣтъ удержались тамъ какъ независимый народъ. На побережьяхъ господствовали Греки. Въ Аѳинахъ дѣятельная жизнь кипѣла безпрерывно: многія византійскія императрицы были родомъ оттуда и въ этотъ издревле славный городъ посылались въ ссылку недовольные. Во время иконоборства Греки въ Элладѣ и на Кикладахъ выставили анти-императора Козьму и на собственныхъ корабляхъ потеряли сраженіе подъ Константинополемъ. Во время Константина Копронима (741 — 775 г.), когда Арабы и чума опустошали имперію, вся страна, по словамъ Константина Багрянороднаго, была ославянена. Но еще въ 755 году императоръ перевелъ колонистовъ изъ Эллады въ обезлюденный Константинополь: слѣдовательно Эллины не совершенно поглотились славянскимъ потокомъ.

Первая попытка покорить славянскія области внутри края послѣдовала въ 783 году, когда полководецъ Ставракій, послѣ покоренія Ѳессаліи, вторгнулся въ Пелопоннезъ и вывезъ оттуда много плѣнныхъ и добычи. Когда затѣмъ (807 г.) Славяне, въ союзѣ съ Сарацинами, напали на Патрасъ, то были не только отброшены, но и принуждены были платить дань въ Элидѣ. Императрица Ѳеодора, подъ опекой которой находился Михаилъ III (842—867 г.), отправила въ Пелопоннезъ полководца Ѳеоктиста, который и покорилъ всѣ славянскія племена, за исключеніемъ Милинговъ и Езеритовъ, обязавшихся платить дань.

*) Miklosich, Die slav. Elemente im Neugriechischen. Wien 1870.

Милинги (Μηλιγγοί, можетъ быть *Милинци*) жили на вершинахъ Тайгета; Езериты (Ἐζερῖται, Езерцы) — на Лаконскомъ берегу. При императорѣ Романѣ возстали оба горные народа (933 г.) и только въ 940 году были снова принуждены платить дань. Кое что говорится о Милингахъ въ житіи св. Никона († 998 г.), который проповѣдывалъ сначала въ Арменіи и Критѣ, потомъ на Эвбеѣ, въ Аттикѣ и Лаконіи, обучалъ дикій народъ, строилъ церкви и скончался въ Лакедемонѣ. Милинги, воинственный, языческій, разбойничій народъ, жили тогда, управляемые своими собственными вождями, на неприступныхъ горахъ, съ которыхъ они иногда спускались, чтобы уводить дѣвушекъ и стада. Они часто служили своевольнымъ архонтамъ, какъ „bravi“ [24].

Около Тайгета говорили по славянски еще въ половинѣ XV ст. Когда въ 1205 году Франки начали занимать Пелопоннезъ, то византійскіе горожане и Милинги съ ними встрѣтились въ оливковой рощѣ Кондурѣ, у Каламаты, но не могли выдержать натиска покрытыхъ латами рыцарей. Только въ 1249 г. присягнули эти „Esclavons“, обитатели горныхъ деревень и хижинъ (τὰ Σκλαβικά), князю Ахаискому, Вильгельму II Виллъгардуину. Но въ 1263 г. снова поднялись Славяне въ Цаконіи и Гардицкѣ, во всей Вадикѣ, Кистернѣ, Джарнатѣ и въ странѣ Милинговъ; въ 1272 году они снова возстали. Главнѣйшій родъ ихъ былъ Засси въ Янницѣ и Кистернѣ; Георгій Засси упоминается въ 1310 году, какъ капитанъ Мологовъ (Милинговъ). Венеціанцы часто вели переговоры „съ Славянами въ Майнѣ“; такъ наприм. они въ 1389 году возмутили ихъ противъ деспота Θеодора I; въ 1414 г. взяли къ себѣ на службу Янницкаго Засси и 400 всадниковъ для защиты Корона и Модона.

[24] Fallmerayer, Gesch. von Morea, I. 221. Hopf 126. 133.

Въ 1480 г. Славяне въ Майнѣ перебили всѣхъ Турокъ въ ихъ области, заняли 29 укрѣпленій и пригласили Фердинанда, короля неаполитанскаго, занять Морею.

Фальмерайеръ считалъ Майнотовъ и Цаконовъ несомнѣнными остатками древнихъ Эллиновъ въ ославянившейся Элладѣ. Но теперь доказано, что *Майноты* скорѣе славянскаго, нежели греческаго происхожденія [22]. Также *Цаконы*, обитатели древней Кинуріи на гористомъ берегу, между Монембазіей и Навпліей, по Гопфу — Славяне.

Въ одной венеціанской грамотѣ 1293 года Цаконія называется просто „Sclavonia de Morea“ [23]. Нынѣшнее названіе Пелопоннеса *Морея* Фальмерайеръ производилъ отъ славянскаго *море*. Противъ этого возсталъ еще Копитаръ, а теперь Гопфъ доказалъ, что Морея есть просто метотеза имени *Romea* (Ῥωμαία — Μωραία, la Mourée, l'Amorea [24]).

---

[22]) Ср. мѣстность Майне въ Bocca di Cattaro и сербское собственное имя Маньјак, Маньекъ (Даничичъ Рјечник).

[23]) По Конст. Багрян. гарнизоны крѣпостей назывались τζάκωνες; неаполитанская грамота 1302 года называетъ греческихъ наемниковъ въ Эпирѣ zaconnos и stratiotas. Hopf (85. 354). По старо-сербски обязанность охраненія замковъ называется цаконство. Грамота 1348 года, Šafařik, Památky, 2 изд. 100. 120: градозиданіе и цаконьство по градовѣхъ; ср. Miklosich, Mon. serb. 132. Григоровичъ Очеркъ 49: градозиданія ни [illegible]. Что этотъ терминъ былъ сначала названіемъ народа, свидѣтельствуетъ изъ старо-болгарскаго памятника, гдѣ между Грекомъ и Хорватомъ упоминается «Цаконъ». (Šafařik II, 733).

[24]) О Славянахъ въ Морея ср. Hopf, l. c. LXXXV p. 264. 273; LXXXVI p. 74, 161, 184.

ГЛАВА V.

Пришествіе Болгаръ.

Переселеніе уральскихъ Болгаръ и основаніе могущественнаго государства въ Мизіи въ 679 году. — Нравы, обычаи, языкъ, политическое и военное устройство коренныхъ Болгаръ. — Ихъ народность. — Отношеніе переселившихся къ славянскимъ старожиламъ и слитіе ихъ съ послѣдними.

За исключеніемъ укрѣпленныхъ приморскихъ городовъ и ихъ окрестностей, гдѣ Греки удержались подъ покровительствомъ Византійцевъ, и недоступныхъ горныхъ областей, въ которыхъ по прежнему обитали свободные Албанцы и Румыны, весь полуостровъ былъ заселенъ Славянами. Отъ мыса Матапана до далматинскихъ гаваней и до устьевъ Дуная не было области безъ славянскихъ поселеній. Не смотря однако на ихъ многочисленность и опытность въ военномъ дѣлѣ, имъ не удавалось соединиться въ одно политическое цѣлое. Временами только общая опасность связывала ихъ; обыкновенно же разъединенныя, сосѣдственныя области боролись поперемѣнно между собою. Вотъ почему Византійцы могли подчинить себѣ мало по малу большую часть славянскихъ племенъ, въ особенности въ прибрежныхъ странахъ и въ Элладѣ. Мы уже упоминали о неславянскомъ племени *Болгаръ*, которые въ VI столѣтіи неоднократно предпринимали хищническіе набѣги изъ за Дуная на другую сторону рѣки. Они то именно, покорив-

ши въ 679 году разъединенныя славянскія племена, основали частью силою оружія, частью мирными союзами, мало по малу могущественное государство, которое, хотя и съ промежутками, въ теченіи болѣе семи столѣтій имѣло столь сильное вліяніе на судьбы полуострова.

О первобытной исторіи Болгаръ, до ихъ прибытія на полуостровъ, до насъ дошли два разсказа, одинъ туземный, другой греческій. Туземный разсказъ, недавно открытый, настолько же интересенъ, насколько и неясенъ. Текстъ его, хотя и славянскій, но перемѣшанъ необъясненными до нынѣ словами изъ совершенно забытаго языка коренныхъ, неславянскихъ Болгаръ. Онъ содержитъ въ себѣ списокъ болгарскихъ князей отъ первобытнаго времени до 765 года. Кажется, онъ первоначально былъ начертанъ греческими буквами, а затѣмъ уже включенъ въ славянскія лѣтописи [1].

[1] А. Поповъ, Обзоръ хронографовъ русской редакціи. Москва 1866. I. 25. Гильфердингъ. Собраніе сочиненій I. 20. Неславянскія слова въ слѣдующемъ оттискѣ мы означаемъ курсивомъ.

«*Авитохолъ* жить лѣтъ т҃. родъ емоу *доуло*. а лѣтъ ему *диломъ твиремъ*. *Ирникъ* жыть лѣтъ ри҃ и и҃ лѣ родъ емоу *доуло*. а лѣтъ емоу *диломъ твиремъ*. *Гостунъ* намѣстникъ сыи. в҃ лѣ родъ емоу *ерми*. а лѣ емоу *дохсъ твиремъ*. *Курть* ѯ҃ лѣ дрьжа родъ емоу *доуло*. а лѣ емоу *шегоръ вечемь*. *Безмеръ* г҃ лѣ. а родъ емоу дуло. а лѣ емоу шегоръ вѣчемь. сии е кънязь дрьжаше княжение обону страну Доунаю. а ф҃. и е҃. остриженами главами. И потомъ прiиде на страноу Дунаю. *Исперих* князь тожде и доселѣ. *Есперерих* князь ѯ҃а. одино лѣто. родъ емоу *доуло*. а лѣть емоу *верениалемъ*. *Тервель* ка҃ лѣ. родъ емоу *доуло*. а лѣ ему *текоучитемъ твиремь*. ки҃ лѣ. родъ емоу *доуло*. а лѣ емоу *двашехтемь*. *Севаръ* е҃ лѣ родъ емоу *доуло*. а лѣ емоу *тохалтомъ*. *Кормисошь* з҃і лѣ родъ емоу *вокиль*. а лѣ емоу *шегоръ твиримь*. сиже князь измѣни родъ *доуловъ* рекше *вихтунь ви нехъ*. з҃ лѣ. а родъ емоу *оукиль* ему имаше *горалемь*. *Телець* г҃ лѣ родъ емоу *оугаинъ*. а лѣ емоу *соморъ алтемъ*. и сии иного ради *оу норъ*. м҃ ініи. родъ емоу *оукиль*. а ему *диломь тоутомъ*». Гильфер

Греческій разсказъ находится въ хроникѣ константинопольскаго патріарха Никифора († 815 г.). Оба разсказа во многомъ расходятся.

Отрывокъ туземнаго преданія начинается царствованіемъ двухъ князей, достигшихъ будто бы старости библейскихъ лицъ, такъ какъ царствованіе одного продолжалось 300 лѣтъ, а другаго 150, *Авитохолу* и *Ирнику*, происходившимъ изъ династіи Дуло, наслѣдовалъ узурпаторъ изъ колѣна *Ерми*, носившій славянское имя *Гостунъ* и царствовавшій не болѣе двухъ лѣтъ. Затѣмъ снова царствовали два Дулоны, *Куртъ* 60 лѣтъ и *Безмѣръ* три года; послѣ чего народъ переселился на югъ чрезъ Дунай. Итакъ въ теченіи 515 лѣтъ къ сѣверу отъ Дуная царствовали только 5 князей (164 — 679 г. по Р. Х.). Куртъ извѣстенъ также византійскимъ хронографамъ, у которыхъ онъ называется *Кувратъ* или *Кроватъ*. Онъ свергнулъ иго Аваровъ и заключилъ дружественный союзъ съ императоромъ Иракліемъ (ок. 634 — 641 г.). О сыновьяхъ Куврата подробно говоритъ Никифоръ. По его словамъ, Болгаре, по смерти Куврата, во времена Константина IV (668—685), раздѣлились на пять ордъ подъ пятью сыновьями умершаго князя. Первая орда старшаго сына *Батбая* осталась въ коренныхъ жилищахъ въ прибрежьи Азовскаго моря и при рѣкѣ Кубани; вторая подъ начальствомъ *Котрага* перешла будто бы чрезъ Донъ; третья поселилась въ аварской Панноніи; четвертая проникла до Италіи, а пятая, предводительствуемая *Аспарухомъ*, утвердилась въ Бессарабіи. Позднѣйшіе Византійцы списывали разсказъ Никифора, считавшійся доселѣ достовѣрнымъ. Въ немъ однако лежитъ значительный

дингъ пытался напрасно объяснить эти слова съ помощью мадьярскаго языка. Слова эти, по мнѣнію казанскихъ оріенталистовъ, скорѣе могутъ быть объяснены съ помощью чувашскаго языка, о чемъ мнѣ, къ сожалѣнію, ничего болѣе неизвѣстно.

анахронизмъ. Раздѣленіе болгарскихъ ордъ было гораздо ранѣе VII столѣтія. Вѣдь существуютъ ясныя свидѣтельства, что Болгаре гораздо раньше кочевали въ земляхъ, прилежащихъ къ Дунаю.

Готскій историкъ Іорнандъ (552 г.) сообщаетъ, что около половины V столѣтія они помѣщались на сѣверо-западномъ берегу Чернаго моря и были восточными сосѣдями Славянъ, обитавшихъ въ Дакіи. Оттуда они рано предпринимали грабительскіе набѣги въ дунайскій край. Кассіодоръ (468 — 575), министръ остготскаго короля Теодориха (487 — 526), и его современникъ Эннодій, епископъ тицинскій, говорятъ о двухъ побѣдахъ ихъ короля надъ Болгарами, народомъ многочисленнымъ и считавшимся непобѣдимымъ. Первое изъ этихъ сраженій, въ которомъ юный Теодорихъ показалъ свой героизмъ, послѣдовало еще до перехода Остготовъ изъ Паннонiи въ Италiю (487 г.), а быть можетъ послѣ того, когда, по греческимъ извѣстiямъ, Болгаре были призваны на помощь противъ Готовъ императоромъ Зенономъ (482 г.). Во второмъ сраженiи, случившемся гдѣ-то около Сирмiи, при восточной границѣ готскаго царства, король, вслѣдствiе старческой слабости, не могъ уже лично участвовать (507 г.). Между тѣмъ Болгаре часто вторгались на полуостровъ и грабили въ особенности Ѳракiю (499, 502 гг.). Впослѣдствiи они должны были подчиниться верховной власти Аваровъ [2]).

Около половины VII столѣтія болгарскимъ княземъ дунайской орды былъ *Исперихъ*, называемый Греками *Аспарухомъ*. Жилища этой орды по старо-славянски назывались ѫглъ, а у Грековъ *Онглосъ* назывался край въ углу между Днѣстромъ, Дунаемъ и Понтомъ, недавно еще именовавшій-

[2]) Дриновъ. Заселеніе 91 и его статья «Угри-ли сме» въ Період. Списаніи Болгарскаго Общества въ Браилѣ V и VI. 223

ся татарскимъ названіемъ *Буджакъ*, которое также значитъ уголъ. Впослѣдствіи тамъ жили славянскіе *Уличи*.

Изъ этихъ жилищъ начались набѣги Болгаръ, чрезъ Дунай въ Мизію и даже, чрезъ Гемъ во Ѳракію. Для наказанія безпокойныхъ сосѣдей, императоръ Константинъ Погонатъ предпринялъ противъ нихъ въ 679 году походъ сухимъ путемъ и моремъ, по направленію къ устьямъ Дуная, но результатъ этой экспедиціи не оправдалъ его надеждъ. Походъ этотъ не удался, а Болгаре, убѣдившись въ безсиліи Византійцевъ, въ тотъ же годъ переселились на правый берегъ Дуная. Исперихъ съ своими полчищами быстро проникъ до Варны. Мизійскія нивы, окруженныя впереди крутымъ и непроходимымъ Гемомъ, въ тылу широкимъ Дунаемъ, на востокѣ бурными волнами Чернаго моря, были весьма пригодны для поселенія. Греки и не думали о дальнѣйшемъ сопротивленіи, для котораго также не доставало силы у дунайскихъ Славянъ. Прежде всего Болгаре вытѣснили племя Сѣверанъ изъ мѣстности предъ Берегавскимъ проходомъ въ Балканахъ далѣе къ востоку и расположили здѣсь свою главную квартиру: Прѣславъ, нынѣ Эски-Стамбулъ у Шумена, сталъ столицей ихъ князей. Прочія семь славянскихъ племенъ также должны были покориться болгарскимъ завоевателямъ [3]). Вѣроятнѣе всего, Славяне были довольны этой перемѣной, освободившей ихъ отъ ненавистнаго византійскаго владычества. Предѣлы новаго болгарскаго государства простирались сначала отъ Варны только до прежней границы между римскими діэцезами Ѳракіей и Иллирика: къ западу отъ Осмы до границы аварской земли болгарское владычество долго было только номинальнымъ: еще въ 818 г. Славяне на Тимокѣ были

[3]) Nicephorus patr. 40. Theophanes 1. 549. Šafařik II. 172 и слѣд. Дриновъ, Заселеніе 152, Происхожданье 41 и слѣд.

независимы, а Сербия до 809 г. принадлежала Византійцамъ. Съ конца VIII столѣтія и въ особенности съ введеніемъ христіанства болгарское государство быстро возросло болѣе мирнымъ присоединеніемъ славянскаго запада. Славянскія племена, сохранившія свои древнія княжескія фамиліи — боляровъ, воеводъ и князей, мало по малу слились подъ новымъ господствомъ въ одинъ народъ, принявшій названіе своихъ владѣтелей — Болгаръ, сохранившееся по нынѣ. Господствующій народъ, сильный мужествомъ, но слабый числомъ, вскорѣ отказался отъ кочующей жизни и, сдѣлавшись осѣдлымъ, совершенно смѣшался съ своими славянскими подданными: по истеченіи нѣсколькихъ столѣтій уже не было болѣе двухъ народовъ, говорящихъ на различныхъ языкахъ, но были *только* Болгаре, изъясняющіеся на славянскомъ языкѣ.

Какова же была судьба прочихъ четырехъ болгарскихъ ордъ? Одна изъ нихъ, а именно сильнѣйшая, обитала позже на верхней Волгѣ и Камѣ, гдѣ образовала могущественное государство *Великой Болгаріи* съ столицею Болгары. Исторія *Волжскихъ Болгаръ* не имѣетъ ничего общаго съ судьбами ихъ придунайскихъ родичей. О нихъ можно найти много извѣстій у друзей ихъ, Арабовъ, и у закоренѣлыхъ враговъ ихъ, Русскихъ. Въ 922 году они приняли исламъ. Языкъ ихъ, по арабскимъ извѣстіямъ, былъ хазарскій съ тюркскими элементами; Хазары же принадлежали къ угорской вѣтви финскаго племени [1]). Послѣ страшной борьбы могущество ихъ было уничтожено Татарами въ XIII столѣтіи. Полагаютъ, что Чуваши, около Казани, остатки волжскихъ Болгаръ.

Другая болгарская орда жила въ Венгріи у Аваровъ. Поссорившись съ ними, она, въ числѣ 9.000 мужчинъ съ

[1]) Roesler. Rom. Stud. 239—251.

семействами, перешла къ Франкамъ, но почти вся была измѣннически истреблена послѣдними. Оставшіеся бѣжали въ Италію: здѣсь лангобардскій король Гримоальдъ уступилъ имъ жилища въ области Молизской, близъ Бояна и Изерніи. Еще во времена Павла Діакона († ок. 800 г.) болгарскій языкъ былъ тамъ въ употребленіи, хотя всѣ понимали итальянскій языкъ [5]).

О нравахъ и бытѣ древнихъ Болгаръ сохранилось много извѣстій, частью у Византійцевъ и частью у Арабовъ, въ особенности же въ вопросахъ, предложенныхъ Болгарами папѣ Николаю I, когда они имѣли намѣреніе принять христіанство [6]).

Въ Мизіи Болгаре занимали вѣроятнѣе всего нынѣшнюю Добруджу и прибрежье Понта. Оттуда они, тотчасъ по прибытіи своемъ, вытѣснили славянскихъ Сѣверанъ. До X столѣтія центръ болгарскаго царства былъ въ долинѣ Камчіи и равнинахъ Добруджи: въ Прѣславѣ на Большой Камчіи была резиденція, въ Дерстрѣ (Силистріи) государственная крѣпость. Въ этихъ мѣстахъ и нынѣ преобладаютъ поселенія господствующаго османскаго племени.

Всѣ походы Византійцевъ противъ Болгаръ въ VIII и IX столѣтіяхъ были направлены не къ западу, чрезъ Филиппополь въ Софію или въ окрестности Трнова, но къ устьямъ Дуная и въ окрестности Варны.

Древніе Болгаре имѣли если не много, то покрайней

---

[5]) Paulus Diaconus V. 29. Roesler 235. Дриновъ. Происхожданье 64.

[6]) Nicolai pontif. responsa ad consulta Bulgarorum in Labbei et Cossartii Sacrosancta concilia. Par. 1671. VIII. 516—540. Ср. Roesler. Rom. Stud. 240, гдѣ говорится довольно пространно о дунайскихъ и волжскихъ Болгарахъ. Арабскія извѣстія о *Бержанія* у Эль-Гарами (ок. 845 г.) ed. Barbier de Maynard. Le livre des routes d'Ibn'Khordad-begh. Paris 1865. 224 и у Масуди († 956 г.), изд. Kremer'омъ въ Sitzb. d. Wien. Akad. 1850. 216; прекрасную оцѣнку этого труда см. у Котляревскаго. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. Москва 1868. Прибавленіе 06 и слѣд.

мѣрѣ двѣ жены. Приданымъ невѣсты служило золото, серебро, рогатый скотъ, лошади и пр. Князья имѣли обыкновеніе возить съ собою свой гаремъ. Касательно одежды передаютъ намъ, что мужчины и женщины носили широкіе брюки и что женщины, подобно магометанкамъ, закрывали лицо. Мужчины брили гладко волосы на головѣ и по восточному обычаю надѣвали турбанъ (ligatura lintei, quam in capite gestatis), который они не снимали даже въ храмахъ. По Свидасу Болгаре одѣвались по аварски.

Пища была преимущественно мясная. Однако питались мясомъ только тѣхъ животныхъ, которыхъ считали чистыми и при убіеніи которыхъ была пролита кровь. Когда хотѣли принять христіанство, то всегда любопытствовали знать число постныхъ дней.

Если кто заболѣвалъ, то его лечили суевѣрными средствами. Больному кругомъ шеи завязывали ленты и давали вмѣсто лекарства каменки, которымъ приписывали цѣлебныя силы. По разсказамъ Арабовъ, трупы знатныхъ или сожигались вмѣстѣ съ ихъ приближенными, или же хоронились въ могилѣ, въ которую заключали также ихъ служителей и женъ, которые тамъ задыхались [7].

Судопроизводство ихъ было варварское. Если обличенный въ кражѣ или грабежѣ не сознавался добровольно въ поступкѣ, въ которомъ онъ былъ обвиняемъ, то судья билъ его по головѣ дубиною, или кололъ его желѣзными наконечниками въ бедра, пока онъ не сознавался. Кража скота и рабовъ жестоко наказывалась. Смертная казнь была не рѣдкостью. Благородные, участвовавшіе въ возстаніи, лишались жизни, а имущества ихъ, дѣти и родственники также истреблялись.

Придворный этикетъ имѣлъ азіатскій характеръ: князь

---

[7] Котляревскій op. cit. 59—62

обѣдалъ за особеннымъ столомъ, даже супруга его не могла сидѣть съ нимъ рядомъ. Придворные обѣдали въ извѣстномъ разстояніи вокругъ князя, сидя на стульяхъ или скорчившись на полу. Человѣческіе черепы служили бокалами. Лѣвая сторона была почетная. При заключеніи договоровъ присягали надъ обнаженнымъ мечемъ, причемъ разрубали собакъ.

Древніе Болгаре вели воинственную жизнь и вообще были суровымъ народомъ. Границы ихъ государства остерегались многими караульными и никто, будь онъ свободный или рабъ, не смѣлъ выселиться изъ страны. Если кому нибудь удавалось прокрасться, то пограничные стражники предавались смерти. По арабскимъ извѣстіямъ вся страна была окружена тернистыми засѣками съ деревянными окнами. Въ частныхъ деревняхъ заборовъ не было. Знаменемъ служилъ конскій хвостъ, на подобіе турецкаго бунчука. Были дни, когда запрещалось сражаться: въ извѣстные неблагопріятные дни слѣдовало избѣгать битвы. До вступленія въ сраженіе, начальники поручали важнѣйшимъ и умнѣйшимъ воинамъ осматривать оружіе и лошадей. Бѣда тому, у котораго не находили все въ исправности; онъ тотчасъ былъ наказываемъ смертью. До начала борьбы занимались чародѣйствомъ, играми, пѣснями и предсказаніями (incantationes et joca et carmina et nonnulla auguria). Бѣжавшій изъ сраженія былъ варварски наказываемъ; подобному же наказанію подвергался и тотъ, кто не хотѣлъ слушаться начальника.

По разсказу Араба Масуди († 956 г.) у древнихъ Болгаръ не было ни золотыхъ, ни серебряныхъ монетъ: все уплачивалось скотомъ и овцами. Въ мирное время они продавали Грекамъ славянскихъ мальчиковъ и дѣвушекъ въ рабство въ Константинополь.

Древне-болгарское государство было аристократическаго

устройства. Князь назывался *ханомъ*. Послѣ князя высшую власть имѣлъ совѣтъ шести знатныхъ, называемыхъ βοϊλάδες. Βοϊλάδες: отъ этого слова нѣкоторые производятъ славянское — *боляринъ*, *болѣринъ*, слово находящееся въ употребленіи только у однихъ Русскихъ и у Болгаръ, отъ которыхъ перешло къ Румынамъ и Албанцамъ. Согласно съ придворнымъ этикетомъ, византійскій посолъ при болгарскомъ дворѣ прежде всего справлялся о здоровіи князя, его жены и дѣтей; затѣмъ о здоровіи *Буліасъ Тархана* (мадьярское tár — казна) и *Копартикина*, равно какъ и *шести великихъ болярь*; далѣе о здоровіи другихъ болярь, внутреннихъ и внѣшнихъ, т. е. живущихъ при дворѣ и въ странѣ, и наконецъ о здоровіи всего рода. Изъ дворянскихъ родовъ въ приведенномъ туземномъ отрывкѣ упомянуты фамиліи: Ерми, Угайнъ, Укилъ или Вокилъ и княжескій родъ *Дуло*. Многія дворянскія имена оканчивается на *булъ*: отъ этого производятъ старо-слав. *былъ* (боляръ).

Таковы были нравы и обычаи Болгаръ, когда они подъ начальствомъ Исперваха поселились въ Мизіи въ 679 году. Различіе существующее между этимъ народомъ и древними Славянами, жившими на полуостровѣ въ V и VI столѣтіяхъ, какъ ихъ описываютъ Прокопій и Маврикій, а также различіе между образомъ жизни Болгаръ Исперваха и Славянъ, которые теперь называются Болгарами, позволяетъ усомниться въ томъ, что Болгаре Исперваха были Славянами.

Напрасно пытались бы мы отыскать славянскіе звуки въ вышеприведенномъ спискѣ именъ князей. Только въ азіатскихъ языкахъ можно найти аналогію съ древне-болгарскими личными именами, какъ: Куртъ, Батбай, Котрагъ, Церигъ, Тербелъ, Телецъ, Цигатъ, Баянъ, Умаръ, Кардамъ, Крумъ, Омортагъ, Сурсувулъ, Алобоготуръ, Токтусъ и пр. и пр. Пытались иногда ихъ сравнить съ славянскими име-

нами, но это дѣлали безъ ученаго пониманія, а потому совершенно неудачно.

Ученіе Магомета начало также вкореняться у дунайскихъ Болгаръ. Волжскіе Болгаре были обращены въ исламъ Арабами. Магометанскіе миссіонеры появлялись также въ дунайскихъ странахъ. Въ грамотѣ папы Николая (866 г.) упоминается о сарацинскихъ книгахъ у Болгаръ (libri profani, quos a Saracenis vos abstulisse ac apud vos habere perhibetis): папа велѣлъ ихъ сжечь. О болгарскихъ магометанахъ говорится также въ болгарскомъ номоканонѣ XIII столѣтія [8]). Въ византійскихъ историческихъ источникахъ Славяне являются отличнымъ отъ Болгаръ народомъ. Въ житіи св. Димитрія Солуньскаго (VIII стол.) читаемъ, что между совѣтниками болгарскаго князя были мужи, владѣвшіе языками: *греческимъ, болгарскимъ* и *славянскимъ*. У анналистовъ VIII столѣтія ясно отличаются славянскіе отряды отъ болгарскихъ при Тербелѣ, Крумѣ и другихъ князьяхъ.

Русскій лѣтописецъ Несторъ также не причисляетъ Болгаръ къ Славянамъ, но ставитъ ихъ въ рядъ съ Хазарами, Мадьярами и Обрами. Онъ говоритъ: „Словѣньску же языку.... живущю на Дунаи, придоша отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ, рекоми и Болгаре, сѣдоша по Дунаеви, насилници Словѣномъ быша“ [9]).

По нынѣ мало еще извѣстно объ отношеніяхъ славянскихъ старожиловъ Мизіи къ своимъ болгарскимъ господамъ. Кажется впрочемъ, что болгарскій элементъ мало имѣлъ вліянія на характеръ и нравы славянскаго народа: образованные Славяне скорѣе были учителями варварскихъ пришельцевъ, чѣмъ наоборотъ. Болгарскіе князья жили въ друж-

[8]) Вукъ Караджичъ. Примјери србско-славенског језика 7. Ibid.: „Аще кто въ Блъгарѣхъ бѫдетъ въ Бохмитѣхъ“ и пр.

[9]) Лѣтопись по Лавр. списку. С.-П. 1871. стр. 10.

бѣ съ славянскими старшинами. Государственныя должности были общими. Крумъ пировалъ въ обществѣ славянскихъ бояровъ; въ 812 году одинъ изъ болгарскихъ пословъ имѣлъ славянское имя, Драгомиръ; а около половины IX столѣтія встрѣчаются члены царствующей фамиліи съ славянскими именами. Должно думать, что смѣшеніе малочисленнаго господствующаго народа съ массою покоренныхъ Славянъ послѣдовало довольно быстро.

Кажется, что при покореніи Мизіи большая часть славянскихъ собственниковъ до извѣстной степени превращена была въ крѣпостныхъ. Покрайней мѣрѣ личное, крѣпостное состояніе у Болгаръ древнѣе, чѣмъ у прочихъ Славянъ. Въ проповѣдяхъ болгарскаго епископа Константина, ученика славянскихъ апостоловъ (894), читаемъ: „сице оучими братье по вьсѧ недѣлѧ, аще и не по всѧ дьни за настоящая работы властель оунѣише боудемъ, тъгда бо свѣтьлѣише боудемъ і мьзда больши наложена боудетъ, егда и властельскоу работѫ оутѧжимъ и божию слоужьбоу съвършимъ“ [10].

Много писано полемическихъ статей о народности Болгаръ Исперiха и ихъ отношеніи какъ къ кореннымъ, мизійскимъ Славянамъ, такъ и къ нынѣшнимъ Болгарамъ [11]. Къ концу прошлаго столѣтія были обнародованы двѣ теоріи касательно этихъ вопросовъ. По обѣимъ нынѣшніе Болгаре признаются потомками орды Исперiха. Одни видятъ въ древнихъ и новыхъ Болгарахъ татарскій народъ; другіе же въ обоихъ — народъ славянскій. Нѣмецкіе изслѣдователи Тунманнъ (1774) и Энгель (1796)

[10]) Горскій и Невоструевъ. Описаніе рукописей Моск. синодальной биб. II. 2. 227. Ягичъ въ Starine jugoslav. Akad. V. 34.

[11]) Различныя теоріи о происхожденіи Болгаръ удачнѣе всего сопоставлены Дриновымъ въ сочиненіи Погледъ врьхъ происхожданье-то на българскій народъ и начало-то на българск. исторія. Віена 1869. 8° и слѣд. р. Časopis Čes. Musea 1871. 87

доказывали, что дружина Исперих была по происхожденію татарская и поэтому считали нынѣшній болгарскій народъ за ославянившихся Татаръ, не имѣя, разумѣется, точныхъ свѣдѣній о его характерѣ и языкѣ. Сербъ Раичъ (1794) и Русскій Венелинъ (1829) слѣдовали по противуположному пути. Узнавъ, по собственному опыту, что нынѣшніе Болгаре славянскій народъ, они объявили, что предки ихъ, Болгаре временъ Исперих, не могли не быть также Славянами [12].

Но дѣло въ томъ, что между древними и нынѣшними Болгарами нѣтъ никакой *родственной связи*. Этотъ запутанный вопросъ былъ рѣшенъ Шафарикомъ въ его сочиненіи „Slovanské Starožitnosti“ (1837).

По его взгляду коренные Болгаре, т. е. орда занявшая Мизію подъ предводительствомъ Исперих въ 679 г., равно какъ и родственная ей орда при Камѣ и Волгѣ, принадлежала къ уральскому, т. е. чудскому или финскому племени, слѣдовательно близка по родству Вотякамъ, Черемисамъ и Зырянамъ [13]. „Предводители“, пишетъ Шафарикъ, „немногочисленныхъ, но храбрыхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ полчищъ напали на земли миролюбивыхъ, занимавшихся земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ Славянъ, подчинили ихъ верховной своей власти и, поселив-

[12]) Обѣ партіи забыли очень важное обстоятельство. Болгаре Исперих и его преемники занимали не болѣе четверти того пространства, которое нынѣ занято говорящимъ по славянски болгарскимъ народомъ. Только по прошествіи двухъ столѣтій господство ихъ распространилось по ту сторону Балкановъ во Ѳракіи и Македоніи, которыя въ 679 г. были уже давно ославянены. Уже поэтому невозможно считать Болгаръ занимавшихъ въ 679 году Мизію предками всего нынѣшняго болгарскаго народа.

[13]) Šafařík, Sebrané spisy II, 176. Куникъ, Тохтамышъ и Фирковичъ (С.-Б. 1876) 39, считаетъ доказаннымъ, что болгарскіе ханы, перешедшіе въ VII вѣкѣ Дунай и покорившіе въ Мизіи семь славянскихъ племенъ, были *тюркскаго* происхожденія.

шись посреди ихъ и вкусивъ разъ удобствъ благоустроеннаго образа жизни, въ короткое время до такой степени сблизились съ новыми своими подданными, что переняли подъ конецъ ихъ языкъ, ихъ нравы и образъ жизни и приняли даже вмѣстѣ съ ними христіанскую вѣру, причемъ однако совершенно утратили свою народность, превратившись изъ уральскихъ Финновъ въ забалканскихъ Славянъ". Это воззрѣніе было принято почти всѣми уважаемыми славянскими и неславянскими учеными [14]). У нынѣшнихъ Болгаръ при обсужденіи этого вопроса обыкновенно преобладали недостатокъ научной критики, или превратное понятіе о народной чести. Большинство придерживается мнѣнія Венелина. Только въ новѣйшее время ученіе Шафарика нашло усерднаго защитника въ Дриновѣ. Оно и намъ кажется вѣрнымъ и исторически основательнымъ.

Итакъ предками нынѣшнихъ Болгаръ были не горсть Болгаръ Испериха, овладѣвшихъ въ 679 году частью придунайской Мизіи, но Славяне, которые гораздо раньше поселились какъ въ Мизіи, такъ и во Ѳракіи, Македоніи, Эпирѣ и даже почти на всемъ полуостровѣ. Кровь финскихъ Болгаръ, которая текла преимущественно въ жилахъ дворянскихъ родовъ, въ собственно болгарской странѣ — между Дунаемъ и Балканами, кажется съ давнихъ поръ улетучилась.

Для смѣшенія господствующаго народа съ подчиненнымъ достаточно было періода въ 250 лѣтъ. Господствующій народъ, финскіе Болгаре, соединивши всѣ славянскія племена въ одно могущественное государство, хотя и переняль ихъ языкъ и нравы, но передалъ свое названіе подчиненнымъ славянскимъ областямъ.

[14]) Разсужденіе русскаго историка Иловайскаго о славизмѣ древнихъ Болгаръ (1874) до сихъ поръ не случилось намъ видѣть.

Покоренный народъ. *Словѣне*, какъ они себя называли, хотя и поглотилъ господствующій, иноязычный родъ, но зато лишился своего древняго имени. Итакъ всѣ обитатели одного и того же государства означались названіемъ исчезнувшаго, господствовавшаго народа—Блъгаре, Βούλγαροι [15]). Старо-болгарскій финнскій языкъ не имѣлъ вліянія на славянскій. Что насъ только поражаетъ въ ново-болгарскомъ нарѣчіи, происхожденія какъ было показано ѳрако-иллирійскаго, это то, что финнскіе элементы не существуютъ въ языкѣ Славянъ, живущихъ при Гемѣ, Родопѣ и Шарѣ.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ въ Болгаріи этнографическое явленіе, которое повторилось въ русскомъ государствѣ около двухсотъ лѣтъ спустя. Здѣсь небольшая дружина Варяговъ сообщила разъединеннымъ племенамъ твердое политическое устройство и дала національное имя, послѣ чего сама ославянилась. Въ подобномъ же отношеніи находились германскіе Франки и Лонгобарды къ Романамъ въ Галліи и нынѣшней Ломбардіи. И къ чему искать такъ далеко аналогіи. Ближайшіе сосѣди Болгаръ предали забвенію свое славное нѣкогда имя Ἕλληνες и съ давнихъ поръ называются по имени своихъ владѣтелей—Ρωμαῖοι, хотя римская кровь не была примѣшена къ древне-эллинской. Названіе же государства всегда сильнѣе имени народа.

---

[15]) Въ средніе вѣка писали обыкновенно Блъгаринъ. Нынѣ произносятъ такъ только во Ѳракіи; въ другихъ же мѣстностяхъ и на письменномъ языкѣ народное имя - Българинъ, откуда латинское Bulgarus, греческ. Βούλγαρος, русск. Болгаринъ.

Глава VI.

Крумъ и Омортагъ.

Исторія Болгаръ отъ переселенія въ Мизію до принятія ими христіанства (679—864). — Дулоиды. — Войны Константина V Копронима. — Ханы Крумъ и Омортагъ. — Борьба съ Греками и Франками. — Надпись Омортага. — Расширеніе могущества Болгаръ отъ Константинополя до Тисы.

Утвержденіе орды Исперихa въ области между Дунаемъ и Гемомъ произвело рѣзкую перемѣну въ отношеніяхъ всего полуострова. Къ врагамъ Римской имперіи прибавился противникъ тѣмъ болѣе опасный, что находился очень близко. Мизія была потеряна невозвратно. Для спасенія Ѳракіи императоръ договоромъ съ Болгарами обязался платить дань и отказался отъ своихъ притязаній на Мизію. Зато Ѳракія, вслѣдствіе угрожавшей ей опасности, была возведена въ провинцію (thema) и получила особое, военное управленіе [1].

До сихъ поръ исторія болгарскаго народа отъ переселенія въ Мизію до принятія христіанства представляетъ длинный рядъ кровавыхъ походовъ, еще не изслѣдованныхъ всесторонне. Изъ туземныхъ извѣстій нѣтъ ничего, кромѣ ча-

[1]) Constantinus Porph. de them. l. II cap. 1. Tafel, Const. Porph. de prov. p. XXIII b.

сто упоминаемаго списка князей и надписей: все, что мы знаемъ объ этомъ времени, основано на свидѣтельствѣ Византійцевъ и Франковъ.

Въ VIII столѣтіи полуостровъ состоялъ изъ трехъ частей. Здѣсь были: *Романія* (такъ называлось римское государство у Славянъ и Латинцевъ) во Өракіи и въ македонскихъ, өессалійскихъ, ахэйскихъ, эпирскихъ и далматинскихъ побережьяхъ; ***Болгарія*** между Гемомъ и нижнимъ Дунаемъ и ***Славинія*** отъ Гема до Пелопоннеза и Адріатическаго моря, состоявшая изъ множества меньшихъ княжествъ Тимочанъ, Мораванъ, Брсяковъ, Смолѣновъ, Драговичей, Сагудатовъ, Велигостичей и т. д. Исторія этого времени состоитъ въ томъ, что тогда какъ Романія отъ постоянныхъ войнъ ослабѣвала, Болгарія присоединеніемъ славянскихъ княжествъ постепенно расширялась, пока наконецъ при Симеонѣ (888—927) уже всѣ большія княжества Славиніи находились въ предѣлахъ болгарскаго государства.

Исперихъ (у Грековъ Аспарухъ), основатель болгарскаго государства, княжилъ, по свѣдѣніямъ изъ списка князей, всего 61 годъ (приблизительно отъ 640—700). Императоръ Юстиніанъ II Ринотметъ, послѣдній изъ династіи Праклія, отказался отъ платежа дани: тогда раздраженный Исперихъ выступилъ въ походъ противъ Грековъ, но потерпѣлъ пораженіе. Зато Болгаре напали на императора, когда онъ возвращался изъ экспедиціи въ македонскую „Славинію“, такъ что онъ только съ трудомъ спасся (687 г.). Преемникъ Исперихa, *Тервелъ* (Τέρβελις, 700—720) сталъ главною опорою Юстиніана II. Когда послѣдній былъ низверженъ и сосланъ въ Крымъ, то онъ спасся оттуда на лодкѣ и прибылъ къ устьямъ Дуная, гдѣ былъ радушно принятъ владѣтелемъ Болгаръ. Съ помощью Тервела Юстиніанъ снова утвердился въ Константинополѣ и наградилъ

своего союзника великолѣпными дарами и далъ ему для отличія титулъ цезаря (705). Вскорѣ неблагодарный Юстиніанъ II нарушилъ союзъ и миръ и объявилъ войну Болгарамъ. но былъ ими разбитъ при Анхіалѣ на морскомъ берегу (707).

При слѣдующихъ трехъ императорахъ, въ теченіи шести лѣтъ поочереди вступавшихъ на престолъ, чтобы снова скоро быть низверженными, Византійцы попеременно воевали или жили въ мирѣ съ Тервеломъ, пока ок. 714 года не состоялся новый договоръ, обезпечившій взаимныя торговыя сношенія. Когда же въ 717 году Арабы осадили Константинополь, то Болгаре, напавши на осаждающихъ, помогли Грекамъ и тѣмъ спасли обложенный городъ. Въ 719 году Тервелъ опять хотѣлъ навязать Византійцамъ изгнаннаго императора, но планы его были разрушены энергичнымъ Львомъ Исаврійскимъ, родоначальникомъ новой династіи.

Послѣ двухъ князей [2]), о которыхъ не знаемъ ничего важнаго, является *Кормисошъ* (Κορμέσιος, 753—760 [3]), похитившій престолъ послѣ паденія древняго княжескаго дома *Дуло*; онъ былъ родомъ изъ фамиліи *Укилъ*. Слѣдствіемъ его узурпаціи были страшныя междоусобія, приводившія юное болгарское государство на край погибели.

Незадолго предъ тѣмъ въ Константинополѣ воцарился иконоборецъ *Константинъ* V (741—775), прозванный Копронимомъ преслѣдуемыми имъ монахами; государь энергичный, который всю свою жизнь свирѣпствовалъ противъ

---

[2]) Одинъ Дулонъ неизвѣстнаго имени 720—748 и Севаръ 748—753 по списку князей. Византійцы же въ продолженіи 36 лѣтъ ничего не говорятъ о Болгаріи.

[3]) По моему мнѣнію въ спискѣ князей должно стоять 7 вмѣсто 17 лѣтъ царствованія (з вмѣсто зі). Это мѣсто, въ сравненіи съ византійскими источниками, очень запутано.

иконъ и монаховъ; съ Болгарами онъ боролся съ упорствомъ: предпринималъ восемь походовъ, не довольствовался ослабленіемъ сосѣда, но намѣревался его покорить окончательно. Для достиженія этой цѣли онъ прежде всего основалъ новыя крѣпости въ опустошенной Θракіи, помѣстивъ въ нихъ затѣмъ сирійскихъ и армянскихъ колонистовъ. Этимъ онъ подалъ поводъ къ войнѣ Кормисошу, который напалъ на римскія владѣнія и разграбилъ ихъ до Константинополя. Константинъ выступилъ противъ него съ большимъ войскомъ и флотомъ, разбилъ его при крѣпостцѣ Маркеллы, о чемъ напоминаетъ имя прохода въ Балканахъ Маракъ Богазъ, между Карнобадомъ и Котеломъ, и принудилъ примириться (755). Три года спустя униженные Болгаре въ союзѣ съ славянскими племенами тщетно пытались овладѣть Солунью; послѣ этого императоръ ограбилъ область независимыхъ македонскихъ Славянъ (τὰς κατὰ Μακεδονίαν Σκλαβινίας) и частью покорилъ ихъ. Когда же онъ шелъ вторично противъ Болгаръ, они ему нанесли страшное пораженіе въ ущельяхъ Берегавы (759).

Къ счастію слѣдствія этого сильнаго удара не вскорѣ обнаружились. У Болгаръ возникли большіе безпорядки (760), о причинѣ и характерѣ которыхъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Кормисошъ исчезъ со сцены. Большое число Славянъ (насчитываютъ ихъ 208,000 душъ) оставили тогда Болгарію, переправились по Черному морю въ Азію, гдѣ и поселились съ согласія императора при рѣкѣ Артанѣ въ древней Виѳиніи.

Болгаре истребили всѣхъ членовъ царствующей фамиліи Дуло и провозгласили княземъ гордаго и отважнаго юношу по имени *Телецъ* (Τελέτζης, 760—763) изъ фамиліи *Угаинъ*. Телецъ собралъ войско изъ Славянъ и Болгаръ, проникъ въ византійскія провинціи и въ жаркомъ сраженіи былъ разбитъ на голову императоромъ. Константинъ воз-

вратился съ тріумфомъ въ Константинополь, между тѣмъ какъ военноплѣнные были умерщвлены жестокимъ образомъ гражданами предъ Золотыми вратами. Злосчастный Телецъ со всей своей дворянской партіей погибъ послѣ этого сраженія подъ оружіемъ раздраженныхъ своихъ соотечественниковъ [1]).

Новоизбранный князь *Сабинъ*, зять Кормисоша, тотчасъ вступилъ въ переговоры, но зато былъ низложенъ народнымъ собраніемъ и бѣжалъ въ Константинополь. Тѣмъ не менѣе его преемникъ *Баянъ* отправился туда съ своими болярами для заключенія мира, который дѣйствительно и состоялся (764). Соперникъ Баяна, *Умаръ*, изъ рода *Укилъ*, сподручникъ бѣжавшаго въ Византію Сабина, 40 дней спустя былъ изгнанъ изъ Болгаріи [2]) явнымъ нарушеніемъ договора. Императоръ Константинъ внезапно явился въ долинѣ Тунджи съ намѣреніемъ покорить несогласныхъ Болгаръ, напавши на нихъ въ расплохъ, но по боязни вскорѣ возвратился. Преемникъ Баяна, *Токту*, палъ съ многими болярами въ сраженіи противъ императора, происходившемъ гдѣ-то въ низовьяхъ Дуная. Слѣдствіемъ этого пораженія было то, что большая часть Болгаріи была разграблена и селенія были преданы пламени византійскими войсками (765). Въ слѣдующемъ году блестящая шестая экспедиція Грековъ противъ Болгаръ была разстроена бурею близъ Месемвріи, причемъ почти весь большой флотъ пропалъ. Къ тому же еще тогда начались сильные грабежи македонскихъ и оессалійскихъ Славянъ на Эгейскомъ морѣ, такъ что императору пришлось выкупить изъ плѣна у сла-

[1]) См. извлеченія изъ византійскихъ писателей у Стриттера. Memoriae populorum e script. hist. Byz. T. II (Петербургъ 1774) 552 сл. (Nicephorus, 815 Theophanes 817 и др.) Šafařik II. 183 сл.

[2]) Умаромъ кончается списокъ древне-болгарскихъ князей

вянскихъ князей за 2500 шелковыхъ одеждъ вывезенныхъ жителей острововъ Имброса, Самоѳраки и Тенедоса (768).

Дѣла приняли другой оборотъ, когда въ Болгаріи умный и храбрый *Церигъ*, также названный *Телеригъ*, взялъ въ свои руки бразды правленія. Въ 774 году Константинъ V въ седьмой разъ выступилъ съ войскомъ и флотомъ противъ Болгаръ; но по прибытіи въ Варну онъ однако убѣдился въ невозможности покорить ихъ и заключилъ съ Церигомъ письменный мирный договоръ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Церигъ собралъ войско изъ 12.000 человѣкъ, которому поручено было предпринять, подъ начальствомъ нѣсколькихъ болярь, грабительскій походъ въ независимую Берзитію (страна Брсяковъ въ западной Македоніи, между Вардаромъ и Охридою). Непостоянный въ своей политикѣ императоръ, узнавши чрезъ лазутчиковъ о цѣли вооруженія, поспѣшно собралъ войско подъ предлогомъ похода противъ Арабовъ и внезапнымъ нападеніемъ, вопреки договору, разсѣялъ экспедиціонный болгарскій корпусъ. Зная, что поступилъ вѣроломно, онъ въ слѣдующемъ году (775) снова выступилъ противъ Болгаръ, но походъ этотъ окончился жалкимъ образомъ. Тогда хитрый Церигъ далъ знать императору о своемъ намѣреніи покинуть тайнымъ образомъ государство и бѣжать къ нему, почему и просилъ у него справокъ, какимъ именно лицамъ онъ могъ бы довѣрить этотъ планъ. Императоръ, не подозрѣвая хитрости, сообщилъ ему имена тайныхъ друзей Грековъ между Болгарами. Церигъ велѣлъ не медля схватить ихъ и умертвить. Константинъ до такой степени былъ огорченъ этимъ случаемъ, что рвалъ себѣ волосы и въ томъ же году окончилъ свою безпокойную жизнь.

Церигъ бѣжалъ дѣйствительно въ 777 г. неизвѣстно по какой причинѣ къ императору Льву IV, былъ крещенъ въ Константинополѣ, женился на императорской царевнѣ

и былъ назначенъ патриціемъ. Его преемникъ *Кардамъ* возобновилъ борьбу съ Византійцами. Четыре раза имъ были разбиты въ верхней Өракіи войска малоопытнаго Константина, вмѣсто котораго правила мать, прекрасная Аөинянка Ирина, и принудилъ Грековъ къ ежегодной дани (791—796).

Около 802—807 г. на престолъ вступилъ сильнѣйшій изъ всѣхъ болгарскихъ князей страшный *Крумъ*, неутомимый и непоколебимый воинъ. Когда онъ воцарился, государство его заключало въ себѣ придунайскую Болгарію и Валахію и простиралось такимъ образомъ отъ Гема до трансильванскихъ Карпатъ. Крумъ завоевалъ большую часть восточной Венгріи и византійскія провинціи до Константинополя. Въ Венгріи ослабленное аварское царство послѣ страшной борьбы было покорено Карломъ Великимъ (796). Вся страна ю. Дуная была подвластна Франкамъ, которые оставляли освобожденныхъ Славянъ подъ управленіемъ ихъ туземныхъ князей. Сирмія была названа по нимъ Франкохоріонъ, имя сохранившееся по нынѣ въ названіи хребта Фрушка-гора. Болгаре были восточными сосѣдями Франковъ; къ сѣверу-же земля послѣднихъ граничила съ Велико-моравскимъ царствомъ. Скудные остатки Аваровъ искали убѣжища у торжествовавшихъ Франковъ, спасаясь отъ раздраженныхъ противъ нихъ Славянъ; нѣкоторые отряды вступили въ болгарскую службу.

Въ царствованіе императора Никифора Болгаре являются (809 г.) въ области Стримона и овладѣваютъ послѣ страшной рѣзни Софіею, остававшейся до тѣхъ поръ подъ властью Грековъ. Походъ, предпринятый Никифоромъ, чтобы имъ отомстить, окончился безславнымъ образомъ: огромныя подати были тогда взысканы и войска призваны со всѣхъ сторонъ для новой экспедиціи. Послѣ двухлѣтняго вооруженія Никифоръ снова съ большимъ войскомъ проникъ въ Болгарію, въ теченіи трехъ дней безъ пощады

разграбилъ и сжегъ резиденцію Крума и съ высокомѣріемъ отвергъ всѣ мирныя предложенія его [6].

Ему однако не было суждено возвратиться. Крумъ велѣлъ загородить всѣ проходы Гема засѣками. Вскорѣ Никифоръ, видя себя обманутымъ и окруженнымъ, воскликнулъ: „Нѣтъ намъ надежды избѣгнуть иначе опасности, какъ превратившись въ птицъ". Кровопролитіе началось съ зарею 26 іюля 811 года. Все византійское войско было истреблено: императоръ и многіе знатные Греки пали. Плѣнныхъ не брали. Побѣдившій болгарскій князь велѣлъ надѣть голову несчастнаго Никифора на копье и выставить ее на показъ на нѣсколько дней; затѣмъ велѣлъ оправить черепъ въ серебро, какъ бокалъ, и пилъ изъ него во время пиршествъ за здоровье гостей (σδράβιτζα [7]). Послѣ сраженія Крумъ проникъ во Ѳракію и Македонію, разграбилъ всю страну, а жителей вмѣстѣ съ ихъ епископами увезъ въ плѣнъ: между тѣмъ бунтовавшіеся войска препятствовали императору Михаилу Рангабе дать ему отпоръ. Въ 812 г. Крумъ овладѣлъ осажденными имъ приморскими городами Месемвріею и Девельтомъ съ помощью крещеннаго арабскаго строителя осадныхъ машинъ, бѣжавшаго изъ греческой службы; тамъ же Болгаре захватили богатый запасъ греческаго огня. Когда всѣ мирныя предложенія были от-

[6]) Сербскій патріархъ Арсеній Черноевичъ разсказываетъ въ дневникѣ своего путешествія въ Іерусалимъ въ 1684 году (Гласник 33. 189), что въ старинной церкви въ Эски-Баба (во Ѳракіи) погребенъ блаженный воинъ Николай, который въ походѣ царя Никифора видѣлъ какое-то чудесное видѣніе. Турки покрыли голову трупа чалмой; на гробницѣ висѣли очень большой лукъ и знамя.

[7]) Слав. здравица еще и нынѣ существуетъ въ болгарскомъ и сербскомъ яз. Разсказъ этотъ перешелъ изъ византійскихъ лѣтописей въ славянскія хронографіи: онъ находится, наприм., въ обѣихъ рукописяхъ (древне-серб. XVII ст.) Пражскаго музея, гдѣ слово «здравица» объясняется примѣчаніемъ на полѣ: «приздравица». О чашахъ изъ человѣческихъ череповъ ср. статью Л. Ф. Воеводскаго въ XXV т. Запис. Новоросс. Унив.

вергнуты, императоръ сразился съ Крумомъ 22 іюля 813 года при Версиниціи, близъ Адріанополя, но былъ разбитъ на голову. Левъ Армянинъ похитилъ корону у побѣжденнаго императора. Опьяненный побѣдою Крумъ расположился лагеремъ „какъ новый Сеннахерибъ" предъ Константинополемъ, отъ Влахернъ при Золотомъ рогѣ до Золотыхъ воротъ на морскомъ берегу. Таинственныя церемоніи предшествовали осадѣ. „Крумъ", какъ повѣствуетъ Симеонъ Логоѳетъ, „приносилъ жертвы по своему обычаю, убивая предъ Золотыми вратами людей и рогатый скотъ; омочивъ предварительно ноги на морскомъ берегу и умывшись, онъ окропилъ свой народъ, принимая поздравленія, и шелъ посреди женъ своихъ, между тѣмъ какъ тѣ восхваляли его и покланялись ему. Пока это происходило, жители смотрѣли со стѣнъ и никто не рѣшался помѣшать ему, а тѣмъ болѣе бросать въ него копьемъ" [8]). Убѣдившись вскорѣ въ опасности осады, Крумъ предложилъ миръ подъ условіемъ платежа ежегодной дани, доставленія ему многихъ праздничныхъ одеждъ и извѣстнаго числа красивыхъ дѣвицъ.

При личномъ свиданіи съ императоромъ онъ чуть не былъ измѣннически умерщвленъ. Желая отомстить, онъ опустошилъ ужаснѣйшимъ образомъ всѣ окрестности Константинополя до Геллеспонта; между прочимъ въ Аоирѣ (нынѣ Боюкъ Чекмедже) предъ Константинополемъ былъ уничтоженъ римскій каменный мостъ; братъ Крума, между тѣмъ, взялъ изнуренный голодомъ Адріанополь. Несмѣтное число плѣнныхъ вмѣстѣ съ скотомъ и утварью были вывезены въ задунайскую Болгарію (εἰς Βουλγαρίαν ἐκεῖθεν τοῦ Ἴστρου ποταμοῦ); между ними былъ мальчикъ Василій, сынъ

[8]) Symeon magister et logotheta ed. Bonn. (Theoph. Cont.) 612

славянскаго поселянина, сдѣлавшійся позднѣе императоромъ. Между тѣмъ опасность для Константинополя миновала.

Въ 814 году императоръ Левъ подошелъ къ Месемвріи и въ ночной битвѣ едва не взялъ въ плѣнъ Крума. На полѣ битвы Болгаре еще долго указывали на „холмъ Льва“. Крумъ снова ограбилъ Грековъ при рѣкѣ Эргинѣ и вывелъ оттуда 30.000 плѣнныхъ. Но въ Константинополѣ готовился новый походъ, для котораго Крумъ велѣлъ устроить новыя машины и собралъ войско изъ Болгаръ, Аваровъ и „всѣхъ Славиній“: по 13 апрѣля 815 г. внезапно скончался, подобно Аттилѣ, отъ удара крови.

По одному показанію наслѣдникомъ Крума былъ *Цокъ* (Τζόκος): по другимъ же ему наслѣдовалъ *Дукумъ*, а послѣднему *Диценгъ* [9]).

До 820 года является *Омортагъ* или *Мортагонъ* (у Θеофилакта Омбритагъ, а въ надписи и у Франковъ — Омортагъ).

Отъ всѣхъ плановъ Крума касательно Константинополя онъ отказался и заключилъ съ императоромъ Львомъ перемиріе на 30 лѣтъ, дабы имѣть возможность обратить все свое вниманіе на западъ. Въ 823 году онъ помогъ императору Михаилу II противъ возставшаго полководца Θомы, которому нанесъ пораженіе подъ Константинополемъ. Θома бѣжалъ въ Адріанополь, тамъ былъ выданъ и посаженъ на колъ.

Дружелюбныя отношенія съ Франками въ Панноніи въ первый разъ нарушены были въ 818 году, вслѣдствіе

[9]) Славянскіе прологи и менологіи императора Василія. Е. Голубинскій. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей. Москва 1871. 212 стр. 6. Касательно хронологіи болгарской исторіи IX стол. сравн. Dümmler. Die südöstlichen Marken (Wien 1853) 82

того, что Тимочане, жившіе въ нынѣшней Сербіи, и Бодрицы на Тисѣ перешли къ Франкамъ отъ Болгаръ, къ которымъ они было присоединились какъ и многія другія славянскія общины [10]). Около того же времени хорватскій великій жупанъ Людевитъ возмутился, вслѣдствіе притѣсненій и угнетеній со стороны маркграфа Кадолаха, причемъ онъ опирался вѣроятно на содѣйствіе Болгаръ [11]). Въ первомъ сраженіи ему удалось разбить Франковъ; тогда Тимочане, не заботясь о Болгарахъ и Франкахъ, поспѣшили къ нему присоединиться. Франки возобновили борьбу съ Людевитомъ, выступивъ противъ него съ западной стороны, а въ это время приверженецъ ихъ Боренъ, великій жупанъ далматскихъ Хорватовъ, напалъ на Людевита съ юга; но послѣдній снова успѣшно сразился при рѣкѣ Кульпѣ (819 г.) и привлекъ затѣмъ на свою сторону альпійскихъ Словѣнъ. Когда же громадное франкское войско выступило противъ него, то, оставленный всѣми союзниками, онъ принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Отважный хорватскій князь былъ убитъ въ Далмаціи дядею Борена Лютомысломъ (823). Тогда Франки заняли Хорватію и такимъ образомъ снова столкнулись съ Болгарами. Вскорѣ начался споръ между Болгарами и Франками по поводу того, что Бодрицы немного прежде отошли отъ послѣднихъ. Болгаре все болѣе и болѣе грознымъ образомъ требовали точнаго опредѣленія границъ. Въ 827 году болгарское войско поднялось вверхъ по Дравѣ, завладѣло Паннонiею и подчинило тамошнихъ Славянъ болгарскимъ начальникамъ. Но это владычество не долго продолжалось. Только Срѣмъ (Сирмія)

---

[10]) Einhard. Annales ad a. 818: Legati Timocianorum qui nuper a Bulgarorum societate desciverant.

[11]) Gfrörer. Byz. Geschichten (1874) 2, 59. Дриновъ. Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ, 37.

въ углу между устьями Савы и Дравы осталась подъ властью Болгаръ до 1018 г., равно какъ и восточная Венгрія до прибытія Мадьяръ.

Когда Болгаре утвердились въ Мизіи, среди Славянъ, христіанство уже было извѣстно въ этой странѣ: русскій церковный историкъ Голубинскій даже полагаетъ, что они тамъ уже застали небольшое число церквей и священниковъ. Крумъ наполнилъ все государство христіанскими плѣнниками, ѳракійскими Славянами и Румынами, между которыми находились и епископы и пресвитеры, которые не побоялись проповѣдывать язычникамъ ученіе Христа. Замѣчая какъ быстро распространяется христіанство и понимая вмѣстѣ съ тѣмъ опасность грозившую язычеству, Омортагъ хотѣлъ насильственнымъ образомъ остановить ходъ дѣлъ. Онъ велѣлъ казнить Мануила, епископа Адріанополя, вмѣстѣ съ тремя другими епископами и 374 плѣнными. Но преслѣдованіе увеличило только усердіе проповѣдниковъ. Вскорѣ Омортагъ увидѣлъ, что необходимо возвратить Византійцамъ всѣхъ плѣнныхъ [12]. Въ Трновѣ, въ древней лаврѣ 40 мучениковъ превращенной теперь въ мечеть, Х. Даскаловъ [13]) открылъ въ 1853 году весьма интересную надпись. На лѣвой сторонѣ отъ входа въ мечети стоитъ столбъ изъ краснаго мрамора, носящій на себѣ слѣды глубокой древности: кажется онъ долго лежалъ въ водѣ. На столбѣ можно прочесть надпись, длиною въ сажень, съ неправильными строками и буквами. Она написана на худомъ греческомъ языкѣ и гласитъ, по довольно свободному переводу, слѣдующее [14]): „Гіомъ Омортагъ, оставаясь въ старомъ

[12]) Голубинскій 20. 225.

[13]) Даскаловъ. Открытіе въ Терновѣ. Чтенія въ обществѣ исторіи при Москов. универс. Москва 1859. II.

[14]) Κυρ. Ωμορταγ, ἐς τον παλαιον οικον αυτου μενων, εποιησεν υπερφημον οικον ες τον Δανουβην, κ(αι) ανα μεσα τον δυο οικων των πανφημων, καταμετρησας ς την μεσην εποιησα

домѣ. построилъ (второй) прекрасный домъ при Дунаѣ и въ срединѣ обоихъ (третій) домъ самый величественный. По измѣреніи я построилъ въ срединѣ гробницу (тотъ третій домъ?). Съ средины этой гробницы до стараго моего дома двѣ миріады локтей и столько по Дунаю двѣ миріады. Гробница сама величественна. Измѣряйте землю. Буквы эти были начертаны тщеславнымъ человѣкомъ: онъ умираетъ, другой рождается и будетъ послѣднимъ. Глядя на это, припоминайте того, кто это дѣлалъ. Имя же князя гласитъ Омортагъ — канъ. Пусть Богъ ему проститъ его грѣхи! Прощайте!".

Замѣчательный столбъ этотъ, вѣроятно, стоялъ прежде въ упомянутой въ надписи гробницѣ на берегу Дуная и былъ оттуда перемѣщенъ въ Трново. О народности, годѣ и религіи въ надписи нѣтъ и слѣда. Нѣкоторыя строки темны и нуждаются въ основательномъ объясненіи.

Кто былъ наслѣдникомъ Омортага — вопросъ окончательно нерѣшенный. Константинъ Багрянородный считаетъ наслѣдникомъ *Пресьяма*, воевавшаго въ теченіи трехъ лѣтъ (ок. 836—839 г.) очень несчастно съ сербскимъ княземъ, именно собственно сербскаго племени [15]) въ западной части нынѣшняго княжества Сербіи: это, также какъ и походъ Церига къ Брсякамъ въ 774 году и споры съ Тимочанами въ 818 году, эпизодъ изъ исторіи распространенія Болгаріи въ „Славиніи". По Θеофилакту, архіепископу охридскому, Омортагъ оставилъ трехъ сыновей, которые назывались: Правота (Ἐνραβώτας) или Воинъ (Βόϊνος), Звиница

τύμβαν. Κὲ ἀπὸ τὴν μέσην [illegible] τῆς τύμβας [illegible] τὴν αὐλήν μου [illegible] ὀργυὲ μυριάδες β' κὲ ἀπὸ τὴν τύμβαν ἕως τὸν Δανούβην εἰσὶν ὀργυὲ μυριάδες β'. Κὲ αὐτὴ ἡ τύμβα ἐστὶν πάνθαυμος, μετρίσαντες [illegible] τὴν γῆν ἐπύησαν τὰ σημῖα ταῦτα. ὁ ἄνθρωπος κἂν καλῶς ζῇ ἀποθνήσκει κὲ ἄλλος γεννᾶτε, κὲ ἵνα ὁ ὕστερον γεννώμενος ταῦτα θεωρῶν ὑπομιμνήσκηται τὸν ποιήσαντα αὐτό. τὸ δὲ ὄνομα τοῦ ἄρχοντός ἐστιν Ωμορταγ καν. [illegible]

[15]) См. главу VIII

(Ζβήνιτζης) и Маломиръ: стало быть носили чисто славянскія имена. На престолъ вступилъ младшій — Маломиръ. Өеофилактъ разсказываетъ, что Маломиръ велѣлъ казнить своего брата, Нравоту, обращеннаго въ христіанство какимъ-то Грекомъ по имени Кинамонъ, который былъ вывезенъ Крумомъ изъ Адріанополя [16]).

[16]) Голубинскій 6, 21.

ГЛАВА VII.

Обращеніе Болгаръ въ христіанство.

Князь Борисъ (ок. 852—888 г.). — Константинъ и Меѳодій, апостолы Славянъ. — Принятіе христіанства Болгарами въ 864 г. — Колебаніе Бориса между Римомъ и Византіею. — Государство Святополка въ Великой Моравіи. — Князь Владиміръ. — Борисъ † 907 г.

Борисъ, по свидѣтельству Константина, сынъ Пресьяма, а по Ѳеофилакту — Звиницы, вступилъ на престолъ ок. 852 года; царствованіе его особенно ознаменовалось обращеніемъ Болгаръ въ христіанство.

Войны съ Греками, Сербами, Хорватами и Франками занимали всю первую половину царствованія Бориса. По прекращеніи тридцатилѣтняго перемирія, заключеннаго Омортагомъ съ императоромъ Львомъ, Борисъ началъ вторженія во Ѳракію, но безъ успѣха. Въ отомщеніе за пораженіе Пресьяма онъ напалъ на Сербовъ, но сыновья Властимира Мунтимиръ, Строиміръ и Гойникъ, княжившіе тогда въ Сербіи, разбили его и взяли даже сына его Владиміра въ плѣнъ. Борисъ, принужденный заключить миръ, былъ ими дружески доведенъ до болгарской границы въ Расу (нынѣ Новипазаръ). Также безуспѣшно окончились тогдашнія его распри съ Хорватами. Въ позднѣйшихъ ссо-

рахъ трехъ сербскихъ братьевъ. Мунтимиръ достигъ единодержавія съ помощью Бориса [1].

Итакъ болгарское государство простиралось тогда къ западу даже за Ибаръ. Также въ древней Македоніи присоединеніемъ славянскихъ княжествъ оно настолько выступило, что при Борисѣ и Охрида находилась въ предѣлахъ Болгаріи. Это расширеніе болгарскаго государства къ юго-западу было причиной, почему тогда при императорѣ Ѳеофилѣ (829—842) были поселены турецкіе Вардаріоты какъ пограничная стража между Солунью и Водекомъ и для защиты перваго города. Къ сѣверо-западу государство Бориса граничило съ Хорватами и Франками. Въ 853 году Болгаре боролись съ Франками, какъ союзники князя Ростислава, который среди безпрерывныхъ войнъ съ Нѣмцами возвелъ Великую или Верхнюю Моравію (нынѣшнюю Моравію съ Словакіею) на высокую степень могущества. Но союзъ продолжался недолго. Когда затѣмъ Карломанъ съ помощью Ростислава возсталъ противъ своего отца, короля Людовика Германскаго, Болгаре помогли послѣднему противъ Карломана и союзниковъ его Моравапъ (862). Послѣ усмиренія Карломана Людовикъ заключилъ съ Борисомъ союзный договоръ противъ Ростислава, въ Тульнѣ на Дунаѣ въ 864 году, и союзъ этотъ продолжался до конца IX столѣтія [2].

Въ то время въ духовномъ развитіи южныхъ и западныхъ Славянъ подготовленъ былъ переворотъ появленіемъ двухъ мужей, которымъ всѣ славянскія племена на вѣки вѣковъ останутся благодарны. Съ помощью ихъ Славяне

[1] Šafařik II. 189. 267.

[2] E. Dümmler. Ueber die südöstl. Marken des fränk. Reiches unter den Karolingern 795—907. Wien 1853. При этомъ мы пользуемся русскимъ сочиненіемъ Ѳеод. Успенскаго, Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ. Петербургъ 1872.

были введены въ кругъ образованныхъ народовъ Европы, такъ какъ они положили основаніе письменамъ, литературѣ и богослуженію на отечественномъ языкѣ. Братья *Константинъ* и *Меѳодій* родились въ Солунѣ, достигшемъ тогда уже большаго значенія торговлею и учебными заведеніями. Отецъ ихъ Левъ, богатый и знатный человѣкъ, занималъ должность друнгарія (военнаго начальника) у солуньскаго стратега. Весьма вѣроятно, что они были славянскаго происхожденія, особенно если имѣть въ виду ихъ литературную дѣятельность на славянской почвѣ и чрезвычайную способность къ изученію языковъ; греческіе же уроженцы всегда отличались большою неспособностью не только къ изученію славянскаго языка, но вообще и всѣхъ остальныхъ иностранныхъ языковъ. Въ то время въ греческой службѣ находилось много Славянъ. Славянскаго происхожденія были также патріархъ Никита (766—780 [1]), Даміанъ, казначей императора Михаила III, императоръ Василій Македонянинъ и др.

Константинъ (род. 827 г.) по смерти отца въ 847 году, когда ему было четырнадцать лѣтъ, былъ отправленъ въ Константинополь вмѣстѣ съ юнымъ Михаиломъ III, для воспитанія подъ руководствомъ патріарха Фотія. Уже тогда въ немъ обнаружились склонность къ уединенію и скромный нравъ. Поэтому ему болѣе всего нравилась жизнь духовнаго сословія, которой онъ и посвятилъ себя. Онъ рано отличился своей ученостью и поэтому былъ назначенъ библіотекаремъ патріарха, а затѣмъ учителемъ философіи. Такъ какъ онъ отлично зналъ восточные языки, то ему поручили въ 851 году отправиться посломъ въ государство Халифа.

[1] Никита имѣлъ обыкновеніе произносить греческое *αι* не ε, но по варварски *ai*. Hopf 97, примѣч. 57.

Меѳодій былъ свѣтскій человѣкъ. Вслѣдствіе его значенія въ окрестностяхъ Солуня, императоръ довѣрилъ ему управленіе славянскимъ княжествомъ [1]), находившимся (по мнѣнію Дринова) вѣроятно въ Ѳессаліи, принадлежавшей тогда еще Славянамъ. Нѣсколько лѣтъ спустя Меѳодій отказался отъ свѣтской жизни и поступилъ монахомъ въ Олимпійскій монастырь. Туда къ нему прибылъ также братъ его и съ тѣхъ поръ они уже не разлучались. Когда князь Хазаровъ, живщихъ въ донскихъ степяхъ, потребовалъ отъ императора ученаго, который бы ему объяснилъ, какое изъ трехъ вѣроисповѣданій—магометанское, іудейское или христіанское, согласно съ истиною, то къ нему были посланы солуньскіе братья. Константинъ изучилъ хазарскій языкъ и ему удалось обратить хана въ христіанство. Кромѣ того онъ открылъ еще въ Херсонѣ мощи св. Климента римскаго († 102 г.). Тогда Ростиславъ также рѣшился просить для себя христіанскихъ апостоловъ изъ Константинополя. Хотя съ давнихъ поръ многіе миссіонеры, въ особенности Нѣмцы изъ епархій пассавской и зальцбургской, проповѣдывали въ Панноніи и Моравіи, но безъ большаго успѣха. Притомъ князь, стремясь къ политической самостоятельности, не могъ подчинить свое государство въ духовномъ отношеніи сосѣдямъ. Къ концу же 862 года императоръ Михаилъ послалъ Константина и Меѳодія къ Ростиславу. Полагаютъ, что Константинъ еще раньше (по Храбру 855 г.) изобрѣлъ славянскія письмена; по инымъ онъ даже тогда перевелъ нѣкоторыя части св. писанія, именно - евангеліе Іоанна. Въ Велеградѣ, столицѣ Моравіи, братья были радушно приняты княземъ и народомъ (863). Дѣятельность ихъ началась проповѣдываніемъ слова Божія на славянскомъ языкѣ, обученіемъ юныхъ Моравянъ христіанской вѣрѣ

[1]) Кънꙗженїє ємоу дасть дръжати словѣньско. Leg. pannon.

и переводомъ священныхъ книгъ. Въ тоже самое время, когда Борисъ велъ переговоры съ Франками, христіанская вѣра быстро распространилась между паннонскими и моравскими Славянами.

Борисъ понялъ, что безъ христіанства государство его не удержалось бы долго среди могущественныхъ христіанскихъ сосѣдей, Франковъ, Моравянъ и Византійцевъ. Къ тому же, еще ѳракійскіе и македонскіе Славяне съ давнихъ поръ, по большей части, отказались отъ язычества, да и въ собственномъ государствѣ Бориса еще со временъ Крума мало по малу начало распространяться христіанство. Подобно тому, какъ впослѣдствіи русскій князь Владиміръ и мадьярскій Стефанъ, Борисъ отчасти по политическимъ причинамъ принялъ христіанство. Сначала онъ вступилъ въ переговоры на западѣ, съ королемъ Людовикомъ, который осенью 864 года сообщилъ папѣ надежду, что болгарскій князь намѣренъ креститься; кажется, однако, послѣднему не нравились условія, которыя были предложены королемъ. Примѣръ Ростислава, обратившагося въ Византію, казался ему больше достойнымъ подражанія.

Во время большаго голода въ Болгаріи Борисъ началъ войну съ императоромъ Михаиломъ III. Послѣ нѣсколькихъ побѣдъ онъ согласился примириться и воспользовался также этимъ случаемъ, чтобы принять христіанство отъ Византійцевъ. И дѣйствительно онъ былъ крещенъ на мѣстѣ мирныхъ переговоровъ. Византійскій императоръ былъ его крестнымъ отцомъ и Борисъ сталъ называться христіанскимъ именемъ *Михаилъ*.

Одновременно многіе бояры приняли крещеніе. Въ мирномъ договорѣ Греки уступили тогда Болгарамъ область у подошвы Балкана, простиравшуюся отъ прохода Сидерскаго (одинъ изъ проходовъ у Сливна) до приморскаго города Девельта, по славянски Загора (864 или въ началѣ

865 г. [5]). Такъ излагаетъ это важное событіе Голубинскій, весьма основательный и добросовѣстный изслѣдователь, послѣ новаго разслѣдованія и критическаго сравненія всѣхъ древнихъ извѣстій Франковъ, Грековъ и Славянъ [6]).

До тѣхъ поръ господствовало мнѣніе, будто бы Меѳодій написалъ для Бориса картину страшнаго суда, которая произвела на князя такое сильное впечатлѣніе, что онъ тутъ же рѣшился принять христіанство; Голубинскій же подвергъ эту легенду критической провѣркѣ, по которой оказалось, что она основана единственно на разсказѣ Симеона Логоѳета. Что же говоритъ Симеонъ? Ничто иное, какъ то, что Грекъ по имени Меѳодій написалъ для Бориса, *но уже послѣ* его крещенія, изображеніе страшнаго суда. Грекъ этотъ однако былъ не миссіонеръ, но просто живописецъ. Если же такъ, то преданіе, образовавшееся произвольнымъ отождествленіемъ живописца Меѳодія съ славянскимъ апостоломъ Меѳодіемъ, лишается всякаго основанія.

Столь же недостовѣренъ разсказъ о сестрѣ Бориса, которая, будто-бы, находясь въ греческомъ плѣну, приняла христіанство и по возвращеніи своемъ побудила брата послѣдовать ея примѣру. Борисъ принялъ христіанство не вслѣдствіе посторонняго вліянія, но по собственному побужденію; еслибы онъ былъ обращенъ миссіонерами, то онъ впослѣдствіи едвали-бы такъ долго колебался между Римомъ и Византіею. Что греческіе миссіонеры не были виновниками важнаго рѣшенія болгарскаго князя, явствуетъ изъ

5) Шафарикъ, II, 190, думаетъ, что проходъ Сидерскій — не нынѣшній Демиркапу у Сливна, а проходъ Чаликавакъ по дорогѣ отъ Шумена въ Карнобадъ. Девельтъ лежалъ вблизи моря между Созополемъ и Анхіаломъ, у Бургаса. Годъ крещенія опредѣлилъ Дюммлеръ, op. cit. 80.

6) Голубинскій 22—27, 225—249. Уже Гинцель опровергалъ вліяніе славянскихъ апостоловъ на Болгарію. Geschichte der Slawenapostel. Leitmeritz 1857, стр. 38.

словъ тогдашняго патріарха Фотія, считавшаго обращеніе Болгаръ въ христіанство неожиданнымъ (παράδοξος) событіемъ.

По возвращеніи изъ похода Борисъ всѣми мѣрами старался склонить всѣхъ подданныхъ своихъ къ принятію новаго ученія, но при этомъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны болярь, остававшихся вѣрными язычеству. Они возмутили большую часть народа и пытались низложить Бориса, дабы возвести на престолъ язычника. Возстаніе кончилось для нихъ гибельно. Борисъ велѣлъ казнить возмутившихся болярь съ женами и дѣтьми, всего 52 человѣка; цѣлые роды были истреблены этимъ поступкомъ, недостойнымъ новообращеннаго христіанина. Простой народъ, приставшій къ мятежникамъ, былъ отпущенъ безнаказанно [7].

Болгарія, превратившаяся изъ языческаго государства въ христіанское, вскорѣ сдѣлалась эльдорадо для различныхъ религіозныхъ апостоловъ, которые вслѣдствіе всеобщаго переворота надѣялись найти тамъ приверженцевъ [8]. Планамъ ихъ благопріятствовало многолѣтнее колебаніе Бориса между Римомъ и Константинополемъ и проистекавшее изъ этого непостоянство въ исповѣданіи вѣры.

Подобно Грекамъ стекались въ странѣ Евреи, которые съ давнихъ поръ имѣли существенныя общины въ Солунѣ и въ особенности у Хазаровъ и въ Крыму; затѣмъ армянскіе монофизиты и въ особенности павликіаны, ученіе которыхъ было перенесено во Ѳракію сирійскими и армянскими переселенцами. Петръ Сикулъ, прибывшій въ качествѣ византійскаго посла въ 868 г. въ армянскую Тефрику,

7) Responsa Nicolai cap. 17. Annal. Bertin. ad. 866.

8) Dr. F. Rački. Bogomili i Patareni. Rad jugoslav. Akad. VII. Responsa 106.

слышалъ отъ тамошнихъ павликіанъ, что они намѣревались отправить своихъ единовѣрцевъ въ Болгарію, чтобы побудить туземцевъ къ переходу отъ греческаго христіанства къ ихъ ученію, причемъ расчитывали на новизну и поверхность знанія христіанской вѣры у туземцевъ. Петръ не преминулъ написать противъ манихеевъ сочиненіе, но нынѣ сохранившееся, которое онъ посвятилъ Іосифу, первому епископу болгарскому. Но и между православными было много неистинныхъ христіанъ. Греческій міранинъ, крестившій многихъ, былъ признанъ Болгарами за обманщика, жестоко наказанъ и изгнанъ. Греческіе попы проповѣдывали разнаго рода суевѣрія, напр.: воспрещали купаться по средамъ и пятницамъ, считали грѣхомъ ѣсть мясо такихъ животныхъ, которыя были убиты евнухами и т. п. [9]). Вскорѣ послѣ принятія христіанства Борисъ разсорился съ Греками и вступилъ въ переговоры съ папою, потому что началъ опасаться за церковную независимость своего государства, такъ какъ Греки не хотѣли даже дать Болгарамъ особаго епископа [10]). Въ августѣ 866 года болгарскіе послы представились въ Римѣ папѣ Николаю I и предложили ему списокъ съ 106 вопросами касательно того, какъ они должны были устроить образъ жизни по христіански. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ чрезвычайно наивны, напр.: позволительно ли по прежнему носить брюки (femoralia). Важнымъ былъ слѣдующій вопросъ: принадлежало ли имъ право имѣть *патріарха*: на что папа отвѣчалъ уклончиво, что онъ пока отправитъ имъ лишь епископа, дабы составить себѣ понятіе о состояніи края. Въ ноябрѣ того же года, дѣйствительно, два епископа прибыли въ Болгарію съ отвѣтами на предложенные вопросы. Послѣдніе сами по себѣ весьма

[9]) Responsa 14. 104: 6, 57 и пр.

[10]) Голубинскій 27—33; Дриновъ. Исторія Болгар. Церкви 13—27

интересны, такъ какъ доставляютъ намъ точнѣйшія свѣдѣнія о бытѣ болгарскаго народа. Изъ нихъ мы можемъ почерпнуть неопровержимое, весьма важное извѣстіе, что господствующій неславянскій народъ тогда еще не слился въ одно съ подчиненными Славянами.

Вмѣстѣ съ римскими епископами явились въ Болгаріи и римскіе обряды; греческіе священники были изгнаны Борисомъ. Онъ желалъ имѣть архіепископа въ лицѣ епископа Формозы, но папа Адріанъ II, преемникъ Николая († 13 ноября 867 г.), по личному недоброжелательству не хотѣлъ согласиться съ этимъ предложеніемъ.

Борисъ потребовалъ тогда діакона Марина, но послѣдній также не нравился папѣ (869). Когда же затѣмъ Адріанъ послалъ въ Болгарію архіепископа Сильвестра, послѣдній былъ тотчасъ высланъ обратно Борисомъ съ требованіемъ, чтобы папа назначилъ или Формозу, или Марина. Эта строптивость папы объясняется благопріятными для Рима событіями, въ то время совершавшимися въ Константинополѣ. Послѣ убіенія Михаила III, 23 сентября 867 г., престоломъ овладѣлъ соправитель его Василій Македонянинъ, родомъ Славянинъ изъ деревушки близъ Адріанополя[11]), предусмотрительный и ловкій человѣкъ, проживиій дѣтскіе годы за Дунаемъ въ плѣну у Болгаръ. Прозвище „Македонянинъ“ не покажется страннымъ, если припомнимъ, что въ средніе вѣка подъ именемъ Македоніи разумѣли древнюю Ѳракію; имя Ѳракіи относили лишь къ прибрежіямъ Пропонтиды; древнюю Македонію называли Ѳессалія I, древнюю же

[11]) Κώμης γὰρ ὢν [illegible] λυπρᾶς. Const. Manasses 5492. Древне-болгар. переводчикъ, незная, что λυπρὸς значитъ несчастный, горемычный, написалъ деревню Липра: отъ села убо отъ Липрасъ. Чертковъ, О переводѣ лѣтописи Манассіи (Москва 1842), ошибся еще больше, принявъ село Бѣлипра. Сравн. Дриновъ, Заселеніе 170. О значеніи Македоніи въ средніе вѣка см. Tafel. Const. Porph. de provinciis XLII—XXII и Jireček, Die Heerstrasse 94.

Θессалію — Θессалія II. Василій низложилъ патріарха Фотія, который, возведенный изъ міряпъ прямо въ патріархи, поднялъ споръ съ Римомъ, продолжавшійся въ теченіи многихъ лѣтъ: въ это время уже обнаружились зачатки раскола. Соборъ, созванный Василіемъ, оказался очень миролюбивымъ, такъ что и опасенія папы на счетъ Болгаріи устранились. Но терпѣніе болгарскаго князя не выдержало долгаго испытанія; онъ уже не полагался на дружбу съ Римомъ и примирился втайнѣ съ Греками. Когда же его посланники безъ всякаго результата возвратились изъ Рима, то онъ тотчасъ же отправилъ ихъ въ Константинополь на соборъ, чтобы тамъ рѣшили вопросъ о подчиненіи болгарской церкви или папѣ, или константинопольскому патріарху. Греческіе священники, разумѣется, рѣшили этотъ вопросъ въ пользу послѣдняго, вопреки всѣмъ возраженіямъ папскаго легата (начало 870 года). При этихъ переговорахъ дипломатами князя Бориса были боляре Петръ, Сондоке и Зергобуласъ. Въ одномъ путешествіи въ Римъ въ 869 году въ Аквилеѣ они внесли имена своего князя и всего его семейства, имена свои и своихъ семействъ въ одну древнюю латинскую рукопись евангелія V или VI вѣка, которую очень цѣнили, такъ какъ полагали, что евангеліе св. Марка было собственнымъ автографомъ евангелиста. Этотъ только недавно открытый списокъ принадлежитъ къ любопытнымъ памятникамъ древне-болгарской исторіи [12]. Въ 870 г. они всѣ трое были въ Константинополѣ на соборѣ.

Архіепископъ Іосифъ былъ посланъ тогда изъ Кон-

[12]) Всѣ лангобардскія и славянскія имена, которыя въ теченіи VIII и IX вѣковъ были внесены на края этой рукописи евангелія, нынѣ хранящейся въ Чивидалѣ, опубликовалъ C. L. Bethmann въ Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde 1876. II, 113 сл. Примѣчанія К. І. Иречка о славянскихъ княжескихъ именахъ въ Časopis českého musea 1876. 743 и по нѣмецки въ Sitzungsberichte der k. böhmischen Gesellsch. der Wiss. 22 Jänner 1877.

стантинополя въ Болгарію, гдѣ тогда же было учреждено около десяти епархій. Латинское духовенство было выведено изъ этого края епископомъ Гримоальдомъ. Папы не переставали просить Бориса и бояръ, чтобы они возвратились въ лоно римской церкви, но всегда напрасно. Дружескія отношенія развились между Константинополемъ и Болгарами: архіепископу Болгаріи на празднествахъ въ Византіи уступали первое мѣсто послѣ патріарха. Третій сынъ Бориса, Симеонъ, былъ отправленъ отцомъ для воспитанія въ Константинополь.

Эпоха когда славянская литургія и славянскія церковныя книги перенесены были въ Болгарію — съ точностью неизвѣстна; не подлежитъ только сомнѣнію, что въ последніе годы царствованія Бориса онѣ были уже тамъ привиты. Въ переговорахъ съ папою рѣчь шла только о римскихъ и греческихъ священникахъ; о славянской литургіи вовсе не говорилось.

Мы прервали разсказъ о солуньскихъ братьяхъ при ихъ прибытіи въ Моравію. Біографія ихъ хотя и не входитъ въ кругъ нашей специальной исторической задачи, тѣмъ не менѣе мы не можемъ обойти ихъ молчаніемъ, имѣя въ виду важное вліяніе, которое ихъ дѣятельность имѣла на судьбы Балканскаго полуострова. Въ Моравіи они вскорѣ поспорили съ франкскими священниками „триязычниками“, которые считали только три языка — еврейскій, греческій и латинскій, достойными хвалы Бога. Они отправились въ Римъ. На пути туда они были дружески встрѣчены *Коцеломъ*, славянскимъ княземъ при Балатонскомъ озерѣ, и довольно долго прожили тамъ. Въ Римѣ они нашли (868) самый радушный пріемъ и исполненіе всѣхъ своихъ желаній: славянскія церковныя книги были одобрены и братья въ самомъ Римѣ служили нѣсколько разъ обѣдню по-славянски. Константинъ вскорѣ заболѣлъ,

вслѣдствіе многолѣтнихъ трудовъ и, принявъ имя Кирилла, поступилъ въ монахи; скончался въ Римѣ 14 февраля 869 года, на сорокъ третьемъ году отъ роду. Затѣмъ папа возстановилъ исчезнувшее во время переселенія народовъ сирмій-паннонское епископство, подчинивъ его, по просьбѣ Коцеля, Меѳодію (870). Поступокъ Бориса былъ слишкомъ строгимъ предостереженіемъ для римской церкви: онъ доказалъ имъ, что и паннонскіе Славяне легко могли перейти отъ Рима къ Константинополю. Резиденція Меѳодія была при дворѣ Коцеля въ Блатнѣ (Мозабургѣ), на Балатонскомъ озерѣ. Оттуда онъ дѣйствовалъ между Хорватами, у которыхъ славянское богослуженіе до такой степени вкоренилось, что оно и по нынѣ господствуетъ въ „приморскомъ" краѣ. Послѣ двухъ лѣтъ Меѳодій, вслѣдствіе мнимаго нарушенія правъ зальцбургскаго епископа въ Панноніи, былъ осужденъ нѣмецкимъ соборомъ и содержался въ заточеніи почти три года. Въ 871 году энергичный Святополкъ овладѣлъ моравскимъ престоломъ. Во время царствованія слабыхъ Каролинговъ онъ основалъ могущественное государство, заключавшее въ себѣ вмѣстѣ съ частью полабскихъ Славянъ почти всѣхъ своихъ западныхъ соотечественниковъ. Меѳодій, призванный Святополкомъ въ Велеградъ, крестилъ тамъ чешскаго воеводу Боривоя; князь Поляковъ на Вислѣ также былъ имъ обращенъ въ христіанство. Святополку однако не удалось долго удержать славянскую литургію въ государствѣ; поэтому легко могло случиться, что Меѳодій снова долженъ былъ оправдываться въ Римѣ. Въ то время папа назначилъ епископомъ Нитры Нѣмца Вихинга, съ которымъ Меѳодій до самой смерти своей принужденъ былъ бороться.

Въ 882 году Болгаре, призванные на помощь васалами герцога Корутанскаго Арнульфа, напали на Святополка, находившагося въ враждѣ съ герцогомъ. Однако

въ этой войнѣ Святополкъ овладѣлъ всею Панноніею и такимъ образомъ сдѣлался непосредственнымъ сосѣдомъ Бориса на Дунаѣ. Меѳодій, положеніе котораго тогда уже улучшилось, предпринялъ, по приглашенію самаго императора, путешествіе въ Константинополь. По возвращеніи своемъ онъ скончался 6 апрѣля 885 года и былъ погребенъ въ Велеградѣ.

По смерти его наступило тяжелое время для его учениковъ, которыхъ было до 200. Главою ихъ былъ избранный Меѳодіемъ въ преемники архіепископства Моравянинъ Горазтъ. По наущеніямъ Вихинга начались преслѣдованія славянскихъ священниковъ, такъ что они должны были искать спасенія въ бѣгствѣ. Горяздъ, Климентъ, Лаврентій, Наумъ, Сава, Ангеларъ и многіе другіе бѣжали тогда въ Болгарію. Въ Бѣлградѣ, на болгарской границѣ, они были дружески приняты тамошнимъ начальникомъ Боритаканомъ. Князь Борисъ и придворные его боляры оказывали имъ большія почести. Они же взялись продолжать въ Болгаріи дѣло, неудавшееся въ Моравіи. Въ особенности отличился Климентъ, избравшій Македонію новымъ поприщемъ своей дѣятельности и умершій (916 г.) въ санѣ епископа Велицы (въ бассейнѣ рѣки Струмицы). Юная „славянская" литература, которая въ Моравіи скоро прекратилась, сильно процвѣтала въ странахъ Славянъ македонскихъ и болгарскихъ.

Послѣ долгаго княженія Борисъ предъ 888 годомъ отказался отъ престола и поступилъ въ монастырь. Старцу нравилась благочестивая и созерцательная жизнь. Ему наслѣдовалъ въ Болгаріи старшій его сынъ Владимиръ, человѣкъ безнравственный, подвергавшій своими дикими страстями большой опасности только что начавшееся дѣло. О внѣшнихъ его дѣлахъ намъ только извѣстно, что при началѣ большой войны противъ Святополка Арнульфъ отпра-

вилъ къ нему пословъ для возобновленія тульнскаго договора и для прекращенія вывоза соли изъ Болгаріи въ Моравію [13]). Четыре года спустя поведеніе сына побудило Бориса оставить монастырь, низложить Владимира и возвести на престолъ младшаго сына Симеона.

Михаилъ-Борисъ скончался 2 мая 907 г. Его изображеніе на золотомъ фонѣ находится въ рукописи XIII столѣтія, въ московской синодальной библіотекѣ [14]). Съ Борисомъ начинается рядъ болгарскихъ святыхъ.

[13]) Договоръ Арнульфа: Ann. Fuldenses ad. a. 892. Ср. сомнѣніе Шафарика касательно разсказа Регинона о Владимирѣ. II. 199. прим. 118. Къ этому прибавлю, что въ замѣткѣ въ чивидальскомъ евангеліи замѣчательнымъ образомъ между четырьмя сыновьями Бориса не упоминается Владимиръ, а только Расате (Хрсата?), Гавріилъ, Симеонъ и Яковъ. Хронологія также невѣрна. Николай Мистикъ по словому (въ 25 письмѣ) принимаетъ Симеона непосредственнымъ преемникомъ Бориса.

[14]) Горскій и Невоструевъ. Описаніе рукописей Моск. Синод. библ. I. 2, 409.

ГЛАВА VIII.

Царь Симеонъ.

Характеръ царя Симеона (888—927). — Войны Симеона съ Византійцами и его походы на Константинополь. — Царскій титулъ и патріархатъ. — Сербскія и хорватскія отношенія. — Величайшій объемъ болгарскаго государства.

Съ крещеніемъ князя Михаила-Бориса взаимныя отношенія Византіи и Болгаріи много измѣнились. Вмѣсто прежнихъ непрерывныхъ войнъ наступилъ на Балканскомъ полуостровѣ продолжительный миръ, который не былъ несвоевременнымъ для обѣихъ сторонъ. Императоръ Василій Македонянинъ (867—886) могъ въ свое двадцатилѣтнее правленіе, не обезпокоенное ни одной болгарской войной, заботиться объ упроченіи своего упавшаго государства, а князь Борисъ трудился неутомимо надъ государственнымъ устройствомъ своего новокрещеннаго народа. Этотъ періодъ называется однимъ современникомъ, патріархомъ Николаемъ Мистикомъ, счастливѣйшимъ временемъ во всей исторіи взаимныхъ отношеній этихъ двухъ сосѣднихъ государствъ [1].

[1]) О вѣкѣ Симеоновомъ писали Шафарикъ, С. Н. Палаузовъ (Вѣкъ болгарскаго царя Симеона. С.-П. 1852), Гильфердингъ, Голубинскій и, при случаѣ, Гопфъ, Рамбо (L'empire grec au dixième siècle. Paris 187[illegible]), Папарригопуло (Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους. 1874, IV). Всѣ эти труды превзошелъ М. Дриновъ новѣйшимъ своимъ сочиненіемъ: Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ. Москва 1876 (Чтенія импер. общ. исторіи и древностей россій

Василій скончался въ 886 г., а Борисъ почти въ то же время отрекся отъ престола. Въ обоихъ государствахъ воцарились новые повелители — въ Болгаріи Симеонъ, въ Византіи Левъ Философъ.

Симеонъ, третій сынъ Бориса, бывшій въ то время 25 лѣтнимъ юношей [2]), нисколько не отставалъ по учености отъ своихъ противниковъ философа Льва и его преемника Константина Багрянороднаго. Уже мальчикомъ около восьми лѣтъ былъ онъ посланъ для образованія въ Константинополь и провелъ тамъ свою юность, какъ кажется, въ знаменитой тогда Магнаурской школѣ, изъ которой вышелъ когда то Константинъ философъ, апостолъ Славянъ. Ліутпрандъ, прибывшій въ Константинополь въ качествѣ германскаго посла много лѣтъ послѣ смерти Симеона, пишетъ, что Симеонъ еще мальчикомъ изучалъ въ Византіи сочиненія Демосѳена и Аристотеля, такъ что его соотечественники называли его поэтому полугрекомъ [3]). Это свидѣтельство подтверждаетъ также патріархъ Николай Мистикъ, знавшій лично Симеона. Онъ пишетъ въ 923 году болгарскому царю: „Знаю, что ты ежедневно напояешь свою прекрасную душу живоносною водою ученія; знаю, что и ты

скихъ. 1875. III), а именно тѣмъ, что онъ пользовался источникомъ, который хотя и былъ напечатанъ назадъ тому 33 года, но остался почти неизвѣстнымъ историкамъ. Одинъ только В. И. Григоровичъ пользовался имъ отчасти въ своей статьѣ «Какъ выражались отношенія константинопольской церкви къ окрестнымъ народамъ и преимущественно къ Болгарамъ въ началѣ X столѣтія» (Одесса 1866). Это — письма византійскаго патріарха Николая Мистика, изъ которыхъ 30 касаются дѣлъ Болгаріи; многія писаны къ самому Симеону. Они были изданы Angelo Mai'омъ въ Specilegium romanum, Romae 1844 и оттуда перепечатаны въ CXI т. Patrologiae cursus completus ed. Migne.

[2]) Въ 923 году Симеону было почти 60 лѣтъ. Патр. Николая письмо 29, у Migne 181—185.

[3]) Liutprandi Antapodosis III. 29 (Pertz. Monum. Script. III. 309). Hunc etenim Simeonem emiargum, id est semigraecum esse aiebant, eo quod a puericia Bizantii Demostenis rhetoricam Aristotelisque silogismos didicerit.

любознательно перечитываешь книги древнихъ". Въ другомъ же мѣстѣ онъ говоритъ, что Симеонъ отличался „несравненнымъ благородствомъ души, здравымъ разсудкомъ, по уму не имѣлъ себѣ равнаго, ненавидѣлъ зло, отвращался отъ несправедливости, былъ украшенъ всѣми добродѣтелями". И жизнь его „мало отличалась отъ жизни отшельниковъ" [4]). Но эта строгость нравовъ нисколько не была слѣдствіемъ аскетическихъ теорій, но основнымъ условіемъ большой умственной и правительственной дѣятельности, посредствомъ которой, по словамъ Мистика, онъ довелъ болгарскую народность „до вершины славы". Этотъ кроткій и ученый правитель лично начальствовалъ въ большихъ сраженіяхъ и принималъ даже самъ участіе въ бою.

Симеонъ приступилъ къ управленію незадолго предъ 888 г. [5]). Въ самомъ началѣ существовавшій миръ былъ прерванъ. Императоръ Левъ, жизнь котораго замѣчательно отклонялась отъ правилъ, которыя онъ проповѣдывалъ и которыя ему доставили прозвище „Философа" — человѣкъ управляемый женщинами и любимцами, самъ далъ поводъ къ этой войнѣ. Онъ отдалъ въ откупъ сборы съ болгарскихъ пошлинъ двумъ купцамъ изъ Аттики Ставракію и Козмѣ, которые, съ цѣлью скрыть свои переборы отъ контроля, перенесли съ помощью могущественнаго евнуха Мусика болгарскій рынокъ изъ Константинополя въ Солунь. Этотъ произвольный поступокъ очень вредилъ торговымъ интересамъ Болгаріи. Болгарское государство было тогда складочнымъ мѣстомъ сырыхъ произведеній, стекавшихся туда изъ Германіи, Верхней Моравіи, Россіи и понтійскихъ странъ, для обмѣна на греческіе мануфактурные товары и произведенія Азіи и Африки. Древне-римская до-

[4]) Письма Николая 23, 23, 26.

[5]) Объ этомъ годѣ см. Дриновъ, Южные Славяне, 5 пр. 20.

рога изъ Византіи въ Бѣлградъ, пролегавшая чрезъ центръ Болгаріи, называлась тогда просто „пѫть моравскый“, такъ какъ она служила для посредничества континентальной торговли Константинополя съ Великой Моравіей и всѣмъ западомъ. Болгарскіе караваны оживляли рынки Солуня и Константинополя [6]).

Симеонъ требовалъ отъ Льва устраненія упомянутыхъ злоупотребленій, но на его посланія не было обращено вниманія. Такъ разразилась война, любопытная по своей причинѣ, необыкновенной въ тѣ времена, и важная по своимъ послѣдствіямъ.

Византійцы были въ самомъ началѣ разбиты на голову во Ѳракіи. Тогда Левъ рѣшился посредствомъ большихъ подарковъ склонить къ союзу Мадьяръ, орда которыхъ находилась съ 885 года за Дунаемъ въ нынѣшней Бессарабіи и Молдавіи.

Мадьяры (Τοῦρκοι Византійцевъ), угорскій кочевой народъ пришедшій на Донъ со степей изъ-за Волги, присоединились тогда къ Хазарамъ. Но вскорѣ, утомленные хазарскимъ владычествомъ, они переселились въ страну Ателькузу, именно въ древній „жгль“ (см. стр. 158) на Днѣстрѣ, Прутѣ и Серетѣ, причемъ они стали ближайшими сосѣдями Болгаръ. Они были малаго роста съ смуглымъ лицомъ, глубоко впавшими глазами и съ обритой за исключеніемъ трехъ косъ головой. Съ дѣтства они были неразлучны отъ своихъ лошадей. Скотоводство, звѣриная и рыбная ловля доставляли имъ средства пропитанія, а шкуры разныхъ степныхъ животныхъ — одежду. Съ своими стадами и шатрами переходили они съ мѣста на мѣсто. Въ битвахъ они ни-

[6]) О древне-болгарской торговлѣ ср. Неоконченную лѣтопись гл. 34. Rambaud, op. cit. 328. Дриновъ 6. Пѫть моравскыи въ житіи св. Меѳодія изд. Миклошича, гл. V; см. Heerstrasse 75.

когда не сражались въ рядахъ, но въ разсыпную, причемъ они закидывали непріятеля градомъ стрѣлъ и вслѣдъ затѣмъ быстро убѣгали; но прежде чѣмъ непріятель опомнился послѣ мнимой своей побѣды, они снова налетали на своихъ неизнуряемыхъ лошадяхъ, какъ грозовая туча. Плѣнныхъ они безпощадно умертвляли, дабы въ небѣ имѣть услугу очень многихъ рабовъ—убитыхъ непріятелей [1]).

Левъ пишетъ самъ въ своей „Тактикѣ", что этотъ народъ „былъ ему посланъ свыше, что ихъ вооружилъ божественный Промыселъ для спасенія имперіи". Переходъ чрезъ Дунай совершенъ былъ Мадьярами при помощи византійскаго флота. Цѣпи и канаты, которыми Болгаре загородили рѣку, были разорваны византійскими моряками къ удивленію Мадьяръ. Симеонъ долженъ былъ послѣ трехъ сраженій затвориться въ Дерстрѣ (Силистрія), затѣмъ въ Мундрагѣ (положеніе неизвѣстно), между тѣмъ какъ непріятель опустошалъ его государство до самаго Прѣслава. Вскорѣ однако Симеонъ соединился съ Печенѣгами, которые кочевали въ степяхъ нижняго Днѣпра и были враждебно расположены къ Мадьярамъ, и съ ними напалъ въ 892 г. на Ателькузу, именно тогда, когда Мадьяры, призванные на помощь королемъ Арнульфомъ противъ Святополка, опустошали Моравію и Паннонію. Ихъ семьи, оставшіяся въ Бессарабіи подъ слабымъ прикрытіемъ, были частью истреблены, частью взяты въ плѣнъ.

По уничтоженіи мадьярской орды Симеонъ обратился со всѣми силами противъ Византійцевъ, разбилъ ихъ при Болгарофигонѣ на константинопольской дорогѣ (нынѣ Эски-Баба, между Хафсой и Люле-Бургасъ) и принудилъ ихъ къ миру (893). Изъ писемъ Мистика видно, что Византійцы

[1]) О древне-мадьярскомъ образѣ жизни см. Joseph und Hermenegild Jireček, Oester. Geschichte, 500—1000. Wien 1865. 213—222.

тогда должны были обязаться на ежегодную дань, которую посылали въ городъ Месемврію и передавали тамъ болгарскимъ чиновникамъ [8].

Затѣмъ снова насталъ двадцатилѣтній миръ, которымъ Симеонъ воспользовался для устраненія вреда, причиненнаго мадьярской и греческой войной. Повидимому въ это время Симеонъ умышленно избѣгалъ всякаго столкновенія съ Византійцами. Достаточнымъ основаніемъ этой политики было поселеніе Мадьяръ внутри Европы. Именно, по уничтоженіи ихъ жилищъ въ понтійской степи, Мадьяры двинулись къ западу и расположились въ равнинѣ между Дунаемъ и Тисою, съ которой они недавно предъ тѣмъ ознакомились. Оттуда они прежде всего разрушили Велико-моравское государство (ок. 907 г.), которое при сыновьяхъ Святополка († 894 г.) быстро распадалось. Вскорѣ появились они въ Италіи и въ своихъ грабительскихъ набѣгахъ чрезъ всю Германію достигали береговъ Атлантическаго океана. Въ теченіи полустолѣтія ихъ орды были страхомъ Европы. Славянское населеніе Панноніи уходило массами въ сосѣднія страны, въ Чехію, Хорватію и Болгарію [9], а здѣсь именно впервые въ мѣстности по южной Моравѣ, въ окрестности городовъ въ то время болгарскихъ Бѣлграда и Браничева; большая часть однако осталась на мѣстѣ, покорилась и слилась съ новыми владѣтелями, языкъ которыхъ еще и нынѣ наполненъ славянскими словами [10].

[8]) Объ этой войнѣ см. Византійцевъ: Георгій Монахъ, Левъ Грамматикъ, Симеонъ Логоѳетъ, Константинъ Багрянородный, Кедринъ, Зонара. Палаузовъ 40; Гильфердингъ I, 86; Паппарригопуло; статью мадьярскаго историка Szabó (Сабо), въ хорватскомъ переводѣ въ Arkiv za povjestnicu jugoslavensku IX; Дриновъ 67—8. О мѣстоположеніи Болгарофигона см. Heerstrasse 160. О мирѣ — 6-е письмо Николая.

[9]) Constantin Porph., De adm. imp. гл. 41.

[10]) См. Miklosich, Die slavischen Elemente im Magyarischen. Wien 1871 (Denkschr. der phil.-hist. Classe der Wiener Akad. XIX).

Въ этотъ двадцатилѣтній мирный періодъ старославянская литература, которою Симеонъ столько интересовался, могла безпрепятственно развиваться. Епископъ Константинъ, попъ Григорій, Іоаннъ Экзархъ, монахъ Храбръ и другіе писатели подняли ее въ теченіи едва полустолѣтія до такого процвѣтанія, что она въ церковной сферѣ недалеко отставала отъ латинской и греческой современной литературы. Современники Симеона сравнивали его съ египетскимъ царемъ Птолемеемъ. Но направленіе его науки и родъ его образованія были чужды Болгарамъ и не могли оживить сердце или воображеніе народа. Время Симеона, золотая эпоха болгарской литературы, не имѣетъ вовсе поэзіи. Съ этого времени византинизмъ началъ водворяться у Славянъ: Болгаре передали его Сербамъ и Русскимъ [11]).

Одновременно различныя ереси появились въ Болгаріи. Это явствуетъ прежде всего изъ обстоятельства, что епископъ Константинъ уже по желанію князя Симеона самъ перевелъ сочиненія Аѳанасія Александрійскаго противъ Аріанъ. Также въ одномъ сочиненіи Іоанна Экзарха говорится не только о языческихъ Славянахъ, но и о манихеяхъ, если только это не позднѣйшая вставка. Что въ то время христіанство въ Болгаріи еще не было внѣ всякой опасности, явствуетъ изъ словъ Константина, который въ одной проповѣди (894) говоритъ: „тѣмъ же мы молимся ему (Богу) да прозрімъ душевныма очима, творити заповѣди его и славити его боголѣпьно, не боящеся царя, не стыдящеся князь, не срамляющеся вельможъ, нъ аще и гоненіе настоить, аще мукы прѣдлежять, аще нужда належить, не боятися ни отлучитися отъ любьве его, нъ съ дрьзновеніемъ проповѣдати и молитися ему“ [12]).

[11]) Jagić Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga. I. Загребъ 1867. 67 (Русскій переводъ Петровскаго, Казань 1871).

[12]) Горскій и Невоструевъ, II. 2, 127.

Столица Симеона находилась въ *Великомъ Прѣславѣ*, въ прекрасной горной мѣстности на текущей съ Балканов Великой Камчіи, на разстояніи 4 час. къ западу отъ Шумена (см. стр. 13); нынѣ тамъ деревня *Прѣслава* (тур. Эски-Стамбулъ) съ 200 болгарскими и 100 турецкими домами, окруженными многими развалинами. Іоаннъ Экзархъ въ введеніи къ своему „Шестодневу" описываетъ впечатлѣніе, какое Прѣславъ въ свое лучшее время производилъ на иностранца: „Если онъ прійдя издали вступитъ въ преддворье княжескаго двора, онъ удивится и подходя къ воротамъ онъ будетъ съ любопытствомъ распрашивать. А когда онъ войдетъ внутрь, то увидитъ по обѣимъ сторонамъ строенія, украшенныя камнями и пестро убранныя деревомъ. Когда онъ пойдетъ дальше по двору, онъ увидитъ высокіе дворцы и церкви съ безчисленными камнями, деревомъ и живописью, разукрашенные внутри мраморомъ и мѣдью, серебромъ и золотомъ такъ, что онъ не знаетъ съ чѣмъ ихъ сравнить; ибо въ его странѣ онъ никогда не видѣлъ ничего подобнаго, но только бѣдныя хижины. Онъ будетъ внѣ себя отъ удивленія. Но если онъ также случайно увидитъ князя, стоящаго въ обложенномъ жемчугомъ облаченіи, съ цѣпью монетъ на шеѣ (гривна цатава), съ зарукавьями, опоясаннаго пурпуровымъ поясомъ съ золотымъ мечемъ и какъ при немъ по обѣимъ сторонамъ сидятъ его боляры съ золотыми цѣпями, поясами и зарукавьями, то, если его кто-нибудь по его возвращеніи на родину спроситъ: „что ты тамъ видѣлъ?" онъ отвѣтитъ: „я не знаю, какъ вамъ обо всемъ этомъ разсказать; только ваши собственные глаза были бы въ состояніи обнять эту роскошь" [13]. Нынѣ конечно изъ всего этого величія ничего не осталось, какъ только нѣсколько камней. Въ 1585 г. французскій ученый

---

[13]) Miklosich, Chrestomathia palaeoslovenica. Vindobonae 1854 p. 83.

Яковъ Бонгаръ, проѣзжавшій съ посольствомъ чрезъ Букарестъ въ Константинополь, видѣлъ здѣсь длинныя стѣны изъ бѣлаго камня [14]. Турецкій географъ Гаджи-Халфа († 1658) описываетъ большія развалины, которыя въ его время были видны въ окрестностяхъ Шумена. Тамъ находилась большая широкая стѣна изъ временъ „невѣрующихъ“, которая охватывала больше пространства, чѣмъ мѣсто занимаемое Константинополемъ, такъ что многія поля и горы заключались въ ней; жители брали оттуда четыреугольные обтесанные камни для своихъ построекъ [15]). Мы можемъ ожидать отъ Ф. Каница описанія остатковъ Прѣслава въ нынѣшнемъ ихъ видѣ.

11 мая 912 года умеръ Левъ Философъ и оставилъ семилѣтняго сына Константина VII Багрянороднаго. Опекунъ и дядя Константина Александръ, человѣкъ преданный пьянству, будучи въ нетрезвомъ состояніи, оскорбилъ пословъ Симеона, прибывшихъ туда съ предложеніемъ возобновить мирный договоръ. Хотя Александръ и умеръ спустя 14 мѣсяцевъ и на его мѣсто вступили новые опекуны съ патріархомъ Николаемъ Мистикомъ во главѣ, но Симеонъ, уже во второй разъ оскорбленный Византійцами, не хотѣлъ болѣе смягчиться.

Обстоятельства были очень благопріятны для нападенія на дряхлую Византійскую имперію. На престолѣ сидѣло дитя, которое многіе не признавали, такъ какъ о его законности шла ожесточенная борьба между партіями николаитовъ и евѳимистовъ. Одна партія признала благословенный патріархомъ Евѳиміемъ четвертый бракъ императора

---

[14]) Дневникъ Бонгара, у д-ра Herm. Hagen, Jakob Bongarsius. Bern 1874, p. 72. ср. Heerstrasse etc. 149. Что Прѣславъ не совпадаетъ съ древнимъ Марціанополемъ, см. тамъ-же 146 примѣч. 24.

[15]) Hadži Chalfa, Rumeli und Bosna, übers. v. Hammer. Wien 1812, 35.

Льва; другая, во главѣ которой стоялъ Николай Мистикъ, объявила этотъ бракъ недѣйствительнымъ, чѣмъ она набросила несмываемое пятно на „рожденнаго въ порфирѣ“ мальчика, который сверхъ того родился еще до брака. Въ 907 году, т. е. еще при жизни императора Льва, евѳимисты свергли патріарха Николая и сослали его въ тяжкое заточеніе. Зато въ 912 году, когда Николай опять былъ возвращенъ на свою каѳедру, его приверженцы въ засѣданіи синода накинулись на Евѳимія и, по словамъ лѣтописца, „выщипали ему честную бороду“.

Были слухи что Симеонъ хотѣлъ занять византійскій престолъ. Патріархъ Николай послалъ ему письмо, писанное „не чернилами, а слезами“, обѣщалъ возобновленіе ежегодной дани, но угрожалъ отлученіемъ, если Болгаре потребовали бы болѣе. Симеонъ послалъ довольно насмѣшливый отвѣтъ. Въ августѣ 913 года, около трехъ мѣсяцевъ по смерти Александра, явился онъ съ сильнымъ войскомъ подъ Константинополемъ и окружилъ городъ съ суши совершенно; его войска расположились отъ Влахернъ до Золотыхъ воротъ, отъ Золотаго рога до моря. По обложеніи города онъ послалъ молодому императору письмо, которое радостно было принято правителями, бывшими до того въ совершенномъ невѣдѣніи относительно его намѣреній. Они вышли съ патріархомъ во главѣ, взявъ съ собою и молодаго императора, къ Влахернскимъ воротамъ, встрѣтили здѣсь двухъ сыновей Симеона — Михаила и Петра и возвратились съ ними во дворцы, гдѣ имъ было дано блестящее угощеніе. Послѣ того патріархъ Николай имѣлъ предъ городомъ свиданіе съ самимъ Симеономъ и велъ съ нимъ переговоры о мирѣ. Пришли къ соглашенію относительно брака Константина Багрянороднаго съ дочерью Симеона. Такимъ образомъ болгарскій князь надѣялся править въ Константинополѣ чрезъ своего зятя, который былъ одино-

кимъ, не имѣлъ ни братьевъ, ни сестеръ и былъ послѣднимъ своего рода. Поэтому Симеонъ обѣщалъ патріарху совершенный миръ и искреннюю дружбу и увѣрялъ, что уничтожатся всѣ споры, всѣ поводы къ соблазни и утвердится, при помощи Божіей, между Греками и Болгарами миръ подлинно прочный, какого доселѣ не бывало и какого не знали прежнія поколѣнія. Симеонъ и его сыновья были почтены Византійцами „безчисленными и огромными" подарками. Бракъ по причинѣ молодости императора былъ отсроченъ на позднѣйшее время, и Симеонъ возвратился послѣ этой счастливой демонстраціи подъ стѣнами босфорскаго города побѣдоносно домой [16]).

Но небывалый миръ скоро окончился. Уже въ слѣдующемъ году мать Константина Зоя, удаленная отъ дворца еще Александромъ, успѣла взять правленіе въ свои руки (914 г.). Она тотчасъ удалила патріарха Николая отъ опекунства и уничтожила брачный договоръ съ Симеономъ.

Симеонъ началъ готовиться къ войнѣ въ громадныхъ размѣрахъ. Война началась осенью 914 г. Болгаре не сдѣлали тотчасъ нападенія на Константинополь, но приступили къ подчиненію большихъ византійскихъ провинцій на полуостровѣ —адріанопольской, солуньской и драчьской. Пока часть войска дѣйствовала противъ Солуня и Драча, Симеонъ самъ взялъ въ сентябрѣ 914 года Адріанополь и занималъ его нѣкоторое время. Византійцы поспѣшили заключить миръ съ Арабами, собрали всѣ боевыя силы въ столицѣ

[16]) Письма Николая Мистика (5-е, 8-е и 16-е) объясняютъ все это дѣло дотолѣ не хорошо понятое, см. Драновъ 11—14. По этимъ письмамъ можно судить о томъ, въ какой степени продолжатель Ѳеофана (ed. Bonn. 385) удаляется отъ истины, когда разсказываетъ, что приступившій къ Константинополю Симеонъ, при видѣ городскихъ стѣнъ и бастіоновъ съ поставленными на нихъ машинами (вѣдь они ему были съ давнихъ поръ извѣстны!), такъ былъ устрашенъ, что спѣшилъ примириться съ Греками.

и старались, хотя и напрасно, возбудить къ войнѣ противъ Болгаръ Сербовъ, Мадьяръ и Печенѣговъ. Только въ 917 году приняли они наступательное дѣйствіе и двинулись прямымъ путемъ къ восточной Болгаріи. Левъ Фока начальствовалъ надъ арміей, а адмиралъ Армянинъ Романъ Лакапинъ надъ флотомъ. Было сдѣлано все возможное: лучшіе военачальники и стратеги (губернаторы) всѣхъ темъ находились въ войскѣ. Но 20-го августа при рѣчкѣ Ахелоѣ, недалеко отъ Месемвріи въ виду Гема, потерпѣли они страшное пораженіе. Симеонъ самъ командовалъ болгарскимъ войскомъ и принималъ въ сраженіи такое живое участіе, что подъ нимъ былъ убитъ его боевой конь. Еще 70 лѣтъ позже историкъ Левъ Діаконъ видѣлъ на полѣ битвы бѣлыя кости павшихъ здѣсь Византійцевъ [17].

Послѣ этого ужаснаго столкновенія Николай Мистикъ снова написалъ Симеону жалобное письмо, просилъ его во имя христіанства о мирѣ и распространялся въ неловкихъ выраженіяхъ о попыткѣ Византійцевъ напасть на Болгарію, которая имъ обошлась такъ дорого. Симеонъ прочелъ многорѣчивую византійскую фразеологію и отвѣчалъ просто: „Ты поглупѣлъ" [18]). Война не была прервана и Византійцы подъ начальствомъ Льва Фоки были во второй разъ чувствительно разбиты при Катасыртахъ предъ самимъ Константинополемъ [19]).

Эта вторая неудача сильно раздражила народъ въ Константинополѣ, приписавшій все несчастье неспособности регентовъ. 25 марта 919 года адмиралъ Романъ Лакапинъ завладѣлъ регентствомъ: императрицу отправилъ тотчасъ въ монастырь и уже по истеченіи мѣсяца обвѣнчалъ Констан-

[17]) Theophanis Cont. 389; Leo Diaconus 123. 127; 31-е письмо Николая.

[18]) Его-же 10-е письмо.

[19]) Объ этомъ сраженіи см. Дриновъ 18, прим. 64.

тина Багрянороднаго съ своей дочерью. Еще въ томъ же году объявилъ онъ себя соправителемъ и послѣ непродолжительнаго времени присоединилъ къ императорскому званію также своихъ трехъ сыновей.

Этимъ поворотомъ дѣлъ была отнята у Симеона навсегда надежда быть когда-либо тестемъ греческаго императора. Съ этого времени началъ онъ открыто домогаться византійскаго престола. Въ письмахъ къ патріархамъ бывшій дотолѣ „князь" (ἄρχων) болгарскій требовалъ даже быть признаннымъ въ Константинополѣ императоромъ Ромеевъ, угрожая что иначе онъ не прекратитъ войны. Къ этому времени относится принятіе титула „цѣсарь Блъгаромъ и *Гръкомъ*", которымъ гордились всѣ повелители Болгаръ до Іоанна Шишмана III (1365—1393). Во время Симеона говорили *цьсарь*, отъ котораго произошло позже *цьсарь* и только въ позднѣйшіе средніе вѣка нынѣ всеобще извѣстное *царь*: имя это — латинское *caesar* и служило конечно Славянамъ уже въ очень раннее время для обозначенія римскихъ и позднѣе константинопольскихъ императоровъ. Такъ какъ по тогдашнимъ понятіямъ, при императорѣ непремѣнно долженъ былъ состоять патріархъ, то болгарское архіепископство было возведено въ патріархатъ. Въ спискѣ болгарскимъ царямъ, царицамъ, патріархамъ и епископамъ, сохранившемся вмѣстѣ съ синодикомъ царя Борила (1211) въ рукописи XV столѣтія, читаются имена четырехъ патріарховъ прѣславскихъ [20]) временъ Симеона и сына его Петра. Царскую же корону Симеонъ, по всей вѣроятности, получилъ изъ Рима отъ папы [21]).

[20]) Раковскій, Нѣколко рѣчи о Асѣню I и II. Бѣлградъ 1860, стр. 53. Ученое достоинство этой книги не велико; она только потому достойна вниманія, что въ ней перепечатаны многіе памятники изъ другихъ рѣдкихъ изданій.

[21]) Царь Калоянъ пишетъ въ двухъ посланіяхъ къ папѣ Иннокентію III, что предшественники его Симеонъ, Петръ и Самуилъ получили отъ римской

Какіе успѣхи дѣлали Болгаре, можно видѣть изъ того, что въ 919 г. одно болгарское войско стояло у Дарданельскаго пролива, съ цѣлью занять Лампсакъ на азіатскомъ берегу и тѣмъ завладѣть входомъ въ Константинополь [22]. Другое войско явилось въ Өессаліи, Фокидѣ, Беотіи и Аттикѣ. Греческіе жители тамошнихъ городовъ бѣжали въ Пелопоннезъ, въ Эвбею и на Киклады, тогда какъ пелопоннезскіе Славяне начали возставать противъ Византійцевъ, въ надеждѣ, что болгарское государство распространится до Тайгета и мыса Матапана [23].

Въ этомъ затрудненіи Романъ Лакапинъ велѣлъ чрезъ Мистика предложить Симеону бракъ: или чтобы дочь Симеона вышла замужъ за одного изъ сыновей Романа, или чтобы самъ Симеонъ женился на дочери Романа. Такое предложеніе было отвергнуто Симеономъ. Тогда патріархъ писалъ ему снова и предложилъ ему большую дань и уступку многихъ странъ, которыя уже и безъ того были во владѣніи Симеона. Симеонъ отвѣчалъ, что онъ не требуетъ ничего невозможнаго и нисколько не хочетъ, „чтобы патріархъ воскресилъ убитыхъ его Болгаръ", но предлагаетъ условія, которыя могутъ быть приняты: чтобы узурпаторъ Романъ Лакапинъ былъ низложенъ, а Симеонъ былъ бы признанъ греческимъ императоромъ: „того хочетъ Богъ".

Въ 921 году Симеонъ находился въ непосредственной близости къ столицѣ, у Селимвріи и Гераклеи. Въ слѣдующемъ 922 году Болгаре доходили до Золотаго рога, раз-

---

церкви «coronam imperii eorum et patriarchalem benedictionem». Theiner, Mon. Slav. merid. I. 16. 28. Это случайное свидѣтельство (въ архивахъ папскихъ не достаетъ грамотъ изъ періода столь древняго) подтверждается изслѣдованіями Дринова (61).

22) О важности Лампсака см. письмо 95-е Николая.

23) Житіе св. Луки. Migne CXI 450; Дриновъ 21.

били византійскихъ тѣлохранителей и сожгли императорскіе лѣтніе дворцы въ Пигахъ передъ городскими воротами. Въ тоже время былъ осажденъ Адріанополь и въ 923 году голодомъ принужденъ сдаться. Между тѣмъ Симеонъ не переставалъ обходиться очень небрежно съ императорами: часто онъ вовсе не отвѣчалъ на ихъ письма и переписывался иногда прямо съ сенатомъ, требуя торжественнаго входа въ Константинополь и уступки всѣхъ византійскихъ земель въ Европѣ. Такъ какъ ему не доставало флота для осады Константинополя, то онъ вступилъ въ переговоры съ калифомъ африканскихъ Арабовъ Фатлумомъ относительно нападенія сообща на Константинополь [24]).

Къ этому времени относится также примиреніе Рима съ Византіей, явленіе, хотя повидимому незначительное, но имѣвшее большое вліяніе на болгарско-греческую войну. Когда папа Сергій III (904 — 911 г.) призналъ четвертый бракъ императора Льва, а константинопольскій патріархъ Николай Мистикъ проклиналъ этотъ бракъ, то настала распря, длившаяся 12 лѣтъ. Послѣ трехлѣтнихъ переговоровъ въ 923 г. Николай наконецъ склонился признать законность этого брака, и архипастыри Рима и Византіи, по его собственнымъ словамъ, опять стали „единой мысли и единаго сердца“.

Это примиреніе имѣло большое значеніе для Византійцевъ, съ одной стороны ради отношенія папы къ адріатическимъ Славянамъ, западнымъ сосѣдямъ Болгаріи, съ другой ради связи Симеона съ римской церковью. Папскіе легаты, прибывшіе въ 923 году въ Константинополь, привезли также письмо папы Іоанна X къ Симеону, въ которомъ онъ его уговаривалъ заключить миръ. Это письмо

[24]) Современникъ Масуди и Кедринъ (2. 396) упоминаютъ эти переговоры. Дриновъ 26.

было послано Симеону Николаемъ съ письмомъ отъ себя, гдѣ онъ угрожалъ ему папскимъ отлученіемъ [25]. Но этотъ шагъ остался безъ послѣдствій. Важнѣе были соединенныя старанія папы и Византійцевъ возбудить опаснаго врага въ тылу болгарскаго князя.

Хорваты и Сербы, раздѣленные на множество мелкихъ племенъ, только недавно передъ тѣмъ начали сближаться въ политическомъ отношеніи [26]). При этомъ западные Хорваты были счастливѣе чѣмъ Сербы. Послѣ неудачной попытки Людевита въ области Савы сѣверодалматинскіе князья получили первенство и имъ удалось, въ первой половинѣ IX столѣтія, подъ верховной властью Франковъ соединить мелкія племена отъ Савы до Цетины: этимъ было положено основаніе позднѣйшему хорватскому государству. Около 875 года *Сдеславъ* подчинилъ страну верховной власти Византійцевъ какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи. Но уже послѣ четырехъ лѣтъ (879 г.) Сдеславъ былъ убитъ *Бранимиромъ*, настоящимъ основателемъ политической и церковной самостоятельности Хорватовъ. Въ политическомъ отношеніи онъ разорвалъ связь съ Византіей и этимъ сдѣлалъ Хорватію совершенно самостоятельной. Въ церковномъ отношеніи присоединился къ папѣ, который основалъ для Хорватовъ особое національное епископство въ Нинѣ (итал. Nona): архіепископство Салонское, преданное тогда константинопольской церкви, сохранило свою власть только въ оставшихся византійскими прибрежныхъ городахъ Сплѣтѣ (Spalato), Задарѣ (Zara), Трогирѣ (Trau) и на островахъ. Дворъ преемника Бранимира князя *Мутимира* былъ окруженъ почти королевскимъ

[25]) Письмо 28 с. Николая.

[26]) Хорватскія и сербскія дѣла изложены по Дринову (op. cit.), который приходитъ къ результатамъ рѣзко отличающимся отъ прежнихъ воззрѣній.

блескомъ. Еще болѣе возвысилась Хорватія при современникѣ Симеона *Томиславѣ* (приблизительно съ 914 года), распространившемъ свою власть также надъ страной между Савой и Дравой и надъ Босніей.

Такимъ образомъ въ Хорватіи въ началѣ X столѣтія образовалось сильное политическое тѣло. Между тѣмъ Сербы при всѣхъ стараніяхъ не могли прійти къ упроченію и колебались постоянно между Византіей и Болгаріей. Они раздѣлялись на шесть племенъ: *Сербы* собственно на западѣ нынѣшняго Сербскаго княжества, *Босняки*, *Неретване* по адріатическому побережью между рѣками Цетиной и Неретвой, *Захлумляне* въ Герцеговинѣ, между Неретвой и въ то время византійскимъ городомъ Рагузой, *Травуняне* въ Герцеговинѣ и *Дукляне* въ Черногоріи. Сильнѣйшими племенами были Сербы и Захлумляне. Сербы собственно, хотя и защитились отъ нападеній Пресьяма и Бориса, но къ войнѣ противъ Симеона у нихъ не хватало силъ: они должны были ему платить дань. Въ началѣ X столѣтія правилъ у нихъ жупанъ *Петръ Гойниковичъ*. Въ своихъ стремленіяхъ къ покоренію и соединенію остальныхъ племенъ онъ имѣлъ могущественнаго соперника въ *Михаилѣ Вышевичѣ*, князѣ Захлумлянъ, храбромъ воинѣ и ловкомъ дипломатѣ. Михаилъ имѣлъ опору у Болгаръ, Петръ у Византійцевъ. Михаилъ, выступающій уже около 912 года союзникомъ Симеона [27]), поспѣшилъ около 917 года донести Симеону о тайныхъ сношеніяхъ Петра съ византійскимъ стратегомъ Драчьской области. Вслѣдъ затѣмъ Петръ былъ плѣненъ Болгарами и умерщвленъ, а на его мѣсто поставленъ *Павелъ Брановичъ*. Паденіемъ Петра Михаилъ, владѣвшій также об-

[27]) Около 917 года онъ захватилъ сына Венеціанскаго дожа, возвратившагося изъ Цареграда, и отправилъ его къ Симеону, не ладившему тогда съ Венеціанами. Ioannes Venet. ed. Pertz. (Mon. germ.) 23.

ластями Травунянъ и Дуклянъ, пріобрѣлъ такую власть, что при немъ Захлумляне достигли гегемоніи между сербскими племенами.

Со времени начала правленія Романа Лакапина (919) наступилъ поворотъ въ отношеніяхъ адріатическихъ Славянъ къ Симеону. Сербы уже прежде были расположены къ Византійцамъ; теперь нужно было еще возбудить противъ Симеона Захлумлянъ и Хорватовъ. Это возможно было лишь съ папской помощью, и было главною цѣлью церковнаго примиренія 923 года. Требовалось большихъ жертвъ какъ со стороны императора, такъ и отъ папы. Томиславъ отъ Византійцевъ получилъ далматинскіе города и острова, а отъ папы королевскую корону. Михаилъ получилъ отъ Византіи титулъ консула и патриція. Хорватское епископство въ Нинѣ было упразднено и вся страна Томислава и Михаила подчинена архіепископству Салонскому, которое Византійцы уступили тогда папѣ; такимъ образомъ южные Славяне сблизились въ политическомъ отношеніи съ Византіей, а въ церковномъ съ Римомъ [28]).

Враждебныя дѣйствія противъ Болгаръ начались въ Сербіи. Жупанъ Павелъ былъ низложенъ по причинѣ дружелюбныхъ его тенденцій къ Грекамъ. Его преемникъ Захарій возмутился однако совершенно открыто (ок. 923 г.). Болгарское войско, посланное для наказанія возставшаго, было уничтожено, можетъ быть съ помощью Хорватовъ и Захлумлянъ, а головы и вооруженія павшихъ военачальниковъ отосланы въ Константинополь.

Между тѣмъ Симеонъ снова двинулся на столицу Византійцевъ. Въ сентябрѣ 924 года стоялъ онъ во второй разъ съ несмѣтнымъ войскомъ предъ воротами Константинополя и расположилъ свою главную квартиру въ виду

[28]) См. Дринова 51, 54—60

Влахернскаго дворца. Тотчасъ пригласилъ онъ къ себѣ патріарха и нѣкоторыхъ вельможъ, а когда они явились, онъ пожелалъ видѣть самаго императора Романа, въ надеждѣ прійти къ соглашенію о мирѣ. Романъ принялъ предложеніе свиданія. Въ назначенный день готовился онъ вмѣстѣ съ патріархомъ молитвами въ влахернской святынѣ къ встрѣчѣ съ страшнымъ царемъ Болгаръ. Но Симеонъ заставилъ его ждать четыре дня. Только 9 сентября явился онъ къ условленному мѣсту, у Космидіона въ верхней части Золотаго рога, сопровождаемый огромнымъ войскомъ; его тѣлохранители имѣли частью золотые, частью серебряные копья и щиты и всѣ были закованы въ желѣзныя брони. Свиданіе состоялось на берегу на площадкѣ, къ которой пристала императорская тріера. Симеонъ, въ то время почти шестидесятилѣтній старецъ, велѣлъ сперва своимъ людямъ осмотрѣть площадку, чтобы предостеречься отъ засады; затѣмъ слѣзъ съ коня и приблизился къ императору. О разговорѣ ихъ мы знаемъ только, что Симеонъ предъ императоромъ упрекалъ патріарха въ его враждебномъ къ нему расположеніи, и когда Николай началъ что-то говорить о своихъ молитвахъ, Симеонъ прервалъ его рѣчь словами: „Твоими молитвами убитъ мой конь“ (при Ахелоѣ [29]).

Свиданіе не привело къ миру, такъ какъ болгарскій царь слишкомъ много требовалъ. Симеонъ снова отступилъ отъ города обратно, ибо онъ долженъ былъ отложить окончательное осуществленіе своихъ плановъ на позднѣйшее время. Съ одной стороны разстроились переговоры съ Арабами по причинѣ византійскаго золота, съ другой—нужно было освободиться отъ новаго врага въ тылу. Тотчасъ по возвращеніи въ Болгарію Симеонъ опять выслалъ большое войско

[29]) Theoph. Cont. 405. Leo Gramm. 311; Письмо 31-е Николая; Дриновъ 30—32.

противъ отложившагося сербскаго жупана; но при приближеніи Болгаръ Захарія бѣжалъ въ Хорватію; жупаны были строго наказаны и страна опустошена. Изъ Сербіи Болгаре подъ начальствомъ Алогоботура направились противъ Хорватовъ, сильнѣйшихъ членовъ западнаго союза, но были совершенно разбиты (ок. 925 г.)[30].

Между тѣмъ война съ Византійцами также продолжалась. Въ 926 году войско изъ македонскихъ Славянъ предприняло нападеніе на Солунь. Греческое прибрежное населеніе бѣжало на острова и оставалось тамъ до смерти Симеона. Напрасно патріархъ Николай старался двумя посланіями склонить болгарскаго царя къ миру[31]).

Среди приготовленій къ большимъ предпріятіямъ Симеонъ умеръ 27 мая 927 года.

Болгарское государство достигло при Симеонѣ такихъ размѣровъ, какихъ оно позже никогда снова не имѣло. Изъ сравненія составленной по приказанію императора Льва Философа (886—912) описи епископствъ имперіи съ описью болгарскихъ епископствъ при царѣ Петрѣ, сынѣ Симеона, видно, при другихъ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ, лучше всего, насколько Симеонъ увеличилъ доставшееся ему по наслѣдству государство. При императорѣ Львѣ Византійцы владѣли въ Европѣ почти всей Θракіей до линіи направленной отъ Созополя на Понтѣ чрезъ Веррею (Эски-Загра) до крѣпостцы Констанціи, вблизи истоковъ Марицы, также Родопой, македонскими прибрежьями съ Сересомъ и Солунью, всей Θессаліей, Эпиромъ и всей береговой страной Албаніи. Симеонъ завоевалъ большую часть Θракіи, занялъ македонскія прибрежныя области недалеко отъ стѣнъ Солуня.

[30]) О хронологіи этого времени см. у Дринова 53.

[31]) Славяне: Liutprand, Antapodosis, III, 24; острова: Vita S. Lucae y Migne, CXI, 453.

покорилъ сѣверную Θессалію съ городами Петрой у Олимпа и Стагомъ у Пенея, Эпиръ съ Іоанниной, Бутротономъ и Химерой до окрестностей Артскаго залива и адріатическое побережье отъ устья Каламы противъ Корфу до устья Дрима, кромѣ Драча, постоянно остававшагося византійскимъ. Болгарскую границу со стороны Сербіи составляли соединенный Дримъ, Бѣлый Дримъ и Ибаръ; оттуда она достигала до устья Савы. Раса (Новипазаръ), Приштина, Липлянъ на Косовомъ полѣ, Нишъ, Браничево (древн. Viminacium, у Пожаревца) и Бѣлградъ находились тогда подъ болгарскимъ владычествомъ [32]. По другую сторону Дуная къ болгарскому государству принадлежали Срѣмъ (Сирмія) и, до вторженія Мадьяръ, также Валахія и части Венгріи и Трансильваніи. Судьбы болгарскаго владычества въ этихъ задунайскихъ странахъ точнѣе неизвѣстны; но еще въ 1231 г. въ Трансильваніи говорили, чтобы означить давно прошедшую эпоху, о временахъ, когда эта страна принадлежала Болгарамъ [33]). Арабъ Аль-Масуди, посѣтившій Константинополь въ первой половинѣ X столѣтія, пишетъ, что болгарское государство было длиною въ 30 дней и шириною въ 10 дней; его свидѣтельство подтверждаетъ почти дословно на 200 лѣтъ позднѣйшій Вильгельмъ Тирскій, сообщающій, что Болгарія простиралась отъ Константинополя до Дуная и оттуда до Адріи [34]).

[32]) О границахъ царства Симеона на основаніи грамоты Василія II 1020 года: граница болгарской церкви при Петрѣ и Самуилѣ: Голубинскій, 7; Дриновъ, Периодическо Списание, Браила, IX, 12; его-же Южные Славяне и Византія, 79. Списокъ епископствъ при Львѣ Тактикѣ Const. Porph., De provinciis 57, 61; Hieroclis Synecdemus et Notitiae graecae episcopatuum ed. G. Parthey, Berolini 1866 (142, 218). О дорогѣ черезъ Наиссъ ср. Heerstrasse nach Constantinopel 72, прим. 6.

[33]) «A temporibus jam quibus ... Blacorum terra Bulgarorum (въ Трансильваніи, у Фогараша) exstitit ... fertur.» Teutsch und Firnhaber, Urkundenbuch zur Geschichte Siebenbürgens, Wien 1857, I, 59. Hajdeu, Archiva istorica a României (Bucuresti 1865) I, 97. Срѣмъ: Θεδρος въ грам. 1020 г.

[34]) Wilhelmus Tyrensis, lib. II, cap. 4, ed. Bongars I, 653. Масуди у Дринова, 80.

Глава IX.

Царь Петръ. Богомилы.

Распаденіе Болгаріи при царѣ Петрѣ (927—968).—Раздѣленіе Болгаріи на два государства, западное и восточное.—Св. Іоаннъ Рыльскій и македонскіе отшельники.—Павликіане. Попъ Богомилъ и вызванное имъ движеніе.—Взглядъ на богомильскую догматику и этику.

Симеонъ былъ два раза женатъ. Отъ перваго брака у него былъ одинъ только сынъ **Михаилъ**; вторая супруга его, сестра болярина Георгія Сурсувула, родила ему трехъ сыновей — Петра, Іоанна и Веньямина или **Бояна** [1]. Безъ малѣйшаго права Симеонъ отстранилъ отъ престолонаслѣдія старшаго сына, Михаила, заключилъ его въ монастырь и назначилъ втораго, Петра, своимъ преемникомъ подъ руководствомъ Сурсувула. По разсказу Ліутпранда, пріѣхав-

[1] Родословная древне-болгарской династіи (семейство Бориса на основаніи замѣтокъ на поляхъ чивидальскаго евангелія):

Звиница.

Михаилъ-Борисъ † 907. Доксъ. Гавріилъ.
ж. Марія

Расате (Хръсата)=Владимиръ? Гавріилъ. Симеонъ † 927. Іаковъ.
дочери: Эвпраксія. Анна.

Михаилъ. Петръ † 969. Іоаннъ. Боянъ. Дочь.
ж. Марія

Борисъ † 978. Романъ † 1002.

шаго тогда въ Константинополь посломъ отъ императора Оттона I. младшій сынъ Боянъ прослылъ въ народѣ волшебникомъ: полагали. что онъ могъ мгновенно превращаться въ волка или въ какого-либо другаго хищнаго звѣря [2]).

Преемникъ Симеона не былъ ни воиномъ. ни политикомъ. но смирнымъ. кроткимъ и миролюбивымъ человѣкомъ. неспособнымъ продолжать дѣло начатое отцомъ: въ его жилахъ текла. такъ сказать. иная кровь. Въ исторіи Симеонъ стяжалъ себѣ мѣсто въ ряду основателей могущественныхъ царствъ, Петръ же между святыми и отшельниками. При Симеонѣ Болгаре едва не завоевали Константинополь: при Петрѣ началось подчиненіе Болгаріи Византійцамъ. Петръ. руководимый своимъ дядей Сурсувуломъ. не стоялъ во главѣ своего народа. но былъ орудіемъ одной партіи. Обиженные его братья возстали противъ него во главѣ воиновъ изъ школы великаго Симеона. Литература пришла въ упадокъ и новое религіозное ученіе, смѣшавшись съ туземными языческими элементами. внесло недовольство въ среду народа. Какъ вообще у Славянъ, такъ и здѣсь, политическое величіе. связанное съ извѣстнымъ лицомъ, быстро прекращалось съ его смертью. Подобное случилось послѣ Сама. послѣ Святополка. послѣ Асѣня II. послѣ Стефана Душана и послѣ Твердка въ Босніи [3]).

Георгій Сурсувулъ. дѣятельный и ловкій человѣкъ, который. при характерѣ юнаго царя. совершенно овладѣлъ правленіемъ. хотѣлъ сначала продолжать завоевательную политику Симеона. Болгаре снова вторгнулись въ восточ-

[2]) Bajanum autem adeo ferre magicam didicisse. ut ex homine subito fieri lupum quamvecumque cernere feram. Liutprand. Antapodosis III. 29. Изъ этого мѣста можно заключить. что ок. 950 года Боянъ уже не былъ въ живыхъ.

[3]) О Петрѣ см. разсужденіе Дринова. Началото на Самуиловата държава въ Браиловскомъ Період. Спис. IX и X. 14; Гильфердингъ. I. 111 и сл.

ную Ѳракію, но вмѣстѣ съ тѣмъ Сурсувулъ вступилъ въ тайные переговоры съ Греками. Первое письмо Петра и Сурсувула доставлено было въ Константинополь армянскимъ монахомъ Калокиромъ. Императоръ Романъ немедленно отправилъ пословъ моремъ въ Месемврію, бывшей съ 812 г. главнымъ портомъ Болгаріи. Послы эти возвратились въ Константинополь уже сухимъ путемъ, за ними слѣдовало болгарское посольство съ Сурсувуломъ во главѣ и вскорѣ спустя самъ царь Петръ прибылъ въ Константинополь. Миръ былъ заключенъ 8 октября 927 года, четыре мѣсяца послѣ смерти Симеона и въ тоже время въ Пигахъ передъ городомъ совершено бракосочетаніе царя Петра съ внучкою императора Романа Маріей. Тѣмъ и кончились тринадцатилѣтнія кровопролитія. Въ мирномъ договорѣ, кромѣ царскаго титула Петра, было признано патріаршеское достоинство пребывавшаго въ Дерстрѣ архіепископа Даміана и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельность (ἀυτοκεφαλία) народной церкви болгарской. Византія также обязалась считать болгарскаго государя выше всѣхъ королей Европы, даже нѣмецкаго императора [4]). Притомъ Византійцы обязались платить ежегодную опредѣленную дань Болгарамъ и уступили имъ формально большую часть завоеванныхъ Симеономъ земель: во Ѳракіи Адріанополь остался за Византійцами, Филиппополь же достался Болгарамъ [5]).

Причины этихъ тайныхъ и поспѣшныхъ переговоровъ не скрывались въ отношеніяхъ Болгаръ къ другимъ народамъ. Война съ Византійцами не представляла бы болѣе трудностей какъ при Симеонѣ: Хорваты, не смотря на недавнюю ихъ побѣду, не нарушали мира, благодаря посред-

[4]) Разсказъ Ліутпранда, посланнаго императоромъ Оттономъ I въ Царьградъ въ 968 году; Liutprand, Antapodosis, III, 36, у Перца III, 311.

[5]) Дриновъ. Южные Славяне, 62—71.

ничеству посланнаго изъ Рима архіепископа Мадальберта, который отправился въ Преславъ, кажется, для коронаціи Петра [6]; Сербы находились подъ властью Болгаръ, Мадьяры были увлечены своими походами на западную Европу, между тѣмъ какъ Печенѣги, судя по ихъ отношеніямъ къ Симеону, скорѣе, кажется, ладили съ Болгарами. Перемѣна, происходившая въ политикѣ новаго правительства, была вызвана внутренними отношеніями Болгаріи.

Царь Петръ долженъ былъ опасаться неудовольствія обиженныхъ братьевъ и могущественный Сурсувулъ былъ ненавистенъ прочимъ болярамъ. Противъ внутреннихъ враговъ своихъ оба надѣялись защищаться тѣснымъ союзомъ съ Византіею, чѣмъ однако не успѣли склонить народъ на свою сторону. Дружескія отношенія между обоими дворами даже послѣ смерти Романа (944) при Константинѣ Багрянородномъ († 959) и при Романѣ II († 963) продолжались. Болгаре помогали Византійцамъ противъ Арабовъ и Русскихъ. Только къ концу своей жизни Петръ понялъ, что Византійцы пользовались этой сорокалѣтней дружбой, не только чтобы ознакомиться съ слабою стороной и съ тайнами болгарскаго царства, но чтобы подготовлять къ разложенію его могущества.

Неудовольствіе Болгаръ вслѣдствіе перемѣны политики обнаружилось еще въ томъ же году попыткою (927) переворота. Боляры, возвысившіеся при Симеонѣ, воспитанные въ его духѣ и не ладившіе съ новымъ полувизантійскимъ придворнымъ штатомъ, съ греческою царицею, составили заговоръ съ цѣлью низложенія Петра и возведенія на престолъ его меньшаго брата *Іоанна*. Заговоръ однако во время былъ открытъ, боляры были наказаны, а Іоаннъ выданъ

---

[6]) Что и Петръ получилъ корону изъ Рима было замѣчено выше гл. VIII, прим. 21.

императору, съ тѣмъ, чтобы его помѣстили въ одинъ византійскій монастырь. Но Романъ пожаловалъ его имѣніемъ, женилъ на знатной Армянкѣ и удержалъ его при себѣ [7]).

Около 930 года вспыхнуло гораздо опаснѣйшее возстаніе въ западной части государства. Нѣсколько бояръ провозгласили тамъ царемъ старшаго брата, монаха Михаила и вѣроятно успѣли бы низвергнуть Петра, если бы *Михаилъ* не скончался въ самомъ началѣ возстанія. Мятежники безпокоили также византійскія владѣнія, опустошили страну при устьѣ Стримона, вторгнулись въ Аттику и были подъ конецъ поселены императоромъ Романомъ при Артскомъ заливѣ.

Этими безпорядками пользовались Сербы для возстановленія своей самостоятельности.

Чеславъ, сынъ жупана Клонимира Строимировича, бѣжавшаго въ Болгарію еще при Борисѣ, и знатной Болгарки, послѣ ранней смерти своего отца былъ воспитываемъ при дворѣ Симеона въ сербскомъ духѣ, какъ вѣроятный претендентъ на сербскій престолъ. Юношею, во время похода противъ возставшаго князя Захарія, онъ лично былъ свидѣтелемъ уничиженіямъ своего отечества войсками Симеона. По смерти послѣдняго онъ вступилъ въ тайные переговоры съ Византійцами, бѣжалъ изъ Прѣслава съ заключенными тамъ знатными и взялъ въ свои руки правленіе въ своемъ несчастномъ отечествѣ. Подъ верховной властью Византіи ему удалось соединить въ первый разъ всѣ почти сербскія племена. Онъ княжилъ еще около 950 г. [8]).

Важнѣе двухъ предъидущихъ возстаній по своимъ послѣдствіямъ было третье, вспыхнувшее весною и лѣтомъ

---

[7]) Theoph. Cont., 419; Дриновъ, 87.

[8]) Совершенно новую характеристику Чеслава представилъ Дриновъ, Южные Славяне 137, сл. сл.

963 года. Тутъ то обнаружилась главная слабость государства, состоявшаго изъ наслѣдственныхъ княжествъ, образовавшихся на основаніи древне-славянскаго раздѣленія по колѣнамъ; въ государствѣ считалось около 40 епископствъ, границы которыхъ вѣроятно совпадали съ границами такого же числа княжествъ и воеводствъ. Возстали именно снова Болгаре западные. Во главѣ ихъ теперь уже не стоялъ одинъ изъ братьевъ Петра, но могущественный, энергичный вельможа *Шишманъ* съ четырьмя сыновьями *Давидомъ*, *Моисеемъ*, *Аарономъ* и *Самуиломъ*, *комисъ* (κόμης) съ *комитопулами*, какъ ихъ называли Греки. Судя по мѣстоположенію вотчинъ этой фамиліи, можно заключить, что Шишманъ былъ главою самаго сильнаго колѣна македонскихъ Славянъ, т. е. *Брсяковъ*, осадившихъ въ 676 г. Солунь, воевавшихъ въ 774 году съ Болгарскимъ княземъ Церигомъ, названіе которыхъ по нынѣ сохранилось при верхнемъ Вардарѣ, въ окрестностяхъ Битоля и при озерѣ Преспанскомъ [2]). Наслѣдникъ древне-славянскихъ удѣльныхъ князей Славиніи былъ провозглашенъ царемъ, и хотя не могъ низвергнуть Петра, но зато отнялъ у него Албанію, Македонію, область Моравы, Видинъ и Срѣдецъ; за Петромъ осталась только восточная Болгарія, приблизительно отъ р. Осмы на востокъ до Понта, и сѣверная Ѳракія. Съ этихъ поръ были двѣ Болгаріи и два царя съ двумя патріархами, потому что новое царство не могло обойтись безъ особаго патріарха. Древняя римская граница между діэцезами иллирійской и ѳракійской сдѣлалась границею

[2]) Въ Heerstrasse nach Constantinopel, стр. 71, мною проводилось мнѣніе, что Шишманъ былъ княземъ Брсяковъ. Замки Шишмановичей находились не въ Албаніи, въ восточной или южной Македоніи или въ окрестностяхъ Софіи, но въ Охридѣ, Преспѣ, Битолѣ, Сетинѣ, Прилѣпѣ, стало быть [illegible] въ области Брсяковъ; Скопье дано было Самуиломъ принцу Роману

обоихъ болгарскихъ царствъ, совпадавшихъ первое съ древней Болгаріей, другое же съ Славиніей [10]).

Въ духовной жизни произошла тогда внезапная перемѣна. Она уже была замѣтна въ отношеніяхъ церковной словесности. При Борисѣ и Симеонѣ мы видимъ вдохновенныхъ и восторженныхъ мужей, которые съ юношескимъ пыломъ, словомъ и перомъ распространяютъ просвѣщеніе въ народѣ, такъ напримѣръ Климентъ, Константинъ, Іоаннъ Экзархъ и др. При Петрѣ въ духовенствѣ развилась страсть къ роскоши. По словамъ современника пресвитера Козьмы [11]), клирики „не живутъ по писанію, узаконяютъ свои нравы, коими хотятъ прославиться по землѣ, щеголяютъ богатою одеждою, величаются „яздящими по нихъ“ (сопровождающими ихъ), веселялись на пиршествахъ и вели вообще жизнь необразцовую и вмѣстѣ съ тѣмъ „творили неправедный судъ, грабили, обижали беззащитныхъ“. Этотъ нравственный упадокъ долженъ былъ возбудить противудѣйствіе.

Являются мужи, которые удаляются изъ общества въ недоступные лѣса и горы, чтобы жить тамъ строжайшими аскетами, считая лишнимъ взять въ руки перо. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ былъ Іоаннъ Рыльскій, впослѣдствіи „покровитель“ Болгаріи. Родомъ изъ деревни Скрино, въ софійской провинціи, онъ въ юности былъ бѣднымъ пасту-

[10]) Исторія этого раздѣла государства и начатки династіи Шишмановичей объяснены Дриновымъ въ приведенномъ сочиненіи и въ Періодическомъ Списаніи IX—XII, на основаніи запутанныхъ извѣстій Византійцевъ (Кедринъ) и туземныхъ списковъ царей въ церковныхъ помянникахъ. Латинская грамота 994 года (Farlati, Illyricum sacrum, II. 141), приписанная бѣжавшему изъ Болгаріи въ Хорватію боляру Ниницію, въ которой родъ Шишмана выводится изъ Трнова, по Дринову, поддѣлка XIII столѣтія, когда Трново было резиденціею болгарскихъ царей (Дриновъ, op. cit. 89. прим. 102).

[11]) Изд. Козьмы въ Православномъ Собесѣдникѣ, 1865. II 311—313. Дриновъ 73.

хомъ. По смерти родителей онъ вступилъ въ монастырь, изъ котораго однако вскорѣ перебрался въ уединенное мѣсто въ Рыль-планинской возвышенности. Тамъ провелъ онъ двадцать лѣтъ сначала въ темной пещерѣ, затѣмъ въ выдолбленномъ старомъ дубѣ и наконецъ семь лѣтъ на недоступной скалѣ, у подножія которой стоитъ нынѣ величественный Рыльскій монастырь. Царь Петръ также посѣтилъ разъ отшельника. Іоаннъ Рыльскій скончался въ 946 г., на 70 году своей жизни. Одновременно съ нимъ жили въ сѣверной Македоніи три не менѣе прославленные отшельника: *Прохоръ* при Пшинѣ въ скопійской епархіи; *Гавріилъ* на Лѣсновской горѣ, близъ Кратова; *Іоакимъ* въ Осоговскихъ горахъ при Сарандапорѣ (греческ. τεσσαράκοντα πόροι). Въ память всѣхъ четырехъ македонскихъ „пустынниковъ" были основаны монастыри, которые во времена независимости сдѣлались центрами просвѣщенія, а во время турецкаго господства — пріютами литературы и славянскаго духа.

Но не только между лучшими элементами духовенства, но и въ народѣ образовалась сильная оппозиція противъ клира, въ особенности по той причинѣ, что онъ поддерживалъ престолъ Петра и греческую его политику, провозглашая, „что цари и боляры Богомъ суть поставлены". Во время смутъ въ народѣ болѣе и болѣе вкоренялась новая ересь, *ученіе богомиловъ*. Съ самаго начала она имѣла существенно политическое значеніе.

Пять столѣтій юго-славянской исторіи неразрывно связаны съ исторіей богомиловъ. Изъ Болгаріи и Византіи они распространились по всему полуострову и даже въ Италію и Францію. Для изложенія происхожденія и сущности ихъ ученія намъ прійдется войти въ нѣкоторыя подробности. Вопросы эти лишь въ послѣднее десятилѣтіе были тщательно разработаны Русскими — Осокинымъ, Голубинскимъ и Левицкимъ, и Юго-славянами — Петрановичемъ и

въ особенности докторомъ Фр. Рачки: тѣмъ не менѣе многое еще не разъяснено [12]).

О попыткахъ введенія ученія павликіанъ въ Болгарію уже было говорено (стр. 190). Онѣ не остались безъ результата. Ученіе ихъ, первоначально нашедшее послѣдователей между Армянами, перешло къ нимъ изъ Малой Азіи и небыло ничто иное какъ преобразованный въ VII столѣтіи Константиномъ Самосатскимъ древній передне-азіатскій гностицизмъ или скорѣе манихеизмъ. Византійскіе императоры преслѣдовали павликіанъ, которые тогда погибали тысячами. Но ученіе ихъ тѣмъ не менѣе распространилось. Еще въ VIII ст. многія тысячи сирійскихъ и армянскихъ павликіанъ были переселены Константиномъ Копронимомъ во Ѳракію для пограничной стражи. Большая часть ихъ поселеній была въ окрестностяхъ Филиппополя, который вслѣдствіе этого сталъ ихъ средоточіемъ на западѣ. Въ Константинополѣ право гражданства было имъ даровано императоромъ Никифоромъ въ 810 г. Изъ Ѳракіи павликіанскіе учители переходили въ Македонію и Болгарію, особенно послѣ того, когда, завоеваніями Симеона, филиппопольская область была присоединена къ Болгаріи. Пока царствовалъ Симеонъ, павликіаны имѣли мало значенія въ Болгаріи; при Петрѣ же обстоятельства перемѣнились.

Около первой половины его царствованія преобразователемъ павликіанскаго ученія явился попъ *Богомилъ*, также называемый *Іереміемъ*. Цѣлью его вовсе не было преобразованіе христіанской церкви: его реформа не была реформою въ нынѣшнемъ смыслѣ сего слова. Она состояла въ томъ, что онъ, держась древнихъ дуалистиче-

[12]) Dr. Fr. Rački. Bogomili i Patareni, въ Rad jugoslavenske akademije. VII, VIII, X; Голубинскій, op. cit. 154; срв. Божидаръ Петрановичъ. Богомили. у Задру. 1867; В. Левицкій, Богомильство, болгарская ересь. Спб. 1870 (въ Христіанскомъ Чтеніи). Мы держимся преимущественно Рачкаго.

скихъ воззрѣній, уже значительно измѣненныхъ павликіанами, примѣнилъ ихъ къ христіанству, привелъ этотъ возобновленный дуализмъ въ систему и утвердилъ его строжайшею организаціею цѣлаго религіознаго общества. Ученіе Богомила не есть новая религія, и вовсе она не обязана своимъ происхожденіемъ отпаденію отъ православной церкви. Корни ея лежатъ внѣ христіанства; она лишь новая ступень въ безпрерывномъ развитіи восточныхъ догматовъ, образовавшихся изъ смѣшенія сирійскихъ, персидскихъ и греческихъ воззрѣній съ христіанскими элементами, и въ постепенномъ ихъ сближеніи съ христіанствомъ.

Для Богомила было не трудною задачею склонить народъ, отказавшійся недавно отъ язычества, къ принятію ученія, которое, подобно древнему славянскому миѳу о богахъ и бѣсахъ, вѣрило въ двоякія высшія существа, т. е. добрыя и злыя божества. При томъ ученики Богомила, названные *богомилами*, были не только весьма уважаемы, но еще привлекали къ себѣ многихъ послѣдователей своею строгою нравственностью. Они были миролюбиваго характера, воздерживались отъ громкихъ криковъ и смѣха и отличались блѣдностью лица, вслѣдствіе поста. Это придавало имъ видъ святости, всегда имѣвшій вліяніе на востокѣ. Они не отдѣлялись явно отъ церковнаго общества, хотя считали свое ученіе лучшимъ. Самихъ себя никогда не называли богомилами, но просто христіанами. Гдѣ ихъ было немного, тамъ они посѣщали православныя церкви и потому оставались въ неизвѣстности. Греки называли ихъ по славянски Βογομίλοι, или Εὐχῖται, Μασσαλιανοί. Между Славянами они также назывались *бабунами* или *манихеями*; въ Босніи — *патаренами* [13]).

Послѣ непродолжительнаго времени въ Болгаріи уже

---

[13]) Объ имени богомиловъ, см. гл. XIII.

существовали двѣ церкви богомиловъ, на которыя ихъ единовѣрцы, даже когда ихъ было весьма много, всегда указывали какъ на колыбель богомильства: а именно эти церкви были: болгарская и драговичьская. Послѣдняя, называемая въ латинскихъ источникахъ Dragovetia, Duguntbia, Dugranica, находилась, по мнѣнію Рачкаго, въ родинѣ македонскихъ Драговичей, при нижнемъ Вардарѣ, тогда какъ Голубинскій перемѣщаетъ ее къ филиппопольскимъ Драговичамъ. Изъ этихъ двухъ церквей развились всѣ позднѣйшія и держались ихъ ученія.

Вскорѣ выступилъ въ Болгаріи усердный противникъ богомильства, пламенныя рѣчи которого по нынѣ сохранились. То былъ приведенный выше пресвитеръ Козьма. По его мнѣнію богомилы „хуже глухихъ и нѣмыхъ идоловъ, хуже бѣсовъ, жидовъ и невѣрныхъ: они враги Бога". Далѣе онъ ставитъ имъ въ вину, что они учатъ непослушанію противъ начальства, проклинаютъ богатыхъ (настоящій богомилъ не долженъ былъ дорожить земными благами): что они осмѣиваютъ старшихъ, оклеветываютъ боляръ, служащихъ царю и его чиновникамъ объявляютъ оскорбляющими Бога и запрещаютъ рабамъ работать на ихъ господъ. Когда богомилъ былъ наказываемъ присутственнымъ мѣстомъ за возмущеніе, то народъ его уважалъ какъ мученика.

Приступая къ краткому изложенію догматики и этики богомиловъ [14]), мы должны замѣтить, что онѣ отчасти еще не объяснены и что богомильское ученіе въ различныхъ странахъ подвергалось измѣненіямъ, всегда стремившимся къ сближенію съ христіанствомъ.

Прежде всего представляется вопросъ, на какихъ именно сочиненіяхъ богомилы основывали свое ученіе? Безусловно они отвергали церковное преданіе и св. отцовъ.

[14]) Мы пользуемся основательнымъ разсужденіемъ Рачкаго (Rad X).

Во времена Козьмы они изъ священнаго писанія принимали лишь Новый Завѣтъ; въ Ветхомъ господствовалъ, по ихъ мнѣнію, дьяволъ. Впослѣдствіи они становились болѣе и болѣе уступчивыми. Въ текстѣ св. писанія они зато не измѣняли ни одной буквы въ переводѣ славянскихъ апостоловъ. Замѣчательно, что единственное сохранившееся богомильское евангеліе, хотя написано въ 1404 году, тѣмъ не менѣе содержитъ весьма древнія формы языка и тѣмъ свидѣтельствуетъ, что они списывали весьма древнія рукописи [15]. При объясненіи св. писанія они пользовались безусловною свободой; но вмѣстѣ съ тѣмъ они гордились, что многіе изъ нихъ знали св. писаніе наизусть. Тоже мы знаемъ о чешскихъ таборитахъ. Это доказываетъ, что искусство читать и писать было у нихъ весьма распространено.

Кромѣ библейскихъ книгъ у нихъ было много другихъ. Козьма разсказываетъ, что ихъ ученіе образовалось изъ различныхъ неправильно перемѣшанныхъ стихотвореній. То были весьма древнія сочиненія, распространившіяся вмѣстѣ съ ученіемъ богомиловъ по всей Европѣ. Ихъ фантастическое содержаніе нравилось народу въ періодъ, когда всѣ умы были погружены въ религіозныя созерцанія. Многія изъ нихъ упоминаются еще въ первыя времена христіанства въ актахъ римскаго собора 494 года. Только нѣкоторые были составлены богомилами; всѣ почти древніе славянскіе апокрифы переведены съ греческаго. Самъ попъ Богомилъ составилъ сборникъ апокрифовъ: о крестномъ деревѣ, какъ Христосъ оралъ съ плугомъ, какъ императоръ Пробъ назвалъ Христа своимъ товарищемъ и т. п. Къ другимъ богомильскимъ сочиненіямъ относятся: видѣніе Исаія, вопросы св. Іоанна, хожденіе Богоматери въ адъ и т. д.; о нихъ скажемъ подробнѣе въ обозрѣніи болгарской

---

[15]) Даничичъ о кодексѣ Босняка Хвала въ Старине III. 1 — 146.

словесности [16]). Основаніемъ богомильскаго богословія было мнѣніе о существованіи двухъ началъ — добраго и злаго. Могущество и древность добраго и злаго божества были одинаковы. Доброе божество есть совершенное, тройственное существо, отъ котораго не происходило ничего несовершеннаго и временнаго: оно творецъ небеснаго, невидимаго и совершеннаго міра. Злое божество, по христіанской терминологіи также называемое сатана или дьяволъ, создало все видимое и матеріальное, т. е. вселенную со всѣмъ живущимъ и безжизненнымъ. Итакъ міръ, по взгляду богомиловъ, былъ твореніемъ дьявола. Земля, его твореніе, по ихъ мнѣнію, была предназначена къ погибели.

Существовали такимъ образомъ два міра — невидимый, населенный людьми съ сверхестественнымъ тѣломъ, и видимый, тѣлесный: міръ божій и міръ сатаны. Противоположность между тѣломъ и духомъ, между временемъ и вѣчностью, обнаруживается очень рѣзко. Оба начала соединены только въ душѣ человѣка: она — павшій съ неба и заключенный въ тѣло ангелъ, который послѣ смерти человѣка возвратится туда, откуда пришелъ.

Греческіе богомилы разсказывали, что сатана, сотворивъ свое небо и свою землю, создалъ Адама изъ земли, но не умѣлъ его оживить. Тогда онъ послалъ вѣстниковъ просить Бога, чтобы онъ ему послалъ свой духъ и что человѣкъ будетъ служить обоимъ. По добротѣ своей Богъ исполнилъ желаніе сатаны и жизнь досталась человѣку. Ева была создана подобнымъ же образомъ. Отъ сатаны она родила Каина и Каломену, но сатана тѣмъ лишился своей творческой силы и съ тѣхъ поръ онъ остался лишь владѣтелемъ міра. Отъ Адама родился Авель. Каинъ убилъ Авеля, и съ тѣхъ поръ стали совершаться убійства.

[16]) См. главу XXVI, 9.

Подобные миѳы о происхожденіи міра, объ одинаковомъ могуществѣ добраго и злаго существа встрѣчаются также въ разныхъ славянскихъ басняхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ богомиламъ.

Виновникомъ грѣхопаденія человѣка былъ сатана: человѣкъ, по ученію богомиловъ, не имѣетъ свободной воли. Человѣчество было подвластно сатанѣ еще во время Ветхаго Завѣта: онъ же подвергъ его потопу, разсѣялъ людей изъ Вавилона и былъ виновникомъ гибели Содома. Поэтому-то богомилы отвергали какъ Моисея, такъ и пророковъ.

Спаситель для виду (въ привидѣніи) только принялъ человѣческое тѣло, — ибо все вещественное вѣдь твореніе сатаны, — и только для виду умеръ на крестѣ. Когда онъ воскресъ изъ мертвыхъ, онъ осрамилъ сатану и приковалъ его къ тяжелой цѣпи. По возвращеніи на небо, онъ оставилъ свое тѣло въ воздухѣ. По ученію богомиловъ Марія не была матерью Христа, но ангеломъ. Іоаннъ Креститель принадлежалъ къ Ветхому Завѣту и слѣдовательно былъ преданъ проклятію, какъ „предвѣстникъ царя великаго, солнца, антихриста“.

Результатомъ спасенія было освобожденіе душъ. Прикованныя сатаной къ тѣлу, онѣ освобождаются изъ этого заключенія и возвращаются на небо, такъ какъ онѣ принесли покаяніе въ тѣлѣ. Спаситель училъ людей, какъ онѣ должны были приносить это покаяніе. Ученіемъ своимъ онъ указалъ путь къ спасенію и это ученіе онъ оставилъ вѣрующимъ, но никакъ не таинства, которыя, будучи обрядами, были вещественными, сатаническими знаками.

Богомилы называли себя, какъ уже было замѣчено, просто *христіанами* и объявили, что одно только ихъ ученіе было правдивое и чистое. Они осмѣивали православныхъ епископовъ, называли поповъ ужами, монаховъ — лисицами, а самихъ себя считали небесною жизнью.

солью земли, свѣтомъ міра, лиліями полей и безгрѣшными святыми.

Въ ихъ общество принимались только взрослые. Принятіе совершалось не крещеніемъ — вѣдь вода была сотворена сатаною—но, послѣ предварительныхъ молитвъ и поста, возложеніемъ евангелія Іоанна; тѣмъ не менѣе этотъ актъ былъ называемъ Греками βάπτισμα. При этомъ давалось имя. Такимъ образомъ новый сочленъ былъ принимаемъ, какъ *просто-вѣрующій* (на западѣ credens). Но существовала также высшая ступень *совершенныхъ* (въ Босніи *крестьяне, добрые бошняне, свършители*, т. е. христіане, по латински: christiani, boni homines, electi, perfecti [17]). Церковную іерархію богомилы рѣшительно отвергали. Каждый совершенный, мужчина или женщина, имѣлъ право проповѣдывать.

Церковные старшины были лишь довѣрителями общины, ею-же избранные. Они дѣлились на три ступени. Во главѣ края стоялъ епископъ, въ Босніи *дѣдъ*, названный на западѣ *episcopus* или *senior*. Слѣдующія двѣ ступени составляли *апостолы* или *стройники (magistri)*, называвшіеся *гостями* и *старцами* (въ Италіи *filii* и *diaconi* [18]). Даже во время величайшаго распространенія ученія, отъ Бордо до Константинополя, никто изъ епископовъ не пользовался верховной властью похожею на папскую.

Число церковныхъ старшинъ было весьма ограничено. Въ Босніи, гдѣ ученіе богомиловъ осталось господствую-

[17]) Rački въ Rad X 179, ср. боснійскія грамоты XV столѣтія у Miklosich'a Mon. serb. 368, 398. 440, 461. Пучичь, Србски споменици, Бѣлградъ, I, 1858, 1 прим. стр. VII (1404) alguni dei Patarini et Baroni et boni homeni.

[18]) Постепенность должностей видимъ мы напримѣръ на Боснякѣ Радинѣ, названномъ крестьяниномъ въ грамотахъ 1422 г., старцемъ въ 1438 г. а въ 1453 г. гостемъ. См. Даничичь, Старо-серб. лексиконъ, sub v. Подробнѣе объ этомъ, см: Rački, op. cit. 183 съ сл.

щимъ въ теченіи столѣтій, былъ одинъ только дѣдъ и 12 стройниковъ. Богослуженіе не совершалось. Стройники странствовали съ мѣста на мѣсто, укрѣпляли вѣру въ народѣ, были посредниками въ договорахъ и заключали миръ и перемиріе. Также не было богомильскихъ церковныхъ строеній. Подобно древнимъ Славянамъ, богомилы повсюду поклонялись Богу, подъ открытымъ небомъ, на горахъ, въ рощахъ и въ своихъ хатахъ. По ихъ воззрѣніямъ христіанскіе храмы и церкви были мѣстопребываніемъ злыхъ духовъ, колокола же — трубами демоновъ. Сначала, говорили они, сатана обиталъ въ Іерусалимскомъ храмѣ, затѣмъ въ Софіевской церкви въ Константинополѣ. Впрочемъ они все таки имѣли молельни въ южной Франціи и можетъ быть также въ Босніи: то были просто домики безъ башенъ и колоколовъ, безъ украшеній и иконъ, безъ каѳедры и алтаря, замѣняемаго столомъ, покрытымъ бѣлымъ полотномъ, а на немъ св. евангеліе.

Они наругались надъ крестомъ. Иконы считали идолами. Они много молились, читая преимущественно „Отче нашъ“. Обѣдню они совершенно отвергали, считая ее жертвоприношеніемъ демонамъ и многоглаголаніемъ. Зато исповѣдывались публично (ἐξομολόγησις, appareilament) каждый мѣсяцъ въ присутствіи „совершенныхъ“ обоихъ половъ, не исчисляя свои грѣхи.

Что касается ихъ этики, то грѣхомъ они считали только подчиненіе души тѣлу, твари. Они полагали, что духовная смерть слѣдуетъ за фактическимъ нарушеніемъ божескихъ заповѣдей, но не отъ злыхъ мыслей.

Образъ жизни „совершенныхъ“ богомиловъ былъ весьма строгій, вслѣдствіе чего только небольшое число избранныхъ составляло этотъ классъ. Они должны были отказаться отъ всѣхъ земныхъ благъ „ржавчины души“. Имущество богомиловъ было двоякаго рода, церковное и частное. Церковное

пріобрѣталось дарами или завѣщаніями: изъ его доходовъ помогали бѣднымъ и больнымъ единовѣрцамъ, затѣмъ миссіонерамъ. Частное имущество было плодомъ трудолюбія и бережливости: за это ихъ хвалили и иновѣрцы. Они работали даже въ праздничные дни. Нищихъ презирали и довольствовались лишь необходимымъ для простаго образа жизни.

„Совершеннымъ" воспрещалось вступать въ бракъ: бракъ у нихъ уподоблялся блуду. Мясо они не могли употреблять, какъ сотвореніе сатаны, а также сыръ, яйца и другую животную пищу. Они считали убіеніе человѣка или какого бы то ни было животнаго большимъ проступкомъ: дозволялось только убивать змѣй, какъ дьявольскихъ животныхъ. Потому то они отвергали войну и смертную казнь.

„Совершеннымъ" богомиламъ запрещалось говорить съ невѣрнымъ, развѣ для обращенія его въ богомильство. Лгать и скрывать истину считалось тяжкимъ грѣхомъ, присяга же и показаніе предъ судомъ ими отвергались.

Жизнь такого совершеннаго походила на жизнь отшельника: онъ отказывался отъ свѣта съ его удовольствіями, жилъ въ бѣдности, удовлетворялъ лишь самымъ необходимымъ потребностямъ, разрывалъ всѣ семейныя связи, равно какъ и всѣ дружескія отношенія къ иновѣрцамъ, избѣгалъ какъ суда, такъ и поля битвы. Пища ихъ состояла изъ произведеній растительнаго царства и рыбъ, приготовленныхъ на растительномъ маслѣ: масло коровье и сало были имъ запрещены. Богомилы не должны были пить вино: но Босняки, Италіянцы и Французы не соблюдали это правило.

Одежда совершенныхъ была черная, иногда въ родѣ длинной монашеской рясы. Они избѣгали народныхъ празднествъ, а также свадьбы и крестины и никогда не посѣщали гостинницъ. Имъ запрещено было предаваться гнѣву и много говорить: у себя дома они занимались чтеніемъ

библіи или фантастическихъ апокрифовъ. Однимъ словомъ, образъ жизни былъ суровый, чисто монашескій [19]).

Болгарскіе богомилы молились четыре раза въ день и столь же часто ночью; греческіе — семь разъ въ день и пять разъ ночью. При переѣздѣ черезъ мостъ и прибытіи въ деревню они имѣли обыкновеніе читать молитвы. По этому тихому и мрачному шепоту не трудно было ихъ отличить отъ другихъ людей. Праздничныхъ дней у нихъ не было. Они ломали хлѣбъ, но только въ память Спасителя. Они чрезмѣрно изнурялись постомъ [20]).

„Совершенныя“ христіанки имѣли тѣ-же обязанности, какъ и мужчины. Одѣвались онѣ въ черное, занимались рукодѣліемъ, воспитаніемъ дѣтей, призрѣніемъ убогихъ и больныхъ.

Такова была жизнь совершенныхъ. Немногіе только достигали этой степени: для этого требовалось чрезвычайное самоотверженіе. Поэтому даже во время высшаго процвѣтанія богомильства, въ началѣ XIII ст., ихъ насчитывали не болѣе 4000 между сотнями тысячъ богомиловъ. Вѣрующіе оказывали имъ большое уваженіе: при встрѣчѣ съ ними они имъ кланялись и обнажали голову. Ихъ благословеніе высоко цѣнилось. Путешествующаго совершеннаго всюду принимали радушно и угощали.

Простые вѣрующіе жили такъ, какъ другіе люди. Имъ не запрещалось вступать въ бракъ, но съ условіемъ, „чтобы жена была добра и вѣрна“ и съ сохраненіемъ права разстаться съ ней по своему благоусмотрѣнію (въ Босніи [21]).

[19]) Racki (Rad X) 208, 214.

[20]) Въ Италіи „совершенные“ носили подъ верхней одеждой шерстяной поясъ, а женщины „cordulam cinctam ad carnem nudam subtus mamillas“ (Reinerus).

[21]) Папа Григорій XI писалъ въ 1373 году: „quum Boskenses uxores accipiant cum condicione: si eris bona et intentione dimmittendi, quando

Можно себѣ представить какая необузданность была слѣдствіемъ такого положенія.

Простой вѣрующій принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ: примѣръ этому мы видимъ у боснійскаго, ломбардскаго и французскаго дворянства. Онъ могъ составить себѣ богатство, не отказываться отъ всякихъ наслажденій и одѣваться какъ другіе люди. Но на смертномъ одрѣ всѣ принимались въ классъ совершенныхъ, посредствомъ церемоніи, названной на западѣ — la convenensa.

Въ загробной жизни богомилы признавали только небо и адъ, безъ чистилища. За усопшихъ не молились: умершій безъ конвененсы попадалъ въ адъ, гдѣ также помѣщались всѣ невѣрные и жившіе до Христа. Они не признавали воскресенія тѣла, такъ какъ все вещественное считалось грѣшнымъ и сатаническимъ.

Козьма упрекаетъ богомиловъ за ихъ лицемѣріе и тщеславіе. О греческихъ богомилахъ читаемъ, что они тщеславились своимъ воздержаніемъ, но приглашенные „ѣли и пили какъ слоны". Есть извѣстія, правда основанныя только на преданіяхъ, что ихъ собранія превращались въ оргіи. Вѣдь существуетъ мало сектъ, о которыхъ такимъ-же образомъ не отзывались бы ихъ враги: какія басни были пущены въ ходъ римскимъ народомъ о первыхъ христіанахъ. Частные случаи распущенности доказаны только у савойскихъ и болгарскихъ богомиловъ XIV столѣтія.

Это мрачное, отвергающее чувственность, ученіе овладѣло сердцами славянскаго народа на Балканскомъ полуостровѣ и удержалось тамъ съ большимъ или меньшимъ счастіемъ до прибытія Турокъ. Въ средніе вѣка, въ то время, когда религіозные вопросы стояли на первомъ планѣ.

sibi videbitur» (рукопись Юго-славян. академіи): ср. Theiner, Mon. Slav. merid. I, 389. Rački. Rad VIII, 149. X. 218.

у южныхъ Славянъ къ борьбѣ за самостоятельность народныхъ православныхъ церквей и къ борьбѣ за унію восточной и западной церквей присоединилась еще внутренняя борьба христіанства противъ восточнаго богомильства. Народъ раздѣлился на двѣ партіи. Первая опиралась на государственную и церковную власть, на сильное болярство и духовенство; другая была сильна своей численностью и непреодолимымъ постоянствомъ. Въ Босніи богомильство торжествовало въ безпрерывной борьбѣ съ Венгріею и папою. Знающій разрушающія слѣдствія этого ученія легко пойметъ быстрые успѣхи, доставившіе Османамъ въ теченіи XIV и XV столѣтій владычество надъ полуостровомъ.

Глава X.

Русскіе въ дунайской Болгаріи.

Вторженіе русскаго князя Святослава и занятіе Русскими прибалканскихъ земель.—Покореніе восточной Болгаріи византійскимъ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ (971).

Въ 963 году, въ томъ же году, въ которомъ послѣдовало раздѣленіе Болгаріи на два царства, вступилъ на константинопольскій императорскій престолъ полководецъ *Никифоръ Фока*, который, обратнымъ завоеваніемъ занятыхъ Арабами острововъ Крита и Кипра, возстановилъ византійское могущество въ восточной части Средиземнаго моря. Съ нимъ начинается рядъ монарховъ, которые твердою рукою управляли судьбами ромейскаго государства. Вскорѣ это пришлось почувствовать восточному слабѣйшему болгарскому царству [1]).

Въ тоже самое время, когда Никифоръ, по возвращеніи своемъ въ Константинополь въ 966 году, праздновалъ тріумфомъ блестящія побѣды надъ Сарацинами въ Малой Азіи и предъ прочимъ взятіе Тарса (965), явились въ столицу болгарскіе послы за полученіемъ обычной дани. Ни-

---

[1]) Разъясненіемъ многихъ дипломатическихъ, хронологическихъ и топографическихъ вопросовъ прежніе труды объ этомъ періодѣ (Гильфердинга, Рачкаго, Гфрёрера, Byzantinische Studien 1874, Папарригопуло и другихъ) значительно дополнены Дриновымъ, въ его соч. «Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ».

кифоръ тогда въ присутствіи всего двора воскликнулъ: „Какъ несчастны Римляне, если они, побѣдивъ всѣхъ непріятелей, должны теперь, подобно невольникамъ, платить дань Скиѳамъ, этому презрѣнному и бѣдному народу!“ Затѣмъ онъ велѣлъ бить пословъ и постыднымъ образомъ выгнать [2].

Итакъ сорокалѣтній миръ (съ 927 г.) насильственнымъ образомъ былъ прерванъ, и въ этотъ разъ опять Византійцами. Походъ былъ открытъ Никифоромъ занятіемъ болгарскихъ пограничныхъ крѣпостей во Ѳракіи; но затѣмъ императоръ, желая беречь воиновъ своихъ для продолженія счастливаго похода на востокѣ, предоставилъ Русскимъ уничтоженіе восточной Болгаріи и безъ того уже очень ослабленной. Еще въ мирномъ договорѣ, заключенномъ Игоремъ (945) и подтвержденномъ Ольгою (957), Русскіе обязались къ доставкѣ Византійцамъ вспомогательнаго войска [3]. Къ тому еще денежный подарокъ 1500 литръ золота склонилъ Святослава къ предпринятію похода.

Съ десятитысячнымъ войскомъ великій князь отправился внизъ по Днѣпру къ Черному морю, въ августѣ 967 г. присталъ внезапно къ берегу около устьевъ Дуная и безъ труда овладѣлъ городомъ Переяславцемъ или Малымъ Прѣславомъ, слѣды котораго замѣтны еще нынѣ къ востоку отъ Тульчи у деревни Прислава, на правомъ берегу рукава св. Георгія. Болгарское тридцатитысячное войско было разбито и принуждено бѣжать въ Дерстръ.

О планахъ Никифора мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣ-

---

[2]) Такъ началась война по разсказу Льва Діакона, который, какъ современникъ и частью очевидецъ, представляетъ намъ главный источникъ для этого періода. Позднѣйшіе компиляторы Кедринъ и Зонара упоминаютъ о грабительскихъ походахъ Мадьяръ чрезъ Болгарію до византійскихъ провинцій. Однако по «Vita S. Gerardi» (Endlicher. Monumenta Arpad., 214) Мадьяры и Болгаре находились тогда въ дружескихъ отношеніяхъ.

[3]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I. 22. 26.

ній. Намъ неизвѣстно, хотѣлъ ли онъ только стращать Петра, или же имѣлъ въ виду покореніе Болгаріи. Достовѣрно только то, что тотчасъ послѣ счастливаго похода Святослава политика его измѣнилась. Уничтоженіе византійскаго флота Арабами близъ Сициліи, успѣхи императора Оттона I въ южной Италіи, безпорядки, вспыхнувшіе въ Царьградѣ вслѣдствіе тяжести налоговъ и слухи, что намѣстникъ Херсона Калокиръ домогался овладѣть престоломъ византійскимъ съ помощью Святослава, все это побудило императора примириться съ Петромъ. Для скрѣпленія союза положено было выдать двухъ болгарскихъ царевенъ за двухъ византійскихъ царевичей; кромѣ того Петръ послалъ своихъ сыновей *Бориса* и *Романа* въ Константинополь.

Никифоръ обѣщалъ старому болгарскому царю, что Русскіе снова имъ будутъ прогнаны: они однако сами рѣшились возвратиться (весною 968) по случаю осажденія Печенѣгами Кіева.

Но еще 30 января 969 года [4]) Петръ скончался. Болгарскою церковью онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ. Смерть его имѣла пагубныя послѣдствія для его царства.

Отсутствіемъ болгарскихъ царевичей, находившихся въ Константинополѣ, хотѣлъ воспользоваться *Давидъ*, сынъ *Шишмана I*, царя Западной Болгаріи, чтобы соединить подъ своею властью обѣ части государства; но *Борисъ II* предупредилъ его съ помощью Византійцевъ и успѣлъ удержаться [5]).

Лишь только миновала опасность, грозившая съ запада, Святославъ (лѣтомъ 969 года) снова выступилъ

[4]) Въ этотъ день празднуется его память. Срезневскій. Памятники югославянскаго письма. С.-П. 1868, 123.

[5]) Кедринъ, ed. Bonn. II, 346.

въ Болгарію, но уже не какъ союзникъ Византійцевъ, а ради собственныхъ интересовъ. Разсказываютъ [6]), что онъ не скрывалъ отъ своей матери Ольги, что ему веселѣе жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, чѣмъ въ Кіевѣ, такъ какъ тамъ стекались всѣ драгоцѣнности искусства и природы: золото, ткани, вино и плоды изъ Греціи; серебро и лошади изъ Чехіи и Венгріи; мѣха, воскъ, медъ и невольники изъ Руси. Послѣ отчаянной борьбы подъ стѣнами Переяславца Святославъ „къ вечеру одолѣ и взя градъ копьемъ". Послѣ многихъ выигранныхъ сраженій, Святославу удалось овладѣть не только Дерстромъ и дунайскими городами, но также столицею царства, Прѣславомъ на Камчіи, и въ ней плѣнить царя Бориса со всѣмъ его семействомъ; старому Варягу Свѣнальду было поручено стеречь сокровища тамъ скопившіяся со временъ Крума, Бориса и Симеона и плѣннаго царя. Въ безпрерывной борьбѣ Святославъ перешелъ чрезъ Балканы, послѣ ужаснаго кровопролитія овладѣлъ Филиппополемъ (970) и явился у греческой границы [7]).

Въ Константинополѣ царствовалъ съ 10 декабря 969 года воинственный Армянинъ Іоаннъ Цимисхій, проложившій себѣ путь къ престолу убіеніемъ Никифора. Предложенный имъ миръ былъ отвергнутъ Святославомъ. Русскій князь увеличилъ свое войско болгарскими и мадьярскими наемниками, поразилъ Грековъ въ кровопролитной битвѣ подъ Адріанополемъ [8]) и опустошилъ Ѳракію.

[6]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 66.

[7]) Leo Diacon. ed. Bonn. 105. Полагали, что въ Филиппополѣ было тогда изрублено до 20.000 человѣкъ. Еще въ слѣдующихъ столѣтіяхъ катастрофа эта не была забыта Филиппопольцами. Anna Comnena, ed. Par. 450. (Подъ Тавроскиѳами здѣсь разумѣются Русскіе, подобно тому какъ у Киннама).

[8]) Тогда какъ по русскому лѣтописцу Греки были разбиты Святославомъ — Левъ Діаконъ и Кедринъ приписываютъ имъ побѣду. Впрочемъ самъ Левъ не скрываетъ, что послѣ этого сраженія Ѳракія была опустошена Русскими.

Весною 971 года Цимисхій изъ Адріанополя перешелъ до Великаго Прѣслава чрезъ балканскіе проходы, не занятые по неизвѣстной причинѣ. Послѣ несчастнаго сраженія около города, Свѣнальдъ долженъ былъ въ немъ затвориться. Русскіе храбро защищались на вершинахъ крѣпкой стѣны, но греческіе пращники превозмогли. Осаждающіе приставили лѣстницы и вторглись въ городъ, который былъ разграбленъ. Свѣнальдъ заперся въ обширномъ и хорошо укрѣпленномъ кремлѣ, который однако былъ зазженъ Греками со всѣхъ сторонъ. Русскіе погибли въ отчаянной борьбѣ за исключеніемъ Свѣнальда, который съ немногими пробился въ Дерстръ. Въ Прѣславѣ Борисъ II съ семействомъ былъ освобожденъ изъ русскаго плѣна и принятъ Цимисхіемъ съ большими почестями.

Между тѣмъ Святославъ заперся въ Дерстрѣ. Казнями и заточеніями онъ усмирилъ недовольныхъ Болгаръ. 23 апрѣля Византійцы показались предъ городомъ. Большое сраженіе предъ воротами города было рѣшено только ночью византійскою конницею. Затѣмъ Дерстръ былъ осажденъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ какъ съ суши, такъ и со стороны рѣки. Въ борьбѣ участвовали также русскія женщины въ мужской одеждѣ. Изнуренные голодомъ, осажденные сдѣлали 22 іюля послѣднюю, отчаянную вылазку, принудившую ихъ несчастнымъ своимъ исходомъ заключить миръ, послѣ чего они, снабженные судами и припасами, возвратились во свояси.

Святославъ не увидѣлъ болѣе роднаго края: онъ былъ убитъ у днѣпровскихъ пороговъ въ борьбѣ съ Печенѣгами. Изъ его черепа печенѣжскій князь Куря сдѣлалъ чашу для питья.

Дунайская Болгарія была вся занята Греками. Цимисхій и не думалъ возвратить царство освобожденному Борису, хотя при вступленіи своемъ въ Болгарію повсюду

выдавалъ себя за освободителя этой страны отъ владычества Русскихъ. Царь Борисъ II и болгарскій патріархъ Даміанъ были низложены и Восточная Болгарія, т. е. сѣверная Θракія съ Филиппополемъ и страна между Балканомъ, Осмою, Дунаемъ и Понтомъ была присоединена къ Византійской имперіи. Прѣславъ былъ переименованъ въ Іоаннополь по имени императрицы, а Дерстръ — въ Θеодорополь въ честь св. Θеодора Стратилата, который, какъ думали, помогалъ при осадѣ. Возвратившись съ тріумфомъ, побѣдитель пожертвовалъ въ Софіевскій соборъ корону закоренѣлыхъ враговъ Римской имперіи. Борисъ долженъ былъ публично снять съ себя украшенную золотомъ и жемчугомъ пурпурную тіару, багряницу и красные башмаки; въ замѣнъ онъ получилъ титулъ магистра имперіи. Младшій братъ его Романъ былъ оскопленъ.

Такимъ образомъ восточное болгарское царство, которое своимъ объемомъ мало только превышалось надъ государствомъ Испериха и заключало въ себѣ лишь небольшую часть сильной монархіи Симеона, подпало подъ власть Грековъ, существовавъ всего только девять лѣтъ (963—971). Византійцы господствовали въ областяхъ, бывшихъ въ теченіи трехсотъ лѣтъ подъ властью болгарскихъ князей и исходною точкою ихъ побѣдоносныхъ походовъ. Между тѣмъ династія Шишмана удержалась неприкосновенно въ несравненно большемъ западномъ царствѣ.

Глава XI.

Западное болгарское царство и его паденіе. Царь Самуилъ.

Границы западнаго болгарскаго царства. — Царь Шишманъ I (963—968?). — Царь Давидъ (968?—977). — Царь Самуилъ (977 — 1014). — Борьба съ Василіемъ II Болгаробойцемъ. Цари Гавріилъ (Романъ 1014 — 1015) и Іоаннъ Владиславъ (1015 — 1018). — Окончательное присоединеніе Болгаріи къ Византійской имперіи.

Западное болгарское царство заключало въ себѣ внутреннія части полуострова, предъ прочими Македонію, Албанію, сѣверный Эпиръ и сѣверную Θессалію, долину Моравы, окрестности Видина и Софіи. Западная и южная граница совпадала почти съ границею болгарскаго царства Симеона. На сѣверѣ Дунай орошалъ предѣлы земель Шишмановичей отъ Бѣлграда внизъ далеко за Видинъ. На востокѣ граница тянулась до восточно-болгарскаго царства, а послѣ его паденія, до византійскихъ владѣній, приблизительно отъ устья Осмы по этой рѣкѣ до Трояновыхъ воротъ и до византійской пограничной крѣпости Вересъ. Только на западѣ царство доходило до моря, въ прибрежьяхъ Албаніи и Эпира [1].

[1]) Часто нами приведенный трудъ Дринова «Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ» (Москва 1876, глава III) составляетъ эпоху для начала исто-

Это государство собственно было не монархіей. но конгломератомъ. такъ сказать. вотчинныхъ княжествъ. подвластныхъ потомкамъ тѣхъ славянскихъ князей, которые во главѣ своихъ колѣнъ еще въ концѣ VII столѣтія такъ часто тщетно осаждали Солунь, или же болгарскихъ вельможей IX вѣка. Центръ Македоніи. страна Брсяковъ съ городами: Скопьемъ, Прилепомъ, Битолемъ, Преспою и Охридою. былъ вотчиною царской фамиліи. Въ Перникѣ, у подошвы Витоша. повелѣвалъ храбрый болярин Кракрасъ, въ Струмицѣ—Драгомужъ. въ Мogленѣ—Ильица. въ Воденѣ—Драгшанъ. въ Сервіи—Николица. въ албанскомъ Бѣлградѣ (теперь Бератъ)—Элемагъ и т. д. Войско болгарское состояло изъ контингентовъ этихъ вельможей или скорѣй удѣльныхъ князей.

Царь *Шишманъ I.* основатель новаго государства и родоначальникъ новой династіи. столицею своею избралъ сначала городъ Срѣдецъ (Софію). который еще со временъ Римлянъ считался первымъ городомъ края. Впослѣдствіи резиденція была перенесена имъ или его преемникомъ въ Моглену. въ южной Македоніи. а оттуда въ Воденъ. Вмѣстѣ съ столицею странствовала также резиденція западнаго болгарскаго патріарха [2]).

Недостаетъ извѣстій о томъ, кому Шишманъ обязанъ своею царскою короною. Извѣстно только, что сынъ его Самуилъ, подобно Симеону и Петру, получилъ ее изъ Рима [3]).

ріи Шишмановичей. Для дальнѣйшаго хода войнъ Самуила сравн. Гильфердингъ I, 125 съ сл. и въ особенности новѣйшее сочиненіе Ф. Рачкаго, Borba juznih Slovena za državnu neodvisnost u XI vieku, въ Rad jugoslav. akad. XXIV, XXV, XXVII, XXVIII, XXX, XXXI. Также отдѣльно, Загребъ 1875. 8°, 333 стр.

[2]) Эти резиденціи упомянуты въ грамотѣ Василія II. 1020 года. у Голубинскаго, 261.

[3]) См. глава VIII, примѣч. 21

Итакъ Шишмановичи, съ отдѣленіемъ отъ восточнаго царства, приняли прежнія сношенія Симеона съ Римомъ, тогда какъ Петръ вступилъ въ сношенія съ Византіею.

Шишманъ скончался послѣ непродолжительнаго царствованія (съ 963 года незадолго до 969 г. [4]). Ему наслѣдовалъ сынъ его — царь *Давидъ*. Попытка его овладѣть по смерти Петра (969) всѣмъ царствомъ не удалась, какъ было сказано выше. Онъ не вмѣшивался при покореніи восточнаго царства Русскими и Византійцами, выжидая болѣе благопріятнаго времени, которое скоро наступило. Между тѣмъ онъ старался вступить въ сношенія съ западомъ. Въ мартѣ 973 года послы его представились императору Оттону I въ Кведлингбургѣ [5]).

Императоръ Цимисхій скончался 10 января 976 года. Два юноши изъ династіи Василія I Македонянина, братья Василій II и его соправитель Константинъ VIII ему наслѣ-

[4]) Родословная македонскихъ Шишмановичей:

Шишманъ I.

- *Давидъ.*
- Моисей.
- Аронъ.
  - *Іоаннъ Владиславъ*, супр. Марія.
    - 6 сын. и 6 дочерей, между ними князь *Фружинъ*, Аронъ и Екатерина, супруга имп. Исаака Комнина (1057—1059).
  - Алусіанъ.
- *Самуилъ*, супр. Гречанка изъ Лариссы.
  - *Гавріилъ Романъ*
    - 5 сыновей, 2 дочери. Одинъ изъ сын. *Делянъ*, другаго ослѣпилъ Владиславъ; одна изъ дочерей была супр. Стефана Воислава.
  - (Косара) супр. Владимира сербск.
  - Дочь супр. Ашота
  - Троянъ.
    - Марія супр. Андроника, сына царя Іоанна Дукаса.
  - 2 дочери при тріумфальномъ шествіи Василія II.

[5]) Pertz, Scriptores rer. germ. III. 62. 63. Этотъ фактъ достаточно свидѣтельствуетъ о существованіи втораго болгарскаго государства на западѣ въ 973 году, стало быть два года послѣ завоеванія восточной Болгаріи. До появленія трудовъ Дринова полагали, что государство Самуила возникло только вслѣдствіе новой революціи послѣ смерти Цимисхія.

довали. Тотчасъ повсюду вспыхнули возстанія. Въ Малой Азіи возмутился полководецъ Варда Склиръ, затѣмъ также его товарищъ Варда Фока. Борьба съ этими мятежниками, поддерживаемыми Арабами, продолжалась 14 лѣтъ — до 989 года.

Пользуясь этими обстоятельствами, Давидъ не замедлилъ вступить въ борьбу съ Византіею. Война началась осадою пограничной крѣпости Сересъ. Болгарскимъ войскомъ командовалъ младшій братъ Давида Моисей, который однако скоро лишился жизни, будучи пораженъ камнемъ брошеннымъ съ городской стѣны. Крѣпость не была взята Болгарами.

Вскорѣ спустя царствованіе Давида прекратилось. По туземному источнику самъ онъ отказался отъ престола, уступивъ его младшему брату Самуилу и сдѣлался монахомъ. Вскорѣ спустя онъ скончался и смертные его останки были переведены изъ его резиденціи Водена въ Охриду. Онъ былъ причисленъ къ народнымъ святымъ и портретъ его можно видѣть во многихъ болгарскихъ церквяхъ съ надписью: „Святый Царь Болгарскій Давыдъ“. Иначе гласитъ разсказъ Грека Кедрина, а именно, что кочующіе Влахи умертвили его въ нагорной странѣ между Касторіей и Преспою въ урочищѣ, названномъ „Красивыми дубами“ (Καλᾶς δρῦς [6]).

Царь *Самуилъ*, взявшій бразды правленія въ свои руки около 977 года, продолжалъ не только съ энергіею войну, но до самой смерти своей постоянно ею былъ за-

---

[6]) Только въ подложной грамотѣ Пинція сказано, будто-бы царь Шишманъ былъ убитъ сыномъ Самуиломъ (см. глава IX. прим. 10). Порядокъ, въ которомъ цари западнаго государства слѣдовали одинъ за другимъ, явствуетъ изъ болгарскихъ поменниковъ: «Помени Господи Шишмана, Давыда, Самуила» и пр. О смерти Давида ср. хронику Паисія (1762) (изъ туземной пока еще не открытой легенды) и Кедрина II. 495.

нятъ, подъ конецъ, правда, лишь отчаяннымъ сопротивленіемъ [7]).

Между тѣмъ какъ на востокѣ Византійцы боролись съ Вардомъ Фокою, Ѳракія и греческія провинціи прилежащія къ Эгейскому морю были опустошаемы Самуиломъ. Жители прежняго восточнаго царства возстали, изгнали господствовавшихъ у нихъ около восьми лѣтъ Византійцевъ и присоединились къ свободному болгарскому царству, которое такимъ образомъ снова простиралось до устьевъ Дуная и до Понта. Запертые въ константинопольскихъ дворцахъ сыновья Петра воспользовались этимъ моментомъ для бѣгства (978). Борзые кони донесли ихъ до „горнаго прохода, который ведетъ въ Болгарію“, т. е. Траяновыхъ воротъ. Впереди ѣхалъ старшій, царь Борисъ II, за нимъ слѣдовалъ Романъ. Въ лѣсу съ ними встрѣтилось нѣсколько Болгаръ, которые, ради ихъ греческой одежды, приняли ихъ за Грековъ и по сей причинѣ тутъ же умертвили Бориса, вѣроятно стрѣлой. Романъ же, закричавши кто онъ такой, былъ принятъ радушно и приведенъ къ Самуилу, который назначилъ его начальствующимъ въ Скопіи на Вардарѣ [8]).

Около 981 г. Самуилъ обратился со всѣми силами своими на югъ въ Ѳессалію и Элладу, гдѣ славянскій элементъ тогда еще находился въ полной силѣ: вѣдь незадолго передъ тѣмъ Византійцы подчинили себѣ славянскія племена Пелопоннеза. Завоевавъ прежде всего пограничный

---

[7]) Давидъ былъ еще въ живыхъ въ 976 или 977 году, когда Моисей палъ подъ Сересомъ (Дриновъ 117). Самуилъ-же въ 978 году уже царствовалъ, см. прим. 8.

[8]) Это случилось «въ восьмомъ году ихъ плѣненія», стало быть въ 988 году по Аль-Мекину (Georgii Elmacini Historia Saracenica, lat. reddidit Thomas Erpenius, Lugduni Batavorum 1625 p. 310), сирійскому христіанину, составившему свою арабскую хронику въ Египтѣ въ XIII столѣтіи изъ богатыхъ восточныхъ матеріаловъ. У Кедрина бѣгство изложено подобнымъ же образомъ.

городъ Лариссу, онъ переселилъ жителей въ Болгарію. Прекрасную Гречанку, взятую имъ здѣсь въ плѣнъ, онъ избралъ себѣ супругою. Изъ Ѳессаліи Самуилъ проникъ въ Аттику и подступилъ къ Коринѳскому перешейку, который былъ занятъ пелопоннезскимъ стратегомъ Василіемъ Апокавкомъ. Испугавшись и совершенно потерявшись по случаю болѣзни, послѣдній пригласилъ къ себѣ св. Никона изъ Спарты. Никонъ явился, излѣчилъ стратега и къ тому еще донесъ ему, что Болгаре возвратились уже на сѣверъ [9]).

Между трофеями этого похода въ Элладу находились мощи св. Ахиллея, которыя Самуилъ велѣлъ перевезти изъ Лариссы въ новую свою резиденцію, которая имъ была перенесена изъ Водена въ Преспу.

Городъ Преспа, названіе котораго понынѣ сохранилось въ названіи озера и области, болѣе не существуетъ. Въ верхнемъ озерѣ находится скалистый островъ, шириной едва въ одну версту, возвышающійся на 20 метровъ надъ водою и нынѣ еще называемый *градъ* или *градиште*. Тутъ былъ кремль Самуила. У южной оконечности острова находится бухта, называемая *Вратами*; внутри замѣтны развалины четырехъ церквей и двухъ зданій; есть и надписи, какъ полагаютъ, греческія. Недалеко оттуда есть второй такой же крутой островъ *Малый-градъ*, также съ развалинами церквей [10]). На третьемъ плодородномъ островѣ, и нынѣ называемомъ *Ахилъ*, смертныя останки св. Ахиллея были погребены въ посвященномъ ему монастырѣ.

Резиденція однако не долго была на островѣ. Самуилъ переселился далѣе въ прелестную *Охриду*, гдѣ еще ны-

[9]) Житіе св. Никона, составленное въ 1142 г. Hopf 124. 137.

[10]) Hahn, Reise durch die Gebiete des Drin und Wardar. 139. 242. Григоровичъ, Путешествіе (см. стр. 28) 134. До сихъ поръ ни одинъ путешественникъ не посѣтилъ эти острова.

нѣ возвышаются развалины двухъ замковъ надъ городомъ и великолѣпнымъ озеромъ. Окрестныя болота были высушены, по распоряженію Самуила, многими каналами, изливавшимися въ Дримъ [11]).

Императоръ Василій, слишкомъ занятый дѣлами востока, не былъ въ состояніи противиться успѣхамъ Самуила. Только въ десятомъ году царствованія своего (986) онъ предпринялъ походъ, подробности котораго намъ хорошо извѣстны по греческимъ, армянскимъ и арабскимъ источникамъ [12]). Главный свидѣтель Левъ Діаконъ лично участвовалъ въ этой экспедиціи.

Изъ Филиппополя императоръ проникъ узкими и крутыми тропинками до древнихъ Succi (Траяновы врата), до Сердики, стало быть въ край, не видѣвшій 177 лѣтъ византійскаго войска. Начали осаду города, но машины дѣйствовали безъ успѣха, день отъ дня продовольствіе войска стало труднѣе, оно стало терпѣть отъ голода; узнали по слухамъ, что Самуилъ приблизился съ контингентами всего запада. Послѣ 20 дней Византійцы сняли осаду и поспѣшно обратились вспять. Для первой дневки войско остановилось въ лѣсистомъ урочищѣ у водораздѣльной черты между Дунаемъ и Эгейскимъ моремъ (у Вакарела). Воины были смущены мрачными предчувствованіями. Въ слѣдующій день, 17 августа 986 года, достигли до лѣсистой ихтиманской котловины и по переходѣ мимо замка Стопоніона, или *Штипонья* (нынѣ Ихтиманъ), поднялись между

[11]) Anna Comnena, у Stritter'a II, 633: ср. стр. 61.

[12]) Объ этой экспедиціи знали только пока разсказы Льва Діакона. 171 и Кедрина II. 436. Прежнія свѣдѣнія наши о тогдашнихъ событіяхъ были нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ значительно пополнены профессоромъ Васильевскимъ въ его соч. «Русско-византійскіе отрывки (въ Журн. Мин. Народн. Просв., Т. 184. II) данными почерпнутыми имъ изъ неоцѣнимаго для хронологіи сочиненія Араба Аль-Мекина, Армянина Асохика и византійскаго поэта Геометра, современника.

ущельями и въ дремучемъ лѣсу до высоты прохода „Трояновыхъ воротъ“. Когда хотѣли поспѣшно пробраться чрезъ глубочайшее мѣсто котловины, грустная дотолѣ тишина лѣса была внезапно прервана шумомъ оружія и военными криками. Болгарское войско съ двухъ сторонъ выступило изъ глубины лѣса и съ ужаснымъ градомъ стрѣлъ бросилось на устрашенныхъ Ромеевъ. Весь обозъ, осадныя машины, императорскія палатки и сотни прекрасныхъ коней достались въ руки побѣдителей. „Стрѣлы Мизянъ торжествовали надъ копьями Авзоновъ“. Большая часть воиновъ, днемъ передъ тѣмъ проходившихъ мимо альпійскихъ луговъ ихтиманскихъ, пали подъ мечами и булавами Болгаръ. Императоръ своимъ спасеніемъ обязанъ былъ отряду армянской пѣхоты, который, взявъ его въ средину, затѣмъ „agmine quadrato“ успѣлъ выбраться въ чистое поле. Левъ Діаконъ ускакалъ изъ котловины до вершины прохода у Вѣтрена и можно себѣ вообразить какъ онъ долженъ былъ обрадоваться, когда взорамъ его тутъ представилась ѳракійская низменность. То было прославленное сраженіе въ *болгарскомъ проходѣ* (ἐν τῇ βουλγαρικῇ κλείσει): такъ назывались тогда Succi у Византійцевъ. Болгарскіе мародеры дерзнули тогда явиться въ окрестностяхъ Константинополя и показались предъ мостомъ у Аѳиры (н. Боюкъ Чекмедже).

Въ слѣдующіе три года Василій до такой степени былъ занятъ возмущеніями въ Малой Азіи, походомъ Русскихъ на Корсунь, сицилійскими и африканскими Арабами и императоромъ Оттономъ II, что онъ не могъ думать о войнѣ, чтобы отомстить Болгарамъ. Между тѣмъ Самуилъ завоевалъ приморскіе города Драчь, противустоявшій даже Симеону, и Лѣшь (Alessio) и проникъ затѣмъ къ сѣверу чрезъ землю Сербовъ до Дубровника (Рагуза). У сербскихъ племенъ, соединенныхъ недавно Чеславомъ, господствовалъ тогда снова разрозненный политическій бытъ. Племена эти состо-

яли номинально подъ верховною властью Византійцевъ. Самуилъ сначала подчинилъ себѣ князя Дуклянъ *Іоанна Владимира*, котораго позже сдѣлалъ своимъ зятемъ; потомъ также—Травунію, Захлумье, южную Боснію и Сербію собственно. Итакъ дѣла снова приняли такой оборотъ, въ какомъ находились 70 лѣтъ прежде при Симеонѣ [13].

Затѣмъ Самуилъ изъ адріатическаго края снова отправился къ эгейскому побережью, овладѣлъ въ 989 году македонскою Верреею (тур. Караферія), господствовавшей надъ выходомъ изъ долины Быстрицы (Галіакмонъ), и угрожалъ Солуню [14].

Только послѣ укрощенія возстанія Варды Фоки (987—989 г.) Василію II представилась возможность выступить вторично противъ Болгаръ.

Въ 991 году онъ чрезъ Ѳракію и Македонію отправился въ Солунь и воевалъ съ Болгарами четыре года. Успѣхи его впрочемъ ограничились взятіемъ нѣсколькихъ замковъ; въ завоеванной обратно Верреѣ Византійцы не удержались [15].

Съ тѣхъ поръ главною задачею жизни императора Василія была не только систематическая борьба съ Болгарами, но совершенное ихъ порабощеніе. Опорными точками военныхъ его операцій были Филиппополь, Солунь и Мосинополь въ прибрежной равнинѣ между устьями Марицы и Струмы (римскій Максиміанополь, нынѣ разва-

---

[13]) Критическій разборъ этихъ происшествій у Рачкаго. Rad XXIV 115. По пресвитеру Діоклею (изд. Чрничичь Краљовица. 1874 гл. 36 стр. 21 съ сл.) дочь Самуила Косара влюбилась въ Владимира, когда этотъ красивый юноша содержался въ плѣну «in partibus Achridae in loco, qui Prespa dicitur, ubi et curia ejusdem imperatoris erat.» Ср. Гильфердингъ I. 217: Дриновъ 143—145.

[14]) Веррея была взята вскорѣ послѣ появленія большой кометы. 7 апрѣля 989 года; Василевскій 156.

[15]) Аль-Мекинъ 314; Кедринъ II 447.

лины у Гюмурджины). Подобно противнику своему Самуилу Василій лично былъ во главѣ войска. Проводивши всю жизнь въ походахъ, онъ съ молодыхъ лѣтъ былъ суроваго характера и бездушенъ. Образъ жизни его былъ монашескій: жилъ онъ безъ жены; мясо и вино не подавались у него на столъ. Обожаемый клиромъ, онъ былъ ненавидимъ народомъ, изнемогавшимъ подъ бременемъ постоянныхъ военныхъ повинностей. Непохожій на ученаго дѣда Константина Багрянороднаго, онъ презиралъ законы и образованность. Его характеръ вполнѣ обнаружился въ губительной 28 лѣтней борьбѣ съ Болгарами.

Въ шестой годъ войны (996) Самуилъ рѣшился предпринять во второй разъ походъ въ Элладу. Онъ побѣдилъ у Солуня греческаго полководца Григорія Таронита, родомъ Армянина; далѣе двинулся чрезъ долину Темпе къ югу и грабилъ даже и на Пелопоннезѣ. Никифоръ Вестъ послѣдовалъ за нимъ съ свѣжимъ войскомъ, но долженъ былъ остановиться на берегу сильно разлившагося Сперхія, между Өорисомъ и Этой. Болгаре, поспѣшно возвратившись чрезъ Өермопилы, стали лагеремъ противъ него на правомъ берегу. Бурный ручей отдѣлялъ непріятельскія войска. Въ одну ночь, когда Болгаре, считая себя въ совершенной безопасности, спокойно спали, Греки открыли бродъ и перешли потокъ. Ночная рѣзня окончилась совершеннымъ уничтоженіемъ болгарскаго войска. Самуилъ, въ первый разъ побѣжденный, съ трудомъ бѣжалъ по высотамъ Пинда въ укрѣпленный островъ Преспы.

Съ этихъ поръ военное счастье измѣнило Самуилу. Тяжела была для него слѣдующая за этимъ потеря Драча. Дочь Самуила влюбилась въ плѣнника Ашота, сына Таронита. Отецъ согласился на ея просьбы, выдалъ ее замужъ и послалъ своего зятя правителемъ въ Драчь. Но армянскій юноша съ помощью греческаго населенія, сдалъ Драчь

византійскому флоту: его жена, Болгарка, помогла этой измѣнѣ отечеству [16]).

Византійцы пытались также сѣять раздоры между членами царской фамиліи. Вѣроятно въ это время Самуилъ велѣлъ казнить обойденнаго при отреченіи Давида, старшаго брата Аарона, ради тайнаго соглашенія съ Греками.

Послѣ Сперхейскаго сраженія Греки перешли къ наступательному образу дѣйствій въ большихъ размѣрахъ. Нападеніе императора на область Софіи осталось безъ послѣдствій (999). Счастливѣе былъ походъ патриція Ѳеодорокана и протоспаѳара Никифора Ксифіи въ Мизію (1000), которая съ этого времени до возстанія Асѣневичей (1186) оставалась подъ властью Византійцевъ. Тогда же пали Великій и Малый Прѣславъ; только Бдинъ (Видинъ) еще держался. Въ третьемъ походѣ (1001) императоръ взялъ Веррею, Сервію, Воденъ и ѳессалійскіе замки; плѣненные гарнизоны поселены были въ прибрежномъ краѣ Волерѣ, около устья Марицы. Воевода Водена Драгшанъ [17]), котораго поселили въ Солунѣ и женили на Гречанкѣ, послѣ двухъ неудавшихся попытокъ, былъ пойманъ во время третьей попытки бѣгства и посаженъ на колъ; у него осталось четверо дѣтей отъ Гречанки [18]). Въ четвертомъ походѣ Василій II взялъ Бдинъ послѣ восьмимѣсячной осады (1002). Между тѣмъ Самуилу удалось въ день Вознесенія Пресвятой Богородицы (15 августа) захватить въ расплохъ Адріанополь и ограбить его. Изъ Бдина Василій, разрушая болгарскіе замки, двинулся по Моравской долинѣ къ Скопіи, гдѣ Самуилъ, послѣ несчастнаго сраженія, потерялъ и лагерь и городъ. Князь Романъ, внукъ великаго Симеона,

---

[16]) Кедринъ II, 451.

[17]) Δράξανος, ср. Драгшанъ Miklosich, Mon. serb. 12.

[18]) Кедринъ II. 454.

сдалъ находившійся подъ его начальствомъ городъ, за что получилъ званіе патриція и былъ назначенъ комендантомъ въ Абидосѣ. Потомъ императоръ направился къ Пернику, защищенному подъ Витошемъ глубокимъ Стримонскимъ ущельемъ. Но начальникъ Кракрасъ доказалъ Грекамъ, что взять замокъ невозможно.

Послѣ этихъ четырехъ походовъ изъ Самуилова царства остались только: западная Македонія, Албанія и горныя земли около Софіи, при Витошѣ и Рылѣ. Только новыя войны съ Арабами и Грузинами помѣшали императору нанести смертельный ударъ Болгаріи. Самуилъ успѣлъ во время продолжительной партизанской войны даже снова занять Драчь и Воденъ.

Послѣ одинадцатилѣтнихъ приготовленій, въ 1014 г. началась послѣдняя война. Самуилъ послалъ для осады Солуня храбраго Несторицу, а самъ двинулся къ Стримону. Между тѣмъ какъ Несторица былъ разбитъ у Солуня полководцемъ Ѳеофилактомъ Вотаніатомъ, императоръ тщетно старался взять приступомъ засѣки Самуила въ ущельяхъ Клидіона и Кимпулунга, вблизи Струмицы [19]). 29-го іюля 1014 года Никифоръ Ксифій, стратегъ филиппопольскій, быстро обошелъ гору Бѣласицу къ югу отъ ущелій, и напалъ на Болгаръ съ тылу. Послѣ отчаяннаго сопротивленія болгарское войско было уничтожено. Самуилъ съ трудомъ спасся въ Прилѣпъ. Когда же затѣмъ отрядъ греческаго войска достигъ Вардара у замка Мацукіона [20]), Ѳеофилактъ, солуньскій побѣдитель, былъ посланъ къ Струмицѣ, но въ одномъ ущельи Болгаре встрѣтили его такою массою камней и стрѣлъ, что самъ онъ и большая

---

[19]) Эти мѣстности слишкомъ мало извѣстны, чтобы можно было опредѣлить съ точностью положеніе этихъ проходовъ.

[20]) Теперь село Мачуково съ развалинами. Hahn. Drin und Wardar. 180.

часть его войска погибли. Императоръ тогда возвратился въ Мосинополь: по дорогѣ онъ еще взялъ крѣпкій горный замокъ Мельникъ (Μελένικος) въ Родопѣ.

Страшная судьба постигла 15.000 Болгаръ, плѣненныхъ въ сраженіи при Бѣласицѣ. Василій II велѣлъ всѣхъ ихъ ослѣпить, оставивъ на каждую сотню человѣкъ одного одноглазаго, какъ проводника, и въ такомъ видѣ послалъ ихъ къ царю въ Прилѣпъ [21]). Когда Самуилъ увидѣлъ ихъ такъ безчеловѣчно изуродованными, то упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, онъ потребовалъ воды, но едва сдѣлалъ нѣсколько глотковъ, какъ почувствовалъ судорги въ сердцѣ (καρδιωγμός), и чрезъ два дня, 15 сентября 1014 г., скончался послѣ 38 лѣтняго царствованія.

Самуилъ даже на смертномъ одрѣ торжествовалъ надъ своимъ противникомъ, бездушнымъ Василіемъ: глаза у него помутились при видѣ тысячей изувѣченныхъ сподвижниковъ. Даже Греки, враги его, никогда не говорятъ, что онъ кого либо сажалъ на колъ или велѣлъ ослѣплять, тогда какъ у Василія казни сего рода происходили нерѣдко. Правда казнь брата вопіетъ противъ Самуила, но этотъ кровавый его поступокъ, не составляющій исключеніе въ анналахъ среднихъ вѣковъ, былъ вызванъ измѣною и опасностью. О добродушіи его можно судить потому, какъ онъ поступилъ съ Владиміромъ и съ Ашотомъ. Самуилъ является государемъ энергичнымъ, мужественнымъ и гуманнымъ, который, успѣвши побѣдами поставить Болгарское царство снова на ту высоту, которая имъ была достигнута при Симеонѣ, затѣмъ цѣлыхъ 24 года противустоялъ мужественно

[21]) Ὁ δὲ βασιλεὺς τοὺς ἁλόντας τῶν Βουλγάρων τὰς πεντεκαίδεκα, ὥς φασιν, ὄντας χιλιάδας ἀποτυφλώσας καὶ ἑκάστῃ ἑκατοντάδα περιορισάμενον ὀφθαλμὸς μονοφθάλμου ὁδηγεῖσθαι κελεύσας εἰς τὸν Σαμουὴλ ἀπέπεμψε. Кедринъ II. 458. Византіецъ замѣчаетъ далѣе иронически, что у Самуила не хватило духа, чтобы переносить хладнокровно (γενναίως καὶ εὐψύχως) это несчастіе.

превосходнымъ силамъ Византійцевъ въ несчастной съ ними борьбѣ [22]).

Ослабленное болгарское царство только четыре года пережило смерть Самуила. Преемникомъ его былъ сынъ его отъ Ларисcянки *Гавріилъ*, нареченный также *Романомъ*. Онъ спасъ жизнь своего отца, котораго всюду сопровождалъ, въ сраженіяхъ при Сперхіѣ и у Бѣласицы. Онъ былъ выше отца ростомъ, но уступалъ ему духовнымъ величіемъ.

Василій, обрадованный смертью царя, вошелъ среди зимы въ Македонію, сжегъ царскій замокъ въ Битолѣ (Βουτέλιον [23]) и велѣлъ занять Прилѣпъ, Штипъ и Воденъ. Тщетно Гавріилъ предлагалъ миръ. Греки проникли въ нагорную область Моглены, къ замку того же имени, мѣстоположеніе котораго точнѣе неизвѣстно. Болгаре оказали такое сопротивленіе, что императоръ долженъ былъ самъ туда отправиться. Только когда рѣка была отведена отъ стѣнъ и зажженныя, наполненныя деревомъ мины пошатнули ихъ, начальникъ Ильица сдался; вмѣстѣ съ гарнизономъ онъ былъ сосланъ въ Арменію.

Послѣ этого была сожжена близлежащая крѣпость Нотія, нынѣшняя Нотье, мѣстожительство магометанскихъ Цинцаровъ, единственныхъ людей латинскаго происхожденія исповѣдующихъ исламъ. Побѣда Василія была ускорена жестокими семейными распрями.

Братъ Самуила, Аронъ, оставилъ сына Іоанна Владислава, который, подобно отцу, былъ другомъ Грековъ. Этотъ Владиславъ на охотѣ у Петрска, близъ Острова, во время

---

[22]) Неблагопріятные для Самуила отзывы у новѣйшихъ даже писателей основаны на ошибочныхъ данныхъ (см. прим. 6).

[23]) Къ примѣчанію у Гильфердинга (I, 211) я прибавлю, что «Боутельски пжтьь» въ грамотѣ Виринскаго монастыря у Скопіи, не Битоль (Толи-Монастирь), но село Бутель у Скопіи (см. карту у Hahn'a). Имя *Романъ* дается Гавріилу только у Пресвитера Діоклейскаго.

осады Моглена, убилъ своего двоюроднаго брата царя Гавріила, какъ говорятъ, по соглашенію съ императоромъ Василіемъ, не смотря на то, что только по просьбамъ этого же Гавріила былъ пощаженъ во время казни Арона. Злодѣй не удовольствовался одною жертвою. Онъ также велѣлъ убить жену Гавріила и ослѣпить его старшаго сына, а зятя его, сербскаго князя Владиміра, пригласилъ къ себѣ (въ Охриду или Преспу) и велѣлъ его, своего гостя, убить 20 мая 1015 года. Позднѣе Владиміръ былъ признанъ святымъ и погребенъ въ Эльбассанѣ, въ монастырѣ св. Владиміра; имя его еще нынѣ извѣстно между Албанцами [24]).

Узурпаторъ Іоаннъ Владиславъ тотчасъ же началъ переговоры, но сопротивленіе болярь, во главѣ которыхъ былъ Ивацъ (Ἰβάτζης), принудило его къ возобновленію борьбы. Начали съ осады Драча.

Между тѣмъ Василій, грабя и ослѣпляя плѣнныхъ, прошелъ чрезъ Острово къ самой Охридѣ, занялъ городъ царей и хотѣлъ уже освободить Драчь, когда одинъ отрядъ въ Пелагоніи (котловинѣ битольской) былъ уничтоженъ Ивацемъ; вслѣдствіе этого императоръ поспѣшно возвратился въ Солунь. Съ этихъ поръ счастье стало измѣнять Василію. Двѣ экспедиціи на Струмицу и Софію не удались: была взята только крѣпость Бояна подъ Витошемъ. Также неудачны были трехмѣсячная осада Перника (1016) и походъ на Касторію (1017). Владиславъ успѣлъ уже тогда заключить союзъ съ задунайскими Печенѣгами; но кажется стратегъ Дерстрскій разстроилъ его. Слабое вознагражденіе за эту неудачу доставило ограбленіе южной Македоніи, гдѣ

[24]) Замѣчательно, что по греческой легендѣ убійцами Владислава и его супруги были богомилы. Ἀκολουθία τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Βλαδιμήρου. Venetiis 1858.

были сожжены между прочимъ замокъ Бужиградъ на Дѣволѣ и дворецъ Самуила. Сетина. подъ Ниджей.

Весною 1018 г. царь Іоаннъ Владиславъ снова сталъ лагеремъ подъ Драчемъ. Драчь (алб. Дурресъ. слав. Драчъ. древній Epidamnos или Dyrrhachion) имѣлъ въ средніе вѣка большое значеніе. какъ лучшій береговой пунктъ между Которомъ и Корфу, вслѣдствіе чего Греки. Славяне. Албанцы. Неаполитанцы и Венеціанцы безпрестанно боролись за его обладаніе. Нынѣ же это узкій старинный городокъ съ 1000 жителей. въ которомъ свирѣпствуютъ лихорадки: расположенъ онъ на уединенномъ холмѣ, отдѣленномъ отъ твердой земли песчаными дюнами и лагунами. Тутъ, предъ Драчемъ. палъ весною 1018 г. Іоаннъ Владиславъ, послѣдній царь охридскій. неизвѣстно отъ чьей руки. По легендѣ св. Владимира онъ былъ убитъ ангеломъ: Арабъ же Альмекинъ разсказываетъ. что онъ былъ умерщвленъ однимъ изъ собственныхъ его воиновъ [25]).

Болгарія осталась тогда безъ повелителя. Между болярами образовались двѣ партіи. Большинство хотѣло подчиниться Грекамъ съ тѣмъ. чтобы тѣ утвердили различныя привилегіи: вождями этой партіи были: патріархъ Давидъ, игравшій неблаговидную роль въ убійствѣ сербскаго князя Владимира, царица Марія и полководецъ Богданъ. Другая партія, хотя и малочисленная, приготовилась къ отчаянному сопротивленію, подъ предводительствомъ сына Владислава. Фружина (Προυσιανός). Самуилова сподвижника Николицы и энергичнаго Иваца.

Тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Владислава. императоръ двинулся изъ Константинополя на западъ. Въ Адріанополѣ болгарскіе послы объявили ему о подчиненіи Перника съ 35 городками. лежащими въ окружности. Въ Мо-

---

[25]) Elmacinus 328.

синополѣ онъ нашелъ пословъ изъ Моровизда (у Злетова), изъ Пелагоніи и изъ Липляна. Въ Сересѣ привѣтствовали его Кракрасъ изъ Перника и Драгомужъ изъ Струмицы. У Струмицы патріархъ Давидъ, сопровождаемый воеводой Богданомъ, передалъ ему письмо царицы. Чрезъ Скопье, Штипъ и Просѣкъ императоръ достигъ Охриды, гдѣ, въ лагерѣ предъ городомъ, принималъ царицу и весь родъ Шишмановичей. Въ царской сокровищницѣ нашли кромѣ большой суммы денегъ украшенную жемчугомъ корону, златотканныя одежды и 100 цент. золота, которое и перешло въ карманы византійскихъ наемниковъ.

Императоръ утвердилъ привилегіи болгарскаго дворянства, а нѣкоторыхъ наградилъ византійскими почетными титулами.

Партія, желавшая продолженія войны, удалилась въ албанскія горы. Царевичъ Фружинъ, съ двумя братьями, бѣжалъ на крутой Томоръ (Τμῶρος, 7700 ф.) у Берата; когда же склоны горъ были заняты, онъ сошелъ въ Дѣволъ и сдался тамъ императору, который назначилъ его начальникомъ придворной стражи. Неукротимый Ивацъ засѣлъ въ той же мѣстности на неприступной горѣ Врохотѣ, называемой также Проништа, гдѣ у него былъ замокъ съ великолѣпнымъ садомъ. Когда же силою оружія съ нимъ нельзя было сладить, то въ одинъ праздничный день его посѣтилъ Евстаѳій Дафномилъ, стратегъ охридскій, и, хотя былъ встрѣченъ гостепріимно, овладѣлъ Ивацемъ способомъ столь же смѣлымъ, какъ и вѣроломнымъ. Храбрый герой былъ ослѣпленъ. Послѣ этого и воевода Николица оставилъ горы. Послѣдній свободный бояринъ Элемагъ, повелитель Берата, принесъ повинную въ Стагѣ на Пенеѣ.

Послѣ 28 лѣтней борьбы (991—1018) Болгарія была наконецъ покорена. Побѣдитель уѣхалъ въ Аѳины. На берегахъ Сперхія показали ему массы непогребенныхъ костей.

страшный памятникъ пораженія Самуила, а въ Ѳермопилахъ громадную стѣну, сооруженную для защиты отъ Болгаръ. Въ Парѳенонѣ [26]), тогда уже бывшей церкви Божіей Матери, Василій II принесъ благодарственную молитву за побѣду. Проведя зиму въ Аѳинахъ, онъ въ началѣ 1019 г. съ тріумфомъ вошелъ въ Константинополь. Съ необыкновеннымъ торжествомъ праздновали Греки возвращеніе императора, достигшаго цѣли будучи 64 лѣтнимъ старцемъ и получившаго заслуженное имъ прозвище Болгароубійцы (ὁ Βουλγαροκτόνος). Въ золотой, разукрашенной перьями коронѣ онъ въѣхалъ, чрезъ Золотыя ворота, въ городъ; предъ нимъ шли царица Марія, дочери Самуила и плѣнные боляры.

Не существовало болѣе Болгарскаго царства! Византійская имперія простиралась отъ Истріи до Евфрата, отъ Дравы до Кипра, такъ какъ сербскіе и хорватскіе князья также должны были подчиниться верховной власти Грековъ и даже въ Сирміи были византійскіе стратеги. Со временъ Юстиніана I никогда византійское могущество не было такъ прочно на полуостровѣ.

---

[26]) Hopf (85) 126.

ГЛАВА XII.

Господство Византійцевъ въ Болгаріи въ XI и XII столѣтіяхъ.

Болгарская церковь въ Охридѣ.—Неудачныя возстанія Петра Деляна (1040) и Константина Бодина (1073).—Набѣги Куманов и Печенѣговъ.—Народное и религіозное движеніе въ Болгаріи.

„Императоръ возвратился въ Константинополь и Ромеи, смѣшавшись съ Болгарами, соединялись съ ними брачными союзами и прежнія враждебныя отношенія обоихъ народовъ прекратились“. Этими словами оканчивается въ арабской хроникѣ Альмекина [1]) разсказъ о покореніи Болгаріи Василіемъ II. Въ грамотѣ же самаго императора читается: „хотя страна эта нами была покорена, тѣмъ не менѣе мы не отмѣняли ея правъ, но подтвердили ихъ нашими хрисовулами и сигилліями“ [2]). Дѣйствительно мало послѣдовало перемѣнъ въ завоеванной странѣ. Дворянъ, за которыми были оставлены ихъ имущества, успѣли примирить съ новымъ ихъ положеніемъ, пожалованіемъ имъ блестящихъ придворныхъ должностей и намѣстничествъ. Даже

[1]) Georgii Elmacini Historia Saracenica. Lat. versio Th. Erpenii. Lugduni Batavorum 1625, 328.

[2]) Chrysobull, см. прим. 3.

болгарскіе царевичи исправляли военныя должности въ Константинополѣ или въ Азіи: Фружинъ былъ начальникомъ дворцовой стражи „букелларіевъ". братъ его Ааронъ—стратегомъ въ Аспраканіи въ Арменіи. дядя ихъ Алусіанъ—стратегомъ въ Өеодосіонолѣ (Эрзерумъ). Послѣдняя царица Марія и дочь Самуила Екатерина украшали какъ штатсдамы византійскій дворъ. Прочія княжны выходили замужъ за знатныхъ Византійцевъ. Съ этого времени потомки дворянскихъ родовъ Македоніи. Албаніи и Дарданіи принимаютъ дѣятельное участіе въ придворныхъ интригахъ византійскихъ.

Государственное управленіе также не измѣнилось противъ прежняго. Подати были взымаемы по прежнему и самоуправленіе общинъ осталось въ силѣ. Только въ замки и города Охриду. Пресну. Драчь. Дѣволъ. Костуръ и другіе были посланы византійскіе намѣстники съ гарнизонами. Титуломъ первыхъ былъ *стратигъ* или *дуксъ*. Нераздѣльность болгарскаго царства обнаружилась. также послѣ завоеванія. назначеніемъ высшаго *дукса всей Болгаріи*. пребывавшаго вѣроятно въ Скопіи. Особенное вниманіе было обращено на стереженіе проходовъ: тамошніе замки были снабжены гарнизономъ подъ командою подчиненнаго стратегу *клисурарха*.

Болгарская церковь осталась также автономною; только глава оной уже не долженъ былъ именоваться патріархомъ. но архіепископомъ. Патріархъ Давидъ былъ низложенъ, хотя имъ именно, послѣ покоренія, ведены были переговоры о новыхъ отношеніяхъ болгарской церкви. На мѣсто его Іоаннъ, игуменъ изъ Дибры, былъ назначенъ *самостоятельнымъ архіепископомъ Болгаръ*: мѣстопребываніе его было въ Охридѣ. При этомъ въ 1020 г. императоръ въ трехъ грамотахъ не только утвердилъ всѣ права этой церкви. но и возстановилъ ея территоріальныя владѣнія

временъ царей Петра и Самуила. Изъ этихъ важныхъ документовъ, въ которыхъ поименованы всѣ 30 епископствъ съ ихъ городами, мы узнаемъ границы болгарской церкви, а также и царства, въ X ст. [3]). Сюда причислялись Эпиръ и Албанія далѣе Янины, вся Македонія, сѣверная Θессалія, Родопа, Софія, Бдинъ на Дунаѣ, долина Моравы, Бѣлградъ на устьяхъ Савы, Срѣмъ въ междурѣчьи Савы и Дравы, Призренъ, Раса и Липлянъ на Косовомъ полѣ. Отдѣльное управленіе имѣли: митрополія въ Драчѣ, находившаяся въ зависимости отъ патріарха константинопольскаго, и дунайская Болгарія (исключая Бдина), гдѣ митрополиту дерстерскому было подчинено 5 епархій [4]). Эпирскія епархіи повидимому также скоро отдѣлились. Интересны свѣдѣнія, сколько каждое епископство имѣло *клериковъ* и сколько *париковъ* (πάροικος), т. е. колоновъ, крестьянъ. Самое большее число (40 клериковъ и париковъ) имѣли епископства Софіи, Ниша, Бѣлграда, Скопія и Петры (Θессалія). Многія имѣли только отъ 12 до 15. Въ 1020 году считалось всего во всѣхъ 30 епископствахъ 685 клериковъ и 655 принадлежащихъ церкви колоновъ.

Права эти, гарантированныя льготами и грамотами, были впрочемъ скоро нарушены, въ особенности послѣ

[3]) Оригиналъ у Голубинскаго 259—263. Небольшой отрывокъ у Zachariae von Lingenthal, Beiträge zur Geschichte der bulg. Kirche. S. P. 1864. 18. Болгарскій переводъ съ коментаріемъ Дринова въ Период. Спис. VII. Македонскія епископства: Охрида (съ Преспою), Касторія, Моглена (съ Просѣкомъ), Битоль (съ Прилѣпомъ и Велесомъ), Скопье, Сервія, Веррея, Струмица, Моравиздъ (съ Злетовой), Вельбуждъ (съ Стобомъ на Рылѣ и Разлогомъ въ Родопѣ). На востокѣ: Софія (съ Перникомъ), Нишъ (съ Топлицей и Сврлигомъ), Бдинъ ([illegible]). Въ сербскихъ странахъ: Призренъ, Раса (Новипазаръ), Липлянъ, Бѣлградъ, Браничево, Срѣмъ (Θρχμος). Въ Албаніи: Главиница (съ Каниною [illegible] нынѣшней Валонѣ), Орея (древній Орикумъ ?), Черникъ, Химара, Дриновулъ, Буфротонъ, Янина, Козилъ. Въ Θессаліи: Стагъ и Петра (у Влахолибада). Одно имя пропущено переписчикомъ.

[4]) Nilos Doxapatrios (1143) изд. Parthey, Synecdemus et notitiae graecae episcopatuum. Berolini 1866. 301.

смерти императора Василія II. Страна неимовѣрнымъ образомъ была истощена войнами и дворянство, лишившись лучшихъ своихъ вождей, не могло думать о сопротивленіи. Послѣднимъ Болгариномъ на архіепископскомъ престолѣ въ Охридѣ былъ Іоаннъ изъ Дибры: преемники его были Греки. Стратеги разныхъ провинцій вскорѣ присвоили себѣ неограниченную власть, на подобіе намѣстниковъ въ греческихъ странахъ, а примѣру ихъ послѣдовали подвѣдомственные имъ чиновники. Архіепископъ охридскій Ѳеофилактъ, изъ Грековъ, называлъ императорскихъ нотаріусовъ настоящими разбойниками и едва ли не съ большимъ еще правомъ можно было такъ назвать чиновниковъ по части финансовой.

Естественно, что неудовольствіе Болгаръ византійскимъ правленіемъ должно было обнаруживаться и что они не замедлили воспользоваться представившимся имъ случаемъ къ возстанію, убѣдившись по собственному опыту, что иначе у нихъ не хватило бы силъ для борьбы съ Византійцами. Въ теченіи 168 лѣтняго владычества послѣднихъ въ Болгаріи, жители этой страны охотно помогали Сербамъ, Норманнамъ, Печенѣгамъ и Куманамъ, а также возставшимъ императорскимъ полководцамъ въ ихъ борьбѣ съ Византійцами. „Тебѣ извѣстно“, пишетъ Ѳеофилактъ къ одному изъ своихъ друзей, „чего желаютъ Болгаре и къ чему они стремятся: всякій смѣльчакъ, домогающійся скипетра, находитъ въ нихъ неунывающихъ воиновъ“ [5]).

Василій II скончался въ 1025 году. Со смертью этого энергичнаго государя послѣдовало безначаліе, прекратившееся только послѣ болѣе полувѣка восшествіемъ на престолъ Комниновъ. Продолжительное царствованіе племянницы Василія Зои и трехъ ея мужей, затѣмъ ея сестры

[5]) Ep. 10 p. 537. Biblioth. max. patrum. T. XVIII.

Θеодоры составляетъ разительный контрастъ съ періодомъ Василія. Въ тогдашнихъ придворныхъ интригахъ принимали участіе царевичъ Фружинъ и царица Марія: въ наказаніе они были заключены въ монастырь, а Фружинъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими болярами, кромѣ того, ослѣпленъ.

Такое смутное положеніе имперіи было очень выгодно для Арабовъ, Норманновъ и Печенѣговъ. Въ первое десятилѣтіе по смерти Василія, придунайскія земли три раза потерпѣли кровавыя посѣщенія варварскаго кочеваго народа Печенѣговъ: одинъ разъ зимою, когда они воспользовались для перехода чрезъ Дунай его ледянымъ покровомъ.

Славяне также воспользовались этимъ состояніемъ имперіи. Движеніе началось съ Черногоріи, гдѣ любовь къ свободѣ никогда не угасала [6]). Стефанъ *Войславъ*, изъ семейства св. Владимира, повелитель Зеты и Травуніи, женатый на внучкѣ Самуила, свергнулъ византійское иго и въ 1040 г. уничтожилъ въ ущельяхъ черногорскихъ греческое войско [7]). Болгаре также поднялись въ двухъ мѣстахъ. *Петру Деляну*, сыну несчастнаго царя Гавріила [8]), удалось вырваться изъ плѣна. Когда онъ, лѣтомъ 1040 г., появился въ Нишѣ, народъ съ энтузіазмомъ привѣтствовалъ его, какъ царя. Во главѣ постоянно возраставшаго войска онъ двинулся къ Скопіи: Греки были вездѣ разбиты. Въ тоже время Славяне подняли знамя возстанія въ Драчѣ. Выведенные изъ терпѣнія алчностью стратега Михаила Дер-

---

[6]) Рачки, op. cit. Rad 25, 223.

[7]) Кедринъ II, 527 и Пресвитеръ Діоклейскій.

[8]) Кедринъ разсказываетъ, что Делянъ обманомъ выдавалъ себя за сына Гавріила, а на самомъ дѣлѣ былъ сынъ военно-плѣннаго Болгарина изъ Константинополя; но Рачки замѣчаетъ, что Болгаре въ двадцать лѣтъ не на столько забыли Шишмановичей, чтобы такъ скоро могли быть обмануты. Имя сравн. съ древне-сербск. Дѣянъ, ново-болг. Дельо.

мокэта, они возстали противъ Грековъ и провозгласили царемъ храбраго воина *Тихомира.* Но на болгарскомъ престолѣ не было мѣста для двухъ царей. Когда война съ Византійцами была счастливо начата, нужно было рѣшить останется ли во главѣ народа Делянъ или Тихомиръ. Войска обоихъ царей встрѣтились: тогда Делянъ обратился къ народу и сказалъ: „Какъ одинъ кустъ не можетъ кормить двухъ птицъ, такъ и одна страна не можетъ имѣть двухъ царей“; одинъ изъ нихъ долженъ отказаться отъ царства. Хотя онъ, какъ внукъ Самуила, имѣетъ болѣе правъ, но, если народъ желаетъ, то онъ готовъ уступить. При громкихъ кликахъ народъ заявилъ, что хочетъ имѣть царемъ Деляна. Несчастный Тихомиръ, избранный на царство совершенно неожиданно, былъ побитъ камнями. Итакъ Делянъ сдѣлался единодержавнымъ государемъ.

Первый походъ Деляна былъ направленъ противъ Солуня, гдѣ тогда находился Михаилъ IV Пафлагонянинъ. Императоръ бѣжалъ, а его царедворецъ Мануилъ Ивацъ, вѣроятно сынъ болярина Врохотскаго, перешелъ со всѣми императорскими сокровищами къ возмутившимся. Болгаре вторгнулись въ Эпиръ и Элладу. Воевода Кавканъ взялъ Драчъ. Анѳимъ разбилъ греческаго полководца Аллакассейоса подъ стѣнами древнихъ Ѳивъ въ Беотіи, около того же времени, когда, вѣроятно вслѣдствіе тяжести налоговъ, въ Аѳинахъ и въ Пиреѣ возмутились тамошніе греческіе граждане, которые впрочемъ были усмирены норманнскими наемниками подъ начальствомъ норвежскаго принца Гаральда [9]). Въ Эпирѣ собиратель податей Іоаннъ Куцомитъ, сильно притѣснявшій народъ, былъ изрубленъ Славянами.

[9]) Къ этому времени относится надпись съ рунами на пирейскомъ львѣ, который теперь стоитъ предъ арсеналомъ въ Венеціи. Hopf. Gesch. Griechenlands im Mittelalter (Ersch—Gruber. 85) 147. Гаральдъ затѣмъ царствовалъ въ Норвегіи съ 1047—1066 г. (Гаральдъ III Гардраде).

послѣ чего вся страна, за исключеніемъ греческаго города Навпакта, примкнула къ Болгарамъ.

Тогда въ сентябрѣ, въ лагерѣ Деляна у Острова, появился *Алусіанъ*, меньшій братъ царя Владислава. Послѣ паденія Болгаріи его послали стратегомъ въ Θеодосіополь въ Арменіи. Когда же братъ императора, жадный Іоаннъ, не только старался забрать у него деньги, но похитилъ и жену, прекрасную Армянку, Алусіанъ бѣжалъ, переодѣтый въ платье армянскаго слуги, чрезъ всѣ провинціи къ своимъ возмутившимся соплеменникамъ. Делянъ радостно привѣтствовалъ своего дядю, взялъ его въ соправители и тотчасъ послалъ съ 40.000 войскомъ противъ Солуня. Въ продолженіи шести дней Болгаре осаждали городъ. Жители потеряли уже всякую надежду; тогда комендантъ обратился къ послѣднему средству—къ чудотворному образу св. Димитрія, который и тогда оказалъ свое дѣйствіе. Воодушевленные Солунцы сдѣлали вылазку и уничтожили 15.000 Болгаръ, а остальные разбѣжались.

Это несчастье разъединило вождей. Алусіанъ оправдалъ свое происхожденіе изъ измѣнническаго рода Аарона. Онъ пригласилъ къ себѣ Деляна и, напоивъ его, ослѣпилъ съ помощью нѣсколькихъ соучастниковъ. Пока это сдѣлалось извѣстнымъ народу, Алусіанъ уже былъ на дорогѣ въ Мосинополь къ императору, который блистательно наградилъ его за это злодѣйство. Безъ вождя Болгарія погибала. Слѣпой Делянъ попалъ въ плѣнъ; таже участь постигла Мануила Иваца, пытавшагося защищать Болгарію засѣками у Прилѣпа. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ въ Албаніи и у Софіи все возстаніе чрезъ годъ окончилось. Плѣнные вожди украшали тріумфальное шествіе императора (1041 г. [10]).

По покореніи Болгаріи было послано войско въ 60.000

[10]) Hopf 139. Рачки, op. cit. XXV. 225—232.

человѣкъ противъ Стефана Войслава. Но когда Греки неосмотрительно вошли въ ущелья у сѣверной части Скодрскаго озера, вдругъ, среди ночи, скалы задрожали отъ звука трубъ, горы покрылись воинами, туча камней и метательныхъ копьевъ полетѣла съ высотъ и гордое войско было уничтожено.

Что въ Болгаріи, не смотря на эти несчастія, брожение продолжалось, — видно изъ возстанія храбраго полководца *Георгія Маніака*, Малоазіатца, который провозгласилъ себя въ 1043 г. въ Италіи императоромъ и, разсчитывая на помощь Сербовъ и Болгаръ, переправился въ Драчь, но въ дальнѣйшемъ пути, въ одномъ сраженіи у Острова, былъ убитъ.

Страшный бичъ постигъ тогда придунайскія земли. Въ продолженіи шести лѣтъ онѣ были театромъ жесточайшей борьбы съ Печенѣгами (1048—1054). Ханъ Тиракъ, раздраженный дружественнымъ пріемомъ, оказаннымъ Греками возставшему противъ него вождю Кегену, вторгнулся въ Болгарію съ 80.000 войскомъ. Хотя онъ былъ разбитъ Константиномъ Аріанитомъ и Василіемъ Монахомъ, но способъ обхожденія съ побѣжденными былъ источникомъ большихъ несчастій. Не смотря на то, что Кегенъ совѣтывалъ умертвить всѣхъ плѣнныхъ, Византійцы поселили ихъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ Ниша, Софіи и на Овчеполѣ. Для славянскихъ крестьянъ они были столь же пріятными гостями, какъ въ наше время Черкесы въ тѣхъ же мѣстахъ.

Вскорѣ поселенные возстали возлѣ Софіи, расположились лагеремъ у Осмы и призвали на помощь своихъ соплеменниковъ; даже самъ Кегенъ присоединился къ нимъ. По обѣ стороны Балкановъ, до самаго Адріанополя, варвары свирѣпствовали съ неслыханной дикостью. Три византійскихъ войска было ими уничтожено. 8 іюня 1050 года они разбили императорскаго полководца Константина Арі-

анита подъ стѣнами Адріанополя, къ сѣверозападу отъ города, на полѣ несчастной битвы (378) императора Валента съ Готами: самъ Аріанитъ палъ въ сраженіи. Только въ 1051 г. удалось ихъ выгнать изъ Ѳракіи и Македоніи. Когда же, послѣ этого, Византійцы предприняли экспедицію въ главный лагерь Печенѣговъ у Прѣслава, Тиракъ самъ предложилъ перемиріе, которое и было принято [11]).

Вскорѣ Печенѣговъ превзошли *Куманы*, называвшіеся на своемъ языкѣ *Узами* (Огузами), а по русски *Половцами* [12]). Это былъ дикій, кочевой народъ, жившій въ хижинахъ или палаткахъ изъ звѣриныхъ шкуръ и питавшійся молокомъ, сыромъ, мясомъ, въ особенности кониной. Лѣтомъ они рѣдко выходили изъ своихъ жилищъ, вслѣдствіе огромнаго количества мухъ и комаровъ. Головы ихъ были гладко выстрижены. Овечьи шкуры составляли ихъ одежду: колчанъ, лукъ и стрѣлы — ихъ вооруженіе. Каждый изъ нихъ имѣлъ отъ десяти до двѣнадцати лошадей, которыхъ бралъ съ собою въ походъ, чтобы по желанію мѣнять ихъ. Во время своихъ разбойничьихъ набѣговъ они ѣхали день и ночь, такъ что въ сутки дѣлали шесть и болѣе обыкновенныхъ дневныхъ переходовъ: для переправы чрезъ рѣки употребляли они мѣхи: сидя на нихъ, они держались за хвостъ лошадей, навьюченныхъ ихъ пожитками. Пока они были далеко отъ цѣли своего похода, то не брали ничего, но когда достигали ея — то пощады не было: они уводили и людей и животныхъ. Смерти они не боялись. Въ схваткахъ

[11]) Hopf 140, Рачки 238.

[12]) Объ образѣ жизни Кумановъ, сравн. мемуары Француза Robert de Clary, Nicetas Choniates ed. Bonn. 124 и его-же письмо у Sathas'a Biblioth. graeca. I. 79. Ср. Blau, Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen (Zschr. der Morgenl. Gesellschaft. Lpzg. 1875. III, IV). По этому автору Куманы принадлежали къ узбекскому племени Тюрковъ и были слѣдовательно въ ближайшемъ родствѣ съ нынѣшними *Хивинцами*.

съ громкими криками посылали они врагу тучу стрѣлъ, затѣмъ быстро отступали, чтобы снова возобновить нападеніе. Замѣчателенъ былъ у нихъ обычай погребенія мертвыхъ. Когда въ 1241 году умеръ въ Константинополѣ куманскій князь Іона, союзникъ Латинянъ, то, какъ язычникъ, былъ погребенъ внѣ города, подъ высокой могилой: Куманы принесли въ жертву на его могилѣ 8 оруженосцевъ и 26 лошадей [13]).

Мы знаемъ о ихъ языкѣ, что онъ болѣе походилъ на турецкій, чѣмъ на мадьярскій: еще сохранился лексиконъ, составленный однимъ Византійцемъ въ XIII вѣкѣ въ Черноморіи [14]).

Печенѣги были оттѣснены Куманами изъ приднѣстровскихъ странъ въ Валахію. Эти послѣдніе въ 1065 г., въ числѣ 60.000 человѣкъ, въ первый разъ перешли Дунай и распространились по Болгаріи до Эллады. Они по большей части погибли отъ заразы и въ борбѣ съ Болгарами и Печенѣгами; остальные были поселены въ Македоніи.

Въ то же время начались нападенія Мадьяръ на имперію. Овладѣвъ Срѣмомъ, они въ 1072—1073 г. разграбили страну до Ниша, раскрыли въ тамошнемъ соборѣ гробницу св. Прокопія, похитили тамъ руку его, которую перевезли въ Димитровицу (нынѣ Митровица въ Срѣмѣ), откуда она была только переведена обратно императоромъ Мануиломъ Комниномъ [15]).

За этими нашествіями Печенѣговъ, Кумановъ и Мадьяръ слѣдовало новое возстаніе Болгаръ, поддерживаемыхъ независимыми Сербами.

---

[13]) Albericus, ed. Leibnitz. Hannover 1698, 579; ср. Herodot. IV. 71; также описаніе куманскихъ похоронъ у минорита Рубруквиса, ѣздившаго въ 1253 году къ Татарамъ.

[14]) «Alphabetum comanicum»: ср. Roesler. Rom. stud. 338; у него-же начало «Отче нашъ» на языкѣ Кумановъ въ Венгріи.

[15]) Киннамъ 227. Ср. Heerstrasse 88

Въ Сербіи княжилъ тогда сынъ Стефана Войслава *Михаилъ* (1050—1084), котораго папа призналъ королемъ. Болгарскіе боляры, съ Георгіемъ *Войтѣхомъ* (Βοίταχος) во главѣ, просили (1073) его согласія на то, чтобы провозгласить царемъ его сына *Константина Бодина* [16]) и подъ его начальствомъ освободить отечество отъ греческой тираніи. Михаилъ согласился и Бодинъ съ 300 Сербами отправился въ Призрѣнъ [17]), гдѣ собраніе бояръ провозгласило его царемъ, причемъ онъ принялъ имя *Петра*. Греческій полководецъ Даміанъ Далассенъ, выступившій изъ Скопіи противъ него, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Послѣ этой побѣды возставшіе сдѣлали по чрезмѣрной самонадѣянности громадную ошибку, разъединивъ свои силы: Бодинъ направился къ Нишу, а сербскій воевода Петрилъ въ Касторію. Разбивъ совершенно войско Петрила подъ Касторіей, Византійцы повернули къ Скопіи. Бодинъ двинулся изъ Ниша, который онъ занялъ, по снѣжнымъ полямъ (уже наступилъ декабрь) имъ на встрѣчу. Но на дорогѣ встрѣтилъ Грековъ у замка Пауна на Косовомъ полѣ, потерпѣлъ пораженіе [18]) и даже самъ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Антіохію въ Сиріи. Но ему удалось съ помощью Венеціанцевъ бѣжать и вернуться моремъ въ Скодру къ своему отцу. Войтѣхъ умеръ во время пытки подъ ударами

---

[16]) Βοδίνος. Рачки (Rad 27, 124) пишетъ Будинъ; ср. однако Бодинъ въ въ грамотѣ у Миклошича, Mon. serbica, 60.

[17]) Πρισδιάνα Скилицы (715) не Приштина (Πρίστινος у Кантакузина), но Призрѣнъ подъ Шаромъ, укрѣпленный городъ съ епископствомъ. Онъ долго былъ пограничнымъ городомъ—сначала у Болгаръ, затѣмъ съ 1018 года у Византійцевъ, противъ Сербовъ. Еще при вступленіи на престолъ царя Стефана Уроша III (Милютинъ) онъ принадлежалъ Византійцамъ (Даніилъ, изд. Даничича 111).

[18]) По Іоанну Куропалату ἐν τινι τόπῳ λεγομένῳ Ταωνίῳ, древне-сербскій замокъ Паунъ (ταώς, по сербски паунъ, павлинъ) лежитъ у Грачаницы на Косовомъ полѣ, частью и нынѣ называемомъ Пауново поле.

бичей византійскихъ палачей. Возстаніе было подавлено. Въ этой войнѣ былъ сожженъ Франками, наемниками, дворецъ царей на островѣ Преспанскаго озера: эти искатели приключеній сожгли также на островѣ основанную Самуиломъ церковь св. Ахиллеса [19]).

Дѣла въ Византіи улучшились при восшествіи на престолъ *Комниновъ*, хотя при трехъ славнѣйшихъ императорахъ этой династіи, при Алексіѣ I (1081 — 1118 г.), Іоаннѣ I (1118 — 1143) и Мануилѣ (1143 — 1180), въ болгарскихъ странахъ стало не лучше, чѣмъ прежде.

Набѣгамъ Печенѣговъ и Клмановъ не было конца. Значительно помогало имъ въ этомъ неудовольствіе болгарскаго народа, происходившее частью отъ ненависти къ Грекамъ, частью отъ преслѣдованія богомиловъ и павликіанъ. Въ 1078 г., когда варвары грабили край до самаго Адріанополя и внутреннія распри терзали Византійскую имперію, греческій павликіанъ Лека изъ Пловдива взбунтовалъ народъ около Софіи, а Славянинъ богомилъ Добромиръ поднялъ знамя возстанія въ Месемвріи [20]). Правда, 80 тысячное, но плохо вооруженное и неумѣлое войско возставшихъ, было разбито менѣе многочисленнымъ, но опытнымъ отрядомъ Византійцевъ: но восемь лѣтъ спустя болгарскіе вожди изъ Дерстра и окрестностей (одинъ изъ нихъ назывался Сеславъ) соединились съ Куманами (1086 г.). Въ тоже время поднялись богомилы и подъ начальствомъ одного павликіана изъ Пловдива, бывшаго придворнаго, заняли горный замокъ Велятово (въ Средной-горѣ или въ Балканѣ къ сѣверу отъ Филиппополя) и оттуда грабили и жгли всю Ѳракію [21]). Ихъ предводитель женился

[19]) Рачки. въ Rad 27, 124 — 127.

[20]) Skylitzes 741; Mich. Attaliota 302.

[21]) Что Βελιατόβα лежалъ къ сѣверу отъ Филиппополя, за Марицею свидѣтельствуетъ изъ похода Татикія: Анна Комнина. изд. бонск. I. 326.

даже на дочери какого то куманскаго князя. Съ помощью возставшихъ Куманы заняли Дерстръ и дунайскую область, которая уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ только номинально принадлежала Византіи. Въ 1087 г. Целгу-ханъ вторгнулся съ 80.000 Печенѣговъ и Кумановъ во Ѳракію, но былъ убитъ въ одной неудачной стычкѣ. Императоръ Алексѣй, двинувшійся къ Дунаю въ 1088 году, въ одномъ страшномъ сраженіи едва спасся. Только поссоривъ Печенѣговъ и Кумановъ между собой, онъ успѣлъ отстранить бѣдствія. Наконецъ въ 1091 году, уничтоживъ Печенѣговъ у Левуніона при устьѣ Марицы, удалось Византійцамъ положить конецъ жестокимъ опустошеніямъ балканскихъ странъ. Часть варваровъ была поселена въ Могленѣ, остальные же были изрублены. Въ 1122 году Печенѣги въ послѣдній разъ перешли Дунай и были совершенно уничтожены у Верреи во Ѳракіи. Въ концѣ этого столѣтія они исчезаютъ совершенно; ихъ мѣсто занимаютъ Куманы. Тогда безпорядки вспыхнули также въ Охридѣ. Возставшіе укрѣпились въ горахъ къ западу отъ Охридскаго озера, но были покорены полководцемъ Михаиломъ Таронитомъ [22].

Въ 1094 г. Куманы, подстрекаемые анти-императоромъ Псевдо-Діогеномъ, снова перешли Дунай. Когда они съ помощью самихъ горцевъ перешли Балканъ, граждане Ямболя и другихъ окрестныхъ мѣстъ рѣшили признать Псевдо-Діогена. Адріанополь долженъ былъ защищаться противъ Кумановъ въ продолженіи 48 дней. Наступленіе прекратилось битвой при Таврокомонѣ [23]).

Гораздо опаснѣе задунайскихъ кочевниковъ были Нор-

---

[22]) Theophylactus. Epist. 65, стр. 559. Ср. Рачки. Борьба южныхъ Славянъ, 310.

[23]) ibid. Rad 30, 77 и 31. 196—217.

манны. Робертъ Гвискардъ въ 1081 г. высадился на берегъ въ Албаніи, разбилъ императора Алексѣя при р. Арзенѣ и взялъ Драчь. Сынъ его Боемундъ, занявшій весь Эпиръ, былъ приглашенъ болгарскими жителями Охриды. Городъ былъ занятъ имъ, но въ замкѣ удержался византійскій гарнизонъ. Вмѣсто того, чтобы терять время при осадѣ сего замка, Боемундъ взялся подчинить себѣ Македонію. Петръ „d'Aulps“ занялъ область Пологъ при истокѣ Вардара, графъ Понтуазскій (Pontoise) взялъ Скопье, а Боемундъ самъ двинулся къ Саланикѣ и дошелъ до Бѣлой-цркви ("Ασπρα ἐκκλησία, нынѣ Алаклиссе), недалеко отъ развалинъ древней Пеллы въ побережьѣ при устьяхъ Вардара. Находившійся со временъ войнъ Василія II въ развалинахъ замокъ Могленскій былъ возстановленъ и снабженъ норманнскимъ гарнизономъ. Весь край до Вардара былъ занятъ съ помощью недовольныхъ Болгаръ. Но этимъ успѣхамъ былъ положенъ конецъ корыстолюбіемъ многихъ норманнскихъ вождей, подкупленныхъ греческимъ золотомъ, нумерической слабостью завоевателей и пораженіемъ самаго Боемунда въ Темпійскомъ ущельѣ. По смерти Роберта (1088) на островѣ Кефаллиніи всѣ завоеванія были снова потеряны.

Нѣсколько лѣтъ спустя балканскія страны были обезпокоены проходомъ крестоносцевъ. Весною 1096 года первыя толпы явились подъ предводительствомъ рыцаря Вальтера Голяки (Gautier sans Avoir) въ Бѣлградъ; оттуда хотѣли по столбовой дорогѣ отправиться въ Константинополь. Еще въ окрестностяхъ города они стали забирать стада у жителей, движимые болѣе голодомъ, чѣмъ алчностью. Поселяне, собравшіеся съ оружіемъ въ рукахъ, загнали отрядъ 140 Латинянъ, предпріятія которыхъ вообще считались грабительскимъ походомъ въ большихъ размѣрахъ, въ уединенно стоявшую церковь, которую предали пла-

мени. Дальнѣйшій переходъ болѣе не былъ тревожимъ. За Браничевомъ дорога эта отклоняется отъ берега Дуная и пролегаетъ поперегъ знаменитой „silva Bulgariae", однообразный дремучій лѣсъ, мѣстами только прерываемый лугами и живописными долинами. Византійцы съ намѣреніемъ оставляли эту уединенную мѣстность, строго запретивши своимъ подданнымъ рубку лѣсовъ вдоль по дорогѣ, такъ какъ они противъ непріятельскихъ нашествій менѣе могли полагаться на свои войска, чѣмъ на трудности представляемыя этимъ путемъ, неизмѣряемостью первобытныхъ лѣсовъ и непроницаемостью кустарниковъ [24]).

Вскорѣ послѣ рыцаря Вальтера явился монахъ Петръ Амienскій, во главѣ 40.000 крестоносцевъ. Ихъ необузданность была причиною, что въ Нишѣ случилась большая катастрофа. Проходя мимо города, Петръ по мосту перешелъ чрезъ Нишаву и сталъ лагеромъ на лѣвомъ ея берегу на большомъ зеленомъ лугу, гдѣ теперь расположенъ городъ Нишъ. Стратегъ Никита съ нимъ условился, чтобы его людямъ не запрещалось запастись припасами въ городѣ, который тогда съ древне-римскими стѣнами и башнями еще стоялъ на правомъ берегу, на мѣстѣ нынѣшней крѣпости; но зато крестоносцы должны были представить двухъ рыцарей въ видѣ аманатовъ. Торговали и покупали въ теченіи цѣлаго дня, и добродушные Нишане даже дарили многое Латинянамъ, не требуя отъ нихъ денегъ. Вечеромъ аманаты возвратились и ночь прошла спокойно. Когда же на слѣдующее утро разбирали лагерь, около 100 Нѣмцевъ, раздраженныхъ споромъ ихъ наканунѣ съ Болгариномъ, побѣжали къ рѣкѣ и подожгли семь мельницъ. Въ городѣ всѣ тогда поднялись, кричали, что Латиняне не

[24]) Wilhelmus Tyrensis, lib. II cap. IV (ed. Bongars I, 653).

христіане, но разбойники, которые за добро платятъ зломъ. По приказу Никиты граждане взялись за оружіе: находившіеся въ городѣ куманскіе, печенѣжскіе и мадьярскіе конные стрѣлки погнались за крестоносцами и перебили многихъ изъ ихъ аріергарда. Петръ былъ уже далеко впереди, когда отъ подоспѣвшаго къ нему рыцаря узналъ о случившемся несчастіи. Онъ воротился, но уже не могъ удержать крестоносцевъ. Онъ хотѣлъ вступить въ переговоры, но около 1000 человѣкъ отдѣлились отъ войска и побѣжали съ упомянутаго луга чрезъ мостъ къ городскимъ воротамъ. Граждане и воины пошли имъ на встрѣчу и страшная борьба завязалась около моста. Многіе Латиняне были загнаны въ рѣку, гдѣ утонули; другіе были брошены съ моста; многіе погибли подъ мечами, копьями и стрѣлами Болгаръ. Сраженіе кончилось совершеннымъ пораженіемъ крестоноснаго войска, разсыпавшагося въ лѣса и горы. Почти случайно только начальники снова сошлись на вершинѣ горы. Сигналами въ рога собирали мало по малу разсѣянныхъ; но 10.000 человѣкъ и 2.000 подводъ были потеряны, и въ томъ числѣ повозка съ деньгами, такъ усердно собранными Петромъ на западѣ. Когда затѣмъ Готфридъ Бульонскій прибылъ съ главнымъ войскомъ, онъ въ этихъ мѣстахъ встрѣчалъ повсюду женщинъ, дѣтей и старцевъ изъ числа тѣхъ крестоносцевъ, которые вмѣстѣ съ пожитками, были захвачены Пишанами [25]). Между тѣмъ норманнскіе крестоносцы, числомъ въ 10,000 человѣкъ, подъ Боемундомъ, съ албанскаго берега миновали Костуръ, разграбили деревни богомиловъ, переправились чрезъ Вардаръ, не смотря на сопротивленіе, оказанное имъ переселенными туда турецкими Вардаріотами и про-

[25]) Albertus Aquensis гл. 9—18; Wilh. Tyr. I. c. 19—22.

должали путь свой къ Константинополю вдоль по Эгейскому побережью по древней „Via Egnatia“.

Во второмъ походѣ крестоносцы подъ нѣмецкимъ королемъ Конрадомъ безпрепятственно достигли Θракіи (1147). далѣе же принуждены были проложить себѣ дорогу оружіемъ.

ГЛАВА XIII.

Внутреннее состояніе Болгаріи въ XI и XII столѣтіхъ.

Эллинизація національной охридской церкви.— Распространеніе богомиловъ въ Греціи. Босніи. Италіи и Франціи.— Этнографическое обозрѣніе полуострова.

Съ XII вѣка Охрида была оплотомъ эллинизма въ земляхъ македонскихъ Славянъ. Уже преемникъ Іоанна Дибрскаго былъ Грекъ и съ той поры Болгаринъ не могъ быть архіепископомъ. котораго назначалъ императоръ [1]). Самымъ замѣчательнымъ между ними былъ извѣстный писатель *Ѳеофилактъ* изъ Эврипа въ Эвбеѣ (ок. 1085—1107); его записки и письма бросаютъ свѣтъ на жизнь и положеніе архіепископовъ охридскихъ. Изъ нихъ [2]) мы усматриваемъ. съ какимъ презрѣніемъ греческій духовный па-

---

[1]) Болгарскіе архіепископы и патріархи (Голубинскій 33 съ сл.): Іосифъ 870. Георгій 878. Леонтій. Димитрій. Сергій. Георгій, Даміанъ (при Петрѣ), Германъ или Гавріилъ въ Воденѣ и Преспѣ (при Самуилѣ), Филиппъ (первый въ Охридѣ), Давидъ ок. 1015—1018, Іоаннъ 1019, Левъ († ок. 1055), Ѳеодулъ. Іоаннъ Лампенъ († ок. 1078). Іоаннъ ὄξειος. Ѳеофилактъ (ок. 1085—1107), Левъ Мунгъ (еврей), Михаилъ Максимъ (евнухъ), Евстаѳій (1134). Іоаннъ Комнинъ (племянникъ Алексѣя I, ок. 1143—56), Константинъ I (смѣненъ 1166), непоименованный 1183, Іоаннъ Каматеръ. Ср. Zachariae 16—24.

[2]) Къ Аненію, ер. 21, р. 541.

стырь взиралъ на свою „варварскую" паству и какою ненавистью Болгаре ему за это отплачивали. Мы узнаемъ, что архіепископъ имѣлъ огромные доходы, что онъ по цѣлымъ днямъ считалъ свои червонцы [3]), и крестьяне на имуществахъ церковныхъ его ненавидѣли. Охрида осталась и послѣ паденія царства торговымъ городомъ, отличавшимся великолѣпными постройками [4]), что свидѣтельствуетъ также арабскій географъ Эдризи (1153).

Въ теченіи 168 лѣтняго византійскаго господства ученіе богомиловъ получило необыкновенное развитіе [5]). Это малоазіатское и армянское ученіе встрѣтило сочувствіе у Грековъ, имѣвшихъ въ средніе вѣка большую наклонность къ богословскимъ спорамъ. Вся страна въ окружности Филиппополя въ XI ст. была переполнена Армянами, богомилами и павликіанами. Императоръ Алексѣй огнемъ и мечемъ преслѣдовалъ богомиловъ: онъ велѣлъ сжечь въ константинопольскомъ гипподромѣ ихъ старшину Василія, попавшаго вмѣстѣ съ своими 12 „апостолами" въ плѣнъ (1111 г.). Мы описали выше плоды этихъ преслѣдованій. Въ 1114 году въ Константинополѣ были смѣнены два епископа, обличенные въ богомильствѣ, а уважаемый народомъ монахъ Нифонъ былъ заточенъ: нѣсколько лѣтъ до этого соборъ осудилъ монаха Константина Хризомалу, распространявшаго богомильскій дуализмъ и утверждавшаго, что въ каждомъ человѣкѣ есть двѣ души — одна добрая и одна злая, и что никто не можетъ быть

---

[3]) Къ импер. врачу Мих. Пантехнесу, ep. 73, p. 563.

[4]) Верхняя Софіевская церковь была построена архіепископомъ Львомъ; нижняя — Өеодуломъ. Одна изъ нихъ еще нынѣ служитъ мечетью.

[5]) См. часто нами упоминаемое сочиненіе Рачкаго о богомилахъ и Schmidt'a Histoire et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois. Paris 1849. О греческихъ богомилахъ: Euthymios Zygadenos, ed. Giesler, Göttingen 1842.

хорошимъ христіаниномъ, пока не изгонитъ изъ себя дурную душу.

Ученіе богомиловъ перешло изъ Балканскаго полуострова на западъ, по всей вѣроятности, чрезъ византійскую нижнюю Италію [1]. Но на итальянской почвѣ оно успѣло удержаться только въ Ломбардіи, гдѣ могло укрыться отъ преслѣдованій папъ въ городахъ и подъ защитой преданнаго сему ученію дворянства.

Первые „манихеи" во Франціи являются въ 1017 году; ихъ главнымъ мѣстопребываніемъ была Тулуза. Въ 1146 году появляются они въ Кёльнѣ на Рейнѣ; вскорѣ они встрѣчаются въ Страсбургѣ и другихъ прирейнскихъ городахъ.

На западѣ они уже не назывались богомилами или бабунами, но носили различныя другія имена, какъ *манихеи*, *публиканы* (отъ павликіаны), *патарены* въ Италіи (отъ миланскаго предмѣстія Патаріа), *катары* въ Германіи и Италіи (происхожд. неясно: оттуда нѣм. Ketzer, чешск. kacíř), *альбигойцы* во Франціи (отъ г. Альби), *тексеранты*, tisserands (такъ какъ ихъ созерцательный образъ жизни доставилъ имъ много послѣдователей между ткачами). Сами же они иначе себя не называли, какъ *christiani*, *boni christiani*, *bons homes*. Не только они, но и ихъ противники не забыли, что ихъ ученіе болгарскаго происхожденія; отсюда и имена *Bulgarorum haeresis*, *Bulgari*, *Bugri*, а также французское бранное слово *bougre*.

Въ началѣ XIII столѣтія вся южная Европа, отъ Пиренеевъ и океана до Босфора и Олимпа, была окружена почти непрерывной цѣпью богомильскихъ поселеній. Сотни тысячъ людей тайно или открыто исповѣдывали ученіе ар-

[1] Въ 1040 году павликіаны являются въ греческомъ войскѣ въ южной Италіи. Gibbon, chap. LIV nota ee.

манскихъ, греческихъ и болгарскихъ еретиковъ [7]). Вѣрующіе въ Ломбардіи и южной Франціи имѣли оживленныя сношенія съ ихъ единовѣрцами въ Византійской имперіи, Болгаріи и Босніи [8]). Гораздо раньше чѣмъ Константинополь былъ завоеванъ латинскими „крестоносцами" и взятъ Турками, происходилъ обширный, хотя и тайный обмѣнъ мыслей между Востокомъ и Западомъ.

Сначала богомилы вѣрили, что Богъ и дьяволъ одновременны. Но уже въ X столѣтіи противъ этого безусловнаго дуализма образовалась партія болѣе умѣренная, считавшая дьявола не первобытнымъ существомъ, но павшимъ ангеломъ. Церковь Драговичей (въ Македоніи) придерживалась древняго диѳеизма; болгарская же умѣреннаго моноѳеизма и признавала временное происхожденіе зла. Выраженіями „ordo de Bulgaria" и „ordo de Dugrutia" различались обѣ партіи, которыя также перешли на западъ. Никита, епископъ константинопольскаго прихода, раздѣлявшаго воззрѣнія Драговичей, участвовалъ въ 1167 году на соборѣ еретическомъ въ Санъ-Феликсѣ де Караманъ близъ Тулузы, объявившемъ абсолютный дуализмъ истинною вѣрою [9]). Впрочемъ это рѣшеніе не имѣло важныхъ послѣдствій [10]). Въ XIII столѣтіи на западѣ ученіе о вѣчномъ существованіи зла имѣло безусловныхъ приверженцевъ лишь

[7]) Списокъ 16-ти «ecclesiae Catharorum» во Франціи, Италіи и на Балканскомъ полуостровѣ въ началѣ XIII столѣтія, составл. Reinarus Sachoni. Bibliotheca max. patrum T. XXV p. 269. Martène et Durand. Thesaurus nov. anecdot. V. 1859. Ср. гл. XV.

[8]) О сношеніяхъ піемонтезскихъ еретиковъ съ Босніею въ XIV столѣтіи см. отчеты инквизиціи у Girolamo Amati. Archivio storico italiano. Firenze 1865. Ser. III. t. I. У Рачкаго Rad VIII. 130.

[9]) Notitia conciliabuli apud S. Felicem de Caraman sub papa haereticorum Niquinta celebrati. Bouquet XIX. 448.

[10]) Вскорѣ послѣ отъѣзда Никиты явился въ Ломбардіи нѣкто Petracus изъ заморья (des parties d'outremer) и агитировалъ успѣшно въ пользу взгляда болгарскаго.

въ церквяхъ въ Тулузѣ и въ Альбано на Гардскомъ озерѣ. На Балканскомъ полуостровѣ средоточіемъ богомильства была Македонія. Въ Мельникѣ, у Прилѣпа, въ горномъ кряжѣ Бабуны [11]), гдѣ и нынѣ одна деревня называется Богомили, и въ Моглепѣ, гдѣ при императорѣ Мануилѣ епископъ св. Иларіонъ велъ трудную борьбу съ богомилами, были богомильскія общины. Рано проникло ихъ ученіе въ Сербію, но оттуда изгналъ его (ок. 1160 — 1180) энергичный великій жупанъ Стефанъ Неманя [12]). Изъ Сербіи преслѣдуемые богомилы бѣжали въ Захлумію (Герцеговину) къ брату Стефана, князю Мирославу, который охотно ихъ принялъ изъ ненависти къ брату. Изъ Захлуміи богомильскіе проповѣдники проникли въ Боснію, гдѣ, подъ покровительствомъ дворянства и бана, ихъ ученіе достигло той же силы, какъ и въ альбигойской южной Франціи. Въ XIII ст. новое ученіе перешло за Саву и распространилось въ Сирміи и Славоніи. Въ Чехіи оно также появляется спорадически занесенное или съ юга или изъ прирейнскихъ странъ [13]).

Западные богомилы имѣли св. писаніе, переведенное на простонародный (провансальскій) языкъ [14]) не съ вуль-

[11]) Уже въ XIII столѣтіи Бабуна. Šafařik, Pam. 25. По преданію гора эта съ давнихъ поръ была убѣжищемъ бабуновъ или богомиловъ. Григоровичъ, Пут. 139.

[12]) Сербскій король Стефанъ Урошъ III выслалъ своего сына впослѣдствіи царя Душана, съ войскомъ противъ «безбожные и поганые» Бабуновъ, которыхъ тотъ послѣ большаго кровопролитія разбилъ и затѣмъ возвратился къ своему отцу въ Сербію. Древняя замѣтка отъ 1329 г. у Григоровича, Путеш. 20. Можетъ быть эти еретики жили въ Македоніи, сѣверной частью которой Сербы уже въ то время владѣли.

[13]) Palacky, Ueber die Beziehungen und das Verhältniss der Waldenser zu den ehemaligen Sekten in Böhmen. Prag 1869. Brandl въ Čas. matice moravské I, 2. Но упомянутая тамъ грамота Иннокентія IV (1244) касается скорѣе Босніи чѣмъ Чехіи.

[14]) По Рейнеру они устранили совершенно латинскій языкъ какъ церковный. Rački, Rad X, 234.

гаты, но съ греческихъ текстовъ. Къ малому числу книгъ, признаваемыхъ болгарскими богомилами, ихъ греческіе единовѣрцы присоединяли Псалтырь и Пророковъ; на западѣ же церковь албанская прибавила къ этому еще книги Іова и Сираха и книги Соломона.

За исключеніемъ нѣсколькихъ частныхъ крайностей богомильское ученіе все болѣе и болѣе проявляло стремленіе къ сближенію съ христіанствомъ (отъ котораго оно довольно отдѣлялось по своей сущности), чтобы такимъ образомъ легче находить сторонниковъ между христіанами. Такъ Итальянецъ Іоаннъ де Луджіо проповѣдывалъ воплощеніе Сына Божія и принималъ весь Ветхій Завѣтъ; другіе проповѣдывали свободу воли.

Такова была въ XI и XII ст. религіозная жизнь въ Болгаріи. Не менѣе важно разсмотрѣть этнографическое состояніе ея. Тогда смѣсь народовъ въ ней была такая же пестрая, какъ и въ наше время.

Славянскій элементъ былъ преобладающимъ. Мы выше упоминали о нынѣ исчезнувшихъ славянскихъ колоніяхъ въ Элладѣ и Ѳессаліи (см. стр. 149). Въ Албаніи и Эпирѣ, въ равнинахъ и долинахъ долгое время жили сербскія и болгарскія племена, между тѣмъ какъ на высотахъ жили Албанцы и Влахи, а въ прибрежныхъ городахъ (Драчь, Навпактъ) — Греки. Южно-эпирскіе Войничи упоминаются уже въ VII стол. Въ X стол. вся страна отъ Драча до Янины вмѣстѣ съ побережьемъ составляла часть Болгарскаго царства. На албанскихъ горахъ проливали кровь въ 1018 г. послѣдніе борцы за болгарскую независимость. Въ возстаніи Деляна поднялись Славяне у Драча, а жители провинціи у Никополя (Этолія и Акарнанія) присоединились къ Болгарамъ „своимъ соплеменникамъ“. Еще при правленіи дома Анжу (1250 — 1350) Славяне жили на прибрежныхъ равнинахъ и на Дримѣ. Славянскій элементъ еще усилился

въ Албаніи и Эпирѣ, когда сербскій царь Душанъ покорилъ эти страны [15]).

Нельзя опредѣлить въ этотъ періодъ границу Сербовъ и Болгаръ. Достовѣрно только, что на Дунаѣ болгарскій элементъ граничилъ съ русскимъ. По Нестору, въ IX и X столѣтіяхъ границы русскихъ Угличей и Тиверцевъ доходили до Дуная, при устьяхъ котораго были тогда русскіе города. Но Славяне должны были уступить здѣсь мѣсто Печенѣгамъ и Половцамъ (Куманамъ). По уходѣ же кочевниковъ появились въ Молдавіи уже не Славяне, а Румыны, но и у нихъ малороссійскій языкъ былъ нѣкоторое время государственнымъ языкомъ [16]).

Албанцы, хотя и древнѣйшій народъ на полуостровѣ, нигдѣ не упоминаются раньше XI ст. Себя называли они *Шкьипетарами*, что, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели, значитъ „обитатели горъ", а свою страну — *Шкьиперія*. У Славянъ они носили названіе *Арбанаси*, у Грековъ — Ἀρβανῖται, на западѣ — *Albanenses*. Это также туземное, вѣроятно древнее, народное имя. На нарѣчіи Тосковъ Арбери или Арбереши значитъ Албанецъ, а горная страна между Валоной и Аргирокастро называется Арберія; на гегскомъ нарѣчіи Арбеніей называется вся Албанія, а у горцевъ это названіе носитъ преимущественно побережье у Драча. Явно, что славянское, франкское и греческое имена заимствованы изъ гегскаго (сѣверо-албанскаго нарѣчія [17]). Въ историческихъ источникахъ Албанцы являются впервые во

[15]) См. любопытное, основанное на новыхъ источникахъ сочиненіе варшавскаго профессора Макушева (см. гл. IV).

[16]) Какъ курьезъ привожу здѣсь, что въ одномъ старо-болгарскомъ народномъ каталогѣ (приблизительно отъ XIII в.) Болгаринъ уподобляется буйволу, Сербъ — волку, тамъ-же физіономія Албанца сравнивается съ бобромъ, а Валаха — съ кошкой. Подлинникъ у Шафарика II, 733.

[17]) Въ тоск. діалектѣ Arberija, въ гег. Arbenija. О народномъ названіи ср. Hahn, Alb. Stud. I, 230, Drin u. Wardar 13.

время возстанія Маніака (1043) подъ названіемъ 'Αλβανοί. Съ этого времени они чаще упоминаются въ греческихъ, латинскихъ и славянскихъ источникахъ. Они жили на неприступныхъ горахъ въ родовомъ быту какъ полудикіе пастухи, подъ управленіемъ туземныхъ вождей. Въ древнихъ сербскихъ памятникахъ XIV ст. упоминаются албанскія деревни на Шарѣ и при соединеніи обоихъ Дримовъ, гдѣ они были подчинены Дечанскому и Призренскому монастырямъ. Два мѣста, называемыя Арбанаси и, вѣроятно, населенныя Албанцами, встрѣчаются въ то время среди македонскихъ Славянъ [18]), одно въ округѣ Жеглигова, другое у Прилѣпа. Албанцы кочевали съ своими стадами и въ Сербіи [19]).

Албанскіе горцы, искони знакомые съ разбойничьими набѣгами, мало по малу спускались въ низменности и покорили находившихся тамъ Славянъ. Вожди албанскіе замѣняли славянскихъ боляръ. Вскорѣ въ Албаніи стало правиломъ, что только „Сербъ или Славянинъ“ можетъ быть быть рабомъ. Побѣдители заимствовали отъ побѣжденныхъ не только законы, обычаи, образъ жизни, но также и выраженія для новыхъ понятій [20]).

Замѣчательно движеніе Албанцевъ въ XIV ст., когда они наводнили опустошенную Элладу. Албанцы покорились Туркамъ только послѣ мужественнаго сопротивленія, а затѣмъ по сходству съ ними по образу мыслей, стали надежнымъ оплотомъ Порты. Будучи издавна, покрайней мѣрѣ номинально, подданными Грековъ, Болгаръ, Итальянцевъ,

---

[18]) Miklosich, Mon. Serb. 144. Гласник 13, 370.

[19]) Царь Стефанъ Владиславъ (1234 — 1241) предоставилъ монастырю Вранинскому (на островѣ озера Скодра) право не дозволять албанскимъ пастухамъ оставаться на зиму въ его владѣніяхъ. Mon. Serb. 27.

[20]) Макушевъ 45. Miklosich. Alb. Studien I. Die slav. Elemente im Albanesischen. Wien 1870.

Сербовъ и Турокъ, они, при всей своей воинственности, никогда не пытались основать собственное албанское царство; даже ихъ народный герой Скандербегъ былъ родомъ Славянинъ. Они постоянно колебались между католицизмомъ и православіемъ и даже принятіе ислама не встрѣчало у нихъ большихъ препятствій.

Разсѣянные по всему полуострову между Албанцами, Греками, Болгарами и Сербами, жили *Румыны*, называемые по славянски и гречески *Влахами* (Власи, Βλάχοι). Въ Сербіи въ новѣйшее время употребительно названіе *Цинцаръ*, имѣющее извѣстный оттѣнокъ насмѣшки (цънцар по рум.— комаръ). Необыкновенная предпріимчивость, равнодушіе къ своей собственной народности и при этомъ упорная вѣрность родному языку — вотъ главныя черты характера Влаховъ. Въ средніе вѣка они были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ теперь. Хотя они принадлежатъ къ древнѣйшимъ обитателямъ полуострова, но упоминаются они въ первый разъ только около 976 года, въ мѣстности между Касторіей и Преспой [21]). Хризовуллъ императора Василія II подчиняетъ охридскому архіепископу Влаховъ во всей Болгаріи, также какъ и отъ Бдина и Бѣлграда до Янтры [22]).

Центръ населенія Влаховъ находился въ Ѳессаліи, называвшейся въ XII — XV ст. просто *Великой Влахіей* (Μεγάλη Βλαχία). Еврейскій путешественникъ Веньяминъ Тудельскій († 1173) разсказываетъ, что тогда они были еще язычниками; они бѣгали такъ быстро какъ козы и спускались съ своихъ горъ для грабежей. Въ то время *Малая Влахія* была въ Этоліи, *Бѣлая Влахія* въ Мизіи, *Черная Влахія* (Μαυροβλαχία) въ Молдавіи. Сербы называли деспо-

[21]) Кедринъ II, 435. См. глава XI, прим. 10.

[22]) Καὶ λαμβάνειν τὸ κανονικὸν αὐτῶν πάντων, καὶ τῶν ἀνὰ πᾶσαν Βουλγαρίαν καὶ τῶν περὶ τὸν Βαρδάριον Τουρκῶν, ὅσοι ἐντὸς Βουλγαρικῶν ὅρων εἰσί. Голубинскій 263.

татъ эпирскій — *Влахіотской землей* [23]). Много Влаховъ жило въ Родопѣ [24]), гдѣ они еще и теперь находятся у Пернара и въ Неврокопѣ. Влахи въ Добруджѣ и у Анхіала упоминаются въ 1095 и 1164 годахъ, у Визіи во Өракіи въ 1284 г.; Византійцы прямо говорятъ объ этихъ понтійскихъ Влахахъ, что они потомки италійскихъ (римскихъ) колонистовъ. Теперь въ Гемѣ нѣтъ болѣе Румыновъ.

Часто упоминаются Влахи въ Сербіи [25]). Уже Стефанъ Неманя подарилъ 150 Влаховъ Хиландарскому монастырю. О крѣпостныхъ Влахахъ упоминаетъ типикъ монастыря Студеницкаго (ок. 1200 года). Многія влашскія деревни упоминаются въ основныхъ грамотахъ монастырей: Жича на Ибарѣ (1222—1228), Дечани на Быстрицѣ (1330), Архангельскаго въ Призренѣ (1348) и въ хрисовулѣ Душана Хиландарскому монастырю (1348). Большинство этихъ поселеній находилось въ Шаръ-Планинѣ, въ горахъ къ западу отъ Бѣлаго Дрима, на Ибарѣ и Сербской Моравѣ, гдѣ и нынѣ горный кряжъ называется *Стари Влахъ*. На Моравѣ расположена была влашская деревня Пониша. При сербскомъ королѣ Милутинѣ (1281 — 1320) Влахи упоминаются въ Македоніи у Скопіи; а при болгарскомъ царѣ Константинѣ (1258—1277) у Прилѣпа.

Нѣтъ сомнѣнія, что часто подразумѣвали подъ Влахами, жившими въ деревняхъ носившихъ славянскія имена (Сушичани, Добродоляни, Горачевци и т. д.), и славянскихъ пастуховъ; но по большей части это были настоящіе Румыны, что доказываютъ собственныя имена, напримѣръ

---

[23]) Даніилъ, изд. Даничича 114, 354. Какой-то Влахіотъ Драгя упоминается въ грамотѣ ок. 1348 г. (Гласник 15, 292).

[24]) Кантакузинъ I, гл. 30 ed. Bonn. I, 143: ἕνα δὲ τῶν ἀπὸ τοῦ Δακικοῦ γένους νομάδα Συρμπάνον (Шарбанъ). Византійскія извѣстія у Roesler, Rom. Stud. 100. Hopf 165.

[25]) См. Даничичъ, Рјечник из старина српских: влах.

въ призренской грамотѣ, оканчивающіяся на *улъ* (Сурдулъ, Урсулъ, Владулъ, Драгулъ, Раюлъ, Станулъ, Нѣгулъ), или въ жичской надписи: Шарбанъ, Бунъ (bonus), Букоръ (алб. и рум. bukúr—красивый) и т. д. [26]).

Въ грамотахъ XIV и XV столѣтій въ Босніи часто приводятся въ противуположность Рагузанцамъ Сербы и Влахи (Sclavi aut Vulahi), крестьяне, пастухи и купцы. Въ Истріи еще нынѣ существуютъ четыре деревни, жители которыхъ говорятъ между собою на румынскомъ, а съ сосѣдями на хорватскомъ нарѣчіи [27]).

Есть достаточно свѣдѣній объ образѣ жизни Влаховъ въ средніе вѣка. По большей части это былъ кочевой народъ, добраго, но иногда способнаго на насиліе, нрава. Какъ нынѣ, такъ и тогда, пасли они лѣтомъ свои стада лошадей, овецъ и козъ на высокихъ горныхъ пастбищахъ, а осенью спускались на зимовку (зимиште, зимовишта), гдѣ отдавали владѣльцу земли вмѣсто платы (травнина) двѣ штуки изъ каждой сотни головъ скота. Понятно, что эти зимніе гости иногда были очень непріятны владѣльцу. Два постановленія законовъ царя Душана (1349) относятся къ нарушенію границъ албанскими и влашскими пастухами [28]). Рагузанцы никогда не пускали Влаховъ на зимовку въ свои владѣнія (прѣштатъ у зимиштехъ) и когда разъ только отступили отъ этого обыкновенія по просьбѣ боснійскаго короля Твердка Твердковича, то „Власи Куявичи“ не только

[26]) Разборъ призренской грамоты у Hâjdeu, Archiva istorica a Romaniei. Bucuresci 1867, III, 85 — 196. Въ этой грамотѣ и рум. слова: мрьчина (Crataegus, глогъ), дрочина (Arbutus unedo). Марко фечор (фечоръ — сынъ). рум. уменьшительныя на — шора.

[27]) См. Miklosich, Die Istrischen Rumunen (Die slav. Elemente im Rumunischen. Wien 1861). Въ хорватскомъ побережьи увѣрялъ меня заслуживающій вѣры человѣкъ, что на островѣ Кркѣ (ит. Veglia) еще въ нашемъ столѣтіи былъ извѣстенъ румынскій языкъ, что стоило бы ближайшаго изслѣдованія.

[28]) Сводъ законовъ Душана §§ 66, 71.

причинили имъ много убытковъ, но даже убили одного изъ нихъ [29]). Влашскія горныя деревни назывались *катуни*; въ нихъ жило часто болѣе 35 семействъ. Ихъ вождь назывался какъ въ Сербіи, такъ и въ Карпатахъ — *кнезь* или *премикюръ*. Влахи хотя и были народъ кочующій, тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ считались подданными монастырей и дворянства: но такъ какъ они вели жизнь болѣе необузданную, чѣмъ другіе поселяне, то ни одинъ крѣпостной Сербъ не могъ жениться на Влашкѣ. За пастово чужаго скота они получали или часть стада (бѣлегъ), или же мѣсячную плату (мѣсечина). Какъ купцы, они обыкновенно отправлялись караванами въ Рагузу и Каттаро, преимущественно съ солью. Также встрѣчаются они въ византійской военной службѣ. Языкъ Влаховъ полуострова еще мало извѣстенъ, хотя изслѣдованіе его, въ особенности въ лексикальномъ отношеніи, могло бы выяснить множество фактовъ [30]). Влашской литературы не существуетъ; пишутъ они теперь по гречески.

Имя *Влахъ*, означавшее сначала человѣка романскаго происхожденія, часто мѣняло свое значеніе, но всегда съ примѣсью насмѣшки. Въ Босніи иногда называли Рагузанцевъ также Влахами. Въ концѣ XII столѣтія имя это перенесено было ошибочно на мизійскихъ Славянъ. Никита Хоніатъ, Ансбертъ, Виллъгардуэнъ, Клари и другіе современники называютъ царей Асѣня и Петра и ихъ народъ то Влахами, то Болгарами; только у Акрополиты исчезаетъ

---

[29]) М. Пуцичь, Споменици србски 1395—1423. Бѣлградъ 1858, 82.

[30]) Георг. Конст. Роза различалъ въ 1809 г. слѣд. діалекты: москопольскій, грабовенскій, грамостенскій, гопистенскій, мезовитскій или эпиротскій, малавистенскій и нагорный или влашскій (Kopitar, Kl. Schriften I, 182). Къ этому нужно прибавить еще могленское нарѣчіе, которое должно быть очень близко къ дако-румынскому (Hahn, Drin u. Wardar 281, и Македоно-румынъ А. Маргаритъ, см. Picot, Les Roumains de la Macédoine, P. 1875, 39).

это смѣшеніе: можетъ быть оно было слѣдствіемъ, что тогда еще существовали на черноморскомъ берегу румынскія деревни, или же это названіе означало вообще поселянъ. На новогреческомъ языкѣ нынѣ еще поселянинъ — βλάχος, въ противуположность пастухамъ (чобанамъ). Нынѣ *Влахъ* означаетъ въ дунайской Болгаріи и Сербіи Дако-Румына, во Өракіи и Македоніи — Македоно-Румына, въ Хорватіи — вообще православнаго христіанина, въ Босніи — Славянина христіанскаго исповѣданія, въ Далмаціи — крестьянина съ материка (морлахъ), у Словеновъ и Чеховъ — Итальянца.

Гораздо темнѣе происхожденіе Румыновъ въ Дакіи. Сомнительно, что они непрерывно обитали въ нынѣшнемъ ихъ мѣстѣ жительства, такъ какъ нѣтъ никакихъ доказательствъ этого. Но споръ объ этомъ важномъ этнографическомъ вопросѣ еще не вполнѣ рѣшенъ. Въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ населеніе Молдавіи и Валахіи составляли болгарскіе и русскіе Славяне, кочующіе Мадьяры, Печенѣги и Куманы. Кто въ то время жилъ на освѣщенныхъ солнцемъ вершинахъ Карпатскихъ горъ — загадка; едва ли это не были румынскіе пастухи, рано туда переселившіеся изъ Балканскаго полуострова. Мѣстныя имена показываютъ, что въ долинахъ Трансильваніи было славянское населеніе (см. стр. 104). Послѣ ухода Кумановъ равнины къ сѣверу отъ Дуная оставались необитаемыми и пустынными. Тогда съ горъ сошли пастухи и поселились среди остатковъ Славянъ. Хотя они и романизовали Славянъ, но заимствовали у нихъ не только сотни обыденныхъ словъ, но въ особенности слова, относящіяся къ понятіямъ христіанства. Религіозная терминологія Румыновъ есть несомнѣнное доказательство того, что они приняли ученіе Христа отъ Славянъ [31]). До прошедшаго столѣтія должно-

[31]) «Кстати я замѣчу, что христіанская терминологія у Румыновъ, а также продолжавшееся до довольно поздняго времени употребленіе славян-

стной и церковный языкъ у нихъ былъ славянскій. Въ Молдавіи Влахи впервые являются въ 1164 году, какъ сосѣди галицкихъ князей [32]). Въ Седмиградіи „Blaci“ въ первый разъ упоминаются въ 1222 г.; къ сожалѣнію очень мало извѣстно объ этомъ лѣсистомъ и опустошенномъ краѣ до переселенія Саксовъ. Въ XIII столѣтіи мы находимъ въ Валахіи румынскіе роды, жившіе подъ венгерскимъ управленіемъ (Οὐγγροβλαχία); только въ XIV ст. возникаетъ тамъ государство.

Часто поселяли *Грековъ* въ городахъ среди Славянъ, чтобы удержать сихъ послѣднихъ въ покорности; такъ было между прочимъ въ Мельникѣ. Многіе малоазіатскіе Греки бѣжали отъ Турокъ въ Сербію, гдѣ мы ихъ находимъ при царѣ Милутинѣ (1281—1320) на Брѣгальницѣ [33]).

Армяне въ свое время имѣли такое вліяніе въ Византійской имперіи, что нѣкоторые изъ ихъ земляковъ достигли престола. Они встрѣчались во всѣхъ большихъ городахъ. Въ окрестностяхъ Филиппополя, въ Могленѣ въ Македоніи и даже на рѣкѣ Пшинѣ [34]) жили они въ деревняхъ. Армяне были настоящими создателями богомильства.

Императоры также селили между Болгарами тюркскія племена. Императоръ Θеофилъ (829 — 842 г.) поселилъ *Вардаріотовъ* между Солунемъ и Воденомъ: они имѣли собственнаго епископа (ὁ Βαρδαριωτῶν ἤτοι Τούρκων), подчинен-

---

скихъ церковныхъ книгъ позволяютъ заключить объ участіи Славянъ въ *довольно позднемъ обращеніи въ христіанство* румынскаго народа». Miklosich, Altslov. Formenlehre (1874), XXV.

[32]) Киннамъ 124. Никита 171. W. Tomaschek, Zur walachischen Frage. Oesterr. Gymn-Zschr. 1876. 342—346.

[33]) Miklosich, Mon. serb. 59. Гласник 24, 246.

[34]) Гласник 24, 245. Село Арменица у Рыла (Šafařik, Pam., 2 издан. 106). Армѣнохоръ у Битоля (Гласник 11, 136; существуетъ еще нынѣ), «Бале Екьса арьмѣнинь» сь семействомъ въ Струмицѣ въ XIV ст. (Mon. serb. 64).

наго охридской церкви [35]). Еще въ XVI стол. къ церкви епископа Полянскаго (Доріанъ) причислялись Вардаріоты [36]). Теперь они исчезли; полагаютъ, что отъ нихъ происходитъ названіе Вардаръ. Другіе *Турки* обитали въ XI ст. около Охриды. *Печенѣги*, поселенные въ тѣ времена у Ниша, Софіи, въ Могленѣ, на Овче-полѣ и на Дунаѣ, вскорѣ вымерли; только въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ именахъ сохранилась память объ этихъ разбойникахъ [37]). Важнѣе было вліяніе *Кумановъ*, къ которымъ мы еще возвратимся [38]).

---

[35]) См. прим. 22.

[36]) Tafel, De Bardario et de gente Bardariotarum. Mus. Rhen. V.

[37]) Село Печенѣга на Дунаѣ въ Добруджѣ; Печеневца на Болг. Моравѣ у Лѣсковца; Печенско Брдо на дорогѣ изъ Софіи въ Берковицу: Печенѣшки пут въ Пологѣ, въ XIV стол. (Гласник XIII, 375); Печеногс село въ Сербіи, въ окрестностяхъ Крагуевца: въ Дубровникѣ властельская фамилія Печенежичь въ XII и XIII стол.

[38]) См. глава XXV, 4.

Глава XIV.

Возстановленіе царства братьями Асѣнемъ I и Петромъ.

Состояніе Византійской имперіи въ концѣ XII столѣтія.— Возстаніе братьевъ Петра и Асѣня въ 1186 г. — Новое Болгарское царство въ Мизіи. — Царь Калоянъ (1196 — 1207). Иванко въ Родопѣ, Стрѣзъ въ Просѣкѣ, независимые удѣльные князья.—Переговоры съ Римомъ.

Византійская имперія, сильно разстроенная внутри, годъ отъ году приближалась къ большой катастрофѣ. Ни одного года не проходило безъ неудачныхъ войнъ или набѣговъ. Въ придунайскихъ провинціяхъ хозяйничали хищные Куманы. Греческіе острова и берега Эгейскаго моря были опустошаемы норманнскими и сарацинскими морскими разбойниками; въ Малой Азіи распространилось могущество Сельджуковъ, утвердившихся въ Никеѣ и Никомидіи. Византійцы уже не были способны сами защищать свое отечество; въ ихъ войскахъ сражались: Норманны, Болгаре, Русскіе, Грузины, Черкесы, Армяне, Арабы, Куманы и другіе чужестранцы. Никто не обращалъ вниманія на гибель, грозившую всему государству; заботились болѣе о чудесахъ и блестящихъ торжествахъ. Число монастырей и монаховъ постоянно возрастало. На Аѳонѣ образовалась настоящая монашеская республика. Въ тоже время въ массѣ населе-

нія росло негодованіе противъ господствующей церкви: неудержимо росло богомильство среди Грековъ и Славянъ. Къ тому еще Комнины ослабили падающее государство введеніемъ западнаго феодализма. Между тѣмъ какъ при господствѣ чистаго самодержавія личность имѣла мало значенія, при феодализмѣ смѣлые и предпріимчивые мужи выступали на первый планъ и встрѣчали готовую почву для своего честолюбія. Кромѣ того вся византійская монархія была покрыта сѣтью итальянскихъ торговыхъ факторій: въ каждомъ изъ большихъ городовъ были магазины и церкви „латинскихъ“ купцовъ. Первыми итальянскими купцами на востокѣ были Амальфитяне. Вскорѣ подлѣ нихъ утвердились въ имперіи болѣе могущественные Пизанцы. Генуэзцы и Венеціанцы, которые всѣ были одарены императорами блестящими привилегіями и льготами. При Золотомъ рогѣ находились главныя жилища „Латинянъ“; около 1180 г. было ихъ тамъ болѣе 60.000. Наибольшее вліяніе пріобрѣли Венеціанцы. Они не слишкомъ увлекались воодушевленіемъ крестоносцевъ, но старались мало по малу упрочить свое могущество въ городахъ и спокойно ожидали удобнаго момента для захваты въ свои руки господства надъ этими прекрасными странами [1]).

Энергичный *Мануилъ Комнинъ*, образованный и храбрый, но слишкомъ любившій удовольствія государь, затѣмъ до такой степени возвысилъ могущество Византійской имперіи, что могъ принимать участіе въ дѣлахъ отдаленныхъ странъ: Сиріи, Венгріи, Италіи. Онъ скончался въ 1180 г., оставивъ несовершеннолѣтняго сына Алексѣя; за опекунство надъ малолѣтнимъ императоромъ начался споръ между латинскою партіею, во главѣ которой находилась вдовствующая императрица Марія Антіохійская, и греческою подъ дяю-

---

[1]) Hopf 145 — 160.

роднымъ братомъ Мануила Андроникомъ Комниномъ, извѣстнымъ своими приключеніями, храбростью, волокитствомъ и притворствомъ — однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ личностей въ византійской исторіи. Въ маѣ 1182 г. онъ овладѣлъ Константинополемъ и регентствомъ; за побѣдою слѣдовала ужасная рѣзня въ латинскомъ кварталѣ столицы. Посадивъ императрицу въ темницу, Андроникъ приступилъ къ введенію разныхъ преобразованій для возвышенія имперіи. Опираясь на чернь, онъ вступилъ въ смертельную борьбу съ византійскимъ дворянствомъ. Вскорѣ жертвами его интригъ были императрица (въ августѣ 1182 г.) и юный Алексѣй (къ концу 1183 г.).

Тотчасъ послѣ заточенія императрицы, венгерскій король Бела III, женатый на ея сестрѣ, напалъ на византійскія владѣнія (1182). Въ слѣдующемъ году война продолжалась съ большею энергіею. Съ Венграми соединился сербскій великій жупанъ Стефанъ Неманя, заставившій своихъ братьевъ подчиниться, соединившій отдѣльныя княжества и тѣмъ положившій основаніе могуществу Сербіи. Союзники взяли и разрушили занятыя византійскими гарнизонами крѣпости Бѣлградъ, Браничево, Нишъ и Софію, вѣроятно съ помощью жителей туземцевъ, и прогнали византійское войско до Трояновыхъ воротъ. Еще въ 1189 году крестоносцы застали приведенные города въ развалинахъ. Изъ Софіи король Бела перевелъ мощи болгарскаго народнаго святаго Іоанна Рыльскаго въ видѣ трофеи въ Гранъ (Остригонъ [2]).

Походъ этотъ привелъ въ движеніе весь сѣверъ полуострова. Вскорѣ спустя и на югѣ случилось событіе, предвѣщавшее, повидимому, гибель Византійской имперіи. Лѣтомъ

---

[2]) Никита Акоминатъ, ed. Bonn. 359 — 362. Короля Стефана біографія Немани гл. VII; Патріарха Евѳимія Житіе св. Іоанна Рыльскаго (Гласник 22).

1185 года восьмидесятитысячное норманнское войско, приплывшее къ Драчу на 200 военныхъ корабляхъ, тамъ пристало къ берегу; не встрѣтивъ сопротивленія со стороны туземныхъ Албанцевъ и Болгаръ, Норманны прошли до Солуня, овладѣли этимъ городомъ и направили свой переходъ прямымъ путемъ къ Константинополю. Въ столицѣ произошло тогда неимовѣрное безначаліе. Въ двадцатый день послѣ паденія Өессалоники Андроникъ былъ низверженъ и жестокимъ образомъ умерщвленъ; на престолъ же былъ тогда возведенъ *Исаакъ II Ангелъ* (12 сентября 1185 г.). Начало царствованія новаго императора, оказавшагося алчнымъ и надменнымъ трусомъ, было ознаменовано блистательною побѣдою надъ Норманнами; храбрый Алексѣй Вранасъ, осуществляя планъ, составленный еще Андроникомъ, выступилъ изъ Родопы и разбилъ грабившихъ въ разсыпную Норманновъ 7 ноября у Димитрицы при устьѣ Стримона. Слѣдующей зимою Исаакъ заключилъ миръ съ Венграми, причемъ женился на дочери Белы Маргаритѣ. Въ видѣ приданнаго Исааку были возвращены завоеванные Венграми недавно предъ тѣмъ болгарскіе города [3]). При этомъ были, кажется, также опредѣлены всѣ случаи, при которыхъ эти земли должны были снова быть отданы Венграмъ.

Происшествіе это произвело большое волненіе въ Болгаріи. Примиреніе Венгровъ съ Византійцами заставило Болгаръ убѣдиться въ несбыточности ихъ надеждъ касательно близкаго паденія Византійской имперіи, вслѣдствіе походовъ Белы, возраставшаго могущества Сербіи и нападенія Норманновъ. Пришлось взяться самимъ за дѣло. Такимъ образомъ венгерско-византійскій союзъ былъ непо-

[3]) Иннокентій III пишетъ королю Эмериху: Terram, quam pater Tuus (Бела) sorori Tuae imperatrici Graecorum dedit in dotem. Theiner, Monum. Slav. I, 36; ср. Дриновъ, Период. Списаніе, XI, 221.

средственною причиною новаго болгарскаго возстанія, болѣе удачнаго, чѣмъ безуспѣшныя попытки 1048 и 1073 годовъ.

Возстаніе началось въ балканскихъ замкахъ, владѣтели которыхъ, потомки сподвижниковъ Симеона, были почти независимы въ своихъ неприступныхъ притонахъ [4]); при томъ они находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ задунайскими Куманами. Во главѣ недовольныхъ стояли братья *Ѳеодоръ* и *Асѣнь* съ прозвищемъ Бѣлгунъ, владѣтели замковъ Трнова и Трапезицы на Янтрѣ [5]). Главными чертами характера Асѣня были предпріимчивость и неустрашимость; старшій его братъ является скорѣе съ талантомъ дипломата, чѣмъ воина. Они вели свой родъ отъ прежнихъ царей, а именно, кажется, отъ прѣславскихъ [6]), чѣмъ объясняется уваженіе, которымъ они пользовались у боляръ, тогда какъ они, въ качествѣ своемъ какъ императорскіе вассалы, ежегодно являлись ко двору византійскому съ 60—100 лошадей. Сельскіе жители готовы были взять сторону возставшихъ, такъ какъ финансы Исаака были разстроены норманнскою войной и празднествами его свадьбы, а по сему самому подати были взымаемы съ большою строгостью. Дабы имѣть предлогъ къ возстанію, братья отправились весною 1186 года въ Кипселлы (нынѣ Ипсала въ южной Ѳракіи) въ императорскій дворъ съ просьбою, чтобы ихъ приняли въ войско съ предоставленіемъ имъ императорскимъ хрисовуломъ какого нибудь спорнаго помѣстья въ Балканахъ. На оба эти требованія послѣдовалъ отказъ. Они

---

[4]) Ἄλλοτε μὲν κατὰ Ῥωμαίων ἐμεγαλαύχησαν, говоритъ о нихъ Никита 482.

[5]) Асѣнь, называемый Бѣлгунъ, и Ѳеодоръ, называемый Петръ, въ неизданномъ рукописномъ помени́кѣ у Г. Дринова.

[6]) Praevalentibus Grecis Bulgari perdiderunt regiam dignitatem, quinimo compulsi sunt gravi sub jugo Constantinopolitano servire, donec novissime duo fratres, Petrus videlicet et Iohannitius, *de priorum regum prosapia descendentes*, terram patrum suorum non tam occupare, quam recuperare coeperunt. Папа къ королю венгерскому 1204. (Theiner, Mon. Slav. mer. I, N. LVII).

тогда грозили, что ихъ земляки возстанутъ, и Асѣнь въ особенности выражался такъ рѣзко, что дядя императора Іоаннъ севастократоръ велѣлъ ему дать пощечину. Ихъ не арестовали, такъ какъ Византійцы, ослѣпляемые своею побѣдою надъ Норманнами, не придавали большаго значенія этому дѣлу [7]).

По возвращеніи на родину братья созвали многихъ дворянъ, членовъ духовенства и простой народъ для освященія церкви св. Димитрія въ Трновѣ, ими тамъ построенной и слѣды которой нынѣ еще замѣтны подъ Трапезицею. По случаю этого празднества можно было приступить незамѣтнымъ образомъ къ явному открытію переворота. Архіепископъ Василъ, бывшій за одно съ братьями, провозгласилъ во время церемоніи освященія, что по волѣ Божіей Болгаре должны были сложить съ себя многолѣтнее иго и завоевать себѣ обратно свободу, короновалъ при громкихъ радостныхъ кликахъ присутствующихъ старшаго брата *Θеодора* золотою короною, какъ царя Болгаръ и Грековъ, и надѣлъ на него багряницу и красные башмаки, какъ знаки императорскаго достоинства. Затѣмъ Θеодоръ, подобно тому какъ въ 1073 г. Константинъ Бодинъ, принялъ

---

[7]) Главный свидѣтель для этого времени до 1206 г. Византіецъ Никита Акоминатъ изъ Хонъ въ Малой Азіи, который при Исаакѣ II и Алексіѣ III занималъ важнѣйшія придворныя должности (онъ былъ λογοθέτης τῶν σεκρέτων) и даже участвовалъ въ нѣкоторыхъ походахъ противъ Болгаръ, ed. Bonn. 481 съ сл. Его рѣчи и письма у Const. Sathas'a, Bibliotheca graeca medii aevi. Vol. 1, Venetiis 1872. 73—136. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду разсказъ французскаго рыцаря Robert de Clary (изд. Hopf'омъ въ Chroniques gréco-romaines, Berlin 1873, ch. LXIV). Клари считаетъ позднѣйшаго царя *Калояна* основателемъ новаго болгарскаго государства и приписываетъ дѣянія Асѣня и Петра ихъ преемнику Калояну, а по сему самому не было обращаемо вниманія на важныя извѣстія, имъ сообщаемыя. Въ ту же ошибку впалъ Виллыардуэнъ (XLIII § 202 ed. Wailly), полагая, что Калоянъ (1204 г.) 20 лѣтъ велъ войну съ Исаакомъ и Алексіемъ, стало быть съ 1185 года, тогда какъ Калоянъ только съ 1196 года является дѣйствующимъ лицомъ.

имя *Петра* или *Калопетра*, подъ которымъ его потомъ знали. Принятіемъ титула „царя Болгаръ и Грековъ" и имени Петра онъ явно показалъ, что считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ великаго Симеона и святаго его сына. Съ этихъ поръ онъ сталъ какъ царь дарить и обѣщать имущества и права болярамъ. Василъ остался въ Трновѣ въ качествѣ самостоятельнаго патріарха новаго государства [8]).

Изъ Трнова возставшіе немедленно перешли къ Прѣславу, главному изъ гемскихъ городовъ и древней столицѣ царства, но такъ какъ осада казалась имъ слишкомъ продолжительной, они повернули во Ѳракію. Императоръ двинулся противъ нихъ и ему удалось, послѣ нѣсколькихъ стычекъ, разбить Болгаръ въ балканскихъ проходахъ во время густаго тумана. Предводители съ кое-какими остатками войска бѣжали за Дунай къ Куманамъ. Возстаніе распространилось только по восточному Балкану. Исаакъ считалъ все конченнымъ и не думалъ занять замки и требовать заложниковъ, но удовольствовался сожженіемъ скирдъ хлѣба на поляхъ и потомъ возвратился съ тріумфомъ въ столицу (лѣтомъ 1186 г.).

---

[8]) Объ исторіи начала революціи Никита (484) передаетъ намъ лишь извращенную легенду. По отказу, будто бы, Болгаръ участвовать въ бунтѣ, братьями была построена церковь, посвященная св. Димитрію: затѣмъ они наняли мужчинъ и женщинъ, которые въ пророческомъ воодушевленіи, съ распущенными волосами и выворачивая глаза, тамъ-же предвѣщали народу освобожденіе Болгаріи, для какой цѣли къ нимъ на помощь явился св. Димитрій, покинувши разрушенную Норманнами церковь солуньскую. Далѣе они вызывали собравшихся взяться за оружіе и перебить Грековъ до послѣдняго. Никита также говоритъ о золотой коронѣ и башмакахъ Петра (стр. 486), но въ другомъ мѣстѣ своего разсказа. Настоящій ходъ дѣла изложенъ Пансіемъ (1762) въ его болгарской хроникѣ на основаніи потерянныхъ теперь источниковъ (напеч. у Раковскаго, О Асѣню 95); у Пансія ошибочно только сказано, что былъ коронованъ *Асѣнь* и что архіепископъ былъ *Іоанъ*. Въ 1203 году *Василъ* былъ уже епископомъ 18 лѣтъ (quod mea anima desideravit per octavum decimum annum. Theiner, Monum. Sl. I, 20). Титулъ Петра: «Kalopetrus.....itemque a suis dictus imperator Grecie» (Ansbert, Fontes rerum Austriacarum. V, 54).

Зимою опять появился Асѣнь, но уже не одинъ, а въ союзѣ съ Куманами. Быстро была занята страна между Дунаемъ и Балканами. Потомъ онъ вторгнулся во Ѳракію, но въ открытомъ полѣ былъ разбитъ Іоанномъ севастократоромъ. Но, хотя онъ и принужденъ былъ удалиться въ горы, счастье благопріятствовало ему. Севастократоръ былъ заподозрѣнъ въ преступныхъ замыслахъ противъ престола и отозванъ. Его преемникъ, слѣпой Іоаннъ Кантакузинъ, неосторожно расположился въ неукрѣпленномъ лагерѣ, предполагая, что Асѣнь, боясь его, ушелъ въ горы. Темной ночью Болгаре напали на лагерь и разбили Грековъ. Тогда противъ возмутившихся былъ посланъ побѣдитель въ сраженіи у Димитрицы храбрый Вранасъ; но этотъ смѣлый полководецъ провозгласилъ себя императоромъ въ Адріанополѣ, осадилъ Константинополь, и палъ тогда же въ поединкѣ съ маркизомъ Конрадомъ Монферратскимъ. Многіе изъ его приверженцевъ бѣжали къ Болгарамъ [9]).

Сербскій князь Неманя былъ естественнымъ союзникомъ Асѣневичей противъ Грековъ. Пока Сербы разрушали западные замки Грековъ, Болгаре дрались въ союзѣ съ Влахами и Куманами во Ѳракіи по всей линіи отъ Филиппополя до Чернаго моря. 8 октября 1187 г. въ мѣстности у Ямболя, императоръ встрѣтилъ войско Кумановъ въ то время, когда оно собиралось, растянувшись на протяженіи шести стадій, угнать изъ Ѳракіи 12.000 плѣнныхъ и безчисленное множество скота. Произошла битва и Греки, хотя и приписывали себѣ побѣду, тѣмъ не менѣе отступили къ Адріанополю.

Осенью императоръ отправился въ Софію, чтобы оттуда напасть на Болгарію съ западной стороны. Тогда мощи св. Іоанна Рыльскаго были посланы обратно въ Софію

[9]) Никита 510.

королемъ Белою [10]). Походъ этотъ не состоялся по случаю наступленія зимы. Войско перезимовало въ Софіи. Весною 1188 года оно, подъ начальствомъ императора, этропольскимъ проходомъ перешло чрезъ Балканы, но снова воротилось послѣ трехмѣсячной неудачной осады Ловчи. При одномъ разъѣздѣ Грекамъ удалось взять въ плѣнъ жену Асѣня, что повело къ перемирію и передачѣ заложникомъ Византійцамъ третьяго брата Іоанна. Іоанну впрочемъ удалось вскорѣ спастись и война снова возгорѣлась [11]).

Въ 1189 году крестоносцы подъ предводительствомъ императора Фридриха I прошли отъ Бѣлграда къ Константинополю. Греки относились къ нимъ непріязненно; византійскіе стрѣлки безпокоили даже ихъ войско въ ущельяхъ: вслѣдствіе чего крестоносцы ограбили все, что оставалось въ городахъ и деревняхъ послѣ жестокихъ войнъ. Сербы и Болгаре слѣдовали политикѣ противуположной греческой. Въ Нишѣ Фридрихъ I радушно былъ принятъ Неманемъ, который, соединившись съ Болгарами, занималъ области на Тимокѣ. Петръ и Асѣнь послали туда пословъ съ важными письмами. Среди безпрерывныхъ стычекъ съ византійскимъ войскомъ подъ полководцемъ Камицемъ крестоносцы достигли ѳракійской равнины. До Траяновыхъ воротъ всѣ города оказались опустѣвшими послѣ войнъ Грековъ съ Венграми, Сербами и Болгарами. Ѳракія же, страна богатая и тогда еще цвѣтущая, самими крестоносцами въ теченіи зимы превращена была также въ пустыню. Выступая изъ Филиппополя или Адріанополя, они брали и разграбляли одинъ за другимъ всѣ замки родопскіе и города внутри края. Въ Адріанополѣ императоръ велъ зимою переговоры съ балканскими Славянами о пособіи ихъ противъ Константи-

---

[10]) Евѳимій, Гласник 22, 284.
[11]) Никита 521, 622.

нополя. Положено было, чтобы въ мартѣ напали на Константинополь съ сухопутной стороны 80.000 крестоносцевъ, 40.000 Болгаръ и Кумановъ и 20.000 Сербовъ; со стороны же моря должны были дѣйствовать флоты итальянскихъ республикъ. За свое участіе царь Петръ требовалъ утвержденія его императорскаго титула. Но 14 февраля 1190 г. состоялся договоръ съ Греками и 1 марта крестоносное войско мирнымъ образомъ двинулось къ Геллеспонту [12]).

Послѣ удаленія крестоносцевъ борьба съ балканскими Славянами возобновилась. Византійскіе наемники, долго не получавшіе никакой платы, все болѣе и болѣе небрежно относились къ своей службѣ, что и побудило Исаака уплатить имъ двухмѣсячное покрайней мѣрѣ жалованье и лично стать во главѣ войска въ новомъ походѣ чрезъ Анхіалъ въ Балканы. Тогда онъ узналъ, что болгарскіе города были укрѣплены новыми стѣнами и башнями. Болгаре бѣгали по высокимъ скаламъ „какъ олени или козы“, пускали оттуда на войско цѣлый градъ стрѣлъ и сваливали на него обломки скалъ. Въ ущельяхъ предъ городомъ Беррея (Эски-Загора) византійское войско было истреблено; императоръ едва спасся (1190 г.). Послѣ этой побѣды Болгаре двинулись къ укрѣпленнымъ городамъ, взяли приступомъ Варну и ограбили Анхіалъ. Исаакъ однако приказалъ возстановить стѣны обоихъ городовъ, снова выступилъ осенью 1190 г. противъ Болгаръ (уже въ пятый разъ), дошелъ до Филиппополя, отразилъ непріятеля и обратился противъ Сербовъ, которыми, по удаленіи крестоносцевъ, разрушены были Софія, Перникъ, Стобъ (у р. Рылы), Вельбуждъ (теперь Кюстендиль), Скопье и Призренъ [13]). Неманя

---

[12]) Ansbert p. 22—34.

[13]) Короля Стефана жизнь Немани гл. VII; Ansbert 42; Никита 569 (Скопье). На предыдущей страницѣ авторъ этотъ приписываетъ взятіе Софіи и Стоба (Στόβιον) Болгарамъ; но города эти были тогда взяты Сербами.

былъ пораженъ при Моравѣ и долженъ былъ заключить миръ. Исаакъ дошелъ до Бѣлграда и тамъ имѣлъ свиданіе съ королемъ Белою. Въ послѣдній разъ тогда показались византійскіе воины при Дунаѣ и вообще за Траяновыми воротами [14]).

Въ слѣдующемъ году Исаакъ назначилъ храбраго двоюроднаго брата своего Константина начальникомъ Филиппополя. Но этотъ благородный юноша вскорѣ былъ лишенъ зрѣнія за его чрезмѣрное честолюбіе. Болгаре же радовались неспособности Ангеловъ и даже молились Богу, чтобы онъ имъ даровалъ долгую жизнь. Безпрепятственно они дошли до Адріанополя и Филиппополя, заняли въ 1194 году Софію, гдѣ захватили останки св. Іоанна Рыльскаго, покровителя Болгаръ, которыя Асѣнь перевелъ съ большимъ торжествомъ въ Трново „большее ради чьсти и утвръжденія своего царства“ [15]).

Осенью 1194 года Болгаре одержали у Аркадіополя (теперь Люле-Бургасъ) блистательную побѣду надъ войсками восточныхъ и западныхъ провинцій. Исаакъ тогда приготовлялъ большую экспедицію; его союзники Венгры должны были напасть чрезъ Бдинъ. Но тутъ онъ въ лагерѣ въ Кипселахъ 10 апрѣля 1195 года былъ низверженъ съ престола и ослѣпленъ роднымъ братомъ Алексѣемъ III, который войскомъ провозглашенъ былъ императоромъ. Босфорская имперія представляла печальную картину. Узурпаторъ былъ изнѣженнымъ Сарданапаломъ: его жена, Евфросинія, болѣе мужественная чѣмъ онъ, управляла государствомъ съ своими любимцами. Въ Константи-

[14]) Обыкновенно относятъ походъ противъ Сербовъ къ 1194 году. Ср. однако Eustathii Opuscula ed. Tafel 44 a и Tafel, Komnenen und Normannen (прим. 102). Проповѣдь Евстаѳія, сказанная въ Филиппополѣ, въ день Свѣтлаго праздника 1191 г.

[15]) Евѳимій, Житіе св. Іоанна Рыльскаго (старо-болг.) Гласник XXII, 284.

вполнѣ порядокъ былъ поддерживаемъ одними только Варягами. Войско было разсѣяно, адмираломъ же Стрифномъ флотъ былъ превращенъ въ „золото и серебро".

Исаакъ лично принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; братъ не подражалъ его примѣру, но желалъ мира съ Болгарами; но Асѣнь предлагалъ неслыханныя условія и съ упорствомъ продолжалъ войну. Появившись даже у Сереса болгарскія и куманскія орды разбили тамъ греческое войско.

Но побѣдоносному поприщу жизни Асѣня былъ положенъ конецъ насильственнымъ образомъ. Въ числѣ его приближенныхъ былъ болярипъ исполинскаго роста, по имени Иванко, человѣкъ преданный страстямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма расчетливый. Ставъ во главѣ партіи болярь недовольныхъ строгимъ правленіемъ Асѣня, онъ вступилъ въ тайные переговоры съ зятемъ императора, севастократоромъ Исаакомъ Комниномъ, который, будучи плѣненъ Болгарами въ сраженіи подъ Сересомъ, находился въ Трновѣ, гдѣ впрочемъ вскорѣ спустя скончался [16]. Къ тому еще Никита разсказываетъ, что до царя доходили слухи о тайной связи Иванки съ сестрою императрицы. Какъ бы то ни было, онъ ночью былъ призванъ къ Асѣню, но, предупрежденный во время, онъ сговорился до прихода къ царю съ своими друзьями и родственниками: если царь обойдется съ нимъ ласково, то онъ готовъ извиниться; если же онъ обойдется съ нимъ надменно, то Иванко намѣренъ былъ прибѣгнуть къ спрятанному у него подъ одеждою мечу. Когда Иванко вошелъ, раздраженный въ высшей степени Асѣнь велѣлъ подать себѣ саблю; Иванко же не медля схватилъ мечъ и поразилъ имъ царя. Такъ палъ Іоаннъ Асѣнь I, возстановитель Болгарскаго царства, въ своемъ дворцѣ въ Трновѣ 1195 г., послѣ 9-лѣтняго побѣдоноснаго царствованія.

[16]) Никита 620.

Еще въ ту же ночь Трново было занято сторонниками Иванки: но уже до разсвѣта по всей странѣ распространилась вѣсть объ убійствѣ царя: Петръ, которому братъ въ послѣднее время почти исключительно предоставлялъ правленіе, явился изъ своего удѣльнаго княжества [17]) около Прѣслава и Овеча (Проватонъ) и обложилъ Трново. Иванко просилъ помощи у Византійцевъ, которые дѣйствительно выслали два вспомогательные отряда: но лишь только они вступили въ балканскія ущелья, какъ устрашенные воины начали роптать и разбѣжались. Иванко тайно бѣжалъ изъ города и Трново сдалось Петру.

Управленіе государствомъ принялъ *Петръ* вмѣстѣ съ своимъ молодымъ братомъ *Калояномъ* [18]). Онъ воевалъ не безъ успѣха съ Греками, но также вскорѣ былъ убитъ Болгариномъ, вѣроятно изъ числа приверженцевъ Иванки и противниковъ Асѣневичей (1196 [19]).

Преемникомъ его былъ *Калоянъ* (1196—1207), непримиримый врагъ Грековъ, характеромъ похожій на Асѣня, но несравненно болѣе хитрый и жестокій. Какъ опытный полководецъ и государственный человѣкъ, политическія выгоды онъ ставилъ выше религіозныхъ интересовъ: онъ, сколько извѣстно, не тревожилъ богомиловъ, но вступилъ въ дружескія сношенія съ папой. Юношей онъ былъ отданъ заложникомъ при перемиріи 1188 г., но скоро успѣлъ бѣжать. Сдѣлавшись царемъ, онъ съ большимъ войскомъ предпринималъ ежегодно нападенія на Ѳракію и Македонію. Хуже всѣхъ свирѣпствовали Куманы, съ которыми Калоянъ былъ въ тѣсной дружбѣ; онъ даже женатъ былъ на

---

[17]) Acropolita гл. XII.

[18]) Въ болгарскихъ памятникахъ и въ письмахъ къ папѣ онъ называется Калоянъ (Calojoannes); иначе Joannitius, Ἰωαννίτζης или просто Іоаннъ.

[19]) Въ 1196 году до прибытія нѣмецкаго посольства въ Константинополь (къ Рождеству 1196), Никита 629.

Куманкѣ. Набѣги этихъ хищниковъ простирались до стѣнъ Константинополя. Они выносили богатую добычу изъ македонскихъ и ѳракійскихъ городовъ: между прочимъ, по примѣру Венгровъ (1072 и 1183), множество мощей святыхъ, которыя переносились какъ драгоцѣнныя государственныя палладіи, съ великимъ торжествомъ въ Трново, гдѣ ихъ встрѣчалъ архіепископъ Василъ во главѣ духовенства и болядъ въ праздничной одеждѣ [20]).

Въ то время въ Македоніи образовалось другое болгарское государство. Болдринъ *Добромиръ Стрѣзъ* (Χρύσος, Stratius), родственникъ Асѣневичей [21]), перешелъ на сторону Византійцевъ и помогалъ имъ съ 500 всадниками противъ Асѣня. Назначенный комендантомъ замка Струмицы, построеннаго на высокой скалѣ, онъ долженъ былъ противиться вторженіямъ Калояна въ Македонію, когда внезапно (къ концу 1196 или въ началѣ 1197 года) бросилъ службу императорскую и избралъ себѣ мѣстопребываніемъ оставленный безъ гарнизона Просѣкъ. Этотъ горный замокъ стоялъ гдѣ-то на скалистомъ хребтѣ въ большихъ вардарскихъ ущельяхъ: онъ былъ защищенъ со всѣхъ сторонъ глубокими оврагами, исключая узкаго прохода, перегороженнаго циклопическими стѣнами: глубоко внизу подъ стѣ-

---

[20]) Евѳимій, Жизнь Илларіона Могленскаго (Старине I, 73) Іоасафъ. Жизнь св. Филоѳея (Гласник XXXI, 252). Жизнь св. Михаила Потукскаго (Гильфердингъ I, 49).

[21]) «Царя *ближику* (propinquus) сего». Стефанъ Первовѣнчанный. Жизнь Немани, гл. XVII (старо-серб.). «*Ужика* (consanguineus) Калояна цара». Ѳеодосій, изд. Даничичъ 103 (старо-серб.). «Stratius nepos Johanicii» пишетъ императоръ Генрихъ (Макушевъ 60). Имя Добромиръ у Никиты (Sathas, Bibl. graeca I, 90): παρὰ τοῦ Δοβρομήρου Χρύσου τοῦ κατέχοντος τὸν Πρόσακον καὶ τὴν Στρούμμιτζαν. Стрѣзъ сокращенно отъ *Стрѣзимиръ*; имя *Стрезо* встрѣчается еще нынѣ у македонскихъ Болгаръ; Стрезовци деревня у Куманова въ Македоніи. Легенда о Стрѣзѣ въ Гласникѣ VIII, 144. Объ исторіи этихъ временъ ср. В. В. Макушева, Болгарія въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII вѣка (Варшавскія Унив. Извѣстія. 1872 № 3. стр. 1—66).

нами пѣнился Вардаръ. „Какъ паукъ или скорпіонъ лѣпился онъ по крутымъ и неприступнымъ скаламъ и подобно домоноснымъ улиткамъ или живороднымъ раковинамъ скрывался онъ за укрѣпленіями своего городка, закутывавясь въ нихъ какъ каменнымъ плащемъ", говоритъ византійскій его современникъ. Пока Куманы и Болгаре Калояна грабили окрестности Цурулона и Пропонтиды, императоръ Алексѣй осадилъ въ 1198 году смѣлаго авантюриста въ его скалистомъ гнѣздѣ, но гарнизонъ отбилъ всѣ приступы обломками скалъ, которые бросались изъ искусно сдѣланныхъ машинъ. Въ концѣ концовъ Алексѣй долженъ былъ уступить верхнюю Македонію возмутившемуся болярину и выдалъ за него, хотя онъ былъ уже женатъ, дочь своего двоюроднаго брата протостратора Камица.

Между тѣмъ *Иванко*, убійца Асѣня, бѣжалъ къ Византійцамъ и былъ ими радушно принятъ. Онъ принялъ греческое имя Алексѣя и греческіе нравы и былъ обрученъ съ Ѳеодорой, дочерью того императорскаго принца, съ которымъ онъ еще до убіенія Асѣня велъ переговоры въ Трновѣ. Будучи комендантомъ въ Филиппополѣ, онъ мужественно отбивалъ приступы своихъ соотечественниковъ на этотъ городъ. Но слабость Византійской имперіи и примѣръ поданный Стрѣзомъ были слишкомъ заманчивы. Полагаясь на замки имъ построенные въ Родопѣ и на своихъ исключительно византійскихъ наемниковъ, Иванко возсталъ въ 1199 г. и вступилъ въ союзъ съ болгарскимъ царемъ. Посланнаго противъ него полководца Камицу онъ въ засадѣ у Баткуна взялъ въ плѣнъ и послалъ Калояну. Пока Византійцы тщетно осаждали Кричимъ и другіе изъ его замковъ, Иванко предпринялъ походъ въ Смолянскую провинцію (стр. 148) и достигъ даже Эгейскаго моря; наконецъ онъ измѣннически и вѣроломнымъ образомъ (обѣщали ему уступку всѣхъ занятыхъ имъ областей) былъ

плѣненъ императоромъ у города Стенимака (лѣтомъ 1199 года [22]).

Камицу освободилъ изъ плѣна его зять Стрѣзъ. Но императоръ не хотѣлъ отдать Стрѣзу довольно значительную выкупную сумму, такъ какъ онъ, по взятіи въ плѣнъ императорскаго полководца, конфисковалъ изъ корыстолюбія огромныя его помѣстья. Камицъ возмутился тогда противъ своего двоюроднаго брата, императора, въ союзѣ съ Стрѣзомъ занялъ города Прилѣпъ и Битоль и вторгнулся въ Ѳессалію. Но Стрѣзъ заключилъ миръ и возвратилъ завоеванные города (1201). При этомъ онъ получилъ третью жену, бывшую недавно женою Иванки. Камицъ продолжалъ защищаться въ южной Македоніи, но принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Въ тоже время возмутившійся намѣстникъ Смолянской провинціи Кипріотъ Спиридонакъ былъ усмиренъ.

Тогда Византійцы принуждены были заключить миръ съ Калояномъ, въ особенности же когда онъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, 24-го марта 1201 года, приступомъ взялъ Варну. Тѣмъ кончилась шестнадцатилѣтняя болгарская война. Всѣ области, имъ завоеванныя, были оставлены за нимъ. Царство его простиралось отъ Бѣлграда до нижней Марицы и до Агатополя на Черномъ морѣ, отъ устьевъ Дуная до Стримона и верхняго Вардара. Бѣлградъ и Браничево были во власти Болгаръ: отсюда сербско-болгарская граница тянулась въ 1204 году по Моравѣ до Ниша, принадлежавшаго также Болгарамъ. Призренъ, Скопье и Вельбуждъ со всѣми ихъ епархіями также принадлежали къ Болгарскому царству [23]).

Калоянъ съ своей стороны имѣлъ много причинъ желать мира съ Греками. Именно Волынскій князь Романъ Мстисла-

[22]) Никита 675—687.

[23]) Грамоты у Theiner. Mon. Slav. I. 29

вичъ вторгнулся въ Молдавію (въ 1202 г.) и тѣмъ принудилъ Кумановъ, союзниковъ Болгаръ, оставить имперію на время въ покоѣ [24]). Притомъ съ западной стороны Болгаріи угрожалъ венгерскій король Эмерихъ, лишившій сербскаго престола Стефана, сына Немани, посадившій на мѣсто послѣдняго брата его Влкана и принявшій для себя самаго титулъ „rex Serbiae“. Поводомъ къ разрыву съ Болгаріею послужило то обстоятельство, что области при Дунаѣ и Моравѣ, завоеванныя Белою III въ 1183 году и возвращенныя два года спустя Исааку въ видѣ приданнаго его супруги, по смерти императора снова были заняты Венграми. Съ своей стороны Калоянъ сталъ тогда требовать, чтобы ему были возвращены эти пять епархій подъ предлогомъ, что они со временъ Мортагона до 1018 года входили въ составъ Болгаріи и до 1183 года считались существенною частью Болгарскаго царства. Въ 1208 году, когда войско, состоявшее преимущественно изъ куманскихъ наемниковъ, было послано Эмерихомъ на помощь чешскому королю Пршемыслу Отакару I, союзнику римскаго императора Оттона IV въ борьбѣ его съ Филиппомъ Швабскимъ, полчища Калояна вторглись во владѣнія венгерскаго вассала Влкана, причемъ куманскіе его воины производили такія же жестокости въ Сербіи какъ ихъ родичи подъ мадьярскимъ знаменемъ въ Тюрингіи. Такъ началась война, кончившаяся торжествомъ Калояна: въ 1204 г. Нишъ и Браничево снова находились подъ его властью [25]).

[24]) Еще въ маѣ 1200 года находился въ Царьградѣ посланникъ Романа Твердятинъ Остромиричъ съ четырьмя товарищами, по свидѣтельству новгородскаго архіепископа Антонія. См. Савантова, Путешествіе новгор. архіеп. Антонія и пр. С.-П. 1872 стр. 79.

[25]) Разграбленіе Сербіи 1203: Theiner. Mon. Slav. I, 22. 36. Ср. Palacky, Dějiny české I. 2, 114. Еще въ концѣ 1203 года Калоянъ пишетъ папѣ: «V episcopatus Bulgarie pertinent ad imperium meum, quos invasit et

Въ этомъ положеніи между Византіею и Венгріею Калоянъ понялъ необходимость утвержденія своего царскаго титула. Такъ какъ этого нельзя было достигнуть въ Византіи, то онъ, по примѣру прежнихъ царей, дѣянія которыхъ еще были хорошо памятны, обратился къ папѣ. Уже его братья Асѣнь и Петръ преслѣдовали эту цѣль, но вслѣдствіе многочисленности враговъ не могли отправить въ Римъ пословъ, а попытка ихъ у императора Фридриха I не удалась [26]). Три раза въ 1197 году пытался Калоянъ отправить пословъ къ папѣ, но вслѣдствіе непріязненности Венгровъ и Византійцевъ всегда неудачно.

Тѣмъ не менѣе слухи объ этомъ дошли до Иннокентія III. Въ 1200 г. прибылъ неожиданно въ Трново папскій нунцій, греческій уніатскій священникъ Доминикъ изъ Бриндизи. Подозрѣніе, которое питали къ нему, какъ къ Греку, скоро превратилось въ довѣріе. Онъ привезъ Калояну папское письмо (отъ 14 декабря 1199 г.). Иннокентій узналъ (такъ говорилъ онъ въ письмѣ), что Калоянъ происходитъ изъ древняго, благороднаго римскаго рода, а поэтому требовалъ, чтобы онъ не медлилъ доказать на дѣлѣ свою преданность римскому престолу. Хитрый Болгаринъ съ удовольствіемъ воспользовался этимъ случаемъ. Тѣмъ не менѣе онъ удержалъ у себя посла почти два года. Только, когда при заключеніи мира съ Греками (1200) не могъ добиться признанія царскаго своего титула и патріархата [27]), онъ отправилъ Доминика обратно (1202). Въ отвѣтѣ сво-

detinet rex Hungarie» (Theiner 30; ср. Макушевъ 17). Но въ 1204 г. Эмерихъ уже жалуется на потерю прежняго приданнаго Маргариты (ib. 36) и мы встрѣчаемъ Болгаръ при устьѣ Моравы.

[26]) «Quamvis fratres mei beatae memorie jam dudum voluerint mittere sanctitati vestre, non tamen ad vos pervenire propter multos nostros contrarios potuerunt», пишетъ Калоянъ. Theiner, Mon. Slav. I. 15.

[27]) Theiner, Mon. Slav. I. 21.

емъ къ Иннокентію онъ выразилъ свою радость, что Богъ напоминаетъ его происхожденіе и родину [28]), но требовалъ отъ папы, вмѣстѣ съ принятіемъ его въ лоно римской церкви, короны императорской, на подобіе прежнихъ царей. 4 іюля самъ архіепископъ Василъ поѣхалъ въ Римъ, не только съ тѣмъ, чтобы повторить просьбу о коронѣ, но чтобы также испросить учрежденіе патріархата: дѣло шло о признаніи не только государственной, но и церковной самостоятельности. Василъ однако не достигъ Рима: въ Драчѣ онъ принужденъ былъ возвратиться, такъ какъ Греки чуть было не бросили его въ море. Между тѣмъ священникъ Іоаннъ Каземаринскій привезъ Василу въ Трново архіепископское палліумъ (въ августѣ 1203 г.). Изъ папскаго бреве, которое онъ привезъ съ собою, можно усмотрѣть, что Иннокентій сомнѣвался въ искренности намѣреній Калояна, напоминая ему какъ нѣкогда велъ себя Борисъ противъ Адріана II. Калоянъ, убѣдившись, что папу нельзя было обманывать пустыми обѣщаніями, для скорѣйшаго исполненія своихъ желаній передалъ священнику Іоанну хрисовулъ, которымъ подчинялъ всю страну папѣ на вѣчныя времена. Еще другое обстоятельство, внезапно измѣнившее на долго ходъ дѣлъ на востокѣ, заставило его спѣшить.

---

[28]) Multas egimus gratias omnipotenti Deo, qui.... respexit humilitatem nostram et *reduxit nos ad memoriam sanguinis et patrie nostre*, a qua descendimus. Theiner ib. Cp. «populus terre tue qui de sanguine Romanorum se asserit descendisse», тамъ же 16. Изъ этого еще нельзя заключить, что Асѣневичи были по происхожденію Влахи или Румыны: папа первый упоминаетъ о римскомъ ихъ происхожденіи: хитрые же Болгаре воспользовались только его словами для достиженія своихъ цѣлей. Правда Калоянъ назывался государемъ Болгаръ и Влаховъ, но подъ послѣдними разумѣются обитавшіе на полуостровѣ, такъ какъ въ Валахіи господствовали тогда Куманы. Притомъ Калоянъ, по другому письму Иннокентія, считается потомкомъ древнихъ царей, тогда какъ и Шишмановичи и династія Симеона по происхожденію не были Румыны.

Глава XV.

Борьба Болгаръ съ Латинянами.

Франки въ Константинополѣ.—Унія Калояна.—Греко-болгарскій союзъ противъ Франковъ.—Судьба императора Балдуина въ сраженіи при Адріанополѣ (1205).—Кровавыя войны во Ѳракіи и Македоніи. Смерть Калояна подъ Солунемъ.—Узурпаторъ царь Борилъ (1207—1218).—Преслѣдованіе богомиловъ (1211).—Македонскіе князья Славъ и Стрѣзъ.

23 іюня 1203 г. при солнечномъ закатѣ появился предъ Константинополемъ флотъ латинскихъ крестоносцевъ: на 300 корабляхъ прибыли Венеціанцы, Ломбардцы, Французы и Нѣмцы (ок. 30.000 чел.), чтобы положить конецъ Византійской имперіи. Во главѣ экспедиціи, отвлеченной сюда хитрыми Венеціанцами отъ первоначальной ея цѣли—Палестины, стоялъ слѣпой дожъ Энрико Дандоло, непримиримый врагъ Византійцевъ. 30 лѣтъ тому назадъ, когда онъ во время войны прибылъ посломъ въ Константинополь, то былъ злодѣйски ослѣпленъ при входѣ въ пріемную залу, посредствомъ вогнутаго зеркала, сильно отражавшаго солнечные лучи [1]. Константинополь былъ взятъ не въ одинъ день: въ продолженіи девяти мѣсяцевъ боролись съ пере-

[1]) Норг 190.

мѣннымъ счастіемъ. Въ обложенномъ городѣ императоры были провозглашаемы и низвергаемы одинъ за другимъ. Три раза прекрасная и гордая метрополія востока была объята пламенемъ и каждый разъ поджигателями были осаждавшіе. Наконецъ 13 апрѣля 1204 года крестоносцы овладѣли городомъ среди жестокой рѣзни и ужасныхъ грабежей. Графъ Балдуинъ Фландрскій, благочестивый и храбрый герой, но плохой политикъ, получилъ въ Софіевской церкви императорскую корону. Завоеватели тотчасъ приступили къ разрушенію Римской имперіи: для этого имъ достаточно было одного года. Только въ трехъ мѣстахъ Греки отстояли свою независимость: въ Трапезунтѣ, новой имперіи Алексѣя Комнина, въ Эпирѣ, только-что основанномъ государствѣ Михаила Ангела, и въ Никеѣ, гдѣ византійскіе бѣглецы собрались вокругъ императора Θеодора I Ласкариса. Всѣ остальныя части имперіи были во власти Франковъ. Венеціанцы заняли множество острововъ и гаваней. Бонифацій, благородный маркграфъ Монферратскій, основалъ полу-самостоятельное королевство въ Солунѣ. На древне-классической почвѣ Эллады образовались новыя княжества Аѳинское, Ахайское, Наксоское и др., въ которыхъ французское и итальянское дворянство господствовало во вновь построенныхъ рыцарскихъ замкахъ надъ туземнымъ греческимъ населеніемъ. Нигдѣ въ Европѣ не могло тогда такъ свободно развиться рыцарство, какъ въ латинскихъ государствахъ востока. Многіе недостойные члены дворянства стекались туда, чтобы тамъ въ безпрерывной борьбѣ съ Греками вести романтичную, полную приключеній, жизнь. Также и латинскіе священники сопровождали ихъ, къ негодованію Грековъ, и принимали въ латахъ и верхомъ участіе во всѣхъ походахъ.

Этимъ переворотомъ положеніе Калояна было сразу измѣнено. Еще во время осады Константинополя Латиня-

нами онъ имъ обѣщалъ (въ февралѣ 1204 г.) прійти къ нимъ на помощь съ 100.000 войскомъ, какъ только они его признаютъ королемъ Болгаріи и дадутъ ему корону. Но его предложеніе было отвергнуто [2]). Между тѣмъ папа Иннокентій III послалъ въ Трново кардинала Льва съ королевской короной. Въ замкѣ Кеве (Кубинъ у Панчева) на Дунаѣ Левъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемый на другомъ берегу толпами Болгаръ, по приказанію Эмериха былъ задержанъ Венграми и отпущенъ только по настоянію папы [3]). Прибывъ въ Трново, кардиналъ посвятилъ 7 ноября 1204 г. архіепископа Васила въ примасы Болгаріи: митрополиты прѣславскій и вельбуждскій получили палліумъ, а епископы бдинскій, нишскій, браничевскій и скопійскій — митры [4]). Въ слѣдующій день (8 ноября) Калоянъ былъ торжественно коронованъ кардиналомъ: кромѣ короны онъ получилъ отъ папы скипетръ и знамя съ изображеніемъ св. Петра, а также право чеканить монету съ своимъ изображеніемъ. Въ своемъ благодарственномъ письмѣ вновь коронованный король просилъ посредничества папы въ спорѣ съ Венграми, равно какъ и константинопольскими Латинянами, съ которыми онъ уже пересталъ быть въ дружескихъ сношеніяхъ; на случай же, если тѣ или другіе предпримутъ что-нибудь противъ него, онъ слагалъ съ себя всякую отвѣтственность.

Вотъ та унія, которая подала поводъ новѣйшимъ православнымъ писателямъ опозорить Калояна. Угрожаемый Венграми и Латинянами, онъ принужденъ былъ этимъ пу-

[2]) Robert de Clary cap. LXIV. LXV (ed. Hopf. Chroniques grecoromaines стр. 51. 52).

[3]) Theiner. Mon. Slav. merid. I. 34.

[4]) Ср. списокъ, хотя и не полный, болгарскимъ епархіямъ, по рукописи XIII столѣтія у Weidenbach'а. Calendarium historico-christianum. Regensburg 1855, 276.

темъ искать подтвержденія и признанія своего титула. На такой же поступокъ рѣшился нѣсколько лѣтъ спустя сербскій князь Стефанъ Первовѣнчанный; вѣдь тогда же и албанскій князь Димитрій принужденъ былъ обратиться къ римской церкви [5]). Голубинскій недавно показалъ какъ расчетливо и хитро поступилъ Калоянъ въ отношеніяхъ съ папою. Калоянъ хлопоталъ объ *императорской* или что тоже *царской* коронѣ. Иннокентій далъ ему *королевскій* титулъ и прислалъ *королевскую* корону (*regium* diadema). Калоянъ съ благодарностью принялъ корону, но не преминулъ подписываться *царь* (императоръ). Тоже произошло съ саномъ Васила, для котораго требовался у папы титулъ *патріарха*. Василъ получилъ только титулъ примаса подъ предлогомъ, что оба титула имѣютъ одинаковое значеніе [6]); его-же благодарственное письмо къ папѣ гласило, что кардиналъ Левъ посвятилъ его „in patriarcham“. Переписка между Римомъ и Трновомъ страдала не только отъ небезопасности дорогъ, но и отъ того, что не было переводчиковъ, одинаково знакомыхъ съ болгарскимъ и латинскимъ языками; всѣ грамоты переводились сначала на греческій, а потомъ уже на латинскій языкъ. Унія не имѣла никакого вліянія на церковныя дѣла, на обряды и догматы. Калоянъ, по полученіи королевской короны, скоро увидѣлъ, что Латиняне не были непобѣдимы, и съ тѣхъ поръ мало обращалъ вниманія на папу и на свои обѣщанія [7]).

[5]) Голубинскій 264—285. Иорґ 224.

[6]) Apud nos haec duo nomina primas et patriarcha paene penitus idem sonant, cum patriarchae et primates teneant unam formam, licet eorum nomina sint diversa. Theiner, Mon. Slav. I, 25.

[7]) Переписка Калояна съ Иннокентіемъ III сохранилась только въ латинскомъ переводѣ; славянскій оригиналъ затерянъ. Theiner, Mon. Slav. mer. I, 15—39. Migne. Innoc. III opera (Paris 1855). Основательное и подробное

Въ іюлѣ 1204 года императоръ Балдуинъ отправился къ болгарской границѣ для принятія присяги въ вѣрности ѳракійскихъ городовъ. Достигши Адріанополя онъ былъ признанъ добровольно тамошними Греками. Калоянъ, предлагавшій ему заключеніе дружественнаго договора, шелъ ему на встрѣчу и остановился на разстояніи двухъ лье отъ лагеря Латинянъ. Во время переговоровъ Калоянъ пригласилъ къ себѣ въ гости Петра Брасіёскаго (de Bracieux), одного изъ лучшихъ рыцарей. Въ сопровожденіи трехъ другихъ рыцарей Петръ на отличномъ ратномъ конѣ отправился въ болгарскій станъ, гдѣ былъ радушно принятъ и угощенъ самимъ царемъ и его болярами. Бесѣдуя съ Латинянами, Болгаре дивились ихъ „bonne chevalerie" и хотѣли узнать, что ихъ побудило прійти изъ далекихъ странъ для завоеваній. „Ба", отвѣтилъ Петръ, „неужели вы не слышали какъ великій городъ Троя былъ разрушенъ?". Преданіе о паденіи Трои дѣйствительно не было неизвѣстно Болгарамъ и Куманамъ, и не мало удивились они, когда рыцарь имъ объявилъ, что Латиняне были потомками Троянцевъ и что явились къ нимъ для завоеванія обратно наслѣдства ихъ предковъ. Послѣ этой „aventure" Петръ Брасіёскій возвратился въ свой лагерь [8]).

Переговоры были вскорѣ прерваны. По Греку Никитѣ, на предложенія Калояна послѣдовалъ со стороны Латинянъ лишь надменный отвѣтъ, что ему не слѣдовало къ нимъ обращаться какъ король къ своимъ друзьямъ, но какъ служитель къ своему господину, тѣмъ болѣе, что притязанія

описаніе у Голубинскаго 264 — 280. Ср. Дринова, Ист. болгарской церкви 68 — 80; Макушевъ, op. cit. 18 — 26.

[8]) Robert de Clary гл. CVI. Къ этому времени относится приведенный эпизодъ по мнѣнію Klimke, Die Quellen zur Geschichte des vierten Kreuzzuges, Breslau 1875, 18.

его на владычество надъ краемъ не имѣли законнаго основанія. Достовѣрно только, что Бонифацій, который, женившись на вдовѣ Исаака, готовъ былъ соединиться съ Венграми, нѣсколько недѣль спустя серьезно предполагалъ воевать съ Болгарами и старался склонить къ тому же императора Балдуина.

Въ ноябрѣ 1204 г., какъ разъ когда Калоянъ былъ коронованъ папскимъ легатомъ, Фландріецъ *Ренiе Тритскій* (Renier de Trit), возведенный только-что въ удѣльнаго герцога филиппопольскаго, вступилъ въ Филиппополь съ свитою 120 рыцарей. Греческіе граждане, постоянно тревожимые близостью воиновъ Калояна, приняли рыцарей какъ освободителей. Таково было маловажное, повидимому, начало борьбы. Столкновеніе между Болгарами и Франками было неизбѣжно [9]).

Поводъ къ войнѣ съ Латинянами подали Греки, призвавъ на помощь Калояна: греческіе горожане и архонты были вездѣ презираемы и оскорбляемы завоевателями, какъ люди, которые, не смотря на всѣ присяги, изъ врожденной злости и вѣроломства, всегда готовы были къ измѣнѣ. Когда же Латиняне были достаточно заняты въ Малой Азіи и Пелопоннезѣ, всѣ ѳракійскіе города отправили пословъ къ Калояну, повелителю прежде имъ столь ненавистныхъ Болгаръ, и предлагали ему, если онъ ихъ освободитъ отъ чужеземнаго ига, императорскую корону и присягнули въ вѣрноподданствѣ [10]). Болгарскій царь обѣщалъ прійти на помощь со всѣми своими силами въ возможной скорости. Война началась избіеніемъ франкскаго гарнизона въ Диди-

[9]) О переговорахъ, см. Никита 809; о планахъ Бонифація: Ville-Hardouin § 276; о Renier de Trit id. § 304, 311.

[10]) Макушевъ 35 съ сл. Ville-Hardouin. Mém. ed. Wailly. Par. 1872. стр. 211 съ сл. гл. 80, 81.

мотихонѣ самими горожанами, вслѣдствіе чего Франки поспѣшно очистили Адріанополь. Мѣсяцъ спустя императоръ Балдуинъ явился подъ стѣнами Адріанополя, но на его стѣнахъ и башняхъ развѣвались уже болгарскія знамена. Между тѣмъ какъ Франки заняты были осадою, Калоянъ приближался съ сильнымъ войскомъ Болгаръ и Кумановъ на помощь осажденнымъ. Въ четвергъ 14 апрѣля 1205 г. произошло рѣшительное сраженіе. Куманскій вождь Коцасъ напалъ на франкскій лагерь, но вдругъ обратился въ притворное бѣгство. Хотя наканунѣ вечеромъ, при первомъ появленіи куманскихъ наѣздниковъ и положено было въ военномъ совѣтѣ встрѣчать нападающихъ не иначе какъ въ сомкнутомъ боевомъ строѣ, тѣмъ не менѣе Людвигъ графъ Блуаскій съ отрядомъ смѣльчаковъ кинулся въ догонку за Куманами и попалъ въ засаду: вскорѣ они были окружены врагами какъ роемъ пчелъ: со всѣхъ сторонъ летали стрѣлы и копья. Закованные въ сталь рыцари, лишенные свободнаго движенія подъ тяжестью вооруженія, падали одинъ за другимъ. Балдуинъ, спѣша на помощь своимъ, отчаянно оборонялся своею сѣкирою, пока мгновенно не исчезъ въ ожесточенной схваткѣ. Графъ Блуаскій, 300 рыцарей и множество солдатъ легли на полѣ битвы. Маршалъ Виллъгардуэнъ и Дандоло отражали до захода солнца всѣ нападенія Болгаръ, Грековъ и Кумановъ на лагерь предъ Адріанополемъ и сбирали бѣжавшихъ. Ночью Франки для виду зажгли сторожевые огни и преслѣдуемые Калояномъ отступили въ боевомъ порядкѣ къ морю и въ воскресенье утромъ достигли Родоста. Братъ Балдуина Генрихъ, храбрый и благородный юноша, былъ избранъ „байломъ“ (правителемъ) осиротѣвшей имперіи: Дандоло нѣсколько недѣль спустя скончался.

Итакъ по истеченіи года отъ Латинской имперіи во Ѳракіи остались только Константинополь, Родосто и Си-

лимврія; Ренье былъ совершенно отрѣзанъ въ Филиппополѣ [11]).

Судьба императора Балдуина долгое время была совершенно неизвѣстна и до нашего времени она не совсѣмъ выяснена. Два мѣсяца послѣ сраженія Генрихъ писалъ папѣ, что Балдуинъ живъ и здоровъ въ плѣну и что Калоянъ съ нимъ довольно хорошо обходился [12]). Папа требовалъ отъ болгарскаго царя, чтобы онъ заключилъ миръ съ Латинянами и отпустилъ императора на волю, въ противномъ же случаѣ ему угрожали бы непріятности со стороны Латинянъ и Венгровъ; но Калоянъ принялъ, кажется, легата не съ обычнымъ уваженіемъ и отказался исполнить желаніе папы [13]). Балдуинъ умеръ въ томъ же году неизвѣстно какимъ образомъ. Маршалъ Вилльгардуэнъ ничего не говоритъ о родѣ его смерти. Онъ только замѣчаетъ, что баронамъ дано было знать, что „императоръ Балдуинъ умеръ въ плѣну у Калояна". Робертъ де Клари говоритъ, что императоръ исчезъ во время сраженія и что съ той поры о дальнѣйшей его судьбѣ никогда ничего не слышали. Грекъ Никита разсказываетъ, что когда ѳракійскіе Греки перешли на сторону Латинянъ, раздраженный Калоянъ велѣлъ вывести изъ темницы Балдуина, томившагося тамъ долгое время въ цѣпяхъ, отрубить ему руки и ноги и бросить въ яму, гдѣ онъ умеръ на третій день въ страшныхъ мученіяхъ. Позднѣйшій Акрополитъ воспроизводитъ старый разсказъ о Крумѣ и черепѣ императора Никифора:

---

[11]) Ville-Hardouin гл. 140—145. Clary гл. 112. Макушевъ 37. Hopf 214. Epistola Henrici imperatoris (къ папѣ), іюня 1205 г., Theiner, Mon. Slav. I, 41. Никита 812.

[12]) Quod dominus meus imperator sanus, teneatur et vivus, qui ab eodem Ioannitio satis, ut asserunt, pro tempore honorabiliter procuratur, cum quibusdam aliis, quos tamen adhuc expresse nescimus nominare. Theiner, l. c.

[13]) Ibid. № LXIV и LXVIII.

Калоянъ будто бы также велѣлъ себѣ сдѣлать кубокъ изъ черепа своего вѣнценоснаго плѣнника. Альберикъ [14]) разсказываетъ, что жена Калояна, Куманка, послѣ тщетныхъ попытокъ сломить цѣломудріе прекраснаго плѣнника, оклеветала его и что онъ затѣмъ былъ жестоко изрубленъ; но этотъ разсказъ слишкомъ напоминаетъ библейскую исторію Іосифа и жены Пентефрія. Двадцать лѣтъ спустя во Фландріи появился псевдо-Балдуинъ, пріобрѣвшій много приверженцевъ, пока не былъ казненъ въ Лилѣ.

Въ тоже время Шишманъ (Ἐξώτισμένος), намѣстникъ Калояна въ Просѣкѣ, откуда незадолго передъ тѣмъ былъ изгнанъ Стрѣзъ, пользуясь отсутствіемъ короля Бонифація, осадилъ въ союзѣ съ греческими гражданами королеву Маргариту въ солуньской крѣпости. Еще лѣтомъ Калоянъ пришелъ на помощь осаждающимъ. Бонифацій, поспѣшно возвратившійся изъ Пелопоннеза, хотя и успѣлъ спасти Солунь, но зато долженъ былъ уступить почти всю остальную Македонію Болгарамъ. Еще прежде Калояномъ были заняты Охрида съ другими городами и замками на западѣ, когда не было въ нихъ гарнизона ни латинскаго, ни византійскаго [15]). Изъ Македоніи Калоянъ двинулся къ Филиппополю, гдѣ большинству населенія, въ особенности же павликіанамъ, надоѣло франкское господство. Ренье сжегъ павликіанскій кварталъ и удалился въ Станимакъ на сѣверномъ склонѣ Родопы, гдѣ онъ выдержалъ тринадцатимѣсячную осаду.

Но уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ возрастающее могущество болгарскаго царя внушило Грекамъ боязнь за ихъ свободу и народность. Ближайшій поводъ къ неудовольствію

---

[14]) Писалъ ок. 1241 г. Ed. Leibnitz. Hannover 1698, 444.

[15]) Сербина Θеодосія животъ Немани у Павловича. Домаћи извори за српску историју (Београд 1876) I, 88.

поданъ былъ Куманами, нещадившими греческихъ поселеній и приносившими въ жертву своимъ идоламъ плѣнныхъ. Въ Филиппополѣ возсталъ Алексѣй Аспіетъ, греческій узурпаторъ, у котораго однако не хватило силъ для борьбы съ Болгарами. Калоянъ побѣдилъ его и далъ волю своей мести. Множество знатныхъ лицъ было обезглавлено, дворцы сожжены, стѣны разрушены и прекрасный городъ былъ почти сравненъ съ поверхностью земли. Затѣмъ Калоянъ возвратился въ Болгарію, чтобы усмирить вспыхнувшее тамъ возстаніе [16]).

Весною 1206 г. война возобновилась. Куманы Калояна грабили около Пропонтиды и даже предъ воротами Константинополя. Тысячи плѣнныхъ Грековъ были поселены Болгарами на Дунаѣ въ деревняхъ, на которыя перенесены были названія разрушенныхъ въ отечествѣ городовъ и селъ [17]). Хронистъ Никита скорбитъ о когда-то цвѣтущихъ городахъ, превратившихся въ кучи развалинъ, надъ совершеннымъ опустошеніемъ прежде столь роскошныхъ полей и садовъ, гдѣ дикіе звѣри замѣняли людей. Калоянъ считалъ себя призваннымъ мстить за злодѣйства императора Василія II; если же Василія называли Болгароубійцею, то онъ желалъ быть „истребителемъ Ромеевъ" [18]). Почти вся Ѳракія была въ его рукахъ, за исключеніемъ Визіи и Силимвріи, принадлежавшихъ Франкамъ, и Адріанополя съ Дидимотихономъ, гдѣ управлялъ Грекъ Ѳеодоръ Вранасъ, франкскій ленный владѣтель [19]).

Въ іюлѣ 1206 г. правитель имперіи заставилъ Калояна снять осаду съ Дидимотихона и отправился въ Адріано-

---

[16]) О Реніе, Ville-Hardouin, ed. cit. 239, 262; Никита 829, 830.

[17]) Acropolita (Stritter 711); Hopf 217.

[18]) Acropolita, l. c. Греки совершенно перешли было на сторону Латинянъ.

[19]) Hopf 216 съ сл.

поль, гдѣ былъ привѣтствуемъ обитателями съ восторгомъ. Оттуда онъ предпринялъ походъ вверхъ по долинѣ Арды, перешелъ чрезъ гребень родопскій и освободилъ Ренiе, осажденнаго въ Станимакѣ, гдѣ гарнизонъ уже питался лишь кониной. Между тѣмъ Калоянъ, снова приступившій къ Дидимотихону, взялъ и разрушилъ этотъ городъ, но на обратномъ пути у Верреи былъ настигнутъ Генрихомъ, которымъ у него были отняты 3000 подводъ со всѣми плѣнными. Затѣмъ Франки въ побѣдоносномъ переходѣ по подошвѣ Балкана разрушили Анхіалъ при Черномъ морѣ и близлежащій городъ Θерму, тогда какъ Бонифацій въ свою очередь занялъ Сересъ и Драму въ Македоніи. Такъ какъ впервые чрезъ Ренiе получено было достовѣрное извѣстіе о кончинѣ Балдуина, то байло Генрихъ, къ которому также были расположены Греки, былъ коронованъ императоромъ [20]).

Слѣдующею зимою Калоянъ, которому отпаденіе Грековъ много повредило, надѣялся поправить свои дѣла посредствомъ союза съ Ласкарисомъ. Весною 1207 года онъ осаждалъ Адріанополь съ 33 метательными машинами, но такъ какъ Куманы внезапно возвратились въ свои становища, то онъ долженъ былъ снять осаду. Вслѣдъ за Куманами отъ него также отсталъ Ласкарисъ, примирившійся въ іюнѣ съ Франками; еще до этого папа совѣтовалъ Калояну съ ними примириться [21]).

Пользуясь положеніемъ Калояна, Генрихъ дѣлалъ набѣги до замка Авли, въ окрестности Сливна [22]), но былъ отраженъ при попыткѣ вторгнуться въ проходы. Въ іюлѣ

---

[20]) Ville-Hardouin гл. 101 съ сл. О походѣ въ долинѣ Арды см. Heerstrasse 97; исторія древняго города Θермы, ib. 108.

[21]) 25 мая 1203 г., Theiner, Mon. Slav. I № LXVIII.

[22]) Ville-Hardouin гл. 113. Αὐλή, Кедринъ 2, 596.

король Бонифацій имѣлъ свиданіе съ императоромъ въ Кипселахъ близь Марицы, гдѣ условились предпринять большой походъ противъ Болгаръ. На возвратномъ пути онъ предпринялъ изъ Мосинополя походъ въ Родопскія горы, попалъ въ болгарскую засаду и былъ пронзенъ стрѣлою. Голову его принесли Калояну, безмѣрно радовавшемуся смерти доблестнаго государя.

Бонифацій оставилъ несовершеннолѣтняго сына Димитрія. Калоянъ не медля приступилъ къ Солуню и поставилъ предъ стѣнами свои осадныя машины. Но тутъ его неожиданно сразила смерть. Вѣроятно по подстрекательству царицы, Куманки, полководецъ его Куманъ Манастрасъ ночью вошелъ въ царскую палатку, ударилъ копьемъ спящаго въ бедро и исчезъ. Когда тяжело раненный сталъ звать на помощь, Манастрасъ снова прибѣжалъ изъ сосѣдней палатки и представился удивленнымъ, но царь прямо обвинилъ его въ убійствѣ. Манастрасъ увѣрялъ, что это было только сновидѣніе. На слѣдующій день вечеромъ Калоянъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ. Быстро распространился слухъ, что самъ св. Димитрій, патронъ Солуня, собственной рукой поразилъ страшнаго царя [23]).

Такъ осенью (быть можетъ 8 октября) 1207 г. окончилъ жизнь государь, который внушалъ Византійцамъ такой страхъ, что они его прозвали „Скило-Іоаннъ“, т. е. собачій Іоаннъ. Какъ бы не были пристрастны разсказы о немъ у греческихъ и латинскихъ лѣтописцевъ, они все таки не лишены всякаго основанія. На его характеръ легла тѣнь,

---

[23]) Легенда эта уже встрѣчается у Роберта de Clary, въ біографіи Немани, составленной его сыномъ королемъ Стефаномъ, гл. XVII (изд. Šafařik, Památky), у Альберика 442, въ біографіи св. Симеона (Немани) и Савы, изд. Даничичъ, Бѣлградъ, и въ разсказѣ Сербина Ѳеодосія у Павловича 1, 85. Подробный разсказъ о смерти Калояна у Ставракія (въ бонн. изд. Акрополита, стр. 236).

вслѣдствіе различныхъ кровавыхъ поступковъ, которые нельзя оправдать, но развѣ только можно объяснить его сообществомъ съ Куманами. Правда, что и Болгаре высоко чтили память „великаго и благочестиваго“ царя. Еще и нынѣ въ сказаніяхъ ѳракійскихъ Болгаръ онъ живетъ подъ названіемъ „царя Калиянчо“ [24]).

Лишившись предводителя, Болгаре сняли осаду и воротились восвояси, взявъ съ собою гробъ съ осоленымъ трупомъ ихъ царя. Въ Трновѣ завладѣлъ престоломъ *Борилъ* (Βορίλας, Burile, Burus у Франковъ), сынъ сестры Калояна, вѣроятно одинъ изъ виновниковъ убійства подъ Солунемъ; его женитьба на вдовѣ Калояна оправдываетъ это предположеніе. Законный наслѣдникъ престола, еще молодой сынъ Асѣня *Іоаннъ Асѣнь* съ своимъ братомъ Александромъ бѣжалъ въ Россію [25]). Великое царство начало распадаться. Съ помощью сербскаго великаго жупана, позднѣйшаго короля Стефана, сына Немани, *Стрѣзъ* вытѣснилъ Шишмана изъ скалистаго замка у Вардара и возстановилъ свое государство [26]). *Славъ* (Σθλάβος, Esclas), двоюродный братъ Борила, положилъ основаніе новаго княжества въ Родопѣ въ горномъ замкѣ Мельникѣ; по врожденной хитрости онъ присоединялся то къ Болгарамъ, то къ Франкамъ или же Эпиротамъ, не подчиняясь совершенно никому изъ нихъ, но имѣя въ виду только собственный интересъ [27]). Борилъ, по примѣру дяди, хотѣлъ продолжать войну съ Франками и для этого заключилъ союзъ съ Ласкарисомъ. Но его войска

---

[24]) Захаріевъ 60.

[25]) Acropolita гл. 13 и 20.

[26]) Король Стефанъ, l. c.

[27]) Acropolita, l. c. 24. По Гопфу извращенное Франками и Греками имя его слѣдуетъ читать Святославъ (по старо-болг. Свѧтьславъ), но правильность чтенія Славъ явствуетъ изъ Поменика (см. гл. XIV пр. 30): Славу деспоту вѣчная память (Раковскій, Асѣнь 51). Totam terram de Sclave въ грамотѣ 1228 года (Ljubić, Monumenta spectantia hist. Slav. mer. III, 402).

были разсѣяны подъ Верреей императоромъ Генрихомъ, а онъ самъ съ войскомъ въ 33.000 человѣкъ былъ пораженъ на голову (31 іюля 1208 г.) 18.000 войскомъ Франковъ подъ Филиппополемъ, съ тѣхъ поръ снова подвластнымъ Франкамъ. Тамъ владычествовалъ родственникъ Реніе, Жераръ де Стремъ. Съ поля сраженія побѣдоносное франкское войско двинулось къ границамъ владѣній Слава. Повелитель Родопской области явился въ лагерь, подъ замкомъ Кричимомъ, поцѣловалъ императору руку и башмакъ, послѣ чего былъ признанъ вассаломъ, причемъ ему даже была обѣщана вся „la grande Blaquie“, т. е. Болгарія. Къ концу года Славъ прибылъ въ Константинополь и получилъ тамъ, какъ важный союзникъ, не только титулъ деспота, но и руку незаконной дочери императора. Отрядъ франкскихъ рыцарей подъ предводительствомъ брата императора Евстахія провожалъ его на его родину [28]).

Лишь только Франки перестали опасаться набѣговъ Калояна, какъ они начали спорить между собой. Бландратъ и Буффа, опекуны несовершеннолѣтняго Димитрія, короля солуньскаго, сговорились съ ломбардскимъ дворянствомъ Македоніи, Өессаліи и Эллады основать большое государство, которое простиралось бы отъ Пелопоннеза до Драча и Филиппополя. Императоръ, котораго они не хотѣли признавать, уже въ декабрѣ 1208 г. отправился въ Македонію подъ предлогомъ, что онъ идетъ на Болгаръ. Въ послѣдовавшей затѣмъ междоусобной войнѣ ломбардскій гарнизонъ Сереса призвалъ на помощь Борила, но вслѣдствіе измѣны греческихъ гражданъ императорскія войска ворвались въ городъ. Только въ 1210 г. было возстановлено спокойствіе, когда четыре врага имперіи, Борилъ болгарскій, Ласкарисъ

[28]) Hopf 220. Макушевъ 51. Acropolita гл. XXIV. Henri de Valenciennes, гл. II, IX, XI (Ville-Hardouin ed. Wailly, 309, 331).

никейскій, Михаилъ I эпирскій и Стрѣзъ просѣкскій поспѣшили воспользоваться ея внутренними безпорядками.

Въ Болгаріи происходили въ то время важныя событія. Богомильство достигло тогда высшей степени развитія. Можно себѣ составить ясное понятіе о развитіи ересей въ началѣ XIII столѣтія [29]) по сочиненіямъ Итальянца Реньеро Саккони, бывшаго долгое время патаренскимъ проповѣдникомъ, но который затѣмъ отрекся, и какъ членъ доминиканскаго ордена сдѣлался даже инквизиторомъ. Отъ Атлантическаго океана до Понта считалось 16 „ecclesiae Catharorum"; изъ нихъ три были во Франціи, семь въ верхней Италіи и три въ славянскихъ земляхъ. Здѣсь къ двумъ упомянутымъ епископствамъ (Болгарскому и Драговичскому) присоединилось новое въ Босніи (Sclavoniae), гдѣ банъ Кулинъ, золотое время котораго еще нынѣ памятно въ поговоркахъ южныхъ Славянъ [30]), не смотря на всѣ старанія Венгровъ и папы, доставилъ богомиламъ своей миролюбивой политикой лучшее убѣжище, чѣмъ другіе кровавыми войнами. Въ малоазіатской Филадельфіи находилось греко-богомильское епископство. Въ самомъ Константинополѣ было два прихода: „ecclesia Latinorum et ecclesia Graecorum", изъ которыхъ древнѣйшее для туземцевъ, а новѣйшее для Ломбардцевъ и Французовъ. Борилъ предпринялъ преслѣдованіе богомиловъ. Проповѣдниковъ и важнѣйшихъ приверженцевъ ложнаго ученія велѣно было схватывать по всему государству. 11 февраля 1211 года царь созвалъ „съборъ" изъ духовныхъ и болярь въ Трновѣ. Изъ плѣненныхъ нѣкоторые отреклись отъ исповѣдуемаго ими

[29]) Bibliotheca maxima patrum T. XXV стр. 269. Ср. Rački, jugoslav. akademije VII, 1869, 161; географическія его опредѣленія точны, кромѣ Филадельфіи (т. Алашехръ), отождествляемой имъ съ Филиппополемъ.

[30]) См. Даничичъ, Пословице (притчи). Загребъ 1871, № 1882.

ученія: упорствовавшіе же были наказаны по церковнымъ законамъ и надъ богомильскимъ ученіемъ торжественно произнесена была анаѳема. Кромѣ того царь велѣлъ перевести съ греческаго на славянскій языкъ книгу законовъ (съборникъ) противъ богомиловъ.

Еще не выяснена причина принятія такихъ необыкновенныхъ мѣръ [31]) противъ этой могущественной секты, которая предшественниками Борила не только оставляема была въ покоѣ, но даже, по нашему мнѣнію, играла важную роль въ возстаніи Асѣня и Петра, равно какъ и въ возстаніяхъ XI столѣтія [32]). Вообще наши свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи тогдашней Болгаріи очень недостаточны [33]).

Непріятельскія дѣйствія противъ Латинянъ возобновились, когда гоненія богомиловъ утихли. Въ апрѣлѣ 1211 г. Борилъ подстерегалъ съ большимъ войскомъ при Русіонѣ (нынѣ Рускюй или Кешанъ) императора Генриха, во время его перехода изъ Солуня въ Константинополь, но принужденъ былъ отступить. Въ тоже время Стрѣзъ напалъ

---

[31]) «До его царствованія такой православный соборъ никѣмъ не былъ созываемъ» читается въ сохранившемся еще синодикѣ (Раковскій, Асѣнь 49).

[32]) Рачки (Rad VIII, 178) полагаетъ, что правительствомъ самимъ, какъ въ Византіи и Сербіи, назначено было преслѣдованіе. Палаузовъ, издатель Синодика (Москва 1855), объясняетъ дѣйствія Борила усердіемъ къ православію. Дриновъ (Исторія болгарской церкви, 83), ссылаясь на Альберика, который упоминаетъ о посылкѣ кардинала изъ Рима къ Борилу, подозрѣваетъ въ этомъ вліяніе папы; но кардиналъ этотъ безспорно былъ посланъ къ царю послѣ союза его съ императоромъ Генрихомъ (quidam cardinalis a domino papa ad eum est transmissus).

[33]) Король Стефанъ въ біографіи отца своего Немани называетъ Борила мучителемъ, «душѣ котораго проливать кровь своего рода весьма пріятно; онъ умертвилъ неимовѣрное число другихъ людей, какъ бы желая уничтожить землю и море» (глава XXII). Это вѣроятно намекъ на кровавое преслѣдованіе богомиловъ. Стефанъ вообще не слишкомъ хорошо отзывается о Борилѣ.

на солуньскихъ Франковъ, но былъ ими разбитъ на голову въ равнинѣ битольской съ помощью Михаила эпирскаго, который еще въ предшествовавшемъ году вмѣстѣ съ Стрѣзомъ грабилъ въ южной Македоніи. Слѣдующей осенью императоръ Генрихъ былъ занятъ дѣлами Малой Азіи: 15 октября 1212 года Греки были тамъ побѣждены, и къ тому Франки были обрадованы извѣстіемъ, что Борилу, желавшему воспользоваться отсутствіемъ императора, также нанесено было Латинянами съ помощью Слава сильное пораженіе [34]).

Эти побѣды значительно возвысили могущество Генриха. Болгаре вступили въ дружескія сношенія съ Латинянами и къ подтвержденію мира служила празднуемая съ большимъ торжествомъ свадьба императора съ Маріею, прославленной за ея красоту, дочерью Борила (ок. 1213 г. [35]). Къ подкрѣпленію положенія латинской имперіи еще болѣе служило бракосочетаніе двухъ племянницъ Генриха съ Ласкарисомъ и съ Андреемъ II венгерскимъ.

Съ этихъ поръ Латиняне и Болгаре являются союзниками. Они прежде всего обратились противъ сербскаго великаго жупана Стефана, ученаго сына Немани, взявшаго сторону врага какъ Борила, такъ и Генриха. Оба они дошли до Ниша, но должны были отступить, не достигши своей цѣли [36]). Стрѣзу впрочемъ снова удалось примириться съ Латинянами и Болгарами; измѣнивъ свою политику онъ выступилъ чтобы воевать съ Стефаномъ, помогавшимъ ему по смерти Калояна, для пріобрѣтенія обратно владычества

---

[34]) Hopf 243, 244.

[35]) id. 246; Clary § 116 — 118.

[36]) Король Стефанъ гл. XVI. Въ прочихъ источникахъ этотъ походъ проходится молчаніемъ: кажется, что причиною его была помощь, поданная королемъ Стрѣзу. Ср. Павловичъ 1, 88: «сего (Стрѣза) искуше придоше на мене», пишетъ Стефанъ.

надъ западной Болгаріей. Напрасно Стефанъ посылалъ брата своего Савву, іеромонаха, впослѣдствіи архіепископа, къ нарушителю мира, чтобы его успокоить. Но Стрѣзъ былъ внезапно убитъ однимъ изъ своихъ приближенныхъ. Конечно легенда разсказываетъ, что злодѣй былъ убитъ св. Симеономъ (то-есть чтимымъ святымъ Неманіей) или же ангеломъ, также какъ Калоянъ былъ убитъ св. Димитріемъ [37]).

Владѣнія Стрѣза по среднему теченію Вардара еще долгое время считались однимъ цѣлымъ. Еще въ 1228 году была рѣчь о „terra, que fuit de Straces“ [38]). Болгаре пѣли многолѣтіе „севастократору Стрѣзу“ въ своихъ церквахъ [39]), между тѣмъ какъ Сербы считали его за безбожнаго злодѣя.

Въ 1215 году Генрихъ вторично выступилъ противъ Сербовъ, тогда какъ Андрей II приближался изъ Венгріи. Стефану однако удалось примириться съ венгерскимъ королемъ въ Равнѣ (теперь Чупрія) и затѣмъ также побудить латинскаго императора, въ свиданіи съ нимъ въ Нишѣ, чтобы онъ отступилъ. Дѣло шло о спорахъ за границы Стефана какъ съ Венграми, такъ и съ Болгарами [40]).

11 іюня 1216 года скончался императоръ Генрихъ. Съ нимъ Борилъ, котораго всѣ Асѣневичи считали узурпаторомъ, лишился единственной своей опоры. Законный на-

---

[37]) Hopf 243; Макушевъ 12. Король Стефанъ l. c. (съ риторической напыщенностью). «И въ ночь эту ангелъ Божій пронзилъ его копьемъ», говоритъ Доментіанъ, изд. Даничичъ, Бѣлградъ 1865, 209. Сказочное жизнеописаніе Стрѣза въ Гласникѣ, VIII, 144. Ср. также позднѣйшаго Даніила, 183.

[38]) Ljubić, Monumenta III, 402.

[39]) Раковскій, Асѣнь 51 (Поменикъ).

[40]) Стефанъ гл. XX. Онъ называетъ Генриха «царя грьчьскаго Ерика Филаньдра» (Enrico di Flandria). Что касается хронологіи, то этотъ походъ состоялся по смерти Михаила I эпирскаго (1214 г.) и предъ смертью Генриха.

слѣдникъ престола Іоаннъ Асѣнь возвратился изъ ссылки съ отрядомъ Русскихъ, нашелъ много приверженцевъ, разбилъ царя и заставилъ его запереться въ Трновѣ. Послѣ долгой осады, Борилъ пытался бѣжать, но былъ настигнутъ и ослѣпленъ (1218 [1]).

[1] Акрополитъ (Stritter 722) говоритъ о семилѣтней осадѣ, но она продолжалась едва-ли болѣе семи мѣсяцевъ. Восшествіе на престолъ Іоанна Асѣня II случилось по надписи въ Трновѣ въ 1218 г.

Глава XVI.

Царь Іоаннъ Асѣнь II.

Разцвѣтъ Болгарскаго царства при царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ II (1218—1241).—Клокотницкая битва и занятіе всей Ѳракіи и Македоніи.—Внутреннее возвышеніе Болгаріи.—Столица Трново.—Союзъ Болгаръ и Грековъ противъ константинопольскихъ Латинянъ. Отношенія Асѣня къ папѣ и къ Венгріи.

Іоаннъ Асѣнь II, „сынъ стараагo Асѣнѣ царѣ" [1]), величайшій изъ Асѣневичей, не будучи самъ вовсе завоевателемъ, расширилъ границы своего царства, принятаго имъ въ разстроенномъ видѣ, до такихъ размѣровъ, какихъ оно не имѣло уже нѣсколько вѣковъ и до какихъ оно и позднѣе не доходило уже никогда. Онъ обращалъ вниманіе также на внутреннее благосостояніе. Воспоминаніе о немъ не омрачено никакою жестокостью: онъ былъ человѣколюбивый и мягкій правитель. Византіецъ Акрополитъ разсказываетъ о немъ, что всѣ современники считали его замѣчательнымъ и счастливымъ человѣкомъ; „такъ какъ онъ не обагрялъ меча кровью подданныхъ и не запятналъ себя избіеніемъ Грековъ, какъ это обыкновенно дѣлали предшествовавшіе ему государи болгарскіе. Поэтому онъ сталъ

---

[1]) Надпись отъ 1230 г., Евѳимій, житіе св. Петки (Раковскій, Асѣнь 12), Поменикъ царей (ib. 52). Ошибочно принимаютъ его нѣкоторые историки за сына Калояна.

дорогъ и любъ не только Болгарамъ, но и Грекамъ и другимъ народамъ". А непоименованный болгарскій монахъ пишетъ о немъ: „Іоаннъ Асѣнь, великій и благочестивый царь, сынъ стараго царя Асѣня, возвеличилъ въ сильной любви къ Богу Болгарское царство больше, чѣмъ всѣ предшествовавшіе ему болгарскіе цари: онъ строилъ монастыри и украшалъ ихъ золотомъ, жемчугомъ и благородными каменьями, одарялъ всѣ святыя Божія церкви многочисленными подарками, и проявилъ относительно ихъ большую щедрость; всякій чинъ духовный, архіереевъ, іереевъ и діаконовъ онъ надѣлялъ многими почестями и наконецъ возобновилъ патріархатъ Болгарскаго царства" [2]).

Латинская имперія въ Константинополѣ уже десять лѣтъ послѣ своего возникновенія стала разлагаться. Императоръ Генрихъ, „второй Аресъ", какъ его называли Греки, въ 1216 году внезапно умеръ въ Солунѣ, по общему мнѣнію, отъ яда; нѣкоторые обвиняли его болгарскую супругу, другіе — его довѣренныхъ; Гопфъ подозрѣваетъ Ломбардца Бландрата. На его преемника и шурина *Петра Куртенэскаго* на пути изъ Драча въ Солунь измѣннически напали врасплохъ Эпироты, въ плѣну у которыхъ онъ и умеръ. За Петромъ слѣдовалъ его братъ *Робертъ*, который безъ препятствій со стороны Венгровъ и Болгаръ прибылъ въ 1220 г. въ Константинополь. Ему проложили дорогу родственныя связи: годъ передъ тѣмъ Асѣнь II женился на Маріи, дочери венгерскаго короля Андрея II, который въ свою очередь былъ шуриномъ Роберта [3]). Робертъ, невѣжественный трусъ, принужденъ былъ въ 1228 г. бѣжать изъ Константинополя, послѣ безславныхъ любовныхъ

---

[2]) Раковскій, Асѣнь 50, 54.

[3]) Theiner, Mon. Hung. I. 21 (1219): cum Azeno Bulgarie imperatore mediante nostra filia matrimonium celebravimus.

похожденій. Его преемникъ, Балдуинъ II, былъ маленькій мальчикъ, между тѣмъ какъ положеніе имперіи требовало энергичнаго мужа. Нѣкоторые предлагали въ регенты Асѣня, который, будучи зятемъ Андрея II, состоялъ въ родствѣ и съ Балдуиномъ, причемъ для укрѣпленія связи, совѣтовали помолвку Балдуина съ Еленой, несовершеннолѣтней дочерью Асѣня [4]). Асѣнь объявилъ себя согласнымъ на это и обѣщалъ отвоевать для Балдуина Ѳракію, гдѣ неутомимый *Іоаннъ Дука Ватацесъ* (1222—1254), преемникъ Ѳеодора I Ласкариса, занялъ даже Адріанополь. Однако страхъ предъ Болгарами и отношенія клира взяли верхъ. Призвали Іоанна Бріенскаго, ех-короля іерусалимскаго, который въ самомъ дѣлѣ явился въ 1231 году съ сильнымъ войскомъ, но вслѣдствіе своего скряжничества и бездѣятельности обманулъ всѣ надежды. Многіе рыцари и оруженосцы предпочли покинуть латинскія знамена и вступить на службу къ Асѣню [5]).

Между тѣмъ въ земляхъ Пинда возникло новое царство, которое скоро стало проявлять могущественное вліяніе на судьбы полуострова. Тамъ (1214) Михаилу I эпирскому наслѣдовалъ его братъ *Ѳеодоръ*, дикій и вѣроломный воинъ. Немного лѣтъ понадобилось ему, чтобы занять Охриду, Прилѣпъ и Пелагонію, подчинить себѣ Албанцевъ, которые тогда подъ предводительствомъ Димитрія боролись съ Венеціанцами въ Драчѣ, взять этотъ городъ, Корфу и даже Солунь (1222), равно какъ и отнять у Ватацеса измѣною Адріанополь. Славъ былъ принужденъ присоединиться къ нему и жениться на его племянницѣ. Царство Ѳеодора простиралось отъ моря до моря, отъ Коринѳскаго залива

---

[4]) Что это была Елена (род. 1225 г.) видно изъ Sanudo у Bongars, Gesta Dei per Francos, II. 73; позже женился на ней Ѳеодоръ II Ласкарисъ. См. генеалогическую таблицу (гл. XVII).

[5]) Макушевъ 58—61. Hopf 252 сл.

до Марицы. Тогда онъ принялъ титулъ императора, былъ коронованъ Димитріемъ Хоматіаномъ, охридскимъ архіепископомъ и чеканилъ монеты съ своимъ изображеніемъ.

Асѣнь вначалѣ заключилъ съ Θеодоромъ союзъ, для закрѣпленія котораго братъ Θеодора Мануилъ женился на побочной дочери Асѣня Маріи; однако вскорѣ Θеодоръ, тяготясь присягою, замѣнилъ дружбу враждою. Съ сильнымъ войскомъ изъ Грековъ и Франковъ (наемниковъ) онъ вступилъ во Θракію. У селенія Клокотницы (нынѣ Семидже), между Филиппополемъ и Адріанополемъ, на большой константинопольской дорогѣ встрѣтились непріятельскія войска, въ апрѣлѣ 1230 года. Асѣнь приказалъ нести впереди на копьѣ актъ разрушеннаго договора. Съ четою едва въ 1000 куманскихъ наемниковъ онъ открылъ бой. Θеодоръ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ со многими вельможами. Прочихъ плѣнниковъ Асѣнь отпустилъ тотчасъ послѣ сраженія на волю и немедленно вторгнулся въ царство Θеодора.

Необычайною кротостью и гуманностью Асѣнь склонилъ на свою сторону населеніе завоеваннаго царства, гдѣ поселяне по большей части были Болгаре. Безъ боя достался побѣдителю Адріанополь и почти вся Македонія и Албанія до Драча [6]). Онъ не налагалъ на новыя провинціи никакія повинности, кромѣ обыкновенныхъ податей и содержанія гарнизоновъ въ областяхъ.

Со времени Самуила болгарскіе Славяне снова были соединены подъ однимъ скипетромъ. Царство Асѣня каса-

[6]) О Клокотницкой битвѣ (Κλοκοτνίτζα, Клокотьница) см. Acropolita (гл. 25), сочиненіе котораго представляетъ для этого періода главный источникъ. Ср. Albericus 536. Еще въ XVI вѣкѣ село это называлось Клокотница Ср. Heerstrasse etc. 98, 132. О границахъ Асѣнева царства въ 1230—1241 году ср. привилегію Дубровчанъ (см. ниже), Acropolita l. c., Евθимія, житіе св. Петки (Starine IX, 57) и списокъ болгарскихъ епархій при Іоаннѣ Асѣнѣ (ib. 53).

лось всѣхъ трехъ морей. Кромѣ дунайской Болгаріи, оно обнимало Браничево и Бѣлградъ, Нишъ и Вельбуждъ (Кюстендилъ), Ѳракію съ Дидимотихономъ и Адріанополемъ, всю Македонію, именно округи сересскій, скопійскій, прилѣпскій, дѣвольскій и охридскій, далѣе Албанію съ Эльбассаномъ до Драча. Деспотъ Славъ Мельникскій исчезаетъ со сцены: вѣроятно онъ скончался однимъ изъ знатнѣйшихъ придворныхъ Асѣня [7]). Въ Солунѣ и въ остаткахъ Эпирскаго царства оставленъ былъ зять Асѣня *Мануилъ*, принявшій императорскій титулъ. Западный сосѣдъ, сербскій король *Стефанъ Владиславъ* также былъ женатъ на дочери Асѣня. Тогда Асѣнь выстроилъ въ Трновѣ соборъ (теперь мечеть), въ которомъ надпись прославляетъ его подвиги слѣдующимъ образомъ: „Въ 6748 г. (т. е. 1230) III индикта. Я, Іоаннъ Асѣнь, во Христа Бога благовѣрный царь и самодержецъ Болгаръ, сынъ стараго Асѣня, создалъ съ самаго основанія этотъ святѣйшій храмъ и вполнѣ украсилъ его живописью въ честь св. 40 мучениковъ, съ помощію которыхъ я на 12-омъ году своего царствованія, когда уже храмъ былъ разукрашенъ, пошелъ войною на Романію, разбилъ греческое войско и взялъ въ плѣнъ самаго царя Киръ Тодора Комнина со всѣми его болярами. Я завоевалъ всѣ земли отъ Одрина (Адріанополь) до Драча, греческую, затѣмъ албанскую и сербскую страну. Фрѧзи (Франки) удержали только города около Цариграда: но и Фрѧзи покорились десницѣ моего царства, такъ какъ они не имѣли, кромѣ меня, ни одного царя и жили въ моей власти по повелѣнію Божію. Ибо безъ Него ничто не дѣлается и не говорится ни слова. Слава ему во вѣки. Аминь“ [8]).

---

[7]) Въ помянникѣ (Раковскій 51) читается ему вѣчная память между царями и ихъ придворными.

[8]) Открыта Даскаловымъ (см. стр. 181 прим. 13). Facsimile у Раковскаго, Асѣнь 9. Бріеннъ прибылъ въ Константинополь только въ 1231 г. Над-

Столичный городъ Трново былъ необычайно возвышенъ Асѣнемъ II. Тогда онъ имѣлъ, конечно, другой видъ, чѣмъ нынѣшнее Трново съ его скудными развалинами. Ему присваиваются въ болгарскихъ памятникахъ, по византійскому обычаю, блестящіе эпитеты: „Цариградъ Трновъ, богоспасный Цариградъ, царица городовъ, царственный преславный городъ, на самомъ дѣлѣ второй послѣ Константинополя“ [9]). Когда основано было Трново — неизвѣстно. По одному сказанію построили его великаны, по другому — основателемъ былъ Крумъ. Впервые положили основаніе блестящему состоянію Трнова братья Асѣнь и Петръ, избравши его своей столицей: здѣсь былъ ихъ родовой замокъ.

Нынѣ еще великолѣпное положеніе болгарской столицы поражаетъ всякаго путешественника. Она состояла первоначально изъ двухъ раздѣленныхъ быстрою рѣкою акрополей, такъ-же точно какъ Прага образовалась изъ двухъ разъединенныхъ Молдавою кремлей Вышеграда и Градчанъ. Уже Византіецъ Никита Хоніатъ въ немногихъ словахъ отлично характеризуетъ расположеніе города Асѣневичей [10]).

Постоянно извиваясь, Янтра стремится со склоновъ

пись относится къ времени, когда власть Асѣня (какъ опекуна) надъ латинской имперіей казалась обезпеченной.

[9]) Ср. βασιλεύουσα πόλις, ἡ βασιλὶς τῶν πόλεων, ἄστυ βασίλειον и т. д. Krause, Die Byzantiner (Halle 1869) 15.

[10]) Ὁ Τέρνοβος ἐρυμνοτάτη, ἅμα καὶ προφερεστάτη τῶν κατὰ τὸν Αἷμον ἁπασῶν πόλεων, τείχεσί τε ἰσχυροῖς περιβεβλημμένη καὶ ῥεύματι ποταμίῳ διειλημμένη καὶ ἐπ᾽ ὄρους ἀκρωνυχίᾳ πεπολισμένη. Снимокъ города см. у Lejean'a. Voyage en Bulgarie, Tour du Monde XIII, 1873, 143 и у E. Reclus, Nouvelle géographie universelle I (Paris 1875) 213. Ср. географію Неофита (по болг. Крагуевацъ 1835) 17 сл., Григоровича, Путеш. 171 — 176, Barth, Reise durch das Innere der Eur. Türkei. Berlin 1864. Описаніе Трнова съ иллюстраціями у Каница, Donau Bulgarien II. 38 — 58, онъ-же издалъ археологическій этюдъ: Tirnovo's altbulgarische Baudenkmale (S. B. der Kais. Akad. der Wiss. in Wien LXXXII. 1876. мартъ 271 — 288): надѣюсь однако, что теперь, когда Трново стало гораздо доступнѣе, явятся еще другія монографіи объ этихъ постройкахъ.

Балкана, промежъ крутыхъ, на верху плоскихъ, известковыхъ скалъ, къ Дунаю. Въ одномъ мѣстѣ она образуетъ своими извилинами полуостровъ, на восточной сторонѣ котораго возвышается холмъ, защищенный съ трехъ сторонъ рѣкой, съ четвертой—крутыми террасами. На верху находится собственно *Трновъ градъ.* Единственный доступъ къ кремлю даетъ замѣчательный хребетъ скалы въ 4 метра ширины и 15 высоты, который, круто спускаясь по обѣ стороны, выходитъ изъ долины на высоту горы. Этотъ естественный віадуктъ въ одномъ только мѣстѣ, ради укрѣпленія, прорѣзанъ узкою лощиною. На разстояніи полета стрѣлы отъ этого оврага въ крѣпость ведутъ еще доселѣ сохранившіяся ворота. По свидѣтельству турецкаго географа Гаджи Хальфы († 1658), еще въ XVII ст. стоялъ старый царскій замокъ. Онъ пишетъ [11]: „въ срединѣ города возвышается построенный изъ отесанныхъ камней шестиугольный замокъ съ пятью воротами. Янтра охватываетъ его какъ лунный серпъ, и замокъ сообщается съ водою при посредствѣ двухъ башенъ". Нынѣ вверху только печальныя развалины, но гора, гдѣ стоялъ замокъ, всетаки еще называется по болгарски *Царевецъ* (Царювицъ, на трновскомъ нарѣчіи), „царевъ кремль", по турецки — *гиссаръ* (крѣпость).

На Царевцѣ стояли дворцы [12], гдѣ жили Асѣневичи, Тертеровичи и Шишмановичи. Одинъ дворецъ здѣсь былъ выстроенъ царемъ Іоанномъ Александромъ, который тамъ держалъ около 1355 г. соборъ противъ богомиловъ и евреевъ [13]. Рядомъ съ замкомъ свѣтскаго владыки стоялъ дворецъ духовнаго главы Болгаръ и *патріархія*, или соборъ.

[11] Hadschi Chalfa. Rumeli und Bosna. Aus dem Türk. von Jos. von Hammer. Wien 1812. 42.

[12] Полаты, иже суть сотворены топлоты ради. Доментіанъ 329.

[13] Сказаніе о св. Θеодосіи Трновскомъ. Голубинскій 679.

„мать церквей болгарскаго царства“, церковь Вознесенія Христова [14]). Теперь нѣтъ отъ нея и слѣда: по русскимъ лѣтописямъ, она была по взятіи города Турками обращена въ мечеть. Возлѣ нея сіяла церковь св. Петки (Παρασκευή), мощи которой Іоаннъ Асѣнь II. съ дозволенія Франковъ, перенесъ изъ прибрежнаго мѣста Эпиватиса (тур. Боядосъ), отстоящаго отъ Константинополя на разстояніи 12 часовъ, въ Трново и тамъ погребъ въ „цръкви царствѣй“, которую онъ, вѣроятно, нарочно для этого построилъ [15]). Послѣ паденія Трнова Турки заняли весь замокъ и построили въ 1435 году на мѣсто разрушенной во время войны церкви св. Петки мечеть, существующую и нынѣ [16]). Третья церковь св. апостоловъ Петра и Павла стояла внизу, на берегу Янтры, противъ Трапезицы: это теперешняя митрополичья церковь.

На правомъ берегу Янтры возвышается напротивъ Царевца уединенная скала съ отвѣсными боками во сто футовъ высоты. На вершинѣ, представлявшей мало простора, стояла „славная крѣпость *Трапезица*“. Еще Римляне предназначили этотъ твердый пунктъ для крѣпостцы, фундаментъ которой, по свидѣтельству Г. Каница, еще и теперь можно видѣть. На Трапезицѣ царь Іоаннъ Асѣнь I построилъ въ 1195 г. церковь св. Іоанна Рыльскаго, гдѣ покоились чудотворныя мощи этого національнаго патрона [17]), возлѣ нея въ церкви Апостоловъ хранились останки св. Гавріила Лѣсновскаго [18]). Отъ всего этого нынѣ не осталось ника-

---

[14]) Раковскій. Асѣнь 51.

[15]) Евѳимій, Житіе св. Петки. Starine IX, 59.

[16]) Выстроена Гази-Ферузъ-бегомъ въ 839 г. геджры. Т. Н. Шишковъ. История на Българскыя народъ. Конст. 1873, 263. Гаджи Хальфа называетъ строителя мечети въ замкѣ «завоевателемъ Фирнебегомъ».

[17]) Евѳимій, Житіе св. Іоанна Рыльскаго. Гласник 22, 286.

[18]) Голубинскій 663.

кого слѣда. Вершина Трапезицы (народъ называетъ ее также Трепезица) поросла кустарниками и служитъ пастбищемъ для козъ и овецъ. Сказаніе говоритъ о блестящихъ царскихъ палатахъ и семи церквахъ, которыя стояли тамъ на верху: по условіямъ мѣстности это могли быть лишь маленькія и узкія зданія и часовни. Искатели кладовъ занимаются здѣсь своимъ дѣломъ и, вѣроятно, находятъ много драгоцѣннаго. У подошвы Трапезицы, противъ нынѣшней митрополичьей церкви, была славная, посвященная св. Димитрію и построенная Асѣнемъ и Петромъ, церковь, гдѣ короновались болгарскіе цари. Скудные остатки ея, главнымъ образомъ стѣну алтаря, трновскіе граждане недавно огородили стѣною [19]). Два кремля соединялъ мостъ на двухъ аркахъ, къ которому изъ города вели ворота.

Самый городъ Трново простирается на вышеупомянутомъ полуостровѣ отъ Царевца на западъ до ближайшихъ горъ и хорошо защищенъ съ сѣвера и юга крутыми берегами рѣки. Во время Гаджи Хальфы чрезъ Янтру вели только два моста, одинъ къ Трапезицѣ, другой — на югъ. Медленно росъ городъ; еще въ 1211 г., при Борилѣ, здѣсь была только одна большая церковь [20]). Сербъ Доментіанъ, написавшій въ 1253 г. житіе св. Саввы, говоритъ, что церковь 40 мучениковъ стоитъ „у рѣки Янтры *въ новомъ городѣ*, въ мѣстѣ названномъ Трново“ [21]); отсюда можно бы заключить, что городъ, собственно пригородъ Царевца, отчасти обстроенъ только при Асѣнѣ II.

Церковь 40 мучениковъ и находящаяся при ней *Велика Лавра* была на сѣверной сторонѣ города у берега рѣки. Сказанія много говорятъ о чудесахъ погребенныхъ тамъ

[19]) Даскаловъ 27.

[20]) Синодъ 1211 г.: «сѣде въ иже тогда единой отъ великыхъ цръковь».

[21]) Доментіанъ (Бѣлградъ 1865) 333.

святыхъ, въ особенности св. Иларіона Могленскаго. Въ подземныхъ могилахъ почили тамъ умершіе цари. Стѣны церкви были покрыты надписями, которыя можно видѣть еще и теперь въ мечети. Кромѣ того городъ былъ полонъ церквей и монастырей, обращенныхъ Турками послѣ завоеванія въ мечети или въ бани. Въ баняхъ часто можно видѣть скульптурныя работы, изображающія сцены изъ Новаго Завѣта. Главная баня (башъ-гамамъ), наприм., была нѣкогда церковью св. Богородицы.

Хребетъ, ведущій изъ города вверхъ къ замку, вѣроятно, игралъ особую роль въ исторіи стараго Трнова. Торжественныя шествія могли являться здѣсь во всемъ своемъ великолѣпіи: этотъ же хребетъ представлялъ и удобную арену для кровавыхъ сценъ.

Объ окрестности Трнова, наполненной высокими скалами и горами, мы имѣемъ изъ эпохи послѣдняго патріарха Евѳимія интересное извѣстіе. „У города Трнова, будучи отдѣленъ только рѣкою, разстилается видный со всѣхъ сторонъ лугъ, богато орошаемый стекающимися туда водами и ласкающій взоръ уже издали прелѣстью водъ: онъ усаженъ деревьями, покрытъ разнообразнѣйшими цвѣтами, полонъ плодовъ: надъ нимъ же возвышается густой и обширный лѣсъ. Здѣсь стояла церковь Пречистой Дѣвы, Матери Христа и Богородицы, куда ежегодно собирался на праздникъ изъ всего города народъ съ женами и дѣтьми“ [22]). Изъ этихъ немногихъ словъ видно, что по византійски ученый монахъ, рядомъ съ безсодержательными фразами и библейскими воспоминаніями, съумѣлъ также изобразить прекрасный ландшафтъ. Этотъ примѣръ, къ сожалѣнію, невѣроятно рѣдокъ. Кіевскій архіепископъ, Григорій Цамвлакъ, самъ родомъ изъ Трнова, изъ подъ пера кото-

---

[22]) Житіе Евѳимія, Гласник 31, 277.

раго вышло это описаніе, упоминаетъ, впрочемъ, о лугѣ только потому, что патріархъ Евѳимій отмѣнилъ праздновавшееся тамъ торжество по причинѣ случавшихся тамъ безчинствъ. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что это мѣсто, расположенное къ югу отъ города, называлось *Света гора* и что въ тамошнемъ монастырѣ Богоматери нѣкоторое время жилъ св. Ѳеодосій Трновскій [23]). Еще во время Гаджи Хальфы стоялъ старый лѣсъ, который былъ пощаженъ, чтобы защищать пасущійся скотъ отъ солнечной жары [24]). Теперь гора обнажена, а праздники свои тамъ торжествуютъ Турки.

Маленькая равнина, лежащая къ югу по той сторонѣ рѣки, называется *Марино* или *Марнополе*. На разстояніи получаса къ сѣверо-востоку стоитъ село *Арбанаси*, о которомъ преданіе говоритъ, что оно было основано 70 греческими семействами по случаю брака одного царя съ дочерью византійскаго императора; въ дѣйствительности же селеніе не старѣе 400 лѣтъ [25]).

Вся окрестность Трнова полна монастырей. На разстояніи одного часа ниже города Янтра протекаетъ тѣснину между двумя монастырями, св. Троицы и Преображенія; другіе монастыри скрыты въ близкихъ лощинахъ: Присовскій (св. Архангела), Плаковскій (св. Ильи), Кѣпиновскій (св. Николы) и т. д. Имена ихъ основателей, царей, царицъ и боляръ давно забыты, и ихъ неоцѣненныя рукописи растасканы и уничтожены.

Трново, какъ мѣстопребываніе царей, патріарховъ и боляръ, было центромъ всей болгарской жизни въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Граждане нерѣдко принимали важное уча-

---

[23]) Rad VIII, 184.

[24]) Гаджи Хальфа 42 (пишетъ ошибочно *светифори*)

[25]) См. гл. XVII.

стіе въ политическихъ движеніяхъ. Иначе было въ Сербіи. Сербскіе короли и цари, подобно многимъ западнымъ государямъ, не имѣли постоянной резиденціи, а жили попеременно въ увеселительныхъ замкахъ на Косовомъ полѣ, въ Звѣчанѣ, Паунѣ, Сврчинѣ, Породимлѣ, или въ городахъ Расѣ, Призренѣ, а послѣ завоеванія Македоніи въ Скопіи и Прилѣпѣ: въ позднѣйшее время въ Крушевцѣ, Смедеревѣ, Бѣлградѣ. Такимъ образомъ, тамъ не могло возникнуть центра политической и литературной жизни.

Миръ, царившій въ болгарскихъ земляхъ при Асѣнѣ II, быстро поднялъ торговлю. Дубровчанамъ, которые мало по малу взяли въ свои руки всю внутреннюю торговлю на полуостровѣ, Асѣнь даровалъ большія привилегіи [26], по которымъ они могли безпрепятственно разъѣзжать, покупать и продавать, какъ „вѣрнѣйшіе любимые гости моего царства". Еще въ позднѣйшее время Дубровчане вспоминали о „вѣрной дружбѣ высоко прославленнаго царя Іоанна Асѣня" [27]).

Развилась также и церковная жизнь. Монастыри получили отъ Асѣня II большіе дары: такъ Рыльскій [28]) и Аѳонскіе монастыри, Лавра и Протатонъ, въ особенности же болгарскій монастырь Зографъ [29]), которые еще уцѣлѣли

[26]) Грамота попала изъ архива Дубровницкой республики чрезъ посредство русскаго консула І. Гагича въ Петербургъ. По копіи Гагича ее опубликовалъ впервые Шафарикъ (Pam. 2), по подлиннику — Срезневскій, Извѣстія II (1852) и затѣмъ Миклошичъ, Mon. serb. 3 и Раковскій, Асѣнь 56. Ошибочно ее приписывали Асѣню I, царство котораго никогда не имѣло такого объема, какъ оно описывается въ грамотѣ.

[27]) Въ 1253 г. Miklosich, Mon. serb. 35.

[28]) Šafařik, Pam., 2 изд. 107.

[29]) Евѳимій въ Starine IX, 57. Компиляція, быть можетъ XVI столѣтія, изъ хрисовуловъ Асѣня II и сына его Калимана I, данныхъ монастырю Зографу, у Априлова, Болг. грамоты (Одесса 1845) 31. Зографъ имѣлъ тогда доходы изъ всего болгарскаго царства, съ рыбной ловли на Дунаѣ и въ Охридскомъ озерѣ, притяжанія въ Сѣрѣ (Сересъ), въ Никополѣ, у Софіи и проч. При самомъ монастырѣ царь Асѣнь велѣлъ соорудить башню, которая, по сыну его, была названа «Михайловъ пиргосъ».

отъ опустошенія, произведеннаго на святомъ полуостровѣ разбойничьимъ латинскимъ епископомъ Севастскимъ.

Приверженцы различныхъ вѣроисповѣданій — православные, католики и богомилы, жили безпрепятственно въ царствѣ Асѣня. На терпимость Асѣня относительно богомиловъ жалуется папа въ письмѣ къ венгерскому королю: еретикамъ-де даетъ убѣжище и покровительство, такъ что все его царство переполнено ими [30]). При Асѣнѣ II независимость трновской церкви была признана и Греками.

Асѣнь заключилъ съ императоромъ Ватацесомъ союзъ для разрушенія латинской имперіи, на которую онъ со времени отклоненія опеки былъ сердитъ. Но вскорѣ по прибытіи Іоанна де Бріеннъ въ Константинополь, онъ слишкомъ былъ занятъ войною съ Венграми. Она производилась на трансильванской границѣ, въ Валахіи, около Бѣлграда и Браничева. Братъ Асѣня Александръ нанесъ Венграмъ пораженіе и плѣнилъ графа и воеводу трансильванскихъ Сикуловъ, Богомира, сына Собѣслава. Съ своей стороны Венгры заняли пустую *северинскую* [31]) область, т. е. Малую Валахію до Алуты, куда со всѣхъ сторонъ стекались колонисты: тогда же венгерскіе короли приняли титулъ королей Болгаріи и Куманіи [32]).

По окончаніи этой войны Асѣнь съ Ватацесомъ обратился противъ константинопольскихъ Латинянъ. Войну открылъ

---

[30]) Theiner, Mon. Hung. I, 160. Подъ «heretici» здѣсь отнюдь не разумѣются православные; эти постоянно называются «schismatici».

[31]) Въ венгерскихъ памятникахъ «banatus de Seurin, Zeurino, Zeureno, Zewerino, Seuerino», въ славян. 1406 г. «Граджщу ми къ Северину», «Северинскому банству господинъ» (Венелинъ, Влахоболг. грамоты 22, 23, 57 и т. д.). Ср. Šafařik II, 219. Первый венгерскій банъ Северинскій 1233 года (Theiner I, 123).

[32]) Rex Bulgarie впервые въ 1235 году. Fejer IV, 1. Ср. Roesler 286; взятіе въ плѣнъ графа Сикуловъ: грамота 1235 г., Teutsch und Firnhaber. Siebenb. Urkundenbuch XXV.

Ватацесъ въ 1235 г. отнятіемъ венеціанскаго Каллиполя. Асѣнь и Ватацесъ вмѣстѣ со своими женами сошлись въ завоеванномъ городѣ. Затѣмъ на азіатскомъ берегу Геллеспонта, въ Лампсакѣ, была отпразднована помолвка двѣнадцатилѣтняго Ѳеодора, сына Ватацеса, съ десятилѣтнею дочерью Асѣня Еленою. Тамъ же была признана независимость трновской церкви византійскимъ патріархомъ Германомъ, съ согласія патріарховъ іерусалимскаго, антіохійскаго, александрійскаго, и *Іоакимъ*, архіепископъ трновскій, въ присутствіи многихъ греческихъ и болгарскихъ епископовъ и монаховъ, былъ торжественно возведенъ въ *патріархи* [33]).

Послѣ этого собранія Болгаре и Греки стали опустошать Ѳракію до Константинополя: нижняя Марица была назначена границей для завоеваній съ обѣихъ сторонъ. Союзники окружили еще въ томъ же году даже Константинополь [34]).

Между тѣмъ Асѣнь завоевалъ на пути Филиппополь, гдѣ Франки, вѣроятно, утвердились еще со времени пораженія Борила; въ 1219 г. тамъ сидѣлъ родственникъ Реніе, Нидерландецъ Жераръ де Стремъ (Gérard de Stroem). Бріеннъ, соправитель малолѣтняго Балдуина II, имѣлъ въ Константинополѣ не болѣе 160 рыцарей и оруженосцевъ: онъ принужденъ былъ обезоружить Грековъ и распредѣлить оружіе между наличными Латинянами. Генуэзцы и Пизанцы снарядили свои суда, Венеція послала 25 галеръ, а Готфридъ II Виллыгардуэнъ, князь морейскій, пришелъ на помощь съ

33) Отечественное извѣстіе у Раковскаго, Асѣнь 51. См. Acropolita, гл. 33. Nicephorus Gregoras I, 29. Визант. хроника 1391 г. (Sitzber. der W. Akad. IX, 393). Дриновъ, Исторія болг. церкви 86, Голубинскій 80.

34) Hopf 251, Макушевъ и др. Григорій IX пишетъ 16 декабря 1235 г. королю венгерскому (Theiner, l. c. 140) о нападеніи Болгаръ и Грековъ, примѣчая, что Латиняне, отбивши ихъ «*de novo* civitate Constantinopolitana obsessa, *iterato* cum infinitis millibus» угрожали городу. Осада поэтому была къ концу 1235 года.

флотиліей и высаднымъ войскомъ. Храбростью своею Латиняне успѣли отбросить осаждавшихъ. На морѣ Итальянцы уничтожили суда Грековъ и Болгаръ (1235). Асѣнь, тщетно уговариваемый папой къ уничтоженію союза съ Ватацесомъ, былъ отлученъ 25 мая 1296 г. въ Римѣ [35]).

Бріеннъ умеръ въ 1237 году. Асѣнь вдругъ пересталъ дорожить союзомъ съ Ватацесомъ. Возможно, что къ этому его побудила уступчивость Балдуина II; возможно также, что ему внушило опасеніе возрастающее могущество никейскаго императора; въ самомъ дѣлѣ столкновеніе между обоими соперниками по поводу обладанія Константинополемъ было неизбѣжно, потому что и „царь Болгаръ и Грековъ“ не прочь былъ отъ установленія своего трона на Босфорѣ. Свою дочь Елену, невѣсту византійскаго наслѣдника престола, призвалъ онъ въ Адріанополь, подъ предлогомъ видѣть ее еще одинъ разъ: однако онъ взялъ ее съ собою въ Трново.

Порвавъ связи съ Ватацесомъ, Асѣнь вошелъ въ сношеніе съ папой. По его собственному желанію, въ Болгарію былъ посланъ (въ маѣ 1237 г.) папскій легатъ, въ лицѣ епископа Перуджійскаго, чтобы вести переговоры касательно константинопольской имперіи. Легата сопровождалъ Іоаннъ Вильдгаузенскій, Нѣмецъ изъ Вестфаліи, бывшій епископъ боснійскій. Но уже 28 февраля 1238 года Григорій IX потребовалъ отъ короля венгерскаго Белы IV крестоваго похода противъ Асѣня, ибо послѣдній не хотѣлъ-де присоединиться къ римской церкви и защищалъ богомиловъ, съ которыми во имя католической церкви въ то самое время велись кровавыя войны въ Босніи и южной Франціи [36]). Такія же требованія были предъявлены къ императору Балдуину. Бела готовился къ войнѣ, имѣя намѣ-

---

[35]) Theiner I, 144.

[36]) Грамоты у Theiner'a 155—167.

реніе завоевать Болгарію [37]). Крестоносцамъ, идущимъ противъ „еретическихъ и схизматическихъ“ Болгаръ, было обѣщано отпущеніе грѣховъ. Но крестовый походъ, какъ кажется, не состоялся: Асѣнь нашелъ полезнымъ открыто соединиться съ Балдуиномъ II, какъ „защитникъ“ его.

Новое движеніе народовъ потрясло востокъ. Куманы, устрашенные нахлынувшими изъ Россіи Татарами, бѣжали толпами изъ молдаво-валашскихъ равнинъ частью въ Венгрію, частью же переправились чрезъ Дунай на кожаныхъ мѣхахъ, наполненныхъ воздухомъ, и наводнили собою страну до Ѳракіи. Множество народа съ дворянствомъ поселились въ Болгаріи. И Латиняне завязали съ ними дружбу. Въ 1239 г. Франки, Болгаре и Куманы выступили для осады греческихъ крѣпостей во Ѳракіи. Когда Асѣнь штурмовалъ тамъ Цуруллонъ, къ нему внезапно дошло извѣстіе, что его супруга Венгерка, сынъ и патріархъ Іоакимъ умерли въ Трновѣ отъ моровой язвы. Онъ принялъ это какъ кару за вѣроломство, сжегъ осадныя машины, пошелъ домой, отослалъ обратно Елену и опять примирился съ Ватацесомъ [38]).

Затруднительное положеніе Латинянъ постоянно росло. Императоръ Фридрихъ II въ своей борьбѣ съ папою нашелъ естественныхъ союзниковъ въ Грекахъ Никеи и Эпира. Балдуинъ II, покровительствуемый папою, долженъ былъ скоро почувствовать гнѣвъ императора. Асѣнь и Ватацесъ вошли 1239 г. въ переговоры съ Фридрихомъ II [39]), вслѣдствіе чего Ватацесъ женился на побочной дочери императора и присягнулъ ему въ вѣрности. Наконецъ въ 1240 году Балдуинъ II вступилъ чрезъ Венгрію и Болгарію въ Константинополь съ вспомогательнымъ (навербованнымъ на

[37]) См. ib. 166, 167, 170.

[38]) Акрополитъ у Stritter'a 729—730.

[39]) Hopf 254.

западѣ) войскомъ изъ 700 рыцарей и 20.000 лошадей: но даже и это подкрѣпленіе не могло пріостановить теченія вещей. Въ походѣ франкское войско, не смотря на всѣ союзы Болгаръ съ Ватацесомъ, нашло у первыхъ предупредительное гостепріимство.

Эпирскаго императора Ѳеодора мы покинули во дни Клокотницы. Долго онъ былъ содержимъ подъ слабымъ арестомъ, пока царь не приказалъ его ослѣпить за какія то интриги, которыя онъ не отучился вести даже въ плѣну. Въ 1240 году Асѣнь женился на Иринѣ, дочери плѣннаго царя и освободилъ своего тестя. Съ помощью Асѣня Ѳеодору удалось завладѣть Солунемъ и взять въ плѣнъ своего брата, „императора“ Мануила. Но по причинѣ своей слѣпоты, онъ передалъ правленіе своему сыну Іоанну.

Въ іюнѣ 1241 г. [40]) умеръ Іоаннъ Асѣнь II, величайшій изъ Асѣневичей и рядомъ съ Симеономъ виднѣйшій изъ всѣхъ болгарскихъ царей. Сынъ возстановителя царства онъ провелъ свою юность въ изгнаніи и взошелъ на отцовскій престолъ только послѣ тяжкихъ испытаній и борьбы. По смерти онъ оставилъ царство, которое касалось трехъ морей и положеніе котораго между христіанскими державами было усилено, благодаря дружественнымъ отношеніямъ къ сосѣднимъ государямъ Грековъ, Сербовъ, Венгровъ и Нѣмцевъ. Болгарская государственная церковь была признана Греками. Живыя торговыя сношенія, великолѣпныя постройки и рѣдкая религіозная свобода были признаками высоты внутренняго состоянія государства. При храбромъ и опытномъ преемникѣ престола это царство скоро бы разцвѣло и достигло бы большаго могущества. Но суждено было иначе.

[40]) Въ 1241 г. «circa festum S. Ioannis Assanus rex mortuus est». Albericus 578. Это мѣсто Альберика дѣлаетъ излишними хронологическія сомнѣнія Голубинскаго 218.

ГЛАВА XVII.

Послѣдніе Асѣневичи.

Упадокъ государства при Калиманѣ I (1241—1246) и Михаилѣ Асѣнѣ (1246—1251). — Потеря ѳракійскихъ и македонскихъ провинцій. — Убійство Михаила, послѣдняго изъ Асѣневичей, Калиманомъ II.

Іоанну Асѣню II наслѣдовалъ сынъ его отъ дочери венгерскаго короля девятилѣтній *Коломанъ* или *Калиманъ* I. Опекуны молодаго царя возобновили союзъ съ Ватацесомъ, послѣ чего Франки заключили перемиріе на два года какъ съ ними, такъ и съ Ватацесомъ [1]).

Возвращеніе Татаръ изъ Хорватіи чрезъ Сербію и Болгарію въ Россію имѣло весьма пагубныя слѣдствія для края: тогда или немного позже Болгарія начала платить дань Татарамъ, которые съ тѣхъ поръ въ теченіи почти полувѣка имѣли не маловажное вліяніе на судьбы Болгаріи, хотя конечно не въ той мѣрѣ какъ на Россію [2]). Царственная грамота Зографскому монастырю [3]) и безуспѣшное

[1]) Albericus 579.

[2]) Францисканецъ Вильгельмъ Рубруквисъ, который въ 1253 г. былъ въ Татаріи какъ посланникъ французскаго короля Людовика IX, причисляетъ Болгаръ къ народамъ, платящимъ дань Татарамъ. Recueil de voyages et de mémoires. Paris 1839, IV, 216, 263, 275, 276, 394.

[3]) См. выше стр. 344. Подлинная грамота была вѣроятно отъ 67(51) года, инд. 1, 2 февр.=1243 г. Априловъ, l. c.

требованіе папы Иннокентія IV присоединиться къ римской церкви [4])—вотъ всѣ важныя событія въ краткомъ царствованіи Калимана.

Императоръ Ватацесъ, не тревожимый въ Европѣ послѣ смерти Асѣня, напалъ въ 1242 году на солуньскаго императора Іоанна, но достигъ только, что послѣдній сложилъ съ себя императорскій титулъ. Въ 1246 году Ватацесъ выступилъ противъ Димитрія, брата и преемника Іоанна. На пути въ Солунь Ватацесъ получилъ, въ концѣ сентября, въ монастырѣ Вирѣ (нынѣ городъ Фере или Фереджикъ) на Марицѣ, извѣстіе о смерти царя Калимана: пронесся слухъ, что онъ былъ отравленъ. Ватацесъ рѣшился сейчасъ же напасть на Болгаръ, чтобы отторгнуть у нихъ тѣ земли, которыя нѣкогда занялъ по согласію съ нимъ союзникъ его Асѣнь. Нападеніе на Сересъ, которымъ началась завоевательная война, удалось. Нижняя часть города, защищенная со времени Калояна ветхими стѣнами, была легко взята, причемъ начальникъ замка, Драгота, безъ сопротивленія сдался. Онъ былъ награжденъ деньгами и пурпуровою одеждою. Безъ сопротивленія сдались жители укрѣпленнаго и стоящаго у подошвы Перинъ-Планины Мельника (Μελένικος), родомъ Греки изъ Филиппополя. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль подчинилась вся родопская страна вмѣстѣ съ Цѣпиной и Станимакомъ, вся Македонія со Стобомъ, Хотовомъ (мѣстоположеніе неизвѣстно), Вельбуждомъ, Скопіею, Велесомъ, Просѣкомъ и съ областью Овчеполье. Между тѣмъ эпирскій деспотъ *Михаилъ II* также воспользовался этимъ замѣшательствомъ для занятія Албаніи и западной Македоніи. Такимъ образомъ въ три мѣсяца были потеряны всѣ завоеванія Асѣня II [5]).

[4]) Raynald a. 1245 n. 11.

[5]) Главнымъ свидѣтелемъ для этихъ событій Георгій Акрополитъ (род. 1220), состоявшій съ 1236 г. на государственной службѣ, отличавшій-

Тогда побѣдитель обратился на Солунь. Еще въ ту же зиму былъ изгнанъ Димитрій и владѣнія его стараго отца, ослѣпленнаго Θеодора, были ограничены южно-македонскими городами Воденомъ, Островомъ и Старидоломъ.

Послѣ смерти Калимана несовершеннолѣтнему тоже брату его *Михаилу Асѣню* (1246 — 1257 г.), называемому обыкновенно *Мицо* (Μιτζῆς), уменьшительнымъ именемъ Михаила, достались въ наслѣдство государство и война [6]). Мать его Эпиротка Ирина правила вмѣсто него [7]). Противъ Ватацеса ничего нельзя было сдѣлать, нужно было удовольствоваться миромъ и отказаться отъ потерянныхъ земель, т. е. отъ половины государства.

Вскорѣ открылась новая война на западѣ. Дубровчане повздорили съ сербскимъ королемъ Стефаномъ Урошемъ I. Слишкомъ слабые для того, чтобы однимъ вести войну, они заключили 15 іюня 1253 г. наступательный и оборонительный союзъ противъ Сербовъ съ Михаиломъ Асѣнемъ, отецъ котораго очень благоволилъ къ ихъ республикѣ. По сохранившимся свѣдѣніямъ о договорѣ, Болгаре и Дубровчане должны были дѣйствовать въ отношеніи къ Сербамъ всегда совмѣстно, т. е. совмѣстно вести войну противъ сербскаго короля или жить съ нимъ въ мирѣ. Въ случаѣ войны Дубровчане должны были выставить всѣ свои морскія и сухопутныя силы. Если бы царь завоевалъ Сербію, Дубровчане не должны были давать убѣжища въ своемъ городѣ ни королю Стефану Урошу, ни брату его Стефану Влади-

ся какъ государственный человѣкъ и полководецъ, занимавшій должность великаго логоθета. Его Χρονικὴ συγγραφή доходитъ до 1261 г.

[6]) «Мицесъ» позднѣйшаго Пахимера (349), шуринъ Θеодора Ласкариса и преемникъ Асѣня II, по моему мнѣнію, никто другой какъ *Михаилъ Асѣнь*. Имя Мицо, Мицовъ и нынѣ встрѣчается у Болгаръ. Сравн. гл. XVIII, примѣч. 3.

[7]) Монета у Любича, Opis jugoslavenskih novaca. Zagreb 1875, таб. II, № 17, имѣетъ надпись: Ц (царь) Михаилъ Ц (царица) Эрина.

славу. Въ этомъ случаѣ царь обязался подтвердить всѣ льготныя грамоты, данныя сербскимъ королемъ Дубровчанамъ. Болгарскіе купцы въ Дубровникѣ и дубровникскіе въ Болгаріи пользуются одинаковыми привилегіями. Къ этому союзу присоединился 22 мая 1254 г. и Радославъ Хлмскій жупанъ (въ западной Герцеговинѣ), вассалъ Венгерскаго короля. Но уже въ августѣ этого года король Урошъ помирился съ Дубровчанами и утвердилъ за ними ихъ прежнія привилегіи [8]). Тогда-же онъ помирился и съ царемъ Михаиломъ и сдѣлался его тестемъ.

Одновременно съ этимъ у Болгаръ были препирательства съ Венгріей; по крайней мѣрѣ король Бела IV жаловался папѣ [9]) въ 1254 году, что его только что опустошенную Татарами страну стѣсняютъ съ востока Русскіе и Бродники, съ юга Болгаре и Босняки [10]).

Въ то время, какъ болгарскій царь угрожалъ Сербамъ и Венграмъ, Ватацесу удалось новымъ походомъ расширить свои владѣнія въ Македоніи. Старый Ѳеодоръ подстрекалъ племянника своего деспота *Михаила II* къ войнѣ противъ Византійцевъ, но быстрое вторженіе императора уничтожило его планы. Воденъ былъ занятъ, Касторія и Дѣволъ сдались. Іоанъ Главашъ, комендантъ Касторіи, присоединился къ императору, которому покорился и албанскій вождь Голѣмъ (Γουλάμος) изъ Эльбассана (Ἄλβανον). Ватацесъ овладѣлъ всей страной отъ Адріи до Вардара, именно горо-

[8]) Miklosich, Monumenta Serb. 35—47. Orsat Pucić-Skatić, Poviestnica Dubrovnika. Задеръ 1856, стр. 39.

[9]) Theiner, Mon. Hung. I, 230. О Бродникахъ ср. Šafařik II, 153 и Ламанскаго, Объ угорской Руси (въ соч. о Славянахъ въ М. Азіи).

[10]) Въ 1247 г. Бела подарилъ Іоаннитскому ордену всю Куманію (Валахію), причемъ исключена была земля на востокѣ отъ рѣки Алуты, принадлежавшая Сенеславу, влашскому князю, о которомъ исторія упоминаетъ какъ о первомъ румынскомъ князѣ. Но владычество палестинскихъ рыцарей не нашло въ равнинахъ Валахіи пригодной для себя почвы. Roesler 286 сл.

дами: Кроей. Охридой и Прилѣпомъ (1254). Въ составъ византійскаго государства снова входили области, потерянныя послѣ Алексѣя III, и Ватацесу для полнаго успѣха не доставало только Константинополя.

30-го ноября 1254 г. умеръ Ватацесъ: ему наслѣдовалъ талантливый, но болѣзненный сынъ его *Θеодоръ II Ласкарисъ*, женатый на дочери Асѣня II Еленѣ. Какъ только вѣсть объ этой перемѣнѣ на престолѣ достигла Михаила Асѣня, онъ немедленно рѣшился отнять у шурина своего потерянныя въ 1246 г. земли. Съ помощью славянскаго сельскаго населенія были взяты обратно замки на сѣверномъ склонѣ Родопы, а именно Станимакъ, Перуштица, Кричимъ, Цѣпина; далѣе область Ахридо въ центрѣ Родопы съ замками Устрой, Перперакіемъ (на рѣчкѣ Перперекъ), Эфремомъ (нынѣ Эвремкюй, на Ардѣ) и Кривусомъ. Только замокъ Моніакъ остался за Византійцами [11]), но зато большая часть Македоніи снова присоединилась къ болгарскому царству. Между тѣмъ Ласкарисъ выступилъ среди зимы изъ Адріанополя, ограбилъ Веррею и родопскіе замки принудилъ своими осадными машинами сдаться. Только нагорный край Цѣпина (стр. 26) оказала ожесточенное сопротивленіе. Думали напасть на нее съ юга и сѣвера разомъ, но подступавшія изъ Македоніи войска, внезапно устрашенныя во время перехода въ высокихъ долинахъ трубными звуками, поворотили назадъ, оставивъ весь свой обозъ добычей горнымъ пастухамъ. Драгота, сдавшій нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Сересъ, присоединился теперь къ Болгарамъ и обложилъ Мельникъ. Но когда императоръ явился неожиданно чрезъ узкій Рупельскій проходъ (стр. 52) на выручку, Драгота погибъ подъ копытами лошадей осаждав-

---

[11]) Acropolita 114, 119: Ахридо, сравн. Heerstrasse 97. Šafařik II, 243. прим. 184.

шаго войска, обратившагося въ бѣгство. Засимъ Греки заняли Велесъ, Прилѣпъ и Овчеполе (Νευστάπολις).

Весною 1257 года былъ заключенъ миръ чрезъ посредничество Стефана Уроша I [12]), тестя царя. Цѣпина была очищена и всѣ болгарскія области въ Родопѣ и Македоніи достались Византійцамъ. Трехлѣтнія кровопролитія были совершенно безплодны [13]).

Во время этой войны Венеціанцы напали (1256 г.) изъ принадлежавшаго все еще Латинянамъ города Константинополя на болгарскій приморскій городъ Месемврію и захватили тамъ голову св. Ѳеодора, своего прежняго патрона (до св. Марка) [14]).

Въ 1257 году Михаилъ Асѣнь, ставшій весьма не любимымъ вслѣдствіе исхода послѣдней войны, былъ убитъ вблизи Трнова своимъ двоюроднымъ братомъ Калиманомъ при содѣйствіи недовольнаго дворянства и нѣсколькихъ трновскихъ гражданъ. Убійца овладѣлъ престоломъ и овдовѣвшею царицею. Для спасенія своей дочери, Стефанъ Урошъ I направился на Трново, но прежде, чѣмъ онъ туда прибылъ, немезида постигла узурпатора Калимана II, который безцѣльно скитался по странѣ. Съ его смертью болгарскій престолъ совершенно осиротѣлъ. Династія Асѣневичей до такой степени лишилась уже преданности къ ней народа, что побочные члены и дальные родственники оной заблаго-

---

[12]) У Акрополита въ изданіяхъ Ῥῶσος Οὖρος. Чаще просто Οὖρος. Феслеръ, Гебгарди, Энгель и Палаузовъ приписывали это имя русскому князю Ростиславу, тогдашнему бану Мачвы (Machow). Неосновательность этого сопоставленія доказалъ уже въ 1841 году Палацкій (O ruském knížeti Rostislavovi, Radhost II, 272), а въ новѣйшее время Голубинскій 219. *Урошв* Акрополитъ пишетъ Οὖρος; другіе Византійцы Οὖρεσις.

[13]) Rubruquis, ed. cit. 394, говоритъ объ этой войнѣ: «Filius Vastacii debilis est et bellum habet cum filio Assani, qui similiter est garcio (garçon) et attritus servitute Tartarorum».

[14]) Hopf 260.

разсудили бѣжать въ Константинополь, гдѣ затѣмъ фамилія Ἀσάν до самаго паденія Византійской имперіи занимала важное мѣсто въ тамошней знати [15]).

Такимъ образомъ династія Асѣневичей прекратилась уже въ третьемъ поколѣніи. Блестящимъ было начало ея царствованія. Братья Асѣнь и Петръ, потомки древней династіи прѣславской, свергнули греческое иго и основали въ Дунайской Болгаріи новое государство, побѣдоносные успѣхи котораго не мало способствовали паденію монархіи Комниновъ. Третій братъ Калоянъ доставилъ правителямъ Болгаріи законное положеніе между христіанскими государями. Его губительныя войны были главною причиною скораго распаденія вновь основанной Латинской имперіи. При Іоаннѣ Асѣнѣ II могущество Болгарскаго государства достигло своего апогея. Но по смерти великаго царя оказалось, что все это могущество и величіе были связаны съ жизнью одного человѣка, со смертью котораго и прекратились. Мечтою Асѣня и его династіи была, какъ явствуетъ уже изъ наслѣдуемаго со временъ Симеона титула „царь Болгаръ и Грековъ“, славянская монархія съ главнымъ городомъ Царьградомъ. Его преемники не были даже въ состояніи удержать свое владычество надъ македонскими и ѳракійскими Славянами. Константинопольское франкское государство пало жалкимъ образомъ послѣ грустной кончины послѣдняго Асѣневича. Но возникшее на его мѣстѣ новое Ви-

[15]) Acropolita, гл. 73. Его свидѣтельство, какъ современное, должно считаться главнымъ источникомъ. Приведенные родственники были явно незаконные или же не близкіе, такъ какъ Акрополитъ прямо говоритъ, что по смерти Калимана не оставалось законныхъ наслѣдниковъ: ἔρημος ἐπαναλείφθη κληρονόμου γνησίου ἡ τῶν Βουλγάρων ἀρχή. По гораздо позднѣйшему Пахимеру самъ Михаилъ (Мицесъ) бѣжалъ въ Константинополь.

зантійское государство сдѣлалось для Болгаріи не менѣе опаснымъ, хотя оно и было основано преимущественно при содѣйствіи и съ помощью Болгаръ [16]).

[16]) Родословная Асѣневичей.

Петръ a)	*Іоаннъ Асѣнь I* b) Супруга Елена, «нова царица», въ монашествѣ Евгенія c)	*Калоянъ.* Супруга Куманка	Сестры *N* — *Борилъ* d) ж. вдова Калояна.	*N* — Деспотъ Славъ e)

Іоаннъ Асѣнь II. ж.: f) 1. Анна, въ мон. Анисія. 2. Анна или Марія. 3. Ирина, въ мон. Ксенія.	Александръ. Севастократоръ g) — *Калиманъ II.*	Марія ж. имп. Генриха

2) *Калиманъ I.* род. въ 1232 г., ум. въ 1246 г. h)	2) Елена. ж. Өеодора Ласкариса. — Іоаннъ IV Ласкарисъ. Ирина ж. *Константина.*	2) Тамара. ж. Михаила Комнина i)	3) *Мих. Асѣнь.* ж. дочь Уроша. — Дочь k) ж. севастократора Петра.	Бѣлослава. ж. Стефана Владислава. — Жупанъ Дѣша m)	Марія и Өеодора или Анна l)

a) У Ansbert'a Kalopetrus. b) Іоаннъ: Евөимій, житіе Іоанна Рыльскаго. c) Евөимій у Раков., Асѣнь 13; синодикъ, ib. 52. d) «un neveu Jehans Burus», Clary Rad 5, 158. Hopf 220. e) Esclas estoit en guerre contre Bourille, qui ses cousins germains estoit. Valenciennes cap. II. f) Albericus 578, Синодикъ 52. 2-я жена тамъ, равно какъ и у Евөимія, Анна, у Акрополита — Марія. g) Синодикъ 51, Acropolita у Stritter'a 722, Alb. 536. h) Acrop. 733. i) id. 738. k) Mikl., Mon. Serb. 36. l) Acrop. 731, 733. m) Бѣлослава и Дѣша: грамота въ Rad. jugosl. akad. I, 135.

Глава XVIII.

Гражданскія войны. Царь Константинъ Асѣнь. Узурпаторъ Ивайло. Владычество Татаръ.

Внутреннія смуты и перевороты. — Сербъ Константинъ Асѣнь (1258—1277). — Войны съ Венграми. — Союзъ неаполитанскихъ Анжу съ Сербами и Болгарами противъ Византіи. — Интриги царицы Маріи. — Возстаніе. — Правленіе и смерть временщика Ивайла (Лахана) (1277—1279). — Византійскій претендентъ Іоаннъ Асѣнь III. — Георгій Тертерій (1280—1292) основатель новой династіи. — Нашествія хана Ногая. — Царь Смилецъ, татарскій вассалъ. — Ханъ Чоки. — Святославъ, освободитель отечества (1294).

По смерти Калимана II боляры собрались на сеймъ для избранія новаго царя. Выборъ палъ на Серба Константина, сына Тиха и внука Стефана Немани [1]), храбраго и умнаго человѣка, родовыя владѣнія котораго находились недалеко отъ Софіи, у подошвы Витоша. Для сохраненія права на наслѣдство онъ женился на дочери императора Ѳеодора Ласкариса, внучкѣ Асѣня II, и принялъ имя

[1]) «Св. Симеонъ Неманя, дѣдъ мой», говоритъ онъ въ одной грамотѣ. Šafařik, Pam. 23. «Калоянъ севастократоръ, двоюродный братъ царя, внукъ св. Стефана, короля Сербовъ», читается въ надписи (1259) въ Боянѣ, подъ Витошомъ (Гласник VII, 189). Родство было несомнѣнно по женской линіи.

Константина Асѣня [2]). Первую жену свою, съ которою развелся, отправилъ онъ въ Никею, какъ залогъ мира, что, по византійской нравственности, вовсе не показалось тогда предосудительнымъ [3]).

Между тѣмъ Никейская имперія, хотя и усиливалась годъ отъ году, принуждена была вести кровавыя войны съ Эпиротами. Тамошній деспотъ Михаилъ II занялъ, въ союзѣ съ Сербами, всю западную Македонію (1254), причемъ онъ осадилъ въ Прилѣпѣ военачальника и историка Акрополита и взялъ его въ плѣнъ. Главною опорою служили ему французскіе его зятья Вильгельмъ Виллъгардуэнъ, князь Ахайскій и король Манфредъ, начавшій тогда утверждаться въ Албаніи занятіемъ Корфу, Драча, Валоны и Берата. Но пораженіе союзнаго эпирото-мораитскаго войска въ Ворилскомъ лѣсу при Прилѣпѣ [4]) сокрушило могущество деспотата (1259).

По смерти Θеодора II Ласкариса (въ августѣ 1258 г.), наслѣдовалъ въ Никеѣ сынъ его *Іоаннъ IV*, шуринъ новаго

[2]) Константинъ Асѣнь въ обѣихъ приведенныхъ надписяхъ.

[3]) Такъ воцареніе Константина описано Акрополитомъ, который, какъ византійскій посолъ, лично познакомился съ новымъ царемъ въ 1260 г. Совершенно иначе сообщаетъ объ этомъ болѣе поздній Георгій Пахимеръ (жилъ отъ 1242—1308 г.). Здѣсь зять Асѣня II и шуринъ Θеодора Ласкариса Мицесъ (Μυτζῆς) сражался несчастливо противъ Грековъ и вслѣдствіе этого сталъ столь нелюбимымъ у многочисленныхъ и могущественныхъ бояръ, что они пригласили на престолъ полусерба Константина. Константинъ сражался въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ съ Мицесомъ, пока послѣдній не бѣжалъ въ Месемврію, передавъ городъ Грекамъ (1265), за что получилъ земли при Скамандрѣ. Подобно этому гласитъ и разсказъ позднѣйшаго Никифора Григоры (1295 — 1360). По смерти бездѣтнаго Михаила Асѣня ему наслѣдовалъ мужъ сестры его, Мицесъ, изнѣженный человѣкъ, прогнанный Константиномъ, названный Тихъ. Туземныхъ лѣтописей, къ сожалѣнію, не имѣется. Этотъ Μυτζῆς, по болгарски Мицо, былъ никто иной, какъ Михаилъ Асѣнь. Новѣйшіе историки видѣли въ немъ новаго царя между Калиманомъ II и Константиномъ. Палаузовъ въ своемъ «Ростиславъ Мачевскій» (Журн. Мин. Нар. Просв. LXXI), смѣшеніемъ всѣхъ трехъ сообщеній только запуталъ этотъ вопросъ (Palacky, Radhost II, 259 и Голубинскій 219).

[4]) Fallmerayer. Gesch. von Morea, II, 11 съ сл. Hopf 283.

болгарскаго царя. Но уже по истеченіи года мальчикъ этотъ былъ свергнутъ и ослѣпленъ *Михаиломъ VIII*, первымъ изъ Палеологовъ. Узурпаторъ, человѣкъ энергичный, вступилъ въ дружескія сношенія съ Болгарами; Акрополитъ явился около Рождества 1260 г. въ качествѣ его посланника въ Трново и былъ тамъ блистательно принятъ [5]). Въ слѣдующемъ году исполнилось для никейскихъ Византійцевъ ихъ завѣтное желаніе. 25-го іюня 1261 г. военачальникъ Алексѣй Мелиссенъ Стратегопулъ взялъ въ расплохъ Константинополь и занялъ его безъ кровопролитія. Балдуинъ II бѣжалъ въ Эвбею. Съ этого времени исчезли съ равнинъ Ѳракіи франкскіе желѣзные рыцари, но память о нихъ живетъ и до нынѣ въ сказаніяхъ болгарскаго народа. Еще и нынѣ разсказываютъ они о „Латынахъ“, исполинскихъ людяхъ, втрое больше обыкновенныхъ смертныхъ.

Царь Константинъ въ первые годы своего царствованія принужденъ былъ обратить все свое вниманіе на сѣверъ. Тамъ происходили длившіяся годы войны съ Венграми. Уже въ 1260 году, во время войны Венгровъ съ чешскимъ королемъ Пржемысломъ Отакаромъ II, Болгаре напали на северинскій банатъ, но были разбиты магистромъ Лаврентіемъ и лишены своей добычи. Съ цѣлью устрашенія, побѣдитель приказалъ для примѣра повѣсить вдоль берега Дуная часть плѣнныхъ [6]). Между 1260—1264 гг. князь Стефанъ, которому было довѣрено управленіе Семиградіи, предпринялъ противъ Болгаръ пять походовъ, въ томъ числѣ два подъ личнымъ своимъ начальствомъ, причемъ завоевалъ Бдинъ. Подъ начальствомъ магистра Эгидія Венгры проникли до стѣнъ Трнова [7]). Тогда Стефанъ снарядилъ „contra

---

[5]) Acropolita cap. 84.

[6]) Грамота у Фейера, IV 2 p. 60, 199.

[7]) Свѣдѣнія объ этомъ очень ограничены. Больше всего въ грамотѣ Стефана 1270 г. Fejer IV 3, 54. Usque ad castrum Turnow ib. IV. 2, 525. О взятіи Бдина упоминаетъ Thurocz (Schwandtner, Script. rer. hung. I, 188).

Paleologum imperatorem Graecorum" экспедицію въ подробностяхъ неизвѣстную, которая опустошила византійскія области [8]). По восшествіи на королевскій престолъ (1270) онъ назывался постоянно „rex Bulgariae", титулъ, который отецъ его Бела IV также, хотя и рѣдко, употреблялъ [9]). Съ той поры начинаются притязанія венгерской короны на Болгарію.

На югѣ была также серьезная борьба. Благодаря увѣщаніямъ царицы Ирины, питавшей непримиримую вражду къ Михаилу VIII, лишившему преступнымъ образомъ престола брата ея Іоанна IV, Константинъ объявилъ императору войну, окончившуюся безуспѣшно. Завладѣвъ въ последнее время значительною частью Ѳракіи и Македоніи, въ послѣдней въ особенности Скопіемъ, областями Порѣчіемъ, Пологомъ и окрестностью Прилѣпа [10]), онъ теперь долженъ былъ уступить Византійцамъ не только Филиппополь и Станимакъ, но и важные города Месемврію и Анхіалъ. Раздраженный этимъ, Константинъ вступилъ въ союзъ съ Сельджукскимъ султаномъ Изеддиномъ, находившимся въ Эносѣ при устьѣ Марицы и даже съ Татарами южной Россіи, которые (1265) такъ опустошили Ѳракію, что долго послѣ этого, говорятъ, не видать было на полѣ земледѣльца [11]). Болгарское царство лишилось тогда окончательно македонскихъ своихъ областей. Еще съ конца XII столѣтія въ Македоніи господствовали по очереди Византійцы, Болгаре, Латиняне, Эпироты и Сербы, пока последніе къ концу XIII столѣтія не стали въ ней преобладать. Вообще сочувствіе для образованія народныхъ государствъ исчезло съ введеніемъ ленной системы и большія

8) Fejer IV. 2, 344, 469; 3, 54.

9) См. стр. 345. 1260 (Fejer IV. 2, 9), 1261 (ib. 48) 1263, 1270 (544).

10) Хрисовулъ Константина, данный монастырю Св. Георгія на горѣ Вирпинѣ у Скопія (Šaf. Pam. l. c.).

11) Pachymeres I, 210, 349. Gregoras 1, IV c. 6. p. 99.

державы полуострова разложились на множество аристократій, отчасти почти самостоятельныхъ, которыя въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ часто происходили войны, присоединялись обыкновенно къ сильнѣйшему.

По смерти Ирины (1270) Константинъ женился на Маріи, племянницѣ Михаила VIII. Въ приданное царю должны были быть возвращены Месемврія и Анхіалъ. Когда Палеологъ отказался исполнить свое обѣщаніе, Константинъ началъ готовиться къ войнѣ, и только благодаря союзу съ ханомъ Ногаемъ, полководцемъ владѣтелей Золотой орды, предъ могуществомъ котораго трепеталъ весь край при Понтѣ и Дунаѣ, удалось императору отразить вторженіе раздраженныхъ Болгаръ.

Зато Византійцамъ грозилъ гораздо болѣе опасный ударъ съ другой стороны. Честолюбивый и энергичный Карлъ I, первый неаполитанскій король изъ дома Анжу, при дворѣ котораго нашли себѣ пріютъ изгнанный латинскій императоръ Балдуинъ II и слѣпой Іоаннъ IV Ласкарисъ, готовился къ походу для возстановленія Латинской имперіи. 23 мая 1267 г. заключенъ былъ въ Витербо договоръ между Карломъ и Балдуиномъ: при этомъ Балдуинъ дарилъ провинціи, находившіяся еще въ рукахъ непріятеля. Въ занятыхъ еще рыцарями Манфреда городахъ Драчѣ, Валонѣ и Канинѣ и островѣ Корфу, сдавшихся Карлу, онъ пріобрѣлъ твердую опору на полуостровѣ. Вскорѣ покорились ему и албанскія нагорныя области: даже Никифоръ, деспотъ эпирскій, присягнулъ на вѣрность неаполитанскому королю. Но грубость неаполитанскихъ чиновниковъ, насильственное введеніе католицизма и дурное обращеніе съ албанскими заложниками въ итальянскихъ земляхъ, не способствовали тому, чтобы франкское владычество полюбилось Албанцамъ.

Въ Болгарахъ и Сербахъ Карлъ Анжускій нашелъ желанныхъ союзниковъ. Множество южныхъ Славянъ вступили

на службу къ неаполитанскому королю и даже переселились на итальянскую почву. На островѣ Исхіи возникла болгарская колонія, въ Неаполѣ упоминается „vicus qui vocatur Bulgarus“ (1323), а въ неаполитанскихъ источникахъ 1270—1401 г. встрѣчаются множество лицъ съ именами Slavi, Sclavoni, Sclavelli, Bulgari, Bulgarelli [12]). Въ Сербіи усердною заступницею неаполитанскихъ интересовъ явилась жена Стефана Уроша I королева Елена, дочь Балдуина II, имѣвшая до самой смерти своей большое вліяніе на сербскую политику во все время правленія своего мужа и сыновей Драгутина и Милутина. Въ богатомъ неаполитанскомъ архивѣ встрѣчаются множество свѣдѣній о переговорахъ Карла съ юго-славянскими владѣтелями. Уже въ сентябрѣ 1271 г. король ожидалъ вѣстниковъ изъ Сербіи и „имперіи Загора“ (Болгаріи) [13]). Въ 1273 г. прибыли въ Неаполь сербскіе и болгарскіе послы, по 60-ти всадниковъ, и рыцарь Николай де Сентъ-Омеръ, франкскій владѣтель беотійскихъ Ѳивъ, сопровождалъ ихъ обратно въ ихъ отечество въ качествѣ посланника короля. Понятно, что съ ближайшей Сербіею больше велись переговоры, чѣмъ съ дальнею Болгаріею.

Михаилъ VIII не избѣгнулъ приближавшейся бури. Когда императору не удалось привлечь на свою сторону Сербовъ (1272) [14]) и они объявили войну, онъ, для того чтобы уничтожить соединенное нападеніе Неаполитанцевъ, Сербовъ и Болгаръ, рѣшился вступить въ переговоры объ уніи съ папой. На соборѣ, созванномъ съ этой цѣлью въ

---

[12]) Макушевъ, Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для Славянской исторіи. С.-П.б. 1871 II, 29, 70—72. Его-же, Славяне въ Албаніи (стр. 150) 31 сл.

[13]) См. главу XXV, 1.

[14]) Pachymeres у Stritter'а 195 сл. Годъ по Муральту. Chronographie byz. II (Bâle 1873) 425.

1274 г. Григоріемъ X въ Ліонѣ, византійскіе послы отреклись отъ схизмы. Хитрый Палеологъ думалъ при этомъ случаѣ уничтожить при помощи папы славянскія церкви въ Трновѣ и Печи (Ипекѣ). Съ этой цѣлью онъ возстановилъ еще въ 1272 г. хрисовуломъ эллинизованный охридскій патріархатъ въ томъ объемѣ, который онъ имѣлъ въ 1020 году; этимъ должны были быть лишены права существованія новыя церкви Сербіи и Болгаріи [15]). Его посланники указывали въ Ліонѣ на то, что эти церкви основаны были безъ дозволенія папы, въ то время, когда Греки, въ союзѣ съ Славянами, воевали съ Латинянами, и слѣдовательно безъ всякаго права, и требовали возстановленія мнимой старой Юстиніановской церкви охридской, къ епархіи которой принадлежала большая часть тогдашней Сербіи и Болгаріи [16]). Въ Константинополѣ однако-же эти переговоры возбудили сильное неудовольствіе, чѣмъ готовился скорый конецъ уніи. Родная сестра императора Евлогія поддерживала враговъ уніи, причемъ нашла дѣятельную помощницу въ дочери своей, болгарской царицѣ Маріи. Многочисленные вѣстники (монахи) ѣздили между Трновомъ и Константинополемъ туда и обратно, доставляя корреспонденцію между матерью и дочерью. Даже египетскаго султана царица старалась, хотя безуспѣшно, возбудить къ войнѣ противъ Михаила VIII.

---

[15]) Грамота (Авг. 6780) у Голубинскаго 259. Въ 1273 г. (6781) Михаилъ подтвердилъ также права давно прекратившейся церкви «Justiniana prima», которая была подложно отождествлена съ Охридскою. Плохой переводъ этого подлинника, сдѣланный вѣроятно Влахомъ или Грекомъ, находился въ копіи XVI или XVII вѣка у проф. Григоровича. Выдержки текста въ числѣ бумагъ покойнаго Шафарика.

[16]) Подробно у Дринова, Болгарская и Сербская церковь передъ Ліонскимъ соборомъ 1274 г., въ Браил. Период. Списаніи 1873. VII. Ср. Capacelatro, Storia del regno di Napoli (1840) 350—355.

Въ это время случилось само по себѣ незначительное событіе, долженствовавшее сдѣлаться для Болгаріи роковымъ. Царь Константинъ сломалъ ногу и впалъ вслѣдствіе этого въ тяжкую болѣзнь, препятствовавшую ему свободно двигаться. Тогда Марія, принявъ къ себѣ малолѣтняго сына своего Михаила „Багрянороднаго“ въ соправители, захватила въ свои руки всю власть и подвергла своими интригами страну большимъ бѣдствіямъ (1277) [17]). Въ Болгаріи жилъ въ то время князь, который по случаю болѣзни царя и несовершенолѣтію наслѣдника могъ сдѣлаться опаснымъ соперникомъ. Въ Балканахъ, вѣроятно на западѣ, владычествовалъ полусамостоятельный деспотъ Яковъ Свѧтславъ, отростокъ русскаго семейства. Въ первый разъ о немъ упоминается въ 1262 г. [18]). Могло быть, что своею властью онъ обязанъ былъ Венграмъ, посадившимъ тогда въ Мачвѣ (близь Бѣлграда) вассальнаго князя Ростислава, также Русскаго. Въ 1271 г. принялъ участіе въ мирѣ, заключенномъ Пржемысломъ Отакаромъ II съ Стефаномъ V, венгерскимъ королемъ, рядомъ съ сербскимъ королемъ Урошемъ также *Svetislaus imperator Bulgarorum* [19]). Въ жены Палеологъ далъ ему вторую сестру ослѣпленнаго Ласкариса и такимъ образомъ онъ сталъ своякомъ царя Константина. Отъ этого то Свѧтслава Марія избавилась съ замѣчательнымъ коварствомъ [20]). По ея приглашенію и обѣщанію свободнаго проѣзда прибылъ Свѧтславъ въ Трново. Здѣсь разыгралась въ

---

[17]) Pachymeres у Stritter'a 763. Записка въ болгарскомъ кодексѣ 6785—1277 г. издан. Ганкою въ Čas. Česk. musea 1851, 154, и Даничичемъ въ Starine I, 86.

[18]) Свѧтславъ послалъ въ 1262 г. кіевскому архіепископу Кириллу III копію номоканона съ припиской: «Всея русскыя земли благодержавнаго рода моего, их же отрасль и корѣнь азъ быхъ святыхъ отьц монхъ». Востоковъ, Описаніе рук. Румянц. библіот. С.-Петерб. 1842, 290.

[19]) Emler, Regesta Bohemiae et Moraviae II, 302.

[20]) Pachymeres ed. Bonn. I, 430.

церкви во время молитвъ священниковъ и при блескѣ свѣчей слѣдующая сцена. Царица, раскрывъ плащъ, обняла одной рукою сына своего Михаила, а другой Святслава и этимъ публично усыновила послѣдняго, хотя онъ уже давно не былъ въ юношескомъ возрастѣ. Но вскорѣ обманутый князь палъ жертвою интригъ своей „матери“ (1277). Многіе другіе преданные царю боляры сдѣлались тоже жертвою греческихъ козней царицы; но вмѣстѣ съ ея успѣхами росла и ненависть противъ нея, усиливавшаяся со дня на день, въ особенности въ Трновѣ.

Въ то время какъ въ столицѣ были заняты византійскими интригами самаго безстыднаго свойства, вся страна безпрепятственно подвергалась вторженіямъ разбойническихъ Татаръ. Тогда на сцену является гайдукъ Ивайло, бывшій пастухъ [21]), хитрый, горячій человѣкъ; его прозвище было Бръдоква (латукъ), переведенное Греками словомъ Лаханасъ. Этотъ смѣлый авантюристъ разсказывалъ, что онъ во снѣ переговаривалъ со святыми и распространялъ различныя пророчества о томъ, что онъ присланъ для великихъ дѣлъ. Вскорѣ вокругъ него собралось значительное войско. Онъ началъ одѣваться по княжески; опоясанный мечемъ, онъ гордо выступалъ на конѣ передъ своими полчищами. Послѣ того, какъ ему удалось дважды разбить Та-

[21]) Подъ этимъ именемъ онъ до нынѣ нигдѣ не упоминался. Я основываюсь на припискѣ въ евангеліи, написанной въ 6787 г. (1 сент. 1278 — 1 сент. 1279) «въ дни царѣ Ивайла и при епискупѣ Нишевсцѣмъ Никодимѣ въ лѣто 6787 индикта 7, еги стояху Грьци подъ градомъ Трьновомъ» (Гласник 20, 245). Здѣсь имѣется въ виду осада Трнова Византійцами, когда хотѣли возвести на престолъ Іоанна Асѣня III. Ивайло ни въ какомъ случаѣ не царь Асѣнь III, какъ думаетъ Голубинскій (12), такъ какъ онъ никогда не былъ осужденъ Греками. Κορδοκούβας κεκλημένος, τὸ δ'ὄνομα ἡ Ἑλλήνων γλῶσσα εἰς λάχανον ἐκλαμβάνει, καὶ Λαχανᾶς ἐντεῦθεν φημίζηται. Pachymeres I. 431. По предположенію Срезневскаго (Бесѣда 1857 II) здѣсь, по всей вѣроятности, слѣдуетъ читать Βορδοκούβας (λάχανον по болгарски бръдоква). Имя Λαχανᾶς встрѣчается также въ византійской исторіи; ср. Никиту Акомината 372, 374.

таръ, къ нему пристали цѣлыя области и даже много боляръ. Царь Константинъ, потерявъ со времени своей болѣзни, вслѣдствіе поведенія жены, почти всѣхъ своихъ приверженцевъ, съ трудомъ собралъ небольшое войско и далъ Ивайлѣ сраженіе. Яростнымъ натискомъ войска царя были разсѣяны и самъ царь убитъ беззащитнымъ на своей колесницѣ (по болѣзни онъ не могъ сидѣть на конѣ), зимою 1277 г. Весь народъ спѣшилъ подъ знамена храбраго мужа, который, благопріятствуемый вездѣ военнымъ счастіемъ, принялся покорять города [22]).

Въ Византіи эти событія произвели большое смущеніе. Начали опасаться, чтобы отважный узурпаторъ не возобновилъ вторженія Асѣня I и Калояна. Императоръ Михаилъ поспѣшилъ въ Адріанополь, чтобы быть ближе къ границѣ. Въ началѣ онъ хотѣлъ привлечь на свою сторону Ивайла, но вскорѣ рѣшился выставить претендентомъ на престолъ подъ именемъ царя *Іоанна Асѣня III* нѣкоего Іоанна изъ семейства Асѣневичей [23]), котораго онъ женилъ на своей дочери Иринѣ. Если-бы эта попытка не удалась, то за Іоанномъ долженъ былъ остаться титулъ византійскаго деспота. Греческія войска двинулись въ Болгарію, чтобы сражаться за Іоанна противъ Ивайла и противъ Маріи, державшейся въ Трновѣ. Много боляръ были привлечены на сторону новаго царя подарками и обѣщаніями.

Марія, которой одинаково угрожали трновскіе граждане, Греки и Ивайло, хотѣла, во что-бы то ни стало, спасти корону для себя и сына своего Михаила, и сдалась Ивайлѣ. Узурпаторъ выслушалъ высокомѣрно ея пословъ и отвѣтилъ имъ, что ему нѣтъ нужды принять какъ даръ то, что, благодаря его военной силѣ, было почти у него въ рукахъ;

---

[22]) Объ Ивайлѣ см. Pachymeres, I. 430, 466. Nicephorus Gregoras, I. 130

[23]) Говорятъ, сынъ Мицеса. См. гл. XVII прим. 6 и XVIII прим. 3.

если-же онъ не смотря на это, во избѣжаніе лишняго кровопролитія, принимаетъ миролюбивое предложеніе царицы, то это съ его стороны милость, ей оказанная. Тогда ворота Трнова открылись для полчищъ царя-гайдука и Марія отпраздновала съ Ивайломъ свадьбу и коронацію (весною 1278 г.). Но царицѣ съ ея греческой утонченностью грубый герой горъ скоро опротивѣлъ. Съ двухъ сторонъ напали на него два непримиримые врага Татары и Греки. Изо дня въ день проливалась кровь; храбрые Болгаре побѣждали внезапными натисками. Съ ужасомъ вступали греческіе воины въ бой, такъ какъ Ивайло не зналъ пощады. Хотя Трново было почти совершенно окружено Греками [24]), но война тянулась безконечно. Въ началѣ 1279 года въ Трновѣ вдругъ распространился слухъ, будто Ивайло палъ въ сраженіи противъ Татаръ. Тогда граждане Трнова немедля открыли ворота, выдали Грекамъ Марію и сына ея, и съ радостью привѣтствовали новаго царя *Іоанна Асѣня III*, за которымъ вскорѣ прибыла и жена его. Беременную отъ узурпатора Марію привезли въ Адріанополь. Болгаре не поминали ее зломъ, но тогда какъ въ болгарскихъ церквахъ всѣмъ умершимъ царицамъ воспѣвали вѣчную память, ее этой чести считали недостойною.

Іоаннъ Асѣнь III, человѣкъ характера несамостоятельнаго, не могъ удержаться. Болѣе всѣхъ приверженцевъ имѣлъ Георгій *Тертерій* (Τερτερῆς) [25]). Происходя изъ дворянскаго семейства, состоя въ родствѣ съ сильнѣйшими родами, онъ сдѣлался весьма любимымъ, благодаря своей храбрости и уму. Асѣнь, видѣвшій въ немъ опаснаго со-

[24]) Pachymeres I. 446: πολλαῖς μὲν οὖν ταῖς ἀμφὶ τὸν Ἀσὰν δυνάμεσι περιεστοιχίζετο. Сюда относится вышеприведенная старослав. приписка первой половины 6787 г.: «когда Греки стояли подъ городомъ Трновомъ».

[25]) Я пишу *Тертерій*: Тертерія стараго. Поменикъ у Раковскаго, Асѣнь 52. Τερτερῆς ἐκ Κομάνων ἦν. Pachymeres II. 265.

перника, хотѣлъ привязать его къ себѣ узами родства; онъ назначилъ его деспотомъ и далъ ему свою сестру въ жены; свою прежнюю жену Болгарку и сына своего Святслава Тертерій долженъ былъ выслать въ Никею какъ заложниковъ.

Тогда неожиданно предъ воротами Трнова, во главѣ большаго войска, явился Ивайло, считавшійся умершимъ, и занялъ всѣ выходы города. Крещенный Татаринъ *Касимбекъ* (Τζασίμπαξις), который незадолго передъ тѣмъ присягнулъ въ вѣрности Іоанну Асѣню III. въ качествѣ протостратора (главнокомандующаго Болгаріи) и потомъ исчезъ изъ Трнова, явился на сторонѣ Ивайла, какъ его протостраторъ. Императоръ Михаилъ незамедлилъ послать помощь своему зятю. Но византійскій полководецъ Муринъ съ 10.000 человѣкъ былъ совершенно разбитъ Ивайломъ 17 іюля 1280 г. [26]). Чрезъ нѣсколько недѣль, 15 августа, подобная участь постигла другое войско, 5000 человѣкъ, посланное на выручку подъ предводительствомъ Априна; оно было уничтожено гдѣ-то въ Средней-Горѣ. При такихъ обстоятельствахъ Тертерію было очень легко отвлечь боляръ и войско отъ неблагоразумнаго царя и склонить на свою сторону. Іоаннъ Асѣнь III не считалъ себя безопаснымъ въ Трновѣ и тайно бѣжалъ чрезъ Месемврію въ Константинополь, опорожнивъ предварительно казну. Этотъ малодушный поступокъ Асѣня, покровительствуемаго дотолѣ Михаиломъ, вызвалъ безграничный гнѣвъ послѣдняго: всѣ его старанія связать Болгарію съ Византіей оказались снова напрасными [27]). При большомъ ликованіи народа *Георгій Тертерій I* былъ коронованъ царемъ (въ концѣ 1280 г.).

---

[26]) Ἐπὶ τῷ Διαβαινᾷ (мѣстоположеніе неизвѣстно). Pach. 466; второе сраженіе κατὰ τὸν ἔξω ζυγόν, ib.

[27]) Потомки Асѣня III занимали въ Византіи до самаго паденія имперіи высокія государственныя должности (Ἀσάν).

Послѣ возвышенія Тертерія Ивайло понялъ, что его силы недостаточны были для возвращенія себѣ престола и отправился просить помощи у стараго хана Ногая, господствовавшаго въ концѣ XIII вѣка надъ южной Россіей, и дававшаго очень часто чувствовать тяжесть своей власти сосѣднимъ странамъ Россіи, Литвѣ, Венгріи и Болгаріи. При дворѣ хана Ногая Ивайло встрѣтился съ своимъ врагомъ Іоанномъ Асѣнемъ Ш. Оба просили помощи противъ Тертерія. Ногай встрѣтилъ ихъ съ одинаковою любезностью, принялъ ихъ дары, многое имъ обѣщалъ, но ничего не исполнилъ, возилъ ихъ съ собою съ своимъ лагеремъ по южно-русскимъ степямъ. Наконецъ, однажды во время пира пьяный ханъ приказалъ внезапно перерѣзать горло Ивайлѣ и другу его Касимбеку. Асѣнь III избѣжалъ подобной участи только благодаря Евфросиньи, побочной дочери императора Михаила, проживавшей въ гаремѣ степнаго князя, жертвой дипломатическихъ отношеній.

Такъ окончилъ свою жизнь замѣчательный царь пастухъ и крестьянинъ Ивайло! Имя его пользовалось большимъ уваженіемъ въ массѣ народа. Когда въ 1294 году появился лже-Ивайло (псевдо-Лаханъ), то къ нему стекались толпами болгарскіе жители изъ византійской Ѳракіи, чтобы сражаться подъ его знаменемъ противъ малоазіатскихъ Турокъ; но вскорѣ и этотъ искатель приключеній нашелъ смерть не отъ Турокъ, а въ темницѣ недовѣрчивыхъ Византійцевъ.

Тертерій I не былъ другомъ Византійцевъ. Въ союзѣ съ нимъ и Сербами Карлъ I Неаполитанскій началъ уже давно подготовляемую имъ наступательную войну противъ Византійцевъ. Отборное войско 8000 Франковъ, Арабовъ и Албанцевъ осадило Бератъ, но было уничтожено въ апрѣлѣ 1281 г. греческими войсками, явившимися на выручку [28]).

---

[28]) Hopf 324 сл.

Карлъ I этимъ не былъ устрашенъ и въ томъ-же году привлекъ въ свой союзъ и Венеціанцевъ. Въ іюнѣ и іюлѣ 1281 г. прибыло въ Неаполь посольство „magnifici principis, imperatoris Bulgarorum“; съ этимъ посольствомъ отправились въ Болгарію два неаполитанскихъ рыцаря Гирацій де Никотера и корфіотъ Іоаннъ Йспанъ, чтобы отъ имени своего короля привести къ концу переговоры [29]). Тертерій пытался также завязать сношенія съ ѳессалійскимъ княземъ Іоанномъ, противъ котораго императоръ Михаилъ призывалъ на помощь Ногая [30]). Въ слѣдующемъ однако году сицилійская вечерня разрушила всѣ планы Карла I о возстановленіи латинскаго владычества на востокѣ. 11 декабря 1282 года умеръ и Михаилъ VIII.

Изъ союза противъ Византійцевъ только Сербы извлекли пользу. Тамъ правилъ съ 1281 г. [31]) хитрый и неутомимый *Стефанъ Урошъ II*, по прозванію *Милутинъ*. Уже въ первый годъ своего царствованія онъ занялъ всю сѣверную Македонію, Пологъ подъ Шаромъ (стр. 53), Скопію съ окрестностями, Овчеполе, Злетово и Піянецъ, тогда какъ до того византійская граница доходила до замка Липлянъ на Косовомъ полѣ. Его нападенія простирались до Сереса и земли Влахіотской, т. е. до Эпирскаго деспотата (стр. 289).

---

[29]) Макушевъ, Итал. арх. II. 28.

[30]) Pachymeres у Stritter'a 787. Hopf 329.

[31]) Ошибочно относятъ къ 1275 г. вступленіе его на престолъ. Изъ заключительной замѣтки современной ему рукописи (Miklosich, Mon. serb. 561. Starine V, 31) видно, что 6794 годъ (1 сент. 1285 — 1 сент. 1286) былъ *пятый* годъ его правленія. Родился-же Милутинъ въ 1253 году (Muralt. Chron. byz. II. 471). Г. Иванъ Павловичъ, въ сборникѣ лѣтописей подъ заглавіемъ «Житія краль србьскыихъ» (Бѣлградъ 1877) 1. 200, приводитъ нѣкоторыя сомнѣнія противъ справедливости нашей ректификаціи; но ср. мою рецензію въ Čas. českého musea 1876, 652. Въ 6785 г., инд. V=1276/7 году, царствовалъ еще Стефанъ Урошъ I (приписка въ современной рукописи, Starine IX, 234), а въ 1281 году владѣлъ король Стефанъ Драгутинъ надъ *всей* Сербіей.

Вскорѣ ему подчинились Дибра, Кичава и Поречь (стр. 53); съ 1286 г. ему повиновалась вся Боснія. Братъ его *Стефанъ Драгутинъ* правилъ въ Сирміи и Мачвѣ. Албанцы также присягнули ему въ вѣрности, а въ 1296 г. онъ взялъ Драчь. Съ папой и съ домомъ Анжу онъ при посредничествѣ своей матери франкской Елены былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Съ католиками онъ обходился ласково, одарилъ ихъ церкви помѣстьями и былъ даже поставленъ подъ покровительство св. Петра (1291). Только послѣ смерти Елены (1314) поняли въ Римѣ, что его преданность апостольскому престолу исходила изъ невѣроятной для того времени религіозной терпимости. Въ совѣтѣ его въ Которѣ (1305 г.) засѣдали рядомъ съ двумя восточными два епископа католическихъ и даже „дѣдъ“ боснійскихъ богомиловъ [32]). Въ дѣлахъ брачныхъ „свети краль“, какъ его называли по смерти, не очень совѣстился: онъ четыре раза былъ женатъ, трижды по удаленіи прежнихъ женъ. Третью свою жену, дочь Тертерія, онъ выдалъ, не долго думая, Византійцамъ по заключеніи мира въ 1298 г., намѣреваясь жениться на Симонидѣ, дочери императора Андроника старшаго. Въ возвышеніи Сербіи Милутину принадлежатъ большія заслуги: онъ поддерживалъ торговлю, издалъ новые законы и основалъ множество больницъ, монастырей и церквей. Во время его сорокалѣтняго правленія Сербія пріобрѣла такое положеніе, что судьбы полуострова рѣшались съ тѣхъ поръ не въ Византіи или Трновѣ, а при сербскомъ дворѣ.

Андроникъ старшій, преемникъ Михаила, заключилъ съ Тертеріемъ миръ (1284), по которому послѣдній, отлученный отъ болгарской церкви ради втораго своего брака, отправилъ сестру Асѣня III въ Константинополь, а самъ получилъ обратно свою первую жену [33]). Въ 1291 г.

[32]) Rački, Bogomili i Patareni. Rad VII. 168—174. Mon. Serb. 69.
[33]) Pachymeres ed. Bonn. II, 57.

папа Николай IV снова тщетно попытался привлечь къ уніи „императора Георгія“ и патріарха Іоакима III; сербская королева Елена въ томъ-же году лично уговаривала къ тому тестя своего сына [34]).

Могущество Ногая принимало между тѣмъ угрожающіе размѣры. Въ 1285 году Татары ворвались одновременно въ Венгрію и Болгарію. Они перешли Балканы и опустошили Ѳракію и Македонію. Такъ какъ можно было опасаться, что влашскіе пастухи, кочевавшіе между Константинополемъ и Визіей, присоединятся къ Татарамъ, то Византійцы рѣшились переселить ихъ въ Азію. Множество людей и стадъ пали жертвою суровой зимы, когда это исполнялось. Тертерій не былъ въ состояніи противостоять натиску этихъ варварскихъ ордъ, опустошавшихъ на своихъ маленькихъ лошадяхъ подобно саранчѣ въ нѣсколько дней большія страны. Чтобы удержаться на престолѣ онъ вынужденъ былъ выдать дочь свою за сына Ногая Чоки.

Государство начало распадаться. Въ Бдинѣ (Видинъ) и во всей западной Болгаріи правилъ самостоятельно князь *Шишманъ*, родоначальникъ послѣдней болгарской династіи, состоявшій въ родствѣ подобно Тертеріевичамъ съ пришлымъ куманскимъ дворянствомъ. Во главѣ болгарскихъ и татарскихъ полчищъ онъ внезапно напалъ на Сербію и проникъ, опустошая страну, до Хвостна, гдѣ онъ думалъ ограбить богатую архіепископскую церковь въ Печѣ (Ипекъ). Но, говорятъ, огненное знаменье на небѣ испугало и разсѣяло его войско. Затѣмъ Милутинъ занялъ Бдинъ. Шишманъ спасся своевременно бѣгствомъ чрезъ Дунай въ венгерскій северинскій банатъ. По мирному договору онъ получилъ обратно свои земли и женился на дочери сербскаго жупана Драгоша [35]).

---

[34]) Theiner, Mon. Slav. 375. 377. Голубинскій 83.

[35]) Даніилъ 117—119. Грамота Милутина въ путешествіи Григоровича 44. Шафарикъ. Gesch. d. südslav. Liter. III, 22, относитъ это событіе къ 1292 году.

Угрозы татарскаго хана заставили Тертерія вскорѣ бѣжать изъ своей опустошенной страны. Онъ обратился къ Византійцамъ, но Андроникъ отказался принять его, опасаясь гнѣва Ногая. Несчастный царь скрывался тогда въ окрестностяхъ Адріанополя, пока не былъ заточенъ Византійцами.

Татарскій ханъ посадилъ на болгарскій престолъ (ок.1292) въ качествѣ царя-даннника болярина *Смилеца* (Σμίλτζος), женатаго на Гречанкѣ, дочери севастократора Константина и внучкѣ императора Андроника II [36]. Имѣнія его лежали у Топольницы, гдѣ нынѣ еще у деревни Акыджи между Татаръ-Пазарджикомъ и Ихтиманомъ можно видѣть развалины „Смильцева монастыря", построеннаго по находящейся тамъ надписи „княземъ Смильцомъ" въ 1286 г. во время царя Георгія Тертерія [37].

Сербамъ Ногай готовилъ ту-же участь, но Милутинъ съумѣлъ отклонить это бѣдствіе, но зато долженъ былъ

---

[36]) Родословная Тертеріевичей и первыхъ болгарскихъ родовъ.

Смилецъ царь ж. дочь Константина (a)	Радославъ севастократоръ N	Войсилъ (b)

дочь (c) супр. Стефанъ Урошъ III.	дочь супр. = Эльтимиръ деспотъ (d) былъ γαμβρὸς Σμιλτζαίνης (Pachym. 2, 559) и θεῖος Святслава	*Георгій Тертерій* I супр. 1) Марія (Болгарка) (d) 2) Марія (1280—1283) сестра Асѣня III (d. e)

1) *Θеодоръ Святславъ* супр. 1) Евфросинья (d) 2) Θеодора, сестра Андроника, въ монашествѣ Θеодосія (f)	Войсилъ деспотъ	1) Дочь супр. Чоки	2) Дочь супр. 1) Стефанъ Урошъ супр. 2) Мих. Кутрулъ

Георгій Тертерій II.

(a) Pachymeres I, 406. (b) id. 446. (c) Даніилъ 124. (d) Синодикъ (Раковскій, Асѣнь 52). (e) Stritter 781, 786. (f) Cantacuzenus 1, 13. Gregoras (Stritter 812).

[37]) Захаріевъ 76. Имя Смилъ, Смилко и теперь встрѣчается въ Болгаріи.

послать въ лагерь хана заложниками сына своего Стефана и нѣкоторыхъ болярь [38].

Между тѣмъ Ногай разсорился съ Токтаемъ, которому онъ самъ помогъ получить владычество надъ Золотой ордой. Послѣ многолѣтней борьбы онъ былъ раненъ въ сраженіи близъ нынѣшней Одессы и умеръ во время бѣгства (1293) [39]. Сынъ его Чоки (Τζακᾶς) съ остатками отцовскаго войска направился на Болгарію. Царь Смилецъ обратился за помощью противъ него къ Сербамъ, почему и выдалъ свою дочь за князя Стефана, успѣвшаго бѣжать изъ татарскаго плѣна [40]. Но вскорѣ Смилецъ долженъ былъ уступить Чоки, предъявившему свои наслѣдственныя права на Болгарію, какъ зять Тертерія, и собиравшемуся овладѣть ею; для этого предпріятія онъ сговорился съ своимъ шуриномъ Ѳеодоромъ Сватславомъ (Ὀσφεντίσθλαβος или Σφενδοσθλάβος), тѣмъ самымъ, который провелъ дѣтскіе годы съ матерью своею въ Никеѣ, какъ заложникъ. Этотъ-то Сватславъ, потерявшій во время послѣднихъ смутъ все свое имущество, просилъ руки Евфросиньи [41], дочери нѣкоего Манкуса, крестной матерью которой была жена Ногая Евфросинья, и не получилъ отказа отъ опекуна Евфросиньи, богатаго купца Пантолеона. Обладая большимъ приданнымъ, онъ помогъ Чоки занять Трново. Но вдругъ онъ перемѣнилъ свой образъ дѣйствій. Татарскій узурпаторъ былъ неожиданно захваченъ, брошенъ въ темницу и тамъ задушенъ еврейскими палачами. Голову Чоки Сватславъ отослалъ врагамъ его въ

[38]) Даніилъ 120 сл.

[39]) По Muralt'y, II. 4. 2, 1293 г.; по Hammer'y, Gesch. der Gold. Horde. Pest 1840, 273. — 1299 г.

[40]) Даніилъ 124.

[41]) Въ болгарскомъ помяникѣ она такъ называется. По Пахимеру имя ея было Ἐγκόνη.

Крымъ. Патріархъ Іоакимъ III, давно подозрѣваемый въ привязанности къ Татарамъ и въ измѣнѣ отечеству, былъ брошенъ по его приказанію съ одной изъ крѣпостныхъ скалъ Трнова. Послѣ этого рѣшительнаго поступка Святславъ, какъ освободитель отечества отъ азіатскихъ кочевниковъ, вступилъ на престолъ Асѣневичей [42].

---

[42]) Pachymeres II, 264 сь сл. Восточныя извѣстія у Гаммера, l. c. Онъ пишетъ Čokc, Čuke, но чаще всего Čoki.

Глава XIX.

Куманскіе Тертеріевичи и Бдинскіе Шишмановичи.

Царь Ѳеодоръ Свѧтславъ (1295 — 1322). — Войны съ Византіей. — Георгій Тертерій II (1322 — 1323) послѣдній своего рода. — Михаилъ Бдинскій (1323 — 1330). — Неудачное нападеніе на Константинополь. — Сраженіе при Вельбуждѣ 28 іюля 1330 года.

Въ Византіи не относились съ равнодушіемъ къ восшествію на престолъ Свѧтслава, но искали только случая, чтобы низвергнуть отважнаго юношу. Нѣсколько пріязненныхъ Грекамъ боляръ провозгласили анти-царемъ сына Константина Асѣня и Маріи *Михаила*, который съ греческимъ войскомъ и ворвался въ Болгарію, но этимъ только себя осрамилъ. Братъ Смилеца севастократоръ *Радославъ* былъ также посланъ императоромъ Андроникомъ II изъ Солуня съ отрядомъ войска въ Болгарію, но тамъ былъ разбитъ и ослѣпленъ братомъ Тертерія *Эльтимиромъ* ('Ελτιμήρης), деспотомъ Крънскимъ (ок. Карпобада). Возвращеніемъ свободы взятымъ при этомъ въ плѣнъ знатнымъ Грекамъ Свѧтславъ доставилъ свободу и отцу своему Тертерію I, но правленіе ему не передалъ, довольствуясь назначеніемъ ему города, гдѣ онъ спокойно отживалъ свой вѣкъ [1]).

---

[1]) Pachymeres II, 266.

Сестра Святслава, прогнанная своимъ супругомъ, сербскимъ королемъ Милутиномъ (стр. 372), отправившимъ ее въ Византію, вышла во время плѣна замужъ за деспота Михаила Дуку Кутрула (1301). Когда послѣдній былъ вмѣстѣ съ семействомъ заточенъ подъ предлогомъ государственной измѣны, Святславъ, за такое обхожденіе съ его родственниками, объявилъ войну императору Андронику. Едва ли онъ на это не рѣшился преимущественно съ тѣмъ, чтобы воспользоваться бѣдственнымъ состояніемъ Византійской имперіи. Андроникъ былъ тогда какъ разъ стѣсненъ Турками въ Малой Азіи. Въ союзѣ съ дядей своимъ Эльтимиромъ, Святславъ завоевалъ лежащіе предъ Балканомъ города и замки отъ Тунджи до моря, Діамполь, Месемврію, Анхіалъ и Созополь. Войсилъ (Βοσσίλας), младшій братъ Смилеца, сражался въ византійскомъ войскѣ. Три года продолжалась война съ перемѣннымъ счастіемъ. Хотя Византійцамъ и удалось при посредствѣ вдовы Смилеца, Гречанки, поссорить Эльтимира съ Святславомъ, но этотъ замыселъ принесъ имъ мало пользы [2].

Между тѣмъ въ Азіи на мѣсто Сельджуковъ выступила другая держава, которая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сдѣлалась первенствующей на востокѣ. *Эртогрулъ*, начальникъ небольшой сродственной Сельджукамъ орды тюркскихъ кочевниковъ, основалъ въ Виѳиніи небольшое государство, которое при сынѣ его *Османѣ* (1288 — 1327) опустошительными войнами было расширено на счетъ Византійцевъ до прибрежья Пропонтиды. Такъ возникло государство Отоманской Порты.

Въ войнахъ съ Турками, веденныхъ Греками вяло и безъ всякаго плана, принимали также участіе нѣкоторые Болгаре. Знаменитый герой, по имени *Хранислав*, взятый

[2]) Pachymeres II, 406, 446, 558, 601.

въ плѣнъ Греками въ войнѣ ихъ противъ Ивайла и долго ими содержанный въ тюрьмѣ, Андроникомъ былъ назначенъ „великимъ чаушемъ“ и главнокомандующимъ въ Виѳиніи, гдѣ прославилъ свое имя новыми подвигами. Вскорѣ спустя *Иванъ*, отличившійся также въ болгарскихъ войнахъ пастухъ, собралъ отрядъ вооруженныхъ луками и дубинами гайдуковъ для самостоятельной борьбы съ Турками. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ переправиться чрезъ Пропонтиду, онъ былъ арестованъ недовѣрчивыми Византійцами. Спустя девять мѣсяцевъ онъ однако успѣлъ бѣжать изъ тюрьмы и съизнова началъ вести романтическую партизанскую войну. Турки въ это время осадили Кенхры, куда изъ скамандрской долины спасалось множество народа. Иванъ напалъ врасплохъ на Турокъ и разсѣялъ ихъ; но затѣмъ, когда они собрались съ силами, самъ былъ ими взятъ въ плѣнъ. Они подвели его къ стѣнамъ и потребовали отъ осажденныхъ выкупа. Но Греки скупились на деньги. Тогда Иванъ крикнулъ имъ по болгарски (онъ зналъ, что нѣкоторые изъ Грековъ понимали этотъ языкъ), чтобы они дали выкупныя деньги, такъ какъ полученіе ихъ обойдется Туркамъ дорого. Но и Турки поняли его слова. Они повели его назадъ и убили. По другимъ-же извѣстіямъ онъ бѣжалъ изъ плѣна и во главѣ 1000 гайдуковъ долго еще держался въ окрестностяхъ Солуня, продолжая отличаться новыми подвигами. Этотъ интересный эпизодъ (ок. 1306) представляетъ намъ историческій оригиналъ одной изъ многихъ сказочныхъ личностей, которыя по нынѣ прославляются подъ разными именами въ народныхъ героическихъ пѣсняхъ [3]).

Побережья Эгейскаго моря страдали тогда сильно отъ *экспедиціи Каталановъ*, „анабазиса средневѣковаго“. Въ 1302

---

[3]) Pachymeres II, 442.

году 6000 Испанцевъ вступили въ византійскую службу и добились блестящихъ успѣховъ въ борьбѣ съ Турками. Но не смотря на всѣ ихъ побѣды, Византійцы не платили имъ жалованья и по старой своей привычкѣ хотѣли съ ними раздѣлаться обманомъ и убійствомъ. Но Испанцевъ нельзя было провести подобными восточными продѣлками. Они заняли Каллиполь и, подкрѣпляемые турецкими и другими дикими шайками наемниковъ, предпринимали оттуда грабительскіе набѣги на владѣнія Палеологовъ. Когда-же послѣ двухъ лѣтъ во Ѳракіи и при Пропонтидѣ ничего болѣе не оставалось для грабежа, они перешли на Кассандрійскій полуостровъ. Даже Аѳонскіе монастыри были ими разграблены, зданія по большей части сожжены, а монахи убиты. Для пресѣченія пути „великой компаніи" на случай, если имъ вздумалось-бы обратиться противъ Константинополя, Македоняне соорудили большую стѣну отъ Пангея до Кавалы у моря. Изъ опустошенной Македоніи эти дикіе мародеры направились на цвѣтущее и богатое герцогство Аѳинское, заключавшее тогда въ себѣ, подъ скипетромъ дома де-ла-Рошъ, Аттику, Віотію и южную Ѳессалію. Въ 13 день марта 1311 г. 15.000 Франковъ изъ Ливадіи и Мореи были поражены необузданными Каталанами въ болотахъ Копаискихъ. Побѣдители, раздѣливъ между собою лены и замъ павшихъ рыцарей, основали въ этой странѣ разбойничью республику, которая, въ союзѣ съ турецкими малоазіатскими пиратами, въ теченіи 75 лѣтъ не давала покоя всему сосѣдству [4]).

Пока Каталаны состояли въ императорской службѣ, ихъ не употребляли противъ Болгаръ: но послѣ ихъ воз-

[4]) Moncada, въ нѣмецкомъ переводѣ O. Spazier'a: «Zug der Katalonier», Braunschweig 1828: Hopf 380 съ сл. Житіе сербскаго архіепископа Даніила (изд. Даничича, 346—355), гдѣ Аѳинское герцогство названо Ливадіей.

станія царь Свѧтславъ вступилъ въ переговоры съ Роккафортомъ, однимъ изъ ихъ предводителей, предлагая ему союзъ противъ Византіи и руку своей сестры, вдовы Чоки; но эти переговоры ничѣмъ не кончились (1308) [5]. Доведенные до крайности Византійцы спѣшили заключить съ Свѧтславомъ миръ, по которому за нимъ остались всѣ его завоеванія. Огромнымъ подвозомъ болгарскаго хлѣба Константинополь былъ тогда спасенъ отъ голода. Вторая половина 28-лѣтняго правленія Свѧтслава протекла въ мирѣ, отъ котораго Болгаре давно отвыкли.

Свѧтславъ не былъ единственнымъ властителемъ въ странѣ. На западѣ возсѣдалъ *Михаилъ* „dispoti Bulgarie, dominus de Vigdino" (Бдинъ), сынъ Шишмана и зять сербскаго короля Милутина. Подобно царю и бдинскій удѣльный князь состоялъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ Венеціей [6]). Съ Генуэзцами-же, владѣтелями Крыма и Чернаго моря, Свѧтславъ находился временно въ натянутыхъ отношеніяхъ. Республика запретила 22 марта 1316 г. своимъ подданнымъ останавливаться въ Созополѣ, въ другихъ болгарскихъ гаваняхъ и вообще во владѣніяхъ Свѧтслава, за то, что онъ не хотѣлъ вознаградить генуэзскихъ купцовъ за какіе-то грабежи, учиненные надъ ними Болгарами [7]). Хорошія отношенія къ Сербіи были поддержаны посѣщеніемъ Трнова королемъ Милутинымъ [8]). Съ Византіей Свѧтславъ также сблизился, женившись въ 1320 году на Ѳеодорѣ, внучкѣ Андроника II [9]).

---

[5]) Pachymeres II, 600—603; 606.

[6]) Списокъ дружественнымъ съ Венеціею князьямъ (1313) см. Ljubić, Monumenta spectantia hist. Slav. merid. Загребъ 1868, I, 192.

[7]) Грамота въ Monum. hist. patriae. Leges municipales. Augustae Taurinorum 1838 стр. 382.

[8]) Даніилъ 141: «и съ бльгарскимъ царемъ въ Трновѣ ставшусе ему».

[9]) Nicephorus Gregoras I, VIII, стр. 289.

Милутинъ скончался 29 октября 1320 года и ему наслѣдовалъ сынъ его *Стефанъ Урошъ III* съ своимъ соправителемъ „молодымъ королемъ" Стефаномъ Душаномъ [10]). Чрезъ короткое время окончилъ свою жизнь Свѧтославъ (1322). Воинственный сынъ и преемникъ его *Георгій Тертерій II* [11]) не замедлилъ воспользоваться вспыхнувшими тогда въ Византіи междоусобіями для нападенія на Родопу и занялъ Филиппополь, но вскорѣ спустя былъ разбитъ Андроникомъ младшимъ при Адріанополѣ. Годомъ спустя уже не стало этого юноши, послѣдняго потомка Тертерія (1323). Съ пресѣченіемъ его дома Болгарія сдѣлалась поприщемъ неимовѣрнаго безначалія. Города предбалканскіе отъ Месемвріи до Сливна сдались Византійцамъ. Въ долинѣ верхней Тунджи братомъ Свѧтослава *Войсиломъ* было основано независимое княжество съ резиденціей въ замкѣ *Копсисъ* въ Гьопской долинѣ, на южной сторонѣ Троянова прохода [12]). Ему были подвластны четыре городка, войско-же его состояло изъ 3000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ Андроникомъ младшимъ онъ началъ осаду Филиппополя, но полководецъ Тертерія II, русскій уроженецъ Иванъ, такъ храбро защищался, что послѣ четырехъ мѣсяцевъ союзники должны были отступить не достигши своей цѣли.

Между тѣмъ боляры избрали *Михаила* деспота Бдинскаго (1323—1330); съ нимъ начинается третья и послѣд-

---

[10]) Коронованъ 6 января 6829 (1321) г. инд. V. Грамота у Миклошича, Mon. serb. 90.

[11]) Написанное для него въ 6830 (1322) г. инд. V евангеліе хранится въ Хиландарскомъ монастырѣ. (Срезневскій, Памятн. Ю. С. письма 350): «великій царь Георгіе, сынъ великаго царя Свѧтслава».

[12]) Подробности у Кантакузина, I, 1·2 ed. Bonn. Βοϊσίλας не *Войславъ* (по аналогіи съ греческимъ именемъ: Στρατοκλῆς), но *Войсилъ* (Στρατοκράτος); имя это часто встрѣчается у южныхъ Славянъ: Воисиличъ болярииъ въ Босніи (Mon. Serb. 29), шесть Воисиловъ въ грамотѣ Призренской (Гласник XV). Воисилъ граматикъ 1279 (Гласник XX, 245). Область подвластная Воисилу была ἀπὸ Στίλβνου (Сливенъ) μέχρι Κόψεως.

няя династія царства трновскаго, бдинскихъ Шишмановичей. Новый царь тотчасъ собралъ войско, съ помощью Татаръ и Румыновъ, которые такъ усилились при воеводѣ *Иванко Басарабѣ* [13]), что могли отнять у Венгровъ северинскій банатъ. Прежде всего Михаилъ завоевалъ предбалканскіе города. Въ Филиппополь было отправлено подкрѣпленіе. Но когда Иванъ съ своими людьми привѣтствовалъ предъ городомъ подступавшихъ, греческіе граждане заперли за ними ворота и впустили византійскихъ воиновъ въ городъ съ другой стороны.

Горный князь Войсилъ противустоялъ цѣлый годъ царю Михаилу, пока неудовольствіе народа и недостатокъ подводъ не принудили его бѣжать въ Константинополь (весною 1324). Онъ вступилъ въ византійскую службу и является еще позже начальникомъ всадниковъ въ Македоніи. Затѣмъ царь Михаилъ опустошилъ всю Ѳракію до развалинъ древняго Траянополя близь устья Марицы. Когда наконецъ рѣшились въ Константинополѣ объявить Болгарамъ войну, явилось къ императорскому двору два Болгарина Грѣдъ и Панчя [14]) съ заявленіемъ отъ имени своего царя, что онъ прогналъ Анну, дочь Милутина, и женился на вдовѣ Святслава, дочери Андроника младшаго. Съ радостью былъ принятъ предложенный послами миръ. Между дворами сербскимъ и болгарскимъ удаленіе Анны вызвало натянутость

---

[13]) Войско ἐξ Οὐγκροβλάχων κατὰ συμμαχίαν, Кантакузинъ I, 175. Roesler, Rom. Studien, 295, сильно сомнѣвается въ тождествѣ этого *Bazarad'a* венгерскихъ источниковъ съ знаменитымъ впослѣдствіи родомъ влашскимъ *Басараба.* Но въ предисловіи къ законнику Душана (изд. Новаковичъ) стр. XXIII читается: «Басараба Иванко, тесть цара Александра» и въ двухъ сербскихъ грамотахъ 1349 и 1357 гг. воспрещается ввозъ оружія «въ Болгарію, Басарабину землю, Венгрію, Боснію и Грецію» (Miklosich, Mon. serb. 146, 164). Не слѣдуетъ смѣшивать позднѣйшаго *Александра* Басараба съ этимъ *Иванкомъ.*

[14]) Γρίδος καὶ Πάντζος. Панчѣ въ поменикѣ у Венелина. Влахоболг. грамоты.

отношеній, тѣмъ болѣе понятную со стороны Сербовъ, что отецъ Анны Милутинъ былъ защитникомъ Михаила, когда послѣдній былъ еще владѣтелемъ бдинскимъ. Впрочемъ споръ этотъ, который могъ сдѣлаться весьма опаснымъ для Сербовъ по причинѣ внутреннихъ ихъ распрей, былъ улаженъ по крайней мѣрѣ на время, благодаря посредничеству сербскаго епископа и лѣтописца Даніила [15]).

Еще въ 1321 г. началась гражданская война между Андроникомъ младшимъ и дѣдомъ его Андроникомъ старшимъ, борьба, нанесшая смертельный ударъ Византійской имперіи и проложившая путь Туркамъ. Въ 1327 году она возобновилась съ возрастающей силою. Южнымъ Славянамъ этотъ семейный раздоръ пришелся на-руку. Болгарскій царь помогалъ младшему императору, сербскій — старшему, каждый въ надеждѣ пріобрѣтенія византійскихъ замковъ и областей въ награду за свои услуги. Царь Михаилъ заключилъ въ Чрномени у Адріанополя съ Андроникомъ младшимъ выгодный наступательный и оборонительный союзъ, направленный вмѣстѣ съ тѣмъ прямо противъ Сербовъ.

Въ западной части имперіи Андроникъ младшій велъ войну съ большимъ успѣхомъ. Ему удалось подчинить себѣ Солунь, всю южную Македонію, Ѳессалію и даже Эпиръ и Албанцевъ. Среди этихъ побѣдъ его поразило въ апрѣлѣ 1327 г. извѣстіе, что дѣду его, уже готовому примириться, царь Михаилъ предложилъ себя въ союзники. И дѣйствительно бывшіе дотолѣ противниками условились уже втайнѣ касательно союзнаго договора. Царь Михаилъ сталъ съ болгарскими и татарскими полками у Діамполя (Ямболь), отрядивъ своего полководца русскаго Ивана съ 3000 всадниковъ въ слабо защищенный и голодавшій Константино-

---

[15]) Даніилъ 174, до смерти архіепископа Никодима, стало быть до 1325 года.

поль. Младшему императору могло тогда придти на мысль, что со стороны Болгаръ тутъ затѣялось смѣлое и коварное предпріятіе и распространившіеся слухи должны были укрѣпить его въ этомъ мнѣніи. Немедленно онъ оставилъ западъ и съ войскомъ своимъ поспѣшилъ на берегъ Понта. Безъ сомнѣнія полководцу Михаила было приказано овладѣть Константинополемъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ должно было казаться предпріятіемъ не слишкомъ труднымъ. Не довѣряя Грекамъ, императоръ хотѣлъ предоставить Болгарамъ дворцовую стражу; затѣмъ уже Иванъ занялъ бы городъ, послѣ чего Михаилъ, подступивши туда же ускореннымъ переходомъ, покончилъ-бы остальное. Казалось, что отважному Шишмановичу суждено было совершить то, къ чему тщетно стремились Симеонъ и Асѣнь II. Возмущенный гибелью, угрожавшей государству, молодой императоръ тайно отправилъ посла къ дѣду и умолялъ его, не пускать Болгаръ въ дворцы вооруженными въ большомъ числѣ, брать мѣры предосторожности за столомъ и окружить себя одними греческими тѣлохранителями. Старецъ хотя и отвѣтилъ внуку, что ему нечего о немъ заботиться, но совѣту его все-таки слѣдовалъ и впустилъ Ивана съ нѣкоторыми только всадниками на короткое время въ городъ. На разстояніи около 100 стадій предъ стѣнами расположились недалеко другъ отъ друга Иванъ и Андроникъ, оба жадно желавшіе завладѣть метрополіею востока. Такъ какъ миръ еще не былъ прекращенъ, то Андроникъ младшій пригласилъ къ себѣ Ивана и подчиненныхъ ему военачальниковъ, угостилъ и одарилъ ихъ, обѣщая имъ еще большіе дары, если только они воротятся домой. Одновременно онъ чрезъ своего посла жаловался царю на нарушеніе договора. Узнавъ тогда-же о поспѣшномъ прибытіи молодаго императора, Михаилъ убѣдился въ невозможности осуществленія своего плана. На самыхъ борзыхъ коняхъ

имъ были посланы вѣстники къ Ивану съ приказомъ немедленно возвратиться. послѣ чего болгарское войско спѣшило отступить изъ окрестностей Константинополя [16]).

Нѣсколько дней спустя, 24 мая 1328 года, Андроникъ III захватилъ врасплохъ Константинополь и низвергъ 70-лѣтняго старца. Черезъ четыре года старецъ умеръ въ монастырѣ. Обманутый въ надеждахъ, полагаемыхъ на междоусобія, царь Михаилъ въ томъ-же году началъ снова военныя дѣйствія, но послѣ нѣсколькихъ стычекъ считалъ благоразумнѣе примириться.

Между тѣмъ вражда между владѣтелями Болгаріи и Сербіи годъ отъ году увеличивалась, пока въ 1330 году не открылась между ними война, долженствовавшая быть рѣшительною для будущности обоихъ государствъ [17]). Главнымъ поводомъ все еще служило обхожденіе съ королевою Анной. Приготовленія начались въ Болгаріи. Получивъ объ этомъ свѣдѣнія, сербскій король воспретилъ 1 мая Венеціанцамъ провозъ соли въ Болгарію, не распространяя этого запрета на византійскую имперію [18]). Чрезъ нѣсколько дней присоединился къ Михаилу и Андроникъ III, отбившій недолго передъ тѣмъ Сербовъ отъ Охриды. Союзники надѣялись положить конецъ юному сербскому государству или его по крайней мѣрѣ существенно ослабить отнятіемъ разныхъ провинцій. а Михаилъ даже хвастался,

---

[16]) Cantacuzenus I, 56, 57, Gregoras IX, 5.

[17]) Главнымъ источникомъ для исторіи этой войны служитъ хроника сербскаго епископа Даніила († 1338) изд. Даничича 177—196. Ср. Кантакузинъ II, 21 и Никифоръ Григора IX, 12. Нѣсколько указаній находятся въ основной грамотѣ Дѣчанскаго монастыря 1330 г. (Miklosich, Mon. Serb. 100) и въ замѣткѣ при самомъ концѣ кодекса, написаннаго въ 1330 г. въ Лѣсновѣ (въ Овчеполѣ) (Гласник 16, 34). Ср. также древнее введеніе къ законнику Душана, изд. Новаковича, стр. XXIII. Краткія извѣстія находятся въ сербскихъ анналахъ Копривницкихъ (составл. 1371 — 1389); Šafařik. Pam. 53.

[18]) Ljubić, Monumenta I, 377.

что поставитъ свой престолъ во владѣніяхъ Стефана. Къ болгаро-греческому союзу приступили затѣмъ еще влашскій воевода Иванко Басараба, „черные Татары“ и „господство Яшское“ [19]). Въ Трновѣ въ теченіи весны собрались толпы Болгаръ, Румыновъ, Татаръ и Бесарабцевъ. Андроникъ перешелъ въ Македонію и остановился въ Пелагоніи, поджидая выступленія Болгаръ для одновременнаго нападенія съ двухъ сторонъ.

Король Стефанъ, извѣщенный въ своемъ замкѣ Породимлѣ у подошвы Люботрна о заключенномъ для его уничтоженія союзѣ двухъ могущественныхъ сосѣдей, былъ этимъ сильно потрясенъ. Въ послѣдній часъ послалъ онъ въ Трново ходатайствовать о мирѣ, но его посольство возвратилось безъ успѣха. Въ невозможности сопротивляться одновременно обоимъ врагамъ, Стефанъ хотѣлъ справиться во главѣ всѣхъ своихъ военныхъ силъ сначала съ однимъ изъ нихъ. Сербскіе „властеле“ съ своими дружинами собрались у соединенія Топлицы съ Моравою, на равнинѣ по нынѣ названной Добричь (стр. 42), классической почвѣ прежнихъ войнъ. Полагали, что Михаилъ, отправившійся въ свой родовой замокъ Бдинъ, ворвется оттуда чрезъ Нишъ. Получили однако извѣстіе, что царь отправился чрезъ Софію въ Македонію, очевидно, чтобы соединиться съ Андроникомъ. Стефанъ поспѣшилъ тогда немедленно на югъ и въ переходѣ останавливался въ основанныхъ его отцомъ монастыряхъ Нагоричинскомъ (у Куманова) и Сарандапорскомъ, чтобы подкрѣпить духъ въ молитвѣ. Михаилъ-же съ 15.000 войскомъ (въ томъ числѣ 3.000 Татаръ) изъ Софіи чрезъ ущелья верхней Струмы проникъ въ плодородную долину нынѣшняго Кюстендиля и расположился лагеремъ у сербскаго пограничнаго замка Землъна, развалины котораго

[19]) Введеніе къ законамъ Душана (*Ясы*, славянское названіе Алановъ). Черные Татары обитали въ Молдавіи; отъ Ясовъ теперь еще называется городъ Яссы.

можно видѣть и нынѣ въ дикомъ и частью недоступномъ струмскомъ оврагѣ, выше Кюстендиля [20]). Четыре дня опустошалъ онъ всѣ окрестности огнемъ и мечемъ, приказавъ даже уничтожить плодовыя деревья. Сербы стали лагеремъ при рѣчкѣ Каменчѣ, близъ Вельбужда (Кюстендиль). Два или три дня посылались вѣстники изъ одного лагеря въ другой; сербскій король медлилъ нарочно, выжидая прибытія нѣсколькихъ опоздавшихъ отрядовъ. Между тѣмъ болгарское войско, страдая недостаткомъ припасовъ, разбрелось для фуражировки.

Въ субботу 28 іюня 1330 года въ сербскомъ лагерѣ было большое оживленіе; всѣ готовились къ битвѣ. Болгаре разсѣялись далеко по окрестностямъ и Михаилъ, введенный въ заблужденіе продолжавшимися со стороны Сербовъ переговорами, не ждалъ въ этотъ день боя [21]). Въ полдень явились внезапно Сербы въ полномъ боевомъ строю. Въ срединѣ стояли 300 (по Никифору 1000) тяжело вооруженныхъ нѣмецкихъ всадниковъ. Латы, щиты и оружія сверкали въ лучахъ полуденнаго солнца; отъ ржанія лошадей и трубныхъ звуковъ воздухъ дрожалъ: сербскій король, объѣзжая на конѣ своихъ воиновъ, возбуждалъ въ нихъ храбрость. Все это произвело въ рядахъ Болгаръ ужасное смущеніе. Царь Михаилъ старался по возможности возстановить порядокъ въ своемъ войскѣ, но уже было поздно, при быстромъ натискѣ Сербовъ. Доблестно сражались непріятели копьями, мечами и стрѣлами и волны Струмы, на берегахъ которой происходила сильнѣйшая борьба, обагрились кровью. Во главѣ отборнаго отряда сражался 18-ти лѣтній князь Душанъ. Болгаре обратились въ бѣгство. Бое-

---

[20]) Земенско-Калесси на правомъ берегу Струмы, ок. 2 миль къ сѣверу отъ Кюстендиля (карта Гохштеттера у Петермана Mitth. 1872).

[21]) Кантакузинъ говоритъ, что условились о перемиріи на этотъ день, что Даніилъ, Никифоръ и др. проходятъ молчаніемъ. О днѣ см. Mon. Serb. 100.

вой конь царя споткнулся. самъ онъ упалъ на землю, сильно ушибся и былъ убитъ преслѣдовавшими его Сербами. Трупъ его поклали на лошадь и привезли къ королю [22]). Болгарскій лагерь былъ занятъ, боляры были плѣнены, простые же ратники были только обезоружены, а потомъ, какъ соплеменники и единовѣрцы, отпущены по домамъ. Высланные за фуражемъ Болгаре, видя бѣгство своихъ, старались спастись ближайшимъ путемъ. При заходѣ солнца поле битвы было покрыто трупами, такъ что погребеніе ихъ было дѣломъ не легкимъ. Однихъ язычниковъ Татаръ оставили не похороненными. Таковъ былъ исходъ знаменитой битвы при Вельбуждѣ.

Въ воскресенье, послѣ восхода солнца, къ королю приведены были прекрасные боевые кони и богатыя сокровища царя и боляръ; за ними слѣдовали боляры въ цѣпяхъ. Они еще не хотѣли вѣрить извѣстію о смерти ихъ государя. Когда-же король приказалъ показать имъ трупъ, они громко зарыдали. По ихъ просьбѣ покойный царь былъ похороненъ въ Нагоричинскомъ монастырѣ. Гонцы оповѣстили о побѣдѣ королеву Марію и епископа Даніила. На томъ мѣстѣ, гдѣ во время битвы стояла палатка короля, побѣдитель основалъ церковь Вознесенія Христа [23]).

Съ поля битвы Стефанъ отправился немедленно въ Болгарію, взявъ съ собой плѣнныхъ болярь для принятія ихъ замковъ. Во время перехода узнали въ Муракѣ, что Андроникъ, тотчасъ по полученіи извѣстія о сраженіи, опечаленный возвратился въ Адріанополь. Въ Изворѣ вышли на встрѣчу послы брата царя Бѣлаура, со всѣми вельможами, и передали побѣдителю царство, въ полной увѣренности присоединенія Болгаріи къ Сербіи. Но только Нишъ до-

[22]) Такъ по Даніилу. Кант. и Никиф. передаютъ, что онъ только чрезъ нѣсколько дней умеръ въ плѣну отъ ранъ.

[23]) Сербскія лѣтописи XV стол. (Šaf. Pam. 61).

стался, кажется, тогда Сербамъ [24]). Король возвратился домой, пославъ небольшой отрядъ въ Трново, куда имъ приведена была обратно царица Анна, заключенная дотолѣ гдѣ-то въ Болгаріи, и гдѣ сынъ ея (Стефанъ или Шишманъ II [25]) былъ провозглашенъ царемъ. Соперница Анны, греческая царица спаслась поспѣшнымъ бѣгствомъ.

Возвратившись побѣдоносно изъ Болгаріи, Сербы послѣ краткаго отдыха вторглись въ Македонію, гдѣ заняли Велесъ, Просѣкъ и Штипъ.

Болгаро-греческій союзъ былъ разорванъ и могущество болгарской державы было навсегда сокрушено. Съ той поры главную роль на полуостровѣ играли Сербы.

[24]) Въ 1279 г. Нишъ принадлежалъ еще Болгарамъ, ибо по современной замѣткѣ (см. въ гл. XVIII, пр. 21) въ Сврлигѣ епископъ нишскій упоминается вмѣстѣ съ царемъ Ивайломъ. Въ войнѣ 1330 г. сербскія войска были собраны королемъ не въ Нишѣ, но болѣе къ западу за Моравою. По приходѣ же Турокъ Нишъ принадлежалъ Сербамъ.

[25]) Стефанъ у Даніила, Шишманъ у Кантакузина. Можетъ быть оба имена правильны: Стефаномъ онъ могъ называться по дѣду съ материнской, а Шишманомъ по дѣду-же — съ отцовской стороны.

Глава XX.

Найбольшее возвышеніе сербскаго государства.

Сербія при Стефанѣ Душанѣ (1331—1355), какъ первая держава на полуостровѣ. — Болгарскій царь Іоаннъ Александръ (1331—1365). — Расширеніе сербскаго и болгарскаго государствъ во время византійскихъ междоусобій. — Турки въ Европѣ (1353).

Всего нѣсколько мѣсяцевъ тѣшилъ себя король Стефанъ Урошъ III своими побѣдами надъ Болгарами и Греками. Еще въ своей ранней юности продержанный при дворѣ Ногая заложникомъ, а позже ослѣпленный и сосланный своимъ отцомъ въ Константинополь за возмущеніе, несчастный князь дожилъ на исходѣ своей жизни до ужасныхъ дней. Воинственное дворянство, недовольное его набожнымъ и миролюбивымъ характеромъ, возмутилось и провозгласило королемъ пылкаго принца Душана. Шестидесятилѣтній старецъ былъ осажденъ въ замкѣ Породимлѣ или Неродимлѣ, развалины котораго и теперь еще видны на Нередимкѣ у подошвы Шара, и при попыткѣ бѣгства былъ пойманъ и задушенъ [1]) въ замкѣ Звечанѣ, который

[1]) Ср. Nicephorus Gregoras у Stritter'a II, 234, вѣрноподанныя и лестныя фразы Даніила 207 и сл. и легенду о св. «крали Дѣчанскомъ» (Стефанъ Урошъ III основалъ знаменитый Дѣчанскій монастырь) Цамблака (Гласник XI). Годъ вступленія на престолъ Душана опредѣлилъ Иларіонъ Руварацъ. Rad. XIX. 180.

возвышается среди Косова поля, при сліяніи Ибара и Ситницы. Вскорѣ Стефанъ Душанъ, вѣнчанный 8-го сентября 1331 года королемъ, взволновалъ все пространство отъ Савы до Аөинъ.

Одновременно обнаружились безпорядки и въ Болгаріи. Императоръ Андроникъ, чтобы отомстить за изгнаніе своей сестры, занялъ подбалканскіе города отъ Тунджи до моря, Діамполь (Ямболь), Росокастронъ, Ктенію, Айтосъ, Анхіалъ и Месемврію. Уже бродившее недовольство правленіемъ сербской царицы обратилось вслѣдствіе этого несчастнаго случая въ открытый мятежъ. Весною 1331 года возстали два высшихъ сановника протовестіаръ Раксина и логоөетъ Филиппъ. Анна бѣжала въ Сербію, а юный Шишманъ II къ Татарамъ. Въ цари былъ избранъ племянникъ царя Михаила и зять румынскаго князя Иванки Басарабы *Іоаннъ Александръ*, который прибавилъ къ своему имени прозвище *Асѣня* [2]). Онъ выдалъ замужъ сестру свою Елену за одновременно вступившаго на престолъ сербскаго короля, при которомъ она играла такую-же важную роль, какъ нѣкогда франкская Елена, мать Милутина, конечно, въ противоположномъ восточномъ направленіи.

Царица Анна проводила дни своего изгнанія въ Дубровникѣ, при щедрой поддержкѣ своихъ родственниковъ, неаполитанскихъ Анжу [3]). Шишманъ II отправился изъ татарскихъ владѣній въ Константинополь, а оттуда въ Италію, гдѣ онъ и поселился въ Неаполѣ, подъ именемъ Людовика.

[2]) Cantacuzenus ed. Bonn. I. 431. II. 26. Gregoras IX 13. О Басарабѣ (ср. стр. 383) смотри Законникъ Душана, изд. Novaković XXIII. Асѣнь: «Іоана прѣизаштнаго царѣ Блъгаромъ Асѣнѣ Александра». Переводъ хроники Манассія (Пер. Спис. II. 62). Τοῦ βασιλέως τῶν Βουλγάρων κυρ Ἰωάννου Ἀλεξάνδρου τοῦ Ἀσάνη. грам. 1355. Раковскій, Асѣнь 101. О Бдинскихъ Шишмановичахъ ср. также хорошую статью «Србски Комнени» (Константина Николаевича) Гласник XII. 454—472.

[3]) Макушевъ, Итал. архивы II. 29, 30 64 (1337—1346). Hopf 442.

Въ 1363 г. онъ вмѣстѣ съ однимъ болгарскимъ епископомъ попался въ плѣнъ [4]) при Сіенѣ, во время одной междоусобной войны, и умеръ въ 1373 году въ Неаполѣ [5]).

Такъ какъ Александръ былъ свойкомъ Душана и зятемъ Басарабы, то изъ этой семейной связи образовалась коалиція трехъ негреческихъ континентальныхъ державъ полуострова, обращенная столько-же противъ Венгровъ, сколько и противъ Византійцевъ. Басараба одержалъ побѣду надъ венгерскимъ королемъ Карломъ I въ страшномъ сраженіи въ лѣсистыхъ болотахъ Валахіи (осенью 1330 года). Александръ, несмотря на то, что принужденъ былъ дома бороться съ своимъ дядей Бѣлауромъ, напалъ на Византійцевъ и принудилъ ихъ послѣ побѣды, одержанной между Айтосомъ и Росокастрономъ въ 1333 году, къ миру, который и былъ заключенъ въ послѣднемъ городѣ. Діамполь и остальные города были возвращены Болгарамъ, а миръ былъ позже скрѣпленъ женитьбой его сына Михаила Асѣня на дочери Андроника Маріи [6]).

Непреодолимы были успѣхи сербскаго короля. Въ продолженіи десяти лѣтъ онъ отнялъ у Византійцевъ всю Македонію и Албанію. Уже въ первые три года его царствованія были ему подчинены [7]) Охрида, Прилѣпъ, въ которомъ онъ построилъ царскій дворецъ, Касторія, Струмица, Хлѣринъ (теперь Леринъ или Флорина), Желѣзнецъ (тур. Демиргиссаръ, къ сѣверу отъ Преспы) и Воденъ, слѣдовательно вся западная Македонія. Распространеніе сербскаго могущества въ Албаніи и Эпирѣ ускорили происходившіе тамъ смуты. Вступившая на престолъ въ Эпирѣ итальянская династія графовъ Кефаленскихъ, на мѣсто греческой Ангело-

---

[4]) Annales Siennenses. Pertz, Mon. Germ. XIX, 233.
[5]) Muralt, Chron. byz. II, 699.
[6]) Stritter II, 842—852. Cantacuzenus I. 458—470, 504.
[7]) Даніилъ 224—226.

Комниновъ, своими дикими семейными раздорами предала страну въ руки Византійцевъ, а Сербамъ удалось безъ особеннаго труда отнять ее у послѣднихъ. Другимъ слѣдствіемъ этихъ распрей было новое переселеніе народовъ. Горцы Албаніи, воинственный пастушескій народъ, привлеченные раззореніемъ и смятеніемъ, которыя Франки и Греки производили своими постоянными раздорами, спустились съ своихъ негостепріимныхъ горъ въ прекрасныя долины. Вся Ѳессалія до замковъ, занятыхъ Греками или Каталанами, была ими такъ сильно разграблена, что Каталаны призвали даже на помощь сицилійскаго короля. Колѣна Малакасіевъ, Месаретовъ и Буа, числомъ болѣе 12.000 человѣкъ, утвердились на ѳессалійскихъ горныхъ отлогостяхъ. Хотя въ 1335 г. они и покорились Андронику, но только для того, чтобы не умереть зимой съ голоду. Даже ужасный разбойническій походъ, предпринятый въ 1337 году турецкими наемниками, бывшими на службѣ у Византійцевъ, въ горы около Берата, не могъ сокрушить силы неукротимыхъ горцевъ. Вскорѣ албанскія колоніи наемниковъ наводнили опустошенную Элладу и стали въ ней черезъ нѣсколько лѣтъ самымъ могущественнымъ элементомъ [8]). Когда Душанъ ворвался въ 1336 году въ Албанію, то сѣверные Албанцы покинули какъ домъ Анжу, такъ и римскую церковь и примкнули къ Сербамъ. Уже въ 1337 году сербскія знамена развѣвались на зубчатыхъ стѣнахъ Валоны и Канины [9]). Іоаннъ Асѣнь Комнинъ, братъ болгарскаго царя, сталъ тамъ намѣстникомъ Душана: онъ женился на Аннѣ, послѣдней эпирской деспотинѣ Гречанкѣ, отравившей своего перваго супруга. Во все время сербскаго владычества Анжу были въ состояніи удержаться только въ Драчѣ.

---

[8]) Hopf 422, 440—442, Hahn, Alb. Stud. I, 316, Muralt, Chronologie byz. II, 538—539.

[9]) Hopf 429, 446.

Въ такомъ положеніи были дѣла на западѣ. На востокѣ византійская имперія такъ низко пала, что Османы изъ Виѳиніи, находившейся съ 1340 года во власти султана Орхана, подобно лидійскимъ и іонійскимъ Туркамъ, распространили свои разбойническіе набѣги также и на Ѳракію и угрожали ближайшимъ окрестностямъ Константинополя [10]).

15 іюня 1341 года умеръ *Андроникъ III* и оставилъ правленіе своему малолѣтнему сыну *Іоанну V Палеологу* подъ опекой императрицы Анны Савойской. Великій доместикъ и правитель *Іоаннъ Кантакузинъ*, ученый и храбрый, но въ высшей степени честолюбивый человѣкъ, домогался короны. Интриги женщинъ и придворныхъ любимцевъ произвели страшное безначаліе, а когда потомъ распри партій послѣ многихъ лѣтъ прекратились, государство было уже безвозвратно потеряно. Уже одно извѣстіе о смерти Андроника привело въ движеніе всѣхъ враговъ государства. Душанъ сталъ предъ Солунемъ. Александръ требовалъ выдачи своего смертельнаго врага Шишмана II, бывшаго тогда въ Константинополѣ, и угрожалъ объявленіемъ войны. Но Кантакузинъ велѣлъ передать ему, что онъ отправитъ Шишмана съ военными кораблями вверхъ по Дунаю въ Бдинъ, гдѣ послѣдній имѣлъ еще многихъ приверженцевъ, и кромѣ того пошлетъ отрядъ турецкихъ наемниковъ въ Болгарію. Чтобы воспрепятствовать началу новыхъ междоусобій, царь поспѣшилъ возобновить миръ [11]).

Уже 26 октября явился Кантакузинъ въ Дидимотихонѣ на Марицѣ анти-императоромъ. Граждане Адріанополя, не желавшіе примкнуть къ нему, призвали на помощь царя Александра. Когда послѣдній съ полной готовностью принялъ ихъ приглашеніе, Греки объявили ему, что они же-

[10]) Zinkeisen. Geschichte des osman. Reiches I. 190.

[11]) Cantacuzenus и Nicephorus у Stritter'a II, 853 и сл.

лаютъ его имѣть своимъ союзникомъ, а не повелителемъ. Недовольный этимъ Болгаринъ разграбилъ всю нижнюю Ѳракію и только зимою заключилъ съ Кантакузиномъ миръ. Впрочемъ, мысль предаться энергическому и могущественному владѣтелю Болгаріи и Сербіи была не чужда умамъ многихъ знатныхъ лицъ, въ виду тогдашняго анархическаго положенія въ Константинополѣ.

При дальнѣйшемъ ходѣ междоусобной войны Кантакузинъ увидѣлъ себя принужденнымъ отправиться на западъ, гдѣ онъ въ Ѳессаліи и Мореи имѣлъ наиболѣе всего приверженцевъ. Онъ нашелъ себѣ друга также въ сербскомъ князѣ *Хрелѣ*, который, подобно тому какъ нѣкогда Стрѣзъ и Славъ, основалъ въ Македоніи независимое государство съ столицею въ Струмицѣ. Этотъ Хрелья, воспѣтый Сербами подъ именемъ *Реля* какъ одинъ изъ числа героевъ окружавшихъ Душана, былъ при Милутинѣ, Стефанѣ Урошѣ III и Душанѣ протосевастомъ [12]) и начальствовалъ надъ отрядомъ, расположеннымъ въ Македоніи, пока, неизвѣстно какъ и для чего, не отложился отъ Душана съ 1000 чел. и тремя городами. Черезъ нѣсколько лѣтъ „кесарь Хреля" опять примирился со своимъ королемъ и умеръ въ 1342 г. Передъ смертью онъ далъ обѣтъ монашества и былъ погребенъ въ Рыльскомъ монастырѣ подъ именемъ „монаха Харитона". Еще и теперь можно видѣть тамъ его надгробный камень [13]) и выстроенную имъ башню, „Релина кула".

Безпрерывныя бѣдствія принудили Кантакузина въ 1342 году отправиться въ Сербію искать покровительства и гостепріимства у Душана. Его супруга Ирина, заключенная въ Дидимотихонѣ, призвала между тѣмъ на помощь бол-

---

[12]) Miklosich. Mon. serb. 64. Григоровичъ. Путеш. 49.

[13]) Гласник VII. 182—184. Кесарь въ табели ранговъ византійскихъ придворныхъ титуловъ четвертый послѣ императора.

гарскаго царя и обѣщала ему, въ случаѣ смерти мужа, уступить городъ, хотя это обѣщаніе имѣло цѣлью только устрашить константинопольскую партію. Александру-же хотѣлось во что бы ни стало завладѣть этимъ важнымъ мѣстомъ. Кантакузинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что царь убѣдительно ходатайствовалъ въ то время въ своихъ письмахъ предъ Душаномъ и Еленой о заточеніи или умерщвленіи греческаго анти-императора, который былъ въ то время у нихъ въ гостяхъ и находился подъ ихъ покровительствомъ; этимъ византійская имперія легко могла-бы перейти во власть союзныхъ Сербовъ и Болгаръ. Но Душанъ и его супруга съ негодованіемъ отвергли эти предложенія, вслѣдствіе чего турецкій другъ Кантакузина Омарбегъ изгналъ вскорѣ Болгаръ изъ окрестностей Дидимотихона.

Тѣмъ не менѣе Александру удалось значительно и на долго расширить свои границы. Городъ Филиппополь, замки Цѣпина, Кричимъ, Перуштица, св. Юстина, Станимакъ, Воденъ и Айтосъ съ Козникомъ, всѣ въ Родопѣ [14]), были вознагражденіемъ за ту помощь, которую обѣщалъ оказать въ 1344 г. болгарскій царь императрицѣ Аннѣ противъ Кантакузина, но которой на дѣлѣ почти совсѣмъ не оказалъ. Названныя области были навсегда потеряны для Византійцевъ; но это было также послѣднимъ расширеніемъ болгарскаго царства. Вторженіе, произведенное Александромъ въ область Морру въ долинѣ Арды было отражено Кантакузиномъ.

Между тѣмъ прекратилась также дружба Душана съ Кантакузиномъ. По совмѣстному занятію обоими Македоніи можно было вскорѣ замѣтить, что планы союзниковъ не могли согласоваться; каждый хотѣлъ увеличить наиболѣе

---

[14]) Кантакузинъ II, 406. О мѣстоположеніи этихъ замковъ см. Heerstrasse, 96.

свое государство, отчего и Кантакузинъ не могъ спокойно смотрѣть на быстрое распространеніе сербскаго могущества.

Весною 1344 года Кантакузинъ склонилъ къ себѣ на службу извѣстнаго предводителя шайки *Момчило.* Этотъ человѣкъ, Болгаринъ по происхожденію, велъ съ юности полную приключеній жизнь гайдуковъ. Нѣкоторое время служилъ онъ въ византійскомъ войскѣ, потомъ оставилъ эту службу и бродилъ во главѣ сильнаго отряда по болгаро-греческой границѣ. выискивая себѣ по обѣ стороны добычи. Когда-же пограничная стража обоихъ государствъ сообща преслѣдовала его. онъ бѣжалъ въ Сербію. Но и тамъ ему не понравилось, потому что когда до него дошло извѣстіе объ успѣхахъ Кантакузина въ Родопѣ. онъ оставилъ знамена Душана и предложилъ свои услуги анти-императору. Около 5000 Сербовъ и Болгаръ, привлеченныхъ его славой. собрались вокругъ витязя. тѣмъ болѣе. что Кантакузинъ назначилъ его намѣстникомъ области Меропской (въ южной Родопѣ). Вскорѣ однако Момчило замѣтилъ. что при господствующихъ смутахъ ему выгоднѣе будетъ преслѣдовать свои цѣли самостоятельно. Онъ отложился отъ Кантакузина. сжегъ въ Полистилонѣ (древней Абдерѣ. нынѣ Балустрабурунъ, между устьемъ Месты и заливомъ Лагосскимъ) суда его турецкихъ союзниковъ и напалъ на самаго Кантакузина въ его лагерѣ, близъ мосинопольскихъ развалинъ. когда все было погружено въ послѣобѣденный сонъ; Греки, сражаясь. едва спаслись въ недалекую Кумуцену (теперь Гюмюрджина). Въ нѣсколько недѣль всадниками Момчила была разграблена Халкидика. вся Меропа обложена. и вся страна до границъ Морры занята. Искатель приключеній. устроившій въ Ксанѳіи у южной подошвы Родопы свою резиденцію, поставилъ себя такъ высоко. что императрица Анна пожаловала ему титулъ деспота, а Кантакузинъ — еще высшій титулъ севастократора.

Послѣ покоренія всей Ѳракіи, Кантакузинъ рѣшился лѣтомъ 1345 года въ союзѣ съ Омарбегомъ, владѣтелемъ Смирны энергически выступить противъ Момчила. Момчило отступилъ предъ ними къ укрѣпленному городу Периѳеоріону (нынѣ Буру-Кале) при сѣверной оконечности лагуны Лагосской (Бурýгюлъ) и требовалъ у тамошнихъ горожанъ, чтобы они впустили его въ ворота. Греки-же хотѣли прежде выждать исхода борьбы; но чтобы, въ случаѣ Момчило одержитъ верхъ, не быть изрубленными, они впустили только его племянника Райко съ 50 людьми. Между тѣмъ Византійцы и Турки съ барабаннымъ боемъ и трубными звуками окружили Момчила. Началась кровопролитная битва. 4000 всадниковъ Момчила были оттѣснены въ пылу сраженія къ стѣнамъ города, гдѣ они вслѣдствіе тѣсноты сошли съ лошадей и потомъ должны были уже сражаться пѣшими. Подобно львамъ сражались они, безпрестанно поражаемые стрѣлами Турокъ. Райко-же и горожане были простыми зрителями съ башень и стѣнъ Периѳеоріона. Тогда смертельно пораженный Момчило палъ, послѣ чего небольшой остатокъ воиновъ сейчасъ-же положилъ оружіе. Говорятъ, самъ Кантакузинъ проливалъ слезы надъ трупомъ героя, еще часъ тому назадъ наводившаго такой ужасъ.

Съ поля битвы Византійцы тотчасъ-же отправились въ Ксанѳію, гдѣ еще не было никакихъ извѣстій о сраженіи. Приверженцы Момчила, смерть котораго была оплакиваема столькими родственниками и друзьями, сдались безъ всякаго сопротивленія; жену Момчила, Болгарку, Кантакузинъ великодушно отпустилъ на родину со всѣмъ ея имуществомъ.

Еще разъ встрѣчается намъ историческій оригиналъ одного изъ героевъ, воспѣваемыхъ еще и нынѣ въ народныхъ пѣсняхъ Сербовъ и Болгаръ. Подобно метеору появившійся и послѣ кратковременнаго величія снова исчез-

нувшій исполинскій образъ Момчила произвелъ, кажется, глубокое впечатлѣніе на южныхъ Славянъ. Въ древнѣйшихъ сербскихъ лѣтописяхъ читается: „Въ лѣто 6869 (1361) погыбъ Момьчило периторьскый“: правда, годъ означенъ ошибочно; память-же о Момчилѣ сохранилась въ Пиротѣ и въ герцеговинскомъ Пирлиторѣ, куда, по созвучію именъ, поприще саги было перенесено изъ павшаго въ забвеніе приморскаго Перитора [15]).

Послѣ паденія Момчила является другой Болгаринъ, который съ бóльшимъ успѣхомъ вмѣшался въ споры за престолъ, терзавшіе Византію. Въ 1346 г. императрица Анна обратилась съ требованіемъ пособія къ одному изъ могущественнѣйшихъ бояровъ болгарскихъ Балику, который имѣлъ свою резиденцію въ Карбонѣ (нынѣ Балчикъ) и по происхожденію былъ Куманъ. Баликъ послалъ ей 1000 чел. подъ начальствомъ братьевъ Өеодора и Добротича, которые покорили для императрицы греческіе города на өракійскомъ берегу Понта. Въ награду Добротичъ получилъ руку дочери мегадукса Апокавка, но затѣмъ, когда съ войскомъ императрицы напалъ на Силимврію, былъ пораженъ Факрасесомъ, полководцемъ Кантакузина. Потомъ уже онъ укрѣпился въ Мидіи и съ отрядомъ партизановъ нападалъ на города, державшіе сторону Кантакузина. Антиимператоръ въ свою очередь осаждалъ его въ Мидіи, въ

[15]) См. записки Кантакузина и другаго современника Никифора Григоры. Въ замѣткѣ сербскихъ лѣтописей по тексту обнародованному Ягичемъ (Archiv für Slav. Phil. II. 94). Позднѣйшіе тексты (Šafařik, Pam. 74) убіеніе «храбраго Момчилы» приписываютъ султану Осману. Мавро Орбини превратилъ годъ въ 1370-й, а имя — въ Притъ: Гопфъ (Т. 86, стр. 42) объявилъ, что Момчило Притскій Орбини былъ албанскій князь Гинъ I Мусаки Бератскій. Въ хроникѣ Паисія (1762) Периторъ превращенъ въ балканскій городокъ Пирдопъ. Современную замѣтку о Момчилѣ, найденную будто-бы В. Чолаковымъ въ рукописи въ Пирдопѣ (печат. въ Читалиште 1874, 274) я считаю грубой поддѣлкой.

1348 году, но безъ успѣха. Наконецъ Добротичъ, какъ послѣ увидимъ, сталъ еще могущественнѣе въ самой Болгаріи [16]).

Стефанъ Душанъ, взявшій послѣ долгой осады Сересъ, торжественно вѣнчался въ 1346 году въ Скопіи *царемъ Сербовъ и Грековъ.* Своего-же сына Уроша онъ назначилъ королемъ (кралемъ). Незадолго передъ этимъ онъ, съ одобренія обоихъ славянскихъ патріарховъ Трнова и Охриды, поставилъ архіепископа Іоанникія *сербскимъ патріархомъ.* Коронація была совершена Іоанникіемъ съ Симеономъ, трновскимъ патріархомъ [17]). На этотъ поступокъ могущественнаго сербскаго князя отвѣтили въ Константинополѣ пустыми проклинаніями. Тогда Душанъ хотѣлъ идти противъ самой Византіи и тамъ утвердить свой престолъ, но онъ никакъ не могъ склонить Венеціанцевъ, бывшихъ всегда его преданными друзьями, къ разрыву съ Византійцами.

При Душанѣ сербское государство достигло высшей степени своего развитія. Отъ Арты до Бѣлграда, отъ далматинскихъ скалистыхъ береговъ до Месты простиралось его могущество. Въ Македоніи Византійцы удержались только въ Солунѣ. Въ завоеванныхъ странахъ, замки которыхъ были заняты и жители которыхъ были подчинены сербскимъ начальникамъ, Душанъ утвердилъ повсемѣстно прежнія привилегіи и пожалованья греческихъ императоровъ. Вообще большая часть сохранившихся грамотъ южныхъ Славянъ относятся ко времени Стефана, единодержавнаго царя Сербовъ и Грековъ, Болгаръ и Албанцевъ [18]). На могущественное возвышеніе государства указываетъ намъ цвѣтущее состояніе торговли, центрами которой были го-

[16]) Cantacuzenus II. 584, III. 62.

[17]) Продолжатель Даніила 378, 380. Введеніе къ законнику XXV. Грамота 3-го марта 1346 г., Ljubić, Mon. II. 326.

[18]) Miklosich, Mon. serb. 132.

рода Скопье, Новое Брдо, Призренъ и Которъ; въ этихъ богатыхъ городахъ были факторіи и магазины Венеціанцевъ, Дубровчанъ и Саксонцевъ. Неоцѣненною заслугою царя было составленіе свода законовъ [19]) (1349) изъ старыхъ правилъ народнаго права и постановленій предшествовавшихъ королей.

Болгарскій царь Александръ вполнѣ зависѣлъ въ своей политикѣ отъ Душана: его сестра была супругой сербскаго царя, его братъ былъ губернаторомъ послѣдняго въ Албаніи. Частыя свиданія служили для укрѣпленія этихъ дружескихъ отношеній [20]).

Враждою Славянъ и Грековъ, проявившейся съ новой силой во время послѣднихъ завоевательныхъ войнъ, Римъ хотѣлъ воспользоваться для возобновленія переговоровъ объ уніи. Но постоянно прерываемые и возобновляемые переговоры папы съ Душаномъ, точно такъ-же, какъ и предложенія Александру (1337 г.), имѣли обычный исходъ [21]). Впрочемъ тогда на востокѣ дѣла были въ такомъ положеніи, что случаи перехода въ православіе среди Латинянъ Константинополя и Мореи были не рѣдки.

Упадокъ Византіи началъ принимать ужасающіе размѣры. Турецкіе малоазіатскіе князья являлись покровителями и союзниками византійскихъ партій. Кантакузинъ пользовался помощью *Омарбега*, владѣтеля Смирны и Айдина, подданные котораго производили изъ года въ годъ сильнѣйшіе морскіе разбои на Эгейскомъ морѣ и при этомъ безпрерывно налагали на острова и берега контрибуціи.

---

[19]) Изданъ Шафарикомъ (Památky), Миклошичемъ, Новаковичемъ (Бѣлградъ 1870) и Зигелемъ съ коментаріемъ (Петербургъ I, 1872).

[20]) Это однако не помѣшало Душану распространить всеобщее запрещеніе провоза оружія черезъ Сербію, также и на опредѣленный провозъ оружія въ Болгарію (Mon. serb. 146). Въ 1352 г. Александръ заключилъ торговый договоръ съ Венеціей. Ljubić, Mon. slav. merid. III. 246—248.

[21]) Theiner. Mon. Hung. I. 617.

Императрица Анна пріобрѣла себѣ въ союзники *Орхана*, османскаго султана въ Виѳиніи, а когда этотъ послѣдній былъ удаленъ [22]) отъ ней Кантакузиномъ, то она призвала *Сарукана*, лидійскаго владѣтеля. Не обращая вниманія на то, что принадлежало въ восточной Ѳракіи императрицѣ, или Кантакузину, или даже Болгарамъ, эти турецкіе союзники превратили страну въ страшную пустыню. Люди, стада и посѣвы исчезли. О сборѣ податей нечего было и думать; нужно было прибѣгнуть къ долгамъ и церковнымъ сокровищамъ. Ко всеобщимъ бѣдствіямъ присоединилась восьмилѣтняя война между Венеціанцами и Генуэзцами; торговля погибла и въ виду Константинополя происходили кровопролитныя морскія сраженія. Сверхъ того распространилась зараза, отъ которой погибло большинство населенія Константинополя. По истинѣ печальна была побѣда, когда Кантакузинъ ворвался, ночью 2 февраля 1347 года, чрезъ Золотыя ворота въ городъ Константина [23]). Изгнанный Іоаннъ V Палеологъ избралъ своей резиденціею г. Эносъ при устьѣ Марицы, чтобы продолжать оттуда съ помощью Славянъ борьбу за престолъ. Душанъ покорилъ между тѣмъ всю Ѳессалію и Эпиръ съ Акарнаніей; въ 1349 году сербскія знамена развѣвались предъ венеціанской крѣпостцей Птеліономъ, противъ Эвбеи [24]).

Болгарія тоже страдала тогда отъ разбойничьихъ походовъ Турокъ, которые, когда имъ нечего уже было брать въ южной византійской Ѳракіи, опустошали ежегодно сѣ-

---

[22]) Кантакузинъ далъ Орхану въ жены свою дочь, которая даже въ гаремѣ осталась вѣрна христіанству. Часто имѣлъ онъ обыкновеніе приводить библейскія слова: Λοιπὸν καλέσω τὰ ἔθνη καὶ ἐμὲ δοξάσουσι, я буду призывать народы, а они будутъ прославлять меня. Nic. Greg. XXVII c. 30 ed. Bonn. 151.

[23]) Zinkeisen I. 194 сл Hopf 443 сл.

[24]) Hopf 476.

верную (болгарскую). Еще болѣе, чѣмъ славянскія, страдали тамошнія греческія поселенія, такъ какъ въ послѣдніе годы множество Грековъ переселялось въ болгарскую область [25]). Деревни были опустошены, стада угнаны, жители уведены въ Азію. Когда въ 1351 году Александръ жаловался Кантакузину, съ которымъ онъ давно жилъ въ мирѣ, на набѣги его союзниковъ, то императоръ отвѣчалъ, что это случалось противъ его воли; впрочемъ настоящимъ виновникомъ этого былъ Душанъ, потому что противъ него пришлось призвать Турокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ Александру союзъ противъ Турокъ, если только онъ хотѣлъ участвовать въ снаряженіи военныхъ кораблей, для охраненія Геллеспонта, ибо онъ уже предвидѣлъ тѣ планы, которые должны были родиться у его союзниковъ, вслѣдствіе частаго скитанія по Европѣ. Когда-же византійскіе послы прибыли съ этими предложеніями въ Трново въ праздникъ и когда Александръ проѣзжалъ верхомъ съ ними по улицамъ, то, говорятъ, народъ всюду встрѣчалъ его криками, чтобы онъ возможно скорѣй заключилъ миръ съ Кантакузиномъ, иначе они всѣ погибли-бы подъ мечами варваровъ. Царь перевелъ посламъ слова народа и выразилъ свою готовность участвовать въ расходахъ по снаряженію флота. Душанъ-же замѣтилъ ему, чтобы онъ не платилъ дани Грекамъ. Александръ не замедлилъ послѣдовать этому совѣту. Раздраженный этимъ Кантакузинъ предсказалъ ему, какъ говорятъ, предстоящую побѣду варваровъ [26]). Въ слѣдующемъ году (1352) Душанъ и Алек-

---

[25]) Nicephorus Greg. XXVI cap. 53 и 54, ed. Bonn. p. 118 ποῖα πεμαν πρὸ ἐτῶν οὐ μάλα μακρῶν ἐκεῖ μετοικήσαντες. Эти слова пропущены въ небрежномъ латинскомъ переводѣ Боннскаго изданія.

[26]) Cantacuzenus у Stritter'a 878 и сл. Неясное упоминаніе объ этомъ находится въ румынской хроникѣ, которую издалъ Григоровичъ въ ст. О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ

сандръ, не перестававшій видѣть въ турецкихъ набѣгахъ интриги Кантакузина, отправили императору Іоанну V Палеологу сильное вспомогательное войско, которое однако было неожиданно настигнуто и разсѣяно 10.000 турецкихъ всадниковъ въ безлѣсной равнинѣ у Дидимотихона [27]).

Однажды ночью 1353 года сынъ Орхана Сулейманъ переправился съ небольшимъ отрядомъ чрезъ Геллеспонтъ и напалъ на прибрежный замокъ Цимпе (теперь Джеменликъ), почти въ двухчасовомъ разстояніи отъ Каллиполя. Здѣсь впервые Турки утвердились въ Европѣ, и уже потомъ никто не могъ изгнать ихъ обратно. Вскорѣ послѣ этого, 2 марта 1354 г., случилось страшное землетрясеніе на берегахъ Пропонтиды: стѣны и дома разрушались и погребали жителей подъ своими развалинами [28]). Турецкія шайки скитались тамъ и разрывали, расхищая, свѣжія развалины. Каллиполь, ключъ къ Константинополю, Трапезунту и Каффѣ, подпалъ власти Турокъ. Прошло немного времени и османское государство расширилось до береговъ Марицы. Опустѣлыя деревни заселились азіатскими колонистами, а города — турецкими дворянами. Константинополь наполнился бѣглецами изъ Ѳракіи; лишенные куска хлѣба крестьяне просили подаянія на улицахъ; смущеніе и тоска овладѣли сердцами въ сильно угнетенномъ государствѣ Палеологовъ [29]).

въ XIV и въ XV стол. Казань 1859. дополненіе стр. 1—45. Кантакузинъ просилъ, будто-бы, помощи у князей сербскихъ и у царя Александра противъ Турокъ. Они же отвѣчали: «защищайся, какъ можешь». Онъ отправилъ второе посольство съ замѣчаніемъ, чтобы они оказали помощь, иначе они вскорѣ раскаятся въ своемъ поступкѣ. Но они сказали: «Когда Турки дойдутъ до насъ, то мы съумѣемъ отразить ихъ».

[27]) Cantacuzenus ib. 331, 880.

[28]) Виз. лѣтописи, составл. въ 1391 г. (ed. I. Müller, Sitz.-Ber. der Wiener Akad. IX. 322) важный источникъ для второй половины XIV стол., гдѣ насъ покидаютъ Никифоръ Григора (заканчиваетъ 1355 г.) и Кантакузинъ (заканчиваетъ 1365 г.)

[29]) Nicephorus Gregoras XXIX, cap. 1—4 ed. Bonn., 224, Zinkeisen I. 206 и сл.

Въ концѣ 1354 года Іоаннъ V снова овладѣлъ Константинополемъ. Кантакузинъ постригся въ монахи, совершилъ путешествіе въ Мистру, близь древней Спарты, и составилъ тамъ свои записки († 1383). Въ 1355 г. Марино Фальери писалъ, что анархическое византійское государство должно неминуемо сдѣлаться добычею Турокъ, и что Венеціанцамъ слѣдовало-бы ихъ предупредить. Но столь смѣлые планы, на которые были способны Венеціанцы временъ Энрико Дандоло, были уже не по плечу Венеціанцамъ того времени [30]).

---

[30]) Hopf 448.

Глава XXI.

Религіозныя смуты въ Болгаріи въ XIV столѣтіи.

Богомилы, Исихасты, Адамиты, Евреи. — Царица Еврейка. — Святой Θеодосій Трновскій. — Литература.

Кровавы и печальны военныя событія, описанныя нами въ предыдущей главѣ. Не менѣе безотрадна картина тогдашней внутренней жизни въ Болгаріи, хорошо выясненная въ недавно открытой легендѣ о св. Θеодосіи Трновскомъ, произведеніи константинопольскаго патріарха Каллиста [1]). Истерзанная религіозными спорами, зараженная всѣми пороками византинизма и ослабленная безпрерывными раздорами, Болгарія должна была раньше или позже стать добычею Турокъ. Истинная культура и просвѣщеніе на востокѣ были давнымъ давно замѣнены схоластической утонченностью, которая имѣла не менѣе значенія, какъ безконечныя военныя распри и придворныя интриги.

[1]) Греческій подлинникъ, кажется, теперь затерянъ. Славянскій переводъ, трудъ монаха Рыльскаго монастыря, по имени Спиридіона, напечатанъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. при Моск. унив. 1860. I. Такъ какъ я не могъ достать этого изданія, то долженъ былъ довольствоваться выписками и цитатами Рачкаго, Rad. VIII. 182 сл., Королева въ Бранльскомъ Період. Спис. V и VI, Голубинскаго 663, 675, и Леонида, Изъ исторіи югослав. монашества. Москва 1871.

Около половины XIV столѣтія развился на Аѳонской горѣ, въ этомъ земномъ раѣ монаховъ, особаго рода мистицизмъ. Нѣкоторые изъ такъ называемыхъ исихастовъ такъ увлекались, что углублялись въ мрачныхъ монашескихъ кельяхъ въ созерцаніе своего пупка, пока имъ воображалось видѣть около него сверхъестественный свѣтъ, который исполнялъ ихъ небеснымъ блаженствомъ. Эти бредни породили страшныя богословскія волненія, соборы и анаѳемы. Къ тому еще богомильство утвердилось въ вѣчно зеленѣющихъ рощахъ „Святой горы". Въ то время жила въ Солунѣ монахиня, по имени Ирина, которая втайнѣ была предана богомильству: монахи, стекавшіеся къ ней по побужденіямъ вовсе не нравственнымъ, были посвящены ею въ ученіе Богомила и распространили его по всему Аѳону. Продолжительная борьба была необходима для того, чтобы изгнать изъ Аѳонскихъ монастырей богомиловъ съ исихастами.

Эти отвратительные ростки византійской монастырской жизни были пересажены и на болгарскую почву. Бѣжавшій изъ Константинополя монахъ, по имени Ѳеодоритъ, съумѣлъ, гордясь своими медицинскими познаніями, склонить къ принятію ученія исихастовъ многихъ изъ знатныхъ и изъ простаго народа. Онъ снова оживилъ все еще не вымершіе остатки язычества и даже указывалъ отдавать божескія почести одному дубу, у подножія котораго жертвовались овцы и ягнята, пока не явился св. Ѳеодосій и не срубилъ дерева.

Вскорѣ послѣ Ѳеодорита появились въ Трновѣ два монаха Лазарь и Кириллъ, названный Босота, выгнанные изъ Аѳона за богомильство. Кириллъ, говорившій, что ему являлся во снѣ Богъ, осмѣивалъ иконы, порочилъ Богоматерь и Распятаго, бранилъ трудъ и бракъ. Лазарь-же бѣгалъ по улицамъ въ адамовскомъ костюмѣ, прикрывая одно только мѣсто выдолбленной тыквой; его ученіе могло

бы служить образцомъ русскимъ скопцамъ. Обыкновенное адамитство распространялъ Θеодосій, невѣжественный и простой клирикъ. Своими проповѣдями о безполезности брака собралъ онъ вокругъ себя множество мущинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ. Его приверженцы, одѣтые въ монашескія рясы, слѣдовали за нимъ въ отдаленныя горныя долины и пещеры, чтобы тамъ справлять дикія оргіи. Это были предшественники тѣхъ адамитскихъ шаекъ, которыя были истреблены Жижкой въ 1421 году огнемъ и мечемъ въ Чехіи.

Но появленія исихастовъ и адамитовъ было еще мало. Царь Александръ былъ такъ очарованъ красотой одной молодой Еврейки, что рѣшился избрать ее супругой во что бы то ни стало. Его супруга Θеодора, дочь влашскаго князя, должна была обмѣнять блестящую обстановку въ Трновѣ на монастырское уединеніе, гдѣ она окончила жизнь подъ именемъ инокини Θеофаны. Еврейка приняла крещеніе, причемъ ей дано было имя Θеодоры, и тогда сочеталась бракомъ съ Александромъ, какъ „новопросвѣщенная царица“. Старые болгарскіе памятники упоминаютъ о ней, что хотя она и была „рода еврейскаго“, но всетаки исповѣдывала чистую вѣру, возобновила много церквей и даже основала монастырь. По ея смерти, ей пѣли въ церквахъ „вѣчную память“. Евреи-же въ Болгаріи, полагаясь на ея покровительство, становились невыносимы для вѣрующихъ, насмѣхаясь надъ христіанствомъ и желая подражать болярамъ [2]).

Такъ вели себя въ Болгаріи богомилы, исихасты, адамиты и евреи въ то время, какъ по ту сторону Балкана свирѣпствовала турецкая война. Тогда явился человѣкъ, поста-

[2]) Объ еврейской царицѣ см. Помяникъ царей и царицъ (Раковскій, Асѣнь 52), житіе св. Θеодосія, Nicephorus Gregoras (III 538 ed. Bonn.) и современную замѣтку въ рукописи Рыльскаго монастыря, Бълг. книжици 1859, 690.

вившій себѣ задачею жизни обуздать лжеучителей и возстановить религіозный миръ. *Θеодосій*, родившійся въ Трновѣ, провелъ всю свою юность въ монастыряхъ, въ Бдинѣ (въ монастырѣ св. Николая), въ Арчарѣ, гдѣ онъ сталъ монахомъ, въ Трновѣ (въ Маріинскомъ, на Святой горѣ), въ Чрвенѣ (недалеко отъ Рущука) и въ монастырѣ Богородицы, названномъ Епикерневъ, подлѣ Сливна, въ Балканахъ. Потомъ онъ отправился къ знаменитому учителю Григорію Синаиту, вокругъ котораго собрались на горѣ Параорія (Сакаръ-Планина) къ сѣверу отъ Адріанополя множество учениковъ Грековъ, Болгаръ и Сербовъ. Григорій полюбилъ юнаго Θеодосія и послалъ его къ Александру, съ цѣлью просить у послѣдняго помощи противъ Турокъ, не оставлявшихъ въ покоѣ даже край отдаленныхъ монастырей. „Благочестивый“ царь въ самомъ дѣлѣ велѣлъ выстроить на собственное иждивеніе для отшельниковъ крѣпкую башню. Когда Григорій умеръ (ок. 1346), то на его мѣсто главою былъ единогласно избранъ Θеодосій. Но Θеодосій счелъ себя недостойнымъ этого отличія и возвратился въ Сливенъ. Позже посѣтилъ онъ Аѳонъ, Солунь, Константинополь и пробылъ нѣкоторое время въ скитѣ св. Антонія въ Месемвріи. Наконецъ поселился онъ на Эмонской горѣ (теперь мысъ Эмине), на высокомъ берегу Понта, но былъ изгнанъ изъ этого прекраснаго уединеннаго жилища морскими разбойниками.

Пріискивая себѣ другое мѣсто жительства, Θеодосій выбралъ въ окрестности Килифарева, на два часа южнѣе Трнова, пустыню, считавшуюся доступной скорѣе бѣсамъ, чѣмъ человѣку. Деревня Килифарево существуетъ еще и теперь: въ ней было нѣкогда отъ 3 до 4 монастырей, двѣ церкви, изъ которыхъ одна еще сохранилась, и замокъ [3]). Тамъ

---

[3]) При перестройкѣ церкви въ 1830 г., по свидѣтельству П. Р. Славейкова (Бълг. Книжици 1859, 259; ср. Читалиште 1873, 497) въ «женской

Θеодосій собралъ вокругъ себя около 50 юношей, между которыми самыми выдающимися были: Евθимій, впослѣдствіи патріархъ, и Діонисій, который превосходно зналъ греческій и славянскій языки и перевелъ на славянскій много проповѣдей Іоанна Златоуста, въ томъ числѣ шесть противъ евреевъ [4]).

Давно уже пришедшая въ упадокъ литература начала оживать, и самъ царь принималъ дѣятельное участіе въ поощреніи ея. Александръ велѣлъ перевести хронику Константина Манассія съ греческаго на славянскій и списать толстые томы богословскихъ сочиненій [5]). Вообще ни изъ одного періода болгарской исторіи не дошло до насъ столько древнихъ рукописей, какъ изъ временъ „высочайшаго и всемогущаго царя Іоанна Александра“. Монастыри также пользовались его попеченіями. Главные болгарскіе монастыри Рыльскій и Зографскій были имъ щедро одарены. Имъ основанъ былъ новый монастырь у подошвы Витоша [6]), гдѣ возникалъ малый Аθонъ; тамъ было болѣе 14 монастырей, отъ которыхъ теперь по большей части остались только развалины; ихъ богатыя библіотеки уже давно истлѣли или расхищены.

Господствующая церковь государства должна была принять энергическія мѣры противъ еретиковъ. Тогдашній трновскій патріархъ Θеодосій II совѣщался относительно этого съ настоятелемъ монаховъ въ Килифаревѣ и созвалъ по его

церкви» была погребена цѣлая груда старыхъ рукописей. Подобный же случай былъ въ Бѣлковцѣ, въ полутора-часовомъ разстояніи къ западу отъ Трнова, гдѣ суевѣрные попы, при перестройкѣ церкви св. Петки, зарыли въ основныя стѣны два груза (два товара) рукописей.

[4]) Starine I, 52.

[5]) Для Александра написанъ патерикъ (1346), находящійся въ монастырѣ Kркѣ въ Далмаціи и два богословскихъ сборника, написанныхъ монахами Филиппомъ (1345) и Лаврентіемъ (1348), находящихся теперь въ Москвѣ.

[6]) См. грамоту Шишмана, Šafařik, Památky, 2 изданіе 108.

совѣту (ок. 1350 г.) соборъ, на которомъ предсѣдательствовалъ самъ царь рядомъ съ патріархомъ. Схваченные еретическіе учители были представлены. Ѳеодосій спорилъ съ ними объ ученіи Богомила, о дуализмѣ, бракѣ, крестѣ и пр. Монахъ Лазарь призналъ свои заблужденія и отрекся отъ нихъ, но Кириллъ Босота и его ученикъ попъ Стефанъ не хотѣли отказаться отъ своихъ убѣжденій. За это царь, согласно съ церковными законами, велѣлъ клеймить ихъ лице раскаленнымъ желѣзомъ и изгнать ихъ изъ страны.

Но этимъ не было сломано могущество богомиловъ, совершенно утвердившихся въ странѣ уже нѣсколько столѣтій тому назадъ. Предстояло еще смирить исихастовъ и евреевъ. На новомъ соборѣ (1355) явились царь съ князьями Шишманомъ и Асѣнемъ, всѣ епископы Болгаріи, Ѳеодосій съ монахами изъ Килифарева, словомъ вся іерархія страны. Богомилы и исихасты были преданы проклятію, ихъ старшины и священники (служители) сосланы, гражданскія же права евреевъ были ограничены грамотой (свитъкъ) [7]).

Около 1356 года Ѳеодосій отправился въ Константинополь, чтобы навѣстить тамъ въ Параоріевскомъ монастырѣ своего стараго школьнаго друга патріарха Каллиста, и умеръ въ монастырѣ св. Маманта (внѣ города, предъ Влахернами), 27 ноября 1362 года. Его ученикъ *Евѳимій* продолжалъ начатое дѣло. Въ Перѣ, близъ Трнова, занялся онъ въ уединеніи пересмотромъ старославянскаго перевода св. Писанія, такъ какъ послѣдній страдалъ тяжелыми оборотами, былъ недостаточно гладокъ, нерѣдко уклонялся отъ греческаго подлинника и подавалъ поводъ ко множеству ересей. Когда Евѳимій былъ избранъ по смерти Іоанникія II въ патріархи, то ему предстояла новая борьба съ

[7]) «Отвѣщаніе собора Трновскаго къ Ѳеодосію и Киръ Роману», къ сожалѣнію не издано. (Калайдовичъ и Строевъ. Описаніе рукописей Импер. библ. въ Петербургѣ, 125 № 204. 45).

богомилами, потому что послѣдніе даже послѣ втораго собора не были ослаблены, такъ что трудно было встрѣтить вблизи Бдина праславнаго христіанина. Къ тому-же прибылъ въ Трново изъ Константинополя новый вѣроучитель Пиронъ съ цѣлью распространить здѣсь несторіанизмъ, психазмъ и иконоклазмъ. Его ученіе нашло доступъ даже въ среду придворныхъ съ помощью лжемонаха Ѳеодосія. Патріархъ собралъ народъ въ церквахъ и, говоря словами напыщенной легенды Цамблака, „уподобивши свою гортань трубамъ Іерихона“, предостерегалъ отъ волка въ овечьей шкурѣ. По его стараніямъ Пиронъ былъ изгнанъ [8]).

Нельзя отрицать того, что послѣдніе два мужа, управлявшіе судьбами болгарскаго народа, царь Шишманъ, сынъ Александра († 1365), и патріархъ Евѳимій честно старались поднять падающее государство, хотя эти попытки и носили отпечатокъ тогдашняго всеобщаго упадка. Вокругъ ученаго Евѳимія, который „разорвалъ еретическія сѣти, какъ паутину“ и старался отмѣненіемъ странствованій къ св. мѣстамъ, при которыхъ случались безчинства, содѣйствовать водворенію нравственности, столпились Болгаре, Русскіе и Сербы [9]). Образовалась новая литературная школа, но произведенія, издаваемыя ею, были ничто иное, какъ образцы византійской напыщенности, лишенные ума и вкуса. Легенды Евѳимія вмѣстѣ съ сочиненіями Григорія Цамблака и философа Константина Костенцкаго краснорѣчиво свидѣтельствуютъ до какой степени болгарскіе Славяне уже тогда были превращены въ Византійцевъ [10]).

---

[8]) Житіе Евѳимія Цамблака (Гласник 31, 243—292).

[9]) Русскій архіепископъ Кипріанъ, Болгаринъ по происхожденію, старавшійся поднять глубоко упавшее образованіе въ Россіи во время владычества Татаръ, посѣтилъ Евѳимія въ 1379 году. Надгробная рѣчь Цамблака Кипріану (Невоструевъ и Горскій, Опис. Слав. рук. Москов. синодальной библ. II. 3, 139).

[10]) См. гл. XXVI (старо-болг. литер.) заключеніе.

Въ такомъ положеніи была духовная жизнь въ Болгаріи, когда Турки явились на ея границахъ. Еще Θеодосій трновскій предсказывалъ своимъ ученикамъ въ Килифаревѣ опустошеніе всей страны Турками и паденіе болгарскаго царства [11]). Сорокъ лѣтъ послѣ трновкаго собора уже никто не могъ и думать о различеніи между православными и еретиками, о созваніи собора или же преслѣдованіи еретиковъ: тогда были только магометане и христіане, правовѣрные и райи!

[11]) Леонидъ, 20.

Глава XXII.

Первыя битвы южныхъ Славянъ съ Турками.

Безначаліе въ Сербіи по смерти Душана (1355).—Внутреннія распри въ Болгаріи. — Послѣднія войны Болгаръ съ Греками, первыя съ Турками. — Раздѣленіе Болгаріи на государства: Трновское и Бдинское. — Экспедиція графа Амадея Савойскаго въ Болгарію. — Венгры въ Бдинѣ (1365—1369).— Царь Іоаннъ Шишманъ III (1365—1393), турецкій вассалъ.— Сраженіе при Марицѣ (1371). — Король Марко. — Княжество деспота Добротича при Понтѣ.

Мы теперь приступаемъ къ описанію самаго тяжелаго періода исторіи южныхъ Славянъ, завоеванія Балканскаго полуострова Турками. Пѣсни и сказанія, въ которыхъ прославляются герои этой борьбы, исполинскіе образы Марко Кральевича, Милоша Обилича, князя Лазаря и другихъ, замѣнившихъ въ памяти народа богатырей древнѣйшихъ временъ, существуютъ въ изобиліи у Сербовъ и Болгаръ; положительная исторія этихъ кровавыхъ лѣтъ напротивъ того такъ темна, что гораздо менѣе сохранилось свѣдѣній относительно такихъ великихъ катастрофъ, какъ напримѣръ сраженіе при Косовомъ полѣ, покореніе Болгаріи, чѣмъ о какомъ нибудь незначительномъ событіи болѣе ранняго вре-

мени. Современныя записки очень рѣдки, а то, что впослѣдствіи было написано о послѣднихъ годахъ южно-славянскихъ государствъ, почерпнуто отчасти изъ сказаній. Греческія, славянскія, румынскія и турецкія хроники исполнены противорѣчій, а хронологія представляетъ иногда настоящій хаосъ. Только немногія грамоты, сохранившіяся отъ тѣхъ временъ, представляютъ прочныя основанія.

Когда Турки вступили на европейскую почву, они далеко превосходили Славянъ и Византійцевъ своей желѣзной организаціей и отличнымъ знаніемъ военнаго дѣла. Война была у нихъ главной задачей государства и народа. При Орханѣ войско состояло изъ трехъ элементовъ, иррегулярныхъ войскъ безъ жалованья и леновъ, контингентовъ вассаловъ и отрядовъ наемниковъ. Въ началѣ почти все войско было конное, какъ состоящіе на жалованьи *сипаи* (всадники) и *силидары* (оруженосцы), такъ и *акинджи* (наѣздники) вассаловъ. Самымъ отборнымъ среди турецкихъ силъ сталъ корпусъ пѣхоты *янычаръ*, составленный около 1330 года. Онъ состоялъ исключительно изъ христіанскихъ дѣтей, отнятыхъ у ихъ родителей и воспитываемыхъ въ ученіи Магомета. Только съ образованіемъ этой регулярной пѣхоты явилась возможность для Турокъ отважиться на осаду городовъ и замковъ. Когда страна завоевывалась, они тотчасъ думали о продолжительномъ обладаніи ею. Съ этой цѣлью поселялись тамъ османскіе колонисты изъ Азіи, и третья часть земли раздавалась турецкимъ воинамъ въ качествѣ леновъ (*тимаръ* съ доходомъ до 20.000 аспровъ; съ бо́льшимъ доходомъ *сіаметъ*). Христіанскіе земледѣльцы оставлялись на своей землѣ. Жители-же взятыхъ приступомъ городовъ, воинственнаго и безпокойнаго образа мыслей которыхъ опасались, переселялись въ Азію и замѣнялись Османами [1]).

[1]) Zinkeisen, Gesch. des osman. Reiches I. 118. 264.

Единственный государь, могшій оказать энергическое сопротивленіе Туркамъ, когда они начали покорять Балканскій полуостровъ, сербскій царь *Стефанъ Душанъ* внезапно умеръ во цвѣтѣ лѣтъ 20 декабря 1355 г. Его государство стало добычей страшнаго безначалія. Сынъ Душана *Урошъ*, 19-ти лѣтній юноша, былъ еще слишкомъ молодъ для правленія. Отъ его имени хотѣли управлять братъ Душана Симеонъ и честолюбивая царица Елена, тогда какъ могущественные болярскіе роды, пріобрѣвшіе большую власть какъ въ Сербіи, такъ и въ Албаніи и въ Македоніи, заботились только о своихъ личныхъ выгодахъ. Сербія распалась на множество небольшихъ полунезависимыхъ областей подъ властью бывшихъ полководцевъ и придворныхъ Душана или его сыновей.

Въ Трикалѣ братъ Душана, владѣтель Θессаліи, Эпира и Этоліи, былъ коронованъ подъ именемъ *Симеона Палеолога Уроша* († 1371) императоромъ Сербовъ и Грековъ. Вскорѣ онъ уступилъ Эпиръ *Θомѣ*, сыну воеводы Прелюба, который удержался тамъ до 1385 года, безпрерывно воюя съ Албанцами. Въ Θессаліи наслѣдовалъ Симеону его сынъ *Іоаннъ Урошъ*, послѣдній Неманичь, монахъ по характеру; послѣ нашествія Турокъ въ 1410 году онъ окончилъ свою жизнь епископомъ и основателемъ Метеорскихъ монастырей.

Изъ братьевъ Мрнявчевичей храбрый деспотъ *Іоаннъ Углеша* господствовалъ надъ Сересомъ и Мельникомъ; *Вукашинъ* былъ вначалѣ (1356) чельникомъ [2]) при дворѣ царя Уроша, позже онъ пріобрѣлъ титулъ деспота. Въ Драмѣ сидѣлъ тесть Углеши кесарь *Войхна*, въ южной Македоніи отъ Сереса до Вардара *Богданъ* (Югъ-Богданъ), еще и те-

---

[2]) Грамота января или февраля 1356 года. (1355 г. по итальянскому обычаю считается до 1 марта 1356 г.). Rad I. 146.

перь прославляемый въ народныхъ пѣсняхъ: сѣвернѣе отъ него севастократоръ *Дѣянъ*. Въ Албаніи господствовали два Албанца, *Андрей Мусаки* и *Карлъ Топіа*, послѣдній надъ землею между рѣками Матомъ и Шкумби, отобравшій въ 1368 году у Анжу Драчь, затѣмъ Славянинъ *Александръ*, „господинъ“ Валоны и Канины. Въ Охридѣ имѣлъ свое мѣстопребываніе Албанецъ жупанъ *Ропа* или *Гропа* [3]), зять Мусаки, въ македонской Верреѣ *Радославъ Хлапенъ*. Въ Зетѣ, около Шкодрскаго озера и въ тамошнемъ побережьи фамилія *Балши* пріобрѣла сильное и важное положеніе. Герцеговиной управлялъ князь *Войславъ Войхновичъ*, пока его не изгналъ его племянникъ *Никола Альтомановичъ*. Большимъ вліяніемъ пользовался также севастократоръ *Бранко*, губернаторъ въ Охридѣ [4]) при Душанѣ, прадѣдъ знаменитыхъ Бранковичей. Наконецъ встрѣчаемъ мы въ 1356 г. при дворѣ юнаго Уроша князя *Лазаря*.

Междоусобія и кровопролитные фамильные раздоры были слѣдствіемъ этого раздробленія, и быстро возникшее государство Душана чрезъ нѣсколько лѣтъ распалось навсегда. Немногимъ лучше было и въ Болгаріи. Въ составъ владѣній Александра хотя и входило все царство, но въ предѣлахъ онаго были династы, дѣйствовавшіе самостоятельно и всегда готовые подражать примѣру сербскихъ вельможъ. Въ прибрежныхъ равнинахъ и горныхъ рѣчныхъ областяхъ Камчіи правилъ почти самостоятельно архонтъ *Баликъ* въ Карбонѣ (Балчикъ) и затѣмъ деспотъ *Добротичъ* (Τομπροτίτζης, Dobrodicius, Dobordize), объ участіи котораго

---

[3]) Объ этой фамиліи см. Hahn, Reise durch die Geb. des Drin etc. 292, 303. «Зетъ жупана Ропе» славянская надпись въ Охридѣ отъ 1370 г. (1380?). Григоровичъ, Оч. пут. 117, Miklosich, Mon. Serb. 181. Три монеты съ кирилл. надписью: «По милости божи жупанъ Гропа» у Ljubić'a, Opis jugoslav. novaca, 189.

[4]) Грамота Бранковичей. Оч. пут. Григоровича 52.

въ войнѣ между императрицею Анною и Кантакузиномъ выше было говорено. Въ 1357 году онъ владѣлъ замками Эммона (теперь Эмине) и Козякомъ (теперешній Козакъ-Кіой) близь Месемвріи. Онъ отдѣлилъ свои владѣнія отъ духовнаго управленія трновской церкви и подчинилъ ихъ константипопольскому патріарху [5]). По его имени, вѣроятно, названа Добруджа [6]).

Большимъ несчастіемъ для Болгаріи были семейныя отношенія династіи. Старшій сынъ Александра *Михаилъ Асѣнь*, котораго отецъ сдѣлалъ своимъ соправителемъ еще до 1337 года, преждевременно умеръ. Втораго сына *Іоанна Асѣня IV* встрѣчаемъ мы около 1355 г. вмѣстѣ съ отцомъ на трновскомъ соборѣ; но и онъ, какъ мы послѣ увидимъ, скончался еще при жизни своего отца [7]). Такимъ образомъ оставались только *Іоаннъ Срацимиръ и Іоаннъ Шишманъ III*. Непримиримая ненависть раздѣляла сына Румынки и сына Еврейки [8]), увеличенная еще пристрастнымъ обхожденіемъ отца. Именно Александръ назначилъ наслѣдникомъ престола Шишмана, сына своей прекрасной Еврейки, хотя послѣдній былъ гораздо моложе; Срацимиръ долженъ былъ довольство-

---

[5]) Miklosich et Müller, Acta patr. I. 1. 367, 502, 568.

[6]) «Никому не безъизвѣстно, что послѣ завоеванія Турками полуострова стали весьма часто означать тамошнія земли именами ихъ владѣтелей»: Hahn, Reise durch die Gebiete des Drin und Wardar стр. 53. Ср. Дукаджинъ, Карлъ Или (въ Эпирѣ по имени князя Карла Токко) Херцеговина, Константинова земля съ городомъ Кюстендилемъ въ Македоніи, Кара-Богданъ (Молдавія).

[7]) Βασιλεύοντος τοῦ εὐσεβεστάτου μεγάλου βασιλέως Ἰωάννου Ἀλεξάνδρου μετὰ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ μεγάλου βασιλέως τοῦ Ἀσάν. Надпись въ Месемвріи (Раковскій, Асѣнь 99). Грамота І. Асѣня 1347 года у Šafařik'a, Památky, 2 изд. 96.

[8]) О еврейской царицѣ говорится въ Поменикѣ (Раковскій, Асѣнь 52). «Матери сѫще великаго царѣ Іоанна Шишмана».

ваться Бдиномъ, чтобы тамъ самостоятельно царствовать [9]). Александръ вступилъ въ ближайшій союзъ съ Палеологами посредствомъ бракосочетанія своей девятилѣтней дочери Маріи, родной сестры Шишмана, съ Андроникомъ, девятилѣтнимъ сыномъ императора Іоанна V (1355) [10], что только породило кровавую вражду, такъ какъ властолюбивый Андроникъ неоднократно пытался при помощи своихъ болгарскихъ родственниковъ свергнуть отца.

[9]) Шишмановичи Бдинскіе:

Шишманъ, Бдинскій князь
1. супруга ? — 2. супр. дочь Серба Драгоша.

Михаилъ a) супр. 1. Анна дочь Милутина b) 2. Θеодора, вдова Святелава | Кераца деспотина въ иночествѣ Θеофана d) супр. деспота Срацимира | Бѣлауръ e)

Стефанъ или *Шишманъ II* (Людвигъ) | Іоаннъ c)

Іоаннъ Александръ f) супр. 1. Θеодора дочь Басарабы, инокиня Θеофана. 2. Θеодора еврейка | Елена супруга царя Душана | Іоаннъ Асѣнь Комнинъ Супр. Анна деспотица | Дочь N. g)

1. Мих. Асѣнь † до 1355 г. супр. Марія д. Андроника III (1337) h) | I. Асѣнь IV | 1. I. *Срацимиръ* супр. сест. воеводы Владисл. i) | 2. I. *Шишманъ III* супр. 1. Марія d) 2. д. Лазаря | Дочери: Тамаръ d) супр. Мурада I. 2) Марія с. Андроника Десислава d)

Константинъ † 1422. | Дорослава или Доротея † предъ 1382 г., супр. Стефана Твердка k).

Александръ (Магометанинъ) | Фружинъ | Кераца d)

a) Михаилъ Шишманъ, сербск. грам. 1330, Mikl., Mon. Serb. 100. У Кантакузина ошибочно, какъ сынъ Срацимиръ; b) Даніилъ 199; c) Кантакузинъ, Stritter 850; d) Въ евангеліи временъ царя Александра (теперь въ коллекціи лорда Zouch въ Лондонѣ) помѣщено изображеніе деспота Константина, супруга «Керафамы»; можетъ быть султанъ былъ уже вторымъ супругомъ Тамары. Поменикъ у Раковскаго, Асѣнь 52; e) Даніилъ 193, Кантак. I. 464; закон. Душана ed. Novaković XXIII; f) Александръ нетій (sororis filius) Цамблакъ, Гласник XI, 75. По Кант. и Григ. [illegible] Михаила. Отецъ Страцимира у Кант. (Stritter 842); g) Gregoras III 148. Кант. у Strittera 341; h) Greg. III. 557. Irene; i) Kukulević, Leptir (Zagreb 1859) 270; k) Račkii, Rad III. 109. Ljubić, Opis jug. novaca 206.

[10]) Договоръ 17 августа 1355 года, Miklosich et Müller, Acta patr. I, Раковскій, Асѣнь 101. Тамъ называется она Кирацой. Григора III. 557 называетъ ее Маріей. Въ Поменикѣ просто Василиса (βασίλισσα).

Основателемъ османской державы въ Европѣ былъ султанъ Орханъ († въ мартѣ 1362 г.) [11], сынъ и наслѣдникъ *Мурада I*, суровый, щедрый и неутомимый человѣкъ. Уже на второмъ году своего царствованія отнялъ онъ у Византійцевъ храбро защищавшійся Цурулонъ и оставленный Аркадіополь (нынѣ Люле-Бургасъ): оттуда двинулся къ Адріанополю и легко занялъ вторую столицу государства, паденіе которой и теперь еще оплакивается въ ново-греческихъ народныхъ пѣсняхъ. Церкви были тотчасъ превращены въ мечети: митрополитъ спасся бѣгствомъ въ Агаѳополь при Черномъ морѣ. Тотчасъ послѣ этихъ успѣховъ Турки напали на Болгарію. Полководецъ Лалашагинъ, завоеватель Адріанополя, взялъ Веррею (Эски-Загру) и по недолгомъ сопротивленіи, по преданію разрушеніемъ водопровода, принадлежавшій Болгаріи съ 1344 г. Филиппополь, гдѣ онъ поселился въ качествѣ перваго беглербега румелійскаго [12].

Изъ Филиппополя Османы принялись за покореніе окрестныхъ болгарскихъ замковъ. Объ этомъ не сохранилось письменныхъ свидѣтельствъ: туземныя-же преданія, переходящія изъ рода въ родъ въ Родопѣ и Средней-Горѣ, собраны Захаріевымъ [13]. Храброе сопротивленіе было оказано Гази-Дауду-пашѣ крѣпостцой Раковицой, взятой только послѣ капитуляціи. Ея развалины видны еще и теперь у деревни Голѣмо Бѣлово, гдѣ оканчивается румелійская желѣзная дорога. Потомъ жители Бѣлова долго сопровождали Турокъ на войну, какъ *царбаджи*, названные такъ по *царбамъ*, роду копьевъ, изъ которыхъ нѣсколько

---

[11]) Виз. хрон. (Sitzber. der Wien. Ak. IX. 392). Въ турецкихъ источникахъ (Zinkeisen I. 215) — 1359 г., впрочемъ, они вообще очень отклоняются отъ другихъ болѣе современныхъ и достовѣрныхъ извѣстій.

[12]) Zinkeisen I. 217 сл.

[13]) Захаріевъ (см. стр. 69) 54, 66, 75.

заржавленныхъ экземпляровъ еще до сихъ поръ сохраняются въ тамошнихъ домахъ. Область Цѣнины держалась девятью мѣсяцами дольше Раковицы. Но лишь только Даудъ-паша приступилъ къ ней съ трехъ сторонъ, то одни бѣжали къ „Родопскому деспоту" (можетъ быть Углешѣ), другіе отправили вѣстниковъ къ Лалашагину въ Филиппополь и сдались подъ условіемъ, что всѣ замки въ Цѣнинѣ будутъ срыты, что Даудъ-паша получитъ со всѣхъ полевыхъ плодовъ десятину, что вмѣсто платы харача и другихъ податей всѣ мужчины отъ 20—35 лѣтъ будутъ сопровождать Турокъ на войну, и что Цѣнина въ церковныхъ дѣлахъ будетъ пользоваться полной автономіей. Этимъ положено было при Мурадѣ начало образованію войска *войнаковъ*, состоявшаго изъ христіанскихъ Болгаръ, которые служили для прикрытія обоза и были освобождены отъ податей [14]).

Любопытное извѣстіе встрѣчается въ одной румынской хроникѣ [15]), составленной изъ славянскихъ лѣтописей. Когда султанъ Мурадъ отправился съ сильнымъ войскомъ въ походъ противъ Болгаръ, то противоставшій ему Асѣнь, сынъ Александра, палъ въ сраженіи со многими Болгарами; тогда во главѣ его войска сталъ его братъ Михаилъ, но и тотъ погибъ. Затѣмъ Турки отправились во свояси съ громаднымъ числомъ плѣнныхъ въ Каллиполь. Годъ (6834—1326) [16]) и упоминаніе о Михаилѣ, который скончался гораздо ранѣе 1355 г. — невѣрны [17]). Зато нынѣ еще въ окрестностяхъ Софіи сохранилось сказаніе, что Асѣнь въ тамошнемъ Архангельскомъ монастырѣ защищался вмѣстѣ съ своими болярами въ теченіи 12 лѣтъ противъ Турокъ, пока ему не

---

[14]) См. гл. XXVII.

[15]) Издана Григоровичемъ, О Сербіи, приложеніе (рукопись 1620 г.)

[16]) Григоровичъ исправилъ годъ на 1365.

[17]) Nic. Gregoras ed. Bonn. III, 557.

измѣнили жители близлежащей деревни Быстрицы [18]). Въ болгарскихъ церквахъ еще во время древняго царства поминались „Семиръ, Іончо, Добромиръ, Иванишa и всѣ, которые съ ними геройски боролись противъ безбожныхъ Турокъ и проливали свою кровь за истинную Христову вѣру" [19]). Гдѣ и когда пали эти герои — не разъяснено.

Османы такъ быстро подвинулись впередъ, что уже въ 1363 году появились [20]) въ Аттикѣ и привели Константинополь въ такое бѣдственное положеніе, что императоръ Іоаннъ V, чтобы добыть денегъ, долженъ былъ допустить продажу заложенныхъ въ Венеціи государственныхъ клейнотъ. Константинопольскій патріархъ Каллистъ отправился въ Сересъ къ вдовѣ Душана, которая тогда звалась инокиней Елисаветой, чтобы съ ней заключить союзный договоръ, но заболѣлъ тамъ и умеръ [21]). Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ присоединилась еще по неизвѣстной причинѣ война между Болгарами и Греками [22]). Хотя Іоаннъ V и взялъ Анхіалъ, но овладѣть Месемвріею не успѣлъ. Несмотря на то, что городъ былъ обложенъ со стороны моря и суши и терпѣлъ отъ недостатка въ водѣ для питья, онъ защищался съ такимъ мужествомъ, что когда войско Болгаръ и Турокъ, набранное во Ѳракіи, пришло на выручку, то Палеологъ очутился въ очень затруднительномъ положеніи. Наконецъ Александръ склонилъ его къ отступленію (1364), уплативши военныя издержки и сверхъ того значительную сумму. Итакъ христіанскіе императоры востока, занятые въ виду Турокъ

---

[18]) Неофитъ Хиландарскій, Географія (по болг.). Крагуевацъ 1835 г. Априловъ, Болгарскія грамоты. Одесса 1845, стр. 99.

[19]) Раковскій, Асѣнь 54.

[20]) Hopf (Bd. 86) 13.

[21]) Визант. хроника l. c. (1364).

[22]) Въ 1364 году константинопольскій патріархъ Филоѳей напомнилъ болгарскому царю о святости договоровъ. Miklosich et Müller, Acta patr. I, 453.

своими кровавыми раздорами, способствовали тому, что ихъ государства должны были вскорѣ стать добычею варваровъ [23]).

Царь Александръ скончался по всей вѣроятности весною 1365 г. [24]), оставивъ разъединенное, распадавшееся государство, три владѣтеля котораго были послѣдними христіанскими государями въ странѣ. Въ Трновѣ царствовалъ *Іоаннъ Шишманъ III*, владѣя срединой страны съ Дрестеромъ, Никополемъ, Софіей и Діамполемъ; на западѣ правилъ въ Бдинѣ и въ долинѣ Тимока „*Іоаннъ Срацимиръ* благовѣрный царь Болгаромъ" [25]); *Добротичъ* былъ полусамостоятельнымъ владѣтелемъ земель по берегу Чернаго моря подъ верховной властью Шишмана. Объ этихъ *трехъ Болгаріяхъ* говоритъ Іоаннъ Шильтбергеръ изъ Мюнхена, который въ 1396 году попалъ въ плѣнъ къ Туркамъ подъ Никополемъ и позже описалъ свои приключенія [26]). „Первая Болгарія (Pulgrei), говоритъ онъ, лежитъ на пути отъ Венгріи къ желѣзнымъ воротамъ; столица называется Пудемъ (Бдинъ). Другая Болгарія лежитъ противъ Валахіи; столица называется Тернау (Трново). Третья Болгарія лежитъ тамъ, гдѣ Дунай изливается въ море; столица называется Каллацерка" (замокъ Каліакра при мысѣ того-же имени).

Этимъ раздробленіемъ Болгаріи не замедлилъ пользоваться могущественный Людовикъ Анжускій, король венгерскій. Лѣтомъ 1365 г. онъ завоевалъ Бдинъ, взялъ въ плѣнъ царя Срацимира вмѣстѣ съ его супругой, дочерью Александра.

---

[23]) Cantacuzenus III. 362.

[24]) Энгель относитъ годъ его смерти къ 1353 г., другіе къ 1356 г., румынская хроника къ 1371.

[25]) Такъ читается на его монетахъ, которыя нерѣдки. Новѣйшая форма *Страшимиръ* не встрѣчается ни въ какомъ подлинномъ источникѣ.

[26]) Reisen des Joh. Schiltberger aus München in Europa, Asien und Afrika vom 1394 bis 1427. Herausg. von K. F. Neumann. München 1857, 93.

валашскаго князя. обращенной въ католицизмъ своей матерью Кларой, ревностной католичкой, и держалъ его въ продолженіи четырехъ лѣтъ въ замкѣ Гумникѣ [27]) въ Хорватіи въ почетномъ плѣну. Въ Бдинѣ воевода семиградскій Діонисій былъ посаженъ какъ „capitaneus civitatis et districtus Budiniensis regni nostri Bulgariae". Король просилъ изъ Рима 2000 монаховъ для введенія въ завоеванной странѣ католицизма. Но прибыли только восемь францисканцевъ, которые съ помощью венгерскихъ гарнизоновъ въ теченіи 50 дней будто обратили 200,000 душъ, считавшихся только третью частью всего населенія. Тогда, полагаютъ, принимали католицизмъ боляры и крестьяне, старцы, юноши и дѣвушки, а также монахи и попы, особенно богомилы, наполнявшіе эти области [28]).

Для спасенія внутренней Болгаріи отъ подобной участи, царь Шишманъ долженъ былъ помышлять объ изгнаніи Венгровъ изъ Бдина. Такъ какъ у него не хватило силъ для подобнаго предпріятія, то онъ рѣшился заключить союзъ съ Турками, владѣтелемъ которыхъ резиденція была перенесена только что изъ Азіи въ Европу, изъ Бруссы въ Адріанополь. Нападеніе Болгаръ и Турокъ на Бдинъ было однако отбито Венграми съ помощью валашскаго воеводы Владислава, шурина Срацимира (1366).

Въ Бдинѣ находился тогда императоръ Іоаннъ Палеологъ, долго странствовавшій по Европѣ, чтобы испросить себѣ пособіе противъ Турокъ. Весною 1366 г. онъ посѣтилъ короля Людовика въ Будѣ, а затѣмъ поѣхалъ въ Бдинъ, чтобы поперегъ Болгаріи возвратиться въ Константинополь.

[27]) Нынѣшнее Босильево у Чазмы, а не Кальникъ (Rački, Rad II 132 примѣч.).

[28]) Ср. Engel, 460–463. Дриновъ, Исторически прѣгледъ на Бълг. Църква, 101 и сл. Fessler, Gesch. von Ungarn, 2. Ausg. von Ernst Klein, Leipzig 1868, II. 152.

Но царь Шишманъ не далъ ему позволенія проѣзда чрезъ свои владѣнія.

Немедленное возвращеніе императора было необходимымъ при тогдашнемъ положеніи Византіи. Императрица поэтому обратилась съ требованіемъ помощи къ рыцарскому графу Амадею VI савойскому, племяннику императора. Собравши отборный отрядъ итальянскихъ и французскихъ рыцарей, Амадей изъ Венеціи отправился моремъ въ Константинополь, успѣвши мимоходомъ изгнать Турокъ изъ Каллиполя. Въ переходѣ изъ Константинополя, вдоль по болгарскому берегу, онъ овладѣлъ Созополемъ, Анхіаломъ и Месемвріею. Хорошо укрѣпленный городъ Варна, предъ которымъ рыцари стояли въ лагерѣ къ концу октября (1366), ими не былъ взятъ; съ трудомъ только они успѣли овладѣть находившимся предъ городомъ замкомъ Галатою. Въ разъѣздахъ изъ своего лагеря подъ Варною имъ удалось взять въ расплохъ Эмону и Каліакру, города Добротича. Болгарскіе гарнизоны храбро защищались и не малое число франкскихъ дворянъ было выведено въ плѣнъ внутрь края. Въ декабрѣ латинскій патріархъ константинопольскій отправился какъ посланникъ Амадея къ царю Шишману въ Трново. Одновременно узнали, что императоръ Іоаннъ уже выѣхалъ изъ Бдина, вѣроятно Дунаемъ. Шишманъ долженъ былъ уступить императору Созополь, Месемврію и Анхіалъ, которые съ той поры остались за Византійцами. По возвращеніи патріарха Амадей прекратилъ военныя дѣйствія и отправился обратно. Къ концу января 1367 г. онъ былъ встрѣченъ императоромъ Іоанномъ въ Созополѣ. По взаимномъ размѣнѣ плѣнныхъ, Амадей возвратился вмѣстѣ съ императоромъ въ Константинополь, гдѣ съ сподвижниками своими былъ торжественно принятъ и угощенъ. По выѣздѣ изъ Константинополя графъ изгналъ Турокъ еще изъ двухъ

замковъ, смежныхъ съ столицею и возвратился въ іюнѣ 1367 года въ Италію [29]).

Венгры не могли долго держаться въ Бдинѣ, хотя вниманіе Шишмана на время было отклонено отъ понтійской области. Уже въ 1367 г. союзникъ Венгровъ Владиславъ перешелъ на сторону Шишмана. Войско, приведенное семиградскимъ воеводой Ладиславомъ въ страну верхней Яломицы, съ цѣлью наказать валашскаго князя, было истреблено въ тамошнихъ лѣсахъ и болотахъ; съ того времени северинскій банатъ оставался за Румынами до 1376 года [30]). Въ Северинѣ было основано константинопольскимъ патріархатомъ новое епископство, митрополитомъ котораго былъ назначенъ (1370) Анѳимъ; на брата Анѳима Іоакинѳа былъ возложенъ санъ митрополита въ епископствѣ Угровлахіи (Валахія) [31]), учрежденномъ только въ 1359 году. Евѳимій, трновскій патріархъ, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ первыми румынскими духовными владыками; къ сожалѣнію его посланія къ Анѳиму Северинскому и къ знаменитому монаху Никодиму еще не изданы [32]). Въ Валахіи, гдѣ тогда только начиналъ образовываться государственный строй въ средневѣковомъ духѣ,

[29]) Важнѣйшія данныя объ этой экспедиціи представляетъ дневникъ казначея Антонія Барбери (См. Брунъ, Нѣкоторыя историческія соображенія по поводу названія Добруджи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 CXCIII. отд. 2). Въ позднѣйшемъ поэтическомъ изображеніи на французскомъ языкѣ (Mon. historiae patriae Script. I, Turin 1840. стр. 299) встрѣчаемъ много подробностей сомнительнаго достоинства: такъ въ этой хроникѣ читается, между прочимъ, что Іоаннъ Палеологъ, измѣннически взятый въ плѣнъ Шишманомъ, былъ освобожденъ Амадеемъ. Замки близъ Константинополя были Эннакосія у Регіона (Ключукъ Чекмедже, ср. Кантак. 1, 219) и Каловрій подлѣ Силимвріи (ср. Heerstrasse 101).

[30]) Roesler. Rom. Stud. 300—301.

[31]) Голубинскій 350 и сл.

[32]) По стараніямъ Никодима воевода Владиславъ основалъ Водицкій монастырь у Мегадіи. Водица и сосѣдняя Тисмена древнѣйшіе монастыри въ Валахіи.

государственнымъ и церковнымъ языкомъ былъ не румынскій, но славянскій языкъ; церковныя книги, вѣроятно, получались изъ Болгаріи [33]).

Въ 1369 году Шишманъ и Владиславъ прогнали Венгровъ изъ Бдина. Бдинцы взяли въ плѣнъ 12 февраля пять Францисканцевъ, которые не могли спастись, и замучили ихъ. Срацимиръ снова утвердился въ городѣ, хотя, кажется, сначала подъ верховной властью Венгровъ [34]).

Между тѣмъ положеніе Шишмана сдѣлалось гораздо хуже прежняго вслѣдствіе союза имъ заключеннаго съ Турками въ 1366 году и уступки Грекамъ трехъ приморскихъ городовъ. Съ этихъ поръ онъ былъ турецкій вассалъ и въ залогъ вѣрности долженъ былъ отдать Мураду свою сестру. О ней читается въ часто упомянутомъ поменикѣ [35]): „Кирѣ Тамаръ, дочери великаго царя Іоанна Александра, великой госпожѣ, которая была отдана Амиру Амурату за болгарскій народъ и, будучи его супругой, сохранила христіанскую вѣру и спасла свой народъ, хорошо и благочестиво провела жизнь и въ мирѣ скончалась, вѣчная ей память!“ Воспоминаніе о ней сохранилось по нынѣ въ болгарской народной пѣснѣ:

Царь Муратъ Мари думаше:
Марульо, бѣла Българко!...

Въ этой пѣснѣ говорится, что „бѣлая Болгарка“ Мара выпросила себѣ у Мурада Софіевскую церковь и Галату въ Константинополѣ, Узунъ-Чаршію въ Адріанополѣ, бѣлые

[33]) См. древнѣйшія грамоты валашскихъ князей у Венелина, Влахоболг. грамоты (С.-Петербургъ 1840 г.) стр. 5 и сл.

[34]) Изъ папскаго посланія валашской воеводинѣ Кларѣ у Theiner'a, Mon. Hung. II. 95, 98, видно, что одна изъ ея дочерей, супруга Срацимира, «imperatrix Bulgarie», въ 1370 г. все еще была католичкой; вторая «Ancha regina Servie» была супругой послѣдняго Неманича, царя Уроша (Српски поменицы, изд. Новаковича, стр. 29).

[35]) Раковскій, Асѣнь 52. Также Халкокондилъ (Stritter II. 884) упоминаетъ объ этомъ бракѣ.

города при морѣ и замки вдоль по Дунаю. Мурадъ-же предлагалъ ей вмѣсто Софіевской церкви мечеть, наполненную серебряными шандалами. Но она не захотѣла мечети и возобновила свою просьбу со словами: „дорога мнѣ моя вѣра; не могу я сдѣлаться бѣлой кадуной“ [36]).

Вопреки всѣмъ договорамъ Турки не переставали распространять свои завоеванія изъ Адріанополя во всѣ стороны. Между годами 1365—1370 они подчинили себѣ всю Ѳракію. Самъ Мурадъ двинулся къ берегамъ Понта, отнялъ у Болгаръ Айтосъ, Карнабадъ, Созополь, а вскорѣ спустя Визію и Киркилиссу. Другое войско подъ начальствомъ Тимурташа покорило Діамполь (теперь Ямболь); третье подъ Лалашагиномъ послѣ трудной борьбы въ горахъ — Самоковъ и Ихтиманъ. Многіе неприступные города были взяты выгодными капитуляціями, послѣ чего на жителей ихъ были распространены преимущества и обязанности „войнаковъ“ [37]).

Еще болѣе бѣдственнымъ становилось положеніе Византіи. Тамъ одни видѣли спасеніе въ тѣсной связи съ Славянами, другіе — въ церковной уніи съ западомъ [38]). На ряду съ этими двумя партіями существовали тамъ также многочисленные туркофилы и явные измѣнники отечеству. Императоръ Іоаннъ V Палеологъ пользовался совѣтами всѣхъ партій. Заключивши перемиріе съ Турками, онъ примирился при помощи духовенства съ Сербіей, гдѣ Влкашинъ умертвилъ въ 1367 году несчастнаго царя Уроша, послѣдняго Неманича на сербскомъ престолѣ, и провозгласилъ себя королемъ. Въ 1368 году съ брата Влкашина

---

[36]) Кадуна — турецкая женщина.

[37]) По турецкимъ источникамъ Zinkeisen I. 226 сл.

[38]) Напр. ораторъ Дим. Кидоній (около 1369 г.): «Смѣшенъ союзъ съ Сербами, безотраденъ союзъ съ Болгарами». Подробно объ этомъ Григоровичъ, О Сербіи.

Углеши, сербскаго деспота, было снято отлученіе отъ церкви, тяготѣвшее со временъ Душана надъ всѣми сербскими областями [39]). Затѣмъ императоръ вторично отправился на западъ, посѣтилъ Италію и Францію, но получилъ только пустыя обѣщанія, хотя и присоединился къ уніи 18-го октября 1369 года. Притомъ денежныя средства его такъ истощились, что онъ былъ задержанъ въ Венеціи своими заимодавцами и освобожденъ только по уплатѣ всѣхъ долговъ. Его старшій сынъ властолюбивый Андроникъ, управлявшій государствомъ въ отсутствіи отца, дѣлалъ между тѣмъ подозрительныя приготовленія въ Перѣ, почему императоръ по возвращеніи назначилъ наслѣдникомъ своего втораго сына Мануила, намѣстника солуньскаго [40]).

Наконецъ король Влкашинъ, деспотъ Углеша и множество сербскихъ болярь поднялись, чтобы во главѣ отборнаго войска въ 60.000 человѣкъ изгнать Турокъ изъ Европы. Такъ какъ Мурадъ былъ тогда занятъ въ Азіи, то они дошли почти до Адріанополя. Лалашагинъ, находившійся тамъ съ слабымъ отрядомъ, выслалъ Гаджи-Илбека съ 4000 чел. для развѣдки непріятельскаго войска. Сербы, расположившіеся лагеремъ при Чрноменѣ (по турецки Чирменъ), предъ мостомъ надъ Марицей, безпечно пировали, въ полной увѣренности въ своемъ превосходствѣ. Въ темную ночь Хаджи-Илбеки напалъ на нихъ врасплохъ, хотя его войско было въ 15 разъ слабѣе. Со всѣхъ сторонъ Турки бросились въ лагерь. Произошло страшное смятеніе и ужасное кровопролитіе, въ которомъ исчезли братья Влкашинъ, Углеша и Гойко, а съ ними множество болярь. Большая часть утонула въ волнахъ Марицы. Когда 26-го

---

[39]) Грамоты въ Acta patr. и Sitzber. d. W. Ak. IX. 40..

[40]) Hopf 21. Zinkeisen I. 235.

сентября 1371 года [41]) взошло солнце надъ кровавымъ полемъ сраженія, гордое сербское войско было уничтожено: немногіе изъ воиновъ снова увидѣли отечество. Ликуя, возвратился Хаджи Илбеки съ весьма богатой добычей въ Адріанополь. но завистливый беглербегъ Лалашагинъ поспѣшилъ избавиться отъ побѣдителя ядомъ. До настоящаго времени это поле сраженія называется „сирбъ-синдюги", т. е. гибель Сербовъ. Еще въ XVII столѣтіи виденъ былъ при Гарманли каменный памятникъ на могилѣ деспота Углеши [42]).

Турки ворвались тотчасъ въ Македонію. Хуже всего пришлось области Углеши. Ужасъ тамошнихъ опустошеній описанъ очевидцемъ сѣдымъ монахомъ Исаіемъ (въ Сересѣ). Подобно птицамъ небеснымъ „Измаэлиты" разсѣялись по всей странѣ и, не переставая, умертвляли и брали въ плѣнъ населеніе. Голодъ, неизбѣжный при опустошеніи страны, истреблялъ остальныхъ жителей. Стаи волковъ, вѣрныхъ спутниковъ большихъ войнъ, терзали и пожирали днемъ и ночью безпріютныхъ бѣглецовъ. „Страна лишилась скота, людей и полевыхъ плодовъ. Не было среди народа ни князя, ни вождя, вообще никакого спасителя или избавителя: все исчезало предъ страхомъ, наведеннымъ Измаэлитами, и даже храбрыя сердца героевъ превратились въ слабѣйшія жен-

---

[41]) Точныя показанія серб. лѣтописей не допускаютъ никакого сомнѣнія о времени.

[42]) Сербскій патріархъ Паисій (1614—1646) разсказываетъ, что могила Углеши находится у Гарманли, его же чудотворные останки перенесены въ одинъ монастырь близъ Сереса (Гласник 22, 226). Одинъ изъ преемниковъ Паисія Арсеній Черноевичъ видѣлъ могилу Углеши въ 1683 г. около Узунджовы, близъ Марицы (Дневникъ его странствованія въ Іерусалимъ, Гласник 33, 187). Самое важное извѣстіе о сраженіи у монаха Исаіи (Miklosich, Chrestomathia palaeslov. 72—76); ср. серб. лѣтописи у Šafařik'a Pam. 54, 61, 72, Chalcocondylas (Stritter II. 337); турецкія извѣстія у Zinkeisen'a I. 224 (ошибочно 1363).

скія сердца. Пережившіе справедливо завидовали тогда умершимъ“.

Великій визирь Хайреддинъ и Эвреносъ-бегъ заняли Кавалу, Драму, Сересъ, Зихну, Веррею (Караферія) и Кукушъ; ихъ войска дѣлали набѣги до границъ Албаніи и Сербіи. Сербскіе владѣтели верхней Македоніи должны были подчиниться Туркамъ и обѣщать имъ помощь въ войнахъ противъ вѣрующихъ и невѣрующихъ [43]). Двое изъ нихъ, часто воспѣваемые сербскіе князья *Марко* и *Константинъ* заслуживаютъ, чтобы поговорить о нихъ подробнѣе.

Марко краль, сынъ Влкашина, имѣлъ свою резиденцію въ Прилѣпѣ. Его замокъ стоялъ на крутой скалѣ съ двумя вершинами, которая подымается на 300 футовъ вышины въ четверть часа къ западу отъ теперешняго города Прилѣпа; еще и нынѣ видны тамъ развалины, которыя народъ называетъ „Марковы кули“ (башни Марка). У южной подошвы скалы, на которой построенъ замокъ, находился старый городъ Прилѣпъ, теперь деревня съ 150 домами и 6—7 церквами, называемая Варошъ. Въ церкви св. Михаила на стѣнѣ находится изображеніе краля Михаила съ короной и скипетромъ. Встрѣчаются также монеты съ надписью: „въ Христа Бога благовѣрни краль Марко“ [44]). При „Марковой рѣкѣ“, которая подъ Скопьемъ впадаетъ въ Вардаръ, возлѣ деревни Сушицы стоитъ часто воспѣ-

[43]) Папа Григорій XI писалъ королю Людовику Венгерскому 14 мая 1372 года, что Турки завоевали «nonnullas *partes Grecie,* subactis quibusdam *magnatibus Rascie*, tum in eis dominantibus» (Theiner, Mon. Hung. II. 115), что нужно отнести къ Македоніи. Цинкейзенъ (I. 229) относитъ по турецкимъ источникамъ завоеваніе Сереса къ 1373 г., подчиненіе Константина къ 1371 г., Драгоша и Богдана къ 1374. Нападеніе Турокъ въ союзѣ съ Шишманомъ на валашскаго воеводу Владислава, упоминаемое въ грамотѣ 1372 г. (Fejer IX. 4, 477), относится, вѣроятно, къ событіямъ 1366 г.

[44]) Šafařik въ Гласникѣ VII. 217; ср. ib VI. 186. Семь монетъ у Ljubić'а, Opis jugoslav, novaca 157.

ваемый „краль Марковъ монастырь“ св. Димитрія [45]). Государство Марка простиралось отъ Шара до границъ Θессаліи.

Личность Марка, любимца народныхъ сказаній, мало выяснена исторіей. Болѣе всего извѣстны его споры за обладаніе Костуромъ. Марко жилъ сначала съ Θеодорою, женою нѣкоего Гргура; позже женился на Еленѣ, дочери князя Родослава Хлапена веррейскаго, причемъ долженъ былъ выдать тестю свою наложницу. Но Елена вела себя такимъ неприличнымъ образомъ, что Марко рѣшился ее прогнать. Она отправилась въ Костуръ и передала городъ Балшѣ II (1380), распространившему свое господство изъ Шкодры и Зеты на Драчь, Валону и Канину, но потребовала отъ него, чтобы онъ прогналъ свою жену, дочь бератскаго деспота, и женился на ней. Напрасно старался Марко съ помощью Турокъ отвоевать Костуръ. Но Елена и у Балша вела себя такъ худо, что и онъ былъ принужденъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ ее заточить и затѣмъ прогнать [46]). Другое извѣстіе въ запискахъ албанскаго деспота Іоанна Мусаки гласитъ, что Андрей II Мусаки, владѣтель Берата, области Корчи и равнины Мусаки, со своими обоими зятьями Балшой II и Ропой охридскимъ выступилъ противъ Марка и отнялъ у него Костуръ, который будто-бы издревле принадлежалъ Мусаки [47]). Достовѣрно то, что два посла отъ Касторіи прибыли 18 де-

[45]) По серб. лѣтописямъ (Šafařik, Památ. 61) этотъ монастырь основали сыновья Влкашина. Ср. мою ст. Bibliographie bulgare № 361: «игуменямъ крали Марковаго монастыря, иже во Скопье у Марка рѣка, храмъ св. великомученика Димитрія».

[46]) Hahn, Reise durch die Gebiete des Drin 316. О женитьбѣ Марка: «Писа се сія книга у Порѣчи у селѣ зовомъ Калугерецъ, въ дни благовѣрнаго краля Марко, іегда отдаде Θодору Гргурову жену Хлапену и узе жену свою прьвовѣнчану Елену Хлапенову дьщере». Cod. serb. saec. XIV А. Поповъ, Описаніе рукописей библ. купца Хлудова. Москва 1872. 34.

[47]) Макушевъ, Славяне въ Албаніи 52. Ср. Rad V. 174.

кабря 1380 г. въ Янину, чтобы передать деспоту Ѳомѣ, сводному брату Елены, а слѣдовательно свояку Марка, замокъ Сервію: деспотъ заключилъ ихъ въ тюрьму, чтобы вынудить у нихъ денегъ [48]). Для изслѣдованія историческихъ основаній народныхъ сказаній имѣетъ большой интересъ пѣснь, которая и теперь еще поется въ Прилѣпѣ, и въ которой разсказывается, какъ Елена Марковица любила красиваго Дуку и какъ ревнивый Марко, узнавъ объ этой связи изъ пѣсни, которую пѣли двѣ дѣвушки при бѣленіи бѣлья у „Дѫбови кладенецъ“, подъ скалою замка, наказалъ свою невѣрную супругу смертью на кострѣ [49]).

Марко сталъ южно-славянскимъ національнымъ героемъ κατ' ἐξοχήν. Тысячи пѣсней и сказаній увѣковѣчиваютъ его память у Сербовъ, Болгаръ, Хорватовъ, даже у неславянскихъ Албанцевъ; отъ Истріи до Константинополя, отъ Янины до Варны едва-ли найдется хоть одинъ человѣкъ, которому имя Марка было-бы неизвѣстно. Повсюду указываютъ на слѣды его исполинской силы. Мрачныя ущелья разсѣкъ онъ своимъ мечомъ, большіе холмы — его шатры, разрозненные куски скалъ сбросилъ онъ съ высокихъ горныхъ хребтовъ какъ игрушки; указываютъ на слѣды копытъ его коня Шарца, на купальни, пещеры, замки Марка. На Стамболь-Капіѣ въ Видинѣ видны надъ воротами зубы краля Марка, въ балканскомъ проходѣ у Шипки и у Траяновыхъ воротъ — замки Марка, въ Филиппополѣ могильный холмъ Марка, у Валоны на отдаленномъ прибрежьи Албаніи — ущелье Марка. Имя безсмертнаго героя преслѣдуетъ путешественника на Балканскомъ полуостровѣ на каждомъ шагу. Живѣе всего сохранилось воспоминаніе о

---

[48]) Hopf (Т. 86) 39. Янинская греческая хроника. Гласник XIV. 258 Мать Ѳомы по смерти Прелюба вышла замужъ за Хлапена

[49]) Миладиновы 254.

немъ въ его государствѣ, въ западной Македоніи, но тамъ прибавляютъ обыкновенно, что Марко былъ притѣснителемъ (зулумджія) [50].

Неразлучно связанъ съ именемъ Марка въ сербскихъ пѣсняхъ его другъ *Константинъ*. Историческій Константинъ былъ владѣтель сѣверной Македоніи. Тамъ владѣли именно послѣ смерти севастократора Дѣяна его вдова, *царица Евдокія*, можетъ быть сестра Душана, со своими тремя сыновьями, деспотомъ *Іоанномъ Драгашомъ*, „господиномъ" *Константиномъ* и воеводою *Дмитріемъ*. Это княжество граничило на сѣверѣ Црной горой, Руяномъ, горами Власинскими, на востокѣ Струмой, на югѣ Бѣласицой, на западѣ Бабуной, со включеніемъ нижняго теченія Черны. Главными городами страны были Жеглигово (возлѣ Куманова), Вельбуждъ, Кратово, Штипъ, Струмица и Петричъ. Многочисленные золотые и серебряные рудники доставляли братьямъ богатыя денежныя средства для содержанія сильнаго войска. Множество дворянъ, по большей части Сербовъ, составляли блестящую свиту. Управленіе страною было устроено по образцу сербскому. Братья платили Туркамъ дань и лично служили имъ на войнѣ во главѣ отборной конницы [51]. По смерти Драгоша въ 1379 году [52]) Константинъ сталъ единодержавнымъ и царствовалъ еще 15 лѣтъ, пока не погибъ вмѣстѣ съ Маркомъ. Память о немъ еще долго жила въ его области, которая еще ок. 1500 года называлась просто *землей Константиновой* [53]. Городъ Вельбуждъ былъ по немъ

---

[50]) Григоровичъ, Оч. путеш. 165.

[51]) Объ этой фамиліи ср. древне-сербск. словарь Даничича (подъ сл. Дѣянъ, Евдокія, Константинъ), грамоты въ Гласникѣ 24, 249 и у Miklosich'a, Mon. serb. 190, Греч. изв. у Халкокондила (Stritter 349. 354) и турецкія у Zinkeisen'a I. 227.

[52]) Hopf 457.

[53]) «Исуфа, держателя земли Константиновѣ» (1431) у Константина Философа, Жизнь деспота Стефана, гл. 70; «Жеглиговъ въ странѣ Констан-

переименованъ въ Кюстендиль: уже въ 1530 году онъ въ дневникѣ Курипешича называется *Constanica Banja*, т. е. баня Константина [54], ради теплыхъ ключей: въ сербскихъ источникахъ XV и XVI столѣтій также *Веобушка-баня*.

Богданъ, владѣтель въ южной Македоніи, обязался служить подъ знаменемъ Мурада. Къ востоку отъ него Алексѣй *Асанъ*, грецизованный потомокъ царя Іоанна Асѣня III, владѣлъ уже 17 лѣтъ приморскимъ городомъ Христополемъ (теперь Кавала) и островомъ Ѳазосомъ: онъ отнялъ у Турокъ нѣсколько замковъ, послѣ чего пріобрѣлъ право венеціанскаго гражданства [55]).

Византійцы даже послѣ страшнаго пораженія Сербовъ не стали благоразумнѣе. Семейные раздоры Палеологовъ лишили слабое государство послѣднихъ жизненныхъ силъ. Лишенный престолонаслѣдія Андроникъ соединился съ Сауджи, сыномъ Мурада, который съ такимъ-же нетерпѣніемъ стремился къ власти. Сыновья возстали противъ отцовъ, но не устояли. Сауджи былъ на глазахъ отца ослѣпленъ и обезглавленъ, а Андроникъ по приказанію императора Іоанна ослѣпленъ кипящимъ уксусомъ и заточенъ [56]).

Вскорѣ возгорѣлись у Пропонтиды жестокія междоусобныя войны, въ которыхъ принимали участіе и Болгаре. Венеціанцы, чтобы имѣть доступъ въ Черное море, старательно оберегаемое Генуэзцами, домогались у императора

тина» въ запискахъ Михаила Островицкаго (1492—1501), сербск. янычара (ср. Herm. и Jos. Jireček. Rozpravy hist. fil. Вѣна 1860 стр. 1 сл. и по нимъ H. Zeissberg. Die polnische Geschichtsschreibung des Mittelalters. Leipzig 1873, 419.)

[54]) Голубинскій 499. Heerstrasse 28. Нынѣ крестьяне называютъ его просто Баня.

[55]) Hopf (85) 448, (86) 22.

[56]) Zinkeisen I. 237. Объ этомъ разсказываютъ Chalcocondylas, Ducas, Phrantzes, а также рум. хроника у Григоровича.

Іоанна V за большую сумму уступки острова Тенедоса. Генуэзцы-же, чтобы ихъ предупредить, освободили Андроника изъ заточенія. Поддерживаемый Генуэзцами и болгарскими родственниками своей супруги, а по одному извѣстію также кралемъ Маркомъ, Андроникъ осадилъ Константинополь, взялъ его 12 августа 1376 г. и короновался *Андроникомъ IV* [57]). Онъ тотчасъ-же уступилъ Тенедосъ Генуэзцамъ. Начальникъ-же острова остался вѣренъ старому императору, томившемуся тогда въ заточеніи у своего сына, и передалъ островъ Венеціанцамъ. Изъ за этого возникла долголѣтняя, кровопролитная морская война между непримиримыми республиками. Наконецъ въ Туринскомъ мирѣ (1381), заключенномъ при посредствѣ Амадея VI Савойскаго, было опредѣлено, что Тенедосъ долженъ былъ оставаться необитаемымъ. Между тѣмъ Андроникъ, одинаково нелюбимый, какъ своимъ народомъ, такъ и Турками, черезъ три года былъ изгнанъ своимъ отцомъ Іоанномъ V и своимъ братомъ Мануиломъ; онъ умеръ въ Галатѣ въ 1385 г.

При срытіи крѣпости Тенедосъ явились неожиданныя затрудненія. Венеціанскій комендантъ Джіованни Муаццо рѣшился во что бы ни стало удержать островъ и противился приведенію въ исполненіе мирнаго договора. Бывшіе враги соединились, чтобы усмирить нарушителя мира. Наконецъ 9 мая 1383 года Тенедосъ сдался на капитуляцію, послѣ чего греческіе жители были переселены на Критъ и Эвбею, а островъ превращенъ въ пустыню.

Самъ Муаццо тайно бѣжалъ на галерѣ и отправился къ болгарскому деспоту *Добротичу*, который, имѣя свою

[57]) Кратко въ визант. хроникѣ 1391 года (Wien. Sitzber. IX. 392). Подробно Phrantzes ed. Bonn. 54, гдѣ мы читаемъ также: «καὶ μετά τινων τῶν φίλων αὐτοῦ συμβουλευσάμενος καὶ τῶν τῆς γυναικὸς αὐτοῦ συγγενῶν καὶ τοῦ πενθεροῦ αὐτοῦ Μάρκου τοῦ τῆς Βουλγαρίας ἔτι μέρος δεσπόζοντος». Тестемъ Андроника былъ во всякомъ случаѣ не Марко, а уже давно умершій царь Александръ.

резиденцію въ Варнѣ, устроилъ собственный флотъ на Черномъ морѣ и достигъ такого могущества, что его военные корабли появились въ 1374 г. предъ Трапезунтомъ съ тѣмъ, чтобы вытѣснить законнаго наслѣдника престола Андроника Комнина и возвести на престолъ трапезунтскій Михаила, сына Іоанна V Палеолога и зятя Добротича [58]). Муаццо старался склонить болгарскаго князя къ внезапному нападенію на генуэзскія колоніи въ Крыму. Добротичъ въ самомъ дѣлѣ вооружился, но Муаццо попалъ въ это время въ плѣнъ къ Венеціанцамъ, которые послали его въ іюлѣ 1384 г. на одинъ годъ въ Критъ въ заточеніе, а потомъ сослали его на вѣчныя времена. Добротичъ потомъ опять примирился въ 1385 году съ Генуэзцами и вскорѣ спустя скончался. Его преемникъ, „magnificus et potens dominus *Ivanco*, filius bonae memoriae magnifici domini Dobordize“, заключилъ торговый договоръ съ Генуей 27 мая 1387 г. [59]).

[58]) Hopf (86) 27. Ближайшихъ извѣстій у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ рукой.

[59]) По итальянск. хроникамъ и грамотамъ Hopf 26—28. Договоръ съ Иванкомъ изданъ de Sacy въ Memoires de l'acad. des inscr. T. VII. Paris 1824. 319—326; и затѣмъ въ Notices et extraits des manuscrits de la bibl. royale de Paris. T. XI (1827) 65.

Глава XXIII.

Завоеваніе Болгаріи Турками.

Юго-славянская конфедерація при королѣ Стефанѣ Твердкѣ Боснійскомъ. — Побѣда союзниковъ при Топлицѣ (1387). — Первое подчиненіе Шишмана. — Сраженіе на Косовомъ полѣ (1389). — Второе нашествіе Турокъ на Болгарію. — Взятіе Трнова и паденіе Болгарскаго царства и національной церкви (1393). — Участь царя Шишмана. — Сраженіе на Ровинскомъ полѣ и смерть краля Марка. — Сраженіе при Никополѣ (1396). — Кончина царя Срацимира (1398). — Вся Болгарія подвластна Туркамъ.

Въ теченіи 25 лѣтъ былъ произведенъ Турками на всемъ полуостровѣ громадный переворотъ. Во Ѳракіи они водворились совершенно. Византія была безсильна, отъ другихъ-же по большей части уже данническихъ и между собою враждующихъ удѣльныхъ княжествъ, на которыя распались Болгарія, Македонія, Албанія и Эллада, нечего было ожидать никакой серьезной опасности. Оставался только храбрый сербскій народъ въ трехъ государствахъ Сербіи, Босніи и Зетѣ. Впереди угрожаемые Турками, съ тылу Венграми, южные Славяне видѣли, что гроза съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе приближалась. Тогда поднялись они во всей своей странѣ отъ Кульпы до Шара, отъ

Адріи до Тимока, чтобы сообща вступить въ исполинскую борьбу на жизнь и на смерть.

Сама Сербія глубоко пала со времени сраженія при Марицѣ. *Лазарь*, еще до того пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ дунайской и моравской странѣ, владѣлъ землею уже не какъ царь и не какъ король, но какъ простой князь. Почти независимо отъ него правилъ на Косовомъ полѣ *Вълкъ Бранковичъ*, имѣвшій резиденцію въ Приштинѣ.

Во время сербскихъ смутъ, богомильская Боснія стала преобладающей державой между южными Славянами. *Стефанъ Твердко*, зять царя Срацимира бдинскаго, бывшій первоначально милостью венгерскаго короля баномъ Босніи, отложился отъ верховной власти Венгріи и короновался въ 1376 году въ монастырѣ Милешевскомъ *королемъ Сербіи, Босніи, приморской земли* и *западныхъ земель*. Какъ правнукъ короля Стефана Драгутина (съ материнской стороны), считалъ онъ себя по умерщвленіи послѣдняго Неманича, царя Уроша, настоящимъ наслѣдникомъ сербскихъ царей и королей. Цѣлью его политики было учрежденіе большаго юго-славянскаго государства отъ Адріи до Дуная и Дравы. Хорватовъ, возмутившихся только-что противъ Маріи венгерской и ея супруга Сигизмунда Люксенбургскаго, Тврдко поддерживалъ вмѣстѣ съ сербскимъ Лазаремъ. Завоеваніемъ Далмаціи доставилъ онъ Босніи доступъ къ морю. Чтобы угодить католическимъ Хорватамъ онъ перешелъ отъ восточной церкви въ латинскую. Въ Хорватіи его воеводы въ союзѣ съ туземнымъ дворянствомъ боролись за соединеніе Хорватіи съ столь могущественной въ то время Босніей [1]).

Такимъ образомъ Босняки, Сербы и Хорваты были въ тѣсномъ союзѣ противъ Венгровъ и Турокъ. Сербъ Балша II,

[1]) См. Rački. Pokret na slavenskom jugu koncem XIV i početkom XV stoljeća. Rad II, III, IV, превосходное сочиненіе.

владѣвшій всей землей отъ Дубровника до Валоны, заключилъ съ Лазаремъ военный союзъ и присоединился также къ конфедераціи. Въ какія отношенія стали къ конфедераціи оба болгарскіе царя бдинскій и трновскій, изъ которыхъ Срацимиръ былъ тестемъ Твердка, а Шишманъ зятемъ [2]) Лазаря — неизвѣстно. Срацимиръ не переставалъ между тѣмъ воевать съ своимъ братомъ, онъ даже отдѣлился отъ трновскаго патріархата и подчинилъ свои земли константинопольской церкви. У Шишмана онъ отнялъ на нѣкоторое время Софію, епархія которой была подчинена въ 1371 г. константинопольскимъ патіархомъ бдинскому митрополиту [3]); но въ 1378 году Софія снова является подвластной Шишману [4]). Срацимиръ былъ поддерживаемъ въ этихъ раздорахъ бывшей съ нимъ въ свойствѣ валашской княжеской фамиліей, что и подало поводъ къ войнѣ Шишмана противъ *Іоанна Дана*, въ которой послѣдній погибъ [5]). Дану наслѣдовалъ его энергическій братъ *Іоаннъ Мирча*, который отдѣлился въ церковномъ отношеніи отъ Византіи и подчинилъ свое государство отдаленной охридской церкви [6]).

Вскорѣ событія въ Болгаріи и Албаніи отвлекли вниманіе союзниковъ отъ приморской и савской земли на югъ.

---

[2]) Сербск. лѣтоп., Šafařik. Pam. 72. Chalcocondylas у Stritter'a 885.

[3]) Acta patr. I. 551.

[4]) Грамота у Šafařik'a. Památky, 2 изд. 105—108: «якоже пріидоша люди монастырѣ того въ земя царства ми. въ Срѣдецъ».

[5]) Брахилогическія замѣтки въ рум. хроникѣ у Григоровича («Въ это время случилось, что Шишманъ, государь Болгаръ, убилъ воеводу Дана, господина Румыновъ») и въ двухъ рум. хроникахъ у Koesler'a Rom. Stud. 290. Генеалогія валашскихъ князей по хрисовулу Мирчы (Венелинъ, Влах. грам. № 2):

Александръ
Владиславъ — Іоаннъ Радулъ
Іоаннъ Данъ — Іоаннъ Мирча.

[6]) Голубинскій 363.

Уже давно беглербегъ Лалашагинъ домогался города Софіи; но тщетно промчались его отряды по прекрасной долинѣ между Витошомъ и Балканами, „картинѣ рая“. Наконецъ ему удалось взять городъ хитростью. Одинъ молодой Турокъ пришелъ къ начальнику Софіи, бану Янку, встрѣтилъ у него дружескій пріемъ, какъ отступникъ отъ ислама, и сдѣлался не только его главнымъ сокольничьимъ, но также его повѣреннымъ. Однажды на охотѣ близъ границы, когда вооруженная свита Янка разсѣялась въ разныя стороны, Турокъ напалъ внезапно на бана и дотащилъ его на своей лошади до Филиппополя. Тамошній комендантъ Индже Балабанъ-бегъ поспѣшилъ тотчасъ-же въ Софію и овладѣлъ ею (1382). Такъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ Турки [7].

Опаснѣе было вторженіе Турокъ въ Албанію, гдѣ Балша ссорился съ Албанцемъ Өопіей за Драчь. Өопія позвалъ Турокъ на помощь. Въ кровопролитномъ сраженіи съ беглербегомъ Хайреддиномъ на соляной степи Саврѣ при рѣкѣ Деволѣ палъ Балша, а рядомъ съ нимъ будто-бы также Иванишъ, братъ краля Марка (1385) [8]. Турки дѣлали съ тѣхъ поръ набѣги до залива Арты и даже овладѣли на нѣкоторое время Солунемъ. Албанскіе ренегаты уже тогда сражались въ рядахъ завоевателей. Тогда итальянскія морскія державы считали нужнымъ, по примѣру Дубровчанъ (1365) заключить съ Турками торговые договоры, Венеція въ 1384, Генуа въ 1387 г.

Юго-славянскіе союзники ожидали между тѣмъ удобной минуты, чтобы вступить въ борьбу съ Турками. Удобный случай представился въ 1386 г. Въ то время какъ сул-

[7] Турецкія извѣстія въ Mémoires de l'acad. des inscr. VII. (1827). 327—334 (Yanouka-ban).

[8] Hahn, Reise durch die Gebiete des Drin etc. 317. Hopf 43. По серб. лѣтописямъ (Šafařik, Pam. 61) Вукашинъ имѣлъ трехъ сыновей: Марка, Дмитрія, Андрея. По Гопфу (85) 457 Дмитрій перешелъ въ исламъ.

танъ Мурадъ воевалъ съ княземъ Али-бегомъ Карамансквмъ. Тврдко и Лазарь готовились къ нападенію. Шишманъ-же. хотя и былъ за одно съ ними. не хотѣлъ открыто отложиться отъ султана. Однако это движеніе не ускользнуло отъ Мурада. Поспѣшно выступившн изъ Азіи. разграбилъ онъ Болгарію. завоевалъ послѣ отчаяннаго сопротивленія сербскій Нишъ и принудилъ Лазаря ежегодно уплачивать дань въ 1000 фунтовъ серебра и поставлять вспомогательное войско 1000 всадниковъ [9]). Тѣмъ не менѣе Лазарь и Тврдко собрали въ слѣдующемъ году 30.000 человѣкъ и отправились въ походъ противъ Турокъ. Мурадъ. занятый въ Азіи. могъ имъ противоставить едва 20.000 человѣкъ. При Плочникѣ на Топлицѣ соединенные Босняки и Сербы нанесли Османамъ такое пораженіе. что едва пятая часть избѣгла смерти или плѣна (1387). Это была первая и послѣдняя побѣда юго-славянской конфедераціи надъ азіатскими пришельцами [10]).

Радость объяла весь полуостровъ. — непреодолимый „побѣдитель въ священной борьбѣ“ (гази) былъ пораженъ. Шишманъ тогда уже не замедлилъ открыто объявить себя союзникомъ Сербовъ и отказалъ Мураду въ военной помощи. Тоже самое сдѣлалъ Иванко. сынъ Добротича. который также недавно предъ тѣмъ долженъ былъ присоединиться къ Османамъ [11]). Султанъ. пылая гнѣвомъ, дѣлалъ въ Азіи и въ Европѣ въ теченіи цѣлаго года большія приготовленія для похода съ цѣлью отмстить. Венеціанцы.

[9]) Сербск. лѣтописи (Šaf. Pam. 74) относятъ паденіе Ниша къ 1386 г. 1375 годъ въ турецкихъ источникахъ (Zinkeisen I. 230) уже по топографическимъ причинамъ сомнителенъ. такъ какъ едва ли Турки могли удержаться въ Нишѣ. не владѣя Софіей.

[10]) Сербск. лѣтоп. ib. Zinkeisen I. 250.

[11]) Leunclavius. Hist. Musulmanae Turcorum l. XVIII. Francofurti 1591 p. 265.

опасаясь за Пелопоннезъ, старались составить лигу со всѣми греческими и франкскими владѣтелями въ Элладѣ [12]). Славяне-же знали хорошо, что означали приготовленія Мурада.

Въ 1388 году передовой отрядъ турецкаго войска въ 30.000 человѣкъ подъ предводительствомъ великаго визиря Али-паши, сына Хайреддина, выступилъ изъ Адріанополя и направился къ сѣверу. Шишману, слабѣйшему изъ союзниковъ, суждено было пасть первому. Къ сожалѣнію о ходѣ этой кампаніи нѣтъ никакихъ извѣстій, кромѣ одностороннихъ и позднихъ турецкихъ хроникъ. Али перешелъ Балканы возлѣ Айтоса, велѣлъ Якши-бегу напасть внезапно ночью на Провадъ и овладѣлъ Шуменомъ вмѣстѣ со всѣми окрестными замками; напротивъ того попытка Иванки взять Варну совершенно не удалась. Трново сдалось на капитуляцію послѣ недолгаго сопротивленія. Шишманъ, запершійся въ хорошо снабженномъ припасами Никополѣ, принудилъ Али призвать на помощь самаго Мурада, такъ какъ нечего было и думать о взятіи города голодомъ. Мурадъ прибылъ изъ Адріанополя съ войскомъ, которое подобно наводненію нахлынуло во всѣ окрестности, такъ что Шишману оставалось только заключить миръ, на который согласились подъ условіемъ, что онъ уплатитъ дань, слѣдуемую за нѣсколько лѣтъ и сдастъ крѣпость Дрстеръ. Но лишь только султанъ удалился, Шишманъ рѣшился на отчаянное сопротивленіе и отказалъ сдать Дрстеръ. Но великій визирь, владѣя еще Шуменомъ и ущельями, взялъ приступомъ не только Дрстеръ, но и всѣ города и замки по теченію Дуная и во второй разъ осадилъ царя въ Никополѣ. Злосчастный Шишманъ, по инымъ, здѣсь съ женою и дѣтьми умолялъ у ногъ Али ходатайствовать предъ султаномъ. Его вмѣстѣ съ семействомъ отправили въ ла-

[12]) Hopf (Ersch-Gruber. Bd. 86) 49

герь Мурада при Таусли (мѣстоположеніе неизвѣстно), гдѣ онъ былъ не только помилованъ, но и оставленъ на тронѣ (1388). Болгарія была снова унижена, но отнюдь не совершенно порабощена [13].

Послѣ этого похода, если не раньше, царь Срацимиръ долженъ былъ также покориться турецкой власти. Его государство было тогда поприщемъ безотрадной борьбы. По стараніямъ константинопольскаго патріарха бдинскій митрополитъ былъ удаленъ въ 1381 г., вѣроятно потому что былъ посвященъ въ Трновѣ, и на его мѣсто былъ назначенъ по предложенію царя Срацимира іеромонахъ Касіанъ. Этотъ почтенный пастырь церкви, будучи обвиненъ въ убійствѣ, долженъ былъ бѣжать и скитался въ теченіи шести лѣтъ. Наконецъ въ 1392 г. болгарскій составитель житій святыхъ Іоасафъ былъ возведенъ въ санъ митрополита [14].

Въ то время, какъ Али распоряжался въ Болгаріи, храбрый полководецъ Лазаря Димитрій, сынъ Войхны, занялъ болгарскій пограничный замокъ Пиротъ (между Софіею и Нишомъ), гдѣ тогда находились войска великаго визиря. Хотя и удалось Якши-бегу опять внезапно напасть ночью на Пиротъ и разрушить его, но при отступленіи онъ въ ущельяхъ съ трудомъ спасся отъ преслѣдовавшихъ его Сербовъ. Между тѣмъ Мурадъ выступилъ изъ Филиппополя и двинулся черезъ Ихтиманъ, Кюстендиль и Кратово въ Сербію.

15-го іюня 1389 года въ Видовъ данъ Косово поле всюду по обѣимъ сторонамъ рѣки Лаба сіяло великолѣпнымъ блескомъ оружія. Здѣсь произошла битва народовъ,

---

[13]) Сеадеддинъ (Zinkeisen I. 252—255) говоритъ о полномъ порабощеніи страны, что ошибочно. Значительно отклоняющееся изложеніе смотри у Leunclavius'a 268—276.

[14]) Acta patr. II. 28, 161. Дриновъ, Исторически прегледъ на Бълг. църква 120. Zachariae von Lingenthal, Beitr. zur Gesch. der bulg. Kirche. 33.

послѣдствія которой еще и нынѣ живо ощущаются [15]). Здѣсь противостали Туркамъ Сербы подъ храбрымъ и благочестивымъ старцемъ Лазаремъ и Босняки подъ начальствомъ воеводы Владки Хранича: рядомъ съ ними сражались хорватскій банъ Иванъ Хорватъ, затѣмъ Болгаре, спасшіеся при гибели своей родины, румынскія вспомогательныя войска воеводы Мирчи [16]) и многочисленные владѣльцы изъ Албаніи, изъ которыхъ очень многимъ не привелось болѣе увидѣть своей родины. Противъ христіанъ стояли Османы, контингенты малоазіатскихъ князей, христіанскій вассалъ Константинъ македонскій, а можетъ быть также краль Марко. На разсвѣтѣ султанъ Мурадъ былъ заколонъ въ своемъ шатрѣ Милошемъ Обиличемъ, который хотѣлъ этимъ геройскимъ подвигомъ снять съ себя обвиненіе въ вѣроломствѣ, и тотчасъ послѣ убійства погибъ жестокой смертью. Сынъ султана Баязидъ принялъ главное начальство. Сначала побѣда клонилась на сторону Сербовъ, потомъ вдругъ военное счастье имъ измѣнило. Лазарь попалъ въ плѣнъ и былъ обезглавленъ со многими дворянами на трупѣ Мурада. Потери съ обѣихъ сторонъ были громадны. Смерть двухъ предводителей Мурада и Лазаря усилила еще болѣе сильное впечатлѣніе этого незабвеннаго злополучнаго дня. Баязидъ, прозванный Ильдиримомъ (молнія), начавъ этой побѣдой свое царствованіе, возвратился въ Адріанополь.

Съ быстротою молніи распространились повсюду замѣчательныя сказанія о великомъ сраженіи, сложились пѣсни и вскорѣ не было возможности отличить истину отъ вымысла. Историческій ходъ этого великаго событія въ смертельной борьбѣ южныхъ Славянъ покрытъ непроницаемымъ туманомъ. Въ

---

[15]) О косовскомъ сраженіи, Rački op. cit. Rad III. 91, Zinkeisen I. 256 и статья «Косово поле» Іос. Первольфа, проф. варшавск. универс., въ чешск. энциклопедіи «Slovnik Naučny» (Praha 1861—1873. 11 т.)

[16]) Roesler, Rom. Stud. 312.

началѣ смотрѣли на смерть Мурада и отступленіе Турокъ съ поля сраженія, какъ на побѣду христіанства. Въ этомъ духѣ писалъ король Тврдко гражданамъ Трогира и Флоренціи: даже въ самомъ Парижѣ, въ церкви Богоматери было совершено за мнимую побѣду торжественное богослуженіе, на которомъ присутствовалъ самъ король Карлъ VI со своими придворными [17]).

На сербскій престолъ вступилъ юный *Стефанъ Лазаревичъ*, набожный и ученый, но слабый правитель, не похожій на отца, не довольно сильный для борьбы съ Баязидомъ. Онъ долженъ былъ платить дань, поставлять вспомогательныя войска, ежегодно лично являться въ Высокую Порту и пожертвовать свою сестру Оливеру (Милева народныхъ пѣсней) въ гаремъ побѣдителя. Онъ считалъ свое положеніе столь шаткимъ, что вмѣстѣ со своимъ братомъ Вълкомъ и своей матерью Милицой, названной въ монашествѣ Евгеніею, вошелъ въ соглашеніе съ монастыремъ Руссикономъ на Аѳонѣ относительно вкладовъ, которые они внесли на случай, если имъ придется бѣжать изъ страны [18]). Также *Вълкъ Бранковичъ*, владѣтель приштинскій, хотя послѣ сраженія и нашелъ убѣжище въ Дубровникѣ, былъ принужденъ платить дань [19]). Его измѣнѣ сербскій народъ приписываетъ несчастіе на Косовомъ полѣ. Насколько это вѣрно — нельзя опредѣлить исторически. Король Тврдко скончался уже въ 1391 году; подобно Душану, онъ не оставилъ равнаго себѣ преемника.

Баязидъ I началъ свое правленіе кровавымъ злодѣяніемъ, велѣвъ задушить на Косовскомъ полѣ битвы еще до сраженія своего брата Якуба, когда тотъ ничего еще не

[17]) Zinkeisen I. 290.

[18]) Грамота 1396 г. Гласник 24. 277. Монашескія республики на Аѳонѣ и въ Патмосѣ были во время этихъ набѣговъ пощажены всѣми партіями.

[19]) Monumenta serb. 215. 222.

зналъ о смерти своего отца. Такимъ образомъ въ династіи Османовъ было введено законное братоубійство, какъ главная опора престола. Баязидъ началъ отклоняться отъ простоты предковъ и предаваться сладострастнымъ порокамъ. Цвѣтущихъ мальчиковъ и привлекательныхъ дѣвушекъ, отнятыхъ у Грековъ, Славянъ, Румыновъ, Албанцевъ, Саксовъ и Франковъ, варварскій властитель заставлялъ въ своемъ дворцѣ въ Бруссѣ пропѣвать предъ собою пѣсни на ихъ родномъ языкѣ и распутствовалъ съ ними до безумія. Неожиданное военное счастье и несмѣтная добыча скоро испортили нравственный характеръ турецкихъ побѣдителей [20]).

Баязидъ сталъ главнымъ посредникомъ славянскихъ, греческихъ и франкскихъ государей на востокѣ: даже король Владиславъ неаполитанскій искалъ его дружбы. Черезъ нѣсколько лѣтъ турецкое государство простиралось до Карпатовъ и Савы. Одинъ отрядъ войска въ 1390 г. прошелъ даже въ сербскую дунайскую землю и въ северинскій банатъ, гдѣ былъ отбитъ баномъ Николаемъ Переніемъ [21]). Въ 1391 г. Мирча, напавшій по соглашенію съ магометанскими малоазіатскими владѣтелями на Турокъ, былъ пораженъ и поставленъ въ такое-же отношеніе къ Портѣ, какъ и Стефанъ Лазаревичъ [22]). Въ 1392 г. произошла первая война съ Венграми. Султанъ, занявшій войсками замокъ Голубацъ на Дунаѣ, долженъ былъ отступить и былъ преслѣдуемъ Венграми до ждрельскаго ущелья. Въ то-же время турецкіе отряды производили набѣги въ Боснію.

Затѣмъ уже былъ нанесенъ главный ударъ Болгаріи. Причиной были, можетъ быть, какіе нибудь тайные переговоры Шишмана съ Венгріей [23]). Зло, причиненное византійской

[20]) Zinkeisen I. 380 сл.

[21]) Zinkeisen I. 272 Račkі въ Rad. III. 108, 125.

[22]) Zinkeisen I. 284.

[23]) Баязидъ сказалъ однажды Стефану Лазаревичу (біографія котораго составлена Константиномъ Философомъ, Гласник 42, 268): «Кто изъ вла-

ложной цивилизаціей, эгоизмомъ болярь и религіозными смутами, не могло быть исправлено самоотверженіемъ и героизмомъ нѣсколькихъ лицъ. Не было недостатка въ укрѣпленныхъ мѣстахъ и воинахъ. Еще держались большіе города Трново, Никополь, Свиштовъ и др. Въ Добруджѣ господствовалъ преемникъ Иванка, умершаго послѣ краткаго правленія, валашскій князь Мирча, овладѣвшій тогда и Дрстеромъ [24]). Уже въ 1390 году, когда онъ заключилъ союзъ съ Владиславомъ II польскимъ противъ короля Сигизмунда, онъ подписывался „terrarum Dobrodicii despotus et Tristri dominus". А въ грамотѣ, данной Стругальскому монастырю въ 1399 году въ „Гюрговѣ градѣ", называетъ онъ себя воеводой Унгровлахіи, господиномъ области по ту сторону горъ (Фогарашъ и Омлашъ) и обоихъ береговъ всей дунайской земли до великаго моря и „владальцемъ" города Дрстера. Тотъ же титулъ повторяется еще въ 1406 году [25]).

Трново превосходило всѣ города Болгаріи по своей величинѣ, богатству и своему отчасти природному, отчасти искусственному укрѣпленію. Поэтому-то Турки напали прежде всего на этотъ центръ болгарской жизни. О послѣд-

дѣльцевъ, хотя и подчинился Венграмъ, достигъ господства? И онъ упомянулъ именно о болгарскихъ царяхъ и др.»

[24]) Roesler, Rom. Stud. 307: «Пріобрѣтеніе титула владѣтеля Добруджи и Силистріи совершенно неизвѣстно». Я не сомнѣваюсь, что это было наслѣдіе послѣ Иванка, который въ исторіи безслѣдно исчезаетъ. Въ грамотѣ Мирчи отъ 1387 г. (Венелинъ, стр. 9) нѣтъ еще этого титула. Engel, Gesch. von Bulgarien, говоритъ (465), не указывая источниковъ: «Систовъ, Виддинъ и др. мѣста, занятыя влашскимъ воеводою (тогда Мирксa, сынъ Владислава), оказали еще сопротивленіе» (1392).

[25]) Въ Христа Бога благовѣрныи и христолюбивый и самодержавный Іоаннъ Мирча великій воевода и господинъ милостіѫ божіѫ и божіемъ дарованіемъ обладаѭщу ми и господствуѭщуми въсей земи Унгровлахійской и Запланинскимъ странамъ и *оба поли по въсему Подунавю, даже до великаго морѣ, и Дръстру граду владалецъ.* Венелинъ, стр. 18, ср. также 22.

нихъ часахъ древней царской резиденціи долгое время имѣлись лишь лаконическія замѣтки русскихъ и сербскихъ лѣтописей, пока русскій архимандритъ Леонидъ не открылъ три года тому назадъ похвальное слово патріарху Евѳимію, сочиненное современникомъ Григоріемъ Цамблакомъ изъ Трнова и составляющее, при всей своей напыщенности, неоцѣнимый источникъ [26]).

Весною 1393 года Баязидъ собралъ азіатскія войска, переправился черезъ Геллеспонтъ и соединилъ ихъ здѣсь со своими западными войсками; между ними легко могли быть также христіанскіе владѣльцы Македоніи. Своему сыну Челеби [27]) передалъ онъ предводительство и приказалъ ему двинуться на Трново. Неожиданно городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Пожаромъ и смертью Турки угрожали жителямъ, если они не сдадутся. Но только послѣ трехмѣсячной осады Трново было взято приступомъ со стороны теперешняго Гиссара [28]) 17 іюля 1393 года [29]). „Тотчасъ, — жалуется Цамблакъ, — изъ церквей были выгнаны священники, и на ихъ мѣсто назначены учители безстыдства; въ руки чужестранца попалъ кивотъ Завѣта и таинства были выброшены собакамъ". Патріаршая церковь въ честь Вознесенія Христа превращена была въ ме-

[26]) Напечатано въ Гласникѣ, 31 (1871), 248—292.

[27]) Амуратовъ сынъ Челюбій. Русск. лѣтописи. Цамблакъ упоминаетъ только о «варварскомъ царѣ». Самъ Баязидъ сражался весною 1393 года въ Азіи при Кастамуни (Zinkeisen I. 354).

[28]) Раковскій, Асѣнь 126, по преданію.

[29]) Серб. лѣтописи. Šafařik Pam. 74: «Въ лѣто 6901 пріеше Тоурци Трьновь іюла 31». Русск. лѣтописи (Никонъ IV. 252): (1393) «того-же лѣта Амуратовъ сынъ Челюбій Амиря турскiи взя землю болгарскую и градъ ихъ славный Терновъ, и царя ихъ и патріарха и митрополиты и епископы ихъ плѣни, а мощи святыхъ пожже и соборную церковь въ мизгить прѣтвори». У современника Іоасафа, митр. бдинскаго (Гласник 31. 253) 6902 г. (1394) инд. 3, но на этотъ годъ падаетъ инд. 2 (ср. Голубинскій 222).

четь; остальныя церкви или подверглись той-же участи, или-же были обращены въ бани и конюшни. Мощи святыхъ были выброшены и сожжены. Замокъ Трапезица съ его дворцами и часовнями былъ преданъ пламени и срытъ до основанія. Таковъ-же былъ конецъ царскихъ дворцовъ въ Царевцѣ, хотя ихъ стѣны и башни стояли еще въ XVII столѣтіи.

Въ отсутствіи царя Шишмана, который пытался противостоять Османамъ въ другомъ мѣстѣ, Евѳимій былъ главнымъ лицомъ въ городѣ. Мужественно отправился онъ къ Туркамъ, чтобы смягчить гнѣвъ варварскаго повелителя. Когда сынъ Баязида увидѣлъ патріарха, шедшаго къ нему неустрашимо и спокойно, какъ будто-бы всѣ ужасы войны были только стѣнными изображеніями, то онъ всталъ, дружески встрѣтилъ его, предложилъ ему сѣсть, выслушалъ его просьбы, но только немногія изъ своихъ обѣщаній исполнилъ. Изгнанный изъ патріаршаго дома въ Царевцѣ Евѳимій отправился въ церковь подъ горой, посвященную „на име Връховныхъ“ (т. е. апостоловъ Петра и Павла, нынѣ соборъ), и старался смягчить отчаяніе гражданъ увѣщеваніями и утѣшеніями.

Городской комендантъ, котораго оставилъ Челеби, „произвелъ бурю еще сильнѣе и ужаснѣе первой, при одномъ упоминаніи о которой трепещетъ языкъ и дрожь охватываетъ кости“. Низкимъ поступкомъ освободился онъ отъ воинственныхъ Болгаръ, хорошо понимая, что послѣдніе, только будучи мертвыми, дадутъ ему покой. Всѣхъ выдающихся гражданъ и боляръ онъ созвалъ въ церковь подъ предлогомъ, что онъ желаетъ совѣщаться съ ними о какихъ-то общественныхъ дѣлахъ. Когда-же всѣ, ничего не предчувствуя, собрались, началась предательская рѣзня. Не было пощады ни старому, ни малому; никто не просилъ помилованія. Всѣ погибли, всего 110 мучениковъ. Полъ въ

церкви былъ весь обрызганъ кровью. Трупы были выброшены на съѣденіе птицамъ небеснымъ [30]).

Евѳимій также былъ посаженъ въ темницу. Паша приказалъ снять съ него духовную одежду, взвести его „надъ стѣну града“ и тамъ публично обезглавить, чтобы всѣ видѣли смерть неустрашимаго пастыря церкви. Уже почтенный старецъ наклонилъ голову, когда рука палача (какъ говоритъ сказаніе) осталась чудеснымъ образомъ неподвижной; ужасъ овладѣлъ пашею и всѣми Турками, и они освободили Евѳимія.

Затѣмъ полученъ былъ приказъ Баязида, чтобы всѣ Трновцы, выдающіеся по происхожденію, богатству и красотѣ, были переселены на востокъ. Тогда-же Евѳимій былъ сосланъ во Ѳракію. Патріархъ оставилъ Трново, идя среди своихъ изгнанныхъ согражданъ, опираясь на посохъ и проливая горькія слезы о судьбѣ отечества. Это было зрѣлище, которое даже изъ камней города могло-бы исторгнуть слезы. Дѣти со своими родителями, братья съ сестрами прощались навсегда. По ту сторону Балканъ Турки, сопровождавшіе это печальное шествіе, приказали Евѳимію тутъ отдѣлиться. Тогда изгнанники пали къ ногамъ патріарха, покрывали его руки поцѣлуями, называли его своимъ отцомъ, а женщины ложили предъ нимъ своихъ дѣтей. Счастливы были тѣ, которые могли прикоснуться губами къ краямъ его одежды; другіе срывали траву на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ. Остальные издали получали, горько плача, его послѣднія благословенія. Евѳимій увѣщевалъ ихъ оставаться вѣрными христіанству, преклонилъ колѣна вмѣстѣ съ ними и молился; потомъ всталъ и благословилъ ихъ въ послѣд-

[30]) Не только Цамблакъ, но также одно трновское преданіе (Раковскій, Асѣнь 111) говоритъ объ этомъ кровопролитіи, но переноситъ мѣсто дѣйствія на Морно поле, за городомъ, гдѣ будто бы были измѣннически изрублены знатные на одной пирушкѣ.

ній разъ. Когда-же нѣкоторые закричали: „кому ввѣряешь ты насъ, добрый пастырь!“, то онъ отвѣчалъ еще: „Пресвятой Троицѣ нынѣ и во вѣки“, и Турки увели его. Изгнанные изъ метрополіи Асѣневичей исчезли безслѣдно во внутренней части Малой Азіи; быть можетъ, погибли они вскорѣ подъ мечами дикихъ ордъ Тимура, превратившихъ половину Азіи въ пустыню. Евѳимій доживалъ свои послѣдніе дни въ „Македоніи“, т. е. во Ѳракіи (стр. 192), гдѣ онъ по городамъ и деревнямъ, въ домахъ и подъ открытымъ небомъ, непрестанно проповѣдывалъ, предостерегалъ народъ отъ ислама и поучалъ его нравственному образу жизни. Деньги, которыми щедро дарили его боляры и болярыни, онъ раздавалъ бѣднымъ; евангеліе было единственнымъ его сокровищемъ. Этотъ послѣдній трновскій патріархъ умеръ въ изгнаніи и былъ причисленъ къ національнымъ святымъ своего народа.

Оставшіеся въ Трновѣ жители должны были быть зрителями ужаснаго, но истинѣ „совершеннаго опустошенія города“. Турецкіе колонисты завладѣли Царевцемъ, который съ тѣхъ поръ назывался Гиссаромъ, чтобы оттуда держать въ повиновеніи гражданъ. Ученики Евѳимія разсѣялись по Россіи и Сербіи и разнесли болгарскія книги, подобно тому, какъ греческіе ученые обогатили западъ древними классиками послѣ паденія Константинополя. Вѣдь Болгарія съ давнихъ поръ была мѣстомъ переработки греческой культуры для Славянъ. Многіе Трновцы, особенно боляры, приняли исламъ. Издавна славная лавра 40 мучениковъ, созданіе Асѣня II, сильно пострадавшая при борьбѣ, была перестроена въ мечеть; христіане и магометане еще и теперь вѣрятъ, что наканунѣ 9 марта (40 мучениковъ) въ ней творятся чудеса. Минаретъ очень часто проваливался, пока недавно не открыли, что причиной этому находящіяся подъ нимъ могилы царей и національныхъ

святыхъ [31]). Взятіемъ Трнова и ссылкой патріарха Евоимія болгарская національная церковь была уничтожена. Уже въ августѣ 1394 года константинопольскій патріархъ передалъ молдавскому митрополиту (τῆς Μαυροβλαχίας) отправленіе епископскихъ требъ въ Трновѣ, гдѣ тотъ находился еще въ слѣдующемъ году [32]). Въ 1402 г. въ Трновѣ уже былъ особый митрополитъ, подвѣдомственный византійскому патріарху. Такимъ образомъ государство стало подвластнымъ Туркамъ, а церковь — Грекамъ.

Вотъ все, что мы могли разыскать относительно паденія Трнова. Участь послѣдняго царя Іоанна Шишмана III все еще покрыта сказочнымъ мракомъ. Туземныхъ извѣстій не существуетъ. Турки разсказываютъ, что когда Али снова осадилъ Шишмана въ Никополѣ, послѣдній въ отчаяніи окутался саваномъ и молилъ о помилованіи, и затѣмъ былъ брошенъ въ темницу въ Филиппополѣ и тамъ, по однимъ разсказамъ, казненъ, а по другимъ—оставленъ въ живыхъ [33]). Шильтбергеръ, очень близкій свидѣтель, разсказываетъ, что герцогъ средней Болгаріи, прозванный Шуссманесомъ, былъ взятъ со своимъ сыномъ въ плѣнъ Баязидомъ; „отецъ умеръ въ темницѣ". О плѣненіи говорятъ также русскія лѣтописи. Румынская хроника кратко говоритъ: „И плѣнилъ Баязидъ Шишмана, господина Болгаріи, и умертвилъ его въ 6903 г. Тогда взяли Турки всю землю Болгаръ" [34]). Сынъ Шишмана Александръ принялъ для спасенія жизни исламъ и былъ назначенъ намѣстникомъ въ Самсунѣ, въ Малой Азіи.

---

[31]) Даскаловъ (см. стр. 181, прим. 13).

[32]) Acta patr. II. 223. 241. 570.

[33]) Zinkeisen I. 284. Здѣсь его сынъ называется также Шишманъ, но на стр. 453 совершенно правильно Александръ.

[34]) Schiltberger ed. cit. 65. Рум. хрон. у Григоровича l. c. 6903 г. = 1. сент. 1394 г. до 31 авг. 1395 года. «Ши принсе пре Шоушмань домноул Шкѣилоръ де л'ау ши тъiат. Атунче лоуаръ Тоурчіи цара Шкѣилоръ коу тотоулъ»

Иначе гласятъ сказанія Болгаръ. По нимъ, послѣдній царь умеръ геройской смертью на полѣ битвы. Еще поютъ старую прекрасную пѣснь:

„Какъ только начало разсвѣтать, милая матушка, выступило войско, конь возлѣ коня, герой возлѣ героя: блестятъ сабли, какъ ясное солнце, сверкаетъ огонь по зеленымъ лѣсамъ: самъ царь Иванъ Шишманъ ихъ воевода. Сильный Богъ! О, Богъ Создатель! Да поможетъ намъ сила и геройство! Мы хотимъ дать сраженіе на полѣ софійскомъ, мы хотимъ пролить кровь за Христово имя, хотимъ мы прославить христіанскую вѣру“.

Это только отрывокъ, начало пѣсни. Издатели послѣдней, братья Миладиновы, приводятъ разсказываемое въ Самоковѣ, относительно этого послѣдняго сраженія царя Шишмана, преданіе слѣдующаго содержанія [35]): Турки стояли при Костенцѣ, близъ истоковъ Марицы, Болгаре — у Самокова, около колодца, называемаго „нагорнымъ источникомъ на полѣ битвы“ (Сеферъ чесмеси баиръ). Шишманъ былъ семь разъ раненъ на мѣстѣ, гдѣ теперь, въ ¼ часа отъ Самокова, бьютъ изъ земли семь ключей. Тяжело раненный, онъ отступилъ въ замокъ, развалины котораго и теперь еще видны, и тамъ умеръ; груда камней въ шесть локтей длиною — его могила. Турки называютъ это мѣсто Кусумъ-Эфенди, т. е. св. Дмитрія, чтятъ могилу, какъ святую, и, не боясь крутизны дороги, посѣщаютъ ее каждую пятницу. Такъ какъ сраженіе произошло въ день св. Дмитрія (26 октября), то Турки вѣрятъ, что этотъ святой даровалъ имъ побѣду.

Тутъ намъ представляется ясное, съ извѣстной мѣстностью связанное, сказаніе. Оно ничуть не единственно. Равнина, которая простирается предъ входомъ въ Момину Клисуру (стр. 19) по теченію Марицы, называется крестья-

[35]) К. и Д. Миладиновы. Болг. народныя пѣсни 78.

нами *Костено поле*, по множеству сраженій, которыя происходили здѣсь у Болгаръ съ Византійцами, а затѣмъ между царемъ Иваномъ Шишманомъ и Турками: человѣческія кости здѣсь въ самомъ дѣлѣ отрываются во множествѣ. Недалеко оттуда, возлѣ Петрича указываютъ на крутой горѣ надъ Топольницей на развалины замка *Шишманица*, гдѣ Шишманъ, какъ говорятъ, оказалъ такое сопротивленіе Туркамъ, что вся рѣка окрасилась кровью [36]). Также на вершинахъ Балканъ, на Твърдишкой Планинѣ, между Сливномъ и Казанлыкомъ, видны развалины выстроеннаго будто-бы царемъ Шишманомъ *Шишкина града*, гдѣ Шишманъ велъ исполинскую борьбу съ Османами, которые, по сказанію, насчитывали свою потерю до 10.000 янычаръ [37]).

Большая часть этихъ сказаній связана съ окрестностями самоковскаго и ихтиманскаго ущелій. Было-бы ошибочно отказывать имъ совершенно въ историческомъ содержаніи; вѣдь и народныя сказанія имѣютъ также свое основаніе. Слѣдуетъ при томъ имѣть въ виду, что самъ Царственникъ, составленный въ 1762 году болгарскимъ патріотомъ Пансіемъ, родомъ изъ окрестностей Самокова, на основаніи скудныхъ документовъ и богатыхъ сказаній, упоминаетъ объ этомъ сраженіи. Тамъ читаемъ, что царь Шишманъ во время осады Трнова пробрался со своими болярами и войскомъ въ Софію, гдѣ встрѣтилъ своихъ сподвижниковъ изъ Никополя, Свиштова, Плевны и Дрстера. Оставивши свои сокровища въ хорошо защищенномъ валомъ и водою монастырѣ на Искрѣ, онъ боролся съ Турками еще семь лѣтъ, пока Болгаре не убили въ Костенцѣ „Усуна Мусульмана“ во время раздора сыновей Баязида; говорятъ, что тогда султанъ Муса напалъ изъ

[36]) Захаріевъ 53, 79.

[37]) Записки Панайота Хитова 149

мести на Шишмана при Самоковѣ и убилъ его въ бою; а сынъ царя Владиславъ убѣжалъ въ Бдинъ къ Срацимиру [38].

Это бѣгство сына Шишмана вовсе не выдумка. Оно подтверждается грамотой короля Сигизмунда, въ которой послѣдній жалуетъ *Фружину*, сыну покойнаго Шишмана, болгарскаго царя, имѣніе въ Темешскомъ комитатѣ за его испытанную храбрость въ счастливыхъ и несчастныхъ походахъ Венгровъ противъ Турокъ и другихъ враговъ государства [39].

Воспоминаніе о царствѣ Шишмана сохранилось до начала XVI столѣтія. Въ мирномъ договорѣ между Людвигомъ королемъ чешскимъ и венгерскимъ и султаномъ Селимомъ 1 апрѣля 1519 г. исчисляются на ряду съ сербскими и боснійскими замками: Флорентинъ (при устьѣ Тимока), Бдинъ (Бодонъ) вмѣстѣ съ областью, далѣе „terra cesaris Sysman" съ Орѣховомъ, Никополемъ и Джурджевомъ, затѣмъ нижнія области съ Дрстеромъ, Гирсовой и Киліей [40].

Паденіе Болгаріи возбудило въ Венгріи большія опасенія. Уже на Пасху 1394 г. венгерскіе чины собрались въ Будѣ для совѣщанія о средствахъ обороны противъ Турокъ [41]. Сигизмундъ отправилъ посольство къ Баязиду, чтобы сдѣлать ему упреки за то, что онъ занялъ Болгарію, хотя она принадлежала венгерской коронѣ. Баязидъ ука-

[38]) Царственникъ Паисія вышелъ значительно передѣланнымъ въ Будѣ въ 1844 г. Въ журналѣ «Общъ трудъ» (Болградъ 1868) Ш. находятся 22 старыя колядскія пѣсни, въ томъ числѣ подъ № 6 священическая: «Смрть на цара Шишман бея». Въ ней говорится: Черное море и бѣлый Дунай взволновались и выбросили бѣлый монастырь. Монахи исповѣдывались, а игуменъ писалъ. Послѣдніи грѣшникъ разсказываетъ, что онъ былъ вѣрнымъ слугою Шишмана: но однажды, когда они проѣзжали мимо источника, то онъ не хотѣлъ достать воды царю и отрубилъ ему бѣлокурую голову съ сѣдой бородою. Послѣ этого волненіе снова прекратилось.

[39]) Фружинъ, Фрусинъ. Engel 465 (безъ года).

[40]) Theiner, Mon. Hung. II. 624

[41]) Rački. Rad III. 147.

залъ посламъ на развѣшенное на стѣнахъ оружіе и сказалъ: „возвратитесь къ своему господину и скажите ему, что мои права на Болгарію основываются на оружіи, которое вы видѣли здѣсь“ [42]).

Живо почувствовала побѣду Баязида и Византія. Этому содѣйствовало еще другое обстоятельство. Собравшіеся христіанскіе вассалы, подвластные великолѣпному двору султана въ Сересѣ, императоръ Манулилъ византійскій, деспотъ Өеодоръ морейскій, Стефанъ Лазаревичъ, Константинъ македонскій и др., разсерженные дикимъ и повелительнымъ обращеніемъ султана, рѣшили никогда болѣе не ѣздить въ Порту. Для укрѣпленія союза Константинъ выдалъ свою дочь Елену за императора Манулила. Отъ Турокъ не ускользнулъ однако этотъ безсильный заговоръ, и они начали сильнѣе, чѣмъ когда-либо, притѣснять Византію [43]).

Походъ противъ Мирчи долженъ былъ закрѣпить завоеваніе Болгаріи. Осенью 1394 года Баязидъ перешелъ Дунай; съ нимъ шли, хотя и противъ воли, Стефанъ Лазаревичъ, Константинъ и краль Марко. Но 10 октября Мирча, на полѣ названномъ „на Ровинахъ“, нанесъ Туркамъ такое пораженіе, что тучи стрѣлъ омрачили небо. Многіе паши и воеводы пали въ этотъ день, и между ними историческій Марко, и съ нимъ Константинъ. По разсказу одного современника, Марко сказалъ передъ сраженіемъ Константину: „я говорю и прошу Бога о томъ, чтобы онъ помогъ христіанамъ, и чтобы я изъ первыхъ палъ въ этомъ сраженіи“. Но, по народнымъ сказаніямъ, онъ не умеръ: разсказываютъ, что онъ ожидаетъ въ одной пещерѣ того дня, когда онъ снова увидитъ солнечный свѣтъ. Баязидъ

[42]) Объ этомъ событіи разсказываютъ согласно, какъ Мадьяръ Турочъ, такъ и Грекъ Францесъ. Zinkeisen I. 286.

[43]) Zinkeisen I. 281, Hopf 57.

долженъ былъ послѣ безславнаго бѣгства заключить съ Мирчею миръ [44]).

Король Сигизмундъ отправилъ въ началѣ 1395 года пословъ въ Италію и Францію за помощью противъ Турокъ, заключилъ потомъ въ Кронштадтѣ союзъ съ Мирчею и обязалъ Молдавію платить дань. Лѣтомъ осадилъ онъ со своими Венграми и нѣсколькими сотнями Французовъ Малый Никополь на Дунаѣ (Турнъ-Магурель, противъ Большаго Никополя на болгарскомъ берегу), взялъ его приступомъ, именно съ помощью Хорватовъ, и оставилъ тамъ гарнизонъ. При отступленіи въ Трансильванію онъ долженъ былъ пробиться черезъ карпатскія ущелья, занятыя румынскими стрѣлками, такъ какъ Мирча хотѣлъ перемѣной своей политики защитить себя отъ гнѣва султана [45]).

Въ 1396 году Сигизмундъ выступилъ на востокъ во главѣ отборнаго войска, въ составъ котораго входило множество рыцарей съ запада, особенно Французовъ. Въ іюнѣ онъ надѣялся вступить въ Константинополь. Первое сопротивленіе встрѣчено было въ Бдинѣ, гдѣ еще находился царь Срацимиръ съ турецкимъ гарнизономъ [46]). На другой день, когда французскіе рыцари готовились къ приступу, царь сдался съ Бдиномъ и всей своей землей Сигизмунду и выдалъ всѣхъ Турокъ, какіе только были въ замкѣ. Бóльшее сопротивленіе оказало защищенное глубокими рвами

[44]) Константинъ, Жизнь деспота Стефана Лазаревича, составл. въ 1431 году (Гласник 42, 269). День сраженія (10 окт. 6903) въ серб. лѣтоп., Šafařik, Pam. 74. Подробно, но безъ указанія года и мѣста, въ рум. хроникѣ у Григоровича.

[45]) Račkі. Pokret etc., Rad IV, 1–3.

[46]) Schiltberger 52: «ein statt, genannt Pudem, die ist ein hoptstat in der Pulgery. Do kam *der herr des landes und der statt* und gab sich in die gnad des kunigs». Мемуары маршала Boucicaut (Michaud et Poujoulat, Nouvelle collection II, p. 237): «le seigneur du pays, lequel estoit chrestien grec et par force avoit esté mis en la subjection des Turcs».

Орѣхово [47]), пока и здѣсь болгарскій гарнизонъ не сдался на капитуляцію и не выдалъ Турокъ. Христіане были отпущены, а Турки изрублены. Предъ Большимъ Никополемъ (нынѣ крѣпость Никополь) прибыли шедшіе чрезъ Валахію отряды и князь Мирча: сила соединеннаго войска простиралась до 60.000 человѣкъ. Большой Никополь защищался въ продолженіи 15 дней, пока не прибылъ изъ Трнова Баязидъ. 28 сентября великая битва возгорѣлась въ равнинѣ къ юго-востоку, между извилистой долиною Осмы и дунайскими болотами, на разстояніи какихъ нибудь двухъ миль отъ крѣпости. Послѣ жестокой борьбы битва эта кончилась гибелью христіанскаго войска. Сербскій князь Стефанъ Лазаревичъ отличался въ рядахъ Турокъ. При бѣгствѣ утонуло въ Дунаѣ множество рыцарей и воиновъ. Сигизмундъ спасся бѣгствомъ на небольшомъ суднѣ къ устьямъ Дуная, откуда онъ вернулся домой чрезъ Константинополь и Рагузу послѣ долгаго морскаго путешествія. На слѣдующій день Баязидъ велѣлъ варварски умертвить болѣе 3000 плѣнныхъ передъ своимъ шатромъ: только благороднѣйшихъ рыцарей, за которыхъ надѣялись получить богатый выкупъ, отправили въ Азію. Въ числѣ плѣнныхъ, оставленныхъ въ живыхъ султаномъ, находился и царь Срацимиръ („Herr Hanns von Bodem" Шильтбергера [48]).

---

[47]) У Boucicauté Raco, въ грамотѣ Сигизмунда (Fejer IX. 4. 56) Orchow, ошибочно принятый за Оресову.

[48]) Проф. Брунъ (Путеш. Шильтбергера, Зап. Новорос. универс. I.) и по его примѣру Thomas (Sitz. Ber. der Münch. Akad., 1869 II. 271), подобно мнѣ въ первомъ изданіи Истор. Болг., перенесли поле битвы къ развалинамъ римскаго Никополя ad Haemum, сохранившимся до нынѣ подлѣ деревни Никюпъ при сліяніи Русицы съ Янтрою. Но столбъ «Дикилиташъ», въ которомъ хотѣли видѣть памятникъ побѣды султана, былъ воздвигнутъ еще Римлянами, и сербскій лѣтописецъ, по которому сраженіе произошло «на рѣцѣ Росите у Никополю» смѣшалъ (какъ теперь полагаетъ г. Брунъ) едва-ли не рѣчку Лоситу, изливающуюся въ Осму въ небольшомъ разстояніи отъ дунайскаго Никополя, съ отдаленной Русицей. Что подъ Большимъ Никопо-

На участь Срацимира указываетъ намъ лаконическая замѣтка въ сербскихъ лѣтописяхъ [49]): „Въ 6906 г. (1398) царь Баязидъ вывелъ царя Срацимира изъ Бдина“. Сынъ и соправитель [50]) Срацимира Константинъ бѣжалъ въ Венгрію, а позже въ Сербію, гдѣ онъ въ Бѣлградѣ скончался 16 сентября 1422 года, оплакиваемый Стефаномъ Лазаревичемъ, какъ роднымъ братомъ [51]).

Послѣ паденія Бдина вся Болгарія отъ Варны до Тимока была подчинена азіатскимъ варварамъ. Многіе изъ городовъ были разрушены, другимъ-же были дарованы турецкія привилегіи. Боляры держались еще долго, преимущественно принятіемъ ислама. Деревни страшно обезлюдѣли, потому что Турки превращали цѣлыя области въ пустыни и повсюду предавали пламени монастыри и церкви. Даже Рыльскій монастырь въ своемъ уединеніи среди высокихъ горъ оставался нѣсколько лѣтъ покинутымъ. Жители равнинъ бѣжали въ горы и основывали тамъ новые города. Множество народа, вмѣстѣ съ болярами и духовенствомъ, бѣжали въ Валахію, Венгрію и Сербію. Очень многіе Болгаре, особенно богомилы, принимали исламъ или до завоеванія, или позже, особенно около Ловча, окрестности котораго и теперь еще населены такъ называемыми *Помаками*, т. е. Болгарами-магометанами.

лемъ слѣдуетъ разумѣть нынѣшній городъ сего имени, что Малый Никополь совпадалъ съ лежащимъ насупротивъ Никополя Турнъ-Магурелемъ и что сраженіе происходило при первомъ городѣ, доказано, по разслѣдованію мѣстностей, Каницомъ, Donau-Bulgarien, II. cap. IV и VIII. Ср. Брунъ. Нѣкоторыя истор. сообр. и пр., «Ж. М. Нар. Просв.» CXCIII отд. 2 стр. 71—73.

[49]) Šafařik, Pam. 74. Въ румынской хроникѣ у Григоровича показаніе, будто «Срацимиръ императулъ» сталъ турецкимъ вассаломъ только послѣ сраженія при Никополѣ, — ошибочно.

[50]) «Младый царь» у Іоасафа, митр. бдинскаго. Голубинскій 224.

[51]) Константинъ, Жизнь Стефана Лазаревича 424. День въ сербскихъ лѣтописяхъ (Šaf. Pam. 76).

Глава XXIV.

Болгарія въ XV столѣтіи.

Сраженіе при Ангорѣ (1402) и слѣдствіе его. — Возстаніе болгарскихъ князей (около 1405 г.). — Междоусобная война между сыновьями Баязида (1409—1413). — Походъ венгерскаго короля Владислава до Златицы въ Балканѣ (1443). — Сраженіе при Варнѣ (1444). — Паденіе Константинополя и всѣхъ христіанскихъ государствъ на полуостровѣ. — Скандербегъ.

Появленіе грозы міра Тимуръ-хана и страшная битва народовъ при Ангорѣ (20-го іюля 1402 года) привели-бы быстро выросшее османское государство къ полнѣйшей гибели, если-бы христіанскіе народы востока — Греки, Славяне, Албанцы, Румыны и восточные Франки съумѣли лучше воспользоваться глубокимъ паденіемъ своего смертельнаго врага. Взаимное соперничество, нравственный упадокъ на востокѣ, устарѣлыя предубѣжденія запада противъ восточной церкви и наконецъ ошибочное предположеніе, что ожесточенная братская война сыновей Баязида сама по себѣ уничтожитъ османскую державу, — все это удерживало христіанъ въ этотъ рѣшительный моментъ дѣйствовать сообща противъ Турокъ.

Старшій сынъ Баязида, *Сулейманъ* (Μουσουλμάνης Грековъ, Мусольманъ Славянъ), храбрый и благородный чело-

вѣкъ, но жадный къ наслажденіямъ и въ особенности къ вину, началъ управлять изъ Адріанополя Европейской Турціей. Онъ заключилъ союзъ съ императоромъ Мануиломъ въ 1403 году, причемъ уступилъ ему не только Солунь и Θессалію, но также и весь морской берегъ отъ Паніона на Пропонтидѣ до Месемвріи съ нѣкоторыми островами [1]). Θракія снова стала наслаждаться миромъ, котораго она уже давно была лишена. На сѣверѣ Стефанъ Лазаревичъ, счастливо бѣжавшій съ поля сраженія при Ангорѣ, гдѣ онъ сражался какъ турецкій вассалъ, овладѣлъ снова всѣми отцовскими землями отъ Дуная до Шара. Онъ былъ ученый и храбрый человѣкъ, но плохой политикъ. Сербіи, заключенной между Венгріей и Турціей и ослабленной внутренними раздорами, суждено было вскорѣ пасть жертвой войны между двумя названными державами [2]).

О тогдашнихъ событіяхъ въ Болгаріи есть только одно свидѣтельство въ древне-сербской біографіи Стефана Лазаревича, неоцѣнимомъ историческомъ источникѣ, составленномъ очевидцемъ и современникомъ, Константиномъ Философомъ, Болгариномъ изъ Костенца. Около 1405 года болгарскіе города на сербской границѣ, въ долинѣ Тимока и въ окрестностяхъ Пирота, возмутились противъ Турокъ, подстрекаемые, безъ сомнѣнія, Константиномъ, сыномъ Срацимира. Но Сулейманъ проникъ въ долину рѣки Тѣмски, которая, оросивши длинную, оживленную 33 деревнями и 3 монастырями балканскую долину, изливается въ Нишаву, — и усмирилъ возставшихъ [3]).

[1]) Zinkeisen I. 415. Hopf (86) 71.

[2]) Ср. Григоровичъ. Объ отношеніяхъ Сербіи къ сосѣднимъ государствамъ. Казань 1859 (см. стр. 404—405).

[3]) «Еще-же и гради бльгарсции отступили бѣху сыньми царей бльгарскыихъ. Тѣмь-же прежде сего въздвигь се царь Мусульмань и пришьдъ на Тѣмьско, ратию взеть е». Константинь изд. Ягича, Гласник 42, 292.

Младшій братъ Сулеймана *Могаммедъ* съ прозвищемъ „Кюришджи Челеби", т. е. господина борцевъ [4]), справедливый и миролюбивый человѣкъ, чуждый всякаго фанатизма, овладѣлъ между тѣмъ снова всей Малой Азіей. Онъ хотѣлъ примириться со своимъ братомъ съ тѣмъ, чтобы ему достались азіатскія провинціи, Сулейману-же — европейскія. Но властолюбіе Сулеймана разстроило этотъ планъ.

Въ 1409 году Могаммедъ отправилъ самаго младшаго брата *Мусу* въ Европу, чтобы начать военныя дѣйствія противъ Сулеймана. Муса снялся въ Синопѣ, поплылъ къ устьямъ Дуная и былъ дружески встрѣченъ Мирчею. Турецкіе гарнизоны въ дунайскихъ земляхъ, Стефанъ Лазаревичъ, братъ его Вълкъ и болгарскіе боляры и города присоединились къ Мусѣ. Мирча, владѣвшій еще нѣсколькими болгарскими придунайскими городами, всѣми силами помогалъ ему. Подъ стѣнами Византіи, возлѣ замка Космидіона, у Золотого рога, произошло сраженіе между Сулейманомъ и Мусою. Султанъ Сулейманъ, поддерживаемый Византійцами, одержалъ побѣду, вслѣдствіе предательства союзниковъ своего врага: среди сраженія Сербы покинули Мусу, и даже Вълкъ перешелъ со всѣмъ своимъ войскомъ на сторону Сулеймана [5]). Муса спасся бѣгствомъ и разбойничалъ въ Балканахъ и во Ѳракіи. Онъ напалъ на Вълка на его возвратномъ пути въ Филиппополѣ и обезглавилъ его въ одномъ лѣсу (6 іюня 1410 года) [6]); та-же участь

[4]) Посему въ сербск. лѣтописяхъ (Šafařik Pam. 76) и у Константина *Кришчія*.

[5]) Zinkeisen I. 428. Константинъ 412 сл. О положеніи Космидіона ср. Dethier, der Bosphor und Constantinopel. Wien 1873, 59. Объ участіи Болгаръ румын. хроника у Григоровича: «Пре ачѣа врѣме се рѫдикѫ Моусїа коу Роумѫнїи ши коу Шкѣи (Болгаре) ши Стефанъ деспотъ коу Срьбіи, десе доуеерѫ ла Цариградъ съ се ловаскѫ коу Цаланїе».

[6]) У Константина (415) и въ серб. лѣтописяхъ (75) 1410 годъ: Цинкейзенъ-же относитъ константинопольское сраженіе къ 1406 г.

постигла племянника его Лазаря близъ Адріанополя. По приказанію Мусы филиппопольскій митрополитъ Даміанъ былъ умерщвленъ въ церкви и трупъ его выброшенъ чрезъ городскую стѣну. Вообще Филиппополь тогда много пострадалъ. Сулейманомъ городъ даже былъ преданъ пламени за то, что тамошніе Турки были на сторонѣ Мусы.

Сулейманъ снова предался въ Адріанополѣ попойкамъ, но непродолжительно было его величіе. Неожиданно появился Муса предъ городомъ: множество знатныхъ лицъ перешло къ нему. Сулейманъ при бѣгствѣ въ Константинополь былъ пойманъ и задушенъ (5 іюня 1411 г. [7]).

Муса былъ энергичнѣе и нравственнѣе Сулеймана, но его строгость превращалась въ тиранію. Онъ отложился отъ своего брата Могаммеда и сдѣлался его смертельнымъ врагомъ. Многими разбойническими набѣгами и осадой богатаго города Ново-Брдо мстилъ онъ Сербамъ за ихъ измѣну въ константинопольской битвѣ, за что отплатилъ ему Стефанъ разграбленіемъ пиротской области. Въ 1413 году возсталъ противъ Мусы турецкій комендантъ смежныхъ съ Сербіею замковъ Гамузъ-бегъ и вмѣстѣ съ нимъ болгарскіе обитатели тимокской долины. Муса, овладѣвъ болгарскими замками Сврлигомъ и Сокольцемъ (нынѣ Баня), плѣнилъ Гамузъ-бега, вывелъ сельскихъ жителей и переселилъ въ областъ между горами Ртанъ и Озрѣнъ колонистовъ изъ другихъ областей. Затѣмъ онъ перешелъ чрезъ границу и завоевалъ сербскіе замки Болванъ и Липовацъ (развалины ихъ по нынѣ у Алексинца), Сталачъ при сліяніи обѣихъ Моравъ и Копріанъ (Прокопье) [8]).

[7]) Zinkeisen I. 431. Объ удушеніи говорятъ Константинъ и лѣтописи, указывающія на точное число.

[8]) Константинъ изд. Ягича гл. 42, 307 (важно для опредѣленія болгаро-сербской границы). Въ сербскихъ лѣтописяхъ читается замѣтка: «Въ 6921

У Византійцевъ Муса отнялъ припонтійскую страну и Θессалію и напалъ на самую Византію, но былъ отбитъ. Зато нанесъ онъ своему брату Могаммеду, когда послѣдній переправлялся съ помощью Грековъ чрезъ Босфоръ, такое пораженіе при Инджигисѣ, что тотъ поспѣшилъ возвратиться въ Азію.

Между тѣмъ Стефанъ Лазаревичъ заключилъ союзъ противъ Мусы съ Юсуфомъ, „начальникомъ земли Константина“ (стр. 436) и Іигитомъ, скопьевскимъ пограничнымъ воеводою, которые оба бѣжали изъ темницы Мусы въ Димотикѣ и возвратились въ свои области. Въ то-же время Византійцы послали сына Сулеймана *Орхана*[2]) въ Солунь, чтобы онъ съ помощью славянскаго болярина Богдана и турецкихъ колонистовъ въ Македоніи началъ тамъ военныя дѣйствія. Но Муса взялъ въ плѣнъ Орхана и велѣлъ его ослѣпить, занялъ землю Богдана, ворвался затѣмъ въ Сербію и разбилъ деспота при Врбницѣ, недалеко отъ Крушевца (1413).

Между тѣмъ Могаммедъ соединился втайнѣ со всѣми врагами своего брата и двинулся черезъ Босфоръ прямо на Сербію. Недалеко отъ Филиппополя, при Дългой ливадѣ или Макроливадѣ, онъ встрѣтился съ Мусою. Но Могаммедъ обошелъ его, дошелъ до поля Добричъ на Топлицѣ,

году (1413) Муса поразилъ Болгаръ и выселилъ ихъ 23 апрѣля». Турецкія извѣстія упоминаютъ о завоеваніи четырехъ болгарскихъ городовъ и между ними Провада. Гаммеръ (Gesch. des osman. Reiches I. 355) называетъ Паравади, Модрени Кэпри, Акджеболи (Агаѳополь?), изъ которыхъ только первый извѣстенъ. Leunclavius 422 «Prevedinum cepit et Mutrin», затѣмъ Виддинъ. Въ описываемомъ Захаріевымъ (75) сказаніи говорится, что хорошо укрѣпленный Калугеровскій монастырь св. Николая на Топольницѣ былъ разрушенъ, когда тамъ окрестные жители защищались противъ Яя-паши, полководца Мусы-келеджи, который былъ посланъ своимъ братомъ Челеби-султаномъ (Могаммедомъ) для покоренія этихъ земель. Указаніе года (1419) ошибочно: Муса скончался въ 1413 году.

[2]) Chalcocondylas (Stritter II. 358). Объ Орханѣ Конст. 306.

гдѣ примкнули къ нему Стефанъ Лазаревичъ, македонскій Богданъ и всѣ паши европейскихъ провинцій. Оттуда онъ двинулся къ Овчеполю въ сѣверной Македоніи, а затѣмъ на востокъ къ Самокову, по дорогѣ, ведущей мимо этого города изъ Скопья въ Татаръ-Пазарджикъ. Въ скалистыхъ ущельяхъ, черезъ которыя Искеръ протекаетъ изъ Самокова въ софійскую котловину, находится при деревнѣ Чаморлу небольшая равнина, шириною въ одну милю. Здѣсь произошло 10 іюля 1413 года рѣшительное сраженіе между Могаммедомъ и Мусою. Муса, войско котораго по случаю побѣговъ не превышало 7000 янычаръ, расположился лагеремъ при Штипонье или Стопоніонѣ (Ихтиманъ) и чрезъ горы достигъ долины Искра. Въ войскѣ Могаммеда отличились Сербы, которые подъ предводительствомъ Георгія Бранковича, Радича Чельника, Шаина и Михаила расположились лагеремъ „подъ Витошомъ на Искрѣ“. Борьба была отчаянная, пока не была рѣшена Георгіемъ Бранковичемъ фланговымъ нападеніемъ на непріятеля. Съ неистовой храбростью Муса изрубилъ собственноручно множество враговъ. Видя дѣло потеряннымъ, онъ пытался спастись бѣгствомъ на своемъ конѣ, но былъ настигнутъ на берегу рѣки и задушенъ. Его побѣдоносный братъ торжественно предалъ тѣло его погребенію въ Бруссѣ. Таковъ былъ конецъ Мусы, этого „звѣря“, какъ его называетъ Константинъ Костенецкій: въ пѣсняхъ и сказаніяхъ южныхъ Славянъ онъ встрѣчается, на ряду съ другими туземными героями, какъ *Муса Кеседжія*: Муса разбойникъ [10]).

На полѣ сраженія въ Чаморлу окончились раздоры наслѣдниковъ Баязида. *Могаммедъ I* (1413—1421) наградилъ своихъ союзниковъ значительными уступками земель.

[10]) Объ этомъ сраженіи ср. Григоровичъ, О Сербіи 51. Константинъ 308, серб. лѣтописи 75. Leunclavius 144. 458, Zinkeisen I. 441. Объ области ср. Hochstetter, Das Vitoš-Gebiet (Petermann's Mitth. 1872).

Византійцы получили обратно припонтійскіе города и Өессалію, а Стефанъ Лазаревичъ, безъ помощи котораго Муса едва-ли былъ-бы побѣжденъ, получилъ городъ Копріанъ (Прокопье), Знепольскую и много другихъ областей [11]. Въ Адріанополѣ присягнули на вѣрность новому султану послы Мирчи, морейскихъ владѣтелей и болгарскихъ боляръ [12]. Мирча не хотѣлъ тѣмъ не менѣе платить дани въ продолженіи трехъ лѣтъ, пока не былъ въ 1416 году принужденъ къ тому войной. Можетъ быть, тогда онъ и потерялъ болгарскіе города на правомъ берегу Дуная. Могаммедъ овладѣлъ также Джурджевомъ, которое потомъ до 1829 года находилось подъ властью Турокъ [13]).

Два года спустя ущелья Балкана пріютили замѣчательнаго гостя, не болгарскаго инсургента, а турецкаго еретика. Законовѣдъ *Махмудъ Бедреддинъ*, одинъ изъ главныхъ совѣтниковъ Мусы, попалъ въ плѣнъ при Чаморлу и былъ содержанъ въ Никеѣ. Тамъ онъ составилъ планъ великаго переворота. Новое религіозное ученіе, смѣсь христіанскаго мистицизма съ магометанскимъ, должно было взволновать умы. Орудіемъ Махмуда сдѣлался Берекліюдже Мустафа, который, явившись на горѣ Стиларіѣ, противъ Хіоса, проповѣдывалъ коммунизмъ во всемъ, исключая женщинъ, добровольную бѣдность и братство съ христіанами. Смуты послѣдняго времени и связанная съ ними нужда и отчаяніе проложили путь этому замѣчательному движенію. Тысячи стекались подъ знамена этого мечтателя. Толпы фанатическихъ дервишей подъ предводительствомъ одного еврейскаго ренегата встревожили окрестности Магнезіи. Болгар-

[11]) Константинъ 421: «Градъ Копріанъ и страну Знеполья глаголемую и ина пространствія многа».

[12]) Zinkeisen I. 449.

[13]) Ibid. I. 467. Ошибочно мнѣніе Цинкейзена, что Джурджево тогда только было основано. Оно существовало уже въ 1399 г. (см. стр. 449).

скій ренегатъ Александръ, сынъ царя Шишмана, управлявшій Смирной со времени подчиненія удѣльнаго князя Джунейда султаномъ Могаммедомъ I, выступилъ противъ мятежниковъ, но погибъ въ стиларійскихъ ущельяхъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ подъ мечами фанатиковъ. Той-же участи подвергся и его преемникъ Али-бегъ. Только когда азіатскія и европейскія войска прибыли въ большомъ числѣ, сектаторы были оттѣснены при страшномъ кровопролитіи до мыса Карабуруна. Мустафа умеръ въ страшныхъ истязаніяхъ мученической смертью въ Эфесѣ.

Махмудъ Бедрединъ отправился между тѣмъ въ Валахію, утвердился въ Дрстерѣ съ помощью Мирчи, который поддерживалъ его, какъ стараго приверженца Мусы, и направился съ войскомъ недовольныхъ Турокъ въ Балканы. Но извѣстіе о судьбѣ стиларійскихъ инсургентовъ разсѣяло его полчища еще до сраженія. Махмудъ скитался въ горахъ, пока не былъ окруженъ и выданъ своими людьми. Онъ былъ казненъ въ Сересѣ въ 1419 г. [1])

Въ то-же время появился Лже-Мустафа, который выдавалъ себя за безъ вѣсти пропавшаго послѣ битвы при Ангорѣ сына Баязида, и нашелъ поддержку у Мирчи, у безпокойнаго азіатскаго князя Джунейда, который при Сулейманѣ управлялъ Охридой, а при Могаммедѣ послѣ его вторичнаго униженія — Никополемъ, и у Византійцевъ, которые при всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ все еще питали тщетныя надежды, что можно интригами перессорить Турокъ и затѣмъ побѣдить ихъ. Лже-Мустафа, сначала побѣдоносный, былъ погубленъ предательствомъ Джунейда и гдѣ-то при Тунджѣ умерщвленъ (1421).

Воинственнѣе Могаммеда I былъ сынъ его *Мурадъ II* (1421—1451), справедливый и откровенный человѣкъ (даже

[1]) См. Zinkeisen I. 473—481. Объ Александрѣ ср. I. 453.

по словамъ Византійцевъ), одаренный значительнымъ политическимъ умомъ. Съ вступленіемъ его на престолъ наступили для остальныхъ христіанскихъ государствъ плохія времена. Послѣ трудной осады Константинополя (1422) Византійцы обязались платить дань султану; съ этого времени въ составъ государства Комниновъ и Палеологовъ входили только столица, Анхіалъ, Месемврія и Пелопоннезъ. Въ 1430 г. Турки взяли приступомъ Солунь, незадолго предъ этимъ занятый Венеціанцами. Въ царствованіе Мурада II Болгарія пользовалась полнымъ спокойствіемъ, за исключеніемъ двухъ вторженій валашскаго воеводы Дракула, преемника Мирчи († 1419). Для Сербіи-же настали печальныя времена по смерти много оплакиваемаго Стефана Лазаревича († 1427). При его преемникѣ *Георгіѣ Бранковичѣ*, богатомъ, хитромъ и храбромъ старцѣ, Османамъ достались всѣ земли, кромѣ Бѣлграда.

Къ этому времени относится интересное описаніе путешествія поперегъ Болгаріи. Въ 1433 году французскій рыцарь Бертрандонъ де-ла-Брокіеръ возвращался изъ святыхъ мѣстъ проѣздомъ чрезъ Константинополь [15]). Въ Адріанополѣ ему случалось видѣть простой придворный штатъ Мурада II, не имѣвшій ничего общаго съ роскошью позднѣйшихъ стамбульскихъ султановъ. Филиппополь, населенный преимущественно Болгарами [16]), былъ тогда еще большой городъ съ богатыми, плодоносными окрестностями; замокъ, болѣе не существующій, былъ уже тогда въ развалинахъ. Лѣсами и пустопорожними пространствами онъ достигъ Софіи, тогда лучшаго города Болгаріи, съ неболь-

[15]) Въ новофранцузскомъ переводѣ Legrand d'Aussy, Mém. de l'Institut. Sc. morales et politiques. V. an XII (1804).

[16]) Phéropoly est peuplée en grande partie de Bulgares qui tiennent la loi grégoise.

шимъ замкомъ и съ развалившимися городскими стѣнами. За исключеніемъ небольшаго числа Турокъ, населеніе города и края состояло изъ Болгаръ. Они не скрывали своего желанія сбросить съ себя турецкое иго: менѣе 40 лѣтъ тому назадъ пало болгарское царство и не мало свидѣтелей прежней независимости было еще въ живыхъ. Окрестныя области были густо населены. Въ небольшомъ замкѣ Пиротѣ обитали одни только Турки. Мимо трудныхъ проходовъ путешественникъ прибылъ въ Нишъ, только пять лѣтъ передъ тѣмъ отнятый Турками у Сербовъ. Замокъ и городъ были въ развалинахъ, но окрестности были хорошо обработываемы и населены. Оттуда Бертрандонъ прибылъ въ Крушевацъ, тогдашній турецкій пограничный замокъ и достигъ на лѣвомъ берегу Сербской Моравы значительно уменьшенной области сербскаго князя Бранковича.

Съ восшествіемъ на венгерскій престолъ Владислава польскаго произошла большая перемѣна. Взоры всѣхъ христіанъ обратились на *Іоанна Гуніада*, уничтожившаго въ 1442 году одну за другой двѣ большія турецкія арміи подъ Карпатами [17]. Что послѣдній, прославляемый въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ *Сибинянинъ Янко* (Іоаннъ изъ Германштадта), витязь, былъ по происхожденію Румынъ — не подлежитъ сомнѣнію: въ старыхъ рукописяхъ у Сербовъ и Румынъ онъ всегда, а у Поляковъ и Чеховъ очень часто, называется румынской формой *Янкулъ* [18].

[17]) Мезитъ-бегъ былъ разбитъ въ Трансильваніи 25 марта 1442 года, а беглербегъ Шагинъ-паша съ 80.000 чел. въ Валахіи на верхнеи Яломицѣ 6 сентября. Указаніе дней въ сербск. лѣтоп. (Šaf. Pam. 77; ср. рум. хрон. у Григоровича).

[18]) Что Гуніадъ былъ Румыномъ доказано W. Schmidt'омъ. Die Stammburg der Hunyade in Siebenbürgen. Hermannstadt 1865. 78 сл. Также у Византійцевъ иногда Ἰάγγος.

Король Владиславъ и Гуніадъ предприняли въ 1443 г. большой походъ. Въ войскѣ, состоявшемъ изъ Венгровъ и Поляковъ, находился также отрядъ чешскихъ оруженосцевъ подъ начальствомъ воеводы Іеника младшаго изъ Мечкова и Угерска (у Высокаго Мыта), письмо котораго, къ сожалѣнію, не вполнѣ сохранившееся, составляетъ для этого похода очень важный источникъ [18]). Деспотъ Георгъ Бранковичъ, который болѣе другихъ былъ заинтересованъ въ успѣхѣ предпріятія, присоединился также къ походу. Извѣстія объ этой интересной экспедиціи до сихъ поръ еще никѣмъ вполнѣ не разработаны и не приведены въ согласіе съ условіями мѣстности. Самымъ достовѣрнымъ намъ кажется разсказъ Серба Михаила Константиновича, который участвовалъ при Могаммедѣ II, какъ янычаръ, въ походахъ въ Морею, въ Трапезунтъ, противъ Узунъ-Гассана, противъ валашскаго князя Влада и въ Боснію, и наконецъ, возвратившись къ христіанамъ, составилъ въ Польшѣ въ послѣднемъ десятилѣтіи XV столѣтія свои записки на польскомъ языкѣ (стр. 433).

Въ іюнѣ войско выступило изъ Буды, раззорило на пути Крушевацъ (Аладжагиссаръ), Нишъ и Пиротъ и счастливо пробралось черезъ всѣ ущелья къ Софіи. До Филиппополя оставалось не болѣе трехъ дневныхъ переходовъ. До тѣхъ поръ погода стояла хорошая и припасовъ было достаточно. Болгаре съ восторгомъ встрѣтили христіанскія войска, особенно Поляковъ и Чеховъ, съ которыми они легко могли изъясняться. Вооруженные Сербы, Босняки, Болгаре и Албанцы съ каждымъ днемъ присоединялись къ войску. Въ дальнѣйшемъ переходѣ „Трояновы врата“ оказались неприступными. Дорога была загорожена сваями и

18) Напечатано доктор. Германъ Jireček'омъ. Válečníci čeští XV století (Чешскіе полководцы въ XV стол.). Časopis česk. musea 1859. 156

стволами деревьевъ, да притомъ облита водою въ опасныхъ мѣстахъ, такъ что (это было въ декабрѣ) она представляла видъ катка. Когда объ этомъ узнали отъ лазутчиковъ, то пытались обойти Трояновы врата и перешли между Балканомъ и ихтиманской Срѣдной горой (у Миркова) до болгарскаго города Златицы, находившагося уже въ бассейнѣ Эгейскаго моря; оттуда войско намѣревалось отправиться черезъ узкую, имѣющую 6 миль длины, долину топольницкую въ равнину къ Филиппополю. Но горы были заняты янычарами. Голодъ, недостатокъ корма для лошадей и ужасная стужа принудили короля Владислава воротиться. На возвратномъ пути Софія была предана пламени. Въ Пиротѣ узнали что Мурадъ уже въ тылу ихъ прибылъ въ Софію. Войско двинулось и направилось къ горѣ *Куновицѣ* (между Бѣлой Паланкой и Нишомъ). Тамъ находится важное ущелье между предгорьями Балкана и Сухой Планины (стр. 42), черезъ которое и теперь еще ведетъ дорога изъ Софіи въ Бѣлградъ; старое его названіе сохранилось въ имени крѣпостцы Куновицы. Когда войско вступило въ горы и лѣса, тогда Турки напали на деспота, командовавшаго арьеръ-гардомъ. Король оставилъ пѣхоту у обоза, а самъ съ кавалеріей поспѣшилъ на помощь. Турки были совершенно разбиты. Здѣсь палъ близкій родственникъ Мурада, которому въ деревнѣ Тамьяницѣ, находящейся и нынѣ у праваго выхода ущелья, повыше Нишавы, поставили высокій надгробный памятникъ съ турецкой надписью. Шуринъ Мурада Махмудъ Челеби былъ взятъ въ плѣнъ. Послѣ сраженія король посвятилъ храбрѣйшихъ воиновъ въ рыцари. Затѣмъ христіане хотѣли перезимовать на равнинѣ Добричѣ, при сліяніи Моравы и Топлицы (стр. 42), но по недостатку подвоза принуждены были выступить. Такъ какъ много лошадей тогда погибло, то сожгли всѣ повозки, оставивъ всего около 50, и выбросили часть добычи, чтобы

скорѣе подвигаться въ снѣгу. Въ февралѣ 1444 г. войско вступило торжественно въ Буду [20]).

Турки были принуждены заключить миръ въ Сегединѣ въ іюнѣ 1444 г. По первому условію вся Болгарія должна была остаться за султаномъ. Зато Бранковичъ получилъ обратно всю Сербію, а именно Смедерево, Голубацъ, Крушевацъ, Ново-Брдо, Прокопье на Топлицѣ, Лесковацъ на Моравѣ и Зеленградъ у Трна (стр. 22) [21]). Валахія осталась подъ верховной властью Венгріи.

Но уже въ томъ-же году миръ былъ нарушенъ по стараніямъ папскаго легата кардинала Юліана. Не смотря на предостереженія деспота Георгія Бранковича, король Владиславъ и Гуніадъ, для котораго эта экспедиція представляла болѣе всего интереса, такъ какъ ему была обѣщана Болгарія, выступили въ сентябрѣ 1444 г. съ войскомъ гораздо слабѣе прошлогодняго. Мрачныя предчувствія безпокоили молодаго короля еще до выступленія. Близъ Орсовы переправились черезъ Дунай, въ шесть дней дошли чрезъ Флорентинъ до Бдина и сожгли его. Въ то время, какъ тщетно дѣлали приступы на Никополь, валашскій воевода Дракулъ прибылъ въ лагерь, но напрасно было его предостереженіе относительно дальнѣйшаго похода. Нигдѣ не было видно

[20]) Сличеніе турецк. и запад. извѣстій у Zinkeisen'a I. 611—621 недостаточно по незнанію мѣстности, простительному для того времени. Что переходъ былъ направленъ къ Златицѣ подтверждаютъ Бонфиній, на основаніи свидѣтельства самовидцевъ, византійскій писатель Дука, ed. Bonn. 217, сербск. лѣтописи (изведе деспотъ краля Владислава на Златицу и Янкула. Šafařík, Pam. 78), Константиновичъ (гл. 22, по сербски въ Гласникѣ 18, 91) и турец. извѣстія у Leunclavius (Hist. Turc. 558: ad angustias saltus Isladini). Ср. чешск. лѣтописца Hájek изъ Libocan (418), который почерпнулъ многое у Константиновича. Старое Куновицкое ущелье описалъ F. Kanitz, Donau-Bulgarien und der Balkan. Leipzig 1875. I. 170—172.

[21]) Названія у Длугоша (у Zinkeisen'a I. 620 очень извращены, а замѣчательно правильны у Hájek'a l. c.)

никакого слѣда османскихъ войскъ. Запосчивые солдаты грабили даже беззащитныя болгарскія деревни и церкви, что весьма раздражало населеніе. Шуменъ былъ взятъ приступомъ, достигли благополучно моря и заняли тамъ безъ сопротивленія Варну, Калліакру и Каварну. Между тѣмъ изъ Азіи прибылъ Мурадъ II и произошло извѣстное сраженіе при Варнѣ (10 ноября 1444 года). Король Владиславъ палъ на полѣ битвы. Остатки христіанскаго войска были разсѣяны и бѣжали домой черезъ Валахію и Сербію; нѣкоторые забрели даже въ Албанію [22]). Это была послѣдняя попытка средневѣковаго христіанства освободить Болгарію; участь ея съ тѣхъ поръ была рѣшена.

Въ Византіи царствовалъ съ 1449 года Константинъ XI Драгасесъ, Славянинъ со стороны матери, внукъ Константина македонскаго. При всеобщемъ отчаяніи онъ одинъ не терялъ послѣдней надежды и не обрекалъ себя на бездѣятельность, хотя очень хорошо понималъ печальное положеніе государства. Онъ снова соединилъ весь Пелопоннезъ подъ властью Византіи; въ Ѳессаліи уже поднялись за него Албанцы и Влахи, но Турки во время подавили это движеніе. Сынъ Мурада *Могаммедъ II* (1451—1481), унылый, но проницательный, образованный и славолюбивый юноша, поставилъ себѣ задачей жизни уничтоженіе восточныхъ христіанскихъ государствъ. 29 мая 1453 г. палъ Константинополь; послѣдній императоръ погибъ геройски съ мечемъ въ рукѣ. Месемврія и Анхіалъ пали тремя мѣсяцами раньше. Пелопоннезъ только семь лѣтъ спустя былъ покоренъ послѣ страшной борьбы съ тамошними Албанцами. Эпирскій деспотатъ пересталъ существовать уже съ 1449 года; герцогство аѳинское погибло въ 1456 году. Сербія вскорѣ спустя удержалась только въ Бѣлградѣ.

[22]) Zinkeisen I. 649—705. Мих. Константиновичъ, глава 24.

Послѣднее изъ большихъ южно-славянскихъ государствъ Боснія пала въ 1463 г. Она погибла безъ геройскаго сопротивленія, измѣною. Король Стефанъ Томашевичъ былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Въ теченіи трехъ столѣтій католики, православные и богомилы (патарены) боролись за владычество въ этой прекрасной странѣ. На сторонѣ богомильства было большинство среди дворянъ и народа, короли-же поддерживали изъ политическихъ мотивовъ католицизмъ. Въ странѣ, терзаемой религіозными раздорами, Турки нашли естественныхъ союзниковъ въ патаренахъ. Послѣ занятія страны послѣдніе исчезаютъ безслѣдно: фактъ, о которомъ не даютъ намъ объясненія ни сказанія, ни письменные источники. Хорватскій изслѣдователь Рачки и русскій Голубинскій недавно указывали одновременно на необыкновенное число магометанскихъ Славянъ въ Босніи, на могущественное дворянство, говорящее на сербскомъ языкѣ и исповѣдывающее магометанскую религію, и изъ этого вывели, и не безъ основанія, что, вѣроятно, патарены массами переходили въ исламъ. Турки пользовались также угнетеннымъ положеніемъ крѣпостнаго народа; такъ, они обѣщали крестьянамъ свободу, вслѣдствіе чего послѣдніе оставляли дворянство [23]).

Наконецъ дошла очередь и до Албаніи, гдѣ новый герой *Георгій Кастріота*, названный по турецки *Скандербегомъ*, доблестно сопротивлялся Османамъ въ продолженіи 24 лѣтъ, поддерживаемый Римомъ, Венеціей и Неаполемъ. Скандербегъ былъ славянскаго происхожденія. Его прадѣда, по отцу, Бранила встрѣчаемъ мы въ 1368 году при дворѣ Александра, господина Валоны (стр. 418). Его отецъ Иванъ, владѣтельный графъ при рѣкѣ Матѣ, храбро защищался съ

[23]) Смотри у Račkі. Bogomili i Patareni, Rad VIII.

помощью Венеціанцевъ противъ Турокъ. Исторія Георгія, самаго младшаго изъ четырехъ братьевъ, сильно искажена панегирическими романами. Въ противоположность обычному разсказу, что онъ, будучи заложникомъ у Турокъ, отличался, пока не бѣжалъ съ поля сраженія при Куновицѣ домой, чтобы тамъ поднять свой народъ противъ Османовъ, мы усматриваемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что Георгій провелъ свою юность на родинѣ въ Албаніи. Свои войны началъ онъ, послѣ сейма славянскихъ и албанскихъ болярь въ Алессіѣ, побѣдой надъ Турками въ Дибрѣ (1444); однако онъ продолжалъ платить султану ежегодную дань въ 6000 дукатовъ. Его дѣйствія потому касаются болгарской исторіи, что Дибра (стр. 61), заселенная тогда, какъ и теперь, въ верхней части Болгарами, а въ нижней — Албанцами, очень часто была поприщемъ его битвъ. Особенно близъ замка Светиграда въ верхней Дибрѣ много было пролито крови. Тамошніе Болгаре отличались большой храбростью и преданностью къ Кастріотѣ. Еще и теперь болгарскій родъ Міяци въ радикской долинѣ подъ Корабомъ съ аристократической гордостью считаетъ себя потомствомъ Скандербега. Когда Могаммедъ II возвращался въ 1466 г. изъ Крои черезъ Охриду, то онъ велѣлъ отвести въ Константинополь тамошняго архіепископа Дороѳея со многими болярами за какой-то споръ, происшедшій въ Охридѣ между духовенствомъ и болярами [24]). По смерти Скандербега (17 января 1468 г.) сопротивленіе Албанцевъ прекратилось. Тысячи изъ нихъ и Сербовъ переселились въ Италію, гдѣ и нынѣ еще встрѣчаются ихъ потомки [25]).

[24]) Письмо Дороѳея Іоанну Стефану, молдавскому воеводѣ (Гласник VII. 177) и современ. славянская замѣтка у Григоровича, О Сербіи, приложеніе стр. 41 прим. Число письма ed. cit. (1456) ошибочно.

[25]) Особенныя заслуги касательно исторіи Скандербега принадлежатъ русск. проф. Макушеву. См. ст. его. Славяне въ Албаніи (Варшава 1871 г.)

Завоеватели не обратили Константинополь въ развалины, какъ нѣкогда Римляне Карѳагенъ. Султаны установили свой тронъ на Босфорѣ, и Стамбулъ сталъ центромъ ихъ мірскаго царства. Тотчасъ византинизмъ сталъ прокрадываться къ побѣдителямъ. Но рядомъ съ греческимъ вліяніемъ замѣчается и славянское, что не должно быть удивительно, если принять въ соображеніе, что со времени походовъ Мурада волосы султановъ расчесывали болгарскія и сербскія княжны: при Мурадѣ I — Тамаръ, сестра Шишмана, при Баязидѣ I — сербская Оливера, при Мурадѣ II — Мара изъ рода Бранковичей. Изъ канцеляріи султановъ выходило еще много славянскихъ (сербскихъ) грамотъ. Турецкія привилегіи Дубровчанъ XV и XVI вв. и корреспонденція беговъ и пашей съ дубровницкой республикой,—всѣ написаны на этомъ языкѣ. Не нужно также забывать, что императоръ Сигизмундъ давалъ въ валашскихъ земляхъ славянскія грамоты, что Матвѣй Корвинъ пользовался этимъ языкомъ и Іоаннъ Заполья съ Туркомъ Мехмедъ-бегомъ велъ корреспонденцію на сербскомъ языкѣ [26]). Съ Итальянцами-же, въ особенности съ Венеціанцами, Турки сносились по гречески и договоры съ ними писали на этомъ языкѣ.

О тогдашнемъ состояніи Болгаріи, гдѣ при Могаммедѣ II господствовало дотолѣ необычное спокойствіе, мы находимъ

гл. IV. Также ср. часто упомянутое соч. Гопфа Gesch. Griechenlands im Mittelalter (Ersch u. Gruber Bd. 86) стр. 123 сл. Въ 1422 г. Іоаннъ Кастріота съ сыновьями Станишею, Репошомъ, Константиномъ и Георгіемъ подарилъ Хиландарскому монастырю (на Аѳонѣ) деревни Родостуши и Трѣбиште. По картѣ Гана обѣ деревни лежатъ подъ Корабомъ на Радикѣ (Григоровичъ, Путеш. 54; Šafařík, Списокъ юго-славянскихъ грамотъ, Ms.).

[26]) Дубровницкія привилегіи Мурада I (1430), Могаммеда II (1480), Баязида II (1481), Селима I (1514) у Миклошича, Mon. serb. 363, 523, 526, 550. Они содержатъ также болгаризмы: потна царина (пжть), боде (бжде). Слав. грамоты Сигизмунда у Венелина, Влахоболгарскія грамоты 36, 19. Грамоты Матіаса и Заполіи, Mon. serb. 494, 553 и сл.

нѣкоторыя указанія въ одномъ сочиненіи Владислава Граматика, въ которомъ онъ описываетъ перенесеніе мощей св. Іоанна Рыльскаго изъ Трнова въ Рыльскій монастырь, въ 1469 г. По слогу и богатству содержанія, это простое сочиненіе далеко оставляетъ за собою риторическія разглагольствованія предъидущаго времени [27].

Изстари почитаемый Рыльскій монастырь, разрушенный Турками при завоеваніи, такъ что осталась только церковь и башня Хрели (стр. 396), стоялъ покинутый въ теченіи многихъ лѣтъ, пока три брата изъ болярской фамиліи, Іосафъ, Давидъ и Ѳеофанъ, сыновья епископа Іакова Крупницкаго (Крупникъ между Мельникомъ и Джумой), не покинули села близъ Вельбужда, гдѣ они жили, какъ духовные, и не удалились въ пустыню Рыльскую. Пришедшій въ упадокъ монастырь былъ ими, при содѣйствіи другихъ благочестивыхъ людей, возстановленъ. Когда они еще строили одинъ протопопъ изъ Филиппополя нечаянно обрадовалъ ихъ вѣстью, что, на пути съ своимъ митрополитомъ, онъ видѣлъ собственными глазами въ архіепископской церкви въ Трновѣ мощи св. Іоанна Рыльскаго; со времени ужасныхъ завоевательныхъ войнъ онѣ были совершенно забыты. Нарочно посланный въ Трново монахъ подтвердилъ его разсказъ. Немедленно снарядили братья пословъ къ царицѣ Маріѣ, дочери Георгія Бранковича и вдовѣ Мурада II. Живя съ своей сестрой Кантакузиной въ селѣ Ежевѣ, находящемся на разстояніи нѣсколькихъ стадій къ югу отъ Сереса, и пользуясь чисто сыновнимъ почтеніемъ со стороны султана Могаммеда II, она стала, вслѣдствіе своего вліянія, могущественнѣйшей заступницей христіанъ [28]. Она выхлопо-

[27] Изд. Новаковичемъ въ Гласникѣ XXII. 287—302.

[28] Серб. лѣтописи, Šafařik, Pam. 63. Она умерла, по габровскому

тала повелѣніе султана къ трновскому кади. дозволяющее монахамъ перенесеніе мощей святаго въ Рыльскій монастырь. Какъ только депутація рыльскихъ монаховъ вступила въ Трново. кади тотчасъ выдалъ имъ гробницу. но жители не хотѣли въ продолженіи трехъ дней отпускать изъ города мощей святаго, пока не вмѣшался кади. Въ тотъ-же день монахи перешли черезъ вздымавшуюся рѣку Роситу. У Никополя привѣтствовалъ ихъ одинъ вельможа со всѣми тамошними болярами, ввелъ ихъ въ свои „палаты" и поставилъ гробницу въ своей часовнѣ. Послѣ литургіи къ нему собрались почти всѣ горожане съ женами и дѣтьми на большой пиръ; бесѣдовали и пѣли божественныя пѣсни. Упомянутый вельможа съ непокрытой головой вмѣстѣ со своими служителями ухаживалъ за своими гостями и только въ четвертомъ часу ночи былъ склоненъ сѣсть въ среду ихъ. Въ слѣдующее утро онъ одарилъ монаховъ и сопровождалъ ихъ съ болярами до Осмы. Въ немного дней они прибыли въ Софію и поставили гробъ въ тамошнюю церковь св. Георгія, куда во время турецкихъ войнъ былъ перенесенъ и король Милутинъ изъ своего монастыря на Косовомъ полѣ (Баньскій монастырь). Въ продолженіи шести дней они пользовались гостепріимствомъ богачей и боляръ. На седьмой день все населеніе города собралось въ церкви и совѣщалось. какъ дальше слѣдовало сопровождать святаго. Хотя нѣкоторые опасались внезапнаго нападенія заносчивыхъ Турокъ, однако горожане отправились на лошадяхъ и пѣшкомъ съ женами и дѣтьми на четыре стадіи дальше. Боляре, попы и монахи сопровождали еще дальше, до Лѣшницы. У рѣки Гьерманъ (теперь Джерменъ) игуменъ

лѣтописному сборнику (Григоровичъ. О Сербіи. приложенія). въ 1488 году Ея грамоты у Миклошича. Mon. serb. 514 и сл.

Давидъ со своими монахами и толпой народа уже ждалъ прибытія національнаго патрона. Направились далѣе къ подножію высокой горы, гдѣ народъ, расположившись на зеленой лужайкѣ, подкрѣплялся пищею и питьемъ: въ этомъ мѣстѣ богомольцы и теперь имѣютъ обыкновеніе собираться. Въ слѣдующій день (это былъ день св. Петра и Павла) торжественное шествіе достигло Рыльскаго монастыря.

Глава XXV.

Древне-болгарская государственная и культурная жизнь въ XII — XV столѣтіяхъ.

Причины паденія Болгаріи. — Имя, границы и раздѣленіе государства. — Государственное и международное право. — Придворная жизнь, бояре. — Придворныя и государственныя должности. — Государственная церковь. — Города. — Крѣпостничество. — Право, законы, сеймы, администрація страны и финансы. — Земледѣліе и торговля. — Военное дѣло. — Народный характеръ.

Нашъ разсказъ о судьбахъ средневѣковаго болгарскаго царства пришелъ къ концу. Если оглянемся назадъ и въ умѣ пробѣжимъ длинный рядъ измѣнчивыхъ событій, которыя приводили въ движеніе болгарскій народъ въ продолженіи цѣлыхъ восьми столѣтій, то получимъ общую картину весьма мрачнаго колорита. Въ теченіи столь многихъ столѣтій Болгаре не давали покоя всему полуострову, сообщили свою литературу и культуру остальному православному славянскому міру и потрясли религіознымъ ученіемъ домашней секты весь югъ Европы, — и каковъ, однако, былъ конечный результатъ всѣхъ этихъ усилій и борьбы! Физически подпала эта нѣкогда столь видная и гроз-

ная нація подъ иго Турокъ, духовно — подъ владычество Грековъ, и осталась въ этомъ служебномъ отношеніи, пока въ послѣднее время не доказала, что ея историческая задача далеко еще не выполнена. Династіи Асѣневичей, Тертеріевичей и Шишмановичей представляютъ не мало людей, которые соединяли политическую мудрость съ значительной военной опытностью. Асѣни сразу поняли мысль великаго Симеона и ясно обнаружили принятіемъ титула „царя Болгаръ и Грековъ“ свое намѣреніе построить на развалинахъ византійской имперіи большую славянскую монархію. Іоаннъ Асѣнь II не былъ очень далекъ отъ осуществленія этой идеи, а отважный Михаилъ Шишманъ едва не захватилъ въ расплохъ Константинополя. Великій сербскій царь Душанъ также шелъ твердыми шагами къ той-же цѣли. Однако, всѣ эти энергическіе мужи оставили государство преемникамъ, которые были слишкомъ слабы для проведенія ихъ плана въ такомъ-же духѣ.

Почему подпала Болгарія подъ владычество Турокъ? — вопросъ столь-же важный, какъ и трудный, тѣмъ болѣе, что подробности великой борьбы, которая опустошила въ концѣ XIV стол. поля Болгаріи, извѣстны намъ только отрывочно. Однако, слѣдующія три обстоятельства могли быть ближайшими причинами, способствовавшими паденію Трновскаго царства.

Первая причина—это византинизмъ. Болгаре, принимая отъ дряхлыхъ Византійцевъ законы и литературу, нравы и пороки, были увлечены своими наставниками въ общую могилу. Первые Асѣневичи были еще свободны отъ греческаго вліянія: только съ прибытіемъ первой греческой царицы, Греки стали проникать въ Болгарію. Уже византійское владычество въ XI и XII стол. подготовило почву для греческаго вліянія. Однако, только привилегированные классы, боляре, духовенство и города были подвержены соприкос-

ловенію съ этою греческою цивилизацією: сельское населеніе осталось въ томъ-же положеніи, въ которомъ оно было прежде и въ которомъ оно пребываетъ и теперь.

Далѣе, не мало способствовало разстройству древней Болгаріи богомильство. Мрачное религіозное ученіе подорвало любовь къ отечеству, внесло раздвоеніе во всѣ классы народа и въ концѣ концовъ привело къ деморализаціи. Когда Турки появились на полуостровѣ, то угнетаемые богомилы видѣли въ нихъ скорѣе освободителей, чѣмъ притѣснителей.

Третья причина — средневѣковый феодализмъ. Управленіе страной было въ рукахъ эгоистической касты боляръ и подпавшаго вліянію Византіи духовенства. Повсюду въ Болгаріи, Сербіи и Босніи боляре стремились къ независимости и были вслѣдствіе этого нерасположены къ сильнымъ царямъ. Низшій классъ народа былъ большею частью въ несвободномъ состояніи и прикрѣпленъ къ землѣ. Интересы высшихъ и низшихъ классовъ естественно расходились, тѣмъ не менѣе мы того мнѣнія, что дѣло не заходило въ Болгаріи такъ далеко, какъ въ Босніи, гдѣ Туркамъ обѣщаніемъ свободы удавалось безъ труда возстановлять крестьянъ противъ дворянства [1]). Что болгарскій народъ не былъ окончательно забитъ, а умѣлъ и самъ браться за оружіе противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, показываетъ исторія пастушескаго и крестьянскаго царя Ивайла.

На слѣдующихъ страницахъ мы предлагаемъ краткій обзоръ внутренняго состоянія трновскаго царства (1186—1393). Главнымъ источникомъ служили намъ древне-болгарскія грамоты, дошедшія до насъ, къ сожалѣнію, въ очень небольшомъ числѣ [2]).

---

[1]) Рѣчь посла короля Стефана Томашевича къ папѣ Пію II 1461 года. Gobelinus у Pray'a Ann. III. 275. Рачки въ Rad VIII. 169.

[2]) На славянскомъ языкѣ есть всего семь: 1) Торговая привилегія, данная Іоанномъ Асѣнемъ II Дубровчанамъ (жителямъ Рагузы, по славянски

Только послѣ основательнаго изслѣдованія всей страны и обнародованія всѣхъ археологическихъ и рукописныхъ сокровищъ, еще сокрытыхъ какъ дома, такъ и на чужбинѣ, можно будетъ помышлять о возстановленіи цѣльной картины. Въ слѣдующемъ очеркѣ мы будемъ часто ссылаться на родственныя византійскія и сербскія учрежденія, потому что онѣ лучше извѣстны, и такъ какъ посредствомъ первыхъ удовлетворительно объясняются учрежденія греческаго происхожденія, при посредствѣ вторыхъ — славянскія.

1) *Названіе царства:* по гречески Βουλγαρία, на западѣ Bulgaria, Burgaria, по французски la Bogrie, la Bougrie, la Bouguerie, по арабски Борджанія [3]), по славянски Блъгар-

Дубровникъ, (1230–1241); 2) Договоръ Дубровчанъ съ Михаиломъ Асѣнемъ противъ Сербовъ 1253 г. (по сербски); 3) Хрисовулъ Константина Асѣня, данный монастырю св. Георгія на Виринской горѣ у Скопія (1258–1277); 4) Письмо деспота Якова Свѣтослава къ кіевскому архіепископу Кириллу III; 5) Хрисовулъ Іоанна Асѣня IV, данный Орѣховскому монастырю въ 1347 г.; 6) Хрисовулъ Іоанна Шишмана, данный Рыльскому монастырю въ 1378 г.; 7) Его-же хрисовулъ Витошскому монастырю. Грамота 4-ая издана Востоковымъ, Опис. рукоп. рум. муз., 291.; всѣ остальныя помѣщены во 2-мъ изд. «Памятниковъ древней югославянской литературы» П. І. Шафарика (Památky стр. 2, 16, 23, 96, 105 и сл.). №№ 1 и 2 также у Миклошича, Mon. serb. 2, 35. Исключая грамоты № 2, онѣ писаны на болгарскомъ нарѣчіи древнесловѣнскаго языка. Кромѣ того, слѣдуетъ еще упомянуть одну компиляцію, сдѣланную по древнѣйшимъ грамотамъ Асѣня II и Калимана I, которая касается Зографскаго монастыря на Аѳонѣ и относится къ XVI стол. (см. стр. 344, прим. 29). Написаны по латыни корреспонденція Калояна съ папою и договоръ Иванка съ Генуэзцами 1387 г.; по итальянски — договоръ Венеціанцевъ съ Александромъ 1352 г. Изъ надписей важнѣйшія станимакскія (Šaf. Pam. 94) и трновскія (стр. 337) — обѣ 1230 г., и боянскія 1259 года (Гласник 7, 189). Грамота Александра, данная Рыльскому монастырю, видѣнная Григоровичемъ въ 1845 г. (Очеркъ путешествія 150), не издана. Другой документъ Александра 1342 г., Зографскій, напечатанный въ «Блъгарскихъ Книжицахъ», я не могъ видѣть. (Григоровичъ, ib. 67. Шишковъ, Исторія Българъ 255).

[3]) А. Котляревскій, О погреб. обычаяхъ языческихъ Славянъ. Москва 1868 г., приложеніе 69; что слово Борджанія означало Болгарію, показалъ уже d'Ohsson, Les peuples du Caucase. Paris 1828, 260. «La Bogrie» у Villehardouin'а гл. 24

ска страна, или просто, согласно славянскому способу выраженія, Блъгары (въ Блъгарѣхъ, собственно въ Болгарахъ).

За границей пріобрѣло также большое распространеніе названіе *Загоріе* (страна за горами). Подъ загоріемъ разумѣли всю область, которая простирается между Балканомъ и Дунаемъ, отъ Тимока до Чернаго моря, — древнюю Мизію, зерно старо-болгарскаго государства. Въ югославянскихъ источникахъ обозначали такъ прежде только дунайскую страну съ городомъ Трновомъ, позже — все царство. Въ неаполитанскихъ, генуэзскихъ и венеціанскихъ грамотахъ читаемъ „imperator de Zagora", въ греческихъ памятникахъ — *ἄρχων τῆς Ζαγορᾶς* [4]).

Рѣдко встрѣчается выраженіе *Трновска страна*, по главному городу [5]). Имя *Влахія* или *Бѣлая Влахія*, вошедшее въ употребленіе у Грековъ и Франковъ около 1200 года, не встрѣчается въ славянскихъ источникахъ.

Византійцы, въ своей страсти примѣнять ко всему древне-эллинскія названія, именуютъ часто Болгаръ *Мисами*, страну ихъ — *Мисіей*.

2) *Границы царства*. „Прѣдѣлъ" царства часто измѣнялся. Асѣнь I и Петръ дѣлали вторженія до Сереса. Калоянъ передвинулъ пограничную межу близко къ Константинополю и Солуню и въ глубь Македоніи со включеніемъ Охриды (стр. 322). При Іоаннѣ Асѣнѣ II (1218 —

[4]) «До Трнова и по всему Загорію», грамота Асѣня II. Сербы: Доментіанъ ed. Daničić, 1860, 103, 171, 199, ed. 1865, 214. Владиславъ въ Гласникѣ 22, 301. Виз. у Stritter'a II, 680, 701, 758. Ср. Асѣнь II «imperator Exagorarum». Bongars, Gesta dei per Francos II, 72. Въ договорѣ съ Венеціанцами 1352, Іоаннъ Александръ, «per la dio gratia imperator del Zagora, de Bolgari e de Giresi»: при этомъ одновременное замѣчаніе: «di Bulgaria over del Zagora» (Ljubić III, 246). Ошибочно объясненіе имени у Šafařik'a II, 234. Ср. «die kahlen Vorhöhen des Sv. Nicola Balkans, welche im Volksmunde Zagora genannt werden». Kanitz, Donau-Bulgarien I, 184.

[5]) Константинъ Философъ, Starine I, 9, 38 и пр.

1241) расширеніе трновскаго царства достигло своего апогея: однако, уже сыновья Асѣня II потеряли всѣ его завоеванія. Константинъ занялъ еще разъ верхнюю Македонію, однако не надолго: послѣ него не могъ уже ни одинъ царь распространить свою власть на эти страны.

Сѣверную границу составлялъ Дунай, восточную — Черное море, южная граница переходила очень часто Балканы и Срѣдну Гору. На западѣ владѣли Асѣневичи Бѣлградомъ и Браничевомъ, начиная съ Калояна, кажется, до Константина [6]). При Калоянѣ (1196—1207) болгарская стража стояла съ 1203 г. на мѣстѣ позднѣйшаго Смедерева [7]), противъ венгерской крѣпости Кеве (теперь Кубинъ): этотъ-же царь владѣлъ Приштиной, Скопіемъ, Вельбуждомъ, Нишомъ. Когда имено Нишъ перешелъ надолго въ руки Сербовъ — неизвѣстно: можетъ быть, послѣ вельбуждской битвы 1330 г. (стр. 388).

На западѣ граничили Болгаре въ началѣ XIII стол., къ югу — съ Сербами, къ сѣверу — съ Венграми, которые владѣли долгое время Браничевомъ и областью Мачвы на Колубарѣ. Послѣ занятія Браничева Сербами, западными сосѣдями Болгаръ были только послѣдніе: съ тѣхъ поръ пограничная линія съ этой стороны осталась безъ перемѣны до нашествія Османовъ. Въ XIV стол. сербско-болгарская граница имѣла свой исходный пунктъ у Орсовы, обнимала все порѣчье Тимока вмѣстѣ съ замкомъ Сврльигомъ [8]) и Сокольцемъ (теперь Банья), шла черезъ проходъ

[6]) Извѣстіе сербскихъ лѣтописей, что св. Савва (около 1220 г.) основалъ въ Бѣлградѣ и Браничевѣ епископства (Pam. 60) опровергается древнѣйшимъ спискомъ той же лѣтописи (ib. 54). Въ 1232 г. были въ обоихъ городахъ болгарскіе епископы. Theiner. Mon. Hung. I, 103.

[7]) Theiner. Mon. Slav. I, 34: castrum, quod vocatur Keve, ubi solo Danubio mediante regnum Ungariae a Bulgarorum provincia separatur. Ср. стр. 311, 316.

[8]) Въ 1379 г. былъ написанъ въ Сврльигѣ сербскій кодексъ, въ заключительномъ замѣчаніи котораго называется не сербскій король, а болгарскій

Болванскій (замки Болванъ и Липовацъ принадлежали Сербамъ) чрезъ гору Озренъ, проходъ Куновицы (Пиротъ принадлежалъ Болгарамъ, Нишъ — Сербамъ), къ Сухой Планинѣ въ области Снегполье (у Трна) и достигала Струмы у сербской крѣпости Землынъ. Далѣе Струма была пограничной рѣкой: въ Вельбуждѣ господствовали Сербы, въ Стобѣ при устьѣ Рылы — Болгаре.

Приморскіе города Месемврія и Анхіалъ, также какъ и сосѣдній край у подошвы Балкана между моремъ и Тунджей съ городами Айтосомъ, Росокастрономъ, Діамполемъ и т. д., были вѣчнымъ яблокомъ раздора между Византійцами и Болгарами. Съ экспедиціи Амадея (1366) до февраля 1453 г. господствовали въ Месемвріи и Анхіалѣ Византійцы. Филиппополь (по болгарски Пловдивъ) былъ въ первой половинѣ XIII ст. большею частью во власти Болгаръ, позже (въ 1322 г.) овладѣлъ имъ Тертерій II на короткое время, а въ 1344 г. Александръ на продолжительное. Много крови пролито также изъ-за замковъ родопскихъ, преимущественно за Цѣпину и Стенимахъ (Станимака).

Ни на чемъ не основано мнѣніе, что господство первыхъ Асѣневичей было распространено и на *Валахію*, такъ какъ смѣшеніе Болгаръ съ Влахами, титулъ царя и появленіе Влаховъ (Цинцаровъ) въ болгарскомъ войскѣ не могутъ служить въ этомъ случаѣ доказательствами. На сѣверѣ отъ Дуная господствовали въ XIII стол. состоявшіе съ Асѣневичами въ тѣсныхъ пріятельскихъ отношеніяхъ Куманы, а послѣ ихъ удаленія — Венгры, послѣ чего (ок. 1300 г.) на востокѣ отъ Алуты начало возникать румынское воеводство.

царь (Гласник 20, 245). Въ XVII ст. Сврлыгъ и Кладово принадлежали к видинскому санджаку, который, вѣроятно, былъ тождественъ съ областью послѣдняго царя Срацимира. О границѣ у Болванскаго прохода Констан- тинъ, Гласник 42, 307; ср. Heerstrasse S. 107

3) *Раздѣленіе страны.* Царство называлось, какъ и въ Сербіи, *држава*, отдѣльная провинція, *область*, или по примѣру Грековъ, *хора* (χώρα).

Списокъ, хотя неполный, болгарскихъ областей заключается въ дарованной Іоанномъ Асѣнемъ II Дубровчанамъ торговой привилегіи. Здѣсь мы находимъ Бѣлградъ, Браничево (у Пожаревца), Бдинъ, Трново со всѣмъ Загорьемъ, Прѣславъ, Карвунска хора (у Балчика) [9]), Крънска хора (около Карнобада), Боруйска хора (у Боруя или Верреи, теперь Эскизагра). Далѣе слѣдуютъ владѣнія, пріобрѣтенныя послѣ сраженія при Клокотницѣ (1230): Одринъ (Адріанополь) [10]), Димотъ (Διδυμοτεῖχον), Сопска хора, Прилѣпска хора, Дѣволска хора и „земя Арбанаска“, Срѣдецъ (Софія). Охрида и другіе города Асѣня здѣсь не упоминаются.

Крънска хора (Κρουνός, Κρῦνος Византійцевъ) распространялась отъ Понта почти до Тунджи, за исключеніемъ Сливна и Ямболя. Воспоминаніе объ этомъ осталось въ турецкомъ названіи города Каринбатъ, по болгарски Карнобадъ или Карново, и въ имени сосѣдней Карновской горы.

Въ концѣ XIII стол. было здѣсь полунезависимое государство болярина Эльтимира, брата Тертерія I [11]).

Македонія при трновскихъ царяхъ называлась *Долная земля*. При Константинѣ встрѣчаемъ здѣсь провинціи (области) прилѣпскую и пологскую и мѣстность Бабуну [12]).

[9]) Καρβουνᾶ Cant. 584, Καρβουνᾶ Acta patr. I. 1. 502, Carbona итальянскихъ морскихъ картъ 1318—1614 г., между Кастрици (теперь Кестриндже) и Каварной (Tafel, Const. Porphyr. de provinciis. Tubing. 1846, 37—41). «Боруйска хора» нельзя производить отъ Πόρος (Бургасъ) такъ какъ прилагательное отъ Πόρος должно-бы быть «Порьскый», а отнюдь не «Поруйскій»; такимъ образомъ, дѣло скорѣе идетъ о Βερροία, *Veroi* Латинцевъ, *Berua* Henri de Valenciennes, и въ самомъ дѣлѣ у Луккари (Ann. di Ragusa 1605. 64) встрѣчается между Филиппополемъ и Ямболемъ *Borui-grad*.

[10]) У Šafařik'a Pam. 2. по копіи консула Гагича «в болерн», въ оригиналѣ читаемъ — «в Одрин».

[11]) Pachymeres II. 267. Nicetas 564, 852.

[12]) Съльдние царствоуми въ долнѣ земли. Šaf. Pam. 23.

Имя *Македонія* было въ средніе вѣка очень часто распространяемо Византійцами, Латинцами и Славянами и на Өракію (стр. 192): такъ, сербская лѣтопись переноситъ битву на Марицѣ въ 1371 году на Македонію. Славяне издревле называли Өракію *Романіей* (еще теперь Руманя), какъ читаемъ уже на надписи Асѣня II.

4) *Населеніе и его національность.* Нѣтъ недостатка въ доказательствахъ въ пользу того, что древняя Болгарія была густо населена. Въ удѣльномъ княжествѣ царя Срацимира бдинскаго въ 1365 г. третья часть населенія превышала 200 тысячъ душъ [13]). Сличеніе старыхъ памятниковъ съ нынѣшними отношеніями показываетъ, что вообще на полуостровѣ исчезло безслѣдно много средневѣковыхъ поселеній. Главнымъ элементомъ населенія были, конечно, болгарскіе Славяне. Между ними тамъ и сямъ, болѣе въ городахъ, чѣмъ въ селахъ, жили чужестранцы девяти націй, между которыми главнѣйшими были Греки и Куманы.

Греки (Гръкъ, мн. ч. Гръци) съ незапамятныхъ временъ обитали въ гаваняхъ Понта, въ Варнѣ, Месемвріи, Анхіалѣ и т. д. Въ договорѣ Иванка съ Генуэзцами 1387 г. упоминаются, рядомъ съ „Bulgari", также „Graeci", какъ его подданные (въ Добруджѣ). Вліяніе Грековъ на Болгаръ было очень сильно: большая часть византійской церковной и свѣтской терминологіи была перенесена въ Болгарію. Въ грамотахъ XIII и XIV стол. можно еще явственно прослѣдить, какъ отдѣльныя туземныя выраженія уступаютъ мѣсто греческимъ: хора, страторъ, технитаръ, оризмо, кефалія, діавато, periволъ и пр.

[13]) Illa Bulgaria populosa въ письмѣ францисканскаго генерала 1368 г. Уже Баварскій географъ IX стол. пишетъ: «Vulgarii regio est immensa et populus multus multitudo magna» (Šafařik II, 711). Ср. Дриновъ, Происхожданье 88.

Замѣчательно вліяніе, которое турецкій народъ ***Кумани*** имѣлъ какъ на Венгровъ, такъ и на Болгаръ. Пока они еще кочевали по той сторонѣ Дуная, то были вѣрнѣйшими союзниками Асѣневичей противъ Грековъ. Когда-же они затѣмъ были изгнаны Татарами изъ равнинъ Молдавіи и Валахіи, то одна часть перешла въ Венгрію, гдѣ они были приняты королемъ Белой IV, особенно къ нимъ расположеннымъ, а при Владиславѣ IV, сынѣ Куманки, возбудили страшныя волненія. Другая часть поселилась въ Болгаріи. Куманское дворянство пріобрѣло тамъ узами родства съ болярскими фамиліями такую власть, что куманскій вельможа Тертерій могъ даже вступить на престолъ (1280) и передать его своимъ потомкамъ. Братъ его, Эльтимиръ, господствовалъ около Балкана, какъ полусамостоятельный династъ. Шишманъ бдинскій также (по словамъ Византійцевъ) былъ полу-куманскаго происхожденія. Въ Македоніи существуютъ и доселѣ городъ Куманово и село Куманичево у Касторіи; деревня Кумани-те у Трѣвны на Балканахъ. Собственное имя Куманъ встрѣчается не только въ древне-сербскихъ памятникахъ, но и теперь еще живетъ въ народѣ болгарскомъ.

Темно происхожденіе нынѣшнихъ *Гагаузовъ*, христіанъ говорящихъ по турецки, живущихъ въ окрестностяхъ Варны и въ гаваняхъ Чернаго моря. Нѣкоторые считаютъ ихъ за потомковъ К̇умановъ (Узы, Огузы), языкъ которыхъ дѣйствительно родственъ турецкому (стр. 272). Гаммеръ разсказываетъ по восточнымъ источникамъ, что въ 1263 г. Византійцы надѣлили землями въ Добруджѣ бѣжавшаго султана Сельджуковъ Изеддина. Тогда переселилось-де 10—12,000 семействъ *Турокъ* изъ Малой Азіи подъ предводительствомъ Сальтукдеда, могилу котораго можно еще видѣть въ Бабадагѣ; но спустя короткое время, эти поселенцы переселились въ Крымъ и Кипчакскія степи. Однако, въ

другихъ памятникахъ не встрѣчается объ этомъ ни слова [14]).

Однимъ изъ древнихъ элементовъ населенія полуострова были *Румыны* или *Влахи* (стр. 217). Еще въ 1164 г. упоминаются на побережьѣ Чернаго моря Влахи, какъ старые италіанскіе колонисты [15]). Позднѣе они совершенно исчезаютъ изъ балканскихъ странъ, между тѣмъ какъ на равнинахъ по ту сторону Дуная возникала румынская государственность.

Въ городахъ были колоніи *италіанскихъ* купцовъ (Генуэзцевъ и Венеціанцевъ), факторіи *Дубровчанъ*, родной языкъ которыхъ былъ сербскій, и поселенія *Саксовъ*, нѣмецкихъ рудокоповъ. Мы еще разъ возвратимся къ этимъ чужестранцамъ.

Евреи породили при царѣ Іоаннѣ Александрѣ (1331—1365) большія безпокойства. Въ другое время о нихъ упоминается только въ 1294 г., когда Татаринъ Чоки, по повелѣнію Святслава, былъ казненъ еврейскими палачами. Еврейскіе источники, къ сожалѣнію, намъ недоступны.

Новымъ элементомъ населенія были *Цыганы* (Цигани), арійскій народъ, пришедшій изъ Индіи въ V в. въ Персію, въ VII в. — въ Сирію, въ IX в.— въ византійскую имперію. Въ Европѣ они появились впервые въ Греціи въ XIV ст., откуда переселились въ славянскія земли, а во время воеводы Владислава (около 1370 г.) — въ Валахію. Такимъ образомъ они по всему вѣроятію появились въ Болгаріи уже въ половинѣ XIV стол. Слѣдствіемъ ихъ пребыванія среди этихъ народовъ было, какъ на это указываетъ Миклошичъ, то, что слѣды румынскаго, южно-славянскаго, а болѣе всего греческаго языка встрѣчаются во всѣхъ цыганскихъ діалектахъ Европы, даже въ Испаніи и Англіи [16]).

[14]) Hammer, Gesch. der gold. Horde, Pesth 1840, 176 - 180.

[15]) Βλάχων πολὺν ὅμιλον, οἳ τῶν ἐξ Ἰταλίας ἄποικοι πάλαι εἶναι λέγονται, ἐκ τῶν πρὸς τῷ Εὐξείνῳ καλουμένῳ πόντῳ χωρίων etc. Cinnamus VI 263. Cp. Roesler, Rom. Stud. 85

[16]) Изъ Румыніи Цыганы пришли въ Венгрію, Богемію, Германію, а оттуда, съ одной стороны, во Францію и Англію, съ другой — въ Польшу.

Что касается заграничныхъ сношеній, то въ средніе вѣка Греки и Мадьяры были главными врагами болгарскаго народа. Съ Венгріей граничило болгарское царство нѣкоторое время на западѣ въ Браничевѣ, позднѣе съ учрежденія северинскаго баната — у Дуная отъ Орсовы до устья Алуты.

Нѣкоторыя слова были заимствованы изъ мадьярскаго языка: русагъ, царство (ország), урове бояре (úr): подобно тому какъ отъ Франковъ гилемъ (шлемъ), кастель (castellum), стрѣла габилота (javelot) [17].

5) *Государственное и международное право.* Государь носилъ имя *царь*, тождественное по значенію съ византійскимъ *βασιλεύς* и латинскимъ *imperator*. Имя это римскаго происхожденія, будучи образовано отъ *caesar* въ то отдаленное время, когда Славяне были въ сношеніяхъ съ самими Римлянами. Въ древнѣйшихъ памятникахъ читается *цьсарь*, позднѣе *цьсарь* [18]. Царь никогда не писалъ отъ своего имени „я" или „мы", а „царство ми", слѣдуя византійскому выраженію „βασιλεία μου"; также и сербскіе короли „кралевство ми", и румынскіе воеводы — „господство ми" (domnia mea).

Императорскій титулъ государя болгарскаго былъ признанъ также иностранцами, не только Сербами и Русскими, но и Греками и Итальянцами. У Византійцевъ называется

Россію, Финляндію и Швецію. Въ Испаніи они поселились въ большомъ количествѣ уже въ 1447 г. Miklosich. Ueber die Mundarten und Wanderungen etc. Denkschr. der Wiener Akad. XXI, XXIII 1874. О древнѣйшей исторіи Цыганъ ср. M. J. de Goeje. Bijdrage tot de Geschiedenis der Zigeuners. Amsterdam 1875.

[17]) Объ этихъ иностранныхъ словахъ см. Миклошичево изданіе староболгар. троянской хроники XIV стол. (Starine III). Неизвѣстно, взято-ли личное имя Белауръ изъ венгерскаго языка; ср. рум. бълауръ, драконъ.

[18]) См. Miklosich, Lex. palaeoslov. Что имя это произошло не отъ καῖσαρ и Kaiser, — то это ясно. Чешск. císař, польск. cesarz.

онъ βασιλεύς: въ венеціанскихъ, генуэзскихъ и неаполитанскихъ грамотахъ — imperator. Папа и Венгры употребляли этотъ титулъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ [19]). Тотчасъ по возстаніи въ 1186 г. Петръ и Асѣнь короновались золотой короной и обулись въ красные башмаки — знакъ императорскаго достоинства у Византійцевъ (ἐρυθρὰ πέδιλα) [20]). Уже въ 1189 г. Петръ именовался императоромъ не только *Болгаръ*, но и *Грековъ*: однако подтвержденія своего титула отъ Фридриха I онъ не получилъ [21]). Преемникъ его Калоянъ обратился, по примѣру Симеона, Петра и Самуила, къ папѣ и получилъ отъ него *королевскую корону*, однако, именовалъ себя, несмотря на это, постоянно царемъ (стр. 317). Полный титулъ гласилъ: „въ Христа Бога благовѣрный царь и самодеръжецъ всѣмъ Блъгаромъ и Гръкомъ" [22]). Именемъ „царь Грековъ" называли себя, какъ это ясно видно изъ грамотъ, надписей и монетъ, всѣ цари отъ Петра до Іоанна Шишмана III: только Константинъ, супругъ Маріи Палеологъ, именуется во всѣхъ памятникахъ просто „царь и самодръжецъ Блъгаромъ" [23]).

Титулъ *imperator Bulgarorum et Blacorum* встрѣчается лишь въ нѣкоторыхъ латинскихъ письмахъ Калояна къ папѣ отъ 1202 и 1203 гг.: далѣе у Villehardouin'a (Roi de Blaquie

---

[19]) Въ папскихъ актахъ до 1204 г. «*nobilis vir* dominus Bulgarorum». Въ 1291, въ видѣ исключенія «imperator Bulgarorum illustris» (Theiner, Mon. Hung. I, 375). Въ 1337 — *rex*, ср. прим. 29.

[20]) Nicetas (Stritter II, 674) говоритъ только о коронованіи Петра.

[21]) Ansbertus, 44: Kalopetrus Blacorum et maxime partis Bulgarorum in hortis Tracie dominus, *qui se imperatorem et coronam imperialem regni Grecie* ab eo (отъ Фридриха) sibi imponi efflagitat. Id. 54: Kalopetrus Blacorum dominus itemque a suis dictus *imperator Grecie*.

[22]) Ср. виз. ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ.

[23]) Виринская грамота, боянская надпись, письмо Святослава, замѣтка 1273 г. у Миклошича, Lex. palaeoslov. X.

et de Bougrie): въ славянскихъ источникахъ объ этомъ нѣтъ никакого слѣда.

О знакахъ царскаго достоинства монеты даютъ намъ болѣе основательныя свѣдѣнія, чѣмъ письменные памятники [24]). „*Столъ*“ или „*прѣстолъ*“ [25]), изображенъ на древнѣйшихъ монетахъ въ видѣ двуногаго сѣдалища, украшеннаго жемчугомъ; позднѣе появляются ручки и часто настоящій тронъ. Корона называлась *діадима* (διάδημα) [26]). Петръ короновался золотой короной. Калоянъ получилъ отъ папы „regium diadema“, скипетръ и хоругвь съ образомъ св. Петра. На монетахъ царская корона изображена въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Обыкновенно она — низкая жемчужная діадема, отъ которой спускались на виски двѣ ленты, украшенныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; Іоаннъ Асѣнь II и Святславъ носятъ корону полушарообразную, украшенную и снабженную вверху шарикомъ; Михаилъ Асѣнь — зубчатую, по западному образцу. Шишмановичъ Михаилъ — корону-шлемъ съ вышеупомянутыми лентами. Срацимиръ — простую шапочку безъ жемчуга. На большомъ изображеніи царя Александра въ ватиканской рукописи болгарскаго перевода Манассійной лѣтописи видимъ раздѣленное на шесть полей и изукрашенное полушаріе съ гребнемъ вверху и съ жемчужными лентами по бокамъ. Коронованіе обыкновенно происходило въ построенной Петромъ и Асѣнемъ церкви св. Димитрія у подошвы Трапезицы (стр. 300). „Скиптро“ (σκῆπτρον) былъ различной длины и снабженный вверху крестомъ (при Срацимирѣ — лиліями), внизу — шаромъ. Только на монетахъ Асѣня II появляется изображеніе державы въ видѣ шара съ крестомъ. Хоругвь

---

[24]) Ljubić, Opis jugoslav. novaca. Zagreb 1875.

[25]) Грамота 1262, 1347 и 1378 гг.

[26]) Грамота 1378 г.

стоитъ обыкновенно на монетахъ между царемъ и царицей; иногда мѣсто его занимаетъ крестъ.

Государственный гербъ былъ *левъ*; онъ, правда, не является на средневѣковыхъ монетахъ и печатяхъ; констатированъ однако новѣйшими извѣстіями XVII стол.

Въ торжественныхъ случаяхъ, какъ напр. на сеймахъ, царь появлялся въ пурпурномъ одѣяніи, называемомъ *багрьницей* (багръ, πορφύρα) [27]. Это было пестрое и златотканное одѣяніе, унизанное у шеи, на рукавахъ и на нижнемъ краю жемчугомъ и каменьями и касавшееся земли. Отъ шеи до низу виситъ изукрашенная стола. Каменьями и жемчугомъ сіяетъ поясъ, конецъ котораго (какъ у Византійцевъ) спускается на монетахъ по лѣвой рукѣ, опирающейся о бокъ, между тѣмъ какъ правая держитъ скиптръ. Асѣнь II, по монетнымъ изображеніямъ, носитъ поверхъ этого платья широкую роскошно обшитую мантію, переднюю сторону которой наполняетъ большая лилія; правая сторона открыта сверху до низу для правой руки, держащей скиптръ, между тѣмъ какъ лѣвая, выступая изъ-подъ края плаща, держитъ державу. Это царское одѣяніе было, подобно сербскому, большею частью копіей византійскаго императорскаго наряда.

Въ казначействѣ хранили, какъ драгоцѣнные трофеи, златотканныя одежды и знаки царскаго достоинства, которые Исаакъ Комнинъ, пораженный Асѣнемъ и Петромъ, оставилъ въ лагерѣ добычею побѣдителямъ (1190).

Іоаннъ Асѣнь III, орудіе въ рукахъ Византійцевъ, будучи принужденъ въ 1280 г. бѣжать, тайно уложилъ въ мѣшки эту добычу, также какъ и все, что легко можно было вынести изъ казначейства, и приказалъ вывезти все это ночью изъ Трнова, послѣ чего и самъ исчезъ.

[27]) На синодѣ 1211 г. Борилъ явился «съ свѣтлѫ багрьницѫ»

Что касается *престолонаслѣдія*, то въ Болгаріи ни во время перваго (до 1018 г.), ни въ эпоху втораго трновскаго царства отнюдь не имѣлъ силы древнеславянскій законъ избранія изъ всего царскаго рода, а право *первородства*. Только въ началѣ втораго царства наслѣдовалъ Петру не непосредственно Асѣнь II, сынъ Асѣня I, а его братъ Калоянъ, причемъ, вѣроятно, рѣшительное значеніе имѣли малолѣтство наслѣдника престола и нужда въ энергическомъ полководцѣ. Если царь умиралъ бездѣтнымъ, то ему наслѣдовалъ его братъ, какъ напр. Михаилъ Асѣнь Калиману I. По византійскому обычаю старшаго сына, какъ нарѣченнаго наслѣдника престола, называли также *царемъ* и смотрѣли на него какъ на соправителя. Такимъ является при Константинѣ его сынъ Михаилъ „порфирородный" (πορφυρογέννητος), при Александрѣ — три сына его, одинъ за другимъ, при Срацимирѣ — его сынъ, „юный царь" Константинъ. Во время малолѣтства царя правила его мать. Раздѣленіе царства встрѣчаемъ только въ концѣ старо-болгарской исторіи. Если пресѣкалась мужская линія, то боляре избирали одного изъ своей среды. Такъ напр., послѣ пресѣченія Асѣневичей, былъ избранъ Сербъ Константинъ, который, въ качествѣ двоюроднаго брата сербскаго короля Владислава, зятя Асѣня II, былъ свойственникомъ старой царской семьи. Выборомъ-же были возведены на престолъ Михаилъ и Александръ. Извнѣ поставлены были въ цари двое: Асѣнь III — Греками и Смилецъ — Татарами.

Женское потомство было изъято отъ престолонаслѣдія. Однако, обыкновенно новоизбранный царь сочетался бракомъ съ княжной изъ стараго рода, чтобы такимъ образомъ придать своему воцаренію видъ наслѣдственности: такъ было съ Константиномъ и Михаиломъ. Тоже сдѣлали узурпаторы Борилъ, Калиманъ II и Ивайло, которые перевѣнчались со вдовами убитыхъ ими предшественниковъ.

Имя „Асѣнь" звучало такъ пріятно, что когда отъ династіи этой остались въ живыхъ только нѣсколько выродковъ, влачившихъ свою жизнь въ Византіи, то цари изъ другихъ родовъ присваивали его себѣ; такъ поступили Константинъ, Александръ и его сынъ Михаилъ.

Въ международныхъ отношеніяхъ находились Болгаре съ Византійцами, Венграми, Сербами, восточными Франками, Неаполитанцами, Генуэзцами и Венеціанцами. Трновскіе цари имѣли связи и съ египетскими султанами: извѣстная Марія подстрекала тамошняго султана противъ Михаила VIII, а въ одной арабской рукописи миланской библіотеки 1376 г. находится формуляръ для письма султана къ государю Сербовъ и Болгаръ [28]).

Важный вопросъ государственнаго права составляютъ притязанія венгерской короны на „королевство" болгарское, какъ на прежнюю часть венгерскаго царства. Притязанія Венгріи на Болгарію ведутъ свое начало съ походовъ Белы III на Византійцевъ и тогдашняго занятія болгарскихъ городовъ въ моравской области, Бѣлграда, Браничева и т. д. Король Эмерихъ, братъ Белы, велъ изъ-за этихъ земель войну съ Болгарами (см. стр. 298, 311, 316). Андрей II находился частью во враждебныхъ, частью въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Іоанномъ Асѣнемъ II, своимъ зятемъ, и называлъ его даже *imperator* [29]). Стефанъ V предпринялъ 5 вторженій въ Болгарію, владѣлъ нѣкоторое время

[28]) Изд. Богишичемъ, Rad jugosl. akad. 182. Нач.: «продли, о Боже, жизнь Вашему господству, сіятельному, почитаемому, славному, великодушному, какъ левъ храброму герою, полководцу Ангела Комнина N. N., столпу христіанства, королю (маликъ) Сербовъ и Болгаръ, славѣ христіанскихъ народовъ, гордости Христовой вѣры, пловцу по морямъ, охранителю городовъ и пограничныхъ земель».

[29]) Cum Azeno Bulgarie imperatore. Письмо короля у Theiner'a, Mon. Hung. I 21.

Видиномъ (Бдинъ) и принялъ титулъ *rex Bulgariae*. который съ этихъ поръ остался въ венгерскомъ королевскомъ титулѣ, хотя безъ всякаго фактическаго основанія, если не принимать въ разсчетъ пятилѣтняго обладанія Людвига Анжу Видиномъ.

6) *Государственныя и дворцовыя должности*, исключительная привилегія боляръ, были организованы, какъ и въ Сербіи, по византійскому образцу. Высшимъ званіемъ въ государствѣ было званіе *деспота* (δεσπότης), жена котораго называлась *деспотица*, или *деспина* (δεσπότης, δέσποινα). Въ Византіи обыкновенно давали этотъ титулъ родственнику императора; позднѣе такъ назывались владѣтельные князья Эпира, Мореи, Сербіи и т. д. [30]). Слѣдующую ступень по рангу занимаетъ *севастократоръ* (σεβαστοκράτωρ) — титулъ, которымъ отличали обыкновенно въ Болгаріи, какъ и въ Византіи, брата или по крайней мѣрѣ близкаго родственника царя [31]).

Слово *банъ* не встрѣчается въ древне-болгарскихъ памятникахъ. Зато въ турецкихъ источникахъ въ 1382 году упоминается софійскій банъ и банъ Цѣпины. Этотъ титулъ носили намѣстники венгерскихъ королей не только въ Хорваціи и Босніи, но и въ пограничной Мачвѣ и въ Северинѣ, откуда онъ легко могъ перейти въ Болгарію [32]).

Государственнымъ канцлеромъ и министромъ финансовъ былъ въ государствахъ византійскаго образца *логоѳетъ*

[30]) Болгарскіе деспоты: Стрѣзъ при Асѣнѣ II, Яковъ Святславъ при Константинѣ, позднѣйшій царь Тертерій при Асѣнѣ III, Эльтимиръ при Тертеріѣ I, Михаилъ бдинскій до своего избранія и Срацимиръ, отецъ царя Александра.

[31]) Севастократоры: Стрѣзъ († 1211), братъ Асѣня II Александръ, Петръ, зять Михайла и Асѣня, Калоянъ, двоюродный братъ Константина, Радославъ, братъ Смильца.

[32]) См. гл. 23, прим. 7 и гл. 27.

(λογοθέτης) [33]). Остальные болгарскіе сановники, которыхъ число и іерархическій порядокъ, впрочемъ, неизвѣстны, были: *протовестіаръ* (πρωτοβεστιάρος), *протосевастъ* (πρωτοσέβαστος), *протокеліатинъ* (первый камергеръ), *протостраторъ* (πρωτοστράτορ), *великій примикюръ* (μέγας στρατοπεδάρχης), *эпикерній* (πιγκέρνης, pincerna). Въ грамотахъ также встрѣчаемъ *стратора* (στράτωρ), высшаго шталмейстера и „*комиса* съ коньми“ [34]).

При дворѣ румынскихъ князей называютъ съ XV в. слѣдующихъ *жупановъ*: великій дворникъ (виз. μέγας δομέστικος), вел. постельникъ, вел. перникъ (чашникъ, кравчій), вел. логоѳетъ, вел. вестіаръ, вел. спатарь (πρωτοσπαθάριος), вел. стольникъ, вел. комисъ, вел. ключарь. Мнѣніе, что эти придворныя званія, отчасти чисто-славянскаго происхожденія, заимствованы изъ болгарскаго двора, до сихъ поръ еще не доказано.

7) *Царь, царица и придворная жизнь.* Болгарскому царю, хотя онъ въ своей власти былъ ограниченъ вліяніемъ боляръ, оказывали, какъ въ Византіи, чуть-ли не божеское почтеніе. Удивительна куча его титуловъ. Его величали благовѣрнымъ, благороднымъ, христолюбивымъ, превысокимъ, прекраснымъ, преславнымъ, самодержавнымъ, благочестивѣйшимъ, православнымъ, великимъ и святымъ [35]). И переводчикъ Манассійной лѣтописи именуетъ: „Іоанна превосходнѣйшаго царя Болгаръ Асѣня Александра прекроткимъ, милостивымъ и расположеннымъ къ монахамъ, кормильцемъ бѣдныхъ“.

[33]) Въ 1331 г. Филиппъ логоѳетъ и Ракеина протовестіаръ.

[34]) Болгарскій comestabularius въ одномъ латинскомъ памятникѣ у Theiner'a, Mon. Slav. 21.

[35]) Виз., напр. въ рѣчахъ Никиты Хоніата: βασιλεὺς ἀγχίθεος, ἰσόθεος, ἰσάγγελος, θεοειδής, φιλοχριστότατος, μεγάλαθλος, μεγαλουργός, κράτιστος etc. Изъ славянскихъ писателей въ этомъ отличился наиболѣе Даніилъ († 1338) въ своихъ біографіяхъ сербскихъ королей.

Царица называется въ памятникахъ „благочьстива царица“. Изъ 21 трновской царицы было 8 Гречанокъ, 5 Болгарокъ (впрочемъ національность нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ сомнительна), 3 Сербки, 2 Румынки, 1 Куманка, 1 Венгерка и 1 Еврейка. На куманскую супругу Калояна падаетъ подозрѣніе въ муже-убійствѣ, совершенное ею совмѣстно съ царскимъ племянникомъ Бориломъ, сдѣлавшимся позднѣе ея супругомъ. Венгеркѣ, сестрѣ св. Елисаветы [36]) и супругѣ Асѣня II, пѣла и православная церковь вѣчную память; она и румынская жена Срацимира были католички. Гречанки по большей части приносили несчастіе всему царству. Уже у Петра (927—968) была жена Гречанка. Во время трновскаго царства первою и, можетъ быть, наилучшею греческою царицею была третья супруга Асѣня II Ирина, дочь ослѣпленнаго эпирскаго императора Өеодора. Постыдную память оставила по себѣ Марія, жена Константина и Ивайла, убійца деспота Святослава, мастерица въ интригахъ. Изъ сербскихъ княженъ были: жена послѣдняго изъ Асѣневичей, затѣмъ Анна, супруга павшаго при Вельбуждѣ Михаила, и жена послѣдняго царя Шишмана, дочь Лазаря. Интересная исторія еврейской царицы уже разсказана выше.

Много дочерей болгарскихъ царей украшало дворы сосѣднихъ государей. Франки прославляли красоту Маріи, супруги императора Генриха, дочери Борила. У четырехъ сербскихъ королей Стефана Владислава, Стефана Уроша II (Милутинъ), Стефана Уроша III и Стефана Душана, жены были Болгарки. Болгарка была и Дорослава, супруга Тврдка, короля боснійскаго. Въ Византіи несчастный Іоаннъ IV Ласкарисъ и безпокойный Андроникъ Палеологъ были свойственниками трновскихъ царей. Двѣ княжны для блага оте-

[36]) Albericus 578.

чества были принесены въ жертву варварамъ, именно дочь Тертерія — сыну хана Ногая, Чоки и Тамаръ, сестра Шишмана, — султану Мураду.

О домашнихъ отношеніяхъ при дворѣ можно сказать только, что многіе цари были женаты дважды, Асѣнь I и Константинъ даже трижды. Въ двоеженствѣ провинились Константинъ, Тертерій и Михаилъ, отправившіе своихъ женъ Славянокъ заложницами въ Византію, чтобы обвѣнчаться съ Гречанками. Тертерій II былъ возвращенъ на путь истинный только отлученіемъ отъ церкви, а Михаилъ поплатился за свой поступокъ у Вельбужда (1330). Исторія безъ вѣсти пропавшихъ царскихъ палатъ въ Трновѣ не лишена романтическихъ эпизодовъ; вспомнимъ любовь Асѣня II къ Иринѣ, бракъ Святслава съ падчерицею купца Панталеона и любовь Александра къ еврейской дѣвицѣ.

Изъ оконъ своихъ дворцовъ въ трновскомъ Царевцѣ царь могъ окинуть глазами съ одной стороны массу домовъ тѣснаго города, съ другой — быструю Янтру и вдали вершины Балкана. О внутреннемъ устройствѣ палатъ ничего неизвѣстно, также какъ и о казначействѣ, кромѣ упомянутыхъ трофеевъ (стр. 496). Въ Сербіи мы имѣемъ по крайней мѣрѣ описи сокровищъ короля Владислава, деспота Георгія Бранковича и многихъ знатныхъ лицъ. Даніилъ разсказываетъ, что Сербы послѣ битвы при Вельбуждѣ нашли въ непріятельскомъ лагерѣ „царскія свиты, безчисленныя сокровища и дорогихъ коней". Плѣнные-же боляре плакали тамъ на трупѣ Михаяла: „гдѣ теперь твой золотой столъ? гдѣ слава богатства твоего? гдѣ твои неоцѣненные жемчуги и камни и цвѣтныя, золотыя одѣянія?"

О дворцовыхъ торжествахъ разсказываетъ Акрополитъ, который въ 1260 г. прибылъ въ качествѣ посла Михаила VIII къ царю Константину: „я отправился къ нему и про-

былъ у него нѣсколько дней. Въ это время какъ разъ случились праздники Рождества и Крещенія Христова, когда болгарскіе государи болѣе всего щеголяютъ блескомъ. Тогдашній царь Константинъ хотѣлъ, чтобы и я присутствовалъ при всемъ этомъ. Исполнивъ свои порученія, я оставилъ Трново и возвратился къ императору въ Нимфеонъ“ [37]).

Гостепріимство проявляли цари въ полной мѣрѣ дома и при встрѣчахъ съ сербскими и греческими государями. Св. Савва, сынъ Немани, на возвратномъ пути изъ Палестины умеръ въ Трновѣ гостемъ Іоанна Асѣня II. Михаилъ вмѣстѣ со своею женою и Андроникомъ III веселился въ Чрноменѣ въ 1327 г. въ продолженіи 8 дней. Король Милутинъ посѣтилъ однажды Сватслава, а Душанъ пріѣзжалъ съ своей женой Еленой съ цѣлью посѣтить ея брата Александра.

Что до свадебъ, то по разсказу Роберта де-Клари, при бракосочетаніи Маріи съ императоромъ Генрихомъ было нагружено 60 вьючныхъ животныхъ приданымъ невѣсты, состоявшимъ изъ золота, серебра, шелковъ и предметовъ роскоши; каждое животное было покрыто краснымъ бархатомъ, который волочился за нимъ на нѣсколько футовъ. По совершеніи въ 1337 г. въ Адріанополѣ бракосочетанія болгарскаго наслѣдника престола Михаила съ дочерью Андроника III, еще 8 дней весело пировали за городомъ на „Компеновомъ лугу“ у Тунджи, гдѣ теперь столѣтніе чинары, дубы, буки и яворы бросаютъ свою тѣнь на веселые луга около разрушившагося Эски-Сарая старыхъ турецкихъ султановъ. На девятый день Болгаре уѣхали домой, въ сопровожденіи многихъ греческихъ вельможъ, изъ которыхъ

[37]) Acropolita, ed. Bonn., cap. 84, p. 187.

нѣкоторые остались въ новомъ отечествѣ молодой царицы [38]).

Интересны подарки, принесенные Калояномъ папѣ въ 1203 и 1204 годахъ [39]). Архіепископъ Василій былъ отправленъ съ золотомъ, шелковыми матеріями, воскомъ, серебромъ, лошадьми и мулами; онъ, впрочемъ, не доѣхалъ. Епископъ Власій привезъ три двутканныхъ аксамита (бархатъ), золотой кубокъ, четыре фунта перперовъ (монеты), три серебряныя тарелки и одно серебряное блюдо. Послѣ коронаціи, Калоянъ послалъ папѣ, кромѣ роскошныхъ бархатныхъ матерій, одного верблюда (camelum). Какую цѣну придавали югославянскіе князья рѣдкимъ и прирученнымъ животнымъ, видимъ по подаркамъ, полученнымъ императоромъ Фридрихомъ I въ Нишѣ въ 1189 г. отъ сербскаго жупана Немани: шесть тюленей, прирученнаго кабана и трехъ домашнихъ оленей. Король-же Андрей II венгерскій подарилъ Стефану, сыну Немани, при встрѣчѣ въ Равнѣ, рядомъ съ кубками, одѣяніями и конями также зубровъ и сарацинскихъ буйволовъ [40]).

Главнымъ удовольствіемъ государя въ Болгаріи, какъ и вездѣ, была охота. Когда св. Савва прибылъ въ Трново, то послѣ привѣтствія Іоаннъ Асѣнь II отправился сейчасъ-же на охоту въ свои замки (дворы) [41]). Охотились съ соколами (соколъ, крагуй) и собаками, борзыми (хъртъ) и большими псами, славянское названіе которыхъ (загаръ, ср. польск. ogar, чешск. ohař) перешло къ Ново-грекамъ и Албанцамъ. Надзоръ за стаею поручали псарямъ (въ Сербіи также псарь, древне-

[38]) Cantacuzenus ed. Bonn. II. 504.

[39]) Theiner, Mon. slav. I. 20, 29, 39.

[40]) Ansbert 22: «Дивыіе и свирѣпыя звѣри, тури и турице и срацинскіи скоты». Жизнеописаніе Немани, составленное самимъ королемъ Стефаномъ, стр. 29 (Šafařík, Pam.).

[41]) Domentian ed. 1865. 329

чешск. psář), называвшимся также *песяци* [42]. Сокольничій называется по древне-болгарски *крагуяръ* (по сербски соколаръ, чешски — sokolník, греч. — геракаръ). У насъ соколиная охота извѣстна только по разсказамъ и сагамъ старыхъ временъ; въ Албаніи-же и Дибрѣ, куда еще не проникла новѣйшая цивилизація, тамошніе аристократы и до сихъ поръ еще ѣздятъ на соколинную охоту съ чеглоками (жаворонниками).

По принятіи христіанства Болгаріей правили пять династій. Старый, первоначально не славянскій родъ Омортаговъ (стр. 219) къ концу удивительно ослабѣлъ. Встрѣчаются энергическія личности между македонскими Шишмановичами, имѣвшими свои резиденціи въ Охридѣ и Преспѣ (963—1018). Въ Трновѣ господствовало три рода: трновскіе Асѣневичи, потомки старыхъ царей (1280 — 1323), и бдинскіе Шишмановичи (1323 — 1393). Всѣ они воинственнаго и страстнаго характера. Греки обвиняли почти всѣхъ въ свирѣпости и вѣроломствѣ, — качества, которыми въ дѣйствительности отличался только Калоянъ „ромеоубійца“.

Въ сравненіи съ Болгаріей, Сербія достигла въ XII—XIV стол. могущества гораздо болѣе устойчиваго, такъ какъ здѣсь правила въ продолженіи почти двухъ столѣтій одна энергическая и послѣдовательная въ своей политикѣ династія. Преобладающей характеристической черты Неманичей, склонности къ монашеской жизни, не замѣчаемъ у трновскихъ царей; никто изъ нихъ не слѣдовалъ въ старческомъ возрастѣ примѣру стараго Михаила Бориса. Иначе было съ

---

[42]) Имена въ древне-бол. грам. Ср. Болг. нар. пѣсни бр. Миладиновыхъ, 67.

На си зедофъ кони и соколи
По соколи хърти и загъри
Ке си одефъ по гора по лова.

царицами, изъ которыхъ очень многія, главнымъ образомъ вдовы, пошли въ монастырь. Несмотря, однако, на это. многіе цари, въ особенности Александръ и Шишманъ III, споспѣшествовали церкви и литературѣ.

8) *Сословія.* Какъ въ сосѣдней Сербіи, внутреннія отношенія которой очень хорошо извѣстны, и въ Болгаріи власть была въ рукахъ дворянства и духовенства. При этомъ, однако, существовало сильное городское сословіе. Сельское населеніе было большею частью прикрѣплено къ землѣ. Въ Сербіи называли горожанъ и крестьянъ, въ противоположность правящимъ сословіямъ, общимъ именемъ *Себры* [43]).

9) *Боляре* (ед. ч. болѣринъ, боляринъ, боляръ) болгарскіе дѣлились, какъ и сербская, русская и румынская знать, на два класса, на большихъ и малыхъ боляръ. Названіе „болярінъ" перешло также къ Румынамъ, Албанцамъ и Русскимъ; въ Сербіи и Босніи дворяне назывались властеле (ед. ч. властелинъ), — слово не чуждое, впрочемъ, и Болгарамъ [44]). Боляре рѣшали дѣла на сеймахъ и занимали всѣ должности; царь, который имѣлъ всегда около себя болярскій совѣтъ [45]), былъ въ сущности только первый между знатными людьми своей страны.

Объ отношеніяхъ боляръ къ царю, подобныхъ тѣмъ, какія были въ Сербіи, кое-что читаемъ у Даніила [64]). Послѣ битвы у Вельбужда возникла ссора между тѣми, „которые были почтены царемъ Болгаръ великими почестями и славными титулами, обладающими полной властью

[43]) См. стр. 146 прим. 7. По русски сябрь, первон. сабрь, ср. Маценауэръ: Cizí slova v slovanskych řečech (Брюннъ 1870) 73.

[44]) Отъ прочихъ властель. Грамота Константина.

[45]) Асѣнь I. со «всѣмъ своимъ синклитомъ» (σύγκλητος). Евѳимій, Житіе св. Іоанна Рыльскаго (Гласник 22. 286).

[46]) Даніилъ 192.

надъ землями и замками этой страны на мѣсто государя, которому они были какъ-бы братьями (яко творима братія)". И далѣе говоритъ онъ, что они были какъ бы братья, дѣти или любимые друзья (любими друзи) царя. Стефанъ Урошъ III, вторгнувшись въ Болгарію, велъ своихъ закованныхъ въ цѣпи плѣнныхъ боляръ, чтобы они передали ему ихъ города и всю страну, если они не хотѣли быть замученными. Посадивъ на тронъ Шишмана II, онъ подтвердилъ болярамъ всѣ ихъ „достоинства (санъ) и титулы". Боляре, одушевленные честолюбіемъ и и жаждущіе власти, нерѣдко добивались почти полной независимости; такъ напр., около 1200 г. **Стрѣзъ** и **Славъ** въ Македоніи, **Иванко**, убійца Асѣня, въ Родопѣ, **Яковъ Святславъ**, покровительствуемый Венграми, на западѣ. Крѣпость Бдинъ въ западномъ углу царства была очень часто столицей независимыхъ удѣльныхъ князей. Тамъ господствовалъ во время Татаръ князь Шишманъ, сынъ котораго Михаилъ взошелъ на престолъ; позднѣе — царь Срацимиръ. Велико было могущество куманскихъ Тертеріевичей, изъ которыхъ одни были царями въ Трновѣ, а другіе, какъ **Эльтимиръ** и **Воисилъ**, основали собственныя княжества въ Балканѣ. Большой-же власти достигло и родственное Тертеріевичамъ семейство Смильца (стр. 374). Въ XIV столѣтіи **Балыкъ** въ Карбонѣ (Балчикѣ) и Добротичъ у Чернаго моря основали новыя государства. Боляре жили отчасти въ Трновѣ и другихъ городахъ, частью — въ своихъ помѣстьяхъ. Въ Трновѣ существуетъ и теперь еще „*болярска махала*" (дворянскій кварталъ), въ старомъ Бдинѣ — „*болярска улица*". Въ Болгаріи, также какъ и въ Сербіи, путешественникъ часто замѣчаетъ на возвышеніи и скалахъ развалины средневѣковыхъ замковъ, которые были отчасти на римскихъ фундаментахъ: ихъ донжоны, башни и бастіоны не были до сихъ поръ пред-

метомъ систематическаго изслѣдованія [47]). Мелкопомѣстное дворянство, настоящій тормазъ для здороваго развитія государства, было, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ Болгаріи также многочисленно, какъ и въ Хорваціи, Венгріи, Польшѣ, на Руси и до тридцатилѣтней войны въ Чехіи. Въ общемъ правилѣ оно довольствовалось деревянными укрѣпленіями и дворцами, какъ и вообще нельзя представлять себѣ жизнь старыхъ болярь въ слишкомъ идеальномъ блескѣ [48]). Объ исторіи, имѣніяхъ и развитіи отдѣльныхъ болярскихъ фамилій извѣстно мало. Мы знаемъ только нѣсколько фамилій западной Болгаріи, которыя послѣ турецкаго завоеванія удалились въ горный городъ Кипровецъ въ Балканѣ и позднѣе выселились въ Австрію. Вотъ они: прежде всего *Парчевичи*, *Кнежевичи* изъ замка Кнежа въ области рѣки Скитъ и *Пеячевичи* изъ замка Пеячево, потомки которыхъ еще нынѣ живутъ въ Кроаціи и Славоніи.

Въ настоящее время въ Болгаріи нѣтъ христіанскаго дворянства. Впрочемъ, возможно, что „*чорбаджіи*" (патриціи, архонты) въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ Еленѣ, происходятъ отъ малыхъ болярь. Многія болярскія семейства приняли исламъ. Эти магометанскіе дворяне обладаютъ здѣсь (какъ и въ Босніи) многочисленными пергаментными грамотами, опубликованіе которыхъ со временемъ могло-бы бросить часто новый свѣтъ на прошедшее болгарскаго народа.

10) *Церковь.* Національная церковь болгарскаго царства, одна изъ православныхъ церквей, была самостоятельна и автономна. Такъ какъ по ходившимъ на востокѣ взглядамъ

[47] Изображенія нѣкоторыхъ замковъ у Каница I: виды Садовца, Осемъ-Калесси, врачанскаго замка у Лежана, Tour du Monde 1873.

[48]) Въ пергаментномъ отрывкѣ одной лѣтописи у Захаріева 55 читаемъ, что цѣлебные источники Лъвки въ Цѣпинѣ были посѣщаемы и одаряемы болярами.

не могло быть царства безъ патріархата, то высшій представитель духовной власти въ Болгаріи не могъ обойтись безъ патріаршескаго титула. Потому-же и Сербъ Душанъ, короновавшись на царство, возвысилъ сербскую церковь на степень патріархата.

Старый, основанный Симеономъ патріархатъ былъ перенесенъ въ X стол. въ Охриду, гдѣ онъ былъ лишенъ во всякомъ случаѣ своего національнаго характера. Въ дунайской Болгаріи силистрійская митрополія съ своими пятью епископами была, послѣ паденія болгарскаго царства въ 1018 г., подчинена константинопольскому патріархату. По сверженіи Болгарами въ 1186 году византійскаго ига, въ Трновѣ была учреждена автокефальная архіепископія. О длившемся болѣе 20 лѣтъ управленіи перваго архіепископа *Василія* знаемъ только, что онъ былъ именованъ папою въ 1204 г., *примасомъ* Болгаріи, хотя онъ добивался патріаршескаго титула [49]). Въ 1235 г. болгарскій патріархатъ былъ торжественно провозглашенъ и признанъ даже Греками въ Лампсакѣ (стр. 346). Позднѣе Греки раскаявались въ этомъ шагѣ, къ которому они были принуждены необходимостью союза противъ Латинцевъ и съ удовольствіемъ загладили-бы его, какъ мы видѣли изъ посольства Михаила VIII на ліонскій соборъ (стр. 363). Византійскій патріархъ Каллистъ писалъ въ 1355 г. трновскому духовенству, что хотя дѣйствительно трновскій епископъ, бывшій въ подчиненіи у византійскаго патріарха, по просьбѣ своего царя, и получилъ нѣкогда титулъ патріарха, однако, этимъ еще отнюдь не былъ уравненъ (συναρίθμιος) съ остальными патріархами. Поэтому Каллистъ требуетъ, чтобы трновскій

[49]) Ср. стр. 316. Изъ словъ «consecravit me in patriarcham» можно бы заключить, что Василій называлъ себя послѣ 1204 г. патріархомъ; впрочемъ, все это очень темно.

патріархъ поминалъ въ своихъ молитвахъ византійскаго патріарха [50]). Вскорѣ послѣ этого трновская церковь была весьма ограничена присоединеніемъ Добротича и Срацимира къ Византіи. Изъ византійской хроники 1391 года явствуетъ, что въ Константинополѣ еще хорошо помнили лампсакское признаніе автономіи трновскаго патріархата [51]). Однако, три года спустя Греки овладѣли, послѣ паденія Трнова, болгарскою церковью (1394) и удерживали свое владычество до нашихъ дней.

О „преосвященныхъ“ трновскаго патріархата извѣстно очень мало. *Макарій*, жившій между 1277 и 1282 гг., т. е. въ эпоху нападенія Татаръ и смутъ временъ Ивайла, Асѣня III и Тертерія I, называется въ Поменикѣ [52]) „трьблаженный (τρισμακάριος) патріархъ и свщеномѫченикъ“; когда и отъ чьей руки онъ принялъ мученическую смерть — неизвѣстно. Преемникъ его, Іоакимъ III, какъ измѣнникъ отечества, по приказанію царя Свѧтслава, былъ сброшенъ со скалы. Наиболѣе извѣстій имѣемъ о послѣднемъ патріархѣ Евоиміѣ [53]).

Святая и божественная церковь болгарскаго царства (свѧта и божьствьна цръковь царства блъгарскаго) называлась также *съборною цръковью* (Синодикъ Борила 1211 г.

[50]) Acta patr. I. 1. 436. Старославянскій переводъ съ греческимъ оригиналомъ изданъ С. Палаузовымъ въ Извѣстіяхъ С.-Петерб. Акад. VII.

[51]) Τότε καὶ ὁ Τερνόβου ἀρχιερεὺς αὐτονομίᾳ τετίμηται καὶ πατριάρχης ἀναγορεύεσθαι κέκριται βασιλικῷ καὶ συνοδικῷ τῷ θεσπίσματι. Ios. Müller, Byz. Analecten. Sitzber. W. Akad. IX. 393.

[52]) Раковскій, Асѣнь, 53.

[53]) Трновскіе патріархи: 1. Василій I. съ 1186 г. архіепископъ, въ 1204—примасъ. 2. Іоакимъ I. въ 1235 г. патріархъ; † 1239. 3. Василій II. 4. Іоакимъ II. 5. Игнатій, упоминаемый въ 1273 и 1277 гг. 6. Макарій мученикъ. 7. Іоакимъ III. 1283, 1291, † 1294. 8. Доротей. 9. Романъ. 10. Өеодосій I. 11. Іоанникій I. 12. Симеонъ 1346. 13. Өеодосій II. около 1350, 1355. 14. Іоанникій II. 15. Евөимій приблизительно отъ 1375—8 до 1393 (Ср. Голубинскій 82.)

по греч. *καθολικὴ ἐκκλησία*). *Великою црьковою* называлась здѣсь, какъ и въ Византіи и Сербіи патріаршая церковь [54]).

Область трновскаго патріархата обнимала слѣдующія митрополіи: 1) Великій Прѣславъ, митрополитъ котораго былъ *прототронъ*; 2) Дрстеръ (Силистрія); 3) Овечъ (Провадъ): 4) Ловечъ: 5) Чрвенъ (Рущукъ); 6) Бдинъ (Видинъ): 7) Срѣдецъ (Софія). Сюда-же присоединялись отъ времени до времени епископства месемврійское, филиппопольское, а при Асѣняхъ много другихъ на западѣ [55]).

Доходъ епископовъ составляли взносы духовенства. „Доходъкъ" отъ поповъ собиралъ *экзархъ*, епископскій делегатъ, которому ввѣрялся и духовный надзоръ [56]). Рядомъ съ экзархомъ доходъ отъ сельскаго духовенства получали и протопопы.

Что касается отношеній къ папѣ, то прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ уніи Калояна, которая, однако, будучи порожденіемъ только политическихъ соображеній, распалась тотчасъ послѣ коронаціи. Безплодны были папскія увѣщанія, обращенныя къ Асѣню II, Калиману I, Терерію I и Александру. Покатоличеніе видинской области въ 1365 г. было осуществлено насиліемъ, потому не пережило удаленія Венгровъ. Впрочемъ, католики жили свободно въ странѣ, и латинскіе купцы имѣли въ городахъ свои церкви.

Значительнымъ религіознымъ и политическимъ элементомъ въ Болгаріи были *богомилы* (стр. 226 и сл.). Въ XI ст.

[54]) Да имъ непакоститъ велика црква. Šafařik, Pam. 98. Въ Сербіи: великіе црькви патріархіе, Miklosich, Mon. serb. 139.

[55]) Голубинскій 91. и сл.

[56]) *Экзарси* въ Вирпинскомъ и Орѣховскомъ хрисовулахъ. Духовный надзоръ, вслѣдствіе корыстолюбія епископовъ, часто въ средніе вѣка обращался въ притѣсненіе подвластныхъ: см. § 74 Душанова законника, изд. Новаковича, которымъ экзарху воспрещалось водить лошадей митрополита къ попамъ.

они неоднократно пытались выгнать Грековъ изъ страны (стр. 274), да и возстаніе 1186 г., по всей вѣроятности, не обошлось безъ ихъ участія. При Іоаннѣ Асѣнѣ II они наполняли все царство, а въ 1365 г. занимали почти всю видинскую область. Асѣневичи оставляли ихъ въ покоѣ: только два царя, Борилъ въ 1211 и Александръ около 1350—1355 гг., предприняли преслѣдованіе богомиловъ. Интересная исторія этой секты только теперь становится яснѣе: отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этой области можно ожидать еще значительныхъ результатовъ. Послѣдніе слѣды богомиловъ изглаживаются только въ XVII стол. Въ Босніи, однако, какъ говорятъ, еще и теперь есть христіане, не терпящіе у себя ни францисканцевъ, ни поповъ, ни имама, а управляющіе сами собою по старымъ традиціямъ, переходящимъ отъ старѣйшихъ къ болѣе молодымъ [57]).

11) *Монастыри*, которыхъ было не мало, пользовались не только большимъ уваженіемъ, но и значительными правами и богатыми доходами. Въ одномъ документѣ (1347) различаются „святыя лавры“ и меньшіе монастыри.

Самымъ значительнымъ былъ монастырь св. Іоанна на *Рылѣ* (монастырь царства ми святый Іоаннъ пустынный житель, иже есть въ мѣстѣ рекомѣмъ Рыла), владѣвшій всѣми окрестными горами съ 23 деревнями. Годъ основанія Рыльскаго монастыря неизвѣстенъ. Щедро былъ онъ одаренъ Іоанномъ Асѣнемъ II, Калиманомъ I, Іоанномъ Александромъ, Іоанномъ Шишманомъ III и др. царями. Онъ и теперь еще представляетъ великолѣпное строеніе, снаружи безъ оконъ, но съ амбразурами, стоящее посреди роскошной горной пустоши между первобытными лѣсами и лѣсными лугами; на монастыркомъ дворѣ, окруженномъ

[57]) Косановичъ, Гласникъ 29, 1871, 174.

портиками, возвышается большая церковь съ пятью куполами. Изъ аѳонскихъ монастырей наиболѣе пользовался щедростью царей монастырь св. Георгія, названный *Зографскимъ*; впрочемъ и *Протатонъ* и *Лавра* еще во время Евѳимія имѣли хрисовулы Асѣня II. Въ самой Болгаріи возникъ свой малый Аѳонъ у Витоша въ софійской котловинѣ, бывшей въ необычайной милости у царей Александра и его сыновей, Іоанна Асѣня IV и Іоанна Шишмана III: еще и теперь тамъ 14 монастырей [58]). Въ окрестностяхъ столицы стоитъ восемь монастырей: часто упоминаемая *лавра 40 мучениковъ* въ самомъ Трновѣ теперь мечеть. Житіе св. Ѳеодосія Трновскаго называетъ монастыри въ Бдинѣ, Арчарѣ, Червенѣ, у Сливна, на Параоріи (Сакаръ-Планина), обители въ Килифаревѣ, на Эммонскомъ мысѣ, въ Месемвріи. Царь Константинъ Асѣнь подтвердилъ старые дары монастырю св. Георгія на горѣ *Вирпино* у Скопія, построенному еще при Самуилѣ Симеоновымъ внукомъ Романомъ (стр. 249). Основательное изслѣдованіе всѣхъ еще существующихъ монастырей прольетъ еще много свѣта на ихъ возникновеніе и исторію.

Древне-болгарскіе монахи отнюдь не были такой необразованный и тупой народъ, какъ большинство нынѣшнихъ монаховъ на востокѣ. За ними нужно признать ту заслугу, что они въ то время были единственными воздѣлывателями искусствъ и наукъ; старо-болгарскія рукописи, которыхъ было дѣйствительно не мало, почти всѣ написаны ру-

58) Описаніе Рыльскаго монастыря см. у Barth'a, Hochstetter'a, Mackenzie и Irby. Изъ Витошскихъ монастырей монастырь св. Богородицы, на рѣкѣ Витошѣ, былъ основанъ Александромъ. Другой монастырь св. Николая въ Орѣховѣ, былъ надѣленъ Асѣнемъ IV въ 1347 г. имѣніями. Его деревни Бѣлица и Костинъ-Бродъ стоятъ еще и теперь, мѣсто-же самаго монастыря мы не можемъ опредѣлить. Григоровичъ. Путеш. 160 приводитъ три монастыря св. Николая у Софіи.

ками монаховъ. Конечно, монастырская братія не обладала никакою другою ученостью, кромѣ византійской.

Монастыри были освобождены отъ всякихъ общественныхъ тягостей. Съ ихъ поповъ не имѣли права брать налоги ни великая церковь, ни экзархи, ни протопопы (метехати, μετέχειν). Цари и боляре умножали старыя владѣнія (области и одръжанія) новыми, и даже болѣе бѣдные люди, при вступленіи въ монастырь, отдавали свое имущество „за постригъ". Села, имѣнія (метохъ) и ярмарки (панигиръ, πανήγυρις) давали обильный доходъ. Монастырскіе люди жили также въ городахъ (Софіи, Скопіи и т. д.). Въ день патрона монастыря стекалось сюда все окрестное населеніе и веселилось у монастырскихъ воротъ, въ рощахъ и на лугахъ. Часто распространялась вѣсть о совершившемся въ монастырѣ чудѣ, и тогда монахи едва были въ состояніи отбиться отъ наплыва народа [59]).

12) *Города* (градъ, мн. ч. градове). Славяне, подобно Кельтамъ и Германцамъ, научились городской жизни только въ позднѣйшее время у культурныхъ народовъ, жившихъ у Средиземнаго моря. Юго-славянскіе народы нашли при своемъ вступленіи на Балканскій полуостровъ римскіе и греческіе города, вытѣснили оттуда старыхъ обитателей и сами ими завладѣли; большая часть нынѣшнихъ городовъ въ этихъ странахъ стоитъ на античныхъ фундаментахъ. Многіе города возникли изъ пригородовъ, постепенно строившихся при укрѣпленіяхъ, принадлежавшихъ жупамъ или дворя-

[59]) Въ монастырѣ 40 мучениковъ при Асѣнѣ II случилось, что одинъ хромой монахъ, благодаря какимъ-то гостямъ, сильно напившись, заснулъ въ церкви на могилѣ св. Савы, который нѣкоторое время тамъ почивалъ. Когда хромой пробудился, то сталъ свободно ходить. Чудо слѣдовало за чудомъ. Все Трново было на ногахъ. Монахи принуждены были загородить могилу, чтобы цѣлый свѣтъ не стекся туда и чтобы предупредить неудобства, могущія произойти для монастыря вслѣдствіе распространенія вѣсти о ея чудесахъ. Доментіанъ ed. 1865, 340 сл.

намъ. Такъ, мы встрѣчаемъ въ средніе вѣка въ Босніи Подключъ, Подвисоки, Подимочъ и т. д. Города, какъ центръ жупъ или областей, были резиденціей должностныхъ лицъ, духовенства и множества бояръ. Горожане, по всей вѣроятности, надѣленные, какъ и въ Сербіи, всевозможными правами и преимуществами, занимались торговлей, ремеслами, земледѣліемъ и горнымъ дѣломъ. Имъ были подвластны также часто окрестныя села; такъ явствуетъ по крайней мѣрѣ изъ одного мѣста рыльскаго хрисовула (1378): „городъ Стобъ не имѣетъ никакой власти надъ монастырскими людьми, ни надъ ихъ имуществомъ, ни даже надъ единымъ волосомъ ихъ“.

Что касается самихъ городовъ, то мы уже выше подробно описали *Трново* (стр. 338). Слѣдующимъ по величинѣ городомъ былъ *Бъдынъ* на Дунаѣ (римская Bononia, Βιδύνη Грековъ, Бодонъ Венгерцевъ, Baudins у Boucicaut, Budem у Шильтбергера, Diu Румыновъ, теперь Видинъ) небольшое мѣсто съ совершенно еще уцѣлѣвшимъ большимъ кремлемъ, котораго неправильныя и массивныя стѣны и башни построены слоями изъ римскихъ камней и кирпичей [60]).

Срѣдецъ (древняя Serdica, виз. Τριάδιτζα), былъ укрѣпленъ стѣнами, не имѣя акрополя [61]). Имя София, обязанное своимъ происхожденіемъ собору св. Софіи, читаемъ въ первый разъ въ документѣ, даннымъ Іоанномъ Шишманомъ III Витошскому монастырю: „въ градѣ царства ми Софіи“.

Большой Никополь былъ теперешній Никополь на Дунаѣ; напротивъ него стоялъ *Малый Никополь*, по румынски

---

[60]) См. Kanitz, Reise in Süd-Serbien und Nord-Bulgarien, табл. III фиг. 5. Donau-Bulgarien I. 245 (съ рисункомъ).

[61]) Іеротей Рачанинъ (Сербъ) 1704: варош голема, а градъ неима, није ни било. Гласник 31, 309.

прежде Туриу Никопольскій, теперь Туриу-Магурели [62]). Изъ остальныхъ придунайскихъ городовъ упоминаются *Орѣховъ*, *Чрвень* у Рущука, гдѣ еще въ XVII стол. на разстояніи полудня пути отъ Дуная видны были развалины крѣпости и города [63]), и *Дрстеръ* (римск. Durostorum, теперь Силистрія). На Черномъ морѣ стояли гавани и замки: *Созополь*, *Поросъ* (теперь еще заливъ и мысъ Форосъ), *Скафида* (теперь еще на устьѣ Факидере деревня Скефа), *Анхіалъ*, *Месемврія* (древне-болг. *Несебръ*) [64]), *Эмона* (теперь Эмине), *Козьякъ* (теп. Козьякъ-кіой), *Варна* съ *Галатой*, *Кастрица* (теп. Кестридже), *Кранеа* (теп. Экерне), *Карбона* (теп. Балчикъ), *Каварна*, *Каліакра*, *Пангалія*, *Костанца* и *Ликостоміонъ* или Келлія (Килія) у устья Дуная [65]). Кромѣ того, на востокѣ примѣчательны *Прѣславъ* (стр. 205), который тогда еще не снизошелъ до деревни, *Провадъ* или *Овечъ* (πρόβατον — овца): на западѣ — *Ловьчъ*, *Стобъ* (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Штипомъ) на нижней Рылѣ (теперь деревня съ развалинами) и на югъ отъ Балкана *Боруй* (Веррея, теп. Эски-Загра), *Сливенъ* и *Діамполь* (Ямболь).

13) *Саксы* (Саси). Въ средніе вѣка въ Босніи, Сербіи, Болгаріи и Валахіи были колоніи нѣмецкихъ рудокоповъ, которыхъ Болгаре и Сербы постоянно называли *Саси*.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что эти Саксы пришли изъ Венгріи сначала въ Боснію и именно въ концѣ XII стол., при извѣстномъ Кулинъ-банѣ: еще и теперь у боснійскихъ

---

[62]) Thurocz 1442: «Secus castrum Kys Nycapol (kys по венгерски малый) Danubium nautarum officio trajiciens». Zinkeisen I. 602, прим. 2.

[63]) Hadži Chalfa, Rumeli und Bosna. Uebers. von Hammer. Wien 1812, 44.

[64]) Доментіанъ 328. Верхобрезницкій хронографъ. Cod. serb. XVII. saec. (Рукопись пражск. муз.) f. 199 a: въ Несебръ градъ.

[65]) См. итальянск. периплы XIV в. (Tafel. Constantinus Porph. Tübingen 1846), Acta patr. и отчеты объ экспедиціи Амадея.

рудокоповъ въ употребленіи нѣкоторыя древне-нѣмецкія выраженія. Поселеніе Саксовъ въ Сербіи позднія лѣтописи приписываютъ королю Стефану Владиславу (1234 — 1240), который впервые чеканилъ сербскія монеты. Въ сербскихъ документахъ появляются Саксы впервые при преемникѣ Владислава, Стефанѣ Урошѣ I. и съ тѣхъ поръ часто упоминаются вплоть до XV стол. [66]). Здѣсь селились они главнымъ образомъ въ Яневѣ и Новомъ-Брдѣ (Nuovo Monte, по нѣмецки по Brocquière'у Nyeuberghe), по Константину Костенскому, „по истинѣ, серебряномъ и золотомъ городѣ“. Рядомъ съ рудокопствомъ, занимались они очисткою лѣсовъ подъ пашню, пока это имъ было воспрещено закономъ Душана (1349). Въ 1388 г. писали Дубровчане „Гойславу кефаліи (капитанъ) кнеза Лазара и пургаромъ (граждане) новобрдсцѣмъ“, — мѣсто, доселѣ невѣрно читавшееся и потому бывшее темнымъ [67]). По сербскимъ лѣтописямъ, въ 1466 г. Турки заняли „саскую церковъ“ въ Новомъ-Брдѣ, и затѣмъ переселили въ слѣдующемъ году все городское населеніе въ Константинополь. Въ Болгаріи, въ горномъ городѣ *Кипровецъ* (нынѣ село Чипровецъ, или Чипоровцы) въ западномъ Балканѣ у истоковъ Огоста жили *Саси*. Они промышляли разработкою желѣза, серебра и золота, воспоминаніе о чемъ сохранилось еще въ названіяхъ близлежащихъ деревень, Желѣзны и Сребрницы. Въ привилегіяхъ, дарованныхъ городу Турками, они ясно называются Саксонцами, и еще въ 1667 г. одинъ городской

[66]) О Саксахъ въ Сербіи и Босніи см. Ljubić. Opis jugosl. novaca 29, 199.

[67]) Въ документѣ у Пуцича (Споменицы сръбски II. 31) читали *поурпаромъ* вм. *поургаромъ*. Даничичъ (Историја облика србскога или хрватскога језика. Биоград 1874. 92) установилъ, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія оригинала документа, форму «поургаромь». Въ Хорватіи въ XVI. ст. горожанъ вообще называли пургари (ср. венг. polgár, рум. пръгаръ)

кварталъ носилъ имя Саксонскаго, хотя о Нѣмцахъ уже тогда не было и помину. Была еще одна маленькая саксонская колонія въ Трновѣ. Въ Болгарію Саксонцы пришли очевидно изъ Валахіи, гдѣ они въ XIV ст. жили въ Кимполунгѣ, Трговиштѣ и др.; въ Валахію они переселились изъ семиградской области [68]).

14) *Древне-болгарскіе крестьяне и крѣпостничество.* Въ противоположность сосѣдней Сербіи и Византіи, гдѣ положеніе сельскаго населенія извѣстно вполнѣ точно, въ Болгаріи только нѣсколько мѣстъ изъ грамотъ даютъ объ этомъ скудныя свѣдѣнія. Въ 1347 г. жили въ имѣніяхъ монастыря въ Орѣховѣ „или парици и отроци, или технитаре, или людіе какови любо“. Въ древнѣйшемъ вирпинскомъ хрисовулѣ (1258—1277) читаемъ объ *отрокахъ* монастыря. А изъ еще древнѣйшаго хрисовула, который императоръ Василій II далъ охридской церкви (1020), узнаемъ, сколькими *парикали* владѣло каждое болгарское епископство (стр. 265). Парики, церковные крестьяне, часто упоминаются въ письмахъ архіепископа Θеофилакта. Эти скудныя данныя достаточны, однако, для заключенія, что въ Болгаріи было крѣпостничество на подобіе византійскаго: *парикъ*, πάροικος, colonus. И въ Сербіи упоминаются *парицы* и *отроци*; въ XIV ст. появляются тамъ еще *сокалницы*, *мѣропси* и *кмети*.

Когда Славяне стали поселяться на полуостровѣ, то нашли большую часть сельскаго населенія прикрѣпленною къ землѣ. Въ эпоху римской имперіи образовался именно т. н. *колонатъ*, обязанный своимъ происхожденіемъ не античному рабству, а колонизаціи массъ военноплѣнныхъ вар-

[68]) Письмо Петра Деодата, архіепископа софійскаго, 1667 г., къ Propaganda fidei (Farlati, Illyricum sacrum, VIII): «Est Chiprovacii pars oppidi seu regio, quae etiam hodie appellatur *regio Saxonum*, et in privilegiis turcicis, praecipue in privilegiis pro reparatione portici ecclesiae concesso, conceditur *Saxonibus* renovare partem templi vento deiectam». Ср. Сог. Šaf. III, 74.

варовъ. Вскорѣ чрезмѣрными налогами принуждены были и свободные земледѣльцы подчиниться, въ качествѣ колоновъ, крупнымъ землевладѣльцамъ. Въ Мизіи развитіе крѣпостничества было также подготовлено господствомъ финскихъ Болгаръ. Въ Болгаріи барщина въ пользу дворянъ существовала уже въ 894 г., такимъ образомъ въ то время, когда другія славянскія племена знали только земскія работы (стр. 166). Въ X ст. богомилы проповѣдывали, что человѣкъ не обязанъ работой своему господину и рѣзко возставали противъ „роботъ".

Послѣ паденія Болгаріи въ 1018 г. византійскія учрежденія все болѣе укоренялись; однако, еще въ XIII ст. было въ юго-славянскихъ земляхъ много свободныхъ людей, которые по своему произволу могли перемѣнять свое мѣстожительство. Тогда земля была населена очень рѣдко, почему свѣтскіе и духовные владѣльцы заботились не только о томъ, чтобъ пріобрѣсть для своихъ имѣній поселенцевъ, но и прикрѣплять ихъ къ землѣ. Вскорѣ стали сами князья дарить монастырямъ и болярамъ деревни вмѣстѣ съ жителями; жители, хотя они поселялись подъ извѣстными условіями и добровольно, не могли уже проявить никакого сопротивленія. Въ Сербіи уже въ 1322 г. сосѣди ссорились изъ-за колонистовъ, какъ изъ-за вещи; подчасъ цѣлыя семейства ихъ жертвуются монастырямъ „на вѣки вѣковъ". Въ болгарскихъ документахъ читаемъ, что, напр., въ 1347 г. Орѣховскій монастырь пріобрѣлъ участки вмѣстѣ съ жителями и что царь Шишманъ въ 1378 г. въ деревнѣ Градечницѣ подарилъ Рыльскому монастырю попа Тудора съ дѣтьми и всѣмъ его родомъ и Петра Ѳеодосова съ его братьями [69]). Такимъ образомъ на всемъ

---

[69]) Ср. проф. Т. Зигель, Законникъ Стефана Душана, С.-П.б. 1872, I, 21, 142. Драгоцѣнныя замѣчанія содержатся въ соч. д-ра V. Frühauf'a:

полуостровѣ господствовалъ законникъ Юстиніана до тѣхъ поръ, пока Турки привели въ дѣйствіе коранъ, который знаетъ только вѣрныхъ и невѣрныхъ.

Различіе между *парикомъ* и *отрокомъ* нельзя установить. Что *парикъ* — πάροικος, это несомнѣнно; о значеніи слова отрокъ, часто встрѣчающагося и въ Сербіи, не составилось еще до сихъ поръ единогласнаго мнѣнія. Даничичъ считаетъ его за общее выраженіе для всѣхъ классовъ не свободныхъ.

Византійскій, болгарскій и сербскій крѣпостной народъ былъ вовсе не рабъ; онъ имѣлъ свое собственное имущество и свою собственную землю; однако не имѣлъ права оставлять ее. Въ XIV стол. пойманнаго на побѣгѣ сербскаго крестьянина клеймили въ лице. Парика не продавали, не дарили и не отпускали безъ участка земли, на которомъ онъ жилъ. Обязанности въ отношеніи къ своему господину, выражавшіяся въ опредѣленномъ числѣ рабочихъ дней, или въ уплатѣ вещественныхъ даней, устанавливались очень разнообразно правовыми обычаями, договорами или законами. Въ Сербіи меропъ имѣлъ право искать на судѣ со своего господина, будь онъ самъ царь, если послѣдній требовалъ отъ него болѣе, чѣмъ допускалъ законъ.

Ни духовный санъ, ни военное званіе не освобождало крѣпостнаго. Посвященный въ священники крѣпостной былъ собственностью своего господина, при предположеніи, что послѣдній будетъ давать ему пропитаніе; только епископскій санъ давалъ полную свободу. Въ Болгаріи встрѣчаемъ поповъ въ качествѣ подвластныхъ на имѣніяхъ монастырей въ Виринѣ, Орѣховѣ и Рылѣ.

Právní poměry a původ kolonův se zvláštním ohledem na Jihoslovany v středověku. Památky, díl V. (1863) 64. Mortreuil. Hist. du droit byz., Paris 1847, III. 52 сл.

Технитарь, по орѣховскому документу — ремесленники (τεχνίτης); они назывались въ древней Сербіи *майсторы*. Уже тогда на Балканскомъ полуостровѣ были поселенія, исключительно занимавшіяся ремеслами.

У южныхъ Славянъ были и рабы (древне-славянскій рабъ, ж. р. раба или рабыня, δοῦλος), въ Сербіи, напр., — военно-плѣнные Татары. Изъ Албаніи и Далмаціи еще въ 1459 г. высылали рабовъ (вѣроятно христіанъ) въ Италію [70].

Въ Болгаріи, какъ и въ Византіи, рядомъ съ крѣпостными были и свободные поселенцы, преимущественно на балканскихъ и родопскихъ высотахъ.

15) *Областное управленіе*. Старославянское жупное устройство удержалось въ Болгаріи, конечно съ греческими названіями, до паденія стараго царства. Царство было раздѣлено на округи, причемъ въ каждомъ было по городу или замку, гдѣ сосредоточивались чиновники и духовенство. Однако, въ XIII и XIV ст. округъ не назывался жупой, какъ въ Сербіи, Хорваціи, Богеміи и у полабскихъ Славянъ, а — областью, или, по гречески, *хора* (χώρα) [71]. Леунклавій разсказываетъ, по турецкимъ хроникамъ, что въ царствѣ Шишмана было 30 или болѣе замковъ и укрѣпленныхъ городовъ; были-ли они вмѣстѣ съ тѣмъ центральными пунктами областей, — нельзя рѣшить [72].

---

[70]) Загель 129. Макушевъ, Варшав. универс. извѣстія 1871 года № 6, стр. 13.

[71]) См. § 3, слова *жупа*, *жупанъ* не встрѣчаются въ болг. грамотахъ XIII и XIV ст., напротивъ, часто въ другихъ многочисленныхъ памятникахъ. Ср. Miklosich, Lex. palaesl.

[72]) Леунклавій 268 приводитъ 24 имена: Tzeneke (Ченга въ Балканѣ), Piranada (Провадъ), Madra и Ventzina (Матара и Венча у Провада). Diritza, Mitzekia, Iflekia, Gieuskia, Kirbitze, Keresdanicha, Eski-Istambolic (Прѣславъ), Sumni (Шуменъ), Tzernovitza (Чрвенъ ?), Mefloutza, Cymenos, Kosova (Косовца у Шумена), Jurgova, Dirnani (Трново), Nicopolis, Tunaburgos, Zibestova (Систовъ), Novakesri (Новиградъ на устьѣ Янтры), Diraca, Silistra. Имена сильно искажены.

Народъ былъ обязанъ отправлять повинности дворцовыя и земскія. О земскихъ повинностяхъ дастъ нѣкоторыя свѣдѣнія вирпинскій хрисовулъ. Весь народъ въ городѣ и его окрестностяхъ долженъ былъ *„градъ зидати“* (строить кремль) и *„темницѫ блюсти“*. Земская повинность созиданія кремля (сербск. *зиданіе града*), встрѣчающаяся также у Хорватовъ, Сербовъ, Чеховъ, Поляковъ, полабскихъ Славянъ, даже въ нѣкоторыхъ византійскихъ грамотахъ (καστροκτισία) [73]), отчетливо объясняется въ душановскомъ законникѣ: „гдѣ се градъ обори или кула, да га направѣ граждане тогази града и жупа, што есть предѣлъ того града“ (если гдѣ нибудь будутъ повреждены крѣпость или башня, то жители, какъ крѣпости, такъ и принадлежащей ей жупы, должны ихъ возстановить). Регулярную охрану жупной крѣпости днемъ и ночью встрѣчаемъ и въ Сербіи (*градоблюденіе* или *цаконство*) (стр. 154), въ Хорваціи, гдѣ даже духовныя лица должны были стоять на стражѣ, также въ Польшѣ и Чехіи. Кромѣ того, обыватели жупы еще уплачивали *приплату* (сербск. жупска приплата). Монастырскіе люди были свободны отъ всѣхъ этихъ повинностей. Дворцовая повинность [74]) была у всѣхъ Славянъ тягостна и многообразна. Когда царь объѣзжалъ страну, то боляре и монахи, горожане и крестьяне должны были его сопровождать изъ мѣста въ мѣсто и давать ему и всей его свитѣ столъ и квартиру. Ночлегъ назывался въ Сербіи и Болгаріи *приселица*. Проѣздъ многочисленной челяди, псарей, сокольниковъ и оруженосцевъ, которые тре-

[73]) Miklosich et Müller, Acta et diplomata graeca medii aevi, IV. 3. 352 (XIII ст.). Грамоты русскаго на св. Аѳонѣ монастыря. Кіевъ 1873 г. 174 (1354).

[74]) Да неработаѭтъ въ царинѫ никоѭ работѫ. Šafařik Pam. 23. О жупной организаціи см. Herm. Jireček, Slovanské právo. Praha 1863 слд.

бовали хлѣба, живности, вина, мяса, лошадиннаго корму (болг. зобы, серб. позобъ) и т. д., былъ большою тягостью. Въ Чехіи названіе княжеской челяди holota (старослав. глота, толпа) получило значеніе ругательнаго слова (сволочь).

Другою дворцовою повинностью была работа въ царскихъ имѣніяхъ. По виршинской грамотѣ люди должны были орать, косить и разработывать виноградники. Рыльскій хрисовулъ (1378) запрещаетъ чиновникамъ брать „на работѫ" монастырскихъ людей, ихъ работниковъ, лошадей или воловъ (зевгаре енгарепсати — ζεῦγος ἀγγαρεύειν). Сербскіе грамоты упоминаютъ о пахаціи, жатвѣ, молотьбѣ, сѣнокосѣ, какъ о „царской работѣ".

Высшій чиновникъ въ жупѣ назывался первоначально у Болгаръ и Сербовъ, также какъ и у Чеховъ, полабскихъ Славянъ и Хорватовъ, *жупаномъ*; это старое названіе въ XIII и XIV стол. было вытѣснено греческимъ *кефалія* (κεφαλάδες, κεφαλῶται, capitanei). Въ одной грамотѣ 1347 года кефаліи называются *хоры тѫ дукы* (δοῦξ τῆς χώρας). Кефалія, обыкновенно дворянинъ, отправлялъ, въ качествѣ представителя царя, судебную власть и заботился объ общественной безопасности.

Чиновники жупы назывались или *владжци*, или, какъ въ Сербіи и Босніи, *владалци*. Грамоты XIV ст. упоминаютъ „всѣхъ болѣръ и работникъ царства ми, великихъ и малыхъ", которымъ царь ввѣрялъ собираніе податей и администрацію (сѫдржати вьсѣкыѧ работы царства ми). Въ четырехъ сохранившихся монастырскихъ документахъ упоминаются 20 должностныхъ лицъ, носящихъ частью славянскія, частью греческія названія.

Кастрофилакъ (κάστροφύλαξ) равно какъ, безъ сомнѣнія, и *катепанъ* (1347, κατεπάνω, capitaneus) былъ комендантъ крѣпостнаго гарнизона. Другія военныя лица были: *примикюръ* (πριμικήριος), *алагаторъ* (ἀλάγη — эскадронъ) и

десѧтникъ. Одно изъ главнѣйшихъ лицъ было, какъ и въ Сербіи, *севастъ* (σεβαστός) съ судейскою властью: *сѫдїи* (judex) называется рядомъ съ нимъ только въ 1378 г. Виршинская грамота упоминаетъ *кнѧзѧ*. Въ Сербіи княземъ называли или сельскаго старосту, или торговаго судью, или сборщика податей. *Ватахъ* [75]) и *тоинтикалъ* (?), встрѣчающіеся въ томъ же памятникѣ, завѣдывали равнымъ образомъ судебными и финансовыми дѣлами. Между чиновниками, имѣвшими въ своемъ вѣдѣніи подати и называвшимися при Шишманѣ III *перпираке*, первое мѣсто занимали въ Сербіи и Болгаріи *прахторъ* (πράκτωρ); подати натурою собирали *житаре* (жито, рожь), *винаре* (вино), *десѧткаре* — десятую часть меду, овецъ и свиней, *сѣнаре* (сѣно), *митаре* и, можетъ быть, также *подохатори*. *Писци* (виз. ἀπογραφεύς) вели опись земель съ цѣлью взиманія налоговъ. Въ XIV ст. появляются еще слѣдующіе чиновники царя: *гончіе* или *находници* (послы), *побирчіе* (сборщики?), *градаре* (градарь — садовникъ [76]) и *повари* или *варничіе*, *варare*.

16) *Соборы* (съборъ). Согласно скуднымъ извѣстіямъ, большіе и малые боляре, духовенство съ патріархомъ во главѣ, епископы и игумены собирались, подъ предсѣдательствомъ царя и князей, на *съборъ*. Извѣстные намъ соборы предназначались для выбора царя и искорененія ересей. Судя по аналогіи съ сербскими „*сбори*“, можно вывести заключеніе, что болгарскій соборъ издавалъ также законы, учреждалъ епископства, избиралъ епископовъ и т. д. Точнѣйшими извѣстіями обладаемъ только относительно трехъ соборовъ, которые собирались для суда надъ богомилами

[75]) Ватажка — старѣйшина племени у Гуцуловъ въ Карпатахъ. См. Čas. česk. musea 1838, 491. Wataha и watacha по старопольски значили союзъ, общество. Русск. ватага означаетъ артель волжскихъ рыбаковъ.

[76]) Виршинская грамота. Въ витошской грамотѣ, Šaf. Pam., 2. изд. 104. строка 6, читай градаре вм. ердаре. Слова *повсоди* и *пиалише*, встрѣчающіяся также, вѣроятно плохо разгаданныя сокращенія.

и другими еретиками, — одинъ въ 1211 г. и два около 1350 — 1355 гг. Соборами были избраны цари: Константинъ, Михаилъ Бдинскій и Александръ [77]).

17) *Права* и *законы*. До сихъ поръ еще не найдено болгарскаго законника, подобнаго законнику сербскаго царя Душана, хорватскому винодольскому статуту, Русской Правдѣ, польскому вислицкому статуту или чешскому Jus Conradi. Зато встрѣчаемъ въ документахъ слѣды тѣхъ старославянскихъ правовыхъ обычаевъ, которые еще и нынѣ вездѣ въ употребленіи у народа отъ Истріи до Марицы [78]). Исконнымъ славянскимъ обычаемъ была солидарная отвѣтственность села за всѣ совершенныя въ его округѣ преступленія въ случаѣ, если самый преступникъ не отысканъ (круговая порука у Русскихъ). Взимаемая въ такихъ случаяхъ пеня съ села называлась по сербски и болгарски *глоба*. Примѣчательно ограниченіе этого института въ вирпинской грамотѣ: „глобы не должны быть взимаемы съ селъ, а единственно съ виновныхъ и именно судебнымъ порядкомъ“ [79]). Здѣсь византійскій взглядъ на личную отвѣтственность вытѣснилъ старый славянскій правовой обычай. Было-ли это исключеніемъ для Вирпинскаго монастыря, или обычаемъ, проникшимъ въ Македонію, доступную византійскимъ взглядамъ на право, — къ сожалѣнію, должно остаться не разрѣшеннымъ. Круговая порука доселѣ сохранилась во всей Турціи. Въ Болгаріи пенями были: *вражда* для убійства (сербск. вражда, древне-чешск. глава), называвшаяся уже въ XIV ст. по

[77]) Ἐπεὶ δὲ ἔρημος ἐπαναλείφθη κληρονόμου γνησίου ἡ τῶν Βουλγάρων ἀρχή, ξυνιόντες οἱ προύχοντες εἰς βουλὴν τὸν τοῦ Τείχου υἱὸν Κωνσταντῖνον εἰς τὸ ἄρχειν αὐτῶν ἀναδέξασθαι ἐβουλεύσαντο. Acropolita cap. 73.

[78]) См. большой сборникъ В. Богишича, Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena. I. Zagreb 1874.

[79]) Šaf. Pam. 26. Ср. Зигель I 220.

гречески *фунъ* (φόνος); далѣе *разбои* для грабежа, совершеннаго внутри общины; затѣмъ пеня за кражу коня и рогатаго скота, которая называлась въ XIII ст. (какъ и въ Сербіи) *конска вражда*, а въ XIV в. — *конскій татъ*. *Гадальство* витошскаго документа темно: мы можемъ напомнить о постановленіи Душана, требующемъ отъ деревни, гдѣ волшебники выймутъ изъ могилы трупъ и сожгутъ его, уплаты вражды [80]). Эти уголовныя пени взимались севастами и прахторами (метехати, μετέχειν, ἔχειν μετοχήν).

Другой юридическій терминъ встрѣчается въ вирпинской грамотѣ: *потка* (также по древне-сербски) пеня за нарушеніе владѣнія, за потраву чьимъ-нибудь скотомъ чужаго луга, виноградника или хлѣба.

Рядомъ съ этимъ не писаннымъ, обычнымъ правомъ, существовали еще писанныя правовыя положенія и именно въ договорахъ съ иностранцами и въ привилегіяхъ болярь и монастырей. Сербскіе и боснійскіе памятники издалъ Миклошичъ въ „Monumenta Serbica“ (всего 497), Медо Пуцичъ изъ архива Дубровника (442), не считая разбросанныхъ по журналамъ и описаніямъ путешествій. Вѣроятно, было также много и болгарскихъ документовъ; однако, до сихъ поръ опубликовано только семь (стр. 484). Архимандритъ Вирпинскаго монастыря представилъ царю Константину цѣлый архивъ хрисовуловъ болгарскихъ царей Романа, Петра, Калояна, Калимана, греческихъ императоровъ Діогена, Никифора, Алексѣя, Мануила, Θеодора Ласкариса, Исаака, Ватацеса и сербскаго великаго жупана Немани. Теперь монастырь исчезъ вмѣстѣ со своимъ архивомъ. Орѣховскій монастырь также обладалъ хрисовулами (богоначьртана писмене) старыхъ царей. Царь Шишманъ III

---

[80]) *Разпустъ* въ актахъ орѣховскомъ и витошскомъ означаетъ пеню за брачный разводъ, которая принадлежитъ также къ церковнымъ доходамъ.

видѣлъ въ Рыльскомъ монастырѣ грамоты Асѣня II. Калимана I и „всѣхъ болгарскихъ царей, своихъ прадѣдовъ, дѣдовъ и родителей“. Теперь извѣстна только грамота Шишмана. Въ сербскихъ монастыряхъ основныя грамоты часто писались въ видѣ надписей на стѣнѣ: въ Болгаріи не открыто доселѣ ничего подобнаго.

Грамота называлась на болгарскомъ канцелярскомъ языкѣ *хрисовулъ* (χρυσόβουλλον), или *златопечатлѣнное слово* (χρυσόβουλλος λόγος): царскій указъ также по гречески — оризмо (ὁρισμός [81]). Старѣйшій изъ уцѣлѣвшихъ актовъ, торговая привилегія Дубровчанъ Асѣня II, отличается очень простымъ слогомъ. Позднѣйшіе документы писаны византійски цвѣточнымъ языкомъ: ихъ формуляръ даже совпадаетъ съ византійскимъ образцомъ. За напыщеннымъ введеніемъ слѣдуетъ перечисленіе даровъ и правъ: въ концѣ-же присоединяются страшнѣйшія угрозы тому изъ будущихъ царей, который дерзнетъ нарушить эти дары: на немъ долженъ тяготѣть гнѣвъ Божій, проклятіе Божіей Матери, Апостоловъ, 318 Никейскихъ отцевъ и патрона монастыря, онъ долженъ трактоваться наравнѣ съ Іудой и Аріемъ. Подпись царя полна завитковъ и сокращеній и писана красными чернилами. Печать рыльскаго хрисовула серебряная и позолочена: на одной сторонѣ изображенъ царь, на другой св. Іоаннъ Рыльскій.

Употреблявшіеся въ Болгаріи сборники церковнаго законодательства заключаютъ въ себѣ много постановленій свѣтскаго права. Такъ какъ они, будучи всѣ византійскаго происхожденія, были часто снабжены для употребленія Славянъ вставками, то ихъ содержаніе заслуживаетъ точ-

[81]) Шишманъ (1378): «Благоизволи царство ми даровати благообразное и всенастоѩщее сіе *златопечатлѣнное* слово царства ми». Дава царство ми оризмо си: Асѣнь II. Да сѫ свободни по оризму царства ми Шишманъ 1378.

нѣйшаго изслѣдованія. Древнѣйшій такой сборникъ есть „Болгарская Кормчая", обработанная по Номоканону Іоанна Схоластика, можетъ быть, при участіи Меѳодія (рукоп. XIII ст. въ Румянцовскомъ музеѣ). Въ 1262 году деспотъ Святславъ послалъ кіевскому митрополиту Кириллу III копію сборника церковныхъ законовъ, заключающую въ себѣ новѣйшую рецензію Фотіева Номоканона съ коментаріями Аристина и Зонары (жили въ XII стол.). Оригиналъ онъ заимствовалъ у трновскаго патріарха. Интересно замѣчаніе Святслава, что св. отцы постановили, что этотъ „Зонара" долженъ быть въ каждомъ царствѣ только въ одномъ экземплярѣ и храниться въ соборѣ: при этомъ Святславъ проситъ, чтобы съ него не дѣлали списковъ [82]). Южные Славяне знали и свѣтскіе византійскіе законы, напр. компиляцію изъ эклогъ императоровъ Льва и Константина [83]).

18) *Финансы.* При царѣ Самуилѣ болгарскій земледѣлецъ, владѣвшій упряжью воловъ, ежегодно платилъ кадь проса, кадь пшеницы и кружку вина. Императоръ Василій, послѣ завоеванія страны, оставилъ въ силѣ этотъ податной окладъ. Когда-же корыстолюбивые сборщики податей хотѣли переложить эту натуральную подать на деньги, то разразилась революція Деляна. Въ Сербіи платилъ подать деньгами или натурой даже дворянинъ, и если онъ оставался должнымъ, то его задерживали на царскомъ дворѣ до тѣхъ поръ, пока не уплачивалъ вдвое. Часто подать платила сообща вся община, такъ какъ, напр., еще въ X стол. Сагудаты и Драговичи у Солуня владѣли землею сообща и дѣлились ею отъ времени до времени только съ цѣлью застраиванья [84]).

82) Ср. Jagić, Starine VI. (1874) 62 сл.

83) R. Hube, O znaczeniu prawa rzymskiego i rzymsko-byzantinskiego u narodów słowiańskich. Warszawa 1868, 11.

84) Ср. Frühauf, Zřízeni berničné v říši římské a byzantinské. Památky V. (1863) 155—162.

Вирпинскій хрисовулъ называетъ слѣдующія подати: *волоберщина* отъ каждой упряжи воловъ: *кошарщина*, можетъ быть, тождественная съ сербской „травниной“, платежемъ за пользованіе земскими пастбищами (кошара — овечій загонъ); *димина* (также сербск., виз. καπνικόν) налогъ на каждый очагъ: *наметькъ* (также въ Сербіи) съ хлѣба, вина и меду. Всѣ монастырскіе хрисовулы XIII и XIV стол. упоминаютъ о *десятькахъ* отъ свиней, овецъ и меду, что также встрѣчается и въ Сербіи, Молдавіи, Валахіи и Греціи [85]). Орѣховская грамота упоминаетъ *митаты*, подворный налогъ (κατάθεσις μιτάτου).

Пограничная пошлина называлась *кумеркъ* (commercium), какъ и у Византійцевъ (κουμμέρκιον) и до сихъ поръ у Турокъ. Дубровчане не платили пошлинъ ни при проходѣ (на клисурѣ), ни при переходѣ въ бродъ, черезъ мостъ, по дорогамъ, ни у городскихъ воротъ. Венеціанцы уплачивали по договору 1352 г. de comerchio 3% и въ гаваняхъ съ каждой большой торговой ладьи двѣ перперы, съ малой — одну перперу alborazzo (arboragium); Генуэзцы, по договору съ Иванкомъ 1378 г. — 1% при ввозѣ, 1% при вывозѣ, 2% при транзитѣ. Вирпинскій хрисовулъ упоминаетъ пошлины *мостнину* (мостовую пошлину) и *бродину* (у брода): послѣдняя въ 1387 г. называется уже по гречески діавато (διαβατικόν). Платежи требовались и на базарахъ (на форосѣхъ).

Уголовныя пени также составляли не ничтожный источникъ дохода. Нарушеніе владѣнія одного монастыря при Константинѣ было оштрафовано пенею въ 6 перперовъ: чиновникъ, который предпринималъ какіе либо судебные акты противъ привилегій монастырей, платилъ въ *димосію*

[85]) Χοιροδεκατία и δόσις μελισσονομίου. Acta graeca IV. 352. Еще и теперь въ Турціи.

(δημόσιον. fiscus) въ видѣ штрафа нѣсколько златицъ (золотыя монеты).

19) *Монетное дѣло.* Подробный отчетъ о древне-болгарскихъ монетахъ находимъ въ торговомъ договорѣ Венеціанцевъ съ царемъ Александромъ 1352 г. [86]). *Перпера* (ὑπέρπυρον) была золотая монета въ $16^{2}/_{3}$ каратовъ вѣсомъ [87]): *златица* виринской грамоты съ ней, вѣроятно, тождественна. Обыкновенная серебряная монета называлась *грошъ* и дѣлилась на 6 *асперовъ*. На одну перперу приходилось 6 грошей и 5 асперовъ. Были и мѣдныя монеты, часто вогнутыя. Намъ еще неизвѣстна ни одна монета, относящаяся къ времени до 1018 г. Монеты трновскихъ царей отчеканены по византійскимъ образцамъ, исключая монетъ Михаила Асѣня, которыя скопированы съ венеціанскихъ и носятъ на себѣ латинскія надписи (Michael Asenus imperator): Срацимиръ также придерживался венеціанскихъ образцовъ. Надписи заключаютъ въ себѣ большею частью монограммы, трудно разбираемыя. Проф. Любичъ описалъ въ своей югославянской нумизматикѣ 224 штуки, которыя, за исключеніемъ 12, всѣ отчеканены изъ серебра и выпущены всего 8-ю царями [88]). Отъ 12 царей, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ Калоянъ, Константинъ и Александръ, пра-

[86]) Ljubić, Mon. III. 247.

[87]) Міятовичъ пытался въ 1869 г., въ своемъ сочиненіи о старосербскихъ финансахъ (Гласник 25, 198—207), доказать, что перпера была только счетной монетой: тогда не было еще сербскихъ золотыхъ монетъ. Первыя старосербскія золотыя монеты царя Душана, числомъ 4, были въ 1874 г. привезены изъ Призрена въ Бѣлградъ, гдѣ я ихъ самъ видѣлъ у митрополита и у д-ра Янка Шафарика. Новыя четыре золотыя монеты (Милутина, Душана, Влкашина и Лазаря) описаны недавно Стояномъ Новаковичемъ, въ бѣлградской «Отачбинѣ» 1875.

[88]) Sime Ljubić, Opis jugoslavenskih novaca. Zagreb 1875. На I—III. табл. 60 болгарскихъ монетъ Асѣня I, Петра, Асѣня II, Мих. Асѣня, Святслава, Михаила Шишмановича, Срацимира и Шишмана. Ср. также сербскую нумизм. Я. Шафарика, Гласник III. табл. 8.

вили много лѣтъ, не дошло до сихъ поръ до насъ ни одной монеты. Конечно, въ самой Болгаріи никто еще не собиралъ славянскихъ монетъ; да и западныя собранія, вѣроятно, заключаютъ въ себѣ много болгарскихъ экземпляровъ, доселѣ неизвѣстныхъ.

20) *Сельское хозяйство.* Извѣстія объ этомъ встрѣчаются въ актахъ, гдѣ перечисляются „*стаси* (στάσις, владѣнія) и прилежанія“ монастырей и описываются ихъ *межда* (полевыя межи) или *синоръ* (σύνορον; ново-болгар. санъръ). Деревня называлась (какъ и въ Сербіи) *село* или *селище*, разбросанные дворы — *заселки*. У рѣкъ и потоковъ стояли *млины*, *воденици* (водяныя мельницы), *жрънки* или *мѣста жрънчана* (μυλών, pistrinum). Хорошо знакомое по сербскимъ памятникамъ слово *катунъ*, означающее пастушью хижину, встрѣчается въ вирпинской грамотѣ; еще и доселѣ есть въ Балканѣ у Котла деревня Катуништа [89]).

Пашня называется *нива* или *нивіе* [90]). Сады въ памятникахъ называются частью по славянски *градинами* (какъ еще и теперь), *врътами* (врътъ) и *врътоградами*, частью, какъ въ Сербіи, по гречески *периволь* (τὰ περιβόλια) и *кипурія* (κηπούριον). Изъ плодовыхъ деревьевъ упоминаются вишневыя (чрѣшовены, Вирп.) и орѣховыя (орѣшіе, 1347). Виноградники (виноградъ, лозіе) Сербовъ и Болгаръ ведутъ свое начало отъ винограднаго хозяйства Римлянъ. Лугъ назывался прежде, какъ и теперь, у всѣхъ южныхъ сла-

[89]) На средневѣк. греч. языкѣ κατοῦνα supellex, impedimenta, sarcinae militares, tentoria, castra, interdum domus. Κατουνοτόπιον locus castrorum, castra domicilium, locus in quo quis habitat. κατούνιον domicilium. Du Cange, Gloss. mediae graec. По албански катунтъ — городъ, деревня.

[90]) Царь Святславъ спасъ однажды Константинополь отъ голода громаднымъ подвозомъ хлѣба. Хлѣбъ часто сохранялся въ ямахъ. Въ 1189 г. крестоносцы нашли зарытый хлѣбъ у Филиппополя; потомъ большіе запасы проса въ колоссальныхъ горшкахъ были недавно найдены въ развалинахъ средневѣковыхъ замковъ во Ѳракіи. Захаріевъ 63.

вянскихъ племенъ. *ливада* (λιβάδιον) или *сънокосъ*. Пастбища (пашища) распадались на лѣтнія *лѣтовища* (на горахъ) и зимнія *зимовища* (въ долинахъ). Большія стада рогатаго скота, овецъ, козъ и свиней составляли не малую часть народнаго богатства. Константинопольскіе Латинцы, появившіеся въ 1206 и 1207 гг. въ областяхъ Эски-Загры и Ямболя, увидѣли тамъ громадныя стада буйволовъ, воловъ, коровъ и мелкаго скота. Въ средніе вѣка процвѣтало коноводство, главнымъ образомъ для военныхъ цѣлей: напр., валашскіе пастухи пасли сотни кобылъ, принадлежащихъ сербскимъ монастырямъ. Огороженный лѣсъ у старыхъ славянскихъ обитателей полуострова называется *забѣлъ*; слово *браница*, какъ въ памятникѣ 1347 г., означаетъ по болгарски и теперь лѣсъ, гдѣ рубятъ дрова и жгутъ уголь.

21) *Торговля*. Какъ у всѣхъ славянскихъ народовъ, такъ и у Болгаръ иностранные купцы назывались *госте* [91]). Усерднѣе другихъ посѣщали Болгарію Дубровчане (жители Рагузы), которые пользовались въ сосѣднихъ Сербіи и Босніи большимъ вліяніемъ и имуществомъ; большія привилегіи получили они отъ Асѣня II и его сына Михаила Асѣня. Венеціанцы поддерживали дружественныя сношенія съ царями Святславомъ и Александромъ; однако имѣли съ Болгаріей меньше дѣла, чѣмъ съ Сербіей и Византіей. Въ городахъ Понта и у Дунайскихъ устьевъ торговля была большею частью въ рукахъ Генуэзцевъ, господствовавшихъ въ Крыму и на Черномъ морѣ. Купцы этихъ трехъ націй, всѣ католики, имѣли во всѣхъ большихъ городахъ свои *лоджіи* и церкви и жили тамъ съ своими женами, наложницами, дѣтьми и рабами [92]). Ихъ представители предъ вла-

[91]) Любовнымъ всевѣрнымъ гостемъ царства ми. Асѣнь II.

[92]) Cum uxoribus et concubinis et liberis ipsorum etiam naturalibus. Договоръ Генуэзцевъ съ Иванкомъ 13 7. По поводу наложницъ латинскихъ и нѣмецкихъ купцовъ въ Босніи жаловались въ 1373 г. (Rad. VIII. 134).

стями, вмѣстѣ ихъ судьи, назывались уже тогда *консулами*; венеціанскій консулъ жилъ въ Варнѣ, генуэзкіе — въ портовыхъ городахъ [93]). Что касается правоотношеній этихъ купцовъ, то въ договорахъ съ Венеціанцами и Генуэзцами было установлено, что ни сынъ не отвѣчаетъ за отца, ни отецъ за сына. Если Дубровчанинъ умиралъ даже одинокимъ, то оставилъ-ли онъ завѣщаніе, или нѣтъ, — все его имущество охранялось чиновниками и передавалось послу князя Рагузы. Также поступали и съ наслѣдствомъ Венеціанца. Генуэзцы, по договору съ Иванкомъ, имѣли право вывозить товары всякаго рода (исключая съѣстныхъ припасовъ во время голода). Золото, серебро, настоящій жемчугъ и галантерейныя вещи (perlae veraces et jocalia) были безпошлинны. Въ случаѣ объявленія войны они имѣли право безпрепятственно вывозить изъ страны свои товары въ продолженіи одного мѣсяца, соль и суда — въ продолженіи шести. Объ отечественныхъ купцахъ осталось два извѣстія. Въ договорѣ Михаила Асѣня съ Дубровчанами (1253 г.) было опредѣлено, что болгарскіе купцы имѣли право прибывать въ городъ Рагузу (слав. Дубровникъ), не платя пошлинъ ни у воротъ, ни у моста, или брода, и вывозить оттуда золото, серебро, одежды, златотканныя матеріи (златне поставе) и вообще всякіе товары: только для вывоза хлѣба требовалось разрѣшеніе князя. Рыльскій хрисовулъ (1378) даруетъ право безпошлинной и безпрепятственной торговли монастырскимъ людямъ по всему царству. Въ значеніи мѣръ длины упоминаются (въ легендѣ св. Михаила изъ Потуки) *лакъть* (локоть) и *сажьнь*. Греческое στάδιον называлось по болгарски *пѫприще*.

22) *Дороги* (пѫть или *дромъ*—δρόμος). Главныя направленія дорогъ очень мало измѣнились съ эпохи Римлянъ до

[93]) О средневѣковой внутренней торговлѣ на полуостровѣ см. прекрасныя изслѣдованія по исторіи сербск. торговли Міятовича, Гласник 23, 27, 28.

настоящаго времени. Исконный торговый путь шелъ изъ Константинополя на Адріанополь, Филиппополь, Софію и Нишъ въ Бѣлградъ. Другая оживленная дорога отдѣлялась отъ Трояновыхъ воротъ и вела черезъ Самоковъ, Дупницу, Вельбуждъ (теперь Кюстендиль) въ Скопіе, а оттуда къ Адріатическому морю, или черезъ Албанію на Скодру и Баръ (Антивари) или Каттаро, или черезъ Сербію на Рагузу или Спалато. Изъ Балканскихъ проходовъ во время Трновскаго царства, конечно, главнѣйшимъ былъ Шипкинскій; однако и прочіе проходы, какъ на западѣ — Этропольскій и Троянскій, такъ и на востокѣ — Сливенскій, Котельскій, Чалыкавакскій и Айтоскій, имѣли торговое и стратегическое значеніе [94]). Что касается до скорости путешествій, то Александръ съ войскомъ въ 1333 г. прибылъ въ пять дней изъ Трнова въ Росокастронъ. Для пути изъ Константинополя въ Филиппополь требовалось въ XIII ст., какъ и въ XVII, 9 дней [95]). Товаръ транспортировали при посредствѣ вьючныхъ животныхъ: слово *карванъ* встрѣчается въ дубровницкихъ актахъ уже въ 1398 г.

23) *Судоходство.* О плаваніи по нижнему Дунаю въ это время почти ничего не извѣстно. По русскимъ лѣтописямъ, авантюристъ Иванъ Берлядникъ съ Печенѣгами ограбилъ въ 1159 году двѣ *кубары* (кубара, κουμβάριον, длинное судно) на Дунаѣ и нанесъ галичскому рыболовству (теперь Галацъ) большой вредъ. Кантакузинъ угрожалъ царю Александру въ 1341 г., что отправитъ изганнаго Шишмана II на тріерахъ по Дунаю въ Бдинъ [96]).

24) *Военное дѣло.* Болгарское войско состояло частью изъ контингентовъ доставленныхъ болярами, частью изъ

[94]) Dr. Konst. Jos. Jireček, Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. Prag 1877.

[95]) Villehardouin ed. Wailly, p. 205 и Hadzi Chalfa.

[96]) Ипатьевская лѣтопись. Спб. 1843. 83. Stritter II. 856.

наемниковъ царя. Царь Петръ предложилъ въ 1189 г. императору Фридриху I противъ Византійцевъ вспомогательное войско изъ 40.000 Болгаръ и Кумановъ, которое вслѣдствіе присоединенія Сербовъ возрасло-бы до 60.000 [97]). При осадѣ Латинцами Константинополя, Калоянъ хотѣлъ помочь имъ 100.000 войскомъ. Въ іюнѣ 1206 г. Калоянъ стоялъ во Ѳракіи съ 40.000 кавалеріи изъ Болгаръ и Кумановъ и „безчисленною пѣхотою". При Филиппополѣ въ 1208 г. сражалось 33.000 человѣкъ въ 36 корпусахъ, при Вельбуджѣ въ 1330 г. (по Никифору) 12.000 Болгаръ и 3000 татарскихъ наемниковъ, при Айтосѣ въ 1333 г. 8000 Болгаръ и 2000 Татаръ. Тогдашнія войска были вообще не многочисленны: только Турки стали выводить на поле большія массы.

Изъ иностранцевъ въ болгарское войско нанимались частью варварскіе кочевники, частью Франки: первыхъ цѣнили за дикость и искуство ихъ стрѣльцевъ изъ лука, послѣднихъ — за ихъ отличную опытность въ военномъ дѣлѣ. Куманы были въ войскахъ всѣхъ Асѣневичей. Татарскіе стрѣлки изъ лука служили у князя Шишмана Бдинскаго [98]) и у царей Михаила и Александра. Франковъ встрѣчаемъ при Асѣнѣ II [99]). Мартинъ, командиръ 300 одѣтыхъ въ броню кавалеристовъ, бывшихъ на службѣ у царя Сватслава, былъ, какъ показываетъ самое имя, Латинецъ [100]). Итальянскіе и нѣмецкіе кондотьери встрѣчаются часто въ XIV ст. въ сербскихъ и византійскихъ войскахъ.

Интересныя свѣдѣнія о вооруженіи воиновъ даютъ рисунки ватиканскаго кодекса старо-болгарскаго перевода манассійной хроники: онъ относится ко второй половинѣ

---

[97]) Ansbert 44. 53.
[98]) Даніилъ 117.
[99]) Hopf (85) 253.
[100]) Кантакузинъ у Stritter'a 813.

XIV ст. [101]). Шлемы или имѣли видъ полушарія и были украшены перьями на темени, или покрывали голову отъ темени до плечъ, оставляя открытымъ только лице, или, наконецъ, принимали форму круглыхъ кожаныхъ шапокъ, или остроконечныхъ фуражекъ. Рѣже попадаются на изображеніяхъ панцыри. Ноги были обуты въ высокіе кавалерійскіе сапоги, такъ какъ большею частью выступали въ поле верхомъ. На лошадяхъ были узды, сѣдла и стремена. Щиты частью круглые, частью продолговатые, заостренные сверху и снизу. Князья и боляре носили длинные, обутые мѣхомъ кафтаны и украшенную горностаемъ шапку. Оружіями нападенія служили копья, мечи (мьчъ) и стрѣлы, которыя всадникъ держалъ на боку въ колчанѣ (тулъ). Франкскій лѣтописецъ Henri de Valenciennes говоритъ, что Болгаре въ битвѣ при Филиппополѣ въ 1208 г. имѣли зеленыя копья съ длиннымъ чешскимъ желѣзнымъ остріемъ [102]). Сигналъ подавали длинными прямыми трубами (тржба).

Очень сомнительно, чтобы уже въ смертельной борьбѣ Болгаръ съ Турками употреблялось огнестрѣльное оружіе. Первая пушка на полуостровѣ, сколько намъ извѣстно, упоминается въ 1383 г. Тогда Венеціанцы продали боснійскому королю Тврдку галеру и при этомъ какъ особую рѣдкость одинъ falconus [103]).

Строить военныя машины Болгаре научились у Византійцевъ, которые прилежно дѣлали и развивали эту отрасль древ-

[101]) Нѣкоторые рисунки у Черткова. Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ. Москва 1843. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось видѣть экземпляра съ раскрашенными рисунками.

[102]) Villehardouin ed. Wailly (Paris 1872): «uns glaives vers à uns lons fiers de Bohaigne». Wailly переводитъ: «des lances vertes avec des longs fers de Bohême».

[103]) Acta archivi Veneti ed. D[illegible] I. Šafařík I. 211. Ljubić. Monum. IV. 195.

неримскаго военнаго искусства. Когда Византійцы осаждали Стрѣза въ Просѣкѣ, то были забросаны камнями и метательными орудіями: машинами Болгаръ управлялъ здѣсь строительный мастеръ, который перешелъ изъ византійской службы къ возставшимъ, по той причинѣ, что не получалъ въ продолженіи долгаго времени своего жалованья. Очень искусенъ въ строеніи метательныхъ и стѣнобитныхъ машинъ былъ царь Калоянъ [104]). При помощи машины своеобразной конструкціи онъ взялъ Варну. При штурмѣ Дидимотихона онъ даже отвелъ рѣку отъ стѣнъ; однако, хотя башни были сильно потрясены его камнями, Болгаре при своей попыткѣ взять приступомъ стѣны, взлѣзши по лѣстницамъ, были отражены. Въ 1206 г. Калоянъ днемъ и ночью бомбардировалъ стѣны, башни и дома Адріанополя камнями, выбрасываемыми 33 катапультами. Въ тоже время стѣны и башни были разрушены. По смерти его это искусство, кажется, было забыто; уже Акрополитъ упрекаетъ Болгаръ въ недостаткѣ умѣнья осаждать города.

Главная сила Болгаръ была въ горныхъ войнахъ и вообще въ гвериллѣ. Узкіе проходы Родопы, Срѣдней-горы и Балкана поглотили тысячи Византійцевъ, убитыхъ градомъ стрѣлъ и обломковъ скалъ. Впрочемъ, Болгаринъ умѣлъ сражаться и въ открытомъ полѣ [105]). Царь Михаилъ (1323 — 1330) держалъ въ лагерѣ хорошихъ бѣгуновъ, чтобы какъ можно скорѣе передавать свои приказанія. Если командиръ долженъ былъ быстро возвратиться, то ему посылали въ видѣ знака обожженное перо [106]).

---

[104]) Nicetas у Stritter'a II. 704. 711.

[105]) Извѣстное, встрѣчающееся у Никиты описаніе тактики Болгаръ и Кумановъ, въ которой играло главную роль притворное бѣгство, скорѣе нужно отнести только къ Куманамъ.

[106]) Πτερὸν πυρὶ περιπεφλεγμένον. Stritter II. 832.

Что касается до права войны, то во имя общей вѣры, у Византійцевъ, Сербовъ и Болгаръ дѣйствовалъ законъ, по которому никого внѣ битвы не имѣли права увести въ рабство или убивать; дозволено было только грабить непріятельское имущество. Асѣнь II отпустилъ послѣ сраженія при Клокотницѣ (1230) всѣхъ простыхъ военноплѣнныхъ. Послѣ битвы у рѣки Скафиды (1306), гдѣ Воисилъ, братъ Смильца, разбилъ царя Святслава, всѣ военно-плѣнные, исключая боляръ, были тотчасъ отпущены на волю. Послѣ сраженія при Вельбуджѣ (1330) Сербы отпустили, за исключеніемъ знатныхъ, всѣхъ плѣнныхъ Болгаръ, какъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ [107]). Иначе поступали съ языческими Куманами, Татарами и т. д. Грабежи въ болгаро-греческихъ войскахъ были жестокіе: „Болгарская добыча“ (Μυσῶν λεία) вошла у Грековъ въ поговорку. Византійцы сжигали хлѣбъ на поляхъ, уничтожали сады, опустошали деревни и уводили стада. Болгаре и ихъ союзники отплачивали имъ съ избыткомъ, въ особенности при Калоянѣ.

Изъ числа болгарскихъ полководцевъ рельефнѣе всѣхъ выступаетъ *Иванъ Русскій*, энергическій и опытный человѣкъ [108]). Въ 1323 году онъ былъ комендантомъ филиппопольскаго гарнизона, состоявшаго изъ 1000 болгарскихъ и „аланскихъ“ (татарскихъ) кавалеристовъ и 2000 одѣтыхъ въ броню пѣхотинцевъ. Его подчиненными офицерами были Аланы Итилисъ и Темиръ и Мадьяръ Инасъ. Когда послѣ внезапной смерти молодаго Тертерія II въ Болгаріи настало время анархіи, Андроникъ младшій съ княземъ

---

[107]) Объ этомъ обычаѣ у Византійцевъ см. Stritter'a II. 725, 757, 805, 815, 839. Cantacuzenus I. II. cap. 21, о сраженіи при Вельбуждѣ: Οὐ γὰρ ἔξεστιν αὐτοῖς ἀλλήλους ἀνδραποδίζειν ὄντας ὁμοφύλους.

[108]) Cantacuzenus у Stritter'a II. 815, 819, 829, 849.

Воисиломъ держали Филиппополь въ осадномъ положеніи въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ (1323). Одинъ нѣмецкій строитель осадныхъ машинъ построилъ для Византійцевъ деревянный домъ на 15 колесахъ, который заключалъ въ себѣ 100 вооруженныхъ людей; на домѣ возвышалась пятиэтажная башня, каждый этажъ для восьми арбалетниковъ. При звукѣ трубъ этотъ колоссъ пришелъ въ движеніе и все войско направилось къ стѣнамъ. Уже машина стояла у стѣнъ и обороняющіеся принуждены были дождемъ стрѣлъ бѣжать, какъ вдругъ онъ попалъ на старое, прикрытое поросшими травой досками водохранилище, и со страшнымъ грохотомъ обрушился. Послѣ этого императоръ снялъ осаду. Въ 1328 г. Ивану было поручено царемъ напасть врасплохъ на Константинополь (стр. 385). Въ 1333 году послѣ побѣды при Росокастронѣ вступилъ онъ въ переговоры о мирѣ съ разбитымъ Андроникомъ III.

25) *Жизнь и характеръ народа.* Воинственность была главною чертою характера древнихъ Болгаръ, чертою теперь почти совершенно изглаженною столѣтнимъ гнетомъ. Болгарскіе наемники встрѣчаются въ византійскихъ войскахъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, у Франковъ въ Элладѣ, въ неаполитанской службѣ и т. д. [109]). Понятно, что безпрестанная война не могла облагородить народнаго характера.

О старыхъ одѣяніяхъ мало извѣстно, хотя съ нѣкоторою увѣренностью можно полагать, что бо́льшая часть нынѣшнихъ національныхъ костюмовъ осталась неизмѣнною въ теченіи столѣтій. Поэтому громадную важность имѣетъ миніатюръ въ одномъ греческомъ менологіѣ, написанномъ по приказанію императора Василія II (967 —

---

[109]) Герцогъ Гвидо II аѳинскій въ 1304 г. отправился съ 900 рыцарей и 6000 болгарскихъ и валашскихъ всадниковъ въ Эпиръ. Hopf (85) 365. Болгарскихъ наемниковъ имѣлъ также Guido de la Trémouille, владѣтель Халандрицы въ Мореѣ (1282—1285). Ib. 319.

1025) [110]. Изъ трехъ изображенныхъ тамъ Болгаръ два безъ бороды. третій же носитъ окладную бороду. Одѣяніе стоящаго на лѣво состоитъ изъ опушенной мѣхомъ шапки. также обшитаго мѣхомъ кафтана съ узкими рукавами и плотно прилегающихъ панталонъ. Кафтанъ застегнутъ восемью шнурками. какъ это можно видѣть на старыхъ изображеніяхъ Русскихъ, и еще теперь у Хорватовъ. Болгаръ и Поляковъ. Отъ пояса спускается короткій ножъ въ ножнахъ, какой еще теперь имѣютъ обыкновеніе носить такимъ-же образомъ всѣ Славяне полуострова. Стоящій на право носитъ кафтанъ также зашнурованный и украшенный шитыми цвѣтами: каждый цвѣтокъ находится въ центрѣ двухъ концентрическихъ круговъ, которые такъ велики. что двоихъ достаточно, чтобы наполнить пространство между шеей и поясомъ, рукава также покрыты подобными кругами. Средній — въ костюмѣ украшенномъ шести-листными цвѣтками. Всѣ трое держатъ въ рукахъ по мечу.

На монетахъ и печатяхъ царей и на изображеніяхъ ватиканскаго кодекса видимъ большею частью бородатыя лица: теперешній обычай на полуостровѣ. по которому всѣ мужчины, кромѣ поповъ. носятъ только усы. заведенъ только со времени Турокъ. Въ 1326 г. Никифоръ Григора видѣлъ у Струмицы болгарскихъ стражниковъ въ черныхъ кожаныхъ и шерстяныхъ одеждахъ, вооруженныхъ копьями и сѣкирами. Изображенія болярскихъ семействъ въ пестрыхъ одѣяніяхъ попадаются на стѣнахъ многочисленныхъ опустѣлыхъ церквей: къ сожалѣнію, они, кажется. поблекнутъ прежде. чѣмъ ихъ скопируетъ рука опытнаго археолога.

---

[110]) Menologium Graecorum jussu Basilii imperatoris olim editum. Studio et opera Annibalis Tit. S. Clementis Presbyteri Card. Albani. Pars II Urbini 1727. p. 132 ad. 22 Jan.

Никифоръ видѣлъ въ Струмицѣ на Тройцу танцующихъ юношей и дѣвицъ и слышалъ во время путешествія старыя героическія пѣсни. Въ то время непрерывныхъ междоусобій и войнъ болгарскій эпосъ, по всей вѣроятности, былъ въ полномъ цвѣту: до насъ дошли только отрывки [111]. Есть много извѣстій объ остаткахъ язычества и суевѣрій. Царь Михаилъ подарилъ въ 1328 году греческому послу простой металлическій крестъ, чтимый у Болгаръ за тѣ чудеса, которыя онъ творилъ еще во время отца царя, князя Шишмана Бдинскаго [112].

Въ заключеніе еще замѣчаніе, что въ Болгаріи, какъ и во всѣхъ православныхъ государствахъ, лѣтосчисленіе вели отъ сотворенія міра, которое относили къ 5508 году до Р. Х. Начало года было 1 Сентября. Только въ XVII ст. стали измѣнять этому обычаю.

О древне-болгарскомъ искусствѣ еще мало извѣстно. Церковныя и замковыя строенія далеко не такъ уцѣлѣли, какъ въ Сербіи. Прекрасное свидѣтельство о живописи, бывшей въ обыкновеніи въ монастыряхъ, даютъ миніатюры ватиканскаго кодекса. Григоровичъ, имѣвшій возможность видѣть много болгарскихъ иконъ на Аѳонѣ, въ западной Македоніи и около Трнова, говоритъ, что черты лица изображенныхъ святыхъ круглѣе и пріятнѣе, чѣмъ у Византійцевъ.

Вотъ вкратцѣ все, что мы могли сказать о жизни древнихъ Болгаръ въ періодъ Трновскаго царства (1186—1398).

[111]) Для исторіи югослав. народнаго эпоса не безъинтересно, что въ одномъ сербскомъ памятникѣ 1353 г. въ странѣ на Пшинѣ, въ Македоніи, появляются два человѣка, Преде свирьцъ и Хрусе слѣпьць (эпическій пѣвецъ, рапсодъ). Акты русскаго на Аѳонѣ монастыря, Кіевъ 1873, 365. Заклинаніе противъ укушенія змѣи см. у Срезневскаго, Пам. юсоваго письма. 60 (рук XIII ст.). Jagić, Gradja za historiju slovinske narodne poesije. Rad jugoslav. akad. 37.

[112]) О пищѣ древнихъ Болгаръ ср. разсказъ Кантакузина (ed. Bonn. I. 177), о томъ какъ деспотъ Войсилъ 1323 г. наѣлся грибовъ до смертельнаго обморока.

Глава XXVI.

Древне-болгарская литература.

Константинъ (Кириллъ) и Меѳодій. — Староболгарскій и старословѣнскій языки. — Кириллица и глаголица. — Святые седмичисленники. — Царь Симеонъ. — Литература богомиловъ. — Апокрифы и греко-восточные разсказы. — Литература трновскаго царства. — Школа Евѳимія.

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, Словѣне, поселившіеся въ Панноніи, Дакіи и Болгаріи, первые стали выражать письмомъ свой языкъ и писать на немъ книги. Ихъ письменность стала основаніемъ литературъ русской, сербской и хорватской. Еще теперь, когда уже столько сотъ рукописей было жертвой вандализма и небрежности, удивляешься числу старословѣнскихъ сборниковъ, неустанному прилежанію писателей и переводчиковъ, совершенству торжественнаго языка и слогу, развитому по греческому образцу. Однако, хотя филологъ здѣсь поражается богатствомъ благодарнѣйшаго матеріала, историкъ, окидывая взглядомъ содержаніе памятниковъ, не можетъ не поддаться печальнымъ впечатлѣніямъ. Эта богатая литература бѣдна жизненнымъ, оригинальнымъ и народнымъ содержаніемъ; она даетъ очень мало свѣдѣній объ исторіи, характерѣ и родѣ жизни народа. Построенная по византійскому образцу, она сильно

потерпѣла не только въ духѣ, но въ послѣднія столѣтія и въ строеніи языка. Кромѣ того, она большею частью была собственностью одного сословія — духовенства. Болгаре имѣли, конечно, богатую и важную народную литературу, которая перешла отъ нихъ къ другимъ Славянамъ, прежде всего къ Сербамъ и Русскимъ. Однако, и тамъ напрасно искать значительной оригинальной работы: почти все заимствовано изъ апокрифической литературы Грековъ, или, чрезъ посредство Грековъ, изъ литературныхъ сокровищъ далекихъ Арабовъ и Индѣйцевъ. Искусственная поэзія была чужда древнимъ Болгарамъ: столь богато развитая болгарская народная поэзія не имѣла, сколько извѣстно, никакого вліянія на всю письменность [1]).

1) *Начала литературы.* Древнѣйшія произведенія духа, пѣсни, пословицы, сказки у Славянъ, какъ и у всѣхъ народовъ, первоначально, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, передавались устно. Тѣмъ не менѣе извѣстны были и письменные знаки. Однако, эти *чрты* и *рѣзы* (зарубки), объ употребленіи которыхъ языческими Славянами свидѣтельствуетъ монахъ Храбръ (ок. 900 г.), служили только религіоз-

[1]) Староболгарскія рукописи разсѣяны по всей Европѣ. Много есть въ самой Болгаріи, по церквамъ, монастырямъ, въ читалищахъ и частныхъ рукахъ. Рукописи Рыльскаго монастыря описали Григоровичъ (Оч. путеш., 187) и Чолаковъ (Бълг. книжици 1859, 688—692), Аѳонскаго—Григоровичъ и Болгаринъ Конст. Дмитр. Петковичъ (1865). Кромѣ того, есть болгарскіе кодексы въ Румыніи, въ монастыряхъ Фрушки-горы, въ библіотекахъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ, Прагѣ (въ музеѣ Шафариковы кодексы), въ Берлинѣ и Вѣнѣ, Римѣ, Англіи, Франціи и т. д. Найбольшія собранія старославянскихъ рукописей въ Россіи; въ новѣйшее время они значительно обогащены памятниками, собранными Григоровичемъ, Гильфердингомъ, Порфиріемъ Успенскимъ и Норовымъ. Въ послѣдніе годы стали основательно разслѣдывать русскія библіотеки и издавать точныя палеографич. и филологич. описанія ихъ. Кодексы писаны большею частью на пергаментѣ, выдѣланномъ иногда очень грубо, изъ овечьей, телячьей или заячьей кожи. Рано также стали писать на столь употребительной на востокѣ хлопчатой бумагѣ (на этомъ матеріалѣ написаны, напр., грамоты Асѣня II и Константина).

нымъ и экономическимъ цѣлямъ: книгъ такими знаками, конечно, не писали. *Рѣзы* напоминаютъ намъ о биркахъ, которые еще недавно замѣняли счетныя книги въ Венгріи (ровашъ), Чехіи (na vrub), Болгаріи (ръбусъ). По принятіи христіанства, Славяне стали писать латинскими и греческими буквами, которыя для ихъ языка, конечно, были недостаточны. Древнѣйшій болгарскій памятникъ — это упомянутый полуславянскій, полуфинскій перечень болгарскихъ князей до 765 г. (стр. 156). Дошедшее до насъ съ тѣхъ поръ писано кирилловскою азбукою: до изобрѣтенія кириллицы писали, вѣроятно, греческими буквами. Старословѣнская литература начинается только со времени славянскихъ апостоловъ Константина, или Кирилла († 869) и Меѳодія († 885).

2) *Старословѣнскій языкъ.* Языкъ, которымъ воспользовались славянскіе апостолы для перевода св. писанія, назывался первоначально у всѣхъ Славянъ *ѩзыкъ словѣньскъ.* Что касается вопроса, какому славянскому племени онъ принадлежалъ, то объ этомъ въ теченіи времени на столько позабыто, что когда въ настоящемъ столѣтіи стали научно изслѣдовать языки славянскіе, между учеными возникло по этому предмету большое разногласіе. Еще и теперь не установилось единогласія на счетъ родины церковно-славянскаго языка.

Въ началѣ настоящаго столѣтія едва-ли было какое нибудь славянское племя, которому бы не приписывали языка славянскихъ апостоловъ. Часто разбирался также взглядъ, по которому церковно-славянскій языкъ признавался отцемъ всѣхъ нынѣшнихъ славянскихъ языковъ. *Добровскій* (1823) принималъ его за „старый, еще безъ всякой помѣси сербо-болгаро-македонскій діалектъ“. *Копитаръ* (1822) полагалъ, что жившее на югъ отъ Дуная большое словѣнское племя было раздѣлено пришедшими Сербо-хор-

ватами на двое, на болгарскихъ и паннонскихъ Словѣнъ; такъ какъ св. писаніе было переведено на языкъ Паннонцевъ, то нынѣшніе хорутанскіе Словѣне (Винды) суть прямые потомки Славянъ, говорившихъ языкомъ Кирилла и Меѳодія.

Для насъ важны мнѣнія обоихъ лучшихъ знатоковъ славянскихъ языковъ, П. І. Шафарика и Миклошича.

Шафарикъ утверждалъ въ „Древностяхъ“ (1837) и въ „Славянской этнографіи“ (1842), что славянскіе апостолы пользовались *болгарскимъ* нарѣчіемъ, которому они научились дома, въ Солуни, и который былъ въ ходу, до прибытія Мадьяръ, Кумановъ и Печенѣговъ, и на сѣверъ отъ Дуная, въ теперешнихъ румынскихъ и мадьярскихъ земляхъ, главнымъ образомъ въ Валахіи, семиградской области (стр. 104) и въ восточной Венгріи до источниковъ Тисы, до Эрлау (Ягеръ) и Пешта. Нынѣшній упадокъ болгарскаго языка начался, по его мнѣнію, съ паденія стараго царства (1018), ускоренъ сношеніями съ Албанцами, Румынами и Греками и довершенъ со временъ турецкаго господства. Въ западной Венгріи (Панноніи) въ IX стол., по его мнѣнію, господствовало нарѣчіе, вообще подобное нынѣшнему чешскому [2]). Въ 1858 году Шафарикъ измѣнилъ свой взглядъ, полагая, что переводъ св. писанія, будучи совершенъ въ царствѣ Коцеля на берегахъ Блатенскаго озера при участіи туземцевъ, представлялся произведеніемъ употреблявшагося тамъ языка, т. е. *языка паннонскихъ Славянъ*, который по всей вѣроятности, былъ переходомъ отъ стараго болгарскаго къ виндскому (словѣнскому). Границею собственно болгарскою онъ считалъ и тогда Дунай отъ устья Дравы

---

[2]) Šafařík. Sebr. spisy II. 502. 504. 505; cp. 204. Slovansky národopis. Praha 1842, 33.

до Пешта. Языкъ онъ называлъ *старославянским*[3]), только въ Этнографіи именуетъ его *церковным* или *кирилловским* нарѣчіемъ; названіе „*староболгарскій*" встрѣчается въ одномъ только мѣстѣ, въ Этнографіи [4]).

Миклошич придерживался сначала взгляда своего учителя, Копитара. Однако, его мнѣніе встрѣтило такой отпоръ, что и его названіе „старословѣнскій языкъ" (lingua palaeoslovenica), само по себѣ вѣрное (ѩзыкъ словѣньскъ), не нашло нигдѣ пріема. Только въ 1874 г. онъ издалъ очень важное для рѣшенія этого вопроса сочиненіе, въ которомъ доказываетъ, что старословѣнскій языкъ былъ языкомъ паннонскихъ Словѣнъ около половины IX ст. [5]). Изъ приведенныхъ тамъ историческихъ и филологическихъ аргументовъ, слѣдующіе обращаютъ на себя особое вниманіе. По Голубинскому, обращеніе Болгаръ въ христіанство совершилось безъ участія славянскихъ апостоловъ; „болгарскій языкъ, который совпадалъ-бы съ старословѣнскимъ, уходитъ отъ насъ, какъ фата-моргана, какъ-бы далеко въ прошедшее мы не послѣдовали за нимъ". Уже въ одной рукописи XI ст. смѣшиваются знаки для носовыхъ звуковъ, такъ какъ на полуостровѣ ихъ никогда не произносили какъ носовыя гласныя (ѫ, ѧ, е), а всегда какъ полугласное ъ (стр. 141); уже въ IX ст. болгарскій и старословѣнскій были совершенно различными языками. Поэтому Микло-

---

[3]) Šafařik, Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Prag 1858, 31, 32, 45.

[4]) Часто употребляемое теперь названіе «*староболгарскій*» можетъ легко повести къ смѣшенію съ языкомъ первобытныхъ не славянскихъ Болгаръ.

[5]) Miklosich, Altslovenische Formenlehre in Paradigmen mit Texten aus glagolitischen Quellen. Wien 1874 (Введеніе). Даничичъ. Диоба словенских језика, Бѣлградъ 1874, присоединился къ мнѣнію Миклошича; ср. Čas. česk. musea 1875, 113.

шичъ называетъ малое число древнѣйшихъ рукописей, которыя свободны отъ всякаго слѣда нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій, ***паннонскими*** памятниками.

Такимъ образомъ, Шафарикъ распространяетъ родину церковнаго языка на Дакію, восточную Венгрію и Балканскій полуостровъ, на сколько онъ теперь занятъ Болгарами; Паннонію (западную Венгрію) онъ присоединилъ сюда только позднѣе. Миклошичъ ищетъ ее только въ Дакіи и Венгріи по обѣимъ сторонамъ Дуная; земли полуострова онъ отсюда исключаетъ.

Кириллъ и Меѳодій переводили св. писаніе въ Панноніи. Извѣстно, что въ такомъ громадномъ дѣлѣ они требовали помощи туземцевъ. Между тѣмъ нарѣчіе паннонскихъ и дакійскихъ Словѣнъ, по всей вѣроятности, только на столько отличалось отъ языка словѣнскихъ обитателей полуострова, что солунскимъ апостоламъ, знавшимъ еще изъ дому по словѣнски, пришлось въ Панноніи пріучиться только къ немного отличному нарѣчію. Кромѣ того, на полуостровѣ встрѣчаются многочисленные ясные слѣды носовыхъ звуковъ не только въ средніе вѣка, но въ западной Македоніи и теперь [6]). Наконецъ, не должно быть оставлено безъ вниманія, что Славяне полуострова по своему происхожденію были пришельцы изъ Дакіи и поэтому потомки именно того народа, который и по Миклошичу говорилъ тѣмъ-же языкомъ, что и Паннонцы.

---

[6]) K. Jireček, Starobulharské nosovky. Čas. čes. musea. 1875, 325—330. Изъ многочисленныхъ тамъ-же приведенныхъ доказательствъ упомянемъ здѣсь только: Σουνδέασκος (Сѫтѣска. Грам. 1020), Sfentogorani (Свѧтогоране) 1274, Οσφεντίσθλαβος, Σφενδοσθλάβος (Свѧтославъ). Носовые звуки въ нѣкоторыхъ словахъ слышалъ Григоровичъ въ 1845 г. около Охриды. Несомнѣнныя доказательства въ пользу этого я нашелъ въ названіяхъ мѣстностей около озера Пресны у Hahn'а, Reise durch die Gebiete des Drin und Wardar: Лагъ или Ленкъ (старослав. лѫгъ), Гломбаніани (глѫбачени), Дамбово (дѫбово: дѫбъ) и т. д. Ср. статью Дринова въ Периодич. списание XII.

3) *Кириллица и Глаголица.* Вопросъ объ изобрѣтенныхъ Константиномъ письменахъ не менѣе труденъ, чѣмъ установленіе языка славянскихъ апостоловъ. Съ издавна на славянскомъ языкѣ писали двумя алфавитами, изъ которыхъ одинъ называютъ *кирилловскимъ*, другой — *глагольскимъ*. Кирилловское письмо еще и теперь въ употребленіи у всѣхъ православныхъ Славянъ. Глагольское было нѣкогда хорошо извѣстно всему славянскому міру: въ настоящее время оно сохранилось только въ Истріи, хорватскомъ Приморьи, и въ сѣверной Далмаціи. Въ Болгаріи, гдѣ глагольской азбукой писали еще въ XIII ст., найдены памятники этого письма въ Охридѣ, Рыльскомъ монастырѣ, въ Боянѣ у подножья Витоша и на Аѳонѣ. Въ Россіи, какъ это показалъ Срезневскій, знали глаголицу еще въ XVI ст. Въ Чехіи найденъ одинъ глаголическій памятникъ X стол. (Пражскіе фрагменты).

Которая изъ двухъ азбукъ изобрѣтена Константиномъ, и кто изобрѣлъ другую? Вопросы далеко еще не разрѣшенные, не смотря на то, что объ этомъ существуетъ богатая литература.

Уже въ 1785 году Добнеръ утверждалъ, что глаголица есть азбука Константина. Добровскій признавалъ ее за изобрѣтеніе хорватскаго духовенства XIII ст. Въ 1830 г. Копитаръ получилъ отъ графа Клоца фрагменты одного явно очень древняго глаголическаго кодекса, приблизительно XI в. Копитаръ издалъ эту находку и объявилъ, что глаголица, если не старѣе кириллицы, то одного съ нею времени. Большая древность глаголицы была затѣмъ вскорѣ установлена открытіями, сдѣланными Григоровичемъ и Успенскимъ во время путешествій по Македоніи и Болгаріи; Успенскій даже нашелъ въ Иверскомъ монастырѣ на Аѳонѣ глагольскую подпись одного попа изъ Іерисса въ грамотѣ 982 г.

Наибольшее вниманіе обратилъ на этотъ трудный глагольскій вопросъ П. І. Шафарикъ въ послѣдніе годы своей жизни [7]). Конечный результатъ его изслѣдованій былъ тотъ, что глаголица есть древнѣйшая азбука, азбука Константина; т. н. кириллица, скопированная съ греческаго алфавита, есть изобрѣтеніе епископа Климента Велицкаго († 916), о которомъ греческая легенда говоритъ: „онъ также придумалъ остроумнѣйшимъ образомъ, для достиженія бо́льшей ясности, другія буквы, чѣмъ тѣ, которыя изобрѣтены Кирилломъ философомъ". Далѣе Шафарикъ показалъ, что глаголица новая азбука, что ея изобрѣтатель былъ, очевидно, знатокомъ восточныхъ языковъ и алфавитовъ (Константинъ зналъ по арабски, еврейски, самаритански и хазарски), что глагольскіе кодексы св. писанія представляютъ древнѣйшія формы языка и оригинальнѣйшія рецензіи текста и по древности и распространенію стоятъ на одной линіи съ кирилловскими. Часто находятся кирилловскіе палимпсесты на глагольской подкладкѣ, но никогда не попадались палимпсесты, гдѣ-бы на стертомъ кирилловскомъ письмѣ было написано глагольскимъ алфавитомъ. Древнѣйшіе кирилловскіе кодексы рѣдко свободны отъ глагольскихъ слѣдовъ. Глаголица примитивнѣе, труднѣе, старѣе; кириллица — развитѣе, яснѣе, моложе. Въ кирилловскомъ алфавитѣ знаки тѣхъ звуковъ, которыхъ нѣтъ въ греческомъ, заимствованы изъ глаголицы.

Ко взгляду Шафарика присоединились Григоровичъ, Миклошичъ, Рачки и др. Только въ Россіи его комбинаціи встрѣтили отпоръ. Въ особенности Гильфердингъ, считавшій кириллицу лучшимъ средствомъ для сліянія всего славян-

[7]) P. J. Šafařík, Pohled na prvověk hlah. písemnictví (Čas. česk. musea 1852. Sebr. spisy III 199). Památky hlah. písemnictví. V Praze 1853. Glagolitische Fragmente. Prag 1857. Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Prag 1858.

скаго міра, изо всѣхъ силъ оспаривалъ мнѣніе Шафарика. Срезневскій, лучшій знатокъ славянской палеографіи, издавая въ 1866 году собраніе глаголическихъ памятниковъ, оставилъ вопросъ нерѣшеннымъ съ замѣчаніемъ, что аргументы Шафарика, Миклошича и др. на столько остроумны, на сколько поспѣшны и неестественны. Но въ 1869 году онъ выставилъ положеніе, что кирилловскіе формы скопированы съ греческихъ письменъ VII или VIII вв., такъ что т. н. кириллица древнѣе самаго Кирилла [8]).

4) *Константинъ и Меѳодій.* Константинъ перевелъ евангеліе и апостолъ, псалтырь и нѣкоторыя литургическія книги, — все съ византійскихъ текстовъ. Вслѣдствіе недосмотровъ и незнанія его помощниковъ, не твердыхъ въ греческомъ языкѣ и не обладавшихъ начитанностью въ св. писаніи. вкрались въ переводъ ошибки, представляющія характеристическій признакъ древнѣйшихъ рукописей; многія греческія слова также остались безъ перевода [9]). Кромѣ этихъ переводовъ изъ подъ пера Константина вышли одно сочиненіе о правой вѣрѣ, одно „слово“ и нѣсколько молитвъ [10]).

Что касается трудовъ Меѳодія, то Іоаннъ Экзархъ приписываетъ ему переводъ, при участіи его брата, 60 „уставныхъ“ (каноническихъ) книгъ, слѣдовательно и ветхій завѣтъ безъ второзаконныхъ книгъ (Макавеевъ, Іюдиѳь и т. д.). Впрочемъ, эти переводы ветхозавѣтныхъ книгъ обращались долгое время въ разрозненномъ видѣ, пока архіе-

[8]) Срезневскій, Древніе глаголическіе памятники. Спб. 1866, со множествомъ снимковъ. (Книга вышла только въ 100 экз.). Ср. А. Котляревскій. Uspěchy slavistiky na Rusi. Čas. česk. musea 1874, 26.

[9]) Šafařik. Ursprung des Glag., 12, 29.

[10]) Написаніе о правѣй вѣрѣ, изд. Срезневскаго (Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ. Спб. 1867); Слово изд. Попова (Описаніе рукописей Хлудова. Москва 1872 года) и Срезневскаго (Извѣст. Акад. 121, 2. 145).

пископъ новгородскій Геннадій не распорядился въ 1499 году составленіемъ перваго библейскаго кодекса [11]). Меѳодій кромѣ того перевелъ *Номоканонъ* (стр. 528) и *Патерикъ* (краткія житія святыхъ), далѣе восемь рѣчей своего брата, сказанныхъ послѣднимъ въ Хазаріи въ защиту христіанства противъ іудейскихъ и магометанскихъ учителей [12]).

5) *Святые седмичисленники* [13]). По смерти Меѳодія (885 г.), ученики его, большею частью природные Паннонцы, бѣжали изъ Великой Моравіи въ Болгарію, нашли тамъ у Бориса дружественный пріемъ и продолжали свою апостольскую дѣятельность въ Македоніи. Болгарская церковь чтитъ ихъ, со включеніемъ солунскихъ учителей, подъ именемъ *святыхъ седмичисленниковъ* (сватіи седмопочетни, седмочисленници, οἱ ἅγιοι ἑπτάριθμοι). Сюда причисляли, кромѣ Кирилла и Меѳодія, *Климента, Горазда, Наума, Ангелара* и *Саву*. Воспоминанія о нихъ встрѣчаются еще повсюду въ окрестностяхъ Охридскаго и Преспинскаго озеръ — образа, статуи и церкви. Почитаніе ихъ, впрочемъ, было

---

[11]) Буслаевъ, Историч. Христоматія церк.-слав. и древне-русскаго яз., Москва **1861, 174**.

[12]) Старѣйшіе старослав. памятники съ указаніемъ времени ихъ написанія относятся къ XI ст. Древнѣйшее датированное рукописное евангеліе, представляетъ кирилловская рукопись, написанная въ 1056 г. діакономъ Григоріемъ для Новгородскаго посадника Остромира. Древнѣе недатированная «Савина книга» (открыта Срезневскимъ, см. его Древніе слав. памятники юсоваго письма. Спб. 1868, гдѣ сообщено 33 древнѣйшихъ кирилл. памятниковъ болгарскаго класса). Немногимъ новѣе также изданный Рачкимъ (Загребъ 1865) глаголич. Ассеманіевъ сборникъ. Эти три рукописи содержатъ евангеліе, раздѣленное по зачаламъ. Изъ четвероевангелій имѣются древнѣйшія глаголич. рукописи (напр. Зографская, нынѣ въ Россіи). Оба евангелія боснійскихъ богомиловъ (около 1404 г.) списаны съ очень древнихъ текстовъ (Daničić, Starine III). Древнѣйшія дѣянія апостоловъ (XII ст.) найдены въ Македоніи, древнѣйшій псалтырь (XI ст.) — въ Россіи. Въ Болоньи хранится кирилл. псалтырь со многими глагол. вставками, написанный въ Равнѣ у Охриды въ 1230 — 1241 г. при Асѣнѣ II, завоевателѣ Македоніи, а отнюдь не при Асѣнѣ I, какъ обыкновенно думаютъ (стр. 336).

[13]) См. Шафарикъ, Разцвѣтъ слав. письменности въ Болгаріи.

распространено и въ другихъ мѣстахъ, такъ напримѣръ въ Родопѣ [14]).

Климентъ былъ посланъ Борисомъ въ западную Македонію (Кутмицивица), чтобы распространить христіанство изъ Охриды, Дѣвола и Главиницы и на эти полуязыческія земли. Царь Симеонъ предоставилъ ему Велицкую епископію. Климентъ умеръ 17-го іюля 916 года; его могилу можно еще и теперь видѣть въ Охридѣ. Онъ сочинялъ рѣчи на праздники цѣлаго года и хвалебныя слова въ честь нѣкоторыхъ святыхъ, между ними и въ честь своего учителя Константина. Сборникъ этихъ произведеній, отличныхъ по языку и слогу, еще не изданъ. Жизнь Климента изображена въ двухъ греческихъ легендахъ. Съ такою-же благодарностью вспоминаютъ *Наума*, который почилъ на берегу Охридскаго озера въ носящемъ его имя монастырѣ (стр. 60), и *Горазда*, наиболѣе выдающагося ученика Меѳодія, мужа отличнаго, свѣдущаго въ славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ.

Эти мужи были сотрудники славянскихъ апостоловъ не только въ распространеніи христіанской вѣры, но и при переводѣ св. писанія. Имъ слѣдуетъ приписать много старыхъ переводовъ греческихъ церковныхъ сочиненій, авторы которыхъ теперь забыты; имъ принадлежатъ, безъ сомнѣнія, аколютіи и въ особенности *жизнеописанія Константина и Меѳодія*, которымъ непритязательная простота и значительная оригинальность придаютъ особенную прелесть [15]). Къ древнѣйшимъ старословѣнскимъ переводамъ принадлежатъ рѣчи *Іоанна Златоуста*. Древній фрагментъ (кажется

[14]) У Дебрищицы, недалеко отъ Пещеры, находятся развалины церкви св. Седмипочетнихъ. Захаріевъ. 60.

[15]) Изд. Шафарикомъ, Pam. dřev. pisemn. Jiho-slovanův (Praha 1851, 1873). Миклошичемъ и Дюммлеромъ съ лат. переводомъ (Denkschr. W. Ak. XIX и Vita s. Methodii. Vind. 1871). Первольфомъ въ Fontes rer. boh. I.

изъ X в.) находится въ мартирологіонѣ написанномъ по латыни въ 809 г., хранящемся въ Райградскомъ (Raigern) монастырѣ въ Моравіи [16]). Нѣсколько рѣчей содержатъ въ себѣ Клоціева глаголица. 20 — кирилловская супральская рукопись (X—XI в.).

6) *Вѣкъ царя Симеона* (893—927). Могущественнымъ ревнителемъ старословѣнской литературы былъ великій царь Симеонъ (стр. 204), которому обязанъ своимъ происхожденіемъ сборникъ, состоящій изъ 135 рѣчей Іоанна Златоуста, подъ названіемъ *Златоструя*; сомнительно, впрочемъ, чтобы переводы принадлежали ему самому.

Кажется, древнѣйшимъ изъ писателей Симеонова цикла былъ *Константинъ*, ученикъ Меѳодія. Въ 894 году, будучи еще пресвитеромъ, онъ перевелъ по просьбѣ Наума *сборникъ словъ на всѣ воскресенья*. Молитва въ стихахъ, служащая предисловіемъ къ сборнику и прославляющая крещеніе Словѣнъ, представляетъ древнѣйшій памятникъ славянской поэзіи. Слова, за исключеніемъ одного оригинальнаго, переведены съ греческаго; переводъ сдѣланъ очень вольно и изложенъ яснымъ и прекраснымъ слогомъ. Къ концу приложена одна византійская всемірная хроника. Въ 906 году Константинъ уже въ санѣ епископа, неизвѣстно, однако, въ какомъ городѣ, перевелъ, по приказанію самаго Симеона, четыре слова св. Аѳанасія александрійскаго [17]).

Іоаннъ Экзархъ, личный другъ Симеона, перевелъ Догматику Іоанна Дамаскина, по желанію монаха Ѳеодора

16) Описанъ Бодянскимъ, Жур. Мин. Нар. Просв. XXIII, 1838 и Срезневскимъ. ib. XXXI, 1841.

17) До сихъ поръ изданы изъ нихъ только отрывки. Ср. Šaf. III. 179, Невоструевъ, Описаніе ркп. моск. син. библ. II. 2, 32 и 409. Jagić въ Starine V. 28. Стихи у Срезневскаго, Глаг. пам. 23.

Доксова, или Дукса, занимавшагося переписываніемъ рукописей въ Симеоновомъ монастырѣ на устьѣ Тичи. Наиболѣе прославившійся его трудъ, — это посвященный самому Симеону *Шестодневъ*, гдѣ, на основаніи гексамерона св. Василія, сочиненій Аристотеля, Іоанна Златоуста и др., изложена исторія сотворенія міра. Красота и богатство языка — вотъ черты этого труда, авторъ котораго мастерски владѣлъ греческимъ и славянскимъ языками. Кромѣ того извѣстны его-же четыре слова въ торжественные дни [18]).

Изъ остальныхъ писателей слѣдуетъ упомянуть монаха *Григорія*, который, какъ говорятъ, перевелъ, по приказанію Симеона, хронику сирійскаго ритора Іоанна антіохійскаго, прозваннаго Малалой (malêl по сирійски риторъ; жилъ въ 474 — 527 г.), и присоединилъ къ этому произведенію ветхозавѣтную исторію и сказаніе объ Александрѣ Великомъ. Этому же времени принадлежитъ также переводъ всемірной хроники монаха *Георгія Гамартола*, которая была въ средніе вѣка главнымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній. Современникомъ Симеона былъ также монахъ *Храбръ*, авторъ хотя краткаго, но важнаго сочиненія объ изобрѣтеніи словѣнской азбуки. Самое объемистое сочиненіе этого періода — это *Сборникъ Симеона*, энциклопедія тогдашней византійско-христіанской учености, въ которомъ содержатся богословскія, философскія, риторическія и историческія (Никифорова хроника до 920 года) сочиненія 20 греческихъ писателей. Имена сотрудниковъ, равно и ихъ число — неизвѣстны. Къ древнѣйшимъ болгарскимъ памятникамъ принадлежитъ также трактатъ „Чудо о

---

[18]) Іоаннъ Экзархъ былъ вновь открытъ Калайдовичемъ (Іоаннъ Экз. Москва 1824. fol.). Ср. Невоструевъ, Šafařik, Jagić (Historija književnosti naroda hrvatskoga ili srbskoga. I, 68). Шестодневъ перепечатанъ цѣликомъ въ Москвѣ Бодянскимъ, однако, по причинамъ, для насъ совершенно темнымъ, ни одинъ экземпляръ не былъ выпущенъ въ свѣтъ.

крестѣ и Болгаринѣ", неизвѣстный авторъ котораго самъ происходитъ изъ среды новокрещеннаго болгарскаго народа [19]).

Къ этому-же періоду относятся переводы твореній Кирилла Іерусалимскаго, Григорія Назіанскаго, Еврефа Сирина, Іоанна Климака и др., сохранившіеся въ старыхъ глаголическихъ и кирилловскихъ фрагментахъ: имена переводчиковъ неизвѣстны.

7) *Распространеніе старословѣнскаго языка.* Въ IX ст. переводъ церковныхъ книгъ распространился въ Паннoніи. Чехіи, Хорваціи и Болгаріи. Однако, послѣ того какъ славянскія государства Моравское и Паннонское были уничтожены Мадьярами, а въ Чехіи, послѣ долгой борьбы одержалъ верхъ латинскій обрядъ, славянская литургія укрывалась на югѣ у Болгаръ и уже отсюда была пересажена въ Сербію и Россію. На хорватскомъ побережьѣ она удержалась, хотя изолированная, и до настоящаго времени, не смотря на всякія преслѣдованія.

Древне-русская литература начало свое получила изъ Болгаріи, но развилась на этомъ основаніи гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ сама болгарская письменность. Послѣ крещенія князя Владимира (988) введена была въ Россіи славянская литургія. Также и сербская литература, которая возникла только со времени великаго жупана Немани и сына его, св. Савы, многое черпала изъ болгарскихъ книгъ. Центромъ литературныхъ сношеній между православными Славянами были Аѳонскіе монастыри.

---

[19]) Старослов. переводы Малалы и Гамартола еще не изданы. 2 тома критич. изданія Симеонова сборника Бодянскаго, плодъ 25-ти лѣтняго труда. скоро появятся въ свѣтъ. Сочиненіе Храбра издалъ Šafařik (Pam.). «Чудо о крестѣ и т. д.» Срезневскій, Древніе пам. русск. письма и языка. Спб. 1863. Jagić. Ein Beitrag zur serb. Annalistik (Archiv für slaw. Philologie II). доказываетъ. что произведеніе Григорія было скорѣе Палеей (ветхозавѣтная исторія), чѣмъ переводъ Малалы. Ib. о Гамартолѣ и о др. историч. книгахъ.

„Словѣнскій языкъ“ до самаго прошлаго столѣтія неоспоримо господствовалъ у Сербовъ, Русскихъ и Болгаръ, даже у неславянскаго народа — Румынъ, въ государствѣ и церкви. По древне-словѣнски не только служилась литургія и писались духовныя книги, но и акты, законы и лѣтописи. Народный языкъ одержалъ верхъ только послѣ продолжительной борьбы (напр. въ Сербіи). Понятно, что старословѣнскій языкъ не былъ свободенъ отъ вліянія домашняго нелитературнаго нарѣчія. Такъ возникли новые виды старословѣнскаго, — болгарскій, русскій и сербскій, съ которымъ въ близкомъ родствѣ глаголическо-хорватскій. Различія между ними касаются главнымъ образомъ фонетики и лексикона [20]).

8) *Православная литература 927—1186.* По смерти Симеона литература, вслѣдствіе домашнихъ неурядицъ, пришла въ упадокъ. При царѣ Петрѣ суровые отшельники полагали свою славу не въ составленіи полезныхъ книгъ, но въ постахъ, молитвахъ и въ удаленіи отъ всего міра. Послѣднимъ представителемъ сильнаго жизненнаго духа старой школы былъ *пресвитеръ Козьма*, который, по всей вѣроятности, жилъ во время царя Петра. Онъ написалъ нѣсколько пламенныхъ рѣчей, въ томъ числѣ нѣсколько излюбленныхъ долгое время словъ противъ богомиловъ [21]). Указывая, напримѣръ, Іоанна Экзарха и др. учителей, изъ которыхъ многіе еще были памятны, Козьма ратуетъ противъ лѣности своихъ современниковъ, предоставлявшихъ книги гніе-

[20]) Различія легко распознать. Болгаре очень часто смѣшиваютъ носовые знаки (ж, ѧ), такъ какъ они иногда произносили ихъ какъ ѣ. Русскіе писали ж въ значеніи *у* и употребляли ѧ вм. ꙗ. Сербы замѣняли ж, ѧ, ы, ъ буквами оу, е, и, ь. Буква ж, наз. *юсомъ*, есть вѣрный признакъ болгарскаго происхожденія рукописи.

[21]) Лучшее изданіе въ Каз. журн. «Православный Собесѣдникъ» 1864, апрѣль — августъ.

нію и червямъ, въ то время, когда народъ охотнѣе посѣщаетъ игры, чѣмъ церкви „съ гусльми и плесканіемъ и пѣсньми бѣсовскими", пьетъ вино и слушаетъ разсказы о сновидѣніяхъ и сказки.

Немного моложе Козьмы монахъ *Аѳанасій Іерусалимскій*, который въ „Словѣ о древѣ познанія добра и зла" своему пріятелю Панкѣ опровергаетъ всевозможныя богомильскія заблужденія о бракѣ, о христовомъ крестѣ, о Христѣ земледѣльцѣ и т. д. [22]).

По перенесеніи патріаршей столицы въ Преспу и Охриду (около 971 года), въ Македоніи, гдѣ прежде дѣйствовалъ Климентъ, по видимому, стали ревностно заботиться о старословѣнской литературѣ. Число глаголическихъ и кирилловскихъ рукописей, написанныхъ въ Македоніи въ XI — XIII столѣтіяхъ очень велико. Древняя глаголица была совершенно вытѣснена здѣсь кириллицой только въ XIII ст. Изъ совершенныхъ тогда въ этой странѣ переводовъ доселѣ извѣстенъ только одинъ. *Пресвитеръ Іоаннъ* перевелъ, по порученію Охридскаго архіепископа Іоанна (1019 сл., стр. 263), жизнеописаніе Антонія Великаго, сочиненное Аѳанасіемъ, и житіе св. Панкратія [23]).

9) *Литература богомиловъ; апокрифы.* Вскорѣ по крещеніи, Славянамъ доставлена была изъ Византіи цѣлая литература фантастическихъ апокрифовъ, масса псевдо-евангелій, апокалипсисовъ, завѣтовъ и сказаній. Безъ всякаго сомнѣнія, богомилы были ревностнѣйшими читателями и распространителями этихъ сочиненій. Но большинство этихъ книгъ гораздо старѣе болгарскаго богомильства и армян-

---

[22]) Изд. архим. Леонидомъ въ Моск. епарх. Вѣдом., Москва 1871. Ср. Голубинскій, 709. Аѳанасій писалъ также о громовой стрѣлѣ.

[23]) Поповъ, Опис. рукоп. Хлудова, 393. Šafařík III, 183. принялъ ошибочно этого архіеп. Іоанна за Іоанна Экзарха.

скаго павликіанства; очень многіе даже появились еще въ первые столѣтія нашего лѣтосчисленія у іудейскихъ и христіанскихъ сектъ на востокѣ. Въ греческомъ, славянскомъ и латинскомъ текстахъ эта замѣчательная литература наводнила всю Европу, весь христіанскій міръ и была переведена на всѣ языки. Мастерскою для южныхъ и западныхъ славянскихъ письменъ была Болгарія, гдѣ греческіе оригиналы этихъ еретическихъ книгъ переводились, оттуда онѣ уже шли къ Русскимъ, Сербамъ и чрезъ Боснію — къ Хорватамъ. Западнымъ Славянамъ, Чехамъ и Полякамъ, онѣ стали извѣстны по латинскимъ текстамъ.

Одинъ средневѣковый проповѣдникъ пишетъ (стр. 130): „много земель я обошелъ, но нигдѣ я не видѣлъ больше бродницъ (волшебницъ), самовилъ и магесницъ (колдуней), чѣмъ въ Болгаріи“. Долгое время были извѣстны только русскіе тексты, распространенные подъ именемъ *болгарскихъ басней*, потому что низшій классъ народа на Руси пробавлялся до прошлаго столѣтія чтеніемъ этихъ „ложныхъ и отреченныхъ книгъ“. Болгарскіе оригинальные тексты появились только въ послѣдніе годы [24]). Научное изслѣдованіе этихъ интересныхъ памятниковъ началось только недавно [25]).

Содержаніе апокрифовъ основано по большей части на библіи съ примѣсью образовъ восточной фантазіи. На-

[24]) Сборники Берлинскій (XIII в.) и Петербургскій (XVII в.) описаны Ягичемъ, Starine V; Бѣлковецкій кодексъ, найденный у Трнова, описанъ Славейковымъ, Бълг. Книжици 1859; Бѣлградскій сборникъ (XVIII в.) описанъ Новаковичемъ, Starine VI. Нѣкоторые кодексы XVI и послѣд. стол. у Григоровича и Дринова.

[25]) Н. С. Тихонравовъ, Памятники отреченной литер. Москва 1863 г. (2 т. текста). А. Н. Пыпинъ, Очеркъ лит. исторіи старѣйшихъ повѣстей русскихъ, Спб. 1857, затѣмъ много изданій въ Пам. стар. русск. лит., Спб. 1862 г., въ Лѣтоп. археограф. коммисіи 1861 г. I, въ Арх. Вѣстн. I. и т. д. Очень много текстовъ издалъ Срезневскій; между Югославянами первый знатокъ Ягичъ.

роду очень нравились эти написанныя простымъ слогомъ книжки, такъ какъ они давали ему болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ признанныя церковью книги св. писанія. Съ изумительными подробностями и поэтическимъ вдохновеніемъ въ нихъ разсказывалось о тайнахъ неба и ада, о сотвореніи міра, объ ужасахъ страшнаго суда, о жизни Спасителя и Божьей Матери. Какъ сильно должно было овладѣть умомъ простаго земледѣльца или даже воинственнаго болярина описаніе послѣднихъ дней свѣта въ „вопросахъ св. Іоанна Богослова"! Оттуда онъ вычитывалъ, что прійдетъ антихристъ съ волосами острыми какъ стрѣлы, а глазами блестящими какъ денница, и пальцами подобными серпамъ. Послѣ уничтоженія антихриста наступитъ величавое воскресеніе мертвыхъ. Тогда загорится вся земля съ горами, лѣсами, животными: вѣтры будутъ дуть со всѣхъ четырехъ странъ свѣта и разнесутъ всю пыль, земля будетъ бѣла и чиста подобно пергаментному листу, безъ горъ и долинъ, какъ бѣлый столъ. Тогда появится Сынъ Божій и откроетъ страшный судъ. Другой примѣръ: въ „бесѣдѣ трехъ святителей" разсказывается, что Богъ создалъ солнце изъ своей слезы, небо и землю изъ водяной пѣны, что земля плаваетъ на неизмѣримыхъ водахъ; воды эти стоятъ на плоской скалѣ на четырехъ золотыхъ китахъ, киты на огненной рѣкѣ, а это пламя на желѣзномъ дубѣ, коренящимся въ Божіей власти [26]).

Народная фантазія усвоила себѣ эти пышные матеріалы и переработала ихъ въ сказанія и пѣсни, которыя можно слышать доселѣ. Церковь преслѣдовала только сочиненія явно богомильскія и еретическія. Книги-же, гдѣ содержаніе св. писанія было только разукрашено, оставлены въ покоѣ.

---

[26]) О разговорѣ трехъ святителей въ провансальской литературѣ см. **Ягича, Archiv I, 2 p. 335.**

Попъ *Іеремія*, или *Богомилъ*, современникъ царя Петра (927—968), основатель богомильства, играетъ роль также и въ исторіи литературы. Въ древнихъ Номоканонахъ читаемъ о немъ, что онъ былъ въ „навѣхъ на верзіуловѣ колѣ“, что значитъ по Пыпину: онъ былъ въ аду посаженъ на колъ Вельзевуловъ: православные считали его также за чародѣя, влкодлака (стр. 130). Онъ составилъ сборникъ апокрифовъ въ шести книгахъ, — все переводы съ греческаго. „*Слово о древѣ крестнѣмъ и извѣщеніе Св. Тройцы*“, извѣстное также въ древне-италіянской литературѣ, содержитъ исторію трехъ деревъ отъ Мойсея до Христа. Въ дальнѣйшихъ трактатахъ также говорится о *трясовицахъ*, 12 Иродовыхъ дочеряхъ (къ этому приложены заклинанія противъ *нежитовъ*, злыхъ духовъ). Затѣмъ разсказывается, какъ Христосъ *въ попы ставленъ*, какъ Христосъ *плугомъ оралъ*, какъ царь Пробъ Христа назвалъ своимъ другомъ (намеки на святость южно-славянскаго побратимства) и *изъ сколькихъ частей сотворенъ Адамъ* [27]).

Главною книгою богомиловъ были *вопросы св. Іоанна Богослова*, которые онъ сдѣлалъ Господу на горѣ Ѳаворѣ. Въ ней заключается вся космогонія съ описаніемъ конца свѣта. Будучи перенесена отъ Грековъ въ Болгарію, она перешла оттуда къ Русскимъ и Сербамъ и въ латинскомъ переводѣ къ Италіянцамъ и Французамъ. Изъ Болгаріи на западъ ее принесъ (около 1170 года) Назарій, епископъ верхнеиталіянскихъ патареновъ; можетъ быть, онъ-же перевелъ ее на латинскій языкъ [28]).

[27]) Полное собраніе Іеремієвыхъ трудовъ находится въ болгарскихъ сборникахъ, берлинскомъ и петербургскомъ, также въ хорватскомъ 1468 г.; въ Россіи только неполное. Изданы Пыпинымъ, Тихонравовымъ, Костомаровымъ и Ягичемъ (Archiv IX, Starine V, 79; ср. Hist. knjiz. 82). Ср. Пыпина, Обзоръ слав. литер. 72. Račkі, Rad VII и Голубинскій 155.

[28]) Латинская рукопись хранилась въ Конкоррецо (Concorrezo) у Монцы, гдѣ было патаренское епископство. Въ настоящее время она находится

Другіе апокрифы, приписываемые св. Іоанну. — *Вопросы объ Адамѣ и Авраамѣ на масличной горѣ* и *Слово о смерти Богородицы.* Большимъ авторитетомъ у богомиловъ пользовалось кромѣ того старинное, извѣстное уже гностикамъ и манихеямъ *Видѣніе Исаіи,* въ составленіи котораго, какъ говорятъ, участвовалъ одинъ Іудей временъ Нерона. Самымъ любимымъ до послѣдняго времени апокрифомъ было *Хожденіе Богородицы по мукамъ* (ἀποκάλυψις τῆς ὑπεραγίου Θεοτόκου περὶ τῶν κολάσεων), такъ какъ богобоязненнымъ среднимъ вѣкамъ необыкновенно нравились странствованія по аду и описанія адскихъ мукъ. Важны вставки о языческихъ Славянахъ (стр. 94, 127). Содержаніе многихъ южнославянскихъ народныхъ пѣсенъ заимствовано изъ этой легенды. Изъ болѣе мелкихъ апокрифовъ назовемъ: *Вопросы и отвѣты трехъ святыхъ* Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и Василія Кесарійскаго; *Описаніе образа Христа и Божіей Матери; Исторію христіанки,* которая обратила своего мужа язычника; книгу *Меѳодія Патарскаго объ Адамѣ*; разсказъ о *12 пятницахъ,* извѣстный также сербскимъ народнымъ сказкамъ; исторію о *Даніилѣ, Самсонѣ и дѣтствѣ Христа;* очень распространенный разсказъ о *злыхъ женахъ,* который уже попадается въ Симеоновскомъ сборникѣ, и т. д. Бо́льшая часть изъ нихъ была хорошо знакома всѣмъ южнымъ и восточнымъ Славянамъ отъ Истріи до Солуня и Новгорода.

Изъ Болгаріи пришли также русскія повѣсти о *Соломонѣ* и о *Соломонѣ и Китоврасѣ* (κένταυρος). Не выяснено, были-ли *волшебныя книги* (Громовникъ, Трепетникъ, Коляд-

въ прежнемъ архивѣ инквизиціи въ Каркасонѣ. По латыни издана Benoist'омъ. Hist. des Albigeois I. 283. Thilo, Cod. apocr. N. T. 884: старосл. у Ягича (Starine V), Срезневскаго. Пам. юс. пис. 406, А. Попова. Опис. рук. Хлудова 339; русскій текстъ у Тихонравова.

никъ и т. д.) богомильскаго происхожденія: онѣ также были переведены съ греческаго на Балканскомъ полуостровѣ и оттуда перенесены въ Россію [29]).

10) *Греко-восточные разсказы.* Подобною-же популярностью, какъ религіозные апокрифы, пользовались также многочисленныя повѣсти и сказки греческаго, арабскаго и индійскаго происхожденія, сдѣлавшіяся извѣстными Славянамъ при посредствѣ болгарскихъ переводовъ.

Одною изъ любимѣйшихъ средневѣковыхъ повѣстей была *Александра Македонскаго житіе и повѣсть.* Всѣ романскія, германскія и славянскія біографіи Александра имѣли свой единственный источникъ въ книгѣ Псевдо-Калисѳена. Латинскій переводъ Льва Константинопольскаго (X в.) служилъ образцомъ французскимъ, нѣмецкимъ, латинскимъ, испанскимъ, чешскимъ и польскимъ исторіямъ Александра въ стихахъ и прозѣ. Древне-словѣнскій переводъ очень старъ. Вставленное въ хронику Малалы (стр. 554) сказаніе объ Александрѣ еще не издано; мы знаемъ только одну болгарскую исторію Александра, написанную въ Молдавіи въ 1562 г. Изъ Болгаріи повѣсть объ Александрѣ перешла въ Сербію, а оттуда, съ одной стороны, около XV стол. въ Россію, съ другой — на Адріатическое побережье, гдѣ она была переработана на тамошнемъ нарѣчіи. Благодаря именно вліянію литературы имя Александра В. также популярно въ Болгаріи, какъ имя краля Марка [30]).

[29]) Нѣкоторыя болг. въ Бѣлковецкомъ сборникѣ. Между книгами монастыря въ Родостѣ упоминается въ 1077 г. Σεισμοβροντολόγιον (Громовникъ?) Sathas, Bibl. graeca I. 50. Βροντολόγιον καὶ σεισμολόγιον упоминаетъ также Const. Porphyrogennetus de caerem. aulae, ed. Bonn. II. 524.

[30]) Сербск. текстъ изд. Ягичемъ, Starine III, съ историко-литер. введеніемъ; тамъ-же (V) онъ описалъ болг. сборн. «Александрія», переведенная съ греческаго въ 1844 году учителемъ Х. П. Васильевымъ въ Карловѣ, на Балканѣ, въ числѣ другихъ жизнеописаній Александра В., служитъ въ Болгаріи очень любимою книгою для легкаго чтенія.

Не менѣе была извѣстна *Троянская повѣсть* (о кралехъ прича). Переводъ Малалы содержитъ текстъ, почерпнутый изъ Псевдо-Диктиса. Другой разсказъ находится въ переводѣ Манассійной хроники. Формы Прѣямушъ (Priamus), Ипитеръ (Jupiter), дишкордія (discordia), такъ-же какъ и мадьярское *русагъ* (orszag, царство), бывшее въ ходу также въ Хорваціи и Босніи, указываютъ на латинскій, занесенный съ запада оригиналъ, — совершенно единичный случай въ исторіи болгарской литературы. Найденъ также хорватскій текстъ, написанный въ XIV ст. глаголицею. Русская Троянская повѣсть заимствована изъ Болгаріи [31]).

Съ греческихъ переработокъ Болгаре перевели двѣ, по происхожденію индійскія книги, распространенныя въ литературахъ средневѣковыхъ народовъ, именно сказки *Панчатантры*, подъ названіемъ „Стефанитъ и Ихнилатъ", съ греческаго перевода, сдѣланнаго Іудеемъ Симеономъ Сетомъ около 1080 г. (Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης), и византійскій духовный романъ *Варлаамъ и Іосафатъ*, который переработанъ изъ біографіи Будды въ Лалитѣ-Вистарѣ. Сербы и Русскіе очень рано узнали ихъ по болгарскимъ текстамъ. Точно также очень любимый въ Россіи разсказъ *о царѣ Синагрипѣ* или о *его министрѣ Акирѣ*, передѣлка изъ тысячи и одной ночи, сталъ извѣстенъ Славянамъ чрезъ болгарскихъ переводчиковъ [32]).

---

[31]) Болгарская издана Миклошичемъ, Starine III, хорватская—Ягичемъ, Arkiv IX, русская — Пыпинымъ, Очеркъ литерат. исторіи повѣстей русскихъ 55, 306.

[32]) Сербск. Стефанитъ съ болг. варіантами опубликовалъ Daničić, Starine II. Болг. сборники Варлаама (еще не изд.) въ Рыльскомъ монастырѣ и въ монастырѣ Кицканы на нижнемъ Днѣстрѣ. Предположеніе Пыпина о болгарскомъ происхожденіи русск. Синагрипа подтверждается Бѣлковецкимъ сборникомъ. Чешск. Варлаамъ (XIV в.) и «Kalila va Dimna» (= Стефанитъ; Прага 1528) переведены съ латинскаго.

Эти духовныя и свѣтскія повѣсти составляли духовную пищу православныхъ Славянъ въ средніе вѣка и притомъ не только высшихъ классовъ, но прежде всего простаго народа. Въ Болгаріи и Россіи вліяніе апокрифовъ исчезаетъ только въ настоящемъ столѣтіи. Ихъ содержаніе до такой степени было усвоено народомъ, что многіе изъ нихъ, переработанные соотвѣтственно народному вкусу, смѣшались съ отечественными пѣснями и сказками. Здѣсь еще довольно матеріала для научныхъ изслѣдованій, какъ въ старыхъ рукописяхъ, такъ и въ живыхъ еще сказаніяхъ и пѣсняхъ.

11) *Литература трновскаго царства (1186 — 1398).* Возстановленіе болгарскаго царства, конечно, имѣло нѣкоторое вліяніе и на литературу. Языкъ потерпѣлъ въ этотъ періодъ большія перемѣны. Повсюду вторгаются въ „словѣнскій“ письменный языкъ особенности народнаго нарѣчія. Въ XIV стол. спорадически появляется также членъ (стр. 141). Вслѣдствіе ошибочнаго употребленія юсовъ, которые большею частью произносились какъ ъ, возникаютъ невыразимыя комбинаціи. Къ этому присоединяются явные грецизмы.

Точную картину того, что читали образованные Болгаре, даютъ т. н. *сборники*, содержащіе въ себѣ рядомъ съ отрывками богословскаго содержанія, многочисленные апокрифы, сказки, чудеса, легенды и статьи свѣтскаго содержанія. Переводы съ греческаго не прекращались. Въ 1211 г. царь Борилъ повелѣлъ перевести законникъ противъ богомиловъ [33]). Философія неоплатониковъ получила доступъ съ переводомъ Діонисія Ареопагита, совершенномъ монахомъ Исаіей въ 1371 г. (стр. 431). Оригинальными трудами были службы

[33]) С. Палаузовъ, Синодикъ царя Бориса, Временникъ Имп. общества исторіи и древн. росс. XXI. Москва 1855. Полнаго изданія еще нѣтъ. Новую рукопись нашелъ въ этомъ году М. Дриновъ.

національнымъ святымъ и легенды о нихъ, напр. объ Іоаннѣ Рыльскомъ, царѣ Петрѣ и т. д. Рано начался обмѣнъ легендами съ Русскими и Сербами; одинъ болгарскій синаксаръ 1330 г. содержитъ уже въ себѣ жизнеописанія Бориса и Глѣба, княгини Ольги и т. д.

Наше вниманіе приковываетъ къ себѣ прежде всего *историческая литература.* Болгарскія лѣтописи еще неизвѣстны; однако, что таковыя были, — объ этомъ имѣются ясныя свидѣтельства, и мы надѣемся, что какая нибудь рукопись спаслась отъ вандализма Турокъ и фанаріотовъ. Царь Калоянъ сообщилъ папѣ, что онъ изслѣдовалъ старыя отечественныя книги, равно и законы своихъ предшественниковъ и нашелъ тамъ, что Симеонъ, Петръ и Самуилъ получили корону изъ Рима [34]). Въ болгарскомъ Номоканонѣ митрополичьей библіотеки въ Бухарестѣ Григоровичъ читалъ статью о лжеучителяхъ, гдѣ между прочимъ говорится: „кождо рече, якоже рече Іоаннъ Асѣнь царь, иже въ лѣтописци написано“ [35]). Лѣтописецъ Паисій (1762) ссылается на *трновскую лѣтопись* [36]). Впрочемъ, мы все-таки имѣемъ нѣсколько статей и фрагментовъ историческаго содержанія, а именно: извѣстіе объ *основаніи болгарскаго патріархата* 1235 г., *помениκъ* умершихъ царей, царицъ, патріарховъ, епископовъ и боляръ, *обзоръ народовъ*

---

[34]) Калоянъ пишетъ въ 1202 г. папѣ, что Петръ и Самуилъ получили корону изъ Рима, «sicut in libris nostris invenimus esse scriptum», послѣ чего папа поручилъ своему легату «tam per libros veteres, quam alia documenta inquirere diligentius veritatem». Калоянъ снова пишетъ въ 1204 г.: «inquisivi antiquorum nostrorum scripturas et libros et beatae memoriae imperatorum nostrorum praedecessorum leges».

[35]) Григоровичъ, О Сербіи, приложеніе стр. 2.

[36]) Такъ называемыя хроники въ библіотекѣ англійскаго путешественника Robert'a Curzon'a (нынѣ—лорда Zouch), по сообщенію проф. Вратислава, ничто иное, какъ два евангелія: одно съ изображеніемъ царя Іоанна и его семейства, другое написано для Стефана Душана. Ср. мою статью: Altslavische Handschriften in England. Jagić, Archiv III (1878) 121 — 133.

и языковъ, гдѣ народы сравнены съ животными (относится приблизительно къ началу XIII стол.), присоединенный сюда *обзоръ языковъ и писаній* и найденный Захаріевымъ пергаментный листъ изъ хроники, гдѣ идетъ рѣчь о монастырѣ Лъвъка въ Родопѣ [37]).

Кромѣ того, въ Болгаріи возникли двѣ большія компиляціи всемірныхъ хроникъ, которыя нашли пріемъ также въ Россіи и Сербіи. Первая рецензія *лѣтописца эллинскаго и римскаго* (до 963 г.) составлена изъ переводовъ Малалы, Гамартола, сказанія объ Александрѣ В., библіи и нѣкоторыхъ апокрифовъ; здѣсь-же встрѣчается много разъ упомянутый перечень болгарскихъ царей (стр. 156). Вторая рецензія, при обработкѣ которой пользовались, кромѣ Византійцевъ, еще русскимъ Несторомъ, доводитъ событія до 1204 г. *Хронографъ, еже есть лѣтописецъ*, заканчивающійся паденіемъ Константинополя 1453 г., нашелъ такой радушный пріемъ въ Россіи, что выдержалъ тамъ еще три новыхъ редакціи (впервые въ 1512 году). Авторы его знали Нестора, Доментіана, Цамблака, Константина Костенецкаго и др. славянскихъ писатей. О болгарской исторіи, о Борисѣ, Симеонѣ, Самуилѣ, богомилахъ, Калоянѣ, Асѣнѣ II и т. д. хронографъ не сообщаетъ ничего новаго [38]).

[37]) Извѣстіе о патріархатѣ у Палаузова, l. c., затѣмъ у Раковскаго, Асѣнь, 50; оно находится въ Синодикѣ Борила и въ одномъ македонскомъ сборникѣ изъ библіотеки старика Гаджи Іордана Константинова въ Велесѣ, въ которой содержится множество не изслѣдованныхъ, по большей части, богомильскихъ рукописей; я надѣюсь, что эти сокровища будутъ перенесены въ скоромъ времени въ безопасное мѣсто. Въ Поменикѣ при Синодикѣ — пробѣлъ отъ Константина до Александра; второй, еще неизданный Поменикъ съ именами царей, царицъ и патріарховъ болгарскихъ, нашелъ въ Боянѣ Григоровичъ, Очеркъ пут., 189; третій, къ сожалѣнію, точно также неполный, открылъ въ 1875 году Дриновъ. Списокъ народовъ изданъ Шафарикомъ II, 732. (Рукописи въ Карловцахъ, у Григоровича, Дринова; также въ Бѣловецкомъ сборникѣ).

[38]) Поповъ, Обзоръ хронографовъ русской редакціи. Москва 1866—69.

Новый періодъ исторіи литературы настадъ со вступленіемъ на престолъ царя Іоанна Александра (1331—1365), ревностнаго любителя книгъ. По его повелѣнію была переведена на старословѣнскій языкъ хроника *Константина Манассія* (до 1078 г.). Подлинникъ написанъ стихами, переводъ сдѣланъ очень искусно прозою. Эта работа сохранилась въ двухъ рукописяхъ, изъ которыхъ одна (въ Москвѣ) написана въ 1345 г. для самаго Александра, другая (въ Ватиканѣ) списана во второй половинѣ XIV ст. и украшена 70 раскрашенными картинами, изображающими, между прочимъ, войны Крума, Симеона, Самуила и семейство Александра. Многочисленныя вставки переводчика заимствованы, кажется, скорѣе изъ греческихъ произведеній, чѣмъ изъ отечественныхъ лѣтописей. Этотъ старословѣнскій переводъ былъ переработанъ по румынски въ 1620 г. монахомъ Михаиломъ Моксой для епископа Өеофила Рымникскаго и снабженъ добавленіями изъ болгарскихъ, сербскихъ и румынскихъ лѣтописей [39].

12) ***Евөимій и его школа.*** При Александрѣ дѣйствовалъ упомянутый выше *Өеодосій Трновскій* (стр. 410), реформаторъ церковной дисциплины, дѣятельность котораго оставила надолго слѣды и въ области литературы. Онъ перевелъ „Главы зѣло полезны“ Григорія Синаиты. Изъ его учениковъ, которыхъ онъ собиралъ вокругъ себя въ своемъ скитѣ въ Килифаревѣ, получили особое значеніе Діонисій и Евөимій.

2 тома. Его-же Сборникъ слав. и русск. сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русск. редакціи, Москва 1869. Ср. рецензію Рачкаго въ Rad. XIII.

[39]) Чертковъ, О переводѣ Манассиной лѣтописи. Москва 1842. Рачки. Ocjena izvora za hrvatsku i srbsku poviest. Zagreb 1864. 156. Дриновъ. Період. Списание II. Билярски. О среднеболгарскомъ вокализмѣ. Спб. 1858 г. Jagić, Ein Beitrag zur serb. Analistik (Archiv für slav. Philologie II). Изъ миніатюровъ Ватик. кодекса опубликованы только пять. О румынской хроникѣ Моксы см. у Григоровича, О Сербіи, гдѣ перепечатаны добавленія.

Іеромонахъ *Діонисій* зналъ св. писаніе по гречески и по славянски почти наизусть. Изъ работъ его мы знаемъ только плавный и удачный переводъ Маргарита Іоанна Златоуста [40]).

Знаменитъ былъ *Евѳимій*, образъ котораго только недавно сталъ ясно выступать изъ мрака древне-болгарской исторіи. Онъ также былъ ученикъ Григорія Синаиты. Позже онъ присоединился къ Ѳеодосію и сопровождалъ его во всѣхъ путешествіяхъ. По смерти своего учителя, онъ отправился въ Константинополь, въ монастырь св. Іоанна Студитскаго, затѣмъ на Аѳонъ, въ мон. Лавру, гдѣ императоръ Іоаннъ, возвратясь изъ Италіи въ 1370 г. безъ средствъ (стр. 430), пытался у него, какъ у богатѣйшаго монаха, вынудить денегъ. Евѳимій пробылъ еще потомъ нѣкоторое время на островѣ Лемносѣ, возвратился въ отечество и занялся въ „Перѣ" у Трнова пересмотромъ старо-словѣнскаго текста св. писанія и богослужебныхъ книгъ [41]). Когда онъ поставленъ былъ около 1375 г. въ патріархи, вокругъ него собралась новая литературная школа изъ Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ. Въ своихъ стремленіяхъ онъ нашелъ поддержку въ царѣ Шишманѣ, который, подобно своему отцу, былъ любителемъ книгъ. Труды Евѳимія, числомъ 18, по большей части житія отечественныхъ святыхъ и окружныя посланія къ тогдашнимъ церковнымъ начальникамъ, заслуживаютъ, ради заключающагося въ нихъ исто-

[40]) Рукоп. 1469 г. въ Загребѣ. Starine I, 52. О «главахъ зѣло полезныхъ» см. арх. Леонида. Изъ исторіи югослав. монашества XIV ст. Москва 1871 г., стр. 7.

[41]) Первые слѣды пересмотра относятся къ 1374 г., когда сербская Тріодь съ Типикономъ и Октоихомъ были списаны съ извода новога бугарскога езика» (Jagić, Hist. knjiz. 161). Одно пересмотрѣнное евангеліе списано въ 1383 г. (Šaf., Urspr. des Glag. 21). Апостолъ и Псалтырь съ этого времени также совпадаютъ съ оригиналомъ.

рическаго матеріала, полнаго критическаго изданія. Скоро, однако, потухла эта новая литературная жизнь подъ грудами разрушенныхъ городовъ и монастырей. Смерть Евѳимія уже нами прежде описана (стр. 451). Евѳимія почитала церковь въ своихъ легендахъ, царя-же Шишмана — народъ въ пѣсняхъ [42]).

Изъ круга учениковъ Евѳимія вышелъ, по всей вѣроятности, *Іоасафъ*, видинскій митрополитъ, который (послѣ 1393 года) составилъ житіе св. Филоѳеи Трновской. Другомъ-ученикомъ Евѳимія былъ ученый и благочестивый Кипріанъ (┼ 1406), возстановитель наукъ въ Россіи, съ 1379 г. кіевскій митрополитъ (стр. 413).

Первое мѣсто между учениками Евѳимія занимаетъ *Григорій Цамблакъ*, природный Трновецъ [43]). Онъ жилъ на Аѳонѣ, былъ потомъ игуменомъ сербскаго Дечанскаго монастыря, позднѣе въ монастырѣ св. Пандократора (Нямцъ) въ Молдавіи, откуда онъ прибылъ въ Россію, по приглашенію Кипріяна. Литовскій великій князь Витольдъ порвалъ церковную связь между Москвою и Кіевомъ и повелѣлъ въ 1415 г., русскимъ епископамъ посвятить Цамблака собственною властью въ кіевскіе митрополиты, что навлекло на Цамблака анаѳему константинопольскаго патріарха. За

---

[42]) Житія св. Іоанна Рыльскаго (напеч. въ Кіевѣ въ 1671 г., въ Бѣлградѣ 1836 и 1870, критич. изданіе Новаковича въ Гласникѣ 22), св. Петки (изд. Новаковичъ Starine IX), св. Филоѳеи Трновской, епископа Іларіона Могленскаго (изд. Даничича, Starine I) и Ѳеодосія Трновскаго. Неизданы также окружныя посланія къ монаху Кипріану на Аѳонѣ, къ рум. монаху Никодиму и митропол. Анѳиму северинскому. Похвальное слово Константину и Еленѣ, составленное по желанію царя Шишмана, — въ Трудахъ кіевской акад., окт. 1870. Кромѣ того, Евѳимію принадлежатъ Зографскій проскомидіи (изд. въ Гласникѣ 25), похвальное слово св. Михаилу изъ Потуки и т. д.

[43]) Когда Кипріанъ, отправляясь для посвященія въ Византію, посѣтилъ въ Трновѣ Евѳимія, Цамблакъ, какъ онъ самъ говоритъ, былъ еще ребенкомъ.

свою склонность къ западной церкви онъ былъ также отлученъ въ Москвѣ. Въ 1418 г. онъ былъ посланъ Витольдомъ для переговоровъ объ уніи въ Констанцъ: онъ, впрочемъ, опоздалъ и умеръ въ 1419 г. Изъ его многочисленныхъ трудовъ слѣдуетъ упомянуть 24 духовныя рѣчи, похвальныя слова Евѳимію (стр. 450) и Кипріяну и житіе св. Ромила и короля Стефана Уроша III [44]).

Константинъ Философъ Костенскій или Костеньчскій, Болгаринъ изъ Костенца (у источниковъ Марицы) или (по мнѣнію Ягича) изъ Кюстендиля, нашелъ послѣ паденія царства убѣжище при дворѣ ученаго сербскаго князя Стефана Лазаревича. Его дѣятельность принадлежитъ собственно сербской литературѣ. Однако направленіе свое получилъ въ ученіи Евѳимія: учитель Константина Андроникъ былъ непосредственный ученикъ послѣдняго трновскаго патріарха. По требованію деспота Стефана, Константинъ составилъ свою *грамматику*, гдѣ встрѣчаются иногда очень ограниченные и дѣтскіе взгляды, полная теорія тѣхъ линій, точекъ и крючковъ, которою простое правописаніе было такъ извращено къ концу среднихъ вѣковъ. Происхожденіе словѣнскаго церковнаго и письменнаго языка было уже для Константина темно; онъ думаетъ, что Кириллъ Философъ и его товарищи переводили главнымъ образомъ на русскій языкъ, причемъ, однако, заимствовали слова изъ болгарскаго, сербскаго, хорватскаго, боснійскаго и чешскаго языковъ [45]). Гораздо лучшая работа его—это написанная имъ въ 1431 г. біографія Стефана Лазаревича (1389 — 1427), лучшее историческое сочиненіе древне-сербской литературы,

[44]) Жизнеописаніе короля Стевана Уроша III по болгарскому сборнику въ Arkiv'ѣ IV, по сербскому — въ Гласникѣ XI. Ср. Rački, Ocjena 167, 471.

[45]) Извлеченія Даничича въ Starine I.

полное подробностей: вѣроятно авторъ имѣлъ передъ собою лучшіе греческіе образцы [46]).

Хотя нельзя отказать Евѳимію и его ученикамъ въ ревностныхъ усиліяхъ къ обогащенію литературы, тѣмъ не менѣе нужно признать ихъ внутреннее достоинство ничтожнымъ. Ясности, энергіи и безъискуственности Іоанна Экзарха и монаха Храбра здѣсь нѣтъ и помину: здѣсь процвѣтаетъ византійская риторика. Самый языкъ (въ особенности въ отношеніи синтаксиса) испорченъ греческимъ вліяніемъ, неестественъ и трудно понимаемъ. Лучше всѣхъ писалъ еще самъ Евѳимій. Наборъ словъ и напыщенность Цамблака никѣмъ въ болгарской литературѣ не превзойдены. Въ грамматикѣ Константина встрѣчается очень много курьезовъ: также въ историческихъ его сочиненіяхъ языкъ иногда теменъ и искуственъ. Эта литература никогда не проникла въ народъ; ему былъ чуждъ ученый церковный языкъ съ его архаизмами и грецизмами.

Съ церковью и государствомъ погасла также и литература. Въ слѣдующія три столѣтія старыя рукописи стали добычею чужестранныхъ вандаловъ или домашнихъ червей и моли, а новыхъ мало прибавлялось.

---

[46]) Первое изданіе этой имѣвшей большой кругъ читателей, непещрявшейся многими вставками и внесенной въ русскіе хронографы книги, у Попова (Изборникъ, см. зам. 36) 92—130; второе — д-ра Янко Шафарика. Гласник 28 (1870), третье и лучшее — Ягича, Гласник 42 (1875), съ важнымъ предисловіемъ. Нѣкоторые отрывки у Григоровича, О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ соседнимъ державамъ (Казань 1859), представляютъ еще древнѣйшій и оригинальнѣйшій текстъ.

Глава XXVII.

Турецкое господство въ Болгаріи въ XVI — XVIII стол.

Болгарскія войницкія села въ Балканѣ, Средней-горѣ и Родопѣ. — Валашскіе торговые города, ихъ разцвѣтъ и паденіе.— Дубровчане. — Католики въ Болгаріи. — Охридская церковь. — Фанаріоты. — Тайныя соглашенія христіанскихъ державъ и архіепископъ Парчевичъ. — Австрійско-турецкія войны. — Гайдуки. — Татары, Албанцы и Цыганы.

Самый печальный и темный періодъ болгарской исторіи — время турецкаго господства съ конца XV столѣтія до начала національнаго возрожденія. Турки утвердились въ странѣ, города возникали и исчезали, греческій элементъ взялъ верхъ въ церкви и школѣ, а народный характеръ изъ воинственнаго обратился въ совершенно противоположный. Однако, извѣстія объ этомъ важномъ періодѣ, когда совершились столь многочисленныя и столь глубокія перемѣны, чрезвычайно скудны. Болгарія, находясь въ сердцѣ тогда столь могущественнаго османскаго царства и отрѣзанная отъ всего свѣта, осталась нетронутою тѣмъ великимъ движеніемъ, которое дало европейской цивилизаціи, начиная съ XV стол., новое направленіе. Иностранцы, за исключеніемъ дубровницкихъ купцовъ, не имѣли права путешествовать по Турціи. Турецкіе архивы еще доселѣ закрыты для научныхъ изслѣдованій, а домашнія извѣстія, относя-

щіяся къ этимъ тремъ столѣтіямъ, очень рѣдки. Историку часто приходится по необходимости, за неимѣніемъ другихъ источниковъ, прибѣгать къ сказаніямъ и пѣснямъ.

Земли древняго болгарскаго царства входили въ административный округъ *беглербега румелійскаго*, имѣвшаго свою резиденцію въ Софіи. Названіе ***Румили*** испорченное ***Романія***, какъ обыкновенно называли иностранцы византійскую имперію, означало въ турецкомъ періодѣ весь полуостровъ, кромѣ Босніи, ввѣренной особому беглербегу. Румелія была раздѣлена на 26 *санджаковъ* [1], которыми управляли санджакъ-беги. Могущественныя полунезависимыя семейства пашей наслѣдственно владѣли отдѣльными провинціями (напр. въ Скодрѣ, Скопіи, Татаръ-Пазарджикѣ), такъ какъ управленіе страною имѣло большей частью феодальный характеръ. Бóльшіе военные лены *(спагилики)* носили имя *сіаметъ*, меньшіе *тимаръ*. Въ XVII стол. насчитывали, напр., въ софійскомъ санджакѣ 337 сіаметліевъ и 174 тимаріотовъ; въ скопійскомъ — 20 сіаметліевъ и 344 тимаріота, въ киркилисскомъ только 1 сіаметлія и 18 тимаріотовъ; всего было въ Румеліи 1075 сіам. и 8194 тим. [2]). Многія христіанскія семейства, въ особенности въ Босніи, принявши исламъ, сдѣлались наслѣдственными спагіями. Десятина съ подвластныхъ деревень замѣняла собою военное жалованье. Кромѣ того, многія деревни, въ качествѣ *чифликовъ*, составляли собственность крупныхъ землевладѣльцевъ, которымъ

[1]) Санджаки были слѣдующіе: Виза, Кыркъ-Клисса, Силистрія, Никополь, Видинъ, Софія, Галлиполь. Салоникъ, Кюстендилъ, Скопье, Трикала, Негропонте съ Аѳинами, Морея, Навпактъ (Лепанто), Карлъ-или (Превеза), Янина, Дельвино, Авлона, Эльбассанъ, Скодра, Охрида, Призренъ, Вучитрнъ, Дукагинъ, Крушевацъ, Смедерево. На лѣвомъ берегу Турки владѣли до 1829 г. Браилою, Журжевомъ, Турнуломъ. Ср. Hadži Chalfa, Rumeli und Bosna, uebers. von Hammer, Wien 1812.

[2]) Статистика леновъ у Riccaut. Histoire de l'état présent de l'empire osman Amsterd. 1672, 611.

они уплачивали треть выручки. Въ новѣйшее время стремленія спагіевъ по большей части были направлены къ тому, чтобы обратить ихъ спагилики въ чифлики.

Магометане были привилегированнымъ классомъ населенія: христіане (райя) были всячески притѣсняемы. Они были стѣснены въ одеждѣ, не имѣли права строить церкви и колокола отъ нихъ были отобраны. Похищенія христіанскихъ дѣвицъ представляли, при господствѣ Турокъ до позднѣйшаго времени, самыя обыкновенныя явленія. Кромѣ *харача*, или поголовной подати, которую каждый, достигшій 14-ти лѣтняго возраста христіанинъ долженъ былъ ежегодно уплачивать: кромѣ десятины со всѣхъ произведеній и подати со скота, надъ христіанами тяготѣла еще барщина (кулукъ) на спагіевъ и всевозможныя произвольныя поборы пашей и санджакъ-беговъ. Ужаснѣе всего, однако, былъ каждые пять лѣтъ повторявшійся наборъ лучшихъ 10—12-ти лѣтнихъ мальчиковъ для корпуса янычаровъ. Города откупались отъ этого большою суммою денегъ. Только въ 1638 г., при Мурадѣ IV, была отмѣнена эта десятина на мальчиковъ [3]). Страшные дни переживали города и села, чрезъ которыя проходили турецкія войска. Недѣйствительность свидѣтельства христіанъ и частыя казни превращали правосудіе по истинѣ въ истязаніе людей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ обстоятельствахъ характеръ магометанъ сдѣлался заносчивымъ и гордымъ, между тѣмъ какъ христіане стали боязливыми и покорными.

Однако худшія времена настали для христіанъ только тогда, когда могущество Османовъ стало падать. Въ XVI стол., когда власть султановъ была на апогеѣ, въ Турціи

---

[3]) Zinkeisen, Gesch. d. osm. Reiches, III. 230. Старая прекрасная болгарская пѣсня о собиранін дѣтей для корпуса янычаръ издана Дриновымъ. Период. Списание, XII, 147.

были твердыя привилегіи и права, оживленная торговля, богатые города, цвѣтущіе промыслы, хорошія дороги и великолѣпныя строенія. Господствующій турецкій народъ не былъ тогда, конечно, столь дряхлымъ, выродившимся и испорченнымъ, какъ теперь. Церковная и общинная автономія христіанъ не была никогда нарушена.

Ясную картину этихъ временъ представляетъ „Канунъ-наме“ (законникъ) Румеліи, который приводитъ мельчайшія подробности касательно финансовъ, податей и пошлинъ, и при этомъ часто даетъ понятія о правовыхъ отношеніяхъ христіанъ къ мусульманамъ [4]). Въ разныхъ санджакахъ существовали разные законы, даже хлѣбныя мѣры не были вездѣ одинаковы. Точное изслѣдованіе когда-либо покажетъ, сколько изъ тогдашнихъ институтовъ было турецкихъ и сколько до-турецкихъ, средневѣковыхъ. Въ Трновѣ и Смедеревѣ магометанскій начальникъ назывался еще въ нынѣшнемъ столѣтіи *войвода*. Туземное христіанское дворянство исчезало медленно: долѣе всего жупаны, войводы, кнезове сохранились на западѣ, въ Герцеговинѣ [5]). Но и въ Болгаріи, какъ мы видѣли, еще въ XV в. и даже позднѣе были болярскія фамиліи.

Большую часть османскаго царства въ Европѣ занимали славянскія племена. Многіе Славяне проложили себѣ принятіемъ ислама дорогу къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Это были, впрочемъ, почти исключительно Босняки и Герцеговинцы, очень рѣдко — Болгаре. Въ XVI стол., въ особенности при извѣстномъ великомъ визирѣ *Могаммедѣ Соколовичѣ*, Герцеговинцѣ [6]), половина совѣта

[4]) Hammer, Des osm. Reiches Staatsverfassung und Staatsverwaltung. Wien 1815.

[5]) Новаковичъ, Српски поменицы (изъ Гласника 42). Бѣлградъ 1875, 21.

[6]) О частной жизни Соколовича († 1579) см. нашу статью: Václav Budovec z Budova v Cařihradě (чешскій путешественникъ). Časopis českého musea 1877, 431 и сл.

визирей состояла изъ Славянъ-магометанъ, которые занимали также повсюду должности беглербеговъ, капуданъ-пашей (адмираловъ) и губернаторовъ провинцій. Въ концѣ этого столѣтія наибольшее вліяніе на султана имѣли три великихъ визиря изъ Славянъ, между ними Болгаринъ *Мехмедъ*, человѣкъ низкаго происхожденія, родившійся гдѣ-то между Софіей и Косовомъ полемъ, прибывшій въ Константинополь рабомъ, гдѣ служилъ сначала султану брадобрѣемъ и постепенно возвысился до визирата [7]).

По свидѣтельству Павла Іовія (1531) и другихъ, почти весь корпусъ янычаровъ говорилъ по славянски. По словамъ Луиджи Бассано (1574), султанъ Селимъ II кромѣ турецкаго, зналъ и славянскій языкъ, которымъ онъ очень дорожилъ, такъ какъ имъ, какъ говоритъ Бассано, говорятъ многіе народы, какъ въ Далмаціи, Сербіи, Босніи, повсюду въ Албаніи, Ѳессаліи и Пелопоннезѣ, такъ и въ Болгаріи, Ѳракіи и въ Валахіи, далѣе на сѣверъ многочисленные Поляки, Русскіе, Чехи и Краинцы. Въ султанской канцеляріи многіе акты писались на славянскомъ языкѣ кирилловскимъ шрифтомъ (стр. 478). Не безъ основанія замѣчаетъ сербскій историкъ Міятовичъ, что тогдашняя Турція съ султанами, говорившими по сербски, съ сербскими визирями, пашами и янычарами была, казалось, на пути къ тому, чтобы стать магометанскимъ славянскимъ царствомъ [8]).

Отсюда понятно, почему Гансъ баронъ Унгнадъ, по инціативѣ котораго и при помощи Словенца Прима Трубера и многихъ другихъ изъ Истріи, Далмаціи и Бос-

---

[7]) Дриновъ, Период. Списание, II. 54.

[8]) Чедомилъ Міятовичъ, Пре триста година приг к изучавану извора за исторіју нашег народа, Гласник XXXVI: подробно изображается состояніе Славянъ полуострова въ XVI ст., на основаніи описаній путешествій и донесеній Венеціанцевъ.

ніи, были изданы въ Урахѣ у Тюбингена въ 1561—64 гг. протестантскія книги на словѣнскомъ и хорватскомъ языкѣ латинскимъ, кирилловскимъ и глагольскимъ шрифтомъ; понятно, почему онъ могъ питать большія надежды на распространеніе такимъ образомъ евангелическаго исповѣданія не только между Славянами Хорватіи, Босніи, Сербіи и Болгаріи, но и между Турками даже въ самомъ цареградскомъ дворѣ.

Въ XVI стол. сербскія книги печатались также въ Турціи, именно въ Скодрѣ, Бѣлградѣ, въ Грачаницкомъ монастырѣ на Косовомъ полѣ. Эти изданія составляютъ теперь большую библіографическую рѣдкость [9]). Изъ Болгаръ печатаніемъ тогда занимался только *Яковъ Крайковъ* изъ Софіи; вмѣстѣ съ Іеронимомъ Загуровичемъ изъ Каттаро онъ издалъ въ Венеціи въ 1569 году псалтырь, въ 1570 — молитвенникъ.

Интереснымъ явленіемъ этого періода были привилегированныя общины Болгаръ-христіанъ. Ихъ было нѣсколько классовъ, — *войници*, *мартолоси*, *сокольници* (дербенджіи). Ихъ поселенія сохранили извѣстную самостоятельность и поэтому въ новѣйшее время стали центрами новоболгарскаго движенія. Села войниковъ, которые были обязаны отправлять воинскую службу, пользовались за это большими преимуществами; по турецки назывались *войникъ-куралери* (села войниковъ), по болгарски и доселѣ *войнишки села*. Они находились въ возвышенныхъ долинахъ Балкана, Средней-горы

---

[9]) Шафарикъ о старослав. печатняхъ, Sebr. spisy III. 248—260 и Gesch. der südslaw. Literatur III. 249 — 296. Одну книгу, напечатанную въ 1539 г. въ Грачаницѣ, описалъ Новаковичъ, С археолошке изложбе у Кијеву, Бѣлградъ 1874. Въ статьѣ Stara štampanja za Bugare (Rad jugosl. akad. 37, 29—32) Новаковичъ показалъ, что Божидаръ Вуковичъ († 1 40), основатель сербской печати, печаталъ въ Венеціи также для Болгаръ Изданія Крайнова сербскія.

и Родопы. Значительнѣйшія изъ нихъ: Копривштица, Панагюриште, Котелъ, Жеравня, Градецъ, Ямболь, Сливенъ; далѣе Пѣшина, Бѣлово (стр. 421): сюда-же принадлежало село Копаре у Татаръ-Пазарджика, которому ввѣрены были султанскіе конскіе заводы. Другія, кажется, были у Киркилиссы и въ горной странѣ у Софіи.

Жители, которые подчинялись подъ извѣстными условіями жили независимо подъ управленіемъ своихъ *войводъ* или *князей*, не платили почти никакихъ податей, были свободны отъ всякихъ повинностей и имѣли право носить разноцвѣтные костюмы. Изъ году въ годъ выставляли они нѣсколько тысячъ людей, которые, не получая жалованья, частью вооруженные копьями и буздоганами конвоировали обозъ, копали шанцы, ухаживали за лошадьми, рубили дрова и исполняли другія работы, частью въ Константинополѣ смотрѣли султановыхъ лошадей.

Институтъ *войниклука* жилъ почти до 300 лѣтъ. Онъ былъ учрежденъ султаномъ Мурадомъ I (1362—1389), по совѣту румелійскаго беглербега Тимурташа [10]). Сербъ Михаилъ Константиновичъ, служившій въ 1455—63 гг. въ корпусѣ янычаровъ (стр. 435 и 472), пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „есть также нѣсколько свободныхъ христіанъ, которые никому ничего не платятъ, зато и не получаютъ никакого жалованья: они называются *войници*, услуживаютъ государю и, если нужно, ведутъ императорскихъ лошадей“ [11]). Ихъ привилегіи изложены въ „*Канунъ войниковъ*“ (въ Канунѣ Румильскомъ). Войникъ владѣлъ свободнымъ отъ налоговъ участкомъ земли, называемымъ *баштина*, не платилъ за себя

[10]) Hammer, Gesch. des osman. Reiches I. 182.

[11]) Михаилъ Константиновичъ, гл. XLV (польскій оригиналъ напечатанъ въ 1828 и 1857 г., старый чешскій переводъ въ 1565 и 1581 г., сербскій, д-ра Я. Шафарика, въ Гласникѣ XVIII).

ни харача, ни десятины, ни налоговъ на скотъ, и былъ изъятъ отъ всѣхъ „роботъ“. Если-же войникъ обработывалъ, кромѣ своей баштины, еще другой участокъ, то за это долженъ былъ уплачивать харачъ и поземельный налогъ: его стада были также обложены налогомъ, если превышали 100 овецъ. Его братья, сыновья и его родъ платилъ умѣренный харачъ. Главою войницкаго села былъ джерибаша или чарибаша, также войникъ, отправлявшій вмѣстѣ съ тѣмъ должность судьи и бравшій въ свою пользу штрафы и налоги на вино. Спагіи и санджакъ-беги не имѣли права вмѣшиваться въ дѣла войниковъ. Каждые три войника образовали группу, изъ которой ежегодно одинъ шелъ на службу, такъ что очередь до каждаго доходила только на третій годъ. Кромѣ настоящихъ войниковъ, были еще сверхкомплектные, которые не имѣли такихъ привилегій, но были подчинены спагіямъ.

Путешественникъ Дерншвамъ въ 1553 г. встрѣтилъ у Ниша отрядъ войниковъ, вооруженныхъ короткими копьями и марширововавшихъ въ Темешварскій лагерь. Герлахъ въ 1578 г. видѣлъ въ Константинополѣ нѣсколько тысячъ войниковъ, которые, сообразно ихъ обязанности, пришли въ апрѣлѣ, играя на свирѣляхъ и волынкахъ, и съ танцами и пѣснями прошли по городу, собирая при этомъ деньги: въ день св. Георгія они вывели торжественно лошадей султана и визирей на луга, гдѣ они смотрѣли за ними въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ и косили сѣно на зиму [12]). Хотя въ позднѣйшее время привилегіи войниковъ совершенно исчезли, однако до 1840 г., даже до недавняго времени, ежегодно нѣсколько сотень приходили въ столицу, подъ предводительствомъ своихъ чарибашей, пасти султанскихъ коней и

[12]) Hammer. Osm. Staatsverfassung I. 309, 407, 413, 495. Gerlach 54, 487.

косить сѣно. Одинъ изъ нихъ, отличающійся лисьимъ хвостомъ на своей шапкѣ, обыкновенно носилъ впереди нихъ, въ видѣ знамени, кусокъ краснаго сукна съ изображеніемъ полумѣсяца.

Копривштица (по турецки Авраталанъ), первѣйшее изъ войницкихъ селъ, расположено въ Средней-горѣ у источниковъ Топольницы, въ 10-ти часовомъ разстояніи отъ Филиппополя, среди высокихъ горъ [13]. Во времена стараго царства здѣсь разстилались только роскошные луга, а на мѣстѣ нынѣшняго городка стоялъ густой лѣсъ. Послѣ паденія царства пастухи описывали окрестнымъ болярамъ долину Копривштицы, какъ прекрасное мѣсто и вѣрное убѣжище, вслѣдствіе чего поселились тамъ многія семейства изъ Златицы, Филиппополя и другихъ городовъ. Между поселенцами была одна богатая болярка изъ села Рылы. Она отправилась къ султану въ Адріанополь (это было, слѣдовательно, до 1453 г.) и выпросила себѣ у него фирманъ, которымъ ей была передана власть надъ Копривштицей съ большими привилегіями, напр. постановлялось, чтобы никакой Турокъ не проѣзжалъ верхомъ по этому мѣсту. Въ этомъ фирманѣ Копривштица названа по турецки *Авраталанъ* (женское поле). Болярка слыла у согражданъ подъ именемъ султанки и потомство ея называлось Султанековцы. Форма правленія колоніи была аристократическая. Сказаніе говоритъ, что жители Копривштицы тогда, въ своихъ красныхъ одеждахъ, высокихъ колпакахъ, на роскошныхъ лошадяхъ и съ хорошимъ оружіемъ, пріобрѣли большой авторитетъ, но это темныя воспоминанія о староболгарскомъ болярскомъ времени. Войники Копривштицы ходили въ ря-

---

[13]) Прекрасное описаніе и исторію Копривштицы даетъ Христо В. Пуляковъ въ болг. журналѣ Български книжици. 1866, II. 2 2 266, III, 9–15. По поводу названія ср. стр. 135, прим. 6.

дахъ турецкой арміи до Офена и Вѣны. Дома главнымъ занятіемъ было скотоводство; они кочевали со своими стадами по всей Ѳракіи, носили оружіе, охотились и жили свободно, не платя большихъ налоговъ. Въ это время населеніе Копривштицы превосходило 10.000 душъ. Однако, сила фирмана падала, а произволъ чиновниковъ росъ, пока Балабанъ, герой, извѣстный между Турками по своей храбрости въ войнахъ съ Австрійцами, не выхлопоталъ своему родному городу новаго фирмана, который, должно быть, находится еще и теперь въ Копривштицѣ. Тамъ было постановлено, что Копривштица подчинена непосредственно султану, что она, за исключеніемъ взноса въ пользу константинопольской Фетхи Джаміи, свободна отъ всякихъ податей; что тамошніе начальники имѣютъ право носить особенныя шапки и что тамъ будетъ жить одинъ только турецкій чиновникъ, подчиненный тамошнимъ начальникамъ. Однако, филиппопольскимъ пашамъ удалось обратить въ ничто и этотъ фирманъ. Кирджалійскія смуты породили невыразимое бѣдствіе въ цвѣтущемъ горномъ городкѣ. Трижды (впервые въ 1793 г.) Копривштица предавалась пламени и обращалась въ пустыню. Правительству стоило большаго труда, обѣщаніемъ наградъ и угрозами, побудить жителей къ возстановленію поселенія. Теперь въ Копривштицѣ, которая извѣстна, какъ родина многихъ выдающихся болгарскихъ писателей, учителей и купцовъ, насчитываютъ до 1110 семействъ (вѣнчила).

Главное знамя (башъ-байрякъ) войниковъ Филиппопольской области развивалось въ городкѣ, называемомъ *Панагюриште* или *Панагюриште* (по турецки Отлукъ-кіой, луговое село) [14]), находящемся всего въ восьми часахъ къ

[14]) В. Чолаковъ, Описаніе на село Панагюрище, Константинополь 1866 (16°, 14 стр.) Захаріевъ, 39,79. Дриновъ, Болгарія наканунѣ ея погрома, Слав. сборникъ II. (Спб. 1877).

сѣверу отъ Татаръ-Пазарджика, у рѣки Луды-Яны, въ высокой долинѣ Средней-горы. По преданію, Могаммедъ II, послѣ завоеванія Константинополя, переселилъ изъ Ямболя 204 семейства въ это мѣсто, гдѣ издревле собиралась ярмарка (панагиръ, πανήγυρις): къ этимъ поселенцамъ присоединилось много народа изъ окрестности. Жители посылали своихъ войниковъ сначала на войну, а потомъ (до 1840 г.) шли въ числѣ 33 человѣкъ въ Константинополь, для ухода за лошадьми султана. Въ ихъ городѣ Турокъ не смѣлъ даже переночевать. Во время Кирджаліевъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, Панагюриште было почти совсѣмъ раззорено разбойничьими шайками. Въ это время Гассанъ Каваназоглу, бегъ татаръ-пазарджикскій, коварно отнялъ у Панагюрцевъ золотой фирманъ, подтверждавшій ихъ войницкія права. Въ эпоху новоболгарскаго возрожденія Панагюрцы отличались горячимъ патріотизмомъ и стремленіемъ къ образованію и свободѣ. Въ 1875 г. въ Панагюриштѣ считалось до 1500 домовъ и около 11.000 жителей исключительно Болгаръ. Въ событіяхъ 1876 г. Панагюриште играло первую роль: оно было центромъ болгарскаго возстанія, окончившагося извѣстными злодѣйствами, избіеніями и окончательнымъ раззореніемъ Панагюришта.

Котелъ (тур. Казанъ) находится у важнаго Балканскаго прохода между Шуменомъ и Сливномъ, въ разстояніи около 15 миль отъ моря и основанъ, вѣроятно, около 1545 года бѣглецами изъ окрестностей. Жителямъ, вооруженнымъ дубинами и копьями (гарба), подъ командою отечественныхъ войводъ и князей была поручена охрана тамошняго прохода. Взиманіе податей было дѣломъ воеводы. Туркамъ было запрещено поселяться въ Котлѣ. Во время войны собственный правительственный чиновникъ смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы тамъ не останавливалось и не ночевало турецкое войско. Но вслѣдствіе частыхъ нару-

шеній, привилегіи эти на практикѣ исчезли. Котленцы съумѣли защищаться отъ Кирджаліевъ. Въ Котлѣ, получившемъ, подобно двумъ вышеупомянутымъ городамъ, большое значеніе въ новѣйшемъ болгарскомъ движеніи, насчитываютъ теперь до 1120 домовъ: жители (около 10.000 чел.), исключая 500 магометанскихъ Цыганъ, — все Болгаре [15].

Замѣчательную судьбу имѣла часто упоминаемая въ средневѣковой болгарской исторіи неприступная горная мѣстность *Цѣпина* въ Родопѣ (стр. 26). Условія, на которыхъ, какъ было разсказано (стр. 422), Цѣпина подчинялась Туркамъ, были строго соблюдаемы до половины XVII стол. Во время большаго голода въ Родопѣ Могаммедъ IV готовился къ новой кампаніи въ Кандію противъ Венеціанцевъ. Шесть пашей пошли изъ Филиппополя чрезъ Пештеру въ Македонію. Вдругъ великій визирь Могаммедъ Кюприли (1656—1661), родомъ Албанецъ, ворвался со многими янычарами въ Цѣпину, сталъ лагеремъ у Костантова, созвалъ къ себѣ всѣхъ священниковъ и старшинъ, заковалъ ихъ и сказалъ имъ: „О, вы обманщики! васъ возлюбилъ падишахъ Али-Османъ, почему вы и не платите никакихъ налоговъ и только помогаете въ случаѣ надобности нашимъ войскамъ. И мы васъ любили, какъ своихъ янычаровъ, а вы захотѣли поднять свою голову противъ нашего султана!“ Тогда ему отвѣчалъ банъ Вельо, имя котораго еще и теперь носитъ одна баня въ Цѣпинѣ (Вельова баня), и протопопъ Константинъ: „честити визире! наши юноши (момчета) сражались еще недавно въ султанскомъ войскѣ въ Тунисѣ, Триполисѣ и Египтѣ; что-же вы узнали про насъ такого ужаснаго?“ Но визирь возразилъ: „вы лжете! я получилъ

[15]) Браиловск. Периодич. списание V и VI, 35. Д-ръ Богоровъ, Описание на село Котѣлъ, въ газетѣ Бълнар. Орелъ 1846 № 1.

извѣстія отъ Кара-баши въ Филиппополѣ" (т. е. отъ греческаго митрополита Гавріила). Тогда они сказали: „онъ не господствуетъ надъ нами и такъ какъ мы ему не платимъ вовсе податей (стр. 422), то онъ насъ и очернилъ". Разгнѣванный визирь крикнулъ янычарамъ, чтобы они изрубили гяуровъ; но тогда выступилъ имамъ Гассанъ-Ходжа и выпросилъ имъ жизнь, подъ условіемъ, что они обратятся въ магометанство. И, въ самомъ дѣлѣ, въ день св. Георгія банъ и протопопъ со всѣми священниками и старшинами приняли исламъ, вслѣдъ за тѣмъ визирь пошелъ дальше чрезъ Разлогъ на Солунь. Гассанъ-Ходжа съ четырьмя товарищами къ августу обратилъ въ магометанство всю Цѣпину. Оставшіеся вѣрными Христу должны были бѣжать въ горы, гдѣ основали новыя села Каменицу, Ракитово и Батьево на Старой-рѣкѣ. Гассанъ приказалъ доставить на вьючныхъ животныхъ хлѣбъ изъ Пазарджика, высыпалъ его въ Костантовѣ въ церкви и раздалъ каждому обращенному дому двѣ мѣры проса и столько-же ржи. Подъ предводительствомъ Ходжи новые приверженцы ислама должны были разрушить всѣ христіанскіе храмы отъ Костенца до Станимаки, всего, какъ говорятъ, 218 церквей и часовень и 33 монастыря. Въ день св. Петки пришелъ фирманъ султана, исключающій цѣпинскихъ Болгаръ-христіанъ изъ военной службы и уравнивающій съ райями („да се саберать Българе-те та да станатъ рая, да даватъ харачъ и верим и да ходятъ на ангарія (работа), и само Турците да отиватъ на войска"). Цѣпинцы, вѣроятно, во время походовъ научились у Турокъ многому, что подготовляло ихъ къ принятію ислама. Еще и теперь поютъ они болгарскія пѣсни и живутъ по своимъ роднымъ обычаямъ; хотя они и фанатическіе приверженцы пророка, однако не многіе изъ нихъ говорятъ по турецки [16].

---

[16]) Старая замѣтка о паденіи Цѣпины попа Меѳодія Драгинова изъ Коровы въ одномъ пергаментномъ требникѣ у Захаріева (67). Въ 7 Цѣпин-

Объ остальныхъ войникахъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ ничего сказать, кромѣ того, что ихъ потомки отличаются и доселѣ храбростью, энергіей и патріотизмомъ.

Подобны войникамъ были также упоминаемые уже Константиновичемъ христіанскіе *марталусы* (по греч. арматоли), на которыхъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, возлагались обязанности пограничной стражи съ мѣсячнымъ жалованьемъ. Сабли и копья составляли ихъ вооруженіе. Ихъ капитаны часто братались съ клефтами. На весь міръ прославившіеся Суліоты въ Эпирѣ первоначально были такими арматоламы [17].

Въ Болгаріи марталусы были въ Видинскомъ санджакѣ у Ртаня (теперь въ Сербіи), въ Баньѣ и въ долинѣ Црной Рѣки (Црни Тимокъ); тамъ они должны были охранять страну отъ задунайскихъ гайдуковъ, которые дѣлали туда свои набѣги.

Третьимъ привилегированнымъ разрядомъ были *сокольники* (туганджи). Ихъ привилегіи были очень похожи на преимущества войниковъ, только, вмѣсто полевой службы, они ежегодно должны были изъ каждаго дома поставлять одного охотничьяго сокола. Села туганджіевъ, управляемыхъ своимъ туганджи-башей, были разсѣяны повсюду въ Балканской и Дунайской областяхъ.

Отъ войниковъ нужно отличить *дербенджіевъ*, стражей проходовъ. Пожалованные особыми фирманами, они платили половинный харачъ и малый хлѣбный налогъ, были свободны отъ всѣхъ „роботъ“ и въ замѣнъ этого были обязаны охранять опасные пункты дорогъ. Тамъ они сидѣли

скихъ селахъ числится теперь въ 850 домахъ 2800 Болгаръ мужескаго пола, какъ христіанъ (730 м. въ Каменицѣ и Ракитовѣ), такъ и магометанъ (въ Дорковѣ, Костантовѣ,队оровѣ, Лъдженѣ и Банѣ). Кромѣ того, здѣсь еще живутъ 300 Цыганъ.

[17]) Hopf (т. 86) 90.

въ хижинахъ, крытыхъ соломою, и, замѣтивъ кого нибудь въ лѣсу или на дорогѣ, ударяли въ барабанъ: если замѣченные люди были разбойники, то продолжительнымъ барабаннымъ боемъ вся окрестность подымалась на ноги. Говорятъ, что ввелъ дербенджіевъ Сулейманъ I. Они были повсюду на полуостровѣ; въ прошломъ столѣтіи ихъ можно было еще видѣть въ восточномъ Балканѣ [18]).

Магометанскіе Болгаре въ настоящее время вообще называются *помаками* (помаци, полагаютъ, отъ *помагачъ*, помощникъ). По мнѣнію Захаріева, помаци въ Родопѣ и въ Македоніи обращены въ магометанство въ 1495 году при Баязитѣ II, въ одно время съ Босняками; письменныхъ доказательствъ этого не имѣется.

Мы видѣли, что въ трехъ главныхъ войницкихъ пунктахъ въ турецкую эпоху погибло много городовъ, а на мѣсто нихъ возникали новые. Замѣтимъ къ этому, что средневѣковый *Червенъ* погибъ, и въ разстояніи полудня пути отъ него возникъ на Дунаѣ новый *Рущукъ*; что въ находящемся вблизи развалинъ *Прѣслава* городѣ *Шуменъ* (по турецки Шумла), во время завоеванія страны имѣвшемъ всего 800 домовъ, въ XVII ст. насчитывали ихъ 4—5000; что новый городъ въ Добруджѣ *Бабадагъ* имѣлъ уже въ XVII ст. 22 квартала [19]) и что жители стараго *Жеглигова* въ Македоніи покинули свой городъ вслѣдствіе нездороваго положенія и поселились въ разстояніи одного часа въ селѣ *Кумановѣ*.

По своему быстрому возвышенію, блестящему разцвѣту и печальному концу замѣчательны четыре валашскіе (румынскіе) торговые города, возникшіе во время турецкаго господства и погибшіе во время Кирджаліевъ.

[18]) Hammer, Osm. Staatsverfassung, I. 319. 321 (марталуси), 284, 304 914 (дербенджіи). 318 и т. д. (туганджіи).
[19]) Hadži Chalfa, Rumili. 36. 44.

Первое мѣсто въ ряду этихъ городовъ занималъ *Мосхополь* (или Восконоль), находившійся въ средней Албаніи на южной окраинѣ богатой озерами Корчской котловины, приблизительно въ 2 часахъ на западъ отъ города Корчи, и отличавшійся роскошной окрестностью и свѣжимъ горнымъ воздухомъ. Хотя преданіе относитъ основаніе этого города къ началу XVI в., тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ еще во второй половинѣ XV стол. въ мѣстности Великій Дѣволъ разрушенный городъ Весконъ, конечно, тождественный съ Восхополемъ [20]). Хотя горожане, занимавшіеся большею частью караванною торговлею, были всѣ Румыны, письменнымъ языкомъ служилъ, однако, греческій. Гигантскими шагами шелъ Мосхополь по пути увеличенія, обогащенія и образованія. Вся торговля Албаніи, Эпира и Македоніи была сосредоточена въ рукахъ „москополенъ“, и москопольскіе купцы ѣздили до Венеціи, Вѣны и Лейпцига. Въ началѣ прошлаго столѣтія тамъ была не только извѣстная школа, но даже греческая типографія: книги, печатанныя παρὰ Γρηγορίῳ ἱερομονάχῳ τῷ Κωνσταντινίδῃ ἐν Μοσχοπόλει (1740 сл.), теперь очень рѣдки. Эта метрополія валашскихъ купцовъ, въ то время образованнѣйшій изъ внутреннихъ въ Турціи городовъ, имѣла тогда 12.000 семействъ, а по другимъ извѣстіямъ 40.000 жителей: она была и лѣтнею резиденціею митрополитовъ Бератскихъ и Драчскихъ (Дураццо). Но вотъ появились Кирджаліи, разграбили караваны и навели страхъ въ городѣ. Мусакійскій бегъ перевелъ, для защиты города, орду албанскихъ наемниковъ: однако это только ускорило разрушеніе города. Послѣ 10-ти лѣтнихъ грабежей и пожаровъ Мосхополь исчезъ съ лица земли. Теперь это село приблизительно съ 200 домовъ! Жители

[20]) Мусаки у Hahn'a Drin und Wardar 292

разбѣжались по всей Албаніи и Македоніи: погреченные Влахи въ Битолѣ, Прилѣпѣ, Велесѣ, Филиппополѣ, Адріанополѣ, Induced Сересѣ и Родопской Пештерѣ — всѣ Москополяне [21].

Почти одновременно съ Москополемъ возникъ *Арбанаси*, по гречески Ἀρβανιτοχώρι, по турецки *Арнаутъ-кіой*, на здоровой плоской возвышенности, въ разстояніи ¾ часа на сѣверо-западъ отъ Трнова. И здѣсь мы встрѣчаемъ быстрое возвышеніе, богатыхъ купцовъ, прекрасные монастыри, церкви и дома. Судя по развалинамъ, еще сто лѣтъ тому назадъ здѣсь было до 1000 домовъ; теперь обитаемы только 150, въ томъ числѣ 38 турецкихъ. Арбанаси былъ также пунктомъ путешествующихъ купцовъ, занимавшихся большею частью торговлею скотомъ съ Валахіею. Жители, пришедшіе изъ Эпира, говорили большею частью по гречески: объ этомъ свидѣтельствуетъ множество греческихъ, еще не собранныхъ надписей. Въ домахъ попадаются тамъ и сямъ греческія книги, между прочимъ новѣйшая копія сказанія объ Александрѣ. Епископы трновскій, ловечскій, рущукскій и таксидіоты Синайскаго монастыря имѣли здѣсь свою лѣтнюю резиденцію. Валашскіе Бранкованы происходятъ изъ Арбанаси: ихъ домъ служитъ теперь трновскому митрополиту лѣтнею резиденціею. Многіе валашскія болярскія семейства имѣли въ прошломъ столѣтіи обыкновеніе жить здѣсь: еще теперь многіе одноэтажные, крѣпко построенные дома со сводами и каминами имени Бранкованов, Кантакузеновъ, Филипеску. Въ 1798 г. почти весь Арбанаси былъ

[21]) Попъ Константинъ (Περιγραφὴ περὶ τῆς ἐπαρχίας Φιλιππουπόλεως, Вѣна 1819, 43) говоритъ что въ Пештерѣ (или Περιστέρα) есть μέτοικοι ἱκανοὶ ἀπὸ Βοσκοπόλεως. Въ 1819 г. тамъ было 600 домовъ, ⅔ христіанскихъ; теперь-же (Захаріевъ 27) въ Пештерѣ 780 домой, изъ которыхъ 500 болг. и 50 рум. О погибели Москополя — Pouqueville, Voyage de la Grèce (Paris 1820—25), 3, 45 сл. Ср. Dem. Bolintineanu, Caletoriu la Romanii di Macedonia, Bucuresci 1863.

обращенъ Кирджаліями въ груду мусора. Населеніе бѣжало большею частью въ Валахію. О теперешнихъ жителяхъ, которые, какъ говорятъ, большею частью переселенцы изъ Герлова, разсказываютъ, что скорѣе женщины, чѣмъ мущины суть потомки старыхъ обитателей города: впрочемъ, еще недавно умеръ тамъ одинъ старикъ, говорившій только по гречески. Въ семействахъ говорятъ греческимъ языкомъ съ большою примѣсью болгарскаго и румынскаго элементовъ [22]).

Села *Бей-Арнаутъ* и *Кара-Арнаутъ* расположены на югъ отъ Разграда, вблизи желѣзной дороги изъ Варны къ Рущуку. Жители, говорившіе по албански, болгарски, а также по румынски, были, какъ говоритъ сказаніе, поселены однимъ албанскимъ спагіемъ, который былъ губернаторомъ въ Разградѣ и построилъ тамъ мечеть. Они были частью земледѣльцы, частью скотопромышленники и пользовались большими привилегіями, напр. запрещено было располагать у нихъ солдатъ постоемъ. Во времена Кирджаліевъ жители большею частью разсѣялись по Валахіи, въ Шуменъ и Эски-Джуму: но величайшее несчастіе постигло Арнаутъ въ 1810 г. во время русской войны. Еще теперь, хотя рѣдко, тамъ можно слышать албанскій языкъ [23]).

---

[22]) Интересныя подробности объ Арбанаси сообщилъ Славейковъ въ константинопольскомъ Читалищѣ. 1873, 488—493. Ср. Kanitz, II. 52. Много мнѣ разсказывалъ одинъ юноша изъ самаго Арбанаси. (Образчикъ тамошняго нарѣчія: горча—гі уша (мак. корче), плеко (πλέκω) — плету, сапунизо—мою, чапизо—копаю, лоязо (λογιάζω)—считаю, мислязо (бол. азъ мисля)—думаю. шетизо (болг. шетамъ) — гуляю, дулосъ (болг. долъ) — долина, че пано че като (ἄνω κάτω)—вверхъ внизъ, огништа (болг. огниште) и т. д. Еще въ 1794 г. жили здѣсь фамиліи Вакареску и Филипеску, изгнанныя изъ Валахіи (Janaki Vacarescu, Мемуары у Papiu Ilarianu, Tesauru dè monumeñte istorice pentru Romania. Bucuresci 1863 II. 288 сл.).

[23]) Каково происхожденіе Албанцевъ — христіанъ, разсѣянныхъ по Бессарабіи (напр. въ Каракуртѣ и Волконешти у Болграда)—мнѣ неизвѣстно. Вѣроятно, изъ К. и Б. Арнаута.

Крушово, новѣйшее изъ этихъ валашскихъ селеній, лежитъ въ шести часахъ на западъ отъ Прилѣпа, у стараго укрѣпленія въ горной котловинѣ. Оно было основано въ 1740 г. валашскими горцами изъ Николицы или Никополя въ Албаніи, которые, будучи выгнаны Албанцами, искали прежде убѣжища въ Битолѣ, но избѣгая тамошней болотистой мѣстности, направились дальше и поселились въ Крушовѣ. Судьбы этого города въ эпоху Кирджаліевъ намъ неизвѣстны. Хотя крушовскіе купцы пріѣзжаютъ въ Вѣну и крушовскіе серебряныхъ дѣлъ мастера (колунджіи) объѣзжаютъ всю Турцію, тѣмъ не менѣе этотъ городъ, имѣющій 1400 домовъ, былъ для Европы открытъ Ганомъ только въ 1858 г. [24]). Такъ мало даже въ наши дни были знакомы внутреннія мѣстности Турціи! Жители по большей части Румыны (купцы, золотыхъ дѣлъ мастера, портные): изъ ихъ среды выдѣляется одно прежде кочевое валашское племя по своимъ богатствамъ и особымъ костюмамъ. Кромѣ того, здѣсь живутъ т. н. Міяци (Болгаре изъ Дибры) и Албанцы-христіане, каменьщики, портные, садовники. Съ разбойничьими албанскими окрестными селами Крушовцы живутъ въ постоянной враждѣ. —

Венеціанцы и Генуэзцы послѣ паденія стараго царства, правда, не потеряли своихъ вольностей, однако, не могли выдержать конкуренціи съ Дубровчанами, взявшими скоро всю внутреннюю торговлю въ свои руки. Отъ турецкихъ султановъ, съ которыми Дубровчане съ 1365 г. поддерживали дружественныя сношенія, они получали льготныя грамоты на сербскомъ языкѣ (стр. 478), за что платили 12.000 венеціанскихъ дукатовъ ежегоднаго „харача“. Они свободно проживали въ городахъ, безпрепятственно отправляли свое богослуженіе и водили свои караваны по всему государству.

---

[24]) Hahn, Reise von Belgrad nach Salonik 180.

Пошлину (2%) платили они только въ императорскихъ городахъ Константинополѣ, Адріанополѣ и Бруссѣ, раньше также въ Филиппополѣ и Кратовѣ. Много природныхъ православныхъ, для обезпеченія своей свободы и безопасности, становились католиками и вмѣстѣ подданными Дубровника. Флагъ Дубровчанъ развивался тогда на всѣхъ моряхъ, ихъ колоніи, консулаты и факторіи встрѣчались во всѣхъ городахъ востока. Цвѣтущее состояніе, котораго въ Дубровникѣ достигла славянская (сербо-хорватская) поэзія, доставило этому городу названіе югославянскихъ Аѳинъ. Но страшное землетрясеніе 1667 г. лишило въ одинъ день Дубровникъ его могущества и славы.

Дубровницкія колоніи [25]) были издревле во всѣхъ сербскихъ и болгарскихъ городахъ, напр., на Дунаѣ въ *Бѣлградѣ*, гдѣ въ 1552 г. Дубровчанинъ Троянъ Гундуличъ имѣлъ даже сербскую типографію, въ *Рущукѣ*, *Силистріи* и въ особенности на устьяхъ Дуная. Тамъ главнымъ ихъ пунктомъ былъ *Бабадагъ*, гдѣ у нихъ былъ приходъ, священникъ котораго посѣщалъ также Исакчу, Измаилъ, Тульчу, Бендеръ и Килію, чтобы на удобопереносимомъ алтарѣ служить обѣдню тамошнимъ купцамъ. Дубровницкій посолъ Матѳѣй Гундуличъ говоритъ, что тамошніе колонисты очень строго наблюдаютъ за своими священниками, чтобы они не вступали въ „pratiche disoneste con le donne de Turchi“ и не дѣлали-бы соблазна своимъ соотечественникамъ. Въ

[25]) «Relazione dello stato della religione nelle parti dell' Europa sottoposte ab dominio del Turco» Матѳея Гундулича (по итал. Goudola), пребывавшаго въ Турціи до іюля 1674 г. въ продолженіи 28 мѣсяцевъ; сочиненіе это составлено въ Римѣ въ 1675 г., изд. Banduri, Imperium Orientale (Paris II, 1711) vol II Animadversiones in Const. Porph., De adm. imp. 99—106. Дриновъ, напечатавшій въ Период. спис. II. 65. извлеченіе изъ одной рукописи, не зналъ этого изданія. Ср. Матковичъ, О древне-итал. путевыхъ запискахъ Rad XV.

восточной балканской области Дубровчане жили въ *Варнѣ*, *Шуменѣ*, *Пазарджикѣ* и въ особенности въ *Провадѣ*, гдѣ у нихъ была старая церковь на сводахъ. Большія дубровницкія общины были въ Адріанополѣ, куда стекались купцы изъ Румыніи, Венгріи, Польши и Россіи, для покупки крашенаго сафьяна, мѣховъ, ковровъ, ножей, сукна, меду, олова и проч.; далѣе въ Филиппополѣ, въ окрестностяхъ котораго съ XV ст. воздѣлывалось сарачинское пшено и въ большомъ купеческомъ городѣ *Софіи*, откуда расходились дороги по всѣмъ направленіямъ. Въ Софіи дубровницкая факторія имѣла большіе суконные магазины. Въ Македоніи главнымъ жилищемъ Дубровчанъ было *Скопіе*, вокругъ котораго они имѣли обширные виноградники; отсюда вывозились въ особенности воскъ и сафьянъ, занимавшій въ 1669 г. до 700 кожевниковъ. Въ сербскихъ земляхъ они имѣли конторы (fondacco) въ *Нови-Пазарѣ* (имѣлъ въ 1580 г. 6000 домовъ), въ *Прокопіи* и въ боснійскомъ *Сараевѣ*.

Въ этихъ большихъ городахъ возникли въ турецкомъ періодѣ также колоніи испанскихъ и венгерскихъ *Евреевъ*: такъ въ Софіи, Скопіи, Филиппополѣ (въ 1550 г. до 3000) и Адріанополѣ (1000 домовъ).

Самымъ оживленнымъ путемъ сношеній была древняя дорога изъ Константинополя въ Бѣлградъ (26 дней пути), отъ которой шли вѣтви, — одна къ Софіи, ведшая чрезъ Кюстендиль, Скопіе и Призренъ въ Алессіо (Лѣшъ), другая — въ Нишъ, ведшая въ Дубровникъ, по которой можно было въ 25 дней прибыть туда изъ Константинополя. Самая длинная дорога была шедшая чрезъ Нишъ и Нови-Пазаръ на Спалато (Сплетъ); чтобъ по ней прибыть съ Босфора къ Адріатикѣ, требовалось 38—50 дней. Изъ Бѣлграда въ Солунь обыкновенно путешествовали 18 дней [26].

---

[26]) О городахъ, сношеніяхъ и торговлѣ у Константинопольской дороги см. мое сочин. «Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel» стр. 113—

Главныя дороги были тогда въ лучшемъ состояніи, чѣмъ теперь: упомянемъ прежде всего величественную шоссированную дорогу изъ Константинополя въ Адріанополь, отъ которой теперь остались только слѣды. На дорогахъ повсюду стояли каменные каравансераи, а въ городахъ объемистые и несгараемые ханы.

Одинъ изъ такихъ хановъ (гостинница), бѣлградскій, описанъ Вратиславомъ изъ Митровицъ (1591). Это было четыреугольное зданіе, покрытое свинцовою крышею; въ подвалѣ были магазины на сводахъ, въ первомъ этажѣ кругомъ галлерея, склады и жилыя комнаты. По срединѣ хана на большомъ дворѣ былъ фонтанъ. Много подобныхъ старыхъ хановъ можно видѣть въ Турціи еще и теперь, такъ напр. въ Скопіи — Куршумли-ханъ (свинцовый ханъ), двухъ-этажный домъ на подобіе крѣпости, имѣющій окна только на второмъ этажѣ, притомъ съ крѣпкими рѣшетками извнѣ. Чрезъ большія, обитыя желѣзомъ ворота вступаемъ въ мощеный четыреугольными плитами и окаймленный коридоромъ на сводахъ дворъ съ фонтаномъ по срединѣ. Надъ каждой изъ комнатъ верхняго этажа былъ куполъ, покрытый свинцомъ. Въ полуразрушенномъ строеніи живутъ теперь туземные купцы, но на столбахъ сохранились еще написанныя красной или черной краской имена исчезнувшихъ уже Дубровчанъ [27]). Другихъ воспоминаній объ этой оживленной торговлѣ, уничтоженной суровою эпохою Кирджаліевъ (1792—1802) и паденіемъ самой республики, на полуостровѣ не осталось [28]).

138. Ср. извлеченія изъ неизданныхъ итал. путевыхъ записокъ проф. Матковича, Rad XV. По Гаджи Хальфѣ отъ Константинополя до Силистріи считали 10 дней пути, въ Видинъ и Солунь—14, въ Софію—13, въ Скопіе, Охриду—16 и т. д. Вдоль по Дунаю изъ Видина въ Силистрію - 4 дня.

[27]) Hahn, Reise von Belgrad nach Salonik, 110.

[28]) Касательно очень богатой литературы путешествій отсылаю читателя къ моему сочиненію «Heerstrasse» 117 и сл. По подробности и точ-

Въ XVI ст. въ Турціи былъ еще въ хорошемъ состояніи горный промыселъ, дававшій ежегодно металла (по Spandugino) на 90.000 дукатовъ. Еще въ 1550 г. работали на Копаоникѣ. Извѣстные золотые и серебряные рудники были въ Кратовѣ, гдѣ былъ и монетный дворъ; въ 1564 г. умеръ здѣсь „благочестивый и христолюбивый господарь, *кнезь Димитрь*" [29]). Гаджи Хальфа упоминаетъ рудникъ самоковскій, гдѣ ковались и желѣзныя произведенія (напр. якори), затѣмъ серебряные рудники у Берковицы, Нова-Брда и др.

Дубровчане были всѣ католики. Въ Турціи, кромѣ того, жили и турецко-подданные католики. Это были потомки саксонскихъ рудокоповъ, Албанцы и обращенные павликіане. Состоя въ постоянной связи съ западомъ, они были причиною множества революціонныхъ попытокъ противъ Турокъ. Главнымъ пунктомъ католиковъ Болгаріи былъ саксонскій горный городокъ *Кипровецъ* или *Чипровецъ* (Chiprovaz, Cyprovacium, нынѣ Чипровецъ или Чипоровци) въ западномъ Балканѣ у истоковъ Огуста. Послѣ завоеванія страны Турками городъ получилъ большія привилегіи: такъ, напр., ни одинъ Турокъ не смѣлъ тамъ переночевать. Чипровецъ былъ главнымъ городомъ воеводства, принадлежавшаго султаншѣ-матери, не получавшей, однако, оттуда ни-

---

ности слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ дневники рыцаря Іоанна *Дерншвамма* 1553 г. (еще неиздан.) и евангелич. проповѣдника Стефана *Герлаха* 1573—1578 г. (Francfurt 1674. fol). Очень драгоцѣнны также итальянскія, особенно венеціанскія донесенія, далѣе—Словенца *Курипешича* 1530 г., Далматинца *Врангича* (Verantius) 1553 г., Бельгійца *Busbeck'a* 1554 г., Чеха рыцаря Вратислава изъ Митровицъ 1591 г., Англичанина Riccaut'a 1665 г. и сербскаго патріарха Арсенія Черноевича 1683 г.

[29]) Современная замѣтка у Григоровича, Пут. 190. Димитръ былъ ктиторъ Слѣпченскаго (Слѣпче) монастыря у Прилѣпа ib. 136. Годъ его смерти въ сербскомъ лѣтописномъ сборникѣ у Ягича Archiv für slav. Philol. II. 101.

какихъ доходовъ, такъ что жители были совершенно свободны отъ податей. Богатство возрастало, но нѣмецкій языкъ и католическій обрядъ были забыты; правда, тамъ была старая церковь, но не было священника. Кромѣ того, сюда переселились изъ окрестностей многія болгарскія болярскія семейства, Парчевичи, Тома-Гіоновичи (Гіонъ по алб. Іоаннъ), Кнежевичи, Пеячевичи, Путини, Марини, Пейкичи и пр.

Около 1595 г. прибылъ сюда одинъ боснійскій францисканецъ, *Петръ Салинатесъ*, былъ радушно принятъ населеніемъ, выстроилъ новую церковь, основалъ францисканскій монастырь, и когда онъ былъ поставленъ папою въ софійскіе епископы, основалъ свою резиденцію для большей безопасности въ Кипровцѣ (1600—1623). Его преемники, также францисканцы, всѣ были родомъ изъ Кипровца, образованіе-же получили въ Римѣ. Епископъ *Илья* (1623—1642) былъ даже изъ болярской фамиліи Мариновъ. Наибольшее возвышеніе города относится ко времени епископа *Петра Деодата* (1642—1674), при которомъ католическое софійское епископство было возвышено до архіепископіи. Въ Кипровцѣ считали тогда 2000 жителей; тамъ жило много Дубровчанъ ради торговли: сами-же Кипровчане въ качествѣ купцовъ разъѣзжали по Турціи, Валахіи и Семиградіи. Ближайшія деревни *Копиловецъ* (1600 жит., теперь Копеловци), населенная сокольниками *Жельзна* (400 жит.) и маленькая *Клисура* (140 жит.) были католическія и имѣли не только церкви, но и школы. Церкви владѣли множествомъ мельницъ, луговъ, виноградниковъ, садовъ, лавокъ на кипровецкой площади, доставшихся имъ по завѣщаніямъ. Нравы, одежда и нарѣчіе жителей свидѣтельствовали объ ихъ не болгарскомъ (саксонскомъ) происхожденіи. Церковная власть архіепископа, который выступалъ съ весьма умѣренными притязаніями, но тѣмъ не менѣе въ своихъ путе-

шествіяхъ былъ часто арестуемъ и ограбляемъ Турками, распространялась на востокѣ до Искра, обнимала всю Валахію, а также смедеревскую епархію въ Сербіи. Литургія служилась по латыни, апостолъ-же и евангеліе читались по славянски. Одною изъ первыхъ заботъ католическихъ епископовъ Софіи съ самаго основанія епископства было обращеніе остатковъ богомиловъ (павликіанъ). Послѣ кратковременнаго управленія *Павла Коевича*, слѣдовалъ старый *Стефанъ Кнежевичъ* (1677 — 1688). Въ 1688 г. Кипровчанамъ за ихъ свободолюбіе и стремленіе къ возстановленію болгарскаго царства пришлось поплатиться совершенною гибелью ихъ прекраснаго города. Теперь Кипровецъ не болѣе, какъ село съ 300 домовъ, извѣстное производствомъ ковровъ [30]).

Въ *Никополь* и 14 окрестныхъ деревняхъ жило въ 1674 г. большое число католиковъ, бывшихъ до половины XVII в. (стр. 511) богомилами, почему и позднѣе назывались постоянно *павликіанами*. Въ католицизмъ обратилъ ихъ около 1650 г. епископъ „Великой Болгаріи" *Филиппъ Станиславовъ*. Изгнанный за неповиновеніе изъ своей епархіи, онъ впослѣдствіи по ходатайству пропаганды былъ прощенъ и тогда-то онъ покатоличилъ Болгаръ около Никополя. Для своей епархіи онъ издалъ въ Римѣ въ 1651 г. болгарскій молитвенникъ, напечатанный кирилловскими буквами, языкъ котораго, впрочемъ, изобилуетъ сербизмами. Онъ содержитъ апокрифическое письмо „Царя Абагара" къ Христу, экзорцизмы, молитвы противъ головной боли,

[30]) Farlati, Illyricum sacrum VIII (Письмо Деодата). Фамильные документы графа Пеячевича мнѣ любезно сообщены графомъ Юліаномъ Пеячевичемъ. Ср. Theiner, Mon. slav. II. 213. Gundulić 1674 у Banduri op. cit. 101. Период. спис. II. 65 Engel 462, прим. v. По Lejean'у (Petermann'a Mitth. 1870, 290) и Kanitz'у II, 311, теперь въ Чипровцѣ, кромѣ камня съ надписью «A. D. 1612», нѣтъ никакого слѣда отъ католиковъ.

противъ безплодія женщинъ и т. д. [31]). Станиславовъ умеръ въ своей епархіи и оставилъ по себѣ хорошую память. О его преемникѣ Матеѣй Гундуличъ (1674) пишеть, что онъ едва-ли удержитъ села въ католичествѣ, въ особенности по причинѣ грегоріанскаго календаря, введеніе котораго возбудило большое неудовольствіе. Большую часть поселеній въ началѣ XVIII стол. постигла та-же участь, что и Кипровецъ. Четыре католическія деревни у Свиштова стоятъ еще теперь, гдѣ происходятъ постоянные споры ихъ съ итальянскимъ духовенствомъ [32]).

Въ восточной Болгаріи было въ XVII ст. архіепископство, носившее римское названіе Марціанополя (стр. 82). Но архіепископы не имѣли резиденціи въ Прѣславѣ (Эски-Стамбулъ), который отождествляли тогда съ Марціанополемъ [33]), а въ *Бакау* въ Молдавіи. Ихъ епархія охватывала Молдавію, дубровчанскія колоніи въ Добруджѣ и среднюю Болгарію; рѣки Серетъ и Искеръ были ея западной границей со стороны софійскаго епископства. Первымъ архіепископомъ былъ *Маркъ Бандинъ* изъ Скопья (1643—1650), вторымъ — великій болгарскій патріотъ *Петръ Парчевичъ* изъ Кипровца (1655—1674), о которомъ скажемъ ниже.

Въ *Калишевѣ* (Caliscevo) въ 3-хъ часахъ отъ Филиппополя (вѣроятно, нынѣшняя Калашлія) было въ 1674 году нѣсколько католическихъ семействъ, которыхъ отъ времени до времени посѣщалъ дубровницкій священникъ изъ Филип-

[31]) Подробное изслѣдованіе книги Станиславова, составленное М. Н-имъ въ статьѣ «Абагарѣ», первый печатный памятникъ новоболгарской литературы, въ Славянскомъ сборникѣ II. (Спб. 1877). На Станиславова также вліяніе имѣла дубровчанская орѳографія, что онъ, напр., писалъ огаги (ogagn—огань), по гаргдено (серб. потрѣбно).

[32]) См. Каницъ. II. 162—173.

[33]) Итальянская грамота изъ библіотеки Біанкачіана въ Неаполѣ. Дриновъ, Период. Спис. I, 53.

пополя. Вблизи было уже въ половинѣ XVII стол. нѣсколько тысячъ павликіанъ, которые были обращены въ католицизмъ. Теперь существуютъ на равнинѣ, на сѣверъ отъ Филиппополя, шесть католическихъ деревень, жителей которыхъ все еще называютъ павликіанами: это ославянившіеся потомки армянскихъ военныхъ поселянъ, которыхъ Византійцы помѣстили съ VIII—X в. около Филиппополя (стр. 227) [34].

Въ Сербіи, въ Новомъ-Брдѣ, Яневѣ, Приштинѣ, Призренѣ, Яковѣ было въ 1671 г. 2169 католиковъ съ 8 священниками, архіепископъ которыхъ жилъ въ Скопіи. Во многихъ мѣстахъ остались католичками женщины, въ то время, какъ мужчины, вслѣдствіе тяжкихъ податей, перешли въ исламъ. Въ *Албаніи* въ то время въ шести епископіяхъ насчитывали 50.000 католиковъ [35].

Интересно, что болгарскіе католики, кромѣ сербскихъ книгъ, предназначенныхъ прежде всего для Босніи, были надѣлены чешскими. Въ особенности послѣ Карловицкаго мира было послано множество чешскихъ катехизисовъ и молитвенниковъ въ Славонію, Сербію и Болгарію [36].

О православномъ *охридскомъ* архіепископствѣ мы въ послѣдній разъ упоминали, говоря о завоеваніи Болгаріи Василіемъ II (стр. 263, 280). Эта первоначальная болгарская церковь, хотя оставшаяся автокефальною, была тогда эллинизована. Въ первой половинѣ XII в. стали смѣшивать ее, вопреки всякой исторической правдѣ, со старою церковью Юстиніана (стр. 107) [37].

[34]) Древнѣйшіе могильные камни филиппопольскихъ павликіанъ относятся къ 1784 г. Григоровичъ. Пут. 167. Riccaut (1665), Hist. de l'empire Ottoman. Amsterdam 1672. 711. Ср. Heerstrasse 74. 79, 95. 156.

[35]) Записка священника Стефана Гаспари. Дриновъ, l. c. Макушевъ Итал. архивы II, 85.

[36]) Это были изданія фонда св. Вячеслава, основаннаго въ 1669 г. Jos. Jireček въ Rozpravy z oboru hist. filol. a lit. (Вѣна 1860) 23

[37]) Вильгельмъ Тирскій въ разсказѣ о своемъ путешествіи въ Кон-

Около 1334 г. Охрида была завоевана Сербами, что однако не угрожало правамъ церкви. По смерти царя Стефана Душана въ Охридѣ господствовали сербскіе и албанскіе боляре. Слѣды сербскаго вліянія замѣтны во всѣхъ рукописяхъ и надписяхъ XIV и XV ст., видѣнныхъ Григоровичемъ въ Охридѣ и ея окрестностяхъ. Около половины XVI стол. славянскій языкъ былъ вытѣсненъ греческимъ: въ церковныхъ книгахъ греческія замѣтки появляются съ 1555 г. [38]). Голубинскій насчитываетъ 50 архіепископовъ съ 1450 — 1767 г., и это, вѣроятно, не полный списокъ [39]). Ни одинъ изъ нихъ не управлялъ долгое время и не многіе оставили по себѣ хорошую память: мы читаемъ о безпрерывныхъ интригахъ и подкупахъ, т. е. о томъ-же, что происходило тогда въ Константинополѣ и Печѣ. Съ 1586 г. у архіепископовъ вошло въ обыкновеніе путешествовать въ Россію и даже въ западноевропейскія государства для испрашиванія денежнаго пособія: многіе оттуда уже не возвращались. Въ XVII ст. нѣкоторые присоединились къ уніи [40]).

стантинополь 1168 г. (I. XX. гл. 4) приводитъ «Justinianam primam quae vulgo hodie dicitur Acreda». По нынѣ считали обыкновенно ученаго архіепископа Димитрія Хоматіана изобрѣтателемъ тождества Охриды съ Юстиніаною. Объ охридской церкви см. труды по церковной исторіи Zachariae, Голубинскаго, Дринова.

[38]) В. Григоровичъ, Svědectví o slovanských apoštolích v Ochridě, Čas. čes. mus. 1847, I. 514.

[39]) Списокъ архіепископовъ у Голубинскаго 123 сл. Я замѣчу, что Зосима (стр. 134) былъ въ 1669 г., когда былъ завоеванъ Гиритъ (Критъ), а не въ XV стол.

[40]) Въ XVII стол. Охридѣ принадлежали 8 митрополій (Касторія, Воденъ, Корча, Битоль, Струмица, Гревено, Бератъ, Дураццо, Валона) и семь епископствъ (Молесхосъ, Преспа, Гора у Охриды, Спатія у Берата, Дибра, Моглена, Сисанія съ Шатистою). Въ началѣ XVIII в. многія епархіи были соединены, напр. Молесхосъ и Моглена; вновь образована епархія Велесская. Подпись архіепископа была зеленая. Въ слав. грамотахъ онъ именуетъ себя также «архіепископъ сербскій».

Архіепископу охридскому, титуловавшемуся μακαριώτατος ἀρχιεπίσκοπος τῆς πάσης Βουλγαρίας καὶ Πρώτης Ἰουστινιανῆς Ἀχριδῶν, въ XVI стол. были подчинены, также и нижнеитальянскіе Греки въ Калабріи, Апуліи, Сициліи и Мальтѣ, далѣе румынскія княжества. Почти только номинальное господство охридской церкви надъ Валахіей длилось со времени князя Мирчи въ продолженіи всего XV ст., надъ Молдавіей — съ половины XV стол. до правленія князя Лупула (XVII стол.). Въ это время государственнымъ и церковнымъ языкомъ тамъ былъ не румынскій, а болгарское нарѣчіе старословѣнскаго языка (стр. 556). Въ Молдавіи сначала господствовало малороссійское нарѣчіе, которое, впрочемъ, должно было уступить мѣсто старословѣнскому языку [41]). Въ Тирговиштѣ и Кимполунгѣ, на средства румынскихъ князей печатались старославянскія церковныя книги. Съ XVI стол. постепенно возникаетъ румынская литература, но до полной эманципаціи румынскаго языка былъ еще періодъ (1711—1822), когда греческій языкъ игралъ большую роль какъ при дворѣ и у болярь, такъ и въ церкви и школѣ.

Трновская церковь еще съ 1393 г. была подчинена константинопольскому патріарху. Епископскій санъ давался большею частью только Грекамъ. Новыхъ епархій было основано двѣ, одна въ началѣ XVIII ст. во Врацѣ, другая около 1760 г. въ Пиротѣ (Нишавская епархія).

Виновниками дурной славы, которую оставило по себѣ господство греческаго клира въ балканскихъ земляхъ, были т. н. *фанаріоты*, константинопольскіе Греки изъ квартала, называвшагося Фанаръ (или Фенеръ). Духовные фанаріоты

[41]) Изданные румынскими князьями словѣнскія грамоты, языкъ которыхъ потерпѣлъ сильное вліяніе румынскаго, собраны Венелиномъ, Влахо-болгарскія грамоты. Спб. 1840. Bogdan'омъ Petriceicu-Hâjdeu, Archiva istorica a Romàniei I—III. Bucuresci 1865—1867.

господствовали въ церкви, въ то время какъ свѣтскіе, въ качествѣ банкировъ, купцовъ, или на турецкой службѣ, въ качествѣ драгомановъ и секретарей, пріобрѣли себѣ большое вліяніе [42]). Всѣ духовные саны, начиная съ патріаршескаго и до священническаго были продажны. Сана патріарха достигали большею частью путемъ интригъ греческихъ банкировъ, турецкихъ вельможъ или иностранныхъ пословъ. Въ теченіи 390 лѣтъ 140 патріарховъ смѣняли другъ друга. При замѣщеніи епископскихъ каѳедръ одерживалъ верхъ тотъ изъ кандидатовъ, который имѣлъ больше денегъ и сильнѣйшую протекцію. Въ XVI стол. епископство стоило отъ 500 до 1000 червонцевъ. Вотъ почему случалось, что сана епископскаго достигали повары, кафеджи или чубукчи, сана, имѣющаго большее значеніе на востокѣ, чѣмъ у насъ, такъ какъ епископъ является тамъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтскимъ главою и представителемъ райи передъ чиновниками. По прибытіи въ свою епархію епископъ заботился прежде всего о взысканіи покупной суммы, причемъ пускались въ ходъ и вымогательства, такъ какъ съ одной стороны хотѣлось хорошо пожить, съ другой — удержать за собою благоволеніе своего паши и константинопольскихъ протекторовъ. Къ тому еще въ XVI стол. сами патріархи или ихъ повѣренные стали разъѣзжать по епархіямъ, чтобы съ помощью нѣсколькихъ янычаровъ собирать деньги. Объ учености и наукахъ вовсе не заботились. Путешественникъ

[42]) Прусскій посланникъ Gaffron въ 1779 году слѣдующимъ образомъ описываетъ Фанаръ: Le quartier est la demeure de ce qu'on appelle la noblesse grecque, qui vivent tous aux dépens des princes de Moldavie et de Valachie. C'est une université de toutes les scélératesses et il n'existe pas encore de langue assez riche, pour donner des noms à toutes celles qui s'y commettent. Le fils y apprend de bonne heure à assassiner si adroitement son père pour quelque argent, qu'il ne saurait être poursuivi. Les intrigues, les cabales, l'hypocrisie, la trahison, la perfidie, surtout l'art d'extorquer de l'argent de toutes mains y sont enseignés méthodiquement. Zinkeisen VI. 252.

Герлахъ, побывавшій на востокѣ съ 1573—1578 г., удивляется недостаточному знанію членами высшаго клира древне-греческаго языка. Въ филиппопольской митрополіи ему случалось видѣть копья, сабли, луки и стрѣлы, но ни одной книги. Митрополитъ адріанопольскій боялся подписаться, сказавъ, что правописаніе было не его дѣломъ. Въ Константинополѣ лишившіеся своего мѣста патріархи постоянно интриговали для полученія его обратно. Низшее духовенство и монахи были совершенно безграмотны и заботились только о пріобрѣтеніи денегъ, за которыя могли купить себѣ епископство.

Съ греческими епископами появились въ Болгаріи и греческія церковныя книги. Славянская литургія удержалась почти только въ деревняхъ, гдѣ священники служили частью по старымъ пергаментнымъ рукописямъ, частью по венеціанскимъ, сербскимъ и валашскимъ (рѣдко по русскимъ) книгамъ. Старыми рукописями пользовались, напр., въ Татаръ-Пазарджикѣ приблизительно до 1712 г., когда прибылъ первый фанаріотскій пастырь. Что Греки тогда столь-же мало, какъ и теперь, были друзьями Болгаръ, явствуетъ изъ „Политики“ Крижанича, оконченной въ Тобольскѣ въ 1664 г.: онъ пишетъ, что Греки называютъ Болгаръ не людьми (Βουλγάρος ἀπάνθρωπος) и Славянъ вообще варварами [43]).

Значительно усилилось могущество фанаріотовъ, когда Турки, боясь Россіи, начали назначать князьями въ обоихъ румынскихъ воеводствахъ знатныхъ фанаріотовъ (1711). По Гопфу [44]) ни одно изъ этихъ фанаріотскихъ княжескихъ семействъ, выдававшихъ себя за очень древнія, не имѣло родословной, восходившей по документамъ дальше начала

[43]) Маркевичъ, Юрій Крижаничъ (Варшава 1876) 114. Крижаничъ самъ былъ въ Царьградѣ около 1655 г.

[44]) Hopf (Ersch-Gruber T. 86), стр. 189.

XVI в. Нѣкоторыя происходили изъ Малой Азіи и только два изъ Византіи; многія были даже не греческаго происхожденія, а албанскаго, дубровницкаго, франкскаго. Господство ихъ не оставило по себѣ хорошей памяти. При нихъ процвѣтали греческія школы въ дунайскихъ княжествахъ и для румынской публики писались греческія книги [45]).

Обѣ самостоятельныя славянскія церкви, печская и охридская, стали жертвою фанаріотовъ. Уже въ 1737 г. Іоаннъ Ипсиланти выступилъ съ проектомъ, въ которомъ совѣтывалъ уничтожить охридское архіепископство, чтобы прямымъ подчиненіемъ Славянъ духовной власти константинопольскаго патріарха положить конецъ интригамъ австрійскаго правительства, ведшаго войну съ Турками. Но Турки увидѣли австрійскую интригу въ самомъ этомъ проектѣ, и Ипсиланти поплатился за него своею головою. Были двѣ причины, побуждавшія Грековъ къ уничтоженію обѣихъ церквей: съ одной стороны они хотѣли, при помощи сборовъ съ двухъ новыхъ церковныхъ областей уплатить большіе долги своего патріархата, съ другой — надѣялись осуществить взлелѣянную ими мечту погречить южныхъ Славянъ и расширить греческій элементъ до Карпатовъ и Савы. Въ 1766 г. патріарху Самуилу удалось уничтожить церковь печскую (по тур. Ипекъ), вслѣдъ за чѣмъ, въ 1767 г. 16 янв., принужденъ былъ къ отрѣченію послѣдній автокефальный охридскій архіепископъ, Болгаринъ Арсеній. Впрочемъ, Порта и до послѣдняго времени въ бератѣ константинопольскаго патріарха ставила отдѣльно епархіи обѣихъ упраздненныхъ церквей. Арсеній былъ отправленъ на Аѳонъ, гдѣ прожилъ послѣдніе свои дни въ Зографскомъ конакѣ въ Кареяхъ въ большомъ почетѣ у болгарскихъ монаховъ Зографскаго мо-

---

[45]) Д. Филиппидесъ составилъ на греч. языкѣ географію и исторію Романія (Лейпцигъ 1816), а Фотино — исторію румынскихъ земель (Вѣна 1818, 3 тома).

настыря. Вскорѣ онъ, къ своему удовольствію, встрѣтился тамъ съ Самуиломъ, также отставленнымъ и отосланнымъ на Аѳонъ; ихъ встрѣча, конечно, не была очень пріятельской [46].

Что касается военныхъ событій этого времени, то долго еще сохранилось воспоминаніе о древне-болгарской самостоятельности и число попытокъ для возстановленія оной не малое. Впервые, послѣ полтораста лѣтъ, христіанское оружіе снова можно было видѣть при нижнемъ Дунаѣ къ концу XVI столѣтія. Въ 1594 г. юный князь трансильванскій *Сигмундъ Батори* сталъ во главѣ конфедераціи, составившейся противъ Турокъ и возбудившей большія надежды у христіанъ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Съ нимъ соединились *Михаилъ Витьзулъ*, величайшій изъ всѣхъ правителей бывшихъ когда-либо въ Валахіи, и Ааронъ господарь молдавскій; папа, императоръ римскій и многіе итальянскіе владѣтели (въ особенности Флорентинцы) доставляли воиновъ и денежныя субсидіи. Одни только Поляки угрожали ему съ тылу. Военныя дѣйствія были открыты княземъ Михаиломъ съ отборнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ Румыновъ, Сербовъ, Болгаръ и Венгровъ. Начальникомъ венгерскихъ наемниковъ былъ *Альбертъ Киральи*. Въ зимнюю стужу 1594—5 года Михаилъ и Киральи перешли чрезъ замерзшій Дунай, поражали неоднократно Турокъ, предавали пламени взятые и разграбленные ими города Измаилъ, Хрсово, Дрстеръ, Тутраканъ, Рущукъ, Флочь (между Рущукомъ и Свиштовомъ), Свиштовъ, Никополь, Орѣхово—одинъ только Видинъ держался подобно цитаделямъ нѣсколькихъ городовъ. Напали также на Бабадагъ и Разградъ и брали съ нихъ контрибуцію. Съ огромною добычею побѣдители возвратились чрезъ рѣку во свояси.

---

[46]) Актъ отреченія Арсенія въ Гласникѣ VIII. О послѣднихъ дняхъ Арсенія см. Бълг. книжици 1860, 139. Ср. также Голубинскаго.

Между тѣмъ, 10 января 1595 г. Дубровчанинъ *Павелъ Джорджичъ* подалъ князю Сигмунду подробную записку о положеніи Болгаръ, которое онъ изучилъ въ продолженіи 15-лѣтняго пребыванія въ ихъ странѣ. Въ этомъ документѣ онъ побуждалъ воеводу воспользоваться недовольствомъ Болгаръ и завоевать эту прекрасную страну, предлагая ему при этомъ свои услуги. Болгаре, говоритъ онъ, гордый, благородный народъ, не сносящій несправедливости и мстящій за обиду смертью; къ Туркамъ они враждебны, съ Греками также не въ ладу, съ Дубровчанами-же, вслѣдствіе общности языка, торговыхъ сношеній и множества родственныхъ связей, — въ тѣсныхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Еще въ 1580 г. положеніе христіанъ было очень счастливо: но уже 10 лѣтъ спустя, вслѣдствіе притѣсненій со стороны янычаровъ, толпами наводнившихъ деревни, и спагіевъ, вслѣдствіе тяжестей податей и неслыханныхъ грубостей проходившихъ войскъ, все перемѣнилось на Балканскомъ полуостровѣ. Болгаре съ нетерпѣніемъ ожидаютъ вступленія христіанскихъ войскъ и готовы изрубить всѣхъ Турокъ въ ихъ странѣ. Въ дунайской Болгаріи Джорджичъ надѣялся набрать 25.000 храбрыхъ воиновъ; албанскія колоніи около Трнова могли доставить 7.000 хорошихъ вооруженныхъ всадниковъ.

Баторій принялъ предложенія Джорджича. Самъ Джорджичъ раздувалъ возстаніе въ Варнѣ, Провадѣ и Шуменѣ, въ то время какъ Соркочевичи (Sorgho), знаменитое дубровницкое семейство, дѣйствовали въ Трновѣ и Рущукѣ. Революція дѣйствительно вспыхнула въ 1595 г.: ея центръ былъ въ Трновѣ. Тамъ царемъ былъ провозглашенъ одинъ мнимый потомокъ Шишмана III. Одновременно 2000 гайдуковъ съ отрядомъ Сербовъ напали внезапно на главный городъ Румиліи Софію и разграбили его. Еще въ 1594 г. въ Банатѣ возстали Сербы и овладѣли нѣкоторыми изъ тамошнихъ замковъ. Въ Албаніи и Македоніи господствовало

глубокое броженіе. Но болгарскому движенію вскорѣ положенъ былъ конецъ приближеніемъ съ большимъ войскомъ великаго визиря. Синанъ-паши и превосходствомъ въ военномъ дѣлѣ турецкихъ обитателей края. Шишмановичъ съ приверженцами спасся въ Россію. Для устрашенія Сербовъ паша велѣлъ перевести смертные останки св. Савы изъ Милешевскаго монастыря въ Бѣлградъ и тамъ сжечь на Врачарѣ.

Въ 23 день августа 1595 г. Синанъ-паша перешелъ чрезъ Дунай у Джурджева и встрѣтилъ въ слѣдующій день войско Михаила въ лѣсахъ и болотахъ у *Калугерени*. Турки были разбиты, но по недостатку силъ христіане не могли извлечь пользы отъ своей побѣды. Михаилъ возвратился къ Карпатамъ. Синанъ слѣдовалъ за нимъ до Тирговишта, гдѣ выжидалъ крымскихъ Татаръ; послѣдніе были однако удерживаемы войною съ Россіею. Наконецъ осенью Сигмундъ, задержанный дотолѣ нападеніемъ Поляковъ на Молдавію, прибылъ въ лагерь Михаила съ войскомъ 52.000 человѣкъ. Тирговиштъ, Букарештъ, Джурджево снова были заняты христіанами и Синану было нанесено сильное пораженіе при обратномъ его переходѣ чрезъ Дунай. Сигмунда прославляли какъ Гуніада или Скандербега. Но для продолженія войны уже не хватило времени, и 31 октября Трансильванцы возвратились домой. Слѣдующей зимою гайдуки Михаила снова перешли Дунай, взяли врасплохъ Плевенъ, плѣнили тамъ семейство богатаго помака (потурченца) Михаила Оглу, которому выкупъ онаго стоилъ большія деньги. Вспыхнувшее тогда кровавое возмущеніе Сикуловъ, несчастная битва съ Поляками и запутанныя дѣла на западѣ лишили Сигмунда возможности продолжать войну. Рая видѣлъ надежды свои обманутыми. До 16.000 Болгаръ переселились въ Валахію, гдѣ были поселены по деревнямъ.

Затѣмъ, въ 1599 году, когда Михаилъ Витѣзулъ сталъ вмѣшиваться въ трансильванскія дѣла съ тѣмъ, чтобы сое-

динить Валахію, Молдавію и Трансильванію въ одно государство, войско его состояло изъ Румыновъ, Сербовъ, Болгаръ, Поляковъ, малороссійскихъ казаковъ и Венгровъ: начальникомъ болгарскихъ гайдуковъ былъ воевода *Баба-Новакъ*, лучшій полководецъ Михаила. Въ слѣдующемъ году Баба-Новакъ, подъ надежнымъ прикрытіемъ, отправился въ качествѣ посланника въ трансильванскій лагерь, но тамъ былъ вѣроломно заточенъ яростными дворянами, подверженъ ужаснымъ истязаніямъ и сожженъ на рынкѣ [47]).

Позднѣйшія попытки сбросить турецкое иго были сдѣланы по большей части католиками, именно въ воеводствѣ кипровецкомъ. Около 1630 г. они обратились за помощью къ Фердинанду II и къ польскому королю Сигизмунду III, но по случаю 30-ти лѣтней войны безъ всякаго результата.

Открытіе турецко-венеціанской войны въ 1645 г. произвело въ балканскихъ земляхъ большое движеніе. Православные и католики полагали, что наступилъ часъ освобожденія, если только Польша и императоръ присоединились-бы къ Венеціанцамъ. Валашскій господарь Матія Бассараба (1633—1654) былъ во главѣ заговора. Болѣе всего казалось необходимымъ привлечь на свою сторону польскаго короля Владислава IV, пользовавшагося, ради побѣды одержанной надъ султаномъ Османомъ II при Хотинѣ, неимовѣрной по-

---

[47]) О запискѣ Джорджича см. Макушева, Болгарія подъ турецкимъ владычествомъ въ XV и XVI вв. въ Журн. Мин. Нар. Просв. CLXIII. Ср. Дриновъ, Период. списание I. 44, 59. Ходъ болгарскаго возстанія 1595 года подробно изложенъ въ одномъ письмѣ Джорджича; копія сего письма, еще не изданная, находится у г. Дринова. Латинскіе и греческіе разсказы о воеводѣ Михаилѣ у Papiu Ilarianu, Tesaurulu I. (Walter 1599, Bisselius 1675, de Thou 1614; хроника въ стихахъ Грека Ставрина 1601). Ср. Tomek, Bouře sedmihradské. Čas. čes. musea 1854. Міятовичъ, Шта је железо и радио српски народ у XVII веку. Годишньица Николе Чупича I, 1877, 80 сл. Раичъ, Исторія Сербовъ IV. 58. смѣшалъ Бабу-Новака съ Новакомъ Дебеличемъ, героемъ народныхъ пѣсенъ, уже извѣстномъ Дерншваму (1553).

пулярностью на востокѣ, какъ явствуетъ изъ эпической поэмы „Османъ“ Іоанна Гундулича. Посланникомъ былъ назначенъ *Петръ Парчевичъ* изъ Кипровца, потомокъ славнаго въ Болгаріи дворянскаго рода, человѣкъ опытный, ученый и краснорѣчивый, отлично знавшій языки, греческій, латинскій, итальянскій, румынскій и армянскій; обучавшись въ Лоретто и Римѣ, онъ былъ докторъ богословія и съ 1644 года — викаріемъ архіепископа марціанопольскаго Бандина. Владиславъ IV принялъ посланника весьма радушно. Парчевичъ возвратился на родину съ портретомъ короля въ полномъ вооруженіи, краснымъ бархатнымъ стягомъ и многими подарками. Владиславъ дѣйствительно готовился къ войнѣ, но преждевременная его смерть (1648) уничтожила ожиданія Болгаръ.

Движеніе, однако, продолжалось. Въ 1649 г. все считалось готовымъ для перехода къ дѣйствіямъ. Архіепископъ Деодатъ, одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, съ трудомъ только могъ предупредить неблагоразумную поспѣшность, съ которой хотѣли приступить къ возстанію. 18 декабря начальники снова сошлись съ Деодатомъ у князя Матія Бассараба въ Тирговиштѣ и отправили Парчевича вторично въ Польшу, къ императору и въ Венецію. Болгарскій левъ, доносили они въ своихъ письмахъ, хотя и дремлетъ, но еще живъ, и совѣтывали не пропускать благопріятнѣйшей минуты для совокупнаго нападенія на Порту и для возстановленія нѣкогда столь славныхъ славянскихъ царствъ. Парчевича повсюду принимали сочувственно, особенно Венеціанцы, которые уже по случаю войны республики съ Турціею заботились о составленіи союза; но отношенія европейскихъ державъ по окончаніи 30-ти лѣтней войны были такія, что союзъ этотъ не могъ состояться.

Христіане однако полагали свои надежды на то, что венеціанская война не прекратилась. Въ 1655 г. многіе

знатные Болгаре, Сербы, Албанцы и Греки вступили въ тайное соглашеніе. Парчевичъ еще разъ отправился къ императору Фердинанду III и сербскій патріархъ Гавріилъ поѣхалъ въ Москву. Но и этотъ разъ дѣло приняло худой оборотъ. Парчевичъ остался на западѣ и былъ возведенъ въ 1656 году въ санъ архіепископа марціанопольскаго. Въ 1657 году императоръ Фердинандъ III подтвердилъ, что Парчевичъ и всѣ его родственники, находившіеся въ Кипровцѣ, были членами древне-болгарскаго дворянства. Въ томъ-же году онъ, какъ посланникъ императора, отправился къ гетману казаковъ Богдану Хмельницкому, чтобы его примирить съ Польшею и склонить къ участію въ войнѣ съ Турками. Но Хмельницкій вскорѣ скончался. Парчевичъ остался затѣмъ въ Вѣнѣ, пока императоръ Леопольдъ воевалъ съ Турками въ Венгріи (1661 — 1664) и тѣмъ приступилъ къ дѣлу освобожденія. Только въ 1668 г. архіепископъ снова прибылъ въ Молдавію, гдѣ провелъ шесть лѣтъ среди большихъ бѣдствій по случаю многихъ безпорядковъ, тамъ происходившихъ, и нашествія Татаръ. Въ 1673 году предпринялъ онъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, да притомъ больной, новое путешествіе, чтобы трудиться для освобожденія своего отечества. Съ письмами молдавскаго князя Стефана Петрашка, стараго кипровецкаго архіепископа Деодата и другихъ знатныхъ лицъ, онъ, во имя народовъ Болгаріи, Сербіи, Ѳракіи и Македоніи, поѣхалъ въ Польшу, Вѣну, Венецію и Римъ. Собіескій только-что одержалъ блистательную побѣду при Хотинѣ. Парчевичъ съ юношескимъ энтузіазмомъ настаивалъ на томъ, чтобы западные христіане послали къ побѣдоноснымъ Полякамъ денегъ и воиновъ съ тѣмъ, чтобы они перешли Дунай и возстановленіемъ Болгаріи подкапали могущество Порты. Но въ Римѣ, гдѣ польскій посланникъ взялся помогать Парчевичу, послѣдній скончался 26-го іюля 1674 года. Во всякомъ случаѣ Пар-

чевича должно считать величайшимъ Болгариномъ XVII столѣтія.

Девять лѣтъ спустя послѣ его смерти исполнились мечты и желанія болгарскихъ патріотовъ. Въ 1683 г. Турки начали осаду Вѣны, но были отбиты Австрійцами и Поляками. Австрія, Польша и Венеція соединились противъ общаго врага и Россія была готова участвовать въ священной войнѣ нападеніемъ на Крымъ. Австрійцы завоевали Венгрію, Венеціанцы — Морею. Но тогда между христіанами Турціи снова открылись несогласія. Различіе между церквами западной и восточной еще не было забыто. Въ дни Парчевича, когда не надѣялись на близкую помощь, латинцы и православные были согласны, хотя самъ Парчевичъ, какъ явствуетъ изъ его еще неизданной корреспонденціи, ради своей политической дѣятельности постоянно принужденъ былъ бороться съ пропагандою и интригами папскихъ нунціевъ. Тогда-же три католическія державы взялись за дѣло освобожденія христіанъ. Стали опасаться, что при этомъ имѣлась въ виду латинизація освобожденныхъ церквей. Угнетенные христіане переставали ждать освобожденія отъ запада и полагали свои надежды на Россію. Еще въ 1576 году Россія пробудила большія опасенія у Турокъ вслѣдствіе уваженія, которымъ она пользовалась у единовѣрцевъ въ Болгаріи, Сербіи, Босніи и Греціи [48]). Члены духовенства отправлялись въ Москву для сбора пожертвованій и для полученія книгъ. Въ XVII столѣтіи не одни только московскіе цари, но также казацкіе гетманы были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ южными Славянами. Сближенію Россіи съ прочими Славянами способствовали въ особенности тогда сочиненія Хорвата Юрія Крижанича. Еще въ 1684 году знали

---

[48]) Венеціанецъ Соранцо (у Макушева op. cit.).

въ Москвѣ, что Болгаре, Сербы, Греки и Румыны исключительно ожидали своего освобожденія отъ русскаго царя. Въ сентябрѣ 1688 г. игуменъ Павловскаго монастыря на Аѳонѣ Исаія прибылъ въ Россію съ письмами отъ экспатріарха константинопольскаго Діонисія, отъ сербскаго патріарха Арсенія III Черноевича и отъ господаря валашскаго Шербана Кантакузина. Если только Русскіе дошли-бы до Аккермана, то, по словамъ Кантакузина, 300.000 Румыновъ, Болгаръ, Сербовъ и Грековъ взялись-бы за оружіе и путь къ Царьграду былъ-бы проложенъ. Одновременно готовились въ Россіи къ походу въ Крымъ; въ особенномъ объявленіи къ народу русскому о новомъ походѣ (сент. 1688 г.) было сказано, что „бусурмани въ отчаяніи своемъ (во время войны Венеціи, Австріи и Польши съ Портою) въ греческой, ромельской и морейской и сербской и болгарской земляхъ православныхъ христіанъ мужеска и женска пола и невинныхъ младенцевъ, послѣ многихъ и различныхъ мукъ и поругався сквернымъ поруганіемъ мечу и огнѣ предали больше трехъ сотъ тысячъ; и прочихъ христіанъ младыхъ и женска пола, неисчетное множество въ неволю свою бусурманскую побравь, свезли за море“. Но русское войско тогда дошло только до Перекопа [49]).

Между тѣмъ Бѣлградъ (1688) былъ взятъ Австрійцами. Воеводство кипровецкое не надѣялось, что рѣшительный моментъ наступилъ и войско возставшихъ собралось подъ начальствомъ *Георгія Пеячевича* и *Богдана* у Кутловицы; но они были разсѣяны Турками. Впослѣдствіи Кипровецъ съ окрестностями былъ разграбленъ до тла и сожженъ. Жители спаслись на Балканъ, а затѣмъ разными путями и среди большихъ трудностей — въ Валахію и Трансильванію; между ними находился послѣдній архіепископъ Кнежевичъ.

---

[49]) Соловьевъ, Ист. Россіи XIV, стр. 27, 55, 57.

Побѣда, одержанная Людовикомъ Баденскимъ надъ Турками при Нишѣ 23 сентября 1689 г. и взятіе имъ Видина, 14 октября, уже не принесли пользы Болгарамъ; остатки кипровецкихъ дружинъ присоединились къ его арміи. Графъ Пикколомини тогда-же обратился къ Приштинѣ и войска его заняли даже Скопье. Но въ 1690 году оба эти города вмѣстѣ съ Нишемъ и Видиномъ снова были потеряны [50]).

Многіе изъ возставшихъ, обратившихся въ Валахію, остались тамъ и были поселены княземъ Константиномъ Бранкованомъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Еще въ 1813 г. купеческая „кумпанія Кипровецилоръ“ существовала въ Рымникѣ де-Олтѣ. Большая-же часть переселилась въ Трансильванію, гдѣ императоръ Леопольдъ назначилъ имъ въ 1700 г. жилища въ Альвинцѣ, даровавъ имъ льготы, которыя были подтверждены Карломъ VI въ 1738 г. Имъ было дозволено заниматься торговлею по всей имперіи, избирать магистратъ изъ среды своей и имѣть у себя священника, непосредственно подвѣдомственнаго епископу. По случаю раздоровъ съ сосѣдями, нѣкоторые изъ нихъ переселились затѣмъ въ Деву и Карлсбургъ. Привилегіи благородныхъ кипровецкихъ частью были уже подтверждены дипломомъ, полученнымъ Петромъ Парчевичемъ отъ ипператора Фердинанда III въ 1657 г. и были возобновлены Леопольдомъ и Карломъ VI. Фамилія Пеячевичъ, находившаяся въ близкомъ родствѣ съ

---

[50]) Большое число неизданныхъ документовъ относительно посольствъ Парчевича и исторіи Кипровца хранится въ архивахъ вѣнскомъ, венеціанскомъ и римскомъ, равно какъ и между фамильными бумагами графовъ Пеячевичей. Мнѣ они стали доступными благодаря обязательности графа Юліана Пеячевича, усердно занимающагося исторіею своей фамиліи. Ср. также Nicolai Smitth (e Soc. Jesu), Imperatores Ottomanici. Tyrnaviae 1760, II, 42 сл. О пребываніи Парчевича въ Венеціи въ 1673 г. ср. также Макушевъ, Восточный вопросъ въ XVI и XVII вв. Слав. сборникъ III.

Парчевичами, вскорѣ пріобрѣла большое значеніе и разбогатѣла, была возведена въ 1772 г. въ графское достоинство и принадлежитъ нынѣ къ первымъ фамиліямъ хорватскаго и славонскаго дворянства. Нѣкоторые изъ благородныхъ кипровецкихъ, перешедшихъ въ духовное званіе, вскорѣ стали отличаться на поприщѣ литературы [51]).

Къ сожалѣнію Болгарія вмѣстѣ съ выселявшимися лишалась послѣднихъ элементовъ, у которыхъ сохранилось воспоминаніе прежней независимости, возстановленія которой они такъ усердно желали; при такихъ обстоятельствахъ слѣдовало опасаться, что въ XVIII стол. болгарская народность могла совершенно погибнуть.

Между тѣмъ значеніе Россіи дѣлалось болѣе и болѣе замѣтнымъ и предвѣщало лучшую будущность для южныхъ Славянъ. Еще въ 1701 г. Петръ Великій отправилъ перваго постояннаго русскаго посла Петра Андреевича Толстого въ Константинополь. Пребываніе его тамъ чрезвычайно тревожило Турокъ. Доступъ къ нему былъ запрещенъ христіанамъ и стража янычаръ у его воротъ должна была наблюдать, чтобы христіанскіе подданные Порты его не посѣщали. При всемъ томъ опасались тайныхъ агитацій Россіи у подвластныхъ христіанскихъ народовъ. Много

---

[51]) Къ нимъ принадлежатъ *Крэстъ* (Христофоръ) *Пейкичъ* изъ Кипровца, настоятель монастыря въ Чанадѣ (въ Венгріи), издавшій между прочимъ сочиненіе о различіи между церквами католической и православной (Венеція 1716) и разсужденіе на латинскомъ языкѣ противъ корана (Tyrnau 1717). Ср. Шафарика, Gesch. der südslav. Lit. II, 52, 219. III, 133. Іезуитъ *Яковъ Пеячевичъ* († 1738), профессоръ въ Загребѣ и въ другихъ мѣстахъ, обнародовалъ латинскую географію (Загребъ 1714, Ср. Schwandtner III), въ которой con amore описываетъ Балканскій полуостровъ. Много богословскихъ книгъ и сочиненіе подъ заглавіемъ «Historia Serviae» (Kalocae 1799) написалъ Матѳей *Фр. Ксав. Пеячевичъ* (род. 1707, † 1781) профессоръ и, по уничтоженіи ордена іезуитовъ, котораго онъ былъ членомъ, аббатъ въ Петроварадинѣ.

герцеговинскихъ, далматинскихъ, черногорскихъ эмигрантовъ находилось при дворѣ царя. Когда началась война съ Турками въ 1711 году, Петръ получилъ много писемъ отъ Сербовъ, Болгаръ, Румыновъ, Грековъ; всѣ ожидали освобожденія и были готовы присоединиться. Черногорцы, послѣдній остатокъ юго-славянскихъ государствъ, заключили союзъ съ Русскими. Петръ настаивалъ на томъ, чтобы войско въ возможной скорости подступило къ Дунаю, дабы возстаніе христіанъ могло послѣдовать. Но катастрофа при Прутѣ помѣшала осуществленію его желанія. Черногорцы-же съ тѣхъ поръ находились постоянно въ дружескихъ сношеніяхъ съ Россіею.

Большое движеніе было вызвано на полуостровѣ побѣдами принца Евгенія и Пожаревацкимъ миромъ (1718). Австріи досталась большая часть нынѣшняго сербскаго княжества съ Малою Валахіею. Тогда павликіаны изъ Никополя переселились въ австрійскую Валахію, гдѣ имъ дарованы были особыя привилегіи съ назначеніемъ имъ мѣста жительства подлѣ древнѣйшихъ кипровецкихъ поселеній въ Краіовѣ, Рымникѣ де-Олтѣ и Брадичени (1727). Николай Станиславичъ, родственникъ вышеупомянутаго Филиппа Станиславова, епископъ никопольскій, былъ назначенъ апостольскимъ администраторомъ Валахіи.

Въ 1737 г. была счастливо открыта война взятіемъ Ниша. Но вслѣдствіе несчастныхъ промаховъ австрійскихъ полководцевъ, въ особенности у Видина, все приняло другой оборотъ. Въ Бѣлградскомъ мирѣ (1739) нужно было отказаться отъ всѣхъ пріобрѣтеній Пожаревацкаго [52]). Послѣ утраты Малой Валахіи, тамошніе болгарскіе колонисты, отчасти потомки Кипровчанъ, отчасти павликіаны,

---

[52]) Подробности у Каница, Donau-Bulgarien I. 247, 59.

переселились въ Темешскій банатъ, гдѣ ихъ потомки живутъ и теперь. Одни, т. н. павликіаны, поселились въ Бешеновѣ. Другіе, большею частью купцы, основали городокъ Вингу, называвшійся нѣкоторое время также Марія-Терезіополемъ. Они пользовались особыми привилегіями, подтвержденными также императрицей Маріей Терезіей въ 1744 г. Въ первой инстанціи судили у нихъ отечественные присяжные и избранный судья по старымъ народнымъ обычаямъ. У нихъ былъ также свой гербъ. Императрица обязала ихъ въ случаѣ войны доставлять контингентъ (centuria) для темешварскаго гарнизона и обучать его и въ мирное время. Другіе католическіе Болгаре поселились около 1740 г. въ Крашовскихъ горахъ, гдѣ ихъ еще можно встрѣтить въ семи селахъ. Въ Семиградскую область какъ было упомянуто, въ 1688 г. пришли колонисты изъ Кипровца [53]). Теперь ихъ не болѣе 207 душъ. Всѣ эти Болгаре были и суть католики. Загадочно происхожденіе протестанскихъ Болгаръ въ Чергедѣ, Рейсдорфѣ и др. семиградскихъ селахъ. Навѣрно они поселились тамъ еще задолго до походовъ принца Евгенія; Миклошичъ даже смотритъ на нихъ какъ на потомковъ старыхъ дакійскихъ Словѣнъ (стр. 104). Еще въ прошломъ столѣтіи они говорили по болгарски; теперь они орумынены [54]).

Во всѣ времена турецкаго господства не было недостатка въ людяхъ, сопротивлявшихся турецкимъ притѣсненіямъ вооруженной рукой и жившихъ свободно въ горахъ и лѣсахъ. Болгарскій *гайдутинъ*, сербскій *гайдукъ* и греческій *клефтъ* — только различныя наименованія одного и того-же класса людей. Иногда ихъ называли турецкимъ

---

[53]) Czoernig, Oest. Ethnographie I, 73. III, 143.

[54]) Катехизисъ на ихъ нарѣчіи обнародывалъ Миклошичъ, См. гл. III, примѣчаніе 25.

именемъ *арамiи*, а ихъ атамана — *aрамбашей*. Въ ихъ битвахъ и приключенiяхъ, воспѣтыхъ въ тысячахъ пѣсенъ, есть что-то рыцарское. Ихъ жизненной задачей не былъ грабежъ, а месть притѣснителямъ ихъ единовѣрцевъ. Нападать на магометанъ, грабить и рубить ихъ, за христiанъ заступаться и мстить — вотъ призванiе гайдуковъ.

Разнообразны были причины, почему тотъ или другой брался за оружiе и шелъ „гулять по горамъ". Только въ отчаянiи можно было избрать такую долю, потому что кто на это рѣшился, тотъ былъ навсегда обреченъ Турками на погибель. У одного Турки убили родителей или брата, у другаго увезли невѣсту или обезчестили сестру; иныхъ вымогательства беговъ лишили всего имущества, или на пути были ограблены всѣ товары и такимъ образомъ подорвано ихъ существованiе; многiе бѣжали изъ мѣстъ заключенiя; бывали даже случаи, когда дѣлались гайдуками изъ-за несчастной любви или вслѣдствiе проклятiя родителей. Бѣглецъ или самъ собиралъ чету, или присоединялся къ уже существующей. Принимались только отборные, стойкiе и неустрашимые люди (отборъ-юнаци). Они клялись быть вѣрными другъ другу и не разлучаться. Ихъ оружiе состояло изъ ружья въ ростъ человѣка (длъга пушка бойлiя), пары пистолетовъ за поясомъ (чифте пиштови на поясъ), ятагана и сабли (остра сабя френгiя, т. е. франкская). Одежда ихъ была большею частью роскошна, затканная пестрыми узорами и украшенная шнурками (гайтани). „Вѣрна и сговорна дружина" (или „чета") рѣдко когда была больше 50 человѣкъ; въ пѣсняхъ числа часто преувеличиваются. Отдѣльные гайдуки назывались по сербски *момци* (ед. ч. момакъ), по болгарски *момчета*, вообще *юнаци* (герои, молодцы). Опытнѣйшаго и храбрѣйшаго избирали въ *воеводы*. Воевода назначалъ одного изъ дружины *барьяктаремъ* (хорунжiй), который несъ зеленое или красное знамя.

Мѣстопребываніемъ гайдуковъ были высокія горы Стара-Планина (Балканъ), Родопа, Средна-Гора, Сакаръ-Планина, Странджа и Шаръ; охотнѣе всего они держались вблизи проходовъ и горныхъ тропинокъ. Если было необходимо, то они спускались также въ низменности и часто рыскали по полуострову, скрываясь въ лѣсахъ и лугахъ. Они повсюду искали Турокъ или вообще мусульманъ, чтобъ убить или покрайней мѣрѣ ограбить. Если какой-нибудь бегъ или спаги сильно тиранилъ христіанъ, то послѣдніе призывали на помощь гайдуковъ, которые умерщвляли мучителя или въ лѣсной темнотѣ изъ засады, или въ темную ночь въ его собственномъ жилищѣ. Настоящій гайдукъ никогда не обижалъ христіанъ, равно какъ и магометанскій лѣсной рыцарь убивалъ и грабилъ только христіанъ. По традиціональному повѣрью, укоренившемуся у гайдуковъ, всякій изъ нихъ, кто только оскорбитъ женщину, будетъ приговоренъ неизбѣжнымъ рокомъ къ турецкому плѣну. Простой грабитель носилъ у нихъ позорное имя *кокошаринъ* (куринный воръ) и не былъ терпимъ въ дружинѣ. Однако, бывали случаи, какъ видно изъ народныхъ пѣсенъ, что многіе воеводы, движимые голодомъ или личною местью, не щадили и своихъ единовѣрцевъ.

Изо дня въ день преслѣдовали гайдука безчисленныя опасности и трудности. Если онъ „отправилъ къ Аллаху“ притѣснителя, то долженъ былъ быстро оставить мѣстность, потому что за нимъ гнались уже турецкіе пандуры, кавасы и сеймены. Эта охота на гайдуковъ называлась *потера*. Часто Турки заставляли и крестьянъ окружать лѣса и осматривать горы. Головы павшихъ гайдуковъ выставлялись публично въ городахъ. Пойманнаго живымъ обыкновенно сажали на колъ у городскихъ воротъ, причемъ многіе въ страшнѣйшихъ мукахъ ругали пророка и грозили местью своихъ пріятелей; такой случай воспѣваетъ хорватскій поэтъ

Станко Врацъ въ своей пѣснѣ „Гайдукъ и визирь“. Часто случалось, что такой преслѣдователь Турокъ, насытившись дикою жизнью, добывалъ себѣ письменную амнистію и часто дѣлался турецкимъ пандуромъ.

Звѣздное небо было кровомъ гайдука; онъ былъ внѣ всякой защиты отъ вѣтровъ, бурь и ливней. Для своей безопасности дружина должна была часто мѣнять свое мѣстопребываніе и въ одинъ день проходить невѣроятное пространство, осторожно прокрадываясь. Вблизи селъ крестьяне и пастухи щедро надѣляли гайдуковъ пищей и питьемъ. Однако, иногда гайдуку, какъ говоритъ одна сербская пѣсня, приходилось съ голода ѣсть черную землю, отъ жажды сосать воду съ листьевъ. Если вблизи были Турки, то больныхъ, не желавшихъ попасться въ руки непріятеля, убивали по ихъ-же просьбѣ товарищи. Если уединенный или заблудившійся гайдукъ заболѣвалъ, то безпомощный онъ умиралъ на горныхъ пастбищахъ или въ лѣсной тѣни: „орлы копали ему могилу“ и никто уже о немъ не слыхалъ.

Разгаръ гайдуцкой жизни былъ лѣтомъ, такъ какъ зимою прохладные, зеленые лѣса (прохладна гора зелена), состоящіе на полуостровѣ почти исключительно изъ дубовъ и буковъ, видны насквозь; къ тому-же и суровая горная зима. Въ „Крестовъ день“ въ сентябрѣ юнаци расходятся, зарываютъ свое оружіе, условившись на счетъ ближайшаго сборнаго пункта. Мѣсто, гдѣ спрятано было оружіе, обозначалось различными знаками. Въ Балканѣ повсюду можно видѣть подобныя замѣтки: имена и числа годовъ, вырѣзанныя на древесной корѣ, или вбитые гвозди и проч. Зиму гайдукъ проводилъ въ деревнѣ у своего пріятеля (ятакъ) въ работѣ и пѣсняхъ. Въ апрѣлѣ, въ день св. Георгія (Гергіовъ день, по серб. Гюргьев дан), когда таетъ снѣгъ въ долинахъ, деревни одѣваются зеленью и прилетаютъ ласточки, дружина собирается вновь.

У Болгаръ нельзя прослѣдить съ такою точностью исторію гайдуковъ, какъ у Сербовъ, гдѣ народный эпосъ часто находитъ подтвержденіе въ письменныхъ документахъ. Къ XVI—XVIII вв. относятся слѣдующіе воеводы: Манушъ, Страшилъ на Перинъ-Планинѣ, Семко, Рада, Барбуръ, Влко, Наніо у Разграда, Чіавдаръ у Рыла, Влчанъ у Трнова, Ненчо изъ Трояна, много воспѣтый въ Македоніи Стоянъ изъ Трнова и т. д. Въ самомъ цвѣтущемъ состояніи находилось, кажется, гайдучество къ концу XVIII стол. Многіе служили тогда въ войскахъ княжествъ Молдавіи и Валахіи.

Замѣчательно, что у Болгаръ, какъ и у Сербовъ часто гайдуковали и дѣвушки въ сопровожденіи своихъ братьевъ. Въ болгарскихъ пѣсняхъ воспѣваются „войводки", Елена, Тодорка, ловко владѣвшія оружіемъ, носившія сабли и съ отважною хитростью нападавшія врасплохъ на караваны. Что это не вымыселъ, показываетъ слѣдующій случай. Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Дибрскихъ и Кичевскихъ горахъ ходила *Сирма войводка* изъ села Тресанче на Радикѣ въ землѣ Міяковъ. Дружина долго не знала, что ея воевода дѣвушка. Она была въ состояніи пробыть въ продолженіи 18-ти часовъ на ногахъ. Позднѣе она вышла замужъ за одного міяка изъ Крушова (стр. 590). Димитрій Миладиновъ видѣлъ ее, когда она была уже восьмидесятилѣтнею старухою († 1861) въ Прилѣпѣ и изъ устъ ея слышалъ исторію ея молодости. Въ комнатѣ, подъ периной у нея были спрятаны пистолеты, а на стѣнахъ висѣли сабли. И она воспѣта въ пѣсняхъ [55]).

Гайдучество и нынѣ дѣлаетъ Туркамъ много хлопотъ. Гайдуками была открыта сербская освободительная борьба. Гайдуцкія дружины исчезли только въ Сербіи и Черногоріи, гдѣ христіанину свободно дышется.

---

[55]) К. и Д. Миладиновы, Болг. нар. пѣсни, стр. 328.

Въ заключеніе главы, мы хотимъ упомянуть объ этнографическихъ перемѣнахъ совершавшихся въ эту эпоху.

По отступленіи Сербовъ съ Косова поля въ южную Венгрію, оставленныя мѣста ихъ заняли *Албанцы* и достигли такимъ образомъ Моравы.

Приблизительно къ XVI ст. относится заселеніе туркестанскими *Юрукими* и турецкими *Коньярами* южныхъ частей Ѳракіи и Македоніи, преимущественно Моглены. Туземные Румыны и Болгаре, для избѣжанія нападеній этихъ непрошенныхъ гостей, часто принимали исламъ.

Въ прошломъ столѣтіи, говорятъ, послѣдовало заселеніе Балканскихъ областей *Тозлука* и *Герлова* (по турецки Карлова, 45 деревень) турецкими колонистами изъ Азіи. Единственная уцѣлѣвшая болгарская деревня въ Герловѣ, *Врбица*, была резиденціей татарскихъ султановъ, которые переселились вмѣстѣ со своими земляками (въ 1770 г. уже ихъ было 20.000) изъ Крыма въ Турцію. Другіе татарскіе султаны, занявшіе вскорѣ выдающееся мѣсто среди турецкаго феодальнаго дворянства, жили въ Фундукли у Ямболя и въ Шехлари у Карнобада; одинъ изъ нихъ, живущій въ Куруджи при Ени-Загорѣ, еще въ 1875 году надѣлалъ много шуму своимъ варварскимъ притѣсненіемъ болгарскихъ крестьянъ. Это были не первые Татары въ Турціи. Уже въ 1485 году Баязитъ II основалъ татарскій городъ Татаръ-Пазарджикъ для охраны сосѣднихъ проходовъ. Болгаре стали селиться въ этомъ городѣ (въ 1587 г. 30 душъ) только тогда, когда моръ истребилъ значительную часть Татаръ и Турокъ [56]). Подобное явленіе представлялось въ Нишѣ, Филиппополѣ и Адріанополѣ, гдѣ обитало въ XVI стол. лишь нѣсколько сотъ христіанъ.

---

[56]) Захаріевъ 41 съ сл.

Глава XXVIII.

Пасваноглу и Кирджаліи.

Турецкія смуты 1791—1808 г. — Слѣдствія французской революціи. — Реформы Селима III. — Независимые паши. — Разбойническая шайка Кирджаліевъ (1792—1804). — Османъ Пасваноглу, видинскій паша-отступникъ. — Сербская революція.— Тильзитскій миръ и восточные планы Наполеона.

Нѣкогда несокрушимое могущество османское стало съ начала XVIII стол., подъ натискомъ побѣдоносныхъ русскихъ и австрійскихъ войскъ, неудержимо падать. Особенно опаснымъ сосѣдомъ для Турокъ стало русское царство, знамена котораго развѣвались на равнинахъ Добруджи и на Черномъ морѣ. Высокая Порта была постоянно принуждена покупать миръ съ Русскими уступкою обширныхъ областей. Исчезло не только прежнее счастіе мусульманскихъ войскъ, но и вся внутренняя жизнь міроваго османскаго царства начала разлагаться.

Старый воинственный духъ турецкаго народа испарился. Конечно, корпусъ янычаровъ все еще существовалъ, но въ это изстари прославившееся общество вступали уже не старые янычары, пролагавшіе со всѣхъ сторонъ пути для могущества султана, а всякій сбродъ, безъ дисциплины и военнаго духа, ради преимуществъ. Съ XVII ст. перестали пополнять корпусъ христіанскими дѣтьми; янычары,

жившіе прежде монахами, стали жениться и заниматься ремеслами. Едва 20.000 изъ нихъ были годны къ военной службѣ. Въ высшей степени опасно было могущество улемовъ, которые, когда того хотѣли, возбуждали янычаровъ и константинопольскую чернь и угрожали такимъ образомъ султану и его совѣтникамъ. Государственныя кассы давно уже были пусты, войскамъ годами не платили жалованья, а когда дѣло доходило до войны, то нужно было открывать частную кассу султана (казна). Никто не осмѣливался протянуть руку къ богатымъ имуществамъ мечетей. Послѣднимъ прибѣжищемъ была поддѣлка монетъ. Въ крайней нуждѣ появлялся иногда еще великій полководецъ или отличный государственный человѣкъ, но выдающагося финансиста Османы никогда не имѣли. Въ провинціяхъ изъ которыхъ паши высасывали соки, земледѣліе и общественная безопасность пришли въ упадокъ, плодородныя области опустѣли и населеніе изъ года въ годъ уменьшалось.

Естественно, что послы иностранныхъ державъ, увидѣвши это положеніе османскаго царства, его финансовую несостоятельность и недостатокъ дисциплинированныхъ войскъ, стали предвѣщать скорое паденіе царства [1]).

Съ 1780 г. *греческій проектъ* императрицы Екатерины II возбудилъ большое вниманіе въ Европѣ. Дѣло шло ни о чемъ иномъ, какъ объ изгнаніи Турокъ и возстановленіи византійской имперіи. По выработанному въ 1782 г. сообща Іосифомъ II и Екатериной II проекту раздѣла, Австрія должна была получить Боснію съ Сербіей, а Россія Крымъ съ Очаковомъ. Въ Турціи и Архипелагѣ должна была основаться новая имперія съ конституціей по англійскому об-

---

[1]) Kaunitz въ 1774 году писалъ, что Турки обречены на погибель и что маленькое, но хорошо организованное войско въ состояніи выгнать ихъ изъ Европы. Zinkeisen, Geschichte des osman. Reiches in Europa. VI, 85.

разцу, а главою ея долженъ былъ стать русскій великій князь Константинъ (род. въ 1779 г.). Валахія и Молдавія должны были остаться самостоятельными подъ управленіемъ православнаго государя.

Дѣло дошло до войны. Несчастія австрійской арміи извѣстны. Послѣ блистательныхъ побѣдъ Русскихъ въ Валахіи, Порта принуждена была заключить миръ въ 1791 г. съ Австріей въ Свиштовѣ, въ 1792 году — съ Россіей въ Яссахъ. Страданія Болгаріи во время этой войны были ужасны; по извѣстіямъ европейскихъ путешественниковъ армія великаго визиря, долго стоявшая у Софіи, разогнала въ 1789 г. во всѣ стороны населеніе. Подданные султана такъ привыкли къ грабежамъ, что обращались въ бѣгство отъ иностранцевъ всякой націи. Но скоро настали болѣе кровавыя времена.

Французская революція привела въ движеніе всю Европу; въ продолженіи четверти столѣтія, ниспроверженія, перевороты и перемѣны не прерывались. И на востокѣ настала новая жизнь. Новому порядку, однако, предшествовали тамъ бури, чуть не разрушившія османское царство.

Въ 1789 г. вступилъ на престолъ Селимъ III, талантливый и дѣятельный государь; однако, для его плановъ большихъ реформъ, которыя онъ поставилъ задачею своей жизни, не доставало ему терпѣнія, энергіи и осторожности. Главная его забота была посвящена войску и финансамъ. Онъ ясно видѣлъ негодность янычаровъ, албанскихъ ордъ и ленныхъ контингентовъ, и предпринялъ образованіе постоянныхъ войскъ, которыя были-бы одѣты, вооружены и обучены на европейскій ладъ. Уже прежде пытались преобразовать войско, въ особенности при помощи прусскихъ офицеровъ; прусское вліяніе въ Портѣ, именно во время Фридриха Великаго, было очень сильно. Улучшенъ былъ также флотъ, основаны фабрики, пороховые заводы, даже

инженерное училище. Но все это шло медленно, при постоянной борьбѣ съ устарѣлыми предразсудками. Трудно было убѣдить Турка, что штыкъ и легкая артиллерія не грѣшатъ противъ корана. Наибольшее сопротивленіе противъ *низами джедидъ* (новыя учрежденія) проявили янычары, предвидя свою погибель; они кричали, что старые Османы безъ такихъ нововведеній одерживали побѣды и основали могущественное царство. Тщетны были всѣ попытки преодолѣть ихъ сопротивленіе. Послѣ долгой борьбы, Селимъ съ своими совѣтниками поплатились жизнію за свои реформы. Смуты затѣмъ еще продолжались, пока, наконецъ, Махмудъ II (1826) не уничтожилъ весь корпусъ янычаровъ.

Въ то время, какъ вся Европа отъ Урала до Гибралтара стояла подъ ружьемъ, Турція также была увлечена въ европейскій водоворотъ и принуждена участвовать въ борьбѣ съ возрастающимъ могуществомъ Бонапарта. Въ Константинополѣ вліяніе Наполеона соперничало съ русскимъ и англійскимъ. Раздѣлъ Польши, паденіе Венеціи, уничтоженіе Дубровницкой республики, занятіе Далмаціи Австріей, Іоническихъ острововъ Французами, — все это не давало покоя Портѣ. Между тѣмъ царство стало распадаться на независимыя княжества. Въ Скодрѣ возвысился Махмудъ Бушатли, въ Албаніи, Эпирѣ и Ѳессаліи — знаменитый тепеленійскій Али-паша, въ Видинѣ — хитрый Боснякъ Пасваноглу; взялась за оружіе Черногорія, въ Сербіи было броженіе; Болгарія, Ѳракія и Македонія, стало быть вся Румелія, была наводнена возмутившимися янычарами и разбойниками Кирджаліями. Въ Азіи въ С. Жанъ-д'Акрѣ нѣсколько лѣтъ уже правилъ независимый тиранъ Джезаръ-паша, въ Дамаскѣ — Абдалла; изъ глубины Аравіи выступили фанатическіе Вагабиты, а въ Египтѣ, по уходѣ Французовъ, Албанецъ Мехмедъ-Али основалъ прочное го-

сударство. Повсюду видны были разложеніе и разрушеніе; казалось, что дни османской монархіи сочтены.

Страшнымъ бичемъ всѣхъ болгарскихъ земель были во дни Селима III извѣстные *Кирджаліи* (кирчали — по турецки грабители въ пустыняхъ), называющіеся также въ сочиненіяхъ современниковъ *дагли* (горцы), или просто *гайдути*. Еще нынѣ память о ихъ ужасномъ времени живетъ повсюду въ Болгаріи въ пѣсняхъ и сказаніяхъ. Въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ длились ихъ грабительскіе набѣги, противъ которыхъ ничего не могло подѣлать ни слабое правительство, ни безоружный народъ. Много лѣтъ уже войска, по окончаніи войны, не хотѣли мирно возвращаться домой, а занимались грабежомъ въ большихъ размѣрахъ,— несомнѣнный знакъ возрастающаго упадка. Такъ было уже въ началѣ XVII столѣтія въ Анатоліи, такъ было и теперь послѣ Свиштовскаго мира.

Впервые появились Кирджаліи въ Хаскіоѣ у подошвы Родопы. Тамъ, вѣроятно, собрались они вокругъ Эмина-аги и тамъ начались ихъ безчинства [2]). Скоро ихъ было уже 25,000 и даже больше. Къ нимъ стекались не только Турки, Татары и Албанцы, но и Босняки и Болгаре, такъ какъ они терпѣли между собою всѣ національности, ибо ихъ соединялъ грабежъ, а не вѣра. Это не были обыкновенные разбойники, которые нападаютъ на караваны или отдѣльныхъ путешественниковъ, а организованныя шайки, подъ командою опытныхъ и знающихъ военное дѣло *бим-*

---

[2]) Касательно времени Кирджаліевъ снова намъ приходится имѣть дѣло болѣе со сказаніями, чѣмъ съ письменными извѣстіями. Еще недавно было довольно очевидцевъ для этого времени, но теперь ихъ будетъ встрѣчаться все меньше. См. Раковскаго, Горскій пжтникъ (гайдуцкій эпосъ, съ драгоцѣнными историческими примѣчаніями). Новый-садъ 1857. 259. слѣд. и мемуары гайдуцкаго воеводы Панаіота Хитова (Славянскій сборникъ). См. также Zinkeisen VII, который изображаетъ этотъ періодъ по отчетамъ посольствъ и описаніямъ путешествій.

башей или *булюкбашей*. Они нападали врасплохъ на села и города, грабили ихъ и уносили добычу въ свои пристанища въ долинахъ у подошвы восточнаго Балкана и Родопы. Даже зимняя стужа не прекращала ихъ поиски. Константинополь даже дрожалъ предъ ними не разъ. Всѣ конные, они были вооружены саблями, пистолетами и длинными ружьями (крджалійке): пушекъ они не имѣли. По ихъ роскошнымъ бархатнымъ и шелковымъ костюмамъ видно было, что они не имѣли недостатка въ богатой добычѣ. Въ своемъ лагерѣ они имѣли множество прекрасныхъ женщинъ, которыхъ они называли *гевендіи* [3]; въ особенности охотно къ нимъ шло много цыганокъ, которыя въ вооруженіи и на лошадяхъ иногда участвовали въ ихъ экспедиціяхъ. Изверги эти уводили множество болгарскихъ дѣвицъ и женщинъ, которыя въ жалкомъ рабствѣ принуждены были удовлетворять ихъ необузданнымъ страстямъ. Они увозили съ собою также, по турецкому и албанскому обычаю, красивыхъ юношей (олани, кіочеци) [4]. Людскія муки имѣли для Кирджаліевъ особую прелесть. Старый Албанецъ, прежній Кирджалія, разсказывалъ однажды одному французскому путешественнику исторію своей юности: „я былъ атаманомъ разбойниковъ: представьте-же мое счастіе, когда я велъ веселую жизнь разбойника въ Румеліи. Какъ только я ограблю бывало селеніе, то наслаждаюсь видомъ плачущихъ женщинъ, которыя приходили вымаливать жизнь своихъ мужей; я уважалъ ихъ просьбы, и вы поймете, какъ я гордился своимъ положеніемъ“ [5].

---

[3]) По турец. гвивенди — милая.

[4]) Въ 1838 г. изъ пашей и аяновъ въ Монастырѣ, Призренѣ, Печѣ Скодрѣ, Каваѣ и въ Пекинѣ, только монастырскій имѣлъ *женскій* гаремъ. Д-ръ Müller, Albanien und Rumelien, 37; огланъ — мальчикъ, кучюкъ — маленькій.

[5]) Pouqueville, Voyage en Morée, à Constantinople, en Albanie Paris 1805, III. 154.

Самымъ выдающимся предводителемъ Кирджаліевъ былъ *Кара-Фейзъ*, потуреченный Болгаринъ изъ Брюзника, въ софійскомъ пашалыкѣ [6]); рядомъ съ нимъ слѣдуетъ упомянуть *Дели Кадира*, *Токанчію*, *Филабели*, *Кара Мустафу*, *Гушанцъ Али Халиля*, *Кара-Манафъ Ибрагима*. Кромѣ этихъ магометанъ, большую славу пріобрѣлъ воспѣтый въ болгарскихъ пѣсняхъ Болгаринъ *Индже-Войвода*. [7]). Уже прежде онъ велъ гайдуцкую жизнь во главѣ 70 человѣкъ: послѣ-же того какъ сошлись Кирджаліи, онъ собралъ 500 всадниковъ, присоединился къ Кирджаліямъ и сталъ мучить Турокъ и христіанъ. Онъ былъ высокій, красивый и храбрый человѣкъ, родомъ изъ Сливна, гдѣ недавно еще жили старики, помнившіе его; по словамъ другихъ, онъ происходилъ изъ села Попова у Бакаджика [8]). Свою жену, дочь священника въ Сливнѣ, онъ взялъ съ собой. Между кирджалійскими капитанами онъ отличался бо́льшею гуманностью. Его барьяктаромъ былъ также прославленный въ пѣсняхъ Болгаринъ Каракольо изъ Омарчева у Ени-Загоры, братъ котораго жилъ еще тамъ въ 1854 г. 80-ти лѣтнимъ старцемъ съ юношески-свѣжими щеками.

Войска, высланныя изъ Константинополя противъ Кирджаліевъ, состоявшія большею частью изъ недисциплинированныхъ и мятежныхъ янычаровъ, разбѣжались или присоединились къ шайкамъ. Вѣдь было-же выгоднѣе быть свободнымъ разбойникомъ, нежели султанскимъ солдатомъ. Свирѣпость Кирджаліевъ росла въ ужасающихъ размѣрахъ. Перомъ нельзя изобразить въ настоящемъ видѣ ихъ злодѣйствъ. Въ те-

---

[6]) Миличевичъ, Serbij 191. Zinkeisen, l. c. III, 143 («aus den Gebirgen von Köstendil»). Кара-Фейзъ былъ слѣдовательно изъ родины болгарскаго племени Шопа; болгарская поговорка гласитъ: «Да те пази Господъ отъ Влахъ погърченъ и отъ Шопъ потурченъ».

[7]) Инджe—по тур. тонкій.

[8]) Еще нынѣ указываютъ на горѣ Бакаджикѣ т. н. семь источниковъ Инджe-Войводы.

ченіи немногихъ лѣтъ они разрушили цѣлый рядъ цвѣтущихъ городовъ: Мосхополь, Арбанаси, Станимаку, Раково, Панагюриште, Копривштицу, Калоферъ,—словомъ они сожгли и опустошили всѣ поселенія въ Румеліи, кромѣ крѣпостей Силистріи, Рущука, Варны, Адріанополя, Филиппополя и горныхъ городовъ Котла, Ямболя, Карнобада, Айтоса, Эски-Загоры и немногихъ другихъ. Города со смѣшаннымъ населеніемъ защищались легче, чѣмъ чисто болгарскіе.

Въ 1793 году Кирджаліи появились у Копривштицы. Горожане защищались сначала, какъ могли; вскорѣ-же они взяли все, что могло быть унесено, и бѣжали въ другіе балканскіе города, въ Филиппополь, Адріанополь, Димотику, даже въ Молдавію. Разбойники разграбили оставленные дома, замучили и перебили оставшихся жителей и наконецъ подожгли городъ. Только немногіе дома остались для ночлега разбойникамъ. Жители скоро возвратились и взялись за обновленіе своего роднаго города. Но Кирджаліи появились снова: такимъ образомъ, Копривштица была опустошаема ими три раза. Въ 1800 году не было ни одной души на пепелищѣ, гдѣ черви спокойно точили обгорѣлыя развалины домовъ. Въ 1810 году только нѣсколько хижинъ указывали на мѣсто стараго войницкаго города. Никто не хотѣлъ строить домъ и всякій дрожалъ при воспоминаніи о Кирджаліяхъ. Съ трудомъ склонило правительство часть жителей къ возвращенію [9]).

Панагюриште также не избѣгло такой-же судьбы. Три четверти жителей бѣжали въ Татаръ-Пазарджикъ, бѣднѣйшіе классы — въ Балканъ, и прошло цѣлыхъ 12 лѣтъ, прежде чѣмъ городъ поднялся послѣ своего опустошенія. Половину опустѣвшаго поселенія (400 домовъ) Кирджаліи предали огню.

---

[9]) Х. Пуляковъ въ Бълг. книжицахъ 1860.

Тогда поднялись Турки и Болгаре и пытались сообща отклонить отъ своихъ городовъ грозящую имъ гибель. Такъ спасся, между прочимъ, Свиштовъ. Жители Котла исправляли свои каменныя стѣны и башни, поставили пушки изъ просверленныхъ вишневыхъ стволовъ, заняли сторожевыя башни въ проходахъ и недопустили такимъ образомъ къ себѣ разбойническихъ шаекъ. Въ Добруджѣ, во Ѳракіи и Македоніи образовались сильные турецко-болгарскіе оборонительные корпуса, которые однако часто были разгоняемы Кирджаліями. Македонской четой командовалъ Болгаринъ *Дѣдо Никола* изъ Попбрене. Другимъ предводителемъ былъ овечій пастухъ *Дели Миндо.* Однажды Кирджаліи поймали его и привели въ свой лагерь въ Кавакли. Онъ поклялся имъ въ вѣрности и принятъ былъ въ ихъ общество. Когда-же настала ночь, онъ убилъ топоромъ 12 ихъ казнодаровъ (казначеевъ) и бѣжалъ со всей ихъ казной.

Опорой Кирджаліевъ сталъ *Османъ Пасваноглу*, иначе называвшійся *Пасванджія*, въ свое время самый опасный противникъ Порты и ея реформъ [10]). Онъ былъ Боснякъ-магометанинъ. О дѣдѣ, жившемъ въ Тузлѣ, говорятъ, что онъ посѣщалъ, какъ мечеть, такъ и францисканскую церковь, — обычай не рѣдкій у боснійскихъ беговъ. Онъ жилъ войною и грабежемъ, пока не попалъ въ плѣнъ къ своимъ врагамъ и не былъ посаженъ въ Приштинѣ на колъ. Его единственный сынъ *Омаръ*, отецъ Пасвана, такъ отличился въ австрійскихъ войнахъ, что былъ награжденъ двумя селами у Видина. Когда-же онъ потомъ сдѣлался барьяктаромъ видинскаго санджака, самонадѣянность его возросла до того, что скоро онъ не появлялся публично иначе, какъ

---

[10]) Еклисіарха *Діонисій*, Chronografulu tierei Romanesci 1764 — 1815 (Papiu Ilarianu, Tesauru de monumente istorice pentru Romania, II, Buc. 1863). Zinkeisen, VII. 230, по описаніямъ путешествій.

съ эскортою тѣлохранителей и военной музыкой. Это возбудило зависть видинскаго паши Мелека. Онъ рѣшился отдѣлаться отъ строптиваго Босняка. Но наемнымъ убійцей въ рѣшительную минуту овладѣлъ такой страхъ, что онъ передалъ приказанія Мелека Омару. Омаръ воспылалъ мщеніемъ. Ему приказали оставить Видинъ, онъ-же отвѣчалъ, что никто не имѣетъ права его выгонять и онъ никого не боится; публично онъ проклялъ законъ и пророка. Тогда улемы приговорили его къ смерти. Получивъ объ этомъ извѣстіе, онъ заперся въ своемъ дворцѣ и защищалъ его до тѣхъ поръ, пока пламя не охватило его со всѣхъ сторонъ. Правда, ему удалось пробиться на свободу; но всетаки онъ былъ схваченъ, приведенъ къ пашѣ и казненъ.

Сынъ его *Османъ* (род., какъ говорятъ, въ 1758 г.) спасся только поспѣшнымъ бѣгствомъ въ Албанію къ Гегамъ. Насытившись разбойническою жизнію, онъ поступилъ въ Дукаджинѣ на службу Печскаго паши. Въ войну 1789 г. онъ, съ имъ самимъ навербованною четою, пробрался къ Темешвару и Германштадту, за что вошелъ въ милость у Порты и получилъ часть отцовскаго имѣнія.

Будучи знаменитымъ воиномъ, онъ нашелъ много приверженцевъ между агами видинскаго санджака, собралъ небольшое войско 1000 Арнаутовъ, Кирджаліевъ и янычаровъ, овладѣлъ всѣми землями, принадлежавшими его отцу, и разбилъ видинскаго пашу предъ вратами города (1794). Затѣмъ онъ проникъ въ Видинъ, заперъ пашу въ073 сералѣ и былъ провозглашенъ агами аяномъ санджака. Блокада сераля длилась почти цѣлый годъ; иногда пашѣ дозволялось прогуливаться въ городѣ подъ прикрытіемъ и доставлялись милостиво Пасваномъ жизненные припасы. Всѣ письменныя увѣщеванія Селима III были тщетны. Наконецъ, паша сѣлъ въ лодку и спасся въ Рущукъ. Тогда Пасванъ былъ провозглашенъ пашею своими приверженцами при громѣ пу-

шекъ; его помощникъ Кара Мустафа — аяномъ: тогда онъ сталъ приготовляться къ войнѣ, собралъ отборное войско, досталъ себѣ тяжелыя орудія и окружилъ крѣпость рвомъ въ 40 футовъ глубины, такъ что, омываемая Дунаемъ, она стояла какъ-бы на островѣ. Прокламаціями своими противъ стамбульскихъ реформъ и противъ новыхъ налоговъ онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ.

Вѣрнѣйшую картину этого времени даютъ намъ записки епископа Софронія Врачинскаго, одного изъ первыхъ болгарскихъ патріотовъ [11]). Поставленный въ 1794 году въ епископы, Софроній, не смотря на холода и мятели въ декабрѣ, отправился въ свою епархію и надѣялся прибыть туда къ Рождеству. Въ Плевнѣ до него дошло извѣстіе, что два изгнанные Пасваномъ изъ Видина аги засѣли съ Турками и Албанцами въ окрестностяхъ Врацы, чтобы оттуда напасть на видинскую область. Четыре дня спустя онъ оставилъ Плевенъ. На половинѣ дороги посланные впередъ крестьяне въ полночь извѣстили, что въ село Браницу, отстоявшую только на часъ пути, ворвались 400 пасвановыхъ пандуровъ. Къ счастью, Софроній отдѣлался только страхомъ. Приближаясь затѣмъ къ Врацѣ, смотритъ — большое войско идетъ изъ воротъ прямо ему на встрѣчу. Но это были горожане, вышедшіе на охоту за шайками, которыя разрушали окрестныя деревни. Они радостно приняли епископа. Въ слѣдующемъ году (1795) Софроній во время голода объѣзжалъ свою епархію и хотѣлъ посѣтить также и Плевенъ, но у воротъ ему сказали, что тамъ спорятъ два Турка изъ-за аянлука (должность коменданта), и христіане не осмѣливаются показываться внѣ домовъ. Онъ подъѣхалъ къ городу и слышалъ только

[11]) Напечатаны въ Период. Спис. болг. лит. общества V и VI; въ русскомъ переводѣ въ Слав. сборн. II, 1877.

шумъ оружія изъ-за стѣнъ. Вскорѣ открылась моровая язва, свирѣпствовавшая, однако, болѣе между Турками, чѣмъ Болгарами.

Между тѣмъ Пасванъ утвердился въ Видинѣ, какъ независимый паша. Онъ велъ себя не какъ мятежникъ, а какъ вѣрноподданный султана; онъ принужденъ-де былъ открыть борьбу не противъ султана, а противъ его злыхъ совѣтниковъ, въ качествѣ мстителя и защитника народа. Онъ былъ дружелюбенъ, какъ въ отношеніи мусульманъ, такъ и христіанъ. Въ его манифестахъ часто попадаются звучныя фразы о свободѣ и справедливости. Далеко шли его планы. Отъ занятія Валахіи и Молдавіи удерживалъ его только страхъ передъ Россіей и Австріей; но онъ хотѣлъ идти на Константинополь, низвергнуть султана и возстановить старый блескъ османскаго имени. Въ своихъ областяхъ онъ взималъ для себя пошлины и подати. Онъ-же чеканилъ и монеты, такъ называемыя *пасванчета*, какъ полагали, на австрійскихъ монетныхъ дворахъ. Вѣрнымъ своимъ гайдукамъ и „кабодагіямъ“ дарилъ онъ каждому по одному или двумъ селамъ, христіанскіе жители которыхъ вслѣдствіе этого были подвергнуты большимъ притѣсненіямъ [12]). Отличное войско Пасвана состояло изъ Албанцевъ, Турокъ и Болгаръ; послѣдніе составляли отличную конницу. Подъ его знаменами служили гайдуками Конда, Корчо и многіе другіе, частью уже раньше пріобрѣвшіе себѣ имя, частью примѣнявшіе позднѣе, во время освободительной борьбы Грековъ и Сербовъ противъ Турокъ, опытность, пріобрѣтенную ими у Пасвана. О Кондѣ и Корчѣ мы имѣемъ нѣкоторыя подробности [13]).

---

[12]) Мемуары І. Гюрича, секретаря Карагеоргія. Гласник IV. 99.

[13]) *Конда*, македонскій Болгаринъ изъ Полога (неизвѣстно гдѣ) примкнулъ къ начальнику Кирджаліевъ Гушанцъ Али, пришелъ съ нимъ въ 1804 году

И Кирджаліямъ также захотѣлось политической роли. Въ 1796 г. они издали манифестъ, который объявлялъ, что они вѣрноподданные падишаха и имѣли въ виду только его славу, которую его министры, враги его, преступно омрачаютъ, отвращая отъ него новыми налогами сердца правовѣрныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они повсюду приказывали жителямъ платить только старыя подати, въ противномъ случаѣ они будутъ наказаны пожарами и смертью [14]). Въ отвѣтъ на это воззваніе изъ Константинополя былъ высланъ противъ нихъ Гаке-паша, но мало что сдѣлалъ. Зато Курду Альо-пашѣ удалось чувствительно наказать разбойниковъ у Адріанополя (1797).

Противъ Пасвана въ 1796 г. выступилъ румилійскій беглербегъ Мустафа-паша съ 40.000 человѣкъ и осадилъ его въ Видинѣ, но былъ отбитъ съ урономъ. Пасванъ, въ восторгѣ отъ перваго уничиженія Порты, собралъ 80.000

въ Бѣлградъ, но перешелъ къ Сербамъ, гдѣ онъ вошелъ въ большую славу. 30 ноября 1806 г. на разсвѣтѣ онъ пробрался въ Бѣлградъ и смѣлымъ нападеніемъ доставилъ крѣпость въ руки осаждавшихъ Сербовъ. *Корчо* происходилъ изъ деревни Сарай у Струмицы. Его отецъ пасъ овецъ у струмицкаго бега. Однажды открылась повальная болѣзнь и похитила много стадъ. Разгнѣванный этимъ бегъ посадилъ пастуха въ темницу. Корчо бѣжалъ въ горы и пытался устрашить кровопійцу, но тщетно; его отецъ умеръ въ темницѣ. Жаждавшій мести Корчо собралъ шайку и началъ жестокую истребительную войну съ бегами, жегъ ихъ дворы и рубилъ имъ головы. Однажды встрѣтилъ его одинъ бегъ въ селѣ Дабиловѣ. Молодой аристократъ ѣхалъ верхомъ на роскошной арабской лошади, а вокругъ его шли его сейзы, оланы и чубукджіи, всѣ въ золотѣ и серебрѣ. По знаку Корчо гайдуки выскочили изъ своихъ засадъ, стащили бега съ лошади, поломали ему руки и ноги и отрѣзали голову, которую одинъ изъ нихъ насадилъ на копье и несъ впереди четы. Съ пѣснями ушли гайдуки съ поля битвы; отмщены были несчастные, павшіе подъ ударами бега, женщины и дѣвушки, изнасилованныя извергомъ, множество дѣтей, которыя пали жертвою его страстей. Въ продолженіи 10 лѣтъ Корчо велъ гайдуцкую жизнь. Затѣмъ онъ купилъ вьючныхъ животныхъ, одѣлся въ платье купца и исчезъ. Записки Панаіота. Слав. сбор. II, Спб. 1877, стр. 116.

[14]) Zinkeisen, VII. 223, по депешѣ прусскаго посла отъ 1 апр. 1797 г.

человѣкъ и началъ далеко расширять свое могущество. Въ 1797 г. полки Пасвана вмѣстѣ съ Кирджаліями тщетно въ продолженіи 8 дней осаждали Врацу, взяли, послѣ страшнаго кровопролитія, Никополь, заняли Свиштовъ, Рущукъ, Софію, Нишъ, Кладово, угрожали Бѣлграду и Валахіи и распространили власть Пасвана до Варны. Диванъ принужденъ былъ вступить съ нимъ въ переговоры. Въ случаѣ, еслибы онъ положилъ оружіе и отпустилъ своихъ 6.000 янычаровъ въ Бѣлградъ, ему сулили прощеніе и производили въ трехбунчужные паши. Казалось, Пасванъ соглашался. Когда-же онъ, для склоненія въ свою пользу константинопольскихъ янычаровъ, хотѣлъ быть внесеннымъ въ ихъ списокъ въ качествѣ *йолдаша* (братъ по оружію), то они объявили его, какъ мятежника, недостойнымъ этой чести и сообщили дивану, что готовы выступить противъ него и уничтоженіемъ его пріобрѣсть себѣ славу. Послѣ этого всѣ переговоры были прерваны.

Цѣлую зиму Порта готовилась радикально наказать непокорнаго пашу. Энергическій рейсъ-эфенди (министръ иностранныхъ дѣлъ) Решидъ разослалъ 60 курьеровъ во всѣ страны, созывая на весну къ Дунаю всѣ ленныя войска въ Европѣ и Азіи. Въ началѣ марта 1798 г. у Адріанополя стояло уже до 100.000 человѣкъ. Паши проявили большое рвеніе. Али Янинскій прислалъ даже 20.000 вмѣсто требуемыхъ 10.000. Главное начальство принялъ капуданъ-паша *Гуссейнъ*, обѣщавшій султану по окончаніи кампаніи повергнуть его стопамъ или Пасванову или свою собственную голову. Въ концѣ марта, послѣ блестящаго смотра онъ выступилъ изъ Константинополя во главѣ отборнаго войска; большое вниманіе возбудила его артилерія, состоявшая изъ 40 пушекъ и организованная по французскому образцу; въ особенности одна конная батарея. Вмѣстѣ съ тѣмъ поплыла вверхъ по Дунаю флотилія, со-

стоявшая изъ пятнадцати канонерскихъ лодокъ. Приготовленія были настолько грандіозны, что стали уже думать, не замышляетъ-ли чего Порта противъ Россіи или Австріи [15]).

Пасванъ не выступалъ противъ этихъ превосходныхъ силъ въ открытомъ полѣ, а распустилъ свои войска, за исключеніемъ 12.000 самыхъ вѣрныхъ, съ которыми заперся въ Видинѣ. Крѣпость была снабжена провіантомъ на два года. Польскіе инженеры проектировали планъ защиты и завѣдывали артилеріею, состоявшею изъ 120 орудій. Канонерскія лодки защищали со стороны Дуная.

Ужасами ознаменовали Турки свой походъ на Видинъ. Софроній, бѣжавшій еще въ 1797 г. отъ полчищъ пасвановыхъ въ Валахію и Арбанаси, принужденъ былъ теперь вновь бѣжать и скрываться въ пастушьихъ хижинахъ, а потомъ въ горномъ городѣ Тетевнѣ. Но и тамъ было не безопасно; ему пришлось бѣжать въ Свиштовъ. Капуданъ-паша сжегъ на пути Габрово. Кирджаліи, служившіе у него наемниками, опустошили славный городъ Арбанаси возлѣ Трнова (стр. 588). Фамильный домъ Софронія былъ окончательно разграбленъ, такъ что не осталось тамъ „ни ложки, ни миски“ и былъ, кромѣ того, совершенно изрытъ искателями сокровищъ [16]). Жители бѣжали въ Валахію и уже больше не возвращались. Это событіе, случившееся 80 лѣтъ тому назадъ, теперь уже забыто, и если-бы не записки Софронія, то паденіе Арбанаси осталось-бы для насъ навсегда темнымъ [17]).

---

[15]) Zinkeisen, VII. 236—238, по депешамъ Оливье и Кнобельсдорфа. Ср. Hormayer'а Archiv 1814 (№ 38) стр. 152.

[16]) Софроній, 68.

[17]) Славейковъ передаетъ въ «Читалищѣ», 1873 г. 388—493, не зная извѣстія Софронія, отечественное сказаніе о паденіи Арбанаси. Притѣсненія достигли такой степени, что жители порѣшили всѣмъ бѣжать въ Валахію.

Въ срединѣ апрѣля Видинъ былъ со всѣхъ сторонъ обложенъ. На 14 часовъ въ окружности стояло 120.000 чел. Въ послѣдній разъ капуданъ-паша обѣщалъ мятежнику пощадить его жизнь, свободу и достоинства, если онъ положитъ оружіе. Но Пасванъ, стоя на террасѣ своего дворца, откуда наблюдалъ въ зрительную трубу за движеніями непріятеля, далъ посланному Гусейна гордый отвѣтъ, что онъ легко могъ-бы противуставить пашѣ 100.000 человѣкъ, но предпочитаетъ побѣдить его здѣсь съ 10.000. И въ самомъ дѣлѣ онъ побѣдилъ. Осада длилась шесть мѣсяцевъ. Приступы Турокъ были отражены, а дунайская ихъ флотилія еще въ самомъ началѣ разбита. Болѣзни и дезертирства ослабляли армію осаждавшихъ. Толпами бродили въ окрестностяхъ мародеры (дели). Осенью сдѣлали послѣднюю попытку взять штурмомъ Видинъ. Ночью вся армія подступила къ стѣнамъ, но въ темнотѣ полки другъ друга не узнали и, не прекращая огня въ продолженіи долгаго времени, произвели между собою страшное кровопролитіе. Въ концѣ октября Турки отступили, преслѣдуемые Пасваномъ, отнявшимъ у нихъ, къ стыду ихъ, обозъ. Такъ окончился походъ арміи, численностью которой, при походѣ ея черезъ Сербію, боснійскіе беги хвастались, говоря, что она можетъ забросать Видинъ только сапогами и башмаками. Капуданъ-паша не принесъ султану ни Пасвановой, ни своей головы, а для отклоненія отъ себя всей отвѣтственности, приказалъ измѣннически, во время пиршества въ

Подъ предлогомъ путешествія въ Свиштовскій монастырь на церковный праздникъ, нагрузили они ночью на подводы все, что можно было вывезти, и отправились съ факелами. На «Разколѣ» у подошвы горъ, гдѣ на дорогѣ къ Орѣховицѣ бьетъ ключъ, они сдѣлали привалъ и поклялись никогда не возвращаться домой. Факелы были брошены со словами: Кто возвратится, тотъ да будетъ въ могилѣ также черенъ, какъ этотъ факелъ. Дома остались только нѣсколько старцевъ, вдовъ и сиротъ, кромѣ того, слуги.

Орѣховѣ, умертвить Альо-пашу и доставить его голову въ Стамбулъ.

Ужасенъ разсказъ Софронія объ отступленіи разбитой арміи. Альо съ 15.000 шелъ на Врацу. Ночью прибыли его конакджіи (квартирмейстеры). Епископъ принужденъ былъ бѣжать на разсвѣтѣ; никакой паша не отпустилъ-бы его безъ выкупа по крайней мѣрѣ въ 5000 піастровъ, а такъ какъ бѣднякъ не имѣлъ больше 100, то, за неимѣніемъ денегъ, поплатился-бы головою. Подъ дождемъ Софроній прошелъ въ Черепишскій монастырь, въ ущельѣ, гдѣ Искеръ проламывается чрезъ Балканъ, но монахи оттуда бѣжали, а ворота были заперты. Встрѣченный имъ крестьянинъ повелъ его въ пещеру, гдѣ скрывались монахи. У нихъ пробылъ онъ больной отъ холода и голода 24 дня, послѣ чего направился пѣшкомъ по снѣжнымъ полямъ Балкана въ софійскую епархію. Тамъ къ нему дошла вѣсть, что Альо казненъ въ Орѣховѣ и что болѣе мягкій Юсуфъ намѣревался перезимовать во Врацѣ. По глубокому снѣгу Софроній возвратился домой. Но уже спустя 10 дней 10 баталіоновъ Албанцевъ заняли всѣ дома и даже епископію, гдѣ не разрушенною и годною для жилья оставалась одна комната. Маститый епископъ укрылся сначала у татараги (начальника курьеровъ), нося зеленый колпакъ и выдавая себя за врача, позднѣе между челядью одного христіанина. Наконецъ, ему удалось въ костюмѣ курьера паши съ тюрбаномъ на головѣ и кнутомъ въ рукѣ пройти черезъ албанскій караулъ у воротъ. Онъ странствовалъ изъ монастыря въ монастырь, изъ села въ село, но вездѣ было пусто, „не было ни души человѣческой, не было хлѣба, дровъ; а зима была сурова, декабрскіе ночи долги и мы пропадали отъ холода". Глубокій снѣгъ покрывалъ всѣ дороги. Наконецъ, онъ нашелъ убѣжище въ Тетевнѣ.

Въ началѣ 1799 года Софроній рѣшился отправиться въ Плевенъ, хотя въ ближайшихъ окрестностяхъ его стояли трое изъ злѣйшихъ зулумджіевъ (притѣснителей) Юсуфъ во Врацѣ, Гюрджи въ Ломѣ, а въ Валахіи, насупротивъ Лома, самъ Гусейнъ. Вдругъ явился Гюрджи съ 4.000 человѣкъ и 10 дней хозяйничалъ въ городѣ. Софроній спрятался въ гаремѣ, гдѣ дѣлился съ бѣднымъ гостепріимнымъ хозяиномъ Туркомъ его скуднымъ запасомъ кукурузы. Едва выступилъ Гюрджи, какъ въ тотъ-же день Юсуфъ-паша вошелъ съ 6.000 всадниковъ въ заморенный голодомъ городъ и занялъ всѣ какъ турецкіе, такъ и христіанскіе дома: всѣ вопли кадунъ (турецкихъ женъ) были напрасны. Сами Турки уже не имѣли чего ѣсть. Наконецъ паша удалился и Софроній вышелъ изъ своего убѣжища, гдѣ онъ прожилъ 26 дней въ непрерывной боязни измѣны. Но уже три дня спустя на улицахъ раздался крикъ ужаса: „идутъ кирджаліи“! Христіанки и кадуны въ слезахъ бѣжали въ турецкій кварталъ. Софронія приняли въ одномъ ханѣ, укрѣпленномъ каменною стѣною и занятомъ многими Турками. 15 дней спустя Кирджаліи направились далѣе на Трново. Затѣмъ нѣкоторое время было покойно. Но въ Свѣтлое Христово Воскресенье, когда епископъ служилъ литургію въ церкви, вдругъ поднялся крикъ, народъ хлынулъ изъ церкви — Гушанцъ Али-Халиль съ 2000 пасвановыхъ гайдуковъ проломалъ городскія ворота и принялся за грабежъ. Софронія принялъ къ себѣ одинъ чорбаджи, пришедшій съ вооруженными пастухами для взиманія налога на овецъ. Нося румынскую шапку, Софроній пробылъ у него 20 дней между пьяными Кирджаліями и пасвановыми солдатами: они его называли „язаджи (писарь) Стоянъ“. Послѣ многихъ неудачъ онъ возвратился во Врацу, но скоро долженъ былъ отправиться въ Никополь, гдѣ въ декабрѣ (1799) переправился съ большою опасностью по льду черезъ Дунай въ

Валахію, представившуюся его взорамъ голою снѣжною пустынею. „Моя епархія была опустошена, села исчезли: кирджаліи и пасвановы гайдуки ихъ сожгли; народъ былъ разсѣянъ по Валахіи и другимъ странамъ“. Вотъ картина жизни въ Турціи 76 лѣтъ тому назадъ!

Объ этихъ опустошеніяхъ мы имѣемъ и свидѣтельства иностранцевъ. Въ мартѣ 1801 г. нѣсколько переодѣтыхъ за Татаръ Французовъ путешествовали изъ Константинополя въ Дубровникъ. На разстояніи дня пути отъ Адріанополя они ночевали въ одномъ селѣ, откуда какъ-разъ день назадъ выступили Кирджаліи и стали лагеремъ всего на разстояніи полуторы мили дальше. Земля была усѣяна черепами козъ, овецъ и воловъ, остатки разбойничьихъ пирушекъ. Путешественники, незамѣченные никѣмъ, переночевали въ развалинахъ и выступили рано утромъ; послѣ ускоренной ѣзды въ продолженіи цѣлаго дня, они провели ночь у одного пастуха, хижина котораго ускользнула отъ взоровъ разбойниковъ. На третій день они прибыли въ Филиппополь. Гробовое спокойствіе царило на невоздѣланныхъ поляхъ и вдоль по дорогѣ попадались только трупы и сожженые дома, жители частью бѣжали, частью стали жертвою дикихъ звѣрей [18]).

Въ беззащитныхъ болгарскихъ селеніяхъ не только убивали, но и угоняли людей. Али увелъ въ 1798 г. множество болгарскихъ семействъ и поселилъ ихъ въ Бонилѣ у Янины, гдѣ были сераль и сады [19]).

Пасваноглу скоро сталъ пожинать плоды своей побѣды. Болгарскіе города снова были заняты его шайками; когда эти послѣднія подступали къ Адріанополю, то Порта, хотя неохотно, послала въ 1799 г. ему на встрѣчу баталіонъ

---

[18]) Bessières у Пукевиля, Voyage en Morée etc. III. 231.
[19]) Ibid. III, 48.

съ тремя бунчуками кавалеріи [20]). Изъ сѣверныхъ державъ Русскіе были къ нему нерасположены. Австрійцы — напротивъ. Помощь, которую Россія предлагала Портѣ противъ него, была отклонена послѣднею только изъ боязни фанатизма своего собственнаго народа. Напротивъ, къ Пасвану прибыли однажды два посланные темешварскимъ комендантомъ офицера, для приведенія въ порядокъ артилеріи и видинскихъ укрѣпленій. На жалобу по этому поводу рейсъ-эфенди австрійскій посланникъ отвѣчалъ, что Пасванъ просилъ убѣжища въ Темешварѣ для себя, своихъ друзей и сокровищъ и что по этому-то поводу прибыли къ нему оба офицера. По совѣту французскаго посла, рейсъ-эфенди объявилъ этотъ отвѣтъ за пустыя увертки. Тогда интернунцій заявилъ, что темешварскій комендантъ и оба офицера уже наказаны за ихъ своевольный поступокъ, — отвѣтъ только затемнившій настоящее положеніе дѣла [21]). И Кирджаліи стали очень высокомѣрны. Ихъ предводитель *Кара-Фейзъ* сталъ себя держать въ 1799 г. какъ покровитель имперіи. Юсуфа, всемогущаго гофмейстера султанши-валиде, онъ объявилъ виновникомъ всѣхъ несчастій, и въ то время, когда Юсуфъ стоялъ лагеремъ у Родоста, прервалъ на нѣкоторое время сношенія между Константинополемъ и Адріанополемъ. Другое войско Кирджаліевъ пошло подъ предводительствомъ татарскаго султана изъ рода Гиреевъ, на Шуменъ; объ

[20]) Пасванъ пользовался у магометанъ большимъ уваженіемъ, какъ защитникъ старыхъ учрежденій и противникъ новыхъ налоговъ. Въ 1799 г. Pouqueville (I. 522) слышалъ въ греческомъ архипелагѣ слѣдующую пѣсенку отъ турецкихъ матросовъ, пѣвшихъ ее въ присутствіи капиджи баши, имѣвшаго подъ рукою двухъ палачей: «Велѣдъ за ста тысячью бомбъ пущенныхъ въ Виддинъ, я, Пасваноглу, песъ султана, рабъ султанши-валиде, поднялъ знамя возмущенія. Я, Пасваноглу, песъ государя, я браню его министровъ, я хочу быть подданнымъ моего государя, я лижу прахъ его ногъ, я Пасваноглу!»

[21]) Депеша прусскаго посла отъ 12 іюня, у Цинкейзена.

этомъ султанѣ, имѣвшемъ свою резиденцію въ Врбицѣ (стр. 620), разсказывали тогда, что онъ вступилъ съ Пасваномъ въ заговоръ съ цѣлью самому стать султаномъ, Пасванъ-же долженъ былъ занять при немъ должность визиря. Порта выслала противъ мятежниковъ бостанджи-пашу съ 1500 по европейски организованныхъ бостанджіевъ, пашей Силистрійскаго, Исмидскаго (Никомедія) и Беталь-пашу съ его Грузинами, которымъ удалось отклонить грозящую опасность. Однако, не обошлось безъ неудачъ. Исмидскаго пашу обвиняли въ томъ, что онъ, подкупленный разбойниками, дѣйствовалъ противъ нихъ очень медленно; онъ былъ обезглавленъ въ Константинополѣ, а сокровища его, подарокъ Кирджаліевъ, нагруженныя на 130 верблюдовъ, взяты въ султанскую казну.

Въ третій разъ Турки напали на Видинъ въ октябрѣ 1800 года. Пасванъ выставилъ противъ нихъ три корпуса Кирджаліевъ. *Манафъ Ибрагимъ* съ 2000 человѣкъ разбилъ Плясу-пашу, шедшаго съ 15.000 Албанцевъ изъ Плевна, и отнялъ у него весь обозъ. Взятыхъ имъ 1000 плѣнныхъ Пасванъ одарилъ хлѣбомъ и пустилъ на волю. ***Филибели-Кара-Мустафа*** напалъ ночью врасплохъ на Гюрджи-пашу, шедшаго изъ Берковицы. ***Гушанцъ-Али*** защищалъ Видинъ отъ войскъ, собиравшихся въ Валахіи.

Это былъ третій ударъ, нанесенный Пасваномъ Портѣ. Слѣдствія почувствовала прежде всего Валахія. Еще въ туже зиму Кара-Мустафа занялъ Чернецъ и Крайову, откуда его Кирджаліи были выгнаны только послѣ отчаянной рѣзни и послѣ того, какъ городъ былъ преданъ огню. Въ 1801 г. Пасвановы войска, правда, оставили Чернецъ и Кладову, но снова въ маѣ 1802 г. переправились черезъ Дунай у Арчара, Лома и Калафата, подожгли Крайово во второй разъ и захватили склады соли въ Окнѣ у подошвы Карпатъ. Вслѣдствіе этого въ Букарестѣ разразились отчаянныя смуты.

Епископы, бояре, купцы, монахи, священники и консула бѣжали съ дикою поспѣшностью въ Семиградскую область. Въ окрестностяхъ одного Кронштадта пріютилось до 6000 бѣглецовъ, въ томъ числѣ и самъ валашскій воевода Михаилъ Сутцо. Однако, турецкія войска Гассана-паши, занявшія Букарестъ, отняли у Кирджаліевъ охоту къ дальнѣйшему распространенію ихъ разбойничьихъ походовъ.

По просьбѣ бояръ и по совѣту русскаго и прусскаго дворовъ, въ августѣ 1802 г. былъ назначенъ валашскимъ воеводою Константинъ Ипсиланти. Весною 1803 года Манафъ Ибрагимъ съ 4000 чел. подступилъ къ Букаресту на разстояніе одного дня пути и потребовалъ чрезмѣрную контрибуцію. Съ трудомъ удалось новому воеводѣ удержать жителей отъ новаго бѣгства. Ипсаланти былъ въ затруднительномъ положеніи, не имѣя, для снаряженія войскъ, денегъ. Тогда-то пришелъ на помощь прусскій посолъ Кнобельсдорфъ, возвращавшійся изъ Константинополя въ Берлинъ, побудивъ собравшихся въ Букарестѣ бояръ къ уплатѣ вспомогательнаго налога. Затѣмъ Ипсиланти собралъ 3500 человѣкъ, въ томъ числѣ 1500 Запорожскихъ казаковъ и поставилъ шанцы у Дуная [22]).

Съ этого времени счастіе измѣнило Пасвану. Изъ личной ненависти, всѣ румелійскіе аги объявили себя противъ него. *Мустафа Байрактаръ* изъ Трстеника подлѣ Рущука, обыкновенно называемый Трстеникъ-оглу, паша рущукскій сталъ во главѣ остававшихся вѣрными султану аговъ. Тщетно Пасванъ просилъ Кнобельсдорфа, во время его пребыванія въ Букарестѣ, о посредничествѣ предъ Портой. Кромѣ того,

[22]) Съ Zinkeisen'омъ ср. Engel, Gesch. der Moldau und Walachei II, 66 и сл. Кнобельсдорфъ проектировалъ по просьбѣ рейса-эфенди Махмуда операціонный планъ противъ Кирджаліевъ. Порта должна была по этому проекту укрѣпить балканскіе проходы, выставить въ теченіи 4-хъ лѣтъ армію изъ 100 полковъ по 1000 чел. и поселить ихъ по границѣ. Но къ тому у Турокъ недоставало денегъ и энергіи.

Пасвановъ полководецъ Манафъ Ибрагимъ на столько палъ духомъ, что обратился къ Ипсиланти съ письменною просьбою, чтобы тотъ выхлопоталъ для него у Порты какой-нибудь участокъ земли, гдѣ-бы онъ мирно поселился со своими людьми. Наконецъ, онъ покорился на благопріятныхъ условіяхъ рущукскому Мустафѣ-пашѣ; но послѣдній (въ концѣ 1803 г.) измѣннически на пиру умертвилъ его со всею его свитою.

Дѣла Кирджаліевъ во Ѳракіи шли лучше, чѣмъ на Дунаѣ. Пріобрѣвъ грабежами значительныя средства, они добились всемогущаго вліянія въ диванѣ и сералѣ; говорили даже, что самъ Юсуфъ, котораго креатурами были почти всѣ министры, былъ ими подкупленъ препятствовать всѣмъ приготовленіямъ противъ нихъ. Въ Константинополѣ это было публичнымъ секретомъ, однако никто не осмѣливался вымолвить объ этомъ султану ни слова. О переговорахъ съ Кирджаліями нельзя было и думать, такъ какъ они схватывали и уводили безъ дальнѣйшихъ разсужденій посылаемыхъ Портою людей. Къ этимъ бѣдствіямъ присоединились раздоры между румелійскими беглербегами.

Отрѣшенный за стачку съ разбойниками беглербегъ *Османъ* отказался повиноваться и пошелъ изъ Софіи на Стамбулъ. Изъ своего лагеря у Киркилиссы онъ потребовалъ уплаты издержекъ, понесенныхъ имъ въ борьбѣ съ Кирджаліями, при обычномъ увѣреніи, что онъ, вѣрный рабъ своего государя, былъ принужденъ къ мятежу только интригами своихъ враговъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи Порта назначила весною 1802 года беглербегомъ могущественнаго и наводившаго страхъ Албанца Али изъ Янины. Османъ въ самомъ дѣлѣ былъ стѣсненъ Мухтаромъ, сыномъ Али, и капуданомъ-пашею, но послѣдній былъ такимъ добрымъ пріятелемъ Османа, что заключилъ съ нимъ сдѣлку: мятежнику было уплачено его долговое требованіе,

а онъ самъ былъ назначенъ, въ качествѣ трехбунчужнаго паши, силистрійскимъ губернаторомъ!

Но уже въ слѣдующемъ году (1803) стали недовѣрять утвердившемуся въ Битолѣ Али, говоря, что онъ заодно съ Пасваномъ и что онъ подстрекаетъ, въ союзѣ съ нимъ, Кирджаліевъ противъ Порты. *Вакули Мехмедъ*, солуньскій паша, былъ назначенъ беглербегомъ. Однако, въ томъ-же году перебѣжало три тысячи солдатъ къ разбойникамъ и вынудили у города Родосто значительную контрибуцію. Еще въ 1804 г. грабили двѣ шайки около Адріанополя и Родоста, третья дѣлала явно свое дѣло у константинопольскихъ воротъ. Но золотое время Кирджаліевъ миновало. Смерть Манафа, возрастающая энергія румелійскихъ беговъ и уничтоженіе дагіевъ въ Сербіи потрясли ихъ могущество. Не казалось уже труднымъ нанести имъ смертельный ударъ.

Въ 1804 г. выступилъ изъ Константинополя въ Румелію маленькій, но вполнѣ на европейскій ладъ организованный корпусъ изъ одного полка пѣхоты, эскадрона кавалеріи, батареи артиллеріи и трехъ полковъ азіатской пѣхоты. Ко всеобщему удивленію, эта маленькая армія разбила непобѣдимыхъ Кирджаліевъ во всѣхъ сраженіяхъ и очистила въ теченіи немногихъ мѣсяцевъ всю Ѳракію. Но въ слѣдующемъ (1805) году Кирджаліи появились снова. Султанъ ввелъ, вмѣсто вербовки, европейскую систему набора. Тогда взбунтовались янычары, пошли на Адріанополь, соединились съ остатками разбойничьяго войска и разбили противъ нихъ высланнаго Кади-пашу, губернатора Караманіи (1806), послѣ чего султанъ долженъ былъ назначить агу янычаровъ великимъ визиремъ.

На западѣ-же борьба еще долго продолжалась. Во время проѣзда Пукевиля, на пути своемъ въ Македонію (въ декабрѣ 1806 г.) чрезъ Приштину, тамъ какъ разъ кровожадный Арнаутъ Маликъ-паша боролся съ Кирджаліями:

дабы съ ними скорѣй справиться всѣ окрестные лѣса были сожжены [23]).

Большинство Кирджаліевъ поступило на службу къ Пасваноглу. Кирджаліи по одиночкѣ появляются еще во время сербской революціи, возстанія гетеристовъ въ Валахіи и возмущенія боснійскихъ беговъ [24]).

Какъ кончили отдѣльныя четы и предводители — неизвѣстно. О смерти воеводы Болгарина Инджи очень много поется и разсказывается [25]).

Въ селѣ Гуюмли, у подошвы Балкана, стояли лагеремъ предводители Кара-Феизъ, Дели-Кадиръ и Индже, изъ которыхъ каждый командовалъ 500 человѣкъ. Наканунѣ Тройцына дня Индже черезъ глашатая объявилъ: „Кто полагается на коня и ятаганъ, тотъ да послѣдуетъ за мною на грабежъ“. Кирджаліи охотно посѣщали села въ праздничные дни. Кара-Феизъ и Дели-Кадиръ отсовѣтовали Индже эту поѣздку: „Не иди завтра на грабежъ, такъ какъ завтра вашъ большой праздникъ, и съ тобой легко можетъ случиться что-нибудь дурное“. Индже отвѣтилъ: „Ужъ столько лѣтъ я живу въ горахъ и никогда со мной ничего не приключалось“. Онъ пошелъ въ село Урумъ-Еникіой у Айтоса. Когда онъ вошелъ туда, народъ былъ еще въ церкви. Окруживъ церковь и взявъ въ плѣнъ все населеніе, разбойники принялись грабить дома. Индже нашелъ въ одномъ

---

[23]) Pouqueville 1. 1. III, 163.

[24]) Гушанцъ-Али и Кара-Феизъ были разбиты на голову Русскими и Сербами въ 1807 г. при Малайницѣ (при Брза-Паланкѣ). Кара-Мустафа палъ 1815 г. въ борьбѣ съ Милошемъ Обреновичемъ при Котраже; Алибегъ, сынъ Кара-Феиза, былъ пораженъ Сербами въ 1815 же году при Юхорѣ (Миличевичъ 191, 675, 672); братъ его, также называемый Кара-Феизъ, разбилъ греческихъ гетеристовъ въ Малой Валахіи, разграбилъ, въ службѣ Мустафы-паши скодарскаго, Софію, участвовалъ затѣмъ въ боснійскомъ возстаніи, послѣ чего прожилъ нѣкоторое время бѣглецомъ въ Австріи. Милорадъ Поповичъ: Покрети у Босни. Гласник XXI. 208—222.

[25]) Раковскій, Горскій пжтник, 283. Панаіотъ 144.

домѣ молодаго пастуха свиней съ испорченнымъ старымъ ружьемъ. Онъ, насмѣявшись надъ мальчикомъ, потребовалъ отъ него ружья; но послѣдній со смѣхомъ отвѣчалъ, что никому не отдастъ своего оружія. Инджe сталъ гнаться за нимъ; но мальчикъ, бѣгая по двору, оказался у него за спиною и выстрѣлилъ изъ ружья. Инджe, пораженный пулею навылетъ, упалъ со своей лошади на землю. Кирджаліи сбѣжались и бросились на мальчика. Инджe, однако, приказалъ привести его къ себѣ и сказалъ ему: „Многихъ матерей я заставилъ плакать, ты — мою мать. Живи счастливо!“ Онъ подарилъ ему 500 піастровъ и приказалъ своимъ товарищамъ отпустить его. Такъ умеръ Инджe. Трупъ его принесли въ Гуюмли и погребли въ лагерѣ; по варіанту, Инджe покоится въ монастырѣ Света Тройца. По одному изъ многочисленныхъ сказаній, Инджe явился въ Урумъ-Еникіой въ праздникъ, на танцы, и былъ убитъ однимъ Грекомъ изъ окна. По другому варіанту Инджe былъ только раненъ и стоналъ въ горахъ и лѣсахъ еще три года. Говорятъ, онъ былъ такой грѣшникъ, что земля трижды его выбрасывала; наконецъ, его погребли съ дохлою собакою. Инджe вовсе не былъ популярнымъ гайдукомъ, какъ въ наши дни Дончо или Панайотъ, а только извѣстный разбойникъ. Жена его жила еще долго въ Сливнѣ.

Шайка Инджи, лишенная предводителя, перезимовала въ Шахлари у Карнобада. Въ слѣдующую весну Кирджаліи сдѣлали неистовое нападеніе на Карнобадъ, но были отброшены отъ его валовъ съ большимъ урономъ. Когда затѣмъ Турки напали на ихъ главную квартиру въ Хаскіоѣ, то Эминъ-ага заперся въ одной крѣпости у Гидикли, былъ, однако, пойманъ и обезглавленъ. Большую шайку Кирджаліевъ уничтожили Болгаре изъ Котла, Жеравны и другихъ городовъ въ густомъ лѣсу на Козьей рѣкѣ въ Балканахъ, между Котломъ и Раковомъ, изъ которыхъ послѣднее было

незадолго предъ тѣмъ опустошено этимъ сбродомъ разбойниковъ. Барьяктаръ Инджи *Караколъо* шатался еще 10 лѣтъ по Ѳракіи съ 60-ю пѣшими гайдуками. Дорога между Сакаръ-Планиной и Бакаджикомъ еще теперь называется „Каракольовій-атъ пжть“: у Чанакчи въ Средней-горѣ еще указываютъ источникъ Караколья. Позже Каракольо отправился въ Валахію или Сербію.

Со времени сербскаго возстанія, султанъ принужденъ былъ вполнѣ примириться съ Пасваномъ. Сербская революція началась борьбою Сербовъ въ интересахъ самой Порты противъ Турокъ, нарушавшихъ миръ. Послѣ Свиштовскаго мира бѣлградскіе янычары, подонки своего корпуса, принуждены были оставить Сербію и поступили на службу къ Пасвану. Для отраженія ихъ нашествій бѣлградскій паша, справедливый и гуманный Гаджи-Мустафа (1796—1801) призналъ необходимымъ вооружить райю. При помощи христіанъ ему удалось нѣсколько разъ отражать шайки мятежниковъ. Но послѣ неоднократнаго униженія Порты подъ Видиномъ янычары опять возвратились въ Бѣлградъ и начали подъ руководствомъ своихъ четырехъ *дагіевъ*, такъ тираннически распоряжаться, что Сербы взялись за оружіе (1804) и при помощи правительственныхъ войскъ ихъ уничтожили. По окончаніи борьбы Турки потребовали у райи разойтись мирно по домамъ. Но Сербы, желая пользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы добиться свободы или покрайней мѣрѣ автономіи, направили свое оружіе противъ Порты. Со всего полуострова спѣшили гайдуки усилить сербскія четы. Въ 1806 г. они овладѣли Бѣлградомъ; Кирджалія Гушанцъ-Али, пришедшій въ 1804 г. на помощь дагіямъ и съ тѣхъ поръ державшійся въ крѣпости, возвратился на судахъ въ Видинъ [26].

[26]) При сербскихъ посольствахъ въ Констастинополь, отличался Бол-

Послѣ переправы Русскихъ въ ноябрѣ 1806 года черезъ Днѣстръ, противъ нихъ выступилъ на валахо-молдавской границѣ Пасванъ въ союзѣ съ извѣстнымъ рущукскимъ Мустафою-пашою, но былъ отраженъ.

5-го февраля 1807 г. умеръ Османъ Пасваноглу [27]). Онъ былъ человѣкъ желѣзной воли, удалой, энергическій и неустрашимый, видный полководецъ. Онъ умѣлъ соединять со строгостью мягкость и великодушіе. Что онъ зналъ толкъ въ постройкахъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя монументальныя строенія, новыя улицы и укрѣпленія. Изъ 32 видинскихъ мечетей замѣчательна Пасваноглу-джамія съ библіотекою и школою. „Сарай“ (дворецъ) Пасвановъ служитъ нынѣ тюрьмою. Многочисленные богато-украшенные колодцы — его работа; онъ основалъ ледяной заводъ, изъ котораго ежедневно выдавалось большое количество льда бѣднымъ безплатно.

Домашнія отношенія Пасваногла, его частная жизнь и внѣшній видъ намъ неизвѣстны. Его не окружали французскіе и англійскіе наблюдатели, какъ Али въ Янинѣ. Мы знаемъ только кое-что о его епископѣ. Валашскій игуменъ Каллиникъ, человѣкъ своевольный и упрямый, предложилъ ему 20.000 піастровъ за видинскую митрополію. Пасванъ согласился выгнать прежняго митрополита, отнявши предварительно все, что тотъ имѣлъ, и назначилъ Каллиника. Послѣдній, не будучи утвержденъ патріархомъ, заманулъ

гаринъ Петръ Ичко изъ Кастраницы (между Воденомъ и Костуромъ), пріобрѣвшій, въ качествѣ толмача при турецкомъ посольствѣ въ Берлинѣ, значительныя познанія; впослѣдствіи пользовался довѣріемъ Мустафы и затѣмъ искусно велъ дѣла западныхъ купцовъ въ Бѣлградѣ.

[27]) Zinkeisen VII. 485, Пасвановъ памятникъ срисованъ у Каница, Donau-Boulgarien I. 233, гдѣ также подробно говорится о постройкахъ Пасвана. Числа мѣсяцевъ по западному календарю обозначены звѣздочкою: всѣ остальныя числа — по восточному календарю.

епископа Софронія врачанскаго въ Видинъ и заставилъ его отправлять богослуженіе, между тѣмъ самъ весело проводилъ время съ Пасвановыми гайдуками и Кирджаліями. Только въ 1803 г. Калликикъ, въ сопровожденіи 50 Турокъ, прибылъ въ Букарестъ, получилъ тамъ посвященіе и отпустилъ Софронія, которому пришлось, въ теченіи трехъ лѣтъ, въ плѣну отправлять епископскую службу.

Изъ смерти Пасвана потрясенная Порта не извлекла никакой выгоды. Симпатіи къ Французамъ навлекли на Турцію, обуреваемую гражданскими войнами, еще вражду Русскихъ и Англичанъ. Русскіе заняли Валахію и соединились съ Сербами. 20-го февраля 1807 г. внезапно появился передъ Константинополемъ адмиралъ Дэквортъ съ англійскимъ флотомъ, но, не смотря на опасеніе бомбардировки, онъ исчезъ также, какъ и пришелъ. Вскорѣ послѣ того Русскіе уничтожили турецкій флотъ у Тенедоса. Среди этого опаснаго положенія въ Константинополѣ вспыхнула революція янычаровъ противъ султана-реформатора: 31-го мая 1807 г. Селимъ III былъ сверженъ и на престолъ вступилъ Мустафа IV.

Между тѣмъ на сѣверѣ судьба Турціи была почти уже рѣшена. Наполеонъ и Александръ согласились въ Тильзитѣ на счетъ раздѣла османскаго царства. Россія должна была получить Бессарабію, Молдавію, Валахію и Болгарію до Балкана; Франція — Албанію, Ѳессалію, Морею и Кандію; Австріи намѣревались предоставить Боснію и часть Сербіи. Ѳракія съ Константинополемъ и Азіятскими провинціями оставалась султану. О народахъ полуострова, ихъ характерѣ, числѣ и предѣлахъ тогда почти ничего не знали. Особымъ предметомъ переговоровъ былъ Константинополь. Наполеонъ никоимъ образомъ не хотѣлъ предоставить его императору Александру; обладаніе этимъ городомъ, говорили, доставляло господство надъ всѣмъ свѣтомъ. Такимъ

образомъ, въ тайныхъ статьяхъ Тильзитскаго мира (8 іюля 1807 г.) было выражено, что Франція и Россія вырвутъ „изъ-подъ ига и тираніи Турокъ" всѣ провинціи османскаго царства въ Европѣ, исключая Румеліи и города Константинополя [28]). Въ тотъ-же день Наполеонъ писалъ Мармону, своему губернатору въ Далмаціи, чтобы онъ изслѣдовалъ для военныхъ цѣлей турецкія земли. Вслѣдствіе этого въ 1807 и 1808 годахъ французскіе офицеры объѣхали Боснію и Герцеговину; нѣкоторые достигли до самой Албаніи и Македоніи. На основаніи ихъ отчетовъ Водонкуръ и Лапи составили свои карты, которыя впервые представили эти земли въ настоящемъ свѣтѣ.

Тильзитскія соглашенія не остались тайными. Порта получила объ этомъ свѣдѣніе отъ англійскаго и австрійскаго посланниковъ. Въ бурномъ засѣданіи дивана, въ которомъ принимали также участіе главы янычаровъ и улемовъ, послѣдніе воскликнули, что они охотнѣе умрутъ на полѣ битвы, подъ знаменемъ пророка, нежели переживутъ паденіе имперіи. Еслибы Наполеонъ въ дѣйствительности напалъ на Турцію, чтобы, при помощи райи и мятежныхъ пашей, основать новую „латинскую имперію", то это предпріятіе, не смотря на фанатизмъ дряхлыхъ Османовъ, имѣло-бы болѣе счастливый исходъ, чѣмъ его нашествіе на Москву.

Въ 1808 г. Константинополь былъ поприщемъ ужасныхъ сценъ. *Мустафа-Байрактаръ* изъ Трстеника, рущукскій паша, подступилъ съ отборнымъ войскомъ къ Стамбулу съ цѣлью освободить Селима. Въ то время, однако, какъ онъ штурмовалъ сераль, его противники поспѣшили задушить плѣннаго Селима. Сераль былъ взятъ; Мустафа IV сверженъ и въ султаны возведенъ былъ Махмудъ II. Мустафа-

[28]) Zinkeisen VII, 518; гдѣ также подробно описаны константинопольскія событія этого времени.

барьяктаръ сдѣлался великимъ визиремъ. Въ октябрѣ было торжественное собраніе пашей — зрѣлище до того времени не виданное; однако, румелійскіе и болгарскіе аги, жестокіе враги Байрактара, не явились. На этомъ собраніи совѣщались, между прочимъ, также о реформѣ корпуса янычаровъ. Учрежденъ былъ новый корпусъ регулярныхъ „сейменовъ", но когда ни янычары, ни остатки родопскихъ и балканскихъ Кирджаліевъ не хотѣли вступить въ его ряды, то стали принимать иногда даже христіанъ и евреевъ. Уже въ ноябрѣ 1808 г. вспыхнуло возстаніе противъ Байрактара-реформатора и его „низами джедидъ". Бѣшенство янычаровъ было страшно; грозны были пожары, которые нѣсколько разъ обнимали Стамбулъ моремъ пламени; яростна была борьба по всѣмъ улицамъ. Байрактаръ заперся въ башню, гдѣ онъ задохся отъ жгучаго воздуха, когда все вокругъ него горѣло. Приверженцы его прибѣжали въ Рущукъ, но изгнанные оттуда Моллой-пашею, преемникомъ Пасваноглу въ Видинѣ, жестокимъ противникомъ Байрактара, погибли одинъ за другимъ. Только спустя долгое время молодой Махмудъ попытался взяться снова за реформы.

Глава XXIX.

Фанаріотскіе епископы и эллинизмъ въ Болгаріи.

Состояніе болгарскаго народа въ началѣ настоящаго столѣтія. — Свѣдѣнія о Болгарахъ на западѣ. — Продолжающаяся эллинизація. — Греческія школы и письмо. — Фанаріотскій клиръ. — Сожженіе рукописей.

Въ началѣ настоящаго столѣтія болгарскій народъ, лишенный всякой политической и церковной жизни, до такой степени пропалъ изъ вида въ Европѣ, что его приходилось вновь открывать. Даже ученымъ, принявшимся тогда за иcлѣдованіе организма и взаимныхъ отношеній славянскихъ языковъ, понадобилось очень долгое время, пока они получили сколько-нибудь удовлетворительныя свѣдѣнія о свойствахъ болгарскаго языка. Въ 1771 г. *Шлецеръ* указалъ на настоятельную нужду въ болгарской грамматикѣ и словарѣ; но прошло тридцать лѣтъ, а болгарскій языкъ все еще оставался неизвѣстнымъ [1]). *Добровскій* въ 1814 г., не видѣвшій, впрочемъ, образчика болгарскаго языка, считалъ его только нарѣчіемъ сербскаго [2]). *Копитаръ* (въ 1815 г.)

---

[1]) Schlözer, Nordische Geschichte 334, Nestor II 326.

[2]) Dobrovsky, Slovanka, Praha 1814. I, 194.

зналъ только, что въ болгарскомъ языкѣ есть членъ, прибавляемый въ концѣ слова [3]).

Понятія славянскихъ филологовъ о болгарскомъ языкѣ впервые удовлетворительно были прояснены отцемъ новосербской литературы, *Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ*. Побуждаемый Копитаромъ, онъ показалъ въ 1821 г. разницу между сербскимъ и болгарскимъ языками въ письмахъ къ д-ру Фрушичу; въ своихъ добавленіяхъ къ петербургскому сравнительному словарю всѣхъ языковъ онъ издалъ въ 1822 г. очеркъ болгарской грамматики, образчикъ изъ Библіи, нѣсколько народныхъ пѣсенъ и проектъ болгарской ороографіи [4]). Немного лѣтъ передъ тѣмъ англійскій путешественникъ *Leake* перепечаталъ въ своихъ „Researches in Greece“ (Лондонъ 1814) Тетраглоссонъ Михаила Адама Хаджи Даніила изъ Мосхополя, содержащій разговоры новогреческіе, албанскіе, валашскіе и болгарскіе, — все греческими буквами (Венеція 1802 г.). *Шафарикъ* въ 1826 г. не зналъ еще ни одной болгарской книги и былъ того мнѣнія, что Болгаре обитаютъ только между Дунаемъ и Балканомъ; онъ насчитывалъ ихъ до 600,000 [5]).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что народъ болгарскій былъ неизвѣстенъ остальнымъ Славянамъ и вообще всей Европѣ. Значительный по своему числу и ничтожный по своей образованности, безъ вожаковъ и центра, влача

---

[3]) Kopitar, Kleinere Schriften, Wien 1857, 319.

[4]) Вукъ Ст. Караджичъ, Писмо Дим. Фрушичу мед. доктр. у Бечу 19, нов. 1819 J. Віени 1821 г. 8° 16 стр. (Прилож. къ Сербскимъ новинамъ 1821 № 68). Додатакъ к Санктпетербургским сравнительным рјечницима свују језика и нарјечија с особитим огледима бугарског. језика, Вѣна 1822 4°. 54 стр.

[5]) Šafařik, Gesch. der slav. Sprache und Literatur. Ofen 1826 (новый оттискъ, Прага 1869) 23, 223. Первое извѣстіе о болгар. письменности далъ въ 1829 г. Копитаръ, Albanesische, Walachische und Bulgarische Sprache. Jahrbücher der Lit. 46 т. 66 сл. (9 книжекъ).

свое существованіе подъ физическимъ гнетомъ Турокъ и духовнымъ — Грековъ, болгарскій народъ забылъ, за исключеніемъ немногихъ лицъ, что было нѣкогда время, когда и они, подъ властью собственныхъ царей и патріарховъ, жили свободною политическою и культурною жизнію. О своемъ собственномъ числѣ и о распространеніи своихъ поселеній они не имѣли никакихъ свѣдѣній, еще менѣе о томъ, что есть гдѣ-то на земномъ шарѣ родственныя имъ могущественныя племена и что и имъ присуще извѣстное національное значеніе. Образованнаго болгарскаго класса не было, потому что если кто усвоивалъ себѣ образованіе, то переставалъ быть Болгариномъ. Только въ необразованкомъ сельскомъ населеніи сохранился славянскій языкъ и старый народный бытъ. Наконецъ, пробилъ часъ, когда слѣдовало рѣшить, долженъ-ли такъ низко павшій и заброшенный народъ, подобно полабскимъ Славянамъ и Словѣнамъ, жившимъ въ Венгріи до прихода Мадьяръ, исчезнуть, или-же онъ можетъ еще пробудиться отъ этой глубокой летаргіи къ новой жизни.

Во время турецкаго господства въ Болгаріи поповскія училища были единственными учебными заведеніями. Они находились въ городахъ, а иногда и въ селахъ, въ жилищахъ священниковъ; ихъ называли обыкновенно *келліями*. Ихъ цѣль ограничивалась по большей части приготовленіемъ юношей къ духовному званію. Ученики изучали славянскую азбуку, затѣмъ церковныя книги, псалтырь, часословъ, октоихъ и апостолъ, — все наизусть, при чемъ охотно употреблялось наказаніе палками. Часословъ долгое время назывался просто „наустницей". Апостоломъ заканчивали ученіе. Знаніе евангелія было достаточно для обыкновенной ученности.

При возрастающемъ могуществѣ фанаріотовъ, которое было очень сильно съ начала XVIII стол., а именно съ уничтоженія охридской церкви, важность греческаго языка

увеличивалась изъ года въ годъ. По стараніямъ греческихъ епископовъ въ церквахъ славянская литургія была замѣнена греческою. Съ этой цѣлью прогречивали большинство священническихъ школъ. Обученіе продолжали по старой методѣ, съ той только разницей, что вмѣсто старословѣнскаго языка вдалбливали гораздо труднѣйшій древнегреческій. Скоро болгарскіе священники научились произносить греческія молитвы, какъ попугаи, безъ всякаго пониманія. Эллинизація исходила изъ городовъ, гдѣ имѣли свою резиденцію епископы. Горожане видѣли, какъ ихъ высшій пастырь хвалитъ все греческое и поноситъ все болгарское и слѣдовали безпрекословно въ своей религіозной простотѣ по пути, который онъ имъ указывалъ.

Во второй половинѣ XVIII ст. въ Элладѣ возникло живое движеніе. Два монаха, получившіе образованіе на западѣ, Макарій изъ Патмоса и Герасимъ изъ Итаки основали на островѣ Патмосѣ училище по европейскому образцу. Этому примѣру начали охотно подражать. Скоро въ Смирнѣ, Хіосѣ, Янинѣ, Солуни, Константинополѣ, Букарестѣ и другихъ мѣстахъ греческіе патріоты основали и стали щедро поддерживать подобныя-же школы. Составленными для обученія въ этихъ заведеніяхъ учебниками положено было начало ново-гречеськой литературѣ.

Это движеніе распространилось также и въ болгарскихъ областяхъ. На средства болгарскихъ купцовъ, которые не могли и помышлять о какой-нибудь другой школѣ, кромѣ греческой, возникли скоро греческія учебныя заведенія въ чисто-болгарскихъ городахъ, гдѣ вовсе нельзя было найти греческихъ семействъ. Въ двадцатыхъ годахъ такія школы были не только въ Македоніи, но и на Балканѣ и на Дунаѣ, напримѣръ въ Свиштовѣ, Трновѣ, Котлѣ и т. д. [6]).

[6]) Греч. школы въ 1820 г. и слѣд. въ Свиштовѣ, Трновѣ, Котлѣ,

Мѣсто поповъ заступили *даскалы* (διδάσκαλος), частію природные Греки, частью погреченные Болгаре. Хотя дѣти большею частію были изъ семействъ купцовъ и ремесленниковъ и должны были готовиться къ состоянію ихъ родителей, тѣмъ не менѣе главное вниманіе обращено было на чтеніе классиковъ. Читали отрывки изъ Лукіана и Эзопа, иногда изъ Гомера, Плутарха, Исократа и Ксенофонта. При этомъ сообщались нѣкоторыя свѣдѣнія изъ математики и исторіи. Болгарскіе мальчики трудились надъ чтеніемъ, письмомъ и разговорами по гречески. Розга дѣлала то, чего сдѣлать не могла добрая воля. Изъ многихъ выходили хорошіе „эллинисты“, однако, все образованіе ихъ проявлялось большею частію въ грамматическомъ педантизмѣ, частомъ приведеніи цитатовъ, напыщенномъ употребленіи архаическихъ фразъ и въ презрѣніи ко всему, что не коренится въ древности. Не смотря на это, нельзя отрицать, что школы эти распространили и въ нисшихъ классахъ народа извѣстное изящество выраженія и поражающую начитанность. Учрежденный послѣ греческой революціи въ Аѳинахъ университетъ посѣщали Болгаре не только съ юга, но также изъ Трнова, Сливна и другихъ сѣверныхъ городовъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія эллинизація достигла своего апогея. Кто не зналъ говорить по гречески или по крайней мѣрѣ приправлять свою рѣчь греческими фразами и изрѣченіями, тотъ не принадлежалъ къ числу образованныхъ; казалось даже, что хотѣли отождествить понятіе человѣка и Грека. Въ торговой и частной корреспонденціи Болгаре употребляли почти исключительно греческій языкъ или, по крайней мѣрѣ, греческія буквы. Чистый болгарскій языкъ

Сливнѣ, Ямболѣ, Филиппополѣ; въ Македоніи (около 1845 г.) — въ Воденѣ, Битолѣ, Рѣзнѣ. Охридѣ, Стругѣ, Струмицѣ, Сѣрѣ. Валовиштѣ, Мельникѣ и т. д.

можно было слышать только въ семейномъ кругу, такъ какъ женщины, за рѣдкими исключеніями, никогда не учились по гречески. Если горожанина спрашивали о его національности, то онъ отвѣчалъ не рѣдко, даже въ Трновѣ, что онъ Грекъ. Многіе даже чувствовали себя оскорбленными, если ихъ называли Болгарами [7]). На чужбинѣ, въ Вѣнѣ, Пештѣ, Темешварѣ, Новомъ-Садѣ, Валахіи и т. д. болгарскіе купцы выдавали себя за Грековъ и обучали своихъ дѣтей по гречески. Совершенно иначе поступали Сербы, которые даже въ дали отъ родины всегда лелѣяли свой родной языкъ [8]).

Эллинское движеніе было такъ сильно, что даже знаніе кирилловскаго письма было вытѣснено. Въ чисто-болгарскихъ городахъ, какъ Сливнѣ, ученики учили только греческое письмо, хотя самъ греческій языкъ остался имъ чуждъ [9]). Въ 1845 г. Григоровичъ не встрѣчалъ никого въ Охридѣ, кто-бы зналъ читать по славянски; напротивъ, нашелъ многихъ, которые очень бѣгло читали средневѣковое греческое письмо, представляющее, какъ извѣстно, довольно затрудненій. Еще нынѣ, не только въ Македоніи, но и въ Родопѣ и на Дунаѣ живутъ старики, могущіе писать по болгарски только греческими буквами. Въ 1852 г. іеромонахъ Павелъ изъ Коникова у Водена напечаталъ въ Солунѣ свой болгарскій переводъ евангелія греческимъ шрифтомъ [10]). Греческая азбука, въ которой недостаетъ

[7]) Априловъ, Денница новоболгарскаго образованія. Одесса 1841 года страница 71.

[8]) Въ Темешварѣ при греческой церкви слѣдующая надпись: «Ἐσύστησε Ζλάτκος φιλογενὴς Ἕλλην ἀπὸ Γάμπροβον» — Эллинъ Златко изъ прибалканскаго Габрова, можетъ быть, также потомокъ мараѳонскихъ героевъ. Раковскій, Горскій пѫтникъ, 269.

[9]) Венелинъ, О зародышѣ болг. литературы (Москва 1838, 18).

[10]) См. мою Bibliographie № 182. Εὐαγγέλιε να γοσποδα μπογα ι σπασα

знаковъ для *б* (β = v), *ц*, *ч*. *ш*, *ж* и *ъ*, естественно непригодна для болгарскаго языка; поэтому нужно было прибѣгать къ сочетаніямъ (напр., μπ для *б*). Черноризецъ Храбръ (стр. 554) разсказываетъ, что Славяне до Кирилла и Климента выражали свой языкъ греческими знаками; нынѣ, девять вѣковъ послѣ Храбра, Болгаре нуждались въ новомъ Кириллѣ [11]).

Въ Македоніи, кромѣ Дибры, прилѣпской страны и нѣкоторыхъ монастырей, даже въ деревняхъ литургія служилась на греческомъ языкѣ. Въ другихъ мѣстахъ старословѣнскій языкъ удержался покрайней мѣрѣ въ селахъ. Какова была духовная жизнь крестьянъ подъ опекою иноязычныхъ фанаріотовъ и необразованныхъ поповъ, — можно легко себѣ представить. Были области, гдѣ народъ даже не зналъ молитвъ; суевѣріе, даже язычество, сроднились съ нимъ опять. Врожденному своему недовѣрію и своей недоступности болгарское сельское населеніе обязано сохраненіемъ своей народности. Городскіе псевдо-Греки крестьянъ называли χονδροκέφαλοι (толстоголовые), ξύλα ἀπελέκητα (бревна неотесанныя) и другими презрительными прозвищами. Въ свою очередь, крестьяне называли всякаго по городски одѣтаго человѣка *гръкъ*, — выраженіе имѣвшее у нихъ на-

---

νασεγο Ιησουσα Χριστω, σιγα νοβο τυποσανο να μπογαρσκοι εζικ, ζα σεκοα νεδελια ου γοδινα δο γοδινα σο ρετ. Πρεπισανο η διωρτωσανο οτ μενε Παυλα Ιρομοναχ, μποζιγροπσκη πρωτοσυγγελ ροδομ Βοδενσκα (επαρχία), οτ σελο Κονικοβα. Σολον. Σταμπα Κυριακοβα Δαρζηλεν. 1852, 4°. Окончено-ли печатаніе этого курьеза—мнѣ неизвѣстно; я видѣлъ только заглавіе и начало. Іеромонахъ Павелъ былъ затѣмъ архимандритомъ св. Гроба и въ 1865 г. посѣтилъ Прагу въ преклонныхъ уже лѣтахъ; онъ вовсе не былъ грецизованный Болгаринъ, но усердно слѣдилъ за возрожденіемъ своего отечества.

[11]) Филологъ Икономосъ, опубликовалъ, въ своемъ Δοκίμιον περὶ τῆς πλησιεστάτης συγγενείας τῆς σλαβονορωσσικῆς γλώσσης πρὸς τὴν ἑλληνικήν, Спб. 1828 III. 439—501, нѣкоторые древне-эолійскіе памятники—болгарскія молитвы и поговорки греческими буквами! см. Венелинъ, op. cit. 18 сл.

смѣшливый оттѣнокъ, сказывающійся также во многихъ пословицахъ [12]). Такую глубокую ненависть сельскаго населенія ко всему греческому пробудили, однако, не столько греческіе горожане, сколько городское духовенство (стр. 600).

Деньги царили надъ всѣмъ въ константинопольской церкви. Ученость, житейская опытность и нравственное достоинство не были необходимы для духовной карьеры; нужно было платить и платить много. Цѣна патріаршаго званія, равнявшагося въ 1573 г. только 6000 дукатамъ, увеличилась въ теченіи времени въ 25 разъ. Чтобы выработать громадную покупную сумму, каждый новый глава восточнаго христіанства оцѣнивалъ отдѣльныя епископіи среднимъ числомъ въ 4000 дукатовъ. Епископы-же умѣли взыскать эту сумму и, кромѣ того, найти средства не только къ блестящей обстановкѣ, рѣзко отличавшейся отъ строгой бѣдности мусульманскаго имама, но и, чрезъ подкупъ чиновниковъ, упрятать въ темницу или сослать въ Азію всякаго имъ ненравившагося [13]). Источниками ихъ доходовъ отнюдь не были церковныя имущества, а исключительно повинности народа.

Фанаріотскіе епископы были очень изобрѣтательны въ вымогательствѣ денегъ. Тотчасъ послѣ прибытія въ свою резиденцію, они разсылали почетнѣйшимъ семействамъ, въ видѣ подарковъ, бездѣлушки, за которыя граждане должны были вознаградить ихъ подарками, стоившими въ 30 разъ болѣе. Отъ времени до времени епископъ объѣзжалъ свою

[12]) Напр.: Боже, сохрани насъ отъ влашскихъ волковъ и Грековъ съ Бѣлаго моря.

[13]) О греческихъ епископахъ въ Болгаріи см. путешествія Каница, Лежана, Григоровича и др.; также сочиненія Априлова, Даскалова, Раковскаго и др. Болгаръ; равно и новѣйшія болг. період. изданія содержатъ очень богатый матеріалъ. О дѣйствіяхъ греческаго духовенства въ Босніи см. *Evans*, Trough Bosnia and Herzegovina, Lond. 1876, стр. 264.

епархію и „грабилъ въ селахъ, какъ Кирджалія“, хотя его „буйрульди“, содержащій дозволеніе паши на этотъ объѣздъ, предоставлялъ каждому давать столько, сколько ему захочется. Такъ взыскивались *βοήθεια* для патріарха, *ἐμβατήκιον* за посвященіе поповъ, *παρρησία* за молитвы, *ψυχομερίδιον* за упокой, *ἁγίασμα* за освященіе и многія другія таксы и налоги. Временами посылалъ „Фенеръ-владыка“ своихъ священниковъ для сбора на постройку церкви: но собранная сумма нерѣдко шла на воздвиженіе роскошныхъ епископскихъ конаковъ (дворцовъ). Бракоразводныя дѣла были въ особенности богатымъ источникомъ дохода. Въ виду этого, незначительныя распри между супругами фанаріоты раздували своими интригами. Слѣдствіемъ этого былъ упадокъ нравственности. О каноническомъ правѣ здѣсь мало заботились: все можно было имѣть за деньги.

Такія живодерства разоряли не только отдѣльныя семейства, но и цѣлыя села. Если бѣдные многострадальные крестьяне не имѣли средствъ удовлетворять ненасытное корыстолюбіе ихъ духовныхъ пастырей, то приходили епископскіе служители, изрекали надъ селомъ анаѳему, запечатывали церковь и забирали изъ домовъ все, что можно было вынести. О протестѣ нечего было и помышлять. Въ отчаяніи крестьянинъ переносилъ духовное иго: его дѣти росли некрещенными, а когда онъ умиралъ, то былъ предаваемъ землѣ безъ священника и молитвы.

Участь крестьянина еще въ большей мѣрѣ тяготѣла надъ священникомъ. Подчиненный непосредственно епископу, онъ не могъ отъ него нигдѣ укрыться. О его просвѣщеніи никто не заботился. Часто онъ не умѣлъ читать, произносилъ молитвы наизустъ, отмѣчалъ свои счеты и замѣтки бирками и собственными руками воздѣлывалъ поле: отъ крестьянина отличался онъ только камилавкой и бородой. За посвященіе онъ долженъ былъ уплатить фанаріоту 1000—

1500 піастровъ; чтобы увеличить свои доходы, епископы имѣли обыкновеніе увеличивать сверхъ надобности число посвященій въ священническій санъ; множество такихъ безполезныхъ поповъ шаталось по странѣ безъ работы и хлѣба.

Обращеніе епископовъ со священниками было въ высшей степени недостойно. Нерѣдко епископы били священниковъ у алтаря. Многіе епископы имѣли обыкновеніе держать поповъ у себя въ услуженіи, заставляя ихъ работать въ своихъ дворахъ, конюшнѣ или садахъ. Впрочемъ, были благороднѣйшія и образованнѣйшія личности, не могшія перенести такого униженія. Мы приведемъ одинъ примѣръ.

Въ началѣ настоящаго столѣтія въ Трновѣ жилъ ученый священникъ по имени Іоакимъ, пользовавшійся большою любовью народа, но не любимый митрополитомъ. Однажды, послѣ литургіи, митрополитъ Иларіонъ, родомъ Кандіотъ, приказалъ ему вынести на дворъ изъ конюшни епископскаго дома въ коробѣ навозъ. Іоакимъ отказалъ ему въ повиновеніи. Дѣло дошло до рукопашной съ епископскими слугами и діаконами. Силою освободился священникъ и бѣжалъ съ распущенными волосами, безъ камилавки прямо къ кади. Прежде еще, чѣмъ зашло солнце, онъ принялъ исламъ. Онъ научился писать и читать по турецки, пріобрѣлъ себѣ большой почетъ у Турокъ и палъ въ Добруджѣ въ битвѣ противъ „Московъ“ [14]).

Монастырямъ приходилось не лучше. Въ Македоніи обыкновенно отдавали ихъ въ наемъ предпріимчивымъ Грекамъ, Валахамъ или Албанцамъ. Арендатору предоставлялось терпѣть монаховъ или отсылать. Григоровичъ въ 1845 году въ монастырѣ св. Наума, на Охридскомъ озерѣ,

[14]) Воспоминанія стараго Трновца въ газетѣ «Гайда» I. 1863 года № 8, стр. 61.

встрѣтилъ игумена безъ монаховъ; Грекъ съ 30-ю слугами хозяйничалъ въ просторномъ монастырѣ, уплачивая ежегодно митрополиту 1500 піастровъ.

Греческіе епископы столь-же мало были образцами христіанскаго безкорыстія и добровольной нищеты, какъ образцами христіанской нравственности. При ихъ дворахъ господствовали красивыя Гречанки и Армянки, протекція которыхъ дѣлала все. Ихъ мѣсто занимали иногда безбородые женоподобные юноши. Отъ преслѣдованія фанаріота не была обезпечена ни одна женщина и дѣвица въ селѣ. Въ такихъ случаяхъ рѣдко можно было найти помощь у чиновниковъ, а отъ мести удерживалъ сохранившійся еще благоговѣйный страхъ „предъ духовными пастырями“ [15]).

Нѣкоторые епископы старались елико возможно оставить своихъ духовныхъ чадъ въ прежнемъ невѣжествѣ; другіе не упускали изъ виду политическихъ и національныхъ тенденцій. Ихъ девизъ былъ, съ одной стороны, обогащеніе самихъ себя, съ другой — систематическая *эллинизація* Славянъ. Этой цѣли старались достигнуть введеніемъ греческой литургіи, основаніемъ греческихъ школъ, распространеніемъ греческихъ разговоровъ, также какъ и дареніемъ греческихъ книгъ. До начала настоящаго столѣтія Болгаре часто поставлялись въ епископскій санъ; послѣ-же греческой революціи и образованія новогреческаго королевства уже ни одинъ Болгаринъ не допускался къ высшимъ званіямъ.

---

[15]) Въ 1860 г. греческій врачъ въ Пиротѣ обвинялъ тамошняго епископа въ томъ, что онъ обезчестилъ 14-ти лѣтнюю дѣвочку изъ тамошней школы. Охридскій епископъ въ 1864 году держалъ силою дѣвицъ для исповѣди въ тайныхъ мѣстахъ; въ слезахъ уходили оттуда бѣдняжки. Гайда. 1864 г., стр. 167. Митрополитъ Софроній призренскій (XVIII в.) имѣлъ обыкновеніе разыскивать по домамъ дѣвушекъ, которыя скрывались отъ него, какъ отъ Турка (Разсказъ русскаго консула Ястребова въ Гласникѣ 40, 195). Ср. Kanitz, Donau-Bulgarien I. 129.

Чтобы вычеркнуть Болгаръ изъ списка европейскихъ народовъ, дѣйствовали не только косвенно, введеніемъ греческаго языка, но и прямо, преслѣдованіемъ болгарскаго. Языкъ славянскій, будучи, по мнѣнію ихъ, языкомъ въ основѣ своей варварскимъ, звучалъ непріятно для фанаріотовъ уже самъ по себѣ. Но этого не довольно. Исторія фанаріотскаго клира въ Болгаріи запятнана дѣлами, достойными вандаловъ. Болгарскія рукописи, сохранившіяся въ теченіи столѣтій отъ войнъ, пожаровъ, мышей, моли и гніенія, были Греками повсюду сожигаемы и уничтожаемы, также какъ іезуитами были уничтожаемы чешскія книги послѣ битвы у Бѣлой горы. Болгаре не должны были узнать, что они имѣютъ славное прошлое и старую литературу и что ихъ языкъ имѣлъ нѣкогда собственныя письмена.

Многіе примѣры этого варварства приводитъ Григоровичъ (1845). Въ Зографѣ (стр. 513), не задолго до его пріѣзда, сожгли цѣлую груду рукописей. Очевидцы передавали ему, какъ въ Ксенофѣ бросали въ море славянскіе кодексы. Въ Ватопедѣ топили хлѣбную печь старославянскими пергаментными рукописями, на которыя смотрѣли, какъ на ἄχρηστα πράγματα. Такія-же сцены происходили и въ славянскихъ, по своему происхожденію, Симопетровскомъ и Филоѳейскомъ монастыряхъ. Григоровичъ, въ своихъ поискахъ за славянскими памятниками, узналъ о подобныхъ-же печальныхъ событіяхъ не только въ рощахъ Аѳона, но и внутри края. Въ монастырѣ св. Наума уже предшественникъ тогдашняго игумена, анатолійскій Грекъ, по имени Діонисій, сжегъ всѣ книги. Въ Меникейскомъ монастырѣ у Сереса путешественнику показывали богатую греческую библіотеку; когда онъ освѣдомился о славянскихъ рукописяхъ, то ему сказали, что они уже сожжены [16]).

[16]) Григоровичъ, Пут. 96. 130, 144.

Въ 1823 году митрополитъ Іоакимъ софійскій слышалъ, что въ селѣ Церовенѣ у Берковицы находятся сборники и иконы. Онъ далъ приказъ крестьянамъ нагрузить этими вещами повозку и сжечь ихъ внѣ села, или закопать, иначе онъ не пріѣдетъ въ деревню. Крестьяне въ точности исполнили приказаніе и зарыли древности; сохранились только три рукописи, скрытыя священникомъ. Въ вознагражденіе, село получило въ даръ греческія церковныя книги и иконы съ греческими надписями. Во время церковнаго вопроса епископъ Дороѳей въ 1864 г. приказалъ рыть на томъ мѣстѣ: но найдены были только рамки иконъ и истлѣвшія груды пергамента [17]).

Въ сороковыхъ годахъ епископъ шуменскій приказалъ, при освященіи новой церкви въ Тичѣ, бросить рукописныя книги въ яму на кладбищѣ. Одновременно одинъ фанаріотъ въ Эски-Загорѣ велѣлъ сжечь или закопать кучу староболгарскихъ церковныхъ книгъ подъ тѣмъ предлогомъ, что на нихъ разлиты были св. тайны. Около 1853 года въ Пештерѣ были преданы огню валашскимъ протопопомъ Христодуломъ рукописи св. Петки [18]).

Самое извѣстное фанаріотское autodafé — это сожженіе старой трновской патріаршей библіотеки [19]). Упомянутый митрополитъ Иларіонъ, около 1825 г., приказалъ прорубить въ митрополичьей церкви дверь изъ алтаря на дворъ. При этомъ наткнулись на маленькую со сводами комнату, цѣликомъ наполненную книгами — библіотеку

[17]) Гайда 1864, 11 сент. (II годъ, № 8, стр. 60).

[18]) Раковскій, Горскій пѫтникъ 165. Захаріевъ 61

[19]) Этотъ случай, извращенный на разные лады, побуждаетъ историка къ большой осторожности. Изъ семи донесеній, которыя находятся въ моемъ распоряженіи, я держался мемуаровъ стараго Трновца (См. прим. 14), текстъ которыхъ основанъ на разсказѣ самого протосингелла. Ср. также Григоровича, Путеш. 172—176.

трновскихъ патріарховъ. Здѣсь-же нашли мощи святыхъ; изъ нихъ голову св. Михаила изъ Потуки Иларіонъ продалъ въ Валахію. Неофитъ, протосингеллъ митрополита, святогорецъ, хотѣлъ или опять замуровать книги въ церковныхъ стѣнахъ, или зарыть ихъ подъ поломъ въ строившейся рядомъ конюшнѣ. Но Иларіонъ самъ пересмотрѣлъ книги и отдѣлилъ въ ящичекъ нѣкоторыя греческія церковныя книги; остальныя, цѣлый возъ, онъ приказалъ сжечь. Въ митрополичьемъ саду, подъ орѣшникомъ, гдѣ впослѣдствіи погребенъ былъ одинъ епископъ самоубійца, развели костеръ и предали въ полдень огню всѣ болгарскія рукописи. Вышеупомянутые греческіе пергаменты давно уже разнесены. Отъ старой библіотеки осталась только желѣзная рѣшетка [20]).

[20]) Съ этимъ часто смѣшиваютъ другое трновское событіе. Эмануилъ Васкидисъ (Васкидовичъ) изъ Мельника, природный Грекъ (умеръ въ 1875 г.) бывшій впослѣдствіи учителемъ въ Свиштовѣ, и самъ составлявшій болгарскіе учебники, былъ секретаремъ (γραμματικός) Иларіона. Однажды (1820 — 1830) онъ узналъ отъ шейха бывшаго монастыря сорока мучениковъ о находившихся тамъ староболгарскихъ пергаментныхъ рукописяхъ. Одинъ сборникъ онъ купилъ у Турокъ и уговорился о покупкѣ остальныхъ. По несчастію, онъ показалъ свое открытіе митрополиту, который тотчасъ поспѣшилъ донести Туркамъ о святотатствѣ шейха. Съ того времени воспрещенъ былъ христіанамъ входъ въ эту мечеть. Показаніе Даскалова (см. стр. 181) будто Иларіонъ купилъ затѣмъ у шейха всѣ рукописи и сжегъ ихъ, — сказка, по крайней мѣрѣ старый Васкидисъ не сказалъ объ этомъ ни слова, ни Григоровичу, ни нашимъ друзьямъ, которые объ этомъ съ нимъ говорили.

Глава XXX.

Возрожденіе болгарскаго народа.

Начало и характеръ болгарскаго національнаго движенія. Историкъ Паисій самоковскій (1762) и епископъ Софроній врачанскій (1739 — 1815).

Великое умственное движеніе, охватившее Европу въ XVIII стол., коснулось также и славянскихъ народовъ, которые, за исключеніемъ Русскихъ и Поляковъ, были тогда совершенно забыты. Незамѣченная въ свое время горсть просвѣщенныхъ патріотовъ произвела тотъ въ высшей степени интересный для историка переворотъ, который еще теперь приписывается западною Европою политическому воздѣйствію Русскихъ, какъ будто дипломатическія агитаціи когда либо въ состояніи произвести столь глубоко проникающія перемѣны народной жизни. У Чеховъ, Лужичанъ, Словинцевъ, Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ національное чувство пробудилось почти одновременно. однако, самостоятельно у каждаго племени. Коренная причина этого постепеннаго и не шумнаго переворота лежитъ въ стремленіи къ образованію, которое можетъ быть удовлетворено только при посредствѣ роднаго языка. Немного книгъ понадобилось, чтобы пробудить старый народный духъ изъ глубокой летаргіи; скоро возникли начатки литературы на заброшенныхъ въ продолженіи столь долгаго времени языкахъ:

Прежде всего это движеніе охватило лишь низшіе слои народа; въ высшіе классы, наиболѣе доступные къ усвоенію чуждыхъ элементовъ, эта перемѣна стала проникать только постепенно.

На вѣчно зеленыхъ рощахъ Аѳонской горы монахъ Паисій (Παΐσιος) кончилъ въ 1762 году свою маленькую книжку: „Исторія славяно-болгарска о народахъ и о царѣхъ и о святыхъ болгарскихъ", съ появленіемъ которой въ свѣтъ началось болгарское національное движеніе. И у остальныхъ Славянъ первый толчекъ новому движенію дало изученіе отечественной исторіи [1]).

Кто былъ Паисій и что побудило его къ составленію его исторіи славяно-болгарской? Къ сожалѣнію, нашъ отвѣтъ на этотъ вопросъ по необходимости будетъ очень неполонъ, потому что о Паисіѣ мы знаемъ только то, что онъ самъ о себѣ разсказываетъ. Родился онъ около 1720 г. въ самоковской епархіи, въ окрестностяхъ стараго Рыльскаго монастыря; былъ монахомъ въ Хиландарскомъ монастырѣ на Аѳонѣ, гдѣ онъ самъ отправлялъ должность проигумена.

7-го августа 1758 г. прибылъ въ Хиландарскій монастырь сербскій историкъ Іоаннъ Раичъ, молодой человѣкъ рѣдкаго прилежанія и благороднаго характера. Получивъ въ венгерскихъ іезуитскихъ школахъ западное образованіе, онъ изучалъ богословіе въ Кіевѣ. Чтобы собрать матеріалы для сербской исторіи, онъ предпринялъ путешестіе на Аѳонъ. Недовѣрчивые Хиландарцы не позволили ему даже свободно пользоваться ихъ богатыми рукописными сокровищами. Недовольный уѣхалъ онъ уже черезъ два мѣсяца домой въ Карловицъ [2]).

---

[1]) О Паисіѣ М. Дриновъ написалъ прекрасную статью въ Браиловскомъ Периодич. Списаніи, IV, 1871, 1—26. Въ Бълг. Книжицахъ, 1859, 540, впервые было обращено вниманіе на полузабытаго Паисія; первыя выписки изъ Паисіевой хроники сдѣлалъ Раковскій, О Асѣнѣ I.

[2]) Šafařik, Gesch. der südslav. Lit. III, 305.

Полныя энтузіазма слова сербскаго историографа и проявленная имъ неутомимая ревность собирателя, вѣроятно, побудили юнаго Паисія сдѣлать нѣчто подобное для исторіи своего народа. Насмѣшливыя замѣчанія сербскихъ и греческихъ монаховъ по поводу того, что Болгаре не имѣютъ исторіи, укрѣпили его въ этомъ рѣшеніи. Въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ собиралъ матеріалы на Аѳонѣ и въ Болгаріи; для этой-же цѣли онъ даже путешествовалъ „у немска земля“, т. е., вѣроятно, въ Банатъ. Сочиненіе дубровницкаго аббата Mauro Orbini, подъ названіемъ „Regno degli Slavi“ (Pesaro 1601; въ русскомъ переводѣ 1722), представляющее накопленіе безъ всякой критики истины и легендъ, было его главнымъ источникомъ, хотя и не удовлетворяло его. При этомъ онъ пользовался всемірной хроникой Баронія (по русск. 1716) и нѣкоторыми греческими легендами; изъ болгарскихъ источниковъ онъ зналъ только небольшое число грамотъ и житій святыхъ. Послѣ этой подготовки, Паисій, несмотря на мучившую его болѣзнь, началъ писать свою книгу въ Хиландарѣ въ то время, когда его старшій братъ былъ тамъ игуменомъ. Турки обложили монастырь данью въ 3000 піастровъ ежегодно, и долгъ монастыря возросъ до 27.000 піастровъ. Вслѣдствіе этого между монахами возникли несогласія, побудившія Паисія переселиться въ Зографскій монастырь. Въ этомъ староболгарскомъ царскомъ монастырѣ онъ нашелъ нѣкоторыя новыя пособія, воспользовавшись которыми, окончилъ свой трудъ (1762). О его дальнѣйшей судьбѣ мы знаемъ только, что онъ объѣхалъ Болгарію и давалъ переписывать свою хронику; такъ, въ 1765 году мы находимъ его въ Котлѣ.

Трудъ Паисія не имѣетъ бо́льшаго значенія для критическаго изысканія прошедшаго Болгаріи, чѣмъ, напр., Фирдуси для староперсидской и Качичъ для далматской исторіи.

Но за то онъ имѣетъ неоцѣнимое значеніе для новѣйшаго развитія болгарскаго народа.

Пылкимъ патріотизмомъ дышетъ каждая страница. Пламенными словами Паисій вызываетъ въ памяти своихъ глубоко павшихъ соплеменниковъ славные дни ихъ прошлаго, когда они, управляемые своими царемъ и патріархомъ, были извѣстны и уважаемы. Онъ серьезно упрекаетъ Грековъ въ томъ, что они даютъ Болгарамъ только греческихъ епископовъ, вовсе не заботятся объ основаніи болгарскихъ школъ, оставляютъ народъ въ простотѣ и невѣжествѣ, при помощи турецкаго насилія и на перекоръ всѣмъ церковнымъ законамъ творятъ постоянно неправду, и побуждаетъ своихъ соотечественниковъ не переносить этихъ безобразій такъ поовечьи. Рѣзкое наставленіе получаютъ отъ него ренегаты, которые учатъ читать и писать по гречески и не хотятъ признавать себя за Болгаръ. Во имя своей исторіи Болгаре должны, по его совѣту, прежде всего стараться уважать свой языкъ. Паисій отвѣчаетъ на насмѣшки не только Грековъ, но и соплеменныхъ Болгарамъ австрійскихъ Сербовъ и Русскихъ; пусть они благодарятъ Бога, взываетъ онъ къ нимъ, что Онъ ихъ пощадилъ отъ ига Турокъ и фанаріотовъ.

Простыя, но глубоко прочувствованныя слова Паисія имѣли долгій отголосокъ во всѣхъ болгарскихъ земляхъ. Скоро онъ нашелъ послѣдователей, которые дѣлали многія добавленія къ его сочиненію. Старѣйшій изъ этихъ продолжателей (до 1797 г.) приложилъ списокъ 144 городовъ изъ всѣхъ странъ Болгаріи, изъ котораго узнаемъ, что онъ уже былъ хорошо знакомъ съ географическимъ распространеніемъ всего своего народа. Ненависть къ Грекамъ выступила у него еще рѣзче, чѣмъ у кроткаго Паисія [3]). Еще

[3]) Такъ, напр., начинается глава объ обращеніи въ исламъ Помаковъ и

въ настоящемъ столѣтіи хроника его часто переписывалась, пока Христаки Павловичъ не напечаталъ ее въ 1844 году въ Офенѣ, хотя и въ сильно измѣненной формѣ, подъ названіемъ „Царственникъ или исторія болгарская“ [4]).

Изъ многочисленныхъ копій написанная въ 1765 году въ Котлѣ для насъ особенно интересна по лицу переписчика, *священника Стойко*. Это никто иной, какъ извѣстный уже читателю, изъ описанія временъ Кирджаліевъ, епископъ Софроній врачанскій, лучшій ученикъ Паисія [5]).

Стойко Владиславовъ (род. 1739 г. въ Котлѣ), рано осиротѣвшій, вслѣдствіе корыстолюбія своихъ родственниковъ, очутился въ такой бѣдности, что рѣшился оставить свою жену и дѣтей и искать въ качествѣ ремесленника заработковъ на чужбинѣ. Тогда по иниціативѣ чорбаджіевъ, онъ былъ поставленъ въ священники (1762).

Стойко зналъ читать и писать, преподавалъ въ школѣ и проповѣдывалъ въ церкви, въ то время какъ другіе священники были невѣжественными земледѣльцами; ихъ зависть побуждала къ частымъ клеветамъ и обвиненіямъ его предъ епископомъ. Во время русской войны 1768 — 1774 гг. Стойко писалъ квартирные билеты для проходящихъ войскъ, — занятіе, готовившее ему много непріятностей. Если квартира варварамъ не нравилась, то они приходили къ нему съ пистолетами и копьями: одинъ Альжирецъ даже вырвалъ ему почти всю бороду. Ужасные дни пережилъ Стойко.

Босняковъ: «одинъ цареградскій патріархъ, единомышленникъ ада, чертовъ другъ, второй Іуда и новый Арій, предсталъ предъ царемъ Селимомъ, склонился и сказалъ: между твоими подданными есть Болгаре, суровый народъ, непобѣдимый въ сраженіи; если ты его окончательно не покоришь, то онъ возстанетъ и лишитъ тебя твоей земли» и т. д.

[4]) См. мою Bibliographie, № 513. Въ книгѣ не названо ни имя Паисія, ни издателя. Подлинная Паисіева хроника никогда не выходила въ свѣтъ.

[5]) Эта рукопись, хранящаяся все еще въ Котлѣ, была описана Крстьовичемъ въ Бълг. Книжици 1859, 540 и въ Читалище I, 1871, бр. II.

когда Котелъ, за участіе въ ссорѣ между агами Османъ-Пазарджика, присужденъ былъ къ уплатѣ большой контрибуціи, а онъ былъ уведенъ, какъ заложникъ, для обезпенія уплаты. Испытанная во время ареста боязнь смерти, упреки совѣсти въ томъ, что онъ дозволялъ себѣ, въ качествѣ эпитропа епископа Шуменскаго, собирать въ пользу послѣдняго въ селахъ деньги, и смерть его жены повергли его въ глубокую меланхолію. Такъ какъ не было вовсе врачей, то онъ прибѣгнулъ къ цѣлебнымъ растеніямъ. Но за употребленіе этихъ „волшебныхъ средствъ" епископъ отрѣшилъ его на три года, а когда они истекли, то у Стойка недоставало денегъ, чтобы склонить Грека къ снисхожденію.

Преслѣдуемый ненавистью, неблагодарностью и завистью, Стойко оставилъ родину и прибылъ къ Анхіалскому епископу, который дружественно его принялъ и предоставилъ ему карнобадскій приходъ (1792). Едва онъ тамъ поселился, какъ его узналъ бостанджи-баша, который уже однажды хотѣлъ его повѣсить въ Котлѣ, и приказалъ схватить его и посадить на колъ; только просьбы христіанъ и христіанокъ у матери Турка спасли ему жизнь. Въ другой разъ на него напалъ въ открытомъ полѣ, жившій въ близкомъ селѣ Шехлари (стр. 620), татарскій султанъ Ахмедъ Герай, за то, что Стойко обвѣнчалъ противъ воли султана одну болгарскую дѣвицу съ христіаниномъ; Стойко спасся только послѣ отчаянной схватки.

Эти событія побудили Стойка отправиться въ Арбанаси у Трнова, куда между тѣмъ переселилось и его семейство. Живя въ одномъ монастырѣ, онъ пріобрѣлъ такой большой почетъ, что трновскій митрополитъ, не смотря на его не греческое происхожденіе, предложилъ ему епископскую каѳедру въ Врацѣ. 13-го сентября 1794 года Стойко, подъ именемъ Софронія, рукоположенъ въ епископы. Его стра-

данія во времена Кирджаліевъ и Пасваноглу мы уже описали. Наконецъ, когда его епархія была опустошена и обращена въ становище грабителей, онъ былъ заточенъ митрополитомъ видинскимъ. Только въ 1803 году старику удалось бѣжать въ Букарестъ, гдѣ онъ по братски принятъ былъ митрополитомъ Досиѳеемъ.

Свои послѣдніе дни Софроній посвятилъ болгарской литературѣ. „Я работаю день и ночь, чтобы написать нѣсколько книгъ на нашемъ болгарскомъ языкѣ, чтобы мои соплеменники, если не изъ моихъ устъ, то по крайней мѣрѣ изъ моихъ книгъ, могли почерпнуть что-либо полезное". Уже въ 1802 году короталъ онъ дни своего затворничества въ Видинѣ переводомъ греческихъ басенъ, разсказовъ и сентенцій и записываніемъ афоризмовъ. Въ своихъ запискахъ, составленныхъ около 1804 года, онъ рисуетъ простыми чертами ужасающую картину своего суроваго времени [6]). Въ 1806 году онъ издалъ проповѣди, переведенныя съ греческаго и славянскаго (Киріакодроміонъ, сирѣчь Недѣльникъ. Рымникъ. 1806 года), сильно популяризировавшія его имя и пользующіяся еще и доселѣ большою симпатіею: это первая книга, изданная на новоболгарскомъ языкѣ [7]). Софроній умеръ въ 1815 или 1816 году въ Букарестѣ. Онъ былъ благородный и даровитый человѣкъ безъ всякаго лицемѣрія и суевѣрія; духовное благо своихъ соотечественниковъ онъ не выпускалъ изъ виду въ печальнѣйшія времена. Хотя самоучкой, однако, основательно изучилъ онъ старо-словѣнскій и древне-греческій языки и

[6]) Оригиналъ находился у Григоровича въ Одессѣ. Въ первый разъ изданъ Раковскимъ въ «Дунавскомъ лебедѣ» (Бѣлг. 1861), потомъ литер. обществомъ въ Браиловѣ въ Период. Списании V и VI. Рукоп. видинскихъ работъ Софронія находятся, по сообщенію г. Дринова, у болг. экзарха.

[7]) Въ 2 (Н. Садъ 1856) и 3 изд. (Букарестъ 1865) простой языкъ Софронія значительно искаженъ. Bibliographie, 446.

пріобрѣлъ значительныя познанія. Въ Котлѣ и Врацѣ онъ проповѣдывалъ каждое воскресенье и праздникъ на болгарскомъ языкѣ къ великой радости народа, которому никогда не доводилось слышать отъ своихъ епископовъ что-либо на родномъ языкѣ и вообще проповѣдей. Изъ школы въ Котлѣ, гдѣ Софроній учительствовалъ въ продолженіи 20 лѣтъ, вышелъ длинный рядъ болгарскихъ патріотовъ; однако, такъ какъ они всѣ дѣйствовали на чужбинѣ, то Котелъ не сталъ такимъ средоточіемъ новоболгарскаго движенія, какъ этого можно было-бы ожидать [8]).

[8]) Кто-либо изъ Болгаръ долженъ заняться подробной біографіей Софронія. Еще недавно жили люди, знавшіе его лично, какъ напр. князь Стефанъ Вогориди, внукъ Софронія. Портретъ Софронія (масляными красками) находится въ Константинополѣ въ національномъ домѣ, при болг. церкви; вмѣстѣ съ домомъ Вогориди подарилъ его болгарскому народу.

Глава XXXI.

Русскіе походы и греческая революція.

Русская война 1806—12 г. — Греческая революція. — Русская кампанія 1828—29 г. — Капитанъ Георгій Мамарчовъ. — Капиновскій заговоръ 1836 г. — Болгарскія колоніи въ Бессарабіи.

Многолѣтнія войны и кровавыя домашнія смуты дали при султанѣ Махмудѣ II (1808—39) новое направленіе всей жизни въ османскомъ царствѣ.

При самомъ началѣ царствованія Махмуда, русско-сербскій союзъ (стр. 649) поставилъ Турокъ въ крайне стѣснительное положеніе. Условленный въ тайныхъ статьяхъ Тильзитскаго мира планъ раздѣла между Россіей и Франціей не давалъ Портѣ долгое время покоя. Султанъ и диванъ ожидали не меньшаго, какъ соединеннаго нападенія Русскихъ со стороны Дуная, Сербовъ — изъ Шумадіи и Французовъ изъ Далмаціи. Это опасеніе начало оправдываться, когда въ 1809 году Русскіе заняли Добруджу, Карагеоргій обратился на западъ, Герцеговина взялась за оружіе, а Сербы и Черногорцы простирали другъ другу руки на берегахъ Лима.

Въ 1810 году казаки дѣлали набѣги до самой Босніи, а Сербы, совмѣстно съ 3.000 Русскихъ, одержали блиста-

тельную побѣду на Варваринскомъ полѣ. На востокѣ русская армія, подъ начальствомъ графа *Николая Каменскаго*, перешла Дунай, завоевала Тутраканъ, взяла штурмомъ послѣ кровавой сѣчи Пазарджикъ, овладѣла по капитуляціи Силистріею и заняла Разградъ. Только Рущукъ такъ храбро держался, что русская армія со всевозможной поспѣшностью должна была сконцентрироваться предъ его стѣнами; во время этой операціи генералъ Ланжеронъ зажегъ Разградъ и Арнаутъ-кіой, генералъ-же Saint Priest — Свиштовъ. Только когда подступившее съ Балканъ для снятія осады турецкое войско было уничтожено у Батина на Дунаѣ, рущукскій гарнизонъ положилъ оружіе. Русскіе, при помощи сильныхъ гайдуцкихъ четъ и многочисленныхъ волонтеровъ, начали занимать всю Болгарію. Каменскій взялъ Никополь, генералъ Воронцовъ — слабо защищенный Плевенъ и потомъ Ловечъ; городъ Трново сдался князю Вяземскому. Съ наступленіемъ зимы вся страна, за исключеніемъ Никополя, Рущука и Силистріи, была снова очищена. Въ этомъ году Русскіе пробудили много надеждъ, однако-же оставили и много горя, превративъ въ развалины рядъ богатыхъ городовъ.

Преемникъ Каменскаго графъ *Кутузовъ* срылъ и очистилъ также упомянутые три болгарскія крѣпости. Его дурное управленіе въ Валахіи побудило императора Александра отозвать его и назначить генералъ-губернаторомъ дунайскихъ княжествъ и командующимъ южною арміею адмирала *Чичагова*. Приготовленія Наполеона къ походу въ Россію принудили къ заключенію Букарестскаго мира (май 1812). Русскіе удержали Бессарабію до Прута и Дуная и предоставили своихъ союзниковъ Сербовъ милости султана. Сербы должны были, послѣ восьмилѣтней борьбы за свободу, вновь подчиниться турецкому игу, пока Милошъ Обреновичъ въ 1815 году снова поднялъ знамя возмущенія и навсегда изгналъ Турокъ изъ страны.

Чичаговъ, отнюдь не соглашавшійся на заключеніе мира, понялъ скоро свое необыкновенно благопріятное положеніе и сталъ носиться со смѣлыми планами. Въ Валахіи стояло хорошо снабженное войско, а на Черномъ морѣ сильный военный флотъ, въ то время какъ великій визиръ находился въ Шуменѣ безъ арміи. Агенты Чичагова объѣхали весь полуостровъ. Сербы и Черногорцы обѣщали свою помощь, а Болгарія съ Босніей легко могли быть возмущены. Въ 8 дней адмиралъ думалъ перейти Дунай, возмутить весь полуостровъ и явиться у Константинополя прежде, нежели извѣстіе о его переходѣ достигнетъ Вѣны или Наполеона. Императоръ, которому онъ въ іюнѣ сообщилъ свой планъ, признавая за послѣднимъ грандіозность, опасался, однако, чтобы Австрія, бывшая тогда въ союзѣ съ Наполеономъ, не отрѣзала восточной арміи отступленія отъ Константинополя. Къ тому-же Наполеонъ былъ уже на русской землѣ. Чичаговъ принужденъ былъ пропустить благопріятный моментъ для уничтоженія Турціи и отступить быстро къ сѣверу. Въ сентябрѣ 1812 г. не было уже по ту сторону Прута ни одного русскаго солдата [1]).

Утрата Бессарабіи въ Константинополѣ возбудила такую ярость, что драгоманъ Порты Мурузи, который велъ въ Букарестѣ переговоры о мирѣ, былъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ казненъ, а головы ихъ были насажены на зубцы сераля. Прекрасная Бессарабія, со своими серебропѣнными водопадами, ключами и роскошными пастбищами, была тогда опустошена и безлюдна. Со всего полуострова туда стремились переселенцы, чтобы жить тамъ въ безопасности и по человѣчески, — Румыны, Сербы, Албанцы и въ особенности Болгаре. Болгарская эмиграція началась еще съ

---

[1]) См. Zinkeisen, VII, 683 сл.: онъ пользовался сочиненіемъ «Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff (Berlin 1855)».

Ясскаго мира (1792) и длилась во все время Кирджаліевъ: уже съ 1801 по 1806 г. возникли въ губерніяхъ Херсонской и Таврической 9 болгарскихъ колоній. Въ 1821 году въ Бессарабіи жило 7735 семействъ, 38.023 души. Сначала бессарабскіе и румынскіе землевладѣльцы намѣревались трактовать переселенцевъ какъ крѣпостныхъ: съ 1819 же года колонисты южной Россіи стали свободными людьми подъ защитой привилегій. Чрезвычайно любимъ былъ бессарабскими Болгарами первый „попечитель“ колонистовъ, генералъ *Иванъ Инзовъ*, который обращался съ ними по отечески: его портретъ можно было найти въ каждой хижинѣ [2]).

Тщетно Болгарія ожидала своего освобожденія во время сербской революціи и русской войны. Кирджаліи исчезли, но вмѣсто нихъ изъ деревни въ деревню разъѣзжали толпы конныхъ *дели-башей*, съ колпаками длиною въ аршинъ на головѣ, большею частію прежніе Кирджаліи, якобы съ цѣлью, служа правительству, охранять ихъ отъ грабителей. Отъ Кирджаліевъ они отличались только тѣмъ, что не сжигали селъ, а только грабили ихъ. Въ каждомъ мѣстѣ они кормились десять дней и кромѣ того взыскивали платежи. Въ завершеніе они требовали еще *диш-хака*, т. е. платы за то, что на чужомъ хлѣбѣ притупили зубы.

Греки, возбуждаемые симпатіями Наполеона, походами Русскихъ и упадкомъ Турокъ, начали тогда усердно готовиться къ большому перевороту. Ихъ гетерія (болг. заѣра) пріобрѣла себѣ немало приверженцевъ и въ Болгаріи, что легко объяснимо въ виду могущества греческаго клира и господствовавшаго въ городахъ эллинизма. Когда гетеристы

---

[2]) Инструкція для колонистовъ была, по приказанію Инзова, напечатана въ 1821 г. въ Кишиневѣ, главномъ городѣ новопріобрѣтенныхъ владѣній: это одно изъ первыхъ произведеній новоболгарской печати (Bibliogr. 226).

взялись въ 1821 г. въ Валахіи за оружіе, ихъ войско состояло большею частью изъ болгарскихъ и сербскихъ воиниковъ. Даже въ числѣ ихъ предводителей было много Славянъ; такъ, Сербы Младенъ и Гаджи-Проданъ, Болгаринъ Македонскій, бывшій русскій капитанъ, и многіе другіе. Когда русскій генералъ, князь Александръ Ипсиланти прибылъ съ греческими волонтерами въ Букарестъ (въ началѣ апрѣля), ему представились два посла изъ Зимнича (противъ Свиштова) съ извѣстіемъ, что болгарскій воевода Гаджи-Христо Панка съ 76 челнами и 350 вооруженными Болгарами ждетъ на Дунаѣ гетеристовъ, и что въ Болгаріи все готово къ борьбѣ. По другимъ свѣдѣніямъ, этихъ пословъ было 17 изъ Свиштова, Сливна, Филиппополя, Османъ-Пазара. Ипсиланти отклонилъ ихъ предложеніе и отказалъ въ денежной помощи, которой они просили для своихъ революціонныхъ приготовленій. Тогда-же было получено извѣстіе, что императоръ Александръ приказалъ вычеркнуть Ипсиланти изъ списковъ арміи и что всякая надежда на помощь тщетна. Отчаяніе овладѣло гетеристами. Уже въ слѣдующій день (13 апрѣля) Ипсиланти поспѣшно возвратился въ Трговиште. Болгарскіе послы на возвратномъ пути въ Свиштовъ были задержаны Турками и изрублены, такъ какъ цѣль была измѣннически открыта [3]).

Извѣстіе о возстаніи Ипсиланти привело магометанъ всей имперіи въ ярость. Въ большихъ городахъ, Константинополѣ, Смирнѣ, Адріанополѣ, а также въ селахъ, даже въ Болгаріи, убито безчисленное множество христіанъ [4]). Райя пережилъ тогда ужасные дни, не изглажи-

[3] Zinkeisen. Gesch. Griechenlands III. 127. Русскія извѣстія въ Čas. čes. mus. 1832, 74. Переведенную съ греческаго революціонную пѣсню см. у Безсонова, Болг. нар. пѣсни (Москва 1855) II, 116.

[4]) Въ Т. Пазарджикѣ было посажено въ тюрьму 40 гражданъ; человѣколюбивому и патріоту, епископу Діонисію (родомъ Болгарину), удалось спасти ихъ, кромѣ 4, повѣшенныхъ на мосту на Марицѣ. Захаріевъ 51.

вающіеся въ памяти. Множество болгарскихъ семействъ искали спасенія за Дунай. Христіане были повсюду обезоружены, фабрикація огнестрѣльнаго оружія была имъ воспрещена, вслѣдствіе чего прекратился габровскій ружейный промыселъ.

Греческое возстаніе произвело найбольшее возбужденіе въ Македоніи. Тамъ болгарскій родъ *Дрзиловцы* или *Дарзиловцы*, жившій около Водена и Острова и возстававшій еще противъ янинскаго Али, принужденъ былъ сжечь свой главный пунктъ село Дерзилово, и выселиться [5]).

Когда борьба вспыхнула въ самой Элладѣ, многіе Болгаре, въ особенности гайдуки не только изъ Македоніи, но и изъ балканскихъ странъ поспѣшили на битву противъ своего наслѣдственнаго врага [6]).

Греческая революція стала причиной новой русской войны. Въ 1828 г. Русскіе, подъ начальствомъ фельдмаршала Витгенштейна, завоевали Браиловъ, заняли всю Румелію вмѣстѣ съ Добруджей и взяли съ большими потерями Варну. Въ 1829 году турецкіе полководцы готовились занять въ виду новаго главнокомандующаго *Дибича* балканскую линію, но уже въ февралѣ русскій флотъ отнялъ у

---

[5]) О Дрзиловцахъ подробно говоритъ Верковичъ, Описаніе быта Болгаръ, населяющихъ Македонію. Москва 1868, 28—30 (см. стр. 31, пр. 45). Они были частью купцы, частью ремесленники, имѣли свои правовые обычаи, пользовались турецкими привилегіями. Ихъ было, какъ говорятъ, 4—500 семействъ. Вдовъ они не терпѣли: въ теченіи 3-хъ недѣль онѣ на общественный счетъ выдавались снова замужъ. Большинство селилось въ Сересѣ, Солунѣ и Воденѣ; многіе занимались торговлею въ Греціи, Сиріи, Египтѣ, Австріи и Валахіи.

[6]) Раковскій, Пѫтникъ, 231. Априловъ, Денница, 75. Предводители всадниковъ Хаджи Михаилъ изъ Копривштицы, Хаджи Христо изъ Филиппополя, Семко изъ Трнова, Хаджи Петро и т. д. были Болгаре. Марко Боццарисъ, говорятъ, былъ изъ Водена: жена его, еще въ 1844 г. жившая въ Аѳинахъ, говорятъ, умѣла говорить только по болгарски и албански. Впрочемъ эта женщина была скорѣй умершая въ Аѳинахъ въ 1849 г. Стана, вдова гайдука Велка, а затѣмъ греческаго героя Іоргаки изъ Трикалы (Миличевичъ, Сербія 903).

нихъ съ тылу приморскіе города Анхіалъ и Созополь. Послѣ большой Кулевчской побѣды, Дибичу удалось незамѣтно перевести армію черезъ Балканы, въ то время какъ Турки ожидали осады въ Шуменѣ. Увидѣвъ свою ошибку, они пытались опередить Русскихъ, но были разбиты у Айтоса, Ямболя и Сливна. Въ началѣ сентября главная квартира Дибича находилась въ Адріанополѣ, авангардъ — въ Люле-Бургасѣ, лѣвое крыло — на Черномъ морѣ, а правое — при Эносѣ, въ виду стоявшаго въ Эгейскомъ морѣ русскаго флота. Между тѣмъ генералъ Гейсмаръ изъ Орѣхова проникъ до Врацы и Искерскаго прохода; аванпосты его доходили и до окрестностей Софіи.

Болгаре оказали русскому войску въ этой войнѣ бóльшую помощь, чѣмъ въ предъидущей. Болгарскими волонтерами командовалъ капитанъ *Георгій Стойковъ Мамарчовъ*, по прозванію *Буюклю*, родившійся въ Котлѣ и отличившійся уже въ 1810 году, предводительствуя болгарскими четами. Мамарчовъ думалъ, что насталъ желанный день освобожденія Болгаріи и хотѣлъ воспользоваться русской оккупаціей для революціи. Съ 500 волонтеровъ онъ отправился въ Котелъ, гдѣ хотѣлъ призвать народъ къ оружію, идти въ занятый Русскими городъ Трново и тамъ водрузить на развалинахъ славы старой Болгаріи знамя свободы.

Болгаре привѣтствовали его, какъ освободителя и были готовы за нимъ слѣдовать. Вдругъ ворвалось 200 казаковъ, арестовали Мамарчова въ Сливнѣ и увели его въ главную квартиру. Незадолго передъ тѣмъ чрезъ Котелъ и Сливенъ проѣзжалъ также одинъ Англичанинъ, побуждавшій Болгаръ къ возстанію, обѣщая имъ помощь Англіи; свободная Болгарія должна была быть стѣной между Россіей и Турціей. Казаки преслѣдовали его, но онъ убѣжалъ въ мѣстность около Трнова. Жители Сливна и Котла, пораженные неудачею своего плана, послали къ Дибичу депутацію съ за-

пискою, въ которой описывали страданія соплеменнаго и единовѣрнаго Русскимъ болгарскаго народа и ходатайствовали объ освобожденіи Мамарчова и о дозволеніи вести съ Турками борьбу за свободу собственными силами [7]).

Между тѣмъ 2 (14) сентября 1829 года былъ заключенъ Адріанопольскій миръ, такъ какъ для прекращенія войны необходимо было спѣшить, чтобы не дать Туркамъ возможности снова собраться съ силами. У Дибича въ въ Адріанополѣ было едва 20.000 человѣкъ: въ Филиппополѣ стоялъ уже паша скодрскій съ большимъ войскомъ Арнаутовъ; въ русской арміи показались начатки опасныхъ болѣзней. Дибичъ дружественно принялъ болгарскую депутацію; однако, сожалѣлъ, что ничего не можетъ для нея сдѣлать, и призывалъ ее къ спокойствію. Въ мирномъ договорѣ, говорилъ онъ, трактуютъ о Сербахъ и Румынахъ; позднѣе очередь дойдетъ и до Болгаръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указалъ на выговоренную въ § 13 мирнаго договора амнистію, дозволявшую турецко-подданнымъ, въ продолженіи 18 мѣсяцевъ переселяться въ Россію, продавши свою землю. Въ Сливнѣ былъ учрежденъ русскій консулатъ; однако, консулъ Ващенко съумѣлъ пріобрѣсти такъ мало симпатій, что, вслѣдствіе жалобъ Сливенцевъ, былъ перемѣщенъ въ Бѣлградъ (до 1838 года), гдѣ онъ при Милошѣ достигъ большаго могущества, а консулатъ въ Сливнѣ былъ упраздненъ.

Русская армія готовилась къ выступленію изъ страны. Отчаяніе овладѣло населеніемъ балканскихъ областей. Подъ руководствомъ генерала Рота началось второе переселеніе въ Бессарабію. Тогда переселилось 3900 семействъ, по другимъ, 25.000 душъ. Въ 1850 году насчитывали въ 83

[7]) О Мамарчовѣ пишетъ подробно его личный другъ, Раковскій, Горски Пѫтникъ 233, 238—244.

мѣстахъ Бессарабіи уже до 70.000 Болгаръ. Шуменъ, Сливенъ и Провадъ потеряли почти половину своего населенія. Массы Болгаръ изъ дунайскихъ и балканскихъ странъ шли также въ Валахію и Молдавію и селились въ Брашловѣ, Галацѣ, Букарестѣ, Крайовѣ (изъ Видина и Тетевна) и Плоештахъ (изъ Сливна) и другихъ городахъ. Къ сѣверу отъ Зимнича возникъ новый болгарскій городъ Александрія, населенный по преимуществу бѣглецами изъ Свиштова [8]).

Велико было число гайдуковъ, присоединившихся къ Русскимъ въ этой войнѣ противъ Турокъ [9]). Со времени Кирджаліевъ и сербской революціи четы гайдуковъ вообще значительно умножились. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія жили воеводы *Алтынъ Стоянъ* (золотой Стоянъ) изъ Котла, *Кара Танасъ* изъ Жеравны, который съ 10-ю обмундированными людьми десять лѣтъ проживалъ въ Балканѣ, и *Златіо Кокарчо-Оглу* изъ Сливна, сильный атлетъ съ черными волосами и большими усами, павшій въ 1810 году у Сливна въ отчаянной битвѣ: онъ, говорятъ, положилъ 35 человѣкъ, пока, наконецъ, не загорѣлся порохъ въ его сумкѣ и не взорвалъ его самаго. Знаменитѣе этихъ трехъ былъ *Конію* изъ Драгуданова, „брадатый воевода", живній съ 1810 до 1825 г. въ Балканѣ: хотя онъ имѣлъ болѣе ста сраженій съ Турками, однако, потерялъ только двухъ человѣкъ: умеръ въ Букарестѣ. Его ученикомъ былъ *Бойчо Войвода* изъ Цепаранъ у Трнова, поступившій въ 1829 году въ русскую службу. По заключеніи мира, русскій комендантъ въ Силистріи приказалъ ему распустить свою чету. Бойчо пытался уйти въ Балканы, но былъ пойманъ и съ двумя

---

8) Многіе Болгаре переселились тогда и въ Сербію. Зографскій монахъ Доснѳей Новаковичъ изъ Дабицы у Прилѣпа, первый епископъ Тимокской епархіи (1834—54) Миличевичъ, Сербія, 970.

9) Мемуары Панайота, 104 сл.

братьями отправленъ въ Сибирь. Тамъ ночью, ловкимъ прыжкомъ со стѣны крѣпости, удалось имъ бѣжать. Одинъ изъ братьевъ сломалъ себѣ ногу, и Бойчо, для избавленія его отъ мученій, закололъ его. Остальные два достигли Константинополя пѣшкомъ, а оттуда на Балканъ, гдѣ Бойчо съ тѣхъ поръ систематически велъ въ продолженіи 21 года гайдуцкую жизнь. Въ Балканѣ и Странджѣ, говорятъ, не было мѣста, имъ не посѣщеннаго. Переодѣтый, онъ спокойно проводилъ зиму у добрыхъ друзей въ Провадѣ, Варнѣ и Константинополѣ на глазахъ у Турокъ. Онъ палъ въ сраженіи съ Зейнилъ-пашей. Извѣстный, еще живущій, предводитель инсургентовъ, *Тотьо* — его ученикъ. Самымъ крупнымъ богатыремъ изъ всѣхъ болгарскихъ гайдуковъ былъ *Дончо Ватахъ* изъ Копривштицы, вѣроятно, соратникъ преслѣдователя Кирджаліевъ *Дѣдо Николы*. Живя то на высотахъ Балкана и Родопы, то на устьѣ Марицы, онъ преслѣдовалъ турецкихъ грабителей, султанскій низамъ и болгарскихъ чорбаджіевъ. Отнятыя деньги онъ дарилъ бѣднымъ, какъ христіанамъ, такъ и магометанамъ: покупалъ имъ воловъ и уплачивалъ ихъ долги. За это онъ пріобрѣлъ такое уваженіе въ средѣ болгарскаго, греческаго и турецкаго сельскаго населенія, что съ нимъ нельзя было ничего подѣлать. Въ 1848 г. противъ него послали изъ Адріанополя 200 человѣкъ низамовъ, изъ которыхъ только 60 возвратилось домой. Съ этого времени чиновники оставили его въ покоѣ. Разсказывали про него, что онъ обладаетъ сверхъестественными волшебными силами, тѣмъ болѣе, что онъ часто проживалъ вблизи Узункопрійскаго моста, даже спалъ подъ его сводами; говорили, что онъ тамъ имѣлъ свиданія съ самодивами. Турецкіе солдаты питали къ нему суевѣрный страхъ. Какъ нѣкогда Албанцы про греческаго клефта Никоцара на Олимпѣ, такъ разсказывали низамы про Донча, что онъ не уязвимъ и даже утверждали, что видѣли, какъ

отъ него отскакивали пули. До какой степени все пахло средними вѣками видно изъ того, что адріанопольскій паша, честный старый Турокъ, освободилъ пойманнаго однажды и приведеннаго къ нему Донча, такъ какъ ему было жаль погубить такого храбраго героя. Кончина Донча намъ неизвѣстна.

До совершенной уплаты контрибуціи (августъ 1836 г.) Русскіе занимали крѣпость Силистрію. Капитанъ Мамарчовъ, бывшій тамъ городскимъ старшиною, строилъ втайнѣ новые революціонные планы. По уходѣ Русскихъ, онъ отправился въ монастырь св. Николая у Капинова, между Трновомъ и Еленой, гдѣ между тѣмъ все было приготовлено къ возстанію. Однако, въ послѣдній моментъ, когда уже должна была вспыхнуть болгарская борьба за свободу, измѣна разстроила все. Старикъ Хаджи Іорданъ изъ Елены хотѣлъ привлечь къ дѣлу своего родственника, Хаджи Іордана младшаго, привелъ его въ монастырь, гдѣ послѣдній вступилъ въ число заговорщиковъ. Вечеромъ юноша оставилъ монастырь, подъ предлогомъ приготовиться дома. На самомъ-же дѣлѣ онъ отправился въ Трново и разсказалъ тамъ все, что онъ видѣлъ, митрополиту Иларіону. Грекъ поспѣшилъ сейчасъ къ турецкому коменданту, который быстро принялъ всѣ мѣры предосторожности. Въ ту-же ночь толпа турецкихъ всадниковъ бросилась на монастырь, но нашла только игумена Сергія и капитана Георгія; при факельномъ освѣщеніи монастырь былъ ограбленъ, церковь осквернена, у святыхъ на иконахъ были выколоты глаза. Остальные заговорщики, по большей части почтенные и богатые люди, были схвачены и отправлены въ Трново и тамъ повѣшены безъ всякаго слѣдствія [10]). Игуменъ Сергій умеръ въ страшнѣйшихъ мукахъ, какъ настоящій мученикъ. Из-

[10] Между ними старый Хаджи Іорданъ, Хаджи Велчо изъ Габрова, Георгій Станчо изъ Трѣвны, Іованица изъ Трнова, Іованаки изъ Софіи и др.

мѣнникъ былъ щедро награжденъ Турками; Болгаре доселѣ ненавидятъ его семейство.

Капитана Мамарчова, носившаго еще русскій мундиръ, отправили въ Константинополь. Русское посольство, не смотря на то, что онъ носилъ на груди русскій орденъ и за свою храбрость при взятіи Силистріи получилъ саблю, вовсе не заботилось о немъ. Мамарчова заключили въ Коніэ. Онъ имѣлъ право носить тамъ оружіе, прогуливаться верхомъ и получалъ опредѣленное содержаніе. Спустя нѣсколько лѣтъ его жена выхлопотала ему амнистію: ему было позволено отправиться куда угодно, исключая Болгаріи. Онъ хотѣлъ въ Валахію, но вслѣдствіе фанаріотскихъ интригъ, его опять задержали и отослали въ Самосъ. Онъ тамъ терпѣлъ нужду, однако, постоянно отклонялъ предложенія греческихъ капитановъ бѣжать въ Грецію, такъ какъ онъ еще надѣялся на помощь Россіи. Онъ умеръ старикомъ 60 лѣтъ въ 1846 г.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о бессарабскихъ колоніяхъ. Можно-бы полагать, что эти, такъ счастливо расположенныя болгарскія колоніи, были разсадникомъ образованія и просвѣщенія. Но дѣло приняло другой оборотъ. Хорошо жилось бессарабскимъ Болгарамъ, пока жилъ попечитель Инзовъ: но управленіе его преемниковъ принесло имъ мало хорошаго. Больше всего вредилъ имъ попечитель Иванъ Арендаренко. Изъ 40 школъ, основанныхъ Инзовымъ, при немъ удержалось только 17, и еслибы не подоспѣла крымская война, то онъ уничтожилъ-бы и эти. Учительскія мѣста онъ предоставлялъ солдатамъ, невѣжественнымъ людямъ, незнавшимъ ни слова по болгарски и болѣе занимавшимся употребленіемъ водки, чѣмъ преподаваніемъ. Напрасны были ходатайства колонистовъ о гимназіи [11]).

[11]) Подробная статья о бессарабскихъ Болгарахъ въ газетѣ Българска Пчела, Браила 1863 № 10—31.

По Парижскому миру Россія должна была уступить Румыніи южную Бессарабію отъ Прута до Чернаго моря (до 132 кв. м.). Болградъ на озерѣ Ялпухѣ сталъ главнымъ пунктомъ румынской Бессарабіи. Хрисовуломъ отъ 10 іюня 1858 г. въ Болградѣ княземъ Николаемъ Конаки Вогориди, пятымъ сыномъ самосскаго князя Стефана Вогориди и правнукомъ Софронія, бывшимъ тогда Каймаканомъ (вице-княземъ) Молдавіи, была основана надѣленная многими имѣніями болгарская гимназія съ типографіей. Только это побудило русское правительство устроить и въ своей Бессарабіи народныя школы во всѣхъ колоніяхъ, а въ Комратѣ — центральное училище.

Глава XXXII.

Новоболгарское движеніе.

Букарестскіе купцы и эмигранты. — Историкъ Юрій Венелинъ. — Априловъ и первая болгарская школа въ Габровѣ (1835). — Неофитъ рыльскій. — Развитіе новоболгарскаго школьнаго дѣла.

Начатое Паисіемъ и Софроніемъ дѣло національнаго возрожденія болгарскаго народа получило на долгое время подкрѣпленіе въ политическихъ событіяхъ начала нынѣшняго столѣтія. Большая заслуга въ этомъ принадлежитъ болгарскимъ купцамъ и эмигрантамъ, которые, обладая незначительными средствами, взялись за устройство національныхъ школъ. Это были Габровскіе купцы Константинъ и Димитрій Мустаковы, ведшіе въ Букарестѣ дѣла сербскаго князя Милоша, Иванъ Добріовъ Бакалоглу, Іорданъ Х. Геновичъ, чиновникъ архива Георгій Пѣшаковъ изъ Видина (род. 1785 г.), писатель Анастасъ Стояновичъ изъ Кипилова у Котла († 1868), Петръ Сапуновъ изъ Трѣвны, наконецъ, Василій Неновичъ, который велъ торговыя дѣла въ Букарестѣ и Кронштадтѣ. Къ ихъ кругу принадлежалъ также молодой *Петръ Х. Беровичъ* или *Беронъ* изъ Котла (род. 1797 г., умеръ, какъ говорятъ, отъ руки убійцы въ 1871 г.). Онъ учился въ Букарестѣ и Кронштадтѣ, затѣмъ въ Мюнхенѣ и былъ въ 1832—39 г. окружнымъ врачемъ въ

Крайовѣ; пріобрѣтя большое состояніе, онъ избралъ своимъ постояннымъ мѣстожительствомъ Парижъ. Въ Кронштадтѣ (слав. Брашовъ), гдѣ находилось привилегированное общество „греческихъ“ купцовъ, большею частью Болгаръ [1]), онъ издалъ въ 1824 г., при пособіи тамо́шняго купца Антона Іовановича, болгарскій *букварь* [2]). Кромѣ азбуки, эта книжка содержитъ статьи по физикѣ и естественной исторіи съ рисунками. Въ Болгаріи, гдѣ до тѣхъ поръ въ поповскихъ школахъ ничего не видѣли, кромѣ псалтыря и октоиха, этотъ „рыбный букварь“ былъ принятъ съ большимъ энтузіазмомъ. Въ предисловіи составитель рѣзко нападаетъ на тогдашнія школы, гдѣ дѣти при большомъ страхѣ ничему не научивались, и рекомендуетъ Бель-Ланкастеровъ методъ преподаванія. И въ самомъ дѣлѣ методъ этотъ очень распространился въ Болгаріи (взаимо учительни-те школи, ἀλληλοδιδακτικαὶ σχολαί).

Послѣ появленія Беровичева букваря болгарская письменность начала быстро развиваться. Неновичъ напечаталъ въ офенской университетской типографіи, тогда почти монополизировавшей печатаніе кирилловскихъ книгъ, въ 1825 году библейскую исторію, а въ 1826 г. — букварь. Въ Букарестѣ онъ самъ открылъ славянскую народную школу, которая, однако, скоро была закрыта, когда онъ сдѣлался адвокатомъ при валашскомъ диванѣ (1831). *Стояновичъ* издалъ на средства названнаго уже купца Іовановича Гюбнеровы библейскіе разсказы (1825 г. 2 т., съ русск.). *Сапуновъ*

---

[1]) Болгарское купечество возвысилось въ особенности въ Свиштовѣ, Габровѣ, Трновѣ и Филиппополѣ. Вскорѣ болгарск. купцы стали встрѣчаться даже въ Смирнѣ, Москвѣ и особенно въ Вѣнѣ, гдѣ они пользовались привилегіями «турецкихъ крупныхъ торговцевъ». Въ началѣ они держались Грековъ, позднѣе-же болгарскій элементъ нашелъ въ нихъ своихъ могущественнѣйшихъ защитниковъ. Кронштадтскіе Болгаре были родомъ изъ Рущука, Свиштова, Габрова, Сливна, Филиппополя, даже изъ Велеса и Касторіи.

[2]) Bibliographie № 24. Снова отпечатанъ въ 1843 и 1862 гг.

перевелъ съ монахомъ Серафимомъ изъ Эски-Загоры Новый завѣтъ и издалъ его въ 1828 г., при пособіи валашскаго митрополита Григорія, въ Букарестѣ. Были приготовлены также лексиконы, учебники всемірной исторіи и т. д. съ цѣлью распространить элементарное образованіе между соотечественниками [3]). Совершенно неожиданную поддержку нашли эти разъединенныя попытки со стороны одного иностраннаго молодаго ученаго, посвятившаго себя съ замѣчательнымъ пыломъ изслѣдованію болгарской исторіи и языка [4]). Это былъ карпатскій Малороссъ *Георгій (Юрій) Ивановичъ Венелинъ*. Родился онъ въ 1802 г. въ Наги-Тибарѣ въ бережскомъ комитатѣ, учился въ унгварской (ужгородской) гимназіи и сатмарскомъ лицеѣ, а затѣмъ перешелъ въ львовскій университетъ (1821). Первоначально онъ назывался *Георгъ Гуца* и, какъ сынъ священника, противъ собственнаго желанія былъ предназначенъ къ духовной карьерѣ. Только во Львовѣ онъ назвался Венелинымъ, чтобъ уничтожить

---

[3]) Уже въ 1821 г. русское библейское общество поручило Ѳеодосію, архимандриту Быстрицкаго монастыря въ Валахіи, какъ говорятъ, родомъ Греку, перевести Новый Завѣтъ на болгарскій языкъ. Этотъ, преимущественно предназначенный для бессарабскихъ колонистовъ переводъ, былъ, какъ говорятъ одни, вслѣдствіе своей совершенной негодности, отвергнутъ уже въ въ самомъ началѣ; по словамъ другихъ онъ былъ отпечатанъ въ Петербургѣ въ 1823 г., въ количествѣ 5000 экземпляровъ, но тотчасъ-же былъ задержанъ, такъ какъ св. писаніе будто-бы было опасно на народномъ языкѣ.

[4]) О Венелинѣ см. Безсонова, Введеніе ко 2-му изд. «Древнихъ и нынѣшнихъ Болгаръ» (1856). Априловъ, Денница 60, 96, 123, 241. Болгарская біографія, перев. Н. Х. Палаузовымъ, появилась въ Одессѣ 1851 г. Сочиненія Венелина: Древніе и нынѣшніе Болгаре, Москва I. 1829, II. 1841: отдѣльныя брошюры: О зародышѣ новой болгарской литературы (Москва 1838, 8°, 51 стр., очень важна); О народной поэзіи южныхъ Славянъ и т. д. Посмертныя сочин.: Влахо-болгарскія или Дако-славянскія грамоты. Спб. 1840: Народныя пѣсни въ сборн. Безсонова, Москва 1849 (изд. на средства жившаго въ Москвѣ купца Денкоглу изъ Софіи); соч. о Варягахъ, Готахъ, о словѣ бояринъ и т. д. Отрывки изъ его путеваго дневника опубликованы Безсоновымъ. Нѣкоторыя черты путешествія Ю. Ив. Венелина въ Болгаріи. Москва 1857 (40 стр).

свой слѣдъ. Изъ Львова онъ хотѣлъ отправиться въ Россію и именно обходомъ на Тріестъ и Одессу. Съ этимъ намѣреніемъ онъ поѣхалъ въ Сегединъ, гдѣ всю зиму посѣщалъ академію. Взрывъ греческой революціи разрушилъ его планъ; онъ рѣшился прямо отправиться въ Россію и весною 1823 г. пѣшкомъ направился черезъ Карпаты на Кишиневъ, гдѣ его радушно принялъ губернаторъ Инзовъ и архіепископъ Димитрій. Два года онъ пробылъ въ этой метрополіи бессарабскихъ колоній учителемъ въ семинаріи и впервые здѣсь познакомился съ Болгарами. Стремленіе къ основательному знанію увлекло его въ 1825 г. въ Москву, гдѣ его уговорили посвятить себя медицинѣ; черезъ пять лѣтъ онъ получилъ дипломъ врача.

Со времени пребыванія во Львовѣ любимѣйшимъ занятіемъ Венелина была исторія славянскихъ народовъ. Съ юности отличаясь остроуміемъ и неутомимымъ прилежаніемъ, онъ пріобрѣлъ въ многоязычныхъ земляхъ Венгріи и Бессарабіи поразительную бѣглость во многихъ языкахъ. Критиками и небольшими статьями въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ онъ обратилъ на себя вниманіе профессора Погодина. Погодинъ-же и побудилъ его писать большое историческое сочиненіе и далъ ему средства для его изданія. Первый томъ сочиненія, подъ заглавіемъ: „Древніе и нынѣшніе Болгаре, въ политическомъ и религіозномъ ихъ отношеніяхъ къ Россіянамъ“, появился въ 1829 г., въ то самое время, когда русскія войска шли къ Константинополю. Здѣсь доказывается, что Болгаре Славяне, а не ославяненные Татары.

Русская академія, которой Венелинъ представилъ свое сочиненіе, послала его въ декабрѣ 1828 г. на Дунай съ порученіемъ объѣхать Молдавію, Валахію, Болгарію и часть Румеліи, изслѣдовать монастырскія библіотеки, собрать старые документы и составить болгарскую грамматику со сло-

варемъ. Венелинъ оставилъ Москву въ апрѣлѣ 1830 г., но засталъ въ Турціи, на почву которой онъ ступилъ въ Варнѣ, величайшія смуты, голодъ и холеру; возвращеніе войскъ и выселеніе Болгаръ въ Бессарабію были въ полномъ разгарѣ. Изъ совершенно разрушенной и почти вымершей Варны направился онъ по морскому берегу въ Бабадагъ, далѣе, вдоль по Дунаю, въ Силистрію, а оттуда въ Букарестъ. На кружокъ букарестскихъ болгарскихъ патріотовъ пылкій юноша произвелъ неизгладимое впечатлѣніе. Возвратившись въ Москву въ октябрѣ 1831 г., Венелинъ занялся разработкою собранныхъ матеріаловъ.

Однако, скоро онъ увидѣлъ себя горько обманутымъ въ своихъ надеждахъ. Изъ трудовъ, представленныхъ имъ академіи, собраніе грамотъ славянскихъ и румынскихъ князей и болгарскія народныя пѣсни появились только послѣ его смерти; его болгарской грамматикѣ не суждено было увидѣть свѣтъ. Самъ Венелинъ очутился въ такой большой нуждѣ, что принужденъ былъ добывать себѣ кусокъ хлѣба трудомъ домашняго учителя; только въ 1836 г. онъ получилъ мѣсто инспектора въ одномъ благородномъ пансіонѣ. Между тѣмъ онъ продолжалъ издавать историческія и литературныя сочиненія частью въ періодическихъ изданіяхъ, частью самостоятельно. Одесскіе и букарестскіе Болгаре сообщали ему свѣдѣнія объ успѣхахъ ихъ школьнаго дѣла и собирали для него народныя пѣсни. Черезъ ихъ посредство разыскивалъ онъ староболгарскіе документы и только незадолго до смерти былъ порадованъ случаемъ видѣть рыльскій хрисовулъ въ точномъ fac-simile.

28 марта 1839 г. Венелинъ скончался только 37 лѣтъ отъ роду въ московской больницѣ и былъ при большомъ стеченіи народа погребенъ въ Даниловскомъ монастырѣ. На его могилѣ лежитъ сдѣланная въ Италіи мраморная доска съ надписью: „Юрію Ивановичу Венелину одесскіе

Болгаре 1841 году. Напомнилъ свѣту о забытомъ, но нѣкогда славномъ и могущественномъ племени Болгаръ, и пламенно желалъ видѣть его возрожденіе". Его сочиненія отличаются богатствомъ матеріала, яснымъ и живымъ изложеніемъ, хотя нельзя отрицать, что онъ былъ часто увлекаемъ съ прямаго пути своею пылкою фантазіею. Болгаре чтятъ его почти какъ святаго; нѣтъ ни одного мало мальски образованнаго Болгарина, которому было-бы неизвѣстно его имя.

Между людьми, возбужденными къ патріотической дѣятельности чтеніемъ сочиненій Венелина, виднѣйшее мѣсто занимаетъ *Василій Евстафьевичъ Априловъ* изъ Габрова (у Шипкинскаго перевала). Торговыя сношенія съ Россіей и именно прямосъ Москвой завели впервые габровскіе купцы; позднѣе перенесли они свои конторы и магазины изъ Москвы въ быстро разцвѣтавшую Одессу. Съ своимъ братомъ Априловъ (род. 1789) мальчикомъ прибылъ въ Москву (1800), посѣщалъ тамъ русскія школы, а потомъ поселился въ 1810 году въ Одессѣ, гдѣ торговлей пріобрѣлъ значительное состояніе. Въ началѣ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, онъ поддерживалъ греческую литературу, греческія школы и греческихъ революціонеровъ. Только въ 1831 г. Венелиновы „Древніе и нынѣшніе Болгаре" навели его на новыя мысли. Съ тѣхъ поръ просвѣщеніе его соплеменниковъ стали цѣлью его желаній. Самымъ лучшимъ средствомъ для этого казалось ему учрежденіе въ Габровѣ школы на европейскій ладъ. Въ 1832 г., онъ вступилъ въ товарищество съ Николаемъ Степановичемъ Палаузовымъ (изъ Габрова), также одесскимъ купцомъ и со многими другими Габровцами (въ особенности съ проживавшими въ Букарестѣ), чтобы добыть необходимыя для осуществленія его плана денежныя средства [5]).

[5]) Объ основаніи Габровской школы см. Априловъ, Денница 21, 33,

Прежде всего нужно было заручиться согласіемъ трновскаго митрополита. Много разъ упомянутый Иларіонъ († 1838), тотъ самый, который уничтожилъ староболгарскую патріаршую библіотеку (стр. 664), сначала трудился, вводя греческую литургію, учреждая греческія школы, издавая греческія книги, далѣе при посредствѣ греческихъ священниковъ и монаховъ, на пользу эллинизма; но когда онъ состарѣлся, его пылъ остылъ. Правда, онъ все-таки пытался склонить Априлова къ введенію въ габровской школѣ греческаго языка, такъ какъ не было-де вовсе учебниковъ на болгарскомъ языкѣ, а для составленія ихъ потребовалось-бы много времени; однако, трудно было побѣдить сопротивленіе Априлова.

Въ учители предназначенъ былъ *Неофитъ*, молодой іеромонахъ Рыльскаго монастыря, гдѣ удержался староболгарскій духъ и старословѣнская литургія. Родомъ изъ Баньи въ Разлогѣ (Родопа), этотъ неутомимый автодидактъ, не посѣтившій никогда ни одной школы, усвоилъ старо и ново-греческій, древне-словѣнскій, русскій и сербскій языки [6]). Его послали въ Букарестъ, чтобы онъ тамъ напрактиковался въ белль-ланкастерской методѣ и составилъ необходимыя книги. Его учебники, болгарская и греческая грамматики, катехизисъ и 66 взаимно-учительныхъ таблицъ, были, по ходатайству Д. Мустакова, безплатно напечатаны въ сербской правительственной типографіи (1835). Кромѣ

77, 91, 107, 123; письма Априлова и Палаузова къ Венелину см. у Венелина «О зародышѣ новой болгарской литературы». Ср. П. Р. Славейковъ, Габровско-то училище и неговы-тѣ первы попечители, Цариградъ 1866.

[6]) Каковъ былъ духъ монаха Неофита, видно изъ его предисловія къ болгарской грамматикѣ (Крагуевацъ 1835 г.), гдѣ онъ говоритъ, что прежде нужно имѣть школы, а затѣмъ уже школы и монастыри, прежде учебники, а потомъ религіозныя сочиненія, — иначе чтеніе будетъ механическое безъ всякаго пониманія.

того Стояновичъ перевелъ съ русскаго учебникъ всемірной исторіи (Буднмъ 1836 г.). Когда все было приготовлено, а также пріобрѣтены карты и глобусы, школа была торжественно открыта 2 января 1835 г.: это первая европейская народная школа въ Болгаріи. Скоро собралось до 120 учениковъ разнаго возраста вокругъ Неофита, который обучалъ ихъ чтенію и письму, ариѳметикѣ, географіи, исторіи, религіи и греческому языку.

Априловъ намѣревался устроить при школѣ также типографію съ кирилловскими и греческими литерами. Чрезъ посредство князя Вогориди, который былъ въ большой милости у султана Махмуда II, онъ надѣялся получить на это позволеніе. Этотъ *Стефанъ* (собст. Стойко) *Вогориди*, родившійся въ 1790 г. въ Котлѣ, былъ внукъ Стойка Владиславова, позднѣйшаго епископа Софронія. Воспитанникъ греческой академіи въ Букарестѣ, онъ поступилъ на службу Порты, былъ драгоманомъ въ Египтѣ, каймаканомъ въ Молдавіи и, по умиротвореніи Самоса (февраля 1833 г.), данническимъ княземъ этого острова. Такъ какъ онъ исполнялъ различныя государственныя должности, жилъ въ Константинополѣ и управлялъ островомъ чрезъ намѣстниковъ, то Саміоты не были всегда имъ довольны. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ поддерживалъ постоянно своихъ соплеменниковъ, въ особенности при поднятомъ позднѣе церковномъ вопросѣ, до самой своей смерти (1859). Однако, желаніе Априлова онъ не въ состояніи былъ исполнить, хотя Греки имѣли свои типографіи и внутри страны, какъ въ Мельникѣ (Μελένικος) и раньше въ Мосхополѣ. Априловъ не переставалъ заботиться о своей школѣ. Незадолго передъ смертью своей онъ еще поѣхалъ въ Габрово, чтобы видѣть свое твореніе и имъ утѣшиться. Онъ скончался на обратномъ пути 2 октября 1847 года въ Галацѣ, отказавши все свое имущество школѣ. Шесть

лѣтъ спустя послѣдовала также смерть его товарища и втораго учредителя школы Н. С. Палаузова (1853) [7]).

Одновременно съ основаніемъ габровской школы славянскій элементъ сталъ проникать въ другую школу, именно въ торговомъ городѣ на Дунаѣ Свиштовѣ, гдѣ съ 1813 г. находилась греческая школа. Въ 1833 г. она стала славяно-эллинскою. Тамошній учитель *Христаки* или *Хрисантъ Павловичъ* изъ Дупницы составилъ для употребленія въ этомъ учебномъ заведеніи болгарскіе учебники, напечатанные въ Бѣлградѣ. Когда въ 1836 г. на оставшееся послѣ тамошняго купца И. Х. Ангелова наслѣдство основана была чисто болгарская школа, то учителемъ въ ней сталъ Христаки, ведшій туда белль-ланкастерову методу по образцу габровской школы. Въ Свиштовѣ дѣйствовалъ тогда и архимандритъ *Неофитъ Бозвели* изъ Котла, котораго не нужно смѣшивать съ вышеупомянутымъ Неофитомъ рыльскимъ. Этотъ національный агитаторъ, къ которому мы еще возвратимся, составилъ съ Васкидовичемъ, учителемъ въ греческой свиштовской школѣ, школьную энциклопедію въ шести томахъ (Крагуевацъ 1835 г.).

Третью новоболгарскую школу открылъ въ ноябрѣ 1837 г. въ Копривштицѣ самъ Неофитъ рыльскій (стран. 580), призванный братьями Чаликоглу. Впрочемъ, онъ не оставался тамъ долго, а возвратился въ Рыльскій монастырь, чтобъ и тамъ открыть школу и окончить свой большой болгарскій лексиконъ. Онъ сталъ игуменомъ своего монастыря и живетъ еще нынѣ маститымъ старцемъ.

Съ этого времени школы безпрестанно умножались. Въ особенности ревностно заботились объ обученіи своего

---

[7]) О Богориди ср. надгробную рѣчь епископа Иларіона въ Болг. книжицахъ 1859 г., стр. 515. Одинъ изъ его сыновей, Николай, переселился въ Молдавію, гдѣ на время занималъ мѣсто каймакана; другой, — Алеко, служилъ въ Турціи и былъ подъ конецъ посланникомъ въ Вѣнѣ (1877).

юношества родному языку старыя войницкія села на плоскихъ возвышенностяхъ Балкана и Средней-горы. Въ нѣкоторыхъ уже прежде были старыя священническія школы, въ другихъ греческія, гдѣ учили писать греческими буквами и произносить нѣкоторыя греческія фразы. Скоро новое движеніе сошло съ горъ въ большіе полуогреченные города низменностей, именно въ Софію и Трново. Въ теченіи 6 лѣтъ возникло 13 школъ [8]). Новыя школы получали книги изъ Габрова; учителями ихъ были также почти исключительно юноши, обучавшіеся у Неофита въ Габровѣ и Копривштицѣ. Для образованія хорошихъ учителей купцы-патріоты посылали молодыхъ Болгаръ въ Одесскій лицей. Турецкое правительство, которое обуялъ тогда потокъ реформаторскаго движенія, не ставило тогда преградъ основанію школъ. Греки, напротивъ, были этому всего менѣе довольны.

Десять лѣтъ спустя послѣ основанія габровскаго училища (1845) было уже 53 болгарскія народныя школы, и именно въ Дунайской Болгаріи 31, во Ѳракіи 18, въ сѣверо-восточной Македоніи 4 [9]). Со школами росло и число читателей. Въ сороковыхъ годахъ литература, просуществовавшая едва 20 лѣтъ, представляла книги, имѣвшія 2000 подписчиковъ. Въ 1844 г. стало выходить первое болгарское періодическое изданіе.

Такъ возрожденіе болгарскаго народа совершилось въ теченіи одной человѣческой жизни. Такая быстрота этого переворота поистинѣ заслуживаетъ удивленія. Еще въ на-

[8]) Въ 1837 г.: Казанлыкъ, Карлово, 1838 Сопотъ, 1839 Панагюриште, Калоферъ, Софія, Трново (выстроена была габровскимъ купцомъ Петромъ Хаджи Христо на собственный счетъ); Котелъ (основанная Вогоридіемъ и Райно Поповичемъ въ 1820 г. греко-болгарская школа погибла уже давно, вслѣдствіе фанаріотскихъ интригъ), Трѣвна.

[9]) По Григоровичу, Путеш. 197, и по листамъ подписчиковъ печатавшимся въ тогдашнихъ книгахъ.

чалѣ нынѣшняго столѣтія можно было сомнѣваться, могутъ-ли Болгаре снова воспрянуть; сорокъ лѣтъ спустя не было нигдѣ недостатка въ патріотахъ-купцахъ, учителяхъ, духовныхъ; болгарскія школы возникали во всѣхъ городахъ, а болгарскія книги въ тысячахъ экземпляровъ читались даже сельскимъ населеніемъ. Не силою оружія и пролитіемъ крови, а въ тиши, при посредствѣ книгъ и школъ, совершился этотъ коренной, глубокій переворотъ. Національныя стремленія пріобрѣли такую силу, что уже не было возможности ихъ задержать. Это ясно обнаружилось въ послѣдовавшей борьбѣ Болгаръ съ фанаріотами, которая была неотвратимымъ послѣдствіемъ пробужденія болгарскаго національнаго сознанія. Ни одинъ Болгаринъ не сомнѣвался, что до тѣхъ поръ, пока греческій клиръ будетъ господствовать въ странѣ на старый ладъ, всѣ надежды на свободное и естественное развитіе его націи были тщетны.

Глава XXXIII.

Болгарскій церковный вопросъ.

Турецкія реформы. — Неофитъ Бозвели и митрополитъ Иларіонъ. — Крымская война. — Настоятельство Одесскихъ Болгаръ. — Болгарскій церковный вопросъ съ 1858 — 72 г. — Учрежденіе экзархата. — Революціонныя попытки.

Возстановленіе старой національной церкви послѣ слишкомъ 30-лѣтней борьбы есть важнѣйшее явленіе новоболгарской исторіи. Недавно неизвѣстные и забытые Болгаре этимъ пріобрѣли новое значеніе на востокѣ. Это не былъ споръ за догматы, но борьба за сохраненіе своей національности противъ панэллинистическихъ стремленій. Прежде, однако, чѣмъ могъ возникнуть подобный споръ, нужно было значительное улучшеніе правоваго положенія райи.

Съ Адріанопольскаго мира (1829) идетъ рядъ попытокъ европейскихъ правительствъ доставить христіанскимъ подданнымъ Порты болѣе человѣческое существованіе. Султанъ Махмудъ II былъ серьезно занятъ цивилизаціею, а еще болѣе централизаціею государства. Во время своего путешествія въ 1837 году по дунайскимъ и балканскимъ землямъ, онъ увѣщевалъ лично чиновниковъ соблюдать равноправность христіанъ и магометанъ и пріобрѣлъ себѣ вообще большія симпатіи у райи. Его сынъ и преемникъ, гораздо

слабѣйшій Абдулъ-Меджидъ (1839—1861), по совѣту своего министра Решида, 2 ноября 1839 г. провозгласилъ, къ немалому удивленію Европы, нѣчто въ родѣ конституціи, *Гюльханскій гатти-шерифъ*, гдѣ христіане почти уравнены съ мусульманами. Онъ обѣщалъ безопасность жизни, чести и собственности, уничтоженіе вредной отдачи на откупъ податей (илтизамъ), прекращеніе монополіи и многія другія, и доселѣ еще не выполненныя реформы. Впрочемъ, нужно видѣть прогрессъ въ учрежденіи провинціальныхъ совѣтовъ (меджлисъ 1845 г.), гдѣ рядомъ съ магометанами засѣдали и христіане, которые, однако, въ большинствѣ случаевъ не смѣли имѣть своего голоса.

Какого рода были эти пресловутыя реформы въ дѣйствительности, показали скоро возстанія, вспыхнувшія въ западной Болгаріи, вдоль по сербской границѣ. Внимательный наблюдатель не можетъ не замѣтить, что въ Турціи вооруженныя возстанія вспыхиваютъ большею частью въ пограничныхъ областяхъ, такъ какъ жители ихъ видятъ, какъ безопасно живутъ ихъ сосѣди въ Сербіи, Черногоріи и Австріи и поэтому тѣмъ тяжеле имъ приходятся турецкія административныя злоупотребленія.

Въ 1833 году Сербы вторгнулись въ область верхняго Тимока, которая по Адріанопольскому миру должна была имъ принадлежать, но безъ всякаго права не была имъ уступлена Турками. Это произвело большое движеніе въ смежныхъ болгарскихъ областяхъ. Въ окрестностяхъ Пирота крестьяне возстали въ 1836 году, но вскорѣ были усмирены. Въ 1841 году сельскіе жители около Ниша, Пирота и Лѣсковца, выведенные изъ терпѣнія ужаснымъ лихоимствомъ при взиманіи централизированныхъ податей, толпами взялись за оружіе. Сабри-паша подавилъ возстаніе при помощи албанскихъ баши-бузуковъ, которые своими грабежами, пожарами и убійствами въ

беззащитныхъ селахъ совершали такія вопіющія свирѣпства, что даже на западѣ на это обратили вниманіе [1]). Только недостатокъ въ огнестрѣльномъ оружіи и тогдашнее шаткое положеніе Сербіи, послѣ изгнанія князя Милоша, помѣшали роспространенію этого отчаяннаго возстанія. Но уже въ маѣ 1851 г., вслѣдствіе корыстолюбія чиновниковъ, спагіевъ и греческаго епископа, разразилась новая революція, вспыхнувшая въ селѣ Раковицѣ у Видина и въ теченіи нѣсколькихъ дней охватившая округи Видинскій, Бѣлградчикскій, Берковичскій и Ломскій. Повстанцы были большею частью вооружены дубинами, копьями и топорами, такъ какъ сербское правительство сильно охраняло границу и не пропускало ни людей, ни оружія. Тѣмъ не менѣе 13 іюня они предприняли штурмъ Бѣлградчикскаго форта, однако, были отброшены его пушками съ большимъ урономъ. Послѣ ужасной рѣзни у селъ Гърци и Власиновцы и страшныхъ пожаровъ, это безнадежное движеніе было подавлено частью силою оружія, частью обѣщаніями.

Болгарская райя, укрѣпленная въ своихъ надеждахъ на лучшую будущность турецкимъ реформаціоннымъ движеніемъ, пожелала только болгарскихъ епископовъ. Въ особенности купцы, познакомившись въ своихъ торговыхъ путешествіяхъ съ другими церковными порядками, чѣмъ фанаріотскіе, прежде всего стремились къ назначенію національныхъ духовныхъ пастырей. Первый шагъ сдѣлали около 1833 года жители Самокова и Скопія, которые по удаленіи своихъ недостойныхъ епископовъ, домогались посвященія двухъ отечественныхъ кандидатовъ: но патріархъ послалъ имъ снова Грековъ. Въ Видинѣ въ 1840 г. Порта, по просьбѣ населенія и по рекомендаціи губернатора Гусейна, намѣ-

[1]) Трогательное описаніе этихъ происшествій передаетъ посланный французскимъ правительствомъ A. Blanqui въ своемъ «Voyage en Bulgarie» Paris 1849.

ревалась поставить діакона Діонисія, родомъ изъ Котла; но несчастный, прибывшій въ Константинополь для посвященія, былъ отравленъ фанаріотами.

Главнымъ борцемъ за національную іерархію былъ уже упомянутый хиландарскій архимандритъ *Неофитъ Бозвели* изъ Котла (стр. 695), пылкій и непреклонный человѣкъ, который своими рѣчами агитировалъ въ особенности въ низшемъ классѣ народа. Онъ домогался не больше, какъ національныхъ епископовъ; онъ еще былъ далекъ отъ мысли возстановить старую болгарскую церковь; когда ему приписали этотъ планъ, то онъ отклонилъ его отъ себя, какъ клевету. По его настоянію, Болгаре подавали самому султану жалобы на греческій клиръ и ходатайствовали о болгарскихъ епископахъ. Знатные константинопольскіе Болгаре, даже нѣкоторые Турки стали на его сторонѣ и хотѣли даже помочь ему занять по смерти Иларіона († 1838), трновскую митрополичью каѳедру. Но всему помѣшали фанаріотскіе происки. Центромъ своей агитаціи Неофитъ избралъ самый Константинополь, гдѣ жили тысячи болгарскихъ купцовъ и ремесленниковъ изъ Ѳракіи, Македоніи и дунайскаго побережья. Главное его желаніе — построить болгарскую церковь въ столицѣ, осуществилось только въ 1848 г.; мѣсто для постройки подарилъ князь Вогориди. Неофитъ былъ часто заключаемъ Греками на островахъ Принкипоса и на Аѳонѣ. На Аѳонъ его доставили въ послѣдній разъ въ 1845 году съ его вѣрнымъ товарищемъ *Иларіономъ Стояновымъ Михайловскимъ*, гдѣ кончина (1849) прекратила томленія его въ сырой тюрмѣ хиландарской башни [2]. Послѣ видинскаго возстанія само правительство

---

[2]) Иларіонъ Стояновъ Михайловскій родился въ 1810 г. въ Еленѣ у Трнова, вступилъ въ 1833 году въ Хиландарскій монастырь, слушалъ лекціи въ аѳинскомъ университетѣ и въ богословскомъ училищѣ въ Куручешме

стало признавать основательность жалобъ Болгаръ. Патріархъ былъ принужденъ посвятить въ августѣ 1851 г. въ епископы Болгарина, но обратилъ въ ничто намѣреніе Порты, предоставивъ ему епархію in partibus. Скоро во всѣхъ большихъ болгарскихъ городахъ (въ особенности въ Филиппополѣ) вспыхнула отчаянная борьба изъ-за равноправности греческаго и болгарскаго языка въ школѣ и церкви, борьба, ставшая гласною чрезъ посредстро брошюръ и газетъ [3]).

Начатіе войны Россіи съ Турціей 1853 года пробудило всѣ золотыя мечты Болгаръ о лучшемъ будущемъ [4]). Болгаре надѣялись, что теперь Русскимъ будетъ возможно окончить дѣло, которое 1829 года осталось несовершеннымъ — освобожденіе болгарскаго народа отъ Турокъ. Особенное движеніе появилось между эмигрантами въ румынскихъ княжествахъ и въ Россіи. Въ Букарестѣ патріотическіе купцы X. Мустаковъ, Иванъ Бакалогло, Хр. Георгіевъ и врачъ Др. В. Беронъ составили общество подъ названіемъ „*Эпитропія*“, съ цѣлью филантропическою и политическою. На подобіе этого и въ Одессѣ при содѣйствіи покойнаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго и одесскаго, принимавшаго горячее участіе въ судьбѣ Болгаръ, тамошней колоніею учреждено общество подъ именемъ „*Настоятельство одесскихъ Болгаръ*, собирающихъ пожертвованія въ пользу задунайскихъ Болгаръ“. Учредителями этого общества, которое начало дѣятельность свою въ февралѣ

близь Константинополя. Въ этомъ городѣ онъ издалъ въ 1844 г. болгарскій переводъ богословскаго руководства русскаго митрополита Платона.

[3]) Первую, въ свое время много читавшуюся, брошюру о церковномъ вопросѣ составилъ Наѳанаилъ Стояновичъ, нынѣ епископъ охридскій, подъ псевдонимомъ Богданъ. «Пріятельское письмо отъ Блъгарина къ Гръку». Прага 1854.

[4]) О событіяхъ въ 1853—1856 гг. обильные матеріалы находятся въ актахъ «Одесскаго Болгарскаго Настоятельства», которыми мы по любезности настоятелей могли воспользоваться.

1854 г., были С. Д. Тошковичъ († 1870), Н. Х. Палаузовъ, Н. М. Тошковъ († 1874) и К. Н. Палаузовъ. По ихъ проекту „Настоятельство" должно было служить органомъ, въ которомъ выражалось-бы непосредственное участіе Болгаръ въ дѣлѣ устроенія будущности ихъ соотечественниковъ. Въ силу этого, кромѣ споспѣшествованіи русскимъ войскамъ, оно имѣло въ виду по окончаніи кампаніи содѣйствовать умственному и нравственному развитію болгарскаго народа. Иниціатива въ учрежденіи „Настоятельства", столь важнаго въ исторіи новѣйшаго развитія болгарскаго народа, принадлежитъ *Николаю Христофоровичу Палаузову* (изъ Габрова) [5]) (теперь статскій совѣтникъ въ Одессѣ), который первый изъ Болгаръ поступилъ на службу въ Россіи съ цѣлью быть полезнымъ своей родинѣ и быть, такъ сказать, объяснителемъ истиннаго ея положенія; для этого входилъ въ обширныя сношенія съ Болгарами какъ за Дунаемъ, такъ и въ румынскихъ княжествахъ, старался о распространеніи точныхъ свѣдѣній о Болгарахъ русскими газетами и подавалъ русскимъ государственнымъ людямъ по различнымъ поводамъ записки о Болгаріи; изъ нихъ одна доведена до свѣдѣнія покойнаго императора Николая Павловича, на котораго она произвела впечатлѣніе.

Въ занятіи Молдавіи и Валахіи русскими войсками задунайскіе Болгаре видѣли начало своего освобожденія. Въ главную квартиру стали являться депутаты съ разными доказательствами готовности Болгаръ принимать активное участіе въ дѣлѣ, предпринятомъ Россіею. Волонтеровъ скоро собралось 4028 человѣкъ. Общее стремленіе содѣйствовать Русскимъ выразилось въ этомъ, какъ нельзя болѣе: многіе

[5]) Н. Х. Палаузовъ съ основанія Настоятельства по настоящее время завѣдуетъ дѣлами и перепиской Настоятельства.

покинули своихъ женъ и дѣтей, даже отцы съ сынами спѣшили стать въ ряды волонтеровъ. Для сношенія съ Болгарами въ главную квартиру въ Букарестѣ княземъ Горчаковымъ (въ мартѣ 1854 г.) былъ вызванъ Н. Х. Палаузовъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ уполномоченъ отъ „Одесскаго болгарскаго настоятельства" войти въ соглашеніе съ букарестскою „Эпитропіею" для установленія однообразія въ дѣйствіяхъ. Въ качествѣ своего особеннаго агента „Настоятельство" отправило въ княжества своего перваго секретаря Найдена Герова, Болгарина изъ Копривштицы, воспитаннаго въ Россіи, который прежде былъ учителемъ, затѣмъ русскимъ вице-консуломъ въ Пловдивѣ, гдѣ теперь занимаетъ мѣсто совѣтника при управленіи.

Вскорѣ по пріѣздѣ генералъ-фельдмаршала князя Паскевича Эриванскаго была напечатана отъ имени его въ Букарестѣ на болгарскомъ языкѣ прокламація: „Единороднымъ братьямъ нашимъ, живущимъ въ турецкихъ земляхъ". Въ ней Болгарамъ объявлено, что „единственная цѣль Благовѣрнаго и Всемилостивѣйшаго Государя — защитить церковь Христову, защитить васъ, православныхъ чадъ ея, угнетенныхъ неистовыми врагами. Русская кровь до нынѣ не разъ проливалась за васъ и съ Божіимъ благословеніемъ — не напрасно. Этою кровью пропитаны права, пріобрѣтенныя вашими братьями, жизнь коихъ не такъ стѣснена, какъ ваша. Пришло время, чтобы и вы, прочіе христіане, пріобрѣли тѣ-же права не только на словахъ, но и на дѣлѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ выписаны изъ Одессы разныя церковныя вещи, книги и кресты для раздачи ихъ, по мѣрѣ занятія края, бѣднымъ болгарскимъ церквамъ.

Между тѣмъ русскія войска подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лидерса, пройдя Добруджу, подступили къ Силистріи, куда въ первыхъ числахъ мая (1854) прибыла и главная квартира. Значительная часть дунайской арміи

была сосредоточена здѣсь для осады крѣпости. Въ отрядѣ Лидерса находилась часть болгарскихъ волонтеровъ. Другая состояла въ распоряженіи генералъ-лейтенанта Хрулева, который высланъ былъ съ частію войскъ отъ Силистріи къ Шумлѣ; третья находилась при отрядѣ генералъ-маіора князя Бебутова, высланнаго къ Рущуку. Четвертая-же состояла въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Липранди въ Малой Валахіи. Волонтеры были употребляемы въ траншеяхъ, занимали аванпосты, посылались для рекогносцировокъ и къ отбитію непріятельскихъ шаекъ. Имъ даны были для распространенія между Болгарами прокламаціи и сверхъ того раздавались поселянамъ ружья и патроны. Всего подъ Силистріею роздано было жителямъ 735 ружей чрезъ Болгарина И. К. Кишельскаго, состоявшаго переводчикомъ при начальникѣ главнаго штаба, генералъ-адъютантѣ Коцебу (онъ позже служилъ въ русской арміи, нынѣ генералъ-маіоръ и назначенъ губернаторомъ въ Варнѣ). Восторгъ Болгаръ при встрѣчѣ съ русскими войсками не имѣлъ границъ. Поселяне, по мѣрѣ своихъ силъ, содѣйствовали войскамъ, въ чемъ могли: отбивали партіи баши-бузуковъ, захватывали небольшіе обозы, почты, курьеровъ и пр. [6]). Изъ внутренней Болгаріи, черезъ Сербію, въ маѣ 1854 г. въ русскій лагерь прибылъ депутатъ И. Бацовъ: онъ заявилъ о намѣреніи Болгаръ идти съ оружіемъ въ рукахъ изъ Балкана на Свиштовъ и спрашивалъ, могутъ-ли они въ такомъ случаѣ разсчитывать на поддержку. Объ этомъ Н. Х. Палаузовымъ было доложено фельдмаршалу князю

---

[6]) По свидѣтельству Н. Х. Палаузова, состоявшаго временно при отрядѣ князя Бебутова, какъ очевидца, Болгаре селенія Бабука и Бурчмы, при помощи розданныхъ имъ ружей, отразили нападеніе баши-бузуковъ. (Записка Н. Х. Палаузова, писанная 1856 г. для товарища военнаго министра князя В. И. Васильчикова, принимавшаго дѣятельное участіе во всѣхъ вопросахъ, касающихся Болгаръ).

Паскевичу, который, впрочемъ, отклонилъ это предложеніе, сказавъ, чтобы Болгаре только подготовлялись, такъ какъ неизвѣстно было еще, какую войну должны были вести Русскіе, оборонительную или наступательную.

Неожиданное отступленіе русскихъ войскъ на лѣвый берегъ Дуная (въ іюнѣ) ввергло болгарское населеніе окрестностей Силистріи въ совершенное отчаяніе. Поселяне толпами сбѣгались въ русскую главную квартиру и, бросая у палатки начальника штаба данныя имъ ружья, съ раздирающими воплями просили не оставлять ихъ, ибо они погибнутъ отъ раздраженныхъ Турокъ. Имъ было объявлено слѣдовать за русскими войсками. Вслѣдствіе этого въ Бессарабію переселилось слишкомъ 6000 человѣкъ съ 44.000 головъ скота; переселенцы эти, впрочемъ, по окончаніи кампаніи отправились опять въ отечество, гдѣ ихъ ожидала амнистія. На сколько Болгаре близко приняли къ сердцу заступничество Россіи, свидѣтельствуетъ слѣдующій любопытный фактъ. Въ іюлѣ 1854 г., по отступленіи русскихъ войскъ изъ Болгаріи, переплылъ Дунай тринадцатилѣтній мальчикъ Райчо Николовъ. Стоявшіе на аванпостѣ казаки привели его голаго къ князю Горчакову, которому онъ сообщилъ, что совершилъ переправу съ цѣлью извѣстить Русскихъ о намѣреніи Турокъ перейти Дунай и напасть на русскія войска, что дѣйствительно вскорѣ послѣ подтвердилось. Мальчикъ былъ награжденъ медалью; впослѣдствіи окончилъ курсъ въ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ русской арміи и нынѣ въ чинѣ капитана командуетъ болгарскою дружиною. Вслѣдъ за нимъ переплылъ Дунай другой болѣе взрослый Болгаринъ Ангелъ Тодоровъ, съ тою-же цѣлью (нынѣ офицеръ на Кавказѣ).

Война окончена Парижскимъ трактатомъ 18-го (30) марта 1856 г. Нельзя не признать, что она значительно ослабила надежды южныхъ Славянъ на русскую помощь.

Но если такъ скудны были результаты ея, то все-таки она принесла свою пользу Болгарамъ тѣмъ, что познакомила Россію ближе съ характеромъ и положеніемъ болгарскаго народа [1]) и что дала новый толчекъ и направленіе ихъ народному движенію. Она показала Русскимъ, что единственно вѣрнымъ путемъ къ освобожденію болгарскаго народа изъ подъ турецкаго ига было матеріальное, умственное и нравственное развитіе народа. Главнымъ дѣятелемъ въ сношеніяхъ Россіи съ Болгарами въ продолженіи двадцати лѣтъ было учрежденное во время войны „Одесское Болгарское Настоятельство“. Нынѣшнюю организацію получило 1860 года указомъ св. Синода (отъ 26 октября) преосвященному Димитрію, архіепископу херсонскому и одесскому, въ которомъ св. Синодъ, извѣщая архіепископа о возложенномъ на него званіи попечителя Настоятельства, сообщилъ ему и временную иструкцію для руководства его при распредѣленіи собираемыхъ пожертвованій. Настоятельство, которое пользовалось и пользуется довѣріемъ русскаго правительства, при посредствѣ русской миссіи въ Константинополѣ и русскихъ консульствъ снабдило книгами, утварью, колоколами и облаченіями нѣсколько сотъ болгарскихъ церквей въ придунайской Болгаріи, во Ѳракіи и Македоніи (даже въ Дебрахъ); вспомоществовало существующимъ училищамъ книгами, картами и пр. и содѣйствовало къ учрежденію новыхъ училищъ; заботилось объ образованіи способныхъ священниковъ и учителей; помогаетъ молодымъ Болгарамъ, которые по любви къ наукѣ пріѣзжаютъ въ Россію. Оно выхлопотало даже у правительства казенныя стипендіи для Болгаръ, какъ въ среднихъ учеб-

[1]) Насколько русскіе государственные люди мало знали Болгарію, видно изъ того, что Н. Х. Палаузову пришлось убѣждать главнокомандующаго князя Паскевича въ томъ, что Македонія есть область, населенная Болгарами, а не Греками.

ныхъ заведеніяхъ и въ университетахъ, такъ и въ высшихъ спеціальныхъ (технологическихъ, инженерныхъ, военныхъ и пр.), и исходатайствовало ежегодную казенную помощь на образованіе пяти болгарскихъ дѣвицъ въ одесскихъ женскихъ училищахъ и десяти въ Левашовскомъ пансіонѣ въ Кіевѣ. Кромѣ того, Настоятельство принимало участіе во всѣхъ вопросахъ, живо интересующихъ болгарскій народъ [8]). Между тѣмъ развитіе болгарскаго церковнаго вопроса вскорѣ по окончаніи войны получило новый оборотъ однимъ актомъ Порты.

Послѣ крымской войны, исходъ которой значительно умѣрилъ надежды райи на русскую помощь, султанъ 16-го февраля 1856 г. издалъ извѣстный гатти-гумаюнъ, продиктованный Портѣ представителями западныхъ державъ. Была обѣщана религіозная и національная равноправность, свобода религіи и совѣсти и смѣшанные суды, допущеніе христіанъ къ государственнымъ должностямъ и въ войско, привлеченіе христіанскихъ представителей въ государственный совѣтъ и т. д. Имѣлись въ виду и церковныя реформы: существовавшія до того времени платежи епископамъ и патріарху по таксамъ должны были замѣниться опредѣленнымъ жалованьемъ, а всѣ не чисто-церковныя дѣла христіанскихъ „націй" (собственно церквей) должны вѣдаться избраннымъ совѣтомъ изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ.

Въ концѣ 1857 г. Видинцы подали султану просьбу о томъ, чтобы, согласно гатти-гумаюну, ихъ митрополитъ получалъ опредѣленное жалованье. Патріархъ Кириллъ, которому передано было прошеніе съ тѣмъ, чтобы онъ далъ свое заключеніе, настаивалъ на сохраненіи старыхъ порядковъ. Скоро послѣдовали депутаціи отъ другихъ епархій

[8]) См. отчеты «Одесск. Болг. Настоятельства» отъ 1861 г. (Одесса, 16°, 40 стр.) 1869, 1877 (16°, 62 стр.), 1878 (16°, 27 стр.). Управленіе общества находится въ рукахъ четырехъ «настоятелей», изъ которыхъ одинъ выбирается казначеемъ, а другой имѣетъ попеченіе о вещахъ.

съ подобными-же ходатайствами, послѣ чего всѣ совокупно представили правительству коллективную просьбу объ учрежденіи болгарской іерархіи [9]).

Такъ какъ недовольство алчностью церкви стало рости даже между Греками, то Порта созвала (въ началѣ 1858 г.), для совѣщанія о неизбѣжныхъ реформахъ, *національное собраніе* (ἐθνοσυνέλευσις, сборъ), состоявшее изъ патріарха, 7 епископовъ и 38 представителей, 10 изъ Константинополя и 28 изъ епархій. Греческіе епископы или навязывали болгарскимъ епархіямъ греческихъ представителей, или уговаривали ихъ не производить выбора, или отказывали избраннымъ въ своемъ утвержденіи. Такимъ путемъ Грекамъ удалось свести число всѣхъ болгарскихъ представителей къ четыремъ, именно для Филиппополя, Видина, Софіи и Трнова. Но изъ этихъ три первые оставили собраніе съ протестомъ, такъ что трновскому депутату Димитру Минчоглу одному пришлось защищать болгарскія требованія. Тщетно протестовалъ онъ противъ происковъ на выборахъ, противъ недопущенія Болгаръ къ епископскому сану, противъ изгнанія болгарскаго языка изъ церкви и школы: напрасно онъ защищалъ одобренное старыми соборами избраніе епископовъ епархіями. Дерзость Грековъ дошла до того, что они стали отрицать вообще существованіе болгарскаго народа: они утверждали, что не многіе недовольные были собственно Греки, усвоившіе себѣ языкъ поселившихся между ними варваровъ. Собраніе было закрыто 16 февраля 1860 года рѣчью Стефана Каратеодори, въ которой онъ далъ понять

[9]) Подробное, хотя во многихъ случаяхъ недостаточное изложеніе греко-болгарской церковной распри даетъ Голубинскій. Ср. Путешествія Каница, Лежана, Григоровича, Дюмона и др. Изъ болг. документовъ особенно важны: Посланіе болгарскихъ епископовъ самостоятельнымъ православнымъ церквамъ 1868 г., у Дринова «Історія на българск. църква» 151—157 и письмо Иларіона Макаріопольскаго отъ марта 1869 г. (Период. Списание): оба съ обширнымъ историческимъ изъясненіемъ.

Болгарамъ наивность ихъ ожиданія, что въ собраніи греческихъ депутатовъ могутъ быть слушаемы рѣчи о болгарскихъ правахъ; церковь незнаетъ-де различія національностей, а избраніе епископовъ есть нѣчто неслыханное.

Этотъ результатъ собранія возбудилъ между Болгарами ужасное ожесточеніе. Со всѣхъ городовъ шли протесты и вмѣстѣ съ тѣмъ жалобы на корыстолюбіе и безнравственность греческихъ епископовъ (стр. 659) непосредственно къ великому визирю. Во многихъ мѣстахъ фанаріоты были изгнаны и замѣщены временными управителями изъ среды отечественнаго духовенства. Константинопольскіе Болгаре домогались у Порты собственной церковной администраціи: историческія изслѣдованія объ уничтоженныхъ патріархатахъ Трновскомъ и Охридскомъ, которые тогда ревностно дѣлались въ газетахъ и брошюрахъ, укрѣпляло ихъ въ этомъ стремленіи. Турецкіе политики были поражены: до сихъ поръ они знали только единственную „греческую" райю (румъ-миллети), а теперь она стремится разбиться на-двое! Скоро дѣло дошло до открытой схизмы. 3 апрѣля 1860 года, въ Свѣтлое Воскресенье, Неофитовъ товарищъ Иларіонъ, съ 1858 г. макаріопольскій епископъ (in partibus), служилъ въ болгарской константинопольской церкви торжественную литургію. Когда онъ, по обыкновенію, началъ произносить въ молитвословіи имя патріарха, собравшійся народъ громогласно потребовалъ, чтобы онъ выпустилъ это имя. Иларіонъ, конечно, сдѣлалъ видъ, что не соглашается на это: однако, безъ сопротивленія уступилъ народной волѣ. Этотъ примѣръ нашелъ себѣ подражаніе во всей Болгаріи: повсюду имя патріарха было вычеркнуто изъ молитвъ и часто было замѣняемо именемъ султана: Болгаре подчинились константинопольской національной церкви и признали Иларіона ея главою. Возбужденіе дошло до такой степени, что самъ великій визирь, Мехмедъ Кибризли, по приказанію

султана, долженъ былъ 19 мая поѣхать въ Болгарію. Тысячи крестьянъ привѣтствовали его и жаловались на Грековъ и Турокъ. Безбожный Пиротскій епископъ Анөимъ, грабитель Нишскій паша Зейнилъ и множество другихъ должностныхъ лицъ были частью арестованы, частью отставлены. Греки испугались этого до такой степени, что Кириллъ отказался отъ своего сана, а на мѣсто его избранъ былъ Іоакимъ.

Между тѣмъ болгарскій вопросъ обратилъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ западныхъ католическихъ вожаковъ, въ особенности графа Владислава Замойскаго и князя Чорторыжскаго; въ Парижѣ они хотѣли, при помощи лазаристовъ и проживавшихъ въ Константинополѣ польскихъ эмигрантовъ, присоединить Болгаръ къ католической церкви. Къ ихъ стремленію присоединились нѣкоторые болгарскіе патріоты, конечно, не изъ симпатіи къ западной церкви, а только въ надеждѣ заручиться покровительствомъ католическихъ великихъ державъ, именно Франціи, такъ какъ они отчаявались въ возможности русской помощи. Писатель Драганъ Цанковъ (нынѣ трновскій вице-губернаторъ) съ начала 1859 г., при посредствѣ прекрасно редактируемой имъ газеты „Българія“, сталъ публично служить этому плану. Хотя константинопольская болгарская община 20 авг. того-же года въ своемъ протестѣ энергически осуждала это стремленіе, однако идея объ уніи безпрестанно пріобрѣтала себѣ новыхъ приверженцевъ. Вліятельные купцы и писатели присоединились къ Цанкову: въ Полянской епархіи (у Солуня), вслѣдствіе злоупотребленія Грека Мелетія, все населеніе рѣшилось принять католичество, почему испуганные фанаріоты, для успокоенія умовъ, поспѣшно послали туда Иларіона Макаріопольскаго, а затѣмъ (въ октябрѣ 1859 г.) болгарскаго епископа Парөенія изъ Дибры [10]). 18 декабря 1860 года

Парөеній, родомъ изъ Дибры, монахъ Зографскаго монастыря, уче-

болгарская депутація уговорилась о *болгарской уніи* съ апостолическимъ викаріемъ Брунони, причемъ, по примѣру уніатскихъ Русиновъ, Румыновъ и Армянъ, выговорено было сохраненіе отечественной литургіи: патріархъ армянскихъ католиковъ Гассунъ отслужилъ торжественную литургію и принялъ отъ депутаціи присягу Риму. Англичане и Русскіе были немало испуганы успѣхомъ Наполеона III, который хотѣлъ прибавить къ своему значительному вліянію на Румынію, Сербію и Египетъ еще протекторатъ надъ такимъ многочисленнымъ народомъ, и налегли на Порту, чтобы она удовлетворила Болгаръ.

Первый шагъ, сдѣланный новымъ патріархомъ Іоакимомъ для успокоенія Болгаръ, состоялъ въ торжественномъ отлученіи Иларіона и митрополита Авксентія [11]) отъ церкви (23 января 1861 года). Затѣмъ онъ потребовалъ, чтобы Болгаре выразили ему свои желанія. Они предложили ему т. н. *семь пунктовъ*, гдѣ они домогались національной іерархіи и церковной автономіи съ избираемымъ архіепископомъ во главѣ, который-бы имѣлъ свою резиденцію въ Константинополѣ и признавалъ верховную власть патріарха, причемъ обѣщали патріарху ежегодно уплачивать извѣстную сумму. Патріархъ отказалъ имъ въ ихъ требованіяхъ и въ окружномъ посланіи 25 февраля далъ Болгарамъ *пятнадцать обѣщаній*: въ особенности онъ обѣщалъ въ чисто-бол-

никъ московской духовной академіи, былъ профессоромъ въ греческой богословской школы халкинской, а затѣмъ директоромъ болгарской школы въ Константинополѣ. Онъ трудился также на поприщѣ литературы (въ особенности въ Български Книжицы) и старался ввести въ нее македонскій діалектъ. Онъ скончался епископомъ Пиротскимъ въ 1876 г.

[11]) Авксентій былъ прежде (1838—1848) митрополитомъ въ Герцеговинѣ, гдѣ не былъ уважаемъ, какъ можно видѣть изъ статьи архимандрита Іоанникія Памучина въ «Серб.-далм. магазинѣ» 1869, 153—67. Позже онъ отсталъ отъ фанаріотовъ и примкнулъ къ Болгарамъ. Онъ скончался въ 1867 году.

гарскихъ епархіяхъ поставить епископами достойныхъ Болгаръ, или, по крайней мѣрѣ, знающихъ по болгарски, дать преимущество въ болгарскихъ школахъ болгарскому языку, ввести въ чисто-болгарскихъ церквахъ древне-словѣнскую литургію и принять въ патріаршій синодъ двухъ болгарскихъ митрополитовъ. Однако, отъ Болгаръ отнюдь не ускользнули неясность и неискренность этихъ обѣщаній, и они ихъ не приняли. Тогда патріархъ добился у Порты ссылки Иларіона, Авксентія и митрополита Паисія Филиппопольскаго (29 апрѣля) въ Малую Азію [12]. Парѳеній Полянскій былъ заключенъ въ Солуни.

Въ это время уніатское движеніе достигло своего апогея. Уніатская депутація, съ Цанковымъ во главѣ, прибыла въ Римъ, гдѣ 8 апрѣля 1861 г. игуменъ *Іосифъ Сокольскій*, необразованный человѣкъ, бывшій прежде гайдукомъ и своими манерами вездѣ только возбуждавшій веселость, былъ посвященъ въ архіепископы болгарской уніатской церкви. Но слава Сокольскаго длилась только немного дней. Польскіе іезуиты заставляли его дѣлать уступки въ литургіи, кириллицѣ и догматахъ. Въ самой Болгаріи поднялась ужасная буря противъ уніи: именно съ ней боролся Раковскій въ своемъ „Дунайскомъ Лебедѣ“ въ Бѣлградѣ, а Крестовичъ съ Стояновымъ-Бурмовымъ въ „Българскихъ книжицахъ“ — въ Константинополѣ. Такимъ образомъ вышло, что, вмѣсто всего народа, къ уніи пристало нѣсколько сотъ человѣкъ. Сокольскій внезапно исчезъ 18 іюня таинственнымъ образомъ: распространился слухъ, что русскіе увели его изъ Константинополя. На самомъ-же дѣлѣ онъ бѣжалъ въ Кіевъ, гдѣ въ Печерскомъ монастырѣ живетъ еще и теперь. Этимъ кончилось уніатское движеніе. Едва лазаристы спасли нѣкоторые остатки: съ 1865 по 1876 г. управлялъ

[12]) Ихъ портреты у Каница. Donau-Bulgarien I, 136.

оставшимися вѣрными уніи уніатскій *Адріанопольскій епископъ* Рафаилъ Поповъ, собственно для посвященія котораго прибылъ въ Константинополь изъ Львова архіепископъ Сембратовичъ.

Религіозными смутами воспользовались и *американскіе миссіонеры* (методисты), имѣющіе еще и теперь въ Филиппополѣ, Самоковѣ, Тульчѣ, Битолѣ и т. д. станціи и школы. Вслѣдствіе 15 обѣщаній, болгарскіе епархіи послали въ Константинополь 28 постоянныхъ представителей (мартъ 1861 г.). Они представили Али-пашѣ, министру иностранныхъ дѣлъ, къ вѣдомству котораго принадлежали и церковныя дѣла, новые *восемь пунктовъ* (это было лѣтомъ). Они желали, чтобы патріаршій синодъ состоялъ изъ *шести* греческихъ и столькихъ-же болгарскихъ митрополитовъ; болгарскіе члены его съ шестью свѣтскими депутатами должны составлять болгарскій церковный совѣтъ; одинъ изъ митрополитовъ, въ качествѣ главы, долженъ имѣть резиденцію въ Константинополѣ; епископы должны вообще быть избираемы, а ихъ доходы точно опредѣлены. Правительство потребовало отъ патріарха созвать для обсужденія этого проэкта смѣшанную коммисію, но тщетно; только событія 1862 г. побудили Порту къ энергическимъ дѣйствіямъ.

5-го іюня 1862 г. Турки бомбардировали Бѣлградъ; Герцеговина и Черногорія были подъ ружьемъ, Сербія готовилась къ войнѣ, а *Раковскій* организовалъ въ Бѣлградѣ болгарскій легіонъ, которымъ командовалъ славный гайдукъ *Илья Марковъ* изъ Берова въ Малятовѣ. Въ Болгаріи было броженіе по поводу колонизаціи 12,000 Татаръ изъ Крыма (1861). Имъ предоставлены были богатѣйшія села; крестьяне должны были уступить переселенцамъ прекраснѣйшія поля и кромѣ того строить имъ безъ вознагражденія дома. Изъ видинской области тогда бѣжало много сельскихъ жителей въ Сербію и 10,000 отправилось въ Крымъ (Евпа-

торійскій уѣздъ), гдѣ имъ указаны были мѣста въ пустыхъ деревняхъ татарскихъ; но уже въ слѣдующемъ году, вслѣдствіе неудобства земли и другихъ условій, они возвратились на родину. Изъ нихъ остались только двѣ колоніи въ Мелитопольскомъ уѣздѣ. Того-же года до 23.000 Болгаръ переселилось въ Таврическую губернію, гдѣ они въ Бердянскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ, на мѣстахъ, оставленныхъ Ногайцами, основали 45 колоній, которыя существуютъ и теперь [13]).

Раковскій, пользуясь этими волненіями и переселеніями, пытался возмутить балканскихъ гайдуковъ. Во главѣ ихъ стоялъ тогда воевода *Панаіотъ Хитовъ* изъ Сливна (род. 1830 г.), сынъ богатаго пастуха овецъ, храбрый и опытный, къ тому-же добрый человѣкъ. Страсть къ грабежамъ турецкихъ чиновниковъ рано заставила его искать счастья на Балканѣ [14]). Гайдуцкія четы умножились. Въ началѣ іюля собравшіеся у Габрова инсургенты заняли балканскій проходъ у Шипки, однако разсѣялись, какъ скоро пришли съ Дуная войска. Миръ, заключенный Сербіей (въ сентябрѣ) съ Портой, обратилъ въ ничто всѣ надежды. Множество молодыхъ людей, большею частью учителя и священники, были тогда арестованы въ Трновѣ и другихъ мѣстахъ и

[13]) Въ это время Н. Х. Палаузовымъ, прикомандированнымъ новороссійскимъ и бессарабскимъ г.-губернаторомъ въ распоряженіе назначеннаго по Высочайшему повелѣнію для завѣдыванія дѣломъ переселенія д. с. с. Стремухова (впослѣдствіи директоръ азіатскаго департамента мин. иностр. дѣлъ) было принято 25.135 душъ обоего пола, изъ которыхъ Болгаръ было до 21.000 человѣкъ. Затѣмъ чиновникомъ Гординскимъ, замѣнившимъ Палаузова, принято было 2559 душъ. Болгаре одной изъ своихъ 45 колоній присвоили названіе «Палаузова».

[14] Записки Панаіота, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная и оригинальная книга появившаяся въ 1872 году въ Букарестѣ (см. стр. 8 прим. 14 и стр. 12). Ср. мою статью въ журналѣ «Osvěta», Praha. 1875. Русскій переводъ Записокъ въ Славянскомъ Сборникѣ (Спб. 1877) II.

сосланы въ Діарбекиръ. Панаіотъ съ 12 людьми прожилъ страшную зиму въ дремучихъ лѣсахъ покрытаго снѣгомъ Балкана, а затѣмъ (въ 1863 г.), послѣ 54 дневнаго перехода вдоль высочайшаго горнаго хребта, онъ вступилъ въ Сербію.

Во время этого движенія, 18 іюня 1862 г., сошлась для обсужденія 8 пунктовъ коммисія изъ 6 Грековъ и 6 Болгаръ. Самъ Али-паша председательствовалъ въ одномъ изъ самыхъ бурныхъ засѣданій. Но какъ только улеглось политическое движеніе, всѣ примирительныя попытки разбились объ упорство Грековъ. Вслѣдствіе новаго болгарскаго протеста, патріархъ Іоакимъ, котораго сами Греки упрекали въ безполезномъ обострѣніи болгарскаго вопроса, былъ отставленъ, а на его мѣсто избранъ былъ *Софроній* (1863). Отъ него Турки потребовали скорѣйшаго разрѣшенія спора, хотя Болгаре сначала-же заявили, что видятъ единственный исходъ въ рѣшеніи вопроса самимъ правительствомъ. Патріархъ созвалъ 22 февраля 1864 года соборъ, въ которомъ, кромѣ епископовъ Анѳима шуменскаго (теперешняго экзарха), Панарета филиппопольскаго, Дороѳея софійскаго [15]) и ученаго Крестовича, засѣдали только фанатики-Греки. Послѣ четырехмѣсячныхъ совѣщаній восемь пунктовъ были совершенно отвергнуты; греческіе богословы даже предложили устранить выраженія „*болгарскій епископъ, болгарская церковь*", чтобъ предохранить св. церковь отъ варварства. Тогда, наконецъ, появился султанскій ираде, разрѣшившій возвращеніе изгнаннымъ болгарскимъ епископамъ (въ сентябрѣ), которые должны были поселиться въ близкомъ Орта-кіоѣ на Босфорѣ [16]).

Не только депутаты и коммисіи, но села и города по всей Болгаріи боролись съ фанаріотами. Новый Пиротскій

[15]) Дороѳей, родомъ изъ Копривштицы, былъ митрополитомъ, сначала въ Софіи, а затѣмъ въ Скопьи; онъ скончался въ 1875 г.

[16]) Паисій не былъ Болгаринъ, но малоазіатскій христіанинъ.

епископъ Софроній, по причинѣ своихъ вымогательствъ, долженъ былъ бѣжать въ ближайшій монастырь св. Іоанна подъ защиту турецкихъ жандармовъ. Въ Рущукѣ епископскій домъ былъ взятъ приступомъ и митрополитъ Синесій изгнанъ. Такая-же участь постигла Паисія видинскаго, вымогавшаго въ своей епархіи 185.000 піастровъ, вмѣсто 75.000, и кромѣ того клеветавшаго на гражданъ, обвиняя ихъ въ тайномъ сношеніи съ Сербами. Всѣ болгарскія газеты проповѣдывали изгнаніе всѣхъ фанаріотовъ. Трновскій митрополитъ Григорій, человѣкъ, спустившійся по лѣстницѣ человѣческой испорченности на самыя низкія ступени, держался даже противъ воли турецкаго правительства.

Ожесточеннѣе всего борьба велась въ Македоніи, на которую Греки смотрѣли уже какъ на свое владѣніе. Тамъ боролись въ пользу греческаго языка въ школѣ и церкви, боролись разсѣянные по городамъ Влахи (Румыны, Цинцары). Въ Прилѣпѣ, Битолѣ и Велесѣ возникли большія волненія; наконецъ, Болгаре уплатили значительныя суммы, чтобы Влахи устроили для себя церкви и школы.

Многихъ Болгаръ тогда, вслѣдствіе жалобъ и происковъ епископовъ, преслѣдовали, засадили въ темницы и сослали; впрочемъ, исторія фанаріотскаго господства въ Болгаріи запятнана также и убійствами. Но не всѣ „Власи“ были сторонниками фанаріотовъ. Противъ ожиданія движеніе національно-румынское, анти-греческое обнаружилось также у этого малочисленнаго разсѣянно живущаго и забытаго народца. Въ 1862 году Апостолъ Маргаритъ, Македонянинъ, получившій образованіе въ Букарестѣ, основалъ въ Влахо-Клисурѣ (у Костура) первую македо-румынскую школу. Патріархатомъ приказано было закрыть эту школу и прогнать учителей. Но Влахо-клисурцы противились и торжествовали послѣ семилѣтней борьбы. Движеніе это обхватило вскорѣ влашскія деревни у горы Перистери и при

Пиндѣ; сочувствуя Румынамъ Влахи присоединились къ Болгарамъ противъ Грековъ [17]).

Важнѣйшимъ борцомъ въ Македоніи за болгарскіе интересы былъ пламенный *Димитрій Миладиновъ* изъ Струги у Охриды. Получивъ образованіе въ греческомъ лицеѣ въ Янинѣ, онъ занималъ должность учителя во многихъ македонскихъ городахъ и неусыпно трудился, среди постоянныхъ преслѣдованій, за введеніе болгарскаго и церковно-словѣнскаго языка въ школахъ и церквахъ своего отечества. Въ 1858 г. прибылъ онъ въ Кукушъ (у Солуня) учителемъ, гдѣ, по его настоянію, въ церкви введена была славянская литургія. Недостойному епископу Мелетію (род. 1822 года въ Кизикѣ) онъ выказалъ такое сопротивленіе, что, какъ разсказываютъ, фанаріоты принуждены были въ 1859 году его удалить. Однако, уже въ 1860 г. Мелетій былъ назначенъ митрополитомъ въ самой Охридѣ, гдѣ онъ сталъ еще разнузданнѣе. Миладиновъ, лѣтомъ 1861 г. проживавшій въ своемъ семейномъ кругу въ Стругѣ, былъ, по жалобѣ раздраженнаго епископа, схваченъ, какъ государственный преступникъ, и въ оковахъ отправленъ въ Константинополь. Его младшій братъ Константинъ (род. 1829 г.), окончившій курсъ наукъ въ Аѳинскомъ и въ Московскомъ университетахъ, привелъ тогда-же къ концу печатаніе собранныхъ обоими братьями болгарскихъ народныхъ пѣсенъ: издержки печатанія принялъ на себя епископъ Штроссмайеръ. Чтобы спасти брата, Константинъ поспѣшилъ въ Константинополь. Несмотря на предостереженіе, онъ навѣстилъ Димитрія въ темницѣ, изъ которой онъ самъ уже не возвращался. Епископъ Штроссмайеръ, при посредствѣ австрійскаго посланника, ходатайствовалъ объ освобожденіи

[17]) Разсказы Апостола Маргарита въ журналѣ Convorbiri literare. Jassy VIII. 1874. E. Pirot, Le Roumains de la Macedoine. Paris 1875.

несчастныхъ изъ темницы; русское правительство присоединилось къ этому. Порта издала приказъ освободить Миладиновыхъ, но фанаріоты предупредили ее, подкупивши отравить обоихъ братьевъ (10 и 12 января 1862 г.) [18].

Въ 1864 г. страданія раји были увеличены бѣдствіемъ, живо напомнившемъ собою средне-вѣковыя злоупотребленія. Послѣ 24-лѣтней борьбы, Русскіе покорили Кавказъ. По стараніямъ польскихъ агентовъ, Черкесы отправились въ Турцію. Около полумилліона душъ было переселено въ Малую Азію и Болгарію; Порта поселила ихъ у Балкана, Дуная и въ особенности вдоль сербской границы, чтобы они, вмѣстѣ съ Албанцами и Татарами, стали стѣною между соплеменными Сербами и Болгарами. Голодъ, тифъ и оспа похитили большую часть переселенцевъ уже на пути, въ пристаняхъ и на дорогахъ. Болгаре, едва оправившіеся послѣ татарскаго поселенія, принуждены были строить дома и уступать участки земли новымъ и гораздо многочисленнѣйшимъ „гостямъ", не получая за это ни малѣйшаго вознагражденія. Остатки этого разбойническаго народа недавно еще, при безсиліи правительства, были бичемъ земледѣльцевъ и ужасомъ торговыхъ каравановъ.

Въ тоже время предприняты были реформы въ провинціальной администраціи. На мѣсто малыхъ пашалыковъ выступили большіе *вилайеты*. Всѣ дунайскіе пашалыки, далѣе софійскіе и нишскіе, — территорія, почти равная старо-болгарскому царству въ послѣдніе годы его существованія, соединены были въ *Дуна-вилайетъ*, котораго вали имѣлъ свою резиденцію въ Рущукѣ. Первый вали *Митхадъ-паша* (1864 — 68), котораго безпристрастные иностранцы представляютъ образованнымъ и дѣятельнымъ человѣкомъ, при-

[18]) Жинзифовъ. Дим. и Конст. Миладиновы. Сборникъ слав. благотв. комитета въ Москвѣ. «Родное племя». Москва 1877, 263—288.

нялся серьезно за проведеніе реформъ. Скоро путешественники были удивлены шоссейными и желѣзными дорогами, телеграфами, мостами, банками, казенными постройками, отелями, мостовыми, освѣщеніемъ улицъ и т. п. Дунайская область была, такъ сказать, образцовымъ вилайетомъ.

Въ концѣ 1865 г. четыре почетные константинопольскіе купцы, родомъ Греки, неожиданно вступили въ переговоры съ болгарскими представителями и въ короткое время заключили полную мировую сдѣлку. Патріаршій синодъ долженъ былъ стать на половину греческимъ, на половину болгарскимъ; епископы должны назначаться по избранію, произведенному въ самыхъ епархіяхъ, и одинъ изъ болгарскихъ членовъ синода долженъ, въ качествѣ главы, имѣть свою резиденцію въ Константинополѣ. Недоставало только утвержденія патріарха. Но большое, созванное 22 апрѣля 1866 г. собраніе свѣтскихъ и духовныхъ представителей, между которыми было только два Болгарина (Крстьовичъ и Папаретъ), осудили эту мировую, какъ еретическую и демократическую, такъ какъ она нарушала національныя права Грековъ, и отвергло цѣликомъ болгарскій вопросъ.

По совѣту самихъ Грековъ, въ декабрѣ 1866 г. Софроній былъ отставленъ. Его преемникъ *Григорій VI*, бывшій уже прежде патріархомъ и державшій себя всегда въ болгарскомъ спорѣ миролюбивѣе другихъ, по собственной инициативѣ, представилъ правительству новый проектъ, въ которомъ предложилъ образованіе изъ забалканскихъ епархій полунезависимаго церковнаго округа, котораго первый митрополитъ долженъ носить титулъ „экзарха всей Болгаріи“. Не любовь къ миру, а политическая мудрость, по всей вѣроятности, побудила его къ этому; хотѣли лучше пожертвовать Дуна-вилайетомъ, чтобы Порта не отдала чего-нибудь бóльшаго. Но Болгаре, не желавшіе принести въ жертву фанаріотамъ своихъ соплеменниковъ во Ѳракіи и

Македоніи отвергли этотъ проектъ и безусловно домогались у Порты независимой церкви.

Тогдашнее миролюбіе Грековъ и податливость Порты имѣли свое основаніе въ новомъ политическомъ движеніи между южными Славянами. Кандіотское возстаніе вдохнуло райѣ мужество. Румынскія событія 1866 г. произвели революціонное броженіе между Болгарами, длившееся нѣсколько лѣтъ. Послѣ сверженія Кузы, въ Румыніи настала большая анархія, и ходилъ слухъ, что турецкія войска займутъ княжества. Министръ Братіано, имѣя въ виду организовать болгарскій легіонъ на случай турецкаго нашествія, обратился къ Раковскому, раздувавшему тогда въ Букарестѣ, при посредствѣ своихъ газетъ, революцію въ Болгаріи. Нѣсколько гайдуковъ было послано въ Балканы. Но другіе эмигранты такъ очернили Раковскаго въ глазахъ Братіано, что первый вмѣстѣ съ Панаіотомъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Россію и начать самостоятельно вербовать волонтеровъ. По вступленіи-же на престолъ Карла, волонтеры были ими распущены.

Въ слѣдующую зиму болгарскіе предводители совѣщались о новыхъ революціонныхъ планахъ. Раковскій, одолѣваемый болѣзнями и смущенный спорами съ несогласными эмигрантами, не хотѣлъ вмѣшиваться ни въ какое предпріятіе: онъ отговаривался неимѣніемъ ни денегъ, ни оружія, надежды-же на сербскую или русскую помощь можно-де питать менѣе всего.

Представители болгарскихъ купцовъ и эмигрантовъ въ Букарестѣ, изъ которыхъ нѣкоторые еще съ начала національнаго болгарскаго движенія находились въ сношеніяхъ съ княземъ Михаиломъ Обреновичемъ и затѣмъ постоянно хотѣли играть важную роль въ политикѣ, полагали напротивъ того, что слѣдовало домогаться въ союзѣ съ Сербіею пріобрѣтенія политическихъ правъ; говорилось, что они мечтали

о великомъ югославянскомъ федеративномъ государствѣ. Въ началѣ 1867 г. „тайный болгарскій центральный комитетъ“ обнародовалъ донесеніе къ султану Абдулъ-Азисъ-хану, „нашему милостивому государю и отцу“. Въ этой интересной грамотѣ комитетъ требовалъ автономную организацію всѣхъ населенныхъ Болгарами странъ подъ верховной властью султана, которому предлагалось принятіе титула болгарскаго царя, съ избираемымъ намѣстникомъ, разумѣется изъ христіанъ, національнымъ собраніемъ, національною церковью, территоріальнымъ войскомъ и съ опредѣленною данью. Легко могло статься, что составителями этого акта принято было во вниманіе послѣдовавшее тогда-же австро-венгерское соглашеніе. Правда, Порта вовсе не обращала вниманія на эту грамоту.

Весною Панаіотъ, полагавшій всю надежду лишь на самопомощь, съ дружиною 30 человѣкъ перешелъ у Тутракана Дунай и достигъ Балкана. Другая чета подъ предводительствомъ Филиппа Тотьо (изъ трновскаго округа), переправилась у Свиштова, но была у Вербовки во время полуденнаго зноя застигнута врасплохъ и такъ разсѣяна, что Тотьо только съ 4 человѣками соединился съ Панаіотомъ. Постоянно сталкиваясь съ низамомъ, баши-бузуками и черкесами, они достигли сербской границы Балканами. Между тѣмъ Митхадъ нарядилъ страшный судъ въ Свиштовѣ и Трновѣ надъ всѣми, которые оказали помощь этимъ незначительнымъ четамъ, тѣмъ болѣе, что въ Свиштовѣ открытъ былъ дѣтскій заговоръ. Множество юношей, даже почти дѣтей, было повѣшено; другихъ сослали въ Діарбекиръ, при чемъ многіе умерли на дорогѣ; не мало еще во время выселилось въ Валахію, Сербію и Австрію. Вся болгарская интеллигенція была тогда преслѣдуема подъ предлогомъ участія въ тайныхъ обществахъ.

Въ слѣдующую зиму готовился князь Михаилъ Обреновичъ къ большой войнѣ. Въ Бѣлградѣ, при участіи серб-

скихъ офицеровъ, былъ обученъ болгарскій легіонъ, состоявшій приблизительно изъ 300 человѣкъ, между которыми было нѣсколько Черногорцевъ и Герцеговинцевъ: но уже весною, вслѣдствіе несогласій, онъ разошелся и направился въ Валахію, чтобы оттуда вторгнуться въ Турцію. 29 мая (10 іюня) князь Михаилъ палъ отъ руки убійцы. Министръ Блазнавацъ, ставшій регентомъ княжества, послалъ Панаіота въ Букарестъ, чтобы воспрепятствовать экспедиціи, но тщетно. Уже черезъ нѣсколько дней *Хаджи Димитаръ „Асеновъ“* (род. въ 1840 г. въ Сливнѣ) и *Стефанъ Караджа* (род. **1844** г. въ Тульчѣ), съ обмундированной и по военному организованной четой въ 160 молодыхъ людей, переправились у Свиштова черезъ Дунай, но почти всѣ легли въ лѣсныхъ ущеліяхъ Габровскихъ горъ прежде, чѣмъ достигли Балканскихъ высотъ. Ни одинъ изъ нихъ не попалъ въ плѣнъ. Несоразмѣрныя потери низама и черкесовъ и необычайное геройство дружинниковъ произвели на Турокъ глубокое впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ на Балканѣ семь лѣтъ господствовалъ совершенный покой. Раковскій умеръ еще въ томъ-же году: по его стопамъ пошелъ *Каравеловъ*, также журналистъ въ Букарестѣ. Эмигранты въ Валахіи раздѣлились на двѣ враждебныя партіи, старую и юную, или сербскую и т. н. русскую, постоянно ссорившіяся въ періодическихъ изданіяхъ и тѣмъ не мало поколебавшія довѣренность ихъ соотечественниковъ.

Эти событія поставили константинопольскихъ Турокъ въ необходимость сдѣлать уступки: къ тому еще русскій посланникъ генералъ Игнатьевъ настаивалъ на томъ, чтобы Портою былъ положенъ конецъ церковному вопросу. Фуадъ († 11-го февраля 1869 года по нов. стилю), рядомъ съ Али важнѣйшій государственный мужъ, завѣщалъ Портѣ изолировать Грековъ сколь возможно и прежде всего отнять у нихъ духовную власть надъ Болгарами, чтобы послѣдніе

не вошли въ союзъ съ Россіей или съ папой [19]). Али-паша взялъ дѣло въ свои руки и, согласно опредѣленію совѣта министровъ, поручилъ изготовить въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ два проекта, очень сходные съ проектами Григорія, и сообщилъ оба патріарху съ требованіемъ на что-нибудь рѣшиться. Но патріархъ и синодъ отвергли ихъ, какъ антиканоническіе, антидогматическіе и антиевангельскіе, по той единственной причинѣ, что Турки предлагали экзархатъ для *всѣхъ* Болгаръ. Имѣя въ виду созваніе собора, патріархъ написалъ окружное посланіе ко всѣмъ православнымъ церквамъ. Съ своей стороны, болгарскіе епископы опубликовали записку объ историческомъ развитіи болгарскаго церковнаго вопроса. Церкви іерусалимская, антіохійская, кипрская и греческая присоединились къ патріарху; Бѣлградскій митрополитъ склонился въ пользу Болгаръ; отвѣтъ русскаго синода былъ уклончивый и неопредѣленный. Тогда (1869) и Одесское Болгарское Настоятельство подало чрезъ своего депутата К. Н. Палаузова просьбу Императору Александру II о благопріятномъ для Болгаръ разрѣшеніи церковнаго вопроса. На аудіенціи Государь изволилъ отозваться на просьбу эту въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Болгарскія дѣла были всегда близки Моему сердцу. Я говорилъ съ Игнатьевымъ о церковномъ вопросѣ, и надѣюсь, въ скорости онъ пріиметъ благопріятный исходъ. Уступки должны послѣдовать съ обѣихъ сторонъ". При этомъ замѣтилъ: „Употребляйте все ваше вліяніе недопускать народныхъ вспышекъ: онѣ обезсиливаютъ народъ,— противники пользуются этимъ".

---

[19]) «Our policy shuld be to endeavour to isolate the Greeks as much as possible from our other Christians. It is of paramount importance to withdraw the Bulgarians from the domination of the Greek Church, without, however, throwing it into the arms either of the Russians or of the Roman Clergy» J. Lewis Farley, The decline of Turkey. London 1875, 33.

Затѣмъ Али поручилъ (1869) смѣшаннымъ коммисіямъ составить три новые проекта, которые имѣли у патріарха ту-же участь. Возбужденіе умовъ въ Болгаріи достигло апогея. Въ субботу вечеромъ 28 февраля 1870 г. Али созвалъ къ себѣ греческихъ и болгарскихъ представителей и вручилъ имъ *султанскій фирманъ* 8 Сильдгидже 1286 г. (27-го февраля). Султанъ повелѣлъ учредить *болгарскій экзархатъ*, который-бы обнималъ епархіи: Рущукскую, Силистрійскую, Шуменскую, Трновскую, Софійскую, Ловечскую, Врачанскую, Видинскую, Нишскую, Пиротскую, Самоковскую, Кюстендильскую и Велесскую — цѣликомъ; Сливенскую — за исключеніемъ Варны, Анхіала, Месемвріи и греческихъ прибрежныхъ селъ; Созопольскую — безъ береговой области, Филиппопольскую — безъ этого города, Станимаки и 9 селъ. Остальныя епархіи присоединялись также къ экзархату, въ случаѣ согласія на это двухъ третей тамошнихъ христіанъ. Старшій митрополитъ, называемый *экзархомъ*, долженъ быть избираемъ и утверждаемъ султанскимъ бератомъ; онъ поминаетъ въ молитвахъ имя патріарха и получаетъ отъ него муро.

Въ то время, какъ Болгаре торжествовали и свидѣтельствовали чрезъ многочисленныя депутаціи благодарность всего народа Али-пашѣ († сент. 1871 г.), патріархъ Григорій, также какъ и избранный, послѣ его отреченія, на его мѣсто Анѳимъ, упорно противился признать фирманъ. Еще въ январѣ 1872 году великій визирь Махмудъ приказалъ отправить на недѣлю въ Никомедію епископовъ Иларіона Трновскаго (Стояновъ-Михайловскій), Панарета и Иларіона Кюстендильскаго; но большія смятенія между Болгарами принудили Порту къ скорѣйшему приведенію въ дѣйствіе фирмана. Иларіонъ Трновскій, старый товарищъ Неофита Бозвели и главный начальникъ Болгаръ во время церковнаго разрыва могъ надѣяться быть избраннымъ пер-

вымъ экзархомъ, но Турки столь-же мало были расположены къ этому старому борцу, какъ и Греки. Итакъ, экзархомъ былъ избранъ 11 февраля въ Ортакіоѣ при Босфорѣ Иларіонъ Ловчанскій. Но и ему неблагопріятствовали обстоятельства. Уже 16 т. м. онъ отрекся, и Болгаре выбрали на его мѣсто *Анѳима*, епископа Видинскаго [20]). Путешествіе Анѳима изъ Видина въ Константинополь было настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Въ Константинополѣ онъ имѣлъ торжественныя аудіенціи у великаго визиря, который передалъ ему бератъ, и у султана, который пожаловалъ ему два ордена. Патріархъ затѣмъ изрекъ анаѳему болгарскому духовенству и всѣмъ его приверженцамъ.

Съ учрежденія національной церкви въ Болгаріи настала новая жизнь. Въ особенности школьное дѣло, которое въ Турціи состоитъ въ исключительномъ вѣдѣніи церкви и общины, быстро пошло по пути прогресса. Школы поддерживаются частью общинами, частью завѣщанными патріотами средствами; въ послѣднія времена на это-же идетъ и часть епархіальныхъ сборовъ, которые до того времени проматывали фанаріоты. Въ Филиппопольской епархіи, напр., насчитываютъ 305 первоначальныхъ и 16 главныхъ школъ съ 356 учителями и 12.400 учениками, далѣе 24 женскихъ училища съ 37 учительницами и 2265 ученицами [21]). Лучшія заве-

---

[20]) Иларіонъ Стояновъ Михайловскій скончался 4 іюня 1875 г. Онъ былъ образованный человѣкъ, учился въ Аѳинскомъ университетѣ. — Анѳимъ родился въ 1816 г. въ Лозенградѣ (Киркилисса), былъ монахомъ на Аѳонѣ, учился въ богословской академіи на островѣ Халки у Константинополя и въ Москвѣ, былъ съ 1854 г. профессоромъ церковной исторіи и церковно-славянскаго языка въ Халки, затѣмъ посвященъ епископомъ въ Шуменѣ, но принужденъ былъ остаться директоромъ въ Халки, такъ какъ народъ не хотѣлъ принимать епископовъ отъ патріарха. Съ 1867 г. онъ былъ епископомъ въ Видинѣ.

[21]) Точныя статистическія данныя у Груева въ календарѣ Лѣтоструй 1872, 79—94.

денія — это старая габровская школа, центральная филиппопольския и болградская гимназія въ Бессарабіи. Большое число молодыхъ Болгаръ учится въ Константинополѣ въ султанскомъ лицеѣ или въ американской Robert College, въ Парижѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Москвѣ, Николаевѣ [22]), Букарестѣ, Бѣлградѣ, Загребѣ, Вѣнѣ, въ особенности въ Прагѣ и въ среднихъ училищахъ Чехіи. Въ Россіи подобныя стремленія были поддерживаемы усердіемъ благотворительныхъ комитетовъ и Одесскаго Настоятельства, которымъ многіе изъ выдающихся мужей Болгаріи обязаны своимъ воспитаніемъ.

О распространеніи просвѣщенія заботились многочисленныя общества. Во всякомъ большомъ поселеніи находилось „читалище“. На пользу образованія женщинъ дѣйствовали въ городахъ женскія общества (женско дружество) поддержкою школъ и училищъ. Въ Константинополѣ, Драмѣ (Македонія), Букарестѣ, Кишиневѣ, Одессѣ и Вѣнѣ, по образцу греческихъ „силлоги“, были уже особыя общества, имѣющія цѣлью основаніе и поддержку школъ и въ особенности отправленіе учащихся за границу. Главное участіе въ этомъ прогрессѣ принимало болгарское купечество. Центры болгарской торговли были Свиштовъ, Филиппополь и Велесъ; есть также богатѣйшіе купцы въ Константинополѣ, Букарестѣ и Одессѣ.

Болгаре, мирный и трудолюбивый народъ можетъ быть и уступаютъ Сербамъ, Грекамъ, Албанцамъ и Румынамъ въ воинственности и народной гордости; напротивъ, что касается до смысла промышленнаго и земледѣльческаго, то они далеко оставляютъ за собою всѣхъ своихъ сосѣдей. Можно встрѣтить города и села, жители которыхъ исключительно занимаются ремеслами — суконнымъ, кожевническимъ, горшечнымъ, ножевымъ, стекольнымъ, производ-

[22]) Югославянскій пансіонъ управляемый Болгариномъ Ѳ. Н. Минковымъ.

ствомъ розоваго масла, каменной и плотничьей работой. Изъ всѣхъ мѣстностей отъ Костура до Варны тысячи людей ежегодно весной отправляются на заработки въ Сербію, Румынію и Константинополь, а осенью съ деньгами возвращаются домой. Это-то трудолюбіе, соединенное съ особенною способностью къ ассоціаціи и автономіи, и обратило на себя въ послѣдніе годы особое вниманіе западныхъ путешественниковъ. Вообще Болгаріи пророчили блестящую будущность, тѣмъ болѣе когда въ 1873 году желѣзныя дороги были открыты во Ѳракіи и Македоніи. Но для этого необходимо прежде всего, чтобы эти прекрасныя, столь богатыя отъ природы и населенныя такимъ работящимъ народомъ, земли достались болѣе гуманному и разумному правительству. При продолжающемся внутреннемъ и внѣшнемъ разложеніи, которому, вопреки всѣмъ преобразованіямъ, Высокая Порта подвергалась въ послѣдніе годы съ необыкновенною быстротою, и при возростающей противуположности между христіанскимъ населеніемъ, жаждавшимъ европейскаго гражданскаго устройства, и мусульманами, страстно желавшими возстановленія прежняго кулачнаго права, миролюбивая развязка была не мыслима. Съ открытіемъ герцеговинскаго возстанія (1875) данъ толчекъ новому порядку вещей. Въ слѣдующемъ году Болгарія была настигнута ужасною, всѣмъ извѣстною катастрофою, изображеніе которой однако уже не входитъ въ предѣлы нашего повѣствованія.

Глава XXXIV.

Новоболгарская литература [1]).

Во время турецкаго господства литературная дѣятельность ограничилась нѣкоторыми переводами съ греческаго и снятіемъ списковъ со старыхъ апокрифовъ и сборниковъ легендъ. Полуболгарскимъ, полусербскимъ языкомъ написаны молитвы, изданныя епископомъ *Станиславовымъ* для его никопольскихъ павликіанъ (стр. 596).

Исторія новой болгарской литературы начинается съ хроники монаха *Пансія самоковскаго* (1762). Непосредственній за этимъ слѣдуютъ сочиненія его ученика, епископа *Софронія врачанскаго* (1739—1815). Кромѣ „Киріакодроміона“ (Рымникъ, 1806), первой печатной книги на новоболгарскомъ языкѣ, онъ перевелъ съ греческаго много популярныхъ сочиненій и составилъ свои мемуары. Въ первой четверти настоящаго столѣтія іеромонахъ *Хаджи Іоакимъ* напечаталъ въ Офенѣ нѣсколько книжекъ религіознаго содержанія, а игуменъ монастыря Краля Марка *Кириллъ*

[1]) О новоболгарской литературѣ писали Срезневскій въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г., В. Д. Стояновъ въ Čas. cesk. musea; Жинзифовъ въ Гербелевой «Поэзіи Славянъ». (Спб. 1871). Ср. Konst. Jirecek. Bibliographie de la littérature bulgare. Книгопись на новобългарска-та книжнина. 1860—1870. Вѣна 1872. (Также въ видѣ прилож. къ Період. Спис. VII).

Пейчиновичъ изъ Тетова, написанное имъ на македонскомъ нарѣчіи „Огледало“ (зеркало).

Это были единичные опыты. Способная къ жизни литература ведетъ свое начало только съ 1824 года, когда нѣсколько букарестскихъ и одесскихъ патріотовъ задались цѣлью споспѣшествовать просвѣщенію своего народа. Упомянутымъ выше (стр. 688) писателямъ д-ру *Берону*, *А. Стояновичу*, *Неновичу*, *Пѣшакову*, *Сапунову*, жившимъ въ Валахіи, предстояло прежде всего дать возникавшимъ школамъ учебники. *Беровичъ* или *Беронъ* (✝ 1871) ничего не написалъ на болгарскомъ языкѣ, кромѣ букваря (1824): по французски онъ написалъ рядъ парадоксальныхъ сочиненій по физикѣ, по гречески — нѣсколько брошюръ, и по нѣмецки книгу о славянской философіи (Прага 1855 г.). Изъ подъ пера *Стояновича* и друга его *Пѣшакова* вышли первые поэтическіе опыты подражанія народнымъ пѣснямъ и русскимъ образцамъ [2]). *В. Е. Априловъ* писалъ по русски: только его сочиненіе о славянскихъ апостолахъ издано на болгарскомъ языкѣ [3]).

Большую услугу юной письменности оказали оба Неофита. Рыльскій игуменъ *Неофитъ* изъ Родопы (стр. 693) издалъ первую болгарскую грамматику (Крагуевацъ, 1835); затѣмъ — житіе св. Іоанна рыльскаго (Бѣлградъ, 1836, 1870), старословѣнскую христоматію съ греческо-словѣнскимъ словаремъ (Константинополь 1852). Онъ-же перевелъ на народный языкъ новый завѣтъ для американскихъ миссіонеровъ: первое изданіе (Смирна, 1840), по прика-

[2]) Нѣкоторые ихъ опыты въ Безсоновыхъ болгарск. народн. пѣсняхъ, II. 125 сл. Ода Пѣшакова на смерть Венелина у Априлова, Денница 60, и въ Любословіи 1844, I. 14.

[3]) Априловъ написалъ въ 1841 г. по русски сочиненіе о Славянскихъ апостолахъ, въ 1841-же г. — Денницу (стр. 657), въ 1842 г. — добавленіе къ этому, въ 1845 г. онъ издалъ четыре древнихъ документа.

занію патріарха, было, правда, уничтожено, но слѣдующія распространились болѣе тѣмъ въ 30.000 экземпляровъ [4]). Хиландарскій архимандритъ *Неофитъ Бозвели* изъ Котла (стр. 695) издалъ въ 1835 году энциклопедію въ шести частяхъ (Славено-болгарское дѣтоводство), въ которой особенно замѣчательна географія Болгаріи. Въ рукописяхъ осталось послѣ него до 25 сочиненій, между ними отрывокъ изъ его записокъ [5]). (Слѣдуетъ упомянуть также учителей *Райно Поповича* изъ Жеравны, около Котла, ученаго эллиниста, дѣйствовавшаго въ Карловѣ на Балканѣ, *Христаки Павловича* изъ Дупницы († оба въ 1858 г.) и *Эммануила Васкидовича* изъ *Мельника* († 1875): оба послѣдніе жили въ Свиштовѣ и написали значительное число популярныхъ сочиненій.

Относительно установленія литературнаго языка и орѳографіи первые писатели были несогласны между собой. *Вукъ Караджичъ*, основатель новоболгарской литературы, издалъ въ 1822 г. свой проектъ болгарскаго правописанія по фонетическому принципу; однако, это предложеніе оставлено безъ вниманія уже потому, что книга Вука не попала въ руки ни одному изъ тогдашнихъ писателей болгарскихъ. Каждый писалъ на нарѣчіи своей родины; одни отвергали членъ, свойственный народному языку всей Болгаріи (стр. 141), другіе защищали его сохраненіе, многіе возлагали надежды на приближеніе къ старословѣнскому языку. Тщетно пытался Априловъ въ 1836 г. привести къ единогласію. Еще и теперь неустановлено вполнѣ правописаніе; впрочемъ, въ послѣднія десятилѣтія согласились

---

[4]) Уже сорокъ лѣтъ Неофитъ работаетъ надъ большимъ словаремъ болгарскаго языка. Нѣсколько образчиковъ въ Бълг. Книжицахъ 1859 и 1860. Въ 1875 г. въ Константинополѣ началось его печатаніе.

[5]) Его патріотическій разговоръ «Мати-Болгарія» напечатанъ въ Период. Спис. IX.

на принятіе за основаніе литературнаго языка дунайскаго и балканскаго нарѣчія [6]).

До 1840 г. появились только богословскія и учебныя книги, составленныя автодидактами, или переводныя съ русскаго или греческаго и напечатанныя въ Рымникѣ, Букарестѣ, Кронштадтѣ, Офенѣ, Крагуевацѣ и Бѣлградѣ. Съ этого времени встрѣчаемъ писателей, получившихъ образованіе за-границей, переводы съ западныхъ языковъ, газеты и типографіи въ самой Турціи.

Первая славянская типографія на болгарской почвѣ основана въ 1739 г. въ Солуни архимандритомъ Синайскаго монастыря Ѳеодосіемъ; чрезъ нѣсколько лѣтъ она погибла отъ пожара. Въ 1840 г. А. Діаматовъ, при помощи американскихъ миссіонеровъ, именно E. Riggs'a, открылъ болгарскую типографію въ Смирнѣ, гдѣ была колонія болгарскихъ купцовъ. Тамъ *Константинъ Фотиновъ* изъ Самокова, преподаватель смирнской греческой школы, издавалъ съ aпрѣля 1844 г. иллюстрированное ежемѣсячное изданіе „Любословіе“; онъ составилъ также объемистую географію (1845). Съ 1843 г. въ Константинополѣ сталъ печатать по болгарски Сербъ *Константинъ Огняновичъ*, въ 1844 г. — патріаршая типографія и Армянинъ *Ѳаддей Дивичіанъ* [7]).

Доказательствомъ быстраго развитія литературы служитъ болгарскій альманахъ Огняновича (Забавникъ, Парижъ, Didot, 1845 года); скоро появились и сценическія

[6]) Ср. гл. 29, прим. 4. Вукъ исключилъ ы, і, щ, я, ѣ, ь и ъ на концѣ и хотѣлъ ввести ћ, ђ, љ, џ, њ, ѐ и j (j je у бугарском језику готово још нужније, него и у српскоме 49). Неновичъ, по образцу старыхъ рукописей, ввелъ ж вмѣсто полугласнаго ъ внутри словъ. — Большою популярностью нынѣ пользуется ороографія, введенная браиловскимъ книжевнымъ дружествомъ.

[7]) См. Bibliographie 343, 370, 484.

произведенія, — впервые комедія, изданная въ Кишиневѣ въ 1873 году. *Алекс. Хаджи-Руссетъ* издалъ въ Страсбургѣ въ 1844 г. карту Болгаріи (4 листа).

Сильно обновилась письменность со времени возникновенія церковнаго спора. Въ 1856 г. въ Константинополѣ было основано купцами и писателями литературное общество (Българска народна книжнина); прекрасный журналъ его „Български книжицы“ сталъ первымъ литературнымъ центромъ. Впрочемъ, это общество скоро погибло: только въ 1869 г. нѣсколькимъ молодымъ людямъ удалось основать новое общество (Българско книжовно дружество) въ Браиловѣ. Патріоты купцы ассигновали на это капиталъ въ 200.000 франковъ. Президентомъ сталъ проф. *Дриновъ*, секретаремъ — *Василъ Д. Стояновъ* [8]) изъ Жеравны (теперь учитель въ Болградѣ). Выходящее съ 1870 г. „Періодическо Списание“ общества, на которое мы часто имѣли случай ссылаться въ настоящемъ трудѣ, содержитъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ историческихъ и филологическихъ статей.

Въ настоящее время популярнѣйшимъ и самымъ талантливымъ писателемъ нужно признать автодидакта въ полномъ смыслѣ слова *Петка Р. Славейкова* изъ Трѣвны (род. въ 1825 г.). Его жизнь есть по истинѣ Одиссея. Съ 1857 г. онъ жилъ въ Константинополѣ въ качествѣ журналиста: теперь онъ на службѣ при сливенскомъ губернаторѣ. Его эротическія и сатирическія стихотворенія и басни (1852), написанныя по образцу народныхъ пѣсенъ, встрѣчены были съ особымъ сочувствіемъ и пѣлись повсюду юношествомъ. Его юмористическія газеты и календари, гдѣ онъ бичуетъ фанаріотовъ самыми ѣдкими сатирами, хорошо извѣстны вездѣ въ городахъ и деревняхъ. Славейковъ издалъ также

---

[8]) Стояновъ учился въ Прагѣ и писалъ тамъ въ чешскихъ журналахъ много о своемъ отечествѣ. — Секретаремъ теперь Т. Нейовъ.

научныя сочиненія. собранія народныхъ пѣсенъ и пословицъ, драгоцѣнныя философическія. историческія и географическія сочиненія, отличающіяся также чистымъ слогомъ. Онъ писалъ, какъ почти всѣ болгарскіе писатели, и для школы. Славейковъ могъ-бы сдѣлаться болгарскимъ Вукомъ: къ сожалѣнію. до сихъ поръ ему несуждено было выступить съ большимъ самостоятельнымъ трудомъ: его работы почти всѣ разсѣяны по періодическимъизданіямъ. Въ послѣдніе годы онъ трудился надъ многотомною географіею Болгаріи. которой никто такъ не знаетъ какъ онъ.

Рядомъ съ Славейковымъ, изъ поэтовъ Болгаріи слѣдуетъ прежде всего назвать *Найдена Герова* изъ Копривштицы. ученика Неофита рыльскаго. Онъ учился въ Одессѣ, былъ потомъ учителемъ въ Филиппополѣ, гдѣ затѣмъ занималъ должность русскаго вице-консула [9]). Поэтомъ былъ также *Ксенофонтъ* (Райко) *I. Жинзифовъ* изъ Велеса (род. 1839 года † 1877), учившійся въ Москвѣ; былъ профессоромъ греческаго языка въ тамошнемъ лицеѣ цесаревича Николая. Его „Новобългарска сбирка“ (Москва 1863 г.) содержитъ въ себѣ, рядомъ съ оригинальными поэтическими произведеніями, также переводы Слова о полку Игоревѣ, краледворской и зеленогорской рукописей и нѣсколькихъ пѣсенъ Кобзаря Шевченки, — все на македонскомъ нарѣчіи.

Много труда приложили Болгаре на разработку своей народной поэзіи, на значеніе которой Венелинъ впервые обратилъ ихъ вниманіе [10]). Изъ собирателей извѣстнѣе

[9]) Геровъ также работаетъ надъ болгарскимъ словаремъ. Первыя три буквы его лексикона появились въ видѣ опыта въ Москвѣ въ 1853 г. въ Извѣстіяхъ Моск. университета.

[10]) Вукъ (см. выше) Богоевъ, Бжлг. народ. пѣсни. Пештъ 1842. Григоровичъ въ Загребскомъ Kolo IV. (1847) Сборникъ Герова и Палаузова въ Памятникахъ Срезневскаго (Спб. 1852). П. Безсоновъ, Болг. пѣсни. Москва 1855 (Два тома, главнымъ образомъ сборникъ Венелина), Верковичъ, Жен. Песме макед. Бугара, Бѣлградъ 1860. К. и Д. Миладиновы, Бжлг. нар. пѣсни. Загребъ 1861 г. Каравеловъ. Пам. нар. быта Болгаръ. Москва 1861, Чола-

всѣхъ братья *Константинъ* и *Димитръ Миладиновы* (стр. 718) [11]). Преемника они нашли въ учителѣ *Василіѣ Чолаковѣ* изъ Панагюришта, нынѣ монахѣ Рыльскаго монастыря: однако, его сборникъ далеко уступаетъ Миладиновскому. Боснякъ *Стефанъ Верковичъ*, живущій около 30 лѣтъ въ Сересѣ, издалъ въ 1860 г. лирическія народныя пѣсни изъ Македоніи. Затѣмъ опубликовалъ въ 1874 г. въ Бѣлградѣ 15 пѣсенъ о поселеніи Славянъ на полуостровѣ, о свадьбѣ солнца съ дѣвою Вълканою, о королѣ Талатинѣ и объ Орфеѣ. Эти эпическія произведенія, собранныя, какъ говорятъ, изъ устъ родопскихъ Помаковъ, носятъ слѣдующее полное претензій названіе: „Веда Славянъ. Болгарскія народныя пѣсни изъ до-историческихъ и до-христіанскихъ временъ". Но уже полное отсутствіе всякаго метра свидѣтельствуетъ, что эти Веды никогда не ѣлись народомъ, и даетъ намъ право считать это открытіе литературною мистификаціею, какъ оно и считается въ Болгаріи [12]).

ковъ, Бълг. нар. сборникъ І. Болградъ 1872. Aug. Dozon, Бълг. нар. пѣсни. Chansons populaires bulgares. Paris 1875, съ франц. переводомъ и лексикономъ. Очень много разбросано по періодическимъ изданіямъ.

[11]) Димитріемъ написано кромѣ того стихотвореніе въ Бълг. Книжицахъ 1858, Константиномъ нѣсколько статей въ «Братскомъ Трудѣ».

[12]) Въ подлинности болгарскихъ «Ведъ» особенно горячо защищаемой ученымъ Полякомъ Алекс. Ходзько, профес. въ Парижѣ, впервые сталъ сомнѣваться проф. Луи Лежe (см. въ особенности его статью: Un essai de mystification littéraire. Le Veda Slave. Bibl. univ. et Revue Suisse. Lausanne Fevrier 1876); въ славянскомъ мірѣ, гдѣ эти произведенія вообще были мало извѣстны, впервые обратилъ вниманіе на эту мистификацію Іосифъ Иречекъ въ засѣданіи корол. чешск. общества наукъ 17 декабря 1874 года. Кажется, что по этому поводу возникнетъ совершенно безполезно цѣлая литература. Наше мнѣніе вкратцѣ таково. Уже a priori можно основательно сомнѣваться, чтобы въ Родопѣ, которая съ Мельника до Цѣпины была постоянно потрясаема столь многочисленными походами Византійцевъ, Болгаръ, Сербовъ и Турокъ, въ народной памяти могли сохраниться столь древнія эпическія поэмы объ Орфеѣ, Александрѣ, о пришествіи Болгаръ и т. д. Кромѣ того Родопа слишкомъ хорошо знакома, чтобы такія замѣчательныя и, какъ говорятъ, столь распространенныя пѣсни могли остаться неизвѣстными. Нео-

Лучшимъ новеллистомъ слѣдуетъ признать извѣстнаго по политической дѣятельности *Любена Каравелова* изъ Копривштицы. Онъ учился въ Москвѣ, гдѣ (въ 1861 году) издалъ томъ народныхъ пѣсенъ; жилъ затѣмъ между Сербами, пока въ 1868 г. не поселился въ Букарестѣ. Кромѣ многочисленныхъ повѣстей, онъ упражнялся на поприщѣ лирики и драмы; онъ писалъ также по сербски и по русски. *Василій Друмьевъ*, съ 1874 года епископъ Климентъ, суффраганъ рущукскаго митрополита, сочинилъ романъ изъ временъ Кирджаліевъ „Несчастное семейство" и удавшуюся драму „Иванко, убійца Асѣня".

Первую оригинальную комедію „Михаилъ" написалъ учитель *Сава Х. Доброплодный*. Первую попытку постановки на сцену болгарской драмы сдѣлалъ 10 лѣтъ тому назадъ

фитъ рыльскій самъ изъ Родопы, да и Захаріеву были хорошо извѣстны эти горы и ихъ обитатели, магометане; однако ни одинъ изъ нихъ или вообще кто бы ни былъ изъ Болгаръ, не говоритъ ни слова о подобныхъ пѣсняхъ изъ доисторическаго времени. Миѳологія Ведъ, кромѣ того, представляетъ такихъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ неслыханныхъ боговъ, какъ Вишну и даже Коледу. (См. стр. 96). Метра въ этихъ «пѣсняхъ» нѣтъ никакого. Въ нестромъ безпорядкѣ тамъ чередуются 8-ми, 6-ти, 12-ти 10-ти даже и 15-ти сложныя строки. Неизвѣстный авторъ, впрочемъ, не ограничился сочиненіемъ новыхъ поэмъ, но по своему переиначилъ извѣстныя всѣмъ народныя пѣсни. Пѣснь о бракѣ солнца съ Укланою, имѣющая 1028 стиховъ, ничто иное, какъ многорѣчивая, фантастическая передѣлка знакомой многимъ въ Болгаріи пѣсни о бракѣ солнца съ дѣвою Маріею, пѣсни состоящей всего изъ 133 строкъ и уже обнародованной Раковскимъ, Дозономъ (по транскрипціи Славейкова) и критически Дриновымъ. (Периодическо списание XII, 153). Въ четырехъ пѣсняхъ о царѣ Талатинѣ, изъ которой одна въ 1542 стихахъ узнается легко парафраза столь извѣстныхъ Сербамъ и Болгарамъ пѣсней о царѣ Латининѣ и о персонификаціи западныхъ королей. Неподлинными слѣдуетъ признать и неметрическія пѣсни Верковича въ Дозоновомъ сборникѣ стр. 120, 128, 134, 135 и т. д. По всему вѣроятію, самъ Верковичъ невиновенъ въ поддѣлкѣ; судя по изложенію г. Дозона, защитника Ведъ (Premier rapport sur une Mission littéraire in Macédoine. Archives des Missions французскаго министерства народнаго просвѣщенія, 1874), объ этомъ могъ-бы дать свѣдѣнія бывшій крушовскій учитель, доставившій Веды Верковичу за большія деньги

заслуженный учитель *Добріо Поповъ Войниковъ* въ Шуменѣ, авторъ ряда драматическихъ произведеній. Комедію „Епископъ Ловечскій“ напечаталъ въ 1963 г. болградскій учитель *Ѳеодосій Икономовъ* изъ Свиштова. Съ 1870 г. непрерывно появляются оргинальныя драмы Блъскова, Фингова, Шишкова, Станчева, Шишманова, Величкова, Владыкина и т. д.

Хорошимъ переводчикомъ изъ Фенелона, Бульвера, Скриба и др. оказался *Никола Михайловскій* изъ Елены (учился въ Москвѣ), чиновникъ турецкаго министерства народнаго просвѣщенія: онъ считается лучшимъ болгарскимъ стилистомъ. Изъ прежнихъ переводчиковъ назовемъ д-ра *Димитрія Мутьева* изъ Калофера, директора болградской гимназіи († 1864), и его сестру *Елену Мутьеву* († 1857). Въ послѣднее пятилѣтіе молодые писатели перевели Мегоре Вольтера, нѣсколько драмъ Мольера, Лукрецію Борджіа В. Гюго, Эмилію Галотти Лессинга, Путешествія вокругъ совѣта Верна и много др. *Нешо Бончевъ* изъ Панагюришта (род. 1830 † 1878) былъ преподавателемъ греческаго языка въ Москвѣ. Отличный стилистъ, онъ перевелъ Разбойниковъ Шиллера и Тараса Бульбу Гоголя; онъ-же былъ главнымъ представителемъ литературной критики, въ которой сильно нуждается молодая болгарская письменность.

Переходя къ научной литературѣ мы должны упомянуть прежде всего о *Георгіѣ Стойковѣ Раковскомъ* изъ Котла (1818—1868). Онъ учился въ Константинополѣ, въ Аѳинахъ, Парижѣ и жилъ, въ качествѣ вѣчно преслѣдуемаго агитатора и журналиста, въ Валахіи, Австріи, Сербіи или Россіи: былъ даже однажды гайдукомъ въ Балканѣ. Очень популяренъ его „Горскій Пѫтникъ“ (1857). Въ его ученыхъ сочиненіяхъ, въ описаніи болгарской народной жизни (Показалецъ или Рѫководство 1859), въ его „Асѣнѣ I и II“

(Бѣлградъ 1859) и въ „Българской Старинѣ“ (Букарестъ 1859) можно найти въ грудѣ накопленнаго безъ плана матеріала много очень драгоцѣннаго; фантазія и чрезмѣрный патріотизмъ, къ сожалѣнію, постоянно въ немъ преобладали. Онъ писалъ наполовину старословѣнскимъ языкомъ, безъ членовъ.

Гавріилъ Крстіовичъ изъ Котла, воспитанникъ парижскихъ школъ, прежде Вогоридіевъ каймаканъ въ Самосѣ, нынѣ членъ высшаго суда въ Константинополѣ, занимается съ 1837 г. историческими, филологическими, политическими и популярными сочиненіями на пользу просвѣщенія своего народа: словомъ и перомъ боролся онъ за національную церковь. Свою Болгарскую исторію (I томъ, Константинополь 1871 г.), онъ, по несчастію, началъ съ того, что объявилъ Гунновъ предками Болгаръ. Статскій совѣтникъ русской службы *Спиридонъ Николаевичъ Палаузовъ* († 1872), сынъ одного изъ основателей габровской школы, учился въ Боннѣ и Мюнхенѣ; его историческія работы о Болгаріи написаны большею частью на русскомъ языкѣ. Очень драгоцѣнна часто цитированная нами монографія о Татаръ-Пазарджикѣ *Стефана Захаріева* († 1871) (стр. 69).

Виднѣйшимъ ученымъ болгарскимъ нужно признать *Марина С. Дринова*. Онъ родился въ 1838 г. въ Панагюриштѣ, учился въ Москвѣ, жилъ, въ качествѣ воспитателя въ одномъ русскомъ семействѣ, семь лѣтъ на западѣ, занималъ съ 1871 г. каѳедру славистики въ Харьковскомъ университетѣ, а теперь вице-губернаторъ въ Софіи. Его болгарская церковная исторія, его древнѣйшая исторія Болгаръ (1869), также какъ и его „Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами“ (1871), часто упоминались въ нашей книгѣ. Много историческихъ и филологическихъ статей помѣстилъ онъ въ изданіи Браиловскаго общества. Остроумная критика источниковъ и безпристрастный взглядъ,

соединенный съ основательностью и ясностью — вотъ отличительные признаки его работъ.

Совершенно своеобразной книгой являются записки гайдуцкаго воеводы *Панайота Хитова* (Букарестъ 1872 г.). Составленныя человѣкомъ, научившемся писать только въ позднемъ возрастѣ, онѣ представляютъ почти романическое описаніе своихъ и чужихъ приключеній [13]).

Въ филологическихъ сочиненіяхъ Болгаре не чувствуютъ недостатка: впрочемъ, ихъ достоинство не пропорціонально числу. Кромѣ уже названныхъ филологовъ, нужно упомянуть еще *Драгана Цанкова* изъ Свиштова (теперь вице-губернаторъ въ Трновѣ), издавшаго въ 1852 г., подъ руководствомъ профессора Миклошича, Болгарскую грамматику на нѣмецкомъ языкѣ, далѣе *Н. Груева*, *Ивана Н. Момчилова* и рано умершаго *Николу Прванова* изъ Лома († 1872), ученика сербскаго филолога Даничича.

Всѣ отрасли литературнаго производства обнимаетъ собою дѣятельность доктора медицины *Ивана А. Богорова*, изъ Филиппополя, который съ 1842 г. издавалъ газеты, народныя пѣсни, географіи, описанія путешествій, грамматики и т. д. Слѣдуетъ указать на его хорошій французско-болгарскій (2 изд. 1872 г.) и негодный болгарско-французскій словарь.

Популярная и школьная литературы, состоящія большею частью изъ переводовъ съ французскаго, англійскаго и русскаго языковъ, очень обширны. Главная заслуга здѣсь принадлежитъ книгопродавцамъ: *Хр. Г. Данову* (изъ Клисуры въ Средней-Горѣ), который, между прочимъ, издалъ большую карту Турціи (1863 г., 4 листа) и *Д. В. Манчеву* (изъ Батака), далѣе учителямъ *Груеву*, *Шишкову*, *Раду*-

[13]) Смотр. стр. 552.

лову, доктору *Стоянову-Берону* и др. О церковныхъ дѣлахъ писали епископы *Наѳанаилъ Стояновичъ* охридскій и *Григорій Цъмцовъ* рущукскій. По инциціативѣ американскихъ миссіонеровъ библія, надъ которой Elias Riggs трудился 11 лѣтъ, была переведена на новоболгарскій языкъ: они-же сами пишутъ по болгарски: *Ц. Ф. Морсъ* (C. F. Morse) составилъ грамматику и болгарско-англійскій словарь.

Начало болгарской журналистикѣ положилъ *Фотиновъ* своимъ „*Любословіемъ*" (Смирна, 1844—1846). Политическую газету „*Българскій Орелъ*" (позднѣе Българскій народенъ извѣстникъ) началъ издавать въ 1846 г. въ Лейпцигѣ Богоровъ. Въ 1849 г. онъ положилъ начало въ Константинополѣ „*Цариградскому Вѣстнику*", который продолжался подъ руководствомъ Экзархова до 1861 г. Со времени возникновенія церковнаго вопроса, журналистика пріобрѣла большое могущество. Въ самомъ Константинополѣ работали Цанковъ, Балабановъ, Ѳ. Стояновъ-Бурмовъ, Михайловскій, Найденовъ и Славейковъ, въ то время, какъ эмигранты въ Букарестѣ, на первомъ планѣ Раковскій и Каравеловъ, боролись въ своихъ газетахъ не только съ фанаріотами, но и съ Турками [14]).

---

[14]) A) Въ Константинополѣ: *Български Книжици* 1858—1861 (редакт. Мутьевъ, Богоровъ, Кретіовичъ и Стояновъ-Бурмовъ. *Българія* 1859—1861 (ред. Цанковъ), Михайловскаго *Съвѣтникъ* 1863—1865, Бурмова *Време* 1865—1866, Найденова *Право* 1867—1872. Славейковъ редактировалъ юмористическіе *Листки, Пчелицу* (1861), *Гайду* 1863—1865, *Шутошъ* 1873 и политическую еженедѣльную газету *Македонія* 1867—1872. Органомъ американскихъ миссіонеровъ была *Зорница* 1864—1871: правительственнымъ листкомъ была *Турція* 1864—875. *B*) За границей: Ежемѣсячный журналъ *Мірозрѣніе*, при пособіи министра Баха, издавалъ въ Вѣнѣ авантюристъ Добровичъ 1850-1851 съ необыкновенной орѳографіей; онъ продолжалъ его въ Букарестѣ. (*Мірозрѣніе* или *Български Инвалидъ* 1870—1871). Газеты Раковскаго: *Българска Дневница* въ Новомъ-Садѣ 1875, франц.-болг. *Дунайскій Лебедь* (Бѣлградъ

Въ 1875 г. Болгаре имѣли 14 періодическихъ изданій: въ Константинополѣ выходили четыре большія газеты: Найденова *Напрѣдъкъ*, Англичанина Наиlд *Источно Време*, Балабанова *Вѣкъ*, далѣе *День*, беллетристическій ежемѣсячный журналъ *Читалище* (съ 1870 г. редакт. Цанковъ) и богословскій *Вѫскресникъ*. Въ Букарестѣ издаются политическое *Знаме*, беллетристическое *Знаніе* сельско-хозяйственный *Ступанъ* и педагогическій *Училище*: въ Браиловѣ — научное *Периодическо Списание*. *Дунавъ* въ Рущукѣ, *Одринъ* въ Адріанополѣ и *Солунь* въ Солоникѣ — правительственныя газеты (съ 1864 г.).

Въ Турціи болгарскія книги могли печататься только въ Константинополѣ и Рущукѣ. Заводить типографіи въ другихъ мѣстахъ при состояніи печати и цензуры было невозможно.

Внѣ Турціи болѣе всего печатаютъ въ Румыніи и Вѣнѣ, гдѣ І. С. Ковачевъ имѣетъ болгарскую печатню. Центръ книжной торговли въ Филиппополѣ: тамошнія фирмы Данова и Манчева имѣютъ свои конторы по всей странѣ. Въ Константинополѣ общество „Промышленіе" имѣетъ типографію и книжный магазинъ.

Новоболгарская литература представляетъ нынѣ болѣе 800 книгъ и 51 періодич. изданій: среднимъ числомъ еже-

1860—62), рум.-болг. *Бѫдѫщность* (Букар. 18[illegible]4). Андрича *Востокъ* (Бѣлградъ 1865). Въ Букарестѣ *Народность* 1866—1869; *Свобода* 1870—72, *Независимость* 1873—1874, рум.-болг. *Отечество* 1869—1871 (консерв.); и юмористическіе *Тѫпанъ* 1869—1870, *Будилникъ* 1873, въ Браиловѣ Ваклидова *Бълг. Пчела* 1873—1874 и Войникова *Дунавска Зора* 1866—1869. Научные и беллетристическіе: *Братскій Трудъ* 1860—1862 въ Москвѣ; прекрасное ежемѣсячное изданіе Икономова *Общий Трудъ* 1868, въ Болградѣ; Богорова *Журналъ* 1868 въ Бѣлградѣ и *Книговище* 1874 въ Вѣнѣ Запрянова *Зорница* 1864 и *Пѫтникъ* 1870—1871 въ Браиловѣ; наконецъ Блескова *Духовни Книжки* 1867 (Болградъ) и *Градинка* 1874.

годно выходитъ въ свѣтъ до 50 сочиненій. Нельзя не признать въ молодой литературѣ извѣстной незрѣлости, происходящей отъ недостаточнаго или односторонняго образованія большинства писателей: впрочемъ, оригинальныя работы послѣднихъ лѣтъ оправдываютъ большія надежды на будущее.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Жилища и численность Болгаръ.

Жилища Болгаръ обнимаютъ древнія страны Мизію, Ѳракію и Македонію, или, по новѣйшей турецкой терминологіи, вилайеты: Дунайскій, Адріанопольскій, Салоникскій и Битольскій и, кромѣ того, еще часть Бессарабіи. Они занимаютъ, такимъ образомъ, въ совокупности, территорію приблизительно въ 4000 квадр. миль.

Пограничная линія области, населенной говорящими болгарскимъ языкомъ, совпадаетъ на сѣверѣ съ нижнимъ Дунаемъ отъ его устьевъ до Видина; затѣмъ она переходитъ по сушѣ къ Тимоку, идетъ по сербской границѣ, которую она рѣдко переходитъ, и поворачиваетъ къ югу только у Прокопія на Топлицѣ. Идя вдоль высотъ по лѣвому краю Моравской долины, она обходитъ городъ Враню, достигаетъ Черной-горы, тянется вдоль Шара, захватываетъ верхнюю Дибру и заканчивается на восточномъ берегу Охридскаго озера у села Липа. Страна на югъ отъ Охридскаго и Преспанскаго озеръ, Корчанская долина и долина рѣки Дѣвола имѣютъ смѣшанное населеніе (Албанцы, Болгаре и Влахи). Далѣе граница направляется отъ Дѣвола чрезъ Касторійское озеро, города Влахо-Клисуру, Нѣгушъ, Солунь, Ересь (Сѣръ), захватывая тамъ окрестности Драмы и примыкая къ южному склону Родопы [1]), оттуда идетъ на Димотику, Узункюпри, Бунаръ-Гиссаръ (у Киркилиссы, называвшейся по болгарски также Лозенъ) и Малый Самоковъ до Чернаго моря. Кромѣ того, болгарскія поселенія приближаются въ настоящемъ столѣтіи все ближе къ столицѣ. Изолированныя болгарскія села

---

[1]) При Деде-Агачѣ, исходномъ пунктѣ желѣзной дороги отъ Адріанополя до Эгейскаго моря, находятся нѣкоторыя болгарскія деревни (напр. Дербендъ).

находятся уже у Родосто, Сарая, Чорлу и въ особенности у Деркоса. Въ самомъ Константинополѣ (по болгарски Цариградъ) живетъ очень много Болгаръ.

Въ *Россіи* Болгаре обитаютъ въ губерніяхъ Херсонской, Бессарабской и Таврической. Въ Одессѣ, надобно полагать, проживало много Болгаръ, такъ какъ существуетъ улица, называемая «болгарскою». Кромѣ того, Болгаре поселены въ Одесскомъ уѣздѣ въ бывшихъ колоніяхъ Кошковѣ, Катаржиной, Кубанкѣ, Большомъ и Маломъ-Буялыкѣ; въ Парканахъ, Бендерскаго уѣзда, въ Терновкѣ близь Николаева, въ Крыму — въ Старомъ Крымѣ, Кишлавѣ и Балта-Чокракѣ.

Колоніи въ Бессарабіи, населенныя Болгарами, носятъ слѣдующія названія: Дезгинджe, Комратъ, Чокъ-Мейданъ, Кирсово, Бешалма, Томай, Ферапонтьевка, Авдарма, Башкалія, Джолтай, Бешгіозъ, Гайдаръ, Баурчи, Кюретне, Чадыръ-Лунга, Валенерже, Твардица, Киріетъ-Лунга, Новотроянъ, Ивановка, Девлетъ-Агачъ, Купаранъ, Чумлекіой, Дюлеменъ, Исерлія, Димитровка, Саталыкъ-Хаджи, Чішія, Тараклія, Кайраклія, Татаръ-Копчакъ, Казаяклія, Болгарія, Кубей, Кальчова, Голица, Пандаклія, Гассанъ-Батыръ, Задунаева, Кодъ-Китай, Селіогло, Главанъ, Бургуджи, Дельжелеръ, Камчикъ, Кулевче. Этими бессарабскими болгарскими колоніями управлялъ съ особенною заботливостью Болгаринъ коллеж. совѣт. И. С. Ивановъ, нынѣ сливенскій губернаторъ.

Колоніи въ Таврической губерніи: Преславъ, Банова, Трояновъ, Николаевка 2-я, Андреева, Палаузова, Софіевка, Елисаветовка, Радоловка, Гюневка, Нельговка, Зеленая, Романовка, Вячеславовка, Маріина, Мануилова, Діянова, Низовка, Райновка, Строгоновка, Цареводаровка, Богдановка, Степановка, Анновка, Николаевка 1-я, Петровка, Федоровка, Еленовка, Варваровка, Надеждина, Деневка, Гаммовка, Царицына, Георгіевка, Дунаевка, Гирсовка, Волканешти, Дмитровка, Александровка, Болградъ, Терновка.

Всѣ болгарскія колоніи, состоявшія подъ управленіемъ бывшаго попечительнаго комитета объ иностранныхъ переселенцахъ южнаго края Россіи, съ упраздненіемъ этого учрежденія и измѣненіемъ ихъ поземельнаго положенія, перешли въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, и прежніе колонисты теперь называются поселянами собственниками.

Въ *Румыніи*, въ румынской Бессарабіи, затѣмъ въ городахъ Галацѣ, Браиловѣ, Плоештахъ, Бухарестѣ, Ольтеницѣ, Журжевѣ, Александріи и Крайовѣ, гдѣ они, однако, не смотря на существованіе тамъ и сямъ болгарскихъ церквей и школъ, легко романизуются. Въ *Сербіи* первоначально вся

область Тимока была болгарская: теперь болгарскій элементъ сохранился въ чистотѣ только въ немногихъ селахъ [2]). Въ *Венгріи* есть болгарскія колоніи въ Банатѣ (стр. 615) и нѣкоторые остатки въ Семиградской области (стр. 612). Въ *Малой Азіи* есть одна болгарская деревня Кизъ-Дербендъ (съ XVII ст.) между Никомедіей и Никеей.

Болгаре, въ особенности македонскіе, развѣтвляются еще теперь на многія племена, которыя можно распознать по нарѣчію и одеждѣ и которыя иногда очень древняго происхожденія. *Міяци* живутъ въ долинѣ Радики (28 селъ, 3000 домовъ, $^1/_3$ магометанъ) и Крушовѣ; *Поленци*— въ Верхней-Дибрѣ; *Брсяци* (стр. 147) въ Преспѣ и около Битоля, Прилѣпа, Велеса; *Бабуны* у Бабуны; *Копановцы* въ окрестностяхъ Скопія и Куманова; *Піянци* (стр. 138) на истокахъ Брѣгальницы. *Поливаковцы* развѣтвляются на *Горно-Полѣници* въ Могленѣ и у Острова, Водена и Нѣгуша и *Долно-Полѣнци* — около Вардаръ-Енидже. Отъ Бѣласицы до Мельника простираются села *Сираковцевъ*; на Будковомъ озерѣ находимъ *Аризвановцевъ*. *Шопы* (стр. 137) живутъ у подошвы Витоша и Рыла, во всей горной мѣстности между Кратовомъ, Софіей (болг. Срѣдецъ) и Пиротомъ (тур. Шаркіой). Въ Родопѣ встрѣчаемъ *Марвацевъ*, между Сересомъ, Валовиштой и Неврокопомъ, *Арянъ* (магомемежду Неврокопомъ и Татаръ-Пазарджикомъ. *Рупцевъ* по всей восточной Родопѣ. Объ этихъ племенахъ писали Шафарикъ (III, 72), Григоровичъ и Верковичъ (гл. I, прим. 45).

По всей Болгаріи разбросаны поселенія двѣнадцати другихъ народностей.

Греки (по болг. Гърци) живутъ въ Мельникѣ, въ Филиппополѣ (болг. Пловдивъ), въ Станимакѣ и трехъ сосѣднихъ селахъ Ампело, Водина, Кукленъ, въ Адріанополѣ (болг. Одринъ) и нѣкоторыхъ близкихъ мѣстностяхъ. На Черномъ морѣ ихъ встрѣчаемъ въ Созополѣ, Бургасѣ, Анхіалѣ, Месемвріи, Варнѣ, хотя и здѣсь есть болгарскія общины; далѣе, приблизительно въ 20 прибрежныхъ селахъ (Варненскій санджакъ,

[2]) По Миличевичу (Сербія, 923) болгарскій языкъ еще въ употребленіи въ самомъ Зайчарѣ, Грлянѣ и въ Великомъ Изворѣ (чисто-болгарскія народныя пѣсни оттуда, ibid. 931—938). Въ уѣздахъ Алексинацкомъ, Княжевацкомъ, Црна-рѣчкомъ и Краинскомъ сербское нарѣчіе еще перемѣшано съ многими болгаризмами: см. тамошнія народныя пѣсни у Миличевича, Сербія 858, 923 съ слѣд.

3421 человѣкъ: уединенно стоитъ греческое село Алибейкіой около Тульчи (Тульчинскій санджакъ, 217 душъ мужескаго пола). Греческаго-же происхожденія, вѣроятно, *Гагаузы*, говорящіе, подобно малоазіатскимъ *Караманліямъ* и *Базарянамъ* на Азовскомъ морѣ, по турецки, какъ на природномъ языкѣ, причемъ пишутъ греческимъ алфавитомъ. Они живутъ у мыса Эмине, въ Варнѣ и всѣхъ гаваняхъ Добруджи и разсѣянно въ Бессарабіи.

Южные Румыны (Влахи, Цинцары и проч. стр. 140, 288), числомъ до 200.000 челов. населяютъ преимущественно Пиндъ до Дѣвола. Между Болгарами ихъ поселенія находятся въ окрестности Перистери (Турново, 400 семействъ, Магарово, Неджополе, Гопеште, Моловиште, Драгово, Нисодери, Невѣска, Бели-Камень), въ городахъ Влахо-Клисурѣ (1000 семействъ) и Крушевѣ (стр. 590), въ Могленѣ, гдѣ пять румынскихъ селъ, обращенныхъ въ прошломъ столѣтіи къ исламу, около Прилѣпа (1 село), на Пернарѣ (Пангай). Меньшія влашскія общины въ Касторіи, Солуни, Сересѣ, Охридѣ (110 домовъ), Рѣзнѣ (100 домовъ), въ Битолѣ, Прилѣпѣ (150 чел.), Велесѣ (80 сем.), Кичевѣ и т. д. Влашскіе пастухи, наз. *Каракачани*, проводятъ зиму у Эгейскаго моря, лѣтомъ странствуютъ по высокимъ горамъ, достигая иногда Троянъ-Балкана. Доселѣ Влахи держали сторону Грековъ и сильно погречивались: теперь ихъ охватило національное румынское, антигреческое движеніе, именно въ Влахо-Клисурѣ, Крушевѣ и при Пиндѣ. Въ 1874 году было и на Пиндѣ уже 7 румынскихъ школъ (въ Влахоклисурѣ, Неджеполѣ, Гопеште, Крушевѣ, Охридѣ, въ Старомъ Абелѣ у Пинда и въ Новомъ Абелѣ между Веріей и Вожаном [3]). *Сѣверные Румыны* живутъ большими колоніями на правомъ берегу Дуная у Видина (14690 душъ муж. пола въ 26 селахъ: частью уніаты) и въ Добруджѣ (15512 душъ муж. пола), меньшими у Орѣхова и Никополя. Въ Дуна-вилайетѣ насчитываютъ ихъ вообще 30702 души муж. пола. Обозначенныя на многихъ картахъ густыя поселенія Румынъ около Враны, по Славейкову и Каницу, есть ни на чемъ не основанная выдумка. Напротивъ, въ Сербіи — 127.326 Румынъ (Rad. XI. 249). Они дѣлятся на туземцевъ *Царанъ* (цара = terra) и на *Унгуренъ*, переселившихся во время владычества Австрійцевъ (1718—39) и позже изъ Баната, Трансильваніи и Валахіи въ горный край между Моравою и Тимокомъ.

[3]) Picot, Les Roumains de la Macédoine. Paris 1875.

Албанцы (по болгарски Арбанаси, по турецки Арнаутъ) граничатъ съ Болгарами отъ Прокопія до Дѣвола. Отдѣльныя села встрѣчаются на правомъ берегу Моравы (Мазурица), на Карадагѣ, на Шарѣ въ равнинѣ Тетовской около Крушева, въ Дебърцѣ (стр. 61) и т. д.; въ Арнаутъ-кіоѣ около Разграда (стр. 588). Малко и Голѣмо Арбанеса въ Родопѣ теперь болгарскія. Число Албанцевъ въ Турціи доводятъ до 1.300.000.

Турки (Османли) встрѣчаются въ каждой крѣпости или въ большихъ городахъ. Главныя ихъ поселенія въ южной Добруджѣ отъ Разграда и Шумена до моря. Впрочемъ, на послѣднихъ этнографическихъ картахъ количество ихъ очень преувеличено, такъ какъ около Шумена и Провада, въ Эски-Джумѣ и на побережьѣ у Варны, Балчика, Мангаліи и Кюстенджи живутъ не въ маломъ числѣ Болгаре. Много турецкихъ селъ въ Тузлукѣ и Герловѣ (стр. 620), въ восточной Ѳракіи, около Татаръ-Пазарджика, на среднемъ теченіи Струмы. *Юрюки* живутъ въ Могленѣ у Солуня и въ береговыхъ равнинахъ на югъ отъ Родопы. *Коньяры* на озерѣ Островскомъ. Число Турокъ обыкновенно чрезмѣрно увеличиваютъ присоединеніемъ къ нимъ вообще магометанъ, а именно, магометанскихъ Болгаръ, Босняковъ (Сербовъ), Албанцевъ, Татаръ и Черкесовъ; собственно Турокъ (въ томъ числѣ и проживающихъ въ Константинополѣ) не болѣе 1 милліона. *Татары* (болѣе 50.000) поселились въ прошломъ столѣтіи въ сѣверной Добруджѣ, въ послѣднія десятилѣтія въ 20 селахъ у Никополя и въ 18 у Видина, гдѣ они нынѣ часто одѣваются по болгарски и по болгарски-же говорятъ. Они большею частью земледѣльцы и садоводы. *Черкесы* (до 150.000 душъ) живутъ на Дунаѣ, на Балканѣ, у сербской границы и въ восточной Ѳракіи; въ Дуна-вилаетѣ, исключая санджаковъ Нишскаго, Трновскаго и Софійскаго, ихъ насчитываютъ 30,573 души муж. пола.

Цыгане (стр. 492), частью номады, частью селяне, попадаются въ каждой мѣстности. Въ Дунайскомъ вилайетѣ ихъ 7559 христіанъ, 24.835 магометанъ (мужчинъ), въ Адріанопольскомъ вилайетѣ 1626 христіанъ, 22.709 магометанъ (мужчинъ), изъ нихъ въ Филиппопольскомъ санджакѣ 10.564; во всей Европейской Турціи до 140.000 душъ.

Въ городахъ часто встрѣчаются армянскія и еврейскія общины. *Армяне*, большею частью говорящіе по турецки, употребляя при этомъ въ письмѣ армянскія буквы, живутъ въ Тульчѣ, Рущукѣ, Варнѣ, Бургасѣ, Сливнѣ, Филиппополѣ, Татаръ-Пазарджикѣ и т. д. (Въ Дуна-вилайетѣ 1684 душъ муж. пола, въ Филиппополѣ — 571). *Евреи* (боль-

шею частью испанскіе) имѣютъ свои поселенія въ Тульчѣ, Рущукѣ, Ломѣ, Видинѣ, Врацѣ, Иротѣ, Нишѣ, Софіи, Самоковѣ, Кюстендилѣ, Татаръ-Пазарджикѣ, Филиппополѣ, Ямболѣ и т. д., въ Македоніи — только въ Солунѣ и Битолѣ. Въ Дуна-вилайетѣ 5735 душъ муж. пола (Софійскій санджакъ 2374), въ Адріанопольскомъ вилайетѣ 8216 (въ Филиппопольскомъ санджакѣ 1415 мужчинъ); всего въ Европейской Турціи 95.000 душъ.

Незначительны поселенія *Сербовъ* (Братьевацъ на нижнемъ теченіи Тимока и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у Ниша), *Русскихъ* (староверы) на устьяхъ Дуная (1330 домовъ, Славян. сборн. Спб. 1875, 610), и *Нѣмцевъ* у Тульчи (600 душъ въ 4-хъ селахъ; Peters Oest. Revue 1866, XII, 234). Около Охриды и Битоля нѣтъ сербскихъ колоній, хотя онѣ показываются тамъ на многихъ картахъ.

Число Болгаръ показывается различно, отъ 2—7 милліоновъ: Венелинъ (1838) 2.545.000, Boué 4.500.000, Šafařík (1842) 3.587.000, Гурки (1844) 4.000.000, Jacsić (1874) только 2.000.000, Богоровъ (1851) 5.500.000, Груевъ, Bradaška, Kanitz болѣе 5.000.000, Будиловичъ 5.123.952, нѣкоторыя болг. извѣстія 6.620.000, даже цѣлые 7 милліоновъ. Въ Турціи чиновники сосчитываютъ только взрослыхъ мужчинъ, епископы — только брачныя пары (вѣнчило, брачная чета, а отнюдь не семейная община, стр. 121). Въ 17 епархіяхъ, подчиненныхъ болгарскому экзархату, въ 1875 году этихъ вѣнчилъ насчитывалось около 410 тысячъ (Будиловичъ, Статистич. таблицы распредѣленія Славянъ. Спб. 1875, 16). Впрочемъ, какъ правительственныя, такъ и церковныя исчисленія по многимъ причинамъ не надежны, а восточной Ѳракіи и Македоніи оставляютъ насъ почти безпомощными.

Оффиціальныя числа для Дуна-вилайета (1874) предлагаетъ Лѣтоструй (календарь) Янка Ковачева на 1876 г., стр. 198: санджакъ Тульчинскій 12.720, Рущукскій 114.792, Варненскій 21.359, Трновскій 148.713, Видинскій 121.279, Софійскій 179.920, Нишскій (по Geogr. Jahrbuch Behm'a III, Gotha 1870, стр. 45) 100.625, всего 699.408 Болгаръ (мужчинъ, безъ женщ. и дѣтей обоего пола).

Въ епархіяхъ числится (по болг. газетамъ) въ Рущукъ-Силистрійской 21.038 брачныхъ четъ (округи, въ 1874 г.: Рущукъ 6790, Разградъ 5315, Тутраканъ 571, Силистрія 4682, Тульча 3680), Шуменской 12.000, Трновской 65.000, Ловечской 22.165, Врачанской 28.000, Видинской (1874) 24.357, Софійской 26.885, Самоковской 17.450,

Кюстендильской 22.500, Пиротской 19.000. Нишской 27.500, итого въ Дуна-вилайетѣ 285.893 брачн. пары. При этомъ нужно замѣтить, что церковныя и политическія границы не совпадаютъ. Такъ напр. епархія Трновская обнимаетъ и обѣ Загоры во Өракіи.

Въ *Адріанопольскомъ* вилайетѣ находилось по турецкой оффиціальной статистикѣ 468.527 мужч. православныхъ христіанъ (Свѣтозоръ 1876, 343). изъ которыхъ. однако, слѣдуетъ вычесть Грековъ въ областяхъ. какъ внутреннихъ. такъ и приморскихъ. Санджакъ Филиппопольскій описанъ Груевымъ. Лѣтоструй 1870 и 1872: каза (округъ) Казанлыкъ 11.728 м. (5299 брачныхъ паръ). Желѣзникъ или Эски-Загора — 16.111 (9200), Хаскіой 18.361 (6644). Чирпанъ 14.232 (5397). Филиппополь 63.763 вмѣстѣ съ Греками (22.813 болг. брачн. паръ). Татаръ-Пазарджикъ 41.531 (11.960). Султаньери 102. Ахиръ-Челеби 4517 (1650). — всего 62.963 бр. пары и 170.345 м.. откуда. впрочемъ. слѣдуетъ вычесть нѣсколько тысячъ Грековъ въ Филиппополѣ (въ самомъ городѣ 1480 болгар. брачн. четъ) и въ Станимакѣ. Въ Сливенской епархіи 12.000 вѣнчилъ. въ Адріанопольской 280 болгар. селъ. въ Галлипольскомъ санджакѣ (Behm und Wagner, Bevölkerung der Erde, Gotha 1874. 32) 10.000 мужч. Болгаръ. въ Константинополѣ болѣе 40.000 Болгаръ.

Касательно *Македоніи* въ моемъ распоряженіи слѣдующія данныя: Прилѣпская каза 18.981 мужч. Болгаръ (Шапкаревъ. Читалище 1873). Неврокопская 5168 христ. домовъ (Dozon). Велесская епархія 6415 брачныхъ четъ. Охридская каза 11.500 мужчинъ безъ стариковъ и мальчиковъ (Hahn, Wardarreise 135).

Внѣ Османской имперіи: *Россія* 97.032 (Будиловичъ), *Венгрія* 26.000 (Ficker). *Румынская Бессарабія* до 50.000, остальная Румынія до 100.000. Сколько Болгаръ въ Сербіи — вовсе неизвѣстно.

Что касается вѣроисповѣданія. то магометанскіе Болгаре *(Помаци)* живутъ въ окрестностяхъ Ловча и Плевна (до 100.000 м.). по всей Родопѣ (Султаньери 10.303 м., Ахиръ-Челеби 5821 м.. Неврокопъ 6614 домовъ). у Солуня. вдоль Вардара. въ Могленѣ. Преспѣ и Верхней Дибрѣ. всего около 500.000 душъ. Изъ нихъ только немногіе понимаютъ по турецки. *Католическаго* исповѣданія (34.000) Болгаре банатскіе и до 8000 «павликіанъ» въ Филиппополѣ (400 селъ) и въ 6 окрестныхъ деревняхъ. По турецкимъ даннымъ въ Адріанопольскомъ вилайетѣ было всего 6072 мужч. католиковъ. *Уніаты* живутъ въ Адріанополѣ и

его окрестностяхъ, съ 1874 г. у Солуня (Кукушъ. Вардаръ, Ениджe) и у Свиштова (стр. 465).

Всѣхъ Болгаръ всѣхъ вѣроисповѣданій и во всѣхъ областяхъ я насчитываю 5.500.000 душъ. Наличный матеріалъ не допускаетъ точнѣйшаго исчисленія.

ДОБАВОЧНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Къ стр. 5, строка 8. По измѣренію австрійскаго генеральнаго штаба высота Ртани 1565 метровъ (Generalkarte von Bosnien, Herzegovina, Serbien und Montenegro. Wien 1876).

» 22, » 24. Встрѣчается и форма *Зneполье*, тур. *Изненоль*.

» 31, » 7. Измѣренія инженеровъ австрійскаго генеральнаго штаба показали, что *Люботрнъ* найвысочайшая вершина всего полуострова—3050 метровъ. Затѣмъ слѣдуютъ изъ вершинъ полуострова и принадлежащихъ къ нему острововъ: Олимпъ 2973 метр., Рылъ 2750, Перинъ-Планина 2706, Аспробуни на островѣ Критѣ 2630, Парнасъ (Ліакура) 2621, Дурмиторъ 2606, Тморъ въ Албаніи, св. Илія въ Тайгетѣ (на Пелопоннезѣ) 2470, Марагедикъ въ Балканѣ около 2400, Перистери у Битоля 2350, Витошъ у Срѣдца 2300. Къ нимъ должно причислить и Комъ въ Черногоріи и Корабъ въ Шарѣ, которыя еще не измѣрены.

» 38, » 3. Капаоникъ 2106 метровъ. Карта австрійск. генер. штаба.

» 66, » 6. Dernschwamm. Имя этого путешественника (записки котораго не изданы) пишется въ рукописяхъ Dorenswam, Darnswam, Dernschwam, Ternschwam и пр. Mommsen (Corpus inscr. lat.) пишетъ *Dornschvamm*; его примѣру я послѣдовалъ въ своей Heerstrasse, но затѣмъ я нашелъ печатную церковную книгу 1554 г., посвященную Domino Ioanni Dernschwammo à Radiczin etc.

» 73, » — Преданіе, что древніе обитатели развалинъ у *Бѣлова* назывались *Бешяфарами*, когда древняя Bessapara существовала въ этой мѣстности (см. Heerstrasse, 37), я никакъ не считаю за вымыселъ Захаріева. Преданіе это сложилось вслѣдствіе соприкасанія болгарскихъ поселянъ съ греческими любителями древностей.

» 111, » — Вступленіе на престолъ Тиберія Побѣдоноснаго Іоаннъ Эфесскій считаетъ съ декабря 574 года, когда онъ былъ усыновленъ императоромъ Юстиномъ II и признанъ соправителемъ.

Къ стр. 149, стр. — Городище Драговеть съ древними земляными валами, но отнюдь не стѣнами.

» 246, » 6. «болгарскихъ вельможей IX вѣка». т. е. тѣхъ, которыми послѣ присоединенія запада замѣнялись прежніе туземные начальники колѣнъ.

» 308. » — Должно думать, что изъ числа развалинъ въ долинѣ Вардара, вѣроятнѣе всего съ Просѣкомъ совпадаетъ городище, описанное очевидцомъ Ганомъ въ его «Reise durch die Gebiete des Drin und Wardar», 167—171. На лѣвомъ берегу Вардара, между деревнями Коресяни и Черевецъ поднимается на почти неприступной скалѣ древняя крѣпость съ циклопическими стѣнами и четыреугольною башнею; съ этого мѣста представляется обширный видъ во всѣ стороны; къ Вардару скала круто спускается.

» 371, прим. 31. Ср. Ягича, Slaw. Archiv III (1878) I, стр. 220, гдѣ помѣщено нѣсколько моихъ замѣтокъ по этому вопросу.

» 706, стр. 9. Для переселенія Болгаръ въ Бессарабію была назначена княземъ Горчаковымъ особая комисія, состоявшая изъ дѣств. ст. сов. Озерова, графа Н. В. Адлерберга, Н. Х. Палаузова и С. Н. Палаузова.

» » » 12. Возвращеніе Болгаръ на родину было поручено новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Строгановымъ Н. Х. Палаузову и его товарищу Иванову (теперь сливненскій губернаторъ), которые устроили депутацію отъ возвращавшихся къ императору съ благодарственнымъ адресомъ.

» 727, » 10. Болгарскіе колонисты, отшедшіе къ Молдавіи, въ память полученныхъ отъ Россіи благодѣяній, пожертвовали 30 тысячъ руб. для образованія изъ процентовъ съ этаго капитала въ Россіи 4-хъ молодыхъ Болгаръ, и сумму эту равно какъ и заботу о выборѣ воспитанниковъ предоставили Одесскому Болгарскому Настоятельству. (Въ дѣлахъ Настоятельства за 1861 годъ хранится копія мірскаго приговора колонистовъ). Къ осуществленію этого пожертвованія много содѣйствовалъ Болгаринъ И. С. Ивановъ, по предварительному соглашенію съ Н. Х. Палаузовымъ.

Замѣченныя опечатки и другія поправки.

Страница.	*Прим.*	*Строка.*	*Должно читать:*
27	—	26	Пангаіосъ
78	—	26	Захъ
97	—	17	Влахомъ
100	—	14	Сварунъ
127	4	—	Верковичъ; критически (изъ Панагюриште)
141	6	2	съ сл.: 1) образованіе
146	7	5	сяберъ.
218	11	—	Савы и Дуная
249	8	2	978 году
253	13	2	Чрнчичъ, Краљовица
257	21	2	ἀπετύφλωσε
259	24	1	Владимира
265	3	6	Морозвиздъ
281	—	22	Нифонтъ
294	—	5	Другіе Турки обитали въ XI стол. въ провинціи *Ахридо* на рѣкѣ Ардѣ, въ Родопѣ (Anna Comnena, I. 199 ср. Tafel, Const. Porphyr. XIX, 6).
304	—	23	приступомъ взяли и ограбили Варну и Анхіалъ
309	—	25	исключительно *болгарскихъ* наемниковъ
310	—	24	Вардара. Три года послѣ мира и Бѣлградъ
311	—	1	(въ 1200 году)
»	—	13	пять епархій, которыя со временъ Мортагона
»	—	16	Въ 1203 году.
322	—	9	Три раза съ 1197 года
323	18	1	Слова «Греки..... Латинянъ» слѣдуетъ помѣстить въ текстъ, послѣ прим. 19.
345	—	20	до Алуты, куда со всѣхъ сторонъ вскорѣ начали стекаться колонисты.

Страница.	*Прим.*	*Строка.*	*Должно читать:*
347	—	5	25 мая 1336 года
354	—	16	замокъ Моніакъ на Артѣ
432	—	25	деревни Сушицы
»	43	6	Драгаша
433	—	8	Радослава
435	—	9	Іоанномъ Драгашомъ.
447	—	21	искалъ убѣжище
458	42	1	Туроцъ
460	47	1	Boucicaut
478	25	4	Радостуша
493	18	2	Kaiser. — это ясно.
508	47	1	у Капица; виды Садовца
521	72	5	Косовча

547 Къ прим. 6 прибавить: Дриновъ показалъ несомнительное существованіе носовыхъ звуковъ въ окрестностяхъ Костура, т. е. въ деревняхъ Команичево, Загоричени, Бобништа, Котори, Олишча, Бомбоки, Фотиничишча. Тамъ говорятъ: рендове, йензикъ, гренда, пендесе, мъндра, зъмби, чъмби; другихъ словъ съ ринизмомъ Дриновъ не нашелъ.

563 Къ прим. 31 прибавить: См. стр. 318 о разговорѣ рыцаря Pierre de Bracieux съ царемъ Калояномъ и Болгарами.

597	33	—	Бранкачіана
627	—	2	Брѣзника
632	13	—	изъ села Поломлья
648	26	1	изъ Катраницы.

УКАЗАТЕЛЬ.

I.

ИМЕНА ЛИЧНЫЯ.

А.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

II.

ИМЕНА ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ.

А.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

I.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ш.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

45
46
47
48
ОДЕССА
Днѣстръ
Берладъ
Прутъ
Комратъ
Ялпухъ
Аккерманъ
Монкастро
Серетъ
Кагулъ
Кубей
Текучь
Болградъ
Вильковъ
Ликостомiонъ
Килiйское гирло
Рени
Галацъ
Килия
Измаилъ
Барбошъ
Ос. Змѣиный (Фидониси)
Сулинское гирло
Браиловъ
Мачинъ
Исакча
Сулина
Тульча
Прилавъ
Переяславецъ
Печенѣга
Георгiевское гирло
Бабадагъ
Оз. Разимъ
(Галмирисъ Эзолимни)
Хрсово
Слободзея
Яломица
Черна Вода
Бузео

БОЛГАРІЯ
1878.
Границы по опредѣленію Св. Стефанскаго Мира.
Развалины
Монастырь
Масштабъ 1:3000000
БУКУРЕШТИ
АДРІАНОПОЛЬ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ОДЕССА
БѢЛОЕ (ЭГЕЙСКОЕ) МОРЕ
Мраморное Море
Бѣлградъ
Сегединъ
Темешваръ
Германштадтъ
Фокшаны
Браиловъ
Галацъ
Варна
Шумень
Рущукъ
Плевенъ
Видинъ
Нишъ
Призренъ
Пловдивъ
Салоники
Самоѳраки
Имврозъ
Лимносъ
Ѳасосъ
Митилини
Скопелосъ
Скиросъ
Янина
Лариса
Картограф. Заводъ Эд. Гельцеля въ Вѣнѣ.

670
671

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 06 07 12 012 0